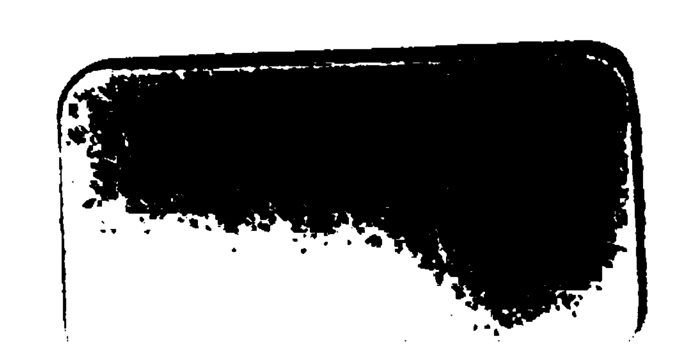


ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ОЧЕРКА СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(ДО XIII СТОЛѢТІЯ).

1888.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета 30 мая 1888 года.

(Изъ Ученыхъ Записокъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 1888 г.).

Предисловіе.

Предпринимаемое изданіе имѣетъ цѣлью дать русскому обществу доступное чтеніе, которое въ одно время удовлетворяло бы какъ потребностямъ университетскаго юношества, такъ и образованной публики, интересующейся историческимъ знаніемъ.

По предположенному плану два большихъ тома должны быть посвящены исторіи среднихъ вѣковъ, изъ коихъ первый доведенъ до XIII столѣтія, — второй до XVI, а четыре тома—новой и новѣйшей исторіи.

Основаніемъ изданія послужили университетскія чтенія автора, нѣсколько разъ литографированныя впродолженіи его профессорской дѣятельности, то подробныя, то сжатыя, сообразно той или другой задачѣ курса. Исторія первой половины среднихъ вѣковъ, эпохи хаоса и возникновенія европейской цивилизаціи до XIII столѣтія, изложенная авторомъ впервые въ 1876—77 учебномъ году, передъ выпускомъ въ свѣтъ подвергалась неоднократно переработкѣ, дополняемая въ однихъ отдѣлахъ, сокращаемая въ другихъ. Характеръ лекцій для читателя и теперь будетъ замѣтенъ въ языкѣ, въ складѣ устной рѣчи, которую авторъ не видѣлъ надобности сглаживать, въ распредѣленіи подробностей по степени ихъ интереса для слушателей, которымъ могли быть извѣстны одни отдѣлы и которые совершенно не были подготовлены къ другимъ.

При печатаніи этого труда авторъ воспользовался новѣйшей литературой предмета, стараясь не забыть ни одной русской книги, снабдилъ каждый изъ суще-

ственныхъ вопросовъ соотвѣтственными указаніями источниковъ и пособій и приложилъ—главнымъ образомъ для студентовъ—свой курсъ средневѣковой исторіографіи, прочтенный имъ всего одинъ разъ, который можетъ принести нѣкоторую пользу читателю, введя его въ кругъ міросозерцанія средневѣковыхъ лѣтописцевъ. Не желая дробить этотъ послѣдній курсъ, авторъ перешелъ въ немъ далеко какъ за рубежъ XIII столѣтія, такъ и за тѣ рамки германо-романскаго Запада, которыми у насъ по старому обычаю принято ограничивать изложеніе исторіи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ сжатомъ очеркѣ замѣчательнѣйшихъ лѣтописей цѣлаго тысячелѣтія сравнительно значительное мѣсто отведено главнѣйшимъ памятникамъ византійскимъ и славянскимъ. Авторъ долженъ предупредить, что въ этомъ „очеркѣ" онъ не гнался за полнотой и не имѣлъ въ виду дать указатель лѣтописей для того или другаго вопроса. Онъ хотѣлъ остановить вниманіе лишь на главныхъ, чѣмъ либо выдающихся моментахъ развитія исторіографіи и полагаетъ, что именно съ этой точки зрѣнія взглянутъ на его работу, которая, сколько ему извѣстно, является первой попыткой въ такомъ родѣ. Приложенный при этомъ томѣ въ подлинникѣ списокъ лѣтописей, помѣщенныхъ въ сборникѣ Муратори, представляющій полное оглавленіе, имѣетъ цѣлью выяснить документально богатство итальянской исторической средневѣковой литературы и въ то же время облегчить для желающихъ пользованіе названнымъ сборникомъ. Давъ оцѣнку главнѣйшихъ источниковъ теперь же, авторъ въ виду разросшагося объема этого тома приложитъ къ слѣдующему обзоръ всѣхъ сколько нибудь выдающихся пособій и руководствъ по средневѣковой исторіи иностранныхъ и русскихъ, въ формѣ отдѣльнаго очерка, вмѣстѣ съ содержаніемъ сборника Перца и нѣкоторыхъ другихъ сводовъ. Тамъ найдутъ мѣсто и вопросы о различныхъ періодахъ средневѣковья, намѣченные разными изслѣдователями и которые, конечно, не могутъ считаться безусловно обязательными.

Читатель этого тома усмотритъ, что въ немъ не говорится о многихъ важныхъ отдѣлахъ внутренней жизни среднихъ вѣковъ, какъ, напримѣръ, о народной поэзіи и рыцарскихъ романахъ, о католическихъ институціяхъ, о цехахъ, о рыцарствѣ въ его многоразличныхъ проявленіяхъ и пр. Эти отдѣлы будутъ изложены во второмъ томѣ на томъ основаніи, что всѣ такого рода явленія не успѣли развиться къ XIII столѣтію, которое представляется зенитомъ средневѣковой исторіи. За то въ предлагаемомъ томѣ отведено значительное мѣсто исторіи западныхъ славянъ, подобно тому какъ во второмъ авторъ имѣетъ говорить подробно о славянахъ восточныхъ и юговосточныхъ, историческая жизнь которыхъ не успѣла проявить себя въ отчетливыхъ формахъ до XIII вѣка.

Автору извѣстно, что славяне рѣдко играли активную роль въ судьбахъ Западной Европы; ихъ историческая дѣятельность въ большинствѣ явленій отличалась пассивнымъ характеромъ. Но даже съ точки зрѣнія романо-германской нельзя отрицать, что племя, которое своимъ участіемъ въ гунскомъ движеніи вліяло на распредѣленіе западныхъ народовъ въ эпоху великаго переселенія, которое отвлекло силы такъ называемой Священной имперіи отъ Италіи при Болеславѣ Храбромъ, королѣ польскомъ, племя, которое нѣсколько разъ проявляло попытки, хотя неудачныя, сложиться въ политическую федерацію, племя, которое, сперва благодаря богомиламъ, проникшимъ черезъ Ломбардію въ Лангедокъ, а потомъ вслѣдствіе усиленія гуссизма въ средней Европѣ и наставшей борьбы за вѣру, повліяло косвенно на развитіе церковнаго протеста въ нѣдрахъ католической Церкви,—такое племя заслуживало бы болѣе широкаго мѣста на страницахъ всемірной исторіи, скупо отводимыхъ славянамъ даже лучшими представителями нѣмецкой исторической науки. Не будемъ говорить о нравственныхъ обязанностяхъ русскихъ ученыхъ по отношенію къ соплеменникамъ; это вопросъ извѣстныхъ личныхъ убѣжденій. Безспорно

одно, что всѣ племена и народы имѣютъ одинаковое право на участіе въ ходѣ исторіи и доля вниманія оказываемаго судьбамъ того или другаго этнографическаго элемента, обусловливается его дѣйствительными заслугами европейской цивилизаціи.

Авторъ имѣетъ много замѣчательныхъ предшественниковъ въ своей работѣ, иностранныхъ и русскихъ. Онъ пользовался ихъ изслѣдованіями, а иногда и красками, но не считалъ для себя удобнымъ слѣдовать за ними безусловно или смотрѣть на событія ихъ глазами. Несмотря на всю внушительную представительность этихъ ученыхъ именъ, авторъ позволяетъ себѣ думать, что попытка составить общій трудъ по средневѣковой исторіи не излишня въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Замѣчательные историческіе труды, появившіеся въ послѣднее время въ русскомъ переводѣ, главнымъ образомъ имѣютъ въ виду лицъ, уже подготовленныхъ предварительнымъ чтеніемъ общихъ сочиненій. Собственно, въ этого рода работахъ въ русской ученой литературѣ чувствуется недостатокъ, который желалъ по мѣрѣ силъ своихъ пополнить авторъ предлагаемой книги.

Казань.
6 августа 88 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

*

II.

Великое передвиженіе варварскихъ народовъ и распаденіе Западной Римской имперіи на германскія государства

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОЧЕРКЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІОГРАФІИ. *Стран.*

ВВЕДЕНІЕ.

ХАРАКТЕРЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІИ И ЕЯ ИСТОЧНИКОВЪ.

Тысячелѣтній періодъ въ исторіи человѣчества, который простирается отъ IV вѣка нашей эры до Реформаціи, принято называть средневѣковьемъ.

Должно замѣтить, что выраженіе „Средніе вѣка" не совсѣмъ точно и не совсѣмъ научно. Еще не установились тѣ границы, тѣ рамки, въ которыхъ должно заключаться т. н. средневѣковье.

Одни началомъ средневѣковой исторіи считаютъ моментъ общаго передвиженія народовъ, который совпадаетъ съ паденіемъ Западной Римской имперіи; другіе—время Константина и построеніе новаго Рима или Константинополя; третьи—начало средневѣковой исторіи отодвигаютъ къ началу христіанства, то есть къ эпохѣ первыхъ римскихъ императоровъ.

Въ послѣднемъ случаѣ вся исторія человѣчества должна бы дѣлиться на два отдѣла—языческій и христіанскій міръ, представляющіе между собою существенное внѣшнее и внутреннее различіе по характеру и смыслу событій. Представленіе о среднихъ вѣкахъ тогда явилось бы условнымъ, какъ о подготовительномъ періодѣ для исторіи четырехъ послѣднихъ столѣтій.

Терминъ *Средніе вѣка* не есть что либо сразу установившееся. Ровно 200 лѣтъ тому назадъ, въ не особенно извѣстныхъ историческихъ книгахъ, а именно въ сочиненіяхъ нѣмцевъ Келлера и Лёшера, появилось новое слово—medium aevum, mittlere Zeit, Mittelalter. Изъ нѣмецкой литературы это выраженіе перешло во всѣ другія, какъ напр. moyen-âge

у французовъ, medio evo у итальянцевъ ([1]). Въ началѣ XVIII вѣка еще не понимали этого опредѣленія и не усвоили его. Принимая этотъ терминъ условно, какъ понятіе періодическое, какъ представленіе о времени переходномъ, отдѣляющемъ античную исторію отъ явленій болѣе намъ близкихъ,—мы должны будемъ выйти за предѣлы тѣхъ рамокъ, въ которыя учебники заключаютъ средневѣковую исторію съ цѣлью педагогическою, въ видахъ систематизаціи изложенія. Становясь на строго научную почву, слѣдуетъ, согласно первой попыткѣ Келлера, начинать средневѣковую исторію съ IV вѣка нашей христіанской эры. Исторія Римской имперіи явится тогда обширнымъ введеніемъ въ средніе вѣка, не составляя неотъемлемой части собственно средневѣковой, болѣе чѣмъ тысячелѣтней, эпохи.

Связь исторіи древней и средневѣковой.

Въ самомъ дѣлѣ, что больше всего приходитъ на память при мысли о среднихъ вѣкахъ?—христіанство, варварство, феодализмъ, рыцарство съ его обязанностями къ сюзеренамъ, къ равнымъ и къ слабымъ, затѣмъ Священная Римская имперія, теократія, гегемонія папъ, крестовые походы на Востокъ, временное торжество папъ, совпадающее съ разложеніемъ имперіи на отдѣльныя государства, наконецъ, побѣда протестующаго духа надъ клерикализмомъ. Всѣхъ этихъ отличительныхъ признаковъ средневѣковой исторіи лишена древняя исторія, но оба первые присущи Римской имперіи. Слѣдовательно, значительная часть исторіи Римской имперіи, имѣя признаки, неподходящіе къ античному міру, строго говоря, должна бы излагаться вмѣстѣ съ средними вѣками.

Дѣйствительно, древне-римская имперія представляетъ собою отрицаніе тѣхъ формъ, какими жилъ античный міръ. Тутъ было много непонятнаго для человѣка древней исторіи. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе римлянинъ чувствовалъ себя чуждымъ настоящему. Истый римлянинъ не могъ примириться съ неограниченною властью императора, совмѣщавшаго въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ гражданскія и

---

[1]) C. Cellarius. Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta. Cisae. 1688. Повторено изданіе тамъ же въ 1698 и въ Ieнѣ въ 1704 г. Ernst Löscher. Historie de mittleren Zeit. Leipz. 1725. Терминъ окончательно установился въ болѣе позднее время, только съ появленіемъ классическаго соч. Herder. Ideen zur Philosopie der Geschichte Riga. 1784) и выхода книги M. Yotze. Geschichte der mittlern Zeit. L. 1790.

военныя власти, не могъ одобрять ограниченія рабства и постепеннаго распространенія правъ гражданства сперва на провинціи, а потомъ и на варваровъ. Онъ продолжалъ считать себя особнякомъ. Онъ всегда думалъ, что государство сотретъ съ лица земли этихъ презрѣнныхъ, ненавистныхъ послѣдователей Христа, которые горделиво выносили истязанія. Но вотъ онъ увидѣлъ что эти презираемые христіане, назаряне, восторжествовали и привлекли въ свой лагерь полководцевъ, сенатъ и даже самихъ императоровъ, что храмы языческіе пустѣли и заростали, ихъ алтари покрывались плѣсенью и мхомъ. Римлянинъ думалъ, что назначеніе этихъ германцевъ, страшныхъ, побѣдоносныхъ,—вѣчно и вѣрно служить интересамъ римскаго государства; между тѣмъ эти германцы поселяются насильно на его земляхъ; число ихъ ростетъ съ ужасающей быстротой, такъ что сенатъ и граждане трепещутъ предъ этими наемными варварами. Наконецъ, самыя роли перемѣнились. Варварскіе вожди отстраняютъ постепенно римскихъ императоровъ и захватываютъ верховную власть въ свои руки.

Такимъ образомъ два новыхъ элемента—христіанство и варвары—дѣлаютъ исторію древне-римской имперіи; элементы, которые прежде торжествовали, теперь становятся пассивными и обратно. Христіанство и варварство измѣняютъ ходъ древней исторіи и дѣлаютъ изъ послѣднихъ столѣтій императорской эпохи начало среднихъ вѣковъ.

Когда христіане вышли изъ катакомбъ и когда римскій императоръ, доселѣ республиканскій сановникъ, надѣвъ діадему восточныхъ государей, измѣнилъ характеръ императорской власти,—а это совпадаетъ съ правленіемъ Константина I, который за эдиктъ 313 г. получилъ отъ христіанства прозваніе Равноапостольнаго,—тогда повѣялъ новый духъ и въ частныхъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Античный характеръ проявляется рефлективно, всегда очень тускло, только развѣ въ сохраненіи титуловъ и въ попыткахъ стоическихъ философовъ защитить умирающее язычество. Въ восточной части государства продолжалъ преобладать деспотическій характеръ правительственныхъ формъ; западная же силится жить самостоятельно, по старымъ политическимъ началамъ. Но такія попытки были безуспѣшны. Западная имперія стала постепенно клониться къ упадку.

Содержаніе явленій средневѣковой исторіи.

Одно христіанство само по себѣ не могло сокрушить древній міръ и тѣ старыя историческія начала, которыя его питали. Къ нему на помощь спѣшили быстрыми шагами варвары. Они многое измѣнили въ имперіи безъ шуму, и придали Западу другія формы. Если мы теперь цѣнимъ смыслъ громкаго факта паденія Западной Римской имперіи или точнѣе—сверженія варварскаго питомца, Ромула-Августула варварскимъ же вождемъ геруломъ Одоакромъ,—то должно замѣтить, что такой громкій фактъ въ свое время прошелъ незамѣченнымъ и ничѣмъ не отозвался въ умахъ современниковъ. Лишь нѣсколько темныхъ намековъ въ тогдашнихъ хроникахъ дошло до насъ на память объ этомъ событіи. Такъ мало придавали тогда значенія пустой власти императора, власти, которая давно была въ рукахъ германскихъ воиновъ. Мы представляемъ себѣ это паденіе, какъ тяжелое испытаніе несчастной имперіи: но въ дѣйствительности сама имперія нисколько не чувствовала своихъ страданій, разлагаясь постепенно. Одинъ хроникеръ сказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ и отъ современныхъ памятниковъ больше ничего не дошло до насъ для сужденія объ этомъ событіи. Начинается полное разложеніе прежнихъ общественныхъ элементовъ власти съ паденіемъ всякой цивилизаціи. Отъ Западной имперіи не осталось и внѣшняго облика: но тѣмъ могущественнѣе было представленіе объ этой силѣ въ воображеніи слѣдующихъ поколѣній.

Единая Римская имперія, послѣ паденія, стала недосягаемымъ идеаломъ, къ которому стремились люди. Единый міръ подъ единымъ духовнымъ и свѣтской главою — вотъ лозунгъ среднихъ вѣковъ. Когда наступила феодальная, а потомъ ленная система, то, казалось, настало время торжества частныхъ интересовъ надъ общими и всё видимо расчленилось. Но надъ всѣмъ продолжала существовать связь нравственная. Каждый вассалъ обѣщаетъ своему ленному владыкѣ служить честно, вѣрою и правдою, своею жизнью и жизнью своихъ вассаловъ: не даромъ сравниваютъ эти отношенія съ брачнымъ союзомъ. Всѣ средніе вѣка зиждутся на этомъ идеалѣ вѣрности: всѣ вассалы несутъ свои повинности предъ сюзереномъ безъ всякаго насильственнаго принужденія, только ради соблюденія вѣрности данной ему клятвѣ, хотя онъ самъ иногда слабѣе не только всѣхъ вассаловъ, взятыхъ вмѣстѣ, но и каждаго порознь.

Лица, связанныя повсюду отъ Скандинавіи до Испаніи клятвой взаимной вѣрности, однимъ общимъ рыцарскимъ и коммунальнымъ, общиннымъ духомъ, соединялись въ цехи, города и подавали другъ другу руку помощи. Власти тутъ не было: всякое отдѣльное лицо стояло на собственныхъ ногахъ, или опиралось на частныхъ союзниковъ. Такая обособленность много содѣйствовала образованію тѣхъ самодуровъ, людей крайне упрямыхъ, варваровъ духомъ, которыми богаты средніе вѣка. Эти вѣка отличаются необыкновеннымъ движеніемъ: злодѣйства феодаловъ чередуются съ высокими подвигами монашества; суровый аскетизмъ смѣняется дикимъ разгуломъ чувственности; тутъ и поклоненіе культу красоты, обожаніе женщины, а въ то же время угнетеніе собственной семьи. Дѣло въ томъ, что наше понятіе о государствѣ не подходитъ къ средневѣковымъ условіямъ. Государства въ средніе вѣка уже сложились на ихъ закатѣ; въ началѣ же знали только личныя отношенія и государственные элементы сближались по своему внутреннему сродству. Поэтому скандинавскій баронъ признавалъ себѣ близкимъ барона Каталоніи и чешскаго графа, презирая и считая себѣ вполнѣ чуждымъ вилана. Понятія отечества тоже долго не существовало. Поэтому людьми такъ сильно двигали общія идеи: папства, чести женщинъ и, наконецъ, идея Священной Римской имперіи, противъ которой политика отдѣльныхъ королей была живымъ протестомъ. Но надлежитъ оговориться. Рѣчь идетъ не о всѣхъ людяхъ абсолютно. Всѣ сказанныя стремленія были присущи только высшимъ классамъ, потомкамъ побѣдителей. Многолюдная же масса побѣжденныхъ, римлянъ и галловъ, не жила исторической жизнью; только горожане завоевали себѣ право жить и дѣйствовать и, втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, продолжали поддерживать свои права и бороться за нихъ.

Между тѣмъ сознаніе необходимости единства усиливалось въ обществѣ. Павшая Римская имперія стала колыбелью христіанства. Она была необыкновенно велика и могущественна. Идея возстановленія этой имперіи воспламеняла воображеніе всѣхъ. Ради ея охотно проливали кровь сотни тысячъ людей. Но возстановить вполнѣ Западную Римскую имперію, повторить ея исторію, было немыслимо безъ согласія верховнаго господина Италіи, папы. Римскіе первосвященники со-

гласны были допустить власть императора только въ идеѣ, но не на фактѣ. Эта имперія должна была обнять не одну только Италію, Испанію, Францію и Германію, но Скандинавію и Славянскія земли. Это была бы имперія, которая превосходила всѣ самыя обширныя древнія государства, доселѣ извѣстныя исторіи. Всё это не осуществилось. Папы предъявляли большія требованія и большую цѣну за провозглашеніе Священной Римской имперіи. Отсюда произошла борьба папъ съ свѣтскою властью, называемая борьбой за инвеституру. Эта борьба, которая ослабила феодаловъ, дала просторъ самодѣйствію городовъ и потрясла всякую опеку надъ ними сверху, не могла бы идти успѣшно для Церкви, если бы папы не прибѣгали къ силѣ.

Этимъ средствомъ папы пользовались также противъ еретиковъ. Движеніе ересей составляетъ новую сторону среднихъ вѣковъ. Въ этомъ движеніи значительную долю участія приняло славянство, въ которомъ, среди болгаръ, проявилась на началахъ манихейства богомильская ересь, предшествовавшая альбигойской.

Эта борьба съ императоромъ и еритиками, въ которой была примѣнена инквизиція, унизила папу въ общественномъ мнѣніи Запада, подорвала довѣріе къ его авторитету и указала на необходимость преобразованія Церкви не только въ обрядахъ и образѣ жизни ея служителей, но и въ догматахъ самой религіи, въ которыхъ она также далеко отклонилась отъ истиннаго евангельскаго ученія.

Съ униженіемъ папы средніе вѣка теряютъ свой клерикальный характеръ. Этому содѣйствовало знакомство съ классической образованностью и обнаруженіе массы преступленій, которыя ни кардинальскія мантіи ни папскія тіары не могли прикрыть. На духовенство, начиная съ папы, перестали еще въ XIV вѣка смотрѣть какъ на лицъ, осѣненныхъ божественною благодатью. Это рѣшительное и общее движеніе противъ Церкви Римской завершилось Реформаціей.

Не то было на Востокѣ. Тамъ не было борьбы между свѣтскою и духовною властью, но свѣтская власть тяготѣла надъ духовной. Такимъ образомъ въ восточной части выработался принципъ неограниченной самодержавной власти, перенесенный въ Московское государство и скрѣпившій Русскую имперію.

Итакъ, средніе вѣка на Западѣ кончились отрицаніемъ тѣхъ идеаловъ, которые они сами провозгласили раньше. Слѣдовательно, средніе вѣка представляютъ несомнѣнное движеніе впередъ. Это не эпоха варварства, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, но время прогрессивнаго развитія; это—сложеніе, разложеніе и сочетаніе новыхъ формацій, подготовленіе идеаловъ нашего времени. Да и вообще нѣтъ историческаго періода, который представлялъ бы одинъ застой. Средніе вѣка дали намъ очень многое, а прежде всего идеалъ корпоративный, выразившійся между прочимъ въ городской муниципіи. Средневѣковая исторія сравнительно слабѣе изслѣдована, хотя для насъ она ближе чѣмъ античное время. Она даетъ для нѣкоторыхъ странъ почти непочатый матеріалъ.

Чтобы объяснить постепенный ходъ историческаго прогресса недостаточно одного изложенія фактовъ. Слѣдуетъ, перенесясь въ ту отдаленную пору раскрыть руководящія начала, одушевляющія широкій средневѣковой періодъ. Эти начала называются въ исторической наукѣ *идеями*. Идея представляетъ собою духовное явленіе. Она есть духъ событій, самое событіе есть только внѣшнее отраженіе этого высшаго духовнаго стремленія исторіи. Какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ историческія явленія имѣютъ внутреннюю и внѣшнюю сторону. На ходъ исторіи оказываютъ вліяніе не одни климатическія и вообще естественно-историческія условія, а также и незримая внутренняя сила, именуемая въ исторической наукѣ „идеей“. Идеи бываютъ разнообразны; на нихъ вліяютъ: религія, литература, общественныя воззрѣнія и т. п.; онѣ могутъ быть прогрессивными и регрессивными; но во всякомъ періодѣ есть идея, которая служитъ внутренней связью фактовъ даннаго періода цѣликомъ или извѣстной группы явленій. Изслѣдуя идею, отражающую событія, мы невольно должны останавливаться не на всѣхъ фактахъ извѣстнаго періода, а на главнѣйшихъ изъ нихъ: мы должны обозрѣвать обязательно не всѣ уголки историческаго міра, а только тѣ страны, въ которыхъ наиболѣе отчетливо проявилась руководящая историческая идея. Характерныя явленія среднихъ вѣковъ имѣли свое прогрессивное шествіе. Отнесите эти явленія къ отвлеченнымъ категоріямъ и вы получите рядъ собственно средневѣковыхъ идей: христіанства, варварства, феодализма, рыцарства, императорскую, теократическую и, какъ

реакцію ея, идею протеста противъ римско-католической Церкви. Вотъ схема т. н. средневѣковья.

Мы сдѣлаемъ попытку изложить постепенное развитіе средневѣковаго человѣчества съ высоты идей, его одушевляющихъ, на сколько эти идеи отразились въ фактахъ политической, духовной и культурной жизни.

Характеръ средневѣковой исторіографія.

Обыкновенно, свидѣтельства лѣтописцевъ объ историческихъ событіяхъ разнорѣчивы. Авторы часто не были очевидцами; они записывали то, что слышали отъ другихъ, которые въ свою очередь могли искажать событіе. Сами авторы могли умышленно или невольно видоизмѣнять факты, согласно своимъ взглядамъ. Также и позднѣйшіе писатели иногда неправильно освѣщали факты, согласно своимъ убѣжденіямъ. Чтобы найти истину, историкъ прибѣгаетъ къ оцѣнкѣ свидѣтельствъ и для этого вводитъ т. н. историческую критику. Особенно важна историческая критика для средневѣковыхъ лѣтописей. Средніе вѣка—время религіи, поэзіи, любви, младенческой вѣры, а не точнаго изслѣдованія. Въ средніе вѣка на сцену исторіи выступили варвары, стоявшіе на младенческой ступени развитія. Поэтому научнаго изслѣдованія природы быть не могло. Въ бестіаріяхъ, сборникахъ о животныхъ, сохранившихся на старо-французскомъ языкѣ, говорится, что животныя созданы, чтобы умудрять человѣка въ вѣрѣ. Левъ спитъ съ открытыми глазами, чтобъ человѣкъ бодрствовалъ въ вѣрѣ. Львица родитъ мертвыхъ львятъ, оживающихъ на третій день, какъ прообразъ Христа, воскресшаго въ третій день, и т. п. Съ такой же цѣлью писалась исторія. Каждая историческая книга была поэтической. Дѣйствительные факты перемѣшивались съ вымыслами, иногда такъ сильно, что историкъ не отличалъ сказки отъ дѣйствительности. У огромнаго большинства средневѣковыхъ лѣтописцевъ преобладало исключительно клерикальное міровозрѣніе въ духѣ западной Римской Церкви. Ранніе лѣтописцы, какъ: *Іорнандъ* или *Іорданъ* (De Gothorum sive Getarum origine et rebus geticis писано въ 550 г.), *Павелъ Діаконъ Варнфритъ* (Langobardorum historia около 790 г.), *Григорій Турскій* (Hist. eccles. Francorum около 594 г.), хотя и были духовныя лица по своему положенію, вставляли народныя сказанія въ исторію. Григорій, епископъ Тура (во Франціи), хотя писалъ собственно церков-

ную исторію франковъ, излагалъ событія ради ихъ самихъ, дабы сохранить память о прошлыхъ дѣяніяхъ, „такъ какъ занятія литературой преданы забвенію и нѣтъ никого, кто бы разсказалъ въ своихъ твореніяхъ событія настоящаго". Къ сожалѣнію для исторической науки исторія не пошла по этой вѣрной дорогѣ. *Августинъ* въ знаменитой книгѣ—De civitate Dei—(въ 414 г.) провелъ параллель между суетой земнаго царства и блаженнымъ спокойствіемъ небеснаго. Эта параллель стала вредить исторіи. Лѣтописцы стали искать связи между небомъ и земными событіями, уснащая свой разсказъ то представленіями и сценами страшнаго суда, то неумѣстнымъ уподобленіемъ со священной исторіею. Такъ англо-саксонецъ *Беда Преподобный* (въ соч. De sex aetatibus mundi доведенномъ до 729 г.) говоритъ, что міръ старъ, что наступилъ шестой и послѣдній его возрастъ и скоро будетъ конецъ этого дряхлаго старчества, хотя новая христіанская цивилизація въ его время только еще начинала зарождаться въ иной формѣ. Въ XII столѣтіи тоже явленіе. *Оттонъ Фрейзингенскій* († 1158 г.), изложивъ въ 7 книгахъ исторію отъ Адама до Барбароссы, въ восьмой книгѣ, опираясь на Библію и Апокалипсисъ, разсказываетъ о концѣ міра, о пришествіи Антихриста, страшномъ судѣ, размѣщая дѣйствующихъ лицъ по аду и раю. По его мнѣнію, есть два царства: временное и вѣчное, царство сатаны и Христа. Мудрый, по его словамъ, не долженъ останавливаться на земныхъ событіяхъ; онъ долженъ думать не о здѣшнемъ настоящемъ мірѣ, но о будущемъ, вѣчномъ Христовомъ царствѣ. Даже лучшій изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, *Матвѣй Парижскій*, англійскій монахъ XIII вѣка, авторъ Chronica major Sancti Albani (1066—1250 г.), который уступаетъ только итальянскому историку *Джіованни Виллани*, имѣетъ своеобразный взглядъ на исторію. Онъ считаетъ ея цѣлью только поученіе, ибо такъ именно смотрѣли въ его время на исторію. „Въ началѣ своей хроники, говоритъ онъ, хочу отвѣтить тѣмъ, которые считаютъ исторію безполезной. Эти дурные люди говорятъ такъ: къ чему описывать жизнь и смерть людей и разныя событія, которыя происходятъ. Пусть знаютъ отвѣтъ мудреца. Сама природа вложила въ человѣка потребность знанія. Человѣкъ необразованный, не зная прошлаго, уподобляется животному; онъ похожъ на человѣка, заживо погребеннаго. Если вы не хотите знать дѣла предковъ, кто захочетъ знать ваши? Такъ вѣщаетъ Псалмопѣвецъ.

Исторія прославляетъ дѣла добрыхъ, проклинаетъ злыхъ и, приводя хорошіе и дурные примѣры, побуждаетъ насъ жить какъ добрые, а не какъ злые".—Были и такія хроники, въ коихъ историческія имена располагались по психическимъ категоріямъ, причемъ дѣйствующія лица перемѣшивались съ вымышленными а въ числѣ рыцарей считались: Гекторъ, Александръ Македонскій, Іисусъ Навинъ, Цезарь, Іуда Макавей и Давидъ рядомъ съ Карломъ Великимъ и другими христіанскими героями и королями ([1]).

([1]) Подробное обозрѣніе средневѣковой исторіографіи см. въ особомъ приложеніи къ этому труду.

I.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРІОДЪ ОТЪ ЯЗЫЧЕСТВА КЪ УПРОЧЕНІЮ ХРИСТІАНСТВА.

1) Время императора Константина I.

На первыхъ страницахъ средневѣковой исторіи наблюдаемъ величественное явленіе. Новая религія, ученіе Христа, изъ гонимой дѣлается терпимой, а потомъ и сама поражаетъ послѣдователей другихъ религій. Эта побѣда христіанства замѣтна въ обѣихъ столицахъ и городахъ Востока и Запада имперіи. Но въ Римѣ, впрочемъ, даже при Константинѣ I, 20 язычниковъ было на одного христіанина, ибо язычество имѣло великое прошлое. Хотя и при Өеодосіѣ I встрѣчались ходатайства за жертвенникъ Побѣды, однако успѣхъ христіанства былъ рѣшительный. Новая религія не столько вела пропаганду, сколько распространялась сама собою въ силу тѣхъ условій, которыя она представляла для прогресса исторіи. Эти условія коренились въ существѣ христіанскаго ученія, покоящагося на началахъ любви, милосердія, человѣчности, братства. При императорѣ Константинѣ I крещеніе стало обязательно для людей, занимавшихъ видное общественное положеніе. Язычниками остались только нѣкоторые философы и еще невѣжественные поселяне въ своихъ pagi, т. е. селахъ. На этомъ основаніи язычники получили презрительную кличку pagani (поселяне, мужики). Ихъ стали презирать. Языческіе храмы Рима мало по малу опустѣли; съ паденіемъ гражданской жизни опустѣли и театры и цирки. Но въ Римѣ, какъ въ городѣ, таилась могучая сила. Погибая, онъ возставалъ обновленнымъ. Пало его языческое значеніе,—онъ пріобрѣлъ значеніе для христіанства; въ немъ стали возникать многочисленныя церкви. Императоръ Константинъ не любилъ Рима за остатки гордаго республиканскаго духа, и основалъ новый Римъ на мѣстѣ прежней Византіи, когда въ 323 году

побѣдилъ и убилъ Ликинія. По христіанской легендѣ, эта мысль была внушена ему самимъ Богомъ.

Основаніе Константинополя.

Нѣтъ въ свѣтѣ города съ мѣстоположеніемъ болѣе выгоднымъ и болѣе живописнымъ, какъ Византія. Здѣсь первое населеніе было основано Византомъ изъ Мегары за 6½ вѣковъ до нашей эры. Античная легенда приписала оракулу пифійскому выборъ этого роскошнаго мѣста, на которое „слѣпцы“ долго не обращали вниманія. Старая Византія — Византія Мегарская — была разрушена въ III столѣтіи христіанской эры, во время междоусобій и варварскихъ нашествій, раздиравшихъ тогда Римскую имперію. Константинъ задумалъ основать новую столицу непремѣнно на востокѣ. Сначала онъ думалъ о Сардахъ, Солунѣ, Иліонѣ и наконецъ остановился на разрушенной Византіи. Тамъ, гдѣ проливъ или Босфоръ Ѳракійскій сливается съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ вѣтвь, которая врѣзывается далеко въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій проливъ называется Золотымъ Рогомъ по своей внѣшней формѣ и красотѣ при вечернемъ солнцѣ. На томъ полуостровѣ, омываемомъ съ двухъ сторонъ Золотымъ Рогомъ и Мраморнымъ моремъ, который вершиною опирается на Босфоръ, а широкою и длинною стѣной ограждается отъ материка, расположенъ на семи холмахъ новый Римъ, прозванный, еще при Константинѣ, Константинополемъ. Ближе къ стѣнамъ возвышается византійскій акрополь, на вершинѣ котораго красовался дворецъ, украшенный колоннами изъ разноцвѣтнаго мрамора и представлявшій цѣлый лабиринтъ; здѣсь вмѣсто ларовъ и пенатовъ были допущены христіанскія часовни. По близости былъ форумъ и гиподромъ съ прилегающими къ нимъ храмами. Тамъ, недалеко отъ дворца Константина - язычника, была заложена церковь, названная имъ храмомъ „мира“. Эта впослѣдствіи христіанская церковь св. Ирины была обращена въ позднѣйшее время въ турецкій арсеналъ; на форумѣ Августовомъ, на тріумфальной аркѣ, сіялъ крестъ. Во дворцѣ была также церковь Св. Апостоловъ, нынѣ старѣйшая турецкая мечеть Могамедіэ. Знаменитый храмъ Мудрости, или Св. Софіи, былъ построенъ позже двумя столѣтіями. Тогда какъ въ Римѣ продолжало существовать язычество, Константинъ сдѣлалъ свою столицу — столицею христіанства, и она вполнѣ заслужила это названіе. Даже статуи и памятники припоравливались къ христіанскому духу. Но здѣсь же, рядомъ съ христіанскимъ эле-

ментомъ, можно было наблюдать теократическія начала, потому что все населеніе было набрано съ Востока. Здѣсь въ государственныхъ формахъ господствовалъ полный деспотизмъ. Въ новую столицу не проникали изъ Рима новыя мысли, а съ ними свобода дѣйствій. Въ маѣ 330 г. была освящена резиденція императора епископами и жрецами одновременно.

Государственныя преобразованія при Діоклетіанѣ и Константинѣ I.

Извѣстно, что свой восточный характеръ имперія приняла при Діоклетіанѣ. Константинъ упрочилъ реформы своего предшественника, развивъ то, что сдѣлалъ Діоклетіанъ. Имперія была раздѣлена на 4 префектуры, а префектуры на 14 діэцезовъ. 1) Префектура Восточная обнимала Азію, Египетъ и Ѳракію. 2) Префектура Иллирійская: Мизію, Македонію и Грецію — то есть весь Балканскій полуостровъ отъ Савы и Дуная. 3) Префектура Италійская: Италію, часть Германіи и Западную Африку. 4) Префектура Галльская: Галлію, Испанію и Британію. Въ префектурахъ главный начальникъ назывался префектомъ преторіи. Тогда государственная власть отдѣлила обязанности гражданскія отъ военныхъ. Префектъ преторіи завѣдывалъ гражданскою и полицейскою властью, а кромѣ того совмѣщалъ съ нею и судебную, наблюдая въ то же время за торговлею и промыслами. Ему подчинялся викарій или преторъ, а викарію — ректоръ, управлявшій провинціею. Эта система развила чиновничество съ самодурствомъ и другими непохвальными качествами и упрочила деспотизмъ, хотя въ воспоминаніе старины ежегодно выборные депутаты провинцій могли заявлять свои желанія и просьбы по поводу положенія населенія. Античная администрація часто требовала въ одномъ лицѣ совмѣщенія различныхъ достоинствъ и опиралась на выборное начало. Должностныхъ лицъ избиралъ народъ прямо или косвенно; лишь немногіе низшіе чины назначались высшими; теперь же первыхъ сановниковъ назначалъ императоръ. Особа императора все болѣе и болѣе покрывалась облакомъ величія; все повергалось предъ нимъ, дабы созерцать это новое божество, которое почти всегда достигало престола преступленіемъ; но лучи этого божества освѣщали и сановниковъ. Такъ измѣнился характеръ власти. Такимъ образомъ вносился новый бытъ и новый пріемъ въ управленіе. Сановники, считая власть свою данною небомъ, управляютъ народомъ, не отдавая отчета и будучи отвѣтственны только предъ императоромъ. Эти сановники включительно съ императоромъ царствуютъ надъ имперіей. Теперь императоры смотрятъ на своихъ подданныхъ,

какъ на стадо приносящее доходъ, дающее запасъ денегъ необходимыхъ для содержанія войска, императора и двора. Такимъ образомъ вносился новый бытъ и новый характеръ въ управленіе 118 провинцій имперіи.

Такая радикальная перемѣна сложилась въ сущности съ эпохи Діоклетіана, съ III вѣка. Верховному властителю не было надобности именовать себя народнымъ трибуномъ. Уже съ императора Клавдія II съ римскихъ монетъ сходятъ слова: „tribunitia potestate“, а въ сущности только послѣдняя и давала имъ верховную власть. Теперь власть ищетъ себѣ объясненія въ правѣ силы. Въ этихъ видахъ измѣнена и финансовая система, введены новые поземельные налоги. Натуральныя повинности были отмѣнены. Для сбора поземельнаго налога вся территорія каждыя 15 лѣтъ дѣлилась на равные участки, опредѣлявшіеся числами головъ и копытъ; этотъ 15-лѣтній періодъ назывался индиктомъ и на него опредѣлены извѣстные налоги. Способъ взиманія налоговъ былъ безчеловѣченъ и строгъ; обыкновенно не обращали вниманія на то, что территорія была опустошена непріятелями. За сборомъ пріѣзжала цѣлая армія чиновниковъ. Въ началѣ каждаго индикта являлись агенты, которые дѣлали новую перепись. Если же при этомъ случалось, что владѣтель участка не могъ заплатить налога, то за несостоятельнаго платилъ богатый, а господа за рабовъ. Горожане сами дѣлались рабами, чтобы избѣжать податей и военной службы, такъ что по мѣрѣ возрастанія налоговъ возрастало и рабство. Крестьяне охотно записывались за помѣщиковъ и тогда уже не отправляли военной повинности и не платили податей. Такіе-то поселяне, adscripti ad glebam, получили названіе колоновъ, а съ варварскаго періода назывались виланами, выраженіе презрительное, соотвѣтствующее, по позднѣйшей терминологіи Московскаго государства, людямъ „подлымъ“, низкимъ. Но съ возрастаніемъ налоговъ увеличивалось число колоновъ и уменьшалось число свободныхъ гражданъ. Изъ этихъ условій въ средніе вѣка развилось крѣпостное состояніе. Что касается до военной части, то она была преобразована Костантиномъ. Военныя должности были отдѣлены отъ гражданскихъ. Гордость военная была унижена. Гражданскія лица не только были сравнены съ военными, но даже поставлены выше. Въ интересахъ верховной власти было разрознить интересы общенародные и военные. Мало того. Притокъ новыхъ силъ въ войска уменьшился; число солдатъ въ легіонахъ было сокращено; вмѣсто 6000 въ

каждомъ легіонѣ оставили 1500. Это тяжело отразилось на положеніи поселянъ, какъ что они убѣгали къ варварамъ. За то и солдаты изнѣжились; ихъ дисциплина была формальная, но не настоящая, не воинская. Должно замѣтить, что нижніе чины арміи въ большинствѣ случаевъ были изъ варваровъ и тѣмъ болѣе были чужды народу. Во времена республики легіонъ получалъ полбу, со времени имперіи ему даютъ хлѣбъ и мясо, а съ конца III вѣка воины, кромѣ другихъ съѣстныхъ припасовъ, получаютъ и вино. Конечно, всѣ эти издержки падали на народъ, который еще содержалъ столь-же многочисленную гражданскую армію. Въ этой арміи каждый гражданскій чиновникъ имѣлъ свой чинъ по табели. Самые близкіе чиновники къ императору стали называться nobilissimi: также титуловались принцы крови; придворные теперь именовались патриціями; санъ консула сдѣлался чиномъ; далѣе шли illustri, spectabiles, clarissimi и др. Но не заслуги давали чины, а произволъ императора, который завтра какого нибудь раба могъ сдѣлать „сіятельнѣйшимъ".

Экономическія причины паденія древне-римскаго общественнаго строя.

Конечно, всѣ эти гражданскія и военныя силы не могли придать прочности государству. Естественно. что имперія близка была къ паденію сама по себѣ. Реформы, введенныя Діоклетіаномъ и Константиномъ, могли только временно поддержать падающую имперію: онѣ не устранили главныхъ причинъ паденія. Никто не выразилъ точнѣе этого трепетнаго ожиданія чего-то новаго, какъ Виргилій, который предчувствовалъ новый порядокъ тремя вѣками раньше. Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo, говоритъ онъ въ своей пророческой эклогѣ. Варвары должны были наслѣдовать имперіи, а христіанство—язычеству.

Необходимость перемѣны чувствовалась давно. Но въ чемъ собственно будетъ состоять эта перемѣна? Приведутъ ли всѣ эти преобразованія къ цѣли или, будучи безполезными, они останутся пустой формой?

Мы присутствуемъ при самыхъ интересныхъ моментахъ всемірной исторіи. Чтобы знать, почему эти преобразованія не принесли желаемой пользы, надо вспомнить основы прежняго порядка. Въ прежнее время силу Римскаго государства составляли патриціи съ плебеями, но главнымъ образомъ обусловливалъ могущество Рима надѣлъ подземельный. Чѣмъ болѣе былъ надѣлъ, тѣмъ болѣе силы пріобрѣтало государство. Каждый пролетарій былъ не гражданиномъ, но орудіемъ въ

рукахъ другихъ, вслѣдствіе чего плебсъ по мѣрѣ лишенія земель ослаблялъ государство. Обращеніе плебса въ пролетаріатъ подрывало не только значеніе плебса, но подкапывало внутреннюю силу цѣлаго государства, а между тѣмъ ничто не могло предохранить плебсъ отъ столь печальной судьбы. Чѣмъ болѣе увеличивались налоги, тѣмъ болѣе становилось безземельныхъ. Трибуны не даромъ своими аграрными законами старались прежнія земли закрѣпить за плебсомъ. Въ рукахъ плебса прежде находилась власть избранія въ высшія должности, а теперь избирали только тѣ, которые владѣли обширными помѣстьями. Послѣ этого республика падаетъ; она пала между прочимъ потому, что уменьшилось число избирателей. Во всей Западной Африкѣ, по словамъ Плинія, при немъ было только шесть крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ Неронъ приказалъ убить, желая воспользоваться ихъ имуществомъ, о чемъ умолчали Светоній и Тацитъ. Крупная земельная собственность была менѣе производительна, чѣмъ мелкая. Настала имперія... Она только прикрыла зло, но не измѣнила порядка вещей. Чѣмъ болѣе увеличивались налоги, тѣмъ болѣе развивался пролетаріатъ. Дурные императоры конфисковывали имѣнія богатыхъ, а самихъ владѣльцевъ казнили; хорошіе властители приводили дѣла въ порядокъ, но развитіе крупной собственности порождало общее обѣдненіе.

Другое не менѣе печальное явленіе представляетъ судьба городовъ. Города при республикѣ, какъ и при имперіи, сохранили свое самоуправленіе, свою администрацію; они избирали куріаловъ и декуріоновъ, которые составляли курію, соотвѣтствующую нашей думѣ. Эта курія была отвѣтственна за подати. Сами куріалы взимали налоги, какіе хотѣли, при чемъ правительство не спрашивало, можетъ ли городъ внести назначенную сумму казнѣ. За недоборъ отвѣчали эти зажиточные граждане своими имуществами. Вотъ почему они постепенно бѣднѣли. Они старались отказываться отъ чести быть куріалами, но императорскіе эдикты не позволяли имъ уклоняться отъ этой обязанности. Богатые поневолѣ притѣсняютъ бѣдныхъ до тѣхъ поръ, пока сами не обратятся въ таковыхъ же. Деньги, собранныя въ число податей, они отдавали правительству, употребляя излишекъ на нужды города. Особенно при Константинѣ стало невыносимо существованіе этихъ зажиточныхъ гражданъ. Тогда настало такое время, когда свобода перестала быть желаннымъ благомъ. Приходилось отказываться отъ правъ, отъ состоянія, дѣлаясь императорскимъ чиновникомъ. Иземле-

владѣльцамъ и горожанамъ ихъ права стали въ тягость. Многіе прибѣгаютъ къ покровительству могущественныхъ лицъ, какъ къ якорю спасенія. Вотъ экономическія причины обусловливающія паденіе имперіи и измѣненіе учрежденій.

Спрашивается — измѣнились-ли эти причины при Константинѣ? Реформы Константина не продлили существованія западной части государства; онѣ не могли придать жизни Западной имперіи, ибо здѣсь онѣ представляли аномалію съ существовавшимъ дотолѣ порядкомъ. Со всякимъ годомъ сила римскихъ императоровъ становятся все слабѣе, а варвары кажутся грознѣе. Наконецъ варвары какъ бы внѣдрились въ имперію. Вообще Римская имперія не была чѣмъ либо самостоятельнымъ въ исторіи. Эта эпоха была промежуточной пятивѣковой станціей между античной республикой и феодализмомъ. Древняя республика была извѣстнаго рода системой съ своимъ плебсомъ, патриціатомъ, распредѣленіемъ собственности. Феодализмъ былъ тоже системой съ іерархическимъ распредѣленіемъ сеньоровъ, съ сервами, новыми способами землевладѣнія. Имперія же не дала своей системы и потому существовала только до той поры, пока продолжалась дезорганизація до нея проявившаяся. Вотъ почему реформы Константина не могли преуспѣть на Западѣ, хотя онѣ дали лишнихъ 10 вѣковъ Византійской имперіи, укрѣпивъ здѣсь принципъ неограниченнаго самодержавія, развивъ его, въ чемъ собственно и заключается историческое значеніе Византіи — но все это потому, что на Востокъ не съ такою стремительностію наступали варвары.

Таким образомъ двѣ главныя причины содѣйствовали ослабленію Римской имперіи, а особенно ея западной части. Эти причины заключаются, во 1-хъ, въ измѣненіи формъ поземельной собственности, равно какъ въ измѣненіи условій и положенія землевладѣльцевъ и горожанъ и во 2-хъ, въ восточномъ характерѣ абсолютной власти. То и другое противорѣчило основамъ античнаго государства. Обѣ причины дѣйствовали заодно, при чемъ абсолютная власть ускорила всеобщее разстройство, а не задержала его, какъ можно было ожидать. Опасность была сильнѣе въ той части, которой ближе грозили варвары. Когда новыя германскія дружины переплывали Рейнъ и стали грозить Италіи, перешедши Норическія Альпы, то тѣмъ безнадежнѣе становилось положеніе провинцій. Чѣмъ слабѣе

Христіанство при Константинѣ I.

дѣлалась имперія, тѣмъ болѣе усиливались способы нападенія варваровъ. Когда силы Запада достаточно ослабѣли, а силы варваровъ достаточно усилились,—плотина прорвалась и имперія перестала существовать.

Но какую роль въ этой борьбѣ играло христіанство, которое такимъ чудеснымъ и блестящимъ образомъ распространилось по имперіи?

Сначала христіанство стояло въ сторонѣ. Оно не содѣйствовало борьбѣ, стараясь только ослабить ея кризисы, просвѣщая одинаково ученіемъ любви и всепрощенія и римлянъ и варваровъ. Христіанство въ эту пору не обладало еще политическимъ значеніемъ. Когда Римская имперія пала и почва ея покрылась тысячами обломковъ, христіанское духовенство продолжало подавать и побѣжденнымъ и побѣдителямъ одинъ законъ; то былъ законъ взаимной любви. Не играя политической роли, христіанство отдѣлило свое дѣло отъ дѣла имперіи. Оно мечтало о небесномъ и мало интересовалось земнымъ. Когда имперія погибала подъ давленіемъ рѣшительнаго нашествія варваровъ, христіанство всплывало на обломкахъ разрушенія и, соединившись съ варварами, обратило ихъ въ свою религію. Западное христіанское духовенство поставило папъ на ряду съ королями, а потомъ вошло само въ сферу феодализма. Но въ тоже время оно содѣйствовало независимости духовной власти отъ свѣтской, хотя не отказывалось отъ выгодныхъ услугъ послѣдней. Это было уже замѣтно во времена Константина. Христіанству было не до имперіи, потому что оно встрѣтило въ своей средѣ внутреннихъ враговъ, съ которыми вступило въ борьбу. Оно находило ихъ въ язычествѣ и въ тѣхъ, кто позволялъ себѣ допускать гнозу, это соглашеніе колеблющагося разума съ непостижимымъ но основнымъ догматомъ.

Здѣсь мы наталкиваемся на вопросъ, почему язычество ослабѣло и уступило. Если бы мы захотѣли взглянуть въ литературные источники этой эпохи, то мы увидѣли бы, что язычество импонировало надъ массой и въ частной и въ общественной жизни, что оно продолжало жить духовными интересами, проявляя себя вліятельными литературными произведеніями. По прежнему оракулы имѣли свое мѣсто въ политическомъ строѣ. Извѣстно, что во II и III вѣкахъ язычество вошло въ соглашеніе съ древней греческой философіей; оно брало матеріалы для своего обновленія гдѣ только могло и

искало опоры даже въ христіанствѣ. Нравственно религіозныя поученія Максима Тирскаго, Хризостома, Деномакса и др. возвѣщались подъ вліяніемъ христіанства. Въ IV вѣкѣ наблюдаемъ между прочимъ весьма интересное движеніе. Язычество собирается съ силами; оно не хочетъ безъ боя уступить мѣсто христіанству. Конечно прежняго обаятельнаго значенія оно не могло получить. Тѣмъ не менѣе образовалась языческая религія новой формаціи, по традиціямъ и основамъ сходная съ античной. Это новое интеллектуальное движеніе въ области языческой религіи, проявившееся совершенно въ иномъ взглядѣ на древнюю миѳологію, столкнулось съ христіанствомъ и обусловливало самый ходъ борьбы съ нимъ. Это направленіе состояло въ аллегорическомъ толкованіи древнихъ миѳовъ. Старые поэты, какъ Гезіодъ и Гомеръ, пользовались величайшимъ почетомъ. Ихъ читали, но понимали иносказательно. Теперь всѣ миѳологическія подробности получили серьезный, даже священный смыслъ. На эти подробности, говорили тогда, нужно смотрѣть не прямо; въ нихъ надо видѣть особыя сокровенныя стороны, изъ нихъ слѣдуетъ заимствовать нравственныя основы. Тотъ вѣкъ, съ какой бы стороны мы на него не смотрѣли, представляетъ сильное стремленіе къ религіозному обновленію. Науки и литературы въ нашемъ смыслѣ, т. е. свѣтской, въ то время не существовало: все сосредоточивалось на объясненіи религіозныхъ вопросовъ. Христіанство, помимо своей божественной сущности, между прочимъ оттого и успѣло, что необходимость религіознаго обновленія чувствовалась всѣми. Вѣрующій язычникъ имѣлъ такую религію, которая не удовлетворяла его нравственное чувство. У тогдашняго язычника не доставало твердой нравственной опоры, чѣмъ было такъ сильно христіанство съ своей возвышенной моралью. Язычнику также необходима была поддержка, которую онъ тщетно искалъ въ своей религіи и не находилъ. Въ этомъ-то и заключалась существенная причина побѣды одного культа надъ другимъ, побѣды христіанства надъ язычествомъ. Поученія греческихъ философовъ могли руководить только высшій классъ, образованныхъ людей, между тѣмъ какъ христіанская нравственность была руководящимъ началомъ для всѣхъ; она одинаково связывала между собою и христіанина и язычника; передъ ней были равны великій и малый, самый послѣдній изъ рабовъ и богатѣйшій оптиматъ, невѣжда и образованный. Нравствен-

ность не всегда порождаетъ высокую умственную культуру, тогда какъ умственное развитіе болѣе или менѣе обусловливаетъ извѣстную нравственную высоту. Такимъ образомъ для дѣятельности христіанства почва была подготовлена предварительной умственной культурой. Потому побѣда религіозныхъ чувствъ въ христіанствѣ становилась высокимъ прогрессивнымъ явленіемъ. Облегчаемое нравственной работой, христіанство въ свою очередь облегчало её.

Ереси въ христіанствѣ.

Если христіанство могло восторжествовать надъ эллинизмомъ, то оно могло также побѣдить и іудейство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство, побѣждая язычниковъ, внутри себя образовало много ересей. Эти ереси, явившіяся въ IV вѣкѣ, обуревавшія тогдашнюю Церковь, сложились подъ вліяніемъ философскихъ системъ эллинизма и іудейства. Кромѣ того большую роль играло ученіе Манеса—это извращеніе персидскаго мистицизма, отголосокъ мыслей Зороостра. Ученіе это проповѣдывало борьбу двухъ началъ въ мірѣ: духовнаго и тѣлеснаго, добраго и злаго, Бога и сатаны. Это ученіе было не безъ громкаго значенія въ средніе вѣка и породило много ересей.

Намъ нужно нѣсколько подробнѣе познакомиться съ манихействомъ и начать съ того момента, когда оно только что стало зарождаться ([1]).

Манихеизмъ.

Корень этого ученія лежитъ въ степяхъ средней Азіи. Родившись въ Индіи, въ началѣ III вѣка, Манесъ провелъ большую часть жизни среди маговъ Персіи, неоплатониковъ и гностиковъ Александріи. Изъ далекаго Востока этотъ страстный эклектикъ, полуязычникъ, полухристіанинъ, полубраминъ, приносилъ съ собою въ Европу понятіе о борьбѣ двухъ началъ, демоновъ добра и зла. Онъ готовъ былъ вѣрить въ Ормузда и Аримана, какъ искренно вѣрилъ въ каббалу и магію. Посвятивъ себя всецѣло поприщу и славѣ творца новой религіи, онъ отказался отъ дѣлъ торговыхъ, отъ своихъ богатствъ, и весь отдался христіанскому богословію, греческой

([1]) До сихъ поръ не потеряло значенія старое сочиненіе — Beausobre, Histoire critique de Manichée et du Manichéisme, 1734—39, 2 vls; I, 26. См. мою «Исторію Альбигойцевъ и ихъ времени», для подробностей и литературы, 1869; I, 118 и слѣд.

наукѣ и еврейской каббалѣ. Емпедоклъ и Пиѳагоръ тоже не остались безъ вліянія на его систему. Но болѣе всего Манесъ сосредоточился на изученіи христіанства. Вообразивъ себя призваннымъ свыше очистить испорченное христіанство, онъ назывался „παράκλητος“, т. е. „утѣшителемъ“. Книги евреевъ и Евангеліе христіанъ онъ судилъ съ высоты собственной теософіи. Онъ отвергалъ Ветхій Завѣтъ цѣликомъ, какъ твореніе божества второстепеннаго; Новый же подвергнулъ критикѣ, и, откинувъ многое, составилъ собственное Евангеліе, которое послѣ выдавалъ за посланное съ неба. Онъ не всегда вѣрилъ откровенію, а всегда предпочиталъ философію античныхъ мудрецовъ. Изъ своей колыбели, изъ предѣловъ Индіи и Китая, Манесъ вынесъ пантеизмъ, который такъ присущъ былъ всѣмъ гностическимъ сектамъ. Онъ говорилъ, что не только причина и цѣль всего существованія въ Богѣ, но одинаковымъ образомъ и Богъ пребываетъ вездѣ. Всѣ души равны между собою, а Богъ присутствуетъ во всѣхъ нихъ. Такое одухотвореніе присуще не только людямъ, но и животнымъ: даже растенія не лишены его. Но старый азіатскій дуализмъ нѣсколько омрачалъ это благородное воззрѣніе Платона.

Повсюду на землѣ, толковалъ Манесъ, нельзя не видѣть преобладанія или добра или зла; примиреніе — это вымыселъ, въ дѣйствительности его не существуетъ. Добрыя и злыя существа уже враждебны по самой своей природѣ, съ самаго дня своего рожденія. Такъ какъ въ добрыхъ и злыхъ явленіяхъ, физическихъ и моральныхъ, нѣтъ ничего общаго, то они потому должны происходить отъ двухъ различныхъ корней, быть созданіемъ двухъ божествъ, двухъ великихъ духовъ, добраго и злаго, Бога собственно и сатаны, ему враждебнаго. У каждаго изъ нихъ есть свой міръ, свое подвластіе; оба они внутренне независимы, вѣчны и враждебны между собою, враги по самой природѣ своей. Князь тьмы творитъ Адама; Богъ свѣта даетъ ему разумъ. Адамъ принадлежитъ одинаково двумъ богамъ; оба начала ведутъ въ немъ свою вѣчную борьбу. Очищеніе, освобожденіе отъ привязанностей земныхъ, чистота и святость жизни — вотъ цѣль бытія. Видимый міръ, какъ и первый человѣкъ, исполненъ потому тѣхъ же противоположныхъ элементовъ; въ немъ всѣ степени истеченія существъ; изъ него постоянно должна извлекаться матерія. Между тѣмъ, когда грѣхи въ мірѣ увеличились и наслажде-

нія рода человѣческаго стали обильны, Богъ свѣта, ревнуя о торжествѣ своего царства, рѣшился самъ идти на спасеніе рода человѣческаго. Тѣло его было лишь видимое, призрачное. Христомъ, Мессіею онъ назвался, чтобы исполнить давнишнія ожиданія евреевъ. Князь тьмы, напуганный торжествомъ побѣдъ новаго Освободителя, устроилъ такъ, что евреи распяли его. Смерть Христа, хотя только призрачная, послужила символомъ освобожденія всѣхъ душъ. Освобожденіе отъ привязанностей земныхъ, чистота и святость — цѣль бытія, потому душа человѣческая, не очистившаяся вполнѣ, помраченная земными удовольствіями, переходитъ въ другое тѣло, дабы опять посвятить себя очищенію, совершенствованію. Тогда уже, послѣ этого новаго переселенія и блужданія по другимъ тѣламъ, душа продолжаетъ очищаться въ царствѣ луны, въ озерѣ, въ продолженіи 15 дней; это небесное крещеніе водою. Затѣмъ душа очищается въ царствѣ солнца и, какъ бы промытая и прожженая, допускается до созерцанія Бога; это небесное крещеніе огнемъ. Тогда наступаетъ великое безконечное царство духовное; душа достигаетъ верха блаженства; она свободна отъ тѣла. Всѣ души призваны со временемъ занять свое мѣсто въ царствѣ добра послѣ извѣстной борьбы; демоны же тогда будутъ заключены въ свои жилища. Когда всѣ люди очистятся, тогда вся матерія, лишенная всякаго свѣта и посторонняго вліянія, будетъ превращена огнемъ въ мертвую массу и начнется блаженное царство духа. Воскресенія мертвыхъ Манесъ не признавалъ и стоялъ твердо на воззрѣніяхъ дуализма.

Такова была манихейская философская система, эта дуалистическая Церковь, съ которой мы будемъ встрѣчаться въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Манихейство было особенною, какъ бы параллельною христіанству религіею, исходившею только изъ матеріаловъ, знакомыхъ христіанству, но создавшая чуждые ему фантазмы.

Хотя въ 274 г. Манесъ, основатель секты, мучительно погибъ отъ рукъ персидскаго царя, осужденный магами, однако распространеніе манихейства до того было сильно на Востокѣ, что, прежде чѣмъ христіанство вышло на свѣтъ, оно проскользало наружу, то подъ видомъ іудейства, то подъ видомъ христіанства, то подъ видомъ сдѣлки съ язычествомъ. Церковная внѣшность и ортодоксальные пріемы способствовали

распространенію манихеизма. Манихейцы принимали и крещеніе и причащеніе, но только, какъ простые обряды, въ воспоминаніе словъ Спасителя: „азъ есмь источникъ воды живой“. Для своихъ послѣдователей Манесъ являлся то Зороастромъ, то Буддою, то Митрою, то наконецъ Христомъ. Какъ мы увидимъ, вліянію его мыслей трудно будетъ опредѣлить предѣлы. Могущество его духа проявляется тѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ замѣчательнѣе, что цѣлая система была плодомъ лишь личныхъ и исключительныхъ его соображеній. Дуализмъ видоизмѣнялся и развивался въ разныя эпохи подъ самостоятельнымъ творчествомъ, но въ первой своей манихейской формѣ, притомъ самой вліятельной, онъ былъ во всякомъ случаѣ дѣломъ одного ума.

Присциліанизмъ.

Въ то время какъ идеи Манеса получили обширное примѣненіе на Востокѣ,— на Западѣ, въ особенности въ Аквитаніи, утвердились идеи его ученика Присцилліана. Испанецъ родомъ, будущій аквилейскій епископъ, Присцилліанъ учился въ школахъ Мемфиса и Киренаики. Въ противоположность Манесу онъ всегда хотѣлъ исходить изъ христіанскихъ понятій, хотя, думая уяснить ихъ, онъ не могъ подчиниться теоріямъ гностицизма и манихейства, а равно ученію Савеллія въ догматѣ о Троицѣ. Особенно онъ развилъ ученіе о загробной жизни на звѣдномъ небѣ. Строгая жизнь, воздержаніе отъ мяса и вина, посты, молитва и цѣломудріе—всё это привлекало къ Присцилліану массу послѣдователей, жаждавшихъ совершенствованія. Вообще еретики, въ этотъ вѣкъ разложенія западной имперіи, представляли корпорацію болѣе образованную, болѣе крѣпкую своею нравственною силою. Къ нимъ часто обращались лучшіе умы того времени. Многіе риторы, поэты, ученые, весьма знаменитыя женщины, наконецъ священники, епископы принадлежали къ этой сектѣ, блиставшей дарованіями и краснорѣчіемъ своихъ основателей. Ихъ распространеніе было до того сильно, что скоро пришлось дѣйствовать противъ послѣдователей Присцилліана мѣрами строгости и соборами. Въ Сарагоссѣ, въ 380 г., было осуждено ученіе Присцилліана и 7 учениковъ его были сожжены по приказанію императора Максима, что тогда было дѣломъ новымъ и подало примѣръ для послѣдующихъ сожженій еретиковъ.

Борьба съ еретиками въ IV вѣкѣ.

Христіанское духовенство, пользуясь покровительствомъ Константина, съ первыхъ же дней своей самостоятельности получило особенную склонность часто прибѣгать къ свѣтскому мечу противъ еретиковъ и отпадшихъ. Къ этому побуждали его быстрые успѣхи аріанства. Если бы историкъ захотѣлъ опредѣлить, гдѣ нужно искать начало этихъ гоненій, то онъ встрѣтилъ бы большое затрудненіе и скорѣе указалъ бы, что его нужно искать въ восточномъ вліяніи. Самъ Константинъ, хотя и сочувствовалъ христіанству, однако изъ политическихъ видовъ и разсчетовъ онъ долго одинаково безразлично относился къ христіанству и язычеству. Когда православнымъ епископамъ онъ указывалъ на терпимость, то выставлялъ имъ въ примѣръ терпимость языческихъ философовъ. Извѣстно, что Константинъ, вмѣшиваясь въ христіанскія распри, вступая въ споры о Троицѣ, оставался въ то же время язычникомъ и крестился только за нѣсколько недѣль до смерти. Почти до самой своей кончины онъ считался „pontifex maximus“, „dominus“ и даже „deus“, а первыя два выраженія были вычеканены, по его приказанію, на римскихъ монетахъ. На колоннѣ, имъ же поставленной въ Византіи, было изображено солнце съ головой Константина, вокругъ чела котораго въ видѣ сіянія были прибиты гвозди отъ креста Спасителя. Монограмма съ именемъ Христа уже украшала военные орлы и знамена; гвоздь изъ креста Спасителя императоръ носилъ, какъ святыню, на своемъ шлемѣ, однако статуѣ повелителя по прежнему воздавалось языческое поклоненіе. Вообще, долгое время колебаніе въ религіозныхъ вопросахъ составляло отличительную черту характера Константина и его двора ([1]). Но, мало по малу, христіанскіе пресвитеры, указывая на безпорядки, происходившіе въ Восточной Церкви, привлекали его вниманіе къ христіанству и увлекали на свою сторону. Христіанскому духовенству сперва не было важно, искрененъ ли императоръ къ христіанству или нѣтъ; ему нужны были только его администраторы, его войско для дальнѣйшаго распространенія святой вѣры. Сначала несогласія въ Церкви были не ощутительны. Христіанскіе мученики, пострадавшіе за

([1]) Кромѣ извѣстнаго соч. Manso. Leben Konstantins des Grosses (W. 1819), см. новый трудъ—Burckhardt. Die Zeit Konst. des Grosses. L. 1880. Также—Albert de Broglie. L'Eglise et l'Empire romain au IV siècle, t. I, 1856.

вѣру, были для христіанъ предметомъ подражанія. Но явился вопросъ: какъ быть съ тѣми, которые во время Діоклетіанова гоненія отреклись отъ истинной Церкви, и могутъ-ли они снова быть приняты въ Церковь? Римскій епископъ Новатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ еще въ III вѣкѣ. Наконецъ тронули догматическія основы. Явилась Савелліева ересь. Вслѣдствіе этого стали спорить о сущности Христа, о тысячелѣтіи на землѣ, о вторичномъ крещеніи. Но настоящая опасность для Церкви была еще впереди. Въ 320 г. заговорилъ священникъ Арій.

Тотъ духъ ненависти къ расколу, духъ нетерпимости къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, который проявился въ христіанствѣ въ IV вѣкѣ, не могъ быть заимствованъ отъ прежнихъ религіозныхъ условій язычества. Извѣстно, съ какою свободою относилось оффиціальное государственное язычество къ другимъ религіямъ; римскіе боги были дружны со всѣми культами за исключеніемъ христіанскаго, къ которому государственная религія питала инстинктивную ненависть. Въ этомъ случаѣ язычество мѣтко угадывало опасность, грозившую подорвать въ корнѣ самое его существованіе. Должно замѣтить, что христіанство распространилось первоначально на Востокѣ, въ жаркихъ странахъ—въ Сиріи, Египтѣ, Палестинѣ—гдѣ духовенствомъ руководилъ энтузіазмъ, который не успѣвалъ соображать всѣхъ послѣдствій. Страсти Востока, его увлеченія, нетерпимость ему свойственная, коснулись и религіи. Новая религія, со своими высокими доселѣ незнакомыми принципами, охватывала все существо этихъ страстныхъ людей, этихъ неофитовъ, которые изъ за нея терпѣли нѣкогда ужаснѣйшія мученія, когда были гонимы и слабы. Эти чувства вызывали къ мести, къ разрушенію языческихъ алтарей, къ преслѣдованію жрецовъ, а отсюда не далеко уже было до нетерпимости ко всякимъ уклоненіямъ отъ христіанскаго же вѣрованія большинства. Между тѣмъ, въ Африкѣ, на руинахъ Александрійскихъ философскихъ школъ, естественно явились попытки къ критикѣ новой религіи, къ возстановленію ея догматовъ. Тамъ издавно относились съ любовью къ философскимъ пріемамъ въ религіи. Въ Александріи были особыя каѳедры для объясненія Св. Писанія. Одну изъ нихъ занималъ священникъ Арій, высокій, худой, монахъ по виду, аскетъ по жизни, философъ по образованію, всегда серь- Аріанство.

езный, человѣкъ замѣчательно твердаго характера. Онъ не былъ любимъ, но тѣмъ не менѣе пользовался большимъ вліяніемъ на паству и духовенство. Его считали кандидатомъ на епископское мѣсто въ Александріи, но этому препятствовало весьма серьезное обстоятоятельство.

Въ ученіи Арія было много остатковъ древней философіи, а это не согласовалось съ обязанностями епископа, призваннаго не разсуждать, а охранять неприкосновенность церковныхъ догматовъ. Кромѣ того Арій славился снисходительностью ко многимъ уклоненіямъ отъ религіозныхъ истинъ и препятствовалъ преслѣдованію сектантовъ. За это Арій, будучи еще діакономъ, былъ изгнанъ изъ города по приказанію Александрійскаго епископа св. Петра, который мученически погибъ во время гоненія Діоклетіана. Преемникъ Петра, Ахиллъ, простилъ Арія, дозволилъ ему возвратиться и далъ ему санъ пресвитера. Многіе думали, что Арій будетъ сдѣланъ епископомъ Александрійскимъ послѣ Ахилла. Но когда на епископскую каѳедру Александріи былъ избранъ другой кандидатъ, Александръ, то въ душѣ Арія вспыхнуло негодованіе и онъ сталъ искать громкой славы, домогаясь извѣстности основателя секты. Слава ересіарха манила его. Онъ вступилъ въ препирательство съ своимъ епископомъ въ скользкомъ и трудномъ, хотя и существенно-важномъ вопросѣ о происхожденіи Сына. Въ одной изъ своихъ проповѣдей, епископъ Александріи упомянулъ о томъ, что Сынъ Божій имѣетъ ту же сущность, какъ и Богъ Отецъ. Арій сталъ учить, что Сынъ созданъ и сотворенъ и потому-де не имѣетъ той же сущности, какъ Отецъ. Александръ призвалъ Арія и старался разубѣдить его, но старанія его были тщетны. Послѣ бесѣды съ епископомъ Арій сталъ еще непреклоннѣе. Сразу онъ пріобрѣлъ сторонниковъ и насчитывалъ за собою не только массу свѣтскихъ лицъ, но еще трехъ пресвитеровъ и 12 діаконовъ.

Новое ученіе стало быстро распространяться по Ливіи и Египту. Александръ обратился къ соборамъ, изъ которыхъ одинъ не пришелъ ни къ какому заключенію, а два другіе осудили его и его ересь. Осужденный Арій отдалъ свое вѣроисповѣданіе на судъ всей Церкви. Уже христіанство было тогда религіею терпимою, даже торжествующей, хотя не оффиціально государственной. Востокъ взволновался и раздѣлился. Арій пріобрѣлъ еще защитниковъ своего ученія въ лицѣ нѣсколькихъ

вліятельныхъ епископовъ. Такое положеніе дѣлъ продлилось бы долго. если бы не вмѣшательство и не поддержка со стороны свѣтской власти. Дѣло Арія стало не только дѣломъ христіанской общины, но и дѣломъ Римской имперіи. Христіанская Александрія раздѣлилась на двѣ части,—христіанъ православныхъ и аріанъ. Епископъ Александръ предъявилъ цѣлый томъ писемъ отъ частныхъ лицъ, единомыслящихъ съ нимъ; Арій же хвасталъ, что обладаетъ столькими же документами. Христіане спорили въ домахъ и на площадяхъ о единосущіи Сына съ Отцемъ. Язычники осмѣивали споры христіанъ, выставляя ихъ въ комическомъ видѣ на театральной сценѣ.

Понятно, что такія обстоятельства могли вызвать вооруженное столкновеніе язычниковъ съ христіанами. Вотъ почему Константинъ, опасаясь безпорядковъ и нуждаясь въ единодушіи христіанъ для своихъ политическихъ видовъ, рѣшился прекратить споръ, тогда какъ въ первые годы своего царствованія относился нерѣшительно къ раздорамъ, раздиравшимъ христіанскую Церковь. Евсевій, епископъ Кесарійскій, оставилъ намъ исторію временъ Константина и его біографію, въ которой мы находимъ много важнаго для исторіи аріанства. Надо, однако. помнить, что историкъ самъ долго склонялся на сторону Арія. Въ біографіи Константина находятся между прочими документы объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовенству, которому издавна покровительствовалъ императоръ, сознавая его силу, признавъ въ немъ особое сословіе,—клиръ, наградивъ недвижимыми имуществами, правомъ собственнаго суда по религіознымъ и брачнымъ дѣламъ, освободивъ отъ налоговъ, муниципальныхъ обязанностей и военной службы, поставивъ однимъ словомъ христіанское духовенство въ привилегированное положеніе.

Константинъ смотрѣлъ сначала на эти раздоры глазами философа и считалъ основаніе несогласій религіозныхъ ничтожнымъ. „Узнавъ причину этихъ раздоровъ, писалъ онъ епископу Александру, я удостовѣрился, что она неважна и недостойна возбуждать столько разногласія. Я принимаю на себя обязанность посредника и примирителя. Если бы причина спора была серьезная и значительная, то я и тогда бы надѣялся прекратить его, обратясь за рѣшеніемъ къ людямъ благочестивымъ и разумнымъ. Тѣмъ болѣе могу надѣяться на успѣхъ примиренія, когда причина столь ничтожна“. Императоръ по

своему глядѣлъ на дѣло. Замѣчательно то обстоятельство, что Церковь принимала къ свѣдѣнію и придавала значеніе мнѣніямъ императора-язычника.—„Ты, Александръ, продолжаетъ Константинъ, напрасно предложилъ пресвитерамъ неумѣстные вопросы, а ты, Арій, высказалъ мнѣніе, которое не слѣдовало бы имѣть, а если таковое имѣешь, то хранить про себя. Вы должны сдѣлать взаимныя уступки. Ни тотъ, ни другой изъ васъ не желаетъ сдѣлаться основателемъ новой религіи. Въ сущности вы согласны. Сдѣлайте же уступки. Вы не должны раздѣлять народа христіанскаго столь тщетнымъ споромъ. Возьмите примѣръ съ философовъ. Ихъ школы не раздвояются вопросами второстепенными, въ которыхъ послѣдователи ихъ не совершенно согласны. Тѣмъ болѣе такъ должно быть въ вашей Церкви". Новые церковные историки — Неандеръ, Гизелеръ, Гетте, англичанинъ Мильманъ—полагаютъ, что этотъ рескриптъ былъ написанъ подъ вліяніемъ Евсевія, епископа Кесарійскаго, но рескриптъ этотъ могъ выйти изъ подъ пера императора и помимо Евсевія. Евсевій, хотя и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ со многими изъ аріанъ, но тѣмъ не менѣе не одобрялъ распри и рѣзко негодовалъ на ту и другую сторону.

Въ дѣлѣ примиренія спорящихъ сторонъ принялъ участіе римскій пресвитеръ, а потомъ епископъ кордуанскій Озій. Фактъ этотъ важенъ въ виду того, что впослѣдствіи папы и защитники папской системы усматривали въ немъ предпочтеніе уже въ то время, отдававшееся Римскому епископу. Озій отвезъ рескриптъ императора въ Александрію; ему же поручено было принять дисциплинарныя мѣры, вызванныя положеніемъ дѣлъ.

Соборъ Александрійскій, по пріѣздѣ Озія и полученіи письма императора, нашелъ нужнымъ отлучить Арія, который удалился въ Палестину и тамъ продолжалъ распространять свое ученіе. Императоръ, видя что несогласія въ христіанствѣ продолжаются, что оно не перестаетъ дѣлиться, все болѣе и болѣе принимаетъ участія въ дѣлахъ церковныхъ. Императоръ-язычникъ, глава языческой церкви, беретъ на себя право созывать собраніе христіанскаго духовенства.

Первый вселенскій соборъ.

Въ 325 г. въ Никеѣ, въ Виѳиніи въ предѣлахъ Малой Азіи, состоялся соборъ, на которомъ присутствовало 318 епископовъ,—и „нельзя было опредѣлить числа пресвитеровъ

и діаконовъ". Сюда же явился самъ императоръ. Никея была центромъ Восточной части имперіи: Византія пока еще не была объявлена столицей. Евсевій, Геласій изъ Кизиковъ, Аѳанасій Александрійскій оставили намъ трактаты о Никейскомъ соборѣ. Кромѣ Евсевія и Аѳанасія имѣемъ отъ того времени „церковныя исторіи" Сократа, Созомена и Ѳеодорита, которые говорятъ, что соборъ этотъ украшали не только святители, но и чудотворцы ([1]). Члены Никейскаго собора представляли собою сонмъ мучениковъ; у одного были отрублены обѣ руки, у другаго сожжены ноги, у того вырваны оба глаза, у иного обрѣзаны вѣки. Это былъ какъ бы синклитъ подвижниковъ, истерзанныхъ и изможденныхъ страдальцевъ за вѣру Христову, которые своими язвами служили живымъ упрекомъ для язычниковъ. Но ни присутствіе императора, ни святителей православной церкви не помѣшало греческимъ философамъ явиться въ Никею и до открытія собора вступать въ споры съ христіанскими пресвитерами и епископами. Христіанскіе историки признаютъ, что пастыри Церкви православной съ трудомъ защищались противъ эллинской риторики. Не желая и не будучи въ состояніи бороться на поприщѣ діалектики и философіи съ софистами, пресвитеры покончили съ ними довольно лаконически. Они сказали: „Ни Христосъ, ни Апостолы не учили насъ ни философіи, ни діалектикѣ; они преподали намъ простое и понятное ученіе, которому мы и слѣдуемъ".

Сперва Константинъ потребовалъ у епископовъ, какъ предсѣдатель, объясненія, но потомъ отказался быть ихъ судьею, предоставивъ это дѣло собору, на засѣданіяхъ котораго присутствовалъ. Католическіе историки тщетно стараются доказать, что на соборѣ предсѣдательствовалъ Озій, въ качествѣ легата Римскаго епископа. Предсѣдателей было нѣсколько, но старшимъ изъ нихъ былъ Евстафій, епископъ Антіохійскій. Извѣстно, что соборъ 325 г. осудилъ Арія и его ученіе и изложилъ Символъ вѣры, которому до настоящаго времени съ буквальною точностію слѣдуетъ Восточная Церковь. Ересіархъ отказался подписать постановленіе собора

([1]) Исторія Евсевія доведена до 324 г., Сократа Схоластика до 439, Эрмія Созомена до 423, Ѳеодорита до 427, Никифора Каллиста до 610 г. Всѣ они писали по гречески: одинъ Руфинъ продолжалъ исторію Евсевія по латыни до 395 г.

и былъ сосланъ съ запрещеніемъ когда либо возвращаться въ Александрію. Но партія Арія не пала, ибо противъ него было употреблено насиліе; въ глазахъ своихъ послѣдователей онъ былъ мученикомъ за вѣру. Ссылка Арія возбудила вражду между христіанами и сектантами, число которыхъ стало быстро возрастать. Цѣлые народы стали слѣдовать аріанству. Не смотря на поддержку свѣтскаго меча, православіе еще долго боролось съ аріанствомъ. Въ 326 году Константинъ посѣтилъ Римъ, который тогда былъ еще столицей и средоточіемъ языческаго міра. Столица встрѣтила императора холодно; холодность эта перешла скоро въ открытую ненависть. Императоръ хотѣлъ употребить противъ этого силу, но въ это время онъ услыхалъ отъ своей жены Фаусты о мнимомъ заговорѣ, во главѣ котораго будто стоялъ его сынъ Криспъ. Не разобравъ дѣла, императоръ приказалъ казнить Криспа. Когда же Елена, мать Константина, разъяснила ему, что никакого заговора въ дѣйствительности не существовало, но что все это интриги развратной Фаусты, то послѣдняя была задушена въ банѣ горячими парами. Тогда, какъ бы желая умилостивить дотолѣ невѣдомаго ему христіанскаго Бога, Константинъ начинаетъ строить храмы. Такъ имъ была построена въ Римѣ церковь св. Петра на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ въ XVI вѣкѣ былъ заложенъ знаменитый соборъ; тогда же была сооружена церковь св. Павла, а также св. Агнесы надъ катакомбами, гдѣ до сихъ поръ находится много нетронутыхъ могилъ христіанскихъ мучениковъ.

Въ этомъ посѣщеніи Рима Константиномъ кроются факты весьма важные въ исторіи гегемоніи папъ. Мы остановимся на двухъ изъ нихъ: во первыхъ — на дарственной записи и во вторыхъ—на фактѣ крещенія Константина, о которомъ говорятъ подложные акты, приписываемые св. Сильвестру.

Подложные римскіе документы.

По римско-католическимъ преданіямъ, Константинъ въ 326 г. не только снабдилъ собственностью храмы, которые онъ самъ построилъ, но и далъ право неограниченной власти Римскому епископу надъ Римомъ и Италіей. Понятно, что защитить эти положенія, доказать ихъ весьма трудно; они противорѣчатъ сами себѣ. Въ этомъ дарственномъ актѣ не согласуются даже хронологическія данныя; въ немъ нѣтъ внѣшней вѣроятности. Документъ отъ 311 или 313 года. Въ

немъ, напр., Римскій епископъ называется папой и отцемъ отцевъ, верховнымъ первосвященникомъ, papa universalis; между тѣмъ извѣстно, что это названіе возникло гораздо позднѣе; въ немъ упоминается о патріархѣ Византійскомъ, тогда какъ Византія была основана въ 330 году, а патріархатъ Византійскій явился не ранѣе 381 года; въ немъ упоминается о Никейскомъ соборѣ, бывшемъ въ 325 г., тогда какъ самый актъ помѣченъ 313 годомъ. Далѣе говорится, что Константинъ отдалъ Римъ и весь Западъ Римскому епископу, между тѣмъ извѣстно, что то и другое было отдано императоромъ сыну своему Константину II и, конечно, онъ не могъ завѣщать два раза одно и тоже разнымъ лицамъ? Изъ того факта, что въ записи говорится о божественной силѣ папы, объ его власти надъ христіанскимъ міромъ, можно заключить, что актъ этотъ написанъ въ VIII вѣкѣ.—Что касается крещенія Константина въ Римѣ, то это также невѣроятно, ибо извѣстно, что императоръ не рѣшался креститься до послѣднихъ дней своей жизни, всесторонне изучая новую вѣру. Въ Римѣ, около Латеранскаго собора, показываютъ даже купель Константина, т. н. баптистерію, обманную выдумку католической іерархіи. Кромѣ того, весь актъ изложенъ дурнымъ латинскимъ слогомъ со множествомъ ошибокъ. Это стараются объяснить тѣмъ, что первоначально актъ былъ написанъ на греческомъ языкѣ, а потомъ переведенъ на латинскій. Но несомнѣнно, что никогда Константинъ не издавалъ оффиціальныхъ документовъ по гречески. Очевидно, что актъ этотъ сочиненъ впослѣдствіи.

Распространеніе аріанства.

Въ Азіи и въ Египтѣ продолжало развиваться аріанство, борьба съ которымъ становилась всё труднѣе и труднѣе. Даже среди родственниковъ и придворныхъ Константина было много аріанъ. Вражда, не смотря на увѣщанія императора, съ каждымъ днёмъ увеличивалась и дѣло доходило даже до грязныхъ скандаловъ. Иногда женщины являлись на соборъ и обличали епископовъ въ прелюбодѣяніи, чтобы тѣмъ подорвать ихъ авторитетъ. Такъ было, напримѣръ, съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ, который былъ сосланъ императоромъ въ бельгійскій Триръ въ угоду аріанъ. Самъ же Арій Іерусалимскимъ епископомъ былъ принятъ въ Церковь. Теперь и на Западѣ былъ возбужденъ аріанскій вопросъ. Въ Константинополѣ Арій надменно оправдывается предъ императоромъ.

Уже назначенъ былъ день состязанія между никейцами и аріанами, къ великому соблазну Церкви. Внезапная смерть Арія на улицѣ помѣшала этому, но не прекратила вражды.

Послѣднія мѣры Константина по отношенію къ христіанству; его крещеніе и кончина въ 337 г.

Если вѣрить аріанскимъ толкамъ, записаннымъ современниками, то Константинъ имѣлъ намѣреніе созвать новый соборъ, отмѣнить символъ вѣры и дать торжество аріанамъ,—но умеръ, лишь случайно не исполнивъ этого мнимаго намѣренія. По другимъ противоположнымъ и болѣе вѣрнымъ въ глазахъ критики свѣдѣніямъ, Константинъ, въ виду внезапной смерти Арія, глубоко потрясенный, склонился еще болѣе на сторону христіанства. Онъ предвидѣлъ, что христіане, пріобрѣтавшіе тысячи прозелитовъ, одолѣютъ и всталъ рѣшительно на сторону послѣдователей Христа, руководясь соображеніями высшей мудрости. Раздоры церковные надоѣли императору. Сперва онъ хотѣлъ угодить той или другой сторонѣ, но желаніе водворить порядокъ взяло верхъ и повело къ тому, что онъ обнажилъ свѣтскій мечъ въ дѣлахъ церковныхъ. Не задолго до смерти онъ издалъ суровый эдиктъ противъ еретиковъ, отлученныхъ Римскою Церковью. Еретики по этому эдикту лишались права пользоваться правами, предоставленными Церкви христіанской; имъ было запрещено собираться въ публичныхъ мѣстахъ; ихъ возбранялось допускать къ муниципальнымъ должностямъ; книги у нихъ были отобраны, а церкви закрыты. Но замѣчательно, что въ этомъ эдиктѣ не говорится объ аріанахъ; это показываетъ, что императоръ надѣялся на обращеніе послѣднихъ въ нѣдра Церкви. Въ то время, находясь подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, окруживъ себя епископами, допуская разрушеніе и закрытіе языческихъ храмовъ, повелѣвъ строить церкви въ Палестинѣ, приказавъ праздновать воскресный день, Константинъ хотѣлъ водворить въ имперіи христіанскую чистоту нравовъ, хотя бы съ внѣшней стороны, связавъ всѣхъ въ одно общество. Христіанство было великою созидающею силой; оно, можно сказать, создало семью, запрещая разводы, вселяя въ дѣтяхъ уваженіе къ родителямъ. Константинъ старался внести эти христіанскія понятія въ римскую античную семью, какъ бы предполагая возможность уничтоженія послѣдней. Онъ ограничилъ разводы, которые тогда возросли до того, что супружескія узы, считаясь формальными, не существовали въ дѣйствительности. Онъ издалъ указъ, которымъ стѣснилъ разводы и

тѣмъ выразилъ уваженіе къ христіанству, взявши при изданіи закона въ руководство христіанское ученіе, неблагопріятное разводу. По этому закону женщина могла требовать развода съ мужемъ только тогда, если уличала мужа въ отравленіи, въ убійствѣ, или въ разрытіи могилы, что составляло въ то время довольно распространенное преступленіе. Если же она разводилась съ мужемъ по другимъ причинамъ, менѣе важнымъ, то лишалась своего имѣнія, которое предоставлялось въ собственность мужа, а сама отправлялась въ изгнаніе. Мужъ въ свою очередь могъ также требовать развода съ женою тогда, когда уличалъ ее въ прелюбодѣяніи и развратѣ; иначе онъ могъ развестись только подъ условіемъ возвращенія приданаго и обязательства не вступать въ новый бракъ. Хотя узаконенія эти были не вполнѣ согласны съ евангельскимъ ученіемъ о нерасторжимости брака, однако они все таки сближали общество съ христіанскимъ воззрѣніемъ и заставляли выше цѣнить брачныя узы.

Когда самъ императоръ предъ смертію, уже больной, около Троицына дня 337 г., принялъ, наконецъ, христіанство въ Никомедіи, отъ рукъ епископа Евсевія, то оно сдѣлалось господствующей религіей; весь дворъ, всѣ приближенные цѣлыми семействами послѣдовали примѣру государя и крестились. — „Теперь нѣтъ больше колебаній“, произнесъ императоръ при крещеніи и по его слову безповоротно направились духовныя судьбы историческаго міра. Онъ умеръ на 65 г. жизни. Его память чтили одинаково и христіане и язычники. Послѣдніе оказали ему божескія почести, а Церковь превознесла его, какъ основателя христіанской имперіи, чествуя наименованіемъ Великаго и Равноапостольнаго.

2) Первые преемники Константина и упроченіе христіанства

Императоръ Константинъ I оставилъ уже христіанскихъ наслѣдниковъ. По смерти его имперія раздѣлилась между тремя сыновьями: старшему сыну, носившему отцовское имя Константина, былъ предоставленъ Западъ, т. е. Галлія, Испанія, Мавриганія и Британія; Констанцій получилъ Востокъ и Египетъ, а самый младшій Константъ—Италію, Иллирію и Африку. Но передъ этимъ раздѣломъ два племянника Константина, Далмацій и Аннибаліанъ, которые управляли отдѣльными провинціями, погибли отъ рукъ солдатъ. При этомъ были задушены

пятеро племянниковъ покойнаго императора. Два сына Далмація были пощажены. То были Галлъ и Юліанъ, которые укрылись подъ алтаремъ церковнымъ. Ихъ воспитывалъ Евсевій, епископъ Кесарійскій, который возвелъ ихъ обоихъ въ званіе чтецовъ церковныхъ. Одному изъ нихъ, а именно Юліану, предстояла громкая, но печальная будущность.

Борьба между сыновьями Константина.

Настало время раздоровъ, преступленій и убійствъ при императорскихъ дворахъ и Церкви пришлось умиротворять эти дикія страсти. Но всѣ три императора не отличались высокими достоинствами. Замѣчено, что достойными наслѣдниками римскихъ императоровъ рѣдко бывали ихъ дѣти, а чаще лица, избираемыя и усыновляемыя императорами. Старшій сынъ, которому было 20 лѣтъ, сравнительно болѣе напоминалъ отца храбростью, стойкостью, хотя далеко уступалъ ему въ политическихъ и государственныхъ талантахъ. Констанцій былъ орудіемъ въ рукахъ своихъ приближенныхъ и друзей, которые льстили его самолюбію и этимъ портили его характеръ. Изъ братьевъ младшій Константъ весь былъ посвященъ удовольствіямъ. Они были убѣжденными христіанами того или другаго направленія. Раздоры христіанской Церкви послужили причиною раздоровъ между братьями. Не смотря на это христіанство сдѣлало величайшее завоеваніе. Въ его исторіи свершился актъ огромнаго значенія. Въ 341 г. на Востокѣ Констанцій прекратилъ существованіе язычества декретомъ: *cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania*, „да престанетъ суевѣріе, да прекратится жертвенное безуміе"... Это былъ окончательный поворотъ къ новому порядку.

На Западѣ продолжали дѣйствовать прежнія политическія и церковныя условія, но оффиціально они просуществовали не менѣе 15 лѣтъ. Тогда въ каждомъ домѣ были раздоры; они происходили между христіанами и язычниками, но еще болѣе обострялись между самими христіанами. Отецъ держался никейскаго вѣроисповѣданія, сынъ аріанскаго, а мать слѣдовала какой либо другой христіанской сектѣ. Только одинъ молодой императоръ Константинъ II оказался истиннымъ и вѣрнымъ христіаниномъ. Онъ возвратилъ Аѳанасія изъ ссылки, которая нашла его въ бельгійскомъ городѣ Трирѣ. Аріане, конечно, сильно вознегодовали, но со временемъ загладили свою месть къ православнымъ.

Единовластіе Констанція и реакція аріанства (351 – 361 г.)

Они усилились, когда Константинъ былъ убитъ въ борьбѣ съ Константомъ и когда Констанцій, повелитель Востока, открыто принялъ аріанство. Константинъ II еще могъ бы удержать православіе на Западѣ, куда съ трудомъ проникало аріанство, благодаря рѣшительной и энергической оппозиціи римскихъ епископовъ. Но Константъ, побѣдивъ старшаго брата Константина, захватилъ весь Западъ. Къ несчастію, Константъ погибъ въ борьбѣ съ франками и съ Магненціемъ, который, убивъ императора, провозгласилъ самъ себя императоромъ Италіи, Африки и Британіи. Это былъ дурной прецедентъ. Но варваръ былъ недолго императоромъ Запада.

Понятно, что имперія пока была сильна, должна была оказывать сопротивленіе варварству. Констанцій выступилъ противъ Магненція, разбилъ его въ 351 году не далеко отъ Дуная и Савы при городѣ Мурсѣ, нынѣшнемъ Эссекѣ въ Славоніи, гдѣ дрались цѣлыя арміи Востока и Запада. Затѣмъ онъ преслѣдовалъ и въ слѣдующемъ году настигъ его въ Галліи, на берегахъ Дюрансы, гдѣ Магненцій погибъ. Констанцій сталъ такимъ образомъ единодержавнымъ императоромъ. Тогда онъ эдиктомъ объявилъ язычество уничтоженнымъ повсюду въ предѣлахъ Имперіи и въ 353 году, въ началѣ своего единодержавія, назначаетъ смертную казнь за принесеніе языческихъ жертвъ богамъ; но для Рима пришлось сдѣлать исключеніе. Слѣдствіемъ крутыхъ мѣръ Констанція было то, что толпы язычниковъ обращались въ христіанство поневолѣ и безъ сердечнаго убѣжденія въ истинности его. Постепенно язычники удалялись изъ городовъ въ свои „pagi“, отчего получили названіе „pagani“, что собственно значитъ „сельчане“. Извѣстно, съ какимъ понятіемъ это слово перешло въ русскій языкъ. Но императоръ, хотя и христіанинъ, былъ сторонникомъ аріанства. Надо замѣтить, что онъ многимъ былъ обязанъ одному талантливому священнику, который наставлялъ его въ ереси. Благодаря императору, авторитету его личности, аріанство крѣпко привилось среди императорскаго двора и въ императорскомъ семействѣ. Императоръ посылаетъ аріанскаго священника въ Александрію, но его народъ не принимаетъ; происходитъ возмущеніе, но административная власть водворяетъ его и аріанскій епископъ всходитъ по трупамъ на Александрійскую каѳедру. Аѳанасій выступилъ на защиту православія и борется въ Египтѣ и Африкѣ. Въ отчаяніи онъ обращается къ Римскому епископу

Юлію, который созвалъ соборъ для разбора обвиненій, взводимыхъ на Аѳанасія его врагами и для рѣшенія вопроса о томъ, долженъ ли Западъ оставаться въ общеніи съ ними и съ аріанскимъ епископомъ Александромъ. Этотъ соборъ послужилъ новымъ поводомъ для римско-католической гордости, хотя тогдашній папа Юлій и не думалъ возвышать свою власть, а тѣмъ менѣе претендовалъ быть всеобщимъ судьей.

Въ то время Церковь не имѣла ни малѣйшаго понятія о верховной единоличной надъ собой власти. Единственнымъ церковнымъ судилищемъ въ каждой провинціи считался соборъ. Сперва эта власть была просто почетной, но, по постановленію слѣдующаго собора въ 345 г. въ Сардикахъ, было предоставлено римскому епископу рѣшить спорный вопросъ, т. е. или утвердить первое рѣшеніе римскаго собора или передать дѣло на обсужденіе епископовъ смежной провинціи. Этого постановленія достаточно для прежнихъ и нынѣшнихъ защитниковъ папской гегемоніи. Дѣйствительныя причины возвышенія папъ объясняются такимъ образомъ сами по себѣ, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Возвышеніе Римской Церкви.

Обособленіе Константинопольской Церкви поставило на Западѣ высоко Римскую церковь, какъ столичную, какъ освященную трудами Св. Апостоловъ. На Востокѣ святыни и воспоминанія были разсѣяны во множествѣ, но не то было на Западѣ. Понятно, что на Западѣ взоры христіанъ не отдѣлялись отъ Рима еще въ то время, какъ христіанская Церковь жила общею жизнію. Востокъ былъ чуждъ для Запада. Вообще на Востокѣ привыкли равнодушно смотрѣть на Римъ, не думая придавать какое либо значеніе римскому епископу. Аѳанасій, восточный епископъ, обращаясь къ суду римскаго епископа, самъ того не замѣчалъ, что этимъ усиливался авторитетъ папы. Онъ не думалъ, что римскій епископъ воспользуется этимъ незначительнымъ фактомъ для того, чтобы упрочить за своей епархіей главенство и право верховнаго церковнаго судилища и что на немъ Римская Церковь будетъ основывать свои міровыя претензіи. Самъ по себѣ римскій престолъ былъ богаче другихъ, благодаря пожертвованіямъ, щедро приносимымъ со стороны богатыхъ гражданъ. Изъ за этого престола дрались партіи и люди умирали сотнями, обагряя пороги храмовъ. Гладіаторы, наѣздники и всякій сбродъ вмѣстѣ съ монахами принимали

участіе въ выборахъ епископа. Понятно, что римскій епископъ и клиръ не служили образцомъ нравственности, когда Церковь окончательно восторжествовала при Констанціѣ. Но къ счастію Римской Церкви, тамъ во время явилось монашество и своей конкуренціей побудило духовенство нѣсколько исправиться, составивъ изъ себя корпорацію, одушевленную однимъ духомъ.

Іеронимъ, основатель западнаго монашества, прибылъ изъ Константинополя въ Римъ въ 382 г. Онъ видѣлъ разногласія тамошняго духовенства: онъ гласно заявлялъ, что духовенство безнравственно; онъ же требовалъ отъ духовныхъ дѣвственности, если они хотятъ сохранить свое вліяніе на общество. Тогда изъ духовныхъ одни оставались безбрачными, а другіе вступали въ бракъ, лишаясь за то хорошей церковной карьеры. Наконецъ въ Римѣ составляется убѣжденіе, что нужно имѣть одного главу, къ которому можно было бы обращаться для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Эта самая идея, распространившаяся въ обществѣ, всего болѣе способствовала гегемоніи папъ. Восточная система рѣшенія богословскихъ вопросовъ соборами считалась на Западѣ неудобною. Дѣйствительно, что можно было разобрать въ аріанскомъ вопросѣ, когда въ IV столѣтіи было 30 соборовъ противъ Арія, 15 за него и 17 склонилось на ту и на другую сторону. Отсутствіе единаго главы, отсутствіе авторитетнаго рѣшителя споровъ было причиною того, что варвары, желавшіе принять христіанство, не знали, гдѣ истина, принять ли вѣру никейскую или аріанскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ давленіе Византійскаго двора на мѣстныя епископскія каѳедры сдѣлало то, что этотъ престолъ сталъ предметомъ раздоровъ и кровавыхъ междоусобій. Такъ новый ересіархъ Македоній силою захватилъ византійскую епархію, пройдя по тремъ тысячамъ труповъ на ея ступени въ 360 г. Между тѣмъ Македоній не только говорилъ, что Сынъ ниже Отца, подобно Арію, но и отвергалъ божественность Св. Духа. Своею жестокостью онъ навлекъ на себя ненависть Констанція и былъ свергнутъ, но какъ могли считать на Западѣ авторитетною руководительницею ту Церковь, главный пастырь который ссылалъ православныхъ, разрушалъ ихъ храмы, выступалъ на нихъ съ оружіемъ. Поднятый вопросъ о Св. Духѣ занялъ умы также, какъ раньше вопросъ о Сынѣ Божіемъ. Православное ученіе о Св. Духѣ защищали – Василій Великій, Григорій

3) Юліанъ и послѣдняя реакція язычества.

Въ своемъ шествіи впередъ торжествующее христіанство только разъ встрѣтило рѣшительное и энергичное сопротивленіе со стороны язычества. Подразумѣваю здѣсь оппозицію оффиціальную, организованную, оказанную христіанству со стороны самаго правительства. Это сопротивленіе было слишкомъ кратковременно, почти мимолетно. Оно имѣло мѣсто только потому, что христіанство было раздѣлено тогда на два, одинаково могущественныя исповѣданія, боровшіяся между собою и потому безсильныя оказать дружный отпоръ язычеству. Я говорю объ эпохѣ Юліана, котораго церковные историки прозвали отступникомъ.

Характеристика Юліана.

Есть личности, которыя совмѣщаютъ въ себѣ въ извѣстные моменты настроеніе всего общества, выражаютъ тайныя мысли большинства или лучшихъ людей. Они могутъ ошибаться; ихъ дѣйствія могутъ пройдти безслѣдно, но тѣмъ не менѣе ихъ личность принадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ Юліанъ. Язычество не могло сдаться безъ борьбы, оно не могло само уничтожиться по одному приказанію сверху. Въ немъ, правда уже не было силы прежнихъ идей и богатаго содержанія,—но всё таки оно могло оказать сопротивленіе, хотя безслѣдное и мимолетное. Тогдашнее язычество приняло философскій характеръ и придало своей религіи символическій смыслъ. Это была уже не обрядная, а философская религія, исходившая изъ ученія Платона и потому послѣдователи ея могли въ тоже время называться неоплатониками, т. е. новыми сторонниками Платона. Всѣ мыслящіе язычники были люди по своему религіозные. Самое слово философъ, эллинъ—означало тогда, на языкѣ христіанина, язычника. Слѣдовательно, язычество тогда было распространено въ рядахъ людей интеллигентныхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Юліанъ, внукъ Константина, бывшій чтецъ на клиросѣ, обязанный христіанскому алтарю спасеніемъ жизни, воспитанникъ христіанскаго епископа. Онъ, однако, не ужился съ христіанскими условіями. Онъ получилъ образованіе двоякаго рода; имъ руководили и христіане, и язычники; но вліяніе послѣднихъ взяло верхъ. Тому, конечно, есть причина. Юліанъ былъ склоненъ заниматься наукою. Она дала ему всё; въ ней онъ находилъ утѣшеніе отъ преслѣдованій, отъ несчастій, которыя грозили ему и которыя обрушились уже на его старшаго брата, Галла. Галлъ раньше Юліана былъ наименованъ

Цезаремъ: онъ управлялъ Востокомъ въ качествѣ соправителя Констанція, когда его вызвали ко двору, гдѣ и убили. Подозрительный Констанцій хотѣлъ погубить и Юліана. До него доходили слухи, слухи справедливые объ языческомъ настроеніи юноши. Но въ судьбѣ Юліана приняла участіе жена Констанція, императрица Евсевія. Она не только защитила его, но и уговорила императора дать ему возможность докончить свое научное и философское образованіе въ Аөинахъ. Тамъ только могло въ душѣ Юліана упрочиться чувство, самое искреннее, самое страстное, какое онъ имѣлъ—ненависть къ христіанству. Эта ненависть, конечно, поселилась въ душѣ Юліана не сама собой: она посилась среди небольшаго кружка фанатиковъ паганизма. Мы не можемъ сомнѣваться въ этой страстной ненависти Юліана къ христіанству, говоритъ новѣйшій историкъ IV вѣка, Альбертъ Брольи. Это чувство выражалось у него въ различныхъ формахъ, въ его ученыхъ и литературныхъ произведеніяхъ. Играть комедію, притворяться, нельзя было такъ долго, да въ этомъ и не было ему никакой пользы. Когда въ порывѣ набожности Юліанъ восклицалъ:—„Я люблю боговъ, я дрожу предъ ними, я боюсь и уважаю ихъ"—въ его голосѣ было слышно волненіе, которому притворство не съумѣло бы подражать. Остается согласиться, что язычество тогда не вполнѣ умерло, если такой образованный человѣкъ, какъ Юліанъ, могъ заблуждаться и дорожить баснями, надъ которыми смѣялся уже Цицеронъ. Но вопросъ—какое это было мѣсто? какой характеръ имѣло современное ему язычество? Дѣло въ томъ, что тогдашній эллинизмъ не былъ въ тѣсномъ союзѣ съ прогрессивнымъ движеніемъ, присущимъ болѣе или менѣе каждому общественному строю. Внѣшній характеръ язычества былъ давно осмѣянъ. Оно было сильно не миѳологіей, не нравственнымъ кодексомъ, котораго въ немъ не было: оно держалось обрядностью и мрачнымъ суевѣріемъ. Въ то время, когда, люди перестали вѣрить въ Юпитера, Марса и Венеру, у того же Плинія, который смѣялся надъ богами, въ его „исторіи", мы встрѣчаемъ обширное поле для всякихъ сверхъестественныхъ вѣрованій. Понятно, что только при свѣтѣ науки отодвигаются назадъ темныя силы, а до того самые сильные умы увлекаются предразсудками и привлекательными тайнами неба и земли. Не особенно легковѣрный Августъ разсказывалъ, что въ тотъ день, когда онъ едва не погибъ отъ возстанія легіоновъ, онъ надѣлъ по несчастію лѣвую сандалію раньше правой. Тотъ же Августъ, который

не видѣлъ въ затменіи ничего чудеснаго, поздравлялъ себя съ кометой, явившейся въ день празднованія его игръ. Юліанъ, жившій почти четырьмя вѣками позже, не ушелъ въ своихъ вѣрованіяхъ дальше, потому что тогдашнее изслѣдованіе не сдѣлало серьезныхъ успѣховъ. За то греческая религія, усвоивъ философскій характеръ, стала свѣжѣе и плодотворнѣе. Точка зрѣнія на многобожіе измѣнилась въ періодъ отъ Августа до Юліана. Люди перестали вѣрить въ оффиціальную прежнюю религію, предметъ благоговѣнія толпы; но философія, соединясь съ религіей, привлекла къ ней и высокіе умы. Юліанъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, направленныхъ противъ христіанства, самъ указываетъ причину, почему онъ никогда не могъ примириться съ ученіемъ Христа. Онъ не могъ постигнуть, какъ единый Богъ управляетъ міромъ безъ свиты вспомогательныхъ боговъ; эту свиту язычество находило въ политеизмѣ, въ которомъ выражались разныя силы духовнаго міра. Такое колебаніе, такое недоумѣніе Юліана весьма понятно, но изъ его почти единичной оппозиціи вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что онъ шелъ противъ духа времени, противъ исторіи.

Въ жизни замѣчательныхъ людей, какъ въ предѣлахъ политической ихъ дѣятельности, такъ и въ проявленіяхъ умственной сферы, слѣдуетъ наблюдать двѣ стороны: внѣшнюю, которой они дѣйствовали на другихъ, и внутреннюю, которая обусловливала и порождала эти дѣйствія. По отношенію къ Юліану пока остановимся на сторонѣ внутренней (1).

Юліаномъ руководили два чувства. Одно заключалось въ сердечномъ убѣжденіи въ необходимости возстановить античныхъ боговъ на разныхъ ступеняхъ теогоніи. Другое побужденіе заключалось въ негодованіи, которое Юліанъ чувствовалъ противъ христіанскихъ императоровъ, запятнанныхъ кровью его родственниковъ, державшихъ самого его въ страшномъ стѣсненіи и грозившихъ ему постоянно гибелью. Онъ не хотѣлъ сообразить, удовлетворяетъ ли его личное настроеніе духу времени, и потому всѣ его лучшія усилія не принесли желаемой пользы и историческихъ результатовъ. Фи-

(1) Кромѣ общихъ соч. по церковной исторіи, противъ Юліана направлено соч. Auer, Kaiser Iulian der Abtrünnige (W. 1855) и частію второй томъ цитованнаго труда Albert de Broglie. Иной взглядъ проводятъ Strauss (Der Romantiker auf dem Throne der Caesaren, M. 1847) и Littré въ блестящихъ критическихъ статьяхъ по поводу названнаго соч. де—Брольи пом. въ Journal des savants (1860, №№ 6. 7, 12). Источниками, кромѣ церковныхъ историковъ, служатъ рѣчи софистовъ Ливанія и Θемистія, бывшихъ вполнѣ на сторонѣ Юліана.

лософія Грековъ не прояснила, а только затмила его духовное око. Въ своей задачѣ Юліанъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Марка Аврелія. Между ними было много сходства. Маркъ Аврелій былъ тоже философъ на престолѣ. Одинъ былъ стоикъ, другой неоплатоникъ. Оба они приносили съ собою, какъ казалось, терпимость и свободу убѣжденій; но на дѣлѣ тотъ и другой энергично преслѣдовали чужую вѣру, религію христіанъ. Первый остановился, когда узналъ нѣкоторыя подробности; второй, зная болѣе о христіанахъ, вступилъ на путь, который привелъ бы его къ варварскимъ насиліямъ, если бы судьба дала ему нѣсколько лишнихъ годовъ. Философія такимъ образомъ не помѣшала гоненіямъ и истребленіямъ. Но дѣятельность обоихъ прошла безслѣдно. Слѣдовательно; ни стоицизмъ, ни неоплатонизмъ не удовлетворяли современности. Первое ученіе было неподвижно, второе шло назадъ къ язычеству. Язычество не могло улучшить бытъ варварскихъ народовъ, стремившихся къ сліянію съ Римомъ. Интересно было бы видѣть германцевъ, принявшихъ эллинскую миѳологію. Могли ли бы они усвоить эту религію, промѣняли ли бы они на нее свою родную вѣру съ той-же легкостью, съ какой промѣняли её послѣ на христіанство? Попытка политеизма переродиться не привела къ историческимъ результатамъ потому, что онъ былъ заглушенъ самымъ могучимъ и живучимъ растеніемъ, какимъ было христіанство.

Мы нарочно потому такъ долго распространялись объ этихъ фактахъ, что знаменитые писатели не только прошлаго но и настоящаго времени полагаютъ, что христіанство своими успѣхами и побѣдами обязано причинамъ случайнымъ, что язычество жило бы дольше и что христіанство восторжествовало надъ нимъ силою. Съ этой цѣлью такіе историки должны особенно высоко ставить Юліана. Его не совсѣмъ точно наименовали отступникомъ. Его внутреннее развитіе шло прямымъ путемъ, безъ уклоненія. Юліану не было нужды дѣлаться отступникомъ, потому что онъ никогда не былъ христіаниномъ въ дѣйствительности. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу Литтре, что никто не называетъ отступниками Генриха IV Наваррскаго или принца Кондэ, которые, устрашась Варфоломеевской ночи, приняли католичество, а потомъ снова перешли въ протестантство. Для того, чтобы быть вѣроотступникомъ, нужно вѣровать въ раннюю религію искренно, а не по виду, какъ это дѣлалъ Юліанъ. Конечно, сфера его дѣятельности и вліянія были обширнѣе,

чѣмъ двухъ упомянутыхъ личностей. Онъ также тщательно скрывалъ свои вѣрованія и принуждалъ себя къ исполненію чуждыхъ ему обрядовъ. Онъ такъ ловко и осторожно держался, что подозрительный дворъ аріанскаго императора не могъ открыть его эллинскихъ языческихъ симпатій ни въ Аѳинахъ, ни въ столицѣ.

Юліанъ въ Лутеціи. Въ 355 г. Констанцій долженъ былъ отправиться противъ Персовъ. Надо было поручить кому нибудь управленіе Западомъ и Юліана пришлось тогда объявить цезаремъ. Онъ учредилъ свою резиденцію въ Lutetia Parisiorum, нынѣшнемъ Парижѣ. Это былъ небольшой городокъ съ амфитеатромъ и древними памятниками; тамъ Юліанъ соорудилъ себѣ великолѣпный дворецъ и термы (теперь musée de Clugny), развалины которыхъ еще можно видѣть на бульварѣ св. Михаила (boulevard St. Michel). Тамъ новый цезарь сблизился съ мѣстнымъ префектомъ Саллюстіемъ, который былъ тоже въ душѣ язычникъ и, однако, своей опытностью сдерживалъ юношеское увлеченіе Юліана. Саллюстію и Юліану приходилось разбирать непрестанныя столкновенія между православными и аріанами, что еще болѣе укрѣпляло ихъ языческое настроеніе. Бенедиктинцы, составители литературной исторіи Франціи (¹), говорятъ, что Саллюстій былъ Периклюмъ для Юліана, но что онъ съ большей терпимостью относился къ христіанамъ. Для Констанція показалась подозрительной дружба Саллюстія съ цезаремъ Галліи и чрезъ два года онъ отозвалъ Саллюстія во Ѳракію. Юліанъ написалъ трогательное письмо на разлуку съ другомъ; въ немъ видно его любящее сердце. Онъ ждалъ императорской власти для того, чтобы возвратить къ себѣ любимыхъ людей и дать торжество эллинскому политеизму. Эта власть далась ему скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, но еще ранѣе онъ успѣлъ прославиться своими военными успѣхами и административными реформами. Прибывъ въ Галлію, онъ изъ кабинетнаго ученаго скоро сталъ отличнымъ полководцемъ и администраторомъ. Это былъ уже не философъ, а государственный человѣкъ. Такая быстрая перемѣна показываетъ въ Юліанѣ даровитость и богатство натуры. За нимъ не было военнаго опыта, но въ борьбѣ съ германцами онъ имѣлъ успѣхъ, вслѣдствіи своихъ природныхъ качествъ, главнымъ образомъ, благодаря терпѣнію и разсчетливости.

(¹) Histoire littéraire de la France I, p. 197.

Тогда германцы становились очень смѣлы; они часто съ громадными силами осмѣливались переходить черезъ Рейнъ. Они стали соединяться въ большіе союзы, изъ которыхъ особенно страшенъ былъ тогда союзъ аллемановъ. То была агломерація рейнскихъ племенъ, которыя наиболѣе безпокоили римлянъ. Союзъ занималъ территорію по всему среднему Рейну до Майна. Дальше, по нижнему Рейну, расположился союзъ франковъ. Эти федераціи стремились разорить Галлію и овладѣть ею. Юліанъ разбилъ аллемановъ при Страсбургѣ и даже плѣнилъ ихъ вождя; потомъ, перейдя Рейнъ, онъ обратился противъ франковъ. Съ аллеманами у Юліана не кончилась борьба; онъ оставилъ её въ наслѣдіе своимъ преемникамъ. Онъ занималъ у нихъ укрѣпленія, одно за другимъ, и на время остановилъ германскій напоръ, внушивъ варварамъ уваженіе къ римскому оружію. Неизвѣстно, могъ ли онъ достичь прочныхъ результатовъ, если бы въ его распоряженіи были большія военныя средства; въ этомъ можно сомнѣваться, какъ показали событія.

Вдругъ въ 360 г. Юліанъ получаетъ приказаніе отправить часть своихъ войскъ на Востокъ, на помощь императору. Констанцій видимо подозрѣвалъ Юліана. Цезарь съ неохотою отправлялъ войска, да и сами легіоны съ еще большею неохотою шли на Востокъ. Передъ отправленіемъ эти войска взбунтовались въ Парижѣ предъ дворцомъ цезаря. Они потребовали своего любимаго вождя, посадили его на щитъ, пронесли чрезъ улицы Лутеціи и тѣмъ провозгласили его императоромъ; прочія галльскія войска поддерживали ихъ. Юліану нельзя было отказаться; иначе онъ погубилъ бы и себя и преданныхъ ему людей. Юліанъ извѣстилъ Констанція о парижскихъ событіяхъ, но тотъ потребовалъ полной покорности. Обстоятельства сложились такъ, что Юліану пришлось объявить войну Констанцію. Онъ уже подходилъ къ границамъ Ѳракіи. Констанцій выступилъ противъ него но, во время похода, внезапно скончался.

Императоръ Юліанъ (361—363 г.)

Кромѣ Юліана, на престолъ не было претендента и онъ безъ протеста былъ признанъ императоромъ въ 361 году. Понятно, онъ не желалъ болѣе скрывать своихъ чувствъ враждебныхъ христіанству. Четыре года тому назадъ въ Галліи законъ грозилъ смертной казнью за жертвоприношенія, а теперь ихъ совершалъ торжественно и собственноручно молодой императоръ. Кромѣ осужденія за роковую исто-

рическую ошибку. Юліанъ заслужилъ справедливый упрекъ за мстительныя преслѣдованія своихъ враговъ и враговъ его убитаго брата. Прогнавъ отъ двора христіанскихъ духовныхъ, Юліанъ не съумѣлъ окружить себя лучшими людьми языческаго міра. Вокругъ него собрались остряки, шуты, пустые болтуны и софисты. Правда, онъ не позволялъ приближеннымъ участвовать въ управленіи и не подпалъ ихъ вліянію. Но духъ старины отлетѣлъ безвозвратно. Юліанъ напрасно старался внушить, какъ нужно было держаться этой старины. Своего друга префекта Саллюстія, онъ пригласилъ къ себѣ въ товарищи по консульству; этого на практикѣ уже не исполнялось 100 лѣтъ. Юліанъ скоро провозгласилъ вѣротерпимость и равенство вѣроисповѣданій, при чемъ разсчитывалъ, что христіанство само собою сокрушится отъ внутренней борьбы, отъ раздора аріанства съ православіемъ. Но аріане и православные, вернувшись теперь изъ изгнанія, боялись спорить другъ съ другомъ, одинаково презирая императора. Послѣдовавшій затѣмъ указъ о запрещеніи христіанамъ посѣщать школы грамматиковъ и риторовъ былъ также безполезенъ. Юліанъ разсчитывалъ этимъ лишать христіанъ образованія, но грамматики и риторы за деньги продолжали учить и христіанъ. Самъ Юліанъ искусственно оживлялъ духъ язычества; онъ заимствовалъ у христіанъ ихъ филантропическія учрежденія, которыя, конечно, не ладились съ язычествомъ.

Юліанъ хотѣлъ послужить имперіи на восточныхъ границахъ. Онъ началъ необдуманно персидскій походъ, который отличался фантастичностью замысла и въ который не вѣрилъ онъ самъ. Юліанъ точно искалъ смерти. Она была ему предсказана на Востокѣ, о чемъ разсказываетъ современный ему историкъ Амміанъ Марцеллинъ. Отправляясь въ походъ, онъ разсчитывалъ, въ союзѣ съ царемъ Арменіи, обѣщавшимъ ему помощь, взять Селевкію; но для этого сначала было нужно взять Ктезифонъ, который былъ соединенъ мостомъ съ Селевкіей. Съ трудомъ его армія дотянулась до Тигра и перешла его, но вмѣсто того, чтобы взять городъ, она углубилась въ степи. Обѣщанная армянская помощь все не являлась, а между тѣмъ персидскій царь съ своими конными полчищами оцѣпилъ римскую армію. Легіоны возмутились, отказались дальше идти и требовали отступленія; императоръ съ прискорбіемъ долженъ былъ исполнить ихъ желаніе. Онъ искусно велъ отступленіе, но въ одной изъ мелкихъ стычекъ былъ смертельно раненъ.

Прощаясь съ друзьями, уже въ послѣдней агоніи, онъ говорилъ, что умираетъ съ радостью, разсчитываясь съ природой, которая дала ему тѣло и жизнь.—„Я не сдѣлалъ ничего, говорилъ онъ, что̀ заставило бы меня раскаиваться и воспоминаніе о чемъ побудило бы меня краснѣть, — ни въ изгнаніи, ни тогда, когда правилъ имперіей. Я сохранилъ власть незапятнанною, служа интересамъ и благу народа". Когда до его слуха достигли рыданія и стоны приближенныхъ, онъ просилъ не сожалѣть его, а радоваться, что римскій императоръ возвращается къ небу и свѣтиламъ. Онъ просилъ назвать то мѣсто, гдѣ онъ палъ. Ему отвѣтили, что это мѣстечко—Фригія. Императоръ судорожно вздрогнулъ и сказалъ: „Мнѣ всегда предсказывали, что я умру во Фригіи"! Какъ бы пораженный, онъ пересталъ метаться на своемъ ложѣ и спокойно испустилъ духъ.

Онъ умеръ, какъ суевѣръ, какъ истый сынъ язычества.

4) Усиленіе христіанской идеи послѣ Юліана.

Попытка Юліана задержать смерть язычества не была исторической и вмѣстѣ съ тѣмъ не соотвѣтствовала общественному настроенію того времени. Подтвержденіемъ того служатъ обстоятельства, послѣдовавшія непосредственно за смертію Юліана. Такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя преемника, то легіоны провозгласили новаго императора изъ среды своихъ полководцевъ. Выборъ палъ на Іовіана, христіанина, который былъ хотя императоромъ менѣе года, но который, не смотря на ограниченность своихъ способностей, все таки далъ прежнее оффиціальное устройство и господство христіанамъ. Слѣдовательно, кратковременное усиліе Юліана пропало даромъ. Іовіану пришлось заключить постыдный миръ съ персами, за что осуждали его современные ему историки. Дѣйствительно, римлянамъ никогда не приходилось подписывать столь унизительныхъ условій. Нѣсколько городовъ на восточной границѣ, начинавшихъ уже признавать римское господство, было уступлено персамъ. Армянскій царь, союзникъ римлянъ, тоже былъ выданъ; римской арміи пришлось положить оружіе; армяне должны были принять персидскихъ пословъ, посланныхъ слѣдить за исполненіемъ мирнаго трактата. Послѣ такого поношенія Іовіану не пришлось

Іовіанъ 363—364 г.

даже показаться на улицахъ Константинополя; онъ умеръ. не доѣхавъ до столицы.

Валентиніанъ I на Западѣ 364—375 г.

Его преемникомъ былъ суровый деспотъ Валентиніанъ I, человѣкъ со способностями и дарованіями. Онъ передалъ управленіе восточной половиной имперіи своему жестокому и неспособному брату Валенту, который по настоянію своей жены принялъ аріанство. Теперь имперія раздѣлилась не только въ политическомъ отношеніи, но и въ религіозномъ. Востокъ сталъ сферою аріанства, а Западъ—православія. Раздѣленіе власти содѣйствовало усиленію римскаго престола, а также и значенію духовенства. Это сдѣлалъ Валентиніанъ съ цѣлью возвысить Западъ, которымъ онъ долженъ былъ править. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить слѣдующій фактъ. Когда епископъ города Арля, не явившись на судъ Римскаго первосвященника по его требованію, рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу, то Валентиніанъ велѣлъ объявить слѣдующее: „хотя приговоры такого великаго лица, какъ Римскій епископъ, и не нуждаются въ подтвержденіи императора,—но пусть всѣ епископы знаютъ, что приговоры Римскаго первосвященника имѣютъ одинаковую силу съ правительственными узаконеніями и что со всякимъ, кто откажется явиться къ суду папы, будетъ поступлено по закону". Хотя этотъ эдиктъ и не былъ распространенъ на Востокѣ, тѣмъ не менѣе защита папской гегемоніи находила въ немъ для себя достаточное легальное основаніе. Надобно впрочемъ замѣтить, что этотъ эдиктъ, изданный Валентиніаномъ какъ бы ради временныхъ выгодъ, былъ внушенъ императору его любовью къ порядку и страстью его къ регламентаціи. Онъ хотѣлъ, передавъ духовную власть папѣ, строго разграничить дѣла, подлежащія свѣтской и духовной власти, не подозрѣвая конечно дальнѣйшихъ послѣдствій.

Гоненія на язычество и философію.

Извѣстно, что Валентиніанъ не любилъ давать пощады никому и не жалѣлъ смертныхъ приговоровъ, будучи суровъ къ язычникамъ, въ чемъ онъ походилъ на своего брата, дѣйствовавшаго въ пользу аріанства. Такимъ образомъ Валентиніанъ явился орудіемъ падающаго язычества. Когда христіанство вновь и окончательно восторжествовало на Востокѣ и на Западѣ, были подтверждены законы 343 и 357 годовъ. Идолопоклонство было поставлено на ряду съ государственной

измѣной. Поклоненіе языческимъ богамъ считалось чародѣйствомъ, а занятія философіей чернокнижіемъ, такъ какъ одной изъ функцій жречества было предсказаніе будущаго. Такимъ образомъ всякія занятія философіей отождествлялись съ идолопоклонствомъ.

Такое отношеніе къ философамъ отразилось на духѣ среднихъ вѣковъ. Преслѣдованія, направленныя противъ язычества, поражали остатки философіи. Христіане же опирались на начала своей вѣры, которая въ то время всецѣло удовлетворяла идеямъ, носившимся въ обществѣ. Тогда возвысились люди, не получившіе широкого образованія, которыми руководила одна вѣра. Понятно, что обязанные своимъ положеніемъ и успѣхами Церкви, они не могли терпѣть рядомъ съ собой присутствія философовъ. Всякое прегрѣшеніе казалось имъ преступленіемъ, а всякое знаніе составляло въ глазахъ ихъ чернокнижіе. Тогда легко было все свалить на чародѣевъ, и если кто либо губилъ другаго, то прибавлялъ, что его врагъ преданъ чародѣйству. Христіане говорили про язычниковъ. что они, предсказывая по халдейскому обычаю, гадаютъ по жиламъ на рукѣ, по звѣздамъ, лунѣ, водѣ, по халдейскимъ талисманамъ, вырѣзаннымъ на камняхъ. Съ этого времени духовенство средневѣковое на Западѣ относилось враждебно къ знанію. Должно замѣтить, что оно не считало нужнымъ просить помощи у старой науки. Даже рѣшено было стереть съ лица земли всѣхъ философовъ. Эта общественная ненависть была ужасна. Страхъ проникъ даже въ христіанскія семейства до такой степени, что каждую рукопись, какую могли только захватить, сожигали, боясь чтобы какое нибудь выраженіе не погубило бы семью. Такимъ образомъ были сожигаемы цѣлыя сотни рукописей, цѣлыя библіотеки.

Тогда среди христіанскихъ учителей никто не возвысилъ своего голоса на защиту свободной мысли. Талантливые богословы не только не защищали, но старались погубить всякій остатокъ знанія. Страсти послѣ Юліанской реакціи слишкомъ кипѣли, не дозволяя обращаться къ разуму. Повторяемъ, что гоненіе такъ называемаго чернокнижія, т. е. литературы, было общимъ явленіемъ какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, на которомъ православные христіане преслѣдовались чуть ли не наравнѣ съ язычниками, такъ какъ самъ императоръ былъ аріаниномъ. А Валентъ былъ въ полной власти у окружающихъ его аріанъ. То было безпокойное время внутри го-

сударства. Аріане, а извнѣ варвары, какъ бы по общему согласію, котораго на самомъ дѣлѣ не было, съ разныхъ сторонъ наступали на имперію.

Самъ Валентиніанъ боролся съ аллеманами; его полководецъ Θеодосій, родомъ изъ Испаніи, боролся съ бритами, усмиривъ которыхъ, долженъ былъ броситься въ Африку, гдѣ кочевые дикіе народы свирѣпствовали свободно. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, Θеодосій, будучи чужеземцемъ, только одинъ могъ справиться съ опасностями, обладая выдающимися талантами полководца. Между тѣмъ, въ благодарность за свои усилія усмирить враговъ имперіи, онъ былъ казненъ въ Карθагенѣ въ 367 г. подозрительнымъ императоромъ. Границы Запада теперь вновь были открыты по прежнему. Заслуги Θеодосія выдвинули впередъ сына его, носившаго то же имя, и наслѣдовавшаго таланты своего отца. Когда Валентиніанъ I умеръ въ 375 году отъ припадка гнѣва, завѣщавъ престолъ Граціану, то послѣдній сдѣлалъ соправителемъ своимъ малолѣтняго брата Валентиніана II, а ближайшимъ сотрудникомъ его — Θеодосія, который хотѣлъ завладѣть всей имперіей безъ ограниченія власти. Тогда происходило великое передвиженіе народовъ. Напоръ гунновъ изъ Азіи всколебалъ остготовъ, а тѣ толкнули вестготовъ на римскія границы по Дунаю. Не касаясь пока этихъ событій, бросимъ взглядъ на восточную половину имперіи.

Валентъ I на Востокѣ 364—378 г.

Валентъ, императоръ Восточный, окруженный своими богословами, не могъ справиться съ вестготами, не желая даже и защищаться противъ своихъ единовѣрцевъ, которые просили или, точнѣе, требовали позволенія поселиться въ римскихъ предѣлахъ, на что и получили разрѣшеніе. Поселившись на территоріи имперіи, они, возмущенные вымогательствами императорскихъ чиновниковъ, овладѣли Θракіей. Валентъ, думая усмирить вестготовъ, самъ погибъ въ 378 г. въ битвѣ въ окрестностяхъ Адріанополя. Онъ сгорѣлъ въ хижинѣ, которую подожгли готы, отыскивая его. Едва третья доля арміи спаслась; здѣсь бились германцы съ германцами, а аріане съ аріанами. Готы побѣдили, римляне разсѣялись въ паническомъ страхѣ по всей Θракіи до самого Константинополя.

Феодосій I 379—395 г. и развитіе нетерпимости.

Только искусство полководца Феодосія могло одолѣть вестготовъ и то лишь спустя 7 лѣтъ. Побѣжденные вестготы должны были поселиться къ Западу на указанномъ мѣстѣ. Съ ними наступилъ конецъ аріанству. Феодосій какъ бы съ [illegible] овладѣлъ титуломъ Восточнаго императора. Съ 383 г., послѣ смерти Граціана, считаютъ на Западѣ императоромъ Валентиніана II, но дѣйствительнымъ повелителемъ имперіи былъ уже Феодосій, женатый на сестрѣ императора. Когда франкъ Арбогастъ въ 392 г. убилъ Валентиніана II-го, и, опираясь на языческую партію, назначилъ императоромъ Евгенія, то Феодосій подчинилъ Западную Римскую имперію и, за два года до своей смерти, считался полнымъ единодержавнымъ императоромъ обѣихъ половинъ имперіи. Такимъ образомъ всякія попытки поддержать язычество, какъ напримѣръ, Юліана, а затѣмъ Арбогаста и Евгенія, оказывались ничтожными. Будучи искреннимъ послѣдователемъ Никейскаго символа, императоръ Феодосій, прозванный современниками и нѣкоторыми церковными историками „великимъ", со всѣмъ увлеченіемъ свойственнымъ его натурѣ, преслѣдовалъ аріанство. Дѣйствительно, при немъ кончилось господство аріанъ на Востокѣ.

Трудно сказать, что было болѣе ненавистно для Феодосія: аріанство или язычество.

Дѣло Церкви онъ сдѣлалъ дѣломъ государства. Это была неосторожная политика. Онъ въ 391 и 392 г. издалъ драконовскіе законы противъ язычниковъ и еретиковъ и раздражилъ народныя страсти противъ совершенно безсильныхъ остатковъ язычества. Разсматриваніе внутренностей животныхъ съ 391 года было объявлено преступленіемъ. Всякое случайное пребываніе въ языческомъ храмѣ влекло за собою громадный штрафъ. Даже если въ частномъ домѣ происходило куреніе богамъ, то домъ былъ передаваемъ государственной казнѣ. Феодосій велѣлъ разрушать языческіе храмы и отнимать ихъ имущества. Весталки, которыхъ доселѣ щадили, были распущены. Послѣднія олимпійскія игры были отпразднованы въ 393 г. и затѣмъ воспрещены навсегда. Эта суровая политика продолжалась по отношенію язычниковъ и въ послѣдующее время. Языческіе храмы и ихъ собственность были конфискованы, жрецы изгнаны; затѣмъ всѣ язычники были вскорѣ лишены права занимать административныя и судебныя должности. Все это было сдѣлано круто, безъ постепенности. Таковы законы о секуля-

ризаціи языческихъ храмовъ, изданные въ 407, 408, 412, 415, 416 и 417 годахъ.

Въ свою очередь, законы Θеодосія, направленные противъ еретиковъ, въ интересахъ православія, были очень строги; назначены были особыя лица въ родѣ инквизиторовъ, которые были и шпіонами и судьями. Еретики, которые не слѣдовали ученію епископовъ Римскаго или Александрійскаго, лишались права располагать своею собственностію. Тогда еще не установилось окончательно празднованіе Пасхи, вслѣдствіе чего нѣкоторые праздновали ее вмѣстѣ съ евреями. На Никейскомъ же соборѣ было постановлено тщательно избѣгать совпаденія христіанской Пасхи съ еврейской. Θеодосій всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы праздновать Пасху вмѣстѣ съ еврейскою, объявлялъ еретиками и только тѣхъ, которые вполнѣ слѣдовали правиламъ Никейскаго собора, приказалъ называть *каθоликами*. Желая упрочить христіанство, онъ другой рукой наносилъ жестокіе удары свободѣ мысли. Благодаря такой рѣшительной политикѣ въ дѣлѣ распространенія христіанства, послѣдовала задержка въ ходѣ человѣческой мысли, поставившая на Западѣ во враждебныя отношенія религію съ разумомъ и прогрессомъ. Чисто научные вопросы были подвергаемы оцѣнкѣ богослововъ, сужденіе которыхъ считалось окончательнымъ, безапеляціоннымъ, вслѣдствіи чего долженъ былъ явиться застой въ наукѣ и философіи ([1]).

Первые церковные писатели, породившіе мистическое направленіе въ обществѣ, при всѣхъ своихъ талантахъ, презирая внѣшній міръ, игнорируя его изученіе, въ то же время всякую философію продолжали считать лишней, пустой и ложной. Они поставили её въ непосредственную зависимость отъ богословія. Начало этому направленію было положено при императорѣ Θеодосіи. Ученіе о шарообразности земли, которое слабо носилось въ греческой наукѣ, было ими осмѣиваемо. Они говорили: „всё, что не было указано въ библіи, для христіанъ не существуетъ, а всякое другое знаніе безполезно и даже грѣховно“. Понятно, что богословы употребляли всѣ усилія, чтобы заставить христіанъ сосредоточиться только на однихъ догматахъ и на церковной литературѣ. Гражданская власть искренно сочувствовала этому. Весь умственный капиталъ рѣшено было собрать въ одну богословскую систему и такъ передать послѣдующему поколѣнію. Трудно сказать, что ста-

([1]) Подробности собраны у Lecky, Sittengeschichte Europás, üb. von Tolowicz: L. 2 B. 1870.

ло предлогомъ и цѣлью въ дѣлѣ преслѣдованія книгъ и вообще язычества.

О томъ, какъ безпощадно было гоненіе на язычниковъ, можетъ служить событіе, случившееся въ Александріи. Александрія была богатымъ и роскошнымъ городомъ послѣ Рима и Константинополя. Ея гавани были еще полны кораблей. Посреди города на площади возвышался роскошный мавзолей Александра Великаго. То былъ городъ синагогъ, гимназій, музеевъ, храмовъ. Улицы были оживлены толпой христіанъ, евреевъ, язычниковъ, которые могли бы жить дружно между собою. Искорененіе язычниковъ въ Александріи сопровождалось страшной катастрофой. Должно замѣтить, что Александрія имѣла богатое собраніе древностей и вмѣстѣ великолѣпный музей. И то и другое помѣщалось со времени Клеопатры при храмѣ Сераписа. Это былъ красивѣйшій храмъ въ свѣтѣ, ненавистный для христіанскаго духовенства. Онъ былъ расположенъ на горѣ, на которую вело 100 ступеней. Онъ блисталъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и соблазнялъ богатствомъ. Духовенство и епископъ Өеофилъ въ 320 году рѣшились его уничтожить. Въ храмѣ были инструменты, бронзовые круги, которыми Эратосфенъ когда-то измѣрялъ окружность Луны, а Тимохаръ опредѣлялъ движеніе Венеры Христіанамъ внушали мысль, что это инструменты кудесниковъ. Епископъ распустилъ кромѣ того слухъ, что подъ сводами храма совершаются отвратительныя вещи, что тамъ будто жрецы соблазняютъ богатыхъ и красивыхъ женщинъ. Жрецы защищались отъ обвиненія и, когда увидѣли, что на нихъ нападаютъ, ловили христіанъ и насильно заставляли ихъ приносить жертвы. Когда же вмѣшалась въ дѣло свѣтская власть, они сами сдались. Өеодосій въ наказаніе велѣлъ разрушить храмъ, сравнять его съ землею и жестоко наказать виновныхъ, предоставивъ эту расправу епископу. Тотъ началъ съ библіотеки. Потомъ, разрушивъ храмъ, отобралъ золото и серебро. На мѣстѣ храма Сераписа была сооружена христіанская церковь. У епископа были христіанскія вооруженныя дружины, которыми онъ пользовался для избіенія евреевъ. По указу императора количество евреевъ въ Александріи было ограничено 600 душъ. При такихъ безпорядкахъ жизнь евреевъ была въ опасности. Однажды, когда ихъ стала защищать свѣтская власть, епископъ вызвалъ 500 отшельниковъ, которые чуть не убили самого префекта.

Гоненія на язычниковъ.

Что христіане въ Александріи высказали полную нетерпимость, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ Александріи была ученая женщина Ипатія, которая, имѣя собственную школу, преподавала тамъ философію, математику и другія науки. Христіанское духовенство не могло выносить присутствія около нихъ язычницы, въ академію которой стремилась вся интеллигенція города. Разъ, когда она подъѣхала къ своей школѣ, христіане стащили ее съ колесницы, отвели въ церковь и тамъ убили; потомъ обнажили, терзали тѣло раковинами, отодрали кожу отъ костей и, наконецъ, остатки бросили въ огонь. Подобныя сцены, конечно, случались и въ другихъ мѣстахъ. Христіанство начинаетъ дѣйствовать наступательно, когда получило силу и могущество и когда враждебные ему элементы не представляли серьезной опасности. Такого рода фактами знаменуется движеніе христіанской идеи въ IV столѣтіи.

Состояніе римскаго общества въ концѣ IV вѣка.

Рядомъ съ этимъ явленіемъ наблюдаемъ полную дезорганизацію въ общественномъ и нравственномъ строѣ римлянъ IV вѣка. Христіанство не могло улучшить экономическаго быта и не было въ состояніи повліять на нравственность массы. О томъ, каково было римское общество того времени, сообщаетъ достовѣрнѣйшій свидѣтель Лактанцій, христіанскій писатель IV вѣка. Его слова рисуютъ намъ несостоятельность реформъ Константина, которыми тотъ хотѣлъ возродить Римское государство, смертельную борьбу между алчной казной и народомъ, тягостное положеніе, въ которомъ находился тогда каждый гражданинъ въ имперіи. Сочиненіе Лактанція говоритъ о тѣхъ мелкихъ мученіяхъ и страданіяхъ, которыя дѣлали жизнь ужасною и знаменовали близкую катастрофу. „Я не знаю, говоритъ Лактанцій, сколько должностныхъ лицъ и чиновниковъ подъ именемъ magistri, rationales обрушивалось на всѣ города провинцій. Эти помощники префектовъ пускаютъ въ ходъ насилія не только часто повторяющіяся, но и постоянныя; конфискаціи же имуществъ они соединяютъ всегда съ невыносимыми оскорбленіями". Число сборщиковъ стало такъ велико сравнительно съ тѣми, кому приходилось платить, что у земледѣльцевъ не хватало силъ уплачивать подати. Поля покидались необработанными, превращались въ пустыни. Необработанная земля покрывалась лѣсами, страна раззорялась и пустѣла. Особенно опустѣли провинціи на ру-

бежѣ IV и V вѣковъ, когда бичъ ценза проникъ въ провинціи и города. Цензоры явились наказаніемъ неба въ глазахъ народа; они описывали число деревьевъ, число виноградныхъ кореньевъ, записывали число животныхъ, поголовно переписывали людей. Для сличенія показаній они употребляли палки и прибѣгали къ пыткѣ, вынуждали у раба показаніе противъ господина, у жены противъ мужа, у сына противъ отца; не было снисхожденія ни къ старости, ни къ болѣзни, ни къ полу, ни къ возрасту. За недостаткомъ свидѣтелей они заставляли свои жертвы показывать противъ самихъ себя, и всё это дѣлалось для того, чтобы взять больше податей. Для того же они прибавляли лѣта дѣтямъ и уменьшали годы стариковъ. Казалось, происходило нашествіе непріятелей на города. Цензоры обѣщали все раззорить и разнести. Не довольствуясь этимъ, правительство посылало еще другихъ цензоровъ, которые, чтобы не показаться бездѣятельными, требовали еще новыхъ податей, между тѣмъ количество скота уменьшалось, люди умирали, а цензоры требовали податей и за мертвыхъ.— Таково было положеніе массы народа, громаднаго большинства изъ рабовъ и поселянъ. Иногда сельчане, выведенные изъ терпѣнья, возставали съ оружіемъ въ рукахъ; но возстанія эти подавлялись военною силою. Такъ было съ галльскими багодами, земледѣльцами, возставшими подъ предводительствомъ двоихъ христіанъ. Замѣчательно то, что христіанскіе писатели того времени, какъ напр. Сальвіанъ, сожалѣютъ, что возстаніе это не удалось.

Вообще важно опредѣлить, какое вліяніе имѣло христіанство на облегченіе тягостнаго положенія массы населенія. Представляло ли оно въ себѣ условія, облегчающія это положеніе или христіане относились равнодушно къ этой „злобѣ дня“?

Сочиненіе Сальвіана, марсельскаго священника, жившаго въ V вѣкѣ. „De gubernatione Dei“ даетъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ для исторіи душевной, такъ сказать, интимной жизни тогдашняго общества. Изъ сочиненія этого видно, что язычники всю отвѣтственность за несчастія слагали на христіанъ. Сальвіанъ въ своемъ сочиненіи предлагаетъ современникамъ оглянуться на самихъ себя. Онъ не щадитъ и христіанское духовенство, рѣшительно предпочитая во всѣхъ отношеніяхъ бытъ варваровъ быту римскому.

Этимъ онъ какъ бы произноситъ смертельный приговоръ надъ умирающей имперіей. — У насъ, говоритъ Сальвіанъ, только тотъ безопасенъ, кто имѣетъ силу ставить другихъ въ опасность: должностныя лица гордятся названіемъ тиранна, ибо оно даетъ и силу и почести. На вопросъ, что дѣлаетъ христіанское духовенство, Сальвіанъ отвѣчаетъ: „одни изъ нихъ хранятъ молчаніе, а другіе лучше сдѣлали бы, если бы дѣйствительно молчали. Они боятся открыто высказывать горькія истины потому, что безчестные люди преслѣдуютъ пастырей за ихъ проповѣди. Потому-то молчатъ тѣ, которые могли бы говорить. Между тѣмъ бѣдствія растутъ, вдовы стонутъ, сироты угнетены до того, что многія изъ нихъ, будучи изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, получивъ хорошее образованіе, бѣгутъ къ врагамъ римлянъ, къ германцамъ; они ищутъ у варваровъ гуманности, чтобы не переносить дома римской безчеловѣчности. Хотя они чужды варварамъ и по нравамъ и по языку, но имъ легче свыкнуться съ ихъ бытомъ, чѣмъ жить у себя дома. Они предпочитаютъ жить людьми свободными, считаясь рабами, чѣмъ быть рабами, считаясь свободными. Общее и единственное желаніе всѣхъ римлянъ состоитъ въ томъ, чтобы не подпасть подъ римскіе законы, а жить съ варварами; мы же еще удивлялися, что не можемъ побѣдить варваровъ, когда сами римляне предпочитаютъ быть съ ними, а не съ нами". Сальвіанъ замѣчаетъ, что римляне всѣ убѣжали бы, если бы могли захватить свои пожитки и хижины.

И такъ римляне сами желали вторженія варваровъ.

При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о воздѣйствіи римлянъ на варваровъ. Сами современники считаютъ это дѣло немыслимымъ, неосуществимымъ, хотя несомнѣнно частныя попытки въ этомъ направленіи встрѣчались. „Мы, римляне, продолжаетъ Сальвіанъ, заботимся объ обращеніи готовъ и вандаловъ; но сами мы не только не лучше ихъ, но даже не можемъ и равняться съ ними. У насъ каждый гражданинъ ненавидитъ другаго. Кто у насъ искренно расположенъ къ другому? А между тѣмъ почти всѣ варвары составляютъ одно племя и связаны, если не родствомъ, не мѣстомъ, то властью одного кунинга или князя. У насъ же даже родственники не чтутъ узъ родства. Большая часть людей заражена неслыханнымъ доселѣ зломъ и пороками. Никто не считаетъ себя счастливымъ, пока не видитъ другаго несчастнымъ".

Это было скорбное, но искреннее сознаніе въ устахъ римлянина. Для уничтоженія этого зла, въ исцѣленіи котораго было безсильно даже христіанство, необходимы были другія экономическія и общественныя условія.

Попытаемся отыскать ихъ у такъ называемыхъ новыхъ людей, у варваровъ.

II.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ВАРВАРСКИХЪ НАРОДОВЪ И РАСПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ НА ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

1) Германцы; ихъ бытъ и союзы.

Если бы Европа состояла изъ такихъ обширныхъ и гладкихъ равнинъ, какъ Азія, то въ самое непродолжительное время племена варварскія, безсознательно бродившія цѣлыя столѣтія между Днѣпромъ и Рейномъ, успѣли бы соединиться въ одинъ народъ. Но въ средней Европѣ на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ природа показала удивительное разнообразіе. Земля, занятая германскимъ племенемъ, т. е. средняя Европа, была въ то время покрыта непроходимыми лѣсами и топкими болотами, прорѣзана горами и котловинами, что мѣшало сообщенію сосѣднихъ племенъ. Поэтому многіе германскіе народы, впродолженіи столѣтій, остаются невѣдомыми другъ другу. Поэтому же мы видимъ столько враждующихъ между собою народовъ, соединившихся только для грабежа и дѣлежа добычи, взятой съ римлянъ. Германскія племена, какъ извѣстно, населяли не только среднюю Европу, но занимали и берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и группировались въ Скандинавіи. Другіе же народы, прошедшіе по слѣдамъ германцевъ, занимали всю восточную Европу; эти позднѣйшіе выходцы были по преимуществу славяне того же арійскаго корня, какъ и другіе народы, пришедшіе изъ

Азіи. Конецъ IV вѣка застаетъ такимъ образомъ въ Европѣ два противоположныя политическія стремленія. Германцы стараются защитить свою независимость отъ азіатскихъ полчищъ, которыя они называютъ гуннами и въ числѣ которыхъ считаютъ славянъ и скиѳовъ, называя всѣ не-германскія племена гуннскими. Въ то же время, какъ мы видѣли, германцы сильнѣе напираютъ на римскія границы. Что касается до финскихъ и славянскихъ народовъ, то должно замѣтить, что въ то время они не были активны: они жили или въ восточныхъ степяхъ или населяли лѣса нынѣшней сѣверной Россіи. Что германцы вышли изъ Азіи, это доказываетъ сходство словъ германскихъ съ санскритскими и зендскими (¹).

(¹) Для изученія быта древнихъ германцевъ даютъ матеріалъ слѣдующіе классическіе писатели: Юлій Цезарь—«Com. de bello gallico», спеціальное сочиненіе Тацита—«De situ, moribus et populis Germaniae». О германцахъ между прочимъ говорятъ—Діодоръ Сицилійскій въ «Исторической библіотекѣ», географы: Страбонъ, Помпоній Мела и Клавдій Птоломей, далѣе Плиній Старшій въ «Historia naturalis», Светоній въ своемъ сочиненіи «Біографія 12 первыхъ Цезарей», Плутархъ въ «Біографіи Марія», Аппіанъ въ «Исторіи Римлянъ», особенно въ главахъ: «de rebus Celticis» и «de rebus Illyricis» (въ 160 г. до Р. Хр.), Фронтинъ (Strategematicon—около 100 г. по Р. Хр. о войнѣ съ кимврами); Юстинъ во «Всемірной исторіи», Діонъ Кассій въ «Римской исторіи»; нѣсколько подробнѣе Scriptores historiae augustae, въ концѣ III ст., изъ нихъ особенно Спартіанъ, Капитолинъ и Вопискъ; Евтропій (въ 375 г.) въ «Очеркахъ Римской исторіи», Павелъ Орозій (417 г.) и наконецъ Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ эпоху переселенія народовъ, въ своей «Римской исторіи отъ Нервы до смерти Валента» (дошло до насъ изложеніе событій отъ 353 до 378 г). Всѣ упомянутые писатели были чужды германцамъ по быту и по образованію. Изъ устъ самихъ германцевъ мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства. Конечно, если бы мы имѣли таковыя, то исторія Германіи предстала можетъ быть, въ другомъ, во всякомъ случаѣ, въ болѣе яркомъ свѣтѣ; но надлежало пройти многимъ столѣтіямъ, прежде чѣмъ начали появляться свидѣтельства самихъ германцевъ. Первый національный писатель германскій жилъ въ началѣ VI стол. и описалъ современныя событія—это былъ монахъ Іорнандъ, по происхожденію готъ, написавшій соч. «De rebus Geticis», которое служитъ лучшимъ источникомъ для изученія эпохи переселенія народовъ; онъ много сообщаетъ о готахъ и гуннахъ. Ему мы посвящаемъ нѣсколько страницъ въ приложеніи. Драгоцѣнное пособіе для древней географіи представляетъ подлинная римская дорожная карта, сохранившаяся на полосѣ пергамента длиною около 3 саж. и шириною въ 1 футъ; на ней намѣчены всѣ города Римской имперіи, ихъ протяженіе, разстояніе одного отъ другаго, но безъ всякихъ астрономическихъ и геометрическихъ опредѣленій. Она употреблялась въ римскихъ войскахъ и на ней показаны всѣ военныя дороги и станціи. Одни ученые относятъ ее къ III в., другіе къ концу IV вѣка. Карта эта была отыскана въ XVI стол. въ старыхъ бумагахъ

Первоначальное имя германцевъ было Тевтоны, или, какъ они сами себя называли Teutsch, что значитъ человѣкъ изъ народа. Ихъ прародителемъ былъ Тунсконъ, рожденный землей, а его сынъ Манъ былъ героемъ и отцомъ людей. Названіе же *германцы* принадлежало первоначально небольшой

одной монастырской библіотеки и получила названіе Певтингеровой карты (Tabula Peutengeriana) по имени перваго владѣльца Конрада Певтингера, городоваго писца въ Аугсбургѣ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о древнѣйшихъ географическихъ свидѣтельствахъ относительно европейскаго сѣвера, принадлежащихъ астроному Питеасу изъ Массиліи, который около 320 г. до Р. Хр. странствовалъ на массилійскомъ суднѣ по сѣвернымъ морямъ. Между прочимъ онъ говоритъ о Тевтонахъ, жившихъ по среднему теченію Вислы и о готахъ или гутонахъ, покрывавшихъ янтарные берега Балтійскаго моря.—Обращаемся къ пособіямъ —Ни одинъ отдѣлъ всеобщей исторіи не представляетъ столь обширной научной литературы, какъ вопросъ о древнѣйшей исторіи тевтоновъ разработанной въ отечественной нѣмецкой наукѣ до мельчайшихъ подробностей. Разбираясь въ этой подавляющей массѣ общихъ сочиненій, частныхъ изслѣдованій, монографій и диссертацій, отмѣтимъ только особенно выдающіеся труды. во главѣ коихъ стоятъ по истинѣ классическія работы Якова Гримма по германской миѳологіи, древностямъ и языку, а равно Вильгельма Мюллера, по исторіи народной древней религіи (1844). Затѣмъ заслуживаютъ особаго вниманія: H. Luden, G. des teutschen Volks (Gotha, 1825—37); K. Mannert, G. der alten Deutschen, besonders der Franken (St 1829); Gaupp, Die germanischen Ansiedelungen u Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreichs (Br. 1844); Eichhorn, Deutsche Staats und Bechtsgeschichte (Gött. 1843. 5 Aufl.); Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme (M. 1837); H. Sybel, Entstehung des deutschen Königthums (Fr. 1881, 2 Aufl.); G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte (K. 1880, 3 Aufl.), сочиненіе, давшее особое историко-юридическое направленіе изслѣдованію вопроса; I. B. Wolf, Die deutsche Götterlehre (G. 1852); F. Dahn, Die Könige der Germanen (W. 1861—76); W. Arnold, Deutsche Urzeit (G. 1881, 3 Aufl.); F. Dahn, Urgeschichte der germ. und rom. Völker (B. 1881); G. Kaufmann, Die Germanen der Urzeit (L. 1880). — По исторіи такъ называемаго великаго переселенія сочин. Pallmann, G. der Völkerwanderung (L. 1863); Wietersheim, G. der Völkerwanderung. bearbeitet von Dahn (L. 1880, 2 Aufl.) и новѣйшее Th. Hodgkin, Italy and her invaders (Oxf. 1880), въ 2 томахъ обнимающее событія отъ 376—476 г. Французская исторіографія, въ которой работали Гизо и братья Тьерри, не обладая такой обширной литературой по начальной исторіи германцевъ, можетъ гордиться оригинальнымъ трудомъ Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques dans l'ancienne France (P. 1875, t. I), изъ котораго солидное извлеченіе на русскомъ языкѣ сдѣлано въ «Вѣстникѣ Европы» С. К. Брюловой въ 1876 г. Въ русской ученой литературѣ очень мало оригинальныхъ трудовъ: А. Вельтманъ, Индогерманы или Сайване (М. 1656); Грановскій, О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ (Соч. 2 изд. I, 129—155); Его же, Письма Хомякову по поводу статей послѣдняго въ 1847 г. въ сборникѣ Валуева (Сб. Ист. и Стат. свѣдѣній) и отвѣтъ Хомякова (Соч. Грановскаго, II, 293—318); Ешевскій—Эпоха переселенія народовъ и каролинги (Соч. I, 362). Послѣднее соч.—университетскія лекціи покойнаго профессора—представляетъ одинъ изъ выдающихся трудовъ по средневѣковью вообще.

дружинѣ Тунгровъ, вооруженной копьями (ger — копье и mann — человѣкъ), которая ранѣе другихъ перешла Рейнъ и поселилась среди Галловъ ([1]). Замѣчательно, что это названіе, не встрѣчающееся ни у одного писателя до Цезаря, находится на мраморной дощечкѣ, найденной въ 1574 году и относящейся къ 223 г. до Р. Хр. На этой дощечкѣ говорится, что въ томъ году консулъ Марцеллъ одержалъ побѣду надъ галлами и *германцами*. Сами же германцы въ V и VI вѣкахъ, когда хотѣли обобщить свое племя, то охотнѣе называли себя barbari, нисколько не считая этого имени унизительнымъ.

Полудикій германецъ, высокаго роста, съ голубыми глазами, съ лицемъ полнымъ воинственной отваги, почти нагой, покрытый звѣриною шкурой, съ длиннымъ и мѣткимъ копьемъ въ рукѣ, свободный, не признающій надъ собою ничьей власти, составлялъ совершенную противоположность съ римляниномъ того времени. Тацитъ, описывая нравы германцевъ первыхъ временъ, хотѣлъ дать своимъ соотечественникамъ хорошій урокъ. Онъ замѣчаетъ, что безчестіе и низость духа считались у германцевъ величайшими преступленіями и наказывались безпощадно. Но цивилизація успѣла оказать и на нихъ отрицательное вліяніе. Такъ, Тацитъ не скрываетъ и ихъ пороковъ; онъ говоритъ о страсти германцевъ къ вину, къ игрѣ, къ золоту ([2]), бичуетъ ихъ лѣность и неохоту къ труду ([3]). Но всѣ эти пороки приписываетъ онъ только одному невѣжеству германцевъ. Онъ намекаетъ, между прочимъ, что среди нихъ скрывается развратъ. Позднѣйшіе историки, современники великаго передвиженія народовъ, какъ Сальвіанъ, указываютъ какъ развратились германцы въ IV и V столѣтіяхъ. Сальвіанъ прямо высказываетъ, что они почти не уступаютъ въ порочности римлянамъ: „possunt nostra et barbaro-

([1]) Tacitus. Germania, c. 2. «Ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum, quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint, ut nunc Tungri, tunc Germani vocati sint; ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim, ut omnes primum a victore ob metum, mox etiam a se ipsis invento nomine Germani vocarentur». Русская литература можетъ гордиться ученымъ критическимъ изданіемъ «Германіи» проф. Цвѣтаева (Варш. 1873), которое не уступаетъ лучшимъ нѣмецкимъ — и полнымъ, тщательно и талантливо исполненнымъ, переводомъ Тацита В. И. Модестова (Пет. 2 т. 1886—87).

([2]) Adversus sitim non eadem temperantia. Tacitus Germania, c. 23.

([3]) Ipsi hebent, mira diversitate naturae, cum iidem homines sic ament inertiam et oderint quietem. Ibidem c. 15. Inertiam.... Germanorum inertia, ib. c. 45.

rum vitia esse paria; pares vitiositate barbaris sumus". Ихъ строй, во время Тацита, во II вѣкѣ и позднѣе, былъ такой, какимъ отличаются молодые народы въ первыя времена своего историческаго развитія. Страбонъ замѣчаетъ, что германцы почти не отличаются отъ галловъ; они обожаютъ тѣ же божества, которыя чтили жители Греціи и Италіи, а больше всего грозныя силы природы и солнце; идолы ихъ были также грубы и безобразны, какъ и старогреческія. У германцевъ, по словамъ Страбона, встрѣчается много такихъ же учрежденій, какъ у грековъ и другихъ образованныхъ народовъ того времени. Таково, напримѣръ, отлученіе за преступленія отъ религіозныхъ общественныхъ игръ. Религія германцевъ также сурова какъ вообще религія всѣхъ молодыхъ народовъ.

Древне-германская миѳологія. Миѳологія древнихъ народовъ, составляющая главное содержаніе ихъ религіозныхъ вѣрованій, представляетъ если не положительное сходство то рѣшительную аналогію въ своихъ существенныхъ основаніяхъ. Ея колоритъ обусловленъ характеромъ, духомъ народа, его художественнымъ чутьемъ, степенью его поэтическаго творчества, но смыслъ образовъ, сфера предполагаемой дѣятельности каждаго изъ нихъ, остаются какъ бы одинаково обязательными для всѣхъ племенъ, не просвѣщенныхъ высшей идеею единобожія. Пластичная красота античныхъ боговъ только и могла быть создана творческимъ воображеніемъ эллиновъ, жившихъ подъ плѣнительнымъ и вѣчно голубымъ небомъ Эллады и Южной Италіи, при необычайно-выгодныхъ климатическихъ условіяхъ, въ чудной атмосферѣ Юга, въ которой воображеніе работаетъ особенно живо и законченно. Такіе цѣлостные и идеально красивые образы не могутъ возникнуть въ угрюмыхъ лѣсахъ, сырыхъ долинахъ и болотахъ восточной и средней Европы, куда судьба загнала тевтоновъ. Но главныя божества древнихъ германцевъ представляютъ удивительную аналогію съ греческими и римскими. Они надѣлены тѣми же аттрибутами, обладаютъ тѣми же характерными свойствами и имѣютъ ту же самую миссію, возложенную на нихъ воображеніемъ человѣка и символирующую силы природы. Отъ естественно-историческихъ условій, очертанія ихъ обликовъ нѣсколько величественнѣе, размашистѣе, но вмѣстѣ мрачнѣе, энергичнѣе; они легче одолѣваютъ могущество природы.

Воданъ (Зевсъ, Юпитеръ) верховный богъ, отецъ—Allvater—всего существующаго, Одинъ скандинавовъ, заключая въ себѣ по разнымъ свойствамъ и качествамъ прочихъ боговъ, имъ порождаемыхъ, правитъ вселенной. Это творческая сила, дающая форму природѣ вообще и человѣку въ частности, создаетъ всѣ блага на землѣ и подъ землею. Онъ возсѣдаетъ въ небесныхъ сферахъ на золотомъ престолѣ, съ высоты недосягаемаго величія созерцая землю и слабыхъ, ничтожныхъ людей. Когда онъ развлекается охотой, то, окруженный свитой боговъ и героевъ, мчится по облакамъ и морямъ на бѣломъ конѣ въ золотомъ шлемѣ съ мечемъ и копьемъ въ рукѣ. Ему посвящена была среда (старинное Wodnesdag). Онъ однажды сочетался съ богинею земли, мира и плодородія, которую Тацитъ именуетъ Нертою и которая, подобно своему супругу, носится на золотой колесницѣ въ надземномъ пространствѣ. Отъ этого брака родился рыжебородый *Донаръ*, и еще нѣсколько сыновей — боговъ. Это Торъ скандинавовъ, богъ земледѣлія и плодородія, которому былъ посвященъ четвергъ (Donnerstag). Въ рукѣ у него молотъ, но онъ осторожно и по заслугамъ разсыпаетъ свои удары. Противоположность ему представляетъ *Тіу*, его братъ, Тиръ скандинавовъ, этотъ двойникъ Ареса и Марса. Вооруженный мечемъ, германскій богъ войны гнѣвенъ какъ его отецъ и никому не даетъ пощады. До сихъ поръ память о немъ германцы хранятъ въ названіи втораго дня недѣля (Dienstag). Третій изъ братьевъ *Фро*, Фрейръ скандиновововъ, богъ солнца и веселья, покровительствуетъ браку и плодородію, исцѣляетъ отъ болѣзней и напастей. Это Геліосъ грековъ и, подобно ему, онъ носится по небу и землѣ на золотомъ вепрѣ, награждая всѣхъ свѣтомъ и счастьемъ. Мудрый и краснорѣчивый *Бальдеръ* (иногда, Фола), младшій изъ сыновей, давшій человѣчеству законъ и правосудіе, былъ убитъ злымъ богомъ Локи, получившемъ гнусную извѣстность въ нѣмецкомъ народномъ эпосѣ; за это Локи былъ наказанъ казнью Прометея. Прикованный къ скалѣ, онъ чувствовалъ какъ ядовитая змѣя изливаетъ на него капли яда.

Женскіе образы въ германской миѳологіи не имѣютъ такой опредѣленности назначенія, какъ мужскіе и мало, по своей спутанности, напоминаютъ идеальныхъ богинь Гезіода и Гомера. Всѣ онѣ такъ или иначе близки Водану; всѣ покровительствуютъ браку, семейной жизни, плодородію; всѣ обла-

даютъ лучшими семейными добродѣтелями, добрыя и злыя безразлично. Если жена злаго Локи, Сигуна собираетъ ядъ въ особую чашу, оберегая своего супруга, то еще болѣе подвиговъ ради семьи совершаютъ богини свѣтлой генераціи. Онѣ умѣли внушить тевтонамъ съ отдаленной поры уваженіе къ женщинѣ, получившей у древнихъ германцевъ издавна общественную самостоятельность и сдѣлавшейся послѣ, въ феодальную и рыцарскую эпоху, предметомъ особаго культа и поклоненія. Несомнѣнно, что рыцарство германцевъ выросло на готовой миѳической и героической почвѣ, питаясь тѣмъ живымъ матеріаломъ, который проникнулъ съ отдаленнѣйшей поры въ общенародное сознаніе. Всѣ германскія богини такъ или иначе близки Водану. Верховный богъ дѣлитъ свои ласки между *Нертою*, землею и *Фригою*. Послѣдняя возсѣдаетъ рядомъ съ супругомъ на золотомъ престолѣ, не питая ревности къ богинѣ земли. Ея другое имя *Фрія*. Его дочь *Фроуâ* (отъ имени коей Яковъ Гриммъ производитъ нѣмецкое Frau) также подательница счастья и радости. Драгоцѣнное ожерелье придаетъ этой Афродитѣ германцевъ особую привлекательность. Но еще чувственно прекраснѣе прелестнѣйшая изъ богинь, любящая погружаться въ прохладныя волны озеръ и рѣкъ, *Гольда*. Она обитаетъ подъ водою во дворцѣ, украшенномъ золотомъ, окруженномъ душами еще неродившихся на землѣ младенцевъ, тогда какъ злая *Геллія*, на половину черная, на половину бѣлая, царица подземнаго міра, источника горя, охраняетъ адъ (Holle). Она дочь злаго Локи и великанши. Окруженная всѣми аттрибутами зла, убійства, крови, разрушенія, Геллія несетъ гибель всякому, кто преступитъ порогъ ея дома.

Всѣмъ этимъ богамъ и богинямъ древніе германцы не строили храмовъ, но въ глубинѣ своихъ священныхъ лѣсовъ они созидали имъ жертвенники, на которыхъ въ честь ихъ закалали рогатый скотъ и рѣдко лошадей и людей; послѣднихъ только для умилостивленія разгнѣваннаго божества. Тацитъ упоминаетъ о такихъ жертвоприношеніяхъ, какъ объ исключеніяхъ. Такъ, когда началась война между хаттами и гермундурами, то каждая сторона обѣщала въ случаѣ побѣды совершить кровавое человѣческое жертвоприношеніе. Побѣдители исполнили клятву, заклали всѣхъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ лошадьми. Но обыкновенно въ благодарность богамъ приносили плоды полей какъ на общественныхъ, такъ и на частныхъ семейныхъ жертвенникахъ.

Теогонія германцевъ соприкасается съ волшебнымъ героическимъ міромъ, въ которомъ, рядомъ съ воинственными героями, ихъ величаво гордыми женами, валькиріями и другими чистыми въ своемъ цѣломудріи дѣвами, обладающими даромъ пророчества, поэзіи и врачеванія,—встрѣчаемъ тысячи маленькихъ граціозныхъ эльфовъ, гномовъ, окружающихъ радостною толпою своего царя въ блестящей коронѣ изъ алмазовъ и изумрудовъ, горбатыхъ карликовъ, охраняющихъ подземные клады, неуклюжихъ, могучихъ силой, но слабыхъ духомъ великановъ, домовыхъ духовъ, этихъ ларовъ и пенатовъ древнихъ, добрыхъ и злыхъ никсовъ, живущихъ въ рѣкахъ и озерахъ. Они хотятъ жить по человѣчески, эти духи; они для того нарочно сближаются съ людьми, обращаются къ нимъ за врачебными и другими совѣтами, берутъ отъ нихъ женъ, справляютъ свадьбы вмѣстѣ съ людьми, думаютъ не безъ опасенія о будущей жизни, интересуясь знать отъ людей получатъ-ли они помѣщеніе въ Вальгалѣ или въ аду.

Культъ и жрецы.

У древнихъ германцевъ не было привилегированнаго жреческаго сословія, такого, какое извѣстно у древнихъ кельтовъ подъ именемъ друидовъ. Каждый отецъ семьи, по избранію и по способностямъ, могъ совершать общественное служеніе, приносить жертвы отъ народа, произносить предсказанія на основаніи гаданій, производимыхъ въ священныхъ рощахъ, по ржанію и храпу особыхъ бѣлыхъ лошадей или по другимъ примѣтамъ. Жрецъ германскій, древній Ewort, сперва имѣлъ назначеніе блюсти (поздн. warten) за порядкомъ при общественномъ богослуженіи и въ судебныхъ собраніяхъ. Онъ былъ столько же духовнымъ, сколько свѣтскимъ лицомъ, сопровождая въ то же время войско (Heer) въ походахъ, наказывая во время войны преступниковъ по заслугамъ. Въ семьяхъ каждый домохозяинъ могъ приносить жертвы съ такимъ же правомъ, молиться и гадать о будущемъ ([1]). Долгое время гораздо большее значеніе, сравнительно съ жрецами, имѣли народныя пророчицы, энтузіастки, благородныя поборницы древне-германской свободы. Онѣ предсказывали по разнымъ, имъ только извѣстнымъ примѣтамъ, но руководились

[1]) Новѣйшія и во многомъ оригинальныя изсл. по этому предмету издалъ Lippert. Religionen der europaeischen Kulturvölker, 1882; Geschichte des Priesterthums, 1884.

всегда духомъ любви къ народу. Римскіе классическіе писатели съ невольнымъ почтеніемъ взираютъ на этихъ героинь, говоря о подвигахъ Авриніи, Веледы, Ганны, подвизавшихся во время первыхъ варварскихъ нашествій на римскія границы. Несомнѣнно, подъ ихъ могущественнымъ вліяніемъ находились сами жрецы, руководившіеся ихъ указаніями и желаніями. Надо полагать, что съ теченіемъ времени власть жрецовъ усилилась, окрѣпла, сливаясь иногда, въ частныхъ случаяхъ, съ административнымъ главенствомъ надъ тѣмъ или другимъ народомъ тевтонскаго племени.

Долгое время германцы не признавали другой власти, кромѣ жреческой. Повиновеніе служителямъ религіи не считалось нарушеніемъ свободы. Но миновалъ теократическій періодъ и германцы вступили въ періодъ монархическій. По крайней мѣрѣ, писатели V вѣка не видятъ у германцевъ республиканскаго образа правленія; всюду, у всѣхъ германскихъ народовъ, преобладаетъ правленіе деспотическое. Рядомъ съ этой властью существуетъ нѣчто въ родѣ сената и знати, въ зависимости отъ которой находится царь и которая ограничиваетъ его.

Міръ римскій и германскій. Агломерація германскихъ племенъ издавна, цѣлыя столѣтія, жила дружно съ римскимъ государствомъ. Въ IV вѣкѣ новой эры борьба двухъ міровъ, римскаго и германскаго, въ виду такого условія, обѣщала окончиться мирнымъ путемъ. Давно уже германцы цѣлыми тысячами служили въ римскихъ легіонахъ, заимствовали у римлянъ ихъ цивилизацію и распространяли её среди своихъ соплеменниковъ. Это было сближеніе двухъ противоположныхъ элементовъ, между которыми не осталось ничего связующаго, кромѣ воспоминанія дальняго родства, общаго происхожденія, общаго, но слишкомъ отдаленнаго, пребыванія въ долинахъ Тибета. Такое мирное сближеніе римлянъ съ германцами, происходившими отъ одного общаго арійскаго корня, было очень полезно для распространенія римской цивилизаціи. Историки того времени представляютъ германцевъ народомъ свѣжимъ, бодрымъ, готовымъ къ воспріятію новыхъ идей. Вторя имъ, патріотическіе нѣмецкіе историки нашихъ дней говорятъ слѣдующее объ этомъ роковомъ настроеніи тогдашняго человѣчества:— Тамъ, т. е. у римлянъ, запустѣніе цѣлыхъ округовъ; здѣсь же, т. е. у германцевъ, массы народовъ, земледѣліе которыхъ съ каждымъ годомъ стѣсняется. Тамъ возрастающій

упадокъ воинской славы; здѣсь бодрая, веселая отвага въ бою. Тамъ широкая формальная образованность; здѣсь безпредѣльное стремленіе къ ней и охота къ воспріятію ея. Тамъ монархія, умирающая отъ своего могущества, развившая у себя систему рабства, здѣсь крѣпкое чувство свободы и проявляющееся уже стремленіе къ сниcканію политическаго могущества и самостоятельности. Тамъ Церковь, основанная на глубокихъ нравственныхъ началахъ, способная нравственно воспитать человѣка, но не имѣющая нравственно дѣльныхъ людей, и оттого слишкомъ уже наклонная проклинать и презирать; здѣсь напротивъ сильное, дѣвственное племя, неудержимое въ страстяхъ, жаждавшее отъ Церкви ученія и готовое въ свою очередь обновить её своими свѣжими силами (¹).

Христіанство могло бы быть тою силою, которая была призвана примирить два міра—римскій и варварскій. Оно сгладило бы расовыя и общественныя разногласія.

Но случилось иначе.

Союзы тевтонскихъ народовъ.

Прежде чѣмъ христіанскіе миссіонеры, православные и аріане, проникли къ германцамъ, послѣдніе должны были насильственно уничтожить имперію. Причина, которая не дала совершиться этому мирному сліянію и привела къ насильственному столкновенію, заключалась въ движеніи варварскихъ полчищъ, вышедшихъ изъ Азіи. Это были гунны, натискъ которыхъ заставилъ германцевъ внести огонь и мечъ въ предѣлы Римскаго государства. Но уже сами германцы въ то время были не тѣ, что прежде, ни по своему характеру, ни по компактности своей силы. Нѣкоторые народы исчезли даже по названію. Въ концѣ IV вѣка,—не говоря уже о хаттахъ, херускахъ, кимврахъ,—не было больше квадовъ, маркомановъ, самонитовъ, норисковъ, лиліевъ и буріевъ. Послѣдніе когда-то населяли нынѣшнюю Силезію. Это были вполнѣ дикіе люди, носившіе черные щиты и красившіе свое тѣло. Они наводили на всѣхъ ужасъ своимъ видомъ и своими ночными нападеніями. Попадаются немногія, страшныя прежде имена, какъ бруктеры, хамавы, сикамбры,—но они уже не были такъ грозны. Вмѣсто нихъ образуются четыре германскихъ союза, успѣвшіе сложиться послѣ многихъ переворотовъ. Эти-то внутренніе соціальные перевороты, послѣд-

(¹) Sybel. Entstehung des deutschen Königthums. Fr. 1881.

ствіемъ которыхъ было исчезновеніе цѣлыхъ народовъ, послужили причиною постепеннаго напора варваровъ на римскія границы.

Четыре большихъ союза, о которыхъ я упомянулъ, были союзы: алемановъ, франковъ, саксовъ и готовъ. Рядомъ съ ними дѣйствуютъ и другіе народы, какъ напр.: бургунды, вандалы, лангобарды и прочіе; но они пока большаго значенія не имѣютъ. Ихъ историческая сила въ будущемъ.

Ознакомимся съ территоріями каждаго изъ четырехъ названныхъ союзовъ.

Алеманы. 1) *Алеманы*, названіе которыхъ произошло отъ словъ alle и Mann, занимали земли между Дунаемъ и Майномъ. Объ алеманахъ въ первый разъ упоминаетъ писатель III вѣка Діонъ Кассій въ біографіи римскаго императора Каракаллы. Въ этотъ союзъ вошли остатки древнихъ квадовъ и гермундуровъ. Извѣстна упорная, страстная борьба алемановъ съ Юліаномъ: они всякій разъ послѣ его экспедицій дѣлали насильственныя вторженія въ римскіе предѣлы (¹). Мы знаемъ, что борьба эта не привела ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ.

Франки. 2) Второй союзъ былъ еще болѣе знаменитъ. Его составляли франки, жившіе по нижнему теченію Рейна и въ нынѣшнихъ Нидерландахъ. Они упоминаются рядомъ съ другими народами въ III и IV вѣкахъ, но первенство въ союзѣ получили только въ IV столѣтіи (²). Издавна франки славились своею дерзкою отвагой и своими морскими походами, смѣлымъ плаваніемъ на плоскихъ лодкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей, изъ Чернаго моря въ Нѣмецкое. Эти походы и героическія странствія отразились на ихъ народномъ эпосѣ. Можетъ быть слово франкъ происходитъ отъ тевтонскаго franc, что значитъ „блуждающій“. Но это наименованіе правильнѣе переводить выраженіемъ „свободный или свирѣпый“, сообразно древнѣйшему смыслу этого слова. Въ этотъ же союзъ вошли: сикамбры, салійскіе франки, узипетры, хатты, бруктеры и

(¹) Huschberg. G. der Allemannen und Franken bis Chlodwig. Salzb. 1840.

(²) Mannert. G. der alten Deutschen, besonders der Franken. 2 B. 1829. Замѣчательному Лейбницу принадлежитъ спеціальная диссертація — De origine Francorum. Изд. 17[illegible].

другіе народы. Какъ франки смотрѣли на самихъ себя, это видно изъ ихъ юридическаго салійскаго кодекса, гдѣ говорится: „знаменитый франкскій народъ, происходящій отъ Бога, храбрый на войнѣ, постоянный въ союзѣ, сильный, ловкій, красивый, твердый въ совѣтѣ, народъ сначала малочисленный, но своею храбростью сокрушившій римское иго и т. д...“. Они своими подвигами дали богатый матеріалъ для народной поэзіи, въ которой франки всегда рисуются героями. И дѣйствительно, они были типомъ чистыхъ германцевъ. На поколеніяхъ франкскихъ долгое время вращается средневѣковая исторія.

3) Союзъ *Саксонскій* составляли всѣ народы, не вошедшіе во франкскую федерацію. О саксахъ упоминаютъ Евтропій, Птоломей и Амміанъ Марцеллинъ. Они говорятъ, что саксы присоединили къ своему союзу фризовъ, херусковъ, бруктеровъ и другіе народы, отпавшіе отъ франковъ, завоевали Вестфалію, а потомъ подчинили и земли, расположенныя по нижнему теченію Везера, Эльбы и Эмса. Франки, вспомнивъ о своихъ потерянныхъ земляхъ, вступили съ саксами въ борьбу, длившуюся до XI вѣка. Союзъ саксонскій дѣлился на три группы: остготовъ, вестготовъ и эмбровъ. О саксахъ извѣстно, что они славились какъ хорошіе моряки и съ большимъ успѣхомъ пиратствовали по Океану на своихъ легкихъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей челнокахъ. У саксовъ было замѣчательное государственное устройство, вслѣдствіи котораго между ними никогда не было волненій. Каждый изъ союзныхъ народовъ въ мирное время отправлялъ своихъ депутатовъ, которые собирались въ извѣстномъ городѣ и составляли сеймъ, рѣшавшій всѣ союзныя дѣла. *Саксы.*

4) Самымъ сильнымъ и могущественнымъ изъ союзовъ былъ союзъ *Готскій*. Сперва Питеасъ, послѣ Страбонъ и Тацитъ знали готовъ по Вислѣ, недалеко отъ Янтарнаго берега. Слово „готы“, „геты“, значитъ—„господа“, тоже что „аріи“; въ верхне нѣмецкомъ языкѣ осталось съ этимъ значеніемъ слово „goth“. Новѣйшій изслѣдователь Липпертъ считаетъ ихъ тождественными съ „царскими Скиѳами“ Геродота, которые неизвѣстно куда исчезли изъ глазъ исторіи незадолго до нашей эры. Пока это смѣлая гипотеза. Извѣстно что готы удалились въ Скандинавію, гдѣ пробыли нѣсколько столѣтій и затѣмъ снова появляются въ Европѣ. Что заставило *Готы.*

ихъ покинуть Скандинавію — неизвѣстно; вѣроятнѣе всего климатическія условія. Долгое время готы были сосѣдями славянъ—венедовъ. Когда среди славянъ началось сильное движеніе, то готы двинулись сразу на три стороны: на ЮЗ. Ю. и З., тогда же, вѣроятно, они раздѣлились на остготовъ и вестготовъ. Первые выбирали королей изъ рода Амаловъ („незапятнанныхъ"), а вторые изъ рода Балтовъ (т. е. сильныхъ, отважныхъ). Рядомъ съ готами дѣйствовали герулы, гепиды, тевринги, грейтонги и др. Остготы вмѣстѣ съ герулами предпринимали отважные походы на Балканскій полуостровъ и разъ даже разграбили Аѳины, потомъ пробрались въ Трою, и, наконецъ, разгромили въ Эфесѣ храмъ Діаны. Конечно, эти предпріимчивыя дружины, проникнувъ такъ далеко, нерѣдко исчезали безслѣдно, но за то въ Европѣ готы стремились къ объединенію и образованію сильнаго государства подъ властью одного лица. Такимъ образомъ готскій союзъ обнималъ территорію отъ Днѣпра до Балтійскаго моря и заключалъ въ себѣ нынѣшнюю Венгрію, Румынію, Польшу и часть Пруссіи. Остготы ладили со скиѳами и роксоланами, которые измѣнили имъ при нашествіи гунновъ.

Германрикъ. Первымъ властителемъ готы избрали Германрика, который правилъ 90 лѣтъ. Назначеніе это было вполнѣ понятно: онъ считалъ себя оберегателемъ готской цивилизаціи и границъ. Вообще въ готскомъ союзѣ были собраны всѣ лучшіе элементы германскаго племени. Готы всегда склонялись къ римской цивилизаціи и праву, къ римскому общественному строю и правамъ; они же первые приняли христіанство. Къ этому же союзу принадлежали вандалы и бургундіоны, позднѣйшіе бургунды, жившіе въ Исполиновыхъ горахъ, которыя Діонъ Кассій называетъ Бургундскими; онъ же считаетъ бургундіоновъ однимъ изъ вандальскихъ народовъ (¹). Первоначально бургунды жили между Роною и Вислой, потомъ двинулись въ Галлію, поселились въ странахъ Майна и Рейна и отняли у римлянъ Бургундію. Къ этому же союзу принадлежали и лангобарды, жившіе по берегамъ Рейна и на Эльбѣ.

Тацитъ не знаетъ этихъ народовъ, которымъ впослѣдствіи пришлось играть такую важную роль въ исторіи. Готы,

---

(¹) Binding. G. des burgundischen Königreichs. L. 1868.

какъ было замѣчено, раньше всѣхъ своихъ соплеменниковъ приняли христіанство. Новая вѣра распространилась между ними не вдругъ, но послѣдовательно впродолженіи двухъ столѣтій (¹). Въ 260 году плѣнные каппадокійцы принесли готамъ Евангеліе, и съ тѣхъ поръ между ними начало распространяться христіанство. Уже въ 325 году готскій епископъ Ѳеофилъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ.

Вульфила,—таково было настоящее имя готскаго просвѣтителя,—со всею ревностью прозелита обращалъ вестготовъ въ христіанство, слѣдуя аріанскому толку. Ихъ кунингъ Фридигернъ принялъ отъ него крещеніе. Его преемникъ Атнарикъ воздвигъ гоненія на христіанъ и казнилъ нѣсколькихъ учениковъ просвѣтителя. Самъ Вульфила долженъ былъ заботиться о собственномъ спасеніи. Спасаясь отъ гонителя, онъ увелъ за собою своихъ послѣдователей на правый берегъ Дуная, въ предѣлы нынѣшней Болгаріи. Здѣсь, съ разрѣшенія императора Констанція, поселилась аріанская колонія тевтоновъ; здѣсь переселенцы, у подошвы Мезійскихъ горъ, мирно пасли свои стада; здѣсь Вульфила, оставаясь ревностнымъ поборникомъ аріанства, составилъ алфавитъ для своихъ германскихъ соплеменниковъ, на основаніи греческаго, съ прибавленіемъ рунъ. Ему посчастливилось перевести почти всю Библію, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ книгъ Царствъ. До насъ дошли только небольшіе отрывки изъ Ветхаго Завѣта, но сохранились всѣ четыре Евангелія, благодаря бенедиктинской Верденской рукописи, извѣстной подъ именемъ Серебрянаго кодекса, codex argenteus. Этотъ драгоцѣннѣйшій остатокъ среднихъ вѣковъ, первый памятникъ нѣмецкаго языка, написанный серебромъ, цѣлыя столѣтія хранился въ Прагѣ, куда былъ привезенъ изъ бенедиктинскаго Верденскаго монастыря; оттуда шведы въ разгаръ 30-лѣтней войны перенесли рукопись въ Упсалу, гдѣ она находится въ настоящее время. **Вульфила (318—388).**

Когда св. Писаніе стало понятно остготамъ, они массами стали принимать христіанство. Тогда они всѣмъ народомъ переселились за Дунай. Вульфила былъ вызванъ въ

(¹) **Rückert.** Culturgeschichte des deutschen Volks in der Zeit der Uebergangs vom Heidenthum in das Christenthum (L. 2 B 1853—54).—**Krafft.** Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern (B. 1854).—**Chr. Baur.** Die christliche Kirche vom Anfange des IV bis zum Ende des VI Jahrh. (Tüb. 1859).

Константинополь и тамъ умеръ. Онъ былъ для готовъ тѣмъже, чѣмъ для славянъ были Кириллъ и Меѳодій съ тою только разницею, что Вульфила былъ одной націи съ германцами и готами, а Кириллъ и Меѳодій различной съ руссами и славянами ([1]). Вестготы приняли аріанство и сохранили его въ своемъ новомъ государствѣ, которое они основали между Роною и Эбро. Должно замѣтить, что вандалы, свевы и бургунды принадлежали первоначально къ православной Церкви, но потомъ перешли въ аріанство, вѣроятно, подъ давленіемъ вестготовъ, которые передали аріанское исповѣданіе и остготамъ. Такимъ образомъ къ концу V вѣка весь готскій союзъ былъ аріанскимъ и только въ VI вѣкѣ готы приняли къ себѣ римскихъ проповѣдниковъ.

2) Гунны и великое переселеніе.

Германрику, королю готскому, повиновалась вся Германія. Онъ былъ для тевтоновъ въ своемъ родѣ Александромъ Македонскимъ. Громадное царство германское представляло крѣпкую организацію, которая могла бы усвоить римскую цивилизацію съ теченіемъ времени. Но новый дикій народъ—гунны, вышедшій изъ степей Азіи, потѣснилъ роксоланъ и скиѳовъ, обитателей нынѣшней южной Россіи, вслѣдствіи чего данъ былъ сильный толчекъ всѣмъ насельцамъ Европы. Это движеніе называется гуннскимъ. Оно содѣйствовало сближенію и сплоченію многихъ разноплеменныхъ народовъ.

Вопросъ о происхожденіи гунновъ.

Въ западной наукѣ издавна признаютъ, что гунны вышли изъ Манджуріи, не поладивъ тамъ съ китайскимъ правительствомъ, и, пройдя всю Азію съ огнемъ и мечемъ, черезъ великія Каспійскія ворота, проникли въ Европу и наполнили весь тогдашній міръ ужасомъ. Современная же русская историческая наука въ лицѣ г. Забѣлина и немногихъ русскихъ ученыхъ признаетъ гунновъ за одну изъ славянскихъ народностей, которая-де была призвана западными славянами противъ готовъ и другихъ племенъ ([2]). Такимъ образомъ, по выво-

---

([1]) G. Waitz. Ueber das Leben und die Lehre des Ulfila. H. 1840.

([2]) И. Забѣлинъ. Исторія русской жизни. М. 1876, I, 318—368. Д. И. Иловайскій (Розысканія о началѣ Руси, дополненныя вопросами о болгарахъ и гуннахъ.—Дополнительная полемика по вопросамъ варягорусскому и болгаро-гунскому, М. 1886) придерживается этой теоріи съ значительными измѣненіями, съ коими нельзя не считаться въ виду научности пріемовъ нашего талантливаго историка, логичности выводовъ

дамъ г. Забѣлина, это было не нашествіе новыхъ племенъ, а возстаніе славянъ съ чисто патріотической цѣлью. Онъ полагаетъ, что уродливый типъ гунновъ нарочно написанъ Іорнандомъ, чтобы оправдать трусость его соотечественниковъ. Но какъ объяснить слово Гуннъ? Для этого г. Забѣлинъ прибѣгаетъ къ Іорнанду, Бэдѣ и др. и, при помощи различныхъ комбинацій, доказываетъ, что гунны были венеты или винды, истые славяне Балтійскаго поморья. Самое же слово „гунны“—будто бы олатинизированное „Unni“ съ прибавленіемъ греческаго придыханія.

Для уясненія вопроса обратимся къ источникамъ. Характеристику гунновъ оставили писатели къ нимъ ближайшіе: Аммiанъ Марцеллинъ, Павелъ Орозій, Прискъ и Іорнандъ. Кромѣ того мы имѣемъ панегирикъ, принадлежащій Аполлинарію Сидонію, который говоритъ о бытѣ гунновъ въ половинѣ V вѣка. Что гунны кочевое племя, что они большую часть жизни проводили на конѣ, что, переѣзжая въ своихъ кибиткахъ, они наводили ужасъ на всѣхъ, съ кѣмъ приходили въ соприкосновеніе,—въ этомъ всѣ свидѣтельства сходятся, хотя относятся къ разнымъ временамъ. Теперь приведемъ мнѣніе каждаго порознь, начиная съ Марцеллина. Нужно замѣтить, что Марцеллинъ въ IV вѣкѣ написалъ большое сочиненіе—Rerum gestarum libri XXXI (отъ Нервы до смерти Валента),—изъ котораго до насъ дошли послѣднія 18 книгъ, обнимающія періодъ времени отъ 353—378 года. Марцеллиномъ, знавшимъ о гуннахъ только по слухамъ, пользуется и Іорнандъ; но онъ не всё заимствовалъ у Марцеллина; часто онъ приводитъ и баснословныя свѣдѣнія. Вотъ мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о гуннахъ: „Въ домахъ гунны живутъ только въ крайнемъ случаѣ а всё время проводятъ въ разъѣздахъ по горамъ и долинамъ и съ дѣтства привыкаютъ переносить голодъ и холодъ. Одѣваются они въ грубыя холстяныя рубахи и носятъ на головѣ шапку съ висячими ушами. Жены слѣдуютъ за ними въ телѣгахъ, ткутъ грубую ткань и кормятъ дѣтей. Никто изъ нихъ не пашетъ земли, потому что они постоянныхъ жилищъ не имѣютъ а живутъ какъ бродяги, безъ вся-

и глубокой эрудиціи. Суть взглядовъ г. Иловайскаго см въ «Полемикѣ» (на стр. 97), которая направлена противъ оппонентовъ новой теоріи. Срв. В. Г. Васильевскій — О мнимомъ славянствѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1882, № 7) и Н. И. Веселовскій — Нѣсколько новыхъ соображеній по вопросу о происхожденіи гунновъ (тамъ же, № 9).

каго закона. Если вы спросите гунна откуда онъ, гдѣ его родина—не получите отвѣта. Онъ не знаетъ, гдѣ родился, гдѣ выросъ. Съ ними нельзя заключать договоровъ, потому что они, подобно безсмысленнымъ животнымъ, не знаютъ что—правда и что—неправда. Но они неудержимо и яростно стремятся достигнуть того, чего хотятъ, хотя часто перемѣняютъ свои желанія". Здѣсь достаточно ясно охарактеризованы гунны; но подобнымъ образомъ ни одинъ греческій или римскій историкъ не характеризовалъ славянъ. Подробнѣе говоритъ Іорнандъ въ 24 главѣ и отъ 34 до 41. Онъ говоритъ вѣрно, пока цитируетъ изъ Марцеллина; когда же сообщаетъ отъ себя, то часто мѣшаетъ истину съ басней, хотя указываетъ на Орозія и Приска. Вотъ какъ у него начинается 24 глава: „пятый готскій царь Вилимеръ обрѣлъ нѣкоторыхъ подозрительныхъ женщинъ и выгналъ ихъ изъ земли скиѳовъ далѣе на востокъ въ степи. Нечистые духи, встрѣтивъ ихъ, сочетались съ ними, отъ чего и произошелъ этотъ варварскій народъ гунновъ. Сперва они жили въ болотахъ. Это были низенькіе, грязные гнусные люди; ни единый звукъ ихъ голоса не напоминалъ человѣческой рѣчи. Эти-то гунны подступили къ готскимъ границамъ". Это мѣсто важно въ томъ отношеніи, что показываетъ ужасъ, какой наводили гунны на современниковъ; никто не могъ появленіе ихъ приписать чему другому, какъ порожденію демоновъ.

Первое появленія гунновъ въ Европѣ

Разсказывая исторію гунновъ, Іорнандъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Приска, писателя начала V вѣка: „гунны жили по ту сторону Меотійскихъ болотъ (въ нынѣшней Кубанской области). Они имѣютъ опытность только въ охотѣ и ни въ чемъ больше; когда же разрослись въ большой народъ, то стали заниматься грабежемъ и безпокоить другіе народы. Однажды гуннскіе охотники преслѣдуя добычу, встрѣтили лань, которая вошла въ болота. Слѣдомъ за ней пошли и охотники. Лань то бѣжала, то останавливалась. Наконецъ, слѣдуя за ланью, охотники переходятъ болота, которыя прежде считались непроходимыми и достигаютъ Скиѳіи. Лань изчезла. Думаю, что это, сдѣлали тѣже демоны, добродушно заключаетъ Іорнандъ". Не подозрѣвая существованія другаго міра по ту сторону Меотіи, суевѣрные гунны, при видѣ новой земли, приписали всѣ эти обстоятельства указанію свыше. Торопливо они возвращаются назадъ, восхваляютъ Скиѳію и убѣж-

даютъ свой народъ переселиться туда. Гунны тою же дорогою спѣшатъ въ Скиѳію. Всѣ встрѣчающіеся скиѳы были принесены въ жертву Побѣдѣ, а остальныхъ въ короткое время они покорили своей власти. Пройдя съ огнемъ и копьемъ, они покорили алцидзуровъ, боисковъ, алипзуровъ, итимаровъ, тункарсовъ и „цѣлый рой народовъ", населявшихъ скиѳскій берегъ Меотійскихъ болотъ, подчинили аланъ, которые не уступали имъ въ военномъ искусствѣ но были выше ихъ своимъ образованіемъ; они измучили ихъ въ сраженіяхъ.

Причину успѣха гунновъ Іорнандъ объясняетъ страшнымъ отталкивающимъ видомъ ихъ, что̀, во всякомъ случаѣ, имѣло значеніе въ глазахъ современниковъ. Гуннамъ, можетъ быть, не удалось бы побѣдить аланъ, но уже своимъ появленіемъ они приводили ихъ въ ужасъ и тѣ обращались въ поспѣшное бѣгство, ибо лицо у гунновъ было ужасающей черноты, конечно, отъ пыли и грязи: оно походило, если такъ можно выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя черными отверзтіями вмѣсто глазъ. „Злобный взглядъ ихъ показываетъ могущество души. Они свирѣпствуютъ даже надъ своими дѣтьми, исцарапывая лицо ихъ ножемъ, чтобы они прежде, чѣмъ коснуться груди своей матери, испытали бы боль отъ ранъ". Они старѣются, не имѣя бороды: лицо, изборожденное желѣзомъ, лишается отъ рубцовъ „украшенія взрослыхъ". Они невысокіе, но широкоплечіе, съ толстой шеей; вооружены огромнымъ лукомъ и длинными стрѣлами: они искусные наѣздники. Но, обладая человѣческой фигурой, они живутъ по образу звѣрей (¹).

Іорнандъ жилъ въ VI вѣкѣ, но его свидѣтельства относятся ко времени перваго появленія гунновъ (въ половинѣ IV столѣтія). Интересно узнать, на сколько видоизмѣнились гунны впослѣдствіи? Къ счастію, мы имѣемъ панегирикъ Аполлинарія Сидонія (²). Дѣло въ томъ, что спустя сто лѣтъ, гунны продолжали бороться со скиѳами. Римскій полководецъ Антемій около 460 года защищалъ римскую имперію отъ вторженія этихъ варваровъ и свои наблюденія могъ передать Аполлинарію, который внесъ ихъ въ сочиненный имъ панегирикъ, написанный тогда, когда Антемій сталъ императоромъ. Сообщенія его положительно свидѣтельствуютъ въ пользу

(¹) Iornandes. De Gothorum origine, c. 24.

(²) О немъ спец. монографія Ешевскаго. К. С. Аполлинарій Сидоній (М. 1855). Срв. большую критическую статью Кудрявцева (Соч. I. 239—302).

того, что гунны въ продолженіи ста лѣтъ нисколько не перемѣнились. „Этотъ гибельный народъ, говоритъ Сидоній, жестокъ, жаденъ, дикъ выше всякаго описанія и можетъ назваться варваромъ между варварами. Даже дѣтскія лица носятъ печать ужаса. Круглая масса, оканчивающаяся угломъ, круглый безобразный плоскій наростъ между щекъ, два отверстія, вырытыя во лбу, въ которыхъ вовсе не видно глазъ,— вотъ наружность гунна. Расплющенныя ноздри происходятъ отъ поясовъ, которыми стягиваютъ лицо новорожденнаго, дабы носъ не препятствовалъ шлему сидѣть крѣпче на головѣ. Остальныя части тѣла красивы: грудь и плечи широкія, ростъ выше средняго, если гуннъ пѣшій, и высокій, если онъ на конѣ. Какъ скоро ребенокъ перестаетъ нуждаться въ молокѣ матери, его сажаютъ на коня, чтобы члены его сдѣлать гибкими. Съ этихъ поръ гуннъ всю жизнь свою проводитъ на конѣ. Съ огромнымъ лукомъ и стрѣлами онъ всегда попадаетъ въ цѣль, и горе тому, въ кого онъ мѣтитъ“.

Это свидѣтельство V вѣка. Оно столѣтіемъ позже Марцеллина и раньше настолько же Іорнанда. Видно, что Сидоній не подчиняется Марцеллину, въ такой степени, какъ подчиняется ему Іорнандъ, а, напротивъ, относится самостоятельно. Гунны въ продолженіи ста лѣтъ, казалось, могли бы перемѣниться, но этого не случилось.

Говорятъ, что римскіе историки не знали славянъ и могли ихъ смѣшать съ гуннами. Но намеки о славянахъ мы находимъ у Приска, который довольно ясно отличаетъ славянъ отъ гунновъ. Извѣстно, что славянская колонизація началась въ предѣлахъ Римской имперіи съ IV и V вѣковъ (въ нынѣшней Далмаціи и по Дунаю). Въ то время о славянахъ ничего еще не сообщалось. Непосредственныя свѣдѣнія о нихъ находимъ у Прокопія и Маврикія (¹). Оба они занимали высшія придворныя мѣста въ Византіи и писали въ первой половинѣ VI вѣка, т. е. одновременно съ Іорнандомъ, если не раньше. По разсказамъ ихъ, нѣтъ никакого сходства между славянами и гуннами; они не лишены были возможности отличить одно племя отъ другаго. Такимъ образомъ ориги-

(¹) Извлеченіе изъ нихъ помѣщены въ цѣнномъ сборникѣ Штриттера: Memoriae populorum olim ad Danubium etc. e scriptoribus historia Byzantinae erutae et digestae. Petrop. (1770—79) въ 4 томахъ, который изданъ также въ русскомъ, теперь рѣдкомъ, переводѣ Россійской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: «Извѣстія Византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую Исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ» (П. 1770—1775, 4 части).

нальное мнѣніе г. Забѣлина о родствѣ славянъ съ гуннами врядъ ли можетъ строгую критику, не смотря на всю эрудицію, которою оно внушительно обставлено. Тѣмъ не менѣе ученый споръ нельзя считать поконченнымъ; разрѣшеніе темнаго вопроса — въ будущемъ.

Переходимъ къ непосредственному изложенію событій.

Натискъ гунновъ былъ неодолимый. Нѣмой ужасъ, какой испытали наши предки во время татарскаго нашествія, былъ слабой тѣнью страха отъ скиѳовъ и алановъ. Скиѳы давили на остготовъ, остготы на вестготовъ. Паника въ тѣ ужасныя времена доходила до того, что цѣлые народы въ 200 тысячъ душъ, лишенныя всякихъ средствъ, тѣснились на берегахъ рѣкъ, не имѣя возможности перейти ихъ. Царь остготовъ, Германрикъ разсчитывалъ на поддержку другихъ племенъ, но онѣ ему измѣнили, чему онъ самъ былъ, будто бы, причиною. Германрикъ два раза былъ разбитъ гуннами, и остготы должны были, наконецъ, покориться, когда кунингъ съ досады пронзилъ себя мечемъ и умеръ 110-лѣтнимъ старцемъ.

Гуннами тогда предводительствовалъ Виламіръ, человѣкъ, обладавшій большимъ тактомъ. Онъ собралъ вокругъ себя громадныя силы. Въ нынѣшней Южной Россіи и Венгріи гунны прожили спокойно 50 лѣтъ. Тогда-то вестготы овладѣли Ѳракіею. Только Ѳеодосій своими искусными дѣйствіями и переговорами могъ удержать вестготовъ отъ вторженія въ глубь имперіи.

Окончательное раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную въ 395 г.

Послѣ Ѳеодосія, умершаго черезъ годъ послѣ объединенія имперіи, она вновь раздѣлилась на Восточную и Западную между его сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ,—что̀ было сдѣлано по волѣ Ѳеодосія. Первый получилъ провинціи на Востокѣ, второй—на Западѣ. Оба сына Ѳеодосія—одному было тогда 18 лѣтъ, другому 11—были воспитаны такъ, какъ будто бы ихъ готовили въ монахи или священники. Неспособные къ правленію, сами они передали власть свою министрамъ. Конечно, они не могли управлять лично; у Гонорія главнымъ правителемъ былъ энергичный Стилихонъ, у Аркадія—Руфинъ, честолюбивый лицемѣръ, думавшій о себѣ, а не о государствѣ.

Стилихонъ и Аларихъ.

Великодушный характеромъ, благоговѣя предъ цивилизаціей, полководецъ по призванію, Стилихонъ могъ бы спасти

имперію, если бы это было возможно для человѣка. Онъ разсчитывалъ возсоединить и объединить обѣ ея части. То время было самое опасное для существованія Римской имперіи. Не говоря о гуннахъ, воинственный народъ вестготовъ, предводимый отважнымъ Аларикомъ, грозилъ римскимъ предѣламъ. Вестготы бросились на Дунай и вторгнулись въ имперію ([1]). Аларикъ былъ по призванію полководецъ. Онъ родился на одномъ изъ острововъ Дуная; еще въ молодости своей онъ совершилъ многіе военные подвиги и тогда еще навелъ ужасъ на Грецію. Но въ душѣ у него была одна черта, которая сближала его съ христіанствомъ. Аріанинъ по вѣроисповѣданію, онъ питалъ глубокое уваженіе къ образованію; вестготы разрушали все, но щадили христіанскія церкви. При нашествіи на Грецію въ 396 году, Аларикъ, пощадилъ Аѳины и монументальные памятники эллинскаго искусства. Язычники говорили, что сама Аѳина, стоя на стѣнахъ, грозила Аларику. Понятно, что такой соперникъ былъ опасенъ Стилихону. Аларикъ считалъ себя въ правѣ прогуливаться по имперіи со своими германцами; имперію защищали также германцы, нанятые Стилихономъ. Въ Лигуріи, при городѣ Полленціи, близь береговъ Генуэзскаго залива, въ концѣ марта 403 г. произошла рѣшительная битва за существованіе Римской имперіи. На этотъ разъ перевѣсъ остался на сторонѣ римлянъ. Аларикъ при отступленіи потерпѣлъ второе, болѣе рѣшительное пораженіе подъ Вероной. Между тѣмъ германскія дружины изъ бургундовъ, свевовъ, вандаловъ и аланъ произвели новый натискъ и дошли до Флоренціи. Стилихонъ занялъ горные проходы. Долины Этруріи покрылись варварскими трупами. Здѣсь можно было наблюдать интересное явленіе. Потомки настоящихъ римлянъ поручили защищать себя варварамъ, а сами калѣчили себя, чтобы избавиться отъ военной службы. Имперія сама не въ силахъ была защитить себя; она медленно шла къ паденію и заслуга Стилихона въ томъ, что онъ отдалилъ конецъ ея еще на нѣсколько лѣтъ. Но и, въ этомъ смыслѣ онъ для Италіи сдѣлалъ, то что нѣкогда свершили Камиллъ и Марій ([2]).

([1]) Для исторіи вестготовъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе соч Aschbach. G. der Westgothen. Erl. 2 B., 1827.

([2]) Въ русской литературѣ есть спеціальная монографія о Стилихонѣ Н. А. Ѳирсова въ Журн. Мин. Нар. Просв. октябрь 1855 г.—Schulze въ біографіи, изд. въ 1805 г., сравниваетъ удачно Стилихона съ Валленштейномъ (ein Wallenstein der Vorzeit).

Западной имперіи грозили еще гунны, которые не могли успокоиться на Востокѣ и смотрѣли на свою жизнь въ Скиѳіи, какъ на временный отдыхъ. Собирая средства для защиты Италіи, Стилихонъ отозвалъ легіоны изъ Галліи и Испаніи, оставивъ такимъ образомъ эти провинціи на жертву варваровъ. Франки, бургунды, свевы, аланы и вандалы теперь устремились въ Галлію,—первые, чтобы остаться здѣсь навсегда, послѣдніе же, чтобы отсюда чрезъ Пиринеи перейти въ Испанію и тамъ поселиться. Тогда пали нынѣшніе: Страсбургъ, Шпейеръ, Майнцъ и другіе менѣе извѣстные сосѣдніе города. Но тутъ же въ Галлію съ сѣвера изъ Британіи явился самозванецъ—Константинъ, который овладѣлъ не только Галліей но и Испаніей и господствовалъ въ этихъ странахъ 4 года (407—411 г.). Въ самой Испаніи явился одновременно другой самозванецъ. Стилихонъ долженъ былъ быстро бросаться на всѣ стороны.

Вестготы въ Испаніи.

Наконецъ и сама Испанія застонала отъ напора вестготовъ. Стилихонъ, какъ думаютъ нѣкоторые, вошелъ въ сношеніе съ предводителемъ вестготовъ Аларикомъ, надѣясь при его содѣйствіи свергнуть Гонорія и овладѣть сперва западною частью имперіи, а послѣ стать повелителемъ всей имперіи. Но во всякомъ случаѣ, если и были сношенія съ кунингомъ вестготовъ, то они не привели ни къ какимъ результатамъ. Аларикъ подошелъ къ границамъ Италіи, предъявляя на нее свои права. Стилихонъ, понимая силу кунинга вестготовъ, убѣждалъ сенатъ обсудить требованія Аларика. Этимъ воспользовались враги Стилихона, чтобы обвинить его въ измѣнѣ. Стилихонъ могъ бы уничтожить своихъ противниковъ, могъ бы завладѣть Равенной, но онъ не хотѣлъ обагрять кровью междоусобной войны имперію, которую такъ любилъ. Гонорій, воспользовавшись нерѣшительностію Стилихона, велѣлъ его убить, хотя былъ женатъ на его дочери. Вождь умеръ съ геройствомъ души, достойнымъ римлянина (23 авг. 408 г.). Его мѣсто занялъ Олимпій и открылъ гоненіе на друзей Стилихона и на аріанъ вообще. Государственные сановники должны были теперь заниматься религіозными препираніями и изслѣдованіями. Между варварами въ Римѣ было много аріанъ. Жены ихъ, видя казни и притѣсненія своихъ родныхъ, убѣжали къ Аларику, прося его напасть на Римъ и обѣщая

полный успѣхъ. Самъ Аларикъ былъ аріанинъ и смотрѣлъ на предстоящую борьбу съ религіозной стороны.

Осада Рима въ 408 г.

Переправившись чрезъ рѣку По, Аларикъ безпрепятственно дошелъ до Рима, игнорируя Равенну, гдѣ жили императоры и разрушая все по пути. Зимой 408 г. Аларикъ разбилъ свои шатры на берегахъ Тибра. Ужасъ овладѣлъ римлянами, которые 600 лѣтъ не видали внѣшнихъ враговъ у своихъ стѣнъ и 800 лѣтъ не встрѣчали ихъ на улицахъ вѣчнаго города. Вмѣстѣ съ ужасомъ проявилась и гнусная мстительность трусовъ. Сенатъ обрушился на неповинную вдову Стилихона, Серену, племянницу Θеодосія Великаго. Ее удавили, съ согласія императрицы Плацидіи, ея родственницы. Но это, конечно, нисколько не помогло бѣдѣ, а только болѣе ободрило Аларика, который явился мстителемъ за Стилихона и который съ омерзеніемъ узналъ о новомъ убійствѣ. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу прекратился, благодаря коннымъ разъѣздамъ вандаловъ, служившихъ въ полчищахъ Аларика. Римъ былъ обложенъ тѣснѣе. Надъ столицею обрушилась страшная кара. Открылся голодъ съ раздирающими душу картинами. Ежедневно умирали тысячи мучительной смертью. Голодные бросались на трупы; бывали случаи, что матери убивали дѣтей и ѣли ихъ тѣло. Ко всѣмъ ужасамъ присоединилась эпидемія, уносившая неисчислимыя жертвы. Помощи не было ни откуда.

Долго крѣпились римляне.

Наконецъ, сенатъ отправилъ къ Аларику пословъ, которые съ притворною гордостію превозносили римскія войска и богатства:—„Чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче ее косить“ отвѣчалъ Аларикъ. Онъ требовалъ себѣ всѣхъ богатствъ, оставляя римлянамъ „только одни души“. Сенатъ согласился выдать 5 тысячъ фунтовъ золота и 30 тысячъ фунтовъ серебра и драгоцѣнныхъ товаровъ. Пришлось пожертвовать украшеніями древнихъ храмовъ и обратить въ слитки серебряные истуканы. Аларикъ захватилъ 40 тысячъ освобожденныхъ германскихъ рабовъ. Онъ отступилъ отъ столицы съ тою цѣлью, чтобы черезъ два года снова напасть на нее.

Въ 410 г. Римъ ожидали еще болѣе тяжелыя и уже на этотъ разъ неотвратимыя несчастія. Имперіи пришлось много выстрадать отъ руки варварскаго вождя, искупая этимъ свои прежнія несправедливости къ покореннымъ народамъ. Аларикъ, подъ предлогомъ исполненія договоровъ, считаетъ себя

истиннымъ повелителемъ Западной имперіи. Его войско, увеличенное озлобленными рабами, стало еще грознѣе. Аларикъ, расположившись въ Этруріи, завелъ новые переговоры съ Равенной, требуя себѣ Норикъ и Далмацію для поселенія вестготовъ. Гонорій имѣлъ неосторожность отказать. Тогда Аларикъ рѣшился принудить къ тому императора силой и осадилъ Равенну, гдѣ въ то время находился Гонорій съ своимъ дворомъ. Но Равенна, получая съѣстные припасы съ моря, не сдавалась. Тогда Аларикъ, болѣе и болѣе озлобляясь, въ 407 г. объявилъ второй походъ на Римъ, взялъ Остію, провозгласилъ императоромъ Запада римскаго префекта Аттала, возложивъ на него черезъ посредство аріанскаго епископа знаки императорскаго сана. Въ свою очередь Атталъ назначилъ Аларика главнокомандующимъ императорскихъ войскъ. Это не повело ни къ чему. Гонорій, руководимый патріотическою партіею, продолжалъ противиться, хотя по временамъ его одолѣвала трусость и онъ собирался бѣжать на Востокъ. Атталъ, по приказанію Аларика, потребовалъ отъ него отреченія отъ престола и получилъ презрительный отказъ. Гонорій надѣялся на крѣпость Равенны, силу 4000 ветерановъ, которые ее охраняли. Между тѣмъ Аларикъ разгнѣвался на Аттала, который отказалъ страшному кунингу въ уступкѣ Африки. Аларикъ также скоро развѣнчалъ его, какъ прежде быстро короновалъ. Онъ попытался послѣдній разъ войти въ соглашенія съ Гоноріемъ и снова получилъ тотъ же отказъ. Теперь вождь вестготовъ окончательно рѣшился во чтобы то ни стало покончить съ Римомъ. Онъ объявилъ третій походъ на столицу.

Римъ долженъ былъ погибнуть. Это было въ послѣдніе дни августа 410 г. Съ надеждой добычи, исполненные радости и отваги, потекли десятки тысячъ опытныхъ воиновъ Аларика изъ Этруріи на Римъ. Стѣны не могли защищать города: жители были слабы и изнѣженны. Римское духовенство не предполагало и не вѣрило тому, что Аларикъ способенъ будетъ щадить церкви. Оно готовилось погибнуть со своей святыней. Когда готы подошли къ Риму, то защита его была такъ слаба, что нѣсколькимъ человѣкамъ удалось перелѣзть черезъ стѣну и отворить ворота. Ворвавшись въ городъ, кунингъ отдалъ его на разграбленіе солдатамъ. Это было обѣщано ранѣе Съ побѣдителями соединились рабы, призванные къ свободѣ. Разрушеніе было бы ужаснѣе, если бы Аларикъ **Взятіе Рима Аларикомъ 24 авг. 410 г.**

и его воины не были христіане. Кунингъ, хотя аріанинъ, запретилъ грабить католическія церкви и, подъ страхомъ смертной казни, приказалъ воинамъ щадить имущество всѣхъ духовныхъ. Онъ запретилъ также трогать безоружныхъ. Свирѣпость воиновъ обрушилась на памятники языческаго искусства; разрушены были дворцы цезарей, откуда нѣкогда шли строгія мѣры противъ германцевъ. Грабежъ города продолжался три дня и прекратился по слѣдующему поводу. Одинъ воинъ пришелъ въ домъ къ христіанкѣ и сталъ отнимать у нея золотые сосуды, но она сказала, что сосуды эти священны, что они взяты съ гроба св. Петра. По приказанію Аларика эти предметы съ торжествомъ были перенесены въ храмъ Апостола. Римляне, составлявшіе процессію, запѣли священные пѣсни; грабители перестали свирѣпствовать, присоединились къ процессіи и грабежъ прекратился.

Разграбивши Римъ, Аларикъ, обремененный добычею, отправился въ Южную Италію, питая самые широкіе планы. Онъ понималъ, что его многочисленныя полчища не могутъ существовать безъ обладанія Сициліей и Африкой, безъ этихъ житницъ древняго Рима, и потому теперь же замыслилъ покорить эти области. Но смерть застигла его въ цвѣтѣ лѣтъ, на 34 году жизни въ неаполитанскихъ предѣлахъ. Это было осенью 410 г. Готы заставили рабовъ отвести въ сторону теченіе рѣки Бизонцы и на днѣ ея похоронили своего великаго вождя съ его сокровищами и любимымъ конемъ. Потомъ опять велѣли пустить воду въ прежнее русло и умертвили работавшихъ рабовъ. Готы боялись, что римляне еще восторжествуютъ и надругаются надъ трупомъ ихъ вождя.

Атаульфъ (410—415 г.) и походъ вестготовъ въ Испанію. По смерти Аларика готы признали вождемъ своимъ родственника его Атульфа. Въ числѣ плѣнныхъ находилась прекрасная Плацидія, сестра Гонорія, на которой Атаульфъ задумалъ жениться. Разсчитывая получить что нибудь въ приданное за Плацидіей, онъ захотѣлъ оформить это дѣло и отправилъ къ Гонорію посольство просить руки его сестры. Гонорій согласился на бракъ и далъ въ приданое за сестрой юго-восточную Галлію.

Но тутъ готы не могли существовать, вслѣдствіи недостатка съѣстныхъ припасовъ, а Гонорій не намѣренъ былъ помогать имъ своими средствами. Тогда вестготы пошли далѣе, заняли южную Галлію и напали на Марсель, но были отбиты

Бонифаціемъ. Тогда Атаульфъ направился за Пиринеи и занялъ сѣверную Испанію. Здѣсь Атаульфъ и преемникъ его Валлія основали Вестготское королевство. Оно въ началѣ простиралось отъ Гаронны до Эбро и имѣло своею столицею Тулузу, а потомъ распространилось постепенно на весь Пиринейскій полуостровъ, когда вандалы и аланы удалились въ Африку. Вестготскій кунингъ былъ оффиціально признанъ Гоноріемъ императоромъ, и Испанія была уступлена ему какъ намѣстничество на 30 лѣтъ, но готы остались тамъ на цѣлые вѣка.

Въ то время одно племя за другимъ врывалось въ Римскую имперію, оставляя на прежнихъ мѣстахъ своего жительства только стариковъ и неспособныхъ носить оружіе. Приближеніе гунновъ еще болѣе усиливало движеніе. Бургунды, жившіе на рѣкѣ Майнѣ, сдвинутые съ своихъ мѣстъ, положили начало Бургундскому германскому королевству. Франки по ихъ слѣдамъ овладѣли сѣверной Галліей.

Вандалы, пришедшіе съ Балтійскаго моря, отошли въ южную Испанію, тѣснимые съ сѣвера остготами. Римскій полководецъ Бонифацій, намѣстникъ Африки, призываетъ ихъ на помощь противъ Аэція. Но вандалы, вмѣсто помощи, завоевываютъ подъ предводительствомъ Гензерика Африку и основываютъ здѣсь Вандальское королевство съ главнымъ городомъ Карфагеномъ. **Вандальское королевство въ Африкѣ.**

На вандалахъ очень ясно обнаружилось вліяніе соціальныхъ, климатическихъ и географическихъ условій. Подъ обаяніемъ роскошной природы, не побуждаемые необходимостью трудиться, вандалы скоро изнѣжились и государство ихъ быстро стало разрушаться. Эти германцы съ безотрадныхъ, угрюмыхъ береговъ Балтійскаго моря, славившіеся всегда своей дикою свирѣпостью, вошедшей даже въ пословицу, чрезъ одно поколѣніе сдѣлались истыми африканцами. Правда, ихъ жестокости продолжали проявляться въ ужасающихъ формахъ, но они оказались способными къ культурѣ. Во всемъ свѣтѣ они считались отличнѣйшими гастрономами; пиры ихъ были знамениты, а суровая ихъ простота измѣнилась въ женскую страсть къ нарядамъ. Высокіе, одѣтые въ шелковые хламиды и великолѣпно разукрашенные, сидѣли они въ театрахъ, любуясь танцовщицами и гистріонами и тоновъ знатоковъ, какъ истые меломаны, судили о достоинствахъ греческой струнной музыки. Они неумѣренно, какъ никто изъ герман-

цевъ, пользовались жизнью. Ихъ мужской забавой осталась охота на львовъ и тигровъ и эти подвиги часто изображались на германскихъ щитахъ. Вандалы, какъ и всѣ германцы, не любили городовъ; они жили въ отведенныхъ имъ земляхъ въ качествѣ помѣщиковъ. Поэтому Гензерикъ, опасаясь вообще недоступныхъ укрѣпленій, приказалъ разрушить въ Африкѣ всѣ городскія стѣны. Эти варвары жили большею частью въ прекрасныхъ паркахъ, которые греки считали раемъ, подъ сѣнью тропическихъ растеній и журчащихъ фонтановъ. Они считались страшно богатыми; огромныя массы золота они привезли изъ Испаніи въ Африку. Они владѣли отличными землями и не платили за нихъ ничего. Вандалы, какъ и всѣ германцы, завоевывая извѣстную страну, третью часть земли брали въ свою пользу, и люди, населявшіе ихъ землю, дѣлались ихъ крѣпостными. Замѣчательно однако, что теперь жители менѣе жаловались на свое положеніе, чѣмъ прежде при императорахъ, когда они были свободны и когда каждый изъ нихъ пользовался правомъ римскаго гражданства.

Измѣненія въ бытѣ и характерѣ германцевъ.

Положеніе другихъ германцевъ не многимъ отличалось отъ обстановки вандаловъ. Они достигли того, чего искали. Каждый изъ нихъ владѣлъ землями, которыя отдавалъ поселянамъ для пользованія на весьма выгодныхъ для себя условіяхъ. Каждый изъ нихъ нѣжился въ своемъ домѣ, какъ римлянинъ, на попеченіи толпы рабовъ. Покорно преклонялись предъ ними греческіе философы и римскіе риторы, а сенаторы рады были, что пользуясь ихъ покровительствомъ, они сберегали себѣ жизнь. Но все таки германцевъ поражало оживленіе и блескъ римскихъ городовъ; въ городахъ эти помѣщики сознавали себя невѣждами и вообще чувствовали себя не на мѣстѣ. И хотя они спорили съ римлянами въ роскоши и старались сравняться съ ними въ внѣшнемъ блескѣ, но къ ихъ роскошному образу жизни примѣшивалась грубость германцевъ. Все это подражаніе выходило неумѣло, странно, далеко не изящно, но тѣмъ не менѣе они пропитывались духомъ римской цивилизаціи, которая не умирала долгіе вѣка. Эту цивилизацію римляне передали варварамъ. Въ то время, о которымъ мы говоримъ, на улицахъ римскихъ городовъ германцы видѣли сотни красивыхъ предметовъ, не зная ихъ употребленія. Но при этомъ изъ души германцевъ никогда

не уносилась идея великой Римской имперіи. Каждый германецъ считалъ за честь быть вассаломъ императора Римскаго. Кунинги германскіе гордились не тѣмъ, что побѣдили римлянъ, а тѣмъ, что будутъ находиться подъ верховной эгидой римскихъ властителей. Ни одинъ германскій кунингъ не обладалъ такими многочисленными стройными легіонами, какіе еще могъ выставить Римскій императоръ. Громадное пространство Римской имперіи и огромныя средства Римскихъ императоровъ поражали воображеніе германцевъ. Поэтому, хотя повелители германскіе неограниченно управляли своими народами, но все таки признавали верховную власть Римскихъ императоровъ, будучи фактически всегда сильнѣе ихъ.

Они заимствовали у римлянъ не только обстановку, законодательство, но и языкъ. Извѣстно, что латинскій языкъ оказалъ громадное вліяніе на германскіе. Въ языкахъ: итальянскомъ, провансальскомъ, французскомъ и испанскомъ болѣе латинскихъ корней, чѣмъ германскихъ. Въ душѣ германцы всегда были способны къ воспріятію лучшихъ сторонъ древности, къ усвоенію идей, выработанныхъ классическимъ міромъ. Правда, ихъ короли были безграмотны, но они понимали, что имъ не создать лучшей жизни, что имъ необходимо заимствовать античныя формы. Конечно, эти заимствуемыя формы пропитывались германскимъ духомъ, который господствуетъ въ Европѣ до самыхъ крестовыхъ походовъ.

Напоръ гунновъ.

Пока германцы собирались раздѣлить окраины Римской имперіи, гунны вступили въ сношенія съ восточными императорами. Преемникъ Валаміра, князь гунскій Улдъ (котораго г. Забѣлинъ передѣлываетъ на Влада) поступаетъ на службу къ Восточному императору въ 405 году и даже воюетъ съ готами во Ѳракіи и Мизіи. Послѣ него считаются римскими вождями Донатъ и Ругъ, по уже послѣднему восточный императоръ платилъ дань въ 350 фунтовъ золота ([1]). Донатъ жилъ гдѣ-то въ при-Днѣпровьи; Ругъ придвинулся ближе къ Западу.

Въ періодъ между 410 и 430 гг. гунны проявляютъ величайшіе успѣхи. Въ это время Восточный Римскій императоръ принялъ къ себѣ бѣжавшихъ скиѳовъ, подданныхъ гунновъ. По этому случаю завязался споръ. Гунны требовали выдачи скиѳовъ, какъ переметчиковъ, а Византійскій императоръ не

([1]) См. новую монографію Földvary, Les ancêtres d'Attila, 1875.

хотѣлъ уступить. Гунны требовали очень настоятельно. Тогда византійское правительство отправило къ гуннамъ посольство съ секретаремъ Прискомъ, который оставилъ описаніе своего путешествія. Посольство не застало въ живыхъ Руга. Онъ умеръ въ 434 или 435 году, оставивъ власть двумъ сыновьямъ своимъ Атилѣ и Бледу (Влида), которые и приняли византійское посольство ([1]).

Атила. Атила убилъ брата своего Бледа и сдѣлался единодержавнымъ государемъ въ предѣлахъ отъ Волги до Венгріи, отъ Ледовитаго моря до Чернаго и Адріатическаго. Атила кромѣ гунновъ властвовалъ какъ покровитель и надъ народами средней Европы, надъ гепидами, лангобардами, остготами и славянами, которые, сохраняя своихъ князей, повиновались гуннамъ.

Личность Атилы перешла въ потомство, окруженная обаяніемъ величія и тайны. Онъ обладалъ полумилліонной арміей конной и пѣшей; численность ея вовсе не преувеличена. Современники смотрѣли на него съ подобострастіемъ и ужасомъ. Онъ родился для внушенія страха всѣмъ. Низкаго роста, съ широкой грудью, онъ сказывалъ свое гуннское происхожденіе маленькими глазами, рѣдкой бородой, вздернутымъ крючкомъ носомъ и почти чернымъ цвѣтомъ кожи. Въ бѣшенствѣ лицо его страшно измѣнялось, глаза метали пламень; тогда онъ приводилъ въ трепетъ здоровыхъ мужчинъ. Его слова и дѣйствія были запечатлѣны извѣстнаго рода силой, разсчитанной на эфектъ. Если онъ куда устремлялся, то скорѣе для того, чтобы уничтожать, чѣмъ грабить. Когда убивалъ, то съ тѣмъ, чтобы оставить тысячи труповъ безъ погребенія на зрѣлище живымъ. При этомъ онъ былъ милостивъ къ тѣмъ, которые умѣли подчиняться, отзывчивъ на просьбы, благороденъ по отношенію къ своимъ слугамъ и справедливъ, какъ судья, для своихъ подданныхъ.

([1]) Описаніе посольства Приска переведено на русскій языкъ Дестунисомъ въ 7 книгѣ Ученыхъ Записокъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Лучшая монографія объ Атилѣ съ разборомъ всѣхъ легендъ принадлежитъ Амедею Тьерри 1856, 2 vls.— Имя Атилы у И. Забѣлина (Исторія русской жизни; I, 340 и слѣд.) производится гадательно отъ *тата*, *тятя* (отецъ), въ подтвержденіе славянскихъ звуковъ. Аналогично русскій изслѣдователь проводитъ параллель съ именами *Татула* (одинъ изъ пословъ Аэція), *Тотила* (кунингъ остготовъ) и др. при чемъ предполагается, что германцы, подчинившись гуннамъ, брали имена гуннскія и обратно. Этотъ вопросъ рекомендуется вниманію русскихъ лингвистовъ. Д. И. Иловайскій ставитъ это производство условно въ «Розысканіяхъ» и въ «Полемикѣ» (стр. 14).

Одежду онъ носилъ всегда простую, но чистую; его пища состояла изъ говядины, впрочемъ безъ всякой приправы, которую ему подавали на деревянныхъ блюдахъ. Вообще его простой и умѣренный образъ жизни какъ бы противорѣчилъ той роскоши, которую онъ любилъ видѣть вокругъ себя. Въ его царственной натурѣ была черта дѣйствительно теплаго добродушія, ибо многіе народные вожди, въ сущности независимые, сохраняли къ нему искреннюю вѣрность. Пока онъ былъ живъ, до тѣхъ поръ мощь и волшебная сила его обаянія дѣлала его центромъ государства, которое не уступало монархіи Александра Великаго и построено было на союзахъ. Онъ по своимъ дарованіямъ могъ разсчитывать на славу, но найденный и принесенный ему мечь Марса увеличилъ въ немъ его самоувѣренность. Въ то время кочующій дворъ Атилы былъ самымъ богатымъ въ Европѣ и не отказывалъ себѣ въ роскоши. Кунинги и князья германскіе составляли его придворный штатъ. Въ толпѣ, окружавшей рѣзчатый заборъ его дома, находились предводители народовъ отъ Персіи до Пиринеевъ. Княжескіе дѣти изъ германскихъ земель воспитывались у него, какъ заложники и жили вмѣстѣ съ вождями племенъ, кочевавшихъ по Волгѣ и средней Азіи. Князья изъ знаменитѣйшихъ германскихъ родовъ ожидали его повелѣній. Покоренные прибалтійскіе славянскіе пароды привозили ему мѣха соболей и выдръ. Византійскіе и римскіе послы со страхомъ ожидали его рѣшеній. Спорить съ нимъ было нельзя. Судьба властителей и народовъ зависѣла отъ его милости. Онъ занималъ тогда такое же положеніе, какое занималъ Наполеонъ I въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Въ то время гунны были уже не тѣ, какими они вышли изъ степей Азіи. Гунны породнились съ германскими, славянскими и финскими народами. Они привыкли къ осѣдлой жизни. Теперь съ ними можно было вести переговоры: они держали слово, потому что имъ приказывала одна воля. Они болѣе походили на германцевъ во времена Арминія, чѣмъ на прежнихъ гунновъ. Первыя побѣды Атилы неизвѣстны. Атила говорилъ тономъ диктатора съ Римскими императорами.

Можетъ быть онъ тогда же покорилъ бы Римскую имперію, но встрѣтилъ себѣ соперника въ лицѣ Аэція, полководца Валентиніана III, человѣка честнаго и даровитаго. Аэцій воспитывался при гуннскомъ дворѣ еще при отцѣ Атилы, въ качествѣ скиоскаго заложника; можетъ быть, онъ и самъ Аэцій.

былъ гуннскаго происхожденія. Судьба опредѣлила Аэцію быть спасителемъ Римской цивилизаціи. Его благородныя усилія привели къ тому, что Западъ Европы остался чуждъ азіатскому вліянію, господствовавшему въ станѣ Атилы.

Мы уже замѣчали, какъ германцы, фактически господствуя надъ имперіей, преклонялись предъ ея обаяніемъ и ссорились изъ за обладанія ею. Каждый народъ, который прежде другихъ овладѣвалъ частью имперіи, считалъ дѣломъ чести защищать не только свою часть, но и все государство противъ своихъ же собратій. Кунинги этихъ народовъ дѣлались дѣйствительными правителями имперіи, но тѣмъ не менѣе верховную власть они признавали въ особѣ императора. Мало по малу во всѣхъ областяхъ появились германскіе вожди. Они были истинными властителями обѣихъ имперій, и какъ впослѣдствіи рыцари преломляли копье по слову дамы, такъ и эти кунинги боролись съ своими собратіями за обладаніе имперіей. Они не жалѣли своихъ силъ и крови, если только получали отъ императора извѣстныя прерогативы или извѣстную долю владѣній на вассальныхъ правахъ. Разъ усыновленные имперіей, они были вѣрны ей и честно исполняли свои обязанности въ отношеніи къ сюзерену. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ Аэцій.

Мы не знаемъ, любилъ-ли онъ въ душѣ римскую цивилизацію, или боролся вслѣдствіе личной ненависти; но знаемъ то, что онъ защищалъ честь и достоинство имперіи, самъ будучи варваромъ, противъ другаго, болѣе ужаснаго варвара. Съ одной стороны онъ твердо держалъ знамя цивилизаціи въ борьбѣ съ Атилой, съ другой—не стѣснялся приглашать тѣхъ же гунновъ противъ личныхъ своихъ враговъ.

Онъ получилъ военное воспитаніе и образованіе въ гуннскомъ станѣ, на берегахъ Тиссы. Сперва онъ неограниченно господствовалъ въ Западной имперіи. Онъ вооружилъ слабаго Гонорія противъ его честолюбивой сестры Плацидіи, вдовы вестготскаго короля и противъ ея дѣтей: Валентиніана и дочери Гоноріи. Онъ выгналъ ихъ изъ государства, такъ что они искали убѣжища при византійскомъ дворѣ.

Өеодосій II (408—450 г.) и Пульхерія на Востокѣ.

Тамъ, съ 408 г. императоромъ былъ Өеодосій II-й, сынъ Аркадія,—орудіе духовенства, евнуховъ, придворныхъ и женщинъ. Это не помѣшало тому, что въ царствованіи Өеодосія II были сведены въ кодексъ памятники римскаго законодатель-

ства (Codex Theodosianus), благодаря труду коммиссіи изъ 8 юристовъ. При Византійскомъ дворѣ умѣли согласовать благочестіе съ тонкимъ образованіемъ и пышностью. Впрочемъ, молодымъ императоромъ руководила его талантливая сестра Пульхерія, обладавшая хорошими качествами своего дѣда Өеодосія. Она не хотѣла выходить замужъ, посвятивъ себя дѣламъ Церкви и государства. Она явилась ревностной поборницей государственныхъ интересовъ, но еще болѣе заботилась о церквахъ и духовенствѣ. Получивъ титулъ Августы, она стала фактически императрицей. Самъ Өеодосій II жилъ во дворцѣ, читалъ, молился, упражнялся въ каллиграфіи, переписывая молитвы, иногда охотился и всегда подписывалъ просмотрѣнныя сестрой повелѣнія и распоряженія. Онъ женился по выбору Пульхеріи, на неофиткѣ Евдокіи, дочери языческаго философа, которая послѣ стихами Гомера слагала по Евангелію разсказы о жизни Спасителя и изображала въ стихахъ ветхозавѣтныя повѣствованія. Евдокія впослѣдствіи задумала пріобрѣсти политическое вліяніе. Тогда Пульхерія приревновала свою питомицу къ власти и своевременно приняла рѣшительныя мѣры. Императрицѣ было указано жить въ одномъ изъ іерусалимскихъ монастырей; ея приверженцы были устранены отъ дѣлъ, а нѣкоторые казнены. Пульхерія еще болѣе забрала въ руки слабаго, лѣниваго и податливаго брата. Отъ его имени она счастливо воевала съ персидскимъ царемъ Верганомъ. Послѣдствіемъ этой войны было раздѣленіе Арменіи между Персіей и Византіей.

Валентиніанъ III (425—455 г.) и Плацидія на Западѣ.

Аналогичное явленіе совершается на Западѣ. Такъ вмѣсто императора Валентиніана III правитъ его мать, Плацидія, которая, по смерти Гонорія, въ 423 году, успѣла отвоевать себѣ власть надъ западнымъ престоломъ. Тотъ же Аэцій, который боролся прежде противъ нея, становится теперь первымъ государственнымъ чиновникомъ и самымъ близкимъ лицемъ. Это показываетъ азіатскую изворотливость и хитрость Аэція. Что онъ былъ замѣчательно ловокъ—это несомнѣнно, но несомнѣнно также и то, что онъ былъ человѣкъ незамѣнимый. Со времени вступленія на престолъ Валентиніана III, не проходило года, чтобы Аэцій не отличился какимъ нибудь полезнымъ и славнымъ предпріятіемъ. Аэцій счастливо воевалъ съ бургундами, аллеманами, франками, два раза отражалъ вестготовъ и такъ расположилъ къ себѣ гунновъ, что

они долго не трогали Западной имперіи и ограничивались набѣгами на византійскіе предѣлы.

Обыкновенно Аэція обвиняютъ за его интриги съ Бонифаціемъ, который, будучи намѣстникомъ Африки, дошелъ до того, что пригласилъ вандаловъ для защиты отъ притѣсненій со стороны императора. Дѣйствительно Аэцій не любилъ Бонифація и, можетъ быть, самъ склонилъ его къ измѣнѣ, чтобы послѣ погубить его и затѣмъ предать страну вандаламъ, которые, по словамъ Августина, епископа Иппонскаго, произвели въ ней страшныя опустошенія.

Извѣстно, что вандалы, будучи аріанами, свирѣпо мучили православное населеніе. Они нарочно распространили заразу обкладывая стѣны городовъ трупами, которые подъ дѣйствіемъ африканскаго солнца быстро разлагались. Такой способъ войны вандалы примѣняли съ тою цѣлью, чтобы скорѣе покорять города, которыхъ штурмомъ они взять не могли. Тѣ же вандалы первое время во всей Африканской провинціи оставили только три церкви; они губили виноградники, фруктовыя деревья, раззоривъ страну до того, что въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось не только ни одного дома, но и ни одного человѣка. Только послѣ, когда вандалы осѣлись и свыклись съ побѣжденными, страна поправилась отъ страшнаго потрясенія.

Какое печальное положеніе государственныхъ и общественныхъ дѣлъ застигло въ то время Западную имперію, видно изъ того, что тотъ же Бонифацій, который лишилъ имперію такой прекрасной провинціи, какъ Африка, былъ приглашенъ Плацидіей въ соправители. Аэцій справедливо возмутился: призвавъ гунновъ противъ Бонифація, онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, но былъ побѣжденъ; Бонифацій умеръ отъ раны. Аэцій въ сущности является мятежникомъ. Но сама Плацидія виною этого. Она передаетъ начальство надъ войсками нѣкоему Себастіану, который приглашаетъ къ себѣ готовъ. Аэцій одерживаетъ верхъ и та же Плацидія ввѣряетъ ему, своему вчерашнему врагу, начальство надъ войскомъ и верховную власть, не скрывая все таки намѣренія отъ него избавиться. Извинительно, что Аэцій при этихъ обстоятельствахъ долженъ былъ поддерживать связи съ гуннами, которые сверхъ того были опасны для слабой имперіи.

Послѣ этого понятна безпрестанная эмиграція грековъ и римлянъ въ гуннскій лагерь. Положеніе было, по истинѣ, ужасно; исчезло понятія о чести. Честность была чѣмъ-то

ненормальнымъ. Чиновники фиска стали сатрапами и вампирами страны.

Въ описаніи Приска, секретаря посольства къ Атилѣ, встрѣчается фактъ, который показываетъ, съ какой легкостью римляне и греки превращались въ варваровъ. Прискъ встрѣчаетъ при дворѣ Атилы одного скиѳа, хорошо одѣтаго, остриженнаго въ кружокъ, по скиѳскому образцу, и хорошо говорившаго по гречески. Прискъ спросилъ его, изъ какой онъ страны. Тотъ отвѣчалъ, что онъ былъ мирнымъ грекомъ, попалъ въ плѣнъ къ гуннамъ и, будучи рабомъ, дрался съ римлянами и, послѣ того какъ пріобрѣлъ достаточное количество добычи, принесъ ее своему господину, отъ котораго, въ силу скиѳскихъ законовъ, получилъ свободу. Послѣ этого онъ сталъ гунномъ, женился на женщинѣ варварскаго племени и прижилъ съ нею дѣтей. Онъ предпочиталъ свое настоящее житье прежнему, потому что плѣнники живутъ въ гуннскомъ лагерѣ спокойно и беззаботно. Каждый пользуется тѣмъ, что у него есть. Плѣнный грекъ затѣмъ, подобно нашему Котошихину, описалъ состояніе византійскаго государства въ далеко непривлекательныхъ чертахъ. Онъ указывалъ на непосильное взиманіе налоговъ, притѣсненія несправедливаго и безконечно долгаго суда, наглое взяточничество и, при множествѣ законовъ, полное беззаконіе. Все это дѣлаетъ жизнь въ Византіи невыносимою. Конечно, секретарю византійскаго посольства было непріятно выслушивать эту горькую истину. Онъ сталъ защищать свое государство. Онъ говорилъ, что римскіе законы хороши, что имъ подчиняются даже сами императоры, тогда какъ у варваровъ господствуетъ произволъ и нѣтъ гарантіи свободы и безопасности. Подъ конецъ грекъ расчувствовался. Со слезами на глазахъ, онъ сказалъ: „законы римлянъ хороши, ихъ государственный порядокъ также хорошо устроенъ, но дурные начальники колеблютъ и разрушаютъ его“.

Такое государство, расшатанное въ своихъ политическихъ и общественныхъ основахъ, могло влачить остатки своего жалкаго существованія только въ соглашеніи съ варварами, постоянно его одолѣвавшими. Нѣкоторыми сторонами варварскій міръ привлекалъ къ себѣ. Тамъ предъ деспотизмомъ одного властелина были всѣ равны; тамъ не допускалось притѣсненія отъ чиновниковъ; тамъ правосудіе было равно для всѣхъ отъ вождя германскаго племени до послѣдняго раба. Сами греки сознавались, что жить подъ рукой Атилы лучше, чѣмъ въ

имперіи. За то Атила былъ взыскателенъ къ другимъ правительствамъ; онъ и отъ нихъ требовалъ безусловнаго повиновенія. Атила пожелалъ даже разъ принять участіе въ семейныхъ дѣлахъ своего писца. Онъ требовалъ отъ императора чтобы его женили на той или другой богатой наслѣдницѣ, грозя иначе пожаловать лично въ Византію и раздѣлить приданое съ своимъ приближеннымъ.

Атила искалъ случая разорвать сношенія съ обѣими имперіями. Случай этотъ скоро представился. По смерти Ѳеодосія II-го, преемникъ его Маркіанъ отказалъ Атилѣ въ обычной дани. Одновременно съ этимъ онъ получилъ отказъ отъ Валентиніана III-го, императора Западной Римской имперіи, въ рукѣ сестры его Гоноріи, которая сама дала ему слово и прислала кольцо. Извѣстно, что этотъ фактъ перешелъ въ поэтическія сказанія германскаго эпоса, гдѣ вмѣсто Гоноріи выведенъ типъ германской героини. Конечно Гонорія, вступая въ заочныя сношенія съ Атилою, искала случая избавиться отъ желѣзныхъ тисковъ матери.

Но Атила не считалъ лишнимъ украсить свой гаремъ сестрой Римскаго императора. Онъ принялъ предложеніе Гоноріи близко къ сердцу; поэтому отказъ сильно оскорбилъ Атилу. Онъ еще раньше имѣлъ препирательство съ Валентиніаномъ по поводу галльскихъ вестготовъ, которыхъ не переставалъ считать подданными. Теперь же дружественныя отношенія между могущественнымъ Атилою и обоими римскими дворами окончательно порвались. Въ то же время Атила получилъ отъ вандальскаго короля Гензерика подарки съ предложеніемъ напасть одновременно на Западъ и подчинить вестготовъ. У вандальскаго короля былъ серьезный предлогъ къ войнѣ съ кунингомъ вестготовъ. Тогда повелитемъ вестготовъ былъ Теодорикъ. Онъ имѣлъ несчастіе отдать свою дочь за сына Гензерика. Послѣдній не взлюбилъ свою невѣстку. Однажды ему показалось, что она составляетъ для него ядъ. Этого было достаточно. По одному подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ, варваръ отнялъ ее отъ мужа, отрѣзалъ ей уши, вырвалъ ноздри и отправилъ къ отцу ([1]). Этою жестокостью возмутились даже вандалы. Отецъ несчастной рѣшился отмстить злодѣю. Чтобы отвлечь грозу, Гензерикъ обратился къ Атилѣ, который продолжалъ счи-

---

([1]) Iornandes. De rebus geticis, c. 36.

тать вестготовъ своими подданными. Атила потребовалъ въ одно время у Валентиніана выдачи вестготовъ, а отъ Теодорика отреченія отъ союза съ Римомъ; обоимъ имъ онъ отправилъ письма. „Сейчасъ видно человѣка тонкаго, замѣчаетъ Іорнандъ; прежде чѣмъ вести войну, онъ сражается хитростью". Это дипломатическое искусство подкупало въ пользу Атилы русскихъ изслѣдователей, именно Погодина и Забѣлина, которые видѣли въ немъ не вождя дикаго племени, а царя народа, возросшаго уже граждански. Но мы указывали, что гунны временъ Атилы были далеко не тѣ, и что племенныя свойства ихъ послѣ того, какъ они вышли изъ Азіи, значительно измѣнились отъ сношенія съ сосѣдями, отъ сліянія съ славянами и подъ вліяніемъ географическихъ и климатическихъ условій.

Атила, имѣя одинаковые поводы къ враждѣ съ Византіей и Римомъ, двинулся на Западъ въ 450 г. Со временъ Ксеркса Европа никогда не видѣла такого скопленія извѣстныхъ и неизвѣстныхъ народовъ; насчитывали не менѣе 500 тысячъ, а по другимъ до 700 тысячъ въ ополченіи Атилы. Тутъ былъ азіатскій кочевникъ и славянинъ; аланъ съ огромнымъ копьемъ, въ роговой кирасѣ и въ шлемѣ, гелонъ раскрашенный и татуированный, съ косою вмѣсто оружія и въ накидкѣ изъ человѣческой кожи вмѣсто плаща. Германія выслала съ сѣвера и запада самые отдаленные изъ своихъ народовъ: и остготъ и гепидъ явились на зовъ съ своею тяжелою пѣхотою, приводившею въ отчаяніе римлянъ. Король Ардарикъ начальствовалъ надъ гепидами; остготы явились подъ начальствомъ трехъ братьевъ: Валамера, Теодемера и Видимера. Валамеръ былъ самымъ близкимъ лицомъ къ Атилѣ. Въ этихъ полчищахъ, среди этихъ пестрыхъ предводителей, собрались будущіе владыки Италіи, смѣнившіе западныхъ цезарей. Тутъ сошлись и друзья и враги. Орестъ тамъ могъ сойтись съ Одоакромъ, говоритъ Амедей Тьерри, съ тѣмъ Одоакромъ, который былъ тогда простымъ солдатомъ изъ турцилинговъ ([1]).

Походъ Атилы на Галлію.

Перемѣщеніе такого множества народовъ произвело, конечно, цѣлую революцію на огромной равнинѣ восточной Европы. Славянское племя спустилось къ берегамъ Чернаго

([1]) Мы пользовались художественнымъ описаніемъ похода Атилы и каталаунской битвы Амедея Тьерри въ его цитованной монографіи (I. 140—196). Прекрасный переводъ лучшихъ отрывковъ сдѣланъ М. М. Стасюлевичемъ въ I томѣ его «Исторіи среднихъ вѣковъ» (I, 306—326).

моря, чтобы занять луга, оставленные остготами и нѣкогда принадлежавшіе имъ. Задніе ряды степныхъ гунновъ и передніе народы гуннской расы, авары, булгары и даже тюрки подвинулись на одинъ шагъ къ Европѣ. Разсчитывая дойти до береговъ Рейна въ первыхъ числахъ марта, Атила въ январѣ долженъ былъ подняться изъ своихъ становищъ на Дунаѣ. Онъ двинулъ свои войска, раздѣливъ ихъ на двѣ части по правому и лѣвому берегу Дуная. Обѣ арміи соединились при его истокахъ, у Шварцвальдскаго лѣса. Франки, жившіе по берегамъ Неккара, при приближеніи Атилы, выгнали своего герцога, поставленнаго римлянами, чтобы замѣстить его другимъ, „длинноволосымъ княземъ Меровихомъ", которому предстояло пріобрѣсти покровительство гунновъ. Но этимъ не кончилось; франки стали вмѣстѣ съ меровеями подъ знамена гунновъ. Тоже сдѣлали тюринги и прирейнскіе бургунды.

Усилившись такимъ образомъ новыми союзниками, гунны начали дѣлать приготовленія для перехода чрезъ Рейнъ. Древній герцинскій лѣсъ доставилъ имъ матеріалы для этой переправы; берега Рейна были соединены пловучими мостами изъ барокъ. Переправа происходила въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Самъ Атила съ главными полчищами переправился около нынѣшняго Кобленца и остановился въ Трирѣ. Отсюда онъ издалъ прокламацію къ жителямъ Галліи, въ которой объявлялъ, что онъ пришелъ въ качествѣ друга римлянъ и съ единственною цѣлью наказать вестготовъ, бѣглыхъ подданныхъ и враговъ Рима, и что потому галлы должны сдѣлать ему хорошій пріемъ, какъ своему освободителю и одному изъ полководцевъ Римской имперіи. „Иначе трава не будетъ расти тамъ, гдѣ пройдетъ конь Атилы", заключалъ онъ свое воззваніе. Было забавно и вмѣстѣ ужасно видѣть этого самозваннаго римскаго полководца, какъ онъ принималъ городскихъ куріаловъ, сидя на лавкѣ, убѣждая ихъ на ломаномъ латинскомъ языкѣ открыть ему городскія ворота. Нѣкоторые города повиновались, другіе сдѣлали попытку сопротивляться; но и тѣ и другіе были одинаково ограблены. Предъ Атилой шли пожары, а за нимъ голодъ. Все бѣжало или готовилось къ бѣгству; жители селеній сбѣгались въ города, жители равнинъ перебирались въ горы; лѣса населялись людьми, оспаривавшими логовища у дикихъ звѣрей; жившіе по берегамъ морей и рѣкъ спускали на воду свои суда и были на готовѣ переправить свои семейства и имущества въ тѣ мѣста, которыя считались менѣе опасными.

Такъ поступили жители небольшаго города Лутеціи, нынѣшняго Парижа.

Будущая столица Франціи была тогда торговымъ рыбнымъ складомъ и населена большею частью рыбаками. Этотъ городъ (нын. Cité) находился на одномъ изъ острововъ Сены, былъ окруженъ ея глубокими рукавами и стѣнами, уставленными башнями, а потому могъ выдержать продолжительную осаду. Но на жителей Лутеціи напала паника, та самая паника, которая распространилась тогда по другимъ большимъ городамъ Галліи. Всё населеніе Лутеціи было готово къ бѣгству и суда спущены на воду; но въ это время одно энергическое слово молодой монахини спасло Лютецію.

Эта монахиня называлась Геневефа или Женевьева по французскому произношенію. Она издавна славилась своею аскетическою жизнію, своими видѣніями и чудесами; въ ней видны черты будущей Жанны Д'Аркъ. Она вела аскетическую жизнь. Она довела свой организмъ до крайняго истощенія и разстройства, такъ что съ ней начались галлюцинаціи. Она приходила въ восторженное состояніе, видѣла видѣнія, слышала голоса; ея руками Богъ совершалъ чудеса; разслабленные исцѣлялись; слѣпымъ возвращалось зрѣніе; злые духи прогонялись; она узнавала будущее; читала самыя сокровенныя мысли людей; повелѣвала стихіями. Увѣряли, что буря поднималась и затихала по ея голосу. Слава о ней распространялась далеко по христіанскому міру.

Когда стали носиться слухи о скоромъ приходѣ Атилы, Женевьева дни и ночи молилась въ храмѣ, со слезами взывая къ Богу о помилованіи своей страны. Она имѣла видѣнія; ей было свыше открыто, что Парижъ будетъ пощаженъ, если всѣ принесутъ покаяніе. Она стала убѣждать своихъ соотечественниковъ молиться и настаивала отложить всѣ приготовленія къ переселенію. Мужчины надъ ней смѣялись; женщины повѣрили и рѣшились не выходить изъ города. Онѣ заперлись въ Женевьевой въ церкви Св. Стефана (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Notre Dame de Paris). Толпа мужчинъ хотѣла убить Женевьеву, но въ это время явился одинъ діаконъ, который памятью Св. Германа заклиналъ народъ повиноваться ей. Парижане послушались его и остались въ городѣ. Предсказаніе Женевьевы сбылось. Атила не подошелъ къ Парижу, а направился на Орлеанъ. Онъ думалъ взять его съ помощью тарановъ, но не успѣлъ, ибо наканунѣ штурма показались войска Аэція и Теодорика.

Атила нашелъ невыгоднымъ начинать сраженіе подъ Орлеаномъ и пошелъ назадъ, допуская грабежъ лишь настолько, насколько то было необходимо для продовольствія войска. Когда онъ подошелъ къ городу Труа, епископъ Лупъ явился къ нему и просилъ пощадить городъ и сельское населеніе. — „Святой человѣкъ мнѣ нуженъ на пути“, сказалъ Атила и оставилъ его у себя, но города не тронулъ, потому что искалъ мѣста болѣе выгоднаго и удобнаго для сраженія.

Каталаунское побоище. Наконецъ онъ остановился на Каталаунскихъ поляхъ, окружающихъ Шалонъ на Марнѣ, въ Шампани (лат. Campania, по обилію пашень). Этотъ городъ назывался прежде Duro Catalaunum, поэтому и битва называется каталаунскою. До сихъ поръ еще показываютъ слѣды римскаго лагеря, въ которомъ укрѣпился Атила. Вокругъ лагеря онъ поставилъ свои кибитки въ видѣ круга; въ центрѣ его была раскинута палатка вождя (¹).

По преданію, Атила очень безпокоился за исходъ битвы; но и римляне не были увѣрены въ побѣдѣ. Христіанскій отшельникъ, котораго захватили сторожевые Атилы, предсказалъ ему неудачу. — „Ты бичъ Божій, сказалъ онъ, и палица, которою Провидѣніе поражаетъ міръ; но Богъ, по волѣ своей, ломаетъ орудіе кары и передаетъ мечъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Знай, что ты будешь побѣжденъ въ битвѣ съ римлянами, и чрезъ то поймешь, что твоя сила не отъ міра сего“. Такой смѣлый отвѣтъ нисколько не раздражилъ царя гунновъ.

Атила потребовалъ гадателей. Одни гадали по внутренностямъ животныхъ, другіе по расположенію прутиковъ на скатерти, третьи вызывали тѣни умершихъ, четвертые предсказывали будущее по бараньимъ лопаткамъ. Всѣ рѣшили, что гунны будутъ поражены, но предводитель непріятелей падетъ въ битвѣ. Атила разумѣлъ подъ этимъ Аэція и на лицѣ его блеснула радость. Аэцій былъ большимъ препятствіемъ для всѣхъ его намѣреній. По мнѣніи вождя гунновъ стоило рискнуть битвой, можно было даже проиграть ее, если только Аэцій будетъ убитъ. Эти колебанія, эта неувѣренность повліяли на исходъ сраженія. Атила занялъ центръ

(¹) Объ этой битвѣ и вообще о первомъ походѣ Атилы есть спеціальная монографія F. Fischer. De prima expeditione Attilae (L. 1780). Полнѣе всего изложеніе у Гиббона (Life of Attilla, 1780) и Амедея Тьерри, у котораго оно доходитъ до высокой пластичности.

съ степной конницей; на лѣвомъ крылѣ расположился Валамеръ съ остготами; на правомъ Ардарикъ съ гепидами и другими народами, можетъ быть славянами. Аэцій лично начальствовалъ римскими легіонами, стоявшими на его лѣвомъ крылѣ. На правомъ расположились вестготы, какъ разъ противъ остготовъ, а въ центрѣ были размѣщены бургунды, франки, арморики и аланы. Между двумя арміями находилось небольшое возвышеніе, овладѣть которымъ, какъ наблюдательнымъ пунктомъ, значило сейчасъ же получить перевѣсъ. Гунны послали туда нѣсколько сотъ конныхъ изъ авангарда, а Аэцій, стоявшій ближе, послалъ туда же Торисмонда съ вестготскою конницей. Прибывъ первымъ на возвышеніе, онъ спустился на нихъ со всею стремительностью и опрокинулъ ихъ безъ труда. „Затѣмъ, говоритъ Іорнандъ, началась битва свирѣпая, повсемѣстная, ужасная, отчаянная. Древность не повѣствуетъ намъ ни о такихъ подвигахъ, ни о такой рѣзнѣ". Полуизсякшіе ручейки, протекавшіе по долинѣ, внезапно раздулись отъ потоковъ крови, смѣшавшейся съ ихъ водами, и раненые, утоляя жажду такимъ ужаснымъ питьемъ, умирали мгновенно. Болѣе 150,000 погибло въ этой битвѣ. Теодорикъ вестготскій былъ убитъ, но Аэцій одержалъ верхъ. Атила поспѣшно и въ безпорядкѣ отступилъ, замкнулся въ лагерѣ и рѣшился погибнуть (¹).

Его спасли только случайныя обстоятельства. Торисмонда, сына Теодорика, вестготы подняли на щиты, т. е. провозгласили королемъ вмѣсто убитаго отца. Но онъ боялся, согласятся ли на это избраніе его братья и не воспользуются ли его отсутствіемъ, чтобы составить себѣ партію. Поэтому онъ оставилъ римскій лагерь; тоже сдѣлали и франки. Тогда Атила поднялся съ мѣста. Аэцій съ войскомъ, на половину уменьшеннымъ, считалъ благоразумнымъ не безпокоить отступавшаго льва и отошелъ къ нижнему Рейну.

Походъ Атилы на Италію и его кончина.

Въ 452 г. Атила сдѣлалъ второе нападеніе. Онъ пошелъ на Римъ. Аэцій, опустошивъ Ломбардію, шелъ туда же. Онъ выслалъ къ Атилѣ римскаго первосвященника Льва І-го, который будто бы напугалъ гунна, указывая на судьбу Аларика. Но, вѣроятно, Атила поворотилъ назадъ, потому что

(¹) Подробное описаніе битвы изъ соч. А. Тьерри см. у г. Стасюлевича въ Ист. ср. вѣковъ; I, 316—326.

въ его войскѣ свирѣпствовала страшная эпидемія. Онъ вернулся въ Паннонію, гдѣ въ своемъ станѣ въ слѣдующемъ 453 г., умеръ въ первую ночь послѣ свадьбы, можетъ быть отъ удара, можетъ быть отъ яда, даннаго ему молодою женою, бургундскою принцессою, отца которой онъ убилъ и которую насильно сдѣлалъ своей женой. Извѣстно только то, что приближенные царя войдя въ спальню, увидѣли Атилу мертвымъ на брачной постели, а его супругу, покрытую фатою, застали около его трупа.

Тѣло своего вождя гунны поставили на равнинѣ для общаго народнаго поклоненія. Тогда всѣ, которые его любили и чтили, обрѣзывали себѣ волосы и надрѣзывали лицо въ знакъ скорби. Затѣмъ пѣли погребальныя пѣсни въ честь непобѣдимаго въ самой смерти, „отца народа, бича враговъ, ужаса вселенной“. Трупъ Атилы вмѣстѣ съ сокровищами положили въ золотой гробъ, который поставили въ серебрянный а потомъ въ желѣзный. Похоронный обрядъ былъ совершенъ ночью, при свѣтѣ факеловъ. Страшнаго всему міру царя зарыли на лугахъ Тиссы, тщательно скрывъ самый слѣдъ могилы. Рабы, которые зарывали его, были убиты. Затѣмъ, гунны и славяне, по обычаю предковъ совершили веселую тризну надъ прахомъ своего „великаго царя“.

3) Распаденіе Западной Римской имперіи.

Одно народное преданіе приписывало удаленіе Атилы отъ стѣнъ Рима чуду, которое обезсмертила ватиканская фреска Рафаэля. Оно не могло не соединить представленія о нашествіи Атилы на Италію въ 452 г. съ ужасной битвой передъ столицей. Всѣ сражавшіеся, по этой легендѣ, погибли съ обѣихъ сторонъ, исключая предводителей. Когда всѣ воины пали, то души ихъ поднялись къ небу и тамъ сражались три дня и три ночи. Эти мертвые борцы бились съ такимъ же жаромъ, съ какимъ они бились при жизни.

Легенда хочетъ выразить непримиримую вражду варварства съ цивилизаціей.

На самомъ дѣлѣ не было такого взаимнаго ожесточенія между римлянами и варварами. Мы указывали на эмиграцію римлянъ къ варварамъ, обусловленную экономическими причинами.

Теперь взглянемъ какъ относилось христіанство къ варварству.

Это мы можемъ показать на книгѣ, которая имѣетъ міровое историческое значеніе. Христіанскіе писатели считаютъ прогрессомъ для исторіи торжество варваровъ. Они становятся на ихъ сторону уже тогда, когда безпрестанныя раззоренія поселили горькое сожалѣніе о прошломъ. Язычники, которыхъ было еще много, видѣли въ этихъ грозныхъ нашествіяхъ варваровъ на цивилизацію—наказаніе за оставленіе древняго культа и вину въ томъ приписывали христіанамъ. Въ свою очередь набожные христіане пытались объяснить ниспосланіемъ Божіимъ эти безчисленныя крушенія не только отъ Аларика, но и отъ мелкихъ варварскихъ вождей, губившихъ имперію.

Блаженный Августинъ „О царствѣ Божіемъ".

Этотъ скорбный вопросъ стоялъ неразрѣшимой загадкой для того времени. Одинъ изъ церковныхъ писателей V вѣка Августинъ, за 40 лѣтъ до нашествія Атилы, взялся разрѣшить эту роковую дилемму. Важно собственно то, что Августинъ въ своемъ сочиненіи „De civitate Dei" становится на сторону варваровъ; онъ старается убѣдить, что исторія пойдетъ отъ нихъ. По своему происхожденію Августинъ былъ кровнымъ римляниномъ изъ Карѳагена; онъ долго велъ порочную и разгульную жизнь. Сперва онъ увлекся манихействомъ, потомъ занимался астрологіей; но въ его духѣ было много аскетизма и путемъ долгой борьбы онъ пришелъ къ христіанству. Столкновеніе съ епископомъ Амвросіемъ сдѣлало его христіаниномъ; онъ сталъ ревностнымъ неофитомъ, а потомъ сдѣлался епископомъ города Иппона и въ короткое время прославился, какъ лучшій писатель Западной Церкви. Онъ положилъ начало разработки католическаго богословія и до сихъ поръ его сочиненіе служитъ своего рода кодексомъ для благочестивыхъ католиковъ. Кромѣ того онъ внесъ въ него идею предопредѣленія, ту идею, которою послѣ воспользовались реформаты. Мы не имѣемъ въ виду заниматься его богословской дѣятельностію и обратимъ вниманіе на книгу, со стороны ея вліянія на средневѣковое общество. Хорошая литературная подготовка, тщательное изученіе Цицерона сдѣлали Августина блестящимъ писателемъ. Въ его стилѣ преобладаютъ прекрасные пріемы латинскихъ классиковъ. Его исповѣдь стала любимою книгою благочестивыхъ католиковъ. Не даромъ она служила воспитанію пяти, десяти поколѣній набожныхъ католическихъ душъ. Но его „царство Божіе", написанное въ 414 и 415 годахъ, имѣетъ важное значеніе историческое, поли-

тическое и соціальное. Августинъ въ принципѣ поставилъ тѣсную связь между варварствомъ и христіанствомъ. Онъ всё будущее предоставляетъ въ исторіи варварству, т. е. міру новому, для котораго какъ бы уготована новая религія. Онъ отмѣчаетъ съ снисхожденіемъ опустошенія, убійства, грабежи; всё это повторялось при завоеваніи Рима. Онъ удивляется этому милосердію варваровъ и приписываетъ оное вліянію самого Господа. Его изумляетъ, что обширныя базилики были назначены варварскимъ вождемъ для людей, искавшихъ убѣжища отъ погрома и разрушенія. Августинъ проводитъ параллель между нашествіемъ галловъ и конскрипціями Марія и Суллы.— Развѣ тѣ демоны, говоритъ онъ между прочимъ, въ которыхъ, вы вѣрите, спасаютъ васъ отъ бѣдствій: гуси или Богъ спасъ Капитолій отъ галловъ? Гдѣ были ваши боги во время пораженія послѣднихъ римскихъ императоровъ: гдѣ были боги во время всѣхъ вашихъ несчастій? Наша политическая власть началась недавно, говоритъ онъ о христіанствѣ; она не имѣетъ связи съ такимъ развратомъ и испорченностью. Ваши предки, говоритъ онъ объ язычникахъ, сдѣлали войну ремесломъ и поработили сосѣдніе народы Востока. Роскошь, мотовство и развратъ были естественными послѣдствіями римскихъ побѣдъ. Праздность римлянъ была результатомъ переполненія рабами Италіи. Не мы наполнили Италію рабами: не мы поставили ихъ ниже животныхъ: не мы заставляли ихъ исполнять работы, которыя должны были нести скоты. Что касается до насъ, то мы проповѣдуемъ иное ученіе. Мы не налагали на жителей порабощенныхъ городовъ оковъ. Не мы заставляли собственниковъ покидать свои имущества и бѣжать: не мы развратили вашу чернь даровой пищей, цирками и театрами: не мы погубили сенатъ и аристократію: не мы обезсилили легіоны, заставляя ихъ сражаться между собой: не мы первые унизили Римъ. Развѣ не Діоклетіанъ первый подалъ примѣръ къ униженію Рима, перенеся столицу въ Никомедію? Ваши императоры раздавали права гражданства всѣмъ народамъ: они сами разрушили патріотизмъ. Не мы направляли арміей, которая впродолженіи 92 лѣтъ дала намъ болѣе 30 императоровъ и столько же претендентовъ. Чтобы соединить различные народы имперіи, надо создать нѣчто болѣе чѣмъ мірскіе узы: эти узы нашлись только въ христіанствѣ. И вотъ возникаетъ „царство Божіе“. Очистительный огонь варваровъ истребитъ язычество и сдѣлаетъ его достой-

нымъ царствія Божія. Этому Божьему царству предстоитъ тысячелѣтіе. Въ его обновленныхъ стѣнахъ не будетъ честолюбія, жажды къ славѣ; тамъ будетъ царствовать миръ и справедливость; тамъ настанетъ святая жизнь о Господѣ. —

Вотъ что должны были отвѣчать христіане язычникамъ и что можно резюмировать изъ великолѣпнаго творенія Августина. Церковь слагаетъ всю отвѣтственность за несчастія на язычниковъ. Мало того. Церковь отрѣшаетъ римлянъ отъ исторіи и бразды имперіи предастъ варварамъ и потому-то снисходительно смотритъ на гонителей, если только эти гонители христіане. Надо замѣтить, что Августинъ въ концѣ своей жизни, когда уже книга его сдѣлалась извѣстною, долженъ былъ раскаяться въ своихъ словахъ. Однимъ словомъ Августинъ возвѣстилъ, что наступаетъ новый міръ, новая исторія (¹).

То, что было формулировано Августиномъ, стало убѣжденіемъ на Западѣ. Изъ этой вѣры, какъ бы исходила политика Запада. Востокъ еще остерегался этому вѣрить. На Западѣ же было рѣшено, что имперія должна дать мѣсто варварскимъ королевствамъ. Ученые теологи Запада съ этою книгою въ рукахъ поддерживали господство варваровъ и за это получали, конечно, большія права и привилегіи. Два начала, варварство и Церковь, соединяются и идутъ рука объ руку. Вотъ почему средневѣковая исторія приняла такой клерикальный характеръ. Особенно хорошо ученіе Августина было принято въ Галліи, гдѣ варваровъ было очень много. Тамъ, Проснеръ, богословъ изъ Аквитаніи, изложилъ трудъ Августина въ стихахъ и сверхъ того отъ себя написалъ особенное сочиненіе о призваніи народовъ; самъ авторъ радуется тому перевороту, который совершился въ то время. Христіанскіе проповѣдники старались украсить достоинства варварскихъ предводителей. Каждый изъ нихъ стремился быть дружнымъ съ варварскимъ кунингомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надо сознаться, въ душѣ питалъ сочувствіе къ римлянамъ.

Церковь и варвары.

Это видно изъ Acta Sanctorum — жизнеописаній католическихъ святыхъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ св. Евгерій по поводу появленія варваровъ въ Бургундской Галліи въ въ 440 г.—„Вся страна трепетала при приближеніи могущественнаго и раздраженнаго народа—и что же? тотъ, кого счи-

(¹) Въ русской литературѣ изслѣдованіе М. Красина, Твореніе блаженнаго Августина De civ. Dei. Каз. 1873.

были увезены побѣдителемъ въ качествѣ наложницъ въ Карѳагенъ.

Послѣдніе римскіе императоры на Западѣ

Домъ Ѳеодосія Великаго пересталъ существовать и въ женской линіи. Въ опустошенномъ Римѣ былъ провозглашенъ императоромъ Авитъ, римскій полководецъ, но въ слѣдующемъ году (457) Рицимеръ назвалъ императоромъ Юлія Майорана (457—461). Теперь титулъ императора сдѣлался номинальнымъ; вся верховная власть сосредоточилась въ рукахъ варваровъ. Тогда судьбами Рима располагалъ свевъ Рицимеръ. Исторія имперіи обращается мало по малу въ исторію варварскихъ вождей, „патриціевъ", изъ которыхъ каждый можетъ провозгласить себя императоромъ.

Въ это время въ Галліи въ рукахъ римлянъ оставались только окрестности Суассона, гдѣ правилъ Эгидій, но только при жизни Майорана. Это былъ способный правитель, но ему никто не повиновался ни въ войскѣ, ни въ народѣ. Своими походами и побѣдами надъ бургундцами онъ показался Рицимеру слишкомъ энергичнымъ и тотъ погубилъ его.

Исторія была противъ тѣхъ людей, которые хотѣли поддержать существованіе Западно-Римской имперіи. Замѣчательно, что западная часть имперіи ищетъ себѣ политическій центръ на Востокѣ, гдѣ въ то время императоръ Левъ I вводитъ радикальныя преобразованія для поддержки имперіи. Восточному императору присягаетъ Западный.

Послѣ убіенія Майорана, Рицимеръ возвелъ на престолъ на 4 года Севера, не имѣвшаго никакого значенія; затѣмъ престолъ два года былъ вакантнымъ и наконецъ Византія присылаетъ Италіи въ императоры — своего полководца Антемія (по гречески Анѳимія). Антемій думалъ укрѣпиться, отдавъ свою красавицу дочь за Рицимера; онъ пытался дѣйствовать самостоятельно, но этимъ вызвалъ только ревнивую зависть Рицимера, который изъ Милана, провозгласивъ императоромъ сенатора Олибрія, пошелъ на Римъ и въ іюлѣ 472 г. разнесъ его какъ новый вандалъ (¹). Столицу теперь защищала дружина готовъ, но неудачно. Во время борьбы Антемія постигла участь предшественника: онъ былъ убитъ своимъ зятемъ. Впослѣдствіи за благочестіе католическая

(¹) Спеціальная монографія Bolze, Ricimer. Рецензія въ Hist. Zeitschrift (B. XXVIII, 162) даетъ нѣкоторыя поправки.

Церковь признала его святымъ. Послѣдовало третье еще большее опустошеніе несчастной столицы, такъ какъ оно было сопряжено съ моровой язвой и заразой. Жители тысячами гибли на улицахъ. Самъ Рицимеръ, всѣми ненавидимый, сдѣлался жертвой заразы. Вскорѣ послѣ него умеръ Олибрій.

Власть и войско получилъ его племянникъ, бургундскій князь Гундобальдъ. Варваръ провозгласилъ императоромъ храбраго воина Гликерія который ничего не могъ сдѣлать безъ сильныхъ легіоновъ. Римскій полководецъ Орестъ и вождь геруловъ Одоакръ не повиновались ему. Орестъ выставилъ собственнаго кандидата въ лицѣ Юлія Непота. Гундобальдъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ, а его кандидатъ Гликерій пошелъ въ монахи и скоро сталъ епископомъ солонскимъ. Такимъ образомъ Орестъ и Непотъ восторжествовали надъ своими противниками и заняли Римъ; однако и они господствовали недолго. Сенатъ, отъ котораго зависѣло назначеніе императора, затягивалъ только своимъ вмѣшательствомъ послѣднюю агонію имперіи; онъ принуждалъ её жить насильственно, когда она была уже приговорена къ смерти. Если Восточная имперія, вводя коренныя реформы, сохранила свое существованіе на нѣсколько вѣковъ, то, напротивъ, Западная, со своими старыми изжившими учрежденіями и порядками, мѣшавшими только и государственной и общественной жизни, со своими стремленіями продлить республиканскій образъ правленія, должна была погибнуть. Самъ Орестъ вмѣсто Непота поставилъ императоромъ юнаго своего сына Ромула-Августула въ 475 г. Вмѣсто Ромула его правильнѣе называли Момиллой. Въ томъ же году Одоакръ, вождь геруловъ, рѣшился сбросить маску и объявить себя тѣмъ, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, т. е. настоящимъ господиномъ Италіи. Съ этой цѣлью, упоенный своими успѣхами, онъ вступилъ въ Италію, свергнулъ съ престола Ромула Августула и сослалъ его въ Кампанію съ пенсіею въ 6000 золотыхъ монетъ въ годъ. Это было въ концѣ августа 476 г. Одоакръ побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ и казнилъ Ореста, а сыну его назначилъ богатыя имѣнья. Побѣдитель провозгласилъ для проформы императоромъ сверженнаго Юлія Непота; но послѣдній даже не пріѣхалъ въ Римъ изъ своихъ далматскихъ помѣстій, предоставивъ управленіе Италіей Одоакру. Тогда дружина Одоакра избрала императоромъ его самого. Но онъ отказался отъ

императорскаго титула и назвался—rex gentium, т. е. королемъ всѣхъ итальянскихъ народовъ.

4) Остготское королевство въ Италіи.

Въ 480 году Западно-Римская имперія прекратила свое существованіе даже по имени; но это не значитъ, что разомъ измѣнились условія государственной жизни. Ни Одоакръ со своими герулами, ни другіе варварскіе вожди съ ихъ дружинами, о которыхъ мы будемъ говорить, не внесли ничего новаго въ жизнь имперіи. Сенатъ и все вообще прежнее устройство государства остались безъ измѣненія. Варварамъ, у которыхъ долгое время не выработывалось политическихъ и гражданскихъ конституцій, приходилось брать все готовымъ у римлянъ: варвары считали даже дѣломъ чести продолжать имперію и быть поборниками ея величія хотя бы цѣною своей крови.

Наслѣдіе Атилы. Между тѣмъ Византію въ это время не безпокоили никакія внѣшнія бури и жизнь ея текла мирно и спокойно. Грозное нѣкогда царство Атилы распалось и избавило имперію отъ опасности по крайней мѣрѣ съ этой стороны. Вражда прежде всего началась въ семьѣ самого Атилы, который, разсчитывая сохранить единство и силы своего царства, повелѣлъ, чтобы сынъ его Еллакъ наслѣдовалъ ему полновластно. Но ни Еллакъ, и никто другой изъ наслѣдниковъ „бича Божія", не былъ способенъ управлять государствомъ столь громаднымъ и такъ скоро сложеннымъ: оно могло держаться, только благодаря личнымъ свойствомъ Атилы. Преемники гуннскаго завоевателя сдѣлали какъ бы лотерею (по выраженію Тьерри) изъ покоренныхъ имъ націй. Знаменитые властители, сильные и храбрые, были распредѣлены тогда по жребію вмѣстѣ съ ихъ подданными. Азіаты, для которыхъ подобные пріемы не были рѣдкостью, покорились безропотно: но сердца гордыхъ германцевъ воспламенились гнѣвомъ за подобное обращеніе съ ними. Первые возстали гепиды подъ предводительствомъ своего короля Ардарика, нѣкогда приближеннаго Атилы; за нимъ поднялись остготы, предводимые Видемеромъ.

Такимъ образомъ царство Атилы распалось на двѣ части; съ одной стороны стояли германцы—представители евро-

пейскаго начала, съ другой — гунны, славяне и немногіе народы германскіе, оставшіеся вѣрными. Обѣ стороны долго наблюдали сначала другъ за другомъ, набирая воиновъ у сосѣднихъ народовъ и приготовляясь къ рѣшительной битвѣ, результатомъ которой должно было быть или всегдашнее рабство германскихъ народовъ или же ихъ освобожденіе. Имъ пришлось сразиться въ Паннонiи на югъ отъ Дуная, къ западу отъ Дравы.

Здѣсь столкнулись въ смертельной борьбѣ одни варвары съ другими, подобно гладіаторамъ на аренѣ, въ виду римлянъ, которые только теперь могли вздохнуть свободнѣе. Нельзя сказать, чтобы это была роковая борьба двухъ началъ, но это была борьба, отличавшаяся особенною жестокостью; обѣ стороны были безпощадны. „Пусть, говоритъ Іорнандъ, вообразятъ себѣ тѣло, у котораго отрублена голова и члены котораго, не повинуясь болѣе общей волѣ, ведутъ между собой борьбу,—такъ точно дрались германцы". Битвы происходили въ разныхъ мѣстахъ съ перемѣннымъ счастьемъ; однако въ концѣ концовъ остготы побѣдили. Гунны и славяне, оставивъ на полѣ битвы до 40 тысячъ убитыхъ, отступили. Еллакъ погибъ такою славною смертью, что самъ отецъ позавидовалъ бы ему, если бы былъ живъ. Палатки побѣдителей были поставлены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился станъ Атилы. Гунны бѣжали въ нынѣшнюю южную Россію подъ предводительствомъ дѣтей Атилы, не терявшихъ еще надежды поправить свои неудачи. Остготы расположились въ Паннонiи отъ Сирміума на Савѣ до Вѣны, чему не смѣли противиться Восточные императоры. Ими управляли три храбрыхъ брата изъ рода Амаловъ; они раздѣлили страну на три части. Валамеръ взялъ восточную Паннонію, Теодомеръ — западную и Видемеръ—среднюю. Они владѣли Панноніей на правахъ гостей и союзниковъ Римской имперіи. Наложница одного изъ братьевъ, Теодомера, жившая на берегу Балатонскаго озера, родила сына, котораго отецъ на радости назвалъ Теодорикомъ, такъ какъ въ этотъ день узналъ о побѣдѣ своего брата. Ему предстояла блестящая историческая будущность.

Послѣ того, какъ гунны были побѣждены, они перестали быть страшными для римлянъ; ихъ мѣсто заняли остготы. Однако дѣти Атилы не хотѣли уступить остготамъ первенства и сдѣлали послѣднюю попытку. Въ 456 г. гунны внезапно перешли Дунай и устремились на восточную Пан-

По словамъ Іорнанда, Теодорикъ взялъ съ собой весь готскій народъ, — но это, очевидно, преувеличено. По всей же вѣроятности съ нимъ было не менѣе 200000 человѣкъ различныхъ племенъ; тутъ же шли жены, дѣти и старики, а за ними тянулись обозы. По свидѣтельству современниковъ, походъ Теодорика представлялъ настоящее переселеніе народовъ. Пройдя горные проходы Альпъ, Теодорикъ столкнулся здѣсь въ первый разъ съ Одоакромъ, а при Веронѣ во второй разъ. Оба раза Одоакръ былъ разбитъ и послѣ втораго пораженія убѣжалъ въ среднюю Италію; но Римъ, ненавидѣвшій его, радовался его несчастію и заперъ предъ нимъ ворота. Тогда Одоакръ укрѣпился въ Равеннѣ, но Теодорикъ и тутъ осадилъ его, принудилъ къ сдачѣ, обѣщавъ раздѣлить съ нимъ власть. Когда же Одоакръ повѣрилъ и сдался ему, то вестготскій кунингъ коварно умертвилъ его.

Итальянцы, не смотря на все это, любили Теодорика и вся Италія легко признала его власть, что объясняется отчасти и тѣмъ, что Теодорикъ дѣйствовалъ отъ лица византійскаго императора. Можно сказать, что Теодорикъ возстановилъ древне-римскую имперію; онъ провозгласилъ въ Италіи власть Восточнаго императора, а себя назначилъ его намѣстникомъ. Впрочемъ, это не ограничивало его власти. Теодорикъ заставлялъ свою дружину поддѣлываться къ побѣжденнымъ, что составляетъ рѣдкій примѣръ въ исторіи. Теодорикъ вообще старался придать авторитетъ римскимъ обычаямъ и культурѣ. Онъ ввелъ во всеобщее употребленіе языкъ латинскій. — Romana sit vox plebis, говорилъ онъ. Кунингъ требовалъ, чтобы готы одѣвались въ римскую одежду, простодушно думая, что готамъ стоитъ только надѣть тогу, чтобы сдѣлаться римлянами. Теодорикъ имѣлъ даже планъ слить съ римлянами дунайскихъ готовъ (¹).

консуломъ, сенаторомъ, наконецъ министромъ Теодорика и вообще замѣчательнымъ по своему высокому образованію человѣкомъ эпохи упадка. Для внутреннихъ отношеній его сборникъ незамѣнимъ; тутъ собраны постановленія, указы и распоряженія дѣйствовавшія въ остготскомъ государствѣ. Затѣмъ для эпохи Теодорика можно указать на Эннодія, а для позднѣйшаго времени на Прокопія Византійскаго: «De bello Gotico». Прокопій былъ секретаремъ Велизарія и участникомъ описываемой имъ войны. Объ его «Секретной исторіи», важной для біографіи императора Юстиніана I, будемъ говорить послѣ.

(¹) Hurter. G. des ostgothischen Königs Theodorich. Schaffh. 1807— весьма подробная монографія въ двухъ томахъ.

Вліяніе остготовъ въ Италіи выразилось только въ томъ, что побѣдители взяли треть земель. Римляне не только не чувствовали гнета побѣдителей, но, напротивъ, могли постоянно замѣчать, какъ послѣдніе поддѣлывались къ нимъ, давая имъ возможность имѣть верхъ въ политикѣ и культурѣ. Административные таланты Тедорика видны также и изъ того, что онъ умѣлъ ладить съ разнообразными элементами своего пестраго государства. Изъ народовъ, входящихъ въ составъ его имперіи, готы были аріане, итальянцы—католики; многіе же изъ германцевъ оставались язычниками. Одни говорили по латыни, другіе по гречески, третьи по еврейски и, конечно, всѣ эти разноплеменныя народности не могли, по желанію короля, заговорить по латыни. Надо было много такта королю аріанину, чтобы незамѣтно вліять, напримѣръ, на римскаго епископа. Конечно, власть римскаго епископа возрастала; но Теодорикъ продолжалъ оказывать вліяніе на курію. У него бывали столкновенія съ „католическимъ“ духовенствомъ, но, впрочемъ, эти столкновенія были рѣдки и оканчивались тѣмъ, что Теодорикъ наказывалъ виновныхъ, хотя папа провозглашалъ таковыхъ мучениками.

Подъ конецъ жизни однако въ Теодорикѣ высказался варваръ. Онъ приказалъ умертвить философа Боэція, знаменитаго своего сотрудника, автора первыхъ средневѣковыхъ учебниковъ по геометріи, ариѳметикѣ, музыкѣ, риторикѣ, діалектикѣ, вслѣдствіи подозрѣній въ сношеніяхъ его съ Византіей. Въ тюрьмѣ, въ предсмертные дни, Боэцій облегчалъ свои страданія сочиненіемъ глубоко прочувствованнаго „Утѣшенія“ — этого популярнаго творенія среднихъ вѣковъ (1). Вмѣстѣ съ нимъ погибли сенаторы—Альбинъ и Симахъ, тесть Боэція. Теодорикъ вскорѣ, впрочемъ, раскаялся въ этомъ, но было уже поздно. Самъ Теодорикъ умеръ въ 526 году. Въ послѣдніе дни его мучили призраки невинныхъ жертвъ. Его личность стала достояніемъ народной поэзіи. Имя Дитриха Бернскаго сдѣлалось гордостью всѣхъ германскихъ народовъ.

Послѣ смерти Теодорика настала въ Италіи вражда элементовъ, дотолѣ мирныхъ между собою.

---

(1) Лучшая характеристика этой книги у Шлоссера въ концѣ IV тома его Weltgeschichte für das deutsche Volk, bearbeitet von Kriegk—выдержавшей два русскихъ перевода.

Амалазунта. По смерти Теодорика, прозваннаго германскими историками Великимъ, стала править Италіей его дочь Амалазунта отъ имени его малолѣтняго сына. Теодорикъ далъ ей воспитаніе, соотвѣтственное ея положенію. Она хорошо была знакома съ итальянской образованностью того времени, владѣла греческимъ и латинскимъ языками, какъ родными. Итальянцы считали её своей, какъ и остготы. Конечно, тѣ и другіе должны были удивиться, увидѣвъ преемницею Теодорика женщину. Ей было 28 лѣтъ, когда она стала править государствомъ отъ имени своего сына Аталарика, которому завѣщалъ престолъ умирающій Теодорикъ. Ей во многомъ содѣйствовалъ тотъ же Кассіодоръ, который не безъ риторизма превозноситъ её какъ мудрую правительницу ([1]). Онъ хвалитъ ея благочестіе, говоритъ что у Амалазунты больше благосклонности, чѣмъ власти, что она охотнѣе проявляетъ снисходительность, нежели строгость, такъ что если бы философы наблюдали за ней, то открыли бы, что въ ней больше сокрыто мудрости, чѣмъ въ ихъ системахъ. Конечно, онъ преувеличиваетъ, но нельзя согласиться, чтобы здѣсь не было и доли правды. Амалазунта много заботилась о благѣ своихъ подданныхъ, хотя обстоятельства ей не благопріятствовали. Теодорикъ завѣщалъ своему народу жить въ любви и дружбѣ съ римскимъ сенатомъ и византійскимъ императоромъ. Но онъ самъ не задолго до своей смерти, своею жестокостію разрушилъ эту связь и навлекъ на себя непріязнь византійскаго императора.

Первое распоряженіе новаго правительства имѣло цѣлью примирить готовъ и римлянъ. Тѣ и другіе должны были дать клятву взаимной вѣрности и римскій сенатъ поклялся въ чувствахъ преданности остготскому правительству. Это было нѣчто новое, особенное. Амалазунта хотѣла уничтожить раздѣленіе между готами и римлянами, дать одинаковыя права тому и другому народу и слить ихъ въ одну національность. Въ видахъ осуществленія этой мысли въ римскомъ сенатѣ появляются готы, тогда какъ прежде они не занимали гражданскихъ должностей и не касались гражданскихъ дѣлъ. Новая власть желала безпристрастно относиться къ обоимъ народностямъ и по возможности исцѣлить тѣ язвы, отъ кото-

---

([1]) Его «исторія» дошла въ извлеченіи Іорнанда и въ Variarum libri XII, которою мы владѣемъ вполнѣ.

рыхъ тогда страдала Италія. Земледѣліе было въ упадкѣ; городской промышленности не существовало. Правительница хотѣла пріучить итальянцевъ къ труду; съ этою цѣлію куріоны были прикрѣплены къ своимъ общинамъ, а поселяне— къ своимъ поземельнымъ участкамъ. То былъ вѣкъ, когда богатые землевладѣльцы угнетали бѣдныхъ поселянъ, когда высшій классъ людей порабощалъ людей низшихъ классовъ, когда знатные и богачи притѣсняли бѣдныхъ и незнатныхъ, продавая, или точнѣе, навязывая имъ хлѣбъ за дорогую цѣну. Вельможи незаконно присвоивали себѣ титулы. Неправосудіе царило въ судахъ; судьи явно шли наперекоръ справедливости. Для подавленія этихъ золъ равеннское правительство издало нѣсколько указовъ; оно обѣщало искоренить злоупотребленія, стереть ихъ съ лица Италіи, возстановить законное право— jus civile legibus institutum... замѣчаетъ между прочимъ Кассіодоръ. Главнымъ средствомъ сближенія національностей готской и римской — Амалазунта считала распространеніе просвѣщенія между подданными. Въ этомъ отношеніи она стояла выше пониманія малограмотнаго Теодорика, въ которомъ при концѣ жизни сказалась варварская кровь. Сама Амалазунта любила итальянскую цивилизацію. Она желала, чтобы всѣ готы учили латинскій языкъ и дала порученіе сенату подготовить извѣстное число учителей для всего народа.

То самое, что по мысли Амалазунты должно было сблизить готовъ и римлянъ, посѣяло между ними вражду и такимъ образомъ благія намѣренія Амалазунты не принесли желанныхъ результатовъ. Ее любили римляне, но готы всегда ихъ ненавидѣли; они были недовольны правительницею за ея благосклонность къ римлянамъ. Они не хотѣли склонять свои гордыя головы передъ римскими педагогами и стоило мальчику-королю пожаловаться на своего учителя, чтобы ропотъ перешелъ въ волненіе. Знатные готы были недовольны тѣмъ воспитаніемъ, которое Амалазунта давала своему сыну, будущему королю. Они говорили, что наука разслабляетъ тѣло, лишаетъ его силъ переносить физическіе труды. Будущему кунингу, говорили готы, должно заниматься военными упражненіями, а для этого его должно окружить не „бородатыми“ учителями, а молодыми сверстниками, съ которыми бы онъ упражнялся въ физической силѣ и ловкости. Знатные подняли возстаніе противъ правительницы и потребовали удаленія учителей и новыхъ придворныхъ, римлянъ. Правительница уступила. Она теперь

увидѣла, что возстаніе направлено не противъ итальянцевъ, а противъ нея самой.

Римляне негодовали, когда были удалены отъ двора. Они слишкомъ любили вліяніе на государственныя дѣла и самостоятельность; они не привыкли такъ безпрекословно подчиняться насилію, какъ провинціалы. Они слишкомъ много хранили старыхъ республиканскихъ преданій, чтобы безъ ропота покориться полу-варварамъ. Къ тому же они по прежнему считали себя нераздѣльными съ единовѣрною имъ имперіею и презирали готовъ-аріанъ, какъ еретиковъ. Римляне съ любовію смотрѣли на иллирійскій берегъ, откуда должно было прійти спасеніе, освобожденіе ихъ отъ власти готовъ.

Юстиніанъ I (527—565 г.) Императоромъ византійскимъ въ то время былъ Юстиніанъ I-й, племянникъ Юстина, основавшаго новую династію, благодаря военному счастію. Его дядя, какъ и онъ самъ, былъ рабскаго происхожденія. Теперь не сомнѣваются, что онъ былъ славяниномъ родомъ. Его мать звали Бигленицею, отца Савватіемъ а его самого Управдою. Имя Justinianus—передѣлано съ славянскаго; впослѣдствіи ему прибавили наименованіе Flavius. Въ домѣ дяди онъ получилъ хорошее и всестороннее образованіе. Его царствованіе по справедливости относится къ числу блистательнѣйшихъ въ Римской имперіи ([1]) Юстиніанъ былъ Луи XIV среднихъ вѣковъ. Онъ возвысилъ въ одинаковой степени искусство, литературу, право, внѣшнее обаяніе. Этотъ государь обладалъ большою энергіею и большимъ умомъ. Все, за что бы онъ ни брался, удавалось ему и всюду успѣхъ слѣдовалъ за его предпріятіями, хотя самъ онъ, подобно знаменитому французскому королю, не принималъ

([1]) Isambert. Histoire de Justinien, 2 vls. P. 1856.—Ad. Schmidt Der Aufstand in Constantinopel im Jahre 532 unter K. Justinian. L. 1854.— Въ русской литературѣ монографія проф. В. К. Надлера (Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи), не лишенная художественности изложенія. Источниками для эпохи служатъ соч. Прокопія. Въ нихъ Юстиніанъ представляется въ двойномъ освѣщеніи. Оффиціальная исторія Прокопія прославляетъ императора (Hist. sui temporis libri VIII ed. Maltrete Par. 1662) а «секретная», случайно открытая въ XVII вѣкѣ въ сокровищахъ Ватиканской библіотеки, выставляетъ въ непривлекательномъ свѣтѣ, сообщая много грязнаго про императрицу Θеодору (Anecdota seu historia arcana Justiniani, Lugd. Bat. 1614 ed. Sichel, Par, 1663 ed. Maltrete) Необходимо постоянно сравнивать одно произведеніе съ другимъ. См. о Прокопіи монографію—Dahn; Procopius von Caesarea (Berl. 1865).

личнаго участія ни въ войнахъ, ни въ законодательствѣ. Важно было не личное участіе, а важенъ тотъ стимулъ, та иниціатива, благодаря которой все, что ни дѣлалось, исходило отъ него. Въ его царствованіи былъ изданъ знаменитый кодексъ, составленный Трибоніаномъ или коммиссіею 16 юристовъ. Кодексъ этотъ, въ честь государя, названъ Юстиніановымъ. Изъ него удалено все, что напоминало прежнюю политическую свободу римлянъ и, что не относилось къ увеличенію обаянія императора, что могло дискредитировать эту власть.

Трибоніанъ обладалъ обширнымъ образованіемъ, трудолюбіемъ, но, какъ государственный дѣятель, какъ судья и администраторъ, пользовался непривлекательной репутаціей. Народное возстаніе въ столицѣ въ 531 г. было направлено собственно противъ него; онъ былъ тогда принесенъ въ жертву народному гнѣву, но потомъ снова получилъ власть и пользовался полной довѣренностью императора до своей смерти, до 545 г. Понятно, что въ немъ Юстиніанъ находилъ дѣятельнаго сотрудника въ усиленіи абсолютизма, централизаціи власти, въ подавленіи всякаго значенія сената, муниципальныхъ и областныхъ учрежденій, во вмѣшательствѣ въ дѣла Церкви. Въ кодексѣ просвѣчиваетъ этотъ высшій моментъ развитія монархической власти въ Византійской имперіи.

Сборники законовъ.

Юстиніанъ засталъ много твореній юристовъ, кои, по закону 426 г., получили значеніе обязательнаго права, но имѣлись не вездѣ, сверхъ того новеллы Θеодосія и Марціана, конституціи трехъ раннихъ кодексовъ. Все это было разбросано въ отрывкахъ; цѣлыя статьи, давно затерянныя, не существовали. Выходило, что у каждаго судьи и адвоката свой законъ. Императоръ принялъ энергичныя мѣры съ первыхъ же дней своего правленія для кодификаціи и составленія полнаго свода положительнаго уголовнаго и гражданскаго законодательства ([1]); 1 августа 527 г. онъ вступилъ на престолъ, а 13 февраля 528 г. повелѣлъ составить сводъ прежнихъ конституцій. Еще въ томъ же году было издано 40 „конституцій“, а въ слѣд. году былъ обнародованъ весь кодексъ, начавшій дѣйствовать съ половины апрѣля 529 г., хотя оффиціально введенный 29 декабря 534 г. Затѣмъ издаются decisiones, digestae, insti-

---

([1]) Пухта (Исторія римскаго права, р. пер. М. 1864) приводитъ, подробную таблицу кодификаторской работы (стр. 548—550).

tutiones, repititae praelectionis. наконецъ. novellae. Въ правленіи Юстиніана не было ни одного года, который бы не ознаменовался тѣмъ или другимъ распоряженіемъ по кодификаціи сборника или изданію новыхъ законовъ. Сперва хотѣли только согласить противорѣчія у юристовъ прежней поры, потомъ убѣдились въ недостаточности этого пріема и послѣ обнародованія т. н. quinquaginta decisiones, т. е. 50 статей, рѣшились приступить къ огромной организаторской работѣ. Послѣдствіемъ ея, плодомъ 36-лѣтняго упорнаго труда, явился Corpus juris civilis, которымъ регулировалась гражданская жизнь всего западнаго и восточнаго европейскаго человѣчества, безъ различія племени, вѣры, государственнаго строя. Этотъ великій памятникъ есть источникъ, изъ котораго почерпаются основы правовой жизни.

Въ него вошли: 1) собственно *Codex Justiniani*, какъ существенный сборникъ положительныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ на Востокѣ и потомъ на Западѣ имперіи, не дошедшій до насъ цѣликомъ, имѣвшій практическій характеръ. 2) *Institutiones*—теоретическія правовыя формулы, изучавшіяся въ юридическихъ школахъ, нѣчто въ родѣ обширнаго учебнаго пособія; его редакція относится къ 533 г. 3) *Digestae* или пандекты въ 50 книгахъ, представляющія систематическій сборникъ заключеній старыхъ юристовъ о разныхъ юридическихъ вопросахъ по примѣненію законовъ; его редакція того же 533 г. 4) *Codex repetitae praelectionis* въ 12 книгахъ, тѣ же дигесты съ дополненіями изданными въ 534 г., 5) *Novellae*, т. е. законы самого Юстиніана послѣ 534 г., потомъ переложенныя на греческій языкъ. Рядъ этихъ новеллъ начинается 1 января 535 г. и продолжается до самой его смерти; число ихъ простирается до 165. Самая усиленная дѣятельность по кодификаціи проявилась первые годы; новеллы же издавались особенно энергично до 545 года, т. е. до смерти Трибоніана.

Какъ только появились кодексы, на нихъ набросились глоссаторы и компиляторы, стараясь приспособить редакцію законовъ для преподаванія въ школахъ, гдѣ подготовлялись будущіе судьи. Тогда-то началось научное преподаваніе римскаго права а вмѣстѣ его разработка. Это фактъ огромной важности въ ростѣ идей средневѣковой исторіи. Римскіе юристы хранили свято завѣты высшей культуры и прочной цивилизаціи; они были носителями идеаловъ мира и общественнаго порядка. Они дѣлали исторію, сами того не замѣчая. Они

упрочили авторитетъ идеи единой Римской имперіи въ умахъ народовъ. Ихъ желанія отразились на разстояніе 10 столѣтій. Вездѣ, гдѣ мечтали объ единой прочной монархіи, построенной на началахъ гражданственности, благоговѣйно чтили имена этихъ мирныхъ, но могучихъ тружениковъ. На первыхъ же порахъ выступили греческіе толкователи. Өеофилъ—сдѣлавшій парафразъ институцій, Стефанъ—подробный парафразъ пигестъ, Өалелей—глоссаторъ кодекса, адвокаты Аөанасій и Өеодоръ—интерпретаторы новеллъ.

Мы сравнили Юстиніана съ Луи XIV. Къ сожалѣнію, эта аналогія простирается слишкомъ далеко, она охватываетъ даже темныя стороны исторіи знаменитаго французскаго короля. Юстиніанъ-законодатель боится изученія законовъ подданными. Онъ стѣсняетъ и закрываетъ школы для изученія права, школы, которыхъ нѣкогда было такъ много въ имперіи и которыя ее прославили. Юстиніанъ оставляетъ только двѣ изъ нихъ въ Константинополѣ и Бейрутѣ; но и здѣсь органическое развитіе науки права было стѣснено различными ограниченіями. Самыя же извѣстныя училища въ Аөинахъ и Александріи онъ закрылъ. Нужно ли упоминать о философскихъ школахъ? Ихъ давно не существовало: ихъ существованіе, ихъ ученіе было признано вреднымъ, несовмѣстнымъ съ высшими цѣлями христіанства. Послѣдній оплотъ античной философской мысли, знаменитая академія Платона въ Аөинахъ—указомъ Юстиніана была закрыта въ 522 г. Послѣдніе могиканы древней философіи удалились въ Персію, потомъ получили позволеніе вернуться въ отечество; ихъ было семеро: Дамаскинъ, Симплицій, Эвламій, Исидоръ, Прискіанъ и финикійцы Гермій и Діогенъ. Даже истолкованіе законовъ въ судебной практикѣ было стѣснено различными постановленіями. „Imperatori solum concessum est leges et condere, et interpretari“—право издавать и разъяснять законы принадлежитъ одной только верховной власти, такъ говорится въ одномъ постановленіи Юстиніана. Подъ живымъ впечатлѣніемъ прежней громкой кодификаторской дѣятельности комментаторы его времени еще дозволяли себѣ, при изложеніи законовъ, снабжать ихъ своими личными мнѣніями.

Тѣмъ болѣе возрастала дѣятельность и борьба партій цирка въ Константинополѣ. Эти факціи, называемыя по цвѣтамъ и уборовъ, носимыхъ приверженцами той или другой популярной наѣздницы, партіями синихъ и зеленыхъ (венеты

и празины по гречески) не имѣли особого политическаго значенія. Но тѣмъ не менѣе они служили выраженіемъ общественнаго мнѣнія, недовольнаго уничтоженіемъ самоуправленія въ городахъ. Юстиніанъ сначала прислушивался къ этому голосу и принималъ участіе въ борьбѣ цирковыхъ партій, волей неволей, какъ любитель цирка и какъ государственный человѣкъ. Но когда партіи зашли далеко, когда онѣ произвели волненіе въ народѣ, протестуя противъ правительственныхъ крутыхъ мѣропріятій, — Юстиніанъ приказалъ Велизарію усмирить ихъ и подавить народное волненіе. Это стоило жизни 30 тысячъ человѣкъ. То была дань художественнымъ инстинктамъ византійской толпы. Юстиніанъ всё таки не уничтожилъ партій. Онъ очень любилъ ихъ въ душѣ и увлекался этой циркоманіей, продолжавшей оказывать вліяніе на замѣщеніе престола тѣмъ болѣе что его супруга Ѳеодора была когда-то сама наѣздницей цирка. Вообще Константинопольскій циркъ былъ слабымъ отраженіемъ римскаго форума и, конечно, отраженіемъ его худшихъ сторонъ.

Новый сводъ законовъ былъ постепенно вводимъ на Западѣ. Здѣсь, для Юстиніана открывались широкіе кругозоры. Онъ мечталъ о возсоединеніи Италіи съ имперіей. Обстоятельства сложились необычайно благопріятно для Юстиніана. Сама повелительница остготовъ, видя народное возстаніе противъ себя, вошла въ сношеніе съ императоромъ. Юстиніанъ оказалъ сочувствіе къ ней и обѣщалъ убѣжище въ случаѣ неудачной для нея борьбы. Амалазунта собралась было уже уѣхать на Востокъ, забрала съ собой всѣ свои богатства, но передъ отъѣздомъ въ ней заговорило чувство мести и она убила тѣхъ вельможъ, которыхъ наиболѣе опасалась. Этимъ заговоръ противъ нея былъ разстроенъ и она опять рѣшилась остаться въ Италіи. Но она не имѣла утѣшенія въ сынѣ своемъ, Аталарикѣ. Будущій король, предоставленный самому себѣ, росъ съ дурными наклонностями. Онъ умеръ, не достигнувъ совершеннолѣтія. Конечно, готы не подчинились бы женщинѣ. Потому Амалазунтѣ, чтобы сохранить власть и укрыться отъ мести готовъ, слѣдовало выйти за мужъ за какого нибудь знатнаго гота. Выборъ ея палъ на Теодата, племянника Теодорика. Это былъ человѣкъ образованный, понимавшій Платона, но совершенно незнакомый съ военнымъ дѣломъ и притомъ скупой, жестокій и корыстолюбивый. Честолюбивая женщина жестоко ошиблась на этотъ

разъ. Теодатъ ненавидѣлъ её, но рѣшился на нѣсколько дней подавить это чувство. Вскорѣ послѣ бракосочетанія онъ удалилъ её отъ себя и потомъ приказалъ задушить свою жену въ горячей банѣ.

Юстиніанъ давно искалъ удобнаго случая, чтобы начать войну съ готами и снова подчинить себѣ Италію. Теодатъ ничего не могъ сдѣлать лучше того, что онъ сдѣлалъ, для приведенія намѣреній Юстиніана въ исполненіе. Послѣдній объявилъ себя мстителемъ за смерть Амалазунты. Онъ рѣшился захватить Италію. Напрасно Теодатъ унижался предъ императоромъ, напрасно соглашался признать его верховнымъ правителемъ, обѣщая даже уступить ему корону итальянскаго королевства. Ничто не помогало. Юстиніанъ не соглашался ни на какія уступки. Тогда Теодатъ рѣшился склонить на свою сторону сенатъ и римскій народъ. Сенатъ только по видимому былъ на сторонѣ Теодата изъявляя наружно свою покорность готскому правительству, но тайкомъ сносясь съ Юстиніаномъ. Въ Византіи твердо надѣялись на поддержку со стороны итальянцевъ и римлянъ. Всѣ эти итальянцы, носившіе оружіе, по разсчету императора, должны были присоединиться къ войскамъ имперіи. Теодатъ.

Тогда Велизарій только что покорилъ вандальское государство въ Африкѣ. Храбрые и жестокіе вандалы, подъ жгучимъ солнцемъ Африки и подъ разслабляющимъ вліяніемъ жаркаго климата, изнѣжились и нисколько не походили на своихъ предковъ, начала V вѣка. Воинственный духъ ихъ угасъ. Это были уже не страшные пираты Гейнзерика и Гуннерика (471—484). Полководцу Юстиніана не стоило большаго труда покорить ихъ. Гильдерикъ, ихъ преемникъ, не могъ даже защититься отъ номадовъ; онъ вступилъ даже въ дружественныя сношенія съ Юстиніаномъ и въ этихъ видахъ объявилъ вѣротерпимость и въ тоже время запретилъ разбой. Это возбудило неудовольствіе въ дружинѣ. Когда честолюбивому Гелимеру, двоюродному брату Гильдерика, удалось свергнуть послѣдняго съ престола и захватить власть въ свои руки, Юстиніанъ, желая вмѣшаться, потребовалъ возстановленія Гильдерика, но получилъ отказъ отъ Гелимера. Раздраженный императоръ послалъ Велизарія съ войскомъ въ Африку и тотъ успѣшно окончилъ предпріятіе.

Это былъ одинъ изъ первокласныхъ полководцевъ, первый военный талантъ своего вѣка. Онъ тѣснилъ Гелимера шагъ за шагомъ. Напрасно Гелимеръ убилъ Гильдерика и его дѣтей, онъ этимъ не выигралъ ничего. Велизарій принудилъ его сдаться на капитуляцію въ 534 году. Тогда войска вандаловъ были включены въ греко-римскіе полки на персидской границѣ, гдѣ были большею частью перебиты; оставшіеся въ живыхъ слились съ населеніемъ.

Впрочемъ не такъ легко было покорить Италію.

Временное возвращеніе Италіи подъ императорскую власть.

Борьба за Италію тянулась 18 лѣтъ, съ 535—553 года. Эта война была тягостнѣе для Италіи, чѣмъ всѣ предыдущія войны. Франки, аллеманы, бургунды вмѣшивались въ нее и раззоряли страну. Со стороны грековъ ее вели оба лучшихъ полководца того времени, Велизарій и Нарзесъ. Южные города легко подчинились грекамъ; только Неаполь долго держался и оказалъ отчаянное сопротивленіе. Поэтому, когда онъ сдался, стѣны города были разрушены, а населеніе жестоко поплатилось за свое геройское сопротивленіе.

Тогда готы, видя неспособность Теодата сопротивляться врагамъ, смѣнили кунинга и вмѣсто него выбрали Витигеса. Положеніе готовъ было слишкомъ тяжелое. Съ юга ихъ тѣснилъ Велизарій, а съ сѣвера нападали на Италію хищные франки, надѣясь получить богатую добычу. Чтобы удержать ихъ, Витегесъ уступалъ имъ всѣ заальпійскіе города, которые принадлежали Италіи. Но имъ этого было мало. Франки требовали денегъ и получили ихъ какъ отъ грековъ, такъ и отъ остготовъ. Чтобы поправить свое положеніе, онъ отважился на осаду Рима. Она не удалась. Велизарій выдержалъ годичную осаду. На мѣсто франковъ выступили бургунды. Города, лишенные поддержки, должны были сдаваться. Бургунды мужчинъ убивали, а женщинъ уводили въ плѣнъ. Большая часть общественныхъ и частныхъ зданій была разграблена и срыта. Витегесъ не могъ выдержать этого напора съ двухъ сторонъ. Онъ удалился въ Равенну; но и тамъ осадилъ его Велизарій. Между тѣмъ франки, видя, что бургунды наживались при раззореніи городовъ, снова поспѣшили въ Италію и стали рѣзать безъ различія—готовъ, римлянъ, грековъ, не щадя даже своихъ соотечественниковъ. Это привело ихъ къ погибели; они въ опустошенной сторонѣ погибли большею частью отъ голода и только небольшіе остатки воротились на родину. Витегесъ, доведенный до крайности,

вступилъ въ переговоры съ Велизаріемъ, предлагая ему корону и уступая городъ. Велизарій притворно согласился, но когда занялъ городъ, провозгласилъ власть византійскаго императора. Этотъ случай посѣялъ недоразумѣнія между нимъ и императоромъ. Заподозрѣнный Велизарій былъ отозванъ. Послѣ его удаленія дѣла грековъ пошли худо.

Между тѣмъ готы въ эти годы ободрились. Они храбро защищались, такъ что, наконецъ, изъ оборонительнаго положенія перешли къ наступательному. Былъ моментъ когда Тотила обѣщалъ быть спасителемъ самостоятельности остготовъ. Время съ 545 по 553 годъ было самымъ ужаснымъ, самымъ бѣдственнымъ для Италіи а 546 годъ грозилъ гибелью Риму: тогда варвары снова овладѣли столицею и только великодушіе варварскаго вождя спасло вѣчный городъ отъ окончательнаго раззоренія.

Въ это-то время истреблены многочисленные античные памятники, архитектурныя произведенія въ Римѣ и въ другихъ городахъ Италіи. Къ счастію для грековъ, Тотила дотолѣ наводившій на нихъ страхъ,—въ іюлѣ 552 г. былъ разбитъ и смертельно раненъ въ битвѣ при Тагинѣ у подошвы Апеннинъ, гдѣ пало 6000 готовъ. Здѣсь греческой арміей начальствовалъ евнухъ Нарзесъ, смѣнившій Велизарія. Онъ пользовался полной довѣренностью императора, у котораго былъ казначаемъ. Дотолѣ онъ исполнялъ гражданскія должности но и въ военномъ дѣлѣ онъ мало уступалъ Велизарію. Тотила умеръ отъ ранъ въ ночь несчастной для него битвы. Онъ унесъ съ собой въ могилу счастье своихъ соплеменниковъ. Но остготы не сдавались. Тотилѣ нашелся достойный преемникъ. Выбранный королемъ, Тея пошелъ въ Южную Италію, чтобы погибнуть въ геройскомъ состязаніи. Но это была послѣдняя отчаянная попытка готовъ отстоять свою политическую самостоятельность.

Нарзесъ обладалъ большими средствами, которыя не были своевременно даны Велизарію, по подозрительности Византійскаго двора. Онъ притѣснилъ остготовъ къ подошвѣ Везувія. Здѣсь на берегахъ рѣчки Сарно, готы выдержали послѣдній предсмертный, по истинѣ героическій бой и всѣ погибли, за исключеніемъ 1000 человѣкъ, которые потребовали себѣ свободнаго отступленія; оно было имъ дано. Тея умеръ героемъ. Онъ не пережилъ паденія славы своего народа. Война была покончена осенью 542 года, но страна, облитая кровью, была страшно раззорена. Всѣ несчастія войны,

моръ, голодъ, огонь, прошли надъ Италіей; невозвратимѣе всего была потеря безцѣнныхъ памятниковъ древняго искусства.

Италія не обрадовалась греческому владычеству и потому впослѣдствія она легко склонилась подъ иго лангобардовъ.

5) Франкское королевство въ Галліи.

Всѣ варвары, разгромившіе Западную имперію и раздѣлившіе ее на части, преклонились предъ римскою цивилизаціей, стараясь подражать ей. Но процессъ подчиненія германизму каждой изъ обширныхъ странъ, какъ-то Галліи, Испаніи, Италіи и Британіи былъ различенъ. Даже въ одной и той же странѣ, какъ напримѣръ въ Галліи разные народы германскаго племени относились къ туземному галло-римскому населенію различно. Древнюю Галлію заняли бургунды, вестготы и франки. Между ними бургунды въ юговосточной Галліи, по своему своеобразному добродушію, представляли исключеніе изъ всѣхъ германскихъ народовъ. Сдѣлавшись владѣтелями земель, принадлежавшихъ галльскимъ собственникамъ, получивъ или взявъ въ качествѣ добычи $^2/_3$ земель и треть рабовъ, они тщательно заботились о томъ, чтобы не переступить своихъ правъ. Они не смотрѣли на римлянина какъ на своего колона, или на лита, по германскому выраженію; они видѣли въ немъ равнаго себѣ, смотря по сословному положенію. Они ухаживали за богатыми сенаторами, склоняясь предъ ними, хотя, какъ землевладѣльцы были поставлены съ сенаторами въ одинаковое положеніе. Расположившись, подобно другимъ варварамъ, на постой въ какомъ нибудь знатномъ домѣ, бургунды видимо стѣснялись и, хотя могли бы тутъ распоряжаться какъ господа, они, тѣмъ не менѣе, играли роль римскихъ кліентовъ. По утрамъ они ходили привѣтствовать хозяина дома, называя его батюшкой, что на германскихъ нарѣчіяхъ составляло обычную форму, выражавшую уваженіе къ старшему. Потомъ, вычистивъ оружіе и намазавъ масломъ свои длинные волосы, они начинали пѣть во все горло какую нибудь національную пѣсню, съ наивнымъ добродушіемъ спрашивая римлянъ, какъ имъ это нравится (¹). Да и самый законъ бургундскій, одинаковый для побѣдителей и для побѣжденныхъ, запрещалъ первымъ всякое насиліе.

(¹) Такъ отзывается о добродушіи бургундовъ Аполлинарій Сидоній. Bouquet. Scriptores rerum gallicarum; I, 811.

Такою же умѣренностью и простодушіемъ отличались и пріемы вестготовъ. Ихъ военные прогулки по Греціи и Италіи внушали ихъ предводителямъ честолюбивыя стремленія превзойти или, по крайней мѣрѣ, продолжать въ своихъ учрежденіяхъ римскія упроченныя давностью формы. Преемникъ знаменитаго Аларика, Атаульфъ, сначала высказывалъ было пламенное желаніе уничтожить самое римское имя и утвердить новую имперію, готскую, вмѣсто прежней римской, чтобы Романія сдѣлалась Готіей, а самъ бы онъ уподобился такимъ образомъ Цезарю или Августу, но удостовѣрявшись опытомъ, что готы были малоспособны къ повиновенію законамъ, вслѣдствіе ихъ племенныхъ свойствъ и, полагая, что не слѣдуетъ касаться законовъ, безъ которыхъ государство перестанетъ быть государствомъ, онъ рѣшилъ искать славы въ примѣненіи силы готовъ къ возстановленію во всей цѣлости и могуществѣ римской державы съ тѣмъ, чтобы потомство смотрѣло на него, по крайней мѣрѣ, какъ на возстановителя имперіи. Въ въ тѣхъ видахъ онъ прекратилъ войну и заботился о сохраненіи мира.

Нельзя того же сказать о франкахъ, которые не только основали государство на сѣверѣ Галліи, но впослѣдствіи объединили всю Галлію. Съ именемъ франковъ связано представленіе о свирѣпой жестокости и безчеловѣчіи по отношенію къ побѣжденнымъ. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ они долго оставались самыми дикими и мало походили, по своей страстной воспріимчивости, на германцевъ V или VI-го вѣка. Самое слово **Frank** значило тоже, что латинское ferox т. е. неустрашимый, свирѣпый, жестокій, также *свободный*, какъ его обыкновенно толкуютъ, и уже позже, *могучій*, *сильный*. Но франки, какъ бы отождествляли свое первоначальное генетическое имя съ понятіемъ жестокости и безчеловѣчія. Между тѣмъ, покоривъ галло-римлянъ, они основали изъ смѣшенія племенныхъ элементовъ нынѣшнюю Францію, нынѣшнее французское государство, слѣдовательно должны были внести въ ея судьбы вліятельный и существенный элементъ. Но можно-ли узнать въ нынѣшнихъ французахъ потомковъ тѣхъ безпощадныхъ, свирѣпыхъ германцевъ. **Франки.**

Дѣло въ томъ, что французское государство образовалось путемъ долгой борьбы. Между древними франками и нынѣшними французами столько же общаго, сколько между варягами нашей исторіи и славянами новгородскими или

кривичами. Въ этой новой галльской національности исчезли франкскія дружины: въ томъ и другомъ случаѣ племенное имя дружинниковъ перешло на цѣлое государство, но имя такъ и осталось именемъ, не влівъ въ побѣжденную національность какихъ либо бытовыхъ характерныхъ чертъ. Только въ недавнее время, во Франціи историки отвыкли отъ представленія о томъ, будто французскіе короли начинаютъ свой длинный рядъ съ франкскаго кунинга Хлодвига. До 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка французская историческая наука питалась той мыслью, что французы ведутъ свое происхожденіе отъ франковъ, а французскіе короли — свою генеалогію отъ Хлодвига, передѣланнаго въ болѣе благозвучную форму Клодовея, такъ какъ французское ухо не терпитъ германскихъ звуковъ. Это дѣлали съ цѣлью растянуть по возможности политическую исторію Франціи ([1]). Между тѣмъ въ дѣйстви-

([1]) Надо замѣтить, что лучшіе французскіе таланты до нашего времени служили не столько исторической истинѣ, сколько современности. Прежніе французскіе исторіографы были, такъ сказать, зеркаломъ своего времени, а не учеными историками. Въ блестящій вѣкъ Луи XIV, ученый Одижье весьма серьезно доказывалъ, что скиөы были галльскими колонистами, что Юпитеръ, Нептунъ, и Плутонъ, принимаемые-де такъ часто за боговъ, были собственно правителями Галліи и что основателемъ этого государства былъ никто другой, какъ самъ праотецъ Ной, извѣстный также (для галловъ) подъ именемъ Галля. У Даніеля, весьма солиднаго историка того времени, каждый король французскій — герой, каждый епископъ—святой. Какъ на тогдашней театральной сценѣ въ одномъ и томъ же костюмѣ выступали и римляне и арабы и евреи и придворные Луи XIV, такъ и въ исторіи одинаковыми красками изображались всѣ личности. Объ отличительныхъ чертахъ эпохи и говорить нечего. Французскій дворъ, по мнѣнію Даніеля, начиная съ Хлодвига, остается однимъ и тѣмъ же; дворъ Луи XIV отличается отъ двора какого нибудь Хлодвига или Дагоберта, можетъ быть, только большимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Читая книгу Даніеля (Hist. de France) можно думать, что Хлодвигъ въ самомъ дѣлѣ заботился о благосостояніи и могуществѣ французскаго государства; его сподвижники, а тѣмъ болѣе паладины Карла Великаго, по утонченности вкуса и манерамъ, тѣ же высоко цивилизованные французскіе аристократы какъ напр. Гизы, Монморанси и даже Ришелье. Свободномыслящая французская философія XVIII вѣка уничтожила раболѣпный духъ этихъ оффиціальныхъ исторій, но она не измѣнила всѣхъ ихъ качествъ, придавъ исторіи тенденціозность. Каждый теперь вноситъ въ исторію свои личныя политическія стремленія и воззрѣнія. Её стали растягивать на политической дыбѣ. Изслѣдователи прошлаго вѣка,—въ родѣ Мабли, человѣка весьма ученаго и основательнаго, и аббата Дюбо, видятъ во французской исторіи успѣхи средняго сословія, и вообще демократіи; въ противоположность имъ феодальная партія, въ лицѣ графа Буленвилье (Hist. de l'ancienne gouvernement en France 1727), утверждала что военная аристократія была господствующимъ элементомъ въ древней Франціи и что королевская власть постепенно и совершенно несправедливо узурпировала ея права. Придворная партія въ свою очередь отвѣтила на эти діаметрально противоположныя мнѣнія, столь же произвольно. Такъ Моро, въ 1780 г. въ своемъ

тельности до XI в. мы не знаемъ собственно французской исторіи, а знаемъ лишь борьбу германскихъ дружинъ на

очень серьезномъ сочиненіи (Principes de moral, de politique et de droit), вышедшемъ еще незадолго предъ революціей, доказывалъ, что французская монархія и при Хлодвигѣ была также неограниченна, какъ и при Луи XIV и что Франція какъ бы создана для абсолютной монархіи.

Справедливо поэтому было замѣчено, что передъ самой революціей французы не знали своей исторіи и хорошенько не понимали того, что хотѣли разрушать.

Вольтеръ и Монтескье болѣе занимались общими идеями, вопросами объ образованіи и развитіи государствъ; они освободили мысль отъ рабства, возбудили спросъ на историческіе труды,—но исторіографіи дали только внѣшнюю, художественную форму. Мѣстная исторія совсѣмъ не разработывалась.

Въ эпоху Наполеона французамъ было не до исторіи. Современныя событія были слишкомъ животрепещущи, слишкомъ поглощали все общее вниманіе, чтобы заниматься какъ казалось, сравнительно, мелкими фактами прошлаго. Наполеоновская эпоха имѣла только одного солиднаго историка. Это—былъ профессоръ Дону, который много и добросовѣстно поработалъ надъ средневѣковою исторіею, потомъ читалъ курсъ о среднихъ вѣкахъ въ Collège de France. Но Дону не любилъ въ душѣ среднихъ вѣковъ; тѣмъ болѣе должно ему поставить въ заслугу, что онъ умѣлъ замѣтить въ нихъ свѣтлую сторону и отдать ей справедливость. Его сочиненія изданы въ 20 томахъ. У Дону до сихъ поръ можно найти много матеріала, хотя и мало разработаннаго

Лишь послѣ Наполеоновскихъ войнъ, когда политическія страсти успокоились и началась реакція, снова обратились къ древней и средневѣковой исторіи Франціи. Представителями этого новаго движенія были знаменитые Огюстенъ Тьерри и Гизо. До сихъ поръ французы не имѣли понятія о настоящей своей исторіи; теперь стали заботиться объ изданіи историческихъ документовъ, чему много способствовалъ Гизо, когда сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія; тогда возобновились грандіозные труды бенедиктинскихъ монаховъ, начатые знаменитой конгрегаціей св. Мавра, еще въ началѣ XVII вѣка, — гдѣ не пропущено, между прочимъ, ни одно, хотя бы самое ничтожное сочиненіе, по древней или средневѣковой французской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжено изданіе извѣстнаго сборника Букэ—«Rerum gallicarum et francicarum scriptores 22 v. in—fol », доведеннаго до XIII вѣка, который въ настоящее время выходитъ вторымъ изданіемъ (въ 1880 г. вышелъ 19 фоліантъ).—Ог. Тьерри, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, открылъ французамъ глаза на ихъ исторію своими знаменитыми «письмами объ исторіи Франціи (Dix lettres sur l'hist. de France»), помѣщенными въ журналахъ—частью «Journal des Débats», частію въ «Courrier Francais»; впослѣдствіи эти письма были изданы вмѣстѣ съ «Разсказами о временахъ Меровинговъ» (Récits des temps Mérovingiens, 1840), которые до сихъ поръ имѣютъ классическое значеніе. Въ этомъ сочиненіи окончательно разрушено представленіе о непрерывности ряда французскихъ монарховъ. Тьерри поставилъ на видъ самодѣятельность народа, отстранилъ изъ чисто французской исторіи весь первый германскій періодъ и вообще придалъ событіямъ ихъ настоящій характеръ. Особенно замѣчательны письма о борьбѣ коммунъ въ средніе вѣка. Въ этихъ письмахъ показано, какъ члены средневѣковыхъ муниципій, сражаясь за свободу городовъ, въ сущности были пропитаны тѣми же идеями, какія дѣйствовали во время большой французской революціи. Они боролись за самостоятельность управленія вообще, какъ политическаго, такъ и гражданскаго; они были представителями галльскаго элемента въ его борьбѣ съ германскимъ. Нечего

галльской почвѣ. Дѣйствительно, центръ историческаго дѣйствія переносится изъ Рима въ Галлію но это будетъ исторія германская, а никакъ не французская. Повелитель Галліи не зналъ другаго языка кромѣ германскаго. Даже Карлъ Великій не былъ знакомъ съ кельтскимъ языкомъ. Отъ ассимиляціи германцевъ-побѣдителей съ галлами-покоренными и произошла французская нація, но въ народномъ характерѣ французовъ продолжаютъ преобладать черты галловъ, указанныя Цезаремъ въ его извѣстномъ „De bello gallico". Тевтонское вліяніе исчезло почти безусловно. Между тѣмъ германцы послужили цементомъ сплотившимъ государство. Франкскій элементъ растаялъ въ галльскомъ, но это произошло впослѣдствіи: въ первое же время франки поработили населеніе и причинили ему много бѣдствій.

Современники яркими красками описываютъ ихъ свирѣпость. Самый наружный видъ франковъ отличался какой-то необыкновенною дикостью. Они приподнимали и прикрѣпляли на верхней части лба свои русые волосы, которые, образовавъ родъ узла, падали назадъ, въ видѣ длинной косы. Ихъ лицо было гладко выбрито, за исключеніемъ длинныхъ усовъ, висѣвшихъ съ обѣихъ сторонъ рта. Они носили льняную одежду, перетянутую широкимъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мечъ. Любимымъ ихъ оружіемъ была сѣкира объ одномъ или двухъ лезвіяхъ, которая, по ихъ имени, называлась „франциской". Они также пользовались арканами для привлеченія къ себѣ враговъ и дикихъ лошадей. Они страшно любили войну, какъ средство быть богатыми въ этомъ мірѣ и получить чувственныя наслажденія. Самые юные изъ нихъ и вмѣстѣ самые отчаянные испытывали въ себѣ во время битвы фанатическій восторгъ, который дѣлалъ ихъ нечувствительными къ боли и надѣлялъ сверхъестественною жизненною силою: они рѣзались, даже истекая кровью отъ ранъ.

Хлодвигъ 466—511 г. Между этими пришельцами изъ за Рейна выдавались франки, жившіе на берегахъ рѣки Салы. Эти салійцы считались болѣе благородными между франками, а изъ нихъ предпочиталась для королевскаго званія фамилія Меровин-

говоритъ, какъ это открытіе взволновало французское общество, тѣмъ болѣе что высокая художественность изложенія много подкупала въ пользу автора. Прекрасный русскій переводъ «Разсказовъ о временахъ Меровинговъ» сдѣланъ А. И. Герценомъ въ Отеч. Зап. 1841 г.; изд. потомъ отдѣльно. Другой переводъ 70-хъ годовъ не такъ удаченъ.

Гизо впослѣдствіи подробно и обстоятельно изложилъ и разобралъ основные взгляды Тьерри въ 1 т. «Essais sur l'histoire de France» (1837, 4 éd.).

говъ (т. е. дѣтей Меровея). Ихъ переходъ черезъ Рейнъ, утвержденіе въ сѣверной Галліи, а также и всѣ послѣдующія завоеванія тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о королѣ Клодовеѣ, или, правильнѣе, Хлодвигѣ, хотя эти побѣды были, конечно, дѣломъ цѣлаго ряда кунинговъ, имена которыхъ остались неизвѣстны.

Монахъ Рикеръ въ своей лѣтописи говоритъ, что франки пошли въ Галлію съ цѣлью истребить римлянъ за ихъ притѣсненія и что съ такою свирѣпостью они стали поступать съ перваго же города. Сѣверной Галліей въ то время правилъ Сіагрій, намѣстникъ византійскій, ибо тогда уже имени Западной Римской имперіи не существовало. Это былъ послѣдній защитникъ римской цивилизаціи и порядка. Онъ былъ разбитъ въ 486 году Хлодвигомъ при Суассонѣ и бѣжалъ въ Тулузу къ вестготскому королю. Хлодвигъ потребовалъ его выдачи и потомъ тайно убилъ его. Это было одно изъ тысячи преступленій, совершенныхъ этимъ дикимъ варваромъ, неисправимымъ даже послѣ принятія имъ христіанства. Хлодвигъ утвердился въ странѣ до самой Соммы.

Мы нарочно провели параллель между бургундами, вестготами и франками, чтобы яснѣе оттѣнить чисто тевтонскія, болѣе или менѣе племенныя черты характера послѣднихъ.

Развѣ только христіанство могло смягчить этотъ дикій народъ. Труднѣе всего было склонить къ христіанству самого кунинга Хлодвига. Это взяла на себя молодая его жена, принцесса бургундская, Кротекильда, прозванная потомъ Клотильдою. Она сперва убѣдила мужа дозволить окрестить своихъ обоихъ дѣтей, но нужно было рѣшительное побужденіе, одно изъ тѣхъ, которыя сильно вліяютъ на суевѣрныя, грубыя натуры, чтобы заставить креститься Хлодвига. Главный историкъ того времени, знаменитый Григорій Турскій, галлъ по рожденію, склонный придавать событіямъ мистическій характеръ и готовый видѣть во всемъ сверхъестественное вмѣшательство, приписываетъ обращеніе Хлодвига чудесной помощи Бога въ битвѣ съ аллеманами, происходившей по всему вѣроятію при Цюльпихѣ, въ которой франки въ 498 г. побѣдили дѣйствительно какимъ-то чудомъ. Онъ могъ слышать подробности отъ стариковъ монаховъ и можетъ быть даже пользовался какими нибудь монастырскими записками ([1]).

([1]) Только съ V книги своей исторіи—изъ всѣхъ 10—онъ пишетъ, какъ очевидецъ. Лучшее изданіе его исторіи въ извѣстномъ сборникѣ Букэ, во 2 томѣ, (1 изд. 1739 г., 2 изд. 1870); французскій переводъ сдѣланъ подъ редакціей Гизо и изданъ въ Collection des mémoires relatifs à

Крещеніе Хлодвига и франковъ въ 498 г.

„Во время битвы съ аллеманами король долженъ былъ исповѣдать то, что до сихъ поръ упорно отвергалъ. Обѣ арміи, вступивъ въ битву, сражались съ ожесточеніемъ и франки были близки къ гибели. Видя такую опасность, Клодовей поднялъ къ небу глаза и воскликнулъ, утопая въ слезахъ, отъ всего сердца: — Іисусе Христе! Ты, котораго Кротекильда называетъ Сыномъ Бога живаго, Ты, который, говорятъ, помогаешь находящимся въ опасности и даешь побѣду надѣющимся на тебя, съ благоговѣніемъ взываю къ твоей небесной помощи. Если ты поможешь мнѣ побѣдить враговъ, и, если я испытаю на дѣлѣ твое могущество, которое испытываютъ народы, вѣрные тебѣ, то и я увѣрую въ тебя и приму крещеніе во имя твое. Я взывалъ къ моимъ богамъ, но вижу, что они не могутъ мнѣ помочь; я убѣжденъ теперь, что они не имѣютъ власти, потому что не помогаютъ тѣмъ, которые имъ покланяются. Теперь я взываю къ тебѣ и въ тебя хочу вѣрить. Помоги мнѣ только одолѣть моихъ враговъ!—Едва онъ сказалъ это, какъ аллеманы обратили тылъ и побѣжали. Увидѣвъ же своего короля мертвымъ, они подчинились власти Клодовея“.

Затѣмъ Григорій разсказываетъ о внезапномъ будто-бы отреченіи „всѣхъ франковъ“ отъ язычества, при чемъ слишкомъ много приписываетъ св. Ремигію, епископу Реймскому, который будто бы даже могъ воскрешать мертвыхъ. Здѣсь Григорій противорѣчитъ самъ себѣ, указывая, что крестившихся франковъ всего было 3000, такъ что несомнѣнно что крестился только самъ Хлодвигъ съ своими приближенными. Крещеніе происходило вскорѣ послѣ битвы, т. е. въ 498 г.

„Новый Константинъ“ приблизился къ купели. Когда онъ вошолъ въ нее, то угодникъ Божій началъ говорить своими вдохновенными устами: „Склони выю, укрощенный сикамбръ (¹); обоготворяй то, что ты истреблялъ и истребляй то, что обоготворялъ“. По позднѣйшей легендѣ IX вѣка, записанной у Гинкмара, епископа Реймскаго, голубь принесъ съ неба мvро для помазанія, а лиліи сыпались на короля, когда онъ выходилъ изъ баптистеріи, но въ дѣйствительности, ко-

l'histoire de France (1825—35) въ 2 первыхъ томахъ. Второе изданіе 1860—61 г. дополнено географіей.

(¹) **Сикамбрами** называлось одно изъ племенъ франкскихъ, жившее на р. Сигъ, Sieg, откуда и названіе, долго бывшее ужасомъ для римлянъ, такъ что имя ихъ сдѣлалось вообще синонимомъ храбраго.

нечно, современники не слыхали и не подозрѣвали ничего подобнаго.

Теперь во всякомъ случаѣ христіанское духовенство могло оказывать содѣйствіе Хлодвигу. Оно предпочитало суровыхъ франковъ мягкосердымъ бургундамъ и вестготамъ, только потому, что послѣдніе были аріане. Объ этомъ прямо говоритъ Григорій Турскій.

Хлодвигъ впредь во время своихъ войнъ сталъ щадить монастыри и имущества духовныхъ. Кромѣ этого въ немъ не было ничего христіанскаго. Онъ и послѣ крещенія оставался такимъ же дикимъ и неукротимымъ варваромъ, какимъ былъ до крещенія. Въ борьбѣ съ вестготами онъ одерживаетъ верхъ. Въ 507 г. они были разбиты на поляхъ Вугле, недалеко отъ Пуатье, а король ихъ Аларикъ былъ убитъ. Его сынъ перешелъ въ Испанію и вся Южная Галлія досталась Хлодвигу (508 г.). По легендѣ стѣны городовъ сами падали при появленіи франкскаго войска. По крайней мѣрѣ такое невѣроятное происшествіе случилось съ Ангулемомъ.

Теперь Хлодвигъ перенесъ свою столицу въ Парижъ. Византійскій императоръ Анастасій присылаетъ ему титулъ консула, пурпуровую тунику и корону. Хлодвигъ очень гордился этими подарками, ѣздилъ въ этомъ костюмѣ по улицамъ Парижа и приказывалъ величать себя консуломъ и Августомъ. Послѣдніе годы своей жизни Хлодвигъ опозорилъ себя насиліями и чуть ежедневными жестокостями. Христіанство не находило въ его душѣ никакихъ отзывчивыхъ чувствъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уничтожить мелкихъ кунинговъ и завладѣть ихъ землями и имуществами. У него былъ совсѣмъ особый способъ отдѣлываться отъ враговъ. Онъ подстрекалъ близкихъ родныхъ на уничтоженіе другъ друга а оставашихся самъ убивалъ. Такъ погибъ отъ руки своего собственнаго сына, Зигберта—король Рипуарскихъ франковъ. Потомъ Хлодвигъ велѣлъ также убить измѣннически самого отцеубійцу, когда тотъ шарилъ въ сокровищницѣ своего отца; тогда же погибъ владѣтель Камбрэ, Рагнахарій отъ мѣткой руки самого Хлодвига. Такія преступленія ничуть не вызываютъ негодованія монаха-лѣтописца. Описавъ всѣ эти подвиги, Григорій Турскій прибавляетъ, восхваляя государя, который овладѣлъ чужими землями и сокровищами.... „Каждый день Богъ повергалъ къ стопамъ короля его враговъ и расширялъ королевство, ибо Клодовей ходилъ съ сердцемъ пра-

вымъ предъ Господомъ и поступалъ такъ, какъ могло быть пріятно его очамъ".

Таково было понятіе о нравственности и покровительствѣ Божіемъ въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Подъ конецъ жизни Хлодвигъ собралъ вокругъ себя оставшихся родныхъ. Онъ казался очень опечаленнымъ: „Горе мнѣ! восклицалъ онъ; я остался какъ странникъ среди чужой земли. Я не имѣю родственниковъ, которые могли бы мнѣ помочь въ случаѣ несчастія!" Наивность лѣтописецъ спѣшитъ пояснить, что кунингъ вовсе не былъ опечаленъ ихъ смертью, а говорилъ такъ по хитрости, разсчитывая узнать, не остался ли еще кто нибудь въ живыхъ, чтобы умертвить всѣхъ, до послѣдняго". Это невѣроятное варварство благочестивый христіанскій епископъ оправдываетъ тѣмъ, что Хлодвигъ хотѣлъ объединить Галлію. Хлодвигъ умеръ въ 511 г. въ Парижѣ и былъ погребенъ въ базиликѣ Св. Апостоловъ, которую онъ самъ построилъ и на мѣстѣ которой впослѣдствіи была сооружена церковь Св. Женевьевы, переименованная неоднократно въ Пантеонъ, т. е. храмъ великихъ людей. Изъ ея склеповъ были выкинуты трупы всѣхъ королей Франціи во время революціи, а въ томъ числѣ и знаменитаго кунинга, съ именемъ котораго долго и несправедливо соединяли представленія о просвѣтителѣ и объединителѣ древней Галліи.

Междоусобія Меровинговъ (511—548 г.). Было бы ошибочно представлять исторію первыхъ Меровинговъ въ Галліи началомъ французскаго королевства. Это исторія частныхъ раздоровъ въ семьѣ Меровинговъ, вождей франкскихъ дружинъ и конечно, она не имѣетъ серьезнаго историческаго значенія въ своихъ подробностяхъ.

Хлодвигъ смотрѣлъ на Галлію, какъ на военную добычу. Умирая, онъ раздѣлилъ свое государство на четыре части: Теодорикъ (Thierry для французовъ) имѣлъ свою резиденцію въ Реймсѣ, Хлодомеръ въ Орлеанѣ, Хильдебертъ въ Парижѣ и Хлотаръ въ Камбрэ и Турнэ. Они спѣшатъ по просьбѣ матери отомстить бургундскому королю, который убилъ отца ихъ матери. Вообще родовая месть служитъ главнымъ стимуломъ для франкскихъ королей и исторія первыхъ трехъ поколѣній Меровинговъ—исторія звѣрствъ и убійствъ. Здѣсь мы видимъ тѣ же жестокости и тоже оправданіе со стороны епископа-лѣтописца. Клодомеръ, отправляясь вторично противъ бургундцевъ, рѣшилъ умертвить плѣннаго бургундскаго князя

Сигмунда. Блаженный Авитъ отговариваетъ его отъ этого замысла. „Если, обративъ свой взоръ къ Богу, сказалъ онъ, ты измѣнишь свое намѣреніе, и если не допустишь покуситься на жизнь плѣнныхъ, то Богъ будетъ съ тобою и ты получишь побѣду. Но если ты умертвишь ихъ, то самъ попадешь въ руки враговъ и погибнешь ихъ смертію; съ тобой, твоей женой и дѣтьми поступятъ такъ, какъ ты поступишь съ Сигмундомъ, его женою и дѣтьми“. Хлодомеръ не обращаетъ на это вниманія.—„По моему мнѣнію, отвѣчалъ онъ, неблагоразумно, идя на одного непріятеля, другаго держать въ своихъ рукахъ, оставляя одного въ тылу въ то время, когда другой будетъ съ лица; я могу очутиться между двухъ непріятелей. Побѣда достанется легче и будетъ рѣшительнѣе, если я отдѣлю одного отъ другаго: умертвивъ этого, я безъ труда умерщвлю и того“. Онъ, конечно, убилъ ненавистнаго ему Сигмунда съ женой и дѣтьми и для большей безопасности трупы своихъ жертвъ бросилъ въ колодезь.

Надо замѣтить, что Сигмундъ, причисленный за свою смерть къ лику святыхъ, хотя при жизни не походилъ на святаго, былъ родственникъ Хлодомера; на дочери Сигмунда былъ женатъ старшій братъ Хлодомера—Теодорикъ. Но этотъ Теодорикъ не считалъ нужнымъ мстить за смерть своего тестя, потому что тотъ принадлежалъ къ другому роду. Онъ, напротивъ, соединяется съ братомъ, чтобы добивать бургундцевъ, которые успѣли освободиться отъ франковъ, но, на короткое время. Въ этой войнѣ Хлодомера постигла смерть, предсказанная аббатомъ (¹).

Затѣмъ, не менѣе характеристиченъ другой фактъ, поясняющій, что помимо родовой мести, членами дома Меровинговъ руководила жадность. Во время пребыванія своего въ Турингіи старшій братъ хочетъ убить младшаго. Онъ употребляетъ такую хитрость. Спрятавъ вооруженныхъ людей, онъ приглашаетъ Хлотара къ себѣ какъ бы для совѣщанія по одному секретному дѣлу. Вооруженные люди были спрятаны за ковромъ, протянутымъ отъ одной стѣны до другой, но коверъ оказался короткимъ и потому изъ подъ него выгляды-

(¹) Всѣ эти подробности, характеризующія эпоху, разработаны въ 1840 г. Огюстеномъ Тьерри съ свойственной ему художественностью въ его знаменитыхъ «Разсказахъ о временахъ Меровинговъ», два раза переводимыхъ на русскій языкъ. Это одно изъ тѣхъ произведеній, которыя не старѣются въ наукѣ и которыя даютъ полное наслажденіе читателю.

вали ноги убійцъ. Хлотаръ догадался и былъ на сторожѣ. Хитрость не удалась. Теодорикъ, чтобъ загладить измѣну, подарилъ брату большое серебряное блюдо; потомъ ему стало жаль цѣннаго подарка и онъ послалъ своего сына взять подарокъ назадъ, такъ какъ брату достаточно и того, что онъ остался живъ; сынъ получилъ подарокъ обратно. Все таки братья остались по прежнему дружны и затѣмъ всѣ три брата сосредоточиваютъ месть на своихъ племянникахъ, сыновьяхъ погибшаго Хлодомера, за которыми считалось наслѣдство ихъ отца. Они хотятъ вырвать дѣтей изъ рукъ бабки Кротекильды, опасаясь, чтобы они, вслѣдствіи расположенія старухи, не получили бы какой либо части королевства. Они обѣщаютъ ей возвести дѣтей на отцовскій престолъ, а въ сущности готовили имъ смерть. Бабка, ничего не подозрѣвая, накормила и напоила внучатъ и отправила ихъ, точно на праздникъ. Двое дѣтей обманомъ были вызваны, а третій успѣлъ спастись. Дѣтей схватили, разлучили съ слугами и отдали подъ стражу. Одному ребенку было 10 лѣтъ, а другому 7. Дяди отправилъ къ своей матери посланца съ обнаженнымъ мечемъ и ножницами, т. е. предлагая на выборъ или убить дѣтей, или постричь въ монахи. Бабка предпочла видѣть ихъ мертвыми, говоря, что не желаетъ видѣть любимыхъ внучатъ обойденными престоломъ. Тогда Хлотаръ собственноручно исполняетъ казнь. Онъ, какъ тигръ, гоняется за жертвами и убиваетъ ихъ, не смотря на слезы дѣтей, которыя обнимаютъ его колѣна. Кротекильда не думаетъ печалиться. Она положила трупы дѣтей въ одинъ гробъ и похоронила ихъ въ парижской базиликѣ, гдѣ былъ погребенъ Хлодвигъ.

Слишкомъ мало было христіанскаго въ этихъ варварахъ. Въ лучшихъ представителяхъ дома Меровинговъ, какъ Кротекильда, видно только внѣшнее благочестіе. Для характеристики нравовъ того времени интересно то, что та самая женщина, которая предпочла видѣть своихъ внуковъ лучше мертвыми, чѣмъ монахами, вызываетъ въ Григоріи Турскомъ чуть не чувство благоговѣнія. „Она, по словамъ Григорія, обнаружила такое величіе, что была уважаема всѣми; ревностно подавая милостыню она посвятила себя благочестивымъ дѣяніямъ и заботясь о чистотѣ нравовъ и укрѣпленіи добродѣтелей, она надѣляла церкви, монастыри и святыя мѣста всѣмъ, что имъ было необходимо. Она дѣлала благодѣянія съ такимъ чистосердечіемъ и усердіемъ, что всѣ смотрѣли на нее не какъ на

королеву, но какъ на рабыню Господа, посвятившую себя въ цѣлости на служеніе ему. Ни могущество дѣтей, ни честолюбіе міра, ни богатства—не могли увлечь её своею прелестію на погибель и чрезъ свое униженіе она была возвеличена благодатію" и т. д. ([1]).

Наконецъ братья Хлотара умерли: племянниковъ не существовало и Хлотаръ I-й въ 548 г. соединилъ въ своихъ рукахъ всю Галлію. Онъ избѣгалъ городовъ и устроилъ свою резиденцію въ окрестностяхъ Суассона. Тамъ до сихъ поръ существуетъ деревня Брень; она была одною изъ тѣхъ фермъ, которую Хлотаръ предпочелъ всѣмъ другимъ городамъ Галліи. Въ окрестностяхъ были огромные лѣса, полные звѣрей, которые развелись послѣ погрома въ огромномъ числѣ. Королевское жилище походило на нынѣшнюю ферму громадныхъ размѣровъ. Это жилище свирѣпаго кунинга не было укрѣплено. Въ самомъ дѣлѣ, кого ему было бояться? Конечно, всего менѣе гонимыхъ, забитыхъ галло-римлянъ. Вокругъ главнаго зданія располагались въ порядкѣ жилища дворцовыхъ чиновъ изъ варваровъ и римлянъ, а также помѣщенія для начальниковъ дружинъ, поступавшихъ на службу короля на условіяхъ подчиненности и вѣрности. Другіе дома меньшаго размѣра заняты были большимъ числомъ семействъ; здѣсь мужчины и женщины своими руками должны были готовить для двора всё, начиная съ дорогихъ тканей и выдѣлки оружія и кончая предметами первой необходимости. Эти ремесленники происходили или изъ обѣднѣвшихъ германцевъ или изъ покоренныхъ галловъ, насильно переведенныхъ съ женами и дѣтьми для заселенія королевскаго помѣстья. Всѣ они назывались безъ различія происхожденія литами, т. е. людьми, но въ унизительномъ смыслѣ, какъ нѣмецкое Leute (послѣдніе, на латинскомъ же языкѣ—фискальными, т. е. приписанными къ казнѣ къ фиску). Тамъ, въ потаенномъ подвалѣ франкскаго кунинга сохранялись огромные сундуки за тройными замками, въ которыхъ хранились его сокровища, скопленныя всякимъ насиліемъ и часто обагренныя кровью многочисленныхъ жертвъ Тамъ, въ этомъ селеніи Хлотаръ созывалъ соборы епископовъ галльскихъ городовъ,

Хлотарь I. (548—561 г).

([1]) Gregorius Turonensis. Hist. eccl. Franc. IV, 18.

принималъ чужестранныхъ пословъ и предсѣдательствовалъ на большихъ собраніяхъ франкскаго народа, за которыми слѣдовали пиры, по образцу сохранившихся въ преданіяхъ тевтонскаго племени, пиры, на которыхъ зажаренные кабаны и дикія козы цѣликомъ подавались на столъ, а по четыремъ угламъ комнаты ставились откупоренныя бочки съ виномъ ([1]).

Нечего говорить, что Хлотаръ не сдерживалъ дикихъ привычекъ, которыми онъ напоминалъ своего отца. Въ 561 г. онъ приказалъ въ наказаніе за возмущеніе сжечь своего сына съ женой и дѣтьми и съ спокойной совѣстью вернулся въ свои Бреннскія помѣстья. Излишне прибавлять, что, игнорируя предписанія Церкви, онъ дорожилъ тѣмъ, что имѣлъ возможность обладать множествомъ наложницъ въ каждой изъ своихъ резиденцій. Григорій Турскій разсказываетъ въ IV книгѣ, что его жены переносили безпутство кунинга съ покорностію, какъ рабыни. Разъ, одна изъ его женъ, Итонда, обратилась къ нему съ слѣдующей просьбой.

— Король, господинъ мой, сдѣлалъ изъ рабыни всё, что ему было угодно и призвалъ меня раздѣлить съ нимъ ложе. Онъ довершилъ бы эти великія милости, если бы исполнилъ ея просьбу. Въ числѣ слугъ твоихъ у меня есть сестра, по имени Арегонда; дай ей, прошу тебя, мужа храбраго и богатаго, дабы не терпѣла я за нее посрамленія.

Просьба эта, подстрекнувъ любопытство короля, возбудила въ то же время его сластолюбивыя вожделѣнія. Онъ въ тотъ же день отправился въ помѣстье, гдѣ жила Арегонда. Хлотаръ, найдя, что она такъ же красива, какъ и сестра ея, взялъ ее съ собой, водворилъ въ королевскихъ покояхъ и возвелъ въ санъ своей супруги. Чрезъ нѣсколько дней онъ пришолъ къ Итондѣ и сказалъ ей.

„Я не забылъ о милости, которую ты такъ откровенно у меня просила. Я искалъ для сестры твоей мужа богатаго и разумнаго, но лучше себя никого не нашелъ. Узнай же, что я сдѣлалъ ее своею супругой; я думаю, тебѣ это не будетъ противно".

— Да исполнится воля государя моего, какъ будетъ ему угодно, отвѣчала Итонда, не выходя изъ своей покорности и супружескаго смиренія, лишь бы меня, его рабыни, не лишилъ онъ своей милости.

([1]) См. первый разсказъ О. Тьерри въ цитованномъ сочиненіи.

Надо было пройти многимъ вѣкамъ, чтобы женщина изъ рабыни въ древнемъ мірѣ сдѣлалась существомъ равнымъ мужчинѣ и пріобрѣла тотъ почетъ, которымъ она окружена была въ эпоху рыцарства. Въ древнемъ мірѣ, по закону, женщина была поставлена низко; на нее смотрѣли съ государственной точки зрѣнія. Въ христіанствѣ же, чистое Евангельское ученіе вполнѣ уравняло женщину въ правахъ съ мужчиной и запретило ему имѣть болѣе одной жены. Но на практикѣ было далеко не такъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ франкскихъ кунинговъ. Даже богословы первыхъ вѣковъ не могли утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ. На одномъ изъ Западныхъ соборовъ разсуждали: человѣкъ ли женщина? Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ богослововъ рѣшилъ споръ слѣдующимъ образомъ: Св. Писаніе называетъ Христа сыномъ человѣческимъ, но на землѣ онъ назывался сыномъ Дѣвы Маріи. Вопросъ такимъ образомъ былъ рѣшенъ въ пользу женщинъ, но франкскіе кунинги не считали нужнымъ подчиняться этому рѣшенію.

Вообще представленія о Богѣ первыхъ кунинговъ-христіанъ о христіанской религіи,—отличались чувственностію. Когда Хлотаръ лежалъ въ предсмертныхъ мученіяхъ, то изъ устъ его раздавались укоры и проклятія: „О! что нужно думать о томъ Царѣ небесномъ, воскликнулъ онъ, который убиваетъ столь могущественныхъ королей земли!“ Онъ умеръ въ 561 году.

Четыре его сына перенесли трупъ отца въ Суассонъ съ великими почестями, при чемъ пѣли псалмы и несли восковые факелы. Едва погребеніе было совершено, какъ третій изъ братьевъ Хильперикъ поспѣшилъ въ Брень и завладѣлъ сокровищами своего отца. Часть ихъ онъ раздарилъ предводителямъ дружинъ, которые провозгласили его кунингомъ. Съ ними онъ отправился на Парижъ, думая быть первымъ между братьями и занять императорскій дворецъ. Тамъ были такія термы, какихъ теперь послѣ варварскихъ погромовъ не было во всей Галліи. Будучи полу-дикаремъ, онъ имѣлъ слабость къ римской образованности. Онъ охотно строился и потѣшался зрѣлищами въ циркахъ и въ довершеніе всего имѣлъ притязаніе быть грамотѣемъ, богословомъ и даже поэтомъ. Его латинскіе вирши, рѣдко подчинявшіеся правиламъ метра и просодіи, находили восторженныхъ поклонниковъ меж-

Раздѣлъ Галліи на 4 части.

галльской почвѣ. Дѣйствительно, центръ историческаго дѣйствія переносится изъ Рима въ Галлію но это будетъ исторія германская, а никакъ не французская. Повелитель Галліи не зналъ другаго языка кромѣ германскаго. Даже Карлъ Великій не былъ знакомъ съ кельтскимъ языкомъ. Отъ ассимиляціи германцевъ-побѣдителей съ галлами-покоренными и произошла французская нація, но въ народномъ характерѣ французовъ продолжаютъ преобладать черты галловъ, указанныя Цезаремъ въ его извѣстномъ „De bello gallico". Тевтонское вліяніе исчезло почти безусловно. Между тѣмъ германцы послужили цементомъ сплотившимъ государство. Франкскій элементъ растаялъ въ галльскомъ, но это произошло впослѣдствіи; въ первое же время франки поработили населеніе и причинили ему много бѣдствій.

Современники яркими красками описываютъ ихъ свирѣпость. Самый наружный видъ франковъ отличался какой-то необыкновенною дикостью. Они приподнимали и прикрѣпляли на верхней части лба свои русые волосы, которые, образовавъ родъ узла, падали назадъ, въ видѣ длинной косы. Ихъ лицо было гладко выбрито, за исключеніемъ длинныхъ усовъ, висѣвшихъ съ обѣихъ сторонъ рта. Они носили льняную одежду, перетянутую широкимъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мечъ. Любимымъ ихъ оружіемъ была сѣкира объ одномъ или двухъ лезвіяхъ, которая, по ихъ имени, называлась „франциской". Они также пользовались арканами для привлеченія къ себѣ враговъ и дикихъ лошадей. Они страшно любили войну, какъ средство быть богатыми въ этомъ мірѣ и получить чувственныя наслажденія. Самые юные изъ нихъ и вмѣстѣ самые отчаянные испытывали въ себѣ во время битвы фанатическій восторгъ, который дѣлалъ ихъ нечувствительными къ боли и надѣлялъ сверхъестественною жизненною силою: они рѣзались, даже истекая кровью отъ ранъ.

Хлодвигъ 466—511 г. Между этими пришельцами изъ за Рейна выдавались франки, жившіе на берегахъ рѣки Салы. Эти салійцы считались болѣе благородными между франками, а изъ нихъ предпочиталась для королевскаго званія фамилія Меровин-

говоритъ, какъ это открытіе взволновало французское общество, тѣмъ болѣе что высокая художественность изложенія много подкупала въ пользу автора. Прекрасный русскій переводъ «Разсказовъ о временахъ Меровинговъ» сдѣланъ А. И. Герценомъ въ Отеч. Зап. 1841 г.; изд. потомъ отдѣльно. Другой переводъ 70-хъ годовъ не такъ удаченъ.

Гизо впослѣдствіи подробно и обстоятельно изложилъ и разобралъ основные взгляды Тьерри въ 1 т. «Essais sur l'histoire de France» (1837, 4 éd.).

говъ (т. е. дѣтей Меровея). Ихъ переходъ черезъ Рейнъ, утвержденіе въ сѣверной Галліи, а также и всѣ послѣдующія завоеванія тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о королѣ Клодовеѣ, или, правильнѣе, Хлодвигѣ, хотя эти побѣды были, конечно, дѣломъ цѣлаго ряда кунинговъ, имена которыхъ остались неизвѣстны.

Монахъ Рикеръ въ своей лѣтописи говоритъ, что франки пошли въ Галлію съ цѣлью истребить римлянъ за ихъ притѣсненія и что съ такою свирѣпостью они стали поступать съ перваго же города. Сѣверной Галліей въ то время правилъ Сіагрій, намѣстникъ византійскій, ибо тогда уже имени Западной Римской имперіи не существовало. Это былъ послѣдній защитникъ римской цивилизаціи и порядка. Онъ былъ разбитъ въ 486 году Хлодвигомъ при Суассонѣ и бѣжалъ въ Тулузу къ вестготскому королю. Хлодвигъ потребовалъ его выдачи и потомъ тайно убилъ его. Это было одно изъ тысячи преступленій, совершенныхъ этимъ дикимъ варваромъ, неисправимымъ даже послѣ принятія имъ христіанства. Хлодвигъ утвердился въ странѣ до самой Соммы.

Мы нарочно провели параллель между бургундами, вестготами и франками, чтобы яснѣе оттѣнить чисто тевтонскія, болѣе или менѣе племенныя черты характера послѣднихъ.

Развѣ только христіанство могло смягчить этотъ дикій народъ. Труднѣе всего было склонить къ христіанству самого кунинга Хлодвига. Это взяла на себя молодая его жена, принцесса бургундская, Кротекильда, прозванная потомъ Клотильдою. Она сперва убѣдила мужа дозволить окрестить своихъ обоихъ дѣтей, но нужно было рѣшительное побужденіе, одно изъ тѣхъ, которыя сильно вліяютъ на суевѣрныя, грубыя натуры, чтобы заставить креститься Хлодвига. Главный историкъ того времени, знаменитый Григорій Турскій, галлъ по рожденію, склонный придавать событіямъ мистическій характеръ и готовый видѣть во всемъ сверхъестественное вмѣшательство, приписываетъ обращеніе Хлодвига чудесной помощи Бога въ битвѣ съ аллеманами, происходившей по всему вѣроятію при Цюльпихѣ, въ которой франки въ 498 г. побѣдили дѣйствительно какимъ-то чудомъ. Онъ могъ слышать подробности отъ стариковъ монаховъ и можетъ быть даже пользовался какими нибудь монастырскими записками ([1]).

([1]) Только съ V книги своей исторіи—ихъ всѣхъ 10—онъ пишетъ, какъ очевидецъ. Лучшее изданіе его исторіи въ извѣстномъ сборникѣ Букэ, во 2 томѣ, (1 изд. 1739 г., 2 изд. 1870); французскій переводъ сдѣланъ подъ редакціей Гизо и изданъ въ Collection des mémoires relatifs à

ность произвела сильное впечатдѣніе на Хильперика, который позавидовалъ Сигберту. Ему надоѣло возиться съ наложницами и женами рабскаго происхожденія. Онъ какъ бы устыдился своей жизни и предложилъ руку другой сестрѣ Брунгильды, Гальсвинтѣ. Но это исканіе встрѣтило препятствія, какихъ не было для Сигберта. Вестготскій король потребовалъ отъ Хильперика, въ видѣ утренняго дара (Morgengabe) невѣстѣ, уступки Бордо, Беарна, Лиможа и Бигора съ ихъ округами. Хильперикъ согласился на уступку этихъ городовъ и женился. Фредегонда должна была покинуть своего мужа, но Хильперикъ, по неразсудительности, дозволилъ ей остаться при дворѣ. Жестоко она отомстила впослѣдствіи своимъ врагамъ. Ей удалось задушить молодую Гальсвинту. За нее стала мстить сестра убитой, Брунгильда. Она убѣдила своего мужа Сигберта начать войну. Но ей не посчастливилось, Сигбертъ палъ отъ руки Фредегонды. Это былъ самый даровитый изъ Меровинговъ. По приговору 72 мужей дружины, приглашенныхъ на совѣтъ, не смотря на побѣду, Хильперикъ долженъ былъ уступить наслѣднику Сигберта, Хильдеберту и внукамъ Брунгильды, — города, составлявшіе утренній даръ. Изъ за нихъ впослѣдствіи вновь началась война, длившаяся десятки лѣтъ.

Во время этой войны пострадалъ цѣлый рядъ жертвъ, принесенныхъ на алтарь родовой мести. Брунгильда губитъ своихъ враговъ. Фредегонда не уступаетъ ей въ свирѣпости. Хильперикъ погибъ на охотѣ близъ Парижа. Его дѣти отъ перваго брака погибли отъ руки ревнивой Фредегонды, очищавшей престолъ Галліи своему сыну, Хлотару II, тогда еще мальчику. Пользуясь малолѣтствомъ сыновей Хильдеберта, присоединившаго къ Австразіи и Бургундію (умершаго въ 526 г.). Фредегонда, при содѣйствіи своего фаворита, пылая местью къ ненавистной Брунгильдѣ, начала войну и овладѣла Парижемъ, разбивъ войско австразійцевъ и бургундовъ. Она умерла своею смертью въ зенитѣ могущества, но мучилась тѣмъ что соперница ее пережила. Свою месть она завѣщала любимому сыну.

Между тѣмъ внуки Брунгильды одержали верхъ надъ кунингомъ Нейстріи, оставшимся безъ руководительницы. Они предоставили ему ничтожную долю его родовыхъ владѣній. Когда они перессорились между собою, надежды Хлотара II вновь оживилась.

Внуки Брунгильды даже въ то невзыскательное время славились развратомъ и жестокостью. Тщетно увѣщевалъ ихъ ирландскій проповѣдникъ св. Колумбанъ, основавшій монастырь въ вогезскихъ горахъ, въ видахъ просвѣщенія полудикихъ франковъ и ихъ развратныхъ вождей. Брунгильда ревновала своихъ внучатъ. Ея любовь къ нимъ была своеобразна. Снабжая ихъ наложницами, она не позволяла имъ жениться. Теодорикъ одолѣлъ Теодеберта и плѣнилъ его измѣной. Бабка согласилась постричь въ монахи несчастнаго внука, которому измѣнила судьба. Послѣ онъ былъ убитъ братомъ, а его сыну Меровею размозжили голову о скалу. Тогда Теодорикъ II, властвуя надъ Австразіею и Бургундіею, разсчитывалъ присоединить Нейстрію, изгнавъ Хлотара. Смерть предупредила его намѣреніе. Она застала престарѣлую Брунгильду совершенно неподготовленною. Ея партія, состоявшая главнымъ образомъ изъ римлянъ и галловъ, была слабѣе германской, которой руководили храбрые вельможи Пепинъ Ланденскій и Арнульфъ, ставшій наслѣдникомъ Меца. Малолѣтніе правнуки нелюбимаго кунинга не пользовались какимъ либо значеніемъ въ глазахъ недовольныхъ вельможъ. Раздраженные назойливымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ Брунгильды въ дѣла управленія, не желая болѣе подчиняться женщинѣ, которая лучшія мѣста давала побѣжденнымъ, австразійскіе вельможи пригласили быть у себя кунингомъ того самаго Хлотора II, сына Фредегонды. который въ послѣднее время думалъ о бѣгствѣ за Рейнъ.

Хлотаръ съ нескрываемымъ удовольствіемъ принялъ неожиданное предложеніе. Онъ приносилъ съ собою родовую месть Брунгильдѣ, которой измѣнили войска и тѣ вожди, на которыхъ она еще продолжала разсчитывать. Хлотаръ водворился въ Австразіи безъ борьбы. Онъ прежде всего распорядился съ дѣтьми Теодорика II; двое изъ нихъ были убиты, одинъ бѣжалъ а четвертый, крестникъ новаго кунинга, былъ заточенъ въ тюрьму. Затѣмъ настала очередь Брунгильды, позорно преданной своимъ народомъ. Несчастную мучили три дня страшными истязаніями; потомъ окровавленную, уже умирающую, привязали къ дикой лошади и истерзали.

Вообще вся исторія Меровингскаго дома представляетъ цѣлую, не вымышленную а дѣйствительную трагедію, богатую искусной завязкой, развитіемъ характеровъ героевъ и героинь, надъ которыми тяготѣетъ злой рокъ, этотъ fatum античной дра-

мы. Страстямъ былъ полный просторъ. Никогда не проявлялась такъ ясно печать судьбы, осуждающей за безнравственность и свирѣпость, какъ надъ домомъ Меровинговъ. Эти люди не знали мѣры своимъ страстямъ. Напрасно духовенство возвышало свой голосъ противъ нихъ. Самыя лучшія и благороднѣйшія усилія не удавались.

Въ междоусобіяхъ погибъ почти весь домъ Меровинговъ. Разъединенная и облитая кровью Галлія составила вновь одно государство въ 613 году подъ рукою Хлотара II.

5) Лангобардское владычество въ Италіи.

Когда славяне, начавшіе съ VI столѣтія заявлять о своемъ существованіи, стали нападать на Византію, опустошая чуть не ежегодно значительное пространство за Балканами и проникая иногда до южной оконечности Пелопоннеса, тогда императорская власть не могла болѣе заботиться объ Италіи.

Равенскій экзархатъ. Тамъ, въ Италіи, имперія имѣла не вполнѣ достойнаго представителя верховной византійской власти. Экзархъ Нарзесъ, жившій въ Равеннѣ, не имѣлъ достаточныхъ средствъ держаться въ Италіи даже въ мирное время. Онъ могъ сладить съ аллеманскими авантюристами, которые вздумали-было покорить Италію, но не былъ въ состояніи защитить страну отъ сколько нибудь организованнаго движенія варваровъ. Онъ обратилъ всё свое вниманіе на вымогательства, на выжиманіе послѣднихъ соковъ изъ народа, безъ того уже раззореннаго. Грозный на войнѣ, онъ сдѣлался грозою и въ мирное время. Онъ строго преслѣдовалъ всякое отступленіе отъ его предписаній, не останавливаясь даже предъ обаяніемъ епископской власти, за которую онъ долженъ бы былъ держаться, въ силу того авторитета, который она успѣла уже пріобрѣсти на Западѣ своею дѣятельностью. Нарзесъ произвольно стѣснялъ итальянскихъ епископовъ и тѣмъ вступилъ съ ними въ излишнія и неумѣстныя пререканія.

Понятно, итальянцы, и въ особенности римляне, ненавидѣли Нарзеса и стали жаловаться на него императору. —„Ужь лучше бы намъ повиноваться готамъ, чѣмъ грекамъ, мы выиграли только то, что нами управляетъ евнухъ Нарзесъ и обращается съ нами какъ съ рабами“. Такъ въ глаза Юстину II говорили римскіе послы и обѣщали предать Ита-

лію въ руки варваровъ, если императоръ не избавитъ ихъ отъ деспота. Императоръ Юстинъ II долженъ былъ смѣнить Нарзеса и послать другаго экзарха. Онъ назначилъ Лонгина, которымъ итальянцы также не могли быть довольны. Всё зависѣло отъ общей системы правленія, а не отъ личности экзарха; много значили также и денежныя средства, коими располагала императорская казна.

Одно позднѣйшее преданіе разсказываетъ, что императоръ не удовольствовался только смѣщеніемъ Нарзеса, но что онъ при этомъ глубоко оскорбилъ знаменитаго полководца. Императрица будто прислала Нарзесу прялку, намекая не совсѣмъ деликатно на тѣ качества воина, которыя не отвѣчали посту имъ занимаемому. Въ отвѣтъ на это, Нарзесъ обѣщалъ будто бы спрясть такую нитку, которую императрица не распрядетъ во всю свою жизнь. Послѣ этого Нарзесъ, удалившись въ Неаполь, вступилъ въ спошенія съ лангобардами, послалъ имъ соблазнительные дары и предложилъ имъ вторгнуться въ Италію. Современные греческіе историки умалчиваютъ объ этомъ фактѣ. Надо замѣтить, что это преданіе передается Павломъ Варнфритомъ жившимъ въ VIII в., Анастасіемъ, Исидоромъ испанскимъ и многими позднѣйшими хроникерами. Потому есть основаніе считать это преданіе за вымыселъ лѣтописцевъ, вымыселъ, не имѣющій исторической подкладки и достовѣрности. ([1])

Во всякомъ случаѣ лангобарды не нуждались въ особомъ приглашеніи для вторженія въ предѣлы Аппенинскаго полуострова. Они давно уже были въ сосѣдствѣ съ Италіей.

([1]) Главнымъ источникомъ для этой эпохи служитъ сочиненіе Павла Варнфрита «о дѣяніяхъ Лангобардовъ». Павелъ Діаконъ, сынъ Варнфрита, былъ монахъ Монтекассинскаго монастыря. Онъ жилъ въ VIII вѣкѣ и, не будучи современникомъ описанныхъ имъ событій, долженъ былъ пользоваться предшествовавшими ему лѣтописями (Григорія Турскаго. Іорнанда, Бэды и др.), различными народными преданіями и сказками, вѣрить которымъ особенно онъ склоненъ. Впрочемъ онъ нѣсколько разъ, подобно Геродоту, напоминаетъ читателю, что его обязанность сообщать все то, что осталось отъ описываемой имъ эпохи. Для національныхъ преданій онъ имѣлъ передъ глазами какого-то Секунда Тридентскаго. Поэтому-то вся его первая книга наполнена сказками, которыми однако должно дорожить, какъ памятниками національнаго эпоса. Свою лѣтопись Павелъ заканчиваетъ 744 г.—Прекрасное пособіе имѣемъ въ обширномъ трудѣ Н. Н. Кудрявцева. Судьбы Италіи отъ паденія Зап. Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Обозрѣніе остгото-лангобардскаго періода италіянской исторіи (М. 1850).—Flegler. Das Königreich der Langobarden in Italien. L. 1851.—Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи М. 1876.

Лангобарды. Уничтоженіе остготовъ произвело сильное впечатлѣніе на всѣ германскія народности. Теодорикъ сталъ популярнымъ героемъ не для однихъ только готовъ; онъ былъ дорогъ и для другихъ германскихъ народовъ; его славили и къ нему слали посольства и гепиды, и лангобарды, и аллеманы. Могли ли эти народы снести національное оскорбленіе, когда была уничтожена обширная монархія могучаго Теодорика? Особенно это оскорбленіе тяжело отозвалось въ сердцахъ лангобардовъ, народа родственнаго готамъ. Слѣдовательно на лангобардахъ, а не на какомъ либо другомъ народѣ, лежала обязанность мстить за готовъ. Притомъ же другіе германскіе народы, близкіе къ Италіи, уже прочно осѣлись, а лангобарды еще не успѣли пріискать себѣ удобнаго мѣста.

Они всегда славились своею храбростію, хотя и не отличались многочисленностью. Птоломей зналъ ихъ еще на нижней Эльбѣ. Павелъ Діаконъ говоритъ, что ихъ первоначальное имя было венилы (?), что они уже сами переименовали себя въ лангобардовъ т. е. длиннобородыхъ. По его же свидѣтельству, лангобарды вышли изъ Скандинавіи, откуда вышли и готы ([1]). Въ VI вѣкѣ мы встрѣчаемъ лангобардовъ въ предѣлахъ нынѣшней Австріи. Отъ Италіи ихъ отдѣляли только герулы и гепиды. Лангобарды платятъ дань геруламъ, вѣроятно за обладаніе паннонской землею. Когда герулы, не довольствуясь платимой лангобардами данью, пошли на нихъ войной, то потерпѣли пораженіе. Остатки ихъ укрылись у гепидовъ.

Альбоинъ. Тогда лангобардами предводительствовалъ кунингъ Альбоинъ. Онъ былъ созданъ для войны и своимъ предпріимчивымъ духомъ онъ составилъ себѣ громкое имя. Завязалась ожесточенная борьба между гепидами и лангобардами, но и гепиды потерпѣли полный погромъ. Ихъ престарѣлый кунингъ палъ въ битвѣ; Альбоинъ отрубилъ ему голову и велѣлъ изъ черепа сдѣлать себѣ кубокъ. По преданію, причиною этой

([1]) Упомянувъ о происхожденіи лангобардовъ, Павелъ Діаконъ сообщаетъ далѣе рядъ легендъ, весьма занимательныхъ и интересныхъ, но неимѣющихъ серьезнаго и историческаго характера. Тутъ, въ I книгѣ встрѣчаются народныя сказки о 7 спящихъ римскихъ богатыряхъ на береговой скалѣ океана, богатыряхъ, отъ которыхъ язычники должны получить свое спасеніе; тутъ же къ чему-то упоминается о женщинѣ, родившей 7 сыновей, одинъ изъ которыхъ сражается съ амазонками; далѣе идетъ трактатъ объ амазонкахъ. Настоящая исторія лангобардовъ сообщается съ послѣднихъ главъ I-й книги, или почти со второй книги.

борьбы послужила роковая страсть Альбоина къ дочери кунинга гепидовъ, красавицѣ Розамундѣ, руку которой Альбоинъ могъ получить только съ боя. Послѣ побѣды Альбоинъ женился на Розамундѣ.

Теперь между лангобардами и Италіею не лежало уже никакой преграды. Италія тянула къ себѣ всѣхъ варваровъ, благодаря тому, что не могла отстоять свою независимость. Они только тогда и успокоивались, когда твердо ощущали подъ собой итальянскую почву. Чрезъ годъ послѣ покоренія гепидовъ, Альбоинъ объявилъ своему народу походъ въ Италію. Присоединивъ къ своимъ полчищамъ до 20 тысячъ саксовъ, булгаръ, сарматовъ и другихъ народовъ, лангобарды двинулись въ 568 г., по обыкновенію варварскихъ племенъ, цѣлыми семействами и со всѣмъ имуществомъ, а на ихъ мѣстахъ поселились авары.

Италія была въ это время въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ 664 году, слѣдовательно, не задолго до нашествія лангобардовъ, по всему Апеннинскому полуострову прошла моровая язва. Она истребила такъ много народа, что во многихъ мѣстахъ, прежде населенныхъ, некому было собирать хлѣбъ и виноградъ. Италія была безсильна защищать себя. Это лежало на обязанности византійскаго правительства. Но это правительство предало Италію. Альбоинъ скоро завладѣлъ сѣверной Италіей. Венеціанская и лигурійская области съ ихъ городами были покорены безъ всякаго почти сопротивленія. Только Павія своей геройской защитой на нѣкоторое время остановила успѣхи завоевателей. Отдѣливъ отряды для окончательнаго занятія Тосканы, Лигуріи и Южной Италіи, Альбоинъ остановился предъ Павіей и только чрезъ три года вынудилъ жителей ея къ сдачѣ.

Теперь лангобарды разсѣялись по всей средней и южной Италіи. Только Равенна и Римъ остались не занятыми. Въ Римѣ была предоставлена широкая арена для дѣятельности его епископа. Лангобардскія владѣнія такъ оцѣпили Римъ, что онъ съ трудомъ могъ сноситься съ Равенной. По неволѣ Риму и епископу Римскому пришлось обратиться къ Западу, потому что сношенія съ Востокомъ были прекращены. Это топографическое обстоятельство весьма важно. Взоры Рима тогда какъ бы невольно обратились на Галлію и Испанію, а Юстинъ II по прежнему нисколько не заботился объ Италіи. Онъ будто забылъ её.

Наконецъ, насталъ кризисъ для лангобардскаго владычества. Альбоинъ погибъ насильственною смертію отъ своей мстительной супруги. Павелъ Діаконъ разсказываетъ, что Альбоинъ на одномъ веселомъ пиру, въ своемъ загородномъ дворцѣ близъ Вероны, заставилъ Розамунду выпить вина изъ черепа ея отца, обращеннаго въ кубокъ. Оскорбленная женщина, исполнивъ волю мужа, поклялась мстить. Она тайно стала женою Гельмигиса, для котораго пожертвовала ранѣе своею честью. Сильный оруженосецъ принялъ участіе въ заговорѣ и умертвилъ Альбоина въ его спальнѣ. Розамунда хотѣла сдѣлаться по смерти своего мужа королевой лангобардовъ, но это ей не удалось. Дружина Альбоина возстала противъ нея и она должна была бѣжать подъ защиту экзарха Лонгина. Лонгинъ плѣнился ею и предлагалъ ей свою руку. Розамунда хотѣла порѣшить и со вторымъ мужемъ. Но Гельмигисъ, выпивъ половину снадобья, приготовленнаго Розамундой, догадался и заставилъ её выпить остальное; оба нечестивые, замѣчаетъ Павелъ Діаконъ, погибли одною смертію. Дочь Розамунды съ сокровищами матери была отправлена въ Византію къ императору Тиберію II.

Борьба за Италію и начало лангобардской власти.

Со смертію знаменитаго кунинга лангобарды не растерялись. Они избрали себѣ новаго вождя Клефа. Этотъ Клефъ въ теченіи года успѣлъ заявить себя только одними жестокостями. По смерти его, цѣлые 10 лѣтъ лангобарды не чувствовали необходимости единовластія. Разсѣявшись по Италіи, они раздѣлили ее между 30 знатными воинами. Понятно, что отъ этого могло быть только тяжелѣе итальянцамъ. „Многіе благородные Римляне, говоритъ Павелъ Діаконъ, стали жертвою ненасытной жадности герцоговъ (такъ назывались лангобардскіе владѣтели земель), а остальные были раздѣлены между ихъ врагами и обязывались вносить третью часть всѣхъ сборовъ и такимъ образомъ сдѣлались ихъ данниками (¹)“. Лангобарды не щадили монастырей, разрушали ихъ и предавали огню. Такъ они разрушили знаменитый Монтекассинскій монастырь, который красуется на горѣ, почти на половинѣ пути между Римомъ и Неаполемъ. Въ этомъ монастырѣ было хранилище рукописей; большая ихъ часть погибла.

(¹) Paulus Diaconus. De gestis Lang. II, 32.

Въ Византіи ничего другаго не могли придумать для защиты Италіи, какъ только пригласить франковъ. Послы императора Маврикія вручили Хильдеберту, королю франковъ, 50 тысячъ золотыхъ. Онъ обѣщалъ оказать помощь. Лангобарды испугались и постарались съ своей стороны откупиться такою же суммою. Просьба итальянцевъ осталось неисполненной. Хильдебертъ не двинулся съ мѣста. Результатомъ этого было то, что лангобарды сознали необходимость въ единствѣ и выбрали королемъ Автариса, который сосредоточилъ разрозненныя силы лангобардовъ и началъ громить Италію. Экзархъ Равеннскій просилъ короля о перемиріи, которое и было заключено на три года.

Въ 587 году снова началась война съ лангобардами. Въ Византіи думали, что надо только смѣнить намѣстника и дѣло поправится. Дѣйствительно, экзархъ Смарагдъ былъ скоро смѣненъ и мѣсто его заступилъ Романъ, человѣкъ энергичный и предпріимчивый. Но и онъ не могъ ничего сдѣлать. Лангобардское владычество быстро распространялось. Наконецъ и Риму начала грозить опасность. Здѣсь положеніе дѣлъ было критическое; оказался недостатокъ хлѣба и явились заразительныя болѣзни. Лангобарды готовились взять Римъ.

Весь интересъ исторіи заключался теперь въ томъ, съумѣетъ-ли Римъ отстоять свою самостоятельность? Въ этотъ рѣшительный моментъ умеръ папа Пелагій II. Единодушный выборъ палъ на Григорія, человѣка изъ знатнаго рода и долго служившаго въ Римѣ префектомъ. Онъ не искалъ власти, но разъ имѣя ее въ рукахъ, твердо ухватился за нее. Только благодаря дѣятельности этого папы, Италія спаслась отъ окончательнаго порабощенія. Хотя ему не удалось свергнуть власть лангобардовъ, но онъ привилъ къ нимъ цивилизацію вмѣстѣ съ католицизмомъ и тѣмъ спасъ Италію. Въ этомъ великая заслуга папы Григорія I.

Папа Григорій I (590—604 г.).

Съ первыхъ дней своего служенія, новый первосвященникъ посвятилъ себя благу Италіи. Если кто изъ папъ заслуживаетъ названія Великаго, то это именно Григорій I (1).

---

(1) Изъ многихъ біографій заслуживаютъ вниманіе: Bianchi-Giovini. Pontificato di S. Gregorio il Grande (M. 1844); G. Pfahler Gregor der Grosse und seine Zeit (Fr. 2 B. 1853); Baxmann. Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VIII (Erl 2 B. 1868).

Діалоги его риторичны, но въ нихъ попадаются существен- важныя мысли.—„Свирѣпый народъ лангобардовъ, говоритъ онъ, устремившись изъ своихъ первоначальныхъ убѣжищъ, палъ грозой на нашу голову, и многочисленный родъ людской, который на подобіе густой нивы покрывалъ эту землю, высыхаетъ, подсѣкаемый мечами. Лежатъ опустошенные города, ниспровергнуты укрѣпленія, сожжены и разрушены церкви, монастыри стоятъ опустѣлыми, поля оставлены земледѣльцами, земля покинута своими обитателями, дикіе звѣри заняли тѣ мѣста, гдѣ прежде люди тѣснились во множествѣ. Что дѣлается въ другихъ странахъ міра, мы не вѣдаемъ, но, судя по тому, что происходитъ вокругъ насъ, мы заключаемъ, что міръ не только предвѣщаетъ, но уже на дѣлѣ доказываетъ намъ свою кончину". Краснорѣчивыя толкованія папы на пророчества Іезекіиля настроены въ томъ же минорномъ тонѣ: „Напрасно бы я старался, говоритъ онъ, обратить умъ мой на божественныя изрѣченія, ибо на печаль настроена пѣвница моя и оргàнъ мой вторитъ голосу плачущихъ".

Говорятъ что за этимъ комментаріемъ застало Григорія извѣстіе о нашествіи лангобардовъ. Григорій проявилъ чрезвычайную дѣятельность, тогда какъ экзархъ препирался съ нимъ о власти. Намѣстникъ надѣялся, что смерть Автариса охладитъ порывы и энергію лангобардовъ.

Теоделинда (590—625 г.)

Между тѣмъ жена Автариса, Теоделинда продолжала дѣло мужа ([1]). Она не могла быть королевой, ибо примѣръ Розамунды былъ у всѣхъ на памяти. Но ради блага государства, она выбрала своимъ мужемъ храбраго герцога Туринскаго, Агилульфа. Она сама выѣхала къ нему на встрѣчу и, послѣ обычныхъ привѣтственныхъ словъ, поднесла ему кубокъ съ виномъ. Агилульфъ выпилъ и поцѣловалъ у Теоделинды руку. Тогда Теоделинда замѣтила ему, что онъ можетъ взять ту же дань съ губъ. Королемъ такимъ образомъ становился Агилульфъ, но за Теоделиндой осталось большое вліяніе. Надо замѣтить, что она была католичка, тогда какъ лангобарды были, какъ извѣстно, аріане. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Григорій и вступилъ съ Теоделиндой въ письменныя сношенія. Разсчетъ былъ вѣренъ. Теоделинда прямо заявила себя приверженной къ исповѣданію римскаго епископа. Тогда Григорій

(1) Rion. Theodelinde, Prinzessin von Bayern. Augsb. 1834.

послалъ ей свою книгу діалоговъ съ довѣреннымъ лицомъ, которое должно было всячески стараться склонить Теоделинду и ея супруга къ миру „съ христіанской республикой", какъ выразился папа въ своемъ письмѣ по этому случаю, разумѣя такимъ образомъ всю Римскую имперію нераздѣльно. Григорій не отдѣляетъ себя отъ этой имперіи, а, какъ епископъ Римской Церкви, считаетъ первою своею обязанностью служить и помогать своему народу.

Такимъ образомъ сперва его замыслы не были политическими. Онъ не мечталъ о свѣтской власти папъ. Но, когда впослѣдствіи его усилія были отвергнуты, даже осмѣяны, естественно, что онъ сталъ стараться во что бы то ни стало найти другой, болѣе вѣрный способъ упрочить свою власть. Онъ и находитъ его въ строѣ, который примѣняетъ къ куріи.

Между тѣмъ какъ Григорій приводилъ такимъ образомъ въ исполненіе свои планы, желая примирить лангобардовъ съ Церковью и Италіей, экзархъ дѣлалъ совсѣмъ другое. Онъ донесъ императору Маврикію о перепискѣ папы. Императоръ сдѣлалъ выговоръ Григорію за то, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло и назвалъ его даже простячкомъ (fatuus), между тѣмъ какъ обязанъ былъ благодарить его за службу имперіи. Григорій въ свою очередь послалъ колкій отвѣтъ императору.—„Я говорю, писалъ онъ въ этомъ письмѣ, не за себя только, я говорю за цѣлую страну. Что навлекло на меня только упрекъ въ лживости, отъ того самаго происходятъ несчастія цѣлой Италіи, которая каждый день должна терпѣть плѣнъ лангобардскій: вотъ что печалитъ меня особенно. Пока словамъ моимъ не хотятъ дать вѣры, силы враговъ нашихъ растутъ неимовѣрно. Но я одно скажу моему высокому повелителю: пусть онъ будетъ обо мнѣ самаго дурнаго мнѣнія, только бы въ дѣлѣ, касающемся спасенія Италіи, не на всякія рѣчи склонялъ онъ свой высокій слухъ и вѣрилъ бы больше дѣламъ, чѣмъ словамъ". Въ заключеніи своего посланія, Григорій пишетъ: — „Скажу коротко: хотя есмь недостойный грѣшникъ, я впрочемъ болѣе полагаюсь на милосердіе грядущаго Іисуса, чѣмъ на твое правосудіе". Это былъ явный разрывъ съ имперіей.

Въ Римѣ близко принимали къ сердцу положеніе Италіи. Тамъ всячески старались на сколько возможно исцѣлить не только наружныя, но и внутреннія язвы. Тамъ никогда не оставались равнодушными къ тѣмъ притѣсненіямъ, которыя

терпѣлъ народъ со стороны правительства. Тамъ старались войти во всѣ нужды народа, помочь имъ, дѣйствуя авторитетомъ и увѣщаніями, чтобы устранить злоупотребленія. Результатомъ было то, что власть надъ римлянами и даже надъ уцѣлѣвшими императорскими округами перешла отъ экзарха къ папѣ. У послѣдняго было могущественное вліяніе: какъ итальянскій патріотъ, онъ совѣтуетъ епископамъ стать политическими дѣятелями въ виду опасности отечества и заботиться объ его сохраненіи. „Надо стараться, говоритъ онъ, не объ одномъ спасеніи душъ, но и о внѣшнемъ благосостояніи паствы". Изъ этого видно, что въ свѣтскія дѣла Григорій вмѣшивается не въ эгоистическихъ видахъ, а только въ виду безъисходнаго положенія Италіи.

По этому-то онъ сносится письменно не только съ кунингами франкскими, вестготскими, англосакскими, не только съ Брунгильдой и Теоделиндой, но также съ епископами и сенаторами Галліи. Въ этихъ спошеніяхъ лежитъ грандіозная мысль объ единствѣ и централизаціи древняго міра.

Эта мысль принесла важные результаты. Галльскіе епископы, вслѣдствіи этихъ сношеній, свыклись съ авторитетомъ римскаго епископа. Про Италію, конечно, нечего и говорить. Сами лангобарды, наконецъ, были обращены къ католической вѣрѣ. Эту задачу исполнили тѣ же миссіонеры Григорія, которые только передъ этимъ утвердили христіанство въ Британіи.

Византійскіе императоры:

Маврикій (582—602 г.).

При тогдашнемъ положеніи Византіи было бы чудомъ, если бы она могла удержать за собой Италію. Византіи безъ того было слишкомъ много дѣла, чтобъ смотрѣть на Италію сколько нибудь серьезно. На южныхъ границахъ безпокоятъ имперію персы; съ сѣвера, въ концѣ VI вѣка, именно съ 590 года, авары и славяне. Эти послѣдніе, точно на своихъ плечахъ, переносятъ чрезъ Дунай всю Скиѳію. Массы народа идутъ съ сѣвера. Имперія не проиграла ни одной большой битвы, а между тѣмъ сжалась около Византіи. Уже враги подошли къ Балканамъ, приблизились къ Адріанополю. Маврикій хочетъ лично выступить противъ враговъ, но его семейство и патріархъ мѣшаютъ ему въ этомъ. Однако онъ идетъ въ храмъ св. Софіи и ждетъ тамъ чуда или видѣнія, которое обнадежило бы его въ успѣхѣ похода; но ни чуда, ни видѣнія нѣтъ. Наконецъ Маврикій выступаетъ противъ славянъ. Войско при

видѣ императора ободряется, но духъ самого полководца вдругъ падаетъ. Стали показываться недобрыя предзнаменованія, записанныя греческимъ историкомъ Ѳеофиломъ. Въ одномъ мѣстѣ перебѣжала императору дорогу свинья; въ другомъ перебѣжало какое-то чудовище; затѣмъ подвернулось стадо оленей. Заручившись такими благовидными предлогами, Маврикій повернулъ назадъ въ Константинополь, предрекая, что благополучнаго исхода дѣла быть не можетъ. Одушевленіе въ войскѣ конечно остыло. Императоръ подумываетъ перебраться на азіатскій берегъ ([1]).

Маврикій погибъ отъ военнаго мятежа и его мѣсто захватилъ сотникъ Фока, человѣкъ развращенный и жестокій. Онъ рѣзалъ и душилъ сотнями, за что и получилъ заслуженное возмездіе впослѣдствіи. Но, не смотря на то, что самый актъ восшествія на престолъ Фоки былъ возмутителенъ, Григорій счелъ нужнымъ послать новому властителю любезное письмо, зная, что расположеніе императора можетъ имѣть важное значеніе для блага Италіи. Такимъ образомъ Григорій и тутъ не имѣетъ намѣренія отрѣшиться отъ Восточной имперіи. Мало того; въ Римѣ была поставлена даже статуя въ честь Фоки. Между тѣмъ этотъ послѣдній преслѣдовалъ въ Константинополѣ партію празиновъ за то, что былъ осмѣянъ ею въ циркѣ. Онъ запретилъ членамъ ея занимать какія бы то ни было государственныя должности. Это вызвало негодованіе и заговоръ. Народъ, терпѣвшій до сихъ поръ свирѣпства императора, разорвалъ теперь его на части и сжегъ трупъ. **Фока (602—610 г.).**

Вступившій на его мѣсто Гераклій оказался достойнымъ императоромъ. Только его личной энергіи обязана была имперія спасеніемъ отъ угрожавшаго ей персидскаго завоеванія. Когда славяне и другіе варвары разносили убійства и опустошенія на сѣверѣ имперіи, когда Іерусалимъ и Антіохія были въ рукахъ персовъ, когда Египетъ былъ потерянъ, когда персамъ сдался Халкедонъ и они стали въ виду Константинополя, столица имперіи оставалась какъ бы островомъ среди наводненія. Вся Восточная имперія заключалась почти только въ Константинопольскомъ округѣ и въ небольшомъ числѣ приморскихъ городовъ отъ Тира до Трапезунда. Спасенія нельзя **Гераклій (610—641 г.).**

([1]) Подробности у **Гиббона**, классическій трудъ котораго «Исторія упадка Римской Имперіи» въ 1883—87 г. переведенъ довольно точно на русскій языкъ въ 7 томахъ (М. изд. г. Солдатенкова).

было ждать ни откуда. Гераклій 12 лѣтъ смотритъ на паденіе имперіи. Наконецъ онъ рѣшается на отчаянную борьбу съ Хозроемъ, какъ бы почувствовавъ внезапный приливъ силъ, при видѣ неотвратимой гибели. Доселѣ легкомысленный, Гераклій поклялся въ храмѣ св. Софіи жить и умереть вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Церкви пожертвовали часть своихъ имуществъ; на эти средства наняты были варвары и между ними 40 тысячъ хозаръ. Это было нѣчто подобное римскимъ легіонамъ. Въ нѣсколько походовъ Гераклій сокрушилъ силу персовъ. Въ великой Ниневійской битвѣ Хозрой погибъ и Гераклій выговорилъ себѣ блистательный миръ. Всѣ завоеванія персовъ были возвращены. Въ это время на югѣ является новый врагъ, арабы - мусульмане. Но Гераклій уже не думаетъ объ нихъ: онъ, нуждаясь въ отдыхѣ, опочилъ въ тріумфѣ, благодаря чему арабы и имѣли возможность наносить удары имперіи.

Геракліонъ (641 г.) Шесть мѣсяцевъ послѣ Гераклія правитъ его сынъ Геракліонъ, но ему вырвали ноздри, а его любимому министру отрѣзали языкъ и на престолъ посадили внука его, Констанція. Такъ распорядился сенатъ. Войска недовольны вмѣшательствомъ сената. Онѣ требуютъ, чтобы и братья Констанція участвовали въ управленіи. Императоръ соглашается, а между тѣмъ приказываетъ обрѣзать носы своимъ братьямъ-соправителямъ, хотя это не мѣшаетъ тому, что имена этихъ новыхъ сотрудниковъ продолжаютъ красоваться въ государственныхъ актахъ.

Его преемнику Юстиніану II, за невѣроятную жестокость и ложно приписанное намѣреніе избить жителей столицы, отрѣзываютъ носъ и языкъ. Леонтій, заступившій его мѣсто, потерпѣлъ ту же участь.

Византійскимъ императорамъ, очевидно, было не до Италіи.

При такихъ условіяхъ естественно, что Италія предоставлена была сама себѣ, или лучше сказать папѣ Григорію и честолюбію лангобардовъ. Можно ли было византійскимъ императорамъ заботиться объ Италіи? Если бы они даже и оказали такую заботливость, то сдѣлали бы преступленіе противъ имперіи, которую окружали со всѣхъ сторонъ варвары. Надо было заботиться о своихъ непосредственныхъ границахъ, которыя раздирались врагами.

А между тѣмъ тотъ человѣкъ, въ рукахъ котораго были судьбы Италіи,—папа Григорій положилъ, какъ мы видѣли, основаніе обращенію лангобардовъ къ католичеству и такимъ

образомъ сблизилъ ихъ съ римской цивилизаціей, не давъ имъ возможности сокрушить Римъ. Дальнѣйшая исторія лангобардовъ—это постепенное сближеніе ихъ съ римлянами и папою. Это сближеніе имѣло важное вліяніе на судьбы Италіи.

Ростъ муниципальной идеи въ лангобардскій періодъ.

Оно особенно проявилось въ VII вѣкѣ въ городахъ, въ строѣ муниципальномъ ([1]). Лангобарды застали полное разложеніе городской жизни на полуостровѣ. Все, что хотѣло жить и цѣнило себя, бѣжало изъ городовъ. Состояніе, когда-то почетное, внушало теперь къ себѣ ужасъ и отвращеніе. Въ куріи осталось лишь небольшое число членовъ и почти безъ всякаго имущества. По признанію самого законодательства, дошло дѣло до того, что даже важная должность дефензора служила теперь болѣе къ стыду, нежели къ чести. На куріи лежала такимъ образомъ печать разложенія. Жизнь будущаго должна была зародиться въ другомъ лагерѣ, а не въ спискѣ старыхъ куріаловъ. Дѣятелями новыхъ городовъ должны были быть не одни римляне, но и варвары.

Должно замѣтить, что въ курію не вошли выслуживпіяся почетныя лица, проживавшія въ городахъ и называвшіяся honorati, а также и новые землевладѣльцы, такъ называемые possessores. Только изъ этихъ новыхъ элементовъ курія должна была пополняться. Но лангобардское завоеваніе было слишкомъ рѣшительно, чтобы могло произойти правильное, постепенное измѣненіе политическихъ формъ. Обезпечивъ за собою обладаніе завоеванной страной, лонгобарды предприняли новый раздѣлъ итальянскихъ земель, при чемъ прежніе собственники лишались не только имущества, но даже жизни. Такъ погибли лучшіе граждане стараго римскаго происхожденія. Тѣхъ, которые остались, ждала самая незавидная участь. Лишь меньшая часть ихъ сохранила свободу, но большинство земледѣльческаго сословія перешло въ полусвободное состояніе. Только крупные римскіе земледѣльцы уцѣлѣли. Позднѣйшее лангобардское законодательство совершенно игнорируетъ римлянъ, какъ народъ, признавая римлянами только тѣхъ, которые примирились съ новыми порядками.

([1]) По этому вопросу соч.: Leo (Entwickelung der Verfassung der lomb Städte), Bettmann-Hollweg (Ursprung der lomb. Städtefreiheit), Karl Hegel (G. der Städteverfassungen von Italien. L. 2 B. 1847), Кудрявцевъ (Судьбы Италіи М. 1855 г.), Виноградовъ (Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. П. 1880).

На развитіе городской и государственной жизни Италіи вліяло положеніе, которое заняли въ этой странѣ лангобарды. Они не думали щадить Италію. Предъ вступленіемъ въ нее, они сражались съ гепидами и герулами. Имъ не у кого было учиться мягкости нравовъ. Еще видны нѣкоторыя соображенія въ отношеніяхъ Альбоина къ побѣжденнымъ, но со смертію его исчезаетъ всякій духъ умѣренности. Тягость состояла впрочемъ не въ $^1/_3$ сбора, которую обязаны были уплачивать римляне лангобардамъ. Такъ дѣлали всѣ варвары. Но дѣло въ томъ, что эта система утвердилась послѣ ряда убійствъ и что эти отношенія не были прочны. Когда герцоги лангобардскіе рѣшились выбрать короля, то они подарили ему $^1/_2$ собственныхъ владѣній. Естественно, что это должно было отозваться на римскихъ помѣщикахъ и крестьянахъ. Вмѣсто взноса прежде опредѣленной дани римскіе владѣльцы принуждены были уступить $^1/_2$ своихъ земель; крестьяне тоже должны были увеличить количество арендной платы: именно, вмѣсто $^1/_3$, они должны были платить $^1/_2$. Тяжелы были экономическія послѣдствія этихъ порядковъ.

Города Италіи особенно пострадали отъ лангобардовъ. Изъ того, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ были покорены сравнительно въ позднѣйшее время, не слѣдуетъ думать, чтобы положеніе ихъ было легче. Точно также падали ихъ стѣны, а жители считали за милость, если имъ позволяли оставить разоренные дома и удалиться въ изгнаніе. Павелъ діаконъ такъ говоритъ о взятіи Падуи: „Наконецъ городъ былъ сожженъ пожирающимъ пламенемъ и, по приказанію Агилульфа, разрушенъ до основанія. Впрочемъ войско, находившееся тамъ, получило позволеніе воротиться въ Равенну“. Слова лаконическія, но сильныя и весьма внушительныя (¹). Такъ было съ Кремоной, Монцей и многими другими. По словамъ лангобардскаго лѣтописца, на мѣстѣ городовъ оставались только незначительныя села ²). Конечно, съ одобренія лангобардской власти, села опять оживали и возрастали до значенія городовъ.

Городами управляли герцоги, которые начальствовали надъ цѣлою областью. Въ менѣе важныхъ мѣстахъ жили такъ называемые гастальды, управлявшіе округами. Въ исто-

(¹) Paulus Diaconus. IV 24.
²) Ibidem; IV, 47.

ріи итальянскихъ городовъ подъ лангобардскимъ владычествомъ надобно различать два періода, раздѣльною линіею которыхъ служитъ половина VII вѣка. Сперва мы видимъ закабаленіе ихъ, потомъ возрожденіе, уже послѣ слитія лангобардовъ съ римлянами. Сперва центръ городской жизни изъ куріи перешелъ ко дворцу лангобардскаго намѣстника. Сюда горожане обращались съ жалобами; здѣсь ихъ судили. Общественныя зданія, городскія имѣнія, даже церковныя земли— всё это переходило или въ завѣдываніе герцогскаго двора, или въ вѣдѣніе намѣстника, или гастальда. Сдѣлавшись резиденціею власти, центральнымъ мѣстомъ лангобардскаго управленія, перестроенный и видоизмѣненный городъ привлекалъ къ себѣ тѣхъ изъ лангобардовъ, которые хотѣли сдѣлаться куріалами и съ этою цѣлью продавали свои земли. Эти лангобарды титуловали себя nobiles. Потомъ они слились съ народнымъ ополченіемъ и стали называться exercitales, arimanni (Heermann) или milites. Эти новые люди изъ варваровъ вторгались въ города почти насильственно, тѣмъ болѣе что лангобардамъ въ городѣ было привольно. Лангобардъ могъ выгнать римлянина изъ его собственнаго дома и вмѣсто хозяина сдѣлать только управляющимъ. Но это еще была милость. Бывали примѣры, что лангобардъ совершенно лишалъ римлянина имущества. Во всякомъ случаѣ, если лангобардъ овладѣвалъ домомъ итальянца, то послѣдній уже не могъ заложить даже своего имущества, потому что въ одномъ домѣ было теперь два хозяина и одинъ изъ нихъ былъ гораздо сильнѣе другаго. Однако духъ и строй стараго времени, вопреки увѣреніямъ германистовъ, продолжалъ еще сохраняться. Рядомъ съ варварскимъ, вновь организовывалось и римское общество, не перестававшее существовать, какъ таковое. Положимъ, оно было загнано, забито, лишилось самостоятельности, собственности, должно было терпѣть тяжесть чуждаго закона, но численность и старая идея брала свое. Эта численность была слишкомъ значительна, чтобъ ее можно было игнорировать. Собственно въ городахъ варварамъ было не совсѣмъ удобно. Лангобарды чувствовали себя здѣсь, какъ и всѣ вообще германцы, неловко. Если тогдашняя исторія Италіи и переполнена лангобардскими именами, то не слѣдуетъ думать, чтобы римляне были совершенно устранены отъ государственныхъ должностей. Когда же сгладилось религіозное различіе между двумя націями, то римляне вполнѣ

сравнялись съ лангобардами. Прежніе лангобардскіе епископы смѣнились итальянскими духовными; тогда же стали практиковаться разные новые способы дарованія итальянцамъ, стоявшимъ подъ патронатствомъ, правъ свободнаго гражданина. Они тогда могли уравниваться въ правахъ съ лангобардами. Экономическая сторона тоже имѣла значеніе въ этомъ отношеніи. Между прочимъ богатые итальянскіе горожане получили право на то же вооруженіе, какъ и свободные лангобарды, — такъ что cives и miles сливались въ одно понятіе. Естественно, что подъ понятіе богатыхъ гражданъ подошли вообще зажиточные граждане и между прочимъ ремесленники. Большое значеніе въ дѣлѣ сближенія двухъ націй имѣли браки, которые существовали въ лангобардскомъ королевствѣ. Извѣстно, что эти браки были либеральны. Лангобардъ могъ жениться на полу-свободной римлянкѣ и тѣмъ возвести ее въ свободное состояніе. Въ городахъ экономическія условія были на сторонѣ римлянъ; относительное положеніе ихъ мѣнялось скорѣе, нежели на помѣщичьихъ земляхъ. Чѣмъ болѣе уравнивалось имущественное состояніе римлянъ, тѣмъ болѣе сближались они съ лонгобардами и по мѣрѣ того, какъ нарождалось новое поколѣніе, прежняя вражда ослабѣвала, уступая мѣсто совершенному равнодушію къ родовымъ отличіямъ. Римлянинъ своею ловкостію пробился внутрь варварскаго общества, разрушая всѣ препоны и внося туда свой языкъ, нравы и понятія. Итальянцы побѣдили варваровъ своею цивилизаціею и культурою. Они коснулись внутренней, духовной стороны ихъ жизни, нравовъ, понятій, образованности, ознакомивъ ихъ съ лучшей обстановкой и удобствами жизни.

Новое общество, образовавшееся изъ смѣшенія двухъ различныхъ элементовъ (варваровъ и римлянъ), получаетъ особый характеръ. Въ немъ непобѣдимая лангобардская энергія соединилась съ тонко развитымъ римскимъ смысломъ [1]. Приморскіе города Италіи первые проявили свою энергію. Тогда-то начинается торговая дѣятельность въ Венеціи, возникшей изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ на берегу Адріатики. Затѣмъ сооружаетъ свои галеры Пиза, а за ней и Генуя. Амальфа также вмѣшивается въ торговыя дѣла и бо-

---

[1] Кудрявцевъ. Судьбы Италіи стр. 1[illegible]7—202, 707—711, etc.

гатѣетъ. Самыя большія богатства могли образоваться тогда въ Равеннѣ и Римѣ. Какъ видно изъ папскихъ біографій, приписываемыхъ Анастасію (1), ни одинъ первосвященникъ не обходился безъ того, чтобы не употребить часть церковныхъ сокровищъ на сооруженіе новыхъ храмовъ и другихъ зданій, на выкупъ итальянцевъ изъ несвободнаго состоянія и т. п. При оживленіи экономической дѣятельности, ознаменовавшей успокоеніе народа, измѣняется характеръ отношеній лангобардской власти къ городамъ. Въ итальянскихъ городахъ возникаетъ національная милиція, которая могла защищать города еще въ первое время лангобардскаго нашествія.

Во главѣ власти, нѣсколько позже, въ каждомъ городѣ стоитъ сановникъ, который былъ администраторомъ, гражданскимъ и военнымъ начальникомъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьею. Горожане, состоявшіе теперь уже изъ лангобардовъ и итальянцевъ, знаютъ только его, а не курію, которая между тѣмъ наполняется этими же сановниками, называвшимися судьями (judices), иногда принимавшими и другія названія, какъ то— duces, magistri militum и consules. Надъ ними, правда, стояли въ покоренныхъ городахъ-лангобардскіе намѣстники: герцоги и такъ называемые гастальды, но народъ зналъ только судью. Итальянцы издавна такимъ образомъ привыкли цѣнить только эту власть. Этимъ объясняется характеръ городской жизни, которымъ прославилась впослѣдствіи Италія. Отъ того правительственная власть въ Италіи такъ скоро принимала военный характеръ. Мы увидимъ, какъ позднѣйшій характеръ итальянцевъ сложился подъ вліяніемъ лангобардовъ.

Конечно, Византіи надо было бы теперь самой опереться на итальянскіе города, но она и прежде игнорировала ихъ, что видно изъ ея законодательства относительно куріаловъ. Теперь имперія, выдавъ Италію варварамъ, была безсильна удержать даже часть ея, тѣмъ болѣе, что на югѣ имперіи появились новые враги—арабы. Уже было замѣчено, почему византійскіе императоры потеряли Римъ. Та самая народная милиція, которая могла бы быть полезной византійской власти, теперь обратилась противъ нея. Греческіе историки сообщаютъ, что экзархъ долженъ былъ узнать расположеніе

(1) Vitae pontificum Romanorum seu Liber pontificalis, apud Muratori, Scriptores; t. III. См. жизнь папы Захарія I у Болландистовъ, 15 марта. Acta Sanctorum; II, 407—411.

равеннской и римской милиціи на случай борьбы съ лангобардами, но онъ пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ. Настроеніе милиціи было невыгодно для имперіи, и экзарху пришлось нанимать тѣхъ же мусульманъ. Но тѣмъ не менѣе за милиціей греческой власти пришлось ухаживать.

Императоръ Константинъ Пагонатъ самъ призналъ совершившійся фактъ. Онъ въ одной изъ своихъ грамотъ адресуется прямо къ клиру, народу и „римскому войску". Подъ послѣднимъ разумѣлось народное ополченіе. Этотъ военный классъ не былъ новостію въ Италіи. Вооружались прежде всего тѣ, которые наиболѣе считали себя горожанами, для которыхъ ближе всего были городскіе интересы—это городская аристократія, состоявшая изъ honorati и possessores, которая находилась внѣ куріи. Эта аристократія только и имѣла достаточныя средства. А такъ какъ вооружаться обязаны были всѣ богатые граждане, то аристократическій элементъ и милиція не раздѣлялись взаимно. Замѣтимъ что лангобардская власть относилась дружелюбно къ этому элементу. Лангобардскіе намѣстники разсчитывали найти въ немъ опору, но ошиблись. Это ополченіе заявило свой патріотическій, національный характеръ.

Тогда, т. е. во второй половинѣ VII вѣка, всѣ итальянскіе города уже измѣнились въ своемъ строѣ. Этотъ строй не походилъ ни на древнюю римскую муниципію, ни на варварскую бургаду. Вмѣсто прежняго различія по происхожденію явилось различіе по сословіямъ. Такимъ образомъ образовались клиръ, милиція, патриціатъ, богатые ремесленники, писцы и народъ (populi multitudo, plebs). Между этими сословіями самое важное мѣсто занимала милиція—arimanni, exercitales,—которая одна только составляла классъ гражданъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Она состояла изъ лангобардовъ и итальянцевъ. Савиньи полагаетъ, что въ лангобардскихъ городахъ римскій и варварскій элементы существовали параллельно съ другъ съ другомъ и что лонгобарды назывались habitatores, а римляне—cives. Изслѣдователи возстаютъ противъ этого предположенія и указываютъ полное смѣшеніе обоихъ элементовъ ([1]). Но дѣло не въ томъ. За исключеніемъ духовныхъ, остальная масса населенія городовъ, не имѣвшая

([1]) Hegel. G. der Städteverfassungen von Italien. Того же мнѣнія держится Кудрявцевъ въ цитованной книгѣ.

всѣхъ гражданскихъ правъ, но пользовавшаяся всё таки личною свободою, называлась populus или plebs. Она стала исторически вліятельною. Первый же классъ былъ силенъ только въ городахъ римской (т. е. не покоренной лангобардами) Италіи: въ Римѣ, Неаполѣ и Равеннѣ. Замѣтимъ, что эти города, за нѣкоторыми исключеніями, продолжали признавать императорскую власть. Сохранилось только извѣстіе про мятежъ въ Неаполѣ, гдѣ власть захватилъ какой-то тиранъ, опираясь на городское ополченіе. Но намѣстникъ успѣлъ побороть это возстаніе.

Венеція. Что итальянскіе города не позволяли экзарху вмѣшиваться въ свои дѣла, ясно изъ примѣра Венеціи. Здѣсь въ 697 году власть трибуна была замѣнена властью дука—dux—слово обратившееся подъ вліяніемъ мѣстнаго выговора въ названіе дожа. Этотъ дукъ или дожъ не походилъ на лангобардскаго дука по своему значенію. Онъ, какъ извѣстно, былъ должностнымъ лицомъ, стоявшимъ подъ контролемъ аристократіи и милиціи.

Итальянская народность. Такимъ образомъ національныя политическія формы зараждались въ Италіи въ VII столѣтіи, хотя довольно медленно. Основной элементъ берется изъ римской муниципіи. Лангобарды, противъ своего желанія, оказывали содѣйствіе этому новому складу жизни. Мы не имѣемъ подробной исторіи городовъ; особенно же скуденъ въ источникахъ періодъ зарожденія новыхъ политическихъ формъ. Иначе можно было бы указать, какъ въ каждомъ городѣ предпріимчивые куріалы брались за оружіе, выбирали вождей; какъ эти вожди подъ разными наименованіями создали особый источникъ власти судебной, военной и гражданской; какъ съ одной стороны—дуки и гастальды, а съ другой—греческіе намѣстники признавали совершившійся фактъ.

Особенно стало сильно это движеніе въ VIII вѣкѣ съ 727 года, когда на папскій престолъ взошелъ папа Григорій II, прервавшій всякія сношенія съ Византіей, гдѣ сидѣли тогда иконоборческіе императоры.

Конечно, у римскихъ католиковъ не могло быть рѣчи о сдѣлкѣ съ поносителями ихъ исповѣданія. По голосу Григорія населеніе само стало избирать дуковъ, а въ тоже время Ліутпрандъ становится защитникомъ итальянской цивилизаціи. Вы-

бранный въ короли въ 712 г., онъ скоро беретъ Равенну и такимъ образомъ защищаетъ послѣднюю опору императорской власти. Греческое вліяніе пало, но тѣмъ ощутительнѣе стала власть лангобардская. Какъ ни былъ цивилизованъ Ліутпрандъ, онъ не сдѣлался все таки истымъ итальянцемъ. Папа Григорій III ищетъ уже помощи на Западѣ.

Между тѣмъ національный характеръ римлянъ постепенно преобразуется въ итальянскій. Прежнихъ римлянъ нельзя сравнивать съ итальянцами. Что въ послѣднихъ есть особеннаго—всё это создало лангобардское владычество. Какъ иначе объяснить, что суровые римляне превратились въ изнѣженныхъ итальянцевъ? Римское владычество пріучило жителей къ порядку и это сохранялось до лангобардовъ. Завоеванія Альбоина развили свободу мысли и поступковъ, которое свойственно итальянской природѣ. Отсутствіе нравственныхъ условій, чѣмъ ознаменовали себя итальянцы въ XV вѣкѣ, также ведетъ начало отъ лангобардовъ. Смежность римскихъ и варварскихъ владѣній на полуостровѣ пріучила жителей къ перемѣнѣ мѣста. Мудрено было при этихъ условіяхъ сохраниться чистотѣ семейныхъ связей, а вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной любви къ родинѣ.

Папство также оказало свое вліяніе въ этомъ отношеніи. Папы никогда не примирялись съ лангобардами. Они слишкомъ привыкли считать ихъ еретиками. Наконецъ, въ своихъ личныхъ интересахъ, папство какъ духовная курія, не могло дѣйствовать за одно съ лангобардами, которые хотѣли создать свое особенное государство. Папство всячески имъ противодѣйствовало. И дѣйствительно, оно не допускало слитія двухъ элементовъ въ одну итальянскую народность, въ одно итальянское государство. Само итальянское населеніе отъ непрерывной почти борьбы сдѣлалось тревожнымъ, непостояннымъ, кичливымъ.

Но, если папство долго не позволяло образоваться единому итальянскому государству, то оно невольно оказало другую услугу. Дѣло въ томъ что, благодаря, именно этому явленію, на почвѣ Италіи образовалось множество маленькихъ распубликъ съ широкими общественными стремленіями, съ развитіемъ образованности, права, искусства и промышленности въ каждой изъ нихъ.

7) Англо-саксы въ Британіи.

Англійская народность, подобно итальянской, также сложилась изъ нѣсколькихъ элементовъ путемъ долгой взаимной борьбы. Въ этотъ позднѣйшій цѣлостный типъ вошли многообразныя черты, составляющія характерную принадлежность каждаго изъ разноплеменныхъ народовъ, пребывавшаго въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ въ Британіи (¹).

Британія въ древнѣйшее время. Въ древнѣйшія времена этотъ островъ назывался землею Зеленыхъ Холмовъ, затѣмъ Медовымъ островомъ и, гораздо позже, Бритомъ или Придайномъ; отсюда слово „Британія“. Древнѣйшіе пришельцы на островъ были кимвры, на-

(¹) Прежде полагали, что главный типъ англійской народности придали побѣдители; потому упускали изъ виду вліяніе побѣжденной массы, болѣе многочисленной, которая пустила свои корни несравненно глубже, чѣмъ кажется съ перваго раза. Новая наука стремится воздать должное каждому элементу, доказывая, что въ дѣлѣ выработки англійскаго типа важную роль занимаютъ и древнѣйшіе обитатели острова, и та масса, которая въ послѣдній разъ была побѣждена воинственными норманами. Сословная борьба въ Англіи, борьба позднѣйшихъ временъ, объясняется этими новыми историками, какъ отголосокъ борьбы побѣдителей и побѣжденныхъ давно-минувшей эпохи. Главнымъ представителемъ этого новаго движенія въ исторіи служитъ Огюстенъ Тьерри, который въ 1825 году написалъ «Исторію завоеванія Англіи норманами» (она есть и въ русскомъ переводѣ въ 3 томахъ, 1859). Извѣстенъ взглядъ Тьерри на исторію, а также его пріемы, его высоко-художественный способъ изложенія, которымъ онъ воскрешаетъ предъ читателемъ лица и событія давно минувшихъ вѣковъ. Его критическія изысканія по исторіи Англіи привели къ важнымъ результатамъ не только для исторіи этой страны, но и вообще для исторіи всѣхъ странъ, гдѣ происходила борьба различныхъ національностей. Новѣйшіе историки не оставили безъ вниманія этого важнаго сочиненія; они пошли по пути, проложенномъ Тьерри. Таковы: Лаппенбергъ, издавшій 1 томъ «Исторіи Англіи», который обнимаетъ древнѣйшій періодъ и время англо-саксонскаго владычества, и Паули. Оба они писали на нѣмецкомъ языкѣ. На англійскомъ языкѣ для древнѣйшаго и англо-саксонскаго періодовъ существуютъ спеціальныя сочиненія Кембля и Тюрнера «History of Anglo-Saxons». Freeman, H. of the Norman Conquest — во многомъ опередившій Тьерри и его же статьи въ Macmillans Magazin 1870: The origin of the English Nation; The alleged permanence of Roman civilization in England. Подъ редакціей проф. М. Ковалевскаго переведены два очерка Фримона и Стебса. «Опыты по исторіи англійской конституціи М. 1880).

Что касается до лѣтописей, то изъ множества англійскихъ сборниковъ нельзя указать ни на одинъ, который равнялся бы сборникамъ Мутатори, Пертца и Букэ. Англія имѣетъ два выдающіеся сборника своихъ лѣтописей: сборникъ Petrie, подъ названіемъ «Monumenta historica Britanniae», изданный въ 1848 г.; въ этомъ сводѣ сдѣлано очень хорошее изданіе лѣтописей Бэды Достопочтеннаго (до 739 г.) и Вигорна (до 1163 г.), а также хроники Simeon Dun. Съ 1858 г. издается другой сборникъ, при участіи англійскаго правительства, который поставленъ однако далеко не такъ солидно, какъ итальянскій, нѣмецкій и французскій кодексы средневѣковыхъ хроникъ.

родъ кельтическаго происхожденія. Они пришли съ восточныхъ окраинъ Европы, заняли земли коренныхъ жителей острова, которые бѣжали на сѣверъ, въ нынѣшнюю Шотландію, гдѣ получили названіе пиктовъ и скоттовъ. За ними идутъ ллоегры (Lloëgrwys), вышедшіе съ югозападнаго берега Галліи. Уступая ихъ давленію, первые переселенцы отходятъ къ западнымъ берегамъ острова, а логрійцы поселяются на юговостокѣ. Наконецъ приходитъ еще третій народъ бриты или оритоны, которые дали названіе острову и всѣмъ народамъ, населявшимъ его. Они вышли изъ сѣверо-западной части Галліи, изъ земель между Сеной и Луарой. Полагаютъ, что они заняли мѣста къ сѣверу отъ камбрійцевъ и логрійцевъ, на границѣ валлійскаго населенія, между заливами Фордъ и Солвэйскимъ. Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. изъ болотъ Фландріи на безпарусныхъ судахъ приплываютъ коронійцы, сперва на островъ Вайтъ, а потомъ на берега Британіи люди тевтонскаго племени, которые поселились по теченію рѣки Гумбера и, такимъ образомъ, раздѣлили логрійцевъ на двѣ части.

Вскорѣ послѣ этого переселенія, въ Британіи являются римляне. Извѣстно, что Юлій Цезарь покорилъ островъ, вторгнувшись съ восточной части его,—нынѣшняго Кента. Послѣ упорнаго сопротивленія туземцы должны были уступить, и римское владычество распространилось на весь островъ, за исключеніемъ сѣверной части, населенной пиктами и скоттами, которые своимъ мужествомъ защитили сѣверный край. Кельты назвали римлянъ цезарійцами, отъ имени ихъ вождя. Тогда же и сѣверные обитатели рѣшились спуститься со своихъ горъ; съ этихъ поръ начинаются постоянныя ихъ нападенія.

До насъ дошли въ отрывкахъ кельтскія лѣтописи, въ которыхъ говорится, что, угнетая островъ 400 лѣтъ и собирая ежегодно въ дань 3000 ливровъ серебра, „цезарійцы" возвратились на землю римскую, для отраженія нашествія „черной орды"; что при отбытіи они оставили только женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, выросшихъ потомъ камбрійцами. Для насъ важно то, что туземцы—бриты и камбрійцы—сжились съ римлянами чисто родственнымъ образомъ во время ихъ 400-лѣтняго пребыванія на островѣ.

Извѣстно, какъ быстро шла романизація Британіи, съ какою охотою туземцы отдавали своихъ дѣтей въ римскія школы и даже отправляли ихъ въ Римъ, съ какимъ успѣхомъ римляне прививали имъ свою цивилизацію. Однимъ

стовомъ, въ глазахъ римской администраціи, Британія считалась самой надежной и вѣрной провинціей.

Но вскорѣ римскіе легіоны должны были покинуть Британію, вызванные для защиты предѣловъ имперіи отъ нашествія вестготовъ. По отплытіи легіоновъ бриты перестали признавать власть чужеземныхъ правителей; прежній духъ свободы и самоуправленія ожилъ; римская администрація исчезла; вмѣсто того возобновилась власть начальниковъ колѣнъ, нѣкогда подавленная римлянами. Тогда явились люди, которые считали за собою право на званіе начальниковъ кантона или семейства, что одно и то же на языкѣ этого народа. Родственныя связи составляли основаніе общественнаго быта бритовъ: каждый изъ бритовъ тщательно замѣчалъ и помнилъ всѣ степени своего происхожденія, составлялъ свою генеалогію, чтобы пользоваться собственностью въ кантонѣ, гдѣ онъ родился. Каждый кантонъ принадлежалъ только одному первичному семейству и никто не могъ владѣть законно никакой частію земли, если не былъ членомъ того семейства, которое, размножаясь, составляло колѣно или родъ.

Начало монархической власти у бритовъ.

Избавившись отъ римскаго владычества, бриты не могли возвратиться къ своему прежнему патріархальному быту. Такое устройство только разъединяло ихъ, дѣлало слабыми; между тѣмъ единая сильная власть была необходима въ виду защиты отъ постоянныхъ набѣговъ сѣверныхъ обитателей, которые пылали ненавистью къ изгнавшимъ ихъ пришельцамъ и которые были удерживаемы въ своемъ постоянномъ стремленіи на югъ силою римскихъ легіоновъ. Но лишь только прекратилась римская власть, какъ пикты и скотты спускаются съ горъ, тѣснятъ жителей низменности, побѣждаютъ ихъ и грозятъ уничтожить. Вотъ эта-то постоянная опасность отъ дикихъ и храбрыхъ жителей сѣвера заставила бритовъ создать высшую власть; они избрали начальника надъ начальниками, короля надъ страной и сдѣлали этотъ санъ избирательнымъ. Но это новое учрежденіе не принесло ожидаемой пользы, не придало народу единства и силы противъ внѣшнихъ нападеній; оно только принесло ему существенный вредъ, разъединивъ его еще болѣе, ослабило и, наконецъ, сдѣлалось главною причиною его рабства. Одно изъ двухъ племенъ, владѣвшихъ южною частію острова, присвоивало исключительно себѣ право поставлять королей странѣ. Резиденція короля

была на землѣ логрійской, въ древнемъ муниципальномъ городѣ, который назывался у бритовъ Лон-дингъ, городъ кораблей (Llundain, Londinnm). Ясно, что люди логрійскаго рода легче, нежели другіе, достигали званія начальника начальниковъ. Камбрійцы завидовали этому преимуществу; они утверждали, что королевская власть законно принадлежитъ ихъ родамъ, какъ древнѣйшимъ насельцамъ острова Британіи. Логрійцы не уступали. Когда связь между племенами рушилась, они начали междоусобную войну, пользуясь которою ихъ давніе враги спустились съ горъ и разрушили построенную противъ нихъ римскими императорами стѣну. Въ тоже время другіе, не менѣе страшные враги, напали на берега острова. Это были пираты, пришедшіе съ береговъ Нѣмецкаго моря.

Приглашеніе саксовъ.

Чтобы избавиться отъ тѣхъ и другихъ, Гуортеирнъ, король изъ племени логрійцевъ, обратился къ германскимъ корсарамъ, предводимымъ двумя братьями—Генгистомъ (Hengist-жеребецъ) и Горзою (Hors-лошадь). Это были саксонцы, т. е. люди съ длинными ножами. На ихъ знамени была изображена бѣлая лошадь, символъ вождей. Генгистъ и Горза съ охотою приняли приглашеніе короля (449 г.); они обѣщали защищать бритовъ, и доставлять всѣ жизненные припасы, за что имъ былъ отданъ небольшой островъ Танетъ. Много разъ они храбро и горячо сражались, поднимая противъ пиктовъ и скоттовъ свое знамя съ изображеніемъ бѣлой лошади, какъ бы напоминавшей имена ихъ двухъ вождей; много разъ толпы горцевъ, сильныя числомъ, но дурно вооруженныя длинными и ломкими копьями, бѣжали отъ большихъ сѣкиръ, составлявшихъ народное вооруженіе саксонскаго союза. Въ Британіи много радовались и удивлялись подвигамъ саксовъ. „Разбивъ нашихъ враговъ“, говоритъ древній поэтъ, „они торжествовали вмѣстѣ съ нами радость побѣды: мы наперерывъ привѣтствовали ихъ прибытіе. Но да будетъ проклятъ день, въ который мы ихъ полюбили! да будутъ прокляты малодушные, совѣту которыхъ послѣдовалъ Гуортеирнъ“!

И дѣйствительно, согласіе между союзниками продолжалось недолго; бриты скоро должны были раскаяться въ своей ошибкѣ и понести всѣ тяжкія послѣдствія ея. Пришлецы начали предъявлять слишкомъ большія требованія: къ нимъ приходили новыя толпы искателей приключеній. Уступленнаго

острова было недостаточно для поселенія всѣхъ; нужны были новыя земли; требовалось болѣе припасовъ и денегъ.

Не получивъ удовлетворенія своихъ требованій, они перешли на берега *Кента* и здѣсь основали первое германское королевство на почвѣ Британіи. Сопротивленіе, оказанное имъ, было велико; но они вступили въ союзъ съ пиктами, пригласили ихъ спуститься на югъ, и, такимъ образомъ, раздѣливъ силы британцевъ, устремились съ востока на западъ, принудили жителей бѣжать, а оставшихся поработили. Затѣмъ, 22 года спустя послѣ первой высадки германцевъ, другой саксонецъ Элла, присталъ съ тремя кораблями къ югу, оттѣснилъ бритовъ къ сѣверу и западу и основалъ второе королевство саксовъ, такъ называемый *Суссексъ*. Спустя 18 лѣтъ является третья саксонская толпа подъ предводительствомъ Кедрика и основала третье королевство западныхъ саксовъ или *Вессексъ*. Между тѣмъ и восточный берегъ испыталъ такое же нашествіе: на берегахъ Темзы явились другіе переселенцы, заняли городъ Лондингъ, который сдѣлался столицею восточнаго британо-саксонскаго королевства — *Эссекса*. Всѣ эти завоеванія произошли на земляхъ логрійцевъ, нѣкогда призвавшихъ къ себѣ саксовъ. Подвигаясь на западъ, саксы встрѣтились съ камбрійцами, которые дали имъ сильный отпоръ и выдержали продолжительную борьбу. Изъ рода камбрійцевъ вышли всѣ позднѣйшіе бойцы за свободу Британіи. Изъ нихъ особенно знаменитъ Артуръ, побѣждавшій саксовъ во многихъ сраженіяхъ. Подвиги его воспѣты въ національной камбрійской поэзіи.

Пришествіе англовъ.

Завоеванія саксовъ пробудили желаніе также переселенія и въ народахъ, жившихъ далѣе къ востоку, по берегамъ Балтійскаго моря и называвшихся тогда англами. На 60 корабляхъ явились они въ устьяхъ Тейна, вступили въ союзъ съ пиктами и быстро пошли въ глубь острова. Камбрійцы встрѣтили ихъ мужественно; ихъ вожди Уріелъ и сынъ его Оуэнъ одержали надъ ними верхъ и послѣ кроваваго Кальтретскаго побоища (въ 518 г. близъ устья Клейда) оттѣснили бритовъ къ берегамъ моря, овладѣли страной между западными горами и тутъ основали два королевства: одно изъ нихъ удержало свое бритское названіе—Берникіи, а другое названо было Дейфромъ или Дейромъ. Позднѣе, оба эти ко-

11*

ролевства соединились и составили *Нортумберландъ.* Къ югу отъ Нортумберланда поселились англы, которые пришли сюда еще раньше ихъ общаго переселенія; они сообща съ восточными саксами удержались противъ туземцевъ и образовали такъ называемую *Ост-Англію.* Древнее населеніе короніянъ, жившее нѣсколько вѣковъ къ югу отъ Гумбера и въ теченіи столь долгаго времени несоединявшееся съ бритами, добровольно присоединилось къ англо-саксонскимъ побѣдителямъ, смѣшалось съ ними и утратило свое имя, а занимаемая имъ страна между Гумберомъ и Узою была названа *Мерсіею*, т. е. страною болотъ.

Семь королевствъ. Такимъ образомъ большая и лучшая часть острова подпала иноземному владычеству. Жившіе на ней народы или смѣшались съ побѣдителями или были вытѣснены; на ихъ земляхъ было основано 7 независимыхъ другъ отъ друга королевствъ, или такъ называемая *гептархія.* Вытѣсненные бриты переселились въ сѣверо-западную часть Галліи, которой послѣ дали названіе Бретани. Здѣсь, среди галльскаго населенія, они сохранили свой національный характеръ.

Но западные берега, почти на всемъ ихъ протяженіи отъ устьевъ Клейда до оконечности Корнваллиса, оставались во владѣніи туземныхъ племенъ. Здѣсь на гористой и мало плодородной землѣ обитали камбрійцы. Пришлецы-побѣдители, считая ихъ чужеземцами, назвали ихъ на своемъ языкѣ Галль, Gwyddils, откуда и произошло названіе Валлиса. Эти слабые остатки великаго народа со славою защищали свое послѣднее убѣжище, часто побѣждали, но никогда не покоренные, они сохранили у себя втеченіи вѣковъ убѣжденіе, что роду и имени ихъ предназначена какая-то таинственная вѣчность. Эта вѣчность была предсказана бардами VI вѣка.—„Дѣлай, что хочешь“, говорили свободолюбивые горцы чужеземному завоевателю, проходившему чрезъ ихъ страну, „но ни твое, ни чье бы то ни было могущество, кромѣ Божьяго, не истребитъ нашего имени и нашего языка“. И это имя, этотъ языкъ существуютъ до сихъ поръ на той землѣ, куда загнали ихъ завоеватели. Это былъ народъ, жившій поэзіею. Поэтъ музыкантъ, на ряду съ земледѣльцемъ и ремесленникомъ, считался основателемъ гражданскаго быта. Эти поэты пѣли на одну тему: судьба отчизны, ея страданія, ея надежды. „Народъ также поэтъ, говоритъ Огюстенъ Тьерри; онъ высоко

цѣнилъ ихъ слова, придавая особый смыслъ самымъ простымъ выраженіямъ: желанія, выраженныя бардами, принимались за обѣщанія; ихъ ожиданія, надежды—за пророчество; даже ихъ молчаніе за утвержденіе". Артуръ умеръ, но народъ не хочетъ вѣрить его смерти, потому что бардъ не поетъ ему о ней, и ждетъ его возвращенія, а съ нимъ и своего прежняго величія. „Жизнь воспоминаній и надеждъ украшала для бритовъ ихъ скалистую, суровую страну. Они были бѣдны, но веселы и общежительны, легко переносили лишенія, какъ преходящія страданія, и всё ожидали большаго общественнаго переворота въ свою пользу: переворотъ этотъ долженъ возвратить имъ потерянное, и, по выраженію барда, вновь возложить на нихъ вѣнецъ Британіи". Но они ждали напрасно: ихъ древняя отчизна не возвратилась въ руки соплеменниковъ; чужеземцы поработители были побѣждены новыми пришельцами; бриты же не воспользовались пораженіемъ и политическимъ паденіемъ своихъ притѣснителей. Такъ исчезли на островѣ Британіи, исключая валлійцевъ, кельтическіе народы: камбрійцы, логрійцы и собственно бриты. По истинѣ, трогательно было видѣть уничтоженіе кельтическаго населенія въ Британіи.

Христіанство въ Британіи. Обитатели острова съ давнихъ поръ были христіанами. Кто были первые проповѣдники у нихъ, откуда они пришли, какъ дѣйствовали,—мы не знаемъ. Достовѣрно только то, что до VI вѣка бриты придерживались православнаго, никейскаго исповѣданія. Британское духовенство строго слѣдовало первоначальной чистотѣ христіанскаго ученія; оно понимало никейскій символъ лучше, нежели понимали его въ Римѣ. Когда въ Британіи началось порабощеніе кельтической народности, то, какъ мы видѣли, часть бритовъ бѣжала въ Галлію. Отцы британской Церкви дѣятельно повели дѣло проповѣди въ Галліи и, естественно, вошли въ столкновеніе съ католическимъ духовенствомъ. Это были истинно христіанскіе, безкорыстные проповѣдники: ихъ миссіонеры являлись безсребренниками, почти ничего не принимали, не требовали ни питья, ни пищи; потому ихъ вездѣ и охотно принимали. Они никогда не вмѣшивались въ свѣтскія дѣла, не привыкли къ бенефиціямъ и феодамъ: они были чужды той суетной жизни, которую вели западные духовные. Для послѣднихъ было новостью видѣть этихъ скромныхъ священниковъ, ихъ странные обряды, ихъ нежеланіе повиноваться галльскому прелату. Архіепи-

скопъ турскій, присвоивъ себѣ духовную власть надъ всей страной, предложилъ духовенству Бретани, чтобы оно признало его своимъ начальникомъ и исправило свои обряды согласно требованіямъ каѳолической церкви. Ему отвѣчали отказомъ. Тогда архіепископъ двинулъ на бритовъ франкскія полчища. Бриты были побѣждены и побѣдители предписали имъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, слѣдовать уставамъ Римской Церкви.

Когда англо-саксы кончали завоеваніе острова Британіи, на папскомъ престолѣ возсѣдалъ Григорій 1. Онъ успѣшно затягивалъ вокругъ митрополіи Запада связи епископской іерархіи. Могущественные короли были его вѣрными союзниками и слугами; епископы галльскіе и итальянскіе были его подручниками. Подобное же отношеніе къ завоевателямъ Британіи, для блага католической вѣры и на пользу папской власти, было съ раннихъ поръ предметомъ ревности и честолюбія папы Григорія. Разсказываютъ, можетъ быть безъ фактическихъ основаній, что, увидавъ однажды на рынкѣ въ Римѣ двухъ невольниковъ англовъ или саксовъ, папа очень удивился, узнавъ отъ нихъ, что соотечественники ихъ незнакомы съ христіанствомъ. Онъ началъ дѣятельно строить планы для обращенія острова: онъ велѣлъ скупать на рынкахъ рабовъ англо-саксонскихъ, подготовлялъ ихъ въ монахи, наставлялъ въ католической вѣрѣ для того, чтобы они могли преподавать ее на природномъ языкѣ своемъ. Но планъ этотъ не осуществился, и въ Британію посланы были иные люди, люди испытанной учености. Начальникомъ этой миссіи былъ назначенъ Августинъ, соплеменникъ великаго христіанскаго писателя. Онъ былъ нареченъ и посвященъ въ епископы Англіи, давъ клятву повиноваться папскому престолу.

Первый архіепископъ, Августинъ Кентерберійскій.

Миссія прибыла въ страну Кента. Король этой земли, Этельбертъ былъ женатъ на женщинѣ франкскаго происхожденія, исповѣдывавшей католическую религію. При помощи ея и чудесъ, Августину удалось обратить короля къ христіанству; примѣру короля послѣдовали и его подданные. Въ залогъ своей искренности, Этельбертъ далъ духовенству дома и поземельныя владѣнія. Вскорѣ были обращены и восточные саксы. Папа послалъ Августину омофоръ, назначилъ его архіепископомъ съ подчиненіемъ ему 12 епископовъ и приказалъ поселиться въ Лондонѣ. Но изъ уваженія къ королю Этельберту,

Августинъ остался въ странѣ Кента, въ городѣ Кентербери, съ которымъ навсегда связалъ первую епархіальную каѳедру Англіи.

Вскорѣ онъ заставилъ папу опасаться его честолюбія и его широкихъ замысловъ. Это видно изъ посланія Григорія, въ которомъ папа совѣтуетъ своему посланнику осторожнѣе употреблять сверхъестественныя средства. Августинъ простеръ свои виды до того, что надменно спрашивалъ папу, что ему дѣлать съ епископами галльскими и британскими. Папа испугался и спѣшилъ оградить галльское духовенство отъ притязаній Кентерберійскаго архіепископа, давъ также омофоръ арльскому прелату.—„Онъ судія и глава галловъ" писалъ Григорій Августину, „и воспрещается тебѣ вторгаться съ косою осужденія въ чужое поле. Епископовъ же британскихъ поручаю тебѣ всѣхъ; наставляй малознающихъ, утверждай слабыхъ, наказывай худыхъ по своему усмотрѣнію".

Такимъ образомъ бриты и ихъ духовные, которые съ точки зрѣнія римлянина были раскольники, теперь были вполнѣ предоставлены Августину. Послѣдній поспѣшилъ пріобрѣсти надъ ними духовное владычество. Онъ посылаетъ духовенству побѣжденнаго населенія Британіи предложеніе признать его архіепископомъ всего острова, подъ страхомъ гнѣва римской Церкви и королей англо-саксонскихъ. Онъ назначилъ имъ свиданіе на берегахъ Саверны, старался выяснить имъ законность своихъ притязаній, предложилъ имъ исправить ихъ церковные обряды по образцу римскихъ, присоединиться къ единству каѳолическому, войти къ нему въ послушаніе и подъ его руководствомъ содѣйствовать обращенію англовъ. Но ни краснорѣчіе, ни чудеса,—Августинъ исцѣлилъ предъ ними слѣпорожденнаго,—не могли поколебать камбрійцевъ. Они не отреклись отъ своей старой, гордой независимости. Августинъ не унывалъ: онъ назначилъ новое свиданіе, на которое прибыло семеро епископовъ британскихъ и много монаховъ. Они жестоко оскорбились, когда Августинъ даже не всталъ при ихъ приближеніи и не привѣтствовалъ ихъ. На предложеніе признать его власть, вступить въ дружбу съ англосаксами они отвѣчали вторичнымъ гордымъ отказомъ. —„Хорошо! вскричалъ раздраженный миссіонеръ, такъ какъ вы не желаете имѣть мира съ братьями, то будете имѣть войну съ врагами"... И нѣсколько времени спустя, кунингъ одного англо-саксонскаго племени, еще языческаго, спустился

изъ сѣверной страны къ тому мѣсту, гдѣ было совѣщаніе. Камбрійцы были разбиты, ихъ знаменитый Бангорскій монастырь разрушенъ; монахи, которые такъ дерзко говорили съ Августиномъ, перебиты. Католическіе писатели говорятъ, что Августинъ не причастенъ этому варварскому поступку, что онъ умеръ прежде нападенія англовъ; но народная валлійская поэзія сохранила преданіе, что глава новой англійской Церкви возбудилъ это вторженіе и направилъ англовъ нортумберландскихъ на Бангорскій монастырь.

Лаурентъ, его преемники. По смерти Августина, санъ архіепископскій перешелъ къ Лауренту, также римлянину. При немъ былъ обращенъ въ христіанство Сигбертъ, родственникъ Этельберта. При жизни этого короля духовенство пользовалось почестями и властью, а при его наслѣдникахъ дѣла приняли другой оборотъ. Сыновья его возвратились къ язычеству и отмѣнили всѣ законы, направленные въ пользу христіанъ. Наконецъ, считая себя оскорбленными тѣмъ, что епископъ Меллитій не велѣлъ давать имъ священнаго хлѣба, когда они приходили въ церковь, короли выгнали духовенство изъ своихъ владѣній. Епископы пришли въ страну Кента, но и здѣсь ихъ ожидала та же участь. Наслѣдникъ Этельберта также приказалъ имъ уходить. Однако хитрые итальянцы успѣли взять верхъ и снова обратить отступниковъ на путь истины. Уже готовы были суда, которые должны были отвести епископовъ въ Галлію, какъ Лауренту пришла счастливая мысль: онъ испросилъ у короля позволеніе провести послѣднюю ночь въ церкви св. Петра. Тамъ за ночь онъ изуродовалъ себя и въ такомъ видѣ явился утромъ предъ королемъ.—„Смотри, сказалъ онъ, какъ апостолъ Петръ покаралъ меня за то, что я хотѣлъ покинуть свое стадо". Хитрость подѣйствовала: король былъ пораженъ, боялся подвергнуться мщенію апостола, велѣлъ Лауренту и его собратьямъ остаться и обѣщалъ имъ свое могущественное содѣйствіе къ обращенію на путь истины тѣхъ, которые, по его примѣру, впали въ идолопоклонство. Съ помощью свѣтской власти вѣра ожила на берегахъ Темзы и король Кента, думавшій изгнать все христіанское духовенство, получилъ отъ папы привѣтственное письмо съ похвалою чистотѣ его вѣры и совершенству христіанскихъ подвиговъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, владѣтель Нортумберланда, Эдвинъ, женился на сестрѣ Этельберта, Эдбалотѣ. Она, какъ

христіанка, прибыла къ своему мужу въ сопровожденіи католическаго священника Паулина, который долженъ былъ сдѣлаться архіепископомъ Іорка, если ему удастся обратить язычника-короля къ христіанству. Паулинъ началъ дѣйствовать на умъ короля чудесами: онъ обѣщалъ ему вымолить его женѣ безболѣзненные роды, если онъ дастъ обѣщаніе крестить ребенка. Король согласился, но самъ и слышать не хотѣлъ о принятіи христіанства. Паулинъ не остановился на этомъ. При посредствѣ королевы онъ открылъ Эдвигу тайну и это такъ подѣйствовало на короля Нортумберланда, что тотъ крестился со всѣмъ своимъ народомъ.

За крещеніемъ Нортумберланда послѣдовало крещеніе остсаксовъ, что случилось въ половинѣ VII вѣка; черезъ 30 лѣтъ крестилась Мерсія, и, наконецъ, въ концѣ VII вѣка крестились и послѣдніе англосаксы, жившіе по южнымъ берегамъ. Теперь эти новые христіане, англо-саксонскіе кунинги, съ ревностію прозелитовъ стали заботиться о подчиненіи независимой британской церкви св. Престолу. Подъ сѣнію благословенныхъ крестовъ, посылаемыхъ изъ Рима, они совершали походы для истребленія древнихъ христіанъ Британіи. Это были преимущественно кельты, потомки тѣхъ, кои были крещены еще св. Патрикомъ, въ первой половинѣ IV вѣка, по восточному обряду. Теперь они спасаются бѣгствомъ на сѣверъ, въ страну пиктовъ и скоттовъ, въ нынѣшнюю Шотландію, гдѣ пѣлъ Фингалъ, сынъ Осіана, свои грустно суровыя пѣсни о томъ счастливомъ прошломъ, когда грубые, полудикіе пришлецы - германцы еще не оскверняли кельтскую землю. Но и здѣсь имъ приходилось терпѣть гоненія и часто скрываться отъ преслѣдователей. Ихъ учители и старцы удалялись въ кельи, вели подвижническую отшельническую жизнь; они жили общинами, изъ которыхъ послѣ образовались монастыри, сдѣлавшіеся предметомъ энергичнаго преслѣдованія римскихъ миссіонеровъ. Эти христіане, убѣжденные въ неприязненности къ нимъ Римской Церкви, все болѣе и болѣе утверждались въ противодѣйствіи ея ученію, предпочитая обращаться за совѣтами по богословскимъ вопросамъ къ церкви константинопольской. Но уполномоченные и послы римскаго первосвященника, пользуясь религіозною зависимостью, въ которой онъ держалъ податливыхъ королей англо-саксонскихъ, мало по малу сокрушили подъ гнетомъ ужаса духъ свободы церквей британскихъ.

Церковное подчиненіе Риму.

Что касается до кунинговъ, то они съ ихъ дружинами стали вѣрными слугами Римской Церкви. Они на свой счетъ отправляютъ миссіонеровъ для проповѣди на материкѣ, въ средѣ ихъ соотечественниковъ. Отсюда вышелъ знаменитый Винфридъ или Бонифацій, апостолъ Германіи. Короли англосаксовъ благоговѣли предъ Римомъ и престоломъ св. Петра; они сдѣлались рабами папъ, дѣлали имъ богатыя приношенія и даже стали платить ежегодную дань подъ названіемъ „римскаго ценза", или „церковнаго оброка". Они строили церкви и монастыри, дарили духовенству земли; прежде свирѣпые кунинги теперь окружали себя монахами и нерѣдко предавались затворничеству. Эта покорность римскому двору, постепенно переходившему отъ духовныхъ преимуществъ къ политическому преобладанію, не была продолжительна. Усердіе слабѣло, а зависимость становилась тяжкою. Короли увидѣли, что именемъ католической вѣры прикрывается чужеземное владычество, и отвергли его. Началась борьба, въ которой саксонское духовенство, духовныя дѣти Римской Церкви, приняло сначала сторону Рима и поддержало власть папы; но впослѣдствіи, увлекаемое потокомъ народныхъ стремленій, оно пыталось отстоять свою самостоятельность.

Но уже было поздно.

На Западѣ сложились событія такъ, что епископъ Рима получилъ могущество столь сильное, что былъ въ состояніи, пользуясь обстоятельствами, оказывать вліяніе на теченіе исторической жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ между кунингами происходятъ раздоры за политическое преобладаніе на островѣ, что ослабляло силу сопротивленія римскому вліянію и клерикальнымъ стремленіямъ исходившимъ изъ Рима. За то, островное изолированное положеніе избавляло англо-саксонскія государства отъ безусловнаго подчиненія идеямъ, которыя развивались и осуществлялись на континентѣ Западной Европы. Политическіе и церковные раздоры, обуревавшіе тогдашнюю Британію, нѣсколько утихли, когда въ 827 году одинъ изъ кунинговъ Эгбертъ соединилъ четыре южныхъ саксонскихъ королевства въ одно государство—Вессексъ. Сѣверныя королевства англовъ еще влачили нѣкоторое время отдѣльное существованіе, но надъ ними уже тяготѣла власть Вессекса.

Въ это время на европейскомъ континентѣ свершились важныя событія.

III.

ФЕОДАЛИЗМЪ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ
Карла Великаго на Западѣ
И МУСУЛЬМАНСТВО НА ВОСТОКѢ.

1) Происхожденіе феодальной системы.

Изложивъ въ нѣсколькихъ очеркахъ обстоятельства вторженія варваровъ въ Римскую имперію, мы должны познакомиться съ новыми сторонами быта, внесенными въ исторію такъ называемыми новыми людьми, т. е. варварами. Начнемъ съ очерка аллодіальной и ленной или феодальной системы.

Мы знаемъ проявленіе началъ варварства въ фактахъ политической жизни. Теперь взглянемъ на существенныя идеи этихъ германскихъ народностей, видоизмѣнившихъ римскую жизнь. Посмотримъ, что онѣ принесли съ собою для исторіи.

Несомнѣнно, что варварство по своему направило исторію, опредѣливъ политическія учрежденія Западной Европы. Современникамъ VI вѣка казалось, что нападаетъ варварская масса на римскія провинціи и что изъ этой безобразной силы ничего не образуется, кромѣ хаоса. Но изъ этого хаоса, послѣ пятивѣковаго броженія, появились стройныя общественныя формы, не имѣвшія никакого подобія съ древнимъ міромъ. Слѣдовательно, въ самомъ варварствѣ было нѣчто своеобразное; оно обладало могучею зиждущею силою. Поэтому надо изучать его съ того времени, когда варвары не вышли еще изъ своихъ лѣсовъ и когда они были совершенно чужды вліянію римской цивилизаціи.

Волость. У германцевъ не существовало въ первое время ни идеи государственнаго единства, ни стройной политической организаціи. Политическое устройство у нихъ было чисто общинное. Основой этого единства, его элементарной политической единицей, была волость (gau, pagus), состоявшая изъ нѣсколькихъ малыхъ общинъ. Волость всегда была обрамляема лѣсомъ или другими природными границами. Первоначально у германцевъ не существовало наслѣдственной частной собственности. Члены общины часто мѣнялись своими участками, подобно нашимъ крестьянамъ. Изъ общинной собственности совершается, съ теченіемъ вѣковъ, переходъ къ частной поземельной собственности. Верховная власть принадлежала волостному собранію (gauding), въ которомъ могли участвовать всѣ полноправные члены общины. Это собраніе завѣдывало всѣми ея дѣлами. Оно рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ; въ немъ сосредоточивалась и законодательная и судебная власть. Исполнительная власть и предсѣдательство въ судѣ поручалось волостнымъ старшинамъ, которые избирались пожизненно волостнымъ собраніемъ. Въ общемъ строѣ замѣтна аналогія съ поземельнымъ устройствомъ русскихъ крестьянъ. Во время войны избирались герцоги, люди ведущіе войско (Heer-zog): ополченіе состояло изъ всѣхъ свободныхъ людей волости. Только у немногихъ германскихъ племенъ встрѣчается наслѣдственная королевская власть: у большинства германцевъ она появляется слишкомъ поздно.

Все населеніе волости раздѣляется на свободныхъ и несвободныхъ. Свободные—всѣ владѣющіе поземельными участками, всѣ полноправные. Только они имѣютъ право носить оружіе: только они составляютъ ополченіе: только они имѣютъ голосъ въ волостномъ собраніи. Такимъ образомъ понятіе о поземельной собственности сочеталось съ понятіемъ свободы: одно обусловливало другое: владѣть поземельною собственностію значило быть свободнымъ и наоборотъ.

Адалинги. Но между свободными отличались нѣкоторые благородные роды, пользовавшіеся особеннымъ почетомъ, такъ какъ въ нихъ предполагалось или божеское происхожденіе, или родство съ героями, прославленными въ германскихъ сагахъ, съ героями близкими къ ихъ богамъ. Но въ сущности превосходство этихъ благородныхъ родовъ (адалинги) надъ другими, менѣе громкими, заключалось не въ особенныхъ правахъ, а

только въ лучшемъ качествѣ земельныхъ участковъ. Адалинги ограничивали королевскую власть, которая и вышла собственно изъ ихъ среды; но знатные роды не нарушали демократическаго строя общины.

Несвободные жили при дворахъ и на земляхъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ землею, на которой они жили, несвободные принадлежали владѣльцу и въ немъ признавали единственнаго повелителя. Они не имѣли голоса въ общинѣ. Предъ судомъ и вездѣ, гдѣ было нужно, за нихъ говорилъ и дѣйствовалъ ихъ господинъ. Это отношеніе называлось mundium. Для этихъ несвободныхъ не существовало общаго народнаго права: они подлежали только дѣйствію своихъ мѣстныхъ распорядковъ права. Это право опредѣляетъ отношеніе господина къ несвободнымъ людямъ. **Несвободные.**

Всѣ несвободные въ свою очередь подраздѣлялись на два разряда: 1) рабы (кнехты), въ собственномъ смыслѣ слова, безъ всякой самостоятельности и собственности, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ движимой собственности господина; 2) люди оброчные, т. е. поселенные господиномъ на его землѣ и неимѣвшіе собственнаго хозяйства и усадьбы, оброботывавшіе свои участки исполу; сверхъ того они исправляли и другія матеріальныя повинности. По своему быту они походили на нашихъ холоповъ прежняго времени; они могли сперва свободно переходить отъ одного господина къ другому; но потомъ, подобно имъ, какъ бы приросли къ землѣ, и были закрѣпощены. Они не были de jure личными рабами, но не могли сойти съ земли господина, а потому de facto вполнѣ отъ него зависѣли.

Такимъ образомъ, германцы представляютъ изъ себя множество помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, жившихъ съ своими рабами и земледѣльцами на собственныхъ участкахъ и управлявшіеся законами. Всякая власть опиралась на землю. Въ предѣлахъ своего участка помѣщикъ дѣйствовалъ, въ силу обычнаго права, вполнѣ самостоятельно.

Короли, которые выбирались изъ числа самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—что̀ совпадало съ знатностью рода. По возведеніи въ санъ они получали также увеличеніе своихъ земельныхъ участковъ. Соединеніе поземельной собственности съ правомъ всякой, а тѣмъ болѣе верховной власти, **Право конинговъ.**

есть коренное и основное германское понятіе; оно цѣликомъ переходитъ въ феодальное право. Отъ характера собственности и владѣнія зависитъ большая или меньшая степень свободы собственника. Только такая собственность, на которой не лежитъ никакой повинности или налога, никакихъ обязательствъ,—дѣлаетъ человѣка вполнѣ свободнымъ.

Возникновеніе королевской власти не измѣнило ни поземельныхъ отношеній волости, ни права, соединеннаго съ землевладѣніемъ. Нѣкоторая перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ появляется уже тогда, когда германцы осѣлись на римской почвѣ. Но въ первый періодъ завоеванія существеннымъ принципомъ остается наклонность германцевъ къ раздробленію быта и неспособность къ большой и сложной политической организаціи,—плодъ разсѣяннаго землевладѣнія. Извѣстно, что свои вторженія въ предѣлы Римской имперіи германцы дѣлали массами, съ семьями, при чемъ двигались со всѣми рабами и несвободными людьми. Дружины, окружающія особу короля, не были многочисленны, вопреки мнѣнію Эйхгорна и Гизо, которые отстаиваютъ дружинную систему ([1]).

Съ покореніемъ римскихъ провинцій германскіе кунинги господствуютъ надъ всѣмъ племенемъ, сохраняя прежнія отношенія къ свободнымъ родамъ. Послѣдніе имѣютъ надъ собой несвободныхъ, а также часть покоренныхъ. Овладѣвъ извѣстной областью, германцы берутъ съ ея третью долю иногда половину, а иногда $^{2}/_{3}$ земли себѣ. Такимъ образомъ количество несвободныхъ должно быть возрастать, потому что увеличивалось покоренными. Но рѣдко гдѣ стирался національный элементъ; это случилось только въ СВ. Галліи, гдѣ были ничтожныя римскія колоніи, а кельтское населеніе было очень велико. Тутъ прежніе владѣльцы были уничтожены массой или обращены въ оброчныхъ. Напротивъ, чѣмъ южнѣе въ Галліи, тѣмъ менѣе было франковъ;

([1]) По этому вопросу сдѣланы многія изслѣдованія. Мы укажемъ на три главнѣйшія: W a i t z—Deutsche Verfassungsgeschichte (3 B. 1882), R o t h, Gesch. des Beneficialswesens bis ins X Jahrhundert (Erl. 1850) и M a u r e r. Der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland (Erl 4 B. 1862). Выводы вполнѣ усвоены В а л ь т е р о м ъ въ его исторіи нѣмецкаго права, книга которая служитъ образцомъ исторической разработки древняго права. Въ русской литературѣ: статьи В ы з и н с к а г о въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1859 г. и ученое изслѣдованіе проф. В и н о г р а д о в а. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. (Пет. 1880).

они какъ будто боялись идти далѣе и селились ближе къ своимъ прежнимъ владѣніямъ. Въ Аквитаніи и южной Галліи ихъ почти не было, по этому-то тамъ въ большой чистотѣ сохранился латинскій языкъ. Вообще, германцы нестолько отнимали земли, сколько селились на пустопорожнихъ мѣстахъ или на доменахъ римскаго императора. Надо также замѣтить, что въ оброчниковъ германцы обращали только мелкихъ землевладѣльцевъ, а крупные оставались неприкосновенными.

На новыхъ земляхъ германцы не сохраняютъ общиннаго строя; всякое преданіе о немъ исчезаетъ; всякій заботится о себѣ. Свободные люди, нѣкогда связанные общинною собственностью, они теперь разсѣялись по всей странѣ. Забыта идея общины: у каждаго имѣется свой кусокъ земли, который онъ имѣетъ право передать своимъ дѣтямъ; онъ получаетъ его по жребію, или же по праву перваго захвата. Такъ какъ жребій назывался на старонѣмецкомъ языкѣ „Lod“, потомъ „Allod“, то и эти участки стали называться аллодами, а самая система аллодіальною. Земли же, принадлежавшія римской казнѣ (фискальныя) предоставлялись въ управленіе всецѣло кунингу, но притомъ такъ, что за заслуги онъ могъ воспользоваться значительною частью фискальныхъ земель. Аллодъ

Кунингъ, при болѣе представительной обстановкѣ, долженъ былъ и жить пышнѣе; поэтому ему и давалась значительная часть при дѣлежѣ земли. Кунингъ номинально считался намѣстникомъ императора, ибо не дерзалъ сбросить съ себя его авторитетъ.

У кунинговъ является, такимъ образомъ, двоякая власть— одна надъ германцами въ земляхъ аллодіальныхъ, другая надъ туземнымъ населеніемъ, въ земляхъ фискальныхъ. Въ земляхъ своихъ сподвижниковъ онъ чествовался, имѣлъ старыя герцогскія права, т. е. только какъ предводитель дружины; въ земляхъ же фискальныхъ онъ неограниченный администраторъ, а иногда даже и законодатель. Такимъ образомъ, характеръ королевской власти долженъ былъ измѣниться. Она невольно заражается тѣмъ элементомъ самовластія, которому доселѣ оставалась чужда въ дикихъ лѣсахъ старины. Тамъ германскій кунингъ прежде всего занимался своимъ хозяйствомъ, обработкой полей. Здѣсь же ему приводилось входить въ интересы городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ во главѣ

довольно сложнаго управленія. Явилась цѣлая наука объ управленіи,—наука, для него мало извѣстная. Надо было входить въ интересы духовенства, свободнаго населенія, управлять горожанами и проч.

Общинный союзъ такимъ образомъ разрушился и вмѣсто него возникъ союзъ государственный. Всѣ свободные люди становятся подчиненными королю, какъ будемъ теперь называть кунинга, приносятъ ему присягу въ вѣрности и обязаны: 1) нести общія государственныя повинности, т. е. всѣ аллодіальные владѣльцы обязаны по призыву участвовать въ народномъ ополченіи, вооружаясь на свой счетъ и 2) дѣлать подарки королю въ извѣстное время. Королю возможно было легко усилиться. Въ его рукахъ была личная собственность, въ видѣ самыхъ наибольшихъ участковъ изъ бывшихъ императорскихъ доменовъ, которая дѣлала его самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ и упрочивала его авторитетъ. Усиленіе власти королей много зависѣло, наконецъ, отъ условій духовныхъ, ибо всякую верховную власть христіанство приняло за правило освящать. При извѣстной идеѣ и честолюбивыхъ замыслахъ, въ способныхъ рукахъ власть варварскихъ кунинговъ обѣщала быть очень сильной и подавляющей въ каждой провинціи,— но этого не случилось; причиной было измѣненіе взаимныхъ отношеній между королемъ и дружиной. Излишне объяснять, что такое дружина. Это люди, которые всего ближе стояли къ кунингу, были его помощниками въ управленіи, находились впереди войска на войнѣ; за всё это они требовали хорошаго вознагражденія. Прежде они получали подарки оружіемъ, лошадьми и проч.; теперь, когда король разбогатѣлъ, дружина потребовала земель. Земель у ихъ короля было много и въ непосредственномъ владѣніи, а еще болѣе въ распоряженіи,—поэтому онъ могъ щедро раздавать ихъ дружинѣ. Большая часть дружинниковъ, получивъ отъ короля земли, селилась на нихъ; только немногіе оставались при особѣ короля. За свою службу дружинники получали много, даже очень много. Ихъ владѣнія были обширнѣе другихъ аллодіальныхъ владѣній. Они могли безбоязненно передавать эти земли и по наслѣдству.

Понятно, что живя вдали отъ кунинга, они мало имѣли съ нимъ связи: въ слѣдующемъ поколѣніи связь эта совершенно прекращалась.

Короли, принявъ католичество, щедро дарили огромныя имущества церквамъ и монастырямъ. Путемъ такихъ дар-

ственныхъ записей, посмертныхъ завѣщаній и обработки пустопорожнихъ мѣстъ, въ рукахъ Церкви скопились богатыя церковныя имущества.

Бенефиціи и лены.

Такимъ образомъ, возлѣ мелкихъ аллодіальныхъ владѣній, мы видимъ большія королевскія и монастырскія помѣстья, владѣнія дружинниковъ, этихъ въ будущемъ „знатныхъ“ людей. При этомъ королевскіе домены почти всегда равняются суммѣ всѣхъ аллодіальныхъ владѣній. Должно замѣтить, что тогда земля представляла главную или почти единственную цѣнность: монета исчезла, металлы хранились въ церквахъ и кладовыхъ. Платить было нечѣмъ, даже жалованье король выдавалъ землей. Давать вмѣсто денегъ земли было единственнымъ способомъ для найма военныхъ людей, ибо германцы, осѣвшись на новыхъ привольныхъ земляхъ, не всегда шли на войну за своимъ королемъ. Когда король, въ благодарность за услуги, давалъ дружиннику землю, то эта земля дѣлалась только личною собственностью послѣдняго. Король не давалъ сначала въ наслѣдственное владѣніе земель. Это была пожизненная награда за услуги, родъ нашего стариннаго московскаго „кормленія“. За это дружинникъ обязывался королю военной службой. Получившій такую землю, называвшуюся beneficium, приносилъ особую присягу, отличную отъ присяги всѣхъ прочихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ. Этой присягой онъ обязывался слѣдовать всякому призыву короля, служить ему въ войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ являются уже не аллодіальныя владѣнія, а бенефиціальныя. Здѣсь, вмѣсто государственныхъ, политическихъ отношеній, узаконяются рядомъ съ ними частныя отношенія, какъ бы договорныя. Получившій бенефицію, сохраняетъ её до тѣхъ поръ, пока остается вѣренъ королю. Король можетъ отнять дарованную землю въ случаѣ измѣны, непослушанія и т. п.; въ наслѣдство эта земля не переходила, если новый владѣлецъ не давалъ новой присяги. Равнымъ образомъ, если умиралъ король, то владѣлецъ долженъ былъ приносить присягу новому королю, который могъ и отнять землю. Слѣдовательно, бенефиція есть королевское достояніе, отданное въ пожизненное владѣніе съ обязательствомъ службы военной или придворной. Ясно, что не бенефиціальныя владѣнія вызываютъ службу военную и придворную, а напротивъ, служба даетъ право на бенефицію.

Въ природѣ всякаго владѣнія лежитъ естественная наклонность къ удержанію этого владѣнія въ потомствѣ,—къ наслѣдственности. Такъ и владѣльцы бенефицій старались обращать домены въ потомственныя владѣнія, не отказываясь отъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Короли противились этому. Сильные изъ нихъ отбирали въ свой фискъ владѣнія умершихъ, но слабые примирялись съ фактомъ. Наконецъ уступки вошли въ обычай. Короли, нуждаясь въ военныхъ людяхъ, соглашались оставлять отцовскія бенефиціи за сыновьями, но съ тѣмъ, чтобы они приносили новую присягу на тѣже обязательства. Дѣти ихъ снова клянутся соблюдать къ королю отношенія отцовъ. По мѣрѣ развитія наслѣдственной и обязательной военной службы, она дѣлается изъ личной—вещественной и переносится на землю. Владѣніе землей необходимо влечетъ за собой непремѣнно военную службу. Теперь даже простые воины за личную службу получаютъ небольшіе участки.

Такимъ образомъ, бенефиціальная система переходитъ въ дарственную. Такъ какъ „дарить" на древне-нѣмецкомъ языкѣ *leihen*, а даръ *Lehn*, то самая система называется *ленною*. Но она вмѣстѣ и присяжная. „Владѣніе" на древне-нѣмецкомъ *od*, а „вѣрность" *fe*; присяга на владѣніе *feod;* потому система эта называется также *феодальной*, а сами владѣльцы—феодалами.

Рядомъ съ тѣмъ аллоды не теряютъ своего существованія. Но имъ нельзя существовать долго вмѣстѣ съ ленами; они дробятся, переходятъ изъ рукъ въ руки; феоды же неотчуждаемы и наслѣдственны. По самому качеству такой родъ владѣнія привлекательнѣе и долженъ преобладать; ему предстояло будущее.

Господство ленной или феодальной системы.

Когда позволено было дружинникамъ передавать въ наслѣдство свои бенефиціи дѣтямъ, подъ условіемъ присяги королю, то бенефиція переименовывалась въ ленъ или феодъ. Мы уже не будемъ имѣть болѣе дѣла съ бенефиціями, хотя этотъ терминъ еще встрѣтится. Но аллоды, т. е. жеребьевые участки, продолжали существовать въ подавляющемъ большинствѣ. Рождался вопросъ—какая форма владѣнія одолѣетъ: прежняя аллодіальная или новая ленная. Старые аллоды были родовою и неотъемлемою собственностью; они были дѣлимы; ихъ можно было продавать и отчуждать. За то новые лены, по

самой своей природѣ, по характеру лежавшихъ на нихъ личныхъ обязанностей, не могли быть дѣлимы и отчуждаемы. Мы увидимъ, что именно въ силу этого послѣдняго выгоднаго для владѣльцевъ обстоятельства, ленный строй постепенно восторжествовалъ надъ аллодіальнымъ.

Въ ленномъ владѣніи наблюдаемъ существенно важную сторону. Извѣстно, что король въ своихъ долинахъ пользовался не только землей собственной и ея доходами, не только туземными людьми, такъ называемыми трибутаріями, не только туземными людьми, на ней поселенными, но и другими разнообразными статьями доходности. Напримѣръ, онъ могъ даровать своимъ дружинникамъ извѣстную часть налога съ предоставляемаго участка; онъ могъ предоставить всѣ налоги или подати съ участка; наконецъ, онъ могъ дружинникамъ дать только, напримѣръ, право суда. Если бы у короля для раздачи дружинникамъ не хватило земли, то никто не препятствовалъ ему поступать такимъ образомъ, т. е. отдавать въ ленъ какіе нибудь другіе доходы. Такимъ образомъ возникло понятіе о возможности смѣшенія права и государственнаго и частнаго, т. е. хозяйства государственнаго съ хозяйствомъ частнымъ, личнымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ особенность всей средневѣковой исторіи. Она долго не научалась отличать личное хозяйство отъ хозяйства государственнаго. Король, а за нимъ всякій крупный феодалъ, никакъ не могъ раздѣлить эти двѣ области.

Частное лицо можетъ получить въ даръ отъ короля, съ обязательствомъ одной лишь присяги, извѣстную функцію государственной власти и эксплуатировать ее доходнымъ образомъ. Причина въ томъ, что, когда король получалъ домены, по завоеваніи извѣстной провинціи,—онъ не могъ удержаться отъ соблазна постепенно объявить своимъ доходомъ, своею личною собственностью всё, нѣкогда принадлежавшее римской государственной казнѣ. Имѣя право раздавать въ награду части своихъ доменовъ, онъ считалъ себя вправѣ посягнуть и на общественное, государственное достояніе, ибо въ предѣлахъ государства онъ былъ неограниченнымъ властителемъ. Только германцы, его соплеменники, не признавали этой неограниченной власти. Вотъ тогда-то, т. е. искусившись въ управленіи римскимъ населеніемъ, понявъ по своему римское государственное право, германскіе кунинги сочли своею частною собственностью и всѣ государственныя права: судебную

мыхъ наслѣдниковъ. Короче, нѣмецкій мундіумъ—это римскій патронатъ.

Въ смутныя времена общегерманскаго періода, во время переселенія, въ эпоху личнаго произвола и безпрерывной борьбы элементовъ, мундіумъ долженъ былъ получить сильное развитіе, потому что, при недостаткѣ другихъ гарантій, онъ хотя сколько нибудь удовлетворялъ естественнымъ стремленіямъ каждаго общества къ порядку, къ внутренней безопасности и законному быту.

Свободные, а тѣмъ болѣе несвободные, нуждавшіеся въ защитѣ своей личности и имущества, люди слабые, естественно, избирали себѣ могущественнаго покровителя и поступали подъ его опеку или покровительство. Этотъ обычай добровольно отдавать себя подъ сильную руку называется commendatio или recommendatio. Потому commendare se in mundium alicujus, commendare se alicui—это значитъ по сущности идти въ опеку, идти подъ покровительство. И большая часть свободныхъ, но малосостоятельныхъ и бѣдныхъ, съ удовольствіемъ шла подъ такое патронатство. Замѣтимъ, что это пожертвованіе своей личностью вовсе не уничтожало личной свободы, а только нѣсколько сдерживало ее въ общегосударственныхъ вопросахъ. Коммендація влекла за собою повиновеніе, извѣстную услугу и обязанность со стороны опекаемыхъ и непремѣнно присягу, обѣщаніе вѣрности, — promissio fidelitatis. Такъ какъ самымъ сильнымъ лицемъ въ германскомъ обществѣ былъ король, то понятно, что наибольшее число лицъ были въ опекѣ короля. Сюда принадлежали всѣ вдовы, старики, малолѣтніе, иностранцы. Всѣ эти лица пользовались нѣкоторыми преимуществами и предпочтеніемъ въ судебномъ отношеніи. Въ случаѣ обиды, и за всякое противъ нихъ совершенное преступленіе часть денежной пени (fredium) поступала въ казну короля. Такъ какъ быть по близости короля, состоться въ его опекѣ, считалось очень лестнымъ, то даже сильные люди прибѣгали къ коммендаціи, становились подъ руку короля (in manu regis); такіе люди назывались fideles и antrustiones. Такимъ образомъ выраженіе—in mundeburdio regis — „быть въ опекѣ“ замѣняется въ сущности выраженіемъ in truste dominica — „быть подъ господской властью“. Слова: antrustio, trustis происходятъ отъ древнеготскаго Traust, Treue, — вѣрность или отъ Trust, Trosz — свита.

Впослѣдствіи, съ X вѣка вмѣсто commendatio стало употребляться всѣмъ извѣстное слово „vassaticum“, а вмѣсто antrustiones стали говорить vassi или вассалы. Вассалами стали называться тѣ лица, которыя приносили присягу на вѣрность непосредственно передъ королемъ, вслѣдствіи чего находились подъ его особымъ покровительствомъ. Взамѣнъ этого вассалы обязуются къ разнаго рода услугамъ. Такимъ образомъ вассальство коренится въ „mundium“. Правовымъ понятіемъ, предшествовавшимъ вассальству, было старинное представленіе опеки. Смыслъ того, другаго и третьяго выраженій, которые употреблялись въ разное время, одинъ и тотъ же. Вассаломъ короля посредствомъ коммендаціи могъ быть всякій, не только знатный и свободный, даже litus (низшій изъ германцевъ, изъ народа, Leute), tributarius (т. е. платившій подати, крестьянинъ). Тѣмъ чаще сами вассаллы, majores homines, имѣли вокругъ себя подначальныхъ вассаловъ (minores homines) изъ лицъ несвободнаго состоянія. **Вассалы.**

Такимъ образомъ система отношеній расширяется, подобно тому какъ экономическія отношенія, вслѣдствіи вліянія новыхъ имущественныхъ законовъ, улучшаются. Теперь законъ гарантируетъ даже тѣ личности, которыя прежде были не свободны. Въ этотъ-то моментъ тысячи аллодіальныхъ участковъ обратились въ феодальныя и одной изъ существенныхъ причинъ этого движенія, шедшаго изнутри, было желаніе стать въ вассальныя отношенія къ синьору, ибо это было выгодно, такъ какъ давало много гарантій. Такимъ образомъ являются феоды, не только данные самимъ королемъ, но feodae oblatae, т. е. поднесенные королю помимо его непосредственной иниціативы.

Такъ выработались вассальныя и феодальныя отношенія въ Западной Европѣ. Мы замѣтили, что положеніе вассаловъ давало много выгодъ и много гарантій. Но какія же были эти выгоды и гарантіи? Довольно вспомнить то, что жизнь королевскаго антрустіона по вирѣ цѣнилась въ три раза дороже, чѣмъ жизнь свободнаго франка. Это преимущество вполнѣ распространилось на вассаловъ. На еще важнѣе было то, что король всѣхъ должностныхъ лицъ назначалъ исключительно изъ своихъ вассаловъ, со времени Карла Великаго. Должно замѣтить, что вассальство слѣдуетъ нѣсколько отличать отъ ленства въ первое время развитія соціальныхъ формъ.

Отношенія вассаловъ къ сюзеренамъ.

Въ началѣ и коммендаціи и вассатикумъ были обусловливаемы чисто личными отношеніями. Тогда вассальныя отношенія не соединялись еще съ условіемъ непремѣннаго обладанія землей. Но, впослѣдствіи, коммендаціи распространились и на землю. Аллодіальный владѣлецъ, доселѣ свободный, если хотѣлъ служить государству, долженъ былъ, поступая подъ покровительство короля и дѣлаясь его вассаломъ лично, отдать подъ присягою королю свою землю. Король, ударивъ его мечемъ по плечу, тотчасъ этимъ самымъ обрядомъ отдавалъ ему обратно поднесенную землю во владѣніе пожизненное, цѣликомъ, увѣренный въ томъ, что новый вассалъ будетъ исполнять вѣрою и правдою свои обязанности. Понятно, что очень многіе обращались вмѣсто короля съ предложеніемъ своей земли къ знатнымъ владѣльцамъ, ибо и въ ихъ рукахъ было много земли, и они также могли защитить своего вассала отъ разбоя, отъ насилія. Необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго распространенія коммендацій и вассальныхъ отношеній было постепенное уменьшеніе числа независимыхъ людей и самостоятельныхъ собственниковъ. Къ X вѣку такіе люди совершенно исчезаютъ. Вассальныя отношенія крѣпкими тисками охватывали всё общество и вмѣсто самостоятельныхъ лицъ видимъ рядъ высшихъ и низшихъ зависимыхъ состояній. Параллельно съ этимъ исчезаетъ и свободная поземельная собственность. Да и помимо того крупная ленная, вассальная собственность должна была вытѣснить мелкіе, постепенно дробившіеся, аллодіальные участки. Весьма обычное явленіе, что мелкіе собственники не выдерживаютъ конкурренціи. Тѣмъ естественнѣе это было тогда, когда понятіе о правѣ только еще складывалось, когда рѣдко можно было найти крѣпкую гарантію, когда насиліе было общимъ правиломъ.

Но бывали такіе случаи, когда къ королю или синьору являлись мелкопомѣстные владѣльцы и отдавали ему свою землю; очень часто выходило, что ни король, ни даже феодалъ не принимали его на вассальныхъ условіяхъ. Ничтожность услугъ мелкаго владѣльца не стоила той отвѣтственности, какую долженъ былъ взять на себя синьоръ. Тогда требовали съ маленькаго владѣльца нѣчто большее, подвергая его денежному оброку, что называется цензомъ. Такимъ образомъ помимо вассальныхъ являлись другія отношенія. Эти люди, ничтожная собственность которыхъ была игнорируема.

назывались цензуалами (¹). Цензуалы рады были сохранить только личную свободу, ибо иначе самая ихъ личность была бы поглощена крупными феодалами, разбойниками. Цензуалы немногимъ отличались отъ несвободныхъ оброчниковъ, надъ которыми господинъ имѣлъ неограниченную власть. Этотъ классъ въ свою очередь пополнялся тѣми, которые, не имѣя поземельной собственности, или лишившись ея, охотно селились на земляхъ большихъ владѣльцевъ, обязываясь платить оброкъ деньгами или натурой. Такъ аллоды постепенно замѣнились ленами и цензуалами во всѣхъ провинціяхъ, покоренныхъ варварами. Изъ всѣхъ провинцій Римской имперіи, на которыхъ поселились германцы, внося свои новыя формы и идеи, только въ южной Галліи сохранились аллодіальные мелкіе собственники, до окончанія Альбигойскихъ войнъ и до покоренія Лангедока французами, т. е. до второй половины XIII вѣка. Это потому, что въ южной Галліи дѣйствовало римское право и преобладали галло-римскія понятія, а германское вліяніе было ничтожно. Во всѣхъ остальныхъ германскихъ государствахъ образовались крупныя владѣнія синьоровъ, состоявшія слѣдовательно изъ бенефицій самого синьора, изъ феодовъ его подвассаловъ, изъ участковъ цензуаловъ, трибутаріевъ и рабовъ (mansi ingenuiles, mansi litiles, mansi serviles). Всѣ, живші въ предѣлахъ территоріи, считались людьми синьора: одни — вассалами, другіе оброчниками, третьи были его рабами; два послѣдніе класса слились между собою впослѣдствіи въ крѣпостныхъ. Въ своихъ владѣніяхъ эти крупные территоріальные владѣльцы имѣли право верховной власти, предоставленной ему королемъ. Кругъ дѣятельности синьора былъ такимъ образомъ довольно обширенъ. Самъ синьоръ былъ обыкновенно королевскимъ вассаломъ, но, какъ очень рѣдкое исключеніе, встрѣчаются самостоятельные аллодіальные владѣльцы, которые не хотѣли признать новыхъ отношеній и не шли на поклонъ къ королю. Это были непремѣнно славнѣйшіе, богатѣйшіе владѣльцы, которые не имѣли причины бояться королей. Такъ какъ королевскіе вассалы имѣли непосредственное сношеніе съ своими людьми и только они могли выставлять военную силу, то, естественно, что они часто поднимали её и пользовались ею для своихъ

(¹) Отъ слова цензъ, т. е. плата, которою было обложено ихъ имущество.

цѣлей и въ собственныхъ интересахъ, часто даже противъ короля. Во всякомъ случаѣ всѣ сношенія короля съ массою народа были заграждены стѣною синьоровъ. Дѣлая постановленія касательно всего государства, предпринимая общія мѣры, король долженъ былъ прежде всего относиться къ синьорамъ; только при ихъ посредствѣ, при ихъ содѣйствіи эти общія мѣры могли быть приводимы въ исполненіе. Элементы прежняго народнаго ополченія перешли этимъ долгимъ путемъ въ частныя руки, въ зависимость отъ синьоровъ.

Общій ходъ развитія увлекалъ въ будущемъ и королевскую власть въ сферу вассальныхъ отношеній. Съ королемъ будутъ сноситься только непосредственные вассалы. Онъ, понятно, старался пріобрѣсти ихъ какъ можно болѣе и для личныхъ и для государственныхъ цѣлей. Внѣ вассальнаго союза король не будетъ имѣть никакого значенія и силы. Все его значеніе опирается на его непосредственные домены, но главнымъ образомъ на количество подчинившихся ему вассаловъ. Теперь онъ не имѣетъ возможности препятствовать наслѣдственности феодовъ. Вмѣстѣ съ этимъ прежнее государство, основанное на подданничествѣ, переходитъ въ государство вассальное, въ союзъ формацій, соединенныхъ между собою іерархіей высшихъ и низшихъ степеней. Такимъ образомъ по существу монархическая власть падаетъ. Карлу Великому удалось воскресить её на короткое время въ полномъ блескѣ и создать ту обширную имперію, которая напоминала Римскую. Но этотъ блескъ продолжался недолго. Послѣ его смерти снова произошло разложеніе по частямъ. Самый принципъ феодализма стоялъ въ противорѣчіи съ крѣпкимъ и слишкомъ обширнымъ государствомъ. Онъ подрывалъ достоинство и самостоятельность неограниченной власти.

2) Обычное право древнихъ германцевъ.

Политическія формы порождаются внѣшними обстоятельствами, тѣми или другими историческими событіями. Только право народа, его законы, создаются имъ самимъ. Даже законодательство, данное извнѣ, только тогда прививалось къ народамъ, когда народъ былъ подготовленъ къ нему своимъ предшествующимъ развитіемъ. Потому безъ знанія права нѣтъ знанія исторіи. Самое развитіе исторической науки подтверждаетъ это положеніе. Только тогда исторія стала на прочномъ основаніи, когда ввела въ свой составъ правовую область, какъ существенное проявленіе народныхъ инстинктовъ, народныхъ настроеній, народныхъ желаній.

Эта правовая сторона особенно важна при изученіи среднихъ вѣковъ. Пертцъ и Вайтцъ въ Германіи, Герардъ во Франціи (своею La Polyptique d'Irmenon) составили себѣ славу, работая надъ юридическими средневѣковыми памятниками. Они то и пролили особенно много новаго свѣта на средневѣковую исторію.

Когда говорятъ о положительномъ правѣ, то разумѣютъ его внѣшность, его содержаніе, т. е. памятникъ и самый смыслъ. Сперва, конечно, появляется право, которое уже впослѣдствіи облекается въ форму юридическаго памятника; эти памятники варварскаго періода называются „Leges Barbarorum". Они прежде не имѣли письменныхъ редакцій. Въ лѣсахъ Германіи, когда не было письменности, не было литературныхъ стремленій, существовало право обычное, переходившее отъ отца къ сыну. Только, послѣ болѣе или менѣе прочнаго утвержденія своего владычества въ провинціяхъ Западной Римской имперіи, варвары составили себѣ первые письменные кодексы, большею частію на латинскомъ языкѣ.

Должно отличать право обычное отъ права письменнаго. Германское право всегда оставалось обычнымъ правомъ по своему содержанію, потому что оно шло изъ народа, было его созданіемъ; постепенно принаравливаясь къ народнымъ потребностямъ, оно прислушивалось къ народному голосу. Римское же право, составленное по старымъ римскимъ традиціямъ, было письменнымъ законченнымъ и неподвижнымъ по своему характеру. Иногда оба законодательства уживались вмѣстѣ. Такъ было на почвѣ древней Галліи. Сѣверная часть Франціи до Луары называлась въ средніе вѣка pays du droit des

coutumes, т. е. страною права обычнаго, а другая—pays du droit écrit, страною права письменнаго; въ одной господствовало всегда право германское, а въ другой, южной, римское. Основой права германскаго были варварскіе законы; они имѣли много кодексовъ. Не только каждый народъ имѣлъ свои законодательства, но даже въ одномъ народѣ были разныя правовыя представленія. Тогда можно было видѣть бесѣдующими 5 человѣкъ, изъ которыхъ каждый жилъ по своимъ законамъ и судился по своему. Это варварское право было сначала не мѣстнымъ, но личнымъ. Такой личный характеръ законовъ не мѣшалъ, разумѣется до нѣкоторой степени, и выработкѣ въ нихъ извѣстныхъ особенностей.

Leges barbarorum: кодексы.

Со временемъ, съ переходомъ Германіи въ Имперію, образовались письменные кодексы. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: *Бургундскій* (въ королевствѣ Бургундскомъ, въ юговосточной Галліи), *Вестготскій* (въ южной Галліи), *Рипуарскій* (въ Галліи сѣверовосточной) и *Салійскій* (въ сѣверной Галліи). Затѣмъ слѣдуютъ менѣе важные кодексы позднѣйшей редакціи: *Саксонскій*, *Аллеманскій* и *Лангобардскій*. Мы остановимся на первыхъ четырехъ кодексахъ.

Бургундскій законникъ дошелъ до насъ въ редакціи Гундобольда, короля бургундскаго, жившаго въ началѣ VI-го вѣка. Эта редакція называется lex Gumbata, lex Gundobalda, loi Gombette (¹).

Вестготскій законникъ появился нѣсколько позже, въ половинѣ VII вѣка. Этотъ кодексъ оказалъ непосредственное вліяніе на Испанію, куда вестготы удалились, изгнанные изъ Галліи. Тамъ этотъ кодексъ вводился почти насильственно. Въ вестготскомъ кодексѣ двѣ части: первая часть, почти совершенно заимствованная изъ римскихъ законовъ, введена вестготами при Аларикѣ II; эта часть, конечно, стройная, ясная, какъ всё бывшее плодомъ работы или даже сотрудничества римскихъ юристовъ. Во второй, чисто германской части видна сбивчивость, запутанность, потому что редакторы не могли подобрать подходящихъ терминовъ для тевтонскихъ

(¹) Для спеціальнаго изученія бургундскихъ законовъ Peyré, Lois des Bourguignons, 1855 и Binding (Geschichte der Burgunden). Всѣ кодексы, здѣсь упомянутые, изданы Пертцемъ въ его Monumenta Germaniae historica. Въ настоящее время вышло уже 6 томовъ «законовъ».

юридическихъ представленій. Первая часть этого кодекса была составлена по желанію Аларика въ 505 г. для многочисленныхъ галло-римскихъ подданныхъ. Она носитъ слѣдующія названія: *lex Romana Visigothorum, breviarium Alaricianum, breviarium Aniani* по имени государственнаго канцлера Анніи, который подписалъ каждый экземпляръ сборника. Когда Аларикъ ввелъ этотъ кодексъ, то понятно, онъ долженъ былъ уничтожить кодексъ Өеодосія, оказавшійся тогда уже излишнимъ. Всѣ германскіе кунинги впослѣдствіи пользуются кодексомъ Аларика при составленіи свода законовъ и, такимъ образомъ, невольно соединили свое національное германское право съ правомъ побѣжденныхъ.

Третій сборникъ, весьма важный, дало Салійское законодательство ([1]). Относительно самаго сборника одни думали, что онъ былъ написанъ первоначально на латинскомъ языкѣ; другіе же доказывали, что оригиналъ на древне-нѣмецкомъ. Первое мнѣніе теперь стало общепринятымъ. Дѣйствительно, мы не знаемъ письменныхъ памятниковъ у германцевъ раньше распространенія между ними христіанства, а рунами законы никогда и нигдѣ не писались. Что касается до варіантовъ въ рукописяхъ, то это объясняется записываніемъ перевода подъ диктовку германцевъ, когда естественно трудно было составителю быстро подобрать подходящій терминъ. Первая редакція Салическаго сборника принадлежитъ Хлодвигу, но 65 главъ относятся къ языческому періоду его правленія, ибо онѣ составлены до 490 г., а 12 слѣдующихъ — къ христіанскому. Первоначальная редакція Салическаго сборника была сдѣлана въ областяхъ Фландріи и Брабанта.

Сборникъ Рипуарскихъ франковъ былъ составленъ позднѣе Салическаго сборника; онъ сдѣланъ въ Австразіи Теодорикомъ, сыномъ Хлодвига. Затѣмъ, Хильдебертъ и Хлотаръ уничтожили въ этомъ сборникѣ остатки язычества а Дагобертъ I въ половинѣ VII в. далъ окончательную редакцію. Эта редакція единственная и для нея нѣтъ варіантовъ. Рипуарскіе франки крѣпко держались своихъ законовъ. Когда они рѣшились признать Хлодвига своимъ королемъ, то включили

([1]) Лучшее изданіе кодекса принадлежитъ Пардесю, который въ 1843 г. издалъ огромный томъ, гдѣ помѣстилъ тщательный сводъ всѣхъ текстовъ Салическаго закона со всѣми варіантами и съ 14 спеціальными диссертаціями о важнѣйшихъ вопросахъ этого права.

условіе, чтобы онъ оставилъ имъ ихъ правовыя особенноности. Мы увидимъ, впрочемъ, что много общаго въ законодательствахъ у франковъ салійскихъ и рипуарскихъ. Говоря о законахъ франковъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ юридическомъ памятникѣ, открытомъ въ послѣднее время (¹).

Это законодательный сборникъ племени Хамавовъ, жившихъ на правомъ берегу нижняго Рейна. Этотъ сборникъ, уже позднѣйшій составленъ въ началѣ IX в. при Карлѣ Великомъ. Затѣмъ, уже гораздо позже, въ VIII и IX столѣтіяхъ явились сборники: Фризскій, Саксонскій, Аллеманскій и Лангобардскій Всѣ они не представляютъ особеннаго интереса съ внѣшней стороны. При обзорѣ внѣшней стороны памятниковъ, нужно упомянуть о такъ называемыхъ формулахъ Маркульфа. Подъ словомъ „формула" разумѣется внѣшняя, бумажная сторона дѣлопроизводства. Формулы—это образцы дѣловыхъ бумагъ: это законодательство въ его дѣйствіи. Для насъ формулы эти важны не съ внѣшней стороны, а собственно тѣмъ, что въ нихъ можно встрѣтить и то, что пропущено законниками. Монахъ Маркульфъ, по происхожденію франкъ, хорошо знавшій древніе обычаи, по просьбѣ Парижскаго епископа Ландерика, составилъ въ 660 г. сборникъ формулъ для разныхъ бумагъ. Онъ раздѣлилъ его на двѣ части, смотря потому, гдѣ производится дѣло, въ королевскомъ-ли дворцѣ, предъ королемъ, или передъ графомъ и его ассессорами. Первый отдѣлъ занимаютъ chartae regales, второй chartae pagenses. Теперь, кромѣ Маркульфовой, открыто много формулъ, въ библіотекахъ: Вѣнской, Парижской и др., относящихся къ этому же времени и также объясняющихъ германское законодательство. Напрасно упоминать, что всё это написано по латыни, потому что германской письменности тогда еще не существовало.

Содержаніе древне-германскаго права.

Теперь обратимся къ содержанію древняго варварскаго законодательства. Остановимся прежде всего на правѣ семейномъ.

Семья германская опиралась на имущественную связь мужа и жены. Взамѣнъ приданаго, которое приносила жена своему мужу, она, въ свою очередь, требовала отъ будущаго мужа Morgengabe, т. е. утренняго дара, который часто равнялся ея при-

---

(¹) Jus pagi Xantensis, Pertz. Leges, t. III.

данному. При этихъ основахъ семья должна была держаться крѣпко, потому что, въ случаѣ развода, одна сторона непремѣнно лишалась не только своего дара, но и своей собственности. Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, такъ и у германцевъ, бракъ носилъ первое время характеръ насильственный. Сперва было похищеніе, затѣмъ покупка женъ; обрядъ этой покупки долго остается, какъ напоминаніе прежняго обычая во многихъ германскихъ кодексахъ. Въ Салическомъ кодексѣ плата за жену назначалась въ одинъ солидъ; тоже встрѣчаемъ въ Бургундскомъ кодексѣ. Вдова стоила въ три раза дороже. Это показываетъ, что браки со вдовами были рѣже, а въ первое время даже наказывались, ибо по основамъ германскаго права всякая жена могла испытать только одинъ бракъ, такъ какъ она имѣетъ „одно тѣло и одну душу“. Подобную же теорію брака мы встрѣчаемъ у славянскихъ народовъ. И въ первое время и въ позднѣйшее, германское законодательство хочетъ скрѣпить узы брака, который оно ставило весьма высоко, возбраняя разводы безъ уважительныхъ причинъ. Мужъ могъ оставить свою жену въ трехъ случаяхъ: за измѣну, колдовство и поруганіе могилы; иначе бракъ не расторгался. Но бывали случаи, какъ видно изъ самаго законодательства, что мужъ бросалъ жену и безъ этихъ причинъ, безъ явнаго доказательства ея невѣрности и преступленій. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ отдать ей всё свое имущество; а впослѣдствіи ограничивался только тѣмъ, что отдавалъ ей только Morgengabe, ея утренній даръ; затѣмъ онъ могъ опять жениться. Но жена, бросившая своего мужа и тѣмъ задѣвшая его честь, наказывалась очень жестоко; её живую топили въ грязи.

Всѣ наказанія, которыя обозначены очень обстоятельно въ варварскихъ кадексахъ, сводятся непосредственно къ денежной пенѣ. Эта пеня не такъ тяжела за обиды, но тяжела за убійства. Во всѣхъ „Leges barbarorum“ не только свободные люди оцѣнивались различно, смотря по происхожденію, но даже несвободные имѣли разную цѣну, смотря по ихъ способностямъ. Особенно эта разница проводится въ Бургундскомъ кодексѣ, напр. за смерть простаго, неученаго раба владѣлецъ получалъ 30 солидовъ; но если его рабъ былъ пріученъ къ золотыхъ дѣлъ мастерству, то владѣлецъ требовалъ за убійство его 150 солидовъ. Въ вестготскомъ Вира.

сборникѣ мы не находимъ древнѣйшихъ германскихъ представленій,—потому что этотъ сборникъ переведенъ съ памятниковъ римскаго законодательства. Только во взглядахъ на семью въ вестготскомъ сборникѣ уцѣлѣло національное германское представленіе. Похищеніе женщины и связь съ нею влекли за собою рабство похитителя и 200 ударовъ кнута. Только уступка половины состоянія похитителя избавляла отъ постыднаго наказанія, и то въ томъ случаѣ, если онъ не успѣлъ опозорить похищенную женщину. Если похищенная выразитъ желаніе выйти замужъ за похитителя, то оба они наказывались смертью. Похитителя всякій могъ убить безнаказанно. Также строги были законы противъ насилія и разврата. Женихъ или мужъ обольщенной могли безнаказанно убить соблазнителя; родственники оскорбленной имѣли право обратить его въ своего раба.

Во всей относительной чистотѣ германское право сохранилось въ салическомъ кодексѣ т. е. въ кодексѣ, сѣверо-восточной Галліи. Разводъ у франковъ вообще не допускался ни въ какомъ случаѣ; жена, по евангельскому закону, гласитъ кодексъ, можетъ имѣть только одного мужа, ибо она имѣетъ только одно тѣло и одну душу. У салійскихъ франковъ сохранилось упоминаніе о покупкѣ женъ въ видѣ обряда. Женщина покупалась у отца за одинъ золотой, а цѣна вдовы была въ три раза дороже противъ обыкновенной. Въ виду значенія семьи или рода, всякая обида нанесенная отдѣльному лицу, была оплачиваема цѣлымъ родомъ. Отсюда является наслѣдственная родовая месть. Не только нисходящее потомство, но и боковыя линіи принимали участіе во всемъ, что касалось чести каждаго изъ членовъ рода.

Вознагражденіе за преступленіе называется Wehrgeld, въ латинскомъ переводѣ—compositio. Compositio было обычаемъ старымъ въ Германіи; о немъ упоминаетъ еще Тацитъ. Но виру нельзя смѣшивать съ денежнымъ штрафомъ. Послѣдній есть наказаніе, налагаемое государствомъ; первая же ничто иное, какъ сдѣлка между обидчикомъ и родомъ, къ которому обиженный принадлежалъ. Въ этой сдѣлкѣ государство не участвуетъ, оно старается только объ ея осуществленіи. Вира дѣлилась обыкновенно на двѣ неровныя части, носящія характеческія имена. Большая часть шла обиженному и называлась faida; меньшая называлась fredum и принадлежала фиску, правительству, содѣйствовавшему миру и гарантиро-

вавшему его. Но оскорбленный, если не желалъ получить денежнаго вознагражденія, могъ требовать личнаго удовлетворенія вмѣсто денегъ. Когда преступленіе совершалось, то обиженный или его семья требовали обидчика къ суду; если онъ не являлся, то подвергался изгнанію. Правомъ мести пользовались лишь свободные; за несвободныхъ мстилъ, т. е. получалъ деньги, ихъ господинъ. Сами они не могли требовать ни мести, ни штрафа. Нерѣдко неимущаго присуждали не къ изгнанію, не къ тѣлесному наказанію, а къ большому штрафу; тогда, не имѣя возможности заплатить штрафъ, онъ долженъ былъ совершить позорный обрядъ. Его 4 раза водили на базаръ въ толпу народа и, если не являлся покупщикъ, то его убивали. Такъ какъ весь родъ получалъ виру, то и уплата этой виры возлагалась на цѣлый родъ. На этомъ основаніи гражданское законодательство стѣсняло свободное распоряженіе каждаго своимъ имуществомъ. Отецъ семейства не могъ распоряжаться своею землей, отчуждать её безъ согласія своихъ дѣтей и боковыхъ родственниковъ. Желающій выйти изъ рода, отказаться отъ него, имѣлъ для того полную возможность. Для этого слѣдовало лично заявить на собраніи о такомъ желаніи, сломать четыре прута надъ головой, бросить куски и объявить объ отреченіи и отъ всѣхъ правъ и обязательствъ, соединявшихся съ родомъ.

Цѣна за одно и то же преступленіе у германскихъ народовъ была не одинакова. Она зависила: 1) отъ племени, къ которому принадлежалъ обиженный; 2) отъ его положенія въ обществѣ; 3) отъ времени и отчасти мѣста, гдѣ совершено преступленіе и 4) отъ пола и возраста обиженнаго. Такъ напр. римлянинъ цѣнился вдвое дешевле франка; несвободный—вдвое дешевле свободнаго, а рабъ—втрое дешевле римлянина. Самая дорогая плата была за убійство беременной женщины, потому что здѣсь государство теряло будущаго гражданина или гражданку,—а именно вира въ 700 золотыхъ солидовъ; затѣмъ, за убійство антрустіона, притомъ если послѣдній принадлежалъ къ франкскому племени, платилось 600 солидовъ, если же къ римскому—только 300. Убійство свободнаго франка оцѣнивалось въ 200 солидовъ; убійство свободнаго галло-римлянина, а также лита, въ 100 солидовъ. За убійство раба была установлена разная цѣна, смотря по ремеслу или занятію убитаго, отъ 35 до 75 солидовъ.

Весьма точно и систематично были установлены цѣны за оскорбленіе или увѣчье женщины. Такъ, за простое пожатіе пальца или кисти руки свободной женщины положено 15 солидовъ; за пожатіе той же руки нѣсколько выше, около локтя—35 солидовъ; за прикосновеніе къ тѣлу женщины 45 солидовъ; за оскорбленіе словомъ болѣе 100 солидовъ; за похищеніе, сопряженное съ насиліемъ, 200 солидовъ, или 200 ударовъ кнута; за ударъ, нанесенный беременной женщинѣ въ животъ, 600 солидовъ.

Вѣроятно, войны съ Римомъ невыгодно отозвались на нравственности германцевъ и они потеряли чувство прежняго уваженія къ женщинѣ, если потребовались особыя наказанія.

3) Арабы и Магометъ.

Историческая роль мусульманства.

Въ то время, какъ западная Римская имперія перестала существовать даже по имени, когда въ ея провинціяхъ крѣпко утвердились новые народы, когда греческая императорская власть слабо боролась съ лангобардами въ Италіи, когда надъ Меровингами нависла новая сила въ лицѣ ихъ меровъ, когда изъ глубины Германіи выходятъ послѣднія независимыя дружины, когда Восточные императоры умираютъ одинъ за другимъ, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ новыхъ раздоровъ и партій, кромѣ труповъ убитыхъ и изуродованныхъ предшественниковъ, однимъ словомъ, когда весь западный историческій міръ былъ видимо и до крайности разъединенъ,—тогда, въ первой половинѣ VII вѣка, на отдаленномъ Востокѣ зародилась новая объединяющая религіозная и политическая сила.

То было мусульманство.

Изъ приведеннаго сопоставленія можно заключить что новая религія возникла въ самое тяжелое для Европы время и потому предрекала великую опасность для христіанства, которое пріобрѣло въ ней могучаго соперника. Эта сила, сдѣлавшая великія завоеванія, была особенно могуча потому, что была идеальна въ своей сущности. Во всякомъ случаѣ, мусульманство обратило къ себѣ сотни милліоновъ людей, которые, безъ этого, приняли бы христіанство. Мусульманство имѣло въ себѣ самомъ живучесть; иначе оно не могло бы сохранить по настоящее время вѣковую прочность

и дѣлать новыя завоеванія среди христіанства даже въ наши дни, напримѣръ, между финскими инородцами въ нынѣшней восточной Россіи.

Но эта сила, тѣмъ не менѣе, не могла быть исторически-творческой: мусульманство было удовлетворительно, какъ религія, но, разъ допустивши насиліе надъ иновѣрными, оно отстранило развитіе отъ самого себя и потому въ исторіи человѣчества получило только отрицательное значеніе. Хотя мусульманство и теперь исповѣдуютъ многіе десятки милліоновъ, но его исторія закончилась на первыхъ столѣтіяхъ его существованія и само по себѣ оно не дало жизненной идеи. Недавно въ Берлинѣ профессоръ Дальманъ, говоря объ историческомъ значеніи мусульманства, опредѣлилъ его исторію съ отрицательной стороны. Какъ бы то ни было, но мусульманство запечатлѣло себя въ исторіи, потому что вліяло на ходъ исторической жизни Европы, вызывая ее на борьбу съ собою. Слѣдовательно само по себѣ оно не вызывало движенія, а лишь прилагалось такъ или иначе къ исторіи христіанства, относительно котораго историческая заслуга мусульманства состояла въ томъ, что оно способствовало болѣе или менѣе объединенію христіанскаго міра.

Но были годы, когда мусульманство какъ бы порывалось къ самодѣятельной жизни, когда оно выработало своеобразную цивилизацію и дѣлило ее съ Европой, когда оно хотѣло примкнуть къ классической традиціи, завѣщанной Греціей, — но уже и это одно ясно показываетъ, что въ самомъ себѣ мусульманскій просвѣтительный духъ не заключалъ движенія и саморазвитія, что для выполненія исторической цѣли онъ долженъ былъ заключить союзъ и исходить изъ чуждыхъ ему языческихъ античныхъ началъ.

Всѣмъ извѣстно, что мусульманство вышло изъ Аравіи, этой страны „Востока“ по Библіи. Корень географическаго наименованія этой обширной, безлѣсной и безплодной пустыни надо искать въ древне-еврейскомъ словѣ, которое знали Псалмопѣвецъ и пророки (¹) и которое значитъ пустыня, степь, сухая земля (²). Туземцы называютъ Аравію „Белед-эль-Арабъ“ —

(¹) Псалтирь; LXXI. 10, 15 (въ пер. преосв. Филарета изд. 1822 г. «цари Шавы»; въ новѣйшемъ, Синодальномъ—«цари Аравіи»). Книга Исаіи; XXI, 13. Iер. XXV, 24. Iезек. XXVII, 21.

(²) Солярскій. Опытъ библейскаго словаря; I, 140.

честь этихъ свѣтилъ. У арабовъ сабеизмъ смѣшался съ дикимъ суевѣріемъ и упалъ, болѣе чѣмъ у кого нибудь, до грубаго идолопоклонства. Потребовались кровавыя жертвы, для чего преимущественно избирали новорожденныхъ дѣвочекъ, которыхъ сожигали живьемъ, такъ какъ женщины считались безполезными и отяготительными въ этой бродячей и кочевой жизни, исполненной всякихъ лишеній.

Но однимъ сабеизмомъ не ограничилась первоначальная религія Аравійскаго полуострова: рядомъ съ сабейскою вѣрою здѣсь впослѣдствіи пріютилась религія маговъ изъ Персіи. Это было поклоненіе огню. Источникъ той и другой религіи, сабеизма и магизма, былъ одинъ и тотъ же. Все исходило изъ поклоненія и обожанія свѣтящей силы. Въ первой своей формѣ и магизмъ былъ чистою, духовною вѣрою. Онъ признавалъ единое высшее существо, которое своимъ творческимъ словомъ создало Ормузда и Аримана, двѣ враждебныя и вѣчно борющіяся силы добра и зла. Маги не имѣли ни храмовъ, ни жертвенниковъ. Они чтили также солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, но осуществленіемъ его на землѣ признавали огонь и потому по ночамъ постоянно зажигали огни на видныхъ пунктахъ, преимущественно на вершинахъ горъ. Зороастръ среди этихъ огнепоклонниковъ впервые ввелъ въ употребленіе храмы, гдѣ священный огонь, будто сошедшій съ неба, безпрерывно поддерживался жрецами. Затѣмъ маги стали преимущественно поклоняться огню, какъ истинному Богу, и ненавидѣть тьму, какъ обиталище сатаны. Въ своей фанатической ревности они хватали невѣрующихъ и предавали пламени, желая тѣмъ умилостивить свое огненное божество.

Такимъ образомъ, въ началѣ VI вѣка, въ Аравіи повсюду господствовало идолопоклонство въ формѣ сабеизма и магизма. Только іудеи и христіане принесли съ собой въ Аравію чистое, духовное ученіе. Ихъ было не мало въ Аравіи. Евреи пришли туда послѣ разрушенія Іерусалима. Извѣстно, что апостолъ Павелъ лично проповѣдывалъ въ Аравіи. Затѣмъ многіе христіанскіе отшельники поселились на этомъ полуостровѣ, спасаясь отъ гоненій Византійскаго правительства и отъ раздоровъ, терзавшихъ тогда христіанскую Церковь; христіане обратили многія кочевья арабовъ въ истинную вѣру. Такимъ образомъ ранняя исторія Аравіи представляетъ собой борьбу различныхъ родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

борьбу религій, среди послѣдователей которыхъ преобладаетъ идолопоклонство. Никто не могъ покорить арабовъ, этихъ сыновъ пустыни, но разъединенные арабы съ своей стороны никому не грозили опасностью.

Характеристика Магомета.

Магометъ, родившійся въ апрѣлѣ 569 г. въ городѣ Меккѣ, поставилъ себѣ цѣлью вернуть арабовъ къ прежнему, неизвращенному поклоненію незримому Верховному Существу и затѣмъ объединить силою вѣры свой разрозненный народъ. Слѣдовательно, Магометъ имѣлъ идеалы въ прошломъ. Онъ хотѣлъ очистить древнюю религію предковъ, но въ его духѣ всегда преобладали скорѣе религіозныя стремленія, чѣмъ политическія. Происходя изъ знатнаго рода Корейшитовъ, онъ былъ крайне бѣденъ. Самое его рожденіе, по поэтическимъ арабскимъ легендамъ, сопровождалось знаменіями и чудесами, какъ рожденіе всякаго великаго пророка и основателя религіи. Его мать не испытала болей при родахъ. Небесный огонь озарилъ окрестность и младенецъ уже возговорилъ въ первыя минуты по своемъ рожденіи: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и я пророкъ Его". Въ ту же самую ночь священный огонь Зороастра, который горѣлъ тысячи лѣтъ, внезапно погасъ и всѣ идолы въ мірѣ упали. Демоны, которые, скрываясь на звѣздахъ, оказываютъ оттуда зловредное вліяніе на сыновъ человѣческихъ, прогнаны были чистыми ангелами и, вмѣстѣ со своимъ главою Иблисомъ или Люциферомъ, низвержены въ море. Самое имя, данное младенцу, должно было внушить его будущее величіе. По преданію, не только овцы, завидя его, радостно блеяли, но и сама луна почтительно поклонилась ему. Оставляя въ сторонѣ эти легенды, теперь слѣдуетъ поставить вопросъ, насколько Магометъ былъ одаренъ высокими порывами.

Онъ былъ поэтъ по натурѣ, но тѣло его было крайне болѣзненно въ первое время. Онъ страдалъ припадками падучей болѣзни; онъ не разъ говорилъ, что боится сойти съ ума отъ страшнаго нервознаго потрясенія, которое имъ овладѣвало. Поэтому несправедливо христіанскіе историки называютъ его обманщикомъ и лицемѣромъ. Все, что онъ говорилъ, было не обманъ, а искреннее убѣжденіе его души, на которое вліяло его болѣзненно нервное настроеніе. Извѣстно, что въ XIII вѣкѣ была распространена знаменитая книга, которую справедливо преслѣдовало католическое духовенство главнымъ образомъ потому, что въ ней основателямъ религіи

приписываются слишкомъ низменныя цѣли. Въ ихъ числѣ значился и Магометъ. Она пріобрѣла извѣстность страннымъ образомъ среди францисканскихъ монаховъ. Этотъ памфлетъ— „De tribus impostoribus“—(о трехъ обманщикахъ) появился вѣроятно, среди итальянскихъ еретиковъ; въ 1598 г. книга была тайно напечатана неизвѣстно гдѣ; теперь ея имѣется не болѣе трехъ экземпляровъ. Въ настоящее время было бы уже странно смотрѣть на Магомета, съ точки зрѣнія памфлетиста. Всѣ его убѣжденія были искренни и вся его жизнь подтверждаетъ это ([1]).

Въ новой исторической наукѣ ясно поставленъ вопросъ о томъ, что проповѣдь Магомета обусловливалась его тѣлес-

([1]) Главнымъ источникомъ для изученія жизни Магомета служитъ сборникъ Абуль-Феда: «De vita et rebus gestis Mohammedis (Ox. 1722). Изъ новыхъ трудовъ первой половины нашего вѣка, кромѣ англійскаго сочиненія Тэйлора (History of Mahomed, 1839), и разсказа Вашингтона-Ирвинга: «Жизнь Магомета» (въ р. переводѣ, 1873), важенъ трудъ Вейля Mohammed der Prophet (Stuttg. 1843). Его же: Geschichte der Chalifen (M. 1846--51), и Historisch - kritische Einleitung in den Koran (Biel. 1878, 2 B.). Позднѣйшія работы еще важнѣе: Шпренгера (Leben und Lehre des Mohammed) и Muir (The life of Mohammed. L 4 vls. 1861). По исторіи отношеній къ іудейству и христіанству ислама и отношеній его къ сабеизму, кромѣ трудовъ западныхъ ученыхъ: Noeldeke (1860) Von-Kremer (1873), Siessel (1875), Dozy (Essai sur l'histoire de l'islamisme, 1879),—съ удовольствіемъ можно указать на русскія любопытныя сочиненія, вышедшія въ Казани, написанныя спеціалистами въ арабскомъ языкѣ:— Г. С. Саблукова (Сличеніе мохаммеданскаго ученія объ именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ, 1873. Свѣдѣнія о Коранѣ. 1879), Н. Ильина (Происхожденіе и характеръ Ислама, 1876), А. Леопольдова (Опытъ изложенія мухамеданства по ученію ханифитовъ, 1873), Н. П. Остроумова (Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ, 1874) А. И. Свѣтлакова (Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана, 1875), Е. А. Малова (Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо, 1876) и особенно доцента М. А. Машанова (Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда какъ введеніе къ изученію Ислама, ч. I, 1885). Послѣднее весьма цѣнное сочиненіе—вкладъ въ историческую науку о Востокѣ. Трудъ г. Машанова задуманъ очень широко и, по содержанію перваго тома, посвященнаго изученію «религіознаго быта арабовъ язычниковъ въ эпоху Мухаммеда» не только не уступаетъ лучшимъ западнымъ трудамъ по этому предмету, но во многомъ значительно ихъ превосходитъ. Во второмъ томѣ будетъ изображено положеніе христіанства, іудейства, магизма, сабеизма и идолопоклонства въ Аравіи; въ третьемъ общественная и политическая жизнь арабовъ съ историческимъ обозрѣніемъ до Магомета. Лучшій изъ русскихъ переводовъ Корана, сдѣланный съ подлинника, принадлежитъ тому-же Саблукову (К. 1878), который издалъ къ нему: Приложенія (вып. I, 1879) и Свѣдѣнія о Коранѣ (1879). Невѣрный переводъ г. Николаева—съ французскаго изд. Казимирскаго (М. 1876, 4 изд.). Вообще т. н. «Миссіонерскій Сборникъ», изд. въ Казани, котораго вышло почти 20 томовъ, представляетъ богатый по своей цѣнности и обработкѣ матеріалъ для изученія ислама по непосредственнымъ источникамъ (1873—1888 г.).

ной организацiей. На Магомета еще съ юношескихъ лѣтъ находили минуты высокаго экстаза. Причиной этого были порывы его поэтической души, которую не удовлетворяли господствовавшія суевѣрія, которая возмущалась извращеніемъ старой религіи. Съ другой стороны на его ученіе вліяла суровая аскетическая жизнь, на которую Магометъ рано обрекъ себя, сперва по необходимости, а потомъ по призванію. Онъ лишился отца еще въ младенчествѣ, а матери на шестомъ году. Онъ росъ у родныхъ, которые плохо лелѣяли его. Все его наслѣдственное имущество состояло изъ пяти верблюдовъ, нѣсколькихъ овецъ и одной рабыни. Ему приходилось наниматься городскимъ пастухомъ въ Меккѣ. Совершая путешествія въ Сирію, онъ познакомился съ христіанскимъ отшельникомъ, имя котораго въ точности неизвѣстно; его называютъ то Георгіемъ, то Сергіемъ. Этотъ отшельникъ просвѣтилъ христіанскимъ ученіемъ умъ Магомета. Женитьба на богатой вдовѣ, Хадиджѣ, поправила его средства, но не исцѣлила его отъ галлюцинацій и иллюзій, которыми онъ страдалъ.

Физіологія теперь обстоятельно выясняетъ причину непроизвольныхъ иллюзій и галлюцинацій; эти доводы, резюмированные напримѣръ Дрэперомъ, вполнѣ приложимы къ Магомету. Какъ скоро сила непосредственной чувствительности не превышаетъ силы образовъ, уже напечатлѣнныхъ въ мозгу, послѣдніе возобладаютъ и результатомъ ихъ являются всевозможныя видѣнія и призраки. Чѣмъ больше человѣкъ ослабляетъ свои органы чувствъ, тѣмъ живѣе бываетъ галлюцинація, тѣмъ глубже иллюзія. Эти образы, какъ бы сами собой возникающіе, называются въ физіологіи обратнымъ видѣніемъ или мозговымъ зрѣніемъ. Ихъ несправедливо считаютъ сверхъестественными; это—явленія не психическія, а результатъ нервной дѣятельности: человѣкъ безотвѣтенъ за нихъ.

Вотъ такими-то болѣзненными иллюзіями страдалъ Магометъ. Человѣкъ, именовавшій себя посланникомъ неба, былъ посѣщаемъ сверхъестественными видѣніями; онъ слышалъ разъ, какъ тайный голосъ назвалъ его пророкомъ. Это было въ минуты самого суроваго аскетизма, когда онъ въ пустынѣ, въ палаткѣ, размышлялъ о незримомъ высшемъ существѣ. Ему въ сумеркахъ показалось, что въ палатку вошелъ архангелъ Гавріилъ. Жена Хадиджа, бывшая съ нимъ, замѣтивъ волненіе на его лицѣ, старалась его успокоить, а въ сущности сама поселила въ немъ неотвязчивую мысль о его божественномъ призваніи.

Она первая преклонилась предъ нимъ, признавъ себя первой вѣрующей.

Чрезъ три года такихъ адептовъ было 40. Въ числѣ ихъ были: Али, его зять, только что женившійся на его дочери, Абу-Бекръ, Османъ,—всё будущіе халифы.

Всѣ эти адепты признавали единое высшее существо, а Магомета его пророкомъ.

Исламъ. Новая вѣра въ сущности сперва стремилась къ реставраціи сабейской религіи. Даже желѣзный камень Каабы, которому издревле покланялись арабы и который по однимъ былъ принесенъ Гавріиломъ, по другимъ былъ найденъ имъ самимъ, по третьимъ упалъ изъ рая,—даже и этотъ камень сохранилъ свое значеніе. Магометъ, не смотря на то, что противился всякому вещественному изображенію Божества, не лишилъ этотъ камень его религіознаго значенія, потому что съ нимъ были связаны преданія объ Авраамѣ и Измаилѣ, родоначальникахъ племени. Этотъ знаменитый камень до сихъ поръ служитъ предметомъ поклоненія правовѣрныхъ; онъ замуравленъ въ южномъ углу священной мечети въ Меккѣ.

Магомета въ первое время жестоко преслѣдовали за его проповѣдь. Родъ Корейшитовъ прикрылъ его своимъ вліяніемъ. Но вскорѣ ему пришлось спасаться отъ гонителей, когда умеръ Абу-Талебъ, глава рода Корейшитовъ. Даже чудеса не дѣйствовали. Магометъ объявилъ, что онъ носился на крылатомъ конѣ въ Іерусалимъ, а оттуда къ престолу Бога, гдѣ лицезрѣлъ первыхъ пророковъ: Авраама, Моисея и Іисуса. Его осмѣяли и хотѣли убить. Онъ въ ночь на 16 іюня 622 г. бѣжалъ въ Медину, гдѣ построилъ первую мечеть. Откуда пошло мусульманство.

Рѣшеніе Магомета пропагандировать свое ученіе относится къ 623 году нашей эры. Онъ не дѣйствовалъ наступательно и десяти лѣтъ, но за это время совершилось много великихъ событій въ Аравіи. Она радикально измѣнилась не только въ своемъ религіозномъ, но и политическомъ быту. Уже одно это заставляетъ признать идеальную силу мусульманства.

По всему вѣроятію, Магометъ былъ безграмотенъ. Арабское преданіе, записанное у Абулъ Феды, говоритъ, что онъ достигъ таланта чтенія и письма внезапно, по вдохновенію свыше. Во всякомъ случаѣ, пророкъ распространялъ свое ученіе изустно; только послѣ записывали приближенные

его изреченія на пальмовыхъ листьяхъ, на корѣ, на кожѣ, редактируя эти поученія, которыя отъ арабскаго слова „караа,“ что значитъ „читалъ“, получили названіе *Корана* (съ прибавкою члена „аль“, потому, *Аль-коранъ* значитъ книга по преимуществу, *книга для чтенія*). Самое слово *исламъ*, что значитъ покорность Богу, происходитъ отъ *салама*, что значитъ „предался“. Христіане отсюда образовали *исламизмъ*, арабы же произвели *мослимъ*, *муслемъ*. Мусульманинъ будетъ тотъ, кто „предался Богу“. Въ двойственномъ числѣ это слово образуетъ *муслиманъ*, во множественномъ *муслимунъ*; но въ европейскихъ языкахъ множественное число изъ единственнаго образуется по своимъ, а не по симетическимъ лингвистическимъ формамъ, и отсюда, вмѣсто *муслименъ*, французы говорятъ—*musulmans*, русскіе—*мусульмане*.

Самому Магомету послѣ бѣгства пришлось неоднократно упрочивать вѣру и словомъ и мечемъ. Онъ усилилъ свое небольшое братство евреями: тутъ наблюдаются первыя колебанія въ дѣятельности пророка, его неустойчивость. Ради привлеченія христіанъ, введенъ продолжительный постъ; священнымъ мѣстомъ избранъ Іерусалимъ. Но когда евреи скоро отклонились отъ новой проповѣди, то Мекка замѣнила мѣсто Іерусалима, и вмѣсто христіанскаго поста назначенъ Рамазанъ; тридцать дней посвящались посту и чувственному воздержанію, но постъ—только отъ восхода до заката солнца. Недѣльнымъ праздникомъ была опредѣлена пятница, въ отличіе отъ еврейской субботы и христіанскаго воскресенья. Молитва должна была совершаться пять разъ въ день. По изреченію Магомета, молитва ведетъ людей до половины пути къ Богу, постъ доводитъ до его порога, а милостыня и добрыя дѣла ставятъ прямо противъ лица Бога. Добрыя дѣла положены, такимъ образомъ, въ основу спасенія. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно Магометъ пользовался Ветхимъ Завѣтомъ и Евангеліемъ. Но дойдя до своего откровенія путемъ аскетизма, онъ не считалъ нужнымъ поддерживать Исламъ умерщвленіемъ плоти. Напротивъ, онъ допускаетъ многоженство, рекомендуя до четырехъ женъ, хотя извѣстно, что онъ самъ пользовался очень щедро своимъ правомъ, имѣя до 9 женъ. Коранъ питаетъ высокое уваженіе къ Христу, какъ къ Пророку, величайшему изъ посланныхъ до Магомета. Христосъ былъ посланъ по Корану для исправленія закона, но всякая мысль о его божественности, тайна его смерти, воплощенія, воскресенія признается ученіемъ нечестивымъ, а

то былъ проклятъ, и изгнанъ изъ рая и сталъ называться сатаной. Мстя за униженіе, онъ творитъ сынамъ человѣческимъ всякое зло и вселяетъ въ нихъ непокорность и нечестіе. Низшіе ангелы называются Моакибатъ; ко всякому смертному, на каждый день, приставлены два такихъ ангела—справа и слѣва. Къ вечеру они улетаютъ на небо съ донесеніемъ, а на слѣдующій день ихъ мѣсто занимаютъ двое другихъ ангеловъ. Всякое доброе дѣло ангелъ справа записываетъ 10 разъ для поощренія смертнаго, а ангелъ слѣва, въ случаѣ, если человѣкъ согрѣшитъ, записываетъ грѣхъ не ранѣе, какъ чрезъ 7 часовъ, въ продолженіе которыхъ человѣку предоставляется искупить свой грѣхъ. Духовныя существа, кромѣ ангеловъ, называются джинами или геніями; созданныя изъ огня, они смертны и подчинены дьяволу. Они дѣлятся у шіитовъ на дивовъ и пери. Дивы—страшные великаны; пери—кроткія существа женскаго пола. Крылатыя прекрасныя женщины, кромѣ ангеловъ-геніевъ, защищаютъ людей. Это богини судьбы. Онѣ всегда являются съ готовностью на помощь смертнымъ.

Переходимъ къ третьему вопросу — значенію Корана. Эта книга также важна для мусульманъ, какъ Евангеліе для христіанъ. Самый переводъ этой книги нужно лобызать; нечистыми руками къ ней нельзя прикасаться; въ силу того же благоговѣйнаго чувства нельзя Коранъ держать ниже пояса. Мусульмане клянутся Кораномъ и гадаютъ на немъ. Хотя Коранъ есть произведеніе энтузіаста, но тѣмъ не менѣе это удивительный памятникъ самостоятельныхъ законовъ, принаровленныхъ къ обычаямъ и потребностямъ знойнаго тропическаго климата. Что касается ученія о пророкахъ, то такихъ полагается до 12 тысячъ, но верховныхъ пророковъ всего шесть: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Магометъ.

Замѣчательно подробно развито ученіе о возмездіи въ загробной жизни, представленіе о страшномъ судѣ. Душу умершаго правовѣрнаго встрѣчаетъ Азраилъ въ эфирномъ безконечномъ пространствѣ. Два ангела—Мункаръ и Накиръ являются въ могилу для допроса души, которая соединяется на это время съ тѣломъ и остается въ такомъ видѣ, пока производится испытаніе. Умершаго ангелы заставляютъ почтительно встать и испытываютъ его объ единствѣ Бога, о призваніи Магомета и объ его дѣяніяхъ. Все это тщательно записывается. Если отвѣты удовлетворительны, то душа тихо вылетаетъ изъ рта, а тѣло остается въ недвижномъ покоѣ; если же нѣтъ, то

ангеламъ приходится тихонько бить умершаго по лбу желѣзными палками, пока не выйдетъ изъ него душа, напутствуемая стонами и мучительными конвульсіями. Для удобства такого дознанія хоронятъ мусульманъ въ пещерахъ или въ могилахъ со сводами, при чемъ трупъ становится почти въ вертикальномъ положеніи, дабы не затруднять покойника переворачиваться или выпрямляться; для того его завертываютъ въ широкій саванъ. Въ силу этого у мусульманъ не дозволено погребеніе въ гробахъ, что тщательно соблюдается при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. До воскресенія душа пребываетъ среди духовъ; такое состояніе души—переходное. Святые люди и пророки сразу наслаждаются этою жизнью. Души простыхъ людей порхаютъ около могилъ до страшнаго суда. Поэтому могилы должны быть чествуемы и украшаемы деревьями. Страшный судъ настанетъ послѣ третьей трубы Израфила.

Со всею обстоятельностью, которой позавидовалъ бы самъ Данте, толкователи Корана изображаютъ ступени ада и услады рая. Адъ (Джегеннумъ), имѣетъ 7 ярусовъ, изъ которыхъ первый, въ родѣ чистительнаго ада, предназначается для мусульманъ; 2) Ляза, палящій огонь, для христіанъ; 3) Хутама, сильный огонь, для евреевъ; 4) Саиръ, пламенный огонь, для сабеевъ; 5) Сакаръ, жгучій огонь, для маговъ; 6) Джахимъ, знойно жаркій огонь, для идолопоклонниковъ; 7) Гавіа (Hâvia) бездна, для лицемѣровъ. Мусульманинъ всегда спасется; по ученію нѣкоторыхъ толкователей Корана, правовѣрный, даже согрѣшая, никакъ не попадетъ въ геенну, это мѣсто для невѣрующихъ; по толкованію другихъ, для грѣшниковъ-мусульманъ наказаніемъ служитъ скитаніе послѣ смерти по землѣ отъ 900 до 200000 лѣтъ. Чистилище, Аль-арафъ спеціально предназначено для дѣтей, лунатиковъ, идіотовъ, для безвредныхъ и въ то же время безполезныхъ людей, у которыхъ въ жизни добро равнялось злу. Что касается Магометова рая, Дженннетъ, украшеннаго всѣми прелестями южнаго воображенія, то впечатлѣніе, которое онъ долженствовалъ производить на мусульманъ, было чисто чувственное, доступное пониманію араба, жителя юга. Каждому правовѣрному тамъ предназначаются черноглазыя гуріи, которыя вѣчно возвращаютъ свою дѣвственность. Такъ какъ призванные въ рай должны наслаждаться чувственно, то тамъ не можетъ быть старости; возрасты сглаживаются, а зрѣлый возрастъ человѣка (30 лѣтъ) берется за норму.

Шестой догматъ, ученіе о предопредѣленіи, создалъ въ сущности главный успѣхъ мусульманству. Благодаря предопредѣленію, мусульмане могли, не задумываясь, жертвовать своею жизнью. Смерть на полѣ битвы готовила мученику рай со всѣми его прелестями, а побѣда при жизни сулила возможность воспользоваться чужими богатствами. Свободная человѣческая воля была безсильна отвратить грѣхъ или несчастье: все на свѣтѣ предопредѣлено.

Успѣхи Магомета. Магометъ началъ проповѣдывать, имѣя 40 лѣтъ отъ роду. Никогда не измѣнялъ онъ своему образу мыслей. Онъ не думалъ о свѣтскомъ честолюбіи. Получивъ власть, онъ изъ Медины дѣлаетъ безпощадныя нападенія на мекксихъ Корейшитовъ. Два города, такимъ образомъ, вступили въ мелкую вражду, которая проявлялась въ разбойническихъ набѣгахъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Мединцы были бѣдны и въ сраженіяхъ храбры; Корейшиты были богаты отъ торговли, изнѣженны и рано или поздно должны были быть поражены. Въ первомъ столкновеніи Магометъ одержалъ верхъ, но потомъ понесъ пораженія и принужденъ былъ заключить съ Меккой перемиріе въ 628 г. Но это было только начало борьбы; конецъ же былъ въ пользу Магомета. Еще раньше онъ рѣшился наказать жителей еврейской общины. Это наказаніе было ужасно. Въ первый разъ онъ вышелъ изъ себя и перебилъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей обратилъ въ рабство. Такимъ образомъ, нетерпимость сказалась въ самомъ Магометѣ; если уже онъ самъ не былъ способенъ устоять, то, естественно, не устояли и его противники. Разъ испробовавъ силу, Магометъ рѣшился примѣнять её ко всѣмъ. Хозрой, царь Персидскій, къ которому слишкомъ рано обратился Магометъ съ предложеніемъ принять его ученіе, разорвалъ его письмо. Намѣстникъ Египта, получивъ такое же предложеніе, казнилъ посла, привезшаго грамоту. Между тѣмъ Магометъ могъ располагать уже тремя тысячами людей, которыхъ онъ посылаетъ на Египетъ, но неудачно. Не ожидая срока перемирія съ Меккой, Магометъ кидается на этотъ городъ. Онъ овладѣлъ Меккой въ 650 году, но велѣлъ казнить только четырехъ гражданъ. Идолопоклонство было уничтожено, но Кааба оставалась священнымъ мѣстомъ. Только тогда восторжествовалъ Магометъ и его ученіе стало распространяться между арабами. Передъ смертью, Магометъ

думалъ о походѣ на Византію, но это было пока не по его военнымъ силамъ и средствамъ.

Во всякомъ случаѣ, ему содѣйствовали не побѣды, а его увлеченіе, его экстазъ, проповѣдь. Что онъ не былъ воиномъ, это внѣ всякаго сомнѣнія. Мы видимъ, что удачи его слѣдовали за неудачами и наоборотъ. Что онъ не имѣлъ воинственнаго духа, это объясняется образомъ его жизни. Извѣстно, что всего пріятнѣе онъ проводилъ свое время въ кругу женъ, къ которымъ онъ являлся съ разчесанными волосами, предварительно разгладивъ свою бороду. Онъ не скрывалъ; что двѣ вещи на свѣтѣ его восхищаютъ: женщины и благовонія. Въ немъ не было воинственнаго закала и сильнаго духа его преемниковъ; самъ онъ равнодушно относился къ своимъ военнымъ успѣхамъ. Они не возбуждали въ немъ ни гордости, ни тщеславія. Духъ его стремился унестись выше земнаго; его занимали только слова проповѣди; даже на высотѣ власти онъ сохранилъ первоначальную простоту. Онъ избѣгалъ пышности въ одеждѣ, не любилъ почестей, въ чемъ слѣдовалъ другимъ пророкамъ. Онъ служилъ идеѣ вѣры и себя совершенно убѣжденно считалъ свыше призваннымъ пророкомъ. Эта вѣра была искренна и исключительно объясняется экзальтаціей пророка, его болѣзненнымъ организмомъ, его нервными припадками.

Что Магометъ не искалъ власти, видно изъ того, что онъ никогда не пытался утвердить ее за своимъ семействомъ. Онъ не заботился о богатствѣ, щедро раздавалъ, что имѣлъ, и оставилъ послѣ смерти меньше, чѣмъ получилъ отъ отца. Онъ отпустилъ рабовъ и рабынь, а всѣ средства свои роздалъ бѣднымъ. Онъ умеръ бѣднякомъ, почти нищимъ. Послѣ него остался верблюдъ, нѣсколько овецъ, да оружіе съ кускомъ земли. Вотъ все достояніе человѣка, одно имя котораго приводило въ трепетъ сосѣднія страны. Прекрасно выражается одна арабская легенда, что Аллахъ давалъ ему ключи ко всѣмъ сокровищамъ міра, но онъ не взялъ ихъ. Не смотря на свои человѣческія слабости, онъ выдержалъ свое призваніе до конца. Онъ не считалъ нужнымъ говорить, что стоитъ выше своей паствы; напротивъ, до послѣдней минуты онъ сознавалъ что не достоинъ созерцать блаженство рядомъ съ Высшимъ Существомъ. Замѣчательно, что онъ до конца хотѣлъ быть простымъ человѣкомъ. Чувствуя близость смерти, Магометъ не имѣлъ надобности притворяться.

Расположившись лагеремъ, Амру построилъ городъ Побѣды—Каиро. Мусульмане крѣпко упрочились въ Египтѣ ([1]). Долина Нила стала снабжать хлѣбомъ безплодную Аравію, для чего былъ прорытъ каналъ между Среднимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, по плану, принадлежавшему еще фараону Нехао. Затѣмъ владычество мусульманъ быстро ширилось къ Западу и Востоку. Исламъ занялъ длинныя линіи по тысячѣ миль въ ту и другую сторону. На востокѣ мусульманъ могъ остановить только Китай многочисленностью своего населенія; на западѣ—Атлантическій океанъ. Замѣчательно, что вездѣ арабы были въ сравнительно ничтожномъ числѣ. На Тигрѣ они построили чисто-мусульманскій городъ Бассору и уничтожили Персидское государство. Здѣсь, при раздѣлѣ, каждый изъ 60 тысячъ мусульманъ получилъ богатыя сокровища. Арабы, перейдя Оксъ, вступили въ нынѣшнія русскія владѣнія въ Средней Азіи. Скоро арабскіе халифы получили наслѣдіе персидскаго царя. Такимъ образомъ Омаръ сталъ основателемъ владычества мусульманъ. Онъ раздвинулъ предѣлы ислама отъ Индійскаго океана до Кавказа и отъ Триполи до Окса. Одинъ изъ фанатиковъ—персовъ убилъ его на порогѣ мечети, мстя за своего царя. Но Омаръ не переставалъ быть патріархальнымъ владыкой до послѣдней минуты. Другимъ типомъ былъ Османъ (644—656 г.), положившій начало династіи Омейядовъ. Слабый старикъ, орудіе честолюбцевъ, онъ допустилъ измѣненія въ текстѣ Корана; уничтоживъ при окончательной редакціи прочіе списки, онъ вооружилъ противъ себя фанатичныхъ поборниковъ ислама. Онъ расточалъ государственные доходы, жилъ роскошно, держался гордо. Его убили. Противники Омейядовъ предложили халифатъ зятю пророка, Али, который хотѣлъ ограничиться однимъ Кораномъ. Его послѣдователи впослѣдствіи положили начало особому направленію въ исламѣ. Они называются *шіитами* и верховнымъ толкователемъ Корана и первосвященникомъ (*имамомъ*) считаютъ только Али и его потомковъ. Большинство мусульманъ было за допущеніе преданія — *Сунны*, въ дополненіе Корана. Начались междоусобія, для прекращенія которыхъ было положено убить всѣхъ соперниковъ. То были: Али, Моавія и Амру. Изъ нихъ уцѣлѣлъ только Моавія и занялъ престолъ халифа. Въ его лицѣ упрочивается династія Омейядовъ,

---

[1] Weil. G. des Abassiden Chalifats in Aegypten 2 B. St. 1860—62.

предки которой были въ нехорошихъ отношеніяхъ съ пророкомъ. Столицей этой династіи сдѣлался Дамаскъ. Патріархальный образъ жизни прежнихъ халифовъ перешелъ здѣсь уже въ дикій восточный деспотизмъ. Мы не будемъ говорить объ этихъ преемникахъ Муавіи (656—679 г.): Іезидѣ I (680—683), Мерванѣ (684—685), Абд-ал-Маликѣ (685—705), Велидѣ (705—715), Сулейманѣ (715—717), Омарѣ II (717—720), Іезидѣ II (720—724), Хишамѣ (724—743), Велидѣ II (743—744), Іезидѣ III, который потерялъ престолъ въ битвѣ близъ Ниневіи въ 750 г. ([1]).

При династіи Омейядовъ мусульманское владычество распространилось до Атлантическаго океана. Оно могло проникнуть въ Европу или черезъ Геркулесовы столбы или черезъ Босфоръ. Но осада Константинополя, на которую мусульмане рѣшились въ 669 г. и которую вели до 676 г. была неудачна, благодаря греческому огню, изобрѣтенному грекомъ Каллиникомъ. Выгоднѣе было устремиться въ Западную Европу черезъ Испанію. Это совершилось при халифѣ Велидѣ I, въ началѣ VIII вѣка.

Тогда событія въ Испаніи особенно были благопріятны арабамъ. Въ Сѣверной Африкѣ имъ подчинились не только берберы, но также и кароагеняне, которыхъ стали называть маврами,—хотя маврами справедливѣе бы было называть только кочевниковъ—берберовъ. Когда владычество мусульманъ упрочилось въ Африкѣ, они стали стремиться къ распространенію ислама въ Испаніи. Между тѣмъ дѣла тамъ сложились такъ, что вмѣшательство мусульманъ было неизбѣжно.

Омейяды въ Испаніи.

Послѣ Каталаунской битвы вестготы утвердились въ Испаніи. Эйрикъ (467—484 г.) занялъ даже юговосточную Галлію и избралъ столицею городъ Арль. Изъ Галліи вестготы были вытѣснены франками, при сынѣ Эйрика, Аларикѣ II (484—507),

([1]) Эти подробности можно найти напр., въ такихъ доступныхъ трудахъ, какъ Шлоссера. въ V томѣ и Вебера, V, 72—96 (р. пер. 1887) Спец. соч. Abulfeda, Annales Moslemici, изд. Reiske 1789, 5 t. Abulferagius. Specimen historiae Arabum. Ox. 1650. Пособія: Weil (цит.), Coussin de Perceval, Histoire des Arabes 3 vls. 1847; Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, 1875—77, 2 B. — Conde, Historia de la dominacion de los Arabes en España — одно изъ лучшихъ произведеній испанской новой исторіографіи (P. 1840); Dozy, H. des musulmans d' Espasne (Leyden, 1861, 4 vls. дополнено въ нѣмецкомъ переводѣ Bodissen, L. 1872); Aschbach, G. der Ommajaden in Spanien (Fr. 2 B. 1830)—считаются до сихъ поръ лучшими трудами для Испаніи.

который погибъ въ битвѣ при Вугле. Его преемники довольствовались Испаніею. То были: Амаларикъ (507—531), Тевдъ (531—548), Агила (548—554), Атанагильдъ (554—568), отецъ знаменитой Брунгильды, Ліура и Леогевильдъ (568—586), Реккаредъ (568—601). Тейдъ перенесъ столицу королевства въ Барселону въ 531 г., потомъ она перешла въ Толедо съ 550 г. Вестготы распространились не на всемъ Пиринейскомъ полуостровѣ. Португалія принадлежала свевамъ, но кунингъ Леогевильдъ въ 572 г. объединилъ разрозненное государство; при немъ рушилось въ 583 г. владычество свевовъ въ нынѣшнихъ Галисіи и Португаліи. Онъ былъ аріанинъ; аріанство тогда исповѣдывали всѣ вестготы. Онъ даже казнилъ сына, принявшаго католичество. Но при Реккаредѣ въ 590 году католичество объявлено господствующей религіей. Правленіе умнаго Реккареда было весьма счастливымъ царствованіемъ. Въ Испаніи стало вводиться римское право, а латинскій языкъ сталъ государственнымъ. Цѣлое столѣтіе происходило измѣненіе народа въ благопріятномъ смыслѣ.

Если бы не междоусобія, не сильная власть вельможъ, бенефиціаловъ и др., то исторія Испаніи могла бы принять другое направленіе; но раздоры ослабили страну и привлекли вмѣшательство мусульманъ. Паденіе вестготскаго государства шло постепенно въ продолженіе 100 лѣтъ отъ Реккареда до Витицы, въ періодъ отъ 601 до 701 г. [1]. Въ 710 году король Витица, стѣснившій самоуправство знатныхъ (гранды), былъ свергнутъ графомъ Родерикомъ, который поспѣшилъ захватить престолъ. Враждебная партія, руководимая измѣнникомъ графомъ Юліаномъ, отъ имени дѣтей сверженнаго короля, просила содѣйствія арабовъ.

Муза былъ намѣстникомъ Африки. Его полководецъ Тарикъ бенъ-Саидъ, не дожидаясь разрѣшенія, перешелъ проливъ, который съ тѣхъ поръ названъ былъ по его имени

[1] Имена этихъ слабыхъ королей: Ліувъ (601—603), Виттерикъ (603—610), Гундамеръ (610—612), Сизебутъ (612—620), Реккаредъ II (620), Свинтилъ (620—631), изгнавшій окончательно грековъ изъ Испаніи, Сизенальдъ (631—636), Гинтилъ (636—640), Тулга (640—642), Гиндазуинтъ (642—649), Рекказуинтъ (649—672), объединившій все населеніе общимъ законодательствомъ, такъ называемымъ Fuero juzgo, Forum judicium, Вамба (672—680), Эрвигъ (680—687), Эгигъ (687—701) и, наконецъ, Витица (701—710). Источникомъ для Реккареда I служитъ IX книга Григорія Турскаго до 591 г., а далѣе до 601 г. и для послѣдующихъ королей— Исидоръ Севильскій и Лука Туденскій.

Джебель-ал-Тарикъ или Гибралтаръ; онъ легко разбилъ небольшіе отряды испанцевъ въ 712 г. ([1]). Слѣдомъ за нимъ явился самъ Муза, одобрившій распоряженія Тарика. Онъ привелъ многочисленное войско, настроенное фанатично. Главная битва произошла въ окрестностяхъ Хереса де-ла-Фронтера, на рѣкѣ Саладо. Она продолжалась восемь дней. На восьмой день защитникъ христіанства Родерикъ неизвѣстно куда исчезъ. Можетъ быть онъ погибъ въ волнахъ Саладо; на этой рѣчкѣ нашли его діадему и видѣли его боеваго коня. Королевство вестготское пало и мусульмане распространились по всему полуострову. Они легко взяли Мериду, Кордову, Толедо и Севилью.

Они имѣли стремленіе пройти въ Галлію, но движеніе ихъ здѣсь было остановлено.

4) Каролинги въ Галліи и Италіи.

Когда Хлотаръ II-й, потомокъ Фредегонды, соединилъ въ одно государство въ началѣ VII в. всю Галлію, то онъ прежде всего спѣшилъ умертвить Брунгильду, которая была выдана своими придворными, а именно двумя австразійскими вельможами, Арнульфомъ и Пепиномъ. Трагическая гибель Брунгильды возвысила домъ Арнульфа. Такимъ образомъ первая историческая извѣстность представителей этого громкаго рода была очень печальная.

По имени знаменитаго представителя этого дома, императора Карла Великаго, династію Арнульфа называютъ Каролингами или Карловингами. Впослѣдствіи льстецы производили Каролинговъ отъ одного римскаго сенаторскаго рода, но эта натянутая и ходульная генеалогія ничего никому не доказала.

Государство Хлотара II было далеко не объединено въ строгомъ смыслѣ. Онъ былъ собственно королемъ въ Нейстріи; ему непосредственно повиновалась западная часть Галліи и Аквитанія. Въ Австразіи былъ посаженъ на престолъ при

([1]) Conde производитъ названіе пролива отъ горы Побѣды или Вступленія, какъ былъ переименованъ возвышенный мысъ африканскаго берега, съ котораго производилась переправа..., «en honor suyo y para perpetua memoria se llamo Gebal Taric o monte de Taric, y tambien monte de la Victoria o Entrada» Dom. de los Arabes, p. 15.

жизни отца его старшій сынъ, Дагобертъ. Бургундія волновалась все время. Но когда Хлотаръ II умеръ въ 628 г., то сынъ его Дагобертъ дѣйствительно объединилъ всю Галлію; онъ былъ послѣднимъ изъ самостоятельныхъ Меровинговъ.

Власть палатныхъ меровъ или майордомовъ.

Затѣмъ начинается періодъ такъ называемыхъ „лѣнивыхъ Меровинговъ", номинальныхъ королей. Дагобертъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился отнять у духовенства значительную часть церковныхъ и монастырскихъ имѣній, пожертвованныхъ прежними королями, въ пользу государственной казны. Это вызвало ненависть къ Меровингамъ и повредило судьбамъ этого дома. До сихъ поръ галльское духовенство жило въ тѣсной дружбѣ съ франкскими королями, которые, будучи варварами, покровительствовали духовенству. Теперь духовенство соединилось съ вельможами противъ королевской власти и ея погибель стала неизбѣжна. Тотъ же Дагобертъ, передавая Австразію своему сыну, по установленному обычаю, назначилъ регентомъ и опекуномъ главное должностное лицо, именно палатнаго мера Пепина Ланденскаго. Этотъ палатный меръ иначе назывался майордомомъ ([1]).

Обязанности палатныхъ меровъ при Меровингахъ соотвѣтствовали обязанностямъ министра двора въ современныхъ монархическихъ государствахъ. Они завѣдывали придворными королевскими чиновниками и даже наблюдали за хозяйствомъ кунинга. Домашнимъ хозяйствомъ руководила непосредственно супруга кунинга; по германскому обычаю жена была главной распорядительницей дома; власть королевы въ этихъ предѣлахъ была безгранична. Слѣдовательно, майордомы, вслѣдствіе этого, имѣли много сношеній съ королевой, а это было особенно важно тогда, когда королевы стали въ то же

([1]) О майордомахъ цѣлая литература. Нѣкогда извѣстное сочиненіе Pertz, G. der merovingischen Hausmeier (1819), теперь не имѣетъ авторитета. Онъ ошибочно считалъ палатнаго мера ниже управляющаго королевскимъ домомъ, полагая, что это былъ только начальникъ королевскихъ рабовъ въ имѣніяхъ. Теперь установлено, что майордомы были высокими должностными лицами. Но какая была должность майордома—это достаточно не уяснено. Цинкейзенъ видѣлъ въ нихъ начальниковъ королевскаго двора. Лео и Цёпфель считали ихъ сенешалами. Лучшее сочиненіе о палатныхъ мерахъ принадлежитъ Шёне (1855) на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этой спеціальной диссертаціи онъ склоненъ къ послѣднему предположенію тѣмъ болѣе, что палатные меры появились въ памятникахъ тогда, когда перестали упоминать о сенешалахъ; это мнѣніе Шёне подтверждаетъ строгимъ анализомъ фактовъ.

время правительницами за своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Первыми лицами въ государствѣ должны были явиться майордомы. За неимѣніемъ совершеннолѣтняго короля, майордомамъ очень часто приходилось предсѣдательствовать въ королевскомъ судѣ и даже предводительствовать войскомъ на войнѣ. Эти обязанности могли за ними остаться и тогда, когда король выросталъ, хотя такія должности по существу были внѣ ихъ юрисдикціи. Мало по малу общество свыклось съ этими намѣстниками: съ ними было болѣе дѣла у народа, чѣмъ съ самимъ королемъ. Въ ихъ рукахъ была сила. Обыкновенно они избирались изъ королевскихъ чиновниковъ и стояли во главѣ ихъ. Майордомъ сталъ своего рода царькомъ.

Скоро право назначенія на эту должность ускользнуло изъ королевскихъ рукъ и перешло къ свободнымъ гражданамъ, къ народу. Потому-то въ памятникахъ мы находимъ такія выраженія: „Omnes Austrasiaci majorem domus elegerunt". Это выраженіе ясно показываетъ, что впослѣдствіи должность майордома стала избирательной и вмѣстѣ съ тѣмъ служила орудіемъ аристократіи.

Затѣмъ въ слѣдующій періодъ эта власть, разъ попавъ въ руки сильнаго дома, осталась навсегда за нимъ и сдѣлалась наслѣдственной. Такимъ домомъ были Карловинги. Мы упомянули объ Арнульфѣ. Сынъ его Ансегизиль женился на дочери Пепина Ланденскаго, Бертѣ, или точнѣе Бегги; отъ этого брака ведетъ свое происхожденіе знаменитый родъ. Надо замѣтить, что Арнульфъ воспиталъ сына Хлотара II, Дагоберта. Его сынъ управлялъ Австразіей при жизни отца, а послѣ него захватилъ власть Пепинъ Ланденскій. Но когда Пепинъ умеръ, то сынъ его Гримоальдъ силой овладѣлъ майордомствомъ въ Австразіи. Нейстріей и Бургундіей управляли свои палатные меры.

Когда Гримоальдъ овладѣлъ Австразіей, то онъ сталъ сильнѣе тамошняго короля Сигберта III; онъ даже осмѣлился постричь въ монахи сына короля. Оказалось, что эта первая попытка свергнуть законнаго властителя была преждевременна; она была сдѣлана цѣлымъ вѣкомъ раньше. Гримоальдъ былъ схваченъ австразійскими вельможами и погибъ въ тюрьмѣ. Свое дѣло и политическое вліяніе онъ завѣщалъ своему племяннику, внуку Арнульфа и Пепина, сыну Ансегезиля, Пепину, прозванному Геристальскимъ. Но юношѣ было трудно замѣстить отца. Тогда, по слѣдамъ Арнульфа и Гримоальда, дѣйствовав-

шихъ въ Австразіи, стали добиваться господства и другіе честолюбцы. Таковымъ лицемъ былъ другой майордомъ, франкъ Эброинъ, получившій власть въ Нейстріи. Это былъ человѣкъ отважный и предпріимчивый. Онъ былъ близокъ къ эшафоту, сидѣлъ нѣсколько разъ въ тюрьмахъ, но въ промежутки успѣлъ захватить неограниченную власть въ государствѣ. Онъ былъ выбранъ вельможами въ опекуны нейстрійскаго кунинга Хлотара III.

Доселѣ майордомы были орудіемъ аристократіи. Эброинъ рѣшился бороться съ ней. Его власть при Хлотарѣ III признавалась почти по всей Галліи. Мы застаемъ въ первый разъ полное господство палатнаго мера; онъ убиваетъ парижскихъ и ліонскихъ епископовъ. Но самымъ сильнымъ врагомъ его былъ епископъ Отенскій Легерій. Съ ловкимъ епископомъ борьба для Эброина была не подъ силу.

Послѣ смерти Хлотара III, Эброинъ долго не могъ удержать за собой власть и едва сохранилъ жизнь. Его смѣнилъ Отенскій епископъ, но не надолго. Но на этотъ разъ одержалъ верхъ Эброинъ. За нимъ и епископъ попалъ въ ту же тюрьму, гдѣ Легерій держалъ раньше Эброина. Оба временщика заключили союзъ, чтобы въ скоромъ времени опять разсориться. Легерій былъ замученъ въ тюрьмѣ, за что и былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Пепинъ Геристальскій (687—764 г.)

Эброинъ сдѣлался полновластнымъ властителемъ Нейстріи и Бургундіи. Онъ вступилъ въ борьбу съ австразійцами, гдѣ правилъ тогда Пепинъ, который въ отличіе отъ дѣда именуется по своимъ доменамъ Геристальскимъ. Эброинъ побѣдилъ Пепина, но вскорѣ былъ убитъ измѣннически. Разчистивъ дорогу Пепину, онъ такимъ образомъ невольно самъ положилъ начало его господству. Въ личныхъ достоинствахъ Пепина заключается объясненіе могущества этой династіи, умѣвшей изъ хаоса создать порядокъ государственный и общественный. Пепинъ остался безъ соперниковъ, собралъ свои силы и разбилъ австразійцевъ въ битвѣ при Тестри на рѣкѣ Соммѣ въ 681 г. Ихъ король бѣжалъ и въ свою очередь Пепинъ сталъ господствовать именемъ короля. Пепинъ не ограничился званіемъ палатнаго мера,—но онъ назвалъ себя: „Dux et princeps Francorum“ и съ тѣхъ поръ Галлія уже не раздѣлялась.

Теперь роль короля Меровинга сдѣлалась ничтожной. Король не имѣетъ болѣе участія въ дѣлахъ. Королю давалось

жалованье, впрочемъ весьма ограниченное. Онъ жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, охотился и получалъ все готовое. Когда наступалъ день судьбища (Mallberg), то пара воловъ привозила этого заросшаго волосами короля, съ длиннѣйшей бородой, которой онъ не хотѣлъ лишаться, какъ единственнаго воспоминанія о прежнемъ достоинствѣ. Его одѣвали, садили въ золотое кресло и заставляли предсѣдательствовать. Онъ былъ доволенъ уже тѣмъ, что его не стригли, ибо, по германскому обычаю, давать кому либо брить бороду и стричь волосы значило подпасть подъ опеку того лица, которое совершало эту операцію. Король для видимости принималъ пословъ, получалъ подарки, но все это дѣлалъ, по предварительному приказанію своего господина и министра, Пепина.

Старинная хроника города Меца говоритъ про Пепина слѣдующее: „Каждый годъ 1 марта по древнему обычаю онъ созывалъ франковъ на всеобщее собраніе, въ которомъ, при уваженіи Пепина къ королевскому имени, предоставлялъ предсѣдательство тому, кого Пепинъ въ своемъ уничиженіи и въ своей кротости поставилъ выше себя, т. е. королю“. Хроника изъ Меца оставила намъ точное описаніе этихъ засѣданій (¹). На этихъ собраніяхъ принимались отъ всѣхъ франкскихъ вельможъ жалобы; тамъ разсуждали о мирѣ, защитѣ церквей, вдовъ, сиротъ; опредѣляли наказанія за похищенія и поджоги; отдавали приказанія военнымъ людямъ быть на готовѣ. Затѣмъ короля съ почетной свитой отвозили домой; палатные меры начинали хозяйничать. Пепину приходилось почти послѣ каждой сессіи воевать съ фризами, баварами и алеманами. Тогда же среди этихъ покоренныхъ народовъ, оказавшихъ послѣднее сопротивленіе во имя умиравшей національной независимости, съ успѣхомъ распространялось христіанство, благодаря оружію Пепина; за его мечемъ шелъ монахъ съ крестомъ. Онъ правилъ слишкомъ 27 лѣтъ и умеръ въ 714 году. За свою неутомимую дѣятельность онъ заслужилъ историческую славу своему дому. Четыре меровингскихъ короля прошли мимо него, оставивъ только свои имена.

Карлъ Мартеллъ (710—741 г.).

Послѣ его смерти наблюдаемъ междоусобія не въ королевскомъ домѣ, о которомъ уже не упоминается, а въ его собственномъ семействѣ. Лѣтопись говоритъ о ссорѣ его дѣ-

(¹) Pertz. Monumenta; I, 314.

тей. Пепинъ оставилъ внука отъ жены и сына Карла отъ наложницы. Другой законный сынъ Гримоальдъ былъ убитъ однимъ воиномъ въ церкви незадолго до кончины отца. Пепинъ более любилъ внука, чѣмъ незаконнаго сына, вслѣдствіе чего обошелъ Карла, получившаго послѣ громкое прозвище Мартелла (молотъ) за свои счастливыя и важныя для христіанства побѣды. Но Карлъ, благодаря своей предпріимчивости и военнымъ способностямъ, самъ пробилъ себѣ дорогу. Между тѣмъ государство грозило раздѣлиться по смерти Пепина. Въ 716 г. Карлъ бѣжалъ изъ тюрьмы, въ которой держали его послѣ смерти отца; онъ набралъ дружину изъ австразійцевъ и одолѣлъ фризовъ. Затѣмъ, будучи провозглашенъ палатнымъ меромъ Австразіи, Карлъ бросился на Нейстрію и настоялъ на признаніи своего принципатства и въ этой половинѣ Галліи. Въ 720 г. онъ вновь объединяетъ Галлію и принимаетъ титулъ dux Francorum. Послѣ битвы при Суассонѣ, Нейстрія и Австразія должны были признать Карла вождемъ (dux) и принцепсомъ франковъ, хотя Меровингъ продолжалъ именовать себя королемъ, оставаясь при своемъ пустомъ титулѣ ([1]).

Карлу приходилось часто бороться съ внѣшними врагами, а для того, чтобы воевать нужна была дружина, а чтобы имѣть дружину, ей слѣдовало давать земли, которыя къ сожалѣнію, были уже розданы Пепиномъ и даже предшественниками его. Теперь оставались только духовныя имущества. Въ виду крайней необходимости пришлось раздавать не только церковныя помѣстья, но и епископскія каѳедры. Впослѣдствіи, высшія духовныя лица были избираемы изъ родственниковъ Пепина. Напримѣръ, архіепископства Реймса и Трира получилъ одинъ антрустіонъ. Интересно было видѣть службу этого безграмотнаго антрустіона, съ кольцомъ на пальцѣ и жезломъ епископскимъ въ рукѣ. Всѣ антрустіоны были безграмотны; всѣ они лучше владѣли мечемъ, чѣмъ крестомъ; такъ и новый архіепископъ скоро прославился, какъ отличный воинъ. Германскіе вожди съ женами и наложницами заняли епископскіе дворцы, надѣвая поверхъ брони церковное одѣяніе. Это-то обстоятельство побудило епископа Реймса сожалѣть, что христіанская религія была совершенно уничтожена въ предѣлахъ Галліи и Германіи. Дѣй-

([1]) Breysig. Die Zeit Karl Martells — 741—744. L. 1880.

ствительно, впечатлѣніе отъ этихъ воинственныхъ епископовъ было невыгодно для авторитета Церкви. Но тотъ же Карлъ, который былъ невольной причиной этого, явился героическимъ защитникомъ Церкви и европейской цивилизаціи отъ новыхъ враговъ, которые были страшнѣе германцевъ. То были арабы, которые заняли всю Италію и порывались теперь на Галлію. Въ борьбѣ съ ними Карлъ не даромъ получилъ впослѣдствіи названіе молота, Мартелла.

Тогда арабы подъ зелеными знаменами Магомета перешли Геркулесовы столбы. Сарацины, какъ ихъ стали называть въ Европѣ отъ испорченнаго арабскаго слова „Шаркійюнъ", что значитъ „восточный",—эти сарацины показались въ предѣлахъ Галліи еще въ 721 г. Они уже тогда опустошили Аквитанію. Надо замѣтить, что герцогъ Аквитаніи находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Карломъ, который хотѣлъ сдѣлать его своимъ вассаломъ. Въ то время, какъ сарацины врывались съ юга, съ сѣвера шелъ король. Эвдонъ, герцогъ аквитанскій, былъ между двухъ огней, но онъ не хотѣлъ покориться Карлу и предпочелъ бороться съ нимъ, а не съ мусульманами. Когда арабы испанскіе осадили Тулузу, тогда опомнился герцогъ; Карлъ забылъ свои личныя отношенія. Оба они появились къ Тулузѣ, уже погибавшей, окружили арабовъ и прогнали. Но чрезъ четыре года арабы явились въ большемъ числѣ подъ предводительствомъ Абд-ель-Рахмана. Они овладѣли уже южной Галліей и крѣпко засѣли въ Нарбонѣ, которую сдѣлали базисомъ своихъ военныхъ операцій. Изъ Нарбоны они имѣли возможность дѣлать далекіе набѣги, врывались въ самое сердце Галліи и здѣсь жгли христіанскіе храмы.

Битва при Пуатье въ 732 г.

Но въ 732 году сарацины повели дѣло еще рѣшительнѣе въ Аквитаніи. Абд-эль-Рахманъ взялъ и сжегъ Бордо. Дотолѣ гордый герцогъ не позволялъ себѣ просить помощи у Карла. Наконецъ, онъ созна元ъ свое безсиліе и понялъ, что ему нельзя одному защитить Аквитанію отъ арабовъ, нельзя обойтись безъ помощи Меровинговъ. Теперь, видя зарево пожара испепелившаго Бордо, видя съ трескомъ разрушающіеся храмы, Эвдонъ кинулся съ просьбой о помощи къ Карлу. Онъ призналъ себя его антрустіономъ и франки подъ знаменами Карла стали показываться въ предѣлахъ Аквитаніи. Арабы стояли у Пуатье и франки пошли на нихъ. Въ рядахъ франковъ были, вѣроятно, воины галло-римскіе въ значительномъ числѣ;

его брата“. Карломанъ жилъ въ южной Италіи, въ Монтекассинскомъ монастырѣ и, находясь здѣсь, естественно долженъ былъ исполнить просьбу лангобардскаго властителя. Полагаютъ, однако, что Карломанъ поступилъ такъ противъ своей воли, потому что не смѣлъ противиться приказанію своего аббата, да и аббатъ не дерзалъ противиться настоянію короля лангобардовъ, отъ котораго онъ получилъ точныя приказанія.

Отношеніе Пепина къ папамъ.

Извѣстно, что лангобарды обращены были тогда въ католичество,—но это не поселило хорошихъ отношеній между Равенной, которую тѣмъ временемъ завоевали лангобардскіе короли, и Римомъ. Возникла взаимная ревность и недовѣріе между обѣими властями. Всякое усиленіе государей лангобардскихъ влекло подчиненіе римскаго епископа. Католичество оказалось тутъ не при чемъ. Когда византійскіе императоры впали въ иконоборчество, то папа считалъ себя единственнымъ хранителемъ истиннаго православія. Между тѣмъ папы нигдѣ, за исключеніемъ Англіи и Германіи, не встрѣчали себѣ защитниковъ. Особенно невыгодно было ихъ положеніе среди итальянскаго духовенства, которое позабывало духовный авторитетъ римскаго первосвященника. Папамъ невыгодно было постоянное покровительство и вліяніе лангобардовъ; имъ требовался покровитель отдаленный, который не могъ бы постоянно напоминать имъ о своихъ благодѣяніяхъ. Такого покровителя они нашли въ лицѣ короля франковъ. Когда лангобарды, подъ предводительствомъ своего короля, овладѣли всѣмъ равеннскимъ экзархатомъ и городомъ Римомъ, то въ 752 г. папа Стефанъ II, преемникъ Захарія, пробовалъ сначала обратиться въ Константинополь, къ своему номинальному императору, но усмотрѣвъ тамъ равнодушіе и безсиліе, онъ обратилъ свой взоръ на Пепина, который сочувственно тогда же отнесся къ просьбѣ римскаго первосвященника. За это папа помазалъ обоихъ его сыновей, Карла и Карломана св. мνромъ. Къ походу франки приготовились быстро. Предлогомъ къ войнѣ Пепинъ выставлялъ интересы римскаго епископата. Онъ долженъ заставить короля лангобардовъ уважать св. Римскій престолъ (propter justitiam S. Petri Apostoli exigendam). Когда Пепинъ вступилъ въ Италію, въ 755 г. то лангобарды оказали сопротивленіе; они преградили всѣ горные проходы въ Италію. Битва произошла въ самыхъ ущельяхъ горъ. Лангобарды отступили, а франки устремились

потокомъ въ Италію. Айстульфъ, король лангобардскій, былъ осажденъ Пепиномъ въ Павіи. Осада не снималась до тѣхъ поръ, пока Пепинъ не получилъ 40 заложниковъ въ удостовѣреніе того, что Айстульфъ исполнитъ все должное по отношенію къ папѣ. Пепинъ возвратился и далъ папѣ для охраны въ видѣ почетной стражи отрядъ франковъ. Онъ на этотъ разъ не входилъ въ Римъ (1). Конечно, Айстульфъ не исполнилъ обѣщаннаго. Въ 756 г. Пепинъ во второй разъ долженъ былъ сдѣлать походъ въ Италію. Теперь король франковъ потребовалъ большаго. Айстульфъ уступилъ ему Равенну со всѣмъ экзархатомъ, — это было не болѣе и не менѣе, какъ 22 города. Пепинъ съ своей стороны передалъ взятые города св. Петру, какъ сказано въ лѣтописи: „tradidit sancto Petro“.

Вскорѣ послѣ этого Айстульфъ умеръ. Лангобардскимъ королемъ былъ избранъ его приближенный, маршалъ Дезидерій. Конецъ жизни Пепина прошелъ въ войнахъ съ саксами, баварцами и Вайфаромъ, герцогомъ аквитанскимъ. Тогда Аквитанія то признавала франкскую власть, то снова отпадала. Наконецъ, ему удалось выгнать арабовъ изъ Аквитаніи и подчинить себѣ опорный пунктъ арабовъ въ Галліи, Нарбону.

Франкская монархія была тогда сильна и могущественна, потому что Пепинъ былъ не только воинъ, но и законодатель. Весьма важно его распоряженіе относительно церквей и духовенства. Близкія связи съ папою придали Пепину авторитетъ въ глазахъ духовныхъ. Пепинъ старался дать высокое общественное положеніе священникамъ; онъ поставилъ ихъ наравнѣ съ герцогами и графами. Постановленія церковныхъ каноновъ относительно браковъ, разводовъ и т. п. пріобрѣли силу государственныхъ законовъ. Германскій бракъ уступилъ мѣсто христіанскому, церковному. Вообще франкская монархія съ этого времени начинаетъ принимать правильную административную и судебную организацію, доведенную до совершенства Карломъ Великимъ.

---

(1) Для римскаго вопроса при Каролингахъ: Ellendorf, Die Karolinger und die Hierarchie ihrer Zeit, Essen, 1838 2 B. Sugenheim, G. der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates L. 1854; Martens. Die römische Frage unter Pippin und Karl dem Grossen. St. 1881.

5) Карлъ Великій.

Пепинъ имѣлъ двухъ сыновей, Карла и Карломана. Въ завѣщаніи, на случай смерти, онъ раздѣлилъ государство на двѣ части, но уже не по прежней федеративной системѣ. Пепинъ раздѣлилъ королевство по своему. Всю юго-восточную часть, т. е. Бургундію съ Правансомъ (Provincia), Готію (Септиманію, Нарбоннію), Эльзасъ (Alsatia) и всю Аллеманію онъ отдалъ младшему сыну Карломану. Карлу досталось все остальное.

Значеніе личности Карла Великаго.

Когда Пепинъ умеръ въ 768 г. въ Санъ-Дени, то Карлу было 26 лѣтъ. Въ немъ готовился для исторіи одинъ изъ ея величайшихъ дѣятелей. Въ немъ какъ бы воплотилась идея и потребность прочной государственной организаціи, которая нашла въ Карлѣ своего лучшаго выразителя. Вся жизнь его была посвящена водворенію порядка и созиданію новыхъ государственныхъ началъ. Рѣдко кто въ такой степени имѣетъ право на титулъ „Великаго“. Извѣстно, что славянскіе народы самое понятіе о власти сочетали съ его именемъ. Слово „король“ ведетъ свое происхожденіе отъ обаянія имени великаго франка. Французы въ своемъ Charlemagne даже до сихъ поръ не отдѣляютъ отъ его имени титулъ Великаго. Таково было обаяніе этого воинственнаго франка на тогдашній историческій міръ. Въ крови Карла осталось много варварскихъ инстинктовъ, но силою воли онъ всегда могъ подавлять ихъ. Карлъ не избѣгалъ образованія, а напротивъ стремился и въ духовной области достигнуть всего возможнаго. Какъ бы ни былъ пристрастенъ Эгингардъ, мы можемъ имѣть вѣрное представленіе о дѣятельности Карла. Для историка важно уже то, что въ какомъ-то полумиѳическомъ видѣ говорятъ о Карлѣ одинаково нѣмецкія, романскія и арабскія сказанія. Не одни богатырскіе военные подвиги опредѣлили его славу, хотя Эгингардъ и замѣчаетъ, что ростомъ онъ былъ выше сажени, а хроника Діонисія съ апломбомъ толкуетъ при этомъ объ огромной силѣ Карла, о страшныхъ ударахъ его меча, носившаго особое имя. Дѣло не въ этомъ и, очевидно, не въ такого рода подвигахъ, должно искать обаянія имени Карла. Богатырей-королей было много въ средніе вѣка; но одна боевая сила не могла произвести обаянія.

Объясненіе его величія надо искать въ его умѣньи сплотить законодательною дѣятельностью разрозненныя и, казалось, несоединимыя части, и въ томъ организаторскомъ духѣ, который повсюду приносилъ этотъ человѣкъ. Онъ служилъ не только государству, но посвятилъ себя распространенію и расширенію христіанства. Онъ, по лѣтописямъ современниковъ и по народнымъ сказаніямъ, былъ прежде всего борецъ за Христа, гроза мусульманъ и язычниковъ. Всѣ 46 лѣтъ своего царствованія Карлъ велъ войны изъ года въ годъ, не уставая; но каждая изъ этихъ войнъ, за исключеніемъ итальянской, имѣла единую идею—дать торжество христіанству. Карлъ не только водворилъ прочно христіанство въ его римской формѣ, но онъ отстранилъ навсегда возможность языческой реакціи. Вотъ гдѣ скрываются причины его историческаго обаянія (¹).

Карлу Великому суждено было приступить къ историчекой дѣятельности съ ясно сознанными силами и намѣреніями. Потому онъ никогда не колебался въ выборѣ средствъ и видѣлъ впереди себя всегда одну неизмѣнную цѣль. Съ первыхъ же дней власти, когда онъ ею долженъ былъ дѣлиться съ 18-лѣтнимъ Карломаномъ, онъ заботился объ изданіи законовъ, касающихся преслѣдованія непокорныхъ вассаловъ, увѣряя папу въ своей готовности служить его дѣлу. Мать его, Бертрана, развела сына съ прежней женой и женила его на дочери лангобардскаго короля Дезидерія. Это было сдѣлано по интригамъ, имѣвшимъ источникъ въ Италіи, для того, чтобы прекратить раздоръ между двумя національностями. Участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ и Карломанъ.

Папа Стефанъ III не сочувствовалъ этому замыслу. Онъ не могъ допустить примиренія двухъ соперниковъ, вражда которыхъ была такъ необходима для него. Въ случаѣ ихъ примиренія, римскій первосвященникъ становился жертвою лангобардовъ и простымъ епископомъ Рима. Папа удивлялся въ своемъ посланіи столь необдуманному союзу Карла; онъ писалъ ему,

(¹) О Карлѣ Великомъ написано, съ легкой руки Эгингарда и Турпина, послѣ XV вѣка до 80 монографій. Послѣднее критическое изслѣдованіе: S. Abel, Karl der Grosse (L. 1866) доведено до 788 г. которое окончилъ въ томъ же направленіи Simeon въ недавно вышедшей книгѣ (L. 1883). Для колорита эпохи можно рекомендовать историческій романъ Феликса Дана (автора монографіи о Прокопіи, романовъ «Борьба за Римъ», «Гелимеръ») подъ заглавіемъ «Вѣрность до гроба», пер. въ Русской Мысли (1888, № 1—5).

что онъ изумленъ его родственнымъ союзомъ „съ коварнымъ, ужаснымъ и зловоннымъ народомъ лангобардовъ, которые не могутъ даже считаться народомъ, которые прокляты Богомъ и внесли въ міръ неправду“. Далѣе онъ напоминалъ Карлу, что отецъ его завѣщалъ ему считать враговъ св. Петра своими собственными врагами.

Впрочемъ испугъ папы былъ напрасенъ: Карлу надоѣла Дезидерата. Онъ развелся съ ней съ одинаковой легкостью, когда понравилась ему другая женщина, отправивъ Дезидерату къ ея отцу въ Италію. Понятно, какъ усилилась вслѣдствіе этого вражда къ франкамъ со стороны лангобардскаго короля. Онъ сталъ поддерживать права на франкскій престолъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей Карломана.

Войны съ саксами язычниками.

Въ началѣ Карлъ былъ отвлеченъ саксонской войной. Надо замѣтить, что войны, веденныя Карломъ Великимъ, не походили на прежнія, предпринимаемыя съ исключительной цѣлью грабежа. Это были войны систематическія, обдуманныя въ широкомъ смыслѣ этого слова, предписанныя извѣстной необходимостью. Саксы и славяне, какъ неисправимые язычники въ глазахъ христіанина Карла, заслуживали истребленія. Саксы и прежде были въ постоянныхъ войнахъ съ франками, но при Карлѣ эта вражда приняла религіозный, а потому и фанатическій характеръ. Вмѣстѣ съ язычествомъ саксы удержали много старины. Они еще помнили Одина и не признавали короля. Ихъ защищали храбрые вожди. Они дѣлились на три народа и каждый народъ на три кастовыхъ сословія; у нихъ не было раздѣла земель. Вестфалы жили на лѣвомъ берегу Везера, остфалы на нижней Эльбѣ а энгры на сѣверъ отъ нихъ. Пользуясь прежнею слабостью франкскаго государства, вестфалы подошли къ берегамъ Рейна и грозили Австразіи и Кёльну. Гдѣ только они появлялись, тамъ исчезали всякіе слѣды христіанства.

Противъ нихъ счелъ своимъ долгомъ выступить Карлъ. Эта война увлекла Карла далеко отъ галльскихъ предѣловъ; она ввела въ кругъ франкской политики всю среднюю и даже часть восточной Европы. Въ 772 г. Карлъ пошелъ на столицу саксовъ, Эресбургъ. На высокой горѣ, гдѣ былъ построенъ замокъ, въ вѣковой дубравѣ, стояло знаменитое древнее капище съ идоломъ Ирмансула. Это было недалеко отъ знаменитаго Тевтобургскаго лѣса, гдѣ, какъ извѣстно, были

нѣкогда истреблены римскіе легіоны. По преданію, въ память этой побѣды въ капищѣ Ирмансулы хранился каменный столбъ, памятникъ торжества Арминія надъ римлянами. Франки овладѣли Эресбургомъ и три дня жгли капище съ священнымъ лѣсомъ. Но до побѣды было еще далеко. Испуганные саксы заключили миръ съ тѣмъ, чтобы снова начать войну. Франкамъ предстояло сдѣлать еще 17 походовъ въ Саксонію; война тянулась 33 года (772—804 г.), при сильнѣйшемъ ожесточеніи съ обѣихъ сторонъ. „Трудно исчислить, говоритъ Эгингардъ, сколько разъ побѣжденные саксы со слезами просили мира и сколько разъ съ поспѣшностью они нарушали свое слово; вообще трудно рѣшить, къ какой религіи они имѣли болѣе склонности—къ злымъ ли духамъ или ко Христу. Не проходило года со времени объявленія войны, чтобы саксы не успѣвали обнаруживать своего непостоянства“ (¹).

Конечно, саксы, обѣщая креститься, исполняли условія мира только для вида. Затѣмъ вспыхивалъ прежній фанатизмъ; католическіе священники обращались въ бѣгство а христіанскіе храмы горѣли. Укрѣпленія, построенныя Карломъ, не могли сдерживать возстанія.

Во главѣ оппозиціи стоялъ Видукиндъ; онъ былъ душою, борцомъ умиравшей языческой Германіи. Послѣ 10 лѣтъ борьбы онъ не покорился Карлу. Въ Даніи и Скандинавіи у него всегда были покровители. Карлъ не могъ занимать предѣловъ Саксоніи большими силами и, лишь только онъ удалялся, какъ снова вспыхивало возстаніе. Карлъ и его вожди никогда не могли отыскать своего противника; онъ всегда успѣвалъ скрыться. Разъ саксы въ 882 году, изъявивъ наружную покорность, измѣннически разбили войско, проходившее по ихъ странѣ; скоро повсюду запылали церкви. Тогда Карлъ снова явился въ Саксонію; онъ обдумалъ страшную месть. Видукиндъ бѣжалъ, саксы были разбиты. Карлъ вытребовалъ зачинщиковъ и 4500 головъ скатились съ эшафота въ одинъ день. Но и эта жестокость не отстранила дальнѣйшаго движенія. Правда, въ 785 году Видукиндъ самъ явился къ Карлу съ покорностью и принялъ крещеніе; съ нимъ крестились всѣ саксы; но еще 20 лѣтъ продолжалась война. Только въ 806 году, когда 10000 саксовъ были высланы Карломъ съ береговъ Эльбы въ Галлію, тогда только

(¹) ... ut etiam cultum daemonum dimittere et christianae religioni se subdere velle promitterent... Eginhardus. Vita Caroli Magni c. 7, apud Pertz. (Monumenta, II, 443—463); Bouquet (Recueil; V, 88—103).

саксы, „отказавшись окончательно отъ злыхъ духовъ, приняли христіанство и составили одинъ народъ съ франками“ (¹).

Надо удивляться изворотливости Карла. Онъ поспѣвалъ всюду: билъ саксовъ, шелъ на арабовъ, потомъ на славянъ. Послѣдняя славянская война, по Эгингарду, относится къ 789 году. Интересна XII глава въ Карловомъ жизнеописаніи Эгингарда, гдѣ этотъ повѣствователь говоритъ о славянахъ:— „Sclavi“ говоритъ онъ, по нашему называются Vilzi, а по своему, по-славянски, Welatabi. Въ походѣ противъ нихъ вмѣстѣ съ другими народами слѣдовали также и саксы въ качествѣ союзниковъ, хотя они притворялись въ своемъ расположеніи, потому что ободриты оскорбляли ихъ набѣгами, отъ которыхъ не могли быть удерживаемы одними приказаніями. Отъ западнаго океана на востокъ тянется заливъ; длина его неизвѣстна, а ширина не превышаетъ нигдѣ 100 тысячъ шаговъ (здѣсь разумѣется Балтійское море). Тутъ, по берегамъ этого залива, живетъ много народовъ: даны, свеоны, которыхъ мы называемъ норманнами. Они занимаютъ сѣверные берега и всѣ принадлежащіе къ нему острова. Но восточные берега (нужно разумѣть ЮВ. или Ю.) населяютъ славяне, аисты, (т. е. эсты, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ) а также и другіе различные народы. Между ними первое мѣсто занимаютъ велатабы, которымъ въ то время король объявилъ войну“. Въ одинъ походъ Карлъ такъ укротилъ славянъ, что въ другой разъ они не считали удобнымъ при его жизни поднимать возстаніе.

Подъ конецъ своего царствованія Карлу снова пришлось вести войну. Онъ сдѣлалъ походъ въ Паннонію, гдѣ жили остатки гунновъ и аваровъ. Можетъ быть, тамъ укрывались саксы и славяне, находя себѣ рессурсы для войны противъ Карла. Эта война продолжалась 8 лѣтъ. Франки произвели здѣсь страшныя опустошенія. Эгингардъ говоритъ, что въ эту войну въ Панноніи не осталось ни одного человѣка, а мѣста, гдѣ стояли шатры кагана, превратились въ пустыню. Ни одна война не окупалась такъ блистательно. Въ шатрѣ кагана франки нашли несмѣтныя богатства, накопленныя вѣками. „До того времени, говоритъ Эгингардъ въ XIII главѣ, франки считались бѣдными, а теперь обогатились. Во дворцѣ кагана они пріобрѣли столько золота и серебра, какъ никогда прежде, и то, что тѣ незаконными войнами добыли отъ другихъ народовъ, по справедливости (!) досталось франкамъ“.

(¹) ... et Francis adunati, unus cum eis populus efficerentur... Eginhardus; ibidem.

Для средневѣковой исторіи самое существенное значеніе имѣютъ отношенія Карла Великаго къ Италіи вообще и къ папскому престолу въ особенности. Распоряженія Пепина, сдѣланныя въ Италіи, не были уважены въ свое время. Дезидерій нарушилъ договоръ. Адріанъ VI просилъ помощи могущественнаго Карла.

Отношеніе Карла Великаго къ Риму.

Окончивъ первую саксонскую войну, Карлъ въ 773 году двинулся на защиту папы. Дезидерій ждалъ его по обыкновенію въ альпійскихъ проходахъ, черезъ которые было трудно пройти. Но, вѣроятно, въ рядахъ его войска была посѣяна интрига и измѣна. Дезидерій потерялъ присутствіе духа и, очистивъ проходы, отступилъ въ сѣверную Италію. Онъ самъ заперся въ Павіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, а его сынъ въ Веронѣ. Павія держалась почти цѣлый годъ, но Верона сдалась нѣсколько раньше. Сынъ его успѣлъ бѣжать въ Византію, но Дезидерій, послѣдній король лангобардовъ, попалъ въ руки Карла. Развѣнчанный властитель вмѣстѣ съ своимъ семействомъ былъ увезенъ на сѣверъ Галліи, гдѣ кончилъ жизнь въ темницѣ.

Казалось, настало господство римской куріи, но это было только на первое время. Карлъ не былъ изъ числа такихъ властителей, которые бы дѣлились своей властью. Въ 773 г. Карлъ явился въ Римъ, подтвердилъ папѣ дарственную запись Пепина, т. е. передалъ ему 22 города, а остальную часть взялъ себѣ подъ названіемъ герцогства лангобардскаго. Должно замѣтить однако, что лангобардское герцогство въ средней и южной Италіи удержало свою самостоятельность; большая же часть сѣверныхъ итальянскихъ городовъ подпала духовнымъ и свѣтскимъ синьорамъ. Послѣдніе поспѣшили изъявить покорность Карлу и принесли ему присягу.

Карлу нѣсколько разъ приходилось устроивать итальянскія дѣла, но онъ никогда не хотѣлъ усиленія свѣтской власти папъ. Въ сущности Карлъ не прибавилъ папѣ ничего, кромѣ областей, назначенныхъ его отцомъ. Между тѣмъ твердость франкской власти сказалась въ Италіи. Самъ папа долженъ былъ обращаться къ его суду при разбирательствѣ дѣла съ архіепископомъ равеннскимъ, а равно и при столкновеніи съ франкскими вассалами, которые старались упрочить власть своего государя на полуостровѣ. Въ сущности, Карлъ былъ пока римскимъ патриціемъ въ Италіи, т. е. намѣстникомъ византійскаго императора, титулярныя права котораго

еще не прекратились. Но самыя обстоятельства уже складывались такъ, что фактическая власть переходила къ тому, кто ее имѣлъ въ рукахъ, а не къ тому, кто претендовалъ на нее по историческому праву. Когда преемникъ Адріана, Левъ III, былъ захваченъ и изуродованъ противной партіей, то онъ долженъ былъ обратиться въ Ахенъ за помощію къ Карлу. На Византію папа не могъ надѣяться; съ ней Римъ разошелся уже давно. Тамъ власть была въ рукахъ женщины, императрицы Ирины, которая была поглощена умиротвореніемъ имперіи.

Неизвѣстно, что произошло въ Ахенѣ между Карломъ и папою. Эгингардъ благоразумно объ этомъ умалчиваетъ. Надо полагать, что все послѣдовавшее затѣмъ было результатомъ свиданія Карла съ папою. Вѣроятно, Карлъ обѣщалъ водворить бѣглаго папу снова въ Римѣ, въ замѣнъ чего Левъ III долженъ былъ провозгласить Карла Римскимъ императоромъ. Что папа не желалъ усиленія новой франкской государственной власти въ Италіи, что онъ не радовался появленію на полуостровѣ франкскихъ вассаловъ, съ которыми онъ долженъ былъ сноситься не какъ съ подданными, а какъ съ равными,—это ясно безъ объясненій. Для него была выгоднѣе призрачная власть византійскаго императора. Вліяніе же такого энергическаго человѣка, каковъ былъ Карлъ, безъ сомнѣнія, было опасно для римскаго первосвященника. Тотъ государь, который даровалъ римскому народу 22 города, могъ во всякое время отнять ихъ и, кромѣ того, вліять на самую судьбу папскаго престола.

Коронованіе Карла императорскою короною 25 декабря 800 года.

Мы не находимъ у Эгингарда подробностей о томъ какъ свершилось величайшее историческое событіе того времени. Разумѣемъ коронованіе Карла императорскою короною. На зиму 879 года король поѣхалъ въ Римъ, чтобы защитить папу Льва III, которому его враги выкололи глаза и урѣзали языкъ. Въ Римѣ онъ получилъ пріятный подарокъ отъ своего друга и учителя Алкуина—исправленныя и переплетенныя рукописи Священнаго Писанія. Въ письмѣ, которое сопровождало подарокъ и которое было доставлено сыномъ Карла, Пепиномъ, Алкуинъ впервые величаетъ Карла императоромъ (imperialis potentia). Значитъ, при дворѣ Карла знали заранѣе, что кунингъ будетъ провозглашенъ императоромъ. Самый обрядъ совершился какъ бы внезапно, 25 декабря 800 года, въ церкви св. Петра въ Римѣ, тогда еще деревянной и нев-

рачной. Карлъ будто избѣгалъ коронаціи. Если бы онъ зналъ намѣреніе первосвященника, то не пошелъ бы въ церковь къ обѣднѣ, несмотря на торжественность праздника. Этому, конечно, трудно повѣрить. Папа во время литургіи возложилъ на Карла драгоцѣнную императорскую корону. Хоръ запѣлъ: Карлу Августу, рукою Божіею вѣнчанному, и миротворному императору Римскому, жизнь и побѣда! Папа тогда палъ ницъ къ ногамъ императора и совершилъ надъ нимъ и надъ сыномъ его Пипиномъ таинство мѵропомазанія. Такъ какъ, по убѣжденію германскаго народа, съ представленіемъ объ императорѣ было соединено представленіе объ обладаніи цѣлымъ римскимъ міромъ, то и Карлъ отнынѣ смотритъ на себя, какъ на представителя свѣтской и духовной власти. Дѣйствительно, Карлъ Великій умѣлъ всегда держать духовную власть въ зависимыхъ отношеніяхъ: онъ считалъ её своимъ орудіемъ. На другой же день послѣ коронаціи, ясно обозначилось, что папа безъ императора не имѣетъ значенія. Сами папы должны были склониться передъ новою силою, которую они же увѣнчали. Замыслы Карла были велики. Послѣ того какъ онъ, съ принятіемъ императорскаго титула, сталъ во враждебныя отношенія къ Византіи, ему приходили на умъ мысли о судьбахъ Востока, о возможности единенія всего историческаго міра. Но въ его умѣ было много трезвости и глубины, чтобы сдержать свои порывы.

Онъ не успокоился на лаврахъ, достигнувъ такого величія: онъ считалъ своимъ призваніемъ труженическую жизнь. Относительно учрежденій франкской монархіи, къ которымъ мы переходимъ, можно сказать, что здѣсь всё—дѣло его рукъ; весь хаосъ, царствовавшій до него, онъ привелъ въ порядокъ.

Государственныя учрежденія монархіи Карла Великаго.

Въ рукахъ германскаго кунинга издавна находилась обширная юрисдикція. Онъ былъ источникомъ не только правосудія и управленія: онъ вмѣстѣ съ синьорами издавалъ законы. Правильный государственный строй требуетъ непремѣннаго обязательнаго раздѣла властей. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, конечно, не знали такого раздѣленія. Это значеніе древне-германской власти отразилось въ дальнѣйшихъ судьбахъ среднихъ вѣковъ. Вообще, въ средніе вѣка никогда не доходили до необходимости строгаго раздѣленія власти; таковой принципъ осуществился на практикѣ лишь въ началѣ новой исторіи и то только въ Англіи. Въ отдаленное же время, напротивъ, король долженъ былъ одинъ заботиться о мирѣ въ государ-

ствѣ; потому судъ и расправа тогда были предметами его исключительной дѣятельности.

Это высшее право повелѣнія и запрещенія—то, что римляне называли *imperium*,—германцы опредѣлили терминомъ *Bann*. Всякій, кто не повиновался королю, подпадалъ его Bann и наказывался ничѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе значительной денежной вирой, пеней (Wehrgeld). Вся означенная сумма власти короля распадается съ теченіемъ времени на двѣ вѣтви: власть военную (Heerbann) и гражданскую (Gerichtsbann). Король управлялъ государствомъ при содѣйствіи окружающихъ его сановниковъ, которыхъ онъ назначалъ изъ числа своихъ вассаловъ. Такимъ образомъ придворная служба въ то время совпадаетъ съ государственной, военной и гражданской безразлично. Являются слѣдующіе чины у древнихъ кунинговъ; они образовались подъ вліяніемъ Византіи, которая незримо, будучи наслѣдіемъ Рима, охватывала собою германскія понятія. Въ германскихъ государствахъ долго признавался верховный принципіальный авторитетъ Византійскаго императора. Эти чины были: cubicularius (спальникъ) или camerarius, marescalcus или comes stabuli (маршалъ), senescalcus, buticularius (мундшенкъ), venator (егермейстеръ), falconarius (сокольничій). Въ нѣкоторыхъ странахъ эти чины существуютъ до сихъ поръ и играютъ важную роль; тѣмъ болѣе извинительно было въ древнее время кунингамъ поручать своимъ спальникамъ отправленіе государственныхъ должностей.

Переходимъ теперь непосредственно къ государственнымъ должностнымъ лицамъ; это были comes palatii (впослѣдствіи пфальцграфъ, палатинъ), который былъ первымъ сановникомъ въ государствѣ. Король занимался судопроизводствомъ лично, особенно въ важныхъ дѣлахъ, въ случаѣ аппеляцій; онъ требуетъ къ своему суду всякаго, кто не исполняетъ рѣшенія низшихъ инстанцій и, конечно, властенъ измѣнять рѣшенія послѣднихъ, ибо выше его суда ничего нѣтъ. Но король судитъ въ присутствіи своей *куріи* (curia regis, placitum palatii),—то есть, при содѣйствіи пфальцграфовъ и другихъ перечисленныхъ придворныхъ сановниковъ, которые тогда назывались comites palatii и были помощниками короля въ управленіи его дворомъ. Такъ какъ король не могъ всегда и вездѣ лично присутствовать въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, то за него управляютъ герцоги (heerzog, duces), графы, вице-графы и маркграфы.

Графы.

Любопытно опредѣлить значеніе всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ и сановниковъ. Центръ тяжести административной заключался въ графахъ: потому сперва слѣдуетъ становиться на ихъ юрисдикціи.

Мы говорили, что древнія германскія общества дѣлились на волости, гдѣ господствовала круговая порука и которыя управлялись самостоятельно. Теперь, въ эпоху королей, подъ вліяніемъ римскихъ и византійскихъ понятій, волости являются въ смыслѣ территорій, управляемыхъ намѣстниками короля, которые и назывались *графами*, comites; они не избирались, а назначались королемъ. Въ Галліи, гдѣ не было дѣленія на волости, графствами сдѣлались прежніе городскіе округи. Графъ, онъ же judex fiscalis, государственный судья былъ намѣстникомъ и представителемъ короля въ полномъ смыслѣ слова, т. е. у себя въ графствѣ имѣлъ точно такую же власть, какая принадлежала королю во всемъ государствѣ; не даромъ онъ назывался *сотрудникомъ*—comes, помощникомъ короля. Такъ какъ аллоды почти всѣ превратились въ королевскіе феоды, то наблюденію графа подпадаютъ всѣ вассальныя земли, потому что онъ здѣсь замѣняетъ собою особу короля. Только самые богатые аллоды или феоды составляли исключеніе; они пользовались изъятіемъ отъ подчиненія графу, а подчинялись непосредственно королю, и то на судѣ. Графъ вершитъ у себя судъ; онъ же исполняетъ приговоры; онъ заботится о безопасности общинъ, о порядкѣ и благоустройствѣ графства; церкви, вдовы, сироты, бѣдные были ввѣрены его попеченіямъ, ибо всѣ эти учрежденія и лица издревле находились подъ опекой короля (in mundiburdio regis).

Графъ собираетъ подати и налоги съ жителей, собираетъ доходы съ заставъ (portaticum), мостовъ (pontaticum), дорогъ (viaticum), рѣкъ (fluviaticum); онъ отдаетъ деньги въ королевскую казну, при чемъ представляетъ отчеты. Понятно, что у него былъ наибольшій участокъ и болѣе всего вассаловъ, потому что всѣ обращались къ нему съ предложеніемъ коммендаціи. Но его власть была не надъ всѣми; подобно королю, онъ долженъ былъ три раза въ годъ созывать собранія изъ всѣхъ свободныхъ людей графства и предсѣдательствовать на нихъ.

Собранія и судъ.

Эти собранія назывались *placita generalia* и были очень многолюдны. Потому то съ теченіемъ времени большія собранія были замѣнены съѣздомъ главныхъ землевладѣльцевъ графства. На этихъ собраніяхъ графъ предъявлялъ законы и постановленія, сдѣланныя общими государственными сеймами, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе; (стр. 240); тутъ же онъ провозглашалъ и собственно отъ него исходящія административныя и полицейскія мѣры касательно мѣстнаго управленія страной. Въ этихъ дѣлахъ собраніе имѣло совѣщательный голосъ; рѣшенія принадлежали графу.

Что же дѣлало это нѣмое собраніе? Оно судило... Изъ этихъ собраній образовались впослѣдствіи такъ называемые ассизы и судъ присяжныхъ въ Европѣ. Когда placitum собиралось для суда, то оно называлось mallus comitis, Mallberg, гора суда. Но должно замѣтить, что и въ судѣ не всѣ присутствовавшіе принимали участіе, т. е. имѣли право голоса;— графъ самъ избиралъ изъ числа зажиточныхъ помѣщиковъ засѣдателей, которые вмѣстѣ съ нимъ голосовали; эти присяжные назывались *boni homines*, добрые, т. е. опытные, искусные люди. Хотя здѣсь и коренится начало европейскаго института присяжныхъ, но есть существенное различіе въ обоихъ учрежденіяхъ. Число прежнихъ присяжныхъ не было опредѣлено, а избирались они, смотря по важности и количеству дѣлъ. Сперва они избирались только на время ассизовъ; потомъ ихъ стали назначать въ опредѣленномъ количествѣ, 7 и 12. Съ Карла Великаго они назывались въ Галліи scabini (echèvins), у нѣмцевъ — Schöffen, у англосаксовъ — шерифы. Присяжные того времени отличаются и тѣмъ, что они не только опредѣляли виновность или невиновность, но были и слѣдователями и судьями; они назначали наказанія подъ предсѣдательствомъ графа, который въ такихъ случаяхъ имѣлъ одинаковое право голоса и которому поручалось внести дѣло и исполнить приговоръ. Такъ какъ иныя дѣла нельзя было откладывать до созыва ассизовъ на нѣсколько мѣсяцевъ, то графъ держалъ при себѣ постоянно малые ассизы.

Викаріи, виконты.

Подраздѣленія графства назывались центенами; потому что прежде эти участки состояли изъ 100 отдѣльныхъ семействъ. Лица, управлявшія ими, назывались въ сѣверной Галліи vicarii; въ южной Галліи, по провансальски viquiers; у нѣмцевъ — центграфы; и избирались они въ своихъ округахъ при

содѣйствіи графовъ. Викаріи имѣли свои ассизы и свой судъ присяжныхъ, но разбирать могли только въ дѣлахъ уголовныхъ мелкія преступленія (приблизительно въ предѣлахъ юрисдикціи русскихъ мировыхъ судей) и небольшія претензіи въ дѣлахъ гражданскихъ. Болѣе же важныя дѣла передавались на графскіе ассизы; тутъ самъ графъ пріѣзжалъ и предсѣдательствовалъ въ мѣстныхъ ассизахъ; иногда онъ же присылалъ своихъ помощниковъ. Помощники графа назывались вице-графами (vicecomites), отсюда французскіе виконты. Они были назначаемы графомъ, при чемъ брали на себя часть многочисленныхъ обязанностей графа или получали отдѣльный участокъ; отсюда виконтства.

Что касается до городскихъ общинъ, то надъ ними наибольшее вліяніе сохранялось у епископовъ; авторитетъ послѣднихъ основывался на ихъ нравственномъ вліяніи, на привычкѣ къ нимъ горожанъ; когда графъ ѣздилъ, епископъ сидѣлъ постоянно на мѣстѣ. Въ средней Галліи, большею частью города считались епископскими и были въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королю. Эта возможность легко становиться въ вассальство была для духовныхъ привлекательна. Большая часть духовенства охотно предпочитала свѣтскую карьеру, управляя участками, вершая судъ, сражаясь; впослѣдствіи, свѣтскія обязанности смѣшались съ духовными; это повело къ порчѣ, деморализаціи духовенства западной Церкви. Вообще, въ то время духовныя власти имѣли преобладающее значеніе и, если случалось, что одинъ изъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ былъ духовнымъ лицемъ, то или графъ приглашалъ епископовъ или они сами являлись безъ зова, при чемъ всегда кто нибудь изъ епископовъ предсѣдательствовалъ на судѣ.

Мы упомянули о земляхъ крупныхъ феодаловъ, которые не хотѣли повиноваться королю и въ своихъ владѣніяхъ имѣли собственное управленіе. Такія земли назывались изъятыми (immunes), а самый фактъ изъятія назывался immunitas. Права же, не подлежавшія вѣдѣнію графа, назывались иммунитетомъ. Къ числу изъятыхъ земель принадлежали и непосредственные королевскіе домены, имѣвшіе свое особенное управленіе. Въ разныхъ графствахъ встрѣчаются города, которые составляли частную собственность королевскаго фиска, сохраняя своихъ особыхъ покровителей. Еще болѣе было изъято церковныхъ земель, которыхъ было такъ много въ каждомъ

Иммунитетъ.

графствѣ, что иногда онѣ тянулись цѣлыми полосами; насельцы ихъ зависили только отъ своихъ церковныхъ правителей и назывались homines ecclesiastici. Часто король предоставлялъ церквамъ средства взимать доходы въ родѣ сбора съ мостовъ, рѣкъ и т. п. Тамъ былъ свой судъ и своя полиція, свой defensor и advocatus ecclesiae, который у нѣмцевъ назывался фохтъ. Сперва этихъ защитниковъ церквамъ давалъ самъ король, но потомъ они избирались причтами изъ крупныхъ сосѣднихъ собственниковъ. У фохта была такая же власть, какъ у и графа, съ тою только разницею, что на войнѣ онъ съ своими людьми становился подъ знамена графа, т. е. подчинялся ему. Такъ какъ каноническія узаконенія не позволяли Церкви судить уголовныя преступленія и осуждать на смертную казнь, то адвокатъ выпрашивалъ у короля особое право на это (Blutbann), т. е. право уголовной расправы, которое заключалось только въ королѣ и только отъ него передавалось въ другія руки. За свои услуги фохтъ получалъ какой нибудь феодъ отъ церкви или награждался 1/3 денежной пени съ подсудимыхъ.

Власть герцоговъ. Выше графовъ, сдѣлавшихся простыми королевскими сановниками, стояли герцоги. Какъ и самое слово показываетъ, они были по преимуществу людьми военными, водившими войско (Heer-zog, duces). Замѣтимъ, что помимо тѣхъ военныхъ герцоговъ, имена которыхъ встрѣчаемъ еще съ первыхъ годовъ нѣмецкой исторіи,—при Карлѣ управляли доменами изъ нѣсколькихъ графствъ герцоги съ гражданскою властью. Значитъ герцоги были двухъ родовъ. Они имѣли исключительно военное значеніе въ то время только въ Галліи, а гражданскую власть у тюринговъ, аллемановъ, баваровъ. Они тоже стали вассалами короля, но управляли своими землями независимо и ихъ подчиненіе королю было только номинальное; даже управляя королевскими владѣніями, они не считали областнымъ отдавать весь доходъ въ королевскую казну. Они сами назначали графовъ и центграфовъ, точно короли; они иногда собирали собранія, иногда нѣтъ. По количеству и богатству своихъ владѣній, они почти не уступали иному королю; вотъ почему они держались гордо предъ королемъ, ограничиваясь только уплатою дани. Вся сила ихъ проистекала изъ того, что имъ по неосторожности предшественники Карла поручили много земель. Карлъ Великій осо-

бенно боялся такихъ гражданскихъ герцоговъ и всѣ старанія его были направлены на уничтоженіе этихъ сановниковъ; онъ не позволялъ соединенія нѣсколькихъ графствъ въ одно, подъ властью герцога. Подъ конецъ его жизни, всѣ герцоги были обращены въ простыхъ графовъ. Но когда не стало этого великаго человѣка и отлегла его тяжелая рука, опять появились сильные герцоги, которые захватили въ свои руки нѣсколько графствъ. Эта узурпація была главной причиной ослабленія королевской власти.

Пограничныя графства всегда назывались марками, а лица, завѣдывавшія ими, маркграфами. Гражданская и военная власть этихъ „marchiones" была усилена въ видахъ опасности отъ сосѣднихъ враговъ.

Не довольствуясь такой правильной администраціей въ государствѣ, Карлъ Великій учредилъ еще одинъ замѣчательный институтъ, это институтъ зендграфовъ, королевскихъ полномочныхъ, что тоже ревизоровъ, контролеровъ съ большими полномочіями. Они назывались missi или nuntii. Короли посылали этихъ легатовъ въ графства и прежде, но со времени Карла началось болѣе правильное наблюденіе за управленіемъ. Вся страна была раздѣлена на особыя легатства, изъ которыхъ въ каждое посылались два зендграфа (missatici): одинъ—епископъ, другой—знатный вассалъ. Они требовали отчета отъ всѣхъ должностныхъ лицъ, производили смотръ ополченію, принимали жалобы на всѣхъ безъ исключенія королевскихъ сановниковъ. Въ нихъ Карлъ видѣлъ гарантію королевской силы и порядка; со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, это учрежденіе должно бы было положить начало иному, не феодальному строю, если бы институтъ зендграфовъ упрочился. Зендграфы проникали всюду; передъ ними не было никакихъ изъятій; они собирали большія собранія изъ всего вассальнаго населенія и приглашали на нихъ всѣхъ должностныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, графовъ, викаріевъ, зендграфовъ, епископовъ, аббатовъ, фохтовъ. Зендграфы проводили одинъ принципъ равенства передъ закономъ и одинаковой отвѣтственности предъ королемъ и народомъ: и это было еще въ то время, когда новые элементы не успѣли сложиться. Въ разныхъ мѣстахъ, ежегодно четыре раза, при помощи избираемыхъ ими же присяжныхъ, зендграфы производили высшій судъ. Сюда поступали аппеляціи отъ су-

Зендграфы.

да, жалобы на графовъ, на ихъ проволочки или несправедливость постановленныхъ ими приговоровъ. Тутъ же разбирались всѣ тяжбы, неподсудныя графамъ, напр. всѣ тяжбы государственныхъ сановниковъ, герцоговъ, графовъ, епископовъ, аббатовъ или особенно важные судебные случаи. Однимъ словомъ, это былъ тотъ же королевскій судъ, но только подвижной. Со смертью Карла это полезное учрежденіе лишилось значенія, когда всѣ исчисленныя должности получили наслѣдственный характеръ и когда обязанности этихъ лицъ стали номинальными. Тогда, естественно, королевская власть неподдерживаемая этими административными и контролирующими учрежденіями, должна была погибнуть; она стала тѣнью, а тѣ люди, которыхъ она предназначила для охраненія народныхъ правъ,—тѣ люди подорвали её. Во всякомъ случаѣ то время, исторію котораго мы будемъ излагать, имѣло достаточно хорошо организованный строй для юнаго несложившагося еще общества, правильную администрацію, контроль надъ должностными лицами. Конечно, всё это развилось преимущественно среди франковъ, которымъ выпала завидная роль стоять во главѣ всего германскаго племени,—но извѣстно, что и остальныя государства западнаго континента въ то время были болѣе или менѣе подчинены франкамъ, такъ что эти учрежденія были перенесены и въ Галлію и въ Испанію и отчасти въ Италію.

Изданіе законовъ.

Надо прибавить, что король не былъ исключительнымъ источникомъ законодательной власти, но и въ лучшее время королевской силы, обыкновенно, созывалъ собранія изъ придворныхъ, епископовъ, знатныхъ вассаловъ, предъявляя имъ разработанные законы для обсужденія на майскихъ собраніяхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ. На эти собранія собирались всѣ свободные люди; свѣтскіе и духовные сановники, имѣвшіе должности или значеніе, составляли сеймъ изъ двухъ палатъ: свѣтской и духовной. Объ общихъ дѣлахъ обѣ палаты совѣщались вмѣстѣ, но въ духовной палатѣ исключительно были духовныя лица и главное вліяніе принадлежало епископамъ. Къ сожалѣнію, кругъ дѣятельности сейма и его права не были точно опредѣлены; но извѣстно, что всѣ законы Франкской монархіи выработались усиліями этихъ собраній. Королевская власть обыкновенно утверждала проекты законовъ. Постановленія этихъ собраній назывались *capitularia* (capita, главы, статьи закона).

При жизни Карла вездѣ чувствовалась его тяжелая рука. Тогда хотя и существовали народныя собранія, но самъ Карлъ былъ на первомъ планѣ. „Онъ центръ и душа всего,—говоритъ Гизо; по его волѣ собраніе и собирается и разсуждаетъ; онъ разузнаетъ о состояніи страны, предлагаетъ и утверждаетъ законы; вездѣ его воля, и отъ него исходитъ первый толчокъ; каждое дѣло начинается у него, съ тѣмъ чтобы возвратиться къ нему. Вовсе нѣтъ рѣчи ни о широкой общественной свободѣ, ни о настоящей политической жизни; народное собраніе является весьма сильнымъ органомъ правительства" ([1]).

Капитуляріи Карла Великаго.

Но вліяніе его особенно сказалось въ одномъ,—именно въ разработкѣ статей законовъ, судебныхъ формулъ и постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ капитуляріевъ. Не всѣ они принадлежатъ Карлу Великому; очень многіе изданы послѣ него. Всего на почвѣ одной Франціи насчитываютъ до 1700 такихъ статей, кромѣ тѣхъ, которые изданы Каролингами, правившими въ Германіи и Италіи ([2]). Ошибочно полагаютъ, что будто всѣ эти капитуляріи суть законы Карла Великаго. Напротивъ, это цѣлый лабиринтъ разныхъ правилъ и постановленій вмѣстѣ съ указами императора. Здѣсь даже мало новыхъ законовъ. Тутъ — инструкціи Карла графамъ, герцогамъ, епископамъ, сотникамъ перемѣшаны съ судебными приговорами и рѣшеніями, грамоты съ привилегіями и т. п. Надо употребить много критическихъ усилій, чтобы выдѣлить изъ этого хаоса духъ законовъ.

Гизо исполнилъ этотъ трудъ весьма удачно. Онъ дѣлитъ всѣ (65) капитуляріи Карла на 8 отдѣловъ сообразно съ характеромъ внутренняго содержанія: 1) законодательство моральное; 2) политическое, 3) уголовное, 4) гражданское, 5) каноническое; 6) распоряженія хозяйственныя, 7) церковныя и 8) частныя ([3]).

([1]) Guizot. Histoire de la civilisation en France, 4 vls. 831. Два русскихъ перевода: Петербургскихъ студентовъ подъ ред. М. М. Стасюлевича, неоконченный (П. 1861, I—II.) и полный М. Корсакъ (изд. К. Т. Солдатенкова, 4 ч. М. 1877—81).

([2]) Они помѣщены въ сборникѣ Балузія (1677 г. 2 т. въ Парижѣ) и у Пертца; Monumenta Germ. Leges.

([3]) Интересные отрывки изъ капитуляріевъ собраны въ русскомъ переводѣ, въ доступномъ изданіи М. М. Стасюлевича (Ист. ср. вѣковъ; II, 53—75); потому не дѣлаемъ большихъ выписокъ.

Что касается до перваго отдѣла, то это не законы въ нашемъ смыслѣ, а нравственныя, этическія изрѣченія. Напримѣръ, въ капитуляріяхъ этого отдѣла находимъ, что скупость есть корень всего зла, что надо быть гостепріимнымъ, что не надо дозволять себѣ грабежа, лжесвидѣтельства.... „Въ этомъ мы всегда убѣждаемъ и это запрещаетъ законъ Божій". Наставленія эти были умѣстны въ то время, когда потребно было вселять идею морали въ обществѣ не въ формѣ законовъ, а въ формѣ проповѣди; въ нихъ заключаются или запрещенія или предписанія; словомъ — это повтореніе заповѣдей Божіихъ. Здѣсь законодатель относится къ обществу, какъ отецъ къ дѣтямъ. Понимая всю силу, какую можетъ имѣть надъ людьми идея долга, законодатель старается провести эту идею въ человѣка всѣми путями, и такимъ образомъ въ его рукахъ законодательство является чѣмъ то въ родѣ проповѣди, средствомъ назиданія. Къ моральному законодательству того времени должно отнести всѣ распоряженія, касавшіяся интеллектуальнаго развитія человѣка, всѣ указы Карла Великаго о школахъ, о распространеніи и исправленіи книгъ церковныхъ и т. д.

Большое мѣсто отведено политическому законодательству. Здѣсь говорится объ обязанностяхъ графовъ, герцоговъ, намѣстниковъ, сотниковъ и т. д., затѣмъ о судебной администраціи и судопроизводствѣ; тутъ же приводятся административныя распоряженія, полицейскія мѣры, весьма разнообразныя и доходящія до мельчайшихъ подробностей. Провинція, войско, церковь, купцы, нищіе, внутренность императорскаго дворца—служатъ по очереди ихъ предметомъ. Подъ 806 годомъ находимъ мѣры противъ нищенства; а подъ 800 г. распоряженія относительно внутренней полиціи, коими запрещено давать убѣжище въ королевскомъ дворцѣ преступникамъ. Въ случаѣ, если какой нибудь свободный человѣкъ нарушитъ это запрещеніе, скрывши во дворцѣ преступника, то онъ присуждается нести его на своихъ плечахъ до лобнаго мѣста, гдѣ ихъ вмѣстѣ привязываютъ къ столбу. Къ числу политическихъ законовъ должно отнести распоряженія, касавшіяся управленія бенефиціями, розданными Карломъ Великимъ, а равно его отношеній къ бенефиціаламъ.

Въ уголовные капитуляріи вошли извлеченія изъ франкскаго, лангобардскаго и баварскаго „обычныхъ" законодательствъ. Новыя распоряженія Карла Великаго клонились

вообще къ смягченію древняго германскаго законодательства и особенно жестокихъ наказаній, которымъ подвергались рабы. Они носятъ объединяющій характеръ. Но въ виду особыхъ условій современности, Карлъ въ извѣстныхъ случаяхъ не только не смягчалъ наказанія, но еще усиливалъ, особенно если кара являлась въ его рукахъ орудіемъ политики. Такъ, смертная казнь, обыкновенно рѣдкая въ законахъ варварскихъ, является почти въ каждомъ параграфѣ капитулярія 789 г., направленнаго къ тому, чтобы удержать и обратить саксовъ; почти всякое нарушеніе порядка, всякое обращеніе къ идолопоклонству наказывалось смертію.

Въ области гражданскаго права Карлу представлялось мало случаевъ ко вмѣшательству, такъ какъ древніе законы и обычаи продолжали сохранять свою силу. Но отъ себя Карлъ только устанавливаетъ прочныя семейныя отношенія, вѣроятно, подъ вліяніемъ духовенства. Въ ту эпоху брачныя узы разрывались съ крайнею легкостью; мужъ бралъ и бросалъ жену весьма легко, почти безъ всякихъ формальностей. Закону предстояло регулировать эти семейныя отношенія и Карлъ Великій хорошо сознавалъ необходимость въ томъ. Вслѣдствіе того, въ его капитуляріяхъ находимъ множество параграфовъ, предписывающихъ извѣстныя условія для брака, какъ то: степени родства, обязанности мужа въ отношеніи жены и т. п. Законъ, опираясь на церковные каноны, назначалъ большіе штрафы за незаконные браки и налагалъ смертную казнь за похищеніе рабомъ дочери господина.

Каноническое право и особенныя церковныя распоряженія обнимали собою мѣропріятія не только касательно духовенства, но вообще регулировали отношенія подданныхъ христіанскаго государя къ духовенству. Непосредственно каноническое законодательство имѣло въ виду одно церковное общество и взаимныя отношенія членовъ духовенства; оно было сообщено только епископамъ. Таковое законодательство занимаетъ самое обширное мѣсто въ капитуляріяхъ; это понятно. Епископы были главными совѣтниками Карла Великаго; они засѣдали въ наибольшемъ числѣ въ народныхъ собраніяхъ; потому больше всего они обращали вниманіе на свои интересы. Вслѣдствіе того, народныя собранія разсматривались вообще какъ соборы, и опредѣленія, постановляемыя на нихъ, входили въ собраніе каноновъ. Всѣ такія опредѣленія издавались въ интересахъ епископской власти. При вступленіи династіи Каролинговъ, епископской ари-

стократіи почти не было, а если и была, то безсильная. Карлъ Великій счелъ нужнымъ её усилить, упрочить. Снабженная движимыми и недвижимыми имуществами, подъ его рукою, она пріобрѣла правильное устройство, корпоративный духъ, и сдѣлалась на нѣсколько вѣковъ преобладающимъ началомъ Церкви. Карлъ называетъ себя усерднымъ защитникомъ и скромнымъ помощникомъ святой Церкви. Онъ обращается къ епископамъ и пастырямъ Церкви, совѣтуя имъ заботливо и ревностно приводить народъ къ истинной вѣрѣ и обращать на путь истины заблудшихъ. При этомъ государственная власть даже санктируетъ гоненія за религіозныя убѣжденія. Карлъ предписываетъ не только убѣждать и усовѣщевать каждаго въ правой вѣрѣ, но даже принуждать. Епископамъ рекомендуется осторожное посвященіе въ духовный санъ. Что касается до образа жизни духовныхъ, то имъ предписывается строгая жизнь, запрещается держать въ своихъ домахъ женщинъ, кромѣ матери, сестры, допуская только тѣхъ, которыя не могутъ навлечь подозрѣнія. Далѣе строго запрещается ростовщичество.

Напримѣръ, по § 20 Падерборнскаго саксонскаго капитулярія за неприличный бракъ назначалась пеня въ 60 солидовъ съ благороднаго и 30 съ свободнаго человѣка; при этомъ даже литъ (litus), т. е. простолюдинъ подвергался взысканію за незаконный, т. е. неодобренный канонами, бракъ.

Священники должны блюсти тишину въ храмѣ, не пускать въ алтарь женщинъ; они должны сами хорошо понимать молитвы за обѣдней, толково и внятно читать ихъ. Священникамъ и діаконамъ внушается, чтобы они не носили оружія и болѣе довѣряли защитѣ Бога, нежели меча. Нетерпимость проявляется между прочимъ въ слѣдующемъ постановленіи: „не должно ни вѣрить, ни читать поддѣльныя сочиненія, разсказы сомнительной вѣрности и вообще всё, что противъ каѳолической вѣры, сквернѣйшія и ложныя посланія, которыя въ прошломъ году разносились бродягами, увѣрявшими, что эти посланія упали съ неба, чѣмъ они вводили иныхъ въ заблужденіе. Все такое сожигать, чтобы народъ подобными сочиненіями не былъ вовлеченъ въ заблужденіе. Можно читать и передавать одни каноническія книги, каѳолическіе трактаты и сказанія Святыхъ Отцовъ“. Вездѣ просвѣчиваетъ строгій клерикальный характеръ. Выпишимъ

образцомъ для подражанія представляется жизнь Святыхъ Отцовъ.

Наказанія страшно строги, — обыкновенное явленіе въ полуварварскомъ обществѣ, которое управляется примѣненіемъ грозной кары. Смертная казнь безусловно назначается за слѣдующія преступленія: за убійство епископа, священника, діакона, за сожженіе трупа по языческому обычаю, за жертвоприношеніе дьяволу, за сношенія съ злыми духами, за похищеніе рабомъ дочери господина, за невѣрность государю-королю, и, наконецъ, за употребленіе въ пищу мяса въ постное время. Въ послѣднемъ случаѣ снисхожденіе оказывается только тогда, если кто ѣлъ мясо *по необходимости*: это предоставляется разобрать священнику. Весьма интересенъ для характеристики эпохи § 6 Падерборнскаго капитулярія, изданнаго для саксовъ. „*Если кто*, обманутый дьяволомъ, по обычаю язычниковъ, *повѣритъ*, что мущина или женщина предаются колдовству и ѣдятъ людей и ихъ сожжетъ или дастъ мясо ихъ ѣсть другимъ или самъ съѣстъ, то смертью наказанъ будетъ (¹)“. Отсюда можно заключить, что со временемъ католическое законодательство не только не стало гуманнѣе по отношенію т. н. колдуновъ и колдуній; напротивъ, оно сдѣлалось еще болѣе суровымъ и безчеловѣчнымъ.

Хозяйственныя распоряженія содержатъ въ себѣ различныя инструкціи, съ которыми Карлъ обращался въ разныя времена къ управляющимъ своихъ помѣстьевъ; изъ нихъ выдается т. н. cap. de Villis imperialibus. Эти инструкціи важны въ томъ отношеніи, что они служатъ матеріаломъ для сельско-хозяйственной исторіи того времени (²), о которой будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Начало средневѣковой образованности.

Когда Карлъ Великій сталъ царствовать въ западномъ мірѣ, а науки почти повсюду пришли въ упадокъ, такъ что всѣ охладѣли къ служенію истинному Богу, случилось, что на берега Западной Галліи вмѣстѣ съ купцами высадились два скотта изъ Ирландіи. Это были люди очень свѣдущіе въ мірскихъ науках и Священномъ Писаніи. Они не выставляли на показъ

(¹) Cap. Paderbrunnense apud Pertz. Mon. Leges. I, 49.

(²) Эта сторона вопроса обработана для Германіи въ старомъ сочиненіи Anton (1799), а для Франціи—Guérard (La Polyptique d'Irménon). О Полиптикѣ подробнѣе будемъ говорить послѣ.

никакихъ продажныхъ товаровъ; но, когда около нихъ собиралась толпа, жадная до покупокъ, то они кричали: „кто желаетъ пріобрѣсть мудрость, тотъ пусть придетъ къ намъ и получитъ; её можно купить именно у насъ". Если они объявляли цѣну на мудрость, то только потому, оговаривается лѣтописецъ, что видѣли, какъ народъ охотнѣе кидался на дорогіе товары, чѣмъ на даровые. Они кричали до того, что нашлись люди, которые, или будучи удивлены всѣмъ происходившимъ, или считая ихъ сумасшедшими, донесли о нихъ Карлу Великому, который постоянно обнаруживалъ сильную любовь къ мудрости. Онъ потребовалъ ихъ немедленно къ себѣ и спросилъ: справедливы ли дошедшіе до него слухи, что они возятъ съ собою мудрость. Они отвѣчали: Да; мы обладаемъ ею и готовы сообщить о ней всякому, кто будетъ просить о ней именемъ Бога. — Когда Карлъ спросилъ ихъ далѣе, что они потребуютъ за это, они объяснили:—„Удобнаго помѣщенія для любознательныхъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что необходимо для всякаго странника, т. е. пищу и одежду".

Такъ разсказываетъ Санъ-Галленскій лѣтописецъ о началѣ просвѣщенія въ средневѣковой Европѣ, о поводахъ и обстоятельствахъ открытія монастырскихъ школъ, которыя были первыми разсадниками европейской науки ([1]). Изъ тѣхъ школъ вышли первые учители Европы.

Карлъ очень обрадовался этимъ иностранцамъ; сначала удержалъ ихъ при себѣ, а потомъ, отправляясь въ походъ, одного изъ нихъ, Климента, послалъ въ Галлію, давъ ему готовое помѣщеніе и много мальчиковъ разнаго происхожденія: другаго же Дунгала отправилъ въ Италію и отвелъ ему монастырь Св. Августина близъ города Павіи, рекомендовавъ посѣщеніе его лекцій людямъ всякаго возраста. Такимъ образомъ образованіе въ Европѣ началось въ двухъ мѣстахъ— въ Аквитаніи и въ Италіи.

Алкуинъ. Въ Англіи и въ Іоркѣ узналъ объ этомъ нѣкто Flaccus Albinus, который также назывался Алкуиномъ. Въ Іоркѣ, монастырская школа процвѣтала еще со временъ друидовъ: уже нѣсколько вѣковъ посѣщали эту школу галлы, искавшіе

(1) Отрывки въ точномъ переводѣ въ «Исторіи среднихъ вѣковъ» М. М. Стасюлевича; II. 94—116.

просвѣщенія, но не находившіе его на родинѣ. Архіепископъ Іоркскій былъ главнымъ наставникомъ въ школѣ. Одинъ изъ нихъ, ученый Эльбертъ, говоритъ его ученикъ Алкуинъ, „напоялъ огрубѣлые умы прямо изъ источниковъ разныхъ наукъ. Однимъ онъ старался сообщить искусство и правила грамматики,—другимъ—риторику; однихъ онъ упражнялъ въ преніяхъ судебныхъ; другихъ въ пѣсняхъ Аоніи. Многіе у него научились играть па флейтѣ Касталіи или ударять ногою о вершины Парнаса (т. е. заниматься поэзіей). Другіе знакомились чрезъ него съ гармоніею небеснаго свода, съ путями солнца и луны, съ пятью поясами полюса, съ законами теченія звѣздъ, ихъ восходомъ и закатомъ, движеніемъ моря, землетрясеніями, съ науками о природѣ человѣка, звѣрей, птицъ и всего лѣснаго населенія. Онъ раскрывалъ предъ ними различныя качества и сочетанія чиселъ, а главное—научилъ съ достовѣрностью вычислять время Пасхи и объяснять таинства Священнаго Писанія".

Могъ ли быть тогда человѣкъ, обладавшій болѣе разнообразными свѣдѣніями! За знакомство со всѣми этими спеціальностями ручается самъ Алкуинъ въ очень серьезномъ тонѣ. Если бы не случай, то врядъ ли такой многоученый мужъ, пользовавшійся общею любовью, оставилъ бы Іоркъ; но ему пришлось ѣхать за палліумомъ въ Римъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился въ 780 г. съ Карломъ Великимъ, который не могъ не знать его по слухамъ, и который въ пріемѣ, сдѣланномъ ему, выразилъ свое глубокое уваженіе къ просвѣщенію.. Карлъ переманилъ его къ себѣ и сдѣлалъ самымъ близкимъ себѣ человѣкомъ.

Алкуинъ, въ 782 году переселившись окончательно въ Галлію, устроилъ при дворѣ Карла извѣстную Палатинскую школу. Карлъ любилъ, когда его называли ученикомъ Алкуина; часто самъ великій императоръ со своимъ семействомъ посѣщалъ эту школу и выслушивалъ отвѣты учениковъ. 14 лѣтъ Алкуинъ управлялъ этою школою, основывая училища при другихъ монастыряхъ и заботясь о собираніи и исправленіи манускриптовъ. Но придворная жизнь не по душѣ людямъ, призваннымъ къ изслѣдованію истины. Трудно казалось Алкуину служить двумъ богамъ; поэтому онъ просилъ Карла поселить его въ какомъ нибудь монастырѣ, гдѣ онъ могъ бы основать новую школу. Карлъ отвелъ ему аббатство Св. Мартина въ

Турени. Здѣсь онъ основалъ школу, которую посѣщали многіе ученики (¹).

Алкуинъ—философъ, поэтъ, историкъ (онъ писалъ, между прочимъ, о войнѣ Карла съ саксами)—своею благородною дѣятельностію оказалъ цивилизаціи великія услуги. Упомянутая школа Св. Мартина была тогдашнимъ университетомъ. Тѣмъ сильнѣе начинаешь сочувствовать этой благородной дѣятельности Алкуина, когда узнаешь тѣ идеальныя, высокія идеи, которыя онъ развивалъ относительно науки. Въ своей бесѣдѣ съ учениками онъ доказываетъ, что въ наукѣ заключается существенное, облагороживающее значеніе, возвышающее душу. „Мудрость узнается тогда только, говоритъ Алкуинъ, когда вы полюбите ее ради ея самой, для Бога, ради душевной чистоты, для познанія истины, а не для человѣческой славы, награды и богатства; чѣмъ болѣе кто любитъ послѣднія, тѣмъ далѣе блуждаетъ отъ свѣта науки“.

Умственная дисциплина.

Для насъ, конечно, оригинальны тѣ образовательные пріемы, къ которымъ прибѣгалъ Алкуинъ при преподаваніи. Онъ хотѣлъ развить въ своихъ слушателяхъ прежде всего умственную дисциплину. Въ его трудахъ, потому, можно встрѣтить весь ученый матеріалъ которымъ располагало то время. Такъ какъ математика тогда не была еще разработана, а преподаваніемъ одной грамматики нельзя было достигнуть высшихъ педагогическихъ цѣлей, то Алкуинъ нашелъ другой способъ для развитія умственной дисциплины—способъ немного оригинальный. Онъ развиваетъ въ ученикахъ прежде всего діалектику. Его уроки — это рядъ загадокъ и отвѣтовъ на нихъ, отвѣтовъ, которые ученикъ могъ дать, только напрягаясь умственно до извѣстной степени. Конечно, эти загадки имѣли цѣлью развить діалектическія способности учениковъ.

Учитель, напримѣръ, спрашиваетъ: „я видѣлъ мертвое, оно родило живое, а дыханіе живаго поглотило мертвое“; ученикъ отвѣчаетъ: „отъ тренія дерева родится огонь, который пожигаетъ дерево“. „Что такое огонь, негаснущій въ воздухѣ“? „Известь“, разрѣшаетъ ученикъ. — „Что такое существуетъ и вмѣстѣ не существуетъ“? „Ничто, потому что

(¹) О немъ монографіи: Lorenz, Alcuins Leben 1829 г., Monnier, Alcuin et son influence littéraire, religieuse et politique, 1853. Werner, Alcuin und sein Jahrhundert. Pad. 1876.

оно существуетъ по имени, а на самомъ дѣлѣ его нѣтъ". — „Что дѣлаетъ горькое сладкимъ"? „Голодъ", отвѣчаетъ ученикъ. очень основательно. — „Что человѣка не утомляетъ"? „Прибыль" и т. д. Иногда въ вопросахъ видно желаніе пріучить къ риторическимъ фигурамъ. Сонъ—образъ смерти; берегъ моря—стѣна земли; трава и вообще злаки—одежда земли. Иногда преслѣдуются діалектическая и риторическая цѣль вмѣстѣ. Напримѣръ, учитель спрашиваетъ: „что такое богатство безъ мудрости"? Отвѣтъ:—„богатство безъ мудрости то же. что тѣло безъ души: мудрость возвышаетъ смертнаго; нищаго извлекаетъ изъ ничтожества, чтобы посадить его съ царями; она же поддерживаетъ престолъ славы".—„Что такое вѣра"? „Увѣренность въ томъ, чего не знаешь и что считаешь чудеснымъ".

Наука и ея содержаніе.

Въ бесѣдахъ этихъ Алкуинъ, между прочимъ, высказалъ тѣ основныя начала знанія, на которыхъ вращалось оно въ продолженіи среднихъ вѣковъ. До самаго Возрожденія классицизма, средневѣковая наука питалась скудными остатками древней мысли, обломками древней науки, которая слабо мерцала среди риторическихъ ухищреній и богословскихъ тонкостей. Боэцій, о которомъ мы упоминали (стр. 111), говоря о послѣднихъ годахъ царствованія Теодорика, былъ посредникомъ между древнимъ и средневѣковымъ умствованіемъ. Гдѣ-то у Соломона сказано, что мудрость построила себѣ домъ на семи столбахъ. Здѣсь разумѣются дары Св. Духа. А такъ какъ въ грубое время люди готовы выводить изъ Священнаго Писанія всѣ жизненныя истины, придавая ему грубо реальный смыслъ, то никто не додумался до настоящаго значенія этой метафоры. Съ легкой руки Алкуина тогдашніе ученые заключили, что книжная мудрость (sapientia liberarium litterarum) точно также утверждается на семи столбахъ и что, только поднявшись на эти ступени, люди достигаютъ совершенства. Эти ступени суть: 1) грамматика, 2) риторика, 3) діалектика, 4) ариѳметика, 5) геометрія, 6) астрономія и 7) музыка. „Надъ ними, говоритъ Алкуинъ, потрудились философы; ими они просвѣтились и превзошли славою царей и прославились на вѣки". Съ того времени, какъ Боэцій, потомъ Алкуинъ, распредѣлили градаціи наукъ, съ того самаго времени считали не возможнымъ прибавить къ нимъ что либо новое; другаго знанія

не существуетъ. Извѣстно, что эти науки были извѣстны древнимъ.

Какъ же понималась наука въ это время? какая цѣль вообще знанія?—„Оно необходимо, какъ опоры вѣры, для борьбы съ ересями". Вотъ исключительная цѣль образованія,—тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ суждено было ему вращаться и изъ котораго оно не выходитъ до самаго Возрожденія. „Этими науками защитники нашей католической вѣры одержали верхъ надъ всѣми ересіархами", говоритъ Алкуинъ. На верху всего находится Священное Писаніе. „Вооружившись этимъ знаніемъ, вы, обращается онъ къ слушателямъ, выступите послѣ неодолимыми защитниками и утвердителями истинъ вѣры" (1).

Такъ вслѣдъ за Алкуиномъ на Западѣ думали всѣ средневѣковые люди. Поэтому мы остановились на Алкуинѣ, знаменитомъ современникѣ и сподвижникѣ Карла, чтобы указать, съ какого ранняго момента средневѣковой цивилизаціи и образованности выработалось уже то убѣжденіе, что „philosophia est ancilla theologiae".

Въ переходное время — въ такъ называемые темные вѣка—просвѣщеніе стояло выше на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ. Надо помнить, что въ это время духовная жизнь могла пріютиться только въ Византіи. Если страдали провинціи Востока, то не страдала самая столица, гдѣ было столько школъ, насажденныхъ еще императорами. Но уже было замѣчено, что религія на Востокѣ получила особый характеръ; тамъ презирали искусство; тамъ самая наука какъ бы приноравливалась къ потребностямъ религіи. Только Марціанъ Капелла (въ V вѣкѣ) рѣшился воспользоваться результатами древней науки. Онъ задумалъ энциклопедировать тогдашнія знанія, хотѣлъ дать изложеніе всѣхъ тогда извѣстныхъ наукъ, въ прозѣ и стихахъ. Онъ въ 470 году конспектировалъ въ 9 книгахъ науки того времени. Въ двухъ первыхъ онъ говоритъ о „свадьбѣ Филологіи съ Меркуріемъ", а въ остальныхъ семи книгахъ содержится изложеніе семи искусствъ. Эта такъ называемая Trivium—грамматика, риторика и діалектика и Quadrivium—музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія. Этимъ учебникомъ пользовались во всѣхъ монастырскихъ школахъ. Такимъ

(1) Migne. Patrologia; I, 854.

образомъ, Алкуинъ усвоилъ какъ бы готовую форму, изъ которой не хотѣлъ выходить; его нововведеніе состоитъ собственно въ томъ, что онъ вверху всего поставилъ Священное Писаніе и всякую науку сдѣлалъ комментаріемъ Библіи.

Такъ какъ эти науки преподавались только въ монастырскихъ школахъ (schola) и внѣ этихъ школъ нельзя было чему нибудь научиться, то тогдашніе ученые получили названіе „схоластиковъ" (scholastici), а самая наука, направляемая въ смыслѣ богословско - философскомъ, была названа „схоластикою". Въ ней было два основныхъ элемента: Аристотелева логика, заключавшаяся въ „Органонѣ" и католицизмъ. Безъ „Органона" схоластика приняла бы иное направленіе, иныя формы. Весь умственный кругозоръ расширялся или съуживался, смотря по тому, какъ и какая школа переводила Аристотеля, его „Логику", служившую основою знанія. Въ средніе вѣка, подъ словомъ „philosophus", разумѣли собственно Аристотеля: другихъ философовъ не признавали. Величайшіе умы среднихъ вѣковъ, которые, пожалуй, по умственной мощи, по силѣ сообразительности и логики, мало уступали греческимъ мыслителямъ,—только потому, можетъ быть, не сдѣлали многаго, что считали себя рабами, слугами и учениками Аристотеля. Происхожденіе схоластики.

Извѣстно, что до арабовъ знали въ отрывкахъ одни логическія сочиненія Аристотеля, по дурно сдѣланнымъ переводамъ. Вся умственная дѣятельность должна была поддерживаться только посредствомъ этого скуднаго матеріала. Первые источники сухаго схоластическаго знанія заключались, какъ извѣстно, въ трудахъ Боэція и Капеллы.

Историческое значеніе философіи Боэція заключается въ томъ, что онъ пытался связать христіанство съ традиціями древней мысли. Въ немъ соединяется умирающее преданіе неоплатонизма и философія Отцовъ Церкви. Боэцій же первый комментируетъ Порфирія, именно его „Введеніе въ категоріи Аристотеля". По одному поводу, можетъ быть совершенно случайно, онъ далъ собственный комментарій, что послужило къ разработкѣ вопроса „о родѣ и видахъ", чѣмъ питалась вся средневѣковая философія до XIII вѣка и о чемъ мы будемъ говорить въ свое время.

Второй элементъ образованія, католицизмъ, въ свою очередь, еще болѣе стѣснялъ кругозоръ мысли. Образованность,

вслѣдствіе историческихъ, соціальныхъ и экономическихъ причинъ, не могла выйти за предѣлы духовнаго круга, который слѣдовательно, долженъ былъ носить спеціально-клерикальный характеръ. Такъ какъ христіанство распространялось среди германскихъ и среди романскихъ народовъ единственно изъ Рима, то оно приняло на Западѣ одностороннее, всегда воинствующее направленіе. Изъ церковной исторіи извѣстно, почему это было такъ. Духовенство, хотя и не было замкнутой кастою, но по кругу своей дѣятельности имѣло притязаніе властвовать надъ міромъ. Эта власть, основывавшаяся на силѣ молодой вѣры, въ тѣ времена была дѣйствительно велика и могуча.

Одна церковь являлась для народа необходимою посредницей въ сношеніяхъ съ вѣчнымъ, духовнымъ, божественнымъ. Священникъ является для человѣка лицомъ самымъ авторитетнымъ въ жизни. Онъ наполняетъ воображеніе народа содержаніемъ религіознаго матеріала, которое всегда имѣетъ столь сильное вліяніе на жизнь. При подавляющемъ возобладаніи Церкви надъ всѣми вопросами жизни и притомъ Церкви Римской, которая приняла наступательный характеръ, понятно, что чувственный человѣкъ приносился въ жертву высшимъ духовнымъ цѣлямъ. Какъ искусно старались возвысить обаяніе Церкви, къ какимъ насиліямъ прибѣгали для этого, съ самаго начала водворенія христіанства между германцами, можно видѣть изъ приведенныхъ нами мѣстъ Падерборнскаго капитулярія. Въ немъ, между прочимъ, преслѣдуется языческій обычай сожиганія труповъ, колдовство, даже вѣра въ силу колдовства. Это показываетъ, какъ еще сильна была оппозиція введенію христіанства, особенно между племенами, жившими на восточныхъ окраинахъ Западной имперіи.

Люди всегда остаются вѣрными окружающимъ ихъ условіямъ и если, напримѣръ, въ средніе вѣка, германцы и галлы не мыслили какъ греки, то это проистекало изъ того, что жизнь слагалась изъ молитвъ и обѣтовъ, аскетическихъ подвиговъ и странствованій ко святымъ мѣстамъ, вѣры въ чудеса и т. п. Среди всего этого проявлялись грубые порывы чувственности. Серьезной наукѣ, положительному знанію было мало мѣста, за то открывался самый широкій просторъ фантазіи.

Карлъ съ своей стороны сдѣлалъ для успѣха науки всевозможное. Въ этомъ отношеніи, какъ вообще по силѣ твор

чества и энергіи, его можно сравнить съ Петромъ Великимъ. Самъ онъ, говоритъ Эгингардъ, съ большимъ прилежаніемъ занимался науками и высоко почитая ученыхъ, оказывалъ имъ великія почести. Грамматику онъ слушалъ у Петра Падуанскаго, другія науки у Алкуина; прекрасно и съ увлеченіемъ говорилъ по латыни, такъ что его „можно было принять за учителя“. Изучивъ основательно ариѳметику, онъ занимался астрономическими выкладками, слѣдилъ за теченіемъ звѣздъ. Но, владѣя языкомъ, писать по латыни не научился. До самой смерти, даже больной, онъ держалъ подъ подушкой табличку для письма, но цѣли не достигъ.

Кончина Карла Великаго.

Самая смерть Карла была возвѣщаема народу особыми знаменіями. Майнцскій мостъ на Рейнѣ, результатъ 10-лѣтнихъ работъ, неизвѣстно отъ чего сгорѣлъ въ теченіи трехъ часовъ; зданія разрушались; съ неба падали метеоры; молнія ударила въ Ахенскій соборъ; императорскій дворецъ дрожалъ въ основаніи. Все это записано Эгингардомъ со всею пунктуальностью. Карлъ Великій скончался 8 января 814 г. въ Ахенѣ, отъ лихорадки, усложненной плевритомъ. Его оплакивали всѣ, даже язычники, какъ отца отечества (quasi pater orbis) (¹).

Его похоронили въ тотъ же день, какъ онъ умеръ и, по преданіямъ, оригинально, какъ не хоронили ни одного государя. Вѣчный воитель долженъ былъ изображать собою вѣчное бодрствованіе. Его набальзамированное тѣло усадили въ золоченное кресло, надѣли корону, въ которую былъ вдѣланъ кусокъ св. Креста, облекли въ императорское одѣяніе, вложили въ руки мечъ, золотой скипетръ и золотой щитъ, на колѣна возложили Евангеліе и такъ поставили въ склепахъ Ахенскаго каѳедрала, имъ сооруженнаго при жизни (²). Надъ могильною плитою была сдѣлана золоченая арка съ его изображеніемъ и надписью, совершенно вѣрно передававшей историческій подвигъ геніальнаго человѣка.

Подъ симъ памятникомъ положенъ прахъ Карла Великаго и каѳолическаго императора. Сильно расширилъ онъ королевство франковъ и счастливо правилъ XLVII лѣтъ. Онъ скончался 70 лѣтъ въ годъ Господень DCCCXIIII индикта VII. Кал. V февр.

(¹) Einhardi Annales, a. 814 (Pertz; I, 201).
(²) Einhardi Annales, a. 814 (ib.)

Но для воображенія современниковъ дѣйствительныхъ историческихъ заслугъ было мало.

Карлъ Великій послѣ смерти.

Когда Карлъ Великій скончался, то народная фантазія всецѣло овладѣла его личностью. По поэтическому представленію, для великаго Карла не существуетъ времени и пространства; онъ вихремъ носится по Европѣ изъ одного конца въ другой: онъ всегда и вездѣ. Онъ никогда не былъ побѣжденъ; его мечъ повсюду торжествуетъ. Его таинственное коронованіе, его войны съ язычниками и мусульманами, съ славянами, маврами и саксонцами, великолѣпные праздники и турниры, Ахенскій дворъ, это чудо тогдашней Европы,—такова была его политическая, фактическая дѣятельность. Если же взять его образъ въ легендарномъ представленіи, какъ рисуютъ его хроника Псевдо-Турпина, Санъ-Галленская лѣтопись и хроника, веденная при парижскомъ монастырѣ Св. Діонисія, то тамъ онъ является нѣсколько въ иномъ, болѣе грандіозномъ видѣ. Онъ мечемъ и кровью содѣйствовалъ обращенію язычниковъ въ христіанство. Онъ былъ типомъ величаваго христіанина, воителемъ-апостоломъ. Умирая, онъ думаетъ лишь о торжествѣ Креста. Извѣстно, что Карлъ зорко слѣдилъ за возвышеніемъ папъ, препятствовалъ этому возвышенію, но здѣсь, въ хроникахъ, онъ представленъ иначе. Въ послѣднія минуты, его предсмертныя мысли,—говорятъ лѣтописцы,—сосредоточиваются на Римѣ, гдѣ намѣстникъ Христа былъ освобожденъ, благодаря императору. Онъ припомнилъ, что Германія наводнена католическими миссіонерами, что всѣ европейскіе язычники стали христіанами и, въ восторгѣ пропѣвъ послѣднія слова Спасителя, закрылъ глаза на вѣки. Эта картина заслуживала того, чтобы быть воспѣтой поэзіей.

Но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ этотъ могучій образъ разростается еще грандіознѣе въ воображеніи потомства. Карлъ Великій является чуть не миѳическимъ лицомъ. Онъ надѣленъ всевозможными силами духа и тѣла. Его законодательство и побѣды въ народномъ воображеніи осѣняются необычайнымъ ореоломъ; ради великаго императора и историческія свѣдѣнія о немъ перепутываются тогдашними хроникерами, а тѣмъ болѣе рапсодистами. Лѣтописецъ, собирая народныя преданія, конечно, старался излагать ихъ сообразно съ понятіями своего времени, а потому естественно подчинялся творческой дѣятельности пѣвцовъ.

Карловинскій эпосъ.

Личность Карла Великаго породила въ средневѣковой литературѣ особый циклъ рыцарскихъ пѣсенъ, получившій названіе *Карловинскаго*. Эти пѣсни нельзя называть плодомъ воображенія отдѣльныхъ поэтовъ. Въ извѣстныя эпохи, собственно говоря, и не можетъ быть великихъ поэтовъ; никто не въ состояніи возвести на высшую ступень творчества общедоступныхъ идеаловъ; ихъ дѣло прекрасно исполняетъ самъ народъ, ибо нѣтъ надобности отдѣльному лицу возвышаться до общепонятнаго идеала. Таково было положеніе Европы отъ V до XII столѣтія. Въ это время только народное воображеніе бываетъ поэтомъ. Прежде пѣли о богахъ; жизнь боговъ облекалась въ поэтическіе образы; потомъ эпосъ пересталъ заниматься ими и получилъ характеръ героическій. Какое нибудь великое событіе или необыкновенное зрѣлище должно было подвигнуть умъ человѣческій къ мечтѣ о рыцарствѣ. Что же касается до Карла Великаго, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ первый рыцарь по своимъ поступкамъ и дѣйствіямъ. Его многовоинственные подвиги должны были потрясти даже самое холодное воображеніе. Въ то время дѣла были такъ поразительны, умы народовъ такъ ограничены, отсутствіе самыхъ элементарныхъ естественно-научныхъ свѣденій такое полное, что всякій, кто хорошо владѣлъ языкомъ, могъ воспѣть подвигъ. Всякій могъ разсказать то, во что вѣрилъ весь свѣтъ. Къ этому еще примѣшались старыя воспоминанія о великанахъ и волшебникахъ, таинственныя приключенія которыхъ заманчиво рисовались въ народномъ воображеніи. Такимъ образомъ самымъ своимъ содержаніемъ чудные подвиги Карла Великаго поражали современниковъ. Слѣдуетъ принять при этомъ во вниманіе ту живость воображенія, какая была у этихъ людей, только что вышедшихъ изъ состоянія варварства.

Пользуясь старыми легендами и былинами, позднѣйшіе редакторы нѣсколько измѣнили ихъ сюжеты и создали такъ называемые рыцарскіе Карловинскіе романы, въ которыхъ имя Карла Великаго, его подвиги и похожденія его дружинниковъ-паладиновъ, упоминаются на каждой страницѣ. Годъ отъ году, вплоть до XI вѣка, растетъ обаяніе этого образа. Въ легендахъ имя Карла Великаго всегда на первомъ мѣстѣ ([1]).

([1]) Эти сказанія разработаны въ 1851 г. въ монографіи Gaston Paris. Histoire poétique de Charlemagne. См. также Simrock. Karolingiches Bildenbuch (1850). Adolf Ebert. Allg. G. der Literatur des Mittelalters in Abendland. 2. B. L. 1874—80 (доведено до Карла Лысаго).

Интересъ сосредоточивается на его испанской войнѣ съ маврами; всѣ прочіе народы забыты. Онъ является защитникомъ имперіи и вѣры. Извѣстно, какое обаяніе имѣли тріумфы Наполеона; тѣмъ обаятельнѣе были побѣды Карла. Если и нынѣ еще преувеличиваютъ успѣхи Наполеона въ Египтѣ, то, тѣмъ простительнѣе, было утверждать, что Карлъ Великій съ 20 тысячами побѣдилъ полмилліона мавровъ и послѣ этого прибавить, что до кончины вѣка не будетъ такого героя. Солнце останавливается передъ нимъ, какъ передъ Іисусомъ Навиномъ; по поэтическому сказанію, ему всегда сопутствуетъ ангелъ, его неотступный совѣтникъ и другъ. Легенда, представляя императора грознымъ при жизни, не покидаетъ его и послѣ смерти. Колокола сами собою звонятъ погребально, когда несутъ его тѣло. Въ своей ахенской гробницѣ императоръ не лежитъ, а сидитъ; на колѣняхъ у него мечъ, который страшенъ язычникамъ и по сіе время; его сѣдая борода продолжаетъ рости и, обвивая ноги, опускается до земли. 12 пэровъ Карла Великаго служатъ любимыми героями рыцарской поэзіи, а дѣянія ихъ предметомъ обширныхъ поэмъ. Потомство между прочимъ сохранило воспоминаніе о пораженіи франкскаго арріергарда, которое въ сущности было дѣломъ басковъ, а не мавровъ. Но это пораженіе стоило сотни побѣдъ; въ немъ выказаны были героическими сподвижниками Карла чудеса нечеловѣческой храбрости. Народная фантазія воспользовалась этими мотивами, дивно разработала ихъ и явилась чудная „пѣснь о Роландѣ". Она не перестанетъ служить предметомъ восторга цѣлыхъ поколѣній, такъ какъ въ ней обильно льется источникъ истинной поэзіи ([1]).

Можно сказать, что безъ Карла Великаго не было бы національной эпопеи во Франціи.

([1]) Благодаря легендамъ, кромѣ пѣсенъ о Роландѣ, насчитывается около 200 поэмъ, составляющихъ особый циклъ романовъ объ этомъ императорѣ и его 12 пэрахъ (см. Gautier. Les épopées françaises). Изданіе пѣсни о Роландѣ въ подлинникѣ и съ переводомъ въ первый разъ Michel (1837), затѣмъ Génin (1850), Müller (nach der Oxforder Handschrift, Gött. 1851, 1863), baron d'Avril (1865, 1866, 1877), Stengel (Heilbr. 1878, а также фотографическое полное fas-simile рукописи Оксфордской въ томъ же году) и лучшее, édition classique: L. Gautier (текстъ, французскій переводъ, комментаріи, грамматика и словарь, изданіе XI. 1881, Tours) и его же роскошное изданіе въ 2 томахъ in 4 (Turs, 1881.).

6) Судьба имперіи при первыхъ преемникахъ Карла Великаго.

Есть такія могучія политическія формы, которыя возбуждаютъ постоянное къ себѣ уваженіе у разноплеменныхъ народовъ, которыя покоряютъ сердца всѣхъ, которыя живутъ тысячелѣтія и которыя не теряютъ способности быть политическимъ идеаломъ. Карлъ Великій, обладавшій сильнымъ организаторскимъ талантомъ, геній, который подчинилъ прочнымъ и правильнымъ законамъ феодализмъ, въ концѣ концовъ выставилъ идеаломъ ту же имперію съ Римомъ въ ея центрѣ. Тѣ общественные и государственные интересы, которые были прирождены германцамъ на зарѣ ихъ политической жизни, должны были слиться съ древне-римскими началами. Но это сліяніе не было прочно: связуемые элементы были слишкомъ противоположны. Идея феодализма, прирожденное германское общественное начало, не могла слиться съ императорскою идеею, этимъ наслѣдіемъ классическаго міра. Въ древнемъ Римѣ предполагалась неограниченная верховная власть, то въ силу трибунатства правителей, дѣйствовавшихъ во имя интересовъ всего плебса, то въ силу обоготворенія властителей подъ вліяніемъ Востока, при поддержкѣ христіанства. Въ германствѣ же подразумѣвалась совершенно несовмѣстимая идея личной свободы каждаго германца, его право быть хозяиномъ на своей территоріи, неразлучно связанное съ обязанностью каждаго отдѣльнаго владѣльца быть подчиненнымъ интересамъ одной верховной воли. Тамъ, въ древности, долгою исторіею сгладились всѣ общественныя неровности; здѣсь онѣ снова возродились. Въ эпоху новыхъ стремленій должна была преобладать и новая форма, въ которой было бы болѣе живучести, т. е. феодализмъ. Отъ того-то имперія и распалась. Огюстенъ Тьерри и Гизо даютъ болѣе сложное объясненіе. Смотря на событія въ государственныхъ интересахъ Франціи, изучая ихъ подъ угломъ Парижа, Тьерри говоритъ о враждѣ національностей, той враждѣ, которая была причиной распаденія Карловой имперіи на земли королевствъ Французскаго, Итальянскаго и Нѣмецкаго. Гизо указываетъ на подробности, изъ которыхъ дѣлаетъ выводъ, что иногда идею имперіи защищали сами германцы, что борьбу за имперію направляли не одни національные интересы, но и географическія условія и, наконецъ, личные разсчеты. Въ

Причины паденія Карловой имперіи.

концѣ концовъ, однако, Гизо рѣшительно высказываетъ, что моральное и соціальное состояніе народовъ въ ту эпоху противилось всякому объединенію, всякому единичному и обширному правительству (1). Люди тогда имѣли мало идей, говоритъ Гизо по этому поводу, да и тѣ были слишкомъ бѣдны; общественныя отношенія были тогда весьма рѣдки и ограничены; горизонтъ мысли и жизни былъ весьма не обширенъ. При такихъ условіяхъ великія общества невозможны. Тогда могли существовать лишь мелкія общества съ болѣе мелкими правительствами и съ мельчавшими соціальными отношеніями.

Людовикъ I Благочестивый (814—840 г.)

Что единство Карловой имперіи было непрочно и недолговѣчно, въ этомъ не сомнѣвался самъ творецъ ея. Уже Карлъ допускалъ въ принципѣ раздѣленіе имперіи между своими сыновьями, но съ тѣмъ, чтобы отдѣльные властители повиновались императору, т. е. старшему брату. Но когда сыновья Карла Великаго, Карломанъ и Пепинъ, умерли и остался одинъ Людовикъ, то раздѣленіе было уже невозможно само по себѣ. Конечно, личныя причины, характеръ преемниковъ Карла Великаго также оказали свое вліяніе. Напримѣръ, его любимый сынъ Людовикъ Благочестивый, долго бывшій при немъ намѣстникомъ Аквитаніи, проявлялъ постоянное ханжество, за что былъ любимъ галло-римскимъ духовенствомъ, которое наградило его титуломъ Благочестиваго (2). Тому были достаточныя основанія. Людовикъ творилъ чудеса воздержанія: онъ по 40 дней питался однимъ опрѣснокомъ; онъ зналъ всю церковную службу; еще въ молодости онъ едва не ушелъ въ монастырь и только строгій отецъ удержалъ его. Онъ оказывалъ особенную любовь тѣмъ, которые посвящали себя созерцательной жизни, говоритъ біографъ близко знавшій его.

(1) Guizot. Hist. de la civilisation en France, 24 leçon. Это одна изъ капитальныхъ работъ въ области перваго періода средневѣковья.

(2) Біографы Людовика: Астрономъ въ своей «Vita sancti Hludovici imperatoris» (см. у Пертца, Monumenta; II, 607—648 стр.), Теганъ—Vita Hlodovici imp. (ibid стр. 585—604), оба писатели духовные, весьма расположенные къ Людовику Благочестивому, передаютъ въ этомъ отношеніи весьма мелкіе и характеристичные факты. Кромѣ ихъ, нѣсколько позднѣе, о томъ же времени писали: Нитгардъ—Hist. libri IV, 814—843 (ib. II, 649—672), Ринкмаръ, авторы Фульдскихъ Анналъ. Спец. монографія: Symeon. Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Ludwig d. Frommen (1874—78. 4 B. L.).

„До его правленія въ Аквитаніи, замѣчаетъ онъ между прочимъ, монашеское сословіе пришло въ совершенный упадокъ; при немъ, оно снова достигло такого цвѣтущаго состоянія, ибо онъ самъ, подражая полезному примѣру своего дяди Карломана (сына Пепина Короткаго), хотѣлъ чрезъ то достигнуть высоты подвижнической жизни“ (¹). Онъ возобновилъ и выстроилъ болѣе 26 монастырей; но тутъ же лѣтописецъ замѣчаетъ, что эти благочестивыя дѣянія не мѣшали Людовику быть хорошимъ правителемъ, служить предметомъ гордости своего отца. Аквитанія въ его правленіе достигла даже цвѣтущаго и счастливаго состоянія, такъ что когда король объѣзжалъ страну или оставался дома, то ему вовсе не приходилось вершить дѣла, судить; ни одинъ человѣкъ не являлся съ жалобой на претерпѣнную несправедливость. Отецъ радовался за сына; онъ сообщилъ ему нѣсколько наставленій передъ смертью касательно управленія государствомъ. Еще за годъ до смерти своей, онъ провозгласилъ Людовика императоромъ и умеръ съ полною увѣренностью, что оставилъ наслѣдника подобнаго себѣ.

Но Людовикъ далеко не обладалъ геніальностью Карла Великаго. Это былъ человѣкъ способный къ труду, преимущественно административному, склонный къ монашеской жизни; затѣмъ въ немъ не было ничего, напоминавшаго геній Карла. Теганусъ намъ разсказываетъ объ этихъ способностяхъ. Съ перваго дня своего самостоятельнаго управленія имперіей послѣ смерти отца, Людовикъ могъ уже заявить свое направленіе. Въ Ахенѣ онъ приказалъ немедленно представить себѣ многочисленныя сокровища отца, сестрамъ своимъ отдалъ законную ихъ часть, а остальное все роздалъ церквамъ и монастырямъ на успокоеніе души Карла. Наибольшую часть сокровищъ отправилъ онъ въ Римъ папѣ Льву, а немногое, что осталось, раздѣлилъ между странниками, духовными, бѣдными, вдовами и сиротами; себѣ же оставилъ только одинъ серебрянный треугольный столъ, на память объ отцѣ. Такъ распорядился этотъ оригинальный добрякъ громадными сокровищами, которыя необходимы были для государства.

Затѣмъ лѣтописецъ сообщаетъ еще нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о благочестіи и набожности того же ко-

(¹) Astronomus, Vita S. Hludovici, c. 19.

роля. „Со дня на день, говоритъ Теганусъ, возрастали въ немъ святыя добродѣтели, которыя было бы трудно перечислить". Онъ избѣгалъ всякихъ удовольствій, кромѣ охоты, никогда не смѣялся громко, носилъ простую одежду, кромѣ торжественныхъ случаевъ и выходовъ. Понятно, что подъ однимъ такимъ вліяніемъ не развиваются правительственныя способности. Взоры Людовика были постоянно обращены на Римъ, на папу, которому онъ всегда старался засвидѣтельствовать и доказать свое глубокое уваженіе.

Настала какая-то мертвая и блаженная тишина послѣ шумнаго царствованія. Это была тишина передъ разрушеніемъ. Мелкія войны съ славянами полабскими и балтійскими, набѣги норманновъ и саксовъ на берега Галліи и Фрисландіи, потеря Сардиніи и Балеарскихъ острововъ, которые были оторваны отъ имперіи испанскими мусульманами,—вотъ всѣ факты внѣшней исторіи имперіи при Людовикѣ Благочестивомъ. Внутри усиленные съѣзды духовенства, но административная дѣятельность шла по образцу прежняго времени. Его слабость характера обнаруживалась прежде всего въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Онъ не могъ сладить съ ними; его правленіе прошло почти въ постоянной борьбѣ съ сыновьями. Могъ ли онъ имѣть время и способность управлять такой обширной имперіей, когда приходилось защищать ее отъ собственныхъ сыновей, оберегая свой кровъ и даже свою жизнь.

Сыновья Людовика принесли ему много непріятностей. Это зависѣло отъ слабости личнаго характера Людовика. Онъ былъ слишкомъ женолюбивъ при всемъ благочестіи. Онъ сперва подчинялся вліянію первой жены своей Ирмингарды, а послѣ ея смерти подпалъ подъ болѣе сильное вліяніе второй супруги. Ирмингарда старалась доставить независимыя владѣнія своимъ сыновьямъ — Лотарю, Пепину и Людвигу. За идею единства и нераздѣльности имперіи стояло все духовенство, что очень естественно, такъ какъ прелаты были люди романскаго происхожденія, среди которыхъ императорскій принципъ былъ популяренъ. Кромѣ того единство имперіи казалось необходимымъ для единства церковнаго. Въ междоусобіяхъ Людовика съ его дѣтьми, въ ихъ упорной борьбѣ, въ этой пестротѣ бурныхъ фактовъ, видимъ борьбу двухъ началъ, борьбу принципа имперіи, поддерживаемаго всѣмъ духовенствомъ, съ принципомъ національнымъ, стремившимся раздробить имперію Карла Великаго.

Уже черезъ три года по вступленіи Людовика на престолъ, Ирмингарда стала настаивать на раздѣлѣ государства. Въ государственномъ актѣ, изданномъ въ Ахенѣ въ 817 году, думали прикрыть зло звучными фразами, полагали, что этотъ раздѣлъ не былъ-де нарушеніемъ единства имперіи, которое скрѣплено самимъ Богомъ, что самое намѣреніе раздѣлить имперію было бы величайшимъ соблазномъ для Церкви и оскорбленіемъ величія Божія, а между тѣмъ на этотъ самый соблазнъ рѣшались фактически. Императоромъ при жизни самого Людовика былъ назначенъ старшій сынъ его Лотарь, котораго станемъ называть теперь по-латыни, съ назначеніемъ владѣть непосредственно Италіей и Бургундіей. Пепинъ получилъ Аквитанію, т. е. часть нынѣшней южной Франціи, Гасконь, Тулузскую марку, а меньшой сынъ, Людвигъ, получилъ собственно Германію, т. е. Баварію, Аллеманію, земли Аваровъ и на бумагѣ Чехію, которая имѣла собственную національную династію Премысловъ. Себѣ же бывшій императоръ оставлялъ Галлію,—въ сущности среднюю и сѣверную часть нынѣшней Франціи (съ прежнею Австразіею, т. е. съ сѣверо-восточными землями по Рейну). Два младшіе брата, Пепинъ и Людвигъ, по трактату были связаны съ старшимъ узами повиновенія. Они обязывались приносить ему дары; безъ его согласія они не могли жениться, начинать войну и заключать миръ; послѣ ихъ смерти подданные должны были признать общими королями ихъ старшихъ сыновей, такъ чтобы дальнѣйшее дѣленіе королевства не имѣло бы мѣста.

Полагали, что это поддержитъ единство имперіи. Только при этихъ условіяхъ высшее духовенство согласилось на ратификацію договора. Но оказалось, что въ тотъ грубый вѣкъ нельзя было полагаться на родственныя узы. Въ трактатѣ было оговорено, что побочные сыновья не наслѣдуютъ. Сейчасъ явился обиженный въ дѣлежѣ, побочный братъ императора. Бернгардъ. Онъ поднялъ возстаніе, но былъ укрощенъ, смирился предъ бывшимъ императоромъ, который однако въ наказаніе выкололъ ему глаза. Лотарь поспѣшилъ короноваться въ Римѣ, при чемъ обрядъ помазанія совершилъ надъ нимъ самъ папа.

Но его отецъ плохо предугадывалъ будущее. Ирмингарда умерла. Набожный императоръ почувствовалъ призваніе ко второму браку. Дочь баварскаго графа Юдифь, блестѣвшая красотой и образованіемъ, прельстила Людовика. Онъ женился

во второй разъ и вполнѣ подчинился новой супругѣ. Она стала управлять за мужа государствомъ. Ея вліяніе еще болѣе усилилось, когда она подарила своего благочестиваго супруга сыномъ, котораго въ честь знаменитаго дѣда прозвали Карломъ. На немъ отецъ и мать сосредоточивали всю свою любовь. Задачею Юдифи съ этихъ поръ стало пріисканіе возможно большаго удѣла для любимца. Но при этомъ приходилось обидить старшихъ сыновей, которые давно располагали данными имъ удѣлами, какъ собственностью. Это грозило произвести новыя волненія. Ихъ должно было усилить еще болѣе честолюбіе Юдифи. Она пригласила къ сыну въ качествѣ воспитателя слѣпаго дядю, герцога Бернгарда а черезъ него склонила вельможъ и императора къ новому передѣлу. Для Карла нашлась доля, составленная изъ другихъ участковъ, а именно Аллеманія, Эльзасъ и часть Бургундіи. Церковная партія, которая отстаивала идею единства, потерпѣла пораженіе. Она убѣдилась, что разъ допущенное дѣленіе влечетъ дальнѣйшія. Эта партія поняла, что ошиблась, но при этомъ старалась исправить ошибку; она рѣшилась бороться за свой принципъ. Она поставила себѣ цѣлью, по крайней мѣрѣ, не допускать дальнѣйшихъ ошибокъ, если нельзя будетъ исправить прежней. Извѣстны послѣдствія этой борьбы. Дѣло оказалось неправильно поставленнымъ по существу, въ силу основной причины, въ силу того, что феодализмъ, по своей сущности, не могъ припримириться съ имперіей, какъ вода съ огнемъ. Конечно, дѣятели тогдашнихъ событій, люди той эпохи, не понимали руководящей идеи; они направлялись только своими личными эгоистическими побужденіями, но тѣмъ не менѣе всѣ эти мелкіе частные факты сами собою обобщались въ одну основную идею борьбы за единство и борьбы за феодализмъ.

Междоусобія въ его домѣ.

Уже въ 830 году открылись междоусобія. Ихъ началъ Пепинъ Аквитанскій. Всѣ три сына возстали противъ отца. Людовикъ Благочестивый былъ оставленъ не только своими родными и друзьями, но даже духовенствомъ, которое онъ всегда щедро надѣлялъ всякаго рода добромъ. Войско ему тоже измѣнило. Бернгардъ, на котораго надѣялся Людовикъ, бѣжалъ въ Испанію. Побѣдившіе пасынки отправили Юдифь въ монастырь. Императоръ долженъ былъ сдаться сыну своему, Лотарю, тоже

императору. Послѣдній собралъ совѣтъ въ Нимвегенѣ, чтобы рѣшить, что ему дѣлать съ отцемъ. Здѣсь феодалы постановили снова возвратить Людовику Благочестивому престолъ. Доли Пепина, Людвига (сына) и Карла были увеличены, при чемъ прибавлено, что отецъ можетъ награждать почтительныхъ сыновей на счетъ непокорныхъ. Но черезъ два года Пепинъ поднялъ новое большое возстаніе въ силу того же принципа. Братья на этотъ разъ не выдали Пепина а возстали за него. Отцу приходилось плохо; войско опять измѣнило. Папа, который пріѣхалъ съ Лотаремъ въ императору, въ благодарность за расположеніе себѣ благочестиваго Людовика, употребилъ всѣ усилія, чтобы уговорить набожнаго вѣнценосца покориться. Сыновья овладѣли отцомъ, котораго Лотарь теперь повезъ въ Компендію (нынѣшній Compiégne). Тутъ разыгрались грязныя сцены; сынокъ убѣждалъ отца идти въ монахи. Епископы особенно грубо и жестоко обращались съ императоромъ, который ихъ облагодѣтельствовалъ; между ними были и такіе, которыхъ онъ возвысилъ изъ состоянія послѣдняго рабства до великихъ почестей, замѣчаетъ Теганъ [1] Въ заключеніи всего, императоръ долженъ былъ принести въ церкви мѣстнаго монастыря торжественное покаяніе; распростершись въ прахъ, лежалъ онъ предъ церковнымъ алтаремъ; его облекли въ власяницу и лишили меча. Затѣмъ его посадили въ тюрьму, подвергая самымъ недостойнымъ оскорбленіямъ, и все изъ за того, что онъ передѣлилъ имперію по неосторожному совѣту близкихъ ему людей. Только Людвигъ Нѣмецкій освободилъ отца изъ рукъ Лотаря, который бѣжалъ сперва въ Орлеанъ, потомъ въ Италію. Людвигъ созвалъ большое собраніе (въ Тіонвиллѣ въ 835 г.), которое должно было разобрать дѣло. Тутъ наказаны 4 прелата (2 архіепископа и 2 епископа), особенно грубо обходившіеся съ императоромъ. Юдифь снова вернулась и опять стала интриговать въ пользу своего Карла; она сошлась съ Лотаремъ, какъ съ человѣкомъ, отъ котораго ея сынъ былъ въ невольной зависимости. Пепинъ между тѣмъ умеръ. Пользуясь этимъ, отецъ отдалъ Аквитанію Карлу, обозванному Лысымъ. На это послѣдовалъ протестъ прямыхъ наслѣдниковъ, вслѣдствіе котораго вспыхнуло новое возстаніе. Въ это время

---

(1) Tegana. Vita Hludovici imper. c. 43.

Людовикъ Благочестивый умеръ, какъ самый набожный христіанинъ, исполнивъ въ послѣдній часъ всѣ обряды католической Церкви, въ 840 году.

Императоръ Лотарь I. (840—855 г.)

Тогда начинается борьба за идею: быть или не быть Римской имперіи. Ее завѣщало древнее время. Начало единства оказалось не удовлетворяющимъ дѣйствительности; эта высокая идея была не по росту тѣмъ мелкимъ людямъ, которые тогда дѣйствовали. За нее было высшее духовенство, потому что оно было галло-римскаго или чисто римскаго происхожденія, потому что оно гналось за свѣтскимъ единствомъ вмѣстѣ съ единствомъ церковнымъ. Мы видѣли, съ какимъ ожесточеніемъ прелаты отомстили императору Людовику Благочестивому, за раздѣлы Карловой Римской имперіи, на совершеніе которыхъ сами же соглашались. Но эти прелаты были виноваты, потому что ранѣе допустили осуществленіе распоряженія Людовика. Лотарю, его сыну, пришлось разыгрывать ту же самую роль, которая суждена была его отцу.

Когда умеръ его слишкомъ несчастный и слишкомъ добродушный отецъ, Лотарь былъ признанъ императоромъ безъ сопротивленія. Онъ и Карлъ Лысый нашли себѣ историка въ Нитгардѣ. Это былъ человѣкъ, принадлежащій къ высшей франкской аристократіи. По удивительному и общему для того времени настроенію умовъ, онъ бросилъ мечъ и взялся за перо, поступилъ въ духовное званіе и сдѣлался скоро аббатомъ. Можетъ быть писать исторію его побудилъ наслѣдственный талантъ. Отецъ Нитгарда, Ангильбертъ былъ славнымъ ученымъ при дворѣ Карла Великаго; притомъ онъ приходился родственникомъ знаменитому императору, его зятемъ. Надо помнить, что Нитгардъ не совсѣмъ безпристрастенъ; онъ былъ связанъ узами дружбы съ Карломъ Лысымъ, къ которому благоволитъ болѣе даже, чѣмъ къ самому Лотарю. Сперва Лотарь дѣйствовалъ въ интересахъ Карла. Для него, исполняя предсмертное приказаніе отца, онъ разошелся съ Людвигомъ Нѣмецкимъ. Эту борьбу Людвига и Лотаря въ защиту Карла, лѣтописецъ объясняетъ какой-то предвзятой хитростью противъ Карла. Между тѣмъ онъ самъ проговаривается, замѣчая, что Карлъ первый началъ борьбу и вызвалъ на месть Лотаря. Дѣйствительно, когда послѣдовало сближеніе между Лотаремъ и Людвигомъ Нѣмецкимъ, положеніе Карла стало непрочно. Братья не хотѣли признавать

распоряженій покойнаго отца и намѣревались устранить Карла Лысаго съ дороги. Они рѣшились защищать права сына умершаго, Пепина Аквитанскаго. Но прежде, чѣмъ Карлъ былъ стѣсненъ, оба брата успѣли поссориться, такъ что Карлъ могъ примириться съ Людовикомъ и выступить противъ Лотаря, который поддерживалъ Пепина II, правившаго Аквитаніей.

Битва при Тавріакѣ и Страсбургская клятва.

Въ 841 году близь Оксерра, при Тавріакѣ, сошлось 300 тысячъ войска. Лотарь былъ разбитъ и потерялъ 40000 убитыхъ. Онъ укрылся въ Ахенѣ, откуда сталъ дѣйствовать на національные германскіе элементы, склоняя къ возстанію саксонскихъ язычниковъ противъ высшихъ классовъ, противъ феодаловъ-христіанъ. Тогда Людвигъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый сблизились тѣснѣе. Въ Страсбургѣ они поклялись передъ войскомъ блюсти союзъ неразрывный. Чтобы быть понятыми, они говорили на народныхъ языкахъ, притомъ нарочно Людвигъ на романскомъ, Карлъ на тевтонскомъ. Эти клятвы записаны Ниттардомъ въ оригиналѣ. Въ нихъ мы имѣемъ древнѣйшіе филологическіе памятники двухъ важнѣйшихъ европейскихъ языковъ (1). Эти образцы указываютъ, каковы были зарождавшіеся языки французскій и нѣмецкій въ IX вѣкѣ. Передъ этими клятвами были сказаны рѣчи Людвигомъ по-романски, Карломъ по-тевтонски. Но онѣ не были записаны, а вѣроятно вымышлены историкомъ. Клятвы королей, нѣмецкая и романская, были таковы.

Людвигъ говорилъ по-романски, желая быть понятнымъ враждебному войску:

— Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, dist di in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvaracio cist meon fradre Karlo, et in adiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d'ist, in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaid numquam prindrai, qui meon val cist meon fradre Karle in damno sit.

Карлъ на это отвѣчалъ тѣми же словами, но по-нѣмецки;

— In Godes minna ind in thes christianes folches ind unser bedhero gealtnissi,fon thesemo dage frammordes, so fram so mir Got gewizci indi madh furgibit, so haldih tesan minon bruodher, soso man mit rehtu sinan bruher scal, in thiu,

(1) Они помѣщены въ 5 главѣ 3 книги Нитгарда Historiarum libri IV (въ русскомъ переводѣ М. М. Стасюлевича; II, 184 стр.).

thaz er mig sosoma duo; indi mit Ludheren in nohhein in thing ne geganga, the minan willon imo ce scadhen werhen ([1]).

Затѣмъ поклялись воины, каждый на своемъ языкѣ.

Франко-галлы клялись:

— Si Lodhuwigs sagrament, quae son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus meos sendra de suo part non lo stanit, si io returnar non lint pois, ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla adjudha contra Lodhuwig uun li iver. ([2]).

Предки будущихъ нѣмцевъ говорили въ свою очередь:

— Oba Karl then cid, then er sineno bruodher Ludhuwige gesuor, geleistit, indi Ludhuwig min herro then er imo gesuor, forbrichhit, ob ih inan es irwenden ne mag, noh ih noh thero nohhein then ih es irvenden mag, widhar Karle imo ce follusti ne wirdhic

Лотарь отступилъ къ Провансу и тамъ сталъ на средней Ронѣ. Собрались епископы въ Ахенѣ и объявили Лотаря лишеннымъ отцовскаго наслѣдства. Тогда стали дѣлить имперію, не посмѣвъ однако тронуть Италіи. Ясно было, что враги не смѣли обойти Лотаря, а всякое дѣленіе безъ согласія Лотаря ничего не значило. Наконецъ Лотарь согласился вступить въ переговоры. Это было въ 842 году въ половинѣ іюля. Эти дни имѣютъ весьма важное значеніе. Тогда впервые было рѣшено, что имперія Карла раздѣлится по тремъ національностямъ—на государства Итальянское, Нѣмецкое и Французское. Съ этого дня ведутъ свою исторію три главныя націи Западной Европы. Лотарь потребовалъ, чтобы Италія, Баварія и Аквитанія остались за нимъ, но онъ удовольствовался одной Италіею, Баварію получилъ Людвигъ, Аквитанію съ Галліей Карлъ; остальное же рѣшено было подѣлить по участкамъ,

(1) Ради любви къ Богу и ради христіанскаго народа и нашего общаго спасенія отъ сего дня и впредь, насколько Богъ дастъ мнѣ разума и силы, такъ буду защищать этого моего брата, помогать ему и всякими другими способами, какъ надлежитъ по правдѣ защищать брата, съ тѣмъ чтобы и онъ мнѣ сдѣлалъ тоже самое; а съ Лотаремъ не вступлю никогда ни въ какія сношенія, которыя, если мнѣ станетъ извѣстно, будутъ вредны ему (моему брату).

(2) Если Людовикъ клятву, которою онъ своему брату Карлу клялся, сохранитъ, а Карлъ, мой государь, съ своей стороны того не сдержитъ, а я не буду въ состояніи его удержать и въ томъ ему воспрепятствовать, то никакой помощи противъ Людовика не окажу ему.

такъ чтобы они прилегали къ тремъ главнымъ странамъ: Италіи, Галліи и Баваріи.

Національный принципъ былъ положенъ въ основу при совѣщаніяхъ, происходившихъ сначала въ Мецѣ, а потомъ въ Кобленцѣ. Здѣсь въ монастырѣ Св. Кастора было положено начало бытію трехъ національныхъ государствъ. Впрочемъ, совѣщанія были прерваны на нѣкоторое время, потому что 110 пословъ, изъ которыхъ ни одинъ не зналъ географіи, только путали дѣло. Они сознались въ своемъ невѣжествѣ и разошлись, чтобы ознакомиться съ мѣстностью. **Верденскій договоръ 842 г.**

Окончательнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ совѣщаній былъ трактатъ, заключенный годъ спустя въ Вердюнѣ въ 842 году. Этотъ трактатъ не дошолъ до насъ въ подлинникѣ, но о немъ упоминаетъ продолжатель Бертинскихъ Анналъ. Въ немъ признанъ былъ національный принципъ, въ силу котораго Римская имперія прекращала свое существованіе, не просуществовавъ и полустолѣтія, а западный міръ дѣлился на три націи: Итальянскую, Французскую и Нѣмецкую. За Лотаремъ номинально остался императорскій титулъ, который не давалъ никакихъ привилегій, не требовалъ обязательствъ за исключеніемъ того, что императоръ долженъ былъ имѣть двѣ столицы: Римъ и Ахенъ, т. е. древнюю и новую. По этому Лотарь, кромѣ Италіи, получилъ широкую громадную полосу, которая соединяетъ Ломбардію съ Нѣмецкимъ моремъ. Эта полоса врѣзывается клиномъ во Францію и Германію. Ее обрамливаютъ съ одной стороны линія Альпъ и Рейна, съ другой линія Роны, ея притока Соны, Мааса и Шельды. Съ того мѣста, гдѣ Сона беретъ свое начало на линіи Базеля, направляясь съ этого пункта далѣе на югъ, весь край называется Бургундіей. Считая съ этого пункта на сѣверъ до Нѣмецкаго моря, другая часть называлась Lotharii regnum, нынѣшняя Лотарингія. Съ тѣхъ поръ за этой областью навсегда сохранилось названіе Лотарингіи, вслѣдствіи ея принадлежности Лотарю. Особенно упрочилось это названіе за названной областью съ того времени, какъ Лотарь отдалъ эту часть владѣній сыну своему Лотарю II. Понятно, что, владѣя такимъ широкимъ клиномъ, Лотарь, повелитель Италіи, могъ вліять на королевство Нѣмецкое и королевство Французское: съ другой стороны обладаніе этимъ клиномъ было неудобно, потому что соединеніе двухъ противниковъ лишило бы Италію всей этой прекрасной горной области.

Карлъ Лысый получилъ всю Галлію съ Аквитаніей, т. е. южной ея частью; послѣдняя доставляла ему много хлопотъ, такъ какъ въ ней не прекращали борьбы потомки Пепина. Въ дѣйствительности, на югѣ Карлъ не могъ утвердиться, даже на время; трудно сказать, кто собственно правилъ южной Франціей. Наибольшее вліяніе имѣлъ герцогъ Тулузскій, домъ котораго съ тѣхъ поръ ведетъ свое существованіе, до конца Альбигойскихъ войнъ. Тогда же было положено начало антагонизму между Лангедокомъ и Франціей, между языками провансальскимъ и французскимъ, который долго имѣлъ большое историческое значеніе. Владѣнія Людвига Нѣмецкаго по Вердюнскому договору были расширены; кромѣ Баваріи онъ получилъ всю Германію отъ Рейна до отдаленныхъ восточныхъ границъ, съ Майнцомъ, Вормсомъ и Шпейеромъ. За этими границами начиналась область Лотаря, а за ней отъ Мааса и Шельды владѣнія французскія. Теперь каждая изъ этихъ областей будетъ имѣть свою исторію. Конечно, феодализмъ придаетъ имъ одинаковый характеръ, окрашиваетъ все въ одинъ цвѣтъ. Феодализмъ представляетъ въ сущности исторію корпорацій, сословій, цѣховъ. Феодалъ не имѣлъ въ виду интересовъ государства; онъ ничего не хотѣлъ видѣть далѣе стѣнъ и воротъ своего замка.

Набѣги норманновъ.

Напримѣръ, какое ему было дѣло до того, что норманы наносятъ опустошеніе Галліи, внося всюду ужасъ? Эти обитатели Скандинавіи принадлежали къ тому же племени, къ германцамъ. Они дольше всѣхъ тевтоновъ умѣли сохранить древнія національныя черты. Мѣстность опредѣлила занятія ихъ викинговъ, этихъ морскихъ королей, которые, не довольствуясь своимъ прежнимъ состояніемъ, искали лучшаго—то на берегахъ той же Скандинавіи, то на отдаленныхъ отъ нея пунктахъ. Извилистые берега Скандинавіи содѣйствовали морскому дѣлу. На мелкихъ судахъ, первое время даже безъ парусовъ, эти викинги съ своими дружинами отдавались теченію волнъ, ища береговъ [1]. Все, находящееся на берегахъ, они считали своей собственностью. Они называли это—страндгугъ, право поборовъ. Эти наѣзды были бичемъ для ближай-

---

(1) Стренгольмъ по-шведски (есть русскій переводъ) и Деппингъ на французскомъ языкѣ подробно изложили древнѣйшую исторію походовъ норманновъ.

шихъ соплеменниковъ, у которыхъ они избивали скотъ; мясо съѣдали, а шкуры уносили съ собой. Тѣмъ безпощаднѣе были пираты, доѣзжая до чужихъ береговъ. Тутъ они съ лихвой вознаграждали себя за опасное, далекое и неудобное плаваніе. У нихъ было правило не уходить назадъ безъ добычи.

Впервые они показались у береговъ Галліи при Карлѣ Великомъ около 800 года. Мудрый императоръ предвидѣлъ въ этомъ врагѣ своимъ проницательнымъ взоромъ большую опасность для государства. Норманы любили раззорять преимущественно города и монастыри. Феодальные замки были оставлены норманнами въ покоѣ. Разграбленію монастырей военные феодалы не могли не радоваться, потому что духовная аристократія была во враждѣ со свѣтской. Людовикъ Благочестивый думалъ, что крещеніе умиротворитъ норманновъ. Поэтому онъ пытался обратить викинговъ въ христіанство и давалъ имъ за это золота. Этимъ онъ только подзывалъ на лакомый кусокъ новыхъ норманновъ. Въ 841 году они появились въ устьяхъ Сены, а въ 851 г. уже были въ устьяхъ Луары. Проплывъ по Атлантическому океану, они вошли въ эту рѣку, разграбили Нантъ и осадили Туръ. Но этого мало; въ 844 году совершенно неожиданно пираты появились въ Гароннѣ. Разграбивъ Бордо, они на веслахъ поплыли вверхъ по Гароннѣ и прошли до города Тулузы, которую раззорили. Имъ оставалось немного, чтобы, пройдя чрезъ водораздѣльную линію, попасть въ Средиземное море. Далѣе этого дерзость ихъ не могла простираться. Въ 845 году они раззорили Парижъ, приплывъ на 130 лодкахъ.

Карлъ Лысый, въ погонѣ за чужими владѣніями въ Германіи и Италіи, будучи неспособенъ защищать свои собственныя, позвалъ на помощь Лотаря, но и оба они ничего не могли сдѣлать противъ норманновъ, которые даже осмѣливались вторгаться въ глубь страны, раззоряя внутреннія провинціи Франціи. Карлу притомъ приходилось бороться противъ Людвига нѣмецкаго, который не прочь былъ поддерживать его мятежныхъ феодаловъ на сѣверѣ и югѣ. Карлъ при случаѣ платилъ ему тѣмъ же. Чтобы отвлечь брата отъ этого образа дѣйствій, Карлъ предлагалъ не разъ съѣзды. На этихъ съѣздахъ проводилась мысль о солидарности интересовъ западныхъ народовъ на континентѣ, хотя эту благую мысль не примѣняли на дѣлѣ.

Императоръ Людовикъ II (855—875 г.). Когда въ 855 году Лотарь отказался отъ престола, раздѣливъ свою власть между тремя сыновьями, интриги Карла Лысаго вполнѣ обнаружились. Императорскій титулъ вмѣстѣ съ Италіей Лотарь передалъ старшему сыну, Людовику II; другому сыну Лотарю, своему соименнику, онъ отдалъ часть бывшей Австразіи, именно полосу, между Рейномъ и Маасомъ, которую называли Лотарингіей; эта земля свое теперешнее названіе получила, слѣдовательно, съ 855 года. Нижнюю часть этого широкаго клина, т. е. Бургундію и Провансъ съ Ліономъ и Женевскимъ озеромъ, получилъ третій сынъ, Карлъ. Оба младшіе брата, Лотарь II и Карлъ, скоро умерли; ихъ земли должны были отойти къ старшему брату, именно къ Людовику II. Но Карлъ Лысый не допустилъ до этого; онъ отбилъ Лотарингію, опираясь на свою партію. Только императорское оружіе укротило его, при чемъ эта область была раздѣлена вторично пополамъ. Въ 875 году Людовикъ II умеръ бездѣтнымъ.

Императоръ Карлъ Лысый (875—887 г.). Карлъ спѣшилъ воспользоваться и остальнымъ наслѣдствомъ—Италіей. Людвигъ Нѣмецкій хотѣлъ отбить Италію но не успѣлъ, такъ что Карлъ дѣйствовалъ на просторѣ. Онъ могъ легко добыть императорскую корону, пообѣщавъ кое-что папѣ и феодаламъ. Онъ не довольствовался имперіей и Италіей. Игнорируя набѣги норманновъ, разбойничавшихъ въ его земляхъ, онъ ищетъ случая воспользоваться достояніемъ племянниковъ, которые, по смерти короля Людвига Нѣмецкаго, раздѣлили Германію на три части: Карломанъ взялъ Баварію, Людвигъ сѣверную часть Германіи, Карлъ Толстый—Швабію. Воспользоваться нѣмецкимъ наслѣдствомъ не удалось Карлу. Онъ золотомъ купилъ миръ у норманновъ, съ которыми не могъ сладить оружіемъ, и поѣхалъ въ Италію.

Капитуляріи въ Кьерси въ 877 г. Передъ отъѣздомъ Карлъ созвалъ въ городъ Кьерси свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Здѣсь онъ совершилъ двѣ величайшихъ политическихъ ошибки. Онъ узаконилъ своимъ капитуляріемъ все вредное, что фактически существовало въ обществѣ. Онъ назначилъ своимъ преемникомъ Людовика Косноязычнаго, своего сына, но это назначеніе купилъ между прочимъ цѣной важной уступки. Эта уступка показываетъ, что Карлъ былъ лишенъ всякаго государственнаго смысла. Въ 877 году, 12 іюня, не только санкціонируется феодализмъ, но даже государственныя должности пріобрѣ-

таютъ наслѣдственный характеръ. Бенефиціи стали наслѣдственными безъ различія возраста наслѣдниковъ. Мы знаемъ, какъ важны были обязанности графовъ, герцоговъ, сотниковъ и т. д. Карлъ допустилъ, чтобы всѣ эти должности исполнялись даже малолѣтними, т. е. допустилъ полный хаосъ и разложеніе общества. Это вредное постановленіе заключается въ 9 главѣ Кьерсійскаго капитулярія. Тамъ говорится слѣдующее: „Если графъ умретъ, а сынъ будетъ съ нами или въ отсутствіи, то управляетъ графствомъ, по избранію короля, ближайшій родственникъ, съ епископомъ и королевскими чиновниками. Если сынъ малолѣтній, то онъ вступаетъ въ номинальное управленіе, подъ руководствомъ назначенныхъ лицъ. Если сына нѣтъ, то преемника назначаетъ король. Тотъ же порядокъ имѣютъ соблюдать и другіе феодалы въ своихъ земляхъ". Понятно, что феодалы могли только благодарить за такой нежданный подарокъ. Эту благодарность они выразили своеобразно. Карлъ на собраніи вассаловъ предлагалъ вопросы, относительно своихъ постановленій, а феодалы давали отвѣты. На сказанный вопросъ они отвѣчали: „Сія глава въ отвѣтѣ не нуждается, потому что она составлена и опредѣлена вашимъ благоразуміемъ".Это показываетъ, какимъ государственнымъ смысломъ былъ надѣленъ внукъ великаго императора. Самоуправство, насиліе вводилось въ законъ. Герцогомъ, графомъ могъ быть пятилѣтній ребенокъ. Результатомъ Кьерсійскаго капитулярія было политическое расчлененіе государства и распаденіе имперіи до мелкихъ частей. Карлъ Лысый умеръ въ томъ же году въ пастушеской хижинѣ на Монъ-Сенисѣ, на обратномъ пути изъ Италіи, куда призывалъ его на помощь Іоаннъ, тѣснимый римскими патриціями. Императоръ умеръ, можетъ быть, отъ болѣзни, можетъ быть, отъ отравы, данной ему случайно его врачемъ, евреемъ Седекіей, неумѣло лѣчившимъ императора отъ лихорадки.

Послѣ его смерти, при неспособныхъ и еще болѣе лѣнивыхъ преемникахъ, безпорядокъ усиливается въ высшей степени и настаетъ продолжительная анархія.

Но, пользуясь этою анархіею, нарождается новая политическая идея самостоятельности германскихъ и другихъ народовъ, стремившихся къ выдѣленію изъ громадной римской имперіи Карла Великаго. Настало время возникновенія новыхъ государствъ въ Европѣ. Оно связано съ распаденіемъ великой западной монархіи, просуществовавшей немногимъ болѣе полувѣка и съ возростаніемъ могущества папской власти.

7) Усиленіе папства и мусульманства до половины IX вѣка.

Условія роста папскаго авторитета.

Наука нашего времени приступаетъ къ разсмотрѣнію величавыхъ судебъ папства, уже обогащенная цѣлымъ рядомъ самыхъ противоположныхъ, но одинаково достойныхъ вниманія трудовъ. Она не можетъ смотрѣть потому на эту долгую исторію легкомысленно; она не станетъ вносить въ нее ненависти протестанта или сарказма радикала. Римская Церковь сложилась, благодаря благопріятнымъ политическимъ обстоятельствамъ, но болѣе всего она своимъ могуществомъ обязана тактикѣ своихъ римскихъ вождей, силѣ ума ихъ, въ моральномъ отношеніи не всегда безупречнаго.

Когда христіанская религія, по волѣ императоровъ, сдѣлалась государственною для имперіи, нахлынули варвары. Западная имперія рухнула, но Восточная уцѣлѣла. Крестъ высился и торжествовалъ надъ развалинами. Германцы получили его въ наслѣдіе, какъ завѣтъ ихъ будущей исторической жизни. Они дали новыя политическія формы западному міру; они разрушили памятники его величія, доканали искусство, но не могли не поддаться праву и религіи павшей имперіи. Они задались задачею поддерживать эту имперію, хотя въ идеѣ. „Nos nobis confligimus, nobis perimus, tibi vincimus“—мы бьемся, мы гибнемъ и всё это для васъ,—говорили варвары римлянамъ. Такъ писалъ кунингъ Валлія Гонорію. Такова была сила этой идеи общаго единства охраняемой религіи.

Римъ взялъ на себя право быть представителемъ христіанства по отношенію къ варварамъ. Въ V вѣкѣ Римъ былъ обыкновенной патріархіей, считаясь лишь номинально центромъ западнаго христіанства; его епископъ былъ гораздо ниже патріарховъ Константинополя, Антіохіи, Александріи и Іерусалима по могуществу и вліянію. Онъ правда указывалъ, что въ вѣчномъ городѣ владыкою былъ апостолъ Петръ, что любимый ученикъ Спасителя былъ замученъ здѣсь,—но на это мало обращали вниманія гордые своими преданіями восточные іерархи. Послѣдніе указывали на большій рядъ страдальцевъ за вѣру не только въ своихъ столицахъ, но даже въ мелкихъ городахъ. Тамъ на Востокѣ мощами ихъ украшались даже селенія; Италія же не могла состязаться памятниками христіанства не только съ Сиріею, но даже съ Африкой. Мало довѣряли и завѣщанію, данному Спасителемъ апостолу Петру, которому не хотѣли уступить именованія вер-

ховнаго. До сихъ поръ протестантскіе историки отрицаютъ самый фактъ пребыванія ап. Петра въ Римѣ ([1]).

Какъ резиденція западнаго патріарха, Римъ, слѣдовательно, не могъ разсчитывать на ту блестящую будущность, которую вторично предопредѣлила ему судьба. Этому городу для того, чтобы думать объ иномъ, нравственномъ вліяніи, надо было пріобрѣсти прочный духовный авторитетъ въ предѣлахъ Италіи, что могло обѣщать со временемъ и матеріальную силу. Какъ бы то ни было, но съ вліяніемъ духовнымъ, связывается и реальное; папы рано узнали эту истину и дѣйствовали во имя ея со всею послѣдовательностью, чѣмъ и разгадывается ихъ могущество. Дѣйствительно, еще при послѣднихъ императорахъ, епископамъ Римскимъ удалось обратить на себя вниманіе итальянцевъ. То было ужасное положеніе общества. Италія буквально терзалась на куски варварами; каждый день проходилъ въ страхѣ; кровь, звѣрскія истязанія и, какъ лучшій исходъ, безотвѣтный грабежъ, отсутствіе власти и законовъ,—всё это было слишкомъ обыкновенно. Аларикъ велъ дружины готовъ на Римъ; грозный вождь все истреблялъ на пути; Гонорій заперся въ Равеннѣ. Столица трепетала отъ страха. Она была совершенно беззащитна. И вотъ ея духовный владыка, Иннокентій I (402—417 г.) спасаетъ ее своими мольбами, спасаетъ если не отъ покоренія, то отъ разграбленія. На нее устремляется съ полмилліоннымъ воинствомъ Атила; бичъ Божій грозится не оставить въ ней камня на камнѣ (452 г.). Валентиніанъ III забылъ о бывшей столицѣ и, къ общему удивленію, архипастырь ея одними мольбами укрощаетъ завоевателя. Слезы Льва I (440—461 г.) и напоминаніе мести Божіей сдѣлали, по мнѣнію народа, чудо въ лагерѣ гунновъ.

И такъ, духовной власти какъ бы покровительствуетъ само небо: лишь ея заступничествомъ живетъ народъ. Будто по предварительному уговору, поставили себѣ цѣлью эти отцы Рима, эти „папы“,—какъ прозвали ихъ варвары отъ испорченнаго греческаго слова,—заботиться лишь о благѣ паствы. Они помогаютъ ей хлѣбомъ; они утѣшаютъ ее въ несчастіяхъ;

([1]) Напр. Weingarten — Zeittafeln zur Kirchengesch. (B. 1844)—пребываніе ап. Петра въ Римѣ считаетъ легендой явно еврейскаго происхожденія, сочиненной въ половинѣ II вѣка, ради которой извѣстный пожаръ Рима перенесенъ съ 64 на 67 годъ.

они ищутъ случая и повода къ какому либо чуду въ глазахъ толпы; ихъ предсказанія всегда такого рода, что сбываться имъ становится необходимостью. Титулярные императоры были вовсе неизвѣстны жителямъ Рима, Милана и даже Равенны: они возводились и низводились варварами. Сенаторы и народъ имѣли дѣло лишь съ папою; у епископовъ скорѣе можно было находить правосудіе; ихъ наказанія были несравненно легче, а судъ справедливѣе; они хранили у себя крѣпкое старое право, уже исчезавшее изъ жизни. Только между лицами духовными укрывалось какое либо образованіе, ими же преслѣдуемое въ массахъ. Изрѣдка основывались монастыри, которые уважались варварами; въ этихъ обителяхъ тишины можно было еще найти покой; тамъ стало сбираться всё, что только искало духовной жизни. Ихъ было еще немного, когда послѣдовало паденіе имперіи; около того же времени св. Бенедиктъ даетъ имъ организацію. Сперва обитатели монастырей не были даже духовными лицами, а считались всегда за міранъ, но ихъ жизнь внушала уваженіе самимъ варварамъ; изъ нихъ начинаютъ избираться священники и епископы. Быстро они завоевываютъ себѣ первенство; въ концѣ V и началѣ VI вѣка монашескій міръ дѣлается интеллигенціей и руководящею частью духовенства. Ихъ одежда, ихъ многочисленность, ихъ образъ жизни, — все это преклоняло самихъ дикарей. Бѣлое духовенство они грабили, но не рѣшались наложить руку на монастырь. Въ устройствѣ обителей зародились идеи правильной администраціи, перешедшія потомъ въ іерархическій строй подъ главенствомъ римскаго епископа, пріобрѣтавшаго въ это время общаго хаоса и разложенія формъ, нравственный авторитетъ. Иногда онъ еще состязался съ вліяніемъ епископовъ Милана и Равенны, но нѣсколько усилій и ихъ можно побѣдить; потомъ слѣдуетъ распространить владычество на церкви Испаніи, Галліи и Британіи. Идея власти уже сама по себѣ требуетъ извѣстной правильности въ организаціи. градацій. Потому несправедливы были нападки писателей кальвинистовъ на деспотическую организацію католической Церкви: это значило бы вносить XVII вѣкъ въ складъ VII вѣка. Особыя условія времени и обстоятельствъ требовали абсолютизма на извѣстной высотѣ; на священникахъ лежало преемничество рукоположенія, а на епископахъ тѣмъ большая сила; они верховники уже въ силу своего званія; связь съ Апостолами даетъ имъ непогрѣшимость,—догматъ, который старались въ

Римѣ узаконить весьма рано и который входилъ въ вѣру при тѣсномъ воздѣйствіи политики папской въ періодъ хаостическаго состоянія Италіи.

Остается только расширить территорію и распространить это полезное вліяніе за предѣлы полуострова; объ этомъ папы заботятся съ конца VI вѣка.

Прежде всего надобенъ полный просторъ для осуществленія плановъ въ самой Италіи. Остготы, а потомъ греки покорили её. Уже прошло время Теодорика; Римъ твердо держалъ знамя вѣры. Онъ задумалъ сверженіе ига, но о борьбѣ реальной не можетъ быть и рѣчи. Необходимъ тонкій государственный умъ и онъ явился въ лицѣ Григорія I. Мы уже упоминали, что Римская Церковь канонизировала его, а исторія прозвала Великимъ за даровитость и искусство соединить высокій историческій подвигъ съ благородствомъ нравственнаго характера ([1]). Онъ положилъ начало зданію католицизма, а это, конечно, могъ сдѣлать лишь выдающійся талантъ.

Причины возвышенія папской власти въ VII вѣкѣ.

Экзархъ греческаго императора, жившій въ Равеннѣ, былъ чуждъ интересамъ итальянцевъ; онъ и не слѣдилъ за той новой властью, какая созидалась въ самомъ центрѣ полуострова. Въ Италіи начинали съ того, что признавали духовный авторитетъ римскаго престола, а оканчивали тѣмъ, что не отвергали и нѣкотораго правительственнаго надзора съ его стороны: въ той степени, какъ распространялось римское вліяніе, падалъ авторитетъ экзарха ([2]). Нашествіе лангобардовъ могло лишь помочь папскому дѣлу. Занявъ сѣверную Италію, они, какъ аріане, прогнали архіепископа миланскаго, который бѣжалъ въ Генную со всѣмъ миланскимъ католическимъ клиромъ. А въ Генуѣ онъ не могъ обойтись безъ поддержки со стороны Рима, поддержки, обратившейся

([1]) Литература такъ называемаго римскаго вопроса тенденціозна. Не перебирая здѣсь многочисленныхъ сочиненій для исторіи папъ, укажу какъ на безпристрастную церковную исторію нѣмецкихъ ученыхъ: Неандера, Гизелера Гагенбаха, англичанина Мильмана и на новыя сочиненія Лорàна (Hist. du droit des gens), Гетте и Ланфре по исторіи папства. Два послѣднихъ труда переведены по русски. Весьма интересны выводы въ книгахъ: F. Baur Die christliche Kirche des Mittelalters (Tüb. 1861) и Petrucelli della Gatina. Hist. diplomatique des conclaves (1856, 2 vls), написанной подъ острымъ вліяніемъ такъ называемаго римскаго вопроса въ Италіи. — См. выше, стр. 145, 146.

([2]) Кудрявцевъ. Судьбы Италіи, с. 166

въ господство, такъ какъ тогда начинается посвященіе Миланскихъ іерарховъ папою. Конечно, и епископы равеннскіе должны были подчиниться общему тяготѣнію. Стоило только пріобрѣсти вліяніе такого рода; магическая сила заправляла успѣхомъ. Остановимся на одномъ изъ мотивовъ. Раньше феодальныхъ понятій возникло въ средѣ римскаго клира убѣжденіе въ необходимости владѣнія землею, какъ для существованія, такъ и для полученія доходовъ, съ цѣлью осуществленія великихъ предпріятій, будто судьбой завѣщанныхъ Риму средневѣковому Римомъ старымъ. Поземельный надѣлъ и впослѣдствіи, напримѣръ, въ XII вѣкѣ, какъ увидимъ, много содѣйствовалъ интересамъ Церкви; онъ уравновѣшивалъ притязанія абсолютизма надъ епископскимъ началомъ; онъ не далъ возможности перевѣса свѣтской власти; онъ былъ опорой равновѣсія въ папско-императорской борьбѣ. Такъ важенъ былъ этотъ экономическій элементъ, особенно существенный для пониманія исторіи отношеній папства къ имперіи.

Политика папы Григорія I.

И въ Римѣ рано поняли важность земельной собственности; уже первые папы стремились къ ней. Они завели себѣ патримоніи въ разныхъ мѣстахъ Италіи, особенно въ Кампаніи и Сициліи. Патримоніи соединялись въ нѣсколько округовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ управленіемъ особаго ректора (¹) и подъ нимъ дефензоровъ съ властью полномочною. Они считались викаріями, намѣстниками папы. Грузы хлѣба отправлялись оттуда въ Римъ; колоны, этотъ полукрѣпостной народъ, были довольны своимъ положеніемъ; на нихъ непосредственно отражалось благотворное вліяніе папъ; съ отеческою заботливостью относился къ нимъ Григорій I, какъ доказываютъ его письма (²). Папство, какъ вообще христіанство въ первое время своей исторіи, было на сторонѣ слабаго противъ сильнаго. Строго слѣдилъ Григорій за поступками правителей; онъ связывалъ ихъ административныя обязанности съ религіозными; смѣло, въ глаза бичевалъ онъ всякое уклоненіе отъ правды. Съ Григоріемъ I не соединено понятіе о той хитрой политикѣ, въ которой уличаютъ позднѣйшихъ тіаристовъ, легко осуществившихъ самыя смѣлыя его

(¹) Hegel. Geschichte der Staedtefreiheit von Italien; 1, 160.

(²) Epistola S. Gregorii. I; 42, 70. apud Migne. Patr. LXXV—LXXIX. Объ его политикѣ по отношенію къ Италіи мы говорили на стр. 145 и слѣд.

мечтанія. Онъ слѣдилъ за губернаторами греческими не только въ предѣлахъ Италіи; его власть ощущалась на островахъ и даже въ Африкѣ. Иногда онъ, помимо экзархата, доводитъ о злоупотребленіяхъ правителей прямо до свѣдѣнія византійскаго двора, какъ напр. въ письмѣ императрицѣ Констанціи (1): онъ въ глаза уличаетъ проконсула Италіи въ лихоимствѣ и угнетеніи, сопровождая это уроками для будущаго (2). И общество, и онъ самъ хорошо понимали, что, въ періодъ политическаго и гражданскаго безпорядка, духовному лицу приходится отправлять и свѣтскія обязанности. „Знайте, пишетъ Григорій,—мы живемъ въ такое время, когда зданіе власти (in regibus arce) должно быть такъ устроено, чтобы заботиться не только о спасеніи душъ, но и о внѣшней пользѣ подданныхъ, а также объ ихъ безопасности" (3). Онъ переписывается съ одичавшими отъ разнузданности королями франкскими. Восхваляя ревность какого нибудь Хильдеберта въ вѣрѣ (4), Григорій, въ знакъ особенной пріязни, посылаетъ ему для ношенія на шеѣ какъ святыню, ключи, которые онъ самъ называетъ Петровыми и въ которыхъ, по его словамъ, вложена частица отъ узъ Св. Петра (claves, quae collo vestro suspensae, a malis vos omnibus tucant). Множество писемъ къ Брунгильдѣ, къ королямъ франкскимъ; Теодорику, Теодеберту, Хлотару I, къ вельможамъ и епископамъ Галліи, къ королямъ и князьямъ лангобардскимъ, къ Теоделиндѣ, благодаря которой наконецъ ему удалось распространить католицизмъ на завоевателей Италіи, къ кунингамъ вестготскимъ, къ королямъ англо-саксонскимъ, къ которымъ, какъ къ небожителямъ по имени, посылаетъ Августина замѣнить восточные обряды западными, — всѣ эти плоды его дѣятельности были началомъ предстоявшей гегемоніи Рима.

Такимъ образомъ, едва только зарождался порядокъ въ Италіи, какъ уже возникла мысль о подчиненіи ея авторитету всей западной Европы, и эта мысль упорно и быстро воплощалась въ фактъ.

Усилія Григорія I были далеко не безплодны. Епископы Галліи начинали свыкаться съ этимъ подчиненіемъ верховному

(1) Epistola; IV, 33.

(2) Ib. VIII, 20.

(3) De extrinseca subjectorum utilitate et cautela; VIII, 40.

(4) Epistola S. Greg. V, 6.

надзору Рима; если Германія не входила въ планы папы, то ее увлекли туда первые проповѣдники, вышедшіе изъ только что покоренной Англіи. При всемъ такомъ успѣхѣ, Григорій I былъ слишкомъ скроменъ и слишкомъ хорошо зналъ свое время, чтобы увлекаться гигантскими думами Гильдебранда или Иннокентія III-го. Его тонъ въ сношеніяхъ даже съ подчиненными епископами полупочтителенъ; эпитетъ „universalis“ онъ прямо называетъ „vocabulum stultum“. Не одно горделивое самоуниженіе было въ его титулѣ—„servus servorum Dei“, которымъ онъ наименовалъ себя въ отличіе отъ патріарха Константинопольскаго, принявшаго имя Вселенскаго. При объясненіи его характера, надо помнить прежде всего, что онъ былъ аскетъ по убѣжденіямъ; какъ аскетъ, онъ ненавидѣлъ литературу не богословскую; какъ аскетъ, онъ жегъ памятники язычества.

Всевластіе папское, какъ всякое историческое явленіе, слагалось долгимъ путемъ: случайности тутъ не было; рядъ испытаній и успѣховъ шелъ въ продолженіе вѣковъ; особенности ума, искусства и способностей дѣятелей только распоряжались временемъ явленій. Образъ дѣйствія Григорія I умѣренъ, а нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ него, на глазахъ папъ далеко не геніальныхъ, римская патріархія возвышается, когда другія падаютъ, когда Константинопольская исчезаетъ въ блескѣ византійскаго двора, когда Антіохія, Александрія и Іерусалимъ подпали власти мусульманъ. Тогда одинъ епископъ Рима высится своимъ могуществомъ надъ всѣми духовными властями.

Успѣхи ислама. Папство, направленное послѣ дѣятельности Григорія I на вѣрный путь, могло рости само по себѣ, но оно подвергалось существенной опасности. Впродолженіе слѣдующихъ 100 лѣтъ, исламъ сдѣлалъ необычайныя завоеванія, грозя не только Риму, но и христіанству вообще. Уже было замѣчено, что своими успѣхами исламъ былъ обязанъ прежде всего фанатической идеѣ, имъ двигавшей, опиравшейся на фатализмъ и затѣмъ—раздорамъ, обуревавшимъ христіанство. Въ началѣ VIII вѣка самое существованіе христіанства было въ опасности. Что въ исламизмѣ было много внутренней силы, неудержимо покорявшей сердца, ясно изъ того, что христіанство въ 800 лѣтъ не сдѣлало половины того, что совершило мусульманство въ 50 лѣтъ. Въ VIII в., въ центрѣ Европы,

въ Германіи язычество было въ полной силѣ, такъ что потребовались для проповѣди десятки миссіонеровъ; за то вездѣ, гдѣ прошелъ мечъ арабовъ—отъ Алтая и Китайской стѣны до Атлантическаго океана и отъ Каспійскаго моря до конца Индостана и Индѣйскаго океана,—вездѣ въ этихъ неизмѣримыхъ предѣлахъ не было идолопоклонства. Къ христіанамъ и евреямъ мусульмане относились полупрезрительно, но идолы уничтожались огнемъ и мечемъ. Проповѣдь ислама должна была остановиться тамъ, гдѣ сама природа ставила преграды его распространенію. Когда мусульманское воинство дошло до Атлантическаго океана, то ему некуда было идти впередъ. Тогда вождь на конѣ въѣхалъ въ море, и, въ виду Канарскихъ острововъ, воскликнулъ: — „Великій Богъ! Если бы не былъ я остановленъ этимъ океаномъ, я пошелъ бы дальше въ неизвѣстныя царства запада, проповѣдуя единство Твоего святаго имени и поражая мечемъ непокорные народы, которые покланяются другимъ богамъ, кромѣ Тебя“.

Впрочемъ, исходъ нашелся.

Мы говорили уже (стр. 215), какъ Муза, намѣстникъ Африки, разрѣшилъ Тареку вторгнуться въ Андалузію, эту Гесперію древнихъ, куда призывали мусульманъ междоусобія христіанъ. Послѣ побѣды своего полководца, онъ самъ является туда. Покореніе Пиринейскаго полуострова было довершено и остатокъ готской арміи былъ прогнанъ въ Галлію. При Карлѣ Мартеллѣ мусульмане дошли до Луары. Христіанскія церкви были уничтожаемы, монастыри пылали. Муза имѣлъ намѣреніе идти черезъ Южную Галлію на Италію и проповѣдывать единство Бога и посланника его Магомета въ папскомъ дворцѣ. Отсюда онъ хотѣлъ чрезъ Иллирію идти на Константинополь и, положивъ конецъ Римской Имперіи и христіанству вообще, перейти въ Азію, чтобы повергнуть свой побѣдоносный мечъ къ ногамъ халифа въ Дамаскѣ. Если этого не случилось, если Римъ и папство уцѣлѣли, то причиною было не христіанское оружіе, не пораженіе мусульманъ подъ Толозою, а раздоры, которые охватили чрезмѣрно увеличившійся халифатъ. Явились придворныя интриги, зависть; Муза, завидовавшій Тареку, посадилъ его въ тюрьму, но за послѣдняго вступились въ Дамаскѣ; Муза, въ награду за свои завоеванія, былъ высѣченъ и заточенъ.

Затѣмъ Халифатъ раздѣлился на **Дамасскій** (Абассиды), **Каирскій** (Фатимиды), **Багдадскій** (Омейяды).

Во всякомъ случаѣ, въ раздѣленіи халифата на части и въ наставшихъ междоусобіяхъ въ мусульманскомъ мірѣ—заключалась существенная причина спасенія Рима и усиленія папства.

Объ обстоятельствахъ раздѣленія великаго наслѣдія Магомета будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь замѣтимъ только, что мусульманская Испанія отошла подъ власть династія Омейядовъ и, подъ именемъ Кордовскаго намѣстничества, составляла долго часть Багдадскаго халифата. Послѣ возстанія противъ Омейядовъ въ Багдадѣ, халифъ Абдеррахманъ, спасаясь отъ насильственной смерти, постигшей всю его родню, бѣжалъ изъ Азіи и въ 755 г. перенесъ свою резиденцію на Пиринейскій полуостровъ. Съ тѣхъ поръ основался самостоятельный **Кордовскій** халифатъ. Эмиры, правители отдѣльныхъ областей, недовольные близостью незваннаго халифа, заволновались и одинъ изъ нихъ, правитель Сарагоссы призвалъ на помощь франковъ изъ Галліи. Это дало возможность Карлу Великому возвратить христіанству значительную часть Испаніи до рѣки Эбро въ 788 г., подъ именемъ Испанской марки.

Начало церковнаго подчиненія Германіи Риму. Бонифацій.

Папство могло тогда сосредоточиться на Германіи и въ этой странѣ укрѣпить свою власть. Мы говорили о томъ, какихъ вѣрныхъ слугъ папство нашло себѣ въ англо-саксонскихъ кунингахъ. Съ тѣхъ же островоьъ, т. е. съ Эрина и изъ Британіи вышли проповѣдники въ Германію и въ сѣверную Европу, гдѣ христіанство еще не было распространено. Они руководились однимъ религіознымъ чувствомъ. Ихъ соблазняли не почести и награды, а одна слава мучениковъ. Изъ Ирландіи Колумбанъ и Галлъ распространили еще къ началу VII вѣка христіанство въ нынѣшней Швейцаріи. Изъ Британіи въ VII и VIII столѣтіяхъ дѣйствовали Киліанъ во Франконіи, Еммеронъ въ Баваріи, Рупертъ въ Зальцбургѣ, Виллибродъ у фризовъ и саксовъ.

Самымъ замѣчательнымъ былъ англосаксонецъ Винфритъ, бенедиктинскій монахъ, прозванный Бонифаціемъ (благодѣтелемъ). Онъ проповѣдывалъ въ средней Германіи съ 718 — 755 г. ([1]). Онъ доходилъ до жилищъ восточныхъ

([1]) О немъ новѣйшее изслѣдованіе: Fischer. Bonifacius, nach dem Quellen dargestellt. (L. 1881).—Къ этому же вопросу относится монографія: Werner, Die Romanisirung Mitteleuropa's (L. 1865). Источникомъ служатъ: Willibaldus (Vita S. Bon. apud Pertz; II, 334—353) и дополненіе анонимнаго майнцскаго священника (ib. 354—357).

саксовъ, начавъ свою пропаганду съ береговъ Рейна по Франконіи, Тюрингіи и Гессену. Отправляясь на проповѣдь, онъ въ 723 г. присягнулъ повиноваться папѣ. Онъ собиралъ германцевъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ для назиданія и слушанія проповѣди; въ этихъ пунктахъ послѣ возникли города. Устроивъ епископскія и монастырскія школы, какъ напримѣръ въ Фульдѣ, онъ заботился о распространеніи вѣроученія и вмѣстѣ цивилизаціи. Подобно тому, какъ Паулинъ въ Нортумберландѣ, такъ Винфритъ въ Германіи собственноручно сокрушалъ язычество, разрушая храмы, свергая идоловъ въ священныхъ лѣсахъ вмѣстѣ съ священными деревьями, въ которыхъ, по мнѣнію язычниковъ, заключалось божество. Замѣчательно, что Бонифацій въ своемъ донесеніи папѣ жалуется не столько на язычниковъ - франковъ, сколько на христіанскихъ миссіонеровъ изъ франковъ. Это показываетъ, въ какія руки папство предавало высокое дѣло проповѣди. Война и охота были занятіемъ этихъ миссіонеровъ. „Здѣсь, пишетъ Бонифацій, уже давно христіанская религія, ранѣе насажденная, находится въ совершенномъ униженіи. Франки слишкомъ 80 лѣтъ не созывали соборовъ и не имѣли архіереевъ“. Въ 746 г. онъ самъ былъ назначенъ папою архіепископомъ Майнцскимъ, а за три года передъ тѣмъ онъ торжественно подчинилъ всѣ свои паствы Римскому престолу. Папа былъ признанъ въ Германіи такимъ образомъ единственнымъ главою. Но Бонифацій не удовлетворился почестями архіепископскаго сана; онъ продолжалъ обращать язычниковъ. Разъ онъ направился къ новопросвѣщеннымъ фризамъ, чтобы торжественно преподать имъ благословеніе. Толпа вооруженныхъ дикарей бросилась на его спутниковъ, разсчитывая на добычу. Свита взялась за оружіе, но архіепископъ запретилъ спутникамъ проливать кровь и былъ убитъ съ 53 лицами. Умирая, онъ оставилъ многолюдную Германію въ духовное наслѣдіе папства, которое отъ этого стало сильнѣе не только нравственно, но и матеріально.

Папство въ VIII вѣкѣ.

Арабы вносятъ коранъ въ Испанію, но при Григоріѣ II (715—731) начинается католизація Германіи Бонифаціемъ. Григорій III (731 — 741) уже можетъ грозить восточному императору отпаденіемъ Италіи. Защищая догматъ иконопоклоненія, онъ пріобрѣтаетъ себѣ страстныхъ партизановъ на полуостровѣ въ полемической борьбѣ противъ Льва Исав-

рійскаго. Иконоборство, о которомъ будемъ говорить послѣ, лишь содѣйствовало разрыву духовныхъ связей между Византіей и Римомъ. Восьмое столѣтіе имѣетъ большую важность въ исторіи папства и особенно Италіи. Отъ папъ зависило тогда направить ходъ политическихъ событій на полуостровѣ. Наступалъ роковой моментъ.

То было время папствованія Захаріи I (741—752), Стефана II (752—757), Стефана III (768—772), Адріана I (772—795), Льва III (795—816). Папы могли позволить лангобардамъ создать сильное и независимое королевство итальянское, создать его раньше, нежели какое либо изъ европейскихъ государствъ и въ тоже время отъ нихъ зависило воспрепятствовать тому и обусловить величіе своей страны и свое собственное, т. е. величіе римской куріи. Первый исходъ былъ бы проще; можетъ быть, онъ не далъ бы Италіи той богатой умственной и экономической жизни, какою развернулась она въ XIII—XV столѣтіи, но онъ сдѣлалъ бы твердою рукою германскаго племени физически могучее государство. Второй исходъ давалъ Риму или собственно римской куріи, вторичную диктатуру надъ Европой, но отдалялъ образованіе единаго королевства итальянскаго съ VIII на XIX столѣтіе. Папы избрали послѣдній исходъ и за то ихъ проклиналъ Данте, Макіавелли, за то ихъ осуждаютъ патріоты итальянскіе.

Папа Стефанъ II (752—757 г.)

Стефанъ II, получая экзархатъ Равенскій за возведеніе Каролинговъ на тронъ галло-германскій, какъ благодарность отъ Пепина, принимая его какъ наслѣдіе Св. Петра и отдаривая кунинга за это титуломъ римскаго патриція, — повернулъ на рѣшительную дорогу судьбы папства и Италіи, хотя не положилъ начало этимъ папскому всевластію, какъ думаютъ нѣкоторые (¹). Дѣло въ томъ, что этимъ событіемъ, а тѣмъ болѣе увеличеніемъ территоріи римской при Карлѣ Великомъ,—папы отдавались подъ покровительство власти болѣе сильной, чѣмъ власть лангобардская, а именно подчинялись западнымъ римскимъ императорамъ. А такое покровительство въ сущности приравнивалось къ союзу слабаго съ сильнымъ; папы знали, что созданіемъ сильнаго и прочнаго государства въ самомъ центрѣ полуострова они теряли созданную ими

(¹) Напр. Walchs. Römichen Päpste, 164 («den ersten Grund zu der weltlichen Herrschaft der Päpste in Italien zu legen»). См. выше, стр. 221—225.

собственную власть, которой между тѣмъ предстояла будущность при надзорѣ изъ далекаго Ахена или Парижа. Безспорно что Карлъ Великій безъ эгоистическаго побужденія не могъ обойтись, но папы, подобные Адріану, настолько понимали свое положеніе и, скажемъ, настолько провидѣли будущее, что сознавая силу Карловинговъ, унижались передъ императорской короной, употребляли всѣ уловки слабаго въ надеждѣ на благопріятное вліяніе времени.

Папы Адріанъ I и Григорій IV. (827—844 г.).

Адріанъ въ своемъ письмѣ не знаетъ какъ возвеличить Карла: „praecellentissime regum, пишетъ онъ ему, domine mi, a Deo institute magne rex, dulcissime et amantissime fili, excellentissime, bone et optime rex“. Не всегда же, разсуждали папы, будетъ сидѣть на престолѣ великій Карлъ, одно имя котораго придаетъ гордость королямъ,—и ожиданія ихъ оправдались. Самые дѣятельные и даровитѣйшіе императоры не унаслѣдовали счастія Карла и его политическихъ успѣховъ. Этотъ человѣкъ настолько былъ дѣятелемъ государственнымъ, чтобы не слѣдовать влеченіямъ личной дружбы. Покоривъ Ломбардію, онъ не думалъ присоединять ее къ владѣніямъ римскаго престола; напротивъ, онъ всегда искалъ случая уменьшить эти владѣнія. Его миссы (намѣстники) овладѣвали городами папскими, какъ напр. въ Сабинскомъ краѣ, въ Беневенто, въ Тосканѣ. Удовлетворяя моленіямъ своего друга, Карлъ сдѣлалъ видимыя уступки; онъ закрѣпилъ снова за Римомъ отнятые города, но оставилъ за собой административный и судебный распорядокъ. Какъ же, спрашивалъ въ недоумѣніи первосвященникъ, какъ мы будемъ управлять этими городами, когда жители, безъ нашего разрѣшенія могутъ дѣлать, что имъ угодно. Дошло дѣло до того, что папа сталъ просить уже объ одномъ,—не уменьшать старыхъ владѣній Св. Петра (ut nullam novitatem imponere). Но папы, понимая дѣло, терпѣли пока всё. Тотчасъ же за Карломъ видоизмѣнился характеръ событій: наслѣдникъ могучаго императора—покорный рабъ церкви. Затѣмъ поднимаются междоусобія,—и вотъ Григорій IV въ 838 году смѣло и громко провозглашаетъ ***независимость духовной власти отъ свѣтской***. Друзья освободились отъ всякаго надзора; имъ напутствуетъ успѣхъ, а отъ успѣха растетъ ихъ авторитетъ. Около этого времени папство подвергается внѣшней, мимолетной опасности. Въ 846 г. мусульманскіе пираты вплываютъ въ устья Тибра и являются

подъ стѣнами Рима. Они не пытаются взять городъ, но свирѣпствуютъ на Ватиканскомъ холмѣ. Изъ церкви Св. Петра они берутъ серебрянный алтарь и отсылаютъ его въ Африку.

Это были послѣднія усилія фанатическихъ послѣдователей ислама въ Западной Европѣ.

Самые важные факты развитія папской власти совершились въ періодѣ двухъ столѣтій, въ IX и X. Обаяніе папства, упроченное политикой Григорія I, папами Захаріемъ и Адріаномъ, усиливалось уже само собой. Къ этому обаянію начинаютъ уже привыкать.

Лже-Исидоровскія декреталіи.

Николай I (858—867 г.), не разбиравшій средствъ, пускаетъ въ ходъ лжеисидоровскія декреталіи. Теперь поддѣлываются постановленія соборовъ и выдумывается небывалая переписка; всему міру доказывается, что папа единый намѣстникъ Христа на землѣ, общій владыка всѣхъ церквей, что только онъ имѣетъ право назначать и отрѣшать епископовъ, что лишь ему подсудны всѣ духовные чины, что лишь онъ можетъ созывать соборы, самая власть которыхъ исходитъ-де отъ него же. Въ стройныхъ и рѣзкихъ формулахъ созидается каноническое право западной Церкви, о развитіи котораго намъ придется еще говорить нѣсколько разъ; возникаетъ положеніе о неподсудности духовныхъ міјрянамъ.

При Іоаннѣ VIII (872—882 г.), Римъ смѣло вмѣшивается въ политическія событія; обѣщаніемъ короны Карлу Лысому вынуждается отъ свѣтской власти, которую такъ высоко поставилъ Карлъ Великій, торжественное заявленіе, что императорская корона переходитъ не по праву наслѣдства, а по волѣ святѣйшаго отца-папы. Эта столь важная для Рима грамота подписана днемъ Рождества 875 г., а черезъ два года совершилась и коронація. Слабѣйшему и малоспособнѣйшему изъ государей суждено было такъ прихотливо сдѣлаться виновникомъ двухъ важнѣйшихъ событій христіанской исторіи; можно сказать даже, что онъ невольно направилъ средніе вѣка извѣстнымъ образомъ. Въ Кьерси, 12 іюня 877 года, онъ узаконяетъ феодализмъ своимъ капитуляріемъ(1), а послѣ коронованія въ Реймсѣ признаетъ за епископомъ римскимъ именованіе „papa universalis", подчиняя этимъ ему всѣ другія

(1) См. выше, стр. 270—271.

Церкви и номинально даже восточныя патріархіи. И оба эти столь важнѣйшія узаконенія дѣлаются въ сущности лишь ради достиженія обаятельной короны Италіи. Но рѣшительное заявленіе о первенствѣ вызвало и рѣшительный раздоръ между Церквами Востока и Запада. Онѣ раздѣлились и дальнѣйшія попытки примиренія были напрасны. Теперь судьба римской куріи слагается своеобразно. Идея церковной гегемоніи, высказанная во всеуслышаніе, прививается къ исторіи. Но она должна была выдержать тяжелыя испытанія. Со второй половины IX вѣка, а особенно въ слѣдующемъ X столѣтіи, настало ослабленіе въ поступательномъ движеніи папской идеи. Причины этого коренились въ измѣненіи характера политической жизни Западной Европы.

Карлъ II Лысый, согласившись подписать капитулярій въ Кьерси, въ сущности подписалъ смертный приговоръ имперіи, узаконивъ расчлененіе и произволъ. Его преемники были еще слабѣе. Династію Каролинговъ преслѣдуетъ какое-то таинственное вырожденіе. Она умираетъ безъ борьбы подъ напоромъ феодаловъ.

Образованные современники хорошо понимали это и сожалѣли о паденіи имперіи. Въ VII томѣ собранія французскихъ хроникъ находится весьма интересная въ этомъ отношеніи латинская элегія, написанная ліонскимъ діакономъ Флоромъ въ виду грустныхъ событій, раскрывавшихся предъ его глазами. Это очень важный литературный памятникъ для историка. Вотъ что читаемъ между прочимъ въ этихъ строфахъ: „Подъ чудной діадемой процвѣтала прекрасная имперія. Былъ одинъ государь и одинъ народъ; всѣ города имѣли судей и законы; ревность пастырей поддерживалась частыми соборами; молодые люди постоянно читали священныя книги; умъ дѣтей постоянно упражнялся на изученіи литературы; любовь и страхъ вездѣ поддерживали доброе согласіе и потому нація франковъ блистала въ глазахъ цѣлаго міра. Иностранныя государства, греки, варвары, сенатъ Лаціума отправляли посольства къ франкамъ; поколѣнія Ромула, самый Римъ, метрополія государства подчинялись франкамъ. Счастлива была имперія, если бы только она понимала свое счастье, имѣя въ Римѣ опору, а въ Апостолѣ своего основателя. А нынѣ разрушилось это великое государство, потеряло съ своимъ блескомъ самое наименованіе Имперіи и свою прочность; то, что не- Элегія Флора.

давно еще было прочно соединено, раздѣлилось на три части: нѣтъ никого, въ комъ бы можно было видѣть императора: вмѣсто короля владѣютъ имперіей князья а вмѣсто королевства обломки. Общаго блага не существуетъ; каждый заботится о своихъ интересахъ; думаютъ обо всемъ, единъ Богъ забытъ. Пастыри Господни, привыкшіе собираться вмѣстѣ, не могутъ имѣть церковныхъ соборовъ среди такого хаоса. Нѣтъ болѣе народныхъ собраній, нѣтъ законовъ. Напрасно ждать чужеземныхъ посольствъ тамъ, гдѣ нѣтъ двора. Что станется съ сосѣдними народами по Дунаю, Рейну, Ронѣ Луарѣ и По? Всѣ, прежде соединенные узами согласія, теперь, когда союзъ разрушенъ, будутъ терзаемы мрачными раздорами. Чѣмъ гнѣвъ Божій разрѣшитъ всѣ эти бѣдствія? Нѣтъ такого, который размышлялъ бы безъ ужаса о настоящемъ; многіе даже радуются распаденію имперіи, называя миромъ порядокъ вещей, который ничѣмъ не напоминаетъ ни одного блага мира" (¹).

Изъ этого памятника видно, что масса не раздѣляла печали автора, ибо все свершилось такъ, какъ желало того громадное большинство. Большинство же, раздѣленное между собою языкомъ и даже происхожденіемъ, стремилось къ разложенію по національностямъ. Это распаденіе имперіи всего сильнѣе обнаружилось послѣ смерти Карла II Лысаго, уподобляясь движенію по наклонной плоскости.

Императоръ Людовикъ III (877—879 г.)

Прямымъ наслѣдникомъ императорской короны послѣ смерти Карла II Лысаго былъ его сынъ, Людовикъ III Косноязычный, прозванный современниками совершенно справедливо лѣнтяемъ (²). Онъ былъ по душѣ феодаломъ, хотя въ тоже время на его сторонѣ былъ папа Іоаннъ VIII. Когда нѣкоторые вассалы не хотѣли признать Людовика III императоромъ, то папа Іоаннъ VIII на соборѣ въ Труа проклялъ недовольныхъ.

Игнорируя дѣтей Людовика III послѣ его смерти, Лю-

(¹) Drepanius Florus. Epistola seu carmen ad Madoinum Augustodunensem episcopum, apud Bouquet; VI, 262. Поэтъ, богословъ, онъ былъ около 850 г. каноникомъ въ Ліонской епархіи. Умеръ около 860 г. Тѣ же мѣста въ Querela de divisione impirii post mortem Ludovici Pii, apud Bouquet; VII, 301.

(²) Французскіе историки считаютъ его, какъ короля французскаго, Вторымъ (Louis II, dit le Bégue).

довика († 880 г.) и Карломана († 882 г.), которые въ памятникахъ считались одновременно государями Галліи и жили въ тѣсной дружбѣ, національная галльская партія вмѣстѣ съ прелатами на Югѣ выдвигаетъ на сцену исторіи герцога Бозона, зятя Людовика Благочестиваго, сестра котораго была женою Карла Лысаго. Сторонники его поддерживаютъ, но встрѣчаютъ своимъ желаніямъ сильное противодѣйствіе со стороны враговъ. Однако Бозонъ не унывалъ и хотѣлъ во что бы то ни стало получить королевскую корону и власть. Шесть архіепископовъ и 17 епископовъ южной Франціи при содѣйствіи папы образовали новое провансальское государство и передали королевскую галльскую корону тому же герцогу Бозону. Наслѣдники Людвига Германскаго и Людовика Козноязычнаго, т. е. законные короли Германскій и Франко-Галльскій, заявили на это претензію, но безъ успѣха. Тому и другому едва можно было услѣдить за собственными владѣніями; къ тому же они скоро умерли. Оставалось прямыхъ наслѣдниковъ только двое: сынъ Людвига Нѣмецкаго Карлъ, по прозванію Толстый и сынъ Людовика Козноязычнаго, Карлъ Простоватый, который былъ въ это время пятилѣтнимъ ребенкомъ.

Императоръ Карлъ III Толстый (881—887 г.).

Карлъ, прозванный Толстымъ, съ 881 года считался императоромъ, хотя и номинально, а съ 885 г. королемъ франковъ и Галліи. Личность его сама по себѣ была ничтожна. Не ему было сохранить порядокъ и миръ въ этомъ хаосѣ. Въ то время герцогъ Бозонъ, кандидатъ національной партіи, повелѣвавшій Провансомъ, Ліономъ, съ нынѣшними Франшъ-Контэ и Савойею, былъ гораздо сильнѣе императора. Впрочемъ, сильнѣе императора былъ всякій крупный вассалъ. Въ Аквитаніи, напр., герцогъ Васконіи, владѣвшій угломъ между моремъ, Пиринеями и Гаронной, совершенно не признавалъ власти Каролинговъ, и основалъ свою династію. Вмѣстѣ съ Васконіею отложились отъ имперіи: христіанская Испанская марка, гдѣ Барселона была столицею, Септиманія, гдѣ кромѣ того были отдѣльные графы, виконты Нарбоны, Каркассоны, Нима и Безьера, герцогство Тулузское съ Эвдономъ и Овернь. Понятно, что въ сѣверной Галліи, въ славянскихъ и аварскихъ земляхъ, даже въ Италіи, власть Карла Толстаго, едва способнаго управлять самимъ собою, признавалась только по имени. Въ Германіи, впрочемъ, присягнули императору всѣ даже крупные властители. Тамъ даже возлагали на него боль-

шія надежды, но неудачная война съ норманнами на Маасѣ. постыдный договоръ съ разбойниками, которые получили отъ императора дань золотомъ, награбленнымъ Карломъ нарочно для нихъ въ окрестныхъ церквахъ,—все это озлобило противъ недостойнаго императора феодаловъ Германіи, поспѣшившихъ отложиться отъ него.

Герцогъ Одонъ.

Среди этихъ всеобщихъ безпорядковъ и общаго измельчанія, является въ Галліи крупная личность—Эвдъ или Одонъ. сынъ Роберта (по тевтонски „ode“ значило „богатый“). Одонъ сталъ герцогомъ Парижа въ 866 году. Чрезъ 20 лѣтъ послѣ этого, Парижу пришлось перенести страшное испытаніе. Среди общей безурядицы, на 700 росписанныхъ лодкахъ, норманны вторично вошли въ рѣку Сену и осадили Парижъ. Императору Карлу Толстому какъ бы не было никакого дѣла до того. что происходитъ въ Галліи. Онъ медлилъ и не высылалъ помощи осажденнымъ парижанамъ и потому Парижу пришлось по необходимости положиться на свои собственныя средства. Одонъ геройски защищалъ Парижъ, но не могъ, однако, устоять противъ сильныхъ полчищъ норманновъ. Наконецъ. страданія парижанъ привлекли сожалѣніе и сочувствіе окружающихъ императора. Послѣдній вышелъ, точно послѣ долгой спячки, изъ обычнаго ему состоянія лѣпости и отупѣнія. Онъ собралъ войско и направился къ Парижу. Но вмѣсто того, чтобы вступить въ битву съ норманнами, онъ купилъ у нихъ миръ за 20 пудовъ серебра и позволилъ имъ остаться въ Бургундіи, такъ какъ жители этой страны считали королемъ Бозона и не признавали недостойнаго правнука Карла Великаго.

Обособленіе Франціи.

Какъ ни ничтожна была сила общественнаго мнѣнія въ то время, однако такой поступокъ Карла Толстаго произвелъ страшное раздраженіе во всемъ обществѣ,—отъ невѣжды до образованнаго,—раздраженіе, стоившее Карлу императорства. Карлъ долженъ былъ видѣть, какъ при его жизни, оскорбленные отсутствіемъ мужества и энергіи въ вождѣ, германскіе вельможи низложили его и лишили престола. Они отдали императорскую корону Арнульфу, племяннику Карла Толстаго. Арнульфъ (887—899 г.), изъ жалости къ павшему императору, далъ ему уголокъ въ Швабіи, гдѣ развѣнчанный императоръ Карлъ Толстый умеръ въ 888 году, заслуженно всѣ-

ми презираемый. Арнульфъ получилъ главенство во Франкской монархіи.

Надобно замѣтить, что до своего отреченія Карлъ Толстый передалъ сѣверо-западъ Франціи, т. е. земли между Сеной и Луарой, знаменитому защитнику города Парижа Евду или Одону, гдѣ этотъ вождь пріобрѣлъ большую популярность. Теперь Одонъ, послѣ отреченія Карла, въ 888 г. былъ провозглашенъ королемъ Франціи. Этотъ годъ такимъ образомъ служитъ началомъ власти первой національной французской династіи Капетинговъ, начальной эрою французской національности.

Графъ Одонъ, король Франціи (888—998 г.)

Одонъ былъ достойнымъ вождемъ этой національности. Въ 888 г. онъ нанесъ сильное пораженіе норманнамъ, а это еще болѣе увеличило популярность его среди французскаго населенія. Тогда онъ получилъ отъ Арнульфа золотую корону и признаніе правъ на наслѣдство Карла Лысаго, т. е. на всю Галлію, за исключеніемъ Лотарингіи, которая окончательно отошла къ Германіи. Опираясь на это полномочіе, Одонъ перешолъ Луару. Тогда же его призналъ своимъ сюзереномъ могущественный графъ Фландріи; ему покорился и графъ Пуатье. Власть его, хотя и номинально, признали независимые владѣльцы южной Франціи, какъ-то графъ Оверни. Ему не слѣдовало бы гнаться за новыми пріобрѣтеніями, а именно за Аквитаніей, сломить которую было трудно, когда опасность отъ норманновъ была передъ глазами. Ему пришлось деньгами откупаться отъ этой постоянной язвы тогдашней Франціи. Послѣднимъ разгромомъ норманновъ Одонъ нѣсколько обезпечилъ Галлію отъ дальнѣйшихъ ихъ нападеній. Но не такъ силенъ былъ Одонъ у себя дома. Ему надобно было бы ревностнѣе заняться дѣлами своего государства, но духъ корысти, такъ родственный всѣмъ феодаламъ того времени, одолѣлъ его и ему вздумалось подражать прочимъ государямъ, которыхъ мучило тщеславіе. Одонъ посадилъ въ графствѣ Пуатье своего брата, когда былъ живъ прямой наслѣдникъ этого графства. Это было прямымъ нарушеніемъ феодальнаго права. За феодальные принципы вступились тѣ, коимъ они были дороги и слѣдствіемъ этого было то, что противъ Одона выставили Карла, сына Людовика Косноязычнаго. Его признали королемъ и на Сѣверѣ и на Югѣ Галліи. Но нельзя было обновить кровь умершей и выжившей династіи.

Карлъ Простой (898—922 г.).

Новый король будущей Франціи былъ тотъ самый Карлъ Простой, котораго потомство наградило не очень лестными эпитетами, въ родѣ: simplex, stultus, sottus, insapiens и т. п. Но не слѣдуетъ принимать этихъ эпитетовъ въ значеніи простоты и глупости Карла Простого, тѣмъ болѣе, что непосредственные источники не приводили этихъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ оскорбительномъ смыслѣ—впервые у Титмара, значитъ 200 лѣтъ спустя, а „simplex“ въ XI вѣкѣ—и то только у враждебныхъ лѣтописцевъ южной Галліи, гдѣ вообще власть Каролинговъ не признавалась. Карлъ вовсе не былъ простоватъ, какъ его называютъ историки. Онъ только не могъ успѣшно бороться съ не совсѣмъ ему покорной Галліей и съ Одономъ, который уступалъ ему лишь одно графство Лаонъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что Карлъ Простой и послѣдніе Каролинги не были любимы и даже презирались тогдашнимъ обществомъ. Однако при всей слабости своей, Карлъ Простой все таки явился претендентомъ на королевскій престолъ, послѣ смерти Одона, что и случилось въ 898 г. Даже Робертъ, братъ Одона, призналъ Карла. Но, конечно, при первой возможности, всѣ вассалы возмутились. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ отступить предъ вассалами, во главѣ которыхъ стояла родня Одона, его братъ Робертъ и племянникъ Гуго, прозванный Великимъ. Они сокрушили Карла. Его лишаютъ престола и провозглашаютъ королемъ новой Франціи, Роберта, котораго въ томъ же 992 г. спѣшатъ короновать въ Реймсѣ. Это значило признаніе факта окончательнаго паденія даже и номинальной власти Каролинговъ. Но это паденіе совершилось подъ благопріятными знаменіями. Среди воинственнаго шума и рѣзни обозначались племенныя особности. Тогда, говоритъ Бертинская лѣтопись, произошло „раздѣленіе между Франками—латинскими и нѣмецкими“, т. е. *Франція обособилась отъ Германіи окончательно и навсегда.*

Феодальные принципы, усвоенные Германской имперіей и введенные въ государственную и общественную жизнь Запада, должны были съ одинаковымъ успѣхомъ привиться и къ другой значительной половинѣ германской расы, къ Скандинавской. Тѣ самые норманны, которые вели бурную жизнь пиратовъ и которыхъ ничто не могло укротить, склонились предъ организованной идеей феодализма. У викинговъ, т. е. у морскихъ королей, служили дружинники всегда на феодальныхъ условіяхъ; на тѣхъ же условіяхъ признавали власть

своихъ королей и мелкіе князья, называвшіеся ярлами. Между викингами въ концѣ IX вѣка прославился Гаральдъ Гаарфагеръ (т. е. прекрасноволосый). Покоривъ всю Норвегію, онъ сталъ строго преслѣдовать пиратовъ; мало того, онъ запретилъ въ своихъ владѣніяхъ прибѣгать къ вооруженному насилію. При этомъ онъ безпощадно изгонялъ всѣхъ ослушниковъ.

Изъ числа послѣднихъ былъ и Рольфъ или Ролла, человѣкъ громаднаго роста, прозванный „ходокомъ", потому что онъ нигдѣ не могъ отыскать себѣ подходящаго коня. Съ именемъ этого Рольфа соединяется множество героическихъ легендъ. Не желая подчиняться Гаральду, Рольфъ оставилъ Норвегію и уплылъ на Гебридскіе острова; здѣсь онъ забралъ другихъ искателей приключеній и съ ними бросился въ устье Сены. Въ это время Карлъ Простой былъ занятъ споромъ за престолъ съ Одономъ. Поэтому Рольфъ свободно гулялъ по Сенѣ и дошелъ до Руана. Жители этого города вынесли столько бѣдствій отъ норманскихъ набѣговъ, что были совершенно не въ силахъ оказать сопротивленіе Рольфу. По убѣжденію архіепископа, они рѣшились покориться норманнамъ. Рольфъ пощадилъ жителей и согласился на условія, предложенныя Руанцами. Руанъ понравился Рольфу и онъ сдѣлалъ его базисомъ въ своихъ дальнѣйшихъ операціяхъ. Затѣмъ Рольфъ поплылъ вверхъ по Сенѣ и, одержавъ побѣду надъ французскими войсками, обложилъ Парижъ. Но тутъ онъ не имѣлъ удачи. За то, вернувшись въ Руанъ, онъ покорилъ большую часть Нейстріи, гдѣ и утвердился. Теперь норманны не имѣли болѣе причины и необходимости разбойничать и грабить. Они осѣлись и удовольствовались правильною данью съ селъ и городовъ, раздѣливъ все завоеванное на феодальныхъ основаніяхъ и провозгласивъ кунингомъ Рольфа. Такимъ образомъ вся Нейстрія отпала отъ имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ Галліи. Хотя Рольфъ и оставался язычникомъ, но христіане тѣмъ не менѣе любили его. Онъ энергично защищалъ страну отъ новыхъ грабителей; прежнихъ бѣдствій отъ набѣговъ норманновъ здѣсь не повторялось. Но Рольфъ не думалъ самъ отказаться отъ набѣговъ на сосѣднія области. Феодалы стали настаивать на томъ, чтобы король освободилъ страну отъ норманновъ. Но сопротивленіе норманнамъ было невозможно. Приходилось признать фактъ, сознаться въ безсиліи отбиться

Рольфъ герцогъ нормандскій въ 912 г.

отъ пиратовъ. Тогда, по словамъ современниковъ, вслѣдствіе постоянныхъ норманскихъ набѣговъ всюду виднѣлись трупы и раззоренныя деревни и церкви; отъ Блуа до Санлиса не было и десятины посѣва и никто не смѣлъ работать ни въ полѣ, ни въ виноградникѣ, потому предстоялъ періодическій голодъ въ большей части Франціи. Тогда король внялъ голосу народа и въ 912 г. самъ, чрезъ посредство архіепископа руанскаго, предложилъ Рольфу выгодныя условія мира.—„Карлъ предлагаетъ тебѣ, сказалъ архіепископъ Рольфу, свою дочь и всю страну отъ рѣки Эпты до Бретани въ обладаніе, но съ тѣмъ чтобы ты, примирившись съ французами, принялъ христіанство". Это была нынѣшняя провинція Нормандія. Но Рольфъ не удовольствовался этимъ; онъ потребовалъ Бретань. Карлъ долженъ былъ уступить и миръ былъ заключенъ торжественно, по феодальному порядку. Но когда пришлось преклонить по обычаю колѣно и поцѣловать ногу короля, то Рольфъ, отказавшись самъ исполнить обрядъ, поручилъ сдѣлать это одному изъ своихъ дружинниковъ. Тотъ подошелъ къ королю и, не сгибая колѣнъ, схватилъ его ногу, такъ что король упалъ навзничь. Это оскорбленіе однако не разстроило примиренія.

Ранке справедливо считаетъ утвержденіе норманновъ въ Галліи фактомъ огромной важности ([1]). Дѣйствительно, сѣверныя вторженія прекратились; Франція могла спокойно развивать свою историческую жизнь. Но, помимо того, въ норманской осѣдлости нашлись связи съ новыми судьбами Англіи и Италіи, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Потерявъ сравнительно небольшую территорію, Карлъ, по крайней мѣрѣ, гарантировалъ себѣ другія земли отъ норманскихъ нашествій. Норманны скоро смѣшались съ побѣжденными и стали даже говорить романскимъ языкомъ. Такимъ образомъ во Франціи оказался третій элементъ норманскій, который имѣлъ значительное вліяніе на организацію Французской національности. Этотъ норманскій элементъ получилъ впослѣдствіи еще большее значеніе по отношенію къ Бретани. Обезопасивъ сѣверо-западъ Галліи, Карлъ не избавился отъ борьбы съ феодалами. Малѣйшее увеличеніе власти возбуждало подозрѣніе въ феодалахъ. Во главѣ національ-

---

([1]) Ranke Weltgeschichte, VIII, 10.

ной феодальной партіи, послѣ Роберта Парижскаго, стоялъ Рауль или Рудольфъ, герцогъ бургундскій, его зять. Въ 923 г. Рудольфъ былъ провозглашенъ королемъ. Карлъ долженъ былъ искать защиты у Герберта, графа Вермандуа, который объявилъ его плѣнникомъ и посадилъ его въ Перониѣ въ крѣпостную башню, гдѣ онъ томился 7 лѣтъ до самой смерти. Но Рудольфу не пришлось отдыхать. Появились новые враги *угры*, или какъ произносятъ ихъ поляки и какъ называютъ обыкновенно въ наше время—*Венгры*, отъ имени ихъ вождей, когда-то называвшихся Оногурами (*Ὀνογουροί*, *Οὔγγροι*, Ungari, жгри).

Венгры.

Понятно, что венгерскіе историки стараются скрыть темные факты первыхъ страницъ венгерскихъ лѣтописей ([1]). Они говорятъ, что венгерскія нашествія, наводившія столько ужаса въ Западной Европѣ, преувеличены нѣмецкими лѣтописцами. Извѣстно, что Венгры или угры, выйдя изъ Азіи, остановились временно у подошвы Уральскаго хребта. Въ X вѣкѣ византійцы и ломбардецъ Ліутпрандъ называютъ ихъ *Τοῦρκοι*, Turci, на томъ, конечно, основаніи, что ихъ ди-

([1]) Когда венгры вошли въ кругъ европейской жизни, то стали появляться (съ XVI вѣка) лѣтописи на латинскомъ языкѣ. (Для подробностей см. статью Флеглера о венгерской исторіографіи въ журналѣ Зибеля. 1867 г. № 2) Изъ числа лѣтописцевъ укажу на Антона Беранчича, Николая Истванфи, Прая. Въ XVI же вѣкѣ смѣняется латинская лѣтопись на венгерскую. Первыми національными лѣтописцами были Стефанъ Секели, Каспаръ Гельтай, Іоаннъ Саларди Но эти хроникеры мало занимаются первобытнымъ періодомъ венгерской исторіи; они не любятъ касаться первобытнаго языка, происхожденія своего народа, а прямо переходятъ къ своей современности. Въ этихъ видахъ они отодвинули основателя національной династіи, Арпада, на семь поколѣній къ Атилѣ. Такого же направленія держится венгерская исторіографія позднѣйшаго времени. На нѣмецкомъ языкѣ упомяну извѣстные труды Энгеля, теперь устарѣлые, Феслера въ передѣлкѣ Клейна. Изъ національныхъ венгерскихъ писателей нашего времени слѣдуетъ назвать Салая, который былъ въ то же время и государственнымъ дѣятелемъ венгерской революціи 1848 г. (въ нѣмецкомъ переводѣ изд. Wögerer. Pest. 1866). Это пристрастный, тенденціозный трудъ, авторъ котораго стремится ввести въ кругъ венгерской исторіи славянскіе народы, случайно и механически соединенные съ короной Транслейтаніи. (См. монографію о Салаѣ Н. А. Попова 1868 г. съ очеркомъ венгерской исторіи отъ Арпада до Прагматической Санкціи). Таковы же труды Майлата, написанные раньше (1828—31) и Хорвата. Для документовъ сборники: Fejer—Codex diplomaticus Hungariae. Schwandtner. Scriptores rerum Hungaricarum. V. 1746, 3 f. Endlicher. Mon. Arpadiana. Sg. 2 v. 1848; Theiner. Mon. vetera historica Hungariam Sacram illustrantia, R. 2 f. 1859—60. Объ имени Венгровъ см. А. Куника. Изв. Ал-Бекри о славянахъ, стр. 109.

настія была первоначально тюркскою. Эта династія придала воинственный характеръ финскому народу (правильнѣе говоря фенскому) Мадьяровъ, пріучивъ побѣжденныхъ къ наѣздничеству, къ набѣгамъ, въ которыхъ такъ скоро успѣли мадьяры, что превзошли даже своихъ учителей. Въ концѣ IX вѣка, венгры состояли изъ семи племенъ, управляемыхъ отдѣльными князьями; впослѣдствіи, къ нимъ присоединилось племя Кабировъ (можетъ быть, Хазаровъ). Эти отдѣльные начальники племенъ вскорѣ сложили свою власть предъ однимъ предводителемъ, Арпадомъ. Тогда нападенія венгровъ сдѣлались еще чаще и ужаснѣе. Только Булгарское царство нѣсколько задержало ихъ успѣхи на Западѣ. Они остановились между Карпатами и Дунаемъ, гдѣ случайно осѣлись. Здѣсь предъ глазами развертываются безконечныя пастбища которыя прельстили собою этотъ кочевой народъ, двигавшійся на коняхъ съ большимъ обозомъ. Венгры всегда стремились на теплый Западъ. Въ 900 г. они были уже въ Ломбардіи. Они съ огнемъ и мечемъ прошли чрезъ Моравію и Баварію и нанесли жестокое пораженіе нѣмцамъ въ 906 г. Чрезъ два года они вторично разгромили нѣмцевъ на поляхъ Тюрингіи. Въ 912 году нѣмцы были разбиты въ третій разъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что Германія въ то время находилась въ ужасномъ положеніи. Послѣ Арнульфа, умершаго въ 899 г., престолъ занимаетъ лишь номинально сынъ его Людовикъ Малолѣтній. Со смертію этого Людовика „Дитяти" (въ 911 г.) прекратился родъ Каролинговъ въ Германіи. Интересно, что кончина его прошла совершенно незамѣтно; ни одна лѣтопись не нашла даже нужнымъ записать время и мѣсто этого событія. Все таки послѣднимъ императоромъ изъ Каролинговъ былъ король германскій. Оттого за владѣтелями Германіи установилось право на императорскій престолъ; поэтому чрезъ 50—60 лѣтъ императоромъ былъ провозглашенъ не галльскій король; кандидата искали въ Германіи. Это случайное обстоятельство очень важно по послѣдствіямъ.

Со смертью Людовика Дитяти, Германія распалась на совершенно отдѣльныя земли, ничѣмъ не связанныя между собой въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Несомнѣнно, причиною распаденія Германіи были венгерскія нашествія. Замѣтимъ здѣсь, что подъ напоромъ венгровъ распалось и славянское племя, распалось такъ, что до сихъ поръ части его боязливо протягиваютъ другъ другу руку. Потому-то дви-

женіе венгровъ имѣетъ большое значеніе и для славянской исторіи, хотя оно до сихъ поръ не изслѣдовано ([1]).

Людовикъ VI Заморскій въ Галліи (936—954 г.).

Отголосокъ венгерскаго нашествія повліялъ также и на исторію Галліи. Это было въ послѣдніе годы правленія короля Рудольфа Бургундскаго (936 г.). Тамъ шла борьба партій короля и феодаловъ. Какъ недавно боролся представитель феодальной партіи Одонъ, такъ теперь борется сынъ Роберта, Гуго (прозванный Великимъ) съ сыномъ Карла Простоватаго, Людовикомъ IV Заморскимъ. Не смотря на то, что Людовикъ все время провелъ въ Англіи и совершенно не зналъ страны, Гуго, тотчасъ по смерти Рудольфа, вызвалъ его изъ Англіи и объявилъ королемъ (936). Гуго думалъ при этомъ управлять за него. Но онъ жестоко ошибся. Людовикъ былъ догадливъ. Онъ чрезъ годъ послѣ своего коронованія объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и дѣятельно принялся за дѣло, что доказала его удачная война съ норманнами. Людовикъ IV хотѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Нормандію, сдѣлавшись опекуномъ малолѣтняго норманскаго герцога. Но норманны не хотѣли подчиняться ему и успѣшно защищались. Гуго, обманутый въ своихъ надеждахъ относительно короля, явился во главѣ феодаловъ, но съ явнымъ намѣреніемъ, воспользовавшись ихъ содѣйствіемъ для своихъ цѣлей, укротить ихъ, лишь только получитъ корону. Норманны вѣроломно захватили Людовика и только тогда освободили его, когда онъ обѣщался выполнить ихъ требованія и дать въ заложники своего сына. Гуго освободилъ сына Людовика, но въ свою очередь самъ посадилъ юношу въ тюрьму, соглашаясь дать ему свободу, если отецъ исполнитъ его требованія. Король не успѣлъ ихъ исполнить.

Лотарь и Людовикъ V въ Галліи (954—987 г.).

Людовикъ умеръ спокойно, оставивъ престолъ сыну своему Лотарю (954—986). Чрезъ 2 года по смерти Людовика умеръ и Гуго, передавъ своимъ дѣтямъ тѣ же притязанія на престолъ. Изъ дѣтей Гуго особенно выдвинулся Гуго Капетъ, который вступилъ въ борьбу съ Лотаремъ. По смерти Лотаря въ 986 г. престолъ перешолъ къ сыну его Людовику V Лѣнивому, который черезъ годъ внезапно скончался, по подозрѣнію, отравленный своей женою. Но такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ,

([1]) Первая попытка въ этомъ направленіи, весьма удачная, сдѣлана К. Я. Гротомъ (Моравія и Мадьяры съ пол. IX до нач. X в. 1881).

то имъ кончилась династія Каролинговъ во Франціи. Понятно, что Гуго достигъ своего, потому что, хотя и былъ претендентъ на престолъ, дядя Людовика V—Карлъ Лотарингскій, но онъ былъ ненавидимъ, какъ вассалъ германскаго короля. Когда Карлъ сталъ предъявлять свои права, то былъ захваченъ и умеръ въ тюрьмѣ около 1000 г. Капетъ былъ провозглашенъ королемъ въ 987 году.

Каролинговъ болѣе не существовало.

8) Образованіе англо-саксонскаго королевства.

Съ X столѣтія начинаютъ складываться національные типы въ Европѣ на развалинахъ Римской имперіи. Слабость Каролинговъ, національныя идеи, чувство особности, послужили причиной этихъ стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ положили твердое основаніе раздѣленію политической жизни Запада. Британіи, можно сказать, принадлежитъ инипіатива въ вопросѣ возрожденія отдѣльныхъ національностей на Западѣ изъ развалинъ Римской имперіи. Извѣстно, что могущество Карла Великаго, даже его нравственный авторитетъ, не простирались на сосѣдній большой островъ. Тамъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (стр. 163), сложилось 7 самостоятельныхъ государствъ, извѣстныхъ подъ именемъ гептархіи; это были: Суссексъ, Вессексъ, Эссексъ, Кентъ, Остъ-Англія, Мерція и Нортумбрія, сѣверная часть которой граничила съ Шотландіею. Всѣ эти государства были основаны саксами и англами, народами, какъ извѣстно, германской расы и родственными между собою. Естественно, что вслѣдствіе отсутствія точныхъ границъ между названными государствами, происходили раздоры и войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Англію обуревали происки Римскаго духовенства, старавшагося вытѣснить остатки Восточной, Никейской вѣры, распространеніе которой въ Англіи приписывается отдаленной древности. Римская курія не могла допустить національнаго клира и поэтому она старалась пополнять этотъ персоналъ преимущественно людьми итальянскаго происхожденія. Но это, какъ мы уже замѣтили, (стр. 170), не удалось и національный принципъ восторжествовалъ въ Церкви.

Междоусобія отдѣльныхъ государствъ окончились въ 827 году, когда Эгбертъ соединилъ 4 южныхъ Саксонскихъ государства въ одно королевство Вессексъ и вмѣстѣ получилъ значительную долю вліянія и на сѣверныя области, т. е. на

Остъ-Англію, Мерцію и Нортумбрію. Во всякомъ случаѣ династіи въ трехъ сѣверныхъ государствахъ продолжали свое существованіе, между тѣмъ какъ въ южныхъ, саксонскихъ королевствахъ господство Эгберта соединило всѣ четыре области въ одну. Замѣчательно, что это стремленіе къ объединенію совпадаетъ съ раздѣленіемъ имперіи Карла Великаго. Но было одно внѣшнее сходство въ исторіи Англіи съ судьбой Галліи, одной изъ частей имперіи Карла Великаго. Соединенныя англійскія королевства начинаютъ страдать вмѣстѣ съ Галліей и вообще съ Западной Европой отъ нашествій норманновъ. Эти нашествія особенно усилились при преемникѣ Эгберта, Этельвульфѣ отъ 837 до 858 г. Теперь слово кунингъ можно замѣнить славянскимъ: король, ибо слово это образовалось среди славянъ, какъ бы подъ обаяніемъ имени Карла Великаго, этого величайшаго изъ „королей".

Набѣги норманновъ на Британію.

Норманны изъ Даніи и Норвегіи прибѣгали къ своей обыкновенной тактикѣ: они въ своихъ челнахъ входили въ устья рѣкъ, поднимались вверхъ по теченію и такимъ образомъ проникали внутрь страны. Тамъ они сходили съ своихъ судовъ, вытаскивали ихъ на сушу, разсыпались по странѣ, добывали припасъ и изъ моряковъ, какъ говорятъ ихъ древніе поэты, быстро дѣлались всадниками, отовсюду забирая лошадей. Если страна нравилась имъ, то они оставались въ ней, изгнавши туземцевъ, или прежнихъ насельцевъ. Изъ викинговъ, дѣлавшихъ нападенія на Англію, преданіе сохранило имя Рогнара Ладброга и его сыновей и то лишь потому, что викинги эти прославились несчастіями, что особенно любитъ народная поэзія. Вѣтеръ случайно прибилъ корабль его къ берегамъ Нортумбріи, гдѣ онъ долженъ былъ высадиться. Туземцы встрѣтили его враждебно, имѣя на своей сторонѣ огромный численный перевѣсъ. Всѣ норманны погибли, а ихъ король, слава котораго была такъ извѣстна, попалъ въ плѣнъ. Въ плѣну его ужасно мучили, посадивъ въ яму, наполненную змѣями и ехиднами. Преданіе приписываетъ ему знаменитую „пѣсню". Здѣсь воспѣваются съ энтузіазмомъ наслажденія войны, какъ ни въ одной эпической пѣснѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышится вопль страданія и призывъ къ мести ([1]).

([1]) Въ оригиналѣ имѣется 29 строфъ этой пѣсни (она находится цѣликомъ у Turner; History of Anglo-Saxons; II, 480). У Огюстена Тьерри она помѣщена въ извлеченіи (I т., 83 стр. русскаго изданія).

Она характеризуетъ весьма рельефно современность: „Мы рубились мечами въ тотъ день, какъ я сломилъ молодаго кудряваго вождя; съ утра онъ привыкъ ходить за дѣвицами, прохлаждаться со вдовами. Какая же участь храбраго, если не смерть впереди всѣхъ? Скучно жить тому, кто не раненъ въ бояхъ. Человѣкъ долженъ идти на человѣка, долженъ нападать, долженъ отражать. Мы рубились мечами въ 51 битвѣ. Есть ли на свѣтѣ король славнѣе меня? Смолоду я учился обагрять желѣзо кровью. Нечего плакать о моей смерти; пора мнѣ кончить. Богини, посланныя ко мнѣ Одиномъ, зовутъ меня... Я иду. Сяду впереди распивать пиво съ богами. Жизнь моя прошла; умираю, смѣясь“....

Можетъ быть пѣсня эта сочинена впослѣдствіи товарищами подвиговъ Рогнара, чтобы подвинуть друзей его къ мести. Какъ бы то ни было, но именно тогда завязалась дальнѣйшая драма, сильно повліявшая на историческія судьбы Англіи. Цѣль этого призывнаго голоса мести была достигнута Отозвались друзья Рогнара, а съ ними тысячи искателей приключеній. Это было на несчастье Англіи. Мстители за Рогнара прибыли на 8 корабляхъ и намѣревались пристать къ Нортумбріи, гдѣ погибъ ихъ герой, но по ошибкѣ кормчаго пристали южнѣе, къ Остъ-Англіи. Высадившись, они пошли на Іоркъ. Англичане были разбиты и тотъ самый кунингъ, который замучилъ Рогнара, попался въ плѣнъ; неслыханными мученіями онъ заплатилъ за страданія Рогнара. Затѣмъ норманны заняли почти всю Нортумбрію.

Къ нимъ вскорѣ прибыли другіе выходцы изъ Даніи и Норвегіи. Завоеватели дѣлали нападенія на Югъ и съ особеннымъ удовольствіемъ уничтожали церкви и монастыри. Между прочимъ они разбили саксовъ у Кройландскго аббатства; самое аббатство и церковь были разрушены; игуменъ и оставшіеся монахи перебиты. Та же участь постигла знаменитое Петербэргское аббатство, гдѣ былъ центръ политической агитаціи. Самыя зданія горѣли три дня. Можно судить поэтому, сколько рукописнаго матеріала и архивовъ было истреблено мстителями. Король Вестъ-Англіи попался въ плѣнъ и былъ замученъ, а страна его вмѣстѣ съ Нортумбріей стала королевствомъ датскихъ норманновъ и обѣтованной землей для другихъ выходцевъ. Такъ заплатилъ король за то равнодушіе, съ какимъ относился до этого времени къ гибели Нортумбріи. Туземное населеніе потеряло поземельную собственность и стало работать на иноземцевъ.

Одинаковая участь грозила Мерціи, а за ней и другимъ южнымъ саксонскимъ государствамъ, которыя, какъ уже извѣстно, были соединены подъ властью короля Вессекса. Послѣдній, около 870 года вступилъ въ борьбу съ датчанами и для этого заключилъ союзъ съ королемъ Мерціи, но исходъ этой борьбы былъ неудаченъ. Поборники саксонской независимости были побѣждены. Мерція была потеряна. Вся Англія послѣ этого раздѣлилась на двѣ отдѣльныя части—сѣверную датскую и южную саксонскую. Скоро король Вессекса, Этельредъ, погибъ въ отчаянной борьбѣ съ датчанами въ 871 году.

Король Альфредъ (871—901 г.).

Послѣ него осталось много сыновей, но народъ избралъ одного изъ нихъ, Альфреда, которому шелъ тогда 21-й годъ и который славился храбростью и ученостью. Послѣднее, столь рѣдкое свойство особенно поражаетъ въ то время общаго отупѣнія. За это качество современные хроникеры дали Альфреду титулъ Великаго. Конечно величіе Альфреда было условно. Альфредъ обогатилъ свой умъ познаніями и ученостью, благодаря путешествіямъ по Италіи и Испаніи, гдѣ онъ наблюдалъ процессъ столкновенія различныхъ національностей, гдѣ изучалъ ихъ обычаи и нравы. Онъ зналъ римскихъ классиковъ позднѣйшаго времени и отъ нихъ, вѣроятно, заимствовалъ уваженіе къ римской литературѣ. Онъ старался концентрировать верховную власть въ своихъ рукахъ. Онъ не щадилъ продажныхъ судей и наказывалъ неуваженіе къ законамъ. Можетъ быть эти черты справедливаго гнѣва и создали ему славу суроваго, холоднаго и эгоистическаго короля. Современные памятники говорятъ, что Альфредъ не любилъ народа и не былъ любимъ этимъ послѣднимъ, но по принципу онъ поступалъ справедливо. „Если требовалась, говоритъ одинъ лѣтописецъ X вѣка, помощь или защита Альфреда, то онъ не удостоивалъ пріема просителей, не выслушивалъ ихъ жалобъ, не снисходилъ къ слабымъ и считалъ ихъ за ничто".

Новые историки, напр. Огюстенъ Тьерри, Тёрнеръ и др., принимаютъ это заявленіе на вѣру, придавая историческій смыслъ словамъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Но какъ бы то ни было, противъ Альфреда было возбуждено общественное мнѣніе страны. Когда датчане вторгнулись въ его землю, то подданные были равнодушны; они не думали защищать короля, а съ нимъ и родину. Его любили

и понимали только немногіе, но это не были люди меча и брони. Они, говорятъ, плакали, слушая его трогательныя сочиненія, но это не были герои войны. Напрасно герольды, посланные Альфредомъ, призывали къ военной службѣ. Явилось такъ мало, что Альфредъ остался почти безъ войска. Онъ понялъ, когда уже было поздно, причину своей непопулярности; онъ понялъ что былъ слишкомъ гордъ, слишкомъ черствъ сердцемъ. Норманны наступали, опасность съ каждымъ днемъ увеличивалась. Тогда Альфредъ въ свою очередь бросилъ войско и народъ, будучи оставленъ ими. Онъ скрывался то въ лѣсахъ, то въ хижинахъ поселянъ подъ чужимъ именемъ. Онъ видѣлъ, какъ хозяйничали норманны, но ничего не могъ сдѣлать.

Жители побережья садились на суда и уплывали, а остальные должны были покориться, стали пахать для побѣдителей и платить имъ подати. Они, конечно, не расположены были спокойно сносить чужеземное иго. Когда они увидѣли, что Альфредъ нашелся, что онъ собралъ отрядъ и ведетъ партизанскую войну съ побѣдителями, то мало по малу поднялись на помощь ему. Партизанскій отрядъ бывшаго короля грабилъ норманновъ, обогатившихся добычей, а за неимѣніемъ таковыхъ не щадилъ и своихъ соотечественниковъ, саксовъ, покорившихся норманнамъ. Альфредъ, недавній король, сдѣлался теперь отчаяннымъ разбойникомъ и ничѣмъ не стѣснялся для защиты своего народа. Такія личности всегда бываютъ излюблены народомъ. Никто не могъ узнать прежняго ученаго въ этомъ жестокомъ, безпощадномъ атаманѣ. Полгода Альфредъ скрывалъ свое имя и происхожденіе; онъ только тогда назвалъ себя, когда почувствовалъ, что уже достаточно силенъ, чтобы напасть на вражескій станъ. Онъ разослалъ во всѣ стороны ловкихъ гонцовъ, чтобы созвать защитниковъ отечества, которые и стали быстро собираться. Стеченіе это произошло незамѣтно для датчанъ.

На датчанъ напали въ расплохъ при Этанбурѣ, у такъ называемаго „большаго лѣса“ въ ЮЗ Англіи. Вслѣдствіе внезапности нападенія и неподготовленности, норманны были разбиты. Въ 876 году кунингъ ихъ Годрунъ обѣщалъ креститься и удалиться на сѣверъ, въ Остъ-Англію. Онъ съ своими сподвижниками поклялся на браслетѣ, который носилъ на рукѣ, что онъ приметъ христіанство. Альфредъ былъ его воспріемникомъ.

После этого Англія была раздѣлена мирнымъ путемъ между Альфредомъ и Годрунoмъ. Граница шла по Темзѣ, а потомъ поднималась на сѣверъ и проходила съ ЮВ на СЗ по направленію древней британо-римской или друидо-римской стѣны, остатки которой существуютъ до настоящаго времени. Но война не прекратилась. Альфредъ тѣмъ временемъ сдѣлался очень популярнымъ и всѣ четыре прежнія области признали его королемъ. Выгоднымъ результатомъ войны для Англіи было то, что границы, раздѣлявшія четыре названныхъ государства, были смыты подъ ударами датчанъ. Тогда можно было говорить только о сѣверной и южной Англіи. Теперь пріобрѣтаетъ значеніе новый передѣлъ земли, сдѣланный Альфредомъ. Вмѣсто прежнихъ графствъ, надѣланныхъ саксами, выступаютъ такъ называемыя ширы, т. е. дѣленіе по сотнямъ семействъ, дѣленіе часто территоріальное. Ширы всѣ были равны между собою. Эта поземельная система не была изобрѣтеніемъ Альфреда; онъ нашелъ готовый образецъ ея въ прежнихъ формахъ землевладѣнія саксовъ, когда они не осѣлись еще на римскихъ земляхъ. Альфреду потребовалось очень много времени, чтобы залѣчить раны, нанесенныя странѣ владычествомъ чужеземцевъ. Между тѣмъ съ сѣвера снова стали грозить враги. Лишь только король Гастингсъ, который, какъ говоритъ преданіе, избралъ своимъ жилищемъ Океанъ, посѣтилъ берега Нортумбріи, какъ его пригласили датчане на помощь противъ Альфреда. Гастингсъ, высадивъ своихъ пиратовъ, пошелъ на Вессексъ, но былъ разбитъ Альфредомъ, который уже привыкъ къ войнѣ и которому помогалъ сынъ его Эдуардъ. Разбитый Гастингсъ съ норманнами пошелъ искать счастья въ Галліи, гдѣ не разъ на берегахъ Сены раздавался звукъ его знаменитаго рога.

Подъ конецъ своей жизни Альфредъ пріобрѣлъ громадную популярность; то была полная противоположность прежней антипатіи своихъ подданныхъ. Онъ первый, послѣ Карла Великаго, содѣйствовалъ успѣху народнаго образованія и можно сказать, упрочилъ его. Рядомъ съ свѣтскими учрежденіями онъ сталъ заводить монастыри и школы. Онъ понялъ, что наука существенно необходима для пользы народа, который долженъ пользоваться ея плодами. Англійскій народъ до сихъ поръ видитъ въ немъ справедливаго государя, который съ твердостію своей расы, въ тяжелую минуту для народа съумѣлъ собрать вокругъ себя поборниковъ національности.

дружинниковъ и соотечественниковъ. Онъ выселилъ ихъ изъ страны, оставивъ только дворцовую стражу. Но насилія тѣхъ немногихъ датчанъ, которые остались при Канутѣ, раздражали народъ. Канутъ самъ содѣйствовалъ уменьшенію числа своихъ защитниковъ. Въ припадкѣ благочестія Канутъ поспѣшилъ въ Римъ въ одеждѣ пилигрима. Онъ поклонился гробницѣ Апостола и подъ вліяніемъ религіознаго настроенія обѣщалъ въ посланіи къ своему народу изъ Рима устроить свою жизнь по правдѣ и управлять народомъ правосудно. Вотъ его слова, записанныя въ лѣтописи Вигорна. „Если въ увлеченіи молодости я нарушилъ чѣмъ нибудь справедливость; то теперь, съ Божіей помощью, думаю по возможности всё исправить, поэтому прошу всѣхъ начальниковъ не дѣлать несправедливости ни въ угоду сильнымъ, ни изъ страха ко мнѣ“.

Гардеканутъ (1035—40 г.). Канутъ, умирая въ 1035 г., завѣщалъ престолъ сыну отъ Эммы, Гардекануту (Кануту Смѣлому). Но дружина и земли на сѣверъ отъ Темзы признали не его, а старшаго— Гаральда. Впрочемъ, Гаральдъ менѣе младшаго брата удовлетворялъ національному чувству англичанъ, туземцевъ. Въ немъ было много языческаго; онъ открыто презиралъ христіанство. Это былъ, можно сказать, кандидатъ датской языческой партіи. Но тѣмъ не менѣе, за долгимъ отсутствіемъ Канута, Гаральдъ былъ признанъ вездѣ. Онъ устранилъ слабую попытку, сдѣланную изъ за моря къ освобожденію Англіи отъ датчанъ. Эту попытку сдѣлалъ Альфредъ, но онъ былъ взятъ въ плѣнъ, ослѣпленъ и погибъ въ истязаніяхъ. По смерти Гаральда, Гардеканутъ остался безъ соперника. Но его жестокости только усилили народное возстаніе. Англичане настрадались отъ датскихъ мученій. Каждый датчанинъ изъ свиты короля могъ властвовать, гдѣ угодно, и брать, что угодно. Всѣ эти годы были годами скорби и насилія. Законы и обѣщанія Канута не дѣйствовали, не прилагались на практикѣ. Все это вызывало возстанія. Англо-саксонцу Годвину, бывшему пастуху, и его сыну Гаральду принадлежитъ слава освобожденія родины отъ датчанъ въ 1041 г. Въ этомъ году послѣдніе датчане бѣжали, сѣли на суда и уплыли на родину. Тогда освобожденная страна пригласила изъ французской Нормандіи втораго сына Этельреда— Эдуара III, прозваннаго Исповѣдникомъ, который женился на дочери Годвина. Его окружали норманны. Съ нимъ въ Анг-

лію былъ внесенъ нормано-французскій элементъ въ такой степени, что извнѣ Англія перестала походить на прежнюю.

9) Византійская имперія отъ VIII до X вѣка.

Изученіе Византійской исторіи до послѣдняго времени находилось въ неблагопріятныхъ условіяхъ и отличалось крайне тенденціознымъ характеромъ. Восточная Римская Имперія, эта „Bas-Empire“ французовъ, внушала постоянное нерасположеніе къ себѣ у западныхъ ученыхъ, которые долго не хотѣли оцѣнить заслугъ, оказанныхъ ею цивилизаціи вообще, а особенно гражданственности и водворенію порядка среди восточно-европейскихъ народовъ. Послѣ раздѣленія единой имперіи, Царьградъ на Востокѣ имѣлъ такую же великую историческую миссію, какъ Римъ на Западѣ и осуществилъ ее съ не меньшимъ успѣхомъ. Въ IV вѣкѣ готы, въ V гунны, въ VI славяне, въ VII авары и персы, царь которыхъ Хозрой не хотѣлъ прекратить войны до тѣхъ поръ, пока христіане не откажутся отъ Распятаго и не станутъ покланяться солнцу, въ VIII арабы, въ IX булгары, русы, половцы, печенѣги, въ X венгры, въ XI турки,—всѣ эти болѣе или менѣе хищническіе народы имѣли инстиктивное стремленіе къ Царьграду, угрожая разрушеніемъ той цивилизаціи, которая была унаслѣдована отъ древности и облагорожена христіанствомъ. Византія не только отстояла міръ отъ варварства цѣною страшныхъ жертвъ и примѣненіемъ политическаго искусства,—но сдѣлала большее. Подобно Риму, Царьградъ усыновилъ эти варварскіе народы цивилизаціи, но совершилъ это съ бо́льшимъ самопожертвованіемъ, благородно отказываясь отъ политическаго и церковно-іерархическаго преобладанія надъ молодыми государствами, подчинившимися гражданственности. Въ дѣлѣ распространенія христіанства Византія сравнительно съ Римомъ имѣла двѣ счастливыя особенности. Она возвѣщала ученіе Спасителя неофитамъ на ихъ родныхъ языкахъ, содѣйствуя тѣмъ національной и политической самостоятельности обращенныхъ народовъ и никогда не прибѣгала къ насилію при проповѣди христіанства. Завѣщая исторіи новыя христіанскія государства, преимущественно славянскія, Византія въ то же время выносила на своихъ плечахъ всю тяжесть

энергичнаго напора мусульманъ, долго представляя имъ неодолимую преграду. Арабы, задержанные ею въ высшій моментъ ихъ могущества, были принуждены пробираться въ Европу длиннымъ кружнымъ путемъ по берегу Африки, отчего ихъ напоръ потерялъ свою интенсивность и опасность. Турки, разгромленные греческимъ войскомъ подъ Никеею, должны были долго собираться съ силами, чтобы перешагнуть на Балканскій полуостровъ, гдѣ цѣлое столѣтіе употребили на сокрушеніе Царьграда, давъ возможность западной Европѣ приготовиться къ отпору, который не могъ быть успѣшенъ двумя вѣками ранѣе.

Такова была тысячелѣтняя служба Византіи исторіи человѣчества.

Внутренняя жизнь Византіи сложилась своеобразно. На Западѣ духовенство стояло надъ государствомъ: здѣсь Церковь подчинилась государству, такъ что само государство жило церковными интересами. Это положило отпечатокъ на духовную исторію Восточной Имперіи. Государственная власть подчинила себѣ Церковь до того, что издавала каноническіе законы въ руководство патріархамъ. Императоры были только защитниками и покровителями Церкви, но они властно вмѣшивались даже во внутренній строй ея и архіереи, получивъ епархію отъ двора, становились въ зависимость отъ придворныхъ. За императорами и народъ вошелъ въ церковную сферу. Въ театрахъ и циркахъ занимались спорами о догматикѣ и часто изъ за религіозныхъ вопросовъ партіи вступали въ кровавую вражду: инаго рода политической жизни не было простора. Византія хранила у себя лучшія сокровища классической мудрости, но наука приняла въ ней условный характеръ и только историческое знаніе, давшее византійской литературѣ прекрасные образцы, развивалось рядомъ съ богословіемъ, хотя строго научное направленіе богословія прекратилось послѣ Максима исповѣдника и Іоанна Дамаскина, который, въ половинѣ VIII вѣка, сдѣлалъ для Восточной Церкви то, что послѣ 500 лѣтъ спустя, пытался совершить Ѳома Аквинскій для Церкви Римской. На духовную и вообще внутреннюю жизнь вредно вліяло административное вмѣшательство и давленіе: оно отчасти сократило срокъ существованія этой многострадальной имперіи, вынесшей такія нечеловѣческія испытанія. Было въ высшей степени ненормальнымъ явленіемъ, что правительственная власть могла раз-

рѣшить обязательнымъ образомъ извѣстный догматъ или обрядъ; она же должна была поддерживать его, прибѣгая часто къ физической силѣ ([1]).

Поклоненіе иконамъ.

Таковъ, напр., былъ вопросъ объ иконахъ, которыя явились впервые въ началѣ IV вѣка въ Испаніи, а на Востокѣ стали общепринятыми лишь съ V вѣка. Прежнія эмблематическія изображенія Христа, напр. въ видѣ агнца, стали замѣняться постепенно Его лицевыми изображеніями, причемъ художники руководились извѣстнымъ типомъ для Востока, типомъ, который существовалъ лишь въ преданіи, а послѣднее исходило изъ того, что изъ рода въ родъ передавалось изображеніе статуи, которая будто была поставлена нѣкогда въ Кесаріи въ честь Іисуса Христа кровоточивой женой; послѣ стали указывать на иконы, написанныя св. Евангелистомъ Лукою и на оттиски Никодима. Со времени несторіанскихъ

([1]) Кромѣ классическаго сочиненія Гиббона (Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи), которое никогда не потеряетъ своего значенія, по анализу источниковъ и массѣ собранныхъ фактовъ, кромѣ устарѣлаго сочиненія Le-Beau (H. du Bas-Empire, en commençant a Constantin le Grand, cont. par Ameilhon. P. 1757—1811, 27 vls), главными пособіями для Византійской исторіи служатъ слѣдующіе труды: Fallmerayer, G. der Halbinsel Morea während des Milletalters (St. und Tüb. 1830), доказавшій ославяненіе Мореи; Финлей, Греція подъ римскимъ владычествомъ до паденія Римской имперіи на Востокѣ по 717 г. (р. пер. С. Никитенко, М. 1877); Finlay, H. of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453, 2 vls. Ed. and L. 1854. Krause, Die Byzantiner des Mittelalters (H. 1869); Gfrörer, Byzantinische Geschichten (Gr. 1873); Poujoulat, H. de Constantinople comprenant le Bas-Empirè etc. (P. 2 vls, 1853); Bikelas, Die Griechen des Mittelalters und ihr Einfluss auf die europäische Kultur (съ греч. 1878); Gelzer. Die politische und kirchliche Stellung von Bysanz (L. 1878). Сверхъ того для общаго обозрѣнія послѣднія главы въ трудахъ Hopf и Hertzberg по исторіи Греціи. Въ новѣйшей французской литературѣ выдаются по византологіи труды: Rambaud (L' Empire grec au X-ème siècle. Const. Porphyrogénete), Hasquet (De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance, P. 1879), Drapeyron объ императорѣ Гераклiи. Въ русской литературѣ въ послѣднее время сдѣлано кое-что самостоятельное по византологіи, благодаря ученымъ трудамъ Зернина (Жизнь и литературные труды имп. Константина Багрянороднаго), особенно В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго и др. Критическое обозрѣніе источниковъ сдѣлали: Hirsch (Byzantinische Studien L. 1876) и Muralto (Essai de chronographie Byzantine, Pet. 1855). Въ приложеніи мы дѣлаемъ анализъ нѣкоторыхъ памятниковъ. Теперь отмѣтимъ только сборники лѣтописцевъ. Въ XVII вѣкѣ такой сборникъ начали издавать въ Парижѣ, ограничиваясь подлинниками—Scriptores historiae Byzantinae (P. 1645—1711, 38 f.). Въ 1828 г. знаменитый Нибуръ сталъ издавать въ Боннѣ источники съ латинскимъ переводомъ (1828 — 55, 48 vls.); это изданіе стало классическимъ.

помощь, готовъ былъ уничтожить иконопочитаніе, сдѣлавшееся ему еще болѣе ненавистнымъ вслѣдствіе энергичнаго сопротивленія. Но Левъ долженъ былъ убѣдиться, что дѣло не такъ просто и что, напримѣръ для итальянскихъ византійскихъ владѣній этотъ вопросъ былъ существенно важнымъ. Въ Италіи папы и все населеніе сильно противилось ненавистному императору, а нѣкоторыя изъ итальянскихъ областей совершенно отпали вслѣдствіе этого отъ имперіи и на этотъ разъ навсегда. Было замѣчено суевѣрнымъ народомъ, что съ того времени какъ императоръ началъ борьбу противъ иконопочитанія, несчастія обрушились на государство. Арабы, а вмѣстѣ съ тѣмъ голодъ и язва появились въ имперіи. Императоръ, дотолѣ любимый, потерялъ подъ конецъ жизни всякую популярность даже въ своей иконоборческой партіи.

Но борьба съ иконами была какъ бы историческимъ призваніемъ исаврійской династіи.

Императоръ Константинъ IV (741-775г). Константинъ IV Копронимъ ([1]), подобно отцу своему, началъ преслѣдовать иконопочитаніе, только съ большею настойчивостью и жестокостью. Шлоссеръ въ своей монографіи, спеціально посвященной иконоборству, замѣтилъ, что всѣ поступки Константина Копронима по самому характеру своему отличались насиліемъ, а потому намѣренія его не были поняты современниками, съ предубѣжденіемъ смотрѣвшими на всѣ его дѣйствія. Нельзя отрицать его энергіи, административныхъ способностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать на то, что вся жизнь его прошла въ намѣреніи оскорбить по возможности господствовавшій взглядъ на иконы, опозоривъ все то, что было дорого для народа. Отсюда понятна ненависть къ нему духовенства, которое говорило, что императоръ еще въ дѣтствѣ осквернилъ святыню, намекая на то, что онъ во время крещенія оставилъ не совсѣмъ чистые слѣды на купели, въ которой его крестили. Дѣятельность Константина IV прошла въ борьбѣ съ болгарами. Извѣстно, что первые болгары на Балканскомъ полуостровѣ были азіатскаго происхожденія, но впослѣдствіи смѣшались съ славянами несравненно болѣе многочисленными, среди которыхъ азіатскіе кочевники растворились, передавъ однако славянамъ свое имя. Въ VII столѣтіи, основавъ въ нынѣшней Болгаріи независимое государство, они стали постоянно вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла и смуты Имперіи, служа за деньги то той,

([1]) Гноеименный, иногда наз. лошадникомъ, *καϱαλλινός*.

то другой партіи. Своимъ вмѣшательствомъ и набѣгами они приносили много заботъ и несчастій для Византіи, которая не рѣдко трепетала отъ нихъ, такъ что императоръ Анастасій I построилъ большую стѣну близъ столицы. Съ этого времени болгары начали брать ежегодную дань съ императоровъ. Константинъ IV, отказавшись исполнить этотъ унизительный обычай, началъ съ ними войну, въ которой войско его отличалось храбростью и жестокостью. Чтобы навсегда воспрепятствовать нападеніямъ болгаръ, Константинъ устроилъ на границѣ нѣсколько укрѣпленій. Въ вторичномъ походѣ противъ болгаръ императоръ захворалъ и умеръ.

Но другое слѣдуетъ сказать о его внутренней дѣятельности. На Константинопольскомъ соборѣ въ 754 году единомышленное духовенство, по желанію императора, объявило иконы изобрѣтеніемъ дьявола, а поклоненіе онымъ признало суевѣріемъ. Чтущіе иконы приравнены къ послѣдователямъ Арія, Несторія и Евтихія. Въ одномъ изъ постановленій и монашество было признано заблужденіемъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ членовъ собора было много лицъ бѣлаго духовенства. Рѣшенія собора, объявленныя сперва въ столицѣ, а потомъ въ провинціяхъ, повели къ безпорядкамъ. Икононенавистники, увлеченные дикимъ фанатизмомъ, бросились истреблять иконы въ церквахъ; они тщательно уничтожали ихъ слѣды, нарочно оставляя изображеніе растеній, звѣрей и всякіе орнаменты. Монаховъ били, монахинь безчестили въ монастыряхъ. Тогда много иноковъ изъ Малой Азіи бѣжало на Кипръ, Критъ, въ Крымъ или переселялось въ Южную Италію, въ Апулію и Калабрію: въ эти страны тогда перешла византійская иконопись, сохранившаяся донынѣ.

Конечно, чѣмъ энергичнѣе и чѣмъ возмутительнѣе дѣйствовало Исаврійское правительство, тѣмъ болѣе предметы гоненія пріобрѣтали цѣнный смыслъ для народа. Образа, мощи, ладанки, все это какъ бы страдало, вмѣстѣ съ почитателями святыни. Императоръ употреблялъ всевозможное, чтобы нанести оскорбленіе лицамъ, расположеннымъ къ иконопочитанію. Иконы массами стали складываться въ костры, ихъ протыкали копьями, плевали на нихъ и мучили тѣхъ, которые поклонялись иконамъ. Тогда инокъ Андрей, весьма уважаемый въ Константинополѣ, вышелъ изъ своей кельи, чтобы обличить всенародно императора въ нечестіи. Онъ былъ присужденъ къ сожженію и погибъ мученическою смертью.

Но правительству пришлось считаться съ оппозиціей. Въ теченіи столѣтія выросло 4 поколѣнія, которыя, привыкнувъ къ презрѣнію иконъ, стали избѣгать ихъ. Новое направленіе должно было также употребить силу. Θеодора не обладала энергіей и талантами Ирины, а теперь они были необходимы.

Раздѣленіе Церквей. Результатъ иконоборства заключался въ раздѣленіи Церквей. Иконоборство поселило вражду между восточной и западной Церковью. Когда противъ образовъ боролись на Востокѣ, иконопочитаніе развивалось на Западѣ. Въ этотъ долгій періодъ Римская церковь создала славную іерархію, увѣнчала неограниченной властью своего главу, папу. Въ 838 году папа Григорій IV провозгласилъ независимость духовной власти отъ свѣтской, а менѣе, чѣмъ чрезъ 40 лѣтъ, Карлъ Лысый призналъ, что императорская корона передается не по праву наслѣдства, а по волѣ папы, который въ 877 году получилъ титулъ *Papa Universalis*. Римская курія стала стремиться къ всемірному господству. Папы стали властительно относиться къ Восточнымъ патріархамъ. Патріархи сами подали поводъ къ этому: они не разъ обращались въ Римъ за разъясненіями и совѣтами, признавая такимъ образомъ верховный авторитетъ куріи, отъ котораго впослѣдствіи сами отвернулись. Въ продолженіи 120 лѣтъ папы привыкли приказывать церквамъ Востока. Въ вопросѣ объ иконахъ папа Адріанъ I согласился съ VII вселенскимъ соборомъ. Впрочемъ, на западныхъ соборахъ: Франкфуртскомъ въ 794 году и Парижскомъ въ 825 году, было запрещено боготвореніе иконъ (adoratio, servitus); оно было названо суевѣріемъ (superstitio). Папы считали себя въ правѣ требовать чуть не покорности со стороны Восточной Церкви.

Греческая Церковь среди славянства. Новой причиной антагонизма обѣихъ Церквей явилось распространеніе христіанства между славянами. Благодаря дѣятельности Константина и Меθодія, моравы, хорваты, болгары приняли христіанство. Въ 845 году Меθодій пробовалъ распространить христіанство между хозарами, но безъ успѣха. Распространеніе христіанства среди болгаръ относится къ 863 году. Съ водвореніемъ христіанства въ Болгаріи Византійская имперія могла отдохнуть. При болѣе широкой политикѣ Византія могла бы стать даже въ дружескія отношенія къ болгарамъ. Это пріобрѣтеніе было непріятно Риму.

Обращеніе болгаръ безъ участія Римскихъ миссіонеровъ усиливало Восточную Церковь.

Патріархъ Фотій.

Въ первое время итальянцы искусно успѣли отвлечь болгаръ отъ грековъ, которые не имѣли обаянія среди новообращенныхъ, но подъ конецъ греческое вліяніе одолѣло. Это обстоятельство было главной причиной раздѣленія Церквей. Нуженъ былъ предлогъ — и онъ нашелся. Патріархъ Игнатій хотѣлъ дать не имѣвшему уваженія къ Церкви императору Михаилу урокъ: онъ не допустилъ до причастія брата Θеодоры, дядю императора, правителя государства Вардаса носившаго титулъ Кесаря. Патріархъ публично обличалъ „Кесаря“ въ сожительствѣ со снохой. Вардасъ тутъ же въ церкви обѣщалъ заколоть патріарха; тотъ посовѣтовалъ ему самому приготовиться къ смерти. Вардасъ жаловался императору. Михаилъ созвалъ соборъ, на которомъ Игнатій былъ низложенъ. Вмѣсто его былъ назначенъ новый патріархъ изъ міранъ, Фотій, человѣкъ очень ученый, но уклончивый и готовый въ случаѣ выгоды унижаться. Фотій все время состоялъ въ гражданской службѣ; онъ не имѣлъ ничего общаго съ Церковью. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ наставникъ дѣтей императора Θеофила. Онъ училъ ихъ риторикѣ, философіи, астрономіи, музыкѣ. Свободный доступъ во дворецъ сблизилъ его съ придворнымъ вліятельнымъ кружкомъ. Онъ понравился императрицѣ Θеодорѣ, которая отдала ему руку своей сестры. Съ тѣхъ поръ его карьера, говоря нынѣшнимъ языкомъ, упрочилась. Онъ сталъ первымъ секретаремъ въ имперіи (πρωτοασηκρῆτις). Ему было 60 лѣтъ, какъ императоръ Михаилъ предложилъ ему санъ патріарха. Онъ былъ вдовъ. Въ нѣсколько дней его посвятили въ діаконы, священники и хиротонисовали во епископы. Не всё духовенство признало Фотія; въ нѣкоторыхъ церквахъ поминали Игнатія. Фотій почувствовалъ потребность заручиться признаніемъ своего достоинства со стороны папы. Николай I въ 858 года на Римскомъ соборѣ отказалъ Фотію въ признаніи и грозилъ проклятіемъ, если онъ не откажется отъ сана, дарованнаго свѣтской властью. Съ этого времени начинается борьба. Литература спора, равно какъ и біографія Фотія, относится къ церковной исторіи (¹). Но намъ необхо-

(¹) Лучшая біографія Фотія — Hergenröther, Photius, Patriarch von Const. 1867. См. также Лебедева, Очерки внутр. ист. Византійско-Восточной Церкви въ IX, X, XI в. М. 1878.

димо отмѣтить обстоятельства, обусловившія разрывъ между Западной и Восточной Церквами. Вина Фотія въ томъ, что онъ съ излишней почтительностью обращаясь къ Римскому первосвященнику и сообщая ему о своемъ избраніи, тѣмъ самымъ какъ бы признавалъ если не главенство, то преобладаніе папы надъ прочими патріархами. Онъ самъ неосторожно далъ оружіе въ руки соперника и тѣмъ какъ бы подчинялъ Восточную Церковь. Онъ остановился, когда уже было поздно. До насъ дошли три окружныхъ посланія папы Николая и отвѣты на нихъ Фотія. Препирались два одинаково ловкихъ дипломата, но болѣе діалектическаго искусства и тонкости проявилъ римскій дѣятель. Папа, въ окружномъ посланіи къ восточнымъ архіереямъ, отрицая справедливость постановленій Константинопольскаго собора 861 года, утвердившаго назначеніе Фотія, заявляетъ что верховный судъ въ дѣлахъ такого рода принадлежитъ римскому епископу, котораго судитъ только Іисусъ Христосъ. Фотія, папа называетъ не патріархомъ, а благоразумнѣйшимъ мужемъ (... prudentissimo viro), и внушаетъ ему что всѣ Церкви обязаны послушаніемъ Римской. На вопросъ Фотія о доказательствѣ таковыхъ правъ папы и объ юридическихъ источникахъ, на кои Римъ опирается въ столь важномъ дѣлѣ, Николай I, называя Фотія хищникомъ, развязно отвѣчаетъ.—„Если ты и въ правду не вѣдаешь и не имѣешь у себя этихъ декретовъ, то этимъ обнаруживаешь свое нерадѣніе; а если знаешь и не соблюдаешь, то заслуживаешь наказанія за преступное ослушаніе“. Очевидно, римскій противникъ бралъ смѣлостью; онъ искусно воспользовался тѣми распрями, которыя впослѣдствіи возникли между патріархомъ и дворомъ.

Императоръ Михаилъ не въ состояніи былъ управлять имперіей; сначала имъ управлялъ дядя Вардасъ, но надоѣлъ императору и былъ убитъ. Мѣсто его заступилъ Василій македонянинъ по происхожденію, вышедшій изъ простаго народа. Онъ былъ провозглашенъ Кесаремъ. Преданный исключительно удовольствіямъ, императоръ опасался рядомъ съ собой всякаго энергическаго человѣка, онъ сталъ подозрительно относиться къ Василію, лишь только тотъ возвысился.

Всѣ эти дрязги происходили въ то время, какъ имперіи со всѣхъ сторонъ грозили опасности. Къ арабамъ, утвердившимся въ Рагузѣ, присоединились еще новые враги изъ Скиѳіи. Подъ 865 году въ лѣтописи записано о нашествіи пле-

мени Русовъ изъ за Днѣпра. Это была или славянская или варяжская дружина. Буря спасла на этотъ разъ Византію отъ угрожавшей опасности. Фотій между тѣмъ рѣшился нанести ударъ папѣ. Въ маѣ 861 г. владыки Восточной Церкви на соборѣ въ Константинополѣ единогласно предали Николая I анаѳемѣ, о чемъ постановили извѣстить его. Въ это самое время отношенія Михаила къ Василію сдѣлались натянуты; послѣдній организовалъ заговоръ, жертвой котораго палъ Михаилъ. Василій вступилъ на престолъ въ 867 году и открылъ новую династію—Македонскую.

Говоря о Македонской династіи, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что ея первый представитель былъ однимъ изъ лучшихъ Византійскихъ императоровъ. Вѣнценосный историкъ Константинъ, въ его біографіи и въ „Церемоніалѣ Византійскаго двора“, приписываетъ ему широкія намѣренія. Онъ заботился объ экономическомъ развитіи имперіи, первый затронулъ вопросъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса, мечталъ возродить занятія римскимъ правомъ и развить дѣйствующее законодательство,—но это были одни желанія, неосуществившіяся на практикѣ. Василій Македонянинъ смѣстилъ Фотія, возстановилъ Игнатія, но по смерти послѣдняго, пользовавшагося общимъ уваженіемъ за свою жизнь и характеръ, онъ долженъ былъ опять обратиться къ тому же Фотію. **Македонская династія.**

Его сынъ Левъ VI, прозванный Мудрымъ за ученость и законодательную дѣятельность, началъ свое правленіе насиліемъ противъ Фотія. Патріархъ былъ низложенъ и заключенъ въ монастырь. Патріарха осудили тѣ самые духовные, которые ползали предъ нимъ, когда онъ былъ въ высокомъ патріаршемъ санѣ. Трудно представить себѣ ошибку болѣе серьезную и болѣе богатую послѣдствіями. Это значило играть въ руку Риму. Впрочемъ, много своихъ ошибокъ Левъ VI искупилъ заботами объ устройствѣ государства. Это, можно сказать, былъ послѣдній Византійскій императоръ, который былъ одушевленъ высшими цѣлями. Онъ издалъ сборникъ дѣйствующихъ законовъ (Базилика). Тогда еще разъ улыбнулось счастье Византіи. Венеція и часть Апуліи признали надъ собой греческую власть. Въ видахъ утвержденія византійскаго вліянія въ Апуліи, Левъ VI отправилъ туда греческихъ колонистовъ. Можетъ быть между **Левъ VI (886—911 г.).**

ними находились и славяне, потому что въ южной Италіи были небольшія славянскія поселенія и славянскій говоръ тамъ слышенъ до сихъ поръ. Если Левъ VI не успѣлъ поладить съ болгарскимъ царемъ Симеономъ, то это была его собственная вина. Симеонъ поднялъ войну противъ Византіи изъ за экономическихъ соображеній. Тогда у императора продолжались враждебныя отношенія съ патріархомъ. Придерживаясь каноническихъ основаній, патріархъ не давалъ Льву разрѣшенія на четвертый бракъ. Къ стыду имперіи, Левъ обратился за разрѣшеніемъ къ папѣ и въ тоже время низложилъ неуступчиваго патріарха. Папа, конечно, не заставилъ просить себя вторично. Такимъ образомъ, благодаря насильственному вторженію свѣтской власти въ дѣла Церкви, Византія сама просилась подъ церковное главенство Рима.

Александръ (911—912 г.) и Константинъ VI Багрянородный (911—959 г.).

Братъ Льва, Александръ, погрязшій въ оргіяхъ и распутствѣ, правилъ одинъ годъ, а вступившій съ нимъ одновременно племянникъ его, Константинъ VI Багрянородный, считался только номинально Византійскимъ императоромъ; въ сущности власть принадлежала сперва его матери Зоѣ и тестю Роману а потомъ его женѣ, императрицѣ Еленѣ. Грязныя сцены, разыгрывавшіяся при Θеодорѣ, женѣ Романа, смѣнились на весьма короткое время блестящими страницами времени Іоанна Цимисхія, побѣдившаго нашего Святослава. Начиная съ этого времени, вся дальнѣйшая исторія Византіи заключается въ борьбѣ съ болгарами, въ предсмертныхъ усиліяхъ защититься отъ арабовъ и во внутреннихъ раздорахъ. Въ этой утомительной исторіи можно отмѣтить только два факта—прекращеніе сношеній между Восточною Церковью и Западной, которыя раздѣлились окончательно въ 1054 году и вступленіе на престолъ новой династіи Комненовъ въ 1057 г.

10) Славяне и ихъ первыя попытки къ политическому объединенію.

Исторія славянскихъ народовъ въ средніе вѣка принадлежитъ къ наименѣе разработаннымъ частямъ науки. Между тѣмъ это весьма благодарная нива, особенно для русскихъ ученыхъ. Долго русская историческая наука не могла освоиться съ своей непосредственной задачей. Слѣдуя примѣру нѣмецкихъ ученыхъ, съ рабскимъ подражаніемъ, русскіе изслѣдователи привыкли съ какой-то ироніею относиться къ разнообразнымъ и

сложнымъ фактамъ славянской исторіи. Это было несравненно легче самостоятельной разработки. У нѣмцевъ было понятно національное предубѣжденіе противъ славянъ; ихъ исторіографія относилась съ нерасположеніемъ къ славянамъ. На многихъ жилищахъ славянскихъ нѣмцы сидѣли, какъ побѣдители; они не хотѣли допускать, рядомъ съ претензіями расъ германской и романской, другаго направленія самостоятельнаго, особнаго, но долго незамѣтнаго и недостаточно авторитетнаго. Только полное политическое и національное возрожденіе славянскихъ народовъ можетъ породить славянскую исторію, какъ науку, можетъ создать славянское самопознаніе, а слѣдовательно и бытописаніе. Чешскій народъ далъ первыхъ ученыхъ славянскихъ историковъ, какъ Шафарикъ. Это произошло потому, что чехи первые изъ другихъ славянскихъ народовъ сознали свою національность. Жизнь другихъ славянскихъ государствъ долго была поверхностною; затѣмъ она была обезличена; потому славяне долго не имѣли желанія разработывать свою исторію. Это обезличеніе въ той же степени простиралось и на Россію, по отношенію ея литературы и науки, въ которой долго не находилось мѣста славяновѣдѣнію и въ которой оно и до сихъ поръ не упрочилось. Въ Россіи только съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія раздалось первое громкое слово за обще-славянскіе интересы, за славянскую взаимность и за необходимость самостоятельной разработки славянской исторіи.

На судьбѣ славянской исторіографіи ясно доказывается тѣсная связь исторической науки съ тѣмъ или другимъ ходомъ политической исторіи. Развитіе исторіографіи каждаго славянскаго народа идетъ рядомъ съ національнымъ и политическимъ возрожденіемъ его, а ростъ идеи племеннаго славянскаго единства проявляется параллельно съ успѣхами сознанія этой солидарности въ литературѣ ученой и художественной у каждаго народа отдѣльно ([1]).

([1]) Источниками для начальной исторіи славянскаго племени служатъ свидѣтельства византійскія, нѣмецкія и мусульманскія; всѣ они изданы въ латинскихъ переводахъ. Самыя важныя по существу сообщаютъ послѣ Іорнанда (De Gothorum origine): Прокопій Кесарійскій (во второй половинѣ VI в.), Маврикій (участвовавшій въ походахъ на Востокѣ, имѣвшій точныя свѣдѣнія о народахъ для своего Strategematicon, достигшій въ концѣ VI вѣка императорскаго сана и павшій жертвою военнаго мятежа въ 602 г.). Константинъ Багрянородный (носившій корону въ 911—959 г. и составившій съ замѣчатель-

Не одна простая историческая случайность разрознила великое славянское племя, которое по своей многочисленности равнялось и романскому, и германскому племенамъ, вмѣстѣ взятымъ. Полагаютъ, что венгры были одною изъ главныхъ причинъ разъединенія славянъ, врѣзавшись клиномъ въ сре-

ной эрудиціей—Трактатъ объ управленіи имперіей). О немъ см. монографію К. Я. Грота (Пет. 1880); Левъ Діаконъ (во второй половинѣ X вѣка написалъ «Исторію своего времени», изд. Hase въ 1819 г. лат. пер.). Изъ нѣмецкихъ: Титмаръ, епископъ Мерзебурга (976—1018 г; долго жилъ вблизи славянскихъ поселеній и изучалъ ихъ; онъ помѣстилъ свои наблюденія и свѣдѣнія въ Chronicon libri VIII, подъ 1017 и 1018 годахъ; въ VII, 52 и VIII, 16 онъ заноситъ факты о св. Владимірѣ и Ярославѣ Мудромъ), Адамъ Бременскій (1040—1075 г. во второй половинѣ XI вѣка—Gesta Hammenburgensis ecclesiae l. IV; De situ Daniae); Гельмольдъ, пресвитеръ Базовскій (специально во второй половинѣ XI вѣка излагалъ Chronicon Slavorum; живя въ южной Гольштиніи, Гельмольдъ поставленъ былъ въ близкія отношенія къ славянамъ западнымъ; потому его произведеніе высокой цѣны). Изъ мусульманскихъ историковъ, всегда витіеватыхъ, можно отмѣтить слѣд.: Ибнъ-Фадланъ, Аль-Масуди, Ибнъ-Доста, Ибнъ-Хардадбе, Табари, Эдризи, Аль-Бекри, пользовавшійся записками испанскаго еврея Ибрагима Ибнъ-Якуба. Обращаясь къ пособіямъ, мы должны установить то интересное наблюденіе, что славянская исторіографія у каждаго народа славянскаго развивается по мѣрѣ упроченія въ политическомъ сознаніи его племенныхъ связей. Это можно осязательно наблюдать на судьбахъ славянской науки въ Россіи. Наша ученая литература шла въ этомъ направленіи медленно, но въ послѣдніе годы изслѣдованіе славянства замѣтно проявляется, чему нельзя не радоваться, тѣмъ болѣе что труды въ этой области отличаются строгимъ методомъ и талантливостью. Правда, они носятъ монографическій характеръ, но это необходимая стадія въ ходѣ исторіографіи. Что касается до трудовъ общаго характера, то на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить превосходное соч. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (Исторія славянской литературы, 2 изд. въ 2 т. 1879—81), которое послужило бы истиннымъ украшеніемъ любой западной литературы. Для политической исторіи мы не имѣемъ ничего подобнаго. За то спеціальныхъ русскихъ изслѣдованій достаточно. Такъ, сочиненія Венелина, Палаузова, Дринова и Ѳ. И. Успенскаго (Образованіе втораго болгарскаго царства, 1879) служатъ для исторіи болгаръ. Для сербовъ матеріалъ въ трудахъ Григоровича, Гильфердинга, у котораго въ 4 томахъ его сочиненій, найдется много интереснаго для ознакомленія съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ, въ большой монографіи Л. Майкова (Исторія сербскаго языка 1857) и въ соч. Т. Д. Флоринскаго (Южные Славяне и Византія во второй половинѣ XIV в. 1882). Для Далмаціи работы Макушева и И. Н. Смирнова, проф. въ Казани. Для Полабскихъ славянъ—сочиненія Павинскаго (1871); для поморскихъ славянъ труды—Котляревскаго (Прага, 1874), И. А. Лебедева (1876), I. Первольфа (1871), и особенно Ѳ. Я. Фортинскаго (Титмаръ Мерзебургскій и его хроника II. 1872; Приморскіе вендскіе города до 1370 г. Кіевъ, 1877). Для чеховъ и моравовъ кромѣ соч. Гильфердинга, монографіи: Ѳ. И. Успенскаго, К. Я. Грота и Небосклонова. Г. Успенскій обѣщаетъ много сдѣлать для уясненія отношеній между славянами и Византіей; объ этомъ можно судить по его основательнымъ работамъ. К. Я. Гротъ въ 1880 г. издалъ «Извѣстія Конст. Багрянор. о сербахъ и хорватахъ», а въ 1881 г. «Моравія и мадьяры съ половины IX и до начала X вѣка». Въ извѣстной

лину района, занятаго славянскимъ племенемъ ([1]). Но была, по нашему мнѣнію, еще болѣе сильная и болѣе вліятельная причина, заключавшаяся въ процессѣ принятія христіанства славянами. Въ IX вѣкѣ начались раздоры между Восточною Церковью и Западною, которые повели къ раздѣленію этихъ Церквей. Не будь инокоборства, не будь раздѣленія Церквей, можетъ быть, всѣ славянскія народности были бы ближе между собою въ средніе вѣка и не смотрѣли бы одна на другую враждебно.

Связь между германцами и славянами.

До сихъ поръ недостаточно выяснено, кто раньше пришелъ въ среднюю Европу, германецъ или славянинъ. Лип-

диссертаціи В. И. Ламанскаго подъ заглавіемъ, «Греко-Славянскій міръ», (П. 1871) имѣется разборъ иностранной исторической литературы для славянства вообще. Цѣль автора между прочимъ доказать, что нельзя довѣряться авторитету нѣмецкихъ ученыхъ, даже въ ихъ солидныхъ изслѣдованіяхъ славянской исторіи. Будучи чужды намъ и враждебно настроены, не смотря на весь космополитизмъ нѣмецкой науки, нѣмецкіе ученые не могли отнестись къ исторіи славянъ съ должнымъ спокойствіемъ. Вполнѣ научный взглядъ наблюдаемъ въ сочиненіяхъ Вайца и Гизебрехта (Wendische Geschichten von 780 bis 1182, Berl., 3 B.), которымъ въ исторіи нѣмецкаго права и императорства пришлось имѣть дѣло со славянами, — но и тѣ несвободны отъ упрека въ нѣкоторой степени національнаго пристрастія, также какъ Цейссъ (Die Deutschen und ihre Nachbarstämme). Изъ старыхъ нѣмецкихъ трудовъ для славянской исторіи можно указать на Энгеля въ его «изслѣдованіяхъ о Венгріи, Далмаціи, Булгарахъ въ Мезіи» и др., хотя безъ сличенія съ позднѣйшими выводами Шафарика нельзя давать вѣры Энгелю, труды котораго уже достаточно (1797) устарѣли. Шафарикъ (Славянскія древности, переводъ О. Бодянскаго, М. 1847, 2 изд. 5 ч.) можетъ считаться исходной точкой для ученаго изслѣдованія славянскаго міра за древній періодъ. Много можно ждать вообще отъ самостоятельной разработки исторіи у Чеховъ и Хорватовъ (Palacky. Dějiny národu českého, трудъ замѣчательный; Томка, Dejepis Prahy). У послѣднихъ между прочимъ съ этою цѣлью учреждена Академія и имѣются спеціальные журналы: «Starine» (Zagr. 18 книгъ, 1869—86) и «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti (Zagr. 72 тома, изъ нихъ 7 посвящены математическимъ наукамъ) 1867—86). Въ Загребѣ же Кукуловичъ-Сакцинскій издавалъ Arkiv La povjestnicu jugoslavensku (12 книгъ). Чешскій ученый Иречекъ трудится для Болгарской исторіи, которая нигдѣ такъ цѣлостно и всесторонне не разработана до мелочей, какъ въ его позднѣйшемъ сочиненіи, переведенномъ на русскій, французскій и нѣмецкій языки. Здѣсь авторъ не пропустилъ никакого изслѣдованія не только въ своей литературѣ, но въ литературѣ русской и въ литературахъ иностранныхъ. Менѣе успѣшно идетъ польская исторіографія, которая не только игнорируетъ другія славянскія народности, но которая, даже на свои отечественныя судьбы, смотритъ западными глазами и рѣдко умѣетъ становиться на реальную почву; въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе представляютъ: Мацѣевскій, Нарушевичъ, Шайноха.

([1]) Подробности у К. Я. Грота (Моравія и Мадьяры, стр. 415 и слѣд.) и Суровецкаго (Изсл. начала народовъ славянскихъ).

пертъ, одинъ изъ ученѣйшихъ представителей новѣйшей экономической школы въ исторической наукѣ, въ сочиненіи, только что появившемся въ свѣтъ, не признаетъ никакой по существу разницы между германцами и славянами, даже по выселеніи ихъ изъ Азіи въ Европу, считая тѣхъ и другихъ безразлично скиѳами Геродота (¹). Не подчиняясь никакимъ національнымъ предразсудкамъ, онъ не только видитъ въ нихъ людей одного племени, но признаетъ ихъ въ періодѣ дикаго состоянія вполнѣ тождественными съ тою разницею что германцы, переходя въ сравнительно высшую хозяйственную форму, будучи номадами, питались молокомъ лошадей, тогда какъ для славянъ лошадь была только мяснымъ животнымъ.

Что таковое весьма продолжительное племенное единство существовало—это несомнѣнно. Было бы наивно представлять себѣ, что каждому племени свойственно проявлять съ самаго его появленія въ исторіи какую нибудь расовую особенность и что опредѣленный экономическій порядокъ есть принадлежность извѣстной расы. И германцы и славяне проходили тѣ же первоначальныя стадіи развитія. Несомнѣнно однако же то, что распаденіе или, точнѣе, выдѣленіе высшей культуры,—если таковою была въ тотъ моментъ германская,—послѣдовало задолго до фактовъ гунскаго нашествія. Степные гунны и осѣвшіеся ранѣе славяне подвигались медленно по направленію къ Западу. Одни, другіе и третьи слѣдовали цѣлыми племенами, но исторія ихъ передвиженія отмѣчается столѣтіями. Славяне шли непосредственно за германцами, постепенно сбрасывая съ себя азіатскія привычки, постепенно пріобрѣтая высшую культуру, какъ бы нагоняя германцевъ и послѣдовательно занимая тѣ земли, которыя покидали тевтоны. Въ погонѣ за ними славяне достигли линіи Везера. Извѣстно, что въ IV вѣкѣ славяне, появившіеся на югъ отъ Карпатовъ или около средняго Дуная, подвинулись къ сѣверу отъ своихъ поселеній. Ясно, что славяне не отличались ни особенною воинственностію, ни единодушіемъ, если ихъ могли бить съ одной стороны даки, съ другой германцы. Готы, напримѣръ, покорили еще раньше славянскія народы, жившіе въ нынѣшнихъ русскихъ западныхъ губерніяхъ. Это покореніе произошло въ то время, когда готы совершали свое знаменитое передви-

(¹) Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. L. 1888.

женіе отъ Балтійскаго моря къ Черному. Въ свою очередь готы были покорены гуннами. По распаденіи гунской державы, славяне стали политически самостоятельными. Они точно удивились этой неожиданной свободѣ и на зарѣ своей самостоятельности открыли славянскую исторію ссорами и раздорами, ставшими хроническимъ недугомъ этого племени, для котораго единство представляется недосягаемымъ идеаломъ. Одинъ изъ южныхъ славянскихъ народовъ передвинулся въ концѣ V вѣка въ Далмацію, къ Адріатическому морю, откуда прогналъ римскихъ колонистовъ въ адріатическіе города: Рагузу (Дубровникъ), Сплѣтъ, Задръ и др. Впослѣдствіи, славяне заняли и вышеупомянутые пункты, давъ имъ свои славянскія названія, которыя только въ послѣднее время переиначились преимущественно въ итальянскія, при усиленной колонизаціи итальянцевъ въ Далмаціи, послѣ покоренія этой территоріи венеціанцами.

Постепенно разростались славяне на Балканскомъ полуостровѣ; они стали даже вхожи въ Византію. Даровитѣйшіе изъ нихъ поступали на императорскую службу, дѣлались сановниками и полководцами. Намѣстникъ Ѳракіи, Ἀναγάστης, сынъ Ονιγίσκλου, записанный подъ 468 г., былъ, конечно, славянинъ Оногостъ, сынъ Унѣслава. Онъ защитилъ Ѳракію отъ гунновъ. Доброгостъ и Всегордъ начальствовали противъ персовъ; Хвилибудъ, родомъ антъ, былъ воеводою во Ѳракіи при Юстиніанѣ I. Мало того; мы уже говорили, что самъ Юстиніанъ I былъ славянинъ Управда, сынъ Истока, изъ славянской деревни Ведряны, въ старой Сербіи. Его мать и сестра прозывались Бѣгленица, звуки славянскіе. Иные и Велизарія производятъ отъ славянскаго имени Величарь [1].

Передвиженіе славянъ началось съ V вѣка, усилилось въ VI и продолжалось до половины VII столѣтія. Какая-то невѣдомая сила устремляла массы за Дунай. По всему вѣроятію, они были побуждены къ тому натискомъ новыхъ ордъ Тюркскаго племени, которыя тогда спѣшили одна за другою занять привольныя степи нынѣшней южной Россіи и Венгріи. Одна изъ этихъ азіатскихъ ордъ носила названіе булгаръ, можетъ быть, отъ рѣки Волги, какъ говоритъ Діоклейскій Булгары

[1] Гильфердингъ, соч. I, 7. Срв. Финлей (Греція подъ римскимъ владычествомъ, 178), который славянство Юстиніана считаетъ болѣе или менѣе условнымъ и В. И. Ламанскій, который признаетъ этотъ фактъ безспорнымъ (О славянахъ въ Малой Азіи и пр. 203).

епископъ и лѣтописецъ XIII вѣка: „nam a Volga flumine Vulcari usque in praesentem diem vocantur“.

Изъ византійскихъ лѣтописей узнаемъ, что въ первой половинѣ VII вѣка среди булгаръ, которые пришли въ Болгарію изъ нынѣшней южной Россіи, является князь Кубратъ. Онъ и его преемники съ дружинами, окружавшими князей, были представителями азіатскаго элемента, который по мѣрѣ сближенія съ славянами, поселившимися за Дунаемъ, расплылся въ славянской національности. Союзъ съ Ираклiемъ, богатые дары, полученные Кубратомъ отъ императора и санъ патриція, утвердили надолго мирныя отношенія между греками и булгарами. Они продолжались до Константина Пагоната. Въ 660 г. умеръ Кубратъ; его четыре сына передвинулись одни къ Дунаю, другіе сѣвернѣе въ Паннонію, нынѣшнюю Венгрію. Послѣднія орды получили названіе тисскихъ булгаръ отъ рѣки Тиссы, притока Дуная. Изъ числа этихъ сыновей лѣтописецъ называетъ между прочимъ Аспаруха; это же имя называетъ недавно открытый хронографъ древней русской редакціи. Аспарухъ занималъ земли на сѣверъ отъ устья Дуная. Это мѣсто было прозвано Онголомъ, т. е. угломъ (отъ греч. γώνος), нынѣшній Буджакъ. Это показываетъ, что въ дружинѣ Аспаруха, до передвиженія за Дунай, было много славянъ, которые заставили говорить остатки азіатской орды по-славянски. Такимъ образомъ чужеземная дружина ославянилась среди болгаръ. Аспарухъ и его дружинники не довольствовались тѣмъ, что заняли сѣверную часть устья Дуная. Ихъ интересовала наиболѣе южная часть, за Балканами. Скоро они перешли за Дунай и покорили семь славянскихъ народовъ, которые переправились сюда ранѣе, еще въ концѣ V и въ продолженіе VI вѣка.

Отголосокъ этого факта встрѣчается у Нестора:.. „по многѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви, кдѣ есть нынѣ оугорьская земля и болгарьская. Отъ тѣхъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, кдѣ седше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ моравѣ и прозвашася морава, а друзіи чесѣ нарекошася; а се ти же словене хорвати бѣліи, и серпь, и хорутане....“ Тутъ слѣдуетъ извѣстное мѣсто, представляющее географическій перечень славянскихъ народовъ нынѣшней Россіи по мѣстамъ ихъ жительства, описаніе пути изъ Варягъ въ Царьградъ. Затѣмъ, Несторъ замѣчаетъ: „Словѣньску же языку, яко же ре-

кохомъ живущю на Дунаи, придоша отъ скуѳъ, рекше отъ козаръ, рекоміи болгаре, и сѣдоша по Дунаеви и насельницѣ словѣномъ бѣша (¹)“.

Это были славяне, жившіе отъ линіи Моравы—Бѣлграда на Востокъ до Чернаго моря. Эти семь славянскихъ народовъ, занимавшіе такую обширную территорію, конечно, были весьма многочисленны. Они раскинулись отъ Дуная за Балканы на Востокъ отъ сербовъ, которые занимали ранѣе сравнительно небольшое пространство. Имя династовъ было перенесено на подданныхъ. Здѣсь наблюдаемъ таковой же фактъ, какой впослѣдствіи совершился въ Россіи, т. е. что имя русовъ—будетъ ли то отъ варяговъ, скандинавовъ или отъ поморскихъ славянъ—имя пришельцевъ, ихъ дружины, было перенесено на народы славянскіе, которые покорились своей участи. Такъ, славяне, не имѣвшіе дотолѣ никакого особаго генетическаго названія, переименовались въ болгаръ съ той поры, какъ ихъ покорили тюркскіе булгары.

Ихъ исторія не представляетъ долгое время ничего замѣчательнаго, кромѣ постоянныхъ набѣговъ дружинъ болгаръ и славянъ на Византію. Родъ Аспаруха прекратился и смѣнился потомками Кубрата и кубратичами, въ лицѣ Крума, господствовавшими доселѣ на берегахъ венгерской Тиссы. Когда болгарскіе славяне, т. е. жившіе за Дунаемъ, пригласили, послѣ прекращенія династіи Аспаруха, кубратичей, понятно, что кубратичи удержали власть и надъ угорскими болгарами. Болгары, слившись съ славянами или, лучше сказать, расплывшись въ нихъ, были теперь объединены и потому стали наиболѣе опасны. Они ведутъ уже серьезную войну съ Византіей. Они приблизились къ Константинополю и стали грозить ему. Въ нихъ видно стремленіе къ государственной жизни; у нихъ зараждается идея централизаціи власти.

Неизвѣстно, гдѣ была столица Крума, хотя достовѣрно, что онъ отнялъ отъ Византіи значительную часть Балканскаго полуострова до самаго Адріанополя. Можетъ быть она была за линіей Балкана, въ предѣлахъ древней Македоніи. Эта-то южная забалканская часть Болгаріи и называлась въ лѣтописяхъ Загорской страной. Эту обширную область, лежащую за Балканскими горами, Кубратичъ получилъ отъ Юстиніана

(¹) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, изд. Археогр. Коммиссіи (Пет. 1871), стр. 5 и 8 въ концѣ.

за содѣйствіе въ возведеніи послѣдняго на императорскій престолъ. Загорская страна была впослѣдствіи поводомъ для безпрестанныхъ войнъ между булгарами и греками.

Уступленная земля представляла удобные порты на Черномъ морѣ и давала важныя преимущества болгарамъ. Когда уступка не была признана византійскимъ правительствомъ, то Крумъ приготовился разгромить Византію. Онъ привлекъ къ себѣ всѣхъ подвластныхъ аваровъ (Обровъ), которые нѣкогда были побѣдителями славянъ и которые дотолѣ жили мирно. На 5000 повозкахъ были перевезены болгарами стѣнобитныя машины чрезъ Балканы къ Византіи. Но передъ самымъ открытіемъ кампаніи, Крумъ умеръ отъ удара. Константинополь былъ спасенъ.

Распространеніе христіанства между славянами.

Преемники Кубрата не были такъ счастливы. Его сестра попалась въ плѣнъ, крестилась и воспиталась при Византійскомъ дворѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы послѣ содѣйствовать распространенію христіанства на своей родинѣ. Росту христіанства содѣйствовали еще первыя сѣмена, посѣянныя среди паннонскихъ болгаръ греческими и франкскими плѣнниками. Христіанство проникло къ болгарамъ уже при позднѣйшемъ царѣ Борисѣ, у котораго, какъ извѣстно, была столица въ Великой Преславѣ и который крестился подъ вліяніемъ своей сестры, возвратившейся изъ греческаго плѣна искренней христіанкой. Его крестилъ св. Меѳодій и при крещеніи далъ Борису имя Михаила въ честь Византійскаго императора, который былъ заочнымъ крестнымъ отцемъ его. Борисъ отличался особеннымъ войнолюбіемъ, пока былъ язычникъ. Ему пришлось тоже вести войны не только съ Византіей, но и съ Сербіей. Онъ расширилъ значительно Болгарское царство, но съ принятіемъ христіанства Борисъ сильно измѣнился.

Племенныя прозвища славянъ.

Намъ приходится остановиться на сербахъ. Это славянское племя удержало за собою общее расовое имя, ибо, какъ дознано, всѣ славяне назывались *сербами*. Должно замѣтить, что слово „славяне“ появляется лишь съ конца V вѣка,—то отъ *слава*, *слова* (поклоненія Славѣ); по Шафарику отъ „*salava*“ — низменность. Любопытно выслѣдить какъ себя называли славяне раньше и какъ ихъ называли. Венелинъ принимаетъ названіе „болгаръ“, а Морошкинъ „Русь“ за генетическое. Это мнѣніе было вскорѣ отвергнуто. Всѣ славяне безъ

различія, по мнѣнію Шафарика и Григоровича, называли себя сербами. Это однозначаще съ genus, natio; Шафарикъ также полагаетъ, что у многихъ народовъ нарицательное имя „народъ“ было и собственнымъ. Славянское *на родъ* пишется раздѣльно, чѣмъ ясно указывается, что genus и natio синонимы. Григоровичъ дѣлаетъ такія коньектуры. Въ Литовскомъ статутѣ онъ находитъ сербщизна,—понятіе, относящееся къ народу. Слово па-сръ-б встрѣчается въ малороссійскомъ нарѣчіи и польскомъ языкѣ, въ смыслѣ отпрыска въ семействѣ, пасынка. Корень его въ санскритскомъ paser, персидскомъ pusar; даже латинское puer писалось puser. Это слово означало того, кто дальше prognatus est, т. е. кто распространенъ. Въ иностранныхъ памятникахъ славяне назывались „споры“. Очень можетъ быть, что Прокопій, записывая „споры“, зналъ смыслъ слова, но не объяснилъ его. Оно равнозначаще съ латинскимъ serere, греческимъ *σπείρω*, отъ этого послѣдняго произошло *σποραδήν*, „разсѣянно“ — по толкованію Прокопія: такими разбросанными, отдѣльными поселками жили славяне.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сербами называли славянъ другіе народы. Общее названіе ихъ было иное. Тотъ же ученый даетъ слѣдующее объясненіе названія славянъ другими народами. Всѣ они сводятся къ Wend, Wind,— какъ называли нашихъ предковъ кельты и германцы. Корень этого слова ind (w—придыханіе); wend значило водяной; это слово примѣнялось къ славянамъ, потому что они жили на топкихъ мѣстахъ и преимущественно прибалтійскихъ. Wind и Wend со временемъ раздѣлились исторически: для южныхъ германцевъ славяне были Wind'ы, для сѣверной отрасли — Wend'ы, для скандинавовъ же Wen, Wan, какъ и доселѣ Чудь называетъ славянъ. Готы иногда выбрасывали букву w; отсюда Ant, Ent. Оттого готъ Іорнандъ и Прокопій называютъ славянъ антами, вендами, венетами и спорами. Во всякомъ случаѣ западныя лѣтописи, говоря о передвиженіи сербовъ на Дунай, разумѣютъ не все славянское племя, а одинъ изъ народцевъ, двигавшихся съ сѣвера изъ страны закарпатской, гдѣ была (по Константину Багрянородному) древняя земля хорватская и сербская и мѣстность, называемая Бойки (въ нынѣшней восточной, русинской Галиціи). Эти-то сербы, собственно хорваты, заняли за Дунаемъ пространство отъ Моравы до Адріатическаго моря и Скутарійскаго озера, только что оставленное аварами. У Константина читаемъ имена 5 братьевъ (Клюкъ, Ловелъ, Кос-

нецъ, Мухолъ, Хорватъ) и двухъ сестеръ (Туга и Вуга). По завоеваніи, Хорватія раздѣлилась на 2 части: Приморскую и Савскую. За тѣмъ пришелъ новый сербскій народъ, жившій на Востокъ отъ хорватовъ, на водораздѣлѣ Вислы и Днѣпра. Отъ императора Ираклія, эти поздніе пришельцы получили земли восточнѣе, а именно нынѣшнее сербское королевство съ Боспою и Расою (Герцоговина). Тогда же образовались славянскія земли: Захолмія, Травунія и Діоклея, ставшія удѣлами. Переселеніе было постепенное, съ явнымъ дружиннымъ характеромъ. Владѣнія каждаго дружинника назывались жупами; онѣ были весьма дробны. Соединенныя вмѣстѣ, онѣ составляли федерацію, въ которой король назывался великимъ жупаномъ. Среди сербовъ-побѣдителей были сословія знатныхъ (властелей) и простолюдиновъ (сербовъ); побѣжденные, крѣпостные назывались неропхами. На Балканахъ оба народа, болгарскій и сербскій, успокоились. Принуждаемые доселѣ къ войнѣ, они предавались мирнымъ занятіямъ, когда получили прочныя поселенія. Такъ какъ болгарскіе цари утвердились завоеваніемъ, то они сообщили скоро воинственный духъ своему народу. Сербы же предались отдыху на долгое время. Они заявили себя не раньше IX вѣка, а собственно сербы —еще позже, около XII столѣтія. Христіанство было тою силою, которое сдѣлало славянское племя причастнымъ къ исторической жизни.

Бытъ и нравы славянъ. Въ исторіи каждаго племени можно открыть присутствіе нѣкоторыхъ, какъ бы врожденныхъ ему чертъ и такихъ характерныхъ особенностей, которыя являются еще на зарѣ его жизни. Извѣстно, что къ нынѣшнимъ французамъ удачно примѣняютъ ту характеристику, которую далъ Цезарь для кельтовъ. То же можно сказать и относительно славянъ, съ тою разницею, что у нихъ родовой бытъ очень рано видоизмѣнился, принявъ общинный характеръ, вытекавшій изъ экономическихъ условій, изъ земельнаго владѣнія. *Общины* или верви, владѣвшія землею сообща, избиравшія себѣ *старшину* или *владыку*, составляли *волость*, *погостъ* или *жупу*. Древнѣйшія свидѣтельства о славянахъ находимъ у Іорнанда, Прокопія и Маврикія. Они, говоря о виндахъ и спорахъ, какъ тогда называли славянъ, даютъ общую характеристику отличительныхъ признаковъ славянской рассы, такихъ признаковъ, которые и по нынѣ сохранились въ

средѣ славянскихъ племенъ. Прокопій (1) замѣчаетъ, что „славяне живутъ въ плохихъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой“, управляются демократически; „славяне не повинуются одному мужу, но издревле живутъ при народномъ правленіи (2). Маврикій говоритъ о славянахъ, что „они скромны, что женщины ихъ чрезвычайно цѣломудренны“, что они терпѣливо переносятъ бѣдствія и проч. Но этотъ же императоръ не скрываетъ и недостатковъ въ характерѣ славянъ, указывая на ихъ раздоры и нежеланіе подчиняться власти. „Между ними постоянно господствуютъ раздоры. Они ни въ чемъ между собою не соглашаются; если въ чемъ согласятся, другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и не одинъ не хочетъ повиноваться другому“. Эта черта характера въ славянскомъ племени, отмѣченная назадъ тому почти 1300 лѣтъ, принесла много зла и много бѣдствій славянамъ въ ихъ борьбѣ съ германцами и азіатскими завоевателями, что покажетъ дальнѣйшій историческій очеркъ славянскихъ народовъ. Славяне всегда и вездѣ, продолжаетъ Маврикій, славились своимъ гостепріимствомъ. „Они ласковы къ иностранцамъ и съ большимъ усердіемъ провожаютъ ихъ съ одного мѣста на другое, дабы предохранить ихъ отъ несчастія; если случится обида гостю, по нерадѣнію хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается на него, считая священной обязанностью мстить за странника“. Рабы и военноплѣнные, по истеченіи извѣстнаго срока, становились свободными и могли жениться на славянкахъ. „Военноплѣнные содержатся въ рабствѣ у славянъ не на всю жизнь, какъ это дѣлается у другихъ народовъ, замѣчаетъ Маврикій, но по прошествіи извѣстнаго времени имъ предоставляется на выборъ: возвратиться на родину, заплативъ выкупъ или остаться между ними и быть друзьями“ (3). Изъ того, что говорятъ историки о занятіяхъ славянъ, можно заключить, что они занимались ремеслами и торговлею. Самое слово „торгъ“ чисто славянскаго происхожденія и, какъ доказывалъ покойный Григоровичъ, это слово заимствовали у славянъ нѣмцы и скандинавы. Такъ, нынѣшній Тріестъ у сла-

(1) Bell. Goth. lib. III, cap. XIV.

(2) ... ἐν δημοκρατίᾳ. ibidem.

(3) Strategematicon, 273.

вянъ назывался Торговище, въ виду его выгоднаго торговаго положенія. Мирный, кроткій нравъ славянъ проявлялся въ характерѣ ихъ общественнаго быта. Все было построено на идеѣ земли, на земщинѣ. Масса жила въ деревняхъ и селахъ, на просторѣ лѣсовъ и полей, занимаясь земледѣліемъ. Города возникли довольно поздно отъ знакомства съ нѣмцами и греками. Городъ, въ противоположность деревнѣ, означалъ *огороженное* мѣсто, обыкновенно наскоро укрѣпленное для того, чтобы, въ случаѣ вражескаго нашествія, въ немъ могло укрыться сельское окрестное населеніе; укрѣпленія состояли изъ деревянныхъ стѣнъ или земляныхъ валовъ. Города были или деревянные (срубить городъ) или земляные (сметать городъ). Въ городѣ рѣшались общественныя дѣла; сюда также сходились для поклоненія и жертвоприношенія богамъ. Потому главнѣйшими зданіями были: княжій дворъ и храмъ, если таковой допускала религія того или другаго славянскаго народа. Около города ютился пригородъ для торговцевъ. За нимъ лѣпились слободы, та же деревня. Сперва пригородъ имѣлъ временный характеръ, потомъ сталъ существенной принадлежностью города и, наконецъ, слился съ нимъ. Тогда городъ назывался торговымъ ([1]). Славяне не любили крѣпостей; ихъ города не наводили страха, какъ города нѣмецкіе съ этими башнями, стѣнами, рвами, подъемными мостами, бойницами, рѣшетками и воротами, отдѣлявшими Ritterstadt отъ Bürgerstadt и т. п. У славянъ городъ служилъ для обмѣна товаровъ и временнаго пріѣзда сельчанъ. Крѣпостей часто не достраивали; весь интересъ городскаго населенія, поглощеннаго торговымъ дѣломъ, сосредоточивался на пригородахъ.

Таковы были основныя черты быта славянъ безъ различія мѣстностей и народовъ. Въ этомъ отношеніи поморяне, т. е. балтійскіе славяне, походили на кривичей, какъ тѣ на моравовъ и сербовъ.

Извѣстія Аль-Бекри о славянахъ X вѣка.

Говоря о славянахъ нѣсколько позднѣйшаго времени, напримѣръ, X вѣка, мы можемъ пользоваться характерными сообщеніями арабскаго историка второй половины XI столѣтія Абу-Обейда Абдаллаха аль-Бекри, который, живя въ Кордовѣ и Севильи, имѣлъ возможность располагать запиской о славянахъ, составленной въ концѣ X вѣка ученымъ еврейскимъ путешественникомъ Ибраги-

([1]) Макушевъ, Сказанія иностранцевъ; 116.

момъ Ибнъ-Якубомъ (¹). Тогда торговля Испаніи съ отдаленной Германіей и славянскими странами была въ рукахъ евреевъ. Ибрагимъ, какъ видно изъ характера тѣхъ свѣдѣній, коими воспользовался аль-Бекри, имѣлъ наиболѣе точныя представленія даже о тогдашнихъ восточныхъ славянахъ. Напримѣръ, онъ зналъ, что нѣкоторыя сѣверныя племена (варяго-русы) поселились среди тамошнихъ славянъ и усвоили ихъ языкъ, хотя эти русы продолжали разбойничать на Балтійскихъ берегахъ и грабить землю пруссовъ съ запада. Ибрагимъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Мекленбургѣ; надо полагать, онъ закупалъ рабовъ у поморскихъ славянъ и продавалъ ихъ въ Испаніи и Африкѣ. Это была весьма выгодная торговля, не менѣе выгодная какъ покупка весьма дешеваго пушнаго товара у восточныхъ славянъ.

Поставленный въ такія выгодныя условія, Ибрагимъ сообщаетъ много интереснаго матеріала, въ которомъ, конечно, есть и непровѣренныя данныя, дошедшія до автора по слухамъ. О географіи славянскихъ земель Ибрагимъ и Аль-Бекри имѣютъ довольно смутныя представленія, но и они интересны для насъ какъ ходячія мнѣнія о славянахъ. Ибрагимъ дѣлилъ извѣстныхъ ему по наблюденію и по слухамъ славянъ на четыре большихъ группы: 1) болгары придунайскіе, на Балканахъ; 2) чехи съ городами Прагою и Краковымъ; 3) поляки подъ властью «сѣвернаго» царя Мѣшко, княжившаго въ Познани или въ Гнѣзнѣ и 4) полабскіе славяне, подъ властью Накуна вмѣстѣ съ поморскими. Онъ не знаетъ сербовъ и хорватовъ; о восточныхъ славянахъ упоминаетъ только по поводу пиратовъ — русовъ, говоря, что «племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ нихъ (славянъ) и обитаютъ по сіе время между ними». Ознакомленію путешественника съ западными славянами способствовало двукратное посѣщеніе двора Оттона, императора «Руновъ» (римлянъ). По словамъ Ибрагима, западныхъ славянъ считаютъ храбрѣйшими; у нихъ просятъ помощи другіе». Это отголосокъ долгой борьбы моравовъ и чеховъ съ нѣмцами за независимость.

«Вообще славяне люди смѣлые, пишетъ Аль-Бекри и наступательные и, *если бы не было разрозненности* ихъ, вслѣдствіе многочисленныхъ развѣтвленій ихъ колѣнъ и разбросанности ихъ племенъ, *то не помѣрился бы съ ними въ силѣ ни одинъ народъ въ мірѣ*. Они обитаютъ страны богатѣйшія обиталищами и жизненными припасами. Они усердствуютъ въ земледѣліи и въ добываніи себѣ пропитанія и превосходятъ въ этомъ всѣ народы Сѣвера. И доходятъ товары ихъ моремъ и сушею до русовъ и до Констан-

(¹) Разработкой Аль-Бекри и постановкой вопроса объ его источникѣ наука обязана почтенному академику А. Куникy. См. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ (Пет. 1878) въ прил. къ XXXII тому Зап. Импер. Академіи Наукъ. Пер. отрывковъ—барона В. Розена.

тинополя. И главнѣйшія изъ племенъ Сѣвера говорятъ по-славянски, потому что смѣшались съ ними, какъ напримѣръ, племена ал-Тришкйн и Анклій и Баджанакіа и Русы и Хазары. И во всѣхъ странахъ сѣвера голодъ не бываетъ слѣдствіемъ бездождія и продолжительной засухи, а происходитъ отъ обилія дождя и продолжительной сырости. И у нихъ засуха не считается гибельной, ибо никто, кого она поражаетъ, ея не боится, по причинѣ влажности ихъ земель и значительнаго холода. Они сѣютъ въ два времени года, лѣтомъ и весною, пожиная двѣ жатвы. И большая часть ихъ посѣва состоитъ изъ проса. Холодъ у нихъ здоровъ, хотя бы онъ былъ очень сильнымъ, а жара для нихъ пагубна. И они не могутъ путешествовать въ страны Либкардіи (Ломбардію), по причинѣ тамошней жары, ибо жара у нихъ (лангобардовъ) очень сильная, вслѣдствіе чего они (славяне) погибаютъ. Страны славянъ весьма холодны; и сильнѣе всего холодъ у нихъ тогда, когда ночи бываютъ лунныя и дни ясные. Тогда холодъ увеличивается и морозъ усиливается. И земля тогда становится какъ камень и всѣ жидкости замерзаютъ и покрываются какъ бы гипсомъ колодезь и пруды, такъ что становятся подобными камню. И когда люди испускаютъ воду изъ носа, то бороды ихъ покрываются слоями льда какъ бы стекломъ, такъ что нужно ихъ ломать, пока не согрѣешься или не придешь въ жилье.... И общи всѣмъ имъ двѣ болѣзни; едва ли найдется между ними свободный отъ нихъ. Это двоякаго рода опухоли: рожа и геморрой. Они воздерживаются отъ употребленія въ пищу цыплятъ, ибо они вредны для нихъ, какъ они утверждаютъ; отъ этого усиливается у нихъ рожа; но они ѣдятъ мясо коровъ и гусей и оно соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ. Они одѣваются въ широкія платья, но только нижняя часть ихъ рукавовъ узка».

Говоря о нравахъ и положеніи женщинъ, Аль-Бекри очень высокаго мнѣнія о замужнихъ, но совершенно противоположнаго о дѣвушкахъ, которыя не стѣсняются въ образѣ жизни и въ увлеченіяхъ. Женихи, по его словамъ, даже цѣнятъ въ невѣстахъ доказательства ихъ паденія и отказываются отъ тѣхъ, которыя не успѣли привлечь къ себѣ поклонниковъ. За то, разъ выйдя замужъ, женщина собственность супруга. «Цари держатъ своихъ женъ заключенными, говоритъ онъ, и сильно ревнуютъ». Арабскій писатель намекаетъ на многоженство.. «и бываетъ у одного мужчины 20 женъ и болѣе» (¹).

Культура, обстановка домашняго быта славянъ не много измѣнилась съ того отдаленнаго времени.

Славяне жили въ тѣхъ же курныхъ избахъ, парились въ баняхъ, подробно описанныхъ наблюдательнымъ евреемъ (²), ѣздили

(¹) Извѣстія Аль-Бекри и др. стр. 53–56.

(²) Они устраиваютъ себѣ дома изъ дерева и законопачиваютъ щели

въ тѣхъ же невозможныхъ телѣгахъ, которыя для «царей», больныхъ и раненыхъ имѣли нѣкоторыя приспособленія ([1]).

Что касается до славянской языческой религіи, до миѳологіи, то это слабѣйшая сторона славяновѣдѣнія ([2]). Базисомъ славянскаго языческаго культа было поклоненіе, обожаніе природы. Вотъ что говоритъ Прокопій о религіи славянъ. „Славяне и анты, говоритъ онъ, признаютъ единаго бога, громовержца, единымъ владыкою вселенной и приносятъ ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ. Они покланяются также рѣкамъ и нимфамъ, а равно нѣкоторымъ другимъ божествамъ; всѣмъ имъ они приносятъ жертвы и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ“ ([3]). Славяне, потому, не были **Славянское язычество.**

его нѣкоторой матеріей, которая образуется на деревьяхъ, походитъ на зеленоватый водяной мохъ и которую они называютъ *удж* (*мх* по чтенію издателей). Она служитъ имъ вмѣсто смолы для ихъ кораблей. Затѣмъ они устраиваютъ очагъ изъ камней въ одномъ изъ угловъ этого дома и на самомъ верху противъ очага открываютъ окно для прохода дыма. Когда же очагъ раскалится, они закрываютъ это окно и запираютъ двери дома – а въ немъ есть резервуары для воды и поливаютъ этой водой раскалившійся очагъ; и поднимаются тогда пары. И въ рукѣ у каждаго изъ нихъ связка сухихъ вѣтвей, которою они приводятъ въ движеніе воздухъ и притягиваютъ его къ себѣ. И тогда открываются ихъ поры и исходитъ излишнее изъ ихъ тѣлъ и текутъ отъ нихъ рѣки. И не остаются ни на одномъ изъ нихъ слѣды сыпи или нарыва. И они называютъ «тотъ домъ (баню) *ал-атбба*» (Извѣстія Ал-Бекри, стр. 57).

([1]) «И цари ихъ ѣздятъ на большихъ, катящихся, высокихъ телѣгахъ на 4 колесахъ и ножкахъ; въ углахъ ихъ 4 крѣпкія подпоры и къ нимъ привѣшенъ крѣпкими цѣпями кузовъ, который обивается шелкомъ. И потому не трясется сидящій въ немъ такъ, какъ трясется тѣлега». Извѣстія Ал-Бекри, стр. 57.

([2]) Болѣе всего матеріала собрано въ классическомъ трудѣ Шафарика. По этому предмету есть изслѣдованія и русскихъ ученыхъ, какъ-то: Начертаніе славянской миѳологіи Касторскаго (устарѣла), Н. И. Костомарова (Миѳологія славянъ), И. И. Срезневскаго (Изслѣд. о языч. богослуж. древнихъ славянъ; объ обожаніи солнца), статьи П. А. Безсонова, А. Потебни (О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій), П. А. Лавровскаго (Рец. на соч. Потебни въ Чт. Общ. Исторіи и Др. Росс.), С. М. Соловьева (Исторія Россіи, т. 1), а также Шенинга — Миѳы славянскаго язычества (1849). Ѳ. И. Буслаевъ написалъ нѣсколько статей по этому предмету кромѣ спеціальной диссертаціи: «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ». Важнѣе всего въ русской литературѣ обширное изслѣдованіе Аѳанасьева (Воззрѣнія Славянъ на природу. 3 ч.), магистерская диссертація Котляревскаго «О погребальныхъ обрядахъ языческихъ славянъ» и новѣйшее соч. А. С. Фаминцына (Божества древнихъ славянъ, в. I, Пет. 1884). Въ 1870 г. вышла статья Миклошича: «Die christliche Terminologie der Slaw. Sprachen».

([3]) Bell. Goth. lib. III, cap. XIV.

политеистами въ строгомъ смыслѣ, хотя и признавали, кромѣ единаго владыки вселенной, другія второстепенныя подчиненныя божества и приносили имъ жертвы. Старшіе въ родѣ и семьѣ при жертвоприношеніяхъ исполняли роль жрецовъ, такъ какъ привилегированныхъ жрецовъ долго не было въ славянскомъ языческомъ культѣ, какъ ихъ не было и въ германскомъ культѣ. Самое поклоненіе божеству у славянъ сначала было непосредственное, безъ всякихъ внѣшнихъ принадлежностей, безъ олицетворенія. Богослуженіе, чаще всего вечеромъ, совершалось обыкновенно въ священныхъ рощахъ и на горахъ; и только впослѣдствіи подъ вліяніемъ финновъ у славянъ появляются идолы. Источникомъ другихъ божествъ было таинственное божество неба, *Сварогъ*, соотвѣтствовавшее Урану эллиновъ. Его сочетаніе съ Землею породило множество божествъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе: *Святовидъ*, *Даждьбогъ*, *Волосъ*, *Купало* — боги свѣтлой, солнечной генераціи; *Перунъ* — богъ грома и молніи. По отчеству они именовались Сварожичами. Кромѣ того каждая стихія, каждая сила и каждое явленіе природы символизировались въ особыхъ миѳическихъ существахъ. То былъ цѣлый міръ, болѣе или менѣе художественный: *Стрибогъ*, богъ вѣтровъ, *Велесъ*, хранитель стадъ, *Жива*, богиня плодородія, *Весна*, богиня молодости, *Кощей* — холодъ, *Баба-яга* — разноситъ бури и вьюги, *Морена* — несетъ смерть. Бѣдствія олицетворялись въ *вѣдьмахъ*, *трясавицахъ*, *нежитяхъ*,—все это злые духи женскаго рода; воды населены *русалками*, *вилами*; деревья —*полудницами*; лѣса—*лѣшими*; каждая гора, каждый источникъ имѣли сверхъ того своего божка. Любимымъ деревомъ боговъ была липа. У славянъ были *домовыя* божества, *Рожаница* и пр. Миѳологія славянъ не представляетъ изъ себя чего либо цѣлостнаго, органическаго; въ этомъ отношеніи она стоитъ не только ниже эллинской, но даже, по, разработкѣ типовъ, значительно уступаетъ германской. Тѣмъ не менѣе древнія празднества славянъ не лишены поэтичности. Борьба свѣта и мрака, холода и тепла выразилась въ Колядахъ и Купалѣ, праздновавшихся во время зимняго и лѣтняго поворота солнца.

Взглянемъ на тѣ элементы въ религіи славянъ, которые способствовали принятію христіанскаго міровоззрѣнія. Буддизмъ и гностицизмъ съ востока проникли и въ среду славянъ: особенно такія еретическія воззрѣнія были въ ходу между славянами болгарскими. У послѣднихъ также, какъ и у славянъ поморскихъ, былъ развитъ культъ поклоненія темнымъ

и свѣтлымъ силамъ природы, т. е. дуализмъ. Ихъ Бѣлъ-богъ и Черно-богъ были тоже, что Богъ и сатана въ манихействѣ и въ позднѣйшемъ богомильствѣ. Этимъ внутреннимъ сродствомъ и объясняется, почему богомильство такъ прочно утвердилось и такъ долго продолжало существовать среди славянъ и особенно среди болгаръ. Такимъ путемъ славяне были приготовлены къ принятію христіанскаго міровоззрѣнія. Понятно, что самое христіанство у славянъ нѣкоторое время сильно отзывалось дуализмомъ. Они издавна признавали безсмертіе души; тѣла же умершихъ сожигали и пепелъ въ глиняныхъ сосудахъ зарывали въ лѣсахъ и на дорогахъ, иногда съ любимыми вещами покойника. Надъ могилами устраивались тризны съ пѣснями и плясками.

Крещеніе болгарскихъ славянъ въ 863 г.

Христіанство стало распространяться между славянами, когда они приблизились къ грекамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне переселились за Балканы въ Загорную область, недовольные областями между Балканами и Дунаемъ, которыя уступлены были имъ Византійскимъ правительствомъ. Въ IX столѣтіи по Р. Хр. славяне занимали всю сѣверную часть Балканскаго полуострова, имѣли поселенія въ средней и даже въ южной Греціи—Пелопоннесѣ. Еще до проповѣди Кирилла и Меѳодія многіе изъ славянъ, жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ, были христіанами. Въ 863 г. болгарскій царь Борисъ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, тайно отъ народа, принялъ крещеніе отъ руки Меѳодія. Къ этому его побудила сестра, воспитанная при Константинопольскомъ дворѣ. При крещеніи Борису дано было имя Михаилъ, вѣроятно, въ честь Византійскаго императора.

Но крещеніе государя нельзя было долго скрывать отъ народа. Послѣдній былъ недоволенъ поведеніемъ Бориса, его измѣною старой языческой вѣрѣ. Поднялся мятежъ; народъ осадилъ Бориса во дворцѣ. Съ трудомъ было подавлено возстаніе. Ради упроченія новой вѣры было казнено 52 язычника, которые упорно отказывались креститься. Противная сторона, устрашенная этимъ, смирилась и подчинилась волѣ государя, принявъ крещеніе. Тогда христіанство восторжествовало въ Болгаріи.

Новообращенный Борисъ желалъ заключить вѣчный миръ съ единовѣрной Византіей. Имперія по этому случаю формально уступила ему въ вѣчное владѣніе княжество Загор-

ское, бывшее въ продолженіи 150 лѣтъ причиной кровавыхъ раздоровъ между болгарами и греками.

Болгарія приняла христіанство въ формѣ византійскаго православія отъ проповѣдниковъ грековъ. Солунскіе братья. Кириллъ и Мееодій, будучи кровными греками, а не славянами, какъ думали нѣкоторые, основательно знали по-славянски, потому что выросли въ землѣ населенной славянами. Тогда Кириллъ занятъ былъ великимъ дѣломъ, переводомъ Св. Писанія на тотъ славянскій говоръ, который былъ бы понятенъ и болгарамъ и моравамъ. Къ послѣднимъ вмѣстѣ съ братомъ онъ спѣшилъ съ миссіонерскою цѣлью, по порученію своего правительства. Пребываніе среди балканскихъ славянъ въ значительной степени содѣйствовало успѣху его труда. Онъ изобрѣлъ Славянскую азбуку, конечно, до поѣздки въ Моравію и можетъ быть познакомилъ дворъ Бориса съ нѣкоторыми священными книгами ранѣе чѣмъ другихъ Славянъ (¹). Но Борисъ изъ политическихъ цѣлей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ колебался, разсчитывая, кому выгоднѣе подчиниться въ религіозномъ отношеніи—Риму или Византіи и только при патріархѣ Фотіѣ перевѣсъ остался за византійскимъ вліяніемъ. Утвердивъ православіе въ своихъ владѣніяхъ, Борисъ передалъ престолъ сыну Владиміру, а самъ около 885 г. удалился въ монастырь. При этомъ государѣ едва не произошла реакція въ пользу язычества. Недостойное поведеніе сына заставило Бориса выйти изъ монастыря и принять бразды правленія въ свои руки. Съ помощію своихъ приверженцевъ,

---

(¹) Допуская такое предположеніе, мы, строго говоря, должны замѣтить, что вопросъ о томъ, какому собственно славянскому народу принадлежалъ церковный языкъ, остается до сихъ поръ не выясненнымъ окончательно. О происхожденіи церковно-славянскаго языка спорятъ какъ о родинѣ Гомера, справедливо замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ. Вотъ какъ резюмируетъ названный авторъ настоящее положеніе этого вопроса. «Одни изъ ученыхъ принимали, что славянскіе апостолы готовились къ своей дѣятельности въ Солуни и пришли въ Моравію уже съ готовыми книгами,— слѣдовательно, языкъ перевода есть языкъ Македонскихъ Болгаръ; другіе— что они начали работу уже въ Паннонія и въ переводѣ надо искать языка Паннонскихъ «Славянъ», которыхъ дальнѣйшіе потомки суть нынѣшніе Славяне, Словинцы или Хорутане. Теперь это послѣднее мнѣніе допускаетъ, что «Словяне» Паннонскіе составляли нѣкогда одно племя съ «Словенами» балканскими, простираясь отъ Паннонія до Эгейскаго моря; но племя это было раззорено сначала движеніемъ на югѣ Сербо-Хорватовъ потомъ нашествіемъ Венгровъ, а балканскіе «Словене» были покорены Болгарами, которыхъ имя за ними и осталось». (А. Н. Пыпинъ. Ист. Слав. лит. I, 38).

онъ захватилъ сына, приказалъ ослѣпить и посадить въ темницу. Затѣмъ, передавъ престолъ другому сыну—Симеону, Борисъ снова удалился въ монастырь, гдѣ и умеръ около 907 года.

Симеонъ, Царь Болгарскій (893—927 г.).

Борисъ оставилъ своему сыну Симеону обширное государство, простиравшееся отъ рѣки Моравы вдоль по теченію Дуная, до его устья, занимавшее все побережье Чернаго моря до Бургасскаго Залива, часть сѣверной Ѳракіи, земли верхней Албаніи и почти всю Македонію до рѣки Ибара. Неизвѣстно, какъ далеко простиралось господство болгаръ по лѣвую сторону Дуная. Монархія эта создалась въ то время, когда проявилось стремленіе средневѣковыхъ народовъ къ національной особности. При Симеонѣ, государство болгаръ достигло апогея своего политическаго могущества и умственнаго процвѣтанія, довольно высокаго для того времени. „Долгое и славное царствованіе царя Симеона, говоритъ Палаузовъ, есть единственная эпоха въ исторіи болгаръ, на которой можно отдохнуть послѣ безпрерывныхъ войнъ и опустошеній, характеризующихъ предшествовавшія и большею частью послѣдующія правленія. Въ правленіе Симеона государство это, поставленное на перепутьи Востока и Запада, окруженное отовсюду княжествами, раздираемыми внутренними неустройствами и усобицами, безпрерывными политическими интригами и мятежами Византіи, рѣзко выдвигается впередъ своей внѣшней и внутренней силой. Симеонъ, получившій блестящее образованіе въ Царьградѣ, является съ болѣе развитыми понятіями о государственномъ величіи, чѣмъ его предшественники. Отсюда грозныя войны его съ сосѣдями, изъ которыхъ можно видѣть, какъ дорожилъ онъ этимъ величіемъ. Съ другой стороны внѣшняя сила Болгаріи въ правленіе Симеона тѣсно обусловливалась внутреннимъ устройствомъ государства. Если и нѣтъ никакихъ юридическихъ памятниковъ, которые бы указали на государственное устройство Болгаріи въ это время, то тѣмъ не менѣе, можно составить себѣ понятіе о болгарской письменности, которая исключительно принадлежитъ эпохѣ Симеона. Широкое поприще книжнаго труда не опиралось ли на гражданскомъ устройствѣ, о которомъ, къ несчастію, Славянская наука имѣетъ только отрывочныя данныя, отдѣльные намеки“ (¹)?

(¹) Палаузовъ. Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, стр. 33.

Объединеніе Западныхъ Славянъ.

Переходимъ къ обозрѣнію судебъ другой группы того же племени—славянъ западныхъ. Подъ западными славянами разумѣютъ ту часть Виндовъ, которые были оторваны венграми отъ общей исторической жизни съ южными славянами,—т. е. поляковъ съ поморянами, чеховъ съ моравáнами и словаками, лужичанъ горныхъ и дольныхъ и исчезнувшее племя славянъ полабскихъ, извѣстныхъ подъ именемъ лютичей и бодричей (¹).

(¹) Изъ западно-славянскихъ историческихъ литературъ чешская богаче другихъ. Этимъ Чехи обязаны тому, что ранѣе другихъ соплеменниковъ занялись разработкою своей исторіи. Чешскіе ученые издавна собирали и издавали «сборники» своихъ лѣтописей. Изъ такихъ изданія лѣтописей: Freher (12 т., 1612), Dobner (6 т., 1764), Pelzel et Dobrowsky (3 f. 1783—1829 г.); для критики—статьи Meinert (1821 г. и Palacky (1830 г.) о лѣтописяхъ.—Важно: Erben; Regesta съ продолж. Emler'а. Весьма цѣненъ для церковной исторіи сборникъ Balbinus—Boemia Sancta, 1682 г. Послѣднее изданіе Emler'а, Fontes rerum bohemicarum. Изъ пособій по исторіи Чехіи должно указать на исторію Палацкаго. Послѣдній общій трудъ принадлежитъ Томку. (Исторія чешскаго королевства, р. пер. В. Яковлева. П. 1868). Его же — 3 тома исторіи Праги. Палацкій же въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія издавалъ—«Česky Archiv», котораго до сихъ поръ вышло 30 выпусковъ въ 6 томахъ. По исторіи моравовъ упомянемъ труды Dudik'а, Boczek—Codex diplom. Moraviae (4 т.), и сборникъ Quellenschriften zur Geschichte Mährens (редакція Elvert), 1861.

Въ Польшѣ тоже давно началось изданіе историческихъ памятниковъ. Въ 1582 г. Pistorius издалъ «Corpus Polonicae historiae». 3 f. Въ 1752 г. Jablonowsky издалъ «Monumenta Poloniae» 4 тома. Назовемъ еще сводныя изданія: Mizler de Kolof (4 f. 1761), Dogiel. Teubner, Bielowsky (Monumenta, 3 v.). Солидные труды по исторіи Польши: Лелевеля—(Polska w wieków srednich, Posn. 1846) и Naruszewicz-а, также Генриха Шмитта (въ русскомъ переводѣ Шрейера. 3 ч. П. 1864); у Шайнохи нѣсколько отдѣльныхъ монографій. О лѣтописяхъ польскихъ—соч. Лелевеля (1809) и Пражновскаго (1822). По польской исторіографіи недавно въ Вѣстникѣ Европы появились обстоятельныя статьи Н. А. Карѣева. Какъ пособіе для исторіи Балтійскихъ Славянъ, весьма важно сочиненіе—Giesebrecht'а (Wendische Geschichte). Для Полабскихъ Славянъ — соч. Павинскаго (1871). — Для исторіи Поморскихъ славянъ сборникомъ матеріаловъ можетъ служить датскій сборникъ Лангебека (Scriptores rerum Danicarum; (7 vls, 1772—92). Въ русской наукѣ важно изслѣдованіе И. А. Лебедева въ 2 частяхъ: 1) «Послѣдняя борьба Балтійскихъ славянъ противъ онѣмеченія» и 2) «Обзоръ источниковъ по исторіи балтійскихъ славянъ» (1876). Той же категоріи трудъ г. Фортинскаго (1872)—спеціальный разборъ лѣтописи Титмара Мерзебургскаго отъ 908—1018 г.—въ которомъ установлено, что сообщенія Титмара весьма важны по своей исторической достовѣрности и что съ 1003 г. Титмаръ пишетъ, какъ современникъ.—Въ 1874 г. Котляревскій написалъ докторское изслѣдованіе о «Сказаніи Оттона Бамбергскаго» и «Древности юридическаго быта балтійскихъ Славянъ». Считаемъ необходимымъ указать на труды Гильфердинга по исторіи Балтійскихъ славянъ, извѣстную докторскую диссертацію Грановскаго: Волинъ, Гомбургъ и Винета (1851) и изслѣдованіе

Чехи въ борьбѣ съ аварами.

Уже въ 1-мъ столѣтіи по Р. Хр. Славяне занимали обширное пространство на Западѣ Европы отъ Балтійскаго моря до устья Тиссы и отъ Карпатовъ до Эльбы. Впрочемъ это пространство не вдругъ было заселено славянскимъ племенемъ. Еще въ 450 г. нынѣшнюю Богемію занимали маркоманны. Пораженные Гуннами, маркоманны не могли болѣе держаться противъ натиска славянъ и удалились на югъ въ Баварію. Богемію заняли Чехи. Время побѣды чеховъ надъ маркоманнами въ точности неизвѣстно; столкновеніе произошло между 450—495 годами. Когда въ 495 г. герулы, побитые лангобардами, пробирались въ Ютландію, то нашли всю Полабскую страну занятою виндами, по словамъ Іорнанда (¹). По изгнаніи маркоманновъ, сосѣдями славянъ на сѣверѣ явились саксы, на югѣ—тюринги. Съ первыми (саксами) вступили въ жестокую и упорную борьбу бодричи и лютичи, а съ послѣдними (тюрингами)—чехи и лужичане. Германцы, ослабленные продолжительной борьбой съ римскимъ міромъ, сначала не могли съ успѣхомъ бороться съ славянами и должны были уступать имъ свои земли, подвигаясь сами далѣе къ Западу. Но въ это время въ средѣ Германскаго міра, доселѣ раздробленнаго, появилось движеніе въ пользу объединенія германскихъ племенъ. Иниціативу этому движенію дали франкскіе короли. Франки, покоривъ тюринговъ, положили предѣлъ завоеваніямъ славянъ и сами предприняли наступательное движеніе на Востокъ. Но вслѣдъ за тѣмъ явился другой, сильнѣйшій врагъ для славянъ,—авары. Авары или Обры, какъ называли ихъ славяне, были азіатскіе кочевники Туранскаго племени. Они пришли на Дунай въ 558 г. Воспользовавшись враждою славянъ между собою, авары подчинили ихъ и сдѣ-

Первольфа—Германизація балтійскихъ славянъ (1876). Въ своихъ сочиненіяхъ Гильфердингъ всесторонне затрогиваетъ жизнь славянскихъ народностей. Но вообще надо сказать, что исторія Западныхъ Славянъ еще недостаточно разработана; полнаго очерка судебъ Западнаго славянства еще не явилось. Въ 1872 г. Славянскій Петербургскій комитетъ предложилъ тему «о первыхъ монархіяхъ между Западными Славянами». На этотъ вопросъ отвѣтили Успенскій и Небосклоновъ; первый—бывшій студентъ Петербургскаго (теперь профессоръ въ Одессѣ), а другой — Казанскаго Университета, безвременно умершій въ Загребѣ. «Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость въ средніе вѣка» Небосклонова напечатано въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета за 1874 годъ и издано отдѣльной книгой. Трудъ г. Успенскаго по тому же вопросу появился въ Петербургѣ въ 1875 г.

(¹) Jornandes. De Gothorum origine; III, 15.

лали своими данниками. Вѣроятно, всѣ западные славяне, за исключеніемъ лютичей и бодричей, подпали подъ власть аваровъ. Чехи первые покорились имъ. Авары поняли, какое важное значеніе будетъ имѣть для нихъ Чехія въ борьбѣ съ германскимъ міромъ, и постарались подчинить ее себѣ. Главная причина, побудившая славянъ покориться аварамъ, заключалась въ отсутствіи единодушія, въ ихъ взаимной враждѣ и въ неумѣньи подчиняться власти. Тяжелое положеніе, въ какомъ теперь находились славяне, заставило ихъ забыть на время свои раздоры и соединиться для борьбы противъ общаго врага. Чехи выбрали своимъ предводителемъ иноземца Сама. Одни считаютъ его франкомъ, а другіе — славяниномъ. Противъ избранія Сама не возражало никакое племя и это дало ему возможность соединить раздробленныхъ дотолѣ славянъ и потомъ общими силами побѣдить аваровъ.

Самъ и Крокъ. Послѣ счастливой войны съ аварами, Самъ всенародно былъ избранъ государемъ съ болѣе неограниченной властью, чѣмъ какая принадлежала прежнимъ князьямъ славянскимъ. Свергнувъ аварское иго, Самъ создалъ обширную монархію, въ которую вошли всѣ славянскіе народы отъ Штирійскихъ Альпъ до Шпре и отъ Карпатскихъ горъ до границъ франковъ. Самъ былъ первый, извѣстный исторіи, славянскій государь. Но власть Сама возникла не изъ внутреннихъ элементовъ чешской народности, а создана была чисто внѣшними условіями. Онъ понималъ это, понималъ, что война создала его власть и что война же должна его и поддерживать. Поэтому, въ продолженіе всего своего царствованія, Самъ постоянно велъ войну сначала съ аварами, а потомъ съ франками. Онъ удачно отразилъ нападеніе франкскаго короля Дагоберта. Со смертію Сама въ 658 г. распалась его военная монархія, а съ распаденіемъ ея возвратились къ славянамъ ихъ прежніе раздоры и безпорядки. Но монархія оставила уже свои корни на славянской почвѣ. Поэтому, когда мудрый и могущественный Крокъ предложилъ чехамъ выбрать себя въ князья, онъ былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ. Крокъ снова утвердилъ порядокъ въ землѣ чеховъ. Три его дочери: Каза, Тета и особенно Любуша, славились мудростью.

Премыслъ. Отъ замужества Любуши съ земледѣльцемъ Премысломъ произошелъ цѣлый рядъ Чешскихъ государей, вся жизнь которыхъ проходила въ стараніи упрочить единодержавный по-

рядовъ въ странѣ. Но эта цѣль не всегда достигалась. Единодержавіе у чеховъ,—явленіе принесенное извнѣ,—требовало для своего развитія внѣшнихъ побудительныхъ обстоятельствъ, посторонних толчковъ. Такой толчокъ былъ данъ Каролингами. Но именно вслѣдствіе этого обстоятельства, центръ государственной власти перешелъ изъ Чехіи въ Моравію. При Премыслѣ, резиденція князя была учреждена во вновь выстроенной Прагѣ, нарочно укрѣпленной. Первые Премысловичи (Незамыслъ, Мната, Военъ, Униславъ, Кресамыслъ, Неклань. Гостевидъ) до Боривоя. извѣстны только поэзіи.

Моравія въ IX вѣкѣ.

Къ концу VIII вѣка,—когда Карлъ Великій уничтожилъ Аварское ханство на мѣстѣ древней Панноніи и Дакіи и учредилъ такъ называемую Аварскую марку съ архіепископомъ Зальцбургскимъ для пропаганды католичества,—земли нынѣшней Моравіи, занятыя нѣкогда аварами, отошли къ словакамъ, чехамъ и моравамъ. Моравы, поработивъ остатки баварцевъ и аваръ, мстили имъ за прежній гнетъ. Тѣ жаловались императору и Карлъ въ 803 г. заставилъ моравовъ подчиниться себѣ на Регенсбургскомъ сеймѣ. Моравія вошла, такимъ образомъ, въ составъ Римской имперіи. Это послужило моравамъ въ пользу. Они окрѣпли подъ опекою франковъ и распространились отъ Силезіи до Буга и Дравы. Столица ихъ была въ Велеградѣ или Дѣвинѣ, нынѣшнемъ Градищѣ.

На Моравію повліяли государственныя идеи Франкской монархіи, которой она была подчинена, т. е. идеи единодержавія и централизаціи. Эти идеи распространились посредствомъ взаимныхъ сношеній франковъ и моравовъ. Они создали единодержавную власть князя Моравскаго, Моймира. Съ сознаніемъ силы возрастало патріотическое стремленіе, имѣвшее въ виду свергнуть нѣмецкое иго рано или поздно. Что касается до Карла Великаго, то онъ справедливо разсчитывалъ въ вопросѣ онѣмеченія страны на содѣйствіе римсконѣмецкаго духовенства. Такъ. архіепископу Зальцбургскому были поручены всѣ славяне къ югу отъ Раабы, а архіепископу Пассавскому славяне къ сѣверу отъ нея. Каждый архіепископъ имѣлъ своихъ епископовъ.

Крещеніе князя Моймира въ 823 г.

Подобнаго рода распространеніе христіанства не щадило ни мѣстнаго языка, ни мѣстныхъ преданій и разсѣкая мечомъ всѣ затруднительные вопросы, только раздражало народъ.

На сеймѣ въ 822 году, моравы, равно какъ и всѣ окрестные славяне въ лицѣ своихъ пословъ, оффиціально подчинились императору. Въ послѣдующемъ 823 г. князь Моравскій Моймиръ принялъ крещеніе по западному обряду. Онъ старался настоять на томъ, чтобы весь моравскій народъ крестился. Онъ положилъ такія основы Моравской державѣ, что она стала страшна для нѣмцевъ. Потому Людвигъ Нѣмецкій въ 846 г. свергнулъ Моймира и посадилъ Ростислава.

Ростиславъ. Въ князѣ Ростиславѣ нѣмцы встрѣтили болѣе искуснаго противника. Онъ воспользовался затрудненіями имперіи, ударилъ на нѣмецкаго короля и разбилъ его въ 849 г. Онъ покрылъ страну крѣпостями, сдѣлалъ засѣки, вошелъ въ дружественныя сношенія съ чехами, поморянами, болгарами, однимъ словомъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ, чтобы найти въ немъ поддержку. Наконецъ въ 855 г. Ростиславъ открыто возмутился. Людвигъ Нѣмецкій явился съ войскомъ, но напрасно. Моравы засѣли по своимъ крѣпостямъ; имъ помогали чехи. Нѣмцы отступили. Ростиславъ перешелъ Дунай и сталъ грозить нѣмцамъ. Германія должна была на этотъ разъ безмолвно отказаться отъ притязаній на Моравію. Теперь Ростиславъ пользовался всѣмъ для увеличенія и украшенія страны. Это былъ, можно сказать, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ государей, который по справедливости заслужилъ титулъ Великаго. Онъ старался дать свободному Славянскому міру національный религіозный культъ.

Все, что сдѣлано за это время, принадлежитъ идеямъ и пониманію Ростислава. Онъ поступалъ какъ патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ обнаружилъ ловкость, проницательность, организаторскій талантъ, государственныя способности. Онъ искусно пользовался междоусобіями въ Германіи, чтобы подчинить себѣ Паннонскаго князя Коцела, что онъ и сдѣлалъ. Онъ собралъ вокругъ себя не только чеховъ, но и принуждалъ къ союзу всѣхъ славянъ. Новому государству не доставало только религіозной особенности, но вотъ въ 863 году Ростиславъ услыхалъ, что греческіе проповѣдники говорятъ съ болгарами на славянскомъ языкѣ. Онъ пригласилъ ихъ къ себѣ.

Это были Солунскіе братья, Кириллъ и Меѳодій (1).

(1) Для вопроса обращенія Западныхъ славянъ въ Восточное христіанство можно опираться на обширную литературу. Она принад-

Религіозный вопросъ въ Моравіи. Св. Кириллъ и Меѳодій.

Для вступленія въ духовную связь съ греческими проповѣдниками св. вѣры, необходимо было избавиться отъ нѣмецкой зависимости. Только необходимость заставила его подчиниться въ 864 г. нѣмцамъ. Ростиславъ ждалъ благопріятнаго случая освободиться. Случай этотъ представился чрезъ два года, когда у него укрылся сынъ Людвига Нѣмецкаго, который обѣщалъ Моравіи независимость, если Ростиславъ поможетъ

лежитъ къ двумъ лагерямъ: католическому и православному. Послѣдній преобладаетъ и числомъ и качествомъ трудовъ. Много въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Россіи. Надо замѣтить, что личности первоучителей славянскихъ одинаково дороги для каждаго славянскаго народа. Поэтому понятно, что каждый изслѣдователь старается выяснить ихъ дѣятельность съ своей національной точки зрѣнія, почему всегда нужно брать во вниманіе самую личность автора Начало разработки этого вопроса положилъ, католическій священникъ Добровскій въ своей нѣмецкой монографіи: «Славянскіе Апостолы», изданной въ Прагѣ въ 1823 году. Затѣмъ онъ содѣйствовалъ много разъясненію этого вопроса, издавъ Моравскія легенды въ 1827 году. Погодинъ поспѣшилъ перевести сочиненіе Добровскаго на русскій языкъ съ многочисленными примѣчаніями. Изслѣдованіе Добровскаго, конечно, устарѣло послѣ того, какъ Шафарикъ издалъ Славянскія легенды, какъ Палацкій нашелъ ватиканскія письма, когда издалъ греческую легенду о Климентѣ Миклошичъ, послѣ того, наконецъ, какъ Григоровичъ издалъ нѣсколько службъ апостоламъ. Болѣе полнымъ, но съ нѣкоторымъ католическимъ пристрастіемъ представляется трудъ священника Рачкаго (Viek i djelovanje sv. Cyr. i Methoda), изданный въ Загребѣ въ 1857 году по-хорватски. Въ 1857 году вышло сочиненіе Гинцеля (въ Вѣнѣ) важное по своимъ приложеніямъ и по группировкѣ источниковъ въ подлинникѣ Надобно замѣтить, что среди славянскихъ католиковъ духовенство старается распространить свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ о приверженцахъ католичества. На чешскомъ языкѣ—соч. Штульца и Била, на хорутанскомъ—Матвѣя Маяра, болѣе предназначены для публики. Исключеніе представляетъ В. Ганки (Остатьци слав. богосл. у Чеховъ, Прага, 1859). На русскомъ языкѣ мы имѣемъ критическій сводъ матеріаловъ, сдѣланный В. А. Бильбасовымъ въ его Сборникѣ (1863 г.); его же «Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ» (1868 г.) и «Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ» (1871 г.). Весьма цѣнны монографіи О. Бодянскаго (О времени происхожденія славянскихъ письменъ, М. 1855 съ съ подробнымъ указаніемъ всей литературы вопроса. — Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ; въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1865).— П. Лавровскаго (К. и М. какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ Харьковъ, 1863), Е. Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи прав. церквей болгарской, сербской и румынской, М. 1871) и М. С. Дринова (Исторически прегледъ на българската Църква отъ само-то начала до днесь, Вѣна, 1869. — Заселеніе Балканскаго полуострова славянами М 1873.—Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ, М. 1876). Много указаній въ статьяхъ Венелина, Калайдовича, Григоровича, (Статьи, кас. древне-славянскаго языка, Каз. 1858), Гильфердинга, (Соч. I, 299—340). Билярскаго и др. Среди этихъ двухъ направленій, т. е. католическаго и православнаго, стоитъ французская монографія Léger — Cyrille et Méthode, вышедшая въ

ему. Сообразивъ, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ влiять на политическую судьбу Германiи, Ростиславъ согласился, собралъ войско, исправилъ крѣпости, заготовилъ припасы, заключилъ союзъ съ чехами и лужичанами и выступилъ въ походъ. Его дѣйствiя увѣнчались успѣхомъ. Но гораздо важнѣе этой внѣшней дѣятельности Ростислава была внутренняя. Надобно было избавить страну отъ нѣмецкаго духовенства, которое стремилось къ онѣмеченiю Моравiи. Пропаганда чужеземцевъ была опасна для народа. Нельзя было допускать её; надобно было изолировать народъ отъ нѣмецкаго влiянiя. Моравiя въ церковномъ отношенiи принадлежала къ двумъ епархiямъ: Зальцбургской и Пассавской. Когда Ростиславъ задумалъ свергнуть нѣмецкое иго, онъ по необходимости долженъ былъ устранить католическую пропаганду. Нѣмецкое влiянiе было немыслимо безъ католической агитацiи. Но, оставаясь благочестивымъ и ревностнымъ къ вѣрѣ, Ростиславъ не думалъ подчиняться католическимъ монахамъ. Онъ зналъ. что греки допускаютъ богослуженiе на народномъ языкѣ. Онъ совѣщался съ своими удѣльными князьями, Святополкомъ и Коцеломъ о замѣнѣ духовенства латинскаго греческимъ. Сообща они отправляютъ въ Византiю посольство, которое должно было сказать приблизительно слѣдующее: „Земля наша крещена, но нѣтъ у насъ учителей, которые бы насъ наставляли и объясняли бы намъ священныя книги. Мы не знаемъ ни греческаго, ни латинскаго языковъ, а учители, которые живутъ теперь у насъ, учатъ разно; отъ этого мы книгъ читать и понимать не можемъ. Пришли къ намъ учителей, которые бы поучали книжному Писанiю и разумѣнiю на нашемъ языкѣ и наставили бы насъ на путь истинный (¹)“.

Императоръ собралъ совѣтъ. Вспомнимъ (стр. 319), что въ то время игралъ большую роль при дворѣ тесть императора Вардасъ. По его совѣту было рѣшено отправить миссiонерами

1868 году. Книга эта чисто историческая и не имѣетъ въ виду церковной полемики. Разборъ ея сдѣланъ П. Лавровскимъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 г.). Сюда же относится обширный трудъ о Моравiи—Дудика. О Болгарiи: книга чеха К. Иречка (р. пер. 1877); сочиненiе Мацѣевскаго—объ остаткахъ славянскаго богослуженiя у Поляковъ (французскiй переводъ съ примѣчанiями полнѣе оригинала); болгарская исторiя Г. Крестьовича (Цариградъ, 1869 г.) и нѣсколько другихъ. Существеннымъ источникомъ для дѣятельности Кирилла и Меѳодiя могутъ служить составленныя Димитрiемъ Ростовскимъ Четь-Минеи; именно, жизнеописанiя первоучителей славянскихъ подъ 11 мая.

(¹) Такъ гласитъ житiе св. Меѳодiя.

двухъ братьевъ Меѳодія и Константина,—грековъ изъ Солуня. Старшій, Меѳодій былъ тогда игуменомъ Полихронскаго монастыря на азіатскомъ берегу Чернаго моря. До этого Меѳодій былъ 10 лѣтъ правителемъ Славоніи, какъ бы для того, чтобы научиться славянскому языку, который принесъ ему громадную пользу. Константинъ былъ гораздо моложе и находился въ Константинополѣ при церкви Св. Апостоловъ. Онъ прежде занималъ должность библіотекаря при Софійской церкви, а потомъ удалился къ брату на Олимпъ. Должно замѣтить, что братья еще раньше прославились проповѣдническою дѣятельностью среди аваровъ и хозаръ въ Херсонѣ. У послѣднихъ братья встрѣтили русскихъ славянъ. Можетъ быть, какъ говоритъ житіе Кирилла, они тамъ нашли опытъ перевода отрывковъ изъ Евангелія и Псалтири, писанныхъ какими-то славянскими письменами. По послѣднимъ, Константинъ могъ лучше познакомиться съ языкомъ русскихъ. На обратномъ пути изъ Херсони братья могли встрѣтить славянскія поселенія, гдѣ проповѣдывали жителямъ на ихъ родномъ языкѣ. Это было въ 863 г. Получивъ новое миссіонерское порученіе, братья рѣшились прежде всего составить славянскую азбуку. Это дѣло взялъ на себя Константинъ. Старыя „черты и рѣзы“, которыми, вѣроятно, были написаны отрывки изъ Евангелія и Псалтири, встрѣченныя имъ въ Херсонѣ—эти славянскія руны—Константинъ упростилъ и составилъ глаголиту, названную такъ потому, что ея назначеніе было „глаголати Славянамъ законъ божескій и человѣческій (1).“

Императоръ, патріархъ и весь совѣтъ одобрили мысль Константина идти уже съ готовымъ переводомъ Св. Писанія для проповѣди Евангелія въ Моравіи. Впослѣдствіи глаголиту сильно поддерживали богомилы, которые считали ее священной азбукой (2). Дорогой, братья крестили Болгарскаго царя Бориса, о чемъ мы уже упоминали (стр. 339). Ростиславъ торжественно встрѣтилъ апостоловъ. Они начали тогда же совершать церковныя службы на славянскомъ языкѣ по греческому обряду. Они ходили по городамъ и селамъ и вездѣ лично пропо-

(1) Такъ думаютъ: Шафарикъ (въ своемъ соч. «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма»), Григоровичъ (О древней письменности славянъ), Ганушъ (Sv. Kyril napsal kyrilsky, nez glagolity), Рачкій (Pismo Slovjensko).

(2) Подробности объ этомъ у К. Иречка (Исторія Болгаръ). См. также въ 1 томѣ Н. Осокина «Исторія Альбигойцевъ», во 2 главѣ, гдѣ эта азбука поставлена въ связь съ богомильствомъ.

вѣдывали свое ученіе, обращая много язычниковъ. „И ради быша словенѣ, яко слышаша величья Божія своимъ языкомъ“, съ чувствомъ замѣчаетъ лѣтописецъ Несторъ ([1]). Первая православная церковь была сооружена въ Моравіи, въ Олумуцѣ во имя Ап. Петра, а потомъ церковь Св. Климента, папы Римскаго, на границахъ Моравскихъ, освященная самимъ Константиномъ въ 863 году.

Цѣль Ростислава постепенно достигалась. Онъ становился не только самостоятельнымъ Моравскимъ государемъ, но и всеславянскимъ. Мы сказали, что въ это время на Западѣ стало проявляться стремленіе къ національности. Естественно, что славяне, какъ племя историческое, озарились той же идеей племеннаго унитаризма. Славянское богослуженіе, славянская письменность много содѣйствовали духовному единству славянъ. Все это шло изъ маленькой Моравіи. Нѣмцы теперь съ горестью должны были покинуть мысль объ обладаніи Моравіей, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Императоръ долженъ былъ отказаться считать Моравіею своей. Кромѣ того идея императорства въ это время еще не созрѣла въ самой Германіи. Понятно, что латинское духовенство съ озлобленіемъ относилось къ новымъ проповѣдникамъ. Оно угадало своихъ опаснѣйшихъ соперниковъ: оно видѣло, какъ народъ покидаетъ ихъ церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ исчезаютъ ихъ десятины.

Стараясь подорвать успѣхи славянскихъ проповѣдниковъ, латинское духовенство стало распространять въ народѣ убѣжденіе, что богослуженіе слѣдуетъ совершать только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ Пилатъ писалъ на крестѣ Спасителя, и что славянскія письмена и славянскій языкъ только оскорбляютъ и унижаютъ религію и богослуженіе. Такое лжеученіе произвело въ Моравіи волненіе. Оно вынуждало Кирилла и Меѳодія прибѣгать къ ссорамъ и спорамъ съ латинскимъ духовенствомъ и опровергать эту „пилатную или трехъ язычную“ ересь. Духовенство латинское жаловалось Римскому папѣ.

Николай I приказалъ братьямъ явиться къ себѣ въ Римъ въ 867 году. Они повиновались. Они взяли съ собой часть мощей Св. Климента, которыя они открыли, еще бывши въ Хозаріи. Они шли чрезъ землю Коцела Паннонскаго, котораго также обратили къ греческому вѣроисповѣданію и получили

(¹) Пов. врем. лѣтъ по Ипатскому списку, 12.

отъ него для обученія до 50 юношей. Затѣмъ, проходя чрезъ землю Хорватскую, они распространяли здѣсь слово Божіе на славянскомъ языкѣ. Въ честь ихъ пребыванія въ Хорватіи были названы ихъ именами нѣкоторыя мѣстечки ([1]). Одна хорватская хроника, найденная Рачкимъ въ Ватиканѣ, говоритъ, что братья дорогой крестили много хорватъ. Это обстоятельство, по справедливому замѣчаніи Лежера, показываетъ, какъ любили всѣ славяне братьевъ и какъ желали богослуженія непремѣнно на народномъ языкѣ.

Въ Римѣ встрѣтили апостоловъ дружески, особенно когда узнали, что они привезли съ собой мощи Климента, бывшаго Римскаго папы. Адріанъ одобрилъ труды братьевъ. Было опредѣлено въ Римѣ, что славянское богослуженіе будетъ совершаться такъ, какъ оно было установлено Кирилломъ и Мееодіемъ, а на хулителей славянскаго пѣнія и чтенія было повелѣно наложить анаеему. Папа руководился въ этомъ случаѣ политическими соображеніями. Онъ разсчитывалъ, что для удержанія Болгаріи, Моравіи и Чехія, необходимо поддержать славянское богослуженіе и что это будетъ единственное средство, которое можетъ удержать Моравію въ его рукахъ.

Такимъ образомъ Римъ въ своихъ отношеніяхъ къ славянамъ измѣнилъ своимъ прежнимъ узкимъ традиціямъ.

Въ Римѣ Константинъ захворалъ, принялъ схиму и имя Кирилла и умеръ 14 февраля 869 года. Мееодій, опечаленный кончиною своего брата, возвратился черезъ въ Паннонію въ и Моравію, теперь папа далъ ему въ помощники одного епископа, трехъ священниковъ и двухъ чтецовъ. Затѣмъ Мееодій вторично приходилъ въ Римъ за архіепископскимъ палліухомъ, о чемъ просилъ папу Коцелъ. Папа долженъ былъ исполнить просьбу Коцела. Онъ видѣлъ, что Болгарія отпала совершенно отъ Рима и что ея примѣру скоро послѣдуетъ Моравія.

Могущество Ростислава и его гибель.

Теперь Моравія, казалось, была свободна отъ нѣмцевъ. Еще въ 866 г. Ростиславъ оффиціально отказался отъ повиновенія нѣмецкому королю, а въ 868 г. началъ войну, послѣ которой нѣмцы ушли изъ Моравіи. Теперь Моравское государство простиралось отъ Дуная до Лужичанъ и отъ нынѣшней русской границы до Чехіи. Въ своемъ государствѣ Рости-

([1]) В. Ягичъ. (Исторія сербско-хорватской литературы въ пер. М. П. Петровскаго. Каз. 1871, стр. 49) называетъ: Kelemen, Keleminnovec, Klimen и проч.

славъ стремился къ централизаціи и неограниченной власти, что вызвало сильное неудовольствіе удѣльныхъ князей и особенно его племянника Святополка, который, не желая уступить дядѣ, подчинился съ своей областью нѣмцамъ. Ростиславъ приказалъ схватить племянника и умертвить; но тотъ нашелъ себѣ защитниковъ въ удѣльныхъ князьяхъ и латинскомъ духовенствѣ, которое разсчитывало на него болѣе, чѣмъ на Ростислава. Вмѣсто того, чтобы схватить Святополка, Ростиславъ самъ былъ схваченъ имъ и выданъ франкамъ. Онъ былъ посаженъ въ темницу и надъ нимъ былъ наряженъ судъ изъ нѣмцевъ и измѣнниковъ славянъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Людвигъ Нѣмецкій. Никто этому не былъ такъ радъ, какъ латинское духовенство. Святополкъ явился жестокимъ врагомъ національныхъ интересовъ. Онъ управлялъ Моравіей, при помощи наемнаго нѣмецкаго войска и при услугахъ нѣмецкихъ намѣстниковъ. Судъ приговорилъ Ростислава къ смерти, но императоръ, въ видѣ милости, приказалъ выколоть ему глаза и заточить въ какой-то нѣмецкій монастырь. Нѣмцы и латинское духовенство готовились раздѣлить его наслѣдіе.

Святополкъ I Моравскій

Святополкъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ истинныхъ цѣляхъ того чужеземнаго кружка, которому онъ подчинился. Нѣмцы думали сдѣлать Святополка своимъ орудіемъ и когда князь воспротивился, то отъ него рѣшились отдѣлаться тѣмъ же путемъ. Его предательски заманили и посадили въ тюрьму. Моравы, оставшіеся безъ вождя, заволновались и изъ мести стали истреблять нѣмцевъ. Во главѣ ихъ теперь стояли славянскіе священники православнаго культа. Испуганный король отпустилъ Святополка. Началась жестокая борьба двухъ партій и религій.

Погубивъ Ростислава, Святополкъ старался осуществить принципъ единодержавія и объединенія западныхъ Славянъ, но онъ не умѣлъ устоять на почвѣ національнаго дѣла. Первое время врагамъ славянства казалось, что Святополкъ будетъ на ихъ сторонѣ. Всѣ знали, что у него были старинныя симпатіи къ франкамъ, но послѣдніе оказались врагами Святополка. Ему предстояло испытать на себѣ то, что испыталъ Ростиславъ: его также вѣроломно захватили нѣмцы; онъ также нѣкоторое время провелъ въ нѣмецкой тюрьмѣ и освободился изъ нея подъ тѣмъ условіемъ, чтобы поддерживать императорскую власть. Это

должно было убѣдить его, что физическая сила заключается въ довѣріи народа, а моральная въ національномъ культѣ.

Наказанный за свое довѣріе къ франкамъ, Святополкъ посвятилъ первое время на безпощадную борьбу съ нѣмцами, которая однако же по разнымъ причинамъ ослабѣла впослѣдствіи. Освобожденный изъ нѣмецкой тюрьмы съ тѣмъ, чтобы успокоить возстаніе съ помощію нѣмецкаго войска, онъ подъ Велеградомъ предалъ моравапамъ сопровождавшихъ его нѣмецкихъ воиновъ, которые тутъ поголовно были истреблены; остался только одинъ изуродованный плѣнникъ.

Послѣ такого предательскаго избіенія нѣмцевъ, Святополкъ не смѣлъ вернуться назадъ, ибо не могъ ждать пощады. Ему предстояло вести дальнѣйшую борьбу съ нѣмцами. Карломанъ былъ разбитъ нѣсколько разъ Святополкомъ, который вторгся въ Баварію и опустошилъ ее до отдаленныхъ краевъ Германіи. Тогда самъ Людвигъ прибылъ на мѣсто, чтобы признать совершившійся фактъ. Король нѣмецкій просилъ мира, который былъ заключенъ въ Форхгеймѣ въ 874 г. подъ условіемъ признанія независимости Моравіи.

Отсюда началась исторія могущества Моравіи, въ которую перешелъ центръ тяжести исторіи западныхъ славянъ. Святополкъ тогда женился на сестрѣ чешскаго короля Боривоя. Сосѣдніе славяне продолжали тяготѣть къ Моравіи. Полабскіе лужичане изгнали нѣмцевъ и обязались платить дань моравамъ. Такъ сложилась Велико-Моравская держава, которая была обуреваема враждой католиковъ и православныхъ.

Но Святополкъ не устоялъ въ этой борьбѣ на прямой дорогѣ. Увлекаемый ложными политическими соображеніями, онъ часто принималъ сторону враговъ своихъ, нѣмцевъ, отчасти потому, что руководился личной ненавистью къ Меѳодію, который умеръ 4 апрѣля 884 года, а также потому, что славянское духовенство не могло сочувствовать его суровому образу дѣйствій. Съ подчиненными князьями Святополкъ обходился дерзко и надменно. Моравская легенда не даромъ называетъ его „неистовымъ княземъ"; онъ никогда не показывался народу; потому у моравовъ и чеховъ составилась поговорка: „Святопулка гледати". У него впереди были не общественныя, а скорѣе личныя цѣли; безъ счету онъ напустилъ нѣмцевъ въ Моравію; они раздирали ее постоянными интригами, закрѣпляя въ ней нѣмецкіе порядки. Борьба,

которую они подняли противъ Меѳодія, заняла собою лучшія силы народа, силы, способныя принести здоровые плоды.

До какой степени Святополкъ сдѣлался нѣмцемъ, это видно изъ того, что папа Іоаннъ VIII въ своемъ посланіи назвалъ его графомъ, хотя онъ таковымъ не былъ. Хорошія отношенія съ нѣмцами имѣли впрочемъ ту выгоду, что содѣйствовали расширенію Моравскаго государства.

Такъ, въ 890 году, при личномъ свиданіи съ преемникомъ одного изъ послѣднихъ Каролинговъ, Карла Толстаго, съ Арнульфомъ, Святополкъ получилъ всю Чехію. Поляки, тогда занимавшіе большую территорію между Нѣманомъ и Одеромъ, еще не выступали на историческую сцену и жили частною, а не историческою жизнію. Когда Арнульфъ упрочился на германскомъ престолѣ, его политика измѣнилась; Святополкъ отказался признать ленную зависимость отъ Арнульфа и это послужило поводомъ къ войнѣ.

Арнульфъ прежде всего поспѣшилъ воспользоваться славянскими раздорами. Онъ заключилъ союзъ съ хорватами и хорутанами, пробовалъ сдружиться съ Болгарскимъ государемъ Владиміромъ, хотя неудачно, затѣмъ воспользовался появленіемъ венгровъ, чтобы ихъ орды съ Востока напустить на Моравію.

Святополку предстояло много усилій. Онъ развернулъ весь свой военный талантъ и всѣ средства народа. Какъ „левъ въ западнѣ“, онъ кидается во всѣ стороны и всегда устрашаетъ своихъ враговъ. Онъ отразилъ венгровъ, устремился на Арнульфа, потомъ бросился на хорватовъ, затѣмъ на хорутанъ и, заставивъ всѣхъ союзниковъ отложиться отъ нѣмцевъ, онъ разрушилъ цѣлую коалицію. Арнульфъ уступилъ и заключилъ миръ съ Святополкомъ въ 894 г. на прежнихъ условіяхъ, признавъ независимость Велико-Моравской державы.

Въ томъ же году умеръ Святополкъ, оставивъ послѣ себя обширное царство. Онъ былъ сосѣдомъ зараждавшейся Руси и распадавшейся Германіи.

Сравненіе Ростислава и Святополка. Его преимущество заключалось въ томъ, что онъ правилъ сплоченнымъ національнымъ государствомъ, тогда какъ сосѣди его владѣли раздробленными землями. Будучи болѣе великимъ воиномъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, онъ уступалъ Ростиславу въ пониманіи государственныхъ задачъ.

Ростиславъ былъ призванъ для власти и управленія, Святополкъ для войны и для спасенія славянъ отъ нѣмцевъ. Эту миссію онъ исполнилъ какъ могъ, но забывалъ существенное, не понимая внутреннихъ стремленій своего народа. Святополкъ не зналъ, что чужеземное вліяніе проявляется не только въ завоевательной формѣ, но и въ жизни общественной. Онъ не зналъ, что вліяніе распространяется обычаемъ, что въ его положеніи надо было бороться противъ упроченія нѣмецкаго обаянія, надо было ратовать за новую вѣру на родномъ языкѣ, ибо этотъ родной языкъ, внесенный въ религіозную область, освѣщалъ совершенно иначе зарождавшуюся національность. Языкъ церковно-славянскій былъ для нея крѣпкимъ спаемъ, тогда какъ латинское внѣшнее вліяніе приносило дезорганизацію. Ростиславъ съумѣлъ сблизить западныхъ славянъ, съумѣлъ внушить имъ сознаніе общности интересовъ; Святополкъ, напротивъ, далъ почувствовать чехамъ, хорватамъ и хорутанамъ только тяжесть своей руки, вслѣдствіе чего между западными славянами не замедлило возникнуть обоюдное холодное недовѣріе, зависть, что и обнаружилось послѣ смерти Святополка. Потому-то результаты политики двухъ государей, болѣе глубокой со стороны Ростислава и внѣшней со стороны Святополка, принесли различные плоды.

Ростиславъ оставилъ славянскую Церковь въ полномъ развитіи; Святополкъ уничтожилъ его усилія и далъ восторжествовать враждебнымъ элементамъ, назначивъ преемникомъ Меѳодію нѣмца Витиха и принеся западный догматъ „filioque“ т. е. исхожденіе св. Духа *и отъ Сына.* Онъ очутился въ такомъ положеніи, когда дѣятель не угождаетъ ни той, ни другой сторонѣ: его ненавидѣлъ и не понималъ собственный народъ; отъ народа онъ отшатнулся, вслѣдствіе своей недоступности и гордости.

Его душевныя мученія видны изъ слѣдующаго преданія, записаннаго Козьмою Пражскимъ.

„Въ 894 году Святополкъ, король Моравскій, пишетъ Козьма, внезапно скрылся отъ своихъ войскъ и никогда болѣе не показывался. Когда онъ, сосредоточившись въ самомъ себѣ, увидѣлъ, что несправедливо и вопреки долгу благодарности поднялъ оружіе на Арнульфа, своего господина, повелителя и отца, который поработилъ его власти не только Богемію но и другія страны до рѣки Грана,—то, движимый раскаяніемъ,

среди глубокой ночной тьмы, тайно отъ всѣхъ, сѣлъ на коня и, оставивъ свой лагерь, помчался къ одному мѣсту, которое лежитъ съ боку горы Зоберъ, гдѣ нѣкогда три отшельника въ густомъ и малодоступномъ для людей лѣсу построили церковь при его помощи и усердіи. Прибывъ сюда, онъ умерщвляетъ своего коня въ самомъ глухомъ мѣстѣ этого лѣса, а мечъ свой зарываетъ въ землю. Съ разсвѣтомъ дня онъ приходитъ къ отшельникамъ; здѣсь, неузнанный ими, онъ принимаетъ постриженіе и облекается въ монашеское одѣяніе, оставаясь никому невѣдомымъ. Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, онъ открывается монахамъ, называетъ себя и тотчасъ отходитъ" (1). Ясно, что западные историки видѣли въ обстоятельствахъ смерти Святополка какое-то наказаніе за тѣ побѣды, которыя тотъ одержалъ надъ нѣмцами. Въ видѣ раскаявшагося монаха позднѣйшее онѣмеченное духовенство представляло себѣ моравскаго Святополка.

Распаденіе державы Святополка Моравскаго.

Нѣмцы не довольствовались его уступками и измѣной національному дѣлу. Созданное великимъ Ростиславомъ государство потеряло тотъ національный, религіозный спай, которымъ оно могло держаться. Его разложенію способствовалъ самъ Святополкъ своимъ завѣщаніемъ, въ силу котораго Моравія дѣлилась между его тремя сыновьями; сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ Моймиръ. Чехія сейчасъ же возстала, а въ остальной части началась религіозная борьба за обряды. Нѣмцы еще при жизни Святополка, въ 892 году, схвативъ славянскаго іерарха Горазда, преемника Меѳодія и другихъ вліятельныхъ учениковъ апостола, заключили ихъ въ тюрьму, а потомъ выслали въ Болгарію. Святополкъ ни чѣмъ не откликнулся на это насиліе; онъ предалъ національный культъ, а нѣмцы думали этимъ сразу ослабить славянскую Церковь. Страннымъ образомъ Моравская національная Церковь нашла поддержку въ папѣ Іоаннѣ IX, который велѣлъ оставить все такъ какъ было при Меѳодіѣ, съ подчиненіемъ Моравской епархіи лично папѣ, вопреки желанію германскихъ епископовъ. Но моравской Церкви предстояло недолго существовать; въ 948 г. она была уничтожена, а между тѣмъ самостоятельность богослуженія была въ своемъ родѣ необходимостью, жизненной силой для бытія славянской народ-

(1) Cosmas Pragensis. Chronicae Bohemorum libri tres; I, 21.

ности. Впрочемъ, когда прекратила свое существованіе Моравская Церковь, Моравіи, какъ государства, уже не было. Теперь не только венгры и нѣмцы, но и свои братья чехи кидаются въ Моравію и терзаютъ ее.

Западные лѣтописцы перестаютъ упоминать о Моравіи, какъ объ отдѣльномъ государствѣ съ 906 г. Полагаютъ, что князь Моймиръ въ 907 году заключилъ союзъ съ нѣмцами противъ венгровъ. Извѣстная битва при Пресбургѣ была не въ пользу христіанъ: Людвигъ Нѣмецкій и Моймиръ Моравскій были разбиты въ ней, при чемъ Людвигъ успѣлъ спастись, а Моймиръ сложилъ свою голову на поляхъ Пресбурга; венгры разлились по беззащитной Моравіи, откуда населеніе бѣжало къ болгарамъ и хорватамъ.—Такъ печально кончилась политическая роль Моравіи послѣ того блестящаго періода, который прошелъ какъ краткій сонъ; на сцену теперь выступаетъ Чехія.

Боривой и крещеніе чеховъ въ 890 г.

Чехія считала себя въ силахъ играть ту роль, какая предъ тѣмъ принадлежала уничтоженной Моравіи. Боривой, Чешскій король, до самой своей смерти подчинялся моравскому государю. Подъ вліяніемъ своей жены Людмилы, Боривой распространялъ въ своей странѣ христіанство. Принявъ крещеніе въ 890 году отъ рукъ Меѳодія, въ то же время онъ выдалъ за Святополка свою сестру. Онъ пригласилъ къ себѣ въ Чехію славянскаго священника Павла Сайха и въ Кралевѣ-Градцѣ (нынѣшнемъ Кёнигсгрецѣ) появилась первая церковь въ честь св. Климента: тогда, вѣроятно, сооружена въ Прагѣ вторая славянская церковь въ честь того же святаго. Не смотря на сопротивленіе языческой партіи, которая даже выгнала Боривоя изъ королевства на короткое время, онъ въ 894 году успѣлъ водворить христіанство въ своей странѣ, когда Моравія начала уже распадаться.

Спитигнѣвъ, его сынъ, держался христіанства, но въ нѣмецкомъ духѣ. Онъ отложился отъ Моравіи и провозгласилъ самостоятельность Чехіи. Но Вратиславъ, его преемникъ, съ 912 года, является сторонникомъ болѣе національной партіи. Его жена Драгоміра, дочь Стадарскаго князя изъ народа лютичей, была истинною героинею славянскаго племени. Это была Брунгильда тогдашнихъ славянъ; она питала страстную ненависть къ нѣмцамъ и немудрено, что такая женщина стала побуждать мужа къ сверженію нѣмецкаго ига. Врати-

славъ побѣдилъ баварцевъ, у которыхъ былъ подъ властью до сихъ поръ, но, свергнувъ нѣмецкую власть, онъ въ то же время выказалъ приверженность къ язычеству. Впрочемъ эта реакція, бывшая слишкомъ ничтожной, продолжалась только до его смерти.

Драгоміра и Вацлавъ. Съ 928 г., съ Вацлава, прозваннаго святымъ, христіанство упрочилось. Вацлавъ вступилъ на престолъ еще ребенкомъ. Конечно, Драгоміра управляла за него всѣмъ; она же распорядилась умертвить Людмилу, бабку князя, которой опасалась; но, въ области внѣшней и внутренней политики, Драгоміра руководится чисто патріотическимъ стремленіемъ и панславянской идеей. На этомъ пути чехи встрѣтили сопротивленіе со стороны энергичнаго Генриха I.

Этотъ императоръ въ одной битвѣ нанесъ такое пораженіе полабскимъ славянамъ, истребивъ громадное число ихъ, что остальные принуждены были „принести императору дань, а Богу христіанство“. Затѣмъ съ огромнымъ войскомъ Генрихъ пошелъ на Прагу; Вацлавъ покорился и обязался платить дань. По заключеніи міра съ нѣмцами, всѣ свои лучшія усилія Вацлавъ посвятилъ распространенію христіанства; имѣя возможность пользоваться услугами моравскихъ національныхъ священниковъ, онъ входитъ въ сношенія съ епископомъ Регенсбургскимъ. Народу это не нравилось, особенно когда сопоставлялась дѣятельность Вацлава съ дѣятельностью его энергичной матери и брата Болеслава. Надо замѣтить, что Драгоміра была впослѣдствіи удалена отъ двора.

Болеславъ Крутой (935—967 г.) чешскій. Въ 935 году вспыхнулъ заговоръ и Вацлавъ палъ жертвою его, убитый рукой брата Болеслава, который взошелъ на престолъ. Несмотря на такое преступное начало правленія, царствованіе Болеслава занимаетъ блестящія страницы въ исторіи Чехіи. Онъ обладалъ большой энергіей, за что чехи называли его Крутымъ; въ тоже время онъ славился обширными дипломатическими способностями. Болеславъ Крутой поставилъ Чехію на ту же высоту, на которой стояла Моравія, но онъ не могъ достигнуть главной цѣли—независимости церковной и политической, хотя и питалъ эти затаенныя надежды. Онъ видѣлъ, что не можетъ сладить съ такими энергическими императорами, каковы были Генрихъ I и Оттонъ I, — съ императорами, державшими въ страхѣ весь Западъ. Это и было его несчастіемъ. Онъ понялъ, что

гораздо лучше сохранить славянское единство подъ императорскимъ покровительствомъ и своею властью, чѣмъ допустить уничтожать славянъ порознь. Существеннымъ условіемъ единства было признаніе католичества. Болеславъ, конечно, только по необходимости, а вовсе не по симпатіи къ нѣмцамъ, долженъ былъ поддерживать нѣмецкіе порядки, потому что они только оберегали это единство. Подъ конецъ своей жизни, онъ по неволѣ сдѣлался съ виду усерднымъ приверженцемъ нѣмецкаго императора, вѣрнымъ и полезнымъ рабомъ нѣмецкой имперіи и короны Оттона. Съ самаго начала правленія Болеславъ поспѣшилъ склониться предъ нѣмецкими прелатами и, принимая Регенсбургскаго епископа въ Прагу, тѣмъ самымъ призналъ зависимость. Онъ былъ побужденъ къ тому однимъ соображеніемъ удержаться на престолѣ, обагренномъ кровью брата, считавшагося святымъ въ глазахъ католиковъ. Чтобы заискать прощеніе у нѣмецкаго духовенства, онъ выдаетъ православныхъ священниковъ. Онъ соединился съ полабскими славянами на случай внѣшнихъ враговъ и обратилъ вниманіе на внутренній строй. Онъ подчинилъ себѣ удѣльныхъ князей, до того времени совершенно независимыхъ и пользовавшихся прежде тѣмъ же титуломъ, какъ и великіе князья. Высшее сословіе чешское не всегда повиновалось князю, но Болеславъ поставилъ его въ полную зависимость отъ себя, за что и прозванъ былъ Крутымъ. Понявъ, что ему трудно было избавиться отъ нѣмецкихъ прелатовъ; чтобы возстановить славянское богослуженіе, онъ ищетъ опоры въ нѣмецкомъ императорѣ. Только въ нѣмецкой поддержкѣ онъ видѣлъ силу, связующую славянство; онъ думалъ сплотить славянъ подъ кровомъ имперіи, простодушно полагая, что затѣмъ не послѣдуетъ онѣмеченія.

Пораженный великодушіемъ императора Оттона, который не занялъ Праги, хотя имѣлъ для того полную возможность, Болеславъ поклялся ему въ вѣрности и никогда не измѣнилъ своей клятвѣ. Онъ сталъ его вѣрнымъ союзникомъ и другомъ. Понятно, что въ этихъ отношеніяхъ выгоды достигли не славяне, а нѣмцы. Идея объединенія славянъ подъ покровительствомъ нѣмцевъ была фальшива въ самой сущности. Дѣйствительно, если Болеславъ при помощи Оттона отнялъ у венгровъ Моравію и землю словаковъ, а также Бѣлую Хорватію и Червонную Русь, если онъ повліялъ на Польшу, однимъ словомъ, если онъ и объединилъ западный славянскій

міръ,—то за то онъ долженъ былъ сдѣлать громадныя уступки въ пользу нѣмцевъ, какъ напримѣръ, отдать на истребленіе нѣмцамъ лютичей и всѣхъ полабскихъ славянъ, съ которыми боролся нѣмецкій императоръ. Черезъ посредство духовенства, имперія имѣла правиломъ и конечной цѣлью всегда домогаться политическихъ выгодъ рядомъ съ отвлеченными, идеальными.

Понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Болеславъ не могъ удержать отъ германизаціи свое обширное государство, хотя, можетъ быть, не желалъ этого. Онъ вводитъ нѣмецкія сословія, нѣмецкую корпорацію, городскія привилегіи, потому что этого требовала самая жизнь. Съ того времени Чехія, отказавшись отъ своихъ письменныхъ традицій, рѣшилась подчиниться имперіи. Болеславъ умеръ въ 967 году.

Болеславъ II Благочестивый (967—999 г.). Его преемникъ Болеславъ II Благочестивый, женатый на нѣмкѣ Эммѣ, получилъ уже потрясенное внутри государство съ надломленными силами. Онъ также подъ императорской эгидой собираетъ славянъ, т. е. продолжаетъ политику отца, но отъ этого выигрываетъ только имперія. Такъ, въ 973 году была учреждена въ Прагѣ архіепископія съ латинскими обрядами. Первымъ епископомъ былъ саксонецъ Дитмаръ, а потомъ чехъ Войцехъ, который прославился усерднымъ порабощеніемъ Риму западныхъ славянъ. Тогда Болеславъ II питалъ тщетныя намѣренія продолжать дѣло отца; но уже главную роль въ исторіи западныхъ славянъ занимали тогда не чехи, не моравы, а поляки.

Польша до Мечислава. Подобно Сербіи, Польша была поздно излюблена исторіею. Она принимаетъ участіе въ исторической жизни только съ половины X столѣтія. Поляки были самымъ многочисленнымъ во всей западно-славянской вѣтви народомъ и занимали обширное пространство по низменной полосѣ, покрытой лѣсами и болотами, между южнымъ берегомъ Балтійскаго моря отъ устья Одера до Нѣмана, гранича на востокъ рѣкою Нѣманомъ до Гродно, отсюда прямою линіею до Брестъ-Литовска на Бугѣ; на югъ линіей къ Сандомиру, отсюда вверхъ по Вислѣ до рѣки Дунайца; этою рѣкою и Татрами до верховьевъ Вага; на западъ Судетскими горами и рѣкою Одромъ до Балтійскаго моря.

Польское населеніе дѣлилось на велико-польское, малопольское, мазурское, словинское и кашубское; послѣдніе жили въ Помераніи. Въ сѣверо-восточномъ углу страны между кашубами и мазурами полосою вдоль Фришгафа и Куришгафа жили пруссы, народъ литовскаго племени. Общеславянскія общественныя права развились у поляковъ гораздо рѣзче и сильнѣе, чѣмъ у другихъ западныхъ соплеменниковъ. Первые дни существованія Польши протекли въ борьбѣ съ датчанами, населявшими Ютландію и пространство между нижнимъ теченіемъ Вислы и Одера. Понятно, что борьба эта не могла не отразиться на развитіи въ Польшѣ государственной жизни. Постоянная опасность отъ нападеній воинственныхъ сосѣдей, необходимость самообороны вызывала потребность крѣпкой монархической власти. Поляки то избирали себѣ властителя, то свергали его, возвращаясь къ анархіи. Это повторялось нѣсколько разъ въ начальномъ періодѣ польской исторіи, когда можно сказать сложились основныя черты польскаго національнаго типа. Польскіе Лешки и Кракусы сдѣлались вполнѣ достояніемъ народнаго творчества.

Краковскій канопикъ Іоаннъ Лонгинъ или Длугошъ, жившій въ XV вѣкѣ (1415—1480 г.), этотъ національный польскій историкъ, слѣдующимъ образомъ передаетъ начальную пору исторіи польскаго народа, наполняя разсказъ характерными легендами. Длугошъ о древней Польшѣ.

«Не только при управленіи и господствѣ Леха, перваго князя и родича поляковъ, который стоилъ того, чтобы быть княземъ надъ родомъ и племенемъ польскимъ, но и въ управленіи сыновъ и внуковъ его, изъ которыхъ каждый, принимая управленіе послѣ предковъ и отца, назывался Лехомъ,—земля польская въ продолженіи многихъ лѣтъ, вѣковъ и поколѣній, была безопасна, пользовалась тишиной и свободой. Рѣдко она подвергалась несчастіямъ, ибо, окруженная Альпами и моремъ, знала о войнахъ другихъ народовъ, съ которыми граничила со стороны суши, болѣе по слуху, нежели на самомъ дѣлѣ.

«Польскій народъ имѣетъ среди великаго пространства земли деревни и поселенія, но ни моремъ, ни сушей не посѣщалъ по

(¹) Iana Dlugosza Dzieje Polskie, przelozone na język Polski przez Bornemana Gustawa (w Lesznie i Gnieznie, 1841). Оригиналъ латинскій имѣетъ много изданій.

чужеземному обычаю торжищъ, не стремился къ заморской и заграничной торговлѣ или брачнымъ союзамъ. Употребляя простую пищу, какую доставляетъ родная земля, и одежду не красивую, обработанную туземнымъ промысломъ, польскій народъ удовлетворялъ, безъ большой претензіи и разборчивости, жажду водой, голодъ хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, молокомъ, медомъ и огородной зеленью. Онъ не имѣлъ тогда никакихъ запасовъ, которые бы прельщали или приманивали сосѣдніе и пограничные народы для поселенія или грабежа. Правъ гражданскихъ онъ не зналъ; воля князя была закономъ. И что князь постановилъ, одобрилъ или опредѣлилъ, то узаконялось; непокорныхъ же и упорныхъ постигала страшная кара, не допускавшая отсрочки для раскаянія. Приказъ князя считался закономъ и ничего нельзя было сдѣлать ни необдуманно, ни съ намѣреніемъ, такъ какъ власти королевской подлежали и награды и наказанія, и даже право надъ жизнію.

«Всѣ по очереди и въ назначенное время исполняли на князя работы, давали также дань для стола его и двора хлѣбомъ, скотомъ домашнимъ и дичиной, рыбой, медомъ и другими съѣстными припасами, необходимыми для князя, несли въ дань извѣстное количество мѣховъ лѣсныхъ звѣрей куницъ, бобровъ, горностаевъ и лисъ, которыми въ то время была богата Польша. Въ такого рода работахъ, дарахъ и повинностяхъ они исправляли годовыя подати; золота, серебра и другихъ металловъ не доставляли, исключая одного желѣза на копья, плуги и другія орудія.

«Покрывая крышу соломой, лежа на голой землѣ, богатые скотомъ и хлѣбомъ, не зная споровъ, ссоръ и судовъ, они извѣстны были какъ враги всякой излишней обстановки; по этому ни одинъ странствующій чужеземецъ къ нимъ не приходилъ, никто не привозилъ ни сукна, ни кореньевъ, ни вина, ни другихъ излишнихъ вещей, отъ которыхъ преимущественно людскіе нравы, хотя и суровые, ослабѣваютъ, зная, что народъ, привыкшій къ простой и грубой пищѣ, болѣе презираетъ все это, нежели цѣнитъ. Ибо въ то время поляки не привыкли еще имѣть чего либо излишняго и ненужнаго. Только побуждаемые необходимостью, они пускались въ торговлю, ибо не было тогда ни своихъ, ни заграничныхъ денегъ, а если какіе привозились, то ими пренебрегали; въ торговлѣ-же пользовались сдѣлками и обмѣномъ на слово; такимъ образомъ было покупаемо и продаваемо больше, чѣмъ на деньги.

«Не было тогда у нихъ ни враговъ, ни ненависти, ни войнъ съ пограничными народами, ни союзовъ, ни неправдъ. Всѣ были спокойны и свободны, всѣ счастливы и настолько вполнѣ безопасны, что вѣкъ въ продолженіи господствованія Леха его сыновей и внуковъ, можно было назвать скорѣе золотымъ, нежели Леховскимъ; тогда легкіе и даже незначительные проступки были наказываемы, дабы вслѣдствіе снисхожденія не возникали бо́льшіе, а преступ-

ленія были уничтожаемы въ самомъ началѣ, чтобы гнусные примѣры не увлекли другихъ. Короли и князья польскіе служили тогда своею особою бо́льшимъ страхомъ, чѣмъ самые законы.

При господствующей между поляками умѣренности и скромности, какъ мы сказали, общая сила ихъ до того возросла, что они не только страны, ими занятыя сначала, сдѣлали населенными, но и заселили нѣкоторые морскіе острова; они распространили вѣтви своихъ поселеній вплоть до нѣмцевъ. Большая часть поселившихся на свободныхъ земляхъ, получила различныя названія, какъ-то: Древляне, отъ множества лѣсовъ, въ которыхъ они сначала обитали, у коихъ слѣдующіе замѣчательные города: Буковецъ, теперешній Любекъ, Гамъ, т. е. Гамбургъ, Бреме, Слесникъ, Чешнина. Затѣмъ,—Кашубяне, отъ складокъ на одеждѣ, какую они прежде носили, ибо buba въ польскомъ или славянскомъ языкѣ зовется складкой (farda); *каш* же значитъ *складывай*, въ повелительномъ наклоненіи. Еще Травяне, прозванные отъ изобилія травъ, ибо мѣсто, гдѣ они поселились, было полно травой. Еще Поморяне, которые жили на морскомъ берегу Сѣвернаго моря; отъ нихъ получила названіе земля Поморская. Затѣмъ, Сербяне, прозванные отъ начальника своего Серба.

«Хотя они и называются различными названіями, вслѣдствіе мѣстнаго положенія или отъ именъ начальниковъ, однако всѣ говорятъ однимъ лешскимъ или польскимъ языкомъ, при чемъ, смѣшавшись съ тевтонами и саксами, занявшими ихъ страны, по причинѣ порчи языка произносятъ дурныя и неправильныя слова.

«Остальные лехиты, занявшіе другія земли, безъ перемѣны настоящаго названія, зовутся поляками, хотя между ними есть какое-то раздѣленіе по землямъ, въ которыхъ они живутъ, прозваннымъ отъ столичныхъ ихъ городовъ, возникшихъ тамъ въ послѣдующее время.

Всѣ какъ близкіе, такъ и отдаленные народы, безъ всякаго противительства, не отказываясь, платили подати князю Леху, его сыновьямъ и внукамъ, воздавая имъ честь въ видѣ частныхъ приношеній и подарковъ изъ мѣстныхъ плодовъ. **Лехъ и его потомки.**

Между сыновьями и внуками перваго князя и основателя Польши, Леха, послѣ его смерти, не возникало ни партій, ни несогласій, а первый и старшій, по общему соглашенію, вступилъ на престолъ и въ достоинство бывшаго князя. Съ того времени это постановленіе вошло въ обычай; оно было свято и ненарушимо сохраняемо, пока, послѣ длинныхъ поколѣній, временъ и вѣковъ, совершенно не прекратилось въ прямой линіи потомство князя Леха.

Всѣ болѣе извѣстныя происшествія и войны, которыя вели Лехъ и его внуки, всѣ какія-либо замѣчательныя и великія дѣла,

а также страданія ихъ и радости, когда и въ продолженіи многихъ ли лѣтъ они правили Лехитами или Поляками, какими отличались доблестями и качествами или какими позорились пороками, что именно они содѣлали у себя и у сосѣдей,—вслѣдствіе продолжительности времени и недостатка записей, такъ какъ у самихъ Поляковъ не было совершенно ни писателей, ни хроникъ,—все пришло въ вѣчное забвеніе. Слава ихъ государей покрылась мракомъ, ибо Польскіе князья того времени и вѣка не имѣли необходимости и не считали обязанностію, дѣла свои и войны передавать позднѣйшему потомству.

Поляки скоро отмѣняютъ у себя королевскій санъ. Когда родъ Леха, перваго князя Польскаго, совершенно прекратился, и первые польскіе паны и дворянство совѣщались въ Гнѣзно о выборѣ новаго князя, то всѣмъ въ то время, казалось, лучше быть избавленными отъ княжескаго ярма и пользоваться полною свободою, недопускать никакимъ образомъ подданства новому властителю, изъ опасенія прежнихъ притѣсненій.

«И такъ, они уничтожили монархическое управленіе, благодаря которому королямъ и управителямъ было можно безнаказанно дѣлать всякія своеволія, такъ какъ, вслѣдствіе богатства и природныхъ пороковъ, они дошли до такого безчинства, что презирали своихъ соотечественниковъ, добродѣтельныхъ преслѣдовали, а порочнымъ доброжелательствовали, вызывая всякаго рода упреки. Они нарушали отческіе законы, преступая границы ихъ своими пороками, безчестили женщинъ, безъ приговора лишали имѣній и жизни; не довольствуясь пристойною любовью, оскверняли себя непозволительною; до такой степени во всѣхъ дѣлахъ, вмѣсто справедливости, руководились страстями. Всѣ, склонившись къ такому рѣшенію, чтобы Рѣчь Посполитая, заключавшаяся въ такихъ обширныхъ земляхъ, не осталась безъ управленія,—прежде всего возстановляютъ отческіе законы, какіе, казалось, достаточны были въ тотъ простой и грубый вѣкъ.

12 воеводъ. «Потомъ, выбираютъ двѣнадцать мужей изъ знатнѣйшихъ, жизни неиспорченной, воли твердой, отличающихся благородствомъ и богатствомъ; имъ поручаютъ высшую власть въ управленіи Рѣчью Посполитой, въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ и наказаніи неправдъ и раздоровъ; ихъ власть продолжалась до избранія новыхъ, если того потребовала бы необходимость или выгода. Хотя они завѣдывали безукоризненно ввѣреннымъ управленіемъ, на сколько возможно, но непривычка къ законности и свободѣ причинила то, что ихъ господство стало ненавистнымъ и презрительнымъ. Поляки, забывъ древній порядокъ и суровость, вслѣдствіе полученной свободы, вольничали; приказовъ двѣнадцати воеводъ, если тѣ, въ видахъ порядка и по крайней необходимости, наказывали, не хотѣли слушать и осуждали

ихъ мнѣнія и рѣшенія. Всѣ непослушные и недовольные, видя, что не могутъ быть наказаны, обвиняли самихъ двѣнадцать воеводъ въ томъ, что тѣ мало заботились о Рѣчи-Посполитой, а въ ущербъ объявленнымъ законамъ, стараются будто о собственной прибыли и корысти Отсюда часто между воеводами и гражданами возникали несогласія и споры, которые только вредили благоустроенію Рѣчи-Посполитой. Природа людей оказывается такою же, какъ море; если оно разъ дастъ расколыхать свои воды вѣтру, то не скоро возвратится къ прежней тишинѣ.

«Когда, по милости Божіей, прекратились короли и князья, поляки твердо постановили и рѣшили держать свое государство на началахъ свободы и законовъ, разсуждая, что они гораздо лучше дѣлаютъ, повинуясь законамъ, а не королямъ, и что общественныя ихъ дѣла пойдутъ счастливо при пріобрѣтенной свободѣ. Исключая нѣкоторыхъ, большинство, ставши непокорнымъ и дерзкимъ вслѣдствіе природы своей, обширности государства, безнаказанности поступковъ и своеволія, разнуздалось на всякія непристойности и безобразія. Не довольствуясь внутренними и домашними беззаконіями, они распространили свою ненависть на сосѣднія народы и земли. А потому сосѣдніе народы, возбужденные ихъ неправдами, мстили имъ многими и частыми войнами; а такъ какъ нападенія непріятелей никто въ польскихъ странахъ не отражалъ, споря за свободу, то враги опустошали ихъ. Такимъ образомъ желаемая вольность, предназначенная для государства, къ чему стремились Поляки, принесла Рѣчи-Посполитой наизмѣримыя бѣды и несчастія Слабѣйшіе, притѣсняемые сильнѣйшими, поздно и не во время получали помощь отъ воеводъ. Ибо каждый изъ нихъ стремился къ своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ; тѣмъ они дали поводъ думать, что господство многихъ въ управленіи Рѣчи-Посполитой не выгодно и не прочно, что большею частью вмѣсто того, чтобы заботиться, какъ въ обыкновенное время, о доблестяхъ, развилась зависть до того, что каждый жаждетъ первенства и хочетъ отличаться какъ въ выборахъ, такъ и въ другихъ общественныхъ дѣлахъ; происходили ужасныя несогласія, раздоры и даже кровопролитія, вслѣдствіе чего принуждены были снова обратиться къ монархіи.

«Но теперь возникалъ вопросъ, кто подниметъ такое бремя и кто способнѣе къ управленію народомъ, который, вслѣдствіе вольности сталъ довольно упрямъ и непослушенъ и оказывалъ часто большое сопротивленіе. Однако, послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла, всѣ съ общаго согласія обратились къ мужу извѣстному, жившему на рѣкѣ Вислѣ, недалеко отъ Паннонскихъ горъ, сильному, умному и изворотливому, именемъ Грику, или Граху, такъ какъ знали, что онъ отличался предъ другими способностями, а честность его, много разъ доказанная, была не заподозрѣна. Тогда они, съ общаго согласія и постановленія, выбираютъ его княземъ

чанія выборовъ, тѣ же два гостя, входятъ въ домъ Пяста, къ немалой радости его самого и жены его, привѣтствуютъ его польскимъ королемъ, прибавляя, что онъ въ Польшѣ много лѣтъ будетъ царствовать въ потомствѣ сыновьевъ и внуковъ. Пораженнаго этимъ извѣстіемъ они успокоиваютъ, возвѣщая ему, что онъ получаетъ королевство по волѣ Божіей, отвратить которую нельзя, а что они возвѣщаютъ это вслѣдствіе Премудраго Промысла.

«Когда паны и дворяне натерпѣлись не столько отъ голода, сколько отъ жажды, то Пястъ, наученный своими гостями, по ихъ приказанію, выставляетъ сосудъ съ медомъ, который только что самъ съ своими домочадцами пилъ и которымъ подкрѣпилъ уставшихъ странниковъ. Хотя все сборище, такъ нуждавшееся въ подкрѣпленіи, жалось къ его дому, однако медъ чуднаго качества и питательный отъ стороннихъ частей, не только удовлетворилъ ихъ жаждѣ, но и голоду, такъ что всѣ напились пьяными. А такъ какъ объ этомъ чудѣ разглашали и прежде, а теперь были на дѣлѣ убѣждены, то, вслѣдствіе какого-то божественнаго вдохновенія сердца всѣхъ были воодушевлены, чтобы избрать этого благочестиваго мужа королемъ.

Пястъ. «Одинъ изъ всѣхъ, Пястъ былъ удостоенъ чуднаго знаменія. Его признали достойнымъ господствованія, и трудно понять какое побужденіе охватило сердца всѣхъ пановъ, дворянъ, что столь великую честь предложили Пясту. На другой день они всѣ собираются на площади, всѣ единогласно выбираютъ и провозглашаютъ Пяста королемъ, по предсказанію объявленному днемъ ранѣе Ангелами; прибывшіе въ великомъ множествѣ къ его дому, по законному обычаю, приглашаютъ на тронъ и дѣлаютъ королемъ человѣка уже не молодыхъ лѣтъ. Но на сколько они торопились въ выборѣ, на столько упорно самъ выбранный отказывался. Наконецъ, всѣ, окруживъ отказывающагося, просили, и онъ болѣе по принужденію, чѣмъ по желанію, принялъ королевство. Очевидно, что тѣмъ съ большею для себя и всего потомства честью, онъ пріобрѣлъ это почетное званіе не происками у земляковъ, но замѣчательною скромностью и по божескому опредѣленію. Тогда привѣтствуютъ его королемъ своимъ, всей земли и всего народа, не смотря на то, что мужъ тотъ былъ рожденъ подъ деревенской кровлей, что онъ вовсе не былъ причастенъ дворянскому роду, былъ очень бѣденъ и на самомъ дѣлѣ занимался земледѣлiемъ и пчеловодствомъ. Когда же изъ дурной избы, въ которой онъ жилъ, переселился въ княжескіе покои, то взялъ съ собою башмаки, сдѣланные изъ пробочнаго дуба, велѣвъ ихъ положить въ княжескую палату всѣмъ своимъ потомкамъ показывать и ставить предъ глаза, дабы тѣ, вступая на тронъ польскій, не гордились и не спе-

сивились, узнавъ, что первопачальный ихъ родичъ, получившій достоинство королевское былъ, изъ низшаго рода, и что родъ этотъ долженъ почитаться за чрезмѣрно счастливый. Отъ него произошло столько знаменитыхъ вѣтвей, столько яснѣйшихъ пановъ, столько родилось душъ, славныхъ въ своемъ достоинствѣ, разумѣю,—королей и польскихъ князей, процвѣтающихъ даже до настоящихъ дней.

«Онъ противился бы всякимъ способомъ своему избранію, если бы не былъ предупрежденъ объ этомъ чуднымъ образомъ своими гостями. Затѣмъ, хотя изумленный и полный сомнѣнія, согласился на выборъ. Онъ не могъ прійти въ себя отъ мысли, что его постигло счастіе, на которое онъ не только не надѣялся, но даже о которомъ мечтать не смѣлъ. Потомство его стало на столько же знаменитымъ, на сколько предокъ былъ въ униженіи. Въ управленіи Польскимъ королевствомъ, онъ оказывалъ необыкновенное благочестіе. Несмотря на свое язычество, съ заботливою и усиленною ревностію, какъ тогда, когда былъ ничѣмъ, творилъ онъ дѣла милосердія; то же благочестіе одарило его такими успѣхами, что всѣ удивлялись и славили его правленіе. Паны и вся польская шляхта, видя образцовую и чрезвычайную мудрость, которую онъ проявлялъ и которая, казалось, была не его природнымъ удѣломъ, а дана самимъ небомъ,—пребывали ему послушными, оказывая полную покорность и повиновеніе во всемъ, что онъ постановлялъ и приказывалъ.

«Подъ его же правленіемъ прекратились наѣзды всѣхъ непріятелей, нападавшихъ на Польшу. Уничтожилась свирѣпость разбойниковъ и злодѣевъ, послѣ того, какъ достойною удивленія справедливостью и умѣренностью онъ усмирилъ непріятелей, а разбойниковъ укротилъ справедливою карою.

«Вышло такъ, что Рѣчь-Посполитая, подъ управленіемъ коварнаго короля Попела, а позднѣе, послѣ гибели его со всѣмъ потомствомъ, вслѣдствіе смутъ и домашнихъ войнъ пановъ и дворянъ, очень ослабленная и отягощенная, снова достигла великаго могущества. Тогда столицу изъ Кросвицы Пястъ переноситъ въ Гнѣзно.

Мечиславъ и крещеніе поляковъ въ 962 году.

Пястъ былъ несомнѣнно исторической личностью второй половины IX вѣка. Онъ съумѣлъ высоко поставить значеніе Польши и вернулъ все потерянное при слабыхъ предшественникахъ. Съ княженія Мечислава или Мѣшко, правнука Земовита, Польша начинаетъ входить въ кругъ государствъ западной Европы. Мечиславъ женился на Добровнѣ, сестрѣ чешскаго короля Болеслава Крутаго и въ 962 году крестилъ свой народъ. Польша добровольно признала себя нѣмецкой

ленницей и Оттонъ I учредилъ для нея тогда познанское епископство.

Обстоятельства женитьбы и крещенія Мечислава сходны съ исторіей женитьбы и крещенія русскаго князя Владиміра Св.—Мечиславъ слишкомъ заискивалъ въ покровительствѣ Оттона и получилъ отъ него титулъ маркграфа славянъ съ условіемъ, что онъ обязуется подчинить имперіи всѣ непокоренные доселѣ славянскіе народы. Это было послѣ того, когда поляки побѣдили чеховъ и освободились отъ политической зависимости въ 990 году. Теперь Мечиславъ, предавшій своихъ славянъ нѣмцамъ, помышлялъ о коронѣ. Ему не удалось осуществить этого желанія. Онъ умеръ на верху своего могущества.

Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Болеславъ Храбрый. Его царствованіе относится уже къ XI вѣку. На этой противославянской миссіи мы оставляемъ молодую Польшу.

IV.

ЗАПАДЪ ВЪ X и XI СТОЛѢТІЯХЪ. СВЯЩЕННАЯ РИМСКО-ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ПАПСТВОМЪ И СЛАВЯНАМИ.

А) ДО ПАПСКО-ИМПЕРАТОРСКОЙ БОРЬБЫ.

1) Саксонскій домъ въ борьбѣ со славянами.

Излагая исторію романо-германскихъ земель, мы остановились на прекращеніи дома Каролинговъ; говоря объ исторіи юговосточныхъ и западныхъ славянъ, мы дошли до того момента, когда славяне приходятъ въ соприкосновеніе съ Германіей и когда начинается національная борьба между этими двумя народностями. Борьба эта не могла быть успѣшна для славянъ, потому что имъ пришлось имѣть дѣло на этотъ разъ съ Германіей, уже окрѣпшей, ибо она возродилась въ имперіи. Обаяніе имперіи, распространяющей по римскимъ воспоминаніямъ свою власть на весь міръ, было всегда сильно у германцевъ. Варвары благоговѣли предъ императоромъ и имперіей, когда еще римская цивилизація не успѣла наложить на нихъ свою печать (1).

Связь Каролинговъ съ саксонскимъ герцогскимъ домомъ.

Мы упоминали о томъ состояніи, въ которомъ находилась Германія во время Карла Великаго. Изъ самыхъ сильныхъ и живучихъ германскихъ народовъ, саксонцы, послѣ столь долговременной борьбы за свою независимость, были совершенно разгромлены франками. Но все таки въ саксонцахъ было столь живучести, столько силы, что они вновь явились соперниками франковъ, переродившихся теперь во французовъ. Карлъ Толстый, властитель почти всѣхъ земель Карловой монархіи (2), былъ послѣднимъ представителемъ этой прямой линіи. Его племянникъ Арнульфъ, принявшій императорскій титулъ въ 896 году и сынъ, нѣмецкій король Людвигъ IV (899—912 г.) были послѣдними изъ Каролинговъ на Гер-

(1) Ranke. Jahrbücher des deutschen Reiches unter dem Sächsischen Hause (B. 3 B. 1837—40).—Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit (I. 5 Ausg. 1881).

(2) Король Швабіи съ 876 г., Италіи съ 879, императоръ съ 881, король Франціи съ 885, низложенъ въ 887 году. См въ приложеніи для уясненія родственныхъ отношеній генеалогическую таблицу Каролинговъ.

манскомъ престолѣ. Сестра Людовика, Гедвига, дочь Арнульфа вступила въ бракъ съ знаменитымъ Саксонскимъ герцогомъ Оттономъ, котораго современники прозвали Великимъ за его счастливыя войны. Сынъ отъ этаго брака, герцогъ Генрихъ, прозванный послѣ Птицеловомъ, въ шестомъ поколѣніи приходился потомкомъ Карла Великаго по женской линіи и перенесъ на саксонскій домъ традиціи Каролинговъ. Эта брачная связь и была главной причиной, въ силу которой корона королевская досталась въ Германіи дому саксонскихъ герцоговъ.

Король Конрадъ I (912—918 г.).

Когда Людвигъ умеръ, то весь народъ пожелалъ возложить королевскую корону на саксонскаго герцога Оттона. Оттонъ былъ старъ и потому отклонилъ предложеніе въ пользу Конрада, герцога Франконіи, сына другой дочери Арнульфа, Гизмонды, слѣдовательно, стоявшаго по отношенію къ Карлу Великому въ той же степени родства, какъ и Генрихъ Саксонскій. Франконія, это нынѣшняя прусская провинція Гессенъ-Нассау съ сѣверной частью Баваріи, Виртемберга и Бадена, а именно земли между Швабіей, Чехіей, Тюрингіей и Лотарингіей. То было самое сильное герцогство послѣ саксонскаго, съ городами Майнцемъ, Франкфуртомъ, Вюрцбургомъ, Вормсомъ, Шпейеромъ и др. Потому-то, въ исторіи Германіи X, XI и XII столѣтій, мы видимъ постоянную борьбу за престолъ между франконскимъ и саксонскимъ домами (¹).

Уступивъ корону Конраду, старый Оттонъ саксонскій только скрылъ свои истинныя намѣренія. Онъ вскорѣ умеръ. Его преемникъ Генрихъ успѣлъ отличиться въ борьбѣ съ славянами и аварами, онъ выставилъ свою кандидатуру. Понятно, что Конрадъ не захотѣлъ уступить добровольно корону Германіи Генриху. Началась борьба. Уже въ первой битвѣ погибло столько франковъ, что странствующіе пѣвцы, видимо сочувствовавшіе Генриху, составляли пѣсни, въ которыхъ между прочимъ ставили такой вопросъ: „гдѣ можно найти столь обширный адъ, который бы могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ павшихъ франконцевъ"? Конрадъ долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи. Общее мнѣніе въ Германіи было за Генриха Саксонскаго. Всѣ, даже франконцы желали [illegible] тона на королевскомъ престолѣ. Зная

Konrad I der Franke (Fulda, 1858). Stein (Nordl. 1872).

объ этомъ, Конрадъ, будучи бездѣтнымъ, просилъ своего наслѣдника и брата отречься отъ короны и передать ее врагу ихъ дома. „Мы можемъ выставить, говорилъ въ послѣднее время Конрадъ, и вывести въ походъ много войска; у насъ есть крѣпости, оружіе, регаліи и все что служитъ къ возвышенію королевскаго достоинства; но у насъ нѣтъ счастія и удачи. Счастіе, мой братъ, вмѣстѣ съ блестящей удачей стоитъ на сторонѣ Генриха. Слѣдовательно и спасеніе Германіи въ рукахъ саксовъ. Генрихъ будетъ истиннымъ королемъ и повелителемъ народовъ". Конрадъ завѣщалъ брату своему передать Генриху всѣ регаліи старыхъ королей, — копье, мантію, мечъ и корону, что было въ точности исполнено.

Король Генрихъ I (919—936 г.).

Весною 919 г., по смерти Конрада, братъ его провозгласилъ саксонскаго принца королемъ Германіи и отправилъ къ нему пословъ съ регаліями. Послы будто застали Генриха за птичьей ловлей, отчего Генрихъ и получилъ прозвище Птицелова. Впрочемъ, это указаніе встрѣчается только у позднѣйшихъ лѣтописцевъ, лѣтъ полтораста спустя; т. е. во второй половинѣ XI вѣка; о таковомъ прозвищѣ не знали современники. Генрихъ не заставилъ себя долго просить. Онъ возложилъ на себя корону, хотя положеніе его было затруднительно. Швабы и баварцы не признавали его въ королевскомъ достоинствѣ; на нѣмцевъ налетали венгры, авары и, давно уже раздраженные германцами, славяне.

Генрихъ обладалъ многими данными для успѣха въ борьбѣ. Витекиндъ, можетъ быть преувеличенно, считаетъ его мудрымъ, но по общимъ отзывамъ современниковъ онъ приносилъ съ собой на простолъ опытность, пріобрѣтенную имъ въ борьбѣ съ славянами и аварами, и счастіе, которое, казалось, никогда его не покидало ([1]).

([1]) Надо замѣтить, что Витекиндъ или Видукиндъ, на котораго мы только что указали, не могъ знать лично Генриха, потому что онъ умеръ около 1000 года, тогда какъ Генрихъ скончался въ 936 году. Хроника Витекинда—«Res gestae Saxonicae», доведенная до 973 года, состоитъ изъ трехъ книгъ. Это существенный источникъ. Хотя Витекиндъ, какъ монахъ Корвэйскаго монастыря, облагодѣтельствованнаго Саксонской династіей, и пристрастенъ къ Генриху, но все же можно выдѣлить правду изъ его разсказовъ. Для царствованія Генриха—1-я книга; 2-я и 3-я для Оттона Великаго. Другой лѣтописецъ того времени, Ліутрандъ изъ Павіи, секретарь итальянскаго короля Беренгалія II, а потомъ епископъ Кремонскій, занятъ преимущественно итальянскими отношеніями. Въ своемъ «Antapodosis» онъ пристрастенъ къ саксонцамъ, потому что пользовался большимъ благоволеніемъ со стороны Генриха. Сверхъ того его сочиненія надуты, изысканы, фигуральны; но за этими качествами, можно открыть

Можетъ быть потому саксонская династія освѣщена такимъ благопріятнымъ свѣтомъ, что источники имѣютъ односторонній характеръ. На сколько Витекиндъ не можетъ безъ волненія вспомнить о саксонцахъ, видно изъ слѣдующаго: „Преславная, благородная, по мудрости ни съ кѣмъ несравнимая королева Матильда родила королю перворожденнаго сына, любимца вселенной, по имени Оттона, потомъ втораго, украшеннаго отцовскимъ именемъ, Генриха, храбраго и умнаго мужа, затѣмъ третьяго, по имени Бруно, который въ одно и то же время былъ мужественнымъ полководцемъ и верховнымъ владыкою (а въ сущности только Кельнскимъ архіепископомъ)... ([1]).

Положеніе Генриха было затруднительно. Внѣшніе враги не заставили себя долго ждать. Черезъ два года по вступленіи Генриха на престолъ, т. е. въ 921 году, явились венгры въ Германіи и осадили Генриха въ собственномъ его замкѣ. Счастливая вылазка помогла Генриху. Она дала ему въ плѣнъ вождя любимаго венграми. Генрихъ, на просьбу венгровъ выдать плѣнника, выставилъ условіемъ девятилѣтнее перемиріе, на что венгры согласились. Этимъ временемъ императоръ посиѣшилъ воспользоваться ([2]).

Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на грабежи и разбои. Онъ ловилъ разбойниковъ и населялъ ими вновь строющіеся города. Этими разбойниками былъ населенъ Мерзебургъ и его окрестности. Новый городъ сдѣлался базисомъ дальнѣйшихъ операцій противъ славянъ. Изъ своего войска онъ выбралъ девятаго человѣка и поселилъ выбранныхъ въ крѣпостяхъ съ тѣмъ, чтобы они заботились о приготовленіи пищи для остальныхъ 8 воиновъ. Поселянъ славянскаго происхожденія онъ заставилъ платить треть ихъ доходовъ на построеніе крѣпостей, надъ чѣмъ, по замѣчанію Витекинда, работали день и ночь. На случай войны поселяне должны были сидѣть въ ближайшихъ къ нимъ крѣпостяхъ, спаливъ предварительно свои деревни, дабы непріятель не могъ укрыться въ нихъ. Такъ

много вѣрныхъ фактовъ, отдѣливъ, конечно, прикрасы и риторику. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о хроникѣ аббата Регино или лучше его продолжателя, доведенной до 967 и передающей только сухіе факты, также о хроникѣ французскаго монаха Рихера изъ Санъ-Реми. Его «Histor. libri IV» (888—995 г.) найдены лишь въ 1883 году Пертцомъ въ Бамбергѣ. Вообще источники для имперіи X вѣка недостаточны и не соотвѣтствуютъ важности событій. Для критики: Wedekind (1821), Contzen (Die Geschichtschreiber der sächsischen Kaizerzeit, 1837), Dahlmann (1838); Wattenbach (1858, 1866 2 Augs.). Maurenbrecher (1861).

([1]) Widukindi—Res ges. Sax. I, 31.

([2]) Widukindi—Res ges. Sax. II. 35.

какъ венгры были конниками, и, слѣдовательно, борьба съ ними для нѣмцевъ-пѣшихъ была неравна. Генрихъ пріучилъ послѣднихъ къ конной битвѣ, къ которой германцы и безъ него чувствовали склонность. Было возстановлено старое узаконеніе, въ силу котораго въ случаѣ войны призывались къ защитѣ всѣ способные носить оружіе.

Борьба съ полабскими славянами

Прежде чѣмъ начать войну съ венграми, Генрихъ захотѣлъ испробовать свою систему на менѣе опасныхъ и болѣе мирныхъ славянахъ. Онъ дѣлаетъ нападеніе на одно изъ славянскихъ племенъ, гаволянъ, главнымъ городомъ которыхъ былъ Бранный Боръ, или какъ называетъ его Витекиндъ, Бреннабургъ (нынѣшній Бранденбургъ). Воспользовавшись сильнымъ морозомъ, онъ расположился на льду рѣки и взялъ городъ. Съ потерей своей крѣпости, гаволяне покорились, причемъ Генрихъ взялъ въ плѣнъ ихъ князя Тугоміра. Успѣхи ободрили Генриха. Перейдя на лѣвый берегъ Лабы, онъ покорилъ долемницевъ въ 929 году, подчинилъ чешскаго князя Венцеслава (Вячеслава), прозваннаго святымъ, и обложилъ его данью ([1]).

Другіе полабскіе насельцы были на очереди, такъ какъ ротари съ сѣвера стали ближайшими сосѣдями покоренныхъ гаволянъ. Они не дождались нападенія Генриха, а сами напали на него и взяли одну крѣпость. По этому сигналу возстали всѣ полабскіе славяне и составили такъ называемый Велетскій союзъ, главной крѣпостью котораго было Ленчино на Эльбѣ. Королевское войско пошло на нихъ. Союзники потерпѣли рѣшительную неудачу. Они бѣжали по болотамъ и озерамъ, гонимые нѣмцами. Отъ большой рати осталось только немного ратниковъ.

Походъ кончился безпощаднымъ истребленіемъ окрестныхъ славянъ. Нѣмцы убивали не только мужчинъ, захваченныхъ въ плѣнъ, по большей части рабовъ, но также женщинъ и дѣтей. Скоро явились мстители за славянъ. То были бодричи и датчане. Впрочемъ Генрихъ и на этотъ разъ былъ счастливъ. Онъ покорилъ бодричей и въ 935 г. усмирилъ датчанъ. Теперь заложена была новая марка Саксонская, ближайшая къ славянамъ. На ней пролилось много крови.

([1]) Объ этомъ подробно говоритъ Адамъ Бременскій (I, 48). Витекиндъ же лишь кратко замѣчаетъ: «Cumque vicinae gentes a rege Heinrico factae essent tributariae: Apodriti, Wilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi. Redarii» (I, 36. Pertz: V, 4..).

какъ венгры были конниками, и, слѣдовательно, борьба съ ними для нѣмцевъ-пѣшихъ была неравна, Генрихъ пріучилъ послѣднихъ къ конной битвѣ, къ которой германцы и безъ него чувствовали склонность. Было возстановлено старое узаконеніе, въ силу котораго въ случаѣ войны призывались къ защитѣ всѣ способные носить оружіе.

Борьба съ полабскими славянами.

Прежде чѣмъ начать войну съ венграми, Генрихъ захотѣлъ испробовать свою систему на менѣе опасныхъ и болѣе мирныхъ славянахъ. Онъ дѣлаетъ нападеніе на одно изъ славянскихъ племенъ, гаволянъ, главнымъ городомъ которыхъ былъ Бранный Боръ, или какъ называетъ его Витекиндъ, Бреннабургъ (нынѣшній Бранденбургъ). Воспользовавшись сильнымъ морозомъ, онъ расположился на льду рѣки и взялъ городъ. Съ потерей своей крѣпости, гаволяне покорились, причемъ Генрихъ взялъ въ плѣнъ ихъ князя Туміра. Успѣхи ободрили Генриха. Перейдя на лѣвый берегъ Лабы, онъ покорилъ долеминцевъ въ 929 году, подчинилъ чешскаго князя Венцеслава (Вячеслава), прозваннаго святымъ, и обложилъ его данью (¹).

Другіе полабскіе насельцы были на очереди, такъ какъ ротари съ сѣвера стали ближайшими сосѣдями покоренныхъ гаволянъ. Они не дождались нападенія Генриха, а сами напали на него и взяли одну крѣпость. По этому сигналу возстали всѣ полабскіе славяне и составили такъ называемый Велетскій союзъ, главной крѣпостью котораго было Ленчино на Эльбѣ. Королевское войско пошло на нихъ. Союзники потерпѣли рѣшительную неудачу. Они бѣжали по болотамъ и озерами, гонимые нѣмцами. Отъ большой рати осталось только немного ратниковъ.

Походъ кончился безпощаднымъ истребленіемъ окрестныхъ славянъ. Нѣмцы убивали не только мужчинъ, захваченныхъ въ плѣнъ, по большей части рабовъ, но также женщинъ и дѣтей. Скоро явились мстители за славянъ. То были бодричи и датчане. Впрочемъ Генрихъ и на этотъ разъ былъ счастливъ. Онъ покорилъ бодричей и въ 935 г. усмирилъ датчанъ. Теперь заложена была новая марка Саксонская, ближайшая къ славянамъ. На ней пролилось много крови.

(¹) Объ этомъ подробно говоритъ Адамъ Бременскій (I, 48). Витекиндъ же лишь коротко замѣчаетъ: «Cumque vicinae gentes a rege Heinrico factae essent tributariae: Apodriti, Wilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi, Redarii» (I, 36. Pertz; V, 433).

Борьба съ венграми.

Тогда Генрихъ почувствовалъ, что настало время отмстить венграмъ. Когда венгры, по прошествіи 9-лѣтняго перемирія пришли за данью, Генрихъ отказалъ имъ. Часто приводятъ преданіе, будто Генрихъ послалъ венграмъ паршивую собаку съ отрубленной головой; фактъ, вѣроятно, вымышленный; по крайней мѣрѣ, Витекиндъ ничего подобнаго не говоритъ. Генрихъ, собравъ сеймъ, сказалъ, что если германцы будутъ продолжать платить дань венграмъ, то придется отобрать богатства церквей. Собраніе потребовало войны.

Теперь настало время направить всѣ силы къ отмщенію. Между тѣмъ два ополченія венгровъ подвигались впередъ. Генрихъ попыталъ свое искусство. Первое ополченіе бѣжало изъ Тюрингіи, второе—изъ подъ Мерзебурга. Венгерская сила была сломлена. Много венгровъ попалось въ плѣнъ.

Послѣ этого Генрихъ велѣлъ раздать бѣднымъ и церквамъ дань, платимую венграмъ, и, чтобы увѣковѣчить событіе, приказалъ написать картину битвы. Тогда, подъ вліяніемъ увлеченія и чувства благодарности, войска тутъ-же на полѣ битвы провозгласили своего короля императоромъ. По словамъ Витекинда, Генрихъ, столь счастливый въ войнахъ и мирѣ, на закатѣ дней своихъ хотѣлъ предпринять походъ въ Италію и подчинить ее Германіи. Извѣстно что дѣятельность выдающихся людей обыкновенно вездѣ украшается различными вымыслами. Напримѣръ, того же Генриха считаютъ основателемъ такихъ маркграфствъ, такихъ епископствъ, которыя не могли существовать въ его время.

Городское право.

Во всякомъ случаѣ, справедливо одно изъ предположеній позднѣйшихъ историковъ, по отношенію къ Генриху. Въ дѣятельности Генриха видно желаніе создать городское сословіе. До того времени города были населены рабами и евреями, жизнь которыхъ не была ничѣмъ обезпечена отъ насилія. Забитые евреи еще со временъ Гонорія пользовались различными льготами; напр., имъ дано было право свободнаго проживанія въ нѣкоторыхъ городахъ. Кромѣ еврейскаго насе-
го промышленнаго сословія.
ю въ томъ, что онъ побѣ-
саксонцевъ къ городской
дарованія льготъ. Напр.
рода обезпеченіе въ ско-
емы были особые графы,

считавшіеся въ зависимости отъ окружныхъ графовъ, но въ сущности самостоятельные. Эти графы судили въ мирное время и предводительствовали городскимъ ополченіемъ во время войны. Такъ какъ окружные жители стали съѣзжаться въ города на различныя празднества, то въ нихъ образовались ярмарки. До сихъ поръ все изготовлялось въ деревняхъ и селахъ, по преимуществу крѣпостными. Теперь за трудъ взялись свободные. Явились различные ремесленники, мастера, подмастерья и т. д. Возможность промышленныхъ работъ сама собою увеличивала городское населеніе. Вокругъ городовъ воздвигались посады и слободы, которые впослѣдствіи обнесли стѣнами.

Такимъ образомъ въ административныхъ мѣрахъ Генриха коренится источникъ одной изъ важныхъ сторонъ развитія цивилизаціи. Трудно согласиться съ нѣмецкими историками-патріотами, что Генрихъ поступалъ въ этомъ случаѣ сознательно. Заслуга его тутъ случайная, потому что города съ своей промышленностью возникали помимо его воли.

Коронованіе Оттона I (936—973 г.).

Подъ конецъ жизни, Генрихъ созвалъ своихъ вассаловъ въ Эрфуртъ и убѣдилъ ихъ признать Оттона при жизни королемъ Германіи. Этому пріему послѣ часто подражали нѣмецкіе государи. Коронованіе Оттона въ Ахенѣ было въ высшей степени торжественно и послужило какъ бы программой для будущихъ коронацій. Это коронованіе описано у Витекинда во II книгѣ (1 главѣ). Архіепископъ Майнцскій, Кельнскій, Трирскій соперничали за честь быть руководителями церемоніи. Франконскій герцогъ завѣдывалъ кушаньями, Швабскій—виномъ, Баварскій—конюшнями и т. д. Такимъ образомъ здѣсь видно начало позднѣйшихъ чиновъ, имперскихъ избирателей. Оттонъ не привлекалъ къ себѣ сердца подданныхъ, однако внушалъ къ себѣ уваженіе, хотя ему и было только 24 года. Но когда ему подали при коронаціи мечъ, съ наставленіемъ заботиться объ изгнаніи враговъ Христа, о благѣ народа и соблюдать миръ во всемъ христіанствѣ, всѣ присутствовавшіе прониклись увѣренностью, что онъ исполнитъ свое назначеніе. Ожиданія ихъ отчасти оправдались ([1]).

([1]) Продолжительное и блестящее царствованіе Оттона I не богато историками. Кромѣ общихъ источниковъ X вѣка, 2 и 3 книги В и т е к и н д а,— непосредственно для Оттона служитъ историческая поэма Г р о с в и т ы, монахини въ Гандерсгеймѣ, «Panegyricus Ottonis Magni», не лишенная

Извѣстно, что Оттонъ I хотѣлъ объединить подъ своей властью Германію, чтобы потомъ усилить ее Италіей. Онъ

нѣкотораго историческаго значенія, потому что авторомъ ея было лицо, современное событіямъ. Самое названіе «Panegyricus Ottonis Magni» показываетъ характеръ поэмы,—принадлежащей перу извѣстной драматической писательницы того времени. Гросвита хотѣла отблагодарить Оттона Великаго за покровительство монастырю, къ которому онъ питалъ уваженіе, и поэтому, по порученію Оттона II, описала блистательные подвиги Оттоновъ до 967 года. Въ этой поэмѣ есть существенное достоинство: она вторитъ голосу народа, отражаетъ, такъ сказать, общественное воззрѣніе на Оттоновъ въ Германіи. Писательница начинаетъ поэму 919 годомъ и оканчиваетъ началомъ 967 года; но къ сожалѣнію, въ этомъ «Панегирикѣ Оттона Великаго» потеряно большое мѣсто отъ 953 до 962 года. Для критики этой поэмы служитъ латинская монографія Фрейтага (De Rosvitha poetria, Vrat. 1839). Ліутпрандъ оставилъ неоконченное сочиненіе объ Оттонѣ I, въ 22 главахъ; онъ писалъ въ 964 году и касательно Италіи сообщалъ менѣе, чѣмъ о другихъ отношеніяхъ. Авторъ сопутствовалъ Оттону въ его италійскомъ походѣ и за эту услугу получилъ мѣсто епископа Кремоны, гдѣ за 4 года до своей смерти дополнилъ прежнее сочиненіе. Напрасно Potthast (въ Bibliotheca historica) хвалитъ его безпристрастіе. Косвенно сюда же относятся: жизнеописанія Кельнскаго архіепископа Бруно, брата Оттона и Аугсбургскаго епископа Адалариха, особенно перваго, написанныя бенедиктинскимъ монахомъ Рутгеромъ въ 966 году. Бруно много помогалъ брату, служа ему и опорой своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Одилонъ, аббатъ монастыря Клюньи, въ Бургундіи близь Макона, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей XI вѣка. Онъ составилъ жизнеописаніе императрицы Аделаиды, жены Оттона I. Аббатство Клюньи имѣло огромное значеніе для исторіи въ средніе вѣка. Задачей Одилона было прославить принципы новой реформы, совершившейся въ монастырѣ и тѣмъ подготовить возрожденіе клира. Вскорѣ правиламъ Клюнійскаго монастыря подчинились многіе монастыри Франціи, Бургундіи, Италіи и Германіи; въ самомъ Римѣ былъ основанъ монастырь Клюнійской конгрегаціи, откуда вышелъ Григорій Гильдебрандъ. Это было одно изъ аббатствъ, которое проводило принципъ нравственности и дѣйствительно заботилось объ исправленіи общества и духовенства. Первый монастырь Клюньи былъ основанъ въ 909 году Берпономъ, но настоящимъ его преобразователемъ былъ Одо, преемники котораго Эймаръ и Майонъ продолжали его трудъ; аббатъ Клюньи къ концу X вѣка сдѣлался верховнымъ владыкою и судьею западной Европы. На судъ Клюнійскаго аббата покорно шли императоры, короли и даже папы. Потому имена этихъ аббатовъ для той эпохи занимаютъ болѣе важное мѣсто, чѣмъ исторія современныхъ королей и папъ. Майонъ и Одилонъ правили монастыремъ 56 лѣтъ отъ 993—1049 г. Аделаида, какъ королева Бургундіи, Германіи и Италіи, имѣла большое вліяніе на распространеніе клюнійской реформы; въ виду этого Одилонъ и описалъ ея жизнь въ 1040 году. Что касается до другихъ лѣтописцевъ, то Титмаръ Мерзебургскій (см. диссертацію г. Фортинскаго) между ними имѣетъ преимущественное значеніе. Онъ писалъ въ 1010 г. исторію нѣмецкихъ королей (879—1018), весьма важную для славянъ; но онъ мало сосредоточивается на Оттонѣ I, также какъ Адамъ Бременній (1076). Критика ихъ у Contzen'a, Häusser'a и Wattenbach'a. Кромѣ сборника Ранке и соч. Гизебрехта, укажемъ на послѣднюю біографію Оттона, Köpke и Dümler (1876) и старую Vehse (1867).

былъ вполнѣ выразителемъ задачъ своего времени. Способный на всякую жестокость, крайне честолюбивый, Оттонъ умѣлъ владѣть собою. Его характеръ, исполненный великодушія, гордости, высокихъ порывовъ, честолюбія, давалъ ему возможность достигнуть желаемаго. Онъ не казался государемъ, а въ дѣйствительности былъ таковымъ. Онъ приносилъ съ собою на престолъ самыя широкія представленія о королевской власти. Онъ не былъ по росту современникамъ.

Кромѣ войнъ съ внѣшними врагами Оттону не разъ приходилось вести серьезную борьбу и внутри государства, противъ него возстали герцоги Франконіи и Тюрингіи, а вскорѣ прошелъ слухъ о заговорахъ.

Междоусобица въ Германіи.

Родные братья стали его врагами. Сначала онъ долженъ былъ воевать съ Тинкмаромъ, старшимъ братомъ, который не имѣлъ права на престолъ, потому что санъ императорскій былъ издавна избирательнымъ; затѣмъ онъ боролся съ младшимъ братомъ Генрихомъ. Въ союзѣ съ герцогомъ франконскимъ Тинкмаръ произвелъ одновременное возстаніе въ Саксоніи и Франконіи. Однако заговоръ этотъ въ 941 году былъ подавленъ не столько силою оружія, сколько благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Оттонъ простилъ мятежниковъ, отнявъ у нихъ владѣнія. Франконія была раздроблена, по прекращеніи законной династіи. Лотарингію императоръ отдалъ зятю своему, Конраду Вормскому, женатому на единственной дочери Оттона, Лютгардѣ. Отъ этого брака происходитъ Лотарингскій домъ, съ которымъ впослѣдствіи породнилась габсбургская династія и дала нынѣшнюю линію австрійскихъ императоровъ. Сыну своему, Людольфу, король отдалъ Швабію, а Саксоніей и Тюрингіей управлялъ самъ; но въ виду продолжительныхъ отлучекъ изъ Тюрингіи сперва предоставилъ управленіе Саксоніей Герману, сыну Биллинга, съ титуломъ герцога,—а остальную, пограничную часть, Саксонскую марку, послѣ побѣды надъ славянами, передалъ графу Геропу.

Войны съ славянами. Германъ Биллингъ и маркграфъ Геронъ.

Кромѣ итальянскихъ войнъ императоръ предпринимаетъ еще походы противъ возставшихъ вассаловъ, а также противъ полабскихъ славянъ: въ томъ и другомъ случаѣ ему помогалъ чешскій король Болеславъ Крутой. Такъ, когда въ 953 году возстаніе имперскихъ вассаловъ грозило Оттону серьезной

опасностью, Болеславъ поспѣшилъ къ нему на помощь и много способствовалъ его побѣдѣ; потомъ онъ же помогалъ ему въ войнѣ съ мадьярами.

Когда въ ближайшемъ сосѣдствѣ бодричей и лютичей утвердилась власть саксонцевъ, въ лицѣ маргграфа Герона и герцога Германа Биллинга, то въ славянахъ стало усиливаться негодованіе, которое вызвало впослѣдствіи вооруженное столкновеніе, такъ какъ въ ихъ земляхъ стали появляться нѣмецкіе проповѣдники и сборщики; притомъ и Биллингъ и маркграфъ ненавидѣли славянство. Полабскіе князья, по словамъ Витекинда, задумали убить маркграфа Герона, который казался имъ особенно опаснымъ. Но маркграфъ предупредилъ ихъ. Напоивъ до пьяна 30 славянскихъ князей, онъ зарѣзалъ ихъ. Такое позорное нарушеніе правъ гостепріимства вызвало ожесточенную месть. Въ отвѣтъ на это раздался кличъ: „борьба на смерть съ нѣмцами". Борьба велась съ большими жестокостями со стороны славянъ, которые жгли нѣмецкія селенія, убивали нѣмецкихъ колонистовъ и вторгались на германскую почву. Бодричи шли впереди; они разбили саксонцевъ, стѣснили Герона и заняли марку. Самъ Оттонъ долженъ былъ явиться, чтобы спасти имперію. Завязалась непримиримая борьба со всѣми ея ужасами. Витекиндъ хорошо понялъ смыслъ этой борьбы, говоря что нѣмцы сражаются за славу и распространеніе своей власти, а для славянъ дѣло идетъ о выборѣ между свободой и рабствомъ; всякое бѣдствіе въ глазахъ славянъ было ничтожно въ сравненіи съ потерей свободы. „Это какое-то суровое отродье людей, которое нельзя испугать никакой строгостью", мѣтко замѣчаетъ Витекиндъ; „привыкнувъ къ самой жалкой пищѣ, славяне считаютъ наслажденіемъ то, что для насъ было бы невыносимымъ бременемъ" ([1]).

Германъ Биллингъ правилъ одновременно съ Оттономъ (936—973 г.). Съ его именемъ и вообще съ Биллингами соединяется представленіе о той безсердечной политикѣ, которая обратила кроткаго славянина въ ожесточеннаго врага христіанства, настойчиво и упорно распространяемаго при Биллингахъ ([2]).

([1]) **Widukindi**—Res gestae Sax. II, 20, apud **Pertz**; V, 444.

([2]) **Павинскій**. Полабскіе славяне, стр. 74.

То чего не могли сдѣлать храбрость и искусство Оттона, довершила измѣна. Плѣнный славянскій князь Тугуміръ предложилъ нѣмцамъ свои услуги. Ему обѣщали власть надъ гаволянами въ Бранинборѣ съ обязательствомъ подчиненія. Онъ согласился, убилъ своего племянника и предалъ Бранинборъ Оттону. Ротари принуждены были смириться и тогда покоренные славяне между Лабой и Одромъ согласились платить дань нѣмецкому королю въ 939 г. Но по мѣрѣ того, какъ нѣмецкіе проповѣдники и сборщики увеличивались въ славянскихъ земляхъ, народомъ овладѣвало негодованіе, которое часто вызывало вооруженное сопротивленіе.

До 954 г. тянулось перемиріе. Оно находилось въ связи съ внѣшней политикой Оттона, его пангерманскими замыслами. Но вотъ Геронъ снова ударилъ на украинцевъ, на берегахъ Одра и побѣдилъ ихъ; за свой подвигъ онъ прослылъ по нѣмецкимъ землямъ могучимъ и славнымъ человѣкомъ (1).

Тогда бодричи и лютичи снова поднялись. Они нашли поддержку въ саксонскихъ претендентахъ. Племянники Биллинга—Вихманъ и Эгбертъ преслѣдуемые своимъ дядей и Оттономъ, укрылись у венетовъ, въ Свѣтломъ Кранецѣ. Дяди осадили племянниковъ, но безуспѣшно. Они отступили и на обратномъ пути были разбиты славянскимъ войскомъ. По ихъ слѣдамъ ворвались въ Саксонію славяне. Ихъ велъ Вихманъ, хорошо знавшій свою родину; его увлекала, конечно, месть, а не какое либо расположеніе къ славянамъ.

Пораженіе нѣмцевъ послужило знакомъ для другихъ. Вихманъ и Эгбертъ заняли со своими сообщниками нѣсколько городовъ, но оттѣсненные Германомъ, они подняли бодричей, которые и пришли къ нимъ на помощь подъ начальствомъ двухъ вождей. Бодричи весною напали на саксонцевъ; однако они не опозорили свой путь грабежами и убійствами, пока сами саксонцы не подали имъ повода къ жестокостямъ. Одна сосѣдняя нѣмецкая крѣпость сдалась бодричамъ вмѣстѣ съ рабами и имуществомъ; но сдавшіеся выговорили неприкосновенность и свободу какъ для себя, такъ и для женъ и дѣтей своихъ. Когда славяне вступили въ городъ, то одинъ изъ воиновъ, узнавши свою прежнюю невольницу, бывшую уже замужемъ за свободнымъ человѣкомъ въ этомъ городѣ, старался

(1) Widukindi—Res gestae Sax. III, 54, apud Pertz; V, 461.

вырвать ее изъ рукъ мужа, но получилъ отъ него ударъ, и, считая себя обиженнымъ, закричалъ, что саксонцы нарушили договорныя условія. Тогда всѣ бодричи бросились на саксонцевъ, мужчинъ всѣхъ истребили, а женъ и дѣтей увели въ рабство. Отчаявшись побѣдить бодричей собственными силами, Германъ просилъ у Оттона помощи.

Оттонъ сначала не могъ помочь ему, потому что имѣлъ тогда дѣла съ мадьярами; но потомъ, одержавши надъ ними полную побѣду на берегахъ Леха, въ 955 г., съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ страну бодричей.

Когда Оттонъ увидѣлъ себя во главѣ огромнаго войска, то сдѣлался надменнымъ въ высшей степени, радуясь тому что наконецъ нашелъ случай отомстить бодричамъ, требуя при этомъ вознагражденія за зарѣзанныхъ въ крѣпости. Предпочитая войну унизительному миру, бодричи, велеты, черезпѣняне, долинчане взялись тотчасъ за оружіе и все пространство отъ Лабы до Одра воодушевилось одною общею мыслію.

Впрочемъ Поморяне не поддержали своихъ соплеменниковъ, потому что не имѣли политическихъ отношеній къ нѣмцамъ. Это было совершенно въ славянскомъ духѣ. Напротивъ, Ране или Ругіи съ острова Раны (Рюгенъ), руководимые духомъ славянской розни, измѣнили своимъ и помогали нѣмцамъ. Славяне находились въ критическомъ положеніи, такъ какъ на нихъ съ юга шелъ черезъ земли гаволянъ и украинцевъ маркграфъ Геронъ, а съ запада черезъ Лабу приближался самъ Оттонъ въ союзѣ съ измѣнникомъ, чешскимъ княземъ Болеславомъ Крутымъ.

Между тѣмъ Стойгнѣвъ, руководившій дѣлами славянъ, завлекъ императора Оттона въ болотистыя и лѣсистыя окрестности Морычскаго озера, около Малкова, гдѣ до сихъ поръ сохранились слѣды старыхъ укрѣпленій; здѣсь князь окружилъ врага со всѣхъ сторонъ. Въ такомъ положеніи нѣмцы пробыли долго, а между тѣмъ у нихъ появились въ войскѣ болѣзни и голодъ. Не зная на что рѣшиться, нѣмцы, желая показать свою непобѣдимость, предлагали славянамъ сдаться, хотя сами были измучены. Однако Стойгнѣвъ не согласился, а только засмѣялся надъ подобнымъ предложеніемъ.

Въ концѣ концовъ Герману удалось выйти изъ этой мѣстности; нѣмцы построили наскоро черезъ рѣку три моста и перешли ее. Узнавъ объ этомъ, славяне безпорядочной толпой

устремились за ними, вслѣдствіи чего нѣмцы легко убивали ихъ и затѣмъ обратили въ бѣгство (955 г.). Самъ предводитель бодричей, Стойгнѣвъ былъ убитъ; его голова была выставлена на позоръ; нѣмцы устроили вокругъ него гекатомбу, перерѣзавъ 700 плѣнниковъ; этими трофеями они обложили голову ненавистнаго князя. Вихманъ и Экбертъ укрылись во Франціи. Саксонцамъ, конечно, обходилась дешево эта борьба, потому что они боролись чужими средствами. Однако, славяне хотя не разъ были побиты, но тѣмъ не менѣе не приносили покорности ни передъ самимъ Оттономъ, ни передъ Герономъ, этимъ защитникомъ отечества, какъ его называетъ Титмаръ. Оттонъ еще цѣлыхъ четыре года предпринималъ походъ на ротарей, пока наконецъ, не увлекся итальянскими дѣлами.

Тогда Вихманъ, оставивъ ротарей, покорился дядѣ, но снова не поладилъ съ нимъ и опять убѣжалъ къ тѣмъ же благодушнымъ ротарямъ. Только теперь насталъ конецъ безпокойной дѣятельности саксонскаго эмигранта. Онъ вовлекъ ротарей въ войну съ Мечиславомъ польскимъ, другомъ и союзникомъ императора. Въ одной изъ стычекъ Вихманъ былъ раненъ, окруженъ поляками и умеръ на ихъ глазахъ (967 г.). Съ его смертію исчезъ тотъ стимулъ, который двигалъ славянъ въ борьбѣ съ нѣмцами. Ротари сопротивлялися еще годъ. Оттонъ велѣлъ истребить ихъ; онъ пишетъ герцогу Саксонскому изъ Италіи (968 г.), куда снова уѣхалъ послѣ славянской войны: „Вы знаете, какъ часто эти люди нарушали вѣрность и сколько вреда они причинили; поработите ротарей и покончите съ ними скорѣе“. Императоръ обѣщалъ самъ прибыть для исполненія задуманнаго плана.

Оттона не дождались. Саксонцы безъ него заключили миръ съ ротарями, потому что на нихъ напали въ одно время датчане и поляки, которые разбили Герона на Одрѣ въ 972 г. Когда императоръ въ 973 г. прибылъ въ Кведлинбургъ, то на Пасхѣ его окружили покорные вассалы изъ славянъ съ данью. Здѣсь впервые склонились передъ императорской короной и Полабскіе славяне, и Болеславъ чешскій, и Мечиславъ польскій. Имперія простирала свою руку на весь славянскій міръ отъ Балтійскаго моря до Чехіи, отъ лѣваго берега Лабы до Одра. Въ 973 г. Оттонъ даруетъ одной Магдебурской церкви часть дани, платимой ему украинцами, рѣчанами (Rezini), долинчанами, ротарями и черезпѣнянами.

Германизація и окатоличеніе славянъ.

Подобно Карлу Великому, обратившему саксонцевъ въ христіанскую вѣру и слившему ихъ съ остальными нѣмцами. Оттонъ, постоянно бравшій Карла себѣ въ образецъ, всю жизнь свою домогался всякими способами обратить славянъ въ католичество и онѣмечить ихъ. Это было весьма тяжелое дѣло, но Оттонъ почиталъ его угоднымъ Богу. Конечно. насильно навязанная религія не могла упрочиться между славянами до тѣхъ поръ, пока они поддерживали тѣсныя сношенія со своими единоплеменниками язычниками. Каждый подвигъ нѣмецкаго оружія велъ за собою учрежденіе епархій и аббатствъ. Изъ славянскихъ епископствъ, основанныхъ Оттономъ, замѣчательны были: Магдебургское, Мерзебургское, въ Жицахъ (Zeitz), въ Мишнахъ (нын. Мейссенъ), въ Бранибope (Бранденбургѣ) для украинцевъ и рѣчанъ, Гавельсбергъ для доленчанъ, Старгардъ для бодричей.

За распространеніе католичества изъ всѣхъ славянскихъ князей ратовалъ только Болеславъ Храбрый Польскій. На содержаніе духовенства Болеславъ назначилъ десятину, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы на нее содержались какъ епископъ съ капелланами, такъ и школы, заводить которыя поставлено было въ обязанность каждому епископу. До этого времени славяне смотрѣли на католическихъ священниковъ. какъ на грабителей; славяне старались всѣми силами противодѣйствовать распространенію христіанства, которое признавали только до тѣхъ поръ, пока оно было подкрѣпляемо оружіемъ, а затѣмъ снова возвращались къ язычеству. Такъ о племени полабскихъ сербовъ извѣстно, что они, будучи христіанами. не посѣщали христіанскихъ храмовъ, а въ тайнѣ даже приносили жертвы языческимъ богамъ. При этомъ они обязаны были доставлять епископамъ десятую часть дани, а въ пользу католическаго духовенства одну мѣру хлѣба, 40 мотковъ льна и 13 марокъ серебра. Кромѣ того славянскіе поселяне были обременяемы и другими различными налогами.

Не питая искренняго уваженія къ христіанской религіи. славяне подвергали ее часто посмѣянію. Такъ Бозанъ, епископъ Мезербургскій, написалъ однажды „κύριε ἐλέησον“ и просилъ своихъ пасомыхъ изъ славянъ пропѣть ему; они же насмѣшливо переиначили слова, примѣнивъ ихъ къ старинной своей пословицѣ, и пѣли „кри вольша“ т. е. „въ кустѣ стоитъ ольха“, или плохо разбирая епископскія буквы или нарочно издѣваясь надъ новой вѣрою.

На столѣтіе славяне вырвались изъ нѣмецкихъ тисковъ. Этимъ они обязаны были ослабленію императорской власти въ Германіи, сосредоточенію ея въ Италіи и усиленію Польши.

2) Саксонскій императорскій домъ въ борьбѣ за господство въ Италіи и сверженіе нѣмецкаго ига западными славянами.

Мы остановились на внутренней политикѣ короля Германскаго Оттона 1-го. Мы еще не говорили собственно объ его императорствѣ, которое находится въ связи съ политическимъ возвышеніемъ Германіи и ея всесвѣтнымъ значеніемъ. Существеннымъ и важнымъ фактомъ Оттона I служатъ его итальянскія дѣла и отношенія. Его высокая историческая заслуга, за которую современники нѣсколько преувеличенно прозвали его „великимъ", заключается въ томъ, что онъ первый понялъ необходимость организаціи тогдашняго общества, такъ какъ отъ раздѣльности и раздоровъ страдали германскіе и другіе народы. **Идея единой имперіи.**

Но дѣло въ томъ, что Оттонъ слишкомъ обобщилъ эти стремленія; онъ хотѣлъ славянское племя сплотить въ одно съ германскимъ въ то время, когда кровавая вражда раздѣляла одно племя отъ другаго. Представленіе объ имперіи было неразлучно съ понятіемъ обладанія Италіей, которая составляла какъ бы необходимое звено для бытія имперіи. Какой городъ могъ замѣнить Римъ, какъ столицу всего свѣта? Всѣ крупные города тогдашней Галліи и Германіи были сравнительно мѣстечками. Римъ неоднократно разграбляемый, все еще продолжалъ быть обширнѣйшимъ и лучшимъ городомъ тогдашняго міра. Не говоря о вліяніи великихъ историческихъ воспоминаній, самая идея Римской власти и гегемоніи продолжала жить въ сердцахъ варваровъ. Какъ прежде властители Германіи подчинились Риму, такъ и теперь спустя 5 вѣковъ, они склонялись передъ величіемъ столицы міра. Такъ сильны бываютъ историческія традиціи.

Идея единой Имперіи, притомъ Римской, казалась священною, и Священной дѣйствительно называлась эта имперія. Она приняла величавыя формы въ воображеніи народа. Ея предѣлы безграничны, какъ безграниченъ міръ. Все, что исповѣдуетъ христіанство, должно войти въ ея область; все, что не озарено вѣрою Христовою до настоящаго времени, просвѣтится ея свѣтомъ только подъ кровомъ имперіи. За такую

идею стоило умирать сотнямъ тысячъ людей. Она имѣла всегда мистическое значеніе. Центръ цѣлаго міра въ Римѣ.

Пророкъ Даніилъ разгадалъ и растолковалъ когда-то царю Навуходоносору видѣнный имъ сонъ; юноша раскрылъ владыкѣ Вавилона величественную картину будущаго, которое символизировалось въ видѣ истукана съ золотой головой, серебряными руками и грудью, мѣдными бедрами и чревомъ, желѣзными голѣнями и глиняными ногами. Пророкъ, указавъ на мѣдное царство, которое будетъ владычествовать надъ всею землею, т. е. Римскую имперію, провидѣлъ воображеніемъ въ будущемъ нѣчто еще болѣе могучее. Онъ говорилъ о четвертомъ царствѣ, „крѣпкомъ какъ желѣзо", но при этомъ раздѣленномъ, ибо пальцы и ноги истукана были изъ желѣза. „Какъ желѣзо не смѣшивается съ глиною, такъ не сольются одно съ другимъ" части этого царства. Это былъ прообразъ Священной Римской имперіи, унаслѣдовавшей имперіи языческой. Языческое царство было могучее, но временное. Христіанское—вѣчное и безконечное. На это прямо указалъ пророкъ: „И во дни тѣхъ царствъ Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится и царство это не будетъ передано другому народу: оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно" (1).

Цѣлыя столѣтія общее мнѣніе всего католическаго Запада усматривало въ каждомъ словѣ пророка указаніе на Священную Римскую имперію. Народамъ необходимъ былъ надежный прочный кровъ и твердая рука властителя. Когда пала Западная Римская имперія, то такой кровъ оставался въ Восточной Византійской имперіи, монархи которой были для всѣхъ образованныхъ и грамотныхъ людей тѣми же римскими императорами. Долго латинскіе хроникеры VI—IX вѣковъ ведутъ хронологію мѣстныхъ событій по Византійскимъ императорамъ, сохраняя формальное единство. Такъ продолжалось до Карла Великаго. Теперь на Западѣ вновь былъ найденъ свой политическій центръ. Но ничтожество преемниковъ великаго императора лишило народы тѣхъ выгодъ, какія давало это единство. Между тѣмъ число враговъ растетъ. Помимо язычниковъ, возникла страшная мусульманская сила. Сарацины грозили обратить въ мечеть храмъ св. Петра. И

---

(1) Книга пророка Даніила; II. 44 и выше 31—43.

вотъ, когда почувствовалась опасность для западнаго христіанства, явились властители въ нѣдрахъ Германіи, которые увлеклись грандіозною задачею возстановленія единой имперіи. Они успѣли, ибо послѣ церковныхъ раздоровъ, навсегда раздѣлившихъ христіанство, Римъ не могъ допустить чтобы такое призваніе взяли на себя императоры схизматической въ его глазахъ Византіи. До извѣстнаго времени папская духовная власть будетъ поддерживать императорскую.

Карлъ Великій, создавшій имперію, ввергнулъ Италію въ хаосъ и сдѣлалъ ее сценой междоусобій болѣе чѣмъ, какъ либо другую страну тогдашняго міра; онъ допустилъ въ ней раздѣленіе власти. Въ Италіи появилось много властителей, хотя они чувствовали, что назначеніе Италіи совершенно иное. Въ обществѣ не умирала мысль, что Италія должна быть первенствующей во главѣ западныхъ государствъ. Такъ какъ послѣдніе изъ Каролинговъ были повелителями Германіи, то, продолжали думать, что и Арнульфъ, король Германіи, который не былъ прямымъ потомкомъ Карла, а только побочнымъ наслѣдникомъ, можетъ имѣть претензіи на Италію.

Въ доказательство приведемъ одно мѣсто изъ хроники Регино, въ которой читаемъ подъ 888 г. „Послѣ смерти Карла, пишетъ лѣтописецъ, государство, повиновавшееся его слову, разложилось на части, какъ бы не имѣя общаго наслѣдника. Каждая часть не обращалась къ своему естественному повелителю, т. е. Арнульфу, но спѣшила избрать изъ своей среды собственнаго короля. Никто не превосходилъ другихъ настолько, чтобы подчинить остальныхъ своей власти“. Эти слова высокой важности. Они раскрываютъ взглядъ общества на совершившееся событіе. Очевидно, въ умахъ господствовала увѣренность, что всѣ западныя государства съ Римской имперіей во главѣ должны бы были вновь сплотиться во едино, какъ были слиты они пять вѣковъ тому назадъ. Итальянскіе Каролинги вымерли раньше другихъ. Они не передали своихъ правъ никому ни на Италію, ни на Лотарингію, ни на двѣ Бургундіи, т. е. на всѣ тѣ области, которыя послѣ Карла были долго неразлучны и которыя раздѣлены были лишь Лотаремъ I въ 855 году. Положеніе Италіи въ IX вѣкѣ.

Императоръ Людовикъ II Итальянскій умеръ въ 875 г. безъ наслѣдниковъ и Италію стали дѣлить налетѣвшіе на нее честолюбцы, въ то время, какъ на Югѣ ея засѣли въ при-

брежныхъ скалахъ сарацинскіе пираты, а въ Беневенто и другихъ мѣстахъ правили лангобардскіе князья. Кое гдѣ признавалась еще номинальная власть Византійскаго императора. Въ 887 г. встрѣчаемъ итальянскаго короля Беренгарія, владѣтеля Фріуля; въ Миланѣ онъ короновался желѣзною Ломбардскою короной. Его конкурентомъ явился Гвидо, сынъ герцога Сполетскаго. Долго они жили дружно, но потомъ разошлись. Эти отношенія обратились во вражду, и „изъ этихъ междоусобій, говоритъ Регино, возникли для обѣихъ сторонъ великія потери". Гвидо одержалъ верхъ, и, коронованный императоромъ въ февралѣ 891 г., изгналъ Беренгарія, который обратился за помощью къ Арнульфу Германскому. Тотъ трижды приходилъ въ Италію въ 894, 895 и 899 г. Беренгарій считалъ за собою болѣе законныхъ правъ, такъ какъ приходился по матери внукомъ Людовика Благочестиваго. Онъ согласился признать себя васалломъ Арнульфа, если тотъ утвердитъ его на престолѣ. Въ доказательство своего повиновенія, Беренгарій въ торжественныхъ случаяхъ носилъ за Арнульфомъ королевскій щитъ. Миланъ сдался нѣмцамъ. Арнульфъ пошелъ на Павію и, отѣснивъ Гвидо, въ началѣ 896 г. устремился на Римъ. Римъ отказалъ въ сдачѣ. Нѣмцы приготовились къ штурму. Но не пришлось штурмовать стѣнъ вѣчнаго города. Заяцъ самымъ невиннымъ образомъ испугалъ потомковъ Ромула; римляне были отвлечены во время этого переполоха и отворили ворота нѣмцамъ. Арнульфъ былъ коронованъ въ императоры папою Формозой въ Римѣ въ 896 г., но онъ пробылъ въ столицѣ только 15 дней, поспѣшивъ удалиться, такъ какъ мало оказывалъ вниманія къ римской святынѣ и не умѣлъ поладить съ тамошнимъ духовенствомъ (¹). „Служители Бога, пишетъ Ліутпрандъ, влачились въ оковахъ; дѣвы претерпѣвали насиліе, замужнихъ безчестили. Самые храмы не служили убѣжищемъ отъ неистовства наемниковъ. Въ нихъ совершались пиры, попойки, раздавались пѣсни и праздновались вакханаліи. Въ самыхъ церквахъ женщины публично предавались разврату (prostitue bantur" (²).

Эти обычные ужасы варварскаго нашествія обратили особое вниманіе современниковъ. Итальянцы мстили нѣмцамъ, какъ могли, и, будучи слабы, прибѣгали къ низкимъ средствамъ. Ліутпрандъ разсказываетъ, какъ Арнульфъ былъ отравленъ

(¹) **Muratori**. Annali d'Italia; V, 219.

(²) **Liutprand**. Antapodosis; I, 33; **Pertz**, Mon. V, 283.

въ Италіи медленнымъ ядомъ, отъ котораго онъ впослѣдствіи былъ изъѣденъ червями. Ядъ былъ данъ вдовой императора Гвидо, который не пережилъ торжества своего врага и умеръ въ декабрѣ 894 г. На обратномъ пути Арнульфъ хотѣлъ ослѣпить Беренгарія, думая утвердить Италію за Германіею. Но это не удалось: Беренгарій скрылся, Арнульфъ энергично отстаивая національность, преслѣдовалъ нѣмцевъ но въ концѣ того же 899 г. умеръ.

Итальянское королевство. Беренгарій I (888—924 г.). Гуго (до 947 г.)

Беренгарій захватилъ насиліями королевскій престолъ, но итальянцы не долюбливали его. „Итальянцы, говоритъ Ліутпрандъ, всегда предпочитаютъ имѣть двухъ властителей, чтобы удержать одного страхомъ другаго. Поэтому они, не довольствуясь однимъ Беренгаріемъ, поставили королемъ сына умершаго Гвидо, Ламберта“. Беренгарій удалился въ Верону, дожидаясь пока сами итальянцы не попросятъ его принять власть. Онъ ждалъ напрасно, находясь въ постоянной борьбѣ то съ Арнульфомъ, то съ Нижне-Бургундскимъ королемъ, Людовикомъ II, котораго онъ ослѣпилъ въ 905 г., то съ Верхне-Бургундскимъ королемъ, Рудольфомъ II.

Только что названные повелители Бургундіи считали себя въ одинаковыхъ правахъ на итальянское королевство, потому что были родственниками Каролинговъ по женской линіи. Сынъ ослѣпленнаго Нижне-Бургундскаго короля Людовика, Гуго, мститъ за отца. Убивъ въ 924 г. Беренгарія и овладѣвъ итальянскимъ престоломъ, онъ уступилъ свое бургундское наслѣдство ближайшему наслѣднику Рудольфу II, королю Верхне-Бургундскому. Тогда обѣ Бургундіи соединяются. Гуго правитъ въ Италіи до 947 г. Но и помимо этихъ междоусобій, Италія должна была претерпѣть много отъ внѣшнихъ враговъ. Венгры, приглашенные еще Беренгаріемъ I не переставали съ 924 года грабить богатую Ломбардію, а родственники убитаго короря, Беренгарій II и Ансгарій, дѣти Иврейскаго маркграфа Адельберта, считали себя въ такомъ же правѣ на итальянскій престолъ, какъ и Гуго. Погромъ Павіи венгерскими варварами былъ ужасенъ; 43 церкви было сожжено; изъ всего населенія осталось только 200 человѣкъ. Эти невѣроятныя звѣрства совершились 12 марта 924 года.

Беренгарій II (до 964 г.).

Беренгарій II, который теперь получилъ извѣстность, былъ внукъ Беренгарія I по матери. Беренгарій II отличался дальновидностью и хитростью; Ансгарій же рѣшительностію и

отвагой. Отъ Ансгарія Гуго успѣлъ отдѣлаться скоро, но Беренгарій не слагалъ оружія. Напрасно Гуго пытался ослѣпить его. Беренгарій скрылся въ Швабіи, перейдя черезъ перевалъ Санъ-Бернара, который назывался тогда горою Юпитера.

Въ это время въ Германіи уже правилъ Оттонъ I. Онъ взялъ Беренгарія II подъ свое покровительство, несмотря на просьбу Гуго. Можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ Оттонъ взялъ подарокъ и съ другой стороны, т. е. съ Гуго,—но во всякомъ случаѣ отказался выдать Беренгарія.

Здѣсь завязывается узелъ нѣмецкихъ притязаній на Италію. Лѣтописецъ сохранилъ намъ отвѣтъ Оттона, изъ котораго видно, что послѣдній, держалъ Беренгарія не для погубленія, а для примиренія его съ итальянцами. Такъ онъ сказалъ между прочимъ итальянскимъ посламъ:—„Если бы я могъ помочь чѣмъ нибудь вашему государю, то не только бы не принялъ подарковъ, но еще самъ послалъ бы вашему королю дары отъ себя. Просить же меня о томъ, чтобы я не оказывалъ помощи Беренгарію или кому бы то ни было, кто обращается къ моему милосердію, это верхъ глупости“ (1). Но Ліутпрандъ еще раньше замѣтилъ, что Оттонъ взялъ подарки отъ Гуго и потомъ самъ противорѣчитъ себѣ. Во всякомъ случаѣ Оттонъ удерживалъ Беренгарія, какъ бубущую угрозу, какъ узелъ нѣмецкаго господства въ Италіи. Беренгарій, интриговавшій въ Италію, всегда былъ выгоденъ для Оттона. Чрезъ него онъ держалъ подъ своимъ вліяніемъ слабый, раздираемый соперничествомъ, полуостровъ.

Итальянскіе города и князья равно привыкли переходить изъ подъ власти одного во власть другаго. У Беренгарія нашлись приверженцы. Гуго бѣжалъ въ Провансъ, поручивъ номинальную власть сыну своему Лотарю при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Онъ умеръ за границей въ 945 г. Въ Италіи такимъ образомъ осталось два короля: Беренгарій II и Лотарь. Послѣдній, женатый на дочери Верхне-Бургундскаго короля, былъ лишь номинальнымъ властителемъ, а на самомъ дѣлѣ повелителемъ былъ Беренгарій II, обязанный столь много Оттону.

Ліутпрандъ, изгнанный Беренгаріемъ II изъ отечества, рисуетъ его самыми темными красками, доходя до цинизма въ описаніи его жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрываетъ мрачныхъ фактовъ изъ жизни тогдашняго итальянскаго общества. Между прочимъ онъ разсказываетъ, какъ была публично

(1) Liutprandus. Antapodosis; V, 13; Pertz; V, 331.

осмѣяна справедливость. Напр. на венгерскую дань, говоритъ онъ, всѣ — отъ стара до млада — должны были внести по одной монетѣ. Беренгарій, получивъ такую дань, сбылъ фальшивую монету венграмъ, оставивъ въ свою пользу то, что было добыто жителями съ такимъ трудомъ. Онъ много разсчитывалъ на покровительство Оттона, забывъ историческое тяготѣніе императоровъ къ Италіи. Оттонъ услѣдилъ легкую добычу.

Беренгарій II думалъ между прочимъ утвердиться въ Италіи женитьбой на Аделаидѣ. Ранѣе онъ пытался ограбить свою невѣсту, но когда это не удалось, онъ захотѣлъ на ней жениться. Узнавъ, что та не согласилась, онъ посадилъ ее въ тюрьму. Оттуда она бѣжала при помощи священника и укрылась у епископа Реджіо, который отказался ее выдать Беренгарію. Романическія приключенія и похожденія Аделаиды описаны въ поэмѣ Гросвиты.

Походы Оттона I въ Италію.

Оттонъ былъ тогда вдовцомъ. Узнавъ о приключеніяхъ Аделаиды, можетъ быть по искреннему увлеченію, а можетъ быть и изъ ненависти къ Беренгарію, онъ рѣшился быть рыцаремъ Аделаиды и чрезъ нее обогатиться въ Италіи. Нѣтъ извѣстія, что Аделаида лично просила помощи.

Въ 951 г. нѣмецкій король лично явился въ сѣверную Италію, взялъ Павію, куда Беренгарій въ страхѣ скрылся. Его вассалы присягнули Оттону. Оттонъ отправилъ посольство къ Аделаидѣ съ предложеніемъ руки въ нѣсколько грубой формѣ. Онъ велѣлъ намекнуть, что будущую королеву ждутъ великіе подарки. „Когда же онъ увидѣлъ ее, замѣчаетъ хроника, то выбралъ въ подруги, какъ достойнѣйшую“. Послѣ свадьбы, въ концѣ 951 г., онъ провозгласилъ себя ломбардскимъ королемъ. Такъ началось чужеземное владычество надъ Италіей.

Національное государство, какъ мы видѣли, не просуществовало и 100 лѣтъ. Хотя оно страдало отъ раздоровъ искателей, но все таки оно могло имѣть лучшую будущность. Изъ нѣмецкаго ига Италіи не было возможности вырваться и она невольно подчинялась. Другая причина, которая подрыла основаніе національнаго государства въ Италіи, заключалась въ условіяхъ феодальнаго быта, который вообще не допускалъ прочнаго строя. Первое время Италія не высказывала особой ненависти къ нѣмцамъ, ибо національность въ то время только зарождалась и не получила пока опредѣленнаго характера, особаго оттѣнка. Все равно было для Италіи

мѣнять одну власть на другую. Вообще, въ средніе вѣка играли главную роль общественныя отношенія.

Но это было только началомъ германскаго вліянія. Оттонъ смотрѣлъ на ломбардское королевство, какъ на ступень въ зданіи имперіи.

Обстоятельства сами собой влекли Оттона въ Италію. Беренгарій II не оказывалъ ему должнаго послушанія. Онъ тѣснилъ вассаловъ Оттона, которые наконецъ обратились къ нѣмецкому королю съ мольбою о защитѣ.

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ первой кампаніи, Оттонъ снова явился въ Ломбардію. Его звалъ на этотъ разъ папа Іоаннъ XII, 18-лѣтній молодой человѣкъ, извѣстнѣйшій развратникъ своего времени. Оттонъ по просьбѣ этого юноши - первосвященника пошелъ на Римъ, предварительно въ ноябрѣ 961 г., короновавшись итальянской королевской короной въ Миланѣ. Беренгарій укрылся въ крѣпости, а его сынъ бѣжалъ въ Корсику. Всѣ города отворяли ворота Оттону; 2 февраля 962 г. Іоаннъ XII помазалъ Оттона императоромъ, за что тотъ возвратилъ папѣ не только все, ранѣе принадлежавшее ему, но наградилъ его дорогими подарками, состоявшими изъ драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра. Папа и первые городскіе лица принесли императору клятву надъ гробницею Св. Петра никогда не оказывать помощи ни Беренгарію, ни сыну его. Затѣмъ императоръ, ни мало не медля, возвратился въ Германію.

Но папа Іоаннъ не сдержалъ клятвы; онъ приглашалъ вернуться Адальберта, сына Беренгарія, который былъ въ Корсикѣ, обѣщая ему помощь противъ императора. Это удивило Оттона. Впрочемъ ничего иного нельзя было ожидать отъ этого оригинальнаго патріарха. Оттонъ отправилъ въ Римъ довѣренныхъ лицъ и убѣдился, что враждебная манифестація была дѣломъ развратнаго папы.

Папа Іоаннъ XII. (956—963 г.).

Любопытно коснуться біографіи этой личности, пользуясь сообщеніями Ліутпранда. Іоанну XII было 18 лѣтъ, когда онъ, благодаря своей матери Теодорѣ, вступилъ на престолъ. Онъ принадлежалъ къ семейству Ѳеодоры и Марочціи, которыя дали Риму нѣсколькихъ папъ. Іоаннъ пользовался церковнымъ имуществомъ для своихъ непосредственныхъ цѣлей. Онъ надѣлялъ своихъ фаворитокъ золотыми распятіями, золотыми чашами изъ храма Св. Петра. Онъ разнообразилъ составъ своихъ возлюбленныхъ тетками, племянницами и сестрами. „Латеранскій дворецъ, говоритъ современникъ

Ліутпрандъ въ своей исторіи, былъ мѣстомъ публичнаго разврата, вмѣстилищемъ порока, сборищемъ падшихъ женщинъ" (¹). Постороннія женщины перестали ходить въ храмъ Св. Петра, боясь молиться предъ гробомъ Апостола, ибо здѣсь его святѣйшество не разбиралъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; ему было все равно, говоритъ лѣтописецъ, кто приходилъ въ церковь пѣшкомъ или кто пріѣзжалъ на красивыхъ коняхъ. „А между тѣмъ, пишетъ лѣтописецъ, сама церковь течетъ, балки валятся, смерть смотритъ съ кровли и гонитъ вонъ изъ храма". Такъ передаетъ современникъ о состояніи тогдашняго папскаго двора; ему не было надобности преувеличивать на этотъ разъ. Энергіи нельзя было ожидать отъ этого глубоко падшаго юноши. Въ слѣдующемъ году Оттонъ подошелъ къ Риму. Папа и Адальбертъ бѣжали. Въ храмѣ Св. Петра былъ созванъ соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ императоръ, для разбора обстоятельствъ жизни бѣжавшаго папы и для избранія новаго.

Противъ папы Іоанна XII были прочтены слѣдующія обвиненія: папа посвящалъ въ епископы въ конюшнѣ за деньги; ослѣпилъ своего крестнаго отца; изуродовалъ, а затѣмъ умертвилъ одного кардинала; причинялъ пожары; подпоясывался мечемъ, носилъ шлемъ и панцырь; свой дворецъ обратилъ въ домъ разврата; упивался виномъ; публично игралъ въ кости, при чемъ призывалъ имена нечистыхъ духовъ, вмѣстѣ съ языческими божествами; не посѣщалъ утреннихъ службъ и никогда почти не ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ. Всѣ духовные клялись своей будущею жизнію въ вѣрности сказаннаго. Тогда Оттонъ пригласилъ папу явиться на судъ для оправданія, такъ какъ онъ обвиненъ въ убійствѣ, кровосмѣшеніи, святотатствѣ и клятвопреступленіяхъ. Іоаннъ отвѣчалъ отказомъ и безграмотными угрозами на латинскомъ языкѣ. Ему внушили, что его письмо показываетъ, что онъ не можетъ даже правильно писать по-латыни, употребляя два отрицанія (non habeatis licentiam nullam ordinare), и просили въ послѣдній разъ явиться къ отвѣту. Но нигдѣ новые посланцы не могли отыскать Іоанна. Тогда былъ избранъ въ папы кардиналъ Левъ VIII, а Іоаннъ, какъ богоотступникъ, былъ низложенъ. Римскій народъ съ духовенствомъ обѣщали впредь не избирать папы безъ согласія императора.

(¹) Liutprandus. Hist. Ottonis, c. 10; Pertz; V. 343 (sanctum palatium lupanar et prostibulum fecisse).

Латеранскій соборъ 963 г.

Латеранскій соборъ въ Римѣ 963 года не прекратилъ столкновенія сторонниковъ императора и папства, нѣмцевъ и итальянцевъ. Оттонъ не хотѣлъ вернуться въ Германію. не покончивъ съ Римомъ и не установивъ нормальныхъ отношеній къ папѣ. Онъ тогда же могъ видѣть, что его авторитетъ заключается не въ одномъ римскомъ первосвященникѣ а въ отношеніяхъ къ римскому населенію. Въ глазахъ римлянъ Оттонъ былъ ненавистнымъ чужеземцемъ, отъ котораго необходимо было избавиться. Это доказали послѣдуюшія событія.

Дѣйствительно; стоило только Іоанну XII посулить римлянамъ церковную сокровищницу, возбудить алчность толпы. предполагая напасть на императора и на Льва, и Римъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ противъ императора. Тибрскій мостъ, который соединяетъ ватиканскій холмъ, гдѣ храмъ св. Петра, съ главною частью города, покрылся баррикадами. Надо было прекратить сообщеніе нѣмцевъ съ зарѣчнымъ Римомъ. Но нѣмцы снесли баррикады и начали безпощадно избивать римлянъ. Оттонъ съ трудомъ остановилъ воиновъ; онъ взялъ заложниковъ, которыхъ возвратилъ однако по просьбѣ Льва и оставилъ Римъ, чтобы пойти противъ Адельберта. сына Беренгарія II.

Но въ отсутствіи императора, Левъ VIII былъ изгнанъ и едва спасся отъ рукъ приверженцевъ бывшаго папы Іоанна XII. Сторонники Льва и императора изъ высшаго духовенства претерпѣвали много оскорбленій и истязаній отъ народа. Левъ просилъ помощи у Оттона.

Оттонъ въ третій разъ явился предъ стѣнами Рима. Іоанна XII уже не было въ живыхъ; онъ не успѣлъ еще разъ воспользоваться тіарой и мертвый былъ найденъ въ домѣ одной женщины въ римскихъ окрестностяхъ. Папой былъ провозглашенъ Бенедиктъ; но Оттонъ скоро взялъ Римъ и свергнулъ папу съ престола, который публично на соборѣ просилъ пощады у ногъ императора. Низведенный въ діаконы, онъ былъ сосланъ. Тогда же былъ плѣненъ Беренгарій и заточенъ въ крѣпость Бамбергъ. Оттонъ, чувствуя всю силу своей власти. оставилъ въ 961 году Италію.

Замыслы Оттона I.

Положивъ лишь начало онѣмеченію и окатоличенію славянъ, императоръ Оттонъ не считалъ своего дѣла законченнымъ. Вернувшись изъ Италіи, онъ не засталъ въ живыхъ брата своего Бруно и мать Матильду. Онъ чувствовалъ себя могу-

щественнымъ, но честолюбіе его еще не было удовлетворено. Предъ нимъ, когда онъ взошелъ на эту высоту власти, открывался новый широкій горизонтъ. Не вся Италія принадлежала ему. Въ южной ея части были греческія владѣнія. Оттонъ убѣдился, что пока греки будутъ владѣть южной Италіей, его власть на полуостровѣ останется непрочною. Мысль о Византіи бродила въ умѣ еще Карла Великаго. Естественно было вспомнить о ней его преемнику и продолжателю (¹).

Оттонъ отправилъ съ этою цѣлію пословъ въ Византію съ Ліутпрандомъ, епископомъ Кремонскимъ. Ліутпрандъ описалъ свое путешествіе въ Византію въ „De legatione" со свойственною ему наблюдательностію. Отъ лица своего государя, Ліутпрандъ просилъ руки дочери императора Никифора, Ѳеофаніи для сына Оттона, римскаго короля. Никифоръ отказалъ. Но начало сношеній было положено, хотя Византійскій императоръ недружелюбно встрѣтилъ пословъ, зная, что Оттонъ протягиваетъ руки къ его греческимъ владѣніямъ въ Италіи. Съ гордостію указываетъ Никифоръ, что настоящіе римляне могутъ быть только въ Константинополѣ,—но послы замѣтили слабыя стороны монархіи: любовь къ роскоши, зрѣлищамъ, церковные раздоры. Могущество Византіи не въ собственныхъ силахъ, замѣчаетъ Ліутпрандъ, но въ нанятыхъ солдатахъ изъ Венеціи да въ Русскихъ морякахъ. Это были плѣнные Русы, коимъ посчастливилось въ походѣ на Константинополь въ 941 г. „Я думаю, прихвастнулъ Ліутпрандъ, что 100 германцевъ достаточно, чтобы въ открытомъ полѣ обратить въ бѣгство цѣлое византійское войско". Посольство Оттона вернулось ни съ чѣмъ.

Тогда Оттонъ сталъ достигать своей цѣли оружіемъ. Вдругъ въ 969 г. было получено извѣстіе, что Никифоръ убитъ, и новый императоръ Іоаннъ Цимисхій готовъ былъ

(¹) Мнѣнія о значеніи итальянскихъ походовъ Оттона I и его преемниковъ рѣшительно раздѣлились въ нѣмецкой исторіографіи. Leo (G. des Mittelalters; G. von Italien) и Ficker (Das deutsche Kaiserreich, 1861; Deutsches Königtum, 1862) не находятъ словъ для восхваленія императоровъ. Историки національнаго направленія, какъ Sybel (Die Deutsche Nation und das Kaiserreich, 1861) и Maurenbrecher (Die Kaiserpolitik Ottos des Grossen in Hist. Zeitschrift, въ 5 т.) безусловно порицаютъ такую политику. Wiedenbruck старается установить среднее мнѣніе (Die deutsche Nation und das Kaiserreich, 1862). Итальянскіе историки почти всѣ относятся отрицательно, усматривая въ этихъ походахъ завоевательныя цѣли, хотя еще Данте видѣлъ въ нихъ спасеніе для Италіи.

отдать Θеофанію. Она была обвѣнчана съ молодымъ Оттономъ, будущимъ императоромъ въ 972 г. Послѣднія итальянскія греческія владѣнія перешли къ Западному императору только номинально, но ихъ надобно было завоевать при тогдашнихъ обстоятельствахъ, чтобы удержать за собою. Такимъ образомъ Оттонъ, сокрушивши римлянъ, итальянцевъ, венгерцевъ и славянъ, считалъ себя могущественнымъ. Но онъ не успѣлъ насладиться этимъ полнымъ счастіемъ. Въ 973 г. онъ умеръ. Его похоронили въ любимомъ Магдебургѣ.

Императоръ Оттонъ II (973—983 г.). Своимъ преемникомъ Оттонъ оставилъ 19-лѣтняго сына своего, Оттона II-го (973—983), прозваннаго Краснымъ по цвѣту лица. У новаго императора не было выдержки въ характерѣ; онъ былъ гордъ, вспыльчивъ, принимался за дѣло слишкомъ горячо и потомъ также скоро охладѣвалъ къ нему. Его добродушіе смѣнялось суровостью; щедрость переходила въ расточительность. У него не было благоразумія, что понятно при такомъ незрѣломъ возрастѣ, но въ немъ было много храбрости, такъ что онъ умѣлъ поддержать на извѣстной высотѣ планы своего отца (¹).

Послѣдній изъ Каролинговъ, Лотарь галльскій, думалъ оторвать Лотарингію отъ вассальной зависимости отъ Германіи. Лотарь внезапно пошелъ къ Ахену (въ 978 г.) и едва не овладѣлъ имъ. Онъ, ограбивъ городъ, утвердился во дворцѣ Карла Великаго и велѣлъ обратить орла на замкѣ клювомъ къ западу въ знакъ того, что Лотарингія теперь принадлежитъ Франціи. Нѣмцы выгнали враговъ изъ Лотарингіи и, подъ предводительствомъ Оттона II, вторглись во Францію, не встрѣчая сопротивленія. Чрезъ Реймсъ нѣмцы подошли къ Парижу и, въ виду столицы, остановились лагеремъ. Это было первое нѣмецкое нашествіе на обособившихся французовъ, первое при той племенной розни, которая тогда же начала оказывать свое дѣйствіе. Оттонъ не могъ взять хорошо укрѣпленнаго города, защищаемаго Гуго Капетомъ, который здѣсь положилъ начало своей славѣ.

Походъ въ Италію 980 г. Въ 980 г. Оттонъ II отправился въ Италію. Онъ считалъ себя обладателемъ греческихъ областей на полуостровѣ

(¹) Въ сборникѣ Ранке исторія Оттона II обработана Гизебрехтомъ, который въ этой монографіи положилъ начало своей извѣстности.

по правамъ своей жены; но ему предстояло силой утвердить за Священной имперіей эти области. Тамошніе греки не хотѣли подчиняться императору; они предпочитали союзъ съ сарацинами. Въ итальянскихъ греческихъ владѣніяхъ славился городъ Салерно, расположенный на берегу чуднаго залива, въ мѣстности, гдѣ царитъ вѣчное лѣто, отдѣленный отъ материка высокими горами. Оттонъ осадилъ этотъ городъ и, по истеченіи шести недѣль, взялъ его, затѣмъ занялъ Бари, Таренто, послѣдніе греческіе города въ Италіи и вступилъ въ горную Калабрію. Здѣсь онъ разбилъ грековъ и началъ преслѣдовать ихъ, но на самой невыгодной мѣстности при Сквилачче близь Таренто былъ окруженъ арабами, во множествѣ спустившихся съ горъ. Тутъ арабы совершенно истребили нѣмецкое войско. Оттонъ едва спасся вплавь, вскочивши на палубу одного судна.

Судно оказалось греческое. Оттонъ не былъ узнанъ никѣмъ, кромѣ одного славянина, признавшаго императора, такъ какъ онъ недавно вернулся изъ Германіи. Не питая никакой національной злобы, добродушный славянинъ помогъ императору спастись вплавь и укрыться на материкѣ ([1]).

Безоружный императоръ вернулся одинокимъ, безъ свиты, какъ бѣглецъ, въ Верону, потерявъ всѣ свои греческія завоеванія. На Веронскомъ сеймѣ вассалы обязались признать его сына будущимъ императоромъ, увезли малютку въ Ахенъ и тамъ короновали еще при жизни отца въ 982 г. На другой день узнали, что Оттона II нѣтъ въ живыхъ. Онъ скончался въ Римѣ, откуда думалъ снова сдѣлать походъ на грековъ, чтобы отнять у нихъ южную Италію. Его похоронили въ базиликѣ св. Петра, гдѣ, подъ сводами нижней церкви, до сихъ поръ хранится его гробница.

Императоръ Оттонъ III (983—1002г.).

Его трехлѣтній сынъ и наслѣдникъ, Оттонъ III, остался подъ опекой своей матери гречанки Θеофаніи и бабки, знаменитой Аделаиды. Наставникомъ малолѣтняго императора мать избрала знаменитаго и ученаго Герберта, который славился тогда, какъ алхимикъ, астрологъ, кудесникъ, волшебникъ только потому, что занимался механикой и собиралъ минералогическія коллекціи. Генрихъ Баварскій, лишенный герцог-

([1]) Thietmarus. Chr. III, 12; Pertz, Mon. V, 766 (szlavonice Zolunta vocantur).

ства, поднялъ возстаніе(¹). Онъ обѣщалъ своимъ сторонникамъ многое, если его возведутъ на престолъ вмѣсто женщины, учителя и младенца, которые втроемъ правили государствомъ. Но Генрихъ, именовавшійся долго Сварливымъ, за свои вѣчные происки и безпокойства,—встрѣтилъ поддержку не въ феодалахъ нѣмецкихъ и не въ герцогахъ, но въ другомъ элементѣ, среди славянскаго народа. Угнетенные славянскіе народы въ Полабіи съ трудомъ сносили иго нѣмцевъ. Всякіе налоги, вымогательства духовныхъ, притѣсненія свѣтскихъ чиновниковъ раздражали ихъ до крайности. Довольно тяжела была одна десятина въ пользу духовныхъ, а теперь требовали съ каждаго двора мѣру хлѣба, 40 мотковъ льну и 13 марокъ серебра, что при тогдашней бѣдности составляло слишкомъ много. Однимъ словомъ на церковные расходы, не имѣя церквей, славяне платили по крайней мѣрѣ $^1/_3$ своихъ доходовъ.

Національное движеніе среди славянъ.

Лишь только славянскіе князья узнали о пораженіи Оттона II въ Италіи, то дали знакъ къ возстанію. Мятежъ поднялся между гаволянами. Народная ненависть прежде всего обрушилась на католическое духовенство и на христіанство вообще. Народные боги и идолы воскресли. Соборный клиръ былъ весь перебитъ. Титмаръ Мерзебургскій подробно описываетъ всѣ жестокости, совершенныя надъ христіанами. Даже тамъ, гдѣ христіанство было прочнѣе, какъ напр. у полабскихъ бодричей, были разрушены христіанскія церкви. Хотя Бодричскій князь Мстивой былъ женатъ на нѣмкѣ, сестрѣ Старгардскаго епископа Стефана, хотя онъ предназначалъ свою несовершеннолѣтнюю дочь настоятельницей монастыря, но подъ вліяніемъ народнаго движенія и онъ долженъ былъ прогнать свою жену, разорвать свои связи съ епископомъ, съ духовенствомъ и стать во главѣ возставшихъ. Они вторглись даже въ Саксонію, но здѣсь были остановлены. Тѣмъ не менѣе гаволяне, оставшись хозяевами своихъ неприглядныхъ болотъ, возстановили у себя прежній народный порядокъ, перестали платить нѣмецкую дань и уничтожили слѣды христіанства самымъ безпощаднымъ образомъ. Все это совершилось еще при жизни Оттона II.

(¹) Исторія Оттона III изложена Вильмансомъ въ 1840 г. подъ редакціей Ранке.

Когда Генрихъ Баварскій, пользуясь малолѣтствомъ Оттона III, провозгласилъ себя въ Мекленбургѣ и въ Саксоніи королемъ, то онъ, лишенный поддержки герцога, разсчитывалъ сильно на славянъ Полабскихъ, Чешскихъ и Польскихъ. Но его сношенія съ ненавистными славянами окончательно возстановили противъ него всю Германію, вооружили нѣмецкихъ друзей его, которые всѣ перешли на сторону Өеофаніи и законнаго императора. Генрихъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ мечтаній и передать Оттона III, котораго держалъ у себя въ рукахъ, его матери а вмѣстѣ съ тѣмъ и присягнуть ему. Онъ провелъ конецъ жизни мирно и получилъ прозвище „Миролюбиваго", вмѣсто Сварливаго.

Но это не повліяло на враждебное отношеніе Полабскихъ славянъ. Лишившись такого вождя, на котораго они много разсчитывали, славяне думали справиться съ нѣмцами одни; они дѣйствительно достигли своей цѣли.

Съ отпаденіемъ отъ нѣмецкой власти, послѣ сверженія нѣмецкаго ига, даже у бодричей христіанство исчезло. Титмаръ Мерзебургскій по этому поводу говоритъ что духовныя лица и церкви были обречены на истребленіе Въ одномъ Старгардѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ епископомъ Стефанъ, было замучено 60 священниковъ. Епископъ бѣжалъ (991 г.). По словамъ Адама Бременскаго, въ это время у Полабскихъ славянъ погибло столько христіанскихъ мучениковъ, что изъ ихъ мартилологіи можно было бы составить цѣлую книгу. Долго нѣмцы боролись безуспѣшно.

Юноша Оттонъ III-й, будучи 16 лѣтъ, дѣлалъ походъ на бодричанъ. Другіе славяне, Чешскіе и Полабскіе, предали въ этомъ походѣ своихъ братьевъ и шли за одно съ нѣмцами.

Въ Оттонѣ III, когда онъ выросъ, мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ типомъ. Жизнь надоѣла ему, хотя ему не было еще и 20 лѣтъ. Онъ кидался изъ одного итальянскаго монастыря въ другой, посѣщалъ схимниковъ, проводилъ съ ними цѣлыя недѣли, даже мѣсяцы и дошелъ до того, что сталъ принимать пищу только разъ въ недѣлю.

Когда одинъ изъ приближенныхъ императора, другъ его, чехъ Войцехъ (у нѣмцевъ назывался Адельбертомъ), будучи пражскимъ епископомъ, отправился на проповѣдь къ язычникамъ прусамъ и умеръ тамъ смертію мученика, то императоръ Оттонъ, узнавъ о томъ, забылъ всѣ дѣла и поспѣшилъ на могилу своего друга въ Польшу, въ Гнѣзно. Завидѣвъ

издали желанный городъ, императоръ палъ на колѣна и босой отправился къ гробу святаго. Послѣ того Гнѣзненская епархія переименована въ архіепископію, которой подчинены были еще епископы: Бреславльскій, Краковскій и Кольбергскій.

Это было единственное распоряженіе императора относительно славянъ, которыхъ онъ сначала, по примѣру отца, хотѣлъ подчинить силой, но потомъ предоставилъ самимъ себѣ. Онъ испыталъ, что Германія того времени не могла успѣшно бороться съ славянской коалиціей, если только среди коалиціи не оказывалось предателей.

Когда Оттонъ III поспѣшилъ въ Италію, то дѣла были въ томъ же положеніи; онъ оставлялъ славянъ вполнѣ самостоятельныхъ и независимыхъ, оффиціально свергнувшихъ нѣмецкую власть. Въ 1000 году Славяне были въ томъ же независимомъ положеніи, какъ 200 лѣтъ тому назадъ. Они стали совершенно свободны. Всѣ нѣмецкія завоеванія были потеряны. Язычество подняло голову; народныя божества снова восторжествовали. Преемникъ Оттона III долженъ былъ признать этотъ фактъ, склоняя славянъ подарками и обѣщаніями. Усиленіе же Польши уже сдѣлало изъ славянъ серьезныхъ соперниковъ Германіи.

Походы въ Италію 996 и 998 г.

Императоръ въ 996 г., по совѣту своей бабки Аделанды, отправился на коронацію въ Римъ. Θеофанія уже умерла. Тогда только что прекратились въ Римѣ волненія, причиною которыхъ былъ патрицій Крешенци, захватившій диктатуру въ городѣ. Папа Григорій V, первый нѣмецъ на первосвященническомъ престолѣ, вриведя дѣла въ порядокъ, немедленно короновалъ Оттона III въ маѣ 996 г.

Но, въ отсутствіе императора, Григорій V былъ изгнанъ изъ Рима а на мѣсто его поставленъ папой Филагатъ, епископъ Піаченцы. Оттонъ вынужденъ былъ вновь отправиться въ Италію. Римъ былъ осажденъ; замокъ Святаго Ангела взятъ. Крешенци былъ обезглавленъ императоромъ на площади. Григорій вторично былъ возстановленъ на папскомъ престолѣ и сталъ жестоко издѣваться надъ своимъ соперникомъ, антипапой.

Въ 999 г. вмѣсто Григорія V, послѣ его смерти, императоръ посадилъ на папскій престолъ, въ благодарность, своего знаменитаго учителя Герберта, подъ именемъ Сильвестра II.

Это былъ человѣкъ, котораго считали волшебникомъ за его знанія, богоотступникомъ за его сношенія съ учеными,

про котораго сложились оригинальныя представленія въ средневѣковой поэзіи. Можетъ быть близость съ Гербертомъ повліяла на характеръ Оттона III-го (1). Его ученіе поселило въ Оттонѣ меланхолическое настроеніе, недовольство самимъ собою, исканіе идеаловъ.

Онъ мечталъ возстановить Римскую имперію во всемъ ея величіи и для этого стремился покорить Византію. Гербертъ внушилъ ему высокія мысли объ императорскомъ достоинствѣ, любовь ко всему греческому и презрѣніе ко всему нѣмецкому. Императоръ старался ввести греческіе обычаи при дворѣ; онъ установилъ греческія придворныя и почетныя должности съ титулами.

Уносясь по обыкновенію за облака, Оттонъ и теперь ничего не видѣлъ предъ глазами. Римляне почти издѣвались надъ нимъ, а онъ питалъ къ нимъ платоническую страсть. Римляне заперли своего императора въ Авентинскомъ дворцѣ и чуть не заморили его голодомъ, прекративъ всякое сообщеніе съ нимъ. Императора спасъ въ то время одинъ нѣмецкій епископъ отъ голодной смерти. Освобожденный изъ рукъ римлянъ, императоръ разочаровался въ Италіи, не осуществивъ и половины своихъ мечтаній; онъ умеръ отъ оспы въ 1003 г.

Итальянцы видѣли въ немъ завоевателя и непримиримаго врага, потому что онъ, подобно своему дѣду и отцу, являлся на полуостровѣ во главѣ нѣмецкаго войска. Когда везли его трупъ въ Германію, то нужно было оберегать останки императора отъ камней и грязи.

Такимъ образомъ саксонская династія потеряла большую часть своихъ лучшихъ силъ въ Италіи. Отъ этой династіи остался только Генрихъ, герцогъ Баварскій, внукъ Генриха I, основателя династіи. Онъ не приходился близкимъ родственникомъ императору, но тѣмъ не менѣе былъ претендентомъ на престолъ, такъ какъ происходилъ изъ саксонскаго дома. Не смотря на сопротивленіе другихъ герцоговъ, онъ однако былъ признанъ королемъ германскимъ. Это былъ тотъ Генрихъ II, который получилъ отъ католическаго духовенства титулъ Святаго за свое благочестіе. Имъ кончилась саксонская династія (2).

---

(1) На дняхъ въ русской литературѣ появилась архивная монографія Н. Бубнова «Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ», ч I (Пет. 1888).

(2) Для Генриха II и для слѣдовавшихъ за нимъ франконцевъ прежніе лѣтописцы уже теряютъ свою силу. Указанныя нами хроники гово-

Императоръ Генрихъ II (1002—24 г.). Генрихъ, будучи Баварскимъ герцогомъ, былъ избранъ въ 1002 г., благодаря вліянію духовенства. Не происходя по прямой линіи отъ Оттона, онъ тѣмъ не менѣе находился въ родствѣ съ прежней династіей; въ этомъ было все его право на престолъ, ибо саксонская династія въ прямой линіи перестала существовать. Онъ получилъ въ наслѣдство отъ Оттона два вопроса: итальянскій и славянскій.

рятъ лишь о X в.; Кведлинбургскія лѣтописи доходятъ только до 1025 г. Для XI в., т. е. для Генриха II и франконцевъ, надо пользоваться Титмаромъ, Генрихомъ Разслабленнымъ, Ламбертомъ, Эккегардомъ и нѣкоторыми другими.

Титмаръ Мерзебургскій особенно важенъ для изученія отношеній славянъ къ нѣмцамъ. Для спеціальнаго критическаго изученія этого хрониста на русскомъ языкѣ есть диссертація г. Фортинскаго (1872 г.). Титмаръ, происходя изъ графскаго рода, получилъ духовное образованіе и въ молодые годы былъ аббатомъ монастыря, основаннаго его предками. Аристократическое происхожденіе открывало ему дорогу; въ 1009 году онъ былъ выбранъ въ епископа Мерзебурга, гдѣ умеръ чрезъ 10 лѣтъ по своемъ избраніи, въ 1019 г. Его хроника (876—1019 г.) была окончена за годъ до его смерти. Въ XII в. Титмара считали образцомъ изложенія, его сравнивали съ Ливіемъ и Тацитомъ; въ дѣйствительности же разсказъ Титмара запутанъ, языкъ теменъ. Для Генриха II Титмаръ главный источникъ.

Утрехтскій епископъ Адельбольдъ, сдѣлавшій извлеченіе изъ Титмара, составилъ біографію Генриха II, но не докончилъ ея. Спеціальную біографію перваго изъ франконцевъ, Конрада II, написалъ Випонъ, его капелланъ; она имѣетъ самостоятельное значеніе. Затѣмъ, Генрихъ Contractus, т. е. Разслабленный, бенедиктинскій монахъ, графскаго происхожденія, служитъ источникомъ для Генриховъ II и III-го. Онъ говоритъ о первой половинѣ XI в., отъ 1000—1054 г., а Бернольдъ Констанскій продолжаетъ его до 1110 г. Затѣмъ слѣдуетъ весьма крупная личность средневѣковой исторіографіи—Адамъ Бременскій. Онъ писалъ гораздо позже Титмара въ концѣ XI в., тогда какъ Титмаръ жилъ въ началѣ вѣка; его «Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum libri IV» главнымъ образомъ относится къ исторіи католической миссіи среди славянъ, ибо Гамбургская епархія служила источникомъ этого миссіонерства и католизаціи славянъ. Жизнь Адама мало извѣстна; онъ былъ изъ славянскихъ Мишень, преобразованныхъ въ Meissen, хорошо зналъ славянскій бытъ, который и описывалъ. Онъ получилъ классическое образованіе, читалъ Саллюстія и пользовался его оборотами въ своихъ сочиненіяхъ. Адамъ Бременскій излагалъ собственно исторію своей епархіи съ VIII в. по 1076 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ его хроника весьма важна и для времени Генриха IV (Assmussen. De fontibus Adami, 1834). Что касается до Ламберта Ашафенбургскаго, то это лучшій историкъ XI в. Онъ пишетъ спеціально отъ 1050—1077 г., но дѣлаетъ обширное введеніе, начиная съ древнихъ временъ; языкъ его лучше другихъ лѣтописцевъ, даже съ претензіями на красоту изложенія; онъ принадлежалъ къ церковной партіи, но умѣлъ оставаться безпристрастнымъ и справедливымъ къ Генриху, чего нельзя сказать про Бруно Корвейскаго, автора исторіи славянской войны, исказившаго все въ ущербъ императорской партіи, во время великой борьбы. Эккегардъ (Urangiensis) довелъ свою хронику до 1126 г. Онъ былъ безпристрастнѣе всѣхъ перечисленныхъ нами лѣтописцевъ съ Лам-

Походы въ Италію.

Послѣ смерти Оттона III, въ Италіи возникла попытка избрать національнаго короля, въ лицѣ маркграфа Ардуина. Генрихъ II на слѣдующій годъ пришелъ въ Италію, прогналъ Ардуина и короновался въ Павіи желѣзной короной королевства Лангобардскаго. Надѣясь совершенно безосновательно на преданность итальянцевъ къ себѣ, Генрихъ распустилъ свой отрядъ и остался чуть не одинъ въ Павіи. Павійцы кинулись во дворецъ, король выпрыгнулъ изъ окна, при чемъ сломалъ себѣ ногу; нѣмецкое войско едва спасло короля, ворвалось въ городъ, гдѣ произошло открытое возстаніе, въ которомъ принимали участіе всѣ жители. Генрихъ II долженъ былъ оставить Италію.

Но нельзя было германскому королю отказаться отъ императорскаго наслѣдства, которое было добыто саксонскою династіею. Каждый нѣмецкій король долженъ былъ шествовать въ Римъ для того, чтобы тамъ удостоиться императорской короны.

За этой императорской короной Генрихъ II вновь явился въ Римъ, чрезъ 9 лѣтъ послѣ своей неудачи въ Павіи. Бенедиктъ VIII, его кліентъ, короновалъ его въ февралѣ 1014 г. Въ 1021 г. Генрихъ отправился въ третій разъ въ Италію, взялъ Беневентъ, Салерно и Неаполь, которыми тогда управлялъ Ардуинъ. Этотъ походъ удовлетворилъ и гордости Генриха и германскому національному честолюбію; Генриха вездѣ въ Италіи признавали за императора.

Борьба съ славянами.

Но этотъ императоръ не могъ утвердить своего владычества на Востокѣ, среди славянъ, которые сознавъ свои силы не хотѣли болѣе склоняться передъ нѣмцами. Самымъ

бертомъ включительно. Менѣе важныя хроники принадлежатъ: Маріану Скотту до 1083 г. (продолженіе его до 1200 г.) и Сигберту (до начала XII в.) Для изучающихъ XI вѣкъ надо пользоваться изданіемъ Пертца отъ V до X т. и Яффе. Нѣмецкій архивистъ Böhmer, въ своей догматической хроникѣ, которая обнимаетъ время отъ Конрада I до Генриха VII, т. е. отъ 911—1313 г., сдѣлалъ сводъ всѣхъ политическихъ фактовъ по годамъ и мѣсяцамъ (Regesta a Conrade usque ad Heinricum V). Общее пособіе для франконской династіи составлено Штенцелемъ (1827 г.), которымъ сильно пользовался Гизебрехтъ въ исторіи императорской эпохи. Въ Jahrbücher der Deutschen Geschichte, изд. Мюнхенской Исторической Коммиссіей, помѣщена подробная исторія Генриха II въ 3 томахъ, принадлежащая авторамъ (1861—70): Гиршу, Узенгеру, Пабету и Бреслау.

могучимъ изъ славянскихъ народовъ были тогда поляки, подъ управленіемъ короля Болеслава, прозваннаго Храбрымъ.

Главный интересъ внутренней исторіи Германіи того времени вращается на борьбѣ ея съ славянами. Теперь шла рѣчь не только о томъ, какъ спастись отъ нѣмецкихъ притѣсненій. Этимъ не ограничивались: поляки желали по возможности расширить славянскіе предѣлы. Для исторіи Польши слѣдуетъ обращаться къ старому лѣтописцу, Длугошу, который, хотя не былъ современникомъ Болеслава Храбраго и жилъ четыре вѣка спустя, — тѣмъ не менѣе пользовался цѣнными матеріалами; они далеко не всѣ дошли до насъ. Мы видѣли уже (стр. 361 и сл.), какъ онъ тщательно записывалъ всѣ преданія отдаленной старины; тѣмъ важнѣе онъ для историческаго времени.

Болеславъ Храбрый польскій и его реформы (992—1025 г.). Причиною усиленія славянскаго элемента въ XI столѣтіи былъ энергическій король Болеславъ Храбрый. Онъ поставилъ себѣ цѣлью бороться противъ славянской розни вообще и противъ дурнаго соціальнаго строя Польши въ частности. Для этого онъ вступилъ въ борьбу съ своей мачихой Одой и братьями, которые владѣли удѣлами, согласно завѣщанію своего отца Мечислава.

Мачиха и братья должны были бѣжать въ Римъ и просить помощи у папы, но совершенно напрасно, потому что папа былъ тогда вполнѣ безсиленъ. Болеславъ обратилъ вниманіе на главное зло тогдашней Польши, на подавленіе низшаго класса, т. е. кметовъ, высшими сословіями: шляхтою и вельможами. Чтобы укрѣпить страну, надо было поднять положеніе крестьянскаго сословія, доселѣ угнетаемаго. Болеславъ, для безпрепятственнаго выполненія дальнѣйшихъ своихъ цѣлей, прежде всего хотѣлъ быть самостоятельнымъ, независимымъ отъ шляхты, государемъ. Раньше, совѣтъ 12 вельможъ ограничивалъ власть князя; теперь, Болеславъ подчинилъ себѣ этотъ совѣтъ своимъ простымъ обращеніемъ, своею любезностью и гостепріимствомъ; вельможи и шляхта ежедневно приглашались къ княжескому столу. Устранивъ по возможности шляхту и совѣтъ отъ правительственныхъ дѣлъ, хотя и не законодательнымъ путемъ, Болеславъ присвоилъ себѣ и право суда; при чемъ судъ и наказанія стали одинаковы какъ для рыцарей, такъ и для крестьянъ. Болеславъ не стѣснялся дѣлать изъ кметовъ рыцарей. Въ особенности старался сослов-

ное войско обратить въ народное; для этого сдѣланы были преобразованія въ арміи. Шляхта служила въ конницѣ и доставляла всадниковъ въ количествѣ, равномъ половинѣ общаго числа; города должны были выставлять пѣхоту; кметы, т. е. крестьяне, должны были доставлять пограничный гарнизонъ; тѣ же изъ нихъ, которые не служили, должны были вносить ежегодно запасы хлѣба и овса для продовольствія войска, которымъ командовалъ гетманъ, но только въ военное время. Для защиты королевства Болеславъ настроилъ много замковъ, а къ нимъ были приписаны кметы, составлявшіе такъ называемую маетность замка. Для начальства въ каждомъ замкѣ было поставлено по одному кастеляну или старостѣ, который сверхъ того управлялъ причисленными къ замку волостями. Эти должности: гетмана, кастеляна или старосты,—оставались до позднѣйшаго времени въ Польшѣ, до ея паденія. Все это было созданіемъ ея перваго замѣчательнаго короля. Вслѣдствіе этихъ преобразованій въ Польшѣ, развились большія военныя силы—и для наступленія и для обороны. Она стала теперь не только сильнѣйшимъ изъ славянскихъ государствъ, но и однимъ изъ сильныхъ европейскихъ. Онѣмеченія Польши теперь не могло быть подъ блюстительнымъ окомъ Болеслава.

Подчиненіе Чехіи Польшѣ въ 1000 г.

Въ 999 г. умеръ чешскій князь Болеславъ II; онъ оставилъ Чехію на жертву врагамъ. Польскій король хотѣлъ первый наложить свою сильную руку на Чехію, объединить западныхъ славянъ подъ своей властью и создать оплотъ противъ нѣмецкихъ стремленій. Быстро поляки кинулись на чешскіе предѣлы. Моравія, Силезія, Славонія были отняты у чеховъ, затѣмъ Болеславъ стремительно двинулся на Краковъ, взялъ его и перебилъ чешскихъ колонистовъ. Благодаря ему, Польша увеличилась почти вдвое. Теперь она состояла изъ 6 областей: Великой Польши, Мазовіи, Краковіи, Силезіи, Моравіи и Помераніи, т. е. земли Балтійскихъ славянъ. Это было на рубежѣ втораго тысячелѣтія.

Тогда Оттонъ III прибылъ въ Польшу—въ Гнѣзно, чтобы поклониться гробу перваго апостола Пруссіи, извѣстнаго у нѣмцевъ подъ именемъ Адальберта, а среди чеховъ и славянъ, подъ своимъ именемъ — Войцеха. Пребываніемъ Оттона въ Гнѣзно воспользовался Болеславъ для своихъ цѣлей.

Коронованіе Болеслава въ Гнѣзно. Въ Гнѣзнѣ же совершился обрядъ коронаціи, при чемъ императоръ надѣлъ свою корону на польскаго государя. „Неприлично такому мужу, говорилъ Оттонъ, стоять на одной ступени съ императорскими князьями и называться герцогомъ или графомъ; пусть со славою возсѣдаетъ онъ на королевскомъ тронѣ, увѣнчанный короною". Обрадованый Болеславъ согласился на условія Гнѣзненскаго трактата, гдѣ перевѣсъ оставался на сторонѣ императора. Болеславъ получилъ всѣ страны, населенныя еретиками и язычниками, но за то обязанъ былъ распространить въ нихъ католическую вѣру. Въ видахъ укрѣпленія и расширенія славянскаго государства, Болеславъ женилъ своего сына на дочери императора. При Генрихѣ II, Болеславъ овладѣлъ Мейссенскою маркой, часть которой передалъ императору; лужичанъ и меличанъ онъ оставилъ за Польшей. Затѣмъ Болеславъ, пользуясь чешскими междоусобіями, овладѣлъ Прагой, которую хотѣлъ сдѣлать столицей не только Польши, но всего славянскаго міра.

Теперь его государство обнимало громадное пространство. Всѣ земли западныхъ славянъ отъ Нѣмецкаго моря до Эльбы и отъ Карпатъ до Балтійскаго моря, принадлежали ему. Изъ полабскихъ славянъ только бодричи и лютичи не входили въ польскую державу, оставаясь подвластными нѣмцамъ.

Болеславъ и Нѣмецко-славянская война. Когда Генрихъ II потребовалъ отъ Болеслава присяги за Чехію, тотъ отказался дать её, ибо чувствовалъ себя сильнымъ для успѣшной борьбы съ императоромъ. Это обстоятельство повело къ четыремъ продолжительнымъ войнамъ между поляками и имперіей, которыя кончились благополучно для славянъ. и въ которыхъ счастіе переходило отъ одной стороны къ другой. Болеславъ вторгся въ Саксонію и даже прошелъ въ Баварію. Генрихъ II взялъ въ свой лагерь чешскаго князя Яроміра и обѣщалъ возвратить ему Чехію, если тотъ ему поможетъ въ борьбѣ съ Польшею. Вмѣсто Польши нѣмцы вторглись въ Чехію и дошли до Праги, откуда Болеславъ, извѣщенный о грозившей опасности, бѣжалъ, оставивъ на жертву своихъ воиновъ. Поляки были побѣждены въ Чехіи. Затѣмъ нѣмцы взяли Будишинъ, столицу мильчанъ,—одинъ изъ лучшихъ городовъ полабскихъ славянъ и, наконецъ, расположились на зимнихъ квартирахъ въ Мерзебургѣ. На слѣдующій годъ Генрихъ возобновилъ походъ; его поддерживали язычники лютичи, такъ какъ славяне не могли обойтись безъ то-

го, чтобы не выдать своихъ. Нѣмцы перешли черезъ Одеръ и подступили къ Познани, гдѣ и предписали Болеславу условія мира въ 1005 году.

По несчастному Познанскому миру, Болеславъ отказался отъ Чехіи, Лузаціи и Мильчаніи. Но онъ смотрѣлъ на этотъ миръ, какъ на вынужденный и готовился къ новой войнѣ. Черезъ два года Болеславъ возобновилъ борьбу, вызванный на то самимъ Генрихомъ, который понималъ, что безъ сокрушенія Польши, нельзя онѣмечить славянъ.

Генрихъ заключилъ союзъ съ венгерскимъ королемъ Стефаномъ. Болеславъ отвоевалъ лужичанъ, мильчанъ, отнялъ Будишинъ и устремился къ Магдебургу, опустошая окрестности. Потомъ онъ бросился на венгровъ, три года счастливо сражался со Стефаномъ и отнялъ у него земли между Карпатами и Дунаемъ.

Затѣмъ началась третья война, которая закончилась свиданіемъ императора и короля въ Мерзербургѣ, гдѣ Польша получила Лузацію, Мильчанію и Бранденбургъ со всей окраиной, которая была обращена въ такъ называемую Бранденбургскую марку, это ядро будущей Пруссіи. Болеславъ же въ замѣнъ этого долженъ былъ подчиниться въ церковныхъ дѣлахъ архіепископу Магдебурскому. Это было въ 1013 году.

Нѣмцы думали отдѣлаться отъ Болеслава, направивъ его на русскаго князя Владиміра (¹), въ то же время требуя отъ него вспомогательнаго отряда для итальянской войны. Болеславъ отказалъ; это послужило поводомъ къ четвертой польсконѣмецкой войнѣ, которая продолжалась до 1017 г. и закончилась миромъ въ Будишинѣ.

По Будишинскому миру, Болеславъ утвердилъ за собою все, что было имъ доселѣ пріобрѣтено, онъ освободился отъ Магдебургскаго архіепископа; по этому миру уже не императоръ требовалъ отъ Болеслава вспомогательнаго отряда, а, напротивъ, давалъ ему свой нѣмецкій отрядъ для войны съ русскими. Такимъ образомъ нѣмцы, по словамъ Титмара, заключали миръ не такъ, какъ слѣдовало, а какъ возможно было по тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Теперь Болеславъ сталъ расширять свое государство на Востокъ. Получивъ отказъ отъ великаго князя Ярослава въ ру-

(¹) Thietmari Chron. VII, 52. Русская лѣтопись умалчиваетъ объ этой войнѣ. См. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи; I, 301 (прим.).

кѣ его сестры Предиславы, Болеславъ устремился на русскіе предѣлы съ поляками, чехами, венграми, нѣмцами и даже печенѣгами. Разбивъ Ярославово войско на рѣкѣ Бугѣ, онъ направился въ Кіевъ. Отъ многочисленнаго русскаго воинства остались очень немногіе, которые бѣжали вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ. Болеславъ, находясь въ Кіевѣ, имѣлъ неосторожность распустить вспомогательные отряды печенѣговъ, нѣмцевъ и венгровъ. Кіевляне, воспользовавшись оплошностію Болеслава, стали избивать поляковъ и Болеславъ бѣжалъ въ страхѣ, захвативъ съ собою Предиславу, которую прежде просилъ въ супружество, а также ея сестеръ.

Мечиславъ II, король Польскій. (1025—34 г.)

Русская война была послѣднимъ подвигомъ Болеслава. Чрезъ годъ послѣ смерти Генриха II вѣнчанный королемъ, онъ умеръ въ 1025 г. При его наслѣдникѣ Мечиславѣ II, Польша потеряла нѣкоторыя изъ областей; такъ, русскіе вернули Галицію, венгры Моравію и Хорватію, нѣмцы Мильчанію, которую отдали чехамъ; но остальныя славянскія области долгое время продолжали входить въ составъ Польши, спасаясь подъ ея защитою отъ онѣмеченія. Въ этомъ состоитъ значеніе польскаго государства того времени и заслуга Болеслава Храбраго. Своею патріотической и національной дѣятельностью онъ представляетъ противоположность своимъ предшественникамъ, которые, для того чтобы слабыми руками удержать монархическую власть надъ народомъ, не стѣснялись предавать своихъ подданныхъ нѣмцамъ и по первому приказу императоровъ сражались противъ своихъ соплеменниковъ, измѣняя славянству.

Обстоятельства значительно перемѣнились въ выгодѣ славянъ. Нѣмецкое иго было свергнуто. На короткое время поляки и западные славяне вообще, почувствовавъ свою силу, воодушевились горделивыми и сильными порывами. Возмущенный этимъ, нѣмецкій епископъ-лѣтописецъ называетъ славянъ—„гонителями нѣмцевъ“.

В) ПАПСКО-ИМПЕРАТОРСКАЯ БОРЬБА ЗА ПРЕОБЛАДАНІЕ ВЛАСТИ.

3) Папство и католическое духовенство въ XI вѣкѣ и правленіе императора Конрада II.

Съ самаго начала владычества франконской династіи обнаружились въ Германіи стремленія къ унитаризму. Эти унитарныя стремленія имѣютъ большое историческое значеніе. Они проявились у императора Конрада II, родоначальника франконской династіи, раньше, чѣмъ у кого либо другаго.

Объединеніе и усиленіе Германіи стало прежде всего опасно для Римскаго первосвященника, который находился до сего времени подъ покровительствомъ императоровъ. Въ послѣднихъ онъ видѣлъ своихъ защитниковъ, своихъ патроновъ. Это зависило отъ слабости римской куріи, отъ тѣхъ печальныхъ условій, въ которыя она была поставлена. Въ нихъ надо искать разгадку событій, въ коихъ находились папство и городъ Римъ въ XI и XII столѣтіяхъ.

Современное папство и духовенство.

Намъ надо вернуться нѣсколько назадъ и ознакомиться съ этими условіями. Съ 891 года наступаетъ самое тяжкое время для римской исторіи, какое только она переживала въ христіанскій періодъ ([1]). Графы тускуланскіе и князья Крешенци, укрѣпившись въ своихъ домахъ, дерутся за обладаніе замкомъ св. Ангела и по произволу распоряжаются папскимъ престоломъ; папъ то сажали, то сталкивали. Императоръ Оттонъ Великій на нѣсколько лѣтъ установилъ законное избраніе, но онъ слишкомъ эгоистично направилъ дѣло, чтобы даже посаженные имъ креатуры могли доволь-

([1]) Самое обширное пособіе: Gregorovius. Rom im Mittelalter. Въ послѣднее время вышелъ русскій неудачный переводъ въ 6 частяхъ 1886—1887. Это столько же исторія папства, сколько города Рима.

ствоваться ролью архіепископовъ Германіи. Священная римская имперія была не западною имперіей Карла. Феодализмъ въ иныя отношенія поставилъ особу германскаго императора: императоръ въ Германіи былъ въ такомъ же почти отношеніи, какъ папа къ своей резиденціи. Послѣ Оттона графы тускуланскіе опять вертятъ таірою. Императоры и безъ того привыкли посѣщать Италію для коронованія; они считали дѣло Рима близкимъ себѣ, но народъ римскій далеко не питалъ къ нимъ такого чувства дружбы. Постоянныя драки нѣмцевъ съ черныо на улицахъ римскихъ, казалось, должны бы были охладить въ императорахъ ихъ привязанность къ имени христіанской столицы; но они довольствовались и тѣмъ, что, занявъ городъ на нѣсколько дней оружіемъ, рискуя собственною жизнію, могли поклониться ракѣ Апостоловъ. Огнемъ и мечемъ добивались императоры власти надъ избирателями. Они не вѣрили, чтобы историческая санкція была одною формою, по и нѣмецкіе ставленники надѣвали тіару лишь тогда, когда избраніе ихъ было утверждаемо римскимъ клиромъ и народомъ; слѣдовательно, демократическое начало избранія слишкомъ вошло въ обычай, если могло состязаться съ оружіемъ императорскимъ. Общій же строй Церкви былъ скорѣе конституціоннымъ. Власть папъ была абсолютная въ силу догмы, но никакое правительство не прибѣгало такъ часто къ совѣщательному началу, къ общему обсужденію дѣла. Мы видимъ соборы провинціальные, національные, латеранскіе. Корреспонденціей, обнародованіемъ посланій, грамотъ т. н. буллъ, увѣщаніями, апалогетическими и обличительными сочиненіями двигается эта машина. „Можно подумать, говоритъ Гизо, что находишься въ греческой философской школѣ, а между тѣмъ идетъ дѣло не объ ученомъ спорѣ, не объ изысканіи отвлеченной истины,—дѣло идетъ о власти, о принятіи административныхъ мѣръ, объ изданіи законовъ, словомъ о правительствѣ. Слѣдовательно нѣдры этого правительства наполнялись умственною жизнію; она была такъ сильна и энергична, что сдѣлалась господствующимъ фактомъ, подчинившимъ себѣ всѣ другіе; во всемъ процессѣ видно дѣйствіе разума и свободы“.

Такова была внѣшность этой Церкви; въ ней потому были силы, которыя не могли сокрушиться при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и онѣ не сокрушились даже за это темное время. Въ добавокъ, въ самыхъ основахъ этого зда-

нія совершалась выгодная для судьбы католицизма перемѣна; это произошло въ половинѣ XI вѣка. Цѣлый рядъ нравственно развращенныхъ личностей сидѣлъ на папскомъ престолѣ, въ продолженіе по крайней мѣрѣ полутора столѣтія. Проглядывая внѣшнюю исторію куріи, мы должны невольно остановиться на характеристикѣ тогдашняго духовенства, хотя бы безъ подробнаго изображенія всей грязи Рима темнаго времени.

Тіаристы готовились тогда подорвать всякое довѣріе къ сану папскому, только что утвердившееся въ умахъ варваровъ побѣдителей. Мрачныя картины азіатскихъ деспотій развертывались въ христіанскомъ Римѣ. Короткія замѣтки лѣтописей развились въ ужасающія сцены подъ перомъ протестанскихъ историковъ. Рѣдкій папа не погибалъ отъ интриги; надъ рѣдкимъ политическія враги не совершали самыхъ дикихъ истязаній; самые трупы не избѣгали посрамленія; ядъ, коварство, святотатство, владычество падшихъ женщинъ, убійства, оргіи мести все это было обыкновеннымъ явленіемъ въ это время Θеодоръ и Мароччіи, давшихъ престолу своего сына и внука. „Латеранскій дворецъ, говоритъ современникъ Ліутпрандъ въ исторіи Оттона, былъ мѣстомъ публичнаго разврата и вмѣстилищемъ порока (lupanar et prostibulum)“ (¹).

Распущенность нравовъ и страстей была полнѣйшая. Она кладетъ даже ровный до однообразія отпечатокъ на этотъ періодъ; юноши—развратники всходили не престолъ; порокъ безъ всякаго стыда гордится собою. Источники оставили массу подробностей. Онѣ касаются нравовъ и быта духовенства западной Европы. Впрочемъ, можно догадаться о томъ, что происходило, судя по Риму. Вспомнимъ, что еще не наступало время полнаго развитія феодализма и рыцарскихъ понятій, явившихся впослѣдствіи. Духовенство было тѣсно связано своими землями съ бытомъ другихъ свободныхъ сословій. Въ рукѣ его, по духу времени, былъ посохъ и мечъ. „Miles bonus in clero et optimus pastor in populo“ было даже идеаломъ (²). Прелаты сдѣлались воинами, но о главныхъ своихъ обязанностяхъ никто не думалъ. Это не епископы, говоритъ современникъ, а тираны, окруженные войскомъ; съ руками, запятнанными непріятельской кровью, они приступаютъ къ со-

(¹) Liutprandus. Hist. Ottonis; c. 10; Pertz Mon. V, 343.
(²) Thietmarus Merseb. II, 17; Pertz; V, 752.

вершенію таинствъ [1]. Зло было въ томъ, что каждое духовное мѣсто разсматривалось, какъ феодъ; если ребенокъ могъ быть графомъ, то отчего ему не быть епископомъ. Напримѣръ, 5-лѣтній сынъ графа Вермандоа предназначался въ Реймскую епархію и король съ папою утвердили это назначеніе. Разъ папа лично посвятилъ 10-лѣтняго епископа; хорошо, если при этомъ не совершалось какого нибудь святотатства. Наконецъ, самъ Бенедиктъ IX имѣлъ не болѣе 12 лѣтъ при избраніи. Епископскія должности на всемъ Западѣ продавались съ публичнаго торга; та же участь постигла, какъ увидимъ, и папскую тіару.

Вотъ императоръ св. имперіи назначаетъ торгъ на духовныя должности въ своемъ дворцѣ; желающіе надбавляли одинъ передъ другимъ. „Аббаты сулили золотыя горы, говоритъ Ламбертъ про этотъ аукціонъ; продавецъ иногда и не мечталъ о томъ, что предлагалось ему покупателями; рѣки, богатства, сокровища Креза были въ рукахъ монаховъ. О tempora, o mores—о позоръ, о отвращеніе, заканчиваетъ лѣтописецъ (1075 г.)“.

Тотъ же Ламбертъ нѣсколькими годами раньше приводитъ одно происшествіе, бывшее въ Госларѣ, въ каѳедралѣ, въ самый день Рождества—разсказъ весьма подходящій для характеристики времени.

Это было на глазахъ короля. Когда въ церкви стали разставлять стулья для вечерни, поднялся сильный споръ между слугами епископа гильдесгеймскаго Гезело и аббата фульдскаго Видерада. Отъ брани и кулаковъ дѣло дошло бы и до оружія, если бы герцогъ баварскій Оттонъ, стоявшій за аббата, не умиротворилъ спорящихъ. Причина была въ томъ, что аббатъ всегда считалъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто послѣ архіепископа майнцскаго, а епископъ доказывалъ, что это привилегія его, если только архіепископъ въ его діоцезѣ. Этимъ дѣло не кончилось; епископъ искалъ случая отомстить, и случай представился. На праздникѣ Троицы опять поднялся споръ въ госларской церкви; епископъ поставилъ за алтаремъ дружину графа Экберта. Услышавъ шумъ, воины графа бросились на фульдскихъ вассаловъ, избили ихъ кулаками, палками и выгнали изъ церкви. Но фульд-

---

(1) Fulberti epist. 74, apud Bouquet; X, 479.

цы получили подкрѣпленіе и съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ храмъ. Теперь началась кровавая схватка; церковь огласилась дикими воплями сражающихся, стонами раненыхъ; полилась кровь; дрались на хорахъ среди пѣвчихъ, даже у самаго алтаря. Епископъ воззваніями съ амвона подкрѣплялъ энергію сражающихся. Напрасно король напоминалъ народу святость мѣста, присутствіе королевскаго величества; никто не обращалъ вниманія на его слова и просьбы. Боясь за свою собственную жизнь, онъ рѣшился выйти изъ церкви; съ трудомъ проложили ему дорогу тѣлохранители. Между тѣмъ схватки продолжались; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ; наконецъ епископъ одолѣлъ, а наступившая ночь прекратила драку.

На другой день было назначено строгое слѣдствіе. Графъ, какъ родственникъ короля, отдѣлался легко; всю тяжесть вины свалили на аббата. Епископъ, „принявъ на себя маску Моисеевой кротости и апостольской святости", обвинялъ аббата въ святотатствѣ громче другихъ. Самъ главный виновникъ, онъ вздумалъ отлучить отъ Церкви сражавшихся и запретилъ хоронить убитыхъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что обвиняемый аббатъ подкупилъ и судей и даже самого короля, и тѣмъ избавился отъ бѣды ([1]). „Приняты были мѣры, кончаетъ Ламбертъ, подъ 1064 г., чтобы никто не узналъ, сколько именно получилъ король, сколько его довѣренные и сколько епископъ. Вѣрно только то, что монастырь, доселѣ богатый и цвѣтущій по всей Германіи, обѣднѣлъ такъ, что не осталось и слѣдовъ прежняго богатства".

Подобныя явленія впрочемъ не были рѣдкостью; нравы духовенства этого времени вездѣ оттѣняются одинаково. Ратьеро Веронскій говоритъ прямо, что „священники всю жизнь проводятъ въ тавернахъ; въ алтаряхъ грязныя сцены пьяной оргіи (hesternam ebrietatem vel crapulam ante altare Domini super ipsum carnem vel sanguinem rictant agni). Они заняты лишь тяжбами, жаждою прибытка; зависть и ненависть иссушаютъ ихъ. Тѣ, которые должны проповѣдывать любовь къ другу, употребляютъ всѣ козни для обмана; они берутъ проценты, продаютъ церковную утварь, продаютъ самое отпущеніе грѣховъ. Они отличаются отъ свѣтскаго обще-

([1]) **Надлеръ** сообщаетъ подробности по источникамъ. (Адальбертъ Бременскій; 55—58).

ства развѣ тѣмъ, что брѣютъ бороду". Несомнѣнно, что подобное состояніе явилось результатомъ общей испорченности людей. Духовенство не только не указывало иного пути для жизни, не само не устояло противъ общаго теченія; не всѣ епископы превосходили бароновъ образованіемъ. Не всѣ духовные знали „Вѣрую", говоритъ тотъ же современникъ; не всѣ понимали то, что читали; многіе ограничивались только складами. Епископъ бамбергскій не могъ перевести латинскаго псалма, а не только разъяснить его смыслъ, хотя бы за это и простилось ему много грѣховъ (¹). Бенедиктъ VIII на соборѣ публично и цинично говорилъ духовенству, что „sacerdotes Dei... in foeminas insaniunt" (²).

Въ одной чувственности и удовольствіяхъ проходила жизнь и въ холодной Англіи и въ теплой Италіи. Дунстанъ Кентерберійскій также на соборѣ говорилъ, что между духовенствомъ столько позорныхъ преступленій, что ихъ жилища въ общемъ мнѣніи считаются домами разврата и вмѣстилищемъ всякихъ нечистотъ (³). Хотя браки дозволялись, но женами не довольствовались (honesto nomine presbyterissae vocantur), не смотря на то, что обычай не возбранялъ допускать женъ жить въ монастырѣ; одинъ архіепископъ былъ обвиненъ въ содоміи. Мы приводимъ лишь тѣ факты, отъ которыхъ не отпираются и католическіе историки. Смущаются послѣдніе, когда приходится имъ оправдывать при такихъ данныхъ десницу Промысла. Тогда приходится имъ повторять вмѣстѣ съ Бароніемъ, что „Іисусъ Христосъ глубокимъ сномъ опочилъ на кораблѣ своемъ, когда судно металось по волнамъ вѣтрами и бурею" (⁴).

Понятно послѣ этого, что распространенію симоніи не могло быть предѣловъ; сильна она была въ Германіи, не менѣе того и во Франціи, въ странѣ, гдѣ еще недавно Гинкмаръ Реймскій думалъ о національной Церкви, гдѣ была удобная почва для цистерціанскаго ордена и для славныхъ клюнійскихъ монастырей. Объ этой странѣ монахъ Глаберъ пишетъ

(¹) Lambertus Hersfeldensis. Annales a. 1075. Pertz. Mon. VII, 260.

(²) Mansi. Concilia; XIX, 345.

(³) Mansi. Concilia, XXV, 527.

(⁴) Annales eccles. a. 912.

во 2-й книгѣ своей исторіи ([1]), что „короли французскіе, вмѣсто того чтобы избирать для служенія святой религіи лицъ способнѣйшихъ, считали болѣе удобнымъ для паствы душъ назначать тѣхъ, кто можетъ подарить больше. А когда такіе сдѣлаются епископами, то они не знаютъ предѣловъ своей жадности; ей одной они покланяются, какъ идолу, и думаютъ лишъ объ удовлетвореніи этой страсти“.

Казалось, условія въ какихъ находилась курія, были крайне неблагопріятны. Однако папы сохранили свою независимость, потому что пользовались слабостью императора, силы котораго были разрознены между Германіей и Италіей. Тѣмъ не менѣе императоръ могъ бы свободно вытѣснить папу изъ Рима вслѣдствіе того, что въ столицѣ папской была полнѣйшая анархія. Поэтому въ интересахъ папъ было оставить Германію in statu quo ante, — ибо въ ней императоры были почти столь же безсильны, какъ папы въ своей резиденціи. Это могло гарантировать ихъ будущность и сохранить тѣ обоюдныя условія, которыя существовали между папами и императорами прежде, т. е. условія полнаго равенства между ними. Но все таки съ вліяніемъ Германіи на Римскую курію папы не могли не считаться уже при первыхъ франконцахъ, носившихъ императорскій вѣнецъ.

Франконскій домъ: Императоръ Конрадъ II (1024—39 г.).

Точно инстинктивно предчувствуя опасность отъ водворенія франконскаго дома на императорскомъ престолѣ, высшее духовенство въ Германіи энергично противилось выбору Конрада Старшаго, когда, послѣ смерти Генриха II, на берегахъ Рейна, близь Оппенгейма, съѣхались избиратели, сопровождаемые огромной свитой епископовъ и аббатовъ. Конрадъ казался опасенъ для прелатовъ не своими родовыми владѣніями— они были очень не велики—а своимъ характеромъ. Онъ происходилъ отъ Конрада Мудраго, герцога Лотарингіи, женатаго на дочери Оттона I; одно это усиливало его права. Его дѣдъ, герцогъ Каринтіи, былъ внукомъ императора Оттона. Онъ славился энергіею, силою воли, храбростью, а вмѣстѣ съ тѣмъ политической ловкостью; знали, что онъ умѣетъ привлекать къ себѣ однихъ убѣжденіемъ, другихъ угрозой, третьихъ щедростью. Феодалы его любили за рыцарскіе подвиги, которыми онъ прославился на турнирахъ. Въ основателѣ франконской династіи совмѣстились такимъ образомъ качества, которыя

([1]) Rodulphus Glaber. Francorum hist. ad a. usque 1044 (Pertz; VII, 51—72).

прославили этотъ домъ. Не трудно было найти предлогъ для враждебной противъ Конрада агитаціи. Онъ былъ женатъ на близкой родственницѣ—Гизелѣ, вдовѣ Эрнста, герцога Швабскаго, которая принесла ему богатыя владѣнія въ предѣлахъ нынѣшняго Виртемберга, но которая, въ глазахъ духовенства, скомпрометировала себя тѣмъ, что слишкомъ поспѣшила вторымъ бракомъ, какъ бы обрадовавшись смерти перваго супруга. Собственно этотъ бракъ и выдвинулъ кандидатуру Франконскаго дома, но онъ же послужилъ опорой для возраженій церковной оппозиціи. Князь, поправшій каноническіе законы, не могъ быть, по словамъ прелатовъ, кандидатомъ въ императоры. Церковная партія не возражала противъ другаго франконца, тоже Конрада, называвшагося въ отличіе отъ своего старшаго двоюроднаго брата, Младшимъ. Но послѣдній не представлялъ собою качествъ, необходимыхъ для императора. Онъ не успѣлъ прославиться геройствомъ; его подвиги на рыцарскихъ турнирахъ еще не занимали собою молвы. Сознавая это, Конрадъ Младшій ради общихъ интересовъ франконскаго дома, отказался отъ своихъ правъ и обѣщалъ поддерживать старшаго родственника. Послѣ того, какъ архіепископъ Майнцскій и духовные избиратели волей-неволей произнесли имя Куно (Chuno) Старшаго, онъ самъ при выборахъ подалъ открыто за него голосъ и тѣмъ рѣшилъ успѣхъ франконской кандидатуры. Конрадъ II былъ избранъ единогласно. Скоро церковники убѣдились, что они ошиблись. Не въ Конрадѣ II они должны были искать себѣ соперника. Новый императоръ оказался очень податливымъ. Випонъ разсказываетъ, что общій голосъ населенія въ высшей степени сочувственно отнесся къ первому франконцу. Его поѣздка въ Майнцъ на коронацію была цѣлымъ тріумфомъ: міряне пѣли свѣтскія пѣсни, клиръ церковныя. Если бы воскреснулъ самъ великій Карлъ, говорили тогда, радость не была бы большая. Тотъ-же Випонъ, скоро получившій мѣсто въ канцеляріи новаго императора или, какъ тогда говорили, въ капеллѣ, замѣчаетъ, что послѣ Карла Великаго едва ли кто съ большимъ достоинствомъ возсѣдалъ на императорскомъ престолѣ. Тогда, вѣроятно не безъ основанія, говорили, что король Конрадъ „сидитъ въ стременахъ великаго Карла“ (¹).

(¹) «Sella Chuonradi habet ascensoria Caroli». Wipo. Vita Chuonradi II imperatoris, c. 6, apud Pertz, Monumenta, XI; 248—254. Випонъ—суще-

Въ чемъ же заключалась причина столь огромной популярности основателя франконской династіи. Вліялъ ли онъ на современниковъ высотою своего ума, своимъ образованіемъ? —Нѣтъ: онъ былъ даже безграмотенъ, какъ свидѣтельствуетъ его біографъ. Совершилъ-ли онъ героическіе подвиги, какъ его знаменитый предокъ? Ничего подобнаго не сообщаютъ лѣтописи. А между тѣмъ передъ нимъ съ охотою склонялись могущественнѣйшіе князья Германіи. Тотъ же Випонъ сообщаетъ намъ разгадку обаянія перваго вѣнценоснаго франконца. Конрадъ, говорятъ они, умѣлъ благоразумно управлять даже духовенствомъ; наружно показывая любезность и щедрость, онъ между тѣмъ на дѣлѣ умѣлъ подчинять клиръ приличной дисциплинѣ. Онъ обладалъ въ высшей степени качествами практическаго государственнаго дѣятеля и, понимая значеніе популярности, не стѣснялся заискивать ее.

Онъ проявилъ такія свойства съ перваго же дня правленія. Шествуя на коронацію, онъ задержалъ всю торжественную процессію къ великому неудовольствію епископовъ и церемоніймейстеровъ. Ему на пути подали жалобы: какой то поселянинъ, вдова и сирота. Онъ остановился, чтобы выслушать просителей съ должнымъ вниманіемъ. Его торопили епископы, напоминая о службѣ, о проповѣди.

— „Человѣкъ съ характеромъ никогда не долженъ откладывать до другаго раза то что можетъ сдѣлать сейчасъ, отвѣчалъ Конрадъ. Не лучше-ли прямо начать дѣлать дѣло, чѣмъ спѣшить выслушать проповѣдь о томъ, что еще надлежитъ дѣлать“.

— Счастливое начало царствованія того государя, который, прежде чѣмъ короноваться, спѣшилъ исполнить законъ, назидательно замѣчаетъ современникъ, видимо тронутый этимъ примѣромъ, вѣроятно, рѣдкимъ въ своемъ родѣ.

Мы говорили, что Конрадъ умѣлъ управлять духовенствомъ. Онъ своимъ образомъ дѣйствій внушилъ къ себѣ симпатіи въ этомъ вліятельномъ и господствовавшемъ сословіи. Онъ явился ревностнымъ слугою Креста въ борьбѣ съ **Борьба съ Славянами.**

ственный и единственный источникъ Въ XVII и XVIII вѣкѣ жизнь Конрада II служила предметомъ многихъ латинскихъ трактатовъ и диссертацій. Новѣйшее пособіе: Breslau (Konrad II, L. 2 B. 1879—1883). Въ основѣ общій трудъ о франконцахъ—Штенцеля.

язычниками-славянами, которые, никакъ не могли усвоить себѣ христіанство, подносимое на остріѣ меча. Какъ только ослабѣвалъ надзоръ со стороны саксонскихъ блюстителей, нарочно приставленныхъ къ лютичамъ полабскимъ, славяне возвращались къ своимъ языческимъ обрядамъ. Въ Саксонской маркѣ, населенной лютичами и колонизированной нѣмецкими военными поселеніями, тогда начиналось движеніе противъ славянъ отступниковъ. Скакали гонцы изъ замка въ замокъ, просили на помощь герцога, а тотъ, отправляясь въ походъ, сообщалъ императору о случившемся, предупреждая его на случай о необходимости въ скоромъ времени пожаловать на помощь вассаламъ. Тогда обыкновенно славяне начинали дѣятельно приготовляться къ защитѣ, устраивали въ лѣсахъ засѣки, портили и безъ того негодныя дороги, князья и старшины сгоняли народъ въ тѣ мѣста, гдѣ не было нѣмцевъ, снабжали города припасами, готовили копья, луки и стрѣлы. Надо замѣтить, что рѣчь шла вовсе не объ отпаденіи язычниковъ. Это было только страшное слово, которымъ всегда болѣе или менѣе удачно пользовались нѣмцы и которымъ они прикрывали дѣйствительное положеніе дѣла. Когда германскіе памятники говорятъ намъ объ языческой реакціи—есть полное основаніе заключить что славяне, подавленные невозможнымъ экономическимъ гнетомъ, лишенные права распоряжаться плодами трудовъ своихъ, обложенные тяжелою данью,—рѣшались свергнуть съ себя чужеземное иго, которое становилось не въ мѣру тяжело (¹). Религіозный же вопросъ въ такого рода движеніяхъ стоялъ на второмъ планѣ. Славяне вообще отличались религіознымъ индиферентизмомъ.

Такъ было и теперь, при императорѣ Конрадѣ II. Онъ уже успѣлъ проявить свою энергію и рѣшительность въ Польшѣ, которую, со времени герцога Болеслава, считалъ вассальной страною и которую своею властью передалъ на короткое время Одону, младшему сыну Болеслава съ титуломъ герцога, обойдя другаго старшаго, Мѣшко. Послѣдній долженъ былъ смириться и послѣ смерти Одона, склонивъ на свою сторону императрицу Гизелу, получилъ наслѣдіе

(¹) Въ *«Сборникѣ статей по Славяновѣдѣнію»*, изд. въ честь В. И. Ламанскаго (П. 1883), помѣщенъ небольшой, но содержательный очеркъ по этому предмету В. Кракау, подъ заглавіемъ: Ленная зависимость восточныхъ окраинъ Германской Имперіи въ X и XI вѣкахъ (330—347).

отца, хотя значительно уменьшенное распоряженіемъ императора. Въ Польшѣ рядомъ съ Мѣшко были посажены другіе вассалы.

При такой ревности къ своей власти, Конрадъ не могъ простить лютичамъ ихъ отпаденія. Онъ не хотѣлъ подумать о томъ, что несчастные лютичи съ тѣхъ поръ какъ испытали прелесть нѣмецкой власти лишены были человѣческихъ правъ, что они были обращены въ рабовъ (¹), что нѣмецкіе колонисты не называли ихъ иначе какъ собаками, невѣрными, что они всегда дрожали за свое имущество и самую жизнь. Императоръ явился въ Саксонію въ 1034 году. Посольство изъ лютичей оправдывалось передъ императоромъ; конечно, оно нарочно было подобрано изъ христіанъ; оно жаловалось на разбойническія нападенія саксонцевъ, жившихъ и хозяйничавшихъ въ ихъ землѣ, отъ которыхъ ни властелямъ, ни кметамъ не было защиты. Въ свою очередь саксонцы винили славянъ во всемъ. Конрадъ, вѣрный рыцарскимъ обычаямъ, предоставилъ рѣшить споръ такъ называемымъ Божьимъ судомъ, на чемъ особенно настаивали лютичи, желая торжественно доказать свое христіанство. Сразились два борца съ той и другой стороны; славянинъ побѣдилъ, саксонецъ былъ убитъ. Императоръ долженъ былъ склониться передъ высшимъ судомъ. Не довѣряя однако же славянамъ, Конрадъ, оставляя на нѣкоторое время страну, выстроилъ пограничную крѣпость Вербну, которую поручилъ защищать саксонцамъ, взявъ съ ихъ князей клятву, что они будутъ единодушны и неутомимы въ борьбѣ съ славянами.

Можно представить себѣ, какъ обострились отношенія между саксонцами и лютичами, почуствовавшими и свою правоту и свою силу. Славяне боялись только внушительныхъ императорскихъ воиновъ. На другой же годъ, послѣ удаленія Конрада, они напали на Вербну, взяли крѣпость и перерѣзали плѣнныхъ; затѣмъ они не преминули разнести огонь и мечъ по Саксонской маркѣ. Конрадъ былъ во Франконіи; онъ еще не распускалъ войска и поспѣшилъ на Эльбу. Онъ началъ обдуманную заранѣе месть. Его воины ворвались въ землю лютичей, все сожгли что было возможно; императоръ былъ впереди. Онъ легко разогналъ славянъ и постарался

(¹) Thietmarus Merseb. (Chron. VI, 18) самъ почти сознается въ этомъ.

теперь оправдать новый титулъ „мстителя за вѣру“, который ему поднесли услужливые стихоплеты. Онъ велѣлъ рубить массами плѣнныхъ за то что они будто издѣвались когда-то надъ деревяннымъ изображеніемъ Распятаго. Онъ самъ видимо придумывалъ наказанія. Хроникеръ, всегда обстоятельный, на этотъ разъ опускаетъ завѣсу: „императоръ истреблялъ славянъ смертью различнаго рода“...

Пріобрѣтеніе Бургундіи въ 1034 г. Въ предѣлахъ Германіи Конрадъ II не имѣлъ случая проявить такого рода жестокость и изобрѣтательность. Бургундія досталась ему легко. Покойный король Рудольфъ III былъ дядя его жены; онъ завѣщалъ ему свои владѣнія, подъ клятвою, еще при жизни, подъ условіемъ передачи ихъ внуку, римскому королю Генриху, сыну Конрада. Но притязанія племянника Рудольфа, Одо,—котораго вѣроятно поддерживали феодалы, не желавшіе прямаго подчиненія императору,—задержали водвореніе франконскаго дома въ Бургундіи на непродолжительное время. Въ началѣ 1034 года,—извѣстнаго по своей суровой, почти полярной зимѣ на Западѣ,—Конрадъ II былъ избранъ высшими и низшими феодалами и коронованъ въ короли Бургундіи. Это было пріобрѣтеніе огромной важности. Въ тогдашнюю Бургундію входила вся богатѣйшая, обширная, густо населенная территорія нынѣшней юговосточной Франціи съ Провансомъ, значительныя части французской и итальянской Швейцаріи, части Савойи и генуэзскаго берега. Она занимала пространство между линіей Соны и Роны съ Запада, Боденскаго озера и истоковъ Рейна съ Сѣвера и оттуда къ Югу до береговъ Средиземнаго моря, доходя на Востокѣ до Цюриха и истоковъ По. Такіе богатые города какъ Ліонъ, Арль, Вьеннь, Марсель, Гренобль, Безансонъ, Женева и десятки другихъ входили въ предѣлы Бургундіи, могущественные феодалы которой теперь подчинились императору. Здѣсь были всѣ благопріятныя данныя для процвѣтанія промышленности и торговли при превосходныхъ климатическихъ условіяхъ. Можно себѣ представить, какъ внушительно увеличилось обаяніе франконскаго дома и его матеріальное могущество съ пріобрѣтеніемъ въ наслѣдственную собственность этого королевства.

Вмѣшательство въ дѣла Италіи. Конрадъ II теперь могъ обратить вниманіе на положеніе Италіи. Тамъ происходило неслыханное прежде движеніе,

передъ которымъ въ смущеніи останавливается германскій хроникеръ подъ 1035 годомъ. Дѣйствительно, произошло нѣчто такое, чего не могли разгадать современники. Итальянскій народъ, populus, населявшій города, осмѣлился заключать клятвенные союзы (conjuratio) и возставать противъ феодаловъ. Рѣчь шла объ агитаціи такъ называемыхъ коммунъ въ Ломбардіи, этихъ дерзкихъ городовъ, которые произвели по истинѣ неслыханное волненіе—inaudita confusio. Мы узнаемъ послѣ, что нѣкоторое время спустя такую же клятву стали давать горожане въ сѣверной Франціи другъ другу, что не довольствуясь этимъ, города, и тутъ и тамъ, стали заключать между собою союзы,—пріобщенія, communio (отсюда commune). Коммунальное движеніе проявилось, слѣдовательно, почти одновременно, но починъ несомнѣнно принадлежалъ Италіи или точнѣе Ломбардіи. Тамъ загорѣлся тотъ новый свѣточь, который послѣ такъ долго свѣтилъ и притомъ яркимъ огнемъ въ исторіи цивилизаціи. Нарождалась новая могучая сила городовъ, выдержавшая варварское испытаніе, прошедшая черезъ лангобардскія руки, чтобы направить иначе содержаніе исторіи.

Современники, недостаточно проницательные, не оцѣнили этого событія, столь богатаго послѣдствіями. Вотъ, напримѣръ, какъ простодушно взглянулъ на дѣло Випонъ, капелланъ императора. „*Въ Италіи всѣ* (*!*) *valvassores* (т. е. горожане) *и простые воины составили клятвенный заговоръ противъ своихъ высшихъ, не желая ничего отъ нихъ терпѣть безъ отмщенія, если бы господа задумали что либо дѣлать безъ ихъ желанія*“ ([1]). Когда синьоры городовъ не пожелали уступить свои права бунтовщикамъ, тѣ обратились за помощью къ императору Конраду II.

Не было ничего благопріятнѣе для разсчетовъ императорской политики въ Италіи. Въ интересахъ Священной Имперіи, въ интересахъ упроченія своего владычества въ Италіи, властители Германіи должны бы были воспользоваться новой силой, которая сама давалась имъ въ руки. Но къ счастію Италіи и, позволимъ себѣ прибавить, къ счастію для цивилизаціи, Конрадъ II не оказался на высотѣ своего положенія. Впредь же такой удобный случай, для утвержденія при со-

([1]) Это знаменитое мѣсто у Wipo, с. 34.

отвѣтственныхъ обстоятельствахъ императорскаго владычества надъ сѣверной Италіей, болѣе не повторился.

До чего Конредъ II былъ лишенъ широты пониманія выроставшихъ передъ нимъ явленій, видно изъ отвѣта, который онъ далъ итальянцамъ.—„Если *нашъ императоръ* не хочетъ прійти, мы сами добудемъ себѣ законъ" говорили въ ломбардскихъ городахъ. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Конрада, онъ будто отвѣтилъ.—Если итальянцы такъ возжелали закона, то я съ Божьей помощью досыта накормлю ихъ закономъ.

Императора звали итальянцы какъ друга, какъ своего властителя, какъ надежнаго защитника отъ притѣсненія феодаловъ, прежде всего и наиболѣе опасныхъ для императорской власти. Онъ предпочелъ явиться, какъ врагъ, во всеоружіи мстителя за нарушеніе порядка. Его смущало роковое слово: *conjuratio*. Очевидно въ политической дѣятельности тогдашнихъ властителей произошло весьма крупное непониманіе положенія дѣлъ, которое разъ на всегда установилось въ обоюдныхъ отношеніяхъ Церкви и имперіи.

Конрадъ II прежде всего обрушился не высшее духовенство въ Миланѣ, которое считалъ главнымъ виновникомъ и соучастникомъ безпорядковъ. Во главѣ этой партіи стоялъ архіепископъ Гериберть, который еще ранѣе, въ Германіи, успѣлъ доказать свою преданность императору. Конечно, архіепископъ сочувствовалъ движенію горожанъ противъ свѣтскихъ феодаловъ, прекращеніе претензій которыхъ открывало просторъ его честолюбію и усиливало какъ экономическое такъ и нравственное вліяніе церковниковъ. Но эти планы вовсе не расходились съ прямыми интересами императора. Прелатъ торжественно встрѣтилъ Конрада въ церкви св. Амвросія. Императоръ отнесся къ нему сухо, явно настроенный противъ архіепископа. Когда депутаты отъ города просили императора взять коммуну подъ свое покровительство, что было сопряжено только съ пребываніемъ германскаго отряда для военной охраны города въ случаѣ нападеній, то Конрадъ не только отказалъ на отрѣзъ, но приказалъ захватить, какъ агитатора, Гериберта, объявилъ его плѣнникомъ, держалъ въ тюрьмѣ, потомъ велѣлъ влачить за собой. Три епископа были отправлены въ ссылку безъ суда, что смутило даже біографа, относящагося къ Конраду II съ чувствомъ благоговѣнія.—Нельзя осуждать пастырей Христовыхъ безъ

суда, замѣчаетъ Випонъ по этому поводу.—Затѣмъ императорскимъ повелѣніемъ были уничтожены коммуны. Но это было напрасно; въ Италіи не привыкли къ такимъ декретамъ. Герибертъ убѣжалъ отъ императора и вновь произвелъ движеніе въ Миланѣ.

Конрадъ пошелъ на Миланъ, гдѣ приготовились къ защитѣ. Нѣмцы обложили городъ, но не могли взять его. Разсчитывая поколебать единство горожанъ, императоръ въ маѣ 1037 г. издалъ феодальный законъ: constitutio de feudis, который сдѣлалъ его имя знаменитымъ. По этому закону, т. н. вальвассоры пріобрѣтали право передачи своихъ ленныхъ владѣній въ наслѣдство, право быть подсудными суду равныхъ, право апелляціи къ императору черезъ посредство его намѣстника. Только тотъ лишался лена, кого судъ равныхъ признавалъ виновнымъ въ какомъ либо преступленіи. Такимъ образомъ, мелкіе владѣльцы получили полную самостоятельность и пріобрѣли вмѣстѣ съ имущественными вообще гражданскія права. **Феодальный законъ 1037 г.**

Несомнѣнно, новый законъ былъ благодѣтеленъ для большинства мелкихъ владѣльцевъ. За нимъ было будущее. Мелкопомѣстные владѣльцы и горожане становились орудіемъ императора въ борьбѣ съ крупными вассалами, носившими громкіе титулы графовъ и герцоговъ. Но въ данномъ случаѣ онъ не принесъ пользы для императора. Въ Миланѣ и вообще въ Италіи въ немъ не нуждались. Тамъ жизнь ушла далѣе этого закона. Практическое общественное значеніе этотъ юридическій актъ получаетъ въ Германіи въ послѣдующее время, ибо онъ ослаблялъ могущество вельможъ и старался сократить поводы къ самоуправству.

Конраду приходилось покинуть осаду Милана; неудачи постоянно преслѣдовали его подъ стѣнами этого гордаго города.

Оставивъ область Милана, Конрадъ не хотѣлъ покидать Италіи, не водворивъ въ ней порядка. Между тѣмъ ненависть къ нѣмцамъ проявлялась повсюду въ Ломбардіи.

Въ Пармѣ дѣло кончилось кровопролитіемъ. За случайное убійство императорскаго повара (котораго хроникеръ называетъ добрымъ мужемъ Конрадомъ), нѣмецкое воинство, обрушившись на горожанъ, произвело безпощадное истребленіе. Ожесточившіеся нѣмцы всѣхъ рѣзали, не разбирая ни пола, ни воз-

раста. Парма запылала. Когда пожаръ прекратился, императоръ приказалъ разрушить большую часть стѣнъ, чтобы развалины были поучительны для другихъ городовъ. Оттуда Конрадъ II, перейдя черезъ Аппенины, прошелъ съ своимъ войскомъ вдоль всей Италіи до береговъ Апуліи, вездѣ водворяя „порядокъ, законы и правду“. Довольный своимъ дѣломъ, онъ вернулся обратно въ Равенну. Онъ занялся приготовленіями къ борьбѣ съ миланцами, но жестокая моровая язва,—жертвами которой сдѣлались второй сынъ Конрада и его невѣстка, жена будущаго императора,—заставила его покинуть Италію.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Италіи, Конрадъ II скончался въ Утрехтѣ, передавъ престолъ сыну своему Генриху. Онъ былъ похороненъ въ склепахъ готическаго Шпейерскаго каѳедрала, надъ сооруженіемъ котораго онъ трудился въ послѣдніе годы своей жизни, завѣщавъ окончаніе постройки своему сыну. Теперь имперія становилась наслѣдственною. Въ передачѣ престола сыну, Конрадъ II заручился еще при жизни.

Божье перемиріе.

Съ именемъ императора Конрада II нѣкоторые историки соединяютъ представленіе о благотворной дѣятельности въ вопросѣ обязательнаго прекращенія насилія въ предѣлахъ имперіи на опредѣленный періодъ времени. Это былъ т. н. Божій миръ или точнѣе Божье перемиріе—Treuga Dei, великій шагъ въ исторіи цивилизаціи Европы. Не говоря про то, что памятники не даютъ непосредственныхъ указаній касательно участія въ этихъ мѣрахъ Конрада II,—хотя нѣкоторыя изъ нихъ пріурочены къ его правленію,—вся законодательная дѣятельность въ этомъ вопросѣ принадлежала Церкви. Нѣкоторые нѣмецкіе историки утверждали, что, вслѣдствіе продолжительнаго голода, послѣ морозовъ зимнихъ мѣсяцевъ 1034 года, въ Бургундіи и Лотарингіи, лѣтомъ этого года, феодалы и рыцари условились ограничить войну только извѣстными днями, положивъ добровольно нѣкоторыя преграды насилію и самоуправству, при чемъ императору приписывалось какъ одобреніе этихъ мѣръ такъ и распространеніе ихъ на прочія страны Германіи ([1]).

([1]) E. Semichon (La Paix et la Trève de Dieu, P. 1857) въ спеціальномъ изслѣдованіи опровергнулъ это мнѣніе на основаніи памятниковъ. Также Kluckhohn. G. des Gottestfriedens (L. 1857).

Теперь доказано, что Римская Церковь давно работала въ этомъ направленіи и потому становилась во враждебныя отношенія къ феодализму. Бароны, гордые грубой силой, возводимой ими въ принципъ, не признавали надъ собой никакого инаго судьи, кромѣ Бога и меча, или точнѣе, кромѣ послѣдняго, разсчитывая что отъ небесной кары можно избавиться покаяніемъ передъ смертью. Духовенство тщетно прибѣгало къ проповѣди и назиданію; наконецъ, оно рѣшило запугать насильниковъ и грабителей. Въ 989 году въ Пуату, гдѣ страдали постоянно церкви, въ монастырѣ Шарру, былъ созванъ соборъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Гомбода, на которомъ, въ присутствіи христіанъ обоего пола, были преданы проклятію грабители церковнаго имущества и всякіе раззорители бѣдняковъ. Приходилось, рисуя съ натуры, съ самой жизни, подробно перечислять злодѣянія, которыя приходили на память. „Если кто завладѣетъ овцой, быкомъ, осломъ, коровой, козломъ, поросенкомъ *земледѣльца или другаго бѣдняка*, безъ всякой вины съ его стороны, и если не вознаградитъ за убытокъ, то да будетъ проклятъ." Здѣсь Церковь прямо брала подъ свою защиту земледѣльца.

Но ея благородная миссія встрѣтила большія и непреодолимыя препятствія. Духовенству за такія прекрасныя попытки приходилось раздѣлываться своимъ имуществомъ. Скоро такія рѣшительныя распоряженія духовныхъ властей были забыты. Тогда Церковь пошла на сдѣлку; вмѣсто *pax*,—мира, она предложила—*treuga*, перемиріе. Въ разныхъ мѣстностяхъ Запада выработалась почти одновременно мысль о томъ, чтобы оговорить по крайней мѣрѣ извѣстные дни, въ которые бы каждый могъ быть увѣренъ въ спокойствіи отъ грабителей и только эти дни рѣшилась отстаивать Церковь своимъ духовнымъ мечемъ. Такъ, въ предѣлахъ графства Руссильона, близъ Пиринеевъ, недалеко отъ Перпиньяна, въ епархіи Эльнъ, 16 мая 1027 года, было рѣшено на помѣстномъ соборѣ ограничить разбои, выговоривъ по крайней мѣрѣ воскресенье. Начиная съ 3 часовъ дня каждой субботы, т. е. съ заката солнца до восхода солнечнаго, а именно до 6 часовъ утра понедѣльника, никто не дерзнетъ напасть на монаха, безоружнаго клирика, на всякаго мірянина, идущаго въ церковь или возвращающагося изъ нея, а равно на всякаго сопровождающаго женщинъ; запрещалось нападать на церкви или на дома въ разстояніи 30 шаговъ отъ церквей. Это

была слишкомъ робкая мѣра. Но важенъ былъ толчокъ; этой инипіативѣ стали подражать въ каждой епархіи по своему. Къ половинѣ XI вѣка во Франціи, Бургундіи, Германіи и Италіи запретъ былъ расширенъ на цѣлую половину недѣли. Съ вечера среды до утра понедѣльника никто не смѣлъ извлекать мечъ и заводить распри; нарушители подвергались проклятію и отлученію.

Все это было дѣломъ духовной, а не свѣтской власти, которая въ то время еще не стояла на высотѣ своей задачи и не успѣла усвоить той простой мысли, что ея главный врагъ заключается въ разбойникахъ-феодалахъ, не признававшихъ надъ собою никакого закона. Обыкновенно въ той мѣстности, гдѣ ощущались тяжелыя послѣдствія разбоевъ, гдѣ слышались общія жалобы на насилія, епископъ или аббатъ созывали прихожанъ въ воскресной службѣ и тамъ, послѣ проповѣди, брали клятву касательно ограниченія грабежа, заключали такъ называемую „Тревгу“. Хотя наказаніемъ ослушникомъ служили громы небесные, а не земные, но есть свидѣтельства, что феодалы и грабители имѣли терпѣніе выжидать эти льготные дни, разсчитывая можетъ быть съ избыткомъ вернуть потерянное въ остальные дни недѣли.

Изъ постановленій о „перемиріи“ особенно замѣчательно по разработкѣ подробностей—Тюлюжское, отъ 1041 года, въ предѣлахъ того же Руссильона и Клермонское на соборѣ 1096 года. Въ первомъ,—епископы запрещаютъ между прочимъ сожигать или разрушать жилища крестьянъ. Никто не смѣетъ умерщвлять, бить, увѣчить крестьянина, раба или жену его, ни брать, ни уводить ихъ, если эти люди не совершали преступленія, а если таковое совершили, то виновные должны быть представлены въ судъ, о чемъ должны быть оповѣщены. Нельзя отнимать одежду у крестьянина; никто не смѣетъ сожигать крестьянскіе плуги, ломать оливковыя рощи (¹).

Кромѣ церковныхъ наказаній, впослѣдствіи были опредѣлены и пени, уголовныя кары за нарушенія Божьяго перемирія. За неявку по вызову, кромѣ вознагражденія за убытки, назначалась пеня, которая въ иныхъ случаяхъ доходила до 100 солидовъ. Тотъ, кто во время условленныхъ дней убьетъ че-

---

(¹) Dom-Martene et Durand. Thesaurus anecdotorum novus (Р. 1717, 5 f.); IV, 121—124. Въ русскомъ переводѣ у Стасюлевича: II, 954—962.

ловѣка, изгонялся на 7 лѣтъ, если сами родственники убитаго не простятъ преступника; впослѣдствіи, убійцы изгонялись закономъ на всю жизнь. Во всякомъ случаѣ убійца платитъ пеню въ 30 фунтовъ, которая дѣлится между епископомъ и тѣмъ графомъ, въ предѣлахъ судебнаго округа котораго совершилось злодѣяніе.

Впослѣдствіи, въ кругъ запретныхъ дней вошли какъ канупы великихъ праздниковъ такъ и самые праздники; затѣмъ, сюда же были отнесены святки и всѣ дни Великаго поста. Самый объемъ зловредныхъ дѣяній былъ расширенъ. Напримѣръ, если кто либо во время перемирія устроитъ засаду или кого либо заставитъ сдѣлать таковую, чтобы захватить замокъ или плѣнить кого либо, то такое дѣяніе считалось равнымъ разбою и убійству. Во время перемирія запрещалось на нѣкоторыхъ соборахъ строить замки въ великомъ посту и разрѣшалась постройка укрѣпленій въ такомъ лишь случаѣ, если она была начата за 2 недѣли до наступленія поста.

Несомнѣнно всѣ такія мѣры, въ которыхъ, повторяемъ, свѣтская власть была неповинна, содѣйствовали уменьшенію зла; такъ сильна была въ людяхъ вѣра. Съ ослабленіемъ религіознаго авторитета, всѣ подобнаго рода законы стали мертвою буквою. Тогда уже только вмѣшалась въ дѣло порядка королевская власть.

По настоящее время въ разныхъ странахъ Западной Европы можно видѣть каменные старые кресты, вросшіе въ землю на поляхъ и дорогахъ. Они не служатъ рубежными знаками земельныхъ участковъ, а сохраняются лишь какъ памятникъ сѣдой суровой старины. Это память о томъ желѣзномъ времени, когда подъ этими крестами загнанный путникъ находилъ спасеніе и кровъ. Всякій, кто укроется у креста на дорогѣ, не только защищенъ подъ его сѣнью отъ разбойника, гласятъ постановленія соборныя, но, преслѣдуемый непріятелемъ, здѣсь получаетъ свободу.

Таковы были успѣхи цивилизаціи въ западной Европѣ въ эпоху императора Конрада II.

4) Торжество теократической идеи при императорахъ Генрихахъ III и IV.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056г.)

Генрихъ III, прозванный Смуглымъ и Чернымъ, подавалъ при вступленіи на престолъ большія надежды въ Германіи и частію оправдалъ ихъ. Онъ былъ одаренъ рѣшительной волей и замѣчательною проницательностію, качествами напоминавшими энергичнаго отца. Послѣ Оттона I никто не производилъ такого обаянія, какъ Генрихъ III. Это и понятно, если принять во вниманіе тѣ свойства, коими онъ превосходилъ Конрада II. Онъ поддерживалъ монастырскія школы, о чемъ не заботились его предшественники. Онъ высоко цѣнилъ ученыхъ того времени и приближалъ ихъ къ себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задается грандіозными цѣлями. Могуществу Генриха III много способствовало громадное наслѣдство, которое онъ получилъ отъ своего отца. Онъ наслѣдовалъ Швабію, Баварію, Хорутанію, Бургундію и Лотарингію. Онъ раздаетъ эти области, имѣвшія свои этнографическія отличія и свою собственную исторію въ управленіе своимъ намѣстникамъ. Между прочимъ принцу Вельфу была поручена славянская Хорутанія, вопреки его желанію. Вельфу было бы гораздо пріятнѣе получить Швабію, потому что Швабія была нѣкоторымъ образомъ достояніемъ дома Вельфовъ. Но когда Вельфъ заявилъ честолюбивые замыслы, то его Хорутанія была уменьшена и отъ нея отдѣлены особыя марки: Штирія, славянская Крайна и Истрія. Тѣмъ не менѣе Вельфъ усиливался, получилъ авторитетъ въ глазахъ феодаловъ и готовился стать опаснымъ соперникомъ императору [1].

Изгоняя своихъ мелкихъ враговъ, Генрихъ III чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы сокрушать венгровъ и итальянцевъ. Такъ въ 1044 г. онъ отправился противъ первыхъ. Венгры не могли устоять противъ громадныхъ силъ императора и были разбиты на Раабѣ. Въ 1044 г. ихъ король присягнулъ на вѣрность нѣмецкому королю, который передалъ корону Петру, на условіяхъ вассальства. Затѣмъ Генрихъ III

[1] Для Генриха III источниками, весьма скудными, могутъ служить: Ламбертъ Герсфельдскій Annales usque ad a. 1077,—одни факты; у Пертца: V 134—263; Адамъ Бременскій (Исторія Гамбургской Церкви въ 4 кн. по отношенію къ славянамъ; у Пертца: VII. 280—389; и Випонъ стихотворная — Carmen Tetralogum, у Пертца: XI, 247—254). Новѣйшее пособіе Steindorff Heinrich III; L. 2 B. 1874—1883).

отправился въ Римъ для устройства папскихъ дѣлъ. Онъ засталъ въ Римѣ трехъ папъ: Бенедикта IX, Сильвестра III и Григорія VI. Такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ властвовать самостоятельно, то понятно что въ куріи была полнѣйшая анархія. Послѣдній, Григорій VI, пригласилъ Генриха III въ Римъ, разсчитывая удержать за собой папскую тіару. Весь Римъ, безъ различія партій, ожидая рѣшенія участи папскаго престола, былъ въ волненіи. Получивъ санъ патриція, Генрихъ III предложилъ рѣшить споръ собору, который былъ созванъ въ Сутри въ 1046 г. Соборъ, по настоянію Генриха, низложилъ всѣхъ трехъ папъ, бывшихъ въ то время въ куріи, и выбралъ въ папы нѣмца Климента II, который поспѣшилъ короновать короля германскаго императоромъ. Впрочемъ, кліентъ императора носилъ тіару недолго. Слѣдующій за нимъ папа, Дамасъ II, правилъ еще короче. Затѣмъ Генрихъ III на сеймѣ въ Вормсѣ назначилъ въ папы своего родственника, епископа Тулскаго Брунона, принявшаго въ 1048 году имя Льва IX.

Папа Левъ IX и возрожденіе куріи. (1048—55 г.).

Нельзя отрицать, что благотворная дѣятельность этого папы была направлена на улучшеніе Церкви. Онъ пришелъ въ Римъ пѣшкомъ въ одеждѣ странника; его сопровождалъ итальянскій секретарь, суровый монахъ по виду, субдіаконъ Гильдебрандъ. Онъ указывалъ папѣ дорогу. Среди куріи, при содѣйствіи цѣлаго кружка энергичныхъ людей, теперь возникла мысль—если не возвысить власть папы, то по крайней мѣрѣ устранить вліяніе императора на дѣла Церкви. Вообще съ Генриха III начинается реакція въ папствѣ къ лучшему. Папство замѣтно возрождается, благодаря тому, что во главѣ римской куріи стали появляться достойные представители. Папы теперь начинають стараться объ уничтоженіи тѣхъ золъ, которыя существовали при всеобщей деморализаціи, губившей западно-христіанскій міръ до второй половины XI столѣтія. Для успѣха была необходима неустанная энергія и твердость воли. Папы наступающихъ десятилѣтій дѣйствительно являются съ такими качествами. Уже Левъ IX своимъ примѣромъ и своею строгою жизнію поднялъ папское достоинство и папскую власть. Съ этого времени начинаются лучшія міровыя страницы куріи. Всѣ отрицательныя стороны папства именно тогда, т. е. со второй половины XI столѣтія, скрылись на время. Теперь нѣтъ уже болѣе шутовъ, носящихъ папскую тіару, какъ это нерѣдко

случалось прежде. Теперь папа относится къ императору не только какъ равный къ равному но, мало того, онъ изъявляетъ притязанія на первенство. Императоры, конечно, не обращали вниманія на эти претензіи, казавшіяся имъ пустяками. Но важно то, что изъ этихъ пустяковъ возникло нѣчто серьезное. Не безъ основаній курія канонизировала папу Льва IX.

Преемникъ Льва IX былъ тоже нѣмецъ, Викторъ II. На глазахъ этого папы умеръ Генрихъ III, не исполнивъ грандіозныхъ замысловъ, которые носились въ его головѣ и осуществить которые онъ такъ желалъ. При Викторѣ императорскій престолъ перешелъ наслѣдственно къ малолѣтнему сыну Генриха III, — Генриху IV (1).

Императоръ Генрихъ IV (1056-1106 г.), Его малолѣтство.

Папство съ этого момента подготовляется къ борьбѣ съ имперіей, чтобы защищать тѣ права, которыя оно считало неприкосновенными и священными. Какъ прежде человѣчество дѣлилось на грековъ и варваровъ, свободныхъ и рабовъ, германцевъ и римлянъ, — такъ и теперь оно раздѣлилось по политическимъ убѣжденіямъ. Все это показываетъ, что въ вихрѣ событій, знаменующихъ вторую половину XI столѣтія, зародились идеи, которыя притягивали къ себѣ своимъ обаяніемъ и заставляли каждаго высказаться, къ какой партіи онъ принадлежитъ. Подъ внѣшностью и формами борьбы за инвеституру, которая возникла въ это время между папствомъ и императорствомъ, скрывается нѣчто другое, болѣе существенное. Возрожденіе папской куріи влекло къ себѣ симпатіи всего лучшаго, что было въ тогдашнемъ обществѣ. То были идеалисты своего времени. Имперія и ея приверженцы являлись сторонниками грубой силы. Но не надо переносить этой оцѣнки изъ области нравственной въ умственную. Нельзя было желать господства римской куріи и монашества, хотя нравственно духовные стояли выше. Гегемонія папъ могла бы устранить зачатки культуры и положить предѣлъ прогрессивному ходу исторіи. Папство упорно стояло за нераздѣльное господство авторитета. Напротивъ, другая сторона, императорская власть — старалась защищать дорогіе интересы человѣческаго развитія.

(1) Спеціальная монографія о Генрихѣ IV принадлежитъ Floto. Kaiser Heinrich IV und sein Zeitalter (St. 2 B. 1855, 1858). Для молодыхъ лѣтъ и регентства докторская диссертація г. Н а д л е р а. Адальбертъ Бременскій (Харьковъ, 1867). Источники указаны въ своемъ мѣстѣ.

Дворъ Генриха IV не сочувствовалъ тому новому движенію, которое возникло въ куріи въ началѣ борьбы между папствомъ и императорствомъ.

Юнаго короля воспитывала его мать Агнеса. Она не понимала политики покойнаго мужа; она только разсчитывала укрѣпить за собой власть, чтобы неограниченно управлять государствомъ. Такъ дѣйствительно и было, пока Генрихъ IV былъ еще ребенкомъ. Агнеса наложила руки на королевскихъ враговъ и на могущественныхъ феодаловъ Бургундіи и Швабіи. Но она встрѣтила своимъ честолюбивымъ замысламъ сильный отпоръ въ лицѣ князей. Въ главѣ этой опозиціи стоялъ Ганонъ, архіепископъ Кельнскій, строгій и суровый монахъ. Понятно, что этотъ разладъ долженъ былъ дать перевѣсъ папской власти.

Хитрый и ловкій Ганонъ старался вырвать изъ рукъ Агнесы ея сына, Генриха IV и такимъ образомъ захватить власть надъ имперіей. Однажды Ганонъ пригласилъ къ себѣ молодаго короля посмотрѣть новое судно на рѣкѣ. Здѣсь Генриха IV заманили на бортъ судна. Лишь только онъ взошелъ, корабль отплылъ отъ берега. Мальчикъ кричалъ и плакалъ, даже бросался въ воду, но все было напрасно. Генриха спасли и всячески утѣшили. Онъ не могъ освободиться отъ коварнаго Ганона и былъ увезенъ въ Кёльнъ. Хотя Ганонъ обѣщалъ возить короля по разнымъ областямъ съ тѣмъ, чтобы за нимъ слѣдили мѣстные епископы, — но онъ не думалъ исполнять своего обѣщанія и держалъ Генриха у себя, черезъ что захватилъ всю власть въ свои руки. Но и Ганону не вполнѣ посчастливилось. У него явился соперникъ, Бременскій архіепископъ Адальбертъ, который думалъ упрочить свою епархіальную власть на Сѣверѣ Германіи среди славянскихъ и норманскихъ народовъ. Этотъ архіепископъ игралъ въ католизаціи славянъ большую, но не совсѣмъ свѣтлую роль. Нельзя признавать за Адальбертомъ просвѣтительной дѣятельности. Эта жестокая ошибка. Повидимому, онъ является строгимъ ревнителемъ католичества. По его старанію, были обращены нѣкоторые славяне въ католичество; онъ заботился о водвореніи христіанства въ Скандинавіи. Онъ строилъ церкви, но при этомъ держался нѣсколько формальной системы: почти всѣ церкви существовали только на бумагѣ; на дѣлѣ же практиковались только десятины. Для него религія была орудіемъ онѣмеченія жителей и главнымъ обра-

зомъ средствомъ достиженія личныхъ цѣлей. Однако нельзя думать, чтобы Адальбертъ являлся ревнивымъ поборникомъ единства Германіи. Если что онъ и дѣлалъ въ этомъ смыслѣ, то единственно на зло своимъ врагамъ. Притомъ извѣстно, что ему хотѣлось пріобрѣсти полную власть и сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ сѣверной Германіи. Но его планы не удались именно потому, что его честолюбивымъ стремленіямъ на каждомъ шагу ставились преграды. Личныя свойства Адальберта были также незавидны. Въ немъ не было ни теплаго чувства, ни вѣры, ни сильной, энергической воли, необходимой при достиженіи какихъ бы то ни было цѣлей.

Генрихъ IV былъ предметомъ раздора между епископами и Адальбертомъ. Послѣдній овладѣлъ Генрихомъ, потакая всѣмъ его страстямъ, удовлетворяя всѣ его малѣйшія желанія. Вслѣдствіе этого въ Генрихѣ выработался слабый и вспыльчивый характеръ. Въ немъ въ сильной степени развились: лѣность, властолюбіе, гордость, мстительность, но онъ не имѣлъ ни энергіи, ни чувства мѣры, ни спокойствія,— качествъ необходимыхъ для управленія. Во всемъ этомъ видно вліяніе Адальберта.

Возстаніе въ Саксоніи и Тюрингіи.

Адальбертъ постоянно твердилъ Генриху о саксонцахъ и о неповиновеніи ихъ государю нѣмецкому. Вслѣдствіи этого, когда Генрихъ выросъ, онъ сталъ жестоко мстить саксонцамъ и всячески тѣснилъ ихъ. Подобно отцу, онъ поселился среди нихъ, у рудниковъ Гарца въ Госларѣ и воздвигъ крѣпость Гарцбургъ, для построенія которой сотнями сгонялъ несчастный народъ. Генрихъ, посмѣиваясь надъ саксами, имѣлъ безсердечіе называть ихъ рабами. Но своими насиліями онъ вызвалъ саксонцевъ на возстаніе. Генрихъ отнялъ у саксонскаго графа Оттона фонъ-Нордгейма Баварію и посадилъ тамъ сына маркграфа Эццо, Вельфа IV, который былъ родоначальникомъ младшей линіи вельфскаго дома, такъ какъ старшая линія пресѣклась со смертію Хорутанскаго герцога. Генрихъ держалъ въ тюрьмѣ друга Оттона, герцога Магнуса, тоже саксонца. Такимъ образомъ Генрихъ IV въ молодые годы добровольно создалъ себѣ врага; но съ другой стороны трудно было лишить Саксонскаго графа его владѣній. Оттонъ послалъ императору нѣчто въ родѣ ультиматума, требуя прежде всего возвращенія своихъ неправильно отнятыхъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ срытія крѣпостей, которыя Генрихъ построилъ въ

Баварія. Онъ требовалъ также обязательства не нарушать постановленій и совѣщаться съ сословіями. Не получая рѣшительнаго отвѣта отъ императора, саксонцы возстали и поклялись не выдавать другъ друга. Вмѣстѣ съ ними возстала и Тюрингія, не менѣе Саксоніи раздраженная самовластіемъ императора; 6000 саксонцевъ подступили къ Генриху IV и явились передъ Госларомъ. Генрихъ IV не вступилъ съ ними въ битву, бѣжалъ въ Гарцбургъ, но, не достигнувъ крѣпости, скрылся въ горахъ. Онъ отсюда сдѣлалъ воззванія къ нѣмцамъ, прося ихъ идти на мятежныхъ саксонцевъ.

Между тѣмъ саксонцы взяли Люнебургъ и чтобы спасти жизнь своихъ рыцарей, король долженъ былъ освободить Магнуса. Тогда же возстали князья Южной Германіи. Вообще все общественное мнѣніе въ Германіи въ это время было раздражено самовластіемъ Генриха IV и надменнымъ обхожденіемъ его съ подданными. Стали говорить объ избраніи новаго короля. Генриху высказывали сочувствіе только города по Рейну, принося для того большія жертвы. Не находя симпатій къ себѣ, Генрихъ отчаявался и поэтому долженъ былъ помириться съ саксонцами и удовлетворить ихъ требованія. Онъ отдалъ имъ Гарцбургъ, гдѣ чернь разрушила даже церкви и императорскіе фамильные склепы. Но нѣмецкія князья, видя саксонскую чернь повсюду торжествующею, испугались и готовы были даже перейти на сторону короля.

Ужасная месть со стороны саксонцевъ, которую они обнаружили при погромѣ Гарцбурга, сильно оскорбила Генриха IV, и онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ наказать саксонцевъ. Ему теперь послѣ самоуправства мятежниковъ, какъ разъ представился случай. Дѣло въ томъ, что почти всѣ нѣмецкіе князья, прежде бывшіе врагами императора, теперь стали на сторону его. Даже изъ Чехіи и Лотарингіи прибыли вассалы. Генрихъ IV собралъ теперь такое войско, какого никогда не было у Германскихъ императоровъ. Саксонцы съ перваго же раза не могли устоять противъ громадныхъ силъ императора и были разбиты. Они потеряли до 8000 убитыми; со стороны же Генриха пало 5000 королевскихъ воиновъ и много рыцарей. Генрихъ опустошилъ Саксонію и не менѣе саксонцевъ звѣрствовалъ, такъ что нѣмецкіе князья должны были вступиться за Саксонію. Саксонскіе рыцари присягнули въ присутствіи войска королю, думая этимъ избавиться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій; но Генрихъ IV, вопреки объявленной

амнистіи, захватилъ рыцарей саксонскихъ, отнялъ у нихъ ихъ земли и роздалъ ихъ своимъ друзьямъ. Гарцбургъ и другіе замки были возстановлены и гарнизоны усилены; поборы и насилія возрастали. Намѣстникомъ Саксоніи онъ сдѣлалъ однакоже Оттона фонъ-Нордгеймъ, ибо въ противномъ случаѣ ему угрожало совокупное дѣйствіе нѣмецкихъ князей, которые опять перешли на противную сторону.

Смыслъ борьбы имперіи съ папствомъ.

По примѣру своего отца, Генрихъ IV вздумалъ вмѣшаться въ папскія дѣла, не понимая, какая опасность грозитъ ему. Когда Гильдебрандъ предалъ его проклятію, то саксонцы воспользовались этимъ для новаго возстанія. Личность Генриха была очень не привлекательна. Онъ не пользовался популярностью и проклятіе папы совпадало съ презрѣніемъ общественнаго мнѣнія. Тогда Генрихъ дошелъ до крайняго униженія.... Эти событія принадлежатъ къ той знаменитой эпопеѣ, которая имѣетъ высокое значеніе во всемірной исторіи, какъ главнѣйшій фактъ борьбы папства и имперіи.

Существенный смыслъ этого явленія заключается въ стремленіи папской куріи возвратиться къ новой, болѣе чистой нравственной жизни. Подобное благородное стремленіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно было дать папству и нравственный авторитетъ и извѣстную фактическую силу для упроченія вліянія. Понятно, что имперія не могла допустить папскаго торжества, такъ какъ доселѣ она привыкла считать папство покорнымъ себѣ. Такова была политика всѣхъ средневѣковыхъ германскихъ императоровъ, начиная съ Карла Великаго и кончая Гогенштауфенами. Каждый изъ нихъ считалъ папу болѣе или менѣе исполнителемъ своей воли. Въ этой борьбѣ выступаетъ на видъ другая сторона дѣла, до сихъ поръ мало замѣчаемая.

Возрожденіе римской куріи значило возрожденіе нравственности духовенства, уничтоженіе и искорененіе тѣхъ пороковъ, которые за все это время, съ самаго начала организаціи католической Церкви, въ ней внѣдрились. Такъ какъ духовенство сильно было связано съ общественною жизнію, то обновленіе его было вмѣстѣ съ тѣмъ и обновленіемъ общества. Тотъ примѣръ, который Церковь преподастъ обществу, долженъ былъ имѣть значеніе обязательнаго авторитета. Въ этомъ случаѣ прогрессъ былъ на сторонѣ папства. Но уже было замѣчено, что нравственный прогрессъ не есть синонимъ

прогресса общественнаго, прогресса историческаго. Исторія развивается двумя путями: чрезъ процессъ нравственный и процессъ умственный. Первый имѣетъ предметомъ упроченіе извѣстнаго рода обязательныхъ идей. Второй процессъ развивается самъ въ себѣ. Было бы несправедливо думать, что успѣхъ общества въ нравственномъ отношеніи будетъ прогрессомъ умственнымъ. Чѣмъ гармоничнѣе движеніе тѣхъ и другихъ идей, тѣмъ выше въ данный моментъ историческій идеалъ. Въ силу-то этихъ причинъ имперія, которая въ сущности отстаивала права свѣтской власти, служила прогрессивному движенію. Имперія, борясь съ папами, въ то же время защищала интересы человѣческаго развитія и, не допустивъ курію восторжествовать окончательно въ тогдашнемъ историческомъ мірѣ, она давала возможность обществу преуспѣвать умственно. Дѣло борьбы папства съ имперіею есть не только дѣло церковное, но дѣло политическое, и вмѣстѣ даже духовное. Это есть возрожденіе нравственныхъ идеаловъ въ тогдашнемъ мірѣ, дѣло прогресса вообще. Побѣда папства равнялась бы обращенію въ монашество половины Европы, произвела бы застой въ образованности; въ свою очередь побѣда имперіи равнялась бы насилію свѣтской власти надъ духовною, равнялась бы побѣдѣ силы надъ духомъ. Къ счастію для исторіи дѣло кончилось не побѣдою какой либо одной стороны. Потому въ интересахъ нравственнаго и умственнаго прогресса нельзя было желать лучшаго исхода.

Возрожденіе римской куріи и духовенства.

Стремленіе обновить католическую Церковь внутри проявилось со времени избранія нѣмецкихъ папъ на римскій престолъ. Мы уже говорили объ этомъ, разбирая императорство Генриха III. Нѣмецкіе папы приносили съ собою на римскій престолъ иныя представленія о власти и порядкѣ. Когда Генрихъ III умеръ, его папа Викторъ II (1055—1057), преемникъ Льва IX, выдвинулъ въ городѣ національную партію. Эта партія, поддерживаемая нѣмецкими папами, принесла счастіе куріи. При Николаѣ II (1059—1061) порученъ былъ выборъ папы не всему клиру, а коллегіи кардиналовъ, хотѣвшихъ напомнить собою сенатъ римскій. Цѣлью было устранить безпорядокъ и ослабить нѣмецкое вліяніе. Кому неизвѣстно, что этимъ благодѣтельнымъ актомъ папство обязано Гильдебранду.

Статутъ о конклавѣ.

Этотъ весьма важный декретъ, называемый „Statutum Nicolai II papae de electione papae“, заключался буквально въ слѣдующемъ: „Властью, полученною нами отъ нашихъ предшественниковъ и отъ другихъ святыхъ отцовъ, говорится въ статутѣ, опредѣляемъ и постановляемъ, чтобы, по смерти первосвятителя Римско-католической церкви, сначала кардиналы приступали къ соглашенію относительно новаго избранія, тщательно напередъ обсудивъ дѣло, съ соблюденіемъ должной чести и уваженія (tamen debito honore et reverentia) къ возлюбленнѣйшему сыну нашему Генриху (IV), нынѣшнему королю и будущему, по волѣ Божіей, императору, на что уже черезъ его посла, канцлера Лангобардіи, мы дали согласіе,—а также съ соблюденіемъ уваженія къ его преемникамъ, которые получили бы этотъ санъ отъ апостольскаго престола. Принявъ предосторожность, чтобы недугъ купли не вторгся какимъ либо образомъ, благочестивые мужи (т. е. кардиналы), съ свѣтлѣйшимъ сыномъ нашимъ королемъ Генрихомъ, должны избрать, а остальные признать новаго первосвятителя. Избрать же его должны изъ нѣдръ этой самой Церкви, если найдется достойный, а если не найдется въ ней, то изъ другой“ (¹). Этотъ документъ (изданный въ апрѣлѣ 1059 г.) привелъ хаосъ въ порядокъ; имъ было спасено папство извнѣ. Но еще важнѣйшую услугу могъ оказать тотъ, кто спасетъ папство внутри его самого.

Здѣсь главнѣйшій трудъ заключается въ томъ, что духовенство надо было вернуть къ апостольскимъ временамъ отъ той гнилой и испорченной жизни, въ какую оно было тогда погружено. Главные пороки заключались въ симоніи и въ брачной жизни духовенства, что давало возможность передавать каѳедры наслѣдственно. Вотъ противъ этихъ двухъ золъ направлена была дѣятельность нѣмецкихъ папъ, издавна руководимая указаніями энергичнаго кардинала Петра Даміани, столь много послужившаго до глубокой старости Римской Церкви въ своей монашеской кельи, а еще болѣе геніемъ канцлера куріи, близкаго друга нѣсколькихъ папъ, монаха Гильдебранда.

Петръ Даміани.

До чего погрязъ Римъ и одичалъ въ грубой чувственности и злобѣ, доказываетъ между прочимъ бывшій тамъ въ 896 году оригинальный соборъ, который вызвалъ на судъ

(¹) Pertz. Leges; II. 176—180.

умершаго передъ тѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ папу Формозу. Стефанъ VI вырылъ изъ земли полуистлѣвшее тѣло покойнаго, предъявилъ ему обвинительные пункты, отсѣкъ три пальца на рукѣ и потомъ бросилъ трупъ въ Тибръ. Когда папство было такъ опозорено, вездѣ, а особенно въ Германіи, свѣтскіе владѣтели захватили въ свои руки право инвеституры и продавали духовныя мѣста за деньги. Духовенство, зараженное симонизмомъ, страдало болѣзнями свѣтскаго испорченнаго общества. Честолюбіе прелатовъ, ихъ непомѣрная роскошь и гордость, вслѣдствіе огромныхъ богатствъ, ихъ развращенная грубость нравовъ, ихъ злоупотребленія въ раздачѣ церковныхъ приходовъ, ихъ жадность, доходившая до того, что они захватывали доходы нѣсколькихъ епископскихъ каѳедръ, — все это неопровержимо подтверждается упреками, сыпавшимися на нихъ вполнѣ заслуженно. Епископы совершенно втягивались въ чувственно разгульный бытъ бароновъ; оно ничѣмъ и не отличалось отъ послѣднихъ. Отслуживъ обѣдню, епископъ въ шпорахъ и съ кинжаломъ за поясомъ скакалъ прямо изъ церкви на соколиную охоту, а затѣмъ, послѣ сытной и пьяной трапезы, отдыхалъ въ обществѣ распутныхъ женщинъ. Дѣтей отъ наложницъ епископы опредѣляли потомъ по наслѣдству въ разные приходы и обогащали церковнымъ добромъ (¹). Съ паденіемъ духовенства исчезала единственная моральная сила въ общественной жизни. Прежде чѣмъ оспаривать у императоровъ свѣтскую власть, духовенству слѣдовало укрѣпиться внутри, поднять свое духовное нравственное обаяніе, для чего необходимо было возстановить въ Церкви суровую и строгую дисциплину. Помощь папству въ такомъ трудномъ дѣлѣ была современно оказана монашествомъ, окрѣпшимъ въ преобразовательной системѣ, вышедшей изъ Клюньи.

Зрѣлище глубокаго униженія и нравственной порчи тогдашняго духовнаго и свѣтскаго общества должно было сильно поразить душу настоятеля одного изъ клюнійскихъ монастырей, Петра Даміани. Онъ неустанно писалъ проповѣди и посланія къ различнымъ лицамъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Онъ велъ переписку со многими первосвященниками, язвилъ анти-папъ, воодушевлялъ, ободрялъ и наставлялъ епископовъ, монаховъ,

(¹) P. Damiani. I, 15; II, 6; V, 6, 13; VII, 2 etc. Въ превосходномъ сочиненіи Laurent (Hist. du droit des gens, t. VI), собрана масса фактовъ въ этомъ родѣ. Книга носитъ особое заглавіе: La papauté et l' émpire.

аббатовъ и свѣтскихъ владѣтельныхъ лицъ, вразумлялъ и поучалъ различныя паствы, разъяснялъ догматы, выставлялъ на видъ всѣ бѣдствія Церкви, старался всѣмъ внушить твердость духа, склонить къ строгому благочинію. Письма Даміани воспламеняли мистическимъ пыломъ самую глубину сердецъ; это былъ повелительный голосъ тѣхъ отшельниковъ, которые, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, призывали къ покаянію и, истязая свою плоть, подавали первые примѣръ непорочной жизни и самого строгаго воздержанія. У Даміани нѣтъ еще идеи преобладанія духовной власти надъ свѣтской, которую развилъ и осуществилъ его ученикъ Гильдебрандъ. Даміани признаетъ за обѣими властями одинаковыя права; онъ защищаетъ гармоническое сочетаніе ихъ, а не взаимную подчиненность. Какъ не должно быть двухъ государей въ свѣтской монархіи, такъ не можетъ быть и двухъ равныхъ властителей въ Церкви (¹). Опредѣляя такимъ образомъ взаимныя отношенія свѣтской и духовной власти, Петръ Даміани нападаетъ главнымъ образомъ на продажныхъ прелатовъ, на симонію, подрывающую въ корень нравственность духовенства. Онъ издѣвается надъ этими *князьями* (principes) *Церкви*, щедро награждая ихъ названіями льстецовъ, шутовъ, рабовъ и проч. Онъ осмѣиваетъ этихъ за деньги покупающихъ санъ священства прелатовъ, издѣваясь надъ ними въ саркастическихъ пѣсняхъ. Раньше Гильдебранда изъ своей кельи онъ даетъ указанія прелатамъ и вліятельнымъ лицамъ, создавая планъ новой церковной реформы. Она развита въ его великолѣпныхъ письмахъ. Вотъ поученіе одному епископу съ идеями совершенно новыми:

Посланія Даміани:

О прощеніи обидъ.

„У нѣкоторыхъ возникаетъ вопросъ, должны ли церковные правители мстить за насилія, подобно свѣтскимъ людямъ. Они обыкновенно, какъ только имъ нанесено какое нибудь оскорбленіе, сейчасъ же объявляютъ войну, снаряжаютъ вооруженные отряды и стараются отомстить врагамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ сами потерпѣли. Мнѣ кажутся явной несообразностью, съ перваго же взгляда, попытки священнослужителей стремиться къ тому, что свойственно грубой толпѣ; въ этомъ случаѣ они на дѣлѣ будутъ совершать то, что порицаютъ на словахъ. Что можетъ больше всего противорѣчить христіанскому закону, какъ не чувство мести, какъ не отплачиваніе обидъ? Гдѣ же, я спрашиваю, послѣ-

(¹) P. Damiani. Epistola; VII, 3. Всѣ письма помѣщены у Migne. Patrologia, t. 144 а соч. въ 145 т.

дованіе св. Писанію? Исполняются ли этимъ слова Господа? Если намъ заповѣдано не отнимать похищеннаго у насъ, то какъ же возможно наносить раны изъ мести?... Священнослужители, которые хотятъ быть великими въ царствіи небесномъ, должны идти впереди народа, освѣщая живымъ примѣромъ то, что проповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ. Мы находимъ въ этомъ отношеніи поученіе у евангелиста Луки. Жизнь Спасителя, разумѣется, дана намъ, какъ образецъ подражанія для насъ, и она не менѣе важна, чѣмъ евангельскія поученія. А Онъ одолѣлъ всѣ препоны разъярившагося міра не мщеніемъ безжалостной толпѣ, а неизмѣримымъ величіемъ ничѣмъ несокрушимаго терпѣнія; этимъ онъ поучаетъ равнодушно сносить мірское неистовство, а не укрощать его оружіемъ и не отвѣчать на обиды притѣсненіями. Должно понимать, что власти духовная и свѣтская имѣютъ въ своемъ распоряженіи различныя средства: король пользуется мірскимъ, воинскимъ оружіемъ, а священникъ опоясывается духовнымъ мечемъ слова Божія. О свѣтскомъ властителѣ ап. Павелъ сказалъ: „Онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое (Къ Римл. XIII, 4)". Царь Осія, присвоившій себѣ священническія обязанности, былъ наказанъ проказою (II к. Паралип. 26); а если епископъ возьмется за оружіе, которое всецѣло принадлежитъ свѣтскимъ людямъ, тогда чего онъ заслуживаетъ? Объ этомъ я могъ бы представить вамъ много примѣровъ изъ жизни св. отцевъ, но я увѣренъ, что они вамъ извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ. Какой унизительный стыдъ для Церкви, когда она сама совершаетъ то, что запрещаетъ другимъ, и когда нападаетъ на невинныхъ съ непримиримымъ гнѣвомъ, проповѣдуя другимъ терпѣніе и прощеніе! Въ законѣ Божіемъ не напрасно презирается тотъ священникъ, который, будучи удостоенъ мѣста для проповѣди откровенія, оскорбляетъ Господа преступленіемъ его закона. Если онъ дѣлаетъ одно, а учитъ другому, то этимъ смущаетъ весьма многихъ къ нарушенію заповѣдей (¹).

„Неужели ты не знаешь, пишетъ онъ между прочимъ другому прелату—по поводу церковныхъ имуществъ, которыя считались по обычаю леннымъ достояніемъ епископовъ (²),—что церковныя имѣнія собираются и пріобрѣтаются для того, чтобы можно было оказывать поддержку бѣднымъ, питать неимущихъ, заботиться о вспомоществованіи вдовъ и сиротъ. О церковныхъ имѣніяхъ.

„Есть такіе епископы, которые дарятъ своихъ людей свѣтскимъ владѣтельнымъ лицамъ; они, безъ сомнѣнія, не только весьма тяжко грѣшатъ, но и совершаютъ святотатственный проступокъ, такъ какъ оскверняютъ святыню; тѣмъ же, у кого они какъ бы выпрашиваютъ

(¹) Damiani. Epistola; IV, 9. Migne, CXLIV, 313—315.
(²) Damiani. Epistola; IV, 12; ib. 323.

благосклонности, подносятъ смертельный ядъ. Иначе, что такое десятинный сборъ съ монастырей въ пользу свѣтскихъ владѣтелей, какъ смертоносный плодъ, отъ котораго они погибнутъ.

О бракахъ духовенства. Еще рѣшительнѣе высказывается Даміани о брачной жизни духовныхъ лицъ ([1]).

„Вы устанавливаете и защищаете право брачной жизни, пишетъ Даміани капелланамъ одного герцога, для служителей св. алтаря.... но вотъ что гласитъ св. Климентъ: «въ служители Церкви должны избираться такіе лица, которые оставили своихъ женъ еще до посвященія своего къ исполненію божественныхъ обязанностей. А если кто изъ нихъ послѣ посвященія опять будетъ раздѣлять жизнь съ женой, тотъ не можетъ уже больше переступать порога храма, быть носителемъ священства, прикасаться къ алтарю, быть участникомъ совершенія таинства и причастникомъ тѣла Христова». На Никейскомъ соборѣ постановлено было: «мы разрѣшаемъ молодымъ членамъ клира брать себѣ женъ, если пожелають, но только чтецамъ и пѣвчимъ». На второмъ Карѳагенскомъ соборѣ сказано о всѣхъ епископахъ: «желательно, чтобы во всѣхъ и всѣми, которые служатъ алтарю, сохранялась бы дѣвственность». Папа Григорій I написалъ субдіакону Петру между прочимъ слѣдующее: «прежде субдіаконы всѣхъ церквей Сициліи удерживались отъ жизни съ женами, по обычаю Римской Церкви, въ продолженіе трехъ лѣтъ». Мнѣ кажется несообразнымъ, чтобы лицо, не усвоившее привычки воздержанія и не соблюдавшее прежде цѣломудрія, принуждалось бы разойтись съ женой; чрезъ это для него возможно впасть еще въ худшее, отъ чего Боже сохрани!

„Лицамъ, которые не пожелали бы отказаться отъ женъ послѣ трехлѣтняго воздержанія, слѣдовало бы запретить, вступать въ священническій санъ; никто не долженъ приступать къ совершенію таинства, если не будетъ засвидѣтельствовано его цѣломудріе. Папа Левъ издалъ такой декретъ: «если одобрена брачная жизнь внѣ церковнаго міра, то въ духовныхъ сферахъ не должно позволять даже субдіаконамъ сожительства, такъ чтобы и тѣ, у которыхъ есть жены, жили бы такъ, какъ будто не имѣютъ ихъ, а у кого ихъ нѣтъ, то оставались бы холостыми. Никто не долженъ удостоиваться священства ни въ пресвитерскомъ санѣ, ни въ епископскомъ, если онъ не дастъ слова въ воздержаніи отъ брака. Мы постановляемъ, чтобы никто не смѣлъ преступать вышесказаннаго».

„Папа Дамасъ св. говоритъ: Развѣ не оскорбляютъ Св. Духа дѣйствующіе противъ церковныхъ правилъ даже по необходимости? А тѣмъ болѣе тѣ, которые совершаетъ наглые поступки свободно

([1]) Damiani. Epistola; V, 13. ib. 359—364.

или умышленно, или входятъ въ соглашенія съ намѣревающимися сдѣлать что нибудь низкое. Подобное единомысліе составляетъ уже одинъ изъ видовъ оскорбленія Св. Духа, такъ какъ оно противорѣчитъ тѣмъ правиламъ и постановленіямъ, которыя продиктованы Святымъ Духомъ. И такъ, противящіеся намъ, своимъ противодѣйствіемъ оскорбляютъ Св. Духа, а хула на Него не простится ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.—Женатымъ епископомъ называется обыкновенно тотъ, который имѣлъ жену еще до принятія епископскаго достоинства. Если его мы будемъ осуждать за прошлое, то въ такомъ случаѣ должно порицать и апостола Павла, о чемъ и говорить не подобаетъ. Мы видѣли, что каноническіе законы уравниваютъ монаховъ и діаконовъ въ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Почему же они монахамъ не дозволяютъ брачныхъ узъ, діаконамъ же предоставляютъ въ этомъ случаѣ свободу? Какъ же это равные во всемъ остаются неравными въ сожительствѣ съ женами? Необходимо постановить, чтобы или монахи (говорить-то грѣхъ!) вступали въ брачныя связи, или діаконы пусть воздерживаются отъ такого постыднаго оскверненія... непорочное цѣломудріе необходимо соблюдать всѣмъ, которые совершаютъ или участвуютъ при совершеніи таинства (in custodienda perpetuae munditia castitatis).

Симонія, это ужасное зло тогдашняго духовнаго общества, нашла въ кардиналѣ самого энергичнаго противника. О симоніи.

„Вы говорите, пишетъ онъ, что никоимъ образомъ не относится ко грѣху Симоновой ереси тотъ поступокъ, если кто либо получитъ путемъ покупки церковное владѣніе, совершенно даромъ пріемля рукоположеніе. Какой соблазнъ произошелъ бы въ Церкви, какъ далеко она удалилась бы отъ церковной дисциплины, если бы вдругъ всѣ рѣшили, что не надо никакихъ толкованій и разъясненій. Кто покупаетъ церковь, тотъ при этомъ же получаетъ и посвященіе, такъ какъ приводится къ нему только чрезъ пріобрѣтеніе церкви. Ясно, что при покупкѣ церкви онъ покупаетъ и священство, безъ котораго ему невозможно управлять церковью. Противъ этого вы возражаете, что инвеститура получается только на владѣніе церковнымъ имуществомъ, а не на духовный санъ: получаютъ-де церковныя имѣнія, а не удостоиваются божественной благодати чрезъ священство. Очевидно, что раздробляющій церковь подобнымъ нечистымъ соображеніемъ и такой отвратительной хитростію дѣлается еретикомъ за отдѣленіе церкви отъ ея доменовъ. Конечно, нѣкоторые были людьми съ чистой вѣрой, но не были свѣдущими во всѣхъ подробностяхъ св. католической вѣры; они разграничивали божескую и человѣческую природу, такъ что признавали два существа: божеское и человѣческое. Тѣ же, которымъ дана возможность самоуглубляющимся умомъ проникать тайну воплотив-

шагося Слова, говорятъ другое; они утверждаютъ, что оба естества сочетаются въ нераздѣльномъ единствѣ; даже въ смерти Христа не могло отдѣлиться божество отъ плоти. вѣдь Богъ не могъ бы быть истиннымъ, если бы во время смерти переставалъ быть Богомъ. Вы не раздѣляете Христа, а не боитесь дѣлить сгб Церковь. которая есть тѣло Его. Воины даже опасались разорвать одежды Его. а вы не страшитесь раздроблять Его Церковь. Вѣдь вы домогаетесь церковныхъ доходовъ не затѣмъ, конечно, чтобы достигнуть посвященія, а напротивъ, принимаете духовный санъ для того, чтобы прочнѣе было ваше владѣніе церковными имѣніями. Вы стремитесь не къ тому, чтобы быть церковными священнослужитетелями, а всецѣло охвачены лишь желаніемъ завладѣть церковными имѣніями по какому то еретическому праву. Всѣ вы весьма близкіе единомышленники дѣйствуете весьма единодушно, какъ во введеніи новаго закона, противнаго Божьему завѣту, такъ и въ распространеніи тезисовъ, несогласныхъ съ церковными постановленіями. Пророкъ послѣдовательно перечислилъ намъ тѣхъ, кто поступаетъ такъ противъ Бога (¹).

Приведенныя письма Даміани показываютъ, что потребность нравственной реформы въ Римской Церкви проникла въ общественное сознаніе еще ранѣе Гильдебранда, бывшаго въ этомъ отношеніи послѣдователемъ стараго монаха, который отказался отъ всякой церковной карьеры, заключившись въ свою келью. Онъ умеръ въ тотъ годъ, какъ Гильдебрандъ началъ осуществлять эти самыя идеи, облеченный всею силою высшей административной власти въ Римской Церкви.

Клюнійская школа, проводившая реформу, торжествовала. До сихъ поръ ея представители только внушали. Теперь они могли приказывать. Одинъ изъ клюнійцевъ былъ избранъ на папскій престолъ подъ именемъ Григорія VII. Отъ словъ перешли къ дѣлу.

Заслуги Гильдебранда (1073—85 г.). Исторія мало знаетъ такихъ геніальныхъ личностей, которыя могли бы одолѣвать преграды на своемъ историческомъ пути одною силою своего творческаго духа. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Гильдебрандъ, сынъ плотника изъ тосканскаго городка Савоны. Онъ съ молодыхъ лѣтъ почувствовалъ склонность къ монашеской жизни. Такой человѣкъ, какъ Гильдебрандъ, способенъ былъ приступить къ тяжкому дѣлу съ геройской отвагой. Онъ засталъ духовное и свѣтское

(¹) **Idem, 364—367. Всѣ письма приведены мною въ извлеченіяхъ.**

общество въ полномъ паденіи, но оставилъ преобразованное духовенство, а съ нимъ примѣры нравственной крѣпости и живительной вѣры въ добро для тѣхъ, кто сталъ бы искать новой жизни. Образецъ стойкости и удивительной энергіи, онъ показалъ какими силами оживляется духъ человѣка, если онъ борется за идею. Григорій въ безпощадной борьбѣ опирался на одну силу нравственнаго убѣжденія, всегда неподкупную. Каковы бы ни были его цѣли, какими бы средствами онъ ни достигалъ ихъ,—онъ заботился не о своихъ интересахъ.

Въ то время только одно безусловно христіанское начало могло властвовать надъ обществомъ; лишь этотъ принципъ могъ быть руководителемъ. Онъ былъ уже не на мѣстѣ, уже не нормаленъ — напр. въ концѣ XIII вѣка, когда развились другіе институты, когда благотворныя силы, силы порядка и мира заключались въ коммунахъ, въ королевской власти, въ началахъ классическаго права, въ преобладаніи экономическихъ мотивовъ, наконецъ въ той образованности, которая уже стала заявлять себя замѣчательными памятниками. О всемъ этомъ не имѣетъ понятія обширный періодъ времени отъ IX до XI столѣтія, эти такъ наз. темные вѣка. Этимъ періодомъ долженъ былъ заправлять другой принципъ, который между прочимъ осуществлялся въ стремленіяхъ папской диктатуры,—такого рода власти, которая можетъ быть только тогда и была необходима. Грабежъ, варварство, развратъ, вся грязь эпохи только и могла сдерживаться началомъ авторитета, опиравшагося на завѣты евангельскіе, противъ которыхъ разлагавшаяся жизнь не могла выставить какихъ либо другихъ благотворныхъ истинъ. Представлялись эти начала Церковью, а такъ какъ въ то время безначалія Церковь необходимо требовала іерархіи и верховенства, то выражать собою и проводить въ жизнь эти правила долженъ былъ Римъ: въ этомъ историческая миссія папъ. Но въ томъ и было зло, что этому Риму никто не могъ довѣрять, что Римъ-то и былъ самымъ гнилымъ наростомъ, что въ немъ-то, какъ въ зеркалѣ, самымъ реальнымъ образомъ отражались ужаснѣйшія сцены, когда либо видѣнныя людьми. Нѣкоторые изъ папъ были чудовищами въ своемъ родѣ; объ этихъ папахъ лучшіе памятники эпохи приводятъ подлинные документы ([1]).

([1]) Напр. сцена суда 6 ноября 867 г. надъ Іоанномъ XII у Ліутпранда (De rebus gestis Ottonis I c. 10—11), Pertz. Mon. V, 343.

При такихъ условіяхъ, какъ ни дурно было свѣтское общество, оно стояло выше иныхъ папъ. Между тѣмъ владычествовать предстояло все таки Риму, которому надлежало завоевать нравственное право на такое владычество. Человѣкъ, который будетъ въ состояніи это сдѣлать, совершитъ историческую заслугу. Въ этомъ-то и значеніе и міровое мѣсто Григорія VII. Геніальный первосвященникъ не ограничился удовлетвореніемъ только цѣлей своего призванія; онъ направляетъ судьбы Римской Церкви въ будущемъ; онъ собственно и есть творецъ этого величаваго зданія, именуемаго католицизмомъ.

Его характеристика. Его жизнь и характеръ подверглись и подвергаются самымъ прихотливымъ и противорѣчивымъ сужденіямъ; это общая участь великихъ людей. Современники, оставившіе намъ описаніе борьбы Григорія VII и Генриха IV, держатся болѣе стороны императорской. Съ перваго взгляда это странно. Извѣстно, что теологическое направленіе двигало литературу: ею занимались лица духовные, почти исключительно обладавшіе грамотностью, а между тѣмъ въ нихъ-то дѣло Гильдебранда, дѣло Церкви не находитъ сочувствія. Разгадка въ томъ, что не было у тогдашняго западнаго духовенства ничего общаго съ Церковью, что Григорію всю жизнь довелось бороться съ духовенствомъ, въ лагерѣ котораго онъ не имѣлъ вѣрныхъ поборниковъ. Онъ былъ аскетъ; жизнь не дала ему ничего радостнаго, кромѣ вѣры въ правоту своего дѣла, а можетъ быть даже поколебала въ немъ убѣжденіе въ торжествѣ истины. Его образъ представляется исторіи всегда страдальческимъ, какимъ былъ онъ въ послѣдніе годы, а между тѣмъ натура его была изъ тѣхъ, страстность которыхъ не можетъ удовлетворяться долей успѣха, требуя непремѣнно всецѣлаго торжества. Ему видно было только какъ жизнь общества летѣла въ вакхическихъ порывахъ, какъ всѣ опасались съ исходомъ XI столѣтія конца міра, какъ всѣ, не оглядываясь, спѣшили вполнѣ насладиться жизнію ([1]).

([1]) Убѣдительные факты за Григорія приводитъ ирландскій монахъ Маріанъ (Marianus Scotus, Chronicon ab orbe condito usque ad a. 1082), но онъ равнодушенъ къ личности папы. Если Бруно изъ Магдебурга (De bello saxonico), врагъ императора, то не слѣдуетъ думать, что тѣмъ онъ уже сочувствуетъ реформѣ Гильдебранда; Генриха онъ ненавидитъ, какъ саксонецъ, но ему мало дѣла до его великаго соперника. Прочіе же

Несомнѣнно, что Гильдебрандъ былъ врагъ государственнаго идеала; что онъ хотѣлъ создать великую теократическую монархію, достигнуть которой его преемники могли только въ формѣ верховнаго надзора надъ отдѣльными государствами европейскими. Но, хотя бы это было справедливо, то не въ томъ заслуга Григорія; въ этомъ смыслѣ его планы витали въ области величавыхъ утопій, хотя рѣдко кто являлся на историческую арену съ такими грандіозными замыслами, рѣдко кто былъ способенъ къ осуществленію самыхъ смѣлыхъ мечтаній. Аскетъ въ римскомъ монастырѣ, ученый между клюнійскими иноками, дипломатъ среди германскихъ епископовъ и придворныхъ императора, онъ приносилъ съ собою въ совѣтъ римской куріи тонкій государственный умъ итальянца съ холодной разсчетливостью и упорной стой-

лѣтописцы: Адамъ Бременскій, Ламбертъ изъ Ашаффенбурга, священникъ Бенно, епископъ Отбертъ,—враги реформы, именно потому, что были церковники. Вообще надо быть весьма осторожнымъ въ судѣ надъ этой борьбой; недаромъ вопросъ о ней считается однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ науки. Хроникеръ Бернольди (въ V т. Пертца) и кардиналъ Петръ Даміани лучше всѣхъ поняли дѣло Григорія. Въ письмахъ Даміани осталась лучшая характеристика Гильдебранда; по ней можно судить, насколько возвышался надъ современностью Григорій; его личность казалась кардиналу демонической; онъ не могъ относиться къ ней спокойно; онъ и безумно любилъ ее и страшно боялся; папу онъ называетъ «hostilis amicus»—и другъ и врагъ. Такъ страшенъ былъ Григорій даже друзьямъ своимъ; такое богатство силъ отличало его. Писатели протестанскіе могли его ненавидѣть, но нельзя сказать, чтобы они не отдавали ему должнаго; тутъ было подавляющее величіе, побуждавшее иногда и ихъ къ увлеченію, хотя оно не производило дѣйствія на философію XVIII вѣка, въ которой его называли «un fou, fléau de monde, insensé, un fripon» (Voltaire, Essai sur les moeurs, ch. 46). Его выходки и цѣли именовали безумными, а обращеніе съ Генрихомъ имперскіе историки объясняли дикимъ деспотизмомъ и нарушеніемъ всякаго права (Rotteck, Allg Gesch). Спеціальные историки его, какъ Voigt и Höfler неясно обозначаютъ его дѣятельность и недостаточно мотивируютъ ее, хотя сочиненіе Фойгта, вышедшее еще въ 1813 г. въ 2 т., носитъ громкое заглавіе Hildebrand und sein Zeitalter (1819, 1846, 1850) и пользовалось въ свое время значительною извѣстностью. Затѣмъ Spittler (1827) Griesley (1829), V. de la Madelaine (1837, 2 vls.), Vidaillan 1837, 2 vls), Sonstral (1838), Bowden (1840, 2 vls.), Cassander (1842) Delécluse (1844), Sölt Anst. (1847), Frantin (1849), Jorry (1850) не оставили слѣдовъ въ исторіографіи. Лучшее и подробнѣйшее сочиненіе о Гильдебрандѣ — это капитальный, хотя пристрастный трудъ Гфререра, важный вообще для исторіи католицизма, изданный послѣ смерти автора: Papst Gregorius VII and sein Zeitalter въ 7 томахъ 1857—61 г. съ указателемъ Ossenbeck'a. Только два послѣднихъ сочиненія: (Laurent, La papauté et l'émpire, 1860) и Lanfrey (Hist. politique des papes, 1860) точно и довольно безпристрастно оцѣнили и выяснили эту дѣятельность съ ея задачами и средствами.

костью сѣвернаго человѣка. Какъ архидіаконъ, онъ задолго до своего избранія двигалъ важнѣйшими политическими событіями времени, заправляя дѣлами папскими. Его способности, удивительно разнообразныя, давали ему возможность пользоваться всѣми средствами; вотъ почему онъ былъ въ одно время и дипломатъ и мистикъ и фанатикъ; онъ былъ то безжалостенъ, то кротокъ; въ этомъ богатствѣ сторонъ характера онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. Это было удивительное сочетаніе свойствъ политика и аскета. Но при всемъ томъ, повторяемъ, осуществленіе идеала теократической монархіи было не въ его власти; не съ этой стороны надо опредѣлять его мѣсто въ исторіи. Дѣйствительныя услуги онъ принесъ обществу утвержденіемъ независимости Церкви, а содѣйствовалъ тому онъ *уничтоженіемъ инвеституры*, этого „права облеченія", присвоеннаго императорской властью въ видахъ утвержденія на церковныя должности настоятелей и епископовъ, какъ поземельныхъ собственниковъ. Началась страшная борьба; самъ папа не видѣлъ полнаго торжества исповѣдуемыхъ имъ идей, но онъ сознавалъ, умирая, что если правда еще живетъ, то лишь на новыхъ началахъ можетъ существовать католичество. Эти начала вносили крутую реформу; что она была благотворна, сознавали немногіе изъ современниковъ ([1]). Что ближайшія его цѣли были переходомъ къ высшей, политической,—подтвержденіемъ служитъ его взглядъ на поземельную собственность духовенства, которую онъ считалъ необходимой принадлежностью церковнаго властительства. Григорій не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи того, о чемъ послѣ думалъ Пасхалій II. Съ того часа, когда Церковь отказывалась отъ своихъ земель, свѣтская власть не имѣла бы причины продолжать съ ней борьбу; вопросъ инвеституры тогда уже не существовалъ бы; папство не несло бы на себѣ тѣхъ упрековъ, которые лежатъ на его памяти. На эту мѣру, достойную гиганта, рѣшался слабый Пасхалій II (1099—1118 г.), указывавшій на несправедливое занятіе духовныхъ мірскими дѣлами и пытавшійся на отнятіе церковныхъ недвижимостей. Понятно, что одна мысль объ этомъ способна была возбудить волненіе,

([1]) Только Бернольди говоритъ о ней: «Gregorius erat catholicae religionis ferventissimus institutor et ecclesiasticae libertatis strenuissimus defensor. Noluit sane ut aeclesiasticus ordo manibus laicorum subjaceret, sed eisdem et morum sanctitate et ordinis dignitate praemineret quod illum latere non poterit etc. (подъ 1085 г. у Pertz'a; Mon. VII, 444»).

лишь только была заявлена. Не то было бы, когда Григорій VII поднялъ ее на свои плечи, включилъ бы ее въ свою программу. Даже не осуществленная имъ, она освятилась бы его авторитетомъ: изъ его программы она перешла бы въ завѣты папства, какъ перешли его понятія объ инвеститурѣ, симоніи, безбрачіи. Вотъ за что Гильдебрандъ заслуживаетъ укора, если только позволено предоставить столь широкія права историческому суду. У него не было личнаго эгоизма, но былъ эгоизмъ преданій, говоритъ Ланфре, эгоизмъ сословный. За эти интересы готовилась валовая борьба двухъ громадныхъ лагерей; шло дѣло въ сущности изъ за преобладанія свѣтской или духовной силы. Не слѣдуетъ думать, чтобы Григорій вносилъ въ борьбу аскетическое начало; на его сторонѣ былъ прогрессъ нравственныхъ началъ, какъ вообще среди Церкви до второй четверти XIII столѣтія. Вопросъ о торжествѣ принципа нравственной чистоты духовенства и всего общества былъ поставленъ достойно, чтобы служить предметомъ для открытія борьбы; являясь его борцомъ, Гильдебрандъ былъ представителемъ высокой идеи; изъ мистика онъ дѣлался фанатикомъ, но фанатикомъ великой души (¹). Его цѣли были искренни; онъ смѣло поставилъ ихъ, а съ ними ставилось многое.

Призваніе Григорія было сокрушить свѣтскую власть, потому что иначе не могла существовать независимость духовной, а преобладанія послѣдней въ то время, когда не было никакой сдержки для общества, требовали самыя условія жизни. Объ этомъ мечтали лучшіе люди времени. Мы привели письма кардинала Петра Даміани. Престарѣлый монахъ стоялъ во главѣ этой партіи реформы. Его голосъ былъ слышенъ вездѣ. Ему вторили: Бруно, архіепископъ Кельнскій, Одилонъ, аббатъ Клюнійскій, Адальбертъ Магдебургскій и Гербертъ, архіепископъ Реймскій. Въ аббатствѣ Клюньи, въ Бургундіи, и въ другихъ монастыряхъ этого ордена такой принципъ передавался преемственно среди клюнійскихъ монаховъ. Тамъ укрѣпился и Гильдебрандъ въ своихъ мысляхъ. Но когда наступилъ рѣшительный часъ для начала дѣла, тайный страхъ запалъ въ душу Григорія. „Я выступилъ въ море и бури меня охватили, писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Страхъ и трепетъ овладѣваютъ душею (²)“.

(¹) Lanfrey. Hist. politique des papes, 131.

(²) Gregorii VII Epistola; II, 9. Migne. Patr. CXLVIII, 369.

Запрещеніе браковъ черному и бѣлому духовенству.

Предстояло совершить цѣлую общественную революцію. Борьба внѣшняя съ императоромъ не была такъ опасна, какъ внутренняя борьба римской куріи съ духовенствомъ. Въ борьбѣ съ свѣтской властью, за папу была большая половина феодаловъ Западной Европы. Здѣсь же ему приходилось бороться противъ заинтересованнаго духовенства. Уничтожить браки слѣдовало прежде всего; ими христіанская администрація приравнивалась къ греческой, духовенство становилось какъ бы кастой и, что важнѣе всего, подчинялось свѣтской власти. „Жизнь священника, провозглашалъ Григорій, должна быть рядомъ подвиговъ и самоотверженія; чувственности въ ней нѣтъ мѣста". И это онъ рѣшился сказать духовенству, утопавшему въ сладострастіи.

Понятно, что духовные назвали эту затѣю ересью а тѣ, которые рѣшились исполнить папскій указъ, едва спасались отъ ярости прочихъ. Во Франціи духовные созывали соборы, на которыхъ говорили, что декретъ папы противенъ вѣрѣ, природѣ и разуму. Людей, державшихся его, били и варварски терзали. Но Григорій достигъ своей цѣли; онъ вооружилъ народъ противъ женатыхъ. „Я проклинаю всѣхъ, противящихся моему декрету, писалъ онъ. Благословеніе женатыхъ да обратится въ проклятіе, ихъ молитва въ грѣхъ". Народъ подчинился волѣ папы. Онъ сталъ прогонять женатыхъ священниковъ: ихъ били, уродовали, убивали. Это была горькая и дикая расправа. Такъ обращаются къ страстямъ толпы всѣ революціонеры, чтобы достичь своихъ цѣлей и упрочить свою власть. Такъ дѣйствовали Марій, Гракхи, Кромвель. Всякое сопротивленіе было безсильно. Реформа совершилась; основный принципъ нравственной чистоты осуществился. Въ 1075 г. былъ изданъ Григоріемъ знаменитый декретъ противъ свѣтской инвеституры.

Гильдебрандъ, завѣдывавшій дѣлами своихъ предшественниковъ—Виктора II (1055—57), Стефана IX (1057—1059), Николая II (1059—1061) и Александра II (1061—1073),—давно уже задумалъ уничтожить инвеституру. Декретъ противъ инвеституры строго былъ подтвержденъ на соборѣ 1078 года каноническимъ образомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ дошло до нашего свѣдѣнія, что, при поставленіи священниковъ, во многихъ мѣстахъ свѣтскими людьми производится инвеститура духовныхъ и дѣлаются въ церквахъ большіе безпорядки, оскорбляющіе христіанскую вѣру, то мы постановляемъ,

чтобы никто изъ духовныхъ не принималъ инвеституры на епископство или аббатство изъ рукъ короля, императора или другаго свѣтскаго лица обоего пола“. Благодаря инвеститурѣ развивалась губительнымъ образомъ и симонія, но для уничтоженія ея надо было уничтожить корень зла, т. е. инвеституру.— „Это не мною выдумано, говорилъ Григорій; я ничего не хочу новаго“.

Борьба за инвеституру.

А между тѣмъ эта мысль стоила Европѣ двухсотлѣтней войны. Инвеституру, а слѣдовательно и симонію, поддерживали короли и верховная свѣтская власть императора. Съ послѣднимъ и началась знаменитая борьба. Это была борьба духа и грубой силы. Въ ней высказались необыкновенныя способности Гильдебранда, который всегда предпочиталъ логикѣ оружія логику нравственныхъ убѣжденій, пока это было возможно. Конечно, онъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, ибо физической силы онъ, какъ первосвященникъ, не могъ употребить. Теорію владычества духовной власти надъ свѣтской Григорій выводилъ изъ господства духа надъ тѣломъ, царства небеснаго надъ царствомъ земнымъ.

Въ этомъ отношеніи знаменитый папа имѣлъ достойнаго предшественника въ томъ же единомышленникѣ, Петрѣ Даміани, который въ своихъ посланіяхъ разработалъ этотъ интересный вопросъ на столько, что Гильдебранду оставалась только повторять его. Указавъ на рядъ примѣровъ изъ св. Писанія о преимуществахъ духовной власти передъ свѣтской, Даміани писалъ молодому императору Генриху IV ([1]).

«Умоляю тебя, всемилостивѣйшій государь, прими во вниманіе указанные выше примѣры и отврати лице твое отъ дурныхъ совѣтниковъ; закрой себѣ уши отъ ядовитаго шипѣнія этихъ змѣй, возбуди духовную силу въ юношескомъ тѣлѣ твоемъ и протяни руку помощи споткнувшейся матери твоей—Римской Церкви. Вѣдь Октавій Августъ хвалился нѣкогда, что онъ нашелъ Римъ кирпичнымъ, а оставилъ его каменнымъ; слѣдуетъ, чтобы и о тебѣ могли сказать: юноша нашелъ Церковь въ упадкѣ и, прежде чѣмъ достигъ зрѣлаго возраста, успѣлъ привести ее въ прежнее положеніе; это будетъ несравненно славнѣе и благороднѣе дѣлъ Августа. Тогда народъ могъ бы сказать о тебѣ то же, что объ одномъ благочестивомъ человѣкѣ: «о, если бы онъ или не рождался, или не умиралъ».

([1]) Damiani. Epistola; VII, 3. Migne; CXLIV, 439—440.

«Достоинство царской и духовной власти нераздѣльно связывается, какъ истиннымъ единымъ освященіемъ во Христѣ, такъ взаимно скрѣпляется союзомъ въ христіанскомъ народѣ. Одно нуждается въ помощи другаго; духовный санъ и званіе прикрывается королевской защитой, а свѣтская власть зиждется на первосвященническомъ освященіи. Императоръ опоясывается мечемъ, чтобы биться храбро съ врагами Церкви; духовенство неустанно возноситъ моленія, чтобы умилостивить Бога за царя и народъ. Первый на чашѣ вѣсовъ правосудія долженъ оцѣнивать земные поступки; долгъ втораго проповѣдью доставлять жаждущимъ источникъ небеснаго утѣшенія. Свѣтская власть установлена для того, чтобы удерживать людей законнымъ преслѣдованіемъ отъ преступныхъ и вредныхъ для общества поступковъ. Духовный же чинъ учрежденъ для дѣлъ другаго свойства; папа, полученіемъ отъ Бога ключей отъ небесной Церкви, призванъ Творцомъ у однихъ возбуждать энергію къ дѣятельности въ канонической сферѣ, а другихъ разрѣшать отъ грѣховъ по кротости и божественному человѣколюбію».

Здѣсь раздѣлъ властей, духовной и свѣтской, исходитъ изъ совершенно нормальныхъ условій. Въ доводахъ кардинала не слышны тѣ энергичные и рѣзкіе звуки, которые скоро раздадутся въ Римѣ.

О томъ же, уже нѣсколько иначе, кардиналъ Даміани пишетъ между прочимъ слѣдующее къ Цинцію, префекту Рима ([1]).

«Всякій, кто тщательно будетъ вникать въ откровеніе, то найдетъ тамъ одно явленіе изъ жизни нашего Искупителя; оно ярко блистаетъ подобно свѣту звѣзды, хотя и не выражено словами. Что такое предназначено въ ангелѣ, явившемся въ сіяніи возвѣстить рожденіе Господа? Конечно, здѣсь указывается на благовѣстителя двойнаго благоволенія; онъ преисполненъ и силою наставленія и блескомъ святой вѣры».

«Кто иной долженъ подразумѣваться подъ звѣздой, явившейся при рожденіи Іисуса, если не первосвятитель церковной благочестивой жизни; онъ можетъ быть и не очень богатъ способностью самоизливающагося краснорѣчія, но своими славными подвигами свѣтитъ, подобно звѣзднымъ лучамъ; если онъ не можетъ наставлять поученіями, такъ можетъ укрѣплять живымъ примѣромъ подвижничества. Первосвященникъ вселенской Церкви — это небеса, возвѣщающія славу Божію. Потому папа, взявшій на себя обязанность проповѣдничества, дождемъ проливающій духовное уче-

([1]) Damiani. Epistola; VIII, 1. Migne; CXLIV, 462.

ніе, сіяющій лучами религіозной жизни,—подобно ангелу, явившемуся пастухамъ во всемъ своемъ блескѣ, — изъяснялъ бы проповѣдью то, о чемъ онъ назначенъ благовѣствовать....»

Даміани въ этихъ письмахъ держался всѣхъ тонкостей схоластики: казуистикой онъ проводилъ свою мысль чрезъ всѣ препятствія, по всѣмъ ступенямъ. Этой же казуистики держится Григорій VII въ своихъ посланіяхъ; но слова его болѣе рѣшительныя и желанія болѣе смѣлыя; сознаніе безусловнаго превосходства духовной власти слышно въ каждомъ звукѣ горделивой папской рѣчи.—„Если мы почитаемъ, пишетъ Гильдебрандъ, нашихъ матерей и отцовъ по плоти, то не должны ли мы тѣмъ болѣе почитать отцовъ духовныхъ? И если тотъ, кто проклинаетъ своего плотскаго отца или мать, заслуживаетъ смерти, то чего заслуживаетъ проклинающій своего духовнаго отца“... „Есть ли на землѣ такой властитель, который своимъ словомъ претворилъ бы хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову? Могутъ ли земные владыки вязать и рѣшать на небѣ и на землѣ? Все это преимущество пастырской власти; отсюда превосходство оной. Когда все развращено на землѣ, когда никто не знаетъ Бога, то можетъ ли это достоинство не подчиниться другой власти, установленной самимъ Богомъ для славы имени Его и данной міру по Божьему милосердію. Если мы разсмотримъ всю исторію отъ начала вѣковъ до нашихъ дней, то не найдемъ ни одного короля и императора, который сравнялся бы въ своихъ подвигахъ съ однимъ изъ святыхъ, презрѣвшихъ міръ. Что значитъ величіе императора въ сравненіи съ величіемъ св. Антонія или св. Бенедикта—величіемъ нетлѣннымъ? Мірская слава ничтожна предъ вѣчнымъ спасеніемъ“.

Доводы Григорія VII за папскую гегемонію.

Во всей этой аргументаціи тогда было легко опираться на извѣстное отношеніе духовной природы къ тѣлесной, отношеніе неба къ землѣ; надо замѣтить, что всѣ эти доводы не были тогда избиты, а отличались новизною. Григорій ссылается еще на мѣсто св. Августина изъ его сочиненія: „De dignitate sacerdotale:—„Царство вѣчной свободы будетъ слѣдовать за этимъ рабolѣпнымъ и скоропреходящимъ земнымъ царствованіемъ. Всякая свѣтская власть, которой покланяются рабы, сравнительно съ пастырями Церкви тоже, что олово предъ золотомъ. Уже Константинъ признавалъ эту истину; на соборѣ въ Никеѣ онъ занималъ мѣсто позади всѣхъ епис-

монаху, онъ пишетъ:—„Ты заслужилъ это порицаніе за то, что смутилъ всѣхъ членовъ Церкви. Ты обходишься съ правителями святой Церкви какъ съ рабами, которые не знаютъ, что дѣлаетъ ихъ господинъ. Тѣмъ самымъ ты стараешься снискать похвалы отъ подлой черни. Ты возвысился хитростью и обманомъ. Золотомъ ты стяжалъ милости и власть; насиліемъ ты вступилъ на престолъ, возбуждая народъ. Истинный папа Св. Петръ самъ говорилъ: Бога бойтеся, царя чтите. Не зная страха Божія, ты не чтишь и меня, Богомъ поставленнаго. За все это, по суду нашему и всѣхъ епископовъ, ты долженъ быть отлученъ. Мѣсто Св. Петра не долженъ занимать человѣкъ съ божественнымъ словомъ на устахъ и съ высокомѣріемъ въ сердцѣ". Въ отвѣтъ на это папа не замедлилъ не менѣе рѣзкой мѣрой: „Мы предаемъ проклятію императорскаго сына, Генриха, возставшаго противъ Церкви съ неслыханнымъ высокомѣріемъ. Да познаютъ всѣ народы, что Св. Петръ есть камень, на которомъ сынъ Божій утвердилъ святую Церковь".

Отлученіе Генриха IV и Каносса.

Это отлученіе произвело страшное дѣйствіе. Отлученія прежнихъ папъ игнорировались, потому что мало кто обращалъ вниманія на этихъ хилыхъ, развратныхъ тіаристовъ. Теперь было не то. Теперь проклятіе шло отъ человѣка, который заручился громаднымъ обаяніемъ на массы. Грозный приговоръ папы легъ на Генриха, къ удивленію его самаго, тяжкимъ камнемъ. Отъ него отвернулись всѣ, не только чернь, но и герцоги и города. Папскіе легаты открыто вели свою пропаганду. Они отвратили отъ короля бо̀льшую часть Германіи, такъ что король долженъ былъ смириться и просить годъ, чтобы обдумать свое положеніе. Между тѣмъ указывали на швабскаго герцога Рудольфа, какъ на новаго короля. Скоро появился новый кандидатъ Генрихъ Распе (¹). Все это приводило императора въ отчаяніе.

Ожидали самого папу въ Аугсбургѣ на имперскій сеймъ для разбора императорскаго дѣла. Григорій собрался и выѣхалъ изъ Рима осенью 1076 г., но дорогой, въ Тосканскихъ пре-

---

(¹) Спеціальная, основательно обработанная докторская диссертація В. А. Бильбасова о Генрихѣ Распе (П. 1866).

дѣлахъ, узналъ, что самъ Генрихъ спѣшитъ съ войскомъ въ Римъ. Это его удивило; впрочемъ, слухи оказались ложны. Однако папа свернулъ съ дороги и остановился въ Каноссѣ, въ замкѣ графини Матильды, владѣтельницы Тосканской марки, которая была замужемъ за герцогомъ Нижній Лотарингіи, но не жила съ мужемъ. Супруги держались разныхъ политическихъ убѣжденій. Мужъ былъ на сторонѣ императора, Матильда была страстная сторонница папы. Григорій былъ предметомъ ея платоническаго поклоненія. Въ Каноссѣ не знали, что императоръ рѣшился покориться. Не дождавшись условленнаго срока и боясь присутствія папы среди герцоговъ и князей, Генрихъ оставилъ Германію съ женой и однимъ вассаломъ; онъ рѣшился личнымъ свиданіемъ покончить ссору съ папой, чтобы только удержать за собою престолъ.

Была суровая зима, когда Генрихъ предпринялъ съ небольшою свитою путешествіе въ Италію черезъ Монъ-Сенисъ. Отъ него, какъ отъ отверженнаго, всѣ устранялись; дорогой путники обносились и обнищали: имъ приходилось просить милостыню. Кое-какъ добрались они до Монъ-Сениса. Чрезъ эту гору Генрихъ хотѣлъ выйти въ Ломбардію.

Переходъ въ снѣжныхъ горахъ былъ труденъ и чрезвычайно опасенъ; однажды императоръ едва не лишился жизни. Когда путники спустились въ Ломбардію, то были удивлены сочувственной встрѣчей, которую имъ устроили. Здѣсь не любили Григорія, преимущественно среди высшаго духовенства; епископы находились здѣсь подъ проклятіемъ. Съ нѣкоторой рѣшимостью Генрихъ могъ бы поднять эту страну и, собравъ вокругъ себя приверженцевъ, устрашить папу. Но онъ ослабъ духомъ и тѣломъ; такъ напугало его общее отверженіе въ Германіи.

Теперь онъ шелъ покориться и вымолить себѣ прощеніе. Не принимая услугъ, предлагаемыхъ ему ломбардскими синьорами, онъ направился въ Каноссу. Былъ январь; настала зима, рѣдкая въ тѣхъ мѣстахъ. Генрихъ прибылъ въ замокъ, но папа заставилъ его долго ждать. Едва Матильда уговорила папу принять короля. Здѣсь Генрихъ простоялъ 3 дня на дворѣ въ одеждѣ кающагося, въ одной рубашкѣ, безъ обуви, не принимая пищи, и, какъ обыкновенный грѣшникъ, просилъ папу о разрѣшеніи. Наконецъ, сжалившись надъ униженіемъ короля, папа пригласилъ его

къ себѣ, освободилъ отъ проклятія, но обязалъ явиться въ Римъ по первому требованію. До произнесенія окончательнаго рѣшенія Генрихъ не могъ пользоваться королевскою властію и почестями.

Когда онъ, опозоренный и униженный, возвращался назадъ въ Ломбардію, то раскаялся, что не воспользовался раньше расположенными къ нему ломбардскими силами. По возвращеніи домой, въ Германію, Генрихъ засталъ другаго короля, Рудольфа Швабскаго. Началась трехлѣтняя междоусобная война. Папа могъ бы признать Рудольфа, но въ его практическихъ разсчетахъ было ослабить обоихъ соперниковъ. Папскіе легаты не высказывались открыто ни въ пользу того, ни другого: „они носились отъ Рудольфа къ Генриху, говоритъ Бруно, обнадеживая обоихъ и, по обычаю римлянъ, набивая себѣ карманы деньгами". Когда же Генрихъ былъ разбитъ подъ Мюльгаузеномъ, папа рѣшился поддержать Рудольфа и послалъ ему корону съ надписью: Petrus dedit Petro, Petrus diadema Rudolpho. Затѣмъ, въ силу того, что Генрихъ, вопреки обѣщанію, поднялъ оружіе безъ одобренія папы, Григорій предалъ его вторичному проклятію.

Временная удача императора.

Тогда Генрихъ, собравъ соборъ въ Майнцѣ, повторилъ низложеніе Григорія, въ присутствіи 19 епископовъ, къ которымъ затѣмъ въ Бриксенѣ присоединилось еще 30 итальянскихъ епископовъ. Здѣсь избрали папой на мѣсто Григорія архіепископа Гвиберта Равеннскаго, подъ именемъ Климента III. Такимъ образомъ явилось 2 короля и 2 папы. Послѣ битвы подъ Цейцемъ (на мѣстѣ славянскихъ Жицей) Рудольфъ умеръ отъ раны, которую, какъ говорятъ, нанесъ ему Готфридъ Буйльонскій, рыцарь изъ Нижней Лотарингіи. Генрихъ, хотя былъ разбитъ, но чувствовалъ себя счастливымъ; онъ передалъ Швабію зятю, мужу Агнесы, Фридриху, который перенесъ свою резиденцію, находившуюся сперва у подножія горы Штауфенъ, на вершину этой горы и прозвалъ свой замокъ Гогенштауфеномъ. Отсюда ведетъ свое начало знаменитый домъ, будущая императорская династія. Послѣ смерти Фридриха, Агнеса была выдана за Австрійскаго маркграфа Леопольда (изъ Бабенбергеровъ) Императоръ такимъ образомъ вступилъ въ родство съ владѣтелями двухъ громадныхъ областей. Благодаря Агнесѣ, Генрихъ заключилъ миръ съ

Швабіей и Австрійской маркой; онъ пріобрѣлъ себѣ въ нихъ союзниковъ. Больше Генриху не къ кому было обратиться. Тѣмъ не менѣе въ 1081 г. онъ могъ повести на Римъ значительное войско; онъ думалъ сокрушить Григорія силою, но ошибся. Три года нѣмцы вмѣстѣ съ римлянами осаждали замокъ св. Ангела, гдѣ заперся папа, отказываясь отъ всякихъ переговоровъ съ отлученнымъ королемъ. Тогда нѣмцы провозгласили Григорія VII низложеннымъ. Вмѣсто него подъ императорскимъ давленіемъ былъ избранъ конклавомъ Викторъ III. Генрихъ IV долженъ былъ войти въ соглашеніе съ новымъ папою, который, наконецъ, въ 1084 г. короновалъ его императорскою короною. Болѣе Генриху не суждено было видѣться съ Григоріемъ, котораго продолжали осаждать въ замкѣ сами римляне. Сицилійскій герцогъ изъ норманновъ, Робертъ Гискаръ пришелъ спасти Григорія; онъ взялъ Римъ, сжегъ значительную, опустѣлую и обезлюдѣвшую съ тѣхъ поръ часть столицы, пригласилъ папу съ собой въ Салерно, гдѣ знаменитый дѣятель прожилъ подъ защитой норманскихъ щитовъ.

Въ годины своего униженія Гильдебрандъ не чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Григорій не думалъ о примиреніи; онъ хотѣлъ выиграть дѣло вполнѣ, хотѣлъ увидѣть у ногъ своихъ императора, хотѣлъ навсегда уничтожить въ духовенствѣ браки и симонію. Умирая, онъ оставался тѣмъ же гордымъ, рѣшительнымъ, неукротимымъ. Этотъ невзрачный „черный“ человѣкъ, съ рѣзкими чертами лица, угрюмый, былъ также обаятеленъ и въ послѣдніе дни, какъ всегда. Современники, въ томъ числѣ и духовные, полагали, что Григорій дѣйствуетъ не иначе, какъ въ союзѣ съ дьяволомъ. Лично папа былъ побѣжденъ, но онъ уносилъ съ собою горделивое сознаніе въ томъ, что его дѣло восторжествовало. Потому-то, предвидя торжество папства въ будущемъ, онъ завѣщалъ назвать своего преемника Викторомъ, указывая при этомъ на аббата Монтекассинскаго монастыря, Дезидерія. Умирая, Григорій простилъ всѣхъ своихъ личныхъ враговъ и снялъ съ нихъ проклятіе, но не простилъ враговъ Церкви, не простилъ враговъ того дѣла, на которое онъ положилъ богатыя силы своего духа. Находясь подъ могучимъ покровительствомъ герцога Роберта, дикое звѣрство котораго не разъ приходилось укрощать Григорію, папа созвалъ соборъ въ Салерно. Здѣсь онъ наложилъ новое проклятіе на императора и смѣло

послалъ особаго нунція, епископа Оттона въ Германію, чтобы поставить объ этомъ въ извѣстность всю имперію. Въ январѣ 1085 г. папа заболѣлъ отъ постоянныхъ тревогъ и волненій. Видимо, силы его слабѣли. Чувствуя приближеніе смерти, онъ старался внушить окружающимъ ту бодрость духа, которая никогда не покидала его и которая теперь была еще сильнѣе. Онъ говорилъ имъ о необходимости стоять за идею чести и долга. Этотъ долгъ онъ видѣлъ въ борьбѣ за высшіе интересы нравственности и религіи.

Было воскресенье 25 мая 1085 г., день празднуемый и понынѣ католической Церковью, когда въ Салерно умиралъ Григорій. Его окружалъ тѣсный кружекъ фанатически преданныхъ ему людей. Кидая на нихъ угасавшіе взоры, онъ закончилъ свою жизнь слѣдующими словами:—„я любилъ правду и ненавидѣлъ несправедливость, а потому умираю въ изгнаніи (dilexi justitiam, odi iniquitatem, propterea morior in exilio)“.

Въ этихъ словахъ была сказана цѣлая жизнь его.

— „Папа не можетъ быть изгнанъ; вся земля его наслѣдіе“—послышался чей-то голосъ.

Григорій уже не слыхалъ этихъ словъ; онъ былъ мертвъ.

Такъ жилъ и умеръ „святой сатана“ (¹), какъ прозвали великаго человѣка смутно боявшіеся его современники.

5) Преемники Гильдебранда до Вормскаго конкордата.

Преемники Григорія VII (1086-1125 г.)

Преемники Гильдебранда неуклонно держались его завѣта; они продолжали борьбу, даже тогда когда все было противъ успѣховъ римскаго дѣла. Матеріальная сила была на сторонѣ императоровъ. Папы могли опираться только на силу общественнаго мнѣнія. Имъ часто приходилось защищать свое существованіе, потому что внутренній врагъ возставалъ противъ нихъ въ стѣнахъ Рима.

Въ эти трудные годы только солидарность съ обществомъ могла внушить имъ ту непреклонность, то сознаніе высоты дѣла, которыя они обнаружили. Особенно способ-

(¹) Damiani. Epist. I, 16. Migne; CXLIV, 236.

ныхъ людей между ними не было. Это были: Викторъ III (1086—1088), Урбанъ II (1088—1099), Пасхалій II (1099—1118), Геласій II (1118—1119), Каллистъ II (1119—1124 г.). Всѣхъ ихъ не покидало убѣжденіе не только въ правотѣ, но и въ святости ихъ дѣла. Оно-то давало имъ силы на борьбу. Викторъ III и вообще три первыхъ преемника Гильдебранда прекрасно знали духъ Григорія и его замыслы, потому что пользовались его расположеніемъ.

Безсильные въ своей столицѣ, эти папы буллами, писанными иногда въ изгнаніи, вліяютъ на весь Западъ. Испытывая рядъ неудачъ, они остаются такими же непреклонными и это геройство увлекаетъ другихъ. Викторъ III имѣлъ случай собрать духовенство на соборъ въ Беневентѣ (1087 г.) и здѣсь еще разъ отлучилъ Генриха IV. Отлученіе въ своей формулѣ было тождественно съ тѣмъ, которое произнесъ Григорій, но выражено болѣе рѣзко. Всякое духовное лицо, позволившее инвестироваться отъ руки мірянина, отлучалось отъ Церкви, исторгалось отъ общества епископовъ и священниковъ. Тоже относилось и къ низшимъ духовнымъ должностямъ. Всѣ, посвященные рукою мірянина, отлучались отъ Церкви. „Если, говорится въ буллѣ, какой нибудь-императоръ, король или герцогъ, маркизъ или графъ, или другое свѣтское лицо осмѣлится дать инвеституру на какое-нибудь духовное званіе, то подлежитъ отлученію“. Присутствіе при молитвѣ симонистовъ навлекаетъ отлученіе, такъ какъ нельзя на нихъ смотрѣть, какъ на законныхъ пастырей. Между тѣмъ какъ Генрихъ IV торжествовалъ, а его кліенты владѣли Римомъ, папа Урбанъ II спѣшитъ освятить свое дѣло именемъ Гильдебранда:—„Я отвергаю то, что отвергалъ онъ, осуждаю то, что онъ осуждалъ, хочу того-же, чего онъ хотѣлъ. Его помыслы и взгляды будутъ моими“. Стойкость Урбана даетъ ему возможность поддержать римскій авторитетъ предъ Филиппомъ I французскимъ и Вильгельмомъ II англійскимъ.

Величайшее событіе средневѣковой исторіи, крестовое движеніе, сдѣлало законнаго папу вождемъ взволновавшагося Запада. Это движеніе дало Урбану огромное вліяніе на Европу и причинило несчастія императору. Отъ императора отпала Ломбардія; Майнцскій архіепископъ, авторитетомъ котораго держалась императорская партія, призналъ Урбана. Вообще Генрихъ IV не успѣлъ восторжествовать послѣ кончины Гильдебранда. Тѣнь знаменитаго первосвященника какъ-

желаніе сообразоваться съ пользой церкви и желаніями папы, если эти желанія будутъ согласны съ справедливостью. Вопросъ объ инвеститурѣ былъ, конечно, на первомъ планѣ.

Идеи папы Пасхалія II (1099-1118 г.).

Въ это-то время и возникла у Пасхалія II мысль объ отчужденіи государственныхъ имуществъ отъ духовныхъ. Это предложено было въ видѣ опыта нѣмецкой и итальянской Церкви. Нѣмецкая Церковь за право инвеституры должна была возвратить государству всѣ земли, которыя она получила отъ Карла Великаго. Содержаніемъ церквей—должны быть впредь доходы съ приписанныхъ къ нимъ имуществъ, десятины и добровольныя приношенія. Этими мѣрами папа хотѣлъ достигнуть того, чтобы Церковь не зависѣла отъ государства.

Такое рѣшеніе вопроса, понятно, способствовало бы и нравственному усовершенствованію духовенства, но папа встрѣтилъ противодѣйствіе такой мѣрѣ среди самого духовенства. Лишь только нѣмецкіе епископы услышали объ этомъ непріятномъ для нихъ намѣреніи, какъ всѣ единодушно возстали противъ папы. Они согласились на всякія униженія предъ свѣтскою властью, потому что были задѣты ихъ практическіе интересы. Отрицательный характеръ этой мѣры заключался въ ея исключительности. Папѣ предстояло совершить цѣлую соціальную революцію, но ее надлежало провести вездѣ, а не въ двухъ только государствахъ.

Послѣ такихъ предварительныхъ переговоровъ, папа согласился короновать Генриха и тотъ прибылъ въ Римъ. Въ базиликѣ король клятвенно отказался отъ правъ на инвеституру. Оставалась очередь за папой; тутъ все дѣло разстроили нѣмецкіе епископы. Они рѣшительно отказались отступиться отъ имуществъ. Напрасно папа говорилъ, что нужно отдать кесарево кесарю и что никто изъ служителей алтаря не долженъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, ибо употребившій оружіе долженъ быть, по словамъ св. Амвросія, лишенъ епископскаго сана. Ничто не помогло. Не смотря ни на какія увѣщанія и приводимыя въ ихъ подкрѣпленіе положенія каноновъ, епископы упорно оставались при своемъ мнѣніи. Произошло страшное смятеніе. Епископы удалились изъ засѣданія. Такъ торжественно заявила Церковь свой свѣтскій феодальный характеръ.

Его плѣненіе и уступки.

Пасхалій лично пострадалъ за свой благородный поступокъ. Императоръ въ гнѣвѣ на обманъ, который онъ приписывалъ папѣ, схватилъ его и подвергнулъ двухмѣсячному

заключенію. Здѣсь Пасхалій подвергался искушеніямъ, которыя ему предъявлялъ король въ видѣ просьбъ князей, духовныхъ и римскихъ гражданъ. Наконецъ, видя несчастное положеніе товарищей своего плѣна и опасаясь разстройства Церкви, папа уступилъ.—„Я вынужденъ, сказалъ онъ, для избавленія Церкви согласиться на то, на что не согласился бы, если бы дѣло шло о спасеніи моей жизни“.

Этотъ пунктъ, на который папа согласился съ такой неохотой, была уступка королю правъ инвеституры. Хроника Монтекассинскаго монастыря упоминаетъ, что плѣнникамъ грозили смертью. Папа обѣщалъ никогда не тревожить короля Генриха за нанесенную ему обиду, не предавать короля отлученію и оказывать ему помощь въ дѣлахъ, относящихся къ императорской или королевской власти. Генрихъ поклялся, что онъ будетъ оказывать папѣ полное уваженіе и повиновеніе, на сколько послѣднее не будетъ нарушать чести его короны и государства.

На другой день послѣ этого совершился такъ трагически прерванный обрядъ коронованія. Генрихъ, принимая корону, вложилъ папѣ въ руки данное вчера обязательство, которое папа возвратилъ ему тутъ же, какъ бы добровольно. Папа не желалъ этого, „да и обычая подобнаго никогда не было“, замѣчаетъ римская хроника. Теперь Пасхалій былъ связанъ клятвой; онъ проигралъ дѣло, за которое боролся самъ и за которое погибли его предшественники. Церковь не могла снести своего униженія. Въ куріи происходитъ сильное движеніе противъ сдѣланныхъ Генриху уступокъ. Нужна была вся изворотливость римской политики, чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

И вотъ въ 1112 году созывается Латеранскій соборъ, который долженъ былъ снять съ папы вынужденную у него клятву. Папа держитъ къ собору рѣчь, въ которой кается въ совершеніи грѣшнаго дѣла и считаетъ необходимымъ исправить его, предоставляя подробности рѣшенію собора. Соборъ рѣшилъ, что привилегія, вынужденная у папы силой, не есть привилегія, и поэтому должна называться не привилегіей, а беззаконіемъ (pravilegium).

Латеранскій соборъ весьма важенъ для папской исторіи того времени; онъ рисуетъ много лучшихъ сторонъ куріи. Диктатура Рима принадлежала не личности папы, а цѣлой

партіи, въ которой олицетворялось торжество духовной власти надъ свѣтской. Это было весною. Осенью папа позволилъ себѣ отлучить императора. Замѣтимъ, что рѣшительный шагъ дѣлаетъ здѣсь не онъ, а партія. Отлученіе Генриха было прочитано Вьеннскимъ архіепископомъ Гвидо на частномъ соборѣ въ его провинціи. Чтобы это отлученіе имѣло обязательную силу для католической Церкви, Вьеннское собраніе послало его на утвержденіе папѣ.—„Мы представляемъ Вашему Святѣйшеству съ должнымъ почтеніемъ, писали прелаты, что если будете въ этомъ дѣлѣ стоять съ нами, если подтвердите то, о чемъ просимъ, то будете видѣть во всѣхъ насъ, безъ исключенія, вѣрныхъ Вашихъ сыновъ; но если Вы, чего не желаемъ думать, вступите на другой путь дѣйствій и откажетесь утвердить помянутыя положенія, то будете причиной, если мы удалимся отъ подчиненія и послушанія Вамъ".

Папа одобрилъ резолюцію Гвидо, но не произнесъ отлученія отъ своего лица. Онъ стѣснился это сдѣлать, потому что нѣкогда, самъ подвергшись насилію со стороны Генриха, далъ клятву не отлучать его. Въ немъ было замѣчательное благородство характера. Несмотря на то, императорскіе историки не избавляютъ его отъ упрековъ, указывая на то, что онъ не сдержалъ клятвы. Послѣ отлученія Генриха, папа во всякомъ случаѣ долженъ былъ столкнуться съ свѣтской властью въ Германіи. Его образъ дѣйствій велъ къ борьбѣ противъ Генриха V, но онъ не могъ начать ее безъ матеріальныхъ средствъ. Послѣднія явились, благодаря тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ Германіи. Генрихъ V вызвалъ противъ себя неудовольствіе среди саксонскихъ рыцарей тѣмъ, что наложилъ на нихъ лишніе налоги. Во главѣ возстанія сталъ по личнымъ побужденіямъ архіепископъ Майнцскій.

Вормскій конкордатъ 1123 г.

Вѣроятно, новый налогъ имѣлъ въ виду не одну лишь Саксонію; иначе князья не рѣшились бы поддерживать папу. Боязнь за несчастливый исходъ этой борьбы заставила Генриха искать мира съ папой. Опасеніе новой борьбы привело такимъ образомъ къ примиренію сторонъ, извѣстному подъ названіемъ Вормскаго конкордата. Вормское перемиріе играетъ существенную роль въ исторіи вопроса объ инвеститурѣ. Императоръ упустилъ случай уладить соглашеніе съ Геласіемъ. Папа, съ которымъ ему привелось имѣть дѣло,

не отличался мягкимъ характеромъ. Это былъ тотъ самый Гвидо, который нѣкогда отлучилъ его. Когда Гвидо получилъ извѣстіе о назначеніи въ папы, Римъ находился въ печальномъ положеніи. Успѣху Каллиста II содѣйствовало родство съ французскимъ королемъ и даже съ самимъ Генрихомъ. Послѣднее, впрочемъ, не помѣшало новому папѣ отлучить короля отъ Церкви и лишить его правъ на престолъ.

Причина, по которой императоръ согласился на уступки, заключалась въ опасеніи за сомнительный успѣхъ битвы подъ Майнцемъ, къ которой готовились обѣ стороны. Папскіе и императорскіе легаты подписали знаменитый конкордатъ, которымъ кончился первый актъ борьбы и выгоды котораго были на папской сторонѣ. Каждая сторона дѣлаетъ свои уступки.

Каллистъ говорилъ: „Я, Каллистъ, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, предоставляю тебѣ, любезный сынъ Генрихъ, августѣйшій императоръ Римлянъ, право требовать,—чтобы выборы епископовъ и аббатовъ производились въ твоемъ присутствіи, безъ насилія и симоніи. Если при подобныхъ выборахъ произойдетъ какой либо споръ, то ты, по совѣту и рѣшенію митрополита и троихъ епископовъ провинціи, къ которой принадлежитъ вакантная каѳедра, доставишь подкрѣпленіе и помощь правой сторонѣ. Избранный, безъ всякаго платежа съ своей стороны, получитъ отъ тебя регаліи, посредствомъ врученія ему скипетра, и будетъ исполнять тебѣ все то, что онъ обязанъ за эти регаліи дѣлать. Что касается до избранныхъ въ другихъ мѣстахъ имперіи, то они должны получить отъ тебя регаліи въ теченіи 6 мѣсяцевъ послѣ своего посвященія, не платя ничего и за это должны будутъ исполнять тебѣ то, что обязаны по праву. Если будешь по какому либо случаю требовать моей помощи, то я помогу тебѣ, согласно долгу и моей обязанности. Я даю тебѣ, а равно всѣмъ, которые были на твоей сторонѣ во время настоящаго раздора, истинный миръ“.

Императоръ въ свою очередь обязывался слѣдующимъ образомъ:

„Я, Генрихъ, августѣйшій императоръ Римлянъ, изъ любви къ Богу и св. Римской Церкви, а равно къ господину папѣ Каллисту и для спасенія души моей, отказываюсь въ пользу Бога, св. Апостоловъ Петра и Павла отъ всякаго рода инвеституры посредствомъ кольца и жезла, и пре-

доставляю всѣмъ, находящимся въ Германіи или въ имперіи, церквамъ, права каноническаго избранія и свободнаго посвященія духовныхъ лицъ. Тѣ изъ отнятыхъ у св. Петра владѣній, во время настоящаго раздора, при моемъ отцѣ или при мнѣ, если только таковыя находятся въ моемъ распоряженіи, будутъ мною возвращены; для возвращенія же другихъ доставлю нелицемѣрную помощь. Владѣнія, которыя въ этой войнѣ потеряны церквами, а равно духовными и свѣтскими князьями, будутъ, если принадлежатъ мнѣ, возвращены мною по правдѣ и по совѣту князей; для возвращенія же другихъ буду нелицемѣрно помогать. Я даю истинный миръ папѣ Каллисту и всѣмъ его приверженцамъ. Если въ чемъ св. Церковь будетъ просить моей помощи, помогу по совѣсти; если въ чемъ принесетъ мнѣ жалобу, окажу ей должную справедливость".

На широкой Вормской равнинѣ, на берегу Рейна, предъ безчисленной толпой, прочитаны были оба обязательства.

На Латеранскомъ соборѣ 1123 года, Каллистъ утвердилъ условія Вормскаго конкордата. Папство побѣдило. Оно воспользовалось этимъ конкордатомъ, чтобы еще болѣе расширить свою власть. Въ сущности этотъ конкордатъ былъ перемиріемъ. Имъ закончился первый актъ великой борьбы, неразлучно связанный съ именемъ Гильдебранда.

6) Торжество національнаго начала во Франціи и Англіи.

Короли дома Капета.

Распаденіе имперіи Каролинговъ дало жизнь отдѣльнымъ націямъ. Такъ, въ Германіи, во главѣ власти становятся государи германскаго происхожденія. Эти лица смотрятъ на свой народъ не какъ побѣдители, а какъ избранники народа. То же было и во Франціи ([1]). Тамъ существованіе Каролинговъ продолжалось на цѣлое столѣтіе дольше, чѣмъ въ Германіи и Италіи. Въ Германіи уже умѣла ознаменовать себя

(1) Общее пособіе для французской исторіи представляетъ сочиненіе Сисмонди, вышедшее въ началѣ нынѣшняго столѣтія; затѣмъ извѣстный трудъ Мишле, образный, художественный, дающій возможность проникать въ смыслъ событій,—хотя не безъ натяжекъ и ошибокъ. Большое сочиненіе Henri Martin можетъ назваться наиболѣе полнымъ и научнымъ. Для исторіи зарожденія элементовъ французской исторіи уже были указаны замѣчательныя работы Ог. Тьерри и Гизо (Essais

широкими порывами саксонская династія, а во Франціи правили номинально Каролинги. Мы говорили, что по смерти послѣдняго Каролинга, Людовика V, въ 987 г. французскимъ королемъ былъ провозглашенъ Гюго Капетъ, прозванный такъ по головному убору. Латинское *Cappa* по-французски значило *chappet* (chapeau), по-русски клобукъ или колпакъ. Гюго никогда не носилъ короны, а вмѣсто ея употреблялъ монашескій клобукъ, какой носилъ св. Мартинъ.

Во время правленія Гюго Капета, ходили повсюду толки о томъ, что приближался конецъ перваго тысячелѣтія. Это производило на людей ужасное впечатлѣніе: всѣ ждали мученій ада. По ученію духовенства, только монашество и подвижническая жизнь могли спасти человѣка. Все ждало послѣдней трубы, при звукахъ которой земля обратится въ прахъ и начнется истинная жизнь, ибо земное существованіе считалось призрачнымъ. По понятіямъ тогдашняго времени умереть значило начать новую жизнь; vivere—incipere. Такое печальное настроеніе общества лучше всего выразилось на тогдашней скульптурѣ. Статуи X вѣка представляются какъ бы недодѣланными, точно покойники. Сухія, безжизненныя, какъ смерть, они въ нѣмомъ ужасѣ простираютъ руки къ небу, какъ бы моля объ этомъ второмъ воскресеніи, о переходѣ отъ смерти къ жизни. Это было вѣрное изображеніе тогдашняго времени ([1]). Одна надежда была на небо. Поэтому въ то время было столь сильное влеченіе къ монашеству, даже въ короляхъ, которые на клобуки мѣняли свои короны, что пра-

sur l'histoire de France). Книга Рамбо имѣетъ общій характеръ (Hist de civ. française, 2 vls. 1885—88). Болѣе подробенъ Buchet (Hist. de la formation de la nationalité française, 2 vls.), но онъ останавливается на 987 г. Французская литература весьма богата историческими журналами. Общіе историческіе журналы: Revue des questions historiques съ клерикальнымъ характеромъ, Revue des documents historiques, Revue historique. Спеціально для средневѣковой Франціи Bibliothèque de l'Ecole des chartes. Сверхъ того каждая провинція французская имѣетъ свои спеціальные журналы, какъ-то: Лангедокъ, Шампань, Нормандія, Эльзасъ. Даже Парижъ имѣетъ журналъ, предназначенный спеціально для исторіи этого города. Для провинцій нынѣшней Бельгіи: «Messager des sciences historiques de Belgique». Для библіографіи текущей исторической литературы слѣдуетъ обращаться къ журналу Revue critique и Polybiblion. Для старыхъ изслѣдованій справки у Lelong (Bibl. hist. de la France, contenant le catalogue de tous les ouvrages tant imprimés que manuscrits qui traitent de l'histoire de ce royaume ou qui y ont rapport. P. 1719, 5 vls. (1768—77). Рѣдкіе трактаты и прежнія сохранившія значеніе диссертаціи собралъ: Leber Coll. de meilleurs dissertations etc. P. 20 vls. 1826—38.

([1]) Грановскій. Аббатъ Сугерій.

вящее духовенство стало употреблять всѣ усилія, чтобы не допускать высокопоставленныхъ лицъ въ свою среду. Дѣло дошло до того, что одинъ изъ норманскихъ герцоговъ, Вильгельмъ I укралъ въ одномъ аббатствѣ клобукъ и рясу и держалъ ихъ у себя, надѣвая ихъ, когда оставался одинъ. Папа запретилъ герцогу Бургундскому принимать монашество: иначе онъ поступилъ бы непремѣнно въ монастырь. Императоръ Генрихъ II едва былъ удержанъ отъ монашества. Въ виду угрожающихъ обстоятельствъ, въ обществѣ развилась наклонность жертвовать своими недвижимыми имуществами церквамъ и монастырямъ. Дарственныя записи наполнялись выраженіями въ родѣ, слѣдующаго: „вечеръ міра наступаетъ, поэтому я для спасенія своей души жертвую мое имѣніе такой-то церкви“. Эти проявленія были одинаковы во всѣхъ странахъ и вотъ Гюго Капетъ, нѣкогда храбрый воинъ, сталъ также въ эти годины общаго покаянія смотрѣть монахомъ.

Династія Капетинговъ происходила изъ простой фамиліи, хотя сами Капетинги производили себя не только отъ Александра Македонскаго, но даже отъ Геркулеса. Гюго Великій, умирая, завѣщалъ своему сыну Капету окончить борьбу съ Каролингами. Капетъ удачно выполнилъ эту задачу. Онъ вступилъ въ борьбу съ Людовикомъ; Карлъ Лотарингскій явился ему соперникомъ, но напрасно. За Капета стояли духовенство и сильный нормандскій герцогъ Ричардъ Безстрашный. За это Гюго наградилъ впослѣдствіи церкви и духовенство землями и разными привилегіями. Чтобы привлечь къ себѣ другую нормандскую линію, владѣвшую Блуа, Туромъ, Шартромъ, Бовэ, которая не признавала Капета королемъ, Гюго породнился съ этимъ домомъ.

Робертъ I. (996—1031 г.)

Его сынъ, Робертъ женился на Бертѣ, вдовѣ графа Одона Шампанскаго, съ которой находился не только въ кровномъ, но и въ духовномъ родствѣ, какъ крестный отецъ одного изъ ея сыновей. Черезъ два года Робертъ вступилъ на престолъ, имѣя 26 лѣтъ отъ роду. Все готовилось къ страшному суду въ 1000 году. Тѣмъ временемъ, папа Григорій V отлучилъ Роберта отъ церкви, не признавая его брака. Даже близкіе слуги бросили короля. По преданію, отъ Берты родилось чудовище, въ родѣ дьявола за то, что она будучи отлучена отъ Церкви, продолжала жить съ Робертомъ.

Вообще тогда сатана перестал секретничать съ людьми. Онъ сталъ показываться даже во очію современникамъ. Напримѣръ, его удостоился видѣть папа Сильвестръ II и даже бесѣдовалъ съ нимъ. Сильвестръ II прежде былъ монахомъ и назывался Гербертомъ. Мы уже упоминали о немъ, говоря объ Оттонѣ III (стр. 400). У него была всегда симпатія къ Капетамъ. Онъ бросилъ монастырь, удалился въ Кордову и сталъ учиться латинскому языку, математикѣ и механикѣ. Христіане думали, что этою мудростью онъ обязанъ былъ дьяволу. Онъ сдѣлался, наконецъ, наставникомъ сына и внука Оттона Великаго. Потомъ онъ преподавалъ въ римской академіи и пріобрѣлъ славу ученаго. Благоволеніе Оттона доставило ему сначала епископство, а потомъ и папскую тіару. Будучи первосвященникомъ, Сильвестръ разрѣшилъ Роберта отъ отлученія, но разводъ съ Бертой уже состоялся. Король женился на Констанціи, такъ какъ она приходилась племянницей Анжуйскому герцогу. Въ личности короля Роберта мы встрѣчаемъ всѣ качества нашего царя Θеодора Іоанновича. Находясь въ полной зависимости отъ своей жены и предоставивъ всѣ заботы объ управленіи государствомъ своимъ приближеннымъ, французскій король могъ отдаться своей любимой страсти, именно сочиненію гимновъ и церковныхъ пѣсней и переложенію ихъ на музыку. Не даромъ Санмартинскіе анналы рисуютъ его, какъ человѣка благочестиваго, въ своемъ родѣ дѣльнаго, начитаннаго въ церковныхъ книгахъ и музыканта. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ сочиненныхъ имъ гимновъ и антифоновъ. Въ королевскомъ одѣяніи французскій король стоялъ на клиросѣ во время заутрени, обѣдни и вечерни, соперничая съ придворными пѣвчими. Своимъ музыкальнымъ наклонностямъ онъ предавался даже несвоевременно. Разъ, осаждая одинъ замокъ, король вспомнилъ, что сегодня день св. Иннокентія, бросилъ войско и поспѣшилъ въ церковь управлять хоромъ. Лѣтописи также передаютъ, что король отличался милосердіемъ и любовью къ нищимъ. Ради нищихъ онъ прибѣгалъ даже къ обманамъ. Иногда онъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ. Не вѣря въ святость клятвы, и не желая профанировать священные предметы, которыми клялись, король прибѣгалъ къ благочестивымъ обманамъ. Вмѣсто мощей въ раки онъ приказывалъ тайно класть яйца или что нибудь изъ съѣстнаго. Тѣ, которые клялись надъ раками, полагая, что они клянутся надъ мощами, не грѣшили, если

даже и не исполняли клятвы. Французскій король готовъ былъ простить даже святотатство, если его совершали нищіе, которымъ онъ особенно покровительствовалъ. Въ такихъ случаяхъ онъ боялся только одного человѣка,—это своей жены Такимъ образомъ, Робертъ былъ королемъ номинальнымъ и на него по справедливости тогдашній лѣтописецъ Родульфъ Глаберъ написалъ сатиру ([1]). За него управляли жена его и анжуйскіе принцы изъ норманновъ.

Мы остановились нарочно на личности Роберта потому, что имъ характеризуются первые Капетинги и въ немъ выработался типъ короля того времени. Въ 1030 году Робертъ передалъ Бургундію своему младшему сыну того же имени, который сдѣлался родоначальникомъ древнѣйшей линіи герцоговъ Бургундскихъ. Изъ этого дома ведутъ свое происхожденіе короли Португальскіе, а изъ Франшконте еще раньше вышла линія королей Кастильскихъ. Всѣ эти династіи зарождаются въ XI столѣтіи.

Генрихъ I. (1031—60 г.) Трехлѣтній голодъ. Узнавъ о кончинѣ отца, Робертъ, получившій Бургундію, при помощи своей матери, хотѣлъ замѣстить и французскій престолъ. Но это ему не удалось. Всесильное духовенство было на сторонѣ старшаго его брата Генриха, который женился на дочери нашего Ярослава. При немъ, упомянутый нами бургундскій лѣтописецъ Рауль Глаберъ (ум. въ 1050 г.) записалъ подробности общественныхъ бѣдствій, постигшихъ тогдашнюю Францію. Рѣдко несчастія губили какую либо страну такъ сильно, какъ въ XI вѣкѣ Францію. Страшный голодъ начался еще въ 1027 г.; даже о насиліяхъ бароновъ не было слышно при этомъ всеобщемъ бѣдствіи. Люди ѣли траву, всякую падаль, даже человѣческое мясо. Ловили путешественниковъ, убивали и тутъ же жарили. Гостепріимство стало немыслимо при такихъ условіяхъ. Вкусъ къ человѣческому мясу такъ развился, что его употребляли даже послѣ, когда безъ него можно было обойтись и когда голодъ сталъ уменьшаться. Палачъ въ Турнэ, продававшій человѣческое мясо, былъ пойманъ съ поличнымъ. Дѣло дошло до того, что жизнь животныхъ стала безопаснѣе, чѣмъ жизнь человѣка. Когда человѣческое мясо стали продавать на рынкѣ, продавцовъ

([1]) Radulphus monachus. Hist. sui temporis libri V, — Bouquet. Recueil; VIII, 238. Упомянутое мѣсто находится въ III книгѣ.

сожигали, но любители тайкомъ добывали трупы и продавали. Три года продолжался этотъ голодъ. Люди умирали массами, цѣлыми селеніями, а трупы ихъ вмѣсто кладбища зарывали въ большія ямы, человѣкъ по 500 или 600. Этотъ голодъ былъ одной изъ существенныхъ причинъ благодѣтельнаго учрежденія „Божьяго мира“ (Pax Dei), или точнѣе „перемирія“ (Treuga Dei). Этотъ союзъ, какъ мы уже говорили, былъ составленъ по инициативѣ духовенства противъ насилія феодальныхъ разбойниковъ ([1]). Въ самомъ дѣлѣ, тогда не было другой власти, кромѣ духовной. Королевская власть была ничтожна, она не простиралась дальше феода. Чѣмъ дальше отстояли отъ короля извѣстныя области, тѣмъ незначительнѣе была въ нихъ его законная власть. Даже ближайшіе феодалы часто игнорировали короля.

У Капетинговъ того времени, какъ у Генриха I и его преемника, короля французскаго Филиппа I, не было даже стремленія къ усиленію своей власти. Свои постановленія Генрихъ и Филиппъ считали обязательными только для своихъ феодаловъ; дружинные сеймы каролингской эпохи давно вышли изъ употребленія. Учрежденія Карла Великаго, гарантировавшія порядокъ, были разрушены, а новаго не было ничего создано. Не только у отдѣльныхъ сословій, но и въ отдѣльныхъ мѣстахъ были особенныя права и привилегіи. Прежніе писанные законы замѣнены новыми. „Что ни колокольня, говоритъ старая французская пословица, то свой законъ“. Южныя провинціи Франціи рѣзко отличались отъ сѣверныхъ, а въ послѣднихъ не могли утвердиться дѣйствительныя права Капетинговъ. Тому мѣшали сильные феодалы, какъ герцоги Нормандіи и Бургундіи, графы Фландріи, Шампани, Вермандуа, Анжу и др. Даже въ собственномъ феодѣ король не могъ безопасно ѣздить изъ одного города въ другой. Между городами и землями короля возвышались гордые замки бароновъ Куси, Монфоръ, Монлери, Монморанси. То были бароны, стяжавшіе себѣ громкія разбойничьи имена. Башня замка Куси, разрушенная въ XIV в., видна до сихъ поръ; она и теперь еще имѣетъ 25 саженъ въ вышину и 42 въ обхватъ. Ея владѣтель говорилъ: „я ни Богъ, ни король, ни князь, ни графъ, а просто господинъ Куси“. Когда владѣльцы пріоб-

Филиппъ I (1060-1108 г.).

([1]) Вопросъ этотъ подробно изложенъ выше на стр. 424—427.

рѣли права наслѣдія, то имъ было нечего бояться короля. Теперь феодалы ничего и никого не опасаясь, грабили даже владѣнія самого короля. Средневѣковыя лѣтописи подробно передаютъ насилія и своевольство феодаловъ; XI вѣкъ имѣлъ въ этомъ отношеніи печальную славу. Напримѣръ, баронъ Куси, Эбанъ, гордый своими походами на мавровъ, безнаказанно опустошалъ предѣлы Реймской эпархіи, опираясь на родственныя связи съ домами Шампани и Лотарингіи.

Наконецъ, король выростилъ сына, защитника своихъ интересовъ; это былъ Луи, прозванный впослѣдствіи Толстымъ. Первые Капетинги, какъ мы видѣли, были лишены воинственности; Луи же съ молодыхъ лѣтъ обнаружилъ блестящую храбрость. Онъ первый изъ Капетинговъ обнажилъ мечъ на защиту порядка и правъ короля. Средства у Луи VI были не велики; онъ былъ окруженъ лишь сотнею преданныхъ рыцарей. Эти рыцари были связаны съ нимъ узами тѣснѣйшей дружбы и были постоянными сотрудниками во всѣхъ его предпріятіяхъ. Онъ первый обнажилъ мечъ въ защиту „порядка и мира". Когда Сугерій въ главѣ 13 своей Vita Ludovici Grossi записалъ этотъ фактъ, то это значило, что династія Капетинговъ съ этого времени вышла изъ вѣковаго униженнаго положенія. Именемъ королевскаго величества Луи первый сталъ требовать отъ вассаловъ строгаго повиновенія. Подобныя выраженія не встрѣчались у его предшественниковъ. Луи пошелъ на грабителя и въ два мѣсяца раззорилъ огнемъ и мечемъ земли барона Куси. Особенно много нужно было бороться съ владѣтелемъ Монлери, Гвидономъ Трусселемъ. Прежде онъ обиралъ путниковъ и не позволялъ Капетингамъ проѣзжать чрезъ свои земли. Но послѣ пораженія, ему пришлось выдать свою дочь за втораго сына короля, Филиппа, а въ приданое отдать свой замокъ. Но Луи оставилъ пріобрѣтеніе за собой и обмѣнялся съ братомъ другими землями. Такой пунктъ нужно было держать подъ особеннымъ надзоромъ. Даже Филиппъ понималъ значеніе этого замка. — „Сынъ мой, говорилъ умирающій Филиппъ Луи VI, береги хорошенько эту башню, которая причинила мнѣ столько досады; я успѣлъ состарѣться, пока пріобрѣлъ ее". Впрочемъ, Филиппъ былъ мало способенъ къ труду; онъ правилъ государствомъ почти 50 лѣтъ. Въ 1090 г. Филиппъ удалилъ свою жену Берту, чтобы вступить въ бракъ съ женою Фулько IV, графа Анжуйскаго, Бертрадой. Онъ

увезъ ее отъ живаго мужа и обвѣнчался. Духовенство не признало этого брака, хотя прежній мужъ не претендовалъ на похищеніе. Напротивъ, онъ пріѣзжалъ ко двору и садился у ногъ королевы, а Филиппъ садился рядомъ съ ней. Церковь настаивала на разводѣ, но Филиппъ продолжалъ эту связь. Бертрада ненавидѣла Филиппа; она пыталась отравить его, но не удачно. Луи хотѣлъ отомстить Бертрадѣ, но отецъ помѣшалъ ему. Однако старикъ подъ конецъ жизни долженъ былъ принести покаяніе предъ папскими легатами. Это нисколько не помѣшало ему до послѣдней минуты держать около себя Бертраду. Послѣ смерти Филиппа все управленіе легло на одного Луи VI. Когда онъ вступилъ на престолъ въ 1108 г., то внесъ въ жизнь Франціи новыя идеи. Съ этого времени Капетинги начинаютъ проявлять энергію и силу воли. Эти качества благотворно отозвались на дальнѣйшей судьбѣ Франціи.

Датчане въ Англіи.

Въ германской и французской исторіи мы дошли до начала XII вѣка. Къ этому времени исторія и другихъ странъ получила такой же характеръ. Внутренній строй сталъ тоже одинаковъ для всѣхъ христіанскихъ странъ, за исключеніемъ того, что на англійскій народъ повліяло норманское завоеваніе, а на христіанскую Испанію мусульманское господство и то сопротивленіе, которое оно вызвало въ христіанахъ.

Сперва остановимся на Англіи. Эта страна была раздираема враждой двухъ германскихъ племенъ: саксовъ и скандинавовъ. Насильственное поселеніе скандинавовъ вызвало страшное сопротивленіе со стороны угнетенныхъ англосаксовъ. Эта борьба кончилась изгнаніемъ и погромомъ датчанъ и торжествомъ угнетенной національности (въ 1041 году). Но эти усилія англо-саксовъ не дали имъ окончательнаго торжества, рѣшительнаго успѣха. Плѣнный пастухъ Годвинъ и его сынъ Гарольдъ, главные виновники освобожденія англо-саксовъ отъ датчанъ, пригласили на престолъ Эдуарда III, потомка Альфреда Великаго, изъ Нормандіи, какъ сына законнаго короля англо-саксовъ съ тѣмъ, чтобы Эдуардъ женился на дочери Годвина. Но Эдуардъ не оправдалъ ожиданій англо-саксовъ.

Норманны въ Англіи.

Пребываніе въ Нормандіи невыгодно отозвалось на немъ; онъ сталъ чуждъ для большинства своихъ соотечественниковъ; языкъ ненавистнаго народа былъ языкомъ его молодости; онъ

самъ выросъ чуждымъ отечеству; его друзья и близкіе остались за моремъ. Ему было поставлено между прочимъ въ условіе не привозить съ собой много норманновъ; впрочемъ норманны въ большомъ числѣ сами прибыли вслѣдъ за нимъ. Всѣ тѣ, которые любили его, устремились къ англійскому двору. Эдуардъ долженъ былъ принять, даже приблизить къ себѣ этихъ людей, въ благодарность за оказанное ему гостепріимство въ Нормандіи. Неодолимая привязанность къ норманнамъ такъ овладѣла королемъ, что онъ сталъ раздавать имъ высшія гражданскія и военныя должности. Это имѣло важныя послѣдствія въ будущемъ. Англійскія крѣпости были ввѣрены охраненію норманновъ. Туземное духовенство изъ Нормандіи постепенно переходитъ въ Англію на высшіе посты. У Эдуарда оказалось значительное количество родственниковъ, которые въ свою очередь выдвигали своихъ приверженцевъ. Лѣтопись говоритъ, что всякій, кто только просилъ на галльскомъ (т. е. норманскомъ) языкѣ, не получалъ отказа. Это норманское нарѣчіе даже вытѣснило изъ двора отечественный языкъ, осмѣиваемый заѣзжими иностранцами. Всякій, поддѣлываясь къ королю, говорилъ норманскимъ языкомъ; всѣ, даже знатные саксы, желая понравиться королю, старались говорить на придворномъ языкѣ даже въ своихъ домахъ. Они оставили свои длинныя саксонскія одежды и нарядились въ платье норманскаго покроя. Даже въ грамотахъ и посланіяхъ они, подражая норманнамъ, перестали писать свои имена на актахъ государственныхъ, а привѣшивали къ документамъ по норманскому обычаю восковыя печати.

Оппозиція патріотовъ и Годвинъ.

Однимъ словомъ всѣ національные обычаи были пренебрежены и сохранились только въ средѣ простаго народа. Понятно, что такія новшества вызвали оппозицію. Во главѣ ея явился Годвинъ, которому самъ король былъ обязанъ престоломъ. Въ его семействѣ и кружкѣ явно осмѣивали норманскія нововведенія. Голосъ народа поддерживалъ его противъ норманновъ, которые въ будущемъ грозили поработить Англію. Національный англо-саксонскій лѣтописецъ съ грустью записалъ объ этой несчастной судьбѣ своихъ соотечественниковъ: „Всемогущій Богъ указалъ разомъ два способа для истребленія англо-саксонскаго народа, какъ бы желая направить на него вражескій и коварный народъ. Съ одной стороны Онъ

послалъ на насъ датчанъ: съ другой скрѣпилъ нашъ союзъ съ норманнами для того, чтобы мы, если выдержимъ удары датчанъ, не могли избѣжать гибели отъ коварства норманновъ". Противъ Годвина сталъ дѣйствовать самъ король втихомолку и явилась большая норманская придворная партія, стремившаяся укрѣпить норманское господство. За Годвина былъ народъ, который возсталъ подъ начальствомъ сына Годвина, Гарольда, и потребовалъ преданія суду придворныхъ норманновъ. Король отвѣчалъ воззваніемъ къ норманнамъ и датчанамъ, прося вооружиться, чтобы разогнать непокорныя толпы. Но королевскія войска, за исключеніемъ датчанъ и норманновъ, шли на своихъ съ понятною неохотою. Они громко роптали и потомъ на отрѣзъ отказались сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Рѣшено было заключить перемиріе. Видя, что дѣло серьезно, король самъ принялъ начальство надъ войскомъ и отправился противъ мятежниковъ, не дожидаясь рѣшенія совѣта, собраннаго въ Лондонѣ. На этотъ разъ онъ врасплохъ засталъ противниковъ. Годвинъ и Гарольдъ были преданы суду. Но они отказались явиться на судъ въ Лондонъ, гдѣ властвовалъ и господствовалъ король. Тогда они были объявлены ослушниками и изгнаны изъ Англіи. Дочь Годвина, на который былъ женатъ король, послѣ гибели своего отца, была лишена всего имущества и заключена въ монастырь.

Робертъ Дьяволъ. (1028—35 г).

Норманны стали прибывать въ большомъ числѣ. Между прочимъ прибылъ въ Англію герцогъ Нормандскій Вильгельмъ, побочный сынъ Роберта, прозваннаго „Великолѣпнымъ". Въ большихъ хроникахъ о герцогахъ Нормандскихъ (Chronique des ducs de Normandie), относящихся къ XIII вѣку, изданныхъ впослѣдствіи бенедиктинцами конгрегаціи св. Мавра, разсказывается романическое происхожденіе Роберта и Вильгельма, какъ представляли это преданія XIII вѣка [1]).

По этимъ преданіямъ, Робертъ былъ проклятъ еще во чревѣ матери, соблазненной сатаной. Онъ былъ такимъ образомъ осужденъ еще до рожденія и потому прозванъ въ народѣ „Дьяволомъ". Возвращаясь однажды съ охоты, Робертъ

(1) О Робертѣ, какъ извѣстно, сложился цѣлый эпосъ, получившій особенный интересъ, благодаря либретто французскаго писателя Скриба для извѣстной оперы Мейербеера, составившей эпоху въ исторіи музыки.

встрѣтилъ у ручья дѣвушку, мывшую бѣлье, по имени Арлету. Съ согласія отца и дяди отшельника, она вошла въ домъ герцога на правахъ жены; ея ребенокъ Вильгельмъ былъ воспитанъ съ особенною заботою. Ему минуло 7 лѣтъ, когда отецъ его Робертъ отправился пѣшкомъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, и, въ виду предстоящаго странствованія, передалъ ему престолъ, заручившись клятвой отъ норманскихъ бароновъ въ вѣрности. Норманскимъ вассаламъ было по душѣ имѣть малолѣтняго герцога и потому они охотно присягнули Вильгельму. Робертъ умеръ въ Никеѣ. Тогда французскій король Филиппъ старался поддержать Вильгельма на престолѣ, потому что ему было очень невыгодно малолѣтство герцога.

Англія и Нормандія до завоеванія.

Изъ Вильгельма выросъ отважный воинъ, но мстительный и злой правитель; его мучило незаконное происхожденіе, за которое онъ мстилъ своимъ подданнымъ. Объѣзжая Англію, Вильгельмъ съ удивленіемъ увидѣлъ сильное норманское вліяніе въ этой странѣ: норманны были во флотѣ, на военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ должностяхъ. Это не могло не поселить въ Вильгельмѣ мысли объ успѣшномъ и легкомъ завоеваніи этой уже достаточно норманизованной страны.

Вѣроятно, боясь лишнихъ проявленій дружбы между Вильгельмомъ и Эдуардомъ и усиленія норманскаго вліянія, Годвинъ сдѣлалъ высадку въ Кентъ и пошелъ на Лондонъ. Король и теперь вовсе не былъ приготовленъ къ защитѣ края. Онъ долженъ былъ уступить во всемъ Годвину и примириться съ національной англо-саксонской партіей. Тогда норманны начали покидать Англію. Первымъ бѣжалъ архіепископъ Кентерберійскій. На рыбачьихъ лодкахъ норманскіе рыцари, прелаты и священники спѣшили къ берегамъ Нормандіи. Всѣ они спасались отъ раздраженнаго англо-саксонскаго населенія на континентѣ.

Тогда, предъ собраніемъ мудрыхъ, которое назначилъ самъ народъ, Годвинъ оправдался въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ. Тутъ оформлено было изгнаніе изъ Англіи всѣхъ норманновъ, какъ враговъ общественнаго спокойствія. Годвинъ пошелъ босой на поклоненіе въ Іерусалимъ, и умеръ на обратномъ пути, исполнивъ въ точности свой обѣтъ. Безъ него король снова пытался приблизить къ себѣ норманновъ, но Гарольдъ, преемникъ Годвина, не допускалъ до этого.

Около 1060 года Англія вооружила противъ себя папскую курію, переставъ вносить ежегодный динарій св. Петру и ограничившись по отношенію къ Риму только частными пожертвованіями. За это въ Римѣ обвинили англійскихъ епископовъ въ симоніи; архіепископу Іоркскому отказали въ палліумѣ. Новый архіепископъ Кента, саксъ родомъ, не былъ признанъ и ему велѣно было возвратить свою должность, какъ насильственно похищенную. Правда, антипапа Бенедиктъ X далъ ему палліумъ; но скоро Бенедиктъ былъ самъ низложенъ. Поэтому произошло то, что старшій прелатъ Англіи остался безъ посвященія. Затѣмъ явился предлогъ къ папскому вмѣшательству и къ союзу Рима съ Вильгельмомъ нормандскимъ. При нормандскомъ дворѣ жилъ ломбардскій монахъ Ланфранкъ, замѣчательный богословъ своего времени, которому схоластика обязана прочной постановкой. Папа не одобрилъ брака герцога съ его родственницей, но Ланфранкъ сталъ ходатайствовать за герцога передъ римскимъ дворомъ и достигъ своей цѣли. Это содѣйствіе дало вліяніе Ланфранку, который не любилъ Англію и склонилъ папу къ союзу съ Вильгельмомъ противъ островитянъ. Голосъ Ланфранка, какъ извѣстнѣйшаго богослова и защитника куріи, какъ замѣчательнаго писателя вообще, былъ весьма авторитетенъ въ Римѣ. Рѣшено было въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ оружію, а теперь рѣшили подкупами и буллами поддержать притязанія Вильгельма на Англію. Къ несчастію, Гарольдъ въ 1065 г. самъ отправился въ Нормандію для выкупа заложниковъ. Этимъ онъ отдался въ руки ловкаго Вильгельма. Послѣдній вынудилъ отъ этого главнаго ратоборца саксонской народности согласіе на признаніе его королемъ въ случаѣ смерти Эдуарда, при чемъ Гарольдъ обѣщалъ поддержать Вильгельма, сдать ему Дуврскій замокъ и жениться на его дочери. Конечно, всѣ эти обѣщанія были вынуждены. Гарольду грозили заточеніемъ, даже смертью въ случаѣ отказа. Болѣе важно было то, что Гарольдъ поклялся въ этомъ торжественно и положилъ руку на мощи, не подозрѣвая ничего подобнаго. Гарольдъ затрепеталъ, когда покрывало было открыто и подъ его рукою оказался кіотъ съ реликвіями. Гарольдъ былъ отпущенъ, а его братъ былъ оставленъ заложникомъ при нормандскомъ дворѣ.

Вернувшись, Гарольдъ разсказалъ королю о своемъ вынужденномъ обѣщаніи. Тогда Эдуардъ вспомнилъ, что въ дни молодости онъ необдуманно обѣщалъ Вильгельму престолъ,

но только въ томъ случаѣ, если Вильгельмъ поможетъ ему водвориться въ Англіи. Обстоятельства сложились такъ, что не стало нужды для Эдуарда въ поддержкѣ Вильгельма. И король и Гарольдъ были смущены томительными чувствами и страшными предчувствіями. Къ этому присоединилось негодованіе клерикальной партіи, которая настаивала на примиреніи съ Римомъ. Въ народѣ ходили мрачные толки: имъ овладѣло уныніе. Духовенство распустило слухъ, что нарушеніе клятвы надъ мощами повлечетъ за собой страшныя несчастія. Пророчили такія бѣдствія, какихъ саксы никогда еще не испытывали съ тѣхъ поръ, какъ пришли сюда. Предсказывали вторженіе изъ-за моря невѣдомаго народа и опустошеніе страны. Къ несчастію, все это сбылось.

Король Гарольдъ (1066 г.).

Король былъ близокъ къ смерти. Онъ уносилъ въ могилу тяжелыя предчувствія. Онъ долго мучился на смертномъ одрѣ, но имѣлъ еще силу передать престолъ Гарольду, хотя въ Англіи былъ законный наслѣдникъ престола Эдгаръ, внукъ Эдмунда „желѣзные бока“. Но Гарольдъ одинъ былъ способенъ противостоять предстоящей опасности и защитить саксонскую національность. Въ его царствованіе появилась послѣдняя попытка отвратить норманское вторженіе. Эта реакція не продолжалась и года. Вильгельмъ, обрадованный извѣстіемъ о смерти Эдуарда, потребовалъ у Гарольда исполненія клятвы и женитьбы на его дочери. Гарольдъ отказался передать престолъ и взять норманскую невѣсту. „Я обѣщалъ то, что мнѣ не принадлежало и чего я не могъ исполнить: королевская власть не есть моя собственность; я не могу безъ согласія народа взять въ супруги иностранку“. Вильгельмъ настаивалъ уже только на послѣднемъ, т. е. на бракѣ своей дочери; но послѣ вторичнаго отказа онъ приготовился къ войнѣ. На всемъ материкѣ были возмущены саксонскимъ вѣроломствомъ и кощунствомъ, какъ тогда говорили. Вильгельмъ обратился къ папѣ Александру II съ просьбой разобрать дѣло. Папа вызвалъ Гарольда; но Гарольдъ не явился, справедливо не довѣряя безпристрастію верховнаго римскаго судьи ([1]).

([1]) Изъ лѣтописцевъ эпохи важнѣйшіе: Вильгельмъ Мальсбёри († 1147 г.), написавшій исторію англійскихъ королей отъ 449–1126 г. (Libri de rebus gestis rerum Anglorum). Продолженіе труда Маль-

Походъ Вильгельма на Англію.

Тѣмъ не менѣе 400 большихъ кораблей и 1000 парусныхъ судовъ съ 60 тысячами человѣкъ войска, хорошо вооруженнаго, вышли въ море 27 сентября 1066 года ([1]). У Вильгельма нашелся союзникъ въ лицѣ Гарольда, викинга Норвегіи, который тоже пошелъ на нѣсколькихъ стахъ судовъ на Англію. Въ своихъ удобныхъ для рѣчнаго плаванія судахъ норвежскій викингъ подошелъ къ Іорку. Но здѣсь ждалъ его король Гарольдъ, который, разбивъ его, заставилъ его покинуть берега Англіи. Хотя Гарольдъ былъ тяжело раненъ въ этой битвѣ, но поспѣшилъ на защиту прибрежья. Чрезъ нѣсколько дней послѣ высадки Вильгельма произошла рѣшительная битва. Предъ началомъ ея Вильгельмъ предлагалъ Гарольду удержать земли на сѣверъ отъ Іорка и уступить ему только южную часть. Тотъ не согласился. Вильгельмъ потребовалъ признать посредничество папы и предложилъ при случаѣ рѣшить дѣло поединкомъ. Гарольдъ отказалъ въ томъ и въ другомъ. Тогда противники предоставили рѣшеніе спора оружію. Вильгельмъ побѣдилъ Гарольда, павшаго въ этой битвѣ подъ

бёри сдѣлано было анонимомъ до 1143 г. Другой замѣчательный лѣтописецъ первой половины XII в., Ordericus Vitalis въ своей «historia ecclesiastica» говоритъ о томъ же страшномъ «раззореніи». Его исторія переведена аббатомъ Дюбуа на французскій языкъ и помѣщена въ сборникѣ лѣтописей Гизо отъ XXV по XXVII томъ включительно. Тѣми же словами говоритъ и анонимный авторъ «Chronicum Saxonicum sive Annales rerum in Anglia gestarum a Chr. natu usque ad 1154». Эти annales, въ началѣ ничтожные, тщательно ведены авторомъ отъ времени Альфреда Великаго. Для Вильгельма Завоевателя непосредственно—должно пользоваться трудомъ Guillelmus Pictaviensis родомъ изъ Пуатье—«Gesta Guilelmi II, ducis Normannorum, regis Anglorum I», онъ умеръ въ 1098 г.; его произведеніе помѣщено въ сборникѣ Гизо, въ XXIX т. во фран. пер.

Для характеристики нравовъ и взаимныхъ отношеній общественныхъ классовъ служитъ сочиненіе Ingulfus—«historia ablatiae Croylandensis» отъ 626—1091 г. Затѣмъ о той же эпохѣ говорятъ позднѣйшіе лѣтописцы второй половины XII и первой половины XIII вѣка, какъ то: Guilelmus Neubrigensis seu Parvus—Rer. Angl. l. V (1066—1197), Роджеръ Вендоверскій и Матвѣй Парижскій, общій трудъ которыхъ «Chronica major sancti Albani»—обнимаетъ періодъ отъ 1066 до 1259 года, при чемъ періодъ отъ 1066 до 1240 года описанъ Роджеромъ, а остальное принадлежитъ Матвѣю. Эта замѣчательная, самая обширная изъ всѣхъ средневѣковыхъ хроникъ, переведена на французскій языкъ Huillard—Bréholles въ 9 томахъ. Подробно о ней говорится въ приложеніи. Оригиналы памятниковъ помѣщены въ сборникѣ англійскихъ лѣтописцевъ и у Duschesne (Scriptores historiae Normannorum. Paris. 1649, 5 f.).

([1]) О Вильгельмѣ I Завоевателѣ выдаются популярностью изложенія двѣ англійскихъ монографіи: Roscoe (Life of William the Conquestor. L. 1848) и Abbot (L. 1850).

Гастингсомъ. Все было удивительно въ этомъ смѣломъ до безграничности предпріятіи, замѣчаетъ лѣтописецъ: и случай и успѣхъ.

Вильгельмъ I, король Англіи (1066—87 г.).

Въ 1066 году еще не кончилось покореніе Англіи. Вильгельмъ взялъ Лондонъ и принялъ титулъ англійскаго короля, но борьба англо-саксонской и норманской національностей продолжалась еще 4 года. Короля короновали въ Лондонѣ тогда же, при звукѣ мечей и заревѣ зажженнаго города. При коронаціи Вильгельмъ далъ клятву поступать съ саксами такъ, какъ поступали бы лучшіе изъ выбранныхъ королей, но вскорѣ на дѣлѣ доказалъ, на сколько считалъ нужнымъ держать свое обѣщаніе. Онъ велѣлъ описать имущества англо-саксовъ, которые прямо или косвенно участвовали въ войнѣ. Были переписаны имена всѣхъ погибшихъ въ битвѣ, а равно и тѣхъ, которые замышляли, но еще не успѣли присоединиться къ войскамъ Гарольда. Эта перепись была сдѣлана тщательно, со свойственною тогдашнимъ норманамъ аккуратностью. Дѣти убитыхъ и оставшихся въ живыхъ были лишены наслѣдства безвозвратно; лицамъ же, не поднимавшимъ открыто оружія противъ завоевателей, была оставлена надежда на полученіе ихъ имуществъ впослѣдствіи, такъ что дѣти ихъ могли разсчитывать хотя на часть отцовскаго наслѣдства. Но это была надежда тщетная, неисполнившаяся. Все, добытое путемъ грабежей, пошло на удовлетвореніе алчности новаго короля и на награды его достойнымъ сподвижникамъ. Лично для себя Вильгельмъ взялъ казну прежнихъ королей, церковныя имущества и все цѣнное изъ предметовъ роскоши. Часть этихъ богатствъ король послалъ папѣ и роздалъ по тѣмъ церквамъ и монастырямъ, гдѣ пѣлись молебны за успѣхъ норманскаго оружія. Имъ онъ дарилъ золотые кресты, сосуды и парчу. Затѣмъ принялись за разверстку добычи между вассалами по ихъ степенямъ и сообразно договору. Начальникамъ и рыцарямъ были даны большія владѣнія: замки, села и цѣлые города; простымъ лицамъ даны меньшія доли. Такимъ образомъ грабежъ принялъ какъ-бы законную форму. Одни просили имуществъ, другіе руки богатыхъ наслѣдницъ, третьи наложницъ; король щедрою рукою расточалъ богатства направо и налѣво.

По мѣрѣ того, какъ норманскія знамена подвигались впередъ, все исполнялось ужаса и скорби: мужчины подвер-

гались ограбленію и рабству, женщины—насиліямъ и поруганію, ибо тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не брали въ жены, брали въ фаворитки. Самый ничтожный изъ норманновъ, послѣдній изъ этихъ пришлецовъ, входилъ въ домъ знатнѣйшаго сакса на правахъ побѣдителя. „Эти разбойники не узнавали сами себя,—говоритъ Вильгельмъ Мальсберійскій,—они обезумѣли отъ торжества; видя столькихъ людей въ своей власти; они позволяли себѣ все, лили кровь безсознательно и безжалостно вырывали послѣдній кусокъ хлѣба изъ рта несчастнаго; они отнимали все: вещи, деньги, землю, честь, жизнь“. Всѣ эти жестокости подробно и яркими красками описаны и у другихъ современныхъ лѣтописцевъ.

Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, что раззореніе было общее, но не въ одинаковой степени; города пострадали иначе, чѣмъ деревни. Раззореніе было сноснѣе по мѣрѣ удаленія къ сѣверу. Земли и имущества знатнѣйшихъ саксовъ переходили безвозвратно въ руки завоевателей. Какъ легко доставались тогда богатства, видно изъ того, что впослѣдствіи норманны проигрывали въ кости цѣлые города. Саксы мстили за притѣсненія, какъ могли. „Понятно, говоритъ Лаппенбергъ, что побѣжденные саксы дѣлались разбойниками, если ихъ лишали всего; за ними не признавали принадлежащихъ имъ имуществъ, потому что у нихъ не было грамотъ съ восковыми печатями, какъ требовалось норманскими обычаями“. Можно представить себѣ положеніе дѣлъ, если каждый могъ отобрать все имущество сакса безъ всякаго на то распоряженія свыше. Ингульфъ замѣчаетъ, что такъ продолжалось до переписи, которую начали дѣлать въ 1080 году.

Перепись.

При всей своей суровости Вильгельмъ чувствовалъ необходимость организаціи страны. Онъ не могъ примирить враждовавшія народности; онъ самъ понималъ это и притѣснялъ саксовъ до конца своей жизни. Но черезъ 20 лѣтъ по завоеваніи, Вильгельмъ, по крайней мѣрѣ, гарантировалъ собственность, приведя въ извѣстность народныя имущества. Съ этою цѣлію приказано было составить подробную перепись всѣхъ помѣстій съ показаніемъ ихъ цѣнности, именъ владѣльцевъ и количества доходовъ,—перепись сохранившуюся во всей полнотѣ подъ именемъ „Думдэйбукъ“ (Domedaybook), или „книги дня воскресенія“, „судной воскресной книги“. Эта перепись важнѣйшій памятникъ для исторіи экономическаго быта въ

средніе вѣка вообще. Но прежде чѣмъ говорить о ней, полезно остановиться на болѣе раннемъ памятникѣ экономическаго характера, относящемся къ эпохѣ Карла Великаго. Эта опись Ирменона, аббата монастыря S. Germain des Prés въ окрестностяхъ Парижа,—памятникъ, по имени аббата, называемый „la Polyptique d'Irménon".

Изъ сравненія этихъ двухъ интересныхъ памятниковъ ранняго времени, IX и XI вѣковъ, можно видѣть, насколько ушла впередъ экономическая жизнь въ 2½ столѣтія, на сколько измѣнились условія соціальнаго и экономическаго строя Европы.—Начнемъ съ Политики, какъ памятника болѣе древняго(¹).

Политика Ирменона. Политика застаетъ общество въ интересный моментъ организаціи феодальной системы.

Въ ней опредѣляются границы аббатства, составъ и способы обработки земли, обязательства и феодальныя условія въ эпоху Карла Великаго и его преемниковъ. Изъ нея мы узнаемъ, сколько лицъ входило въ составъ одного семейства, какъ они назывались, къ какому классу принадлежали, какія должны были нести подати и обязанности; все это даетъ намъ возможность судить объ экономическомъ состояніи и о дѣйствовавшихъ тогда мѣрахъ и постановленіяхъ. Такъ мы узнаемъ, что лѣсъ въ то время не имѣлъ никакой цѣны; доходъ съ гектара земли, покрытой лѣсомъ, едва равнялся 30 копѣйкамъ. Вся цѣнность заключалась въ пахатной землѣ, цѣнность которой съ теченіемъ времени падала. Такъ, участокъ земли, дававшій въ разсматриваемое время до 700 тыс. франковъ, въ XVIII вѣкѣ не давалъ и 150 тысячъ. Сословныя отношенія того времени представлялись въ четырехъ классахъ: свободные, колоны, лиды и сервы или рабы. Подъ именемъ свободныхъ тогда разумѣлись всѣ тѣ, кои пользовались правомъ свободнаго передвиженія. Свободные подраздѣлялись на 3 категоріи: 1) свободные съ собственностію и юрисдикціею, 2) свободные съ собственностью, но безъ юрисдикціи и 3) свободные лично, но необладавшіе не только юрисдикціею, но даже и собственностью. Колонъ былъ привязанъ къ землѣ и пріобрѣталъ право пользоваться ею только платежемъ оброка; онъ долженъ былъ жить и умереть на ней, какъ растеніе на почвѣ. Лиды

(¹) Политика основательно издана ученымъ Гераромъ въ 1834 г., составившимъ черезъ то себѣ извѣстность.

были тоже прикрѣплены къ землѣ и были обязаны нести еще большія повинности, чѣмъ колоны. Сервы или рабы въ собственномъ смыслѣ слова представляли собою людей безъ всякой самостоятельности и собственности; они могли быть продаваемы или отчуждаемы и представляли собою нѣчто въ родѣ движимой собственности своего господина. Земли аббатства отдавались въ аренду по участкамъ и такіе земельные участки назывались mansi; эти mansi были наслѣдственны. Арендная плата была очень не высока сравнительно со стоимостью земли; доходъ съ манзы въ 10 гектаровъ земли давалъ—13½ франковъ, а въ каждомъ хозяйствѣ было по крайней мѣрѣ 6 гектаровъ.

Что же представляетъ другой памятникъ, т. е. англійская перепись? Она имѣетъ болѣе обширное практическое значеніе. Въ ней дѣло идетъ не объ одномъ какомъ-либо аббатствѣ, а о цѣломъ государствѣ. Эта книга служитъ для изученія англо-саксонскихъ и норманскихъ учрежденій, доходовъ короля и его вассаловъ, вообще для уразумѣнія административныхъ, юридическихъ, а также городскихъ установленій у англо-саксовъ и норманновъ и представляетъ собою весьма полновѣсный сборникъ всевозможныхъ статистическихъ данныхъ. Эта книга, говоритъ Лаппенбергъ, которымъ мы будемъ пользоваться при разсмотрѣніи памятника, надолго останется въ высшей степени интересною для любознательнаго потомства. Болѣе точное пониманіе этой книги должно лежать въ основѣ всякаго историческаго изслѣдованія объ Англіи, въ особенности же средневѣковой исторіи этой страны. Это— картина, написанная большею частію цифрами; тѣмъ не менѣе она представляетъ не какой либо краткій очеркъ, но скорѣе фактическое толкованіе лѣтописей и юридическихъ актовъ. Въ ней, не смотря на пропуски и недостатки, живыми красками изображено политическое состояніе Англіи подъ конецъ царствованія Вильгельма Завоевателя. Въ ней ярко просвѣчиваютъ нѣкоторыя статистическія и касающіяся государственнаго устройства данныя, которыя сообщаютъ намъ

Воскресная книга.

(¹) Въ первый разъ она напечатана въ 1783 году, по повелѣнію короля Георга III; затѣмъ второе изданіе ея сдѣлано Kelham'омъ въ 1833 г. Лучшій обзоръ Воскресной книги или «Винчестерскаго свертка» (Rotulus Vintoniae) сдѣлано Лаппенбергомъ въ его Geschichte von England и Огюстеномъ Тьерри въ «Исторіи завоеванія Англіи норманнами».

наглядныя понятія о бѣдствіяхъ Англіи и положеніи ея завоевателей“. Изъ этой книги Лаппенбергъ дѣлаетъ заключеніе, что населеніе Англіи въ ту пору простиралось до двухъ милліоновъ, изъ коихъ рабовъ было только 25 тысячъ. Число свободныхъ владѣльцевъ и непосредственныхъ вассаловъ короля, со включеніемъ духовенства, простиралось до 1400. Изъ нихъ большая часть имѣла по одному помѣстью, другіе же, а именно братья короля, владѣли большими имѣніями, разсѣянными по всей Англіи. Второстепенныхъ вассаловъ значилось въ тогдашней Англіи до 8000. Число остальныхъ, упоминаемыхъ въ „думдейбукѣ“, владѣльцевъ или хозяевъ-собственниковъ простиралось до 250 тыс. съ виланами (ceorlas по саксонски). Норманскими коммисарами не всегда были записываемы монахи, крѣпостные, воины и горожане. Въ ту цифру входитъ только 1000 священниковъ и до 8,000 жителей городовъ— явно ничтожная доля.

Непосредственно для соціальной исторіи важны классы: — liberi homines, commenadati, sokemannen, bordarii и др.. Первыхъ считалось болѣе 10,000, вторыхъ — до 2,000. Здѣсь liberi нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ. Какъ людей свободныхъ, такъ и людей покровительствуемыхъ, нельзя считать безусловно свободными поземельными собственниками, и названія, данныя имъ, служатъ только для того, чтобы опредѣлить ихъ личныя отношенія къ тѣмъ вассаламъ, во владѣніи (dominium) которыхъ состоятъ они сами или ихъ помѣстья. По правамъ своимъ, къ классу свободныхъ людей ближе всего подходилъ классъ такъ называемыхъ сакемановъ (sokemannen). Они приносили присягу въ вѣрности и вассальной преданности (homagium) и несли извѣстныя повинности и подати. Всѣ упомянутыс общественные разряды соотвѣтствуетъ первому и второму классамъ, означеннымъ въ „Полиптикѣ“. Какъ видно, они поставлены были въ болѣе или менѣе благопріятныя экономическія условія. Не таково было положеніе остальныхъ классовъ, людей зависимыхъ, большая часть которыхъ называлась крестьянами (villani). Ихъ было записано до 110,000. Это были потомки древняго римско-британскаго населенія. Изъ разсматриваемаго документа не видно, чтобы норманское завоеваніе улучшило общественное положеніе этого класса, обремененнаго множествомъ податей и служебныхъ обязанностей; напротивъ, прежнія его условія представлялись гораздо менѣе стѣснительными, вслѣд-

ствіе строгости и неумолимости новыхъ владѣльцевъ. Виланы это прежніе колоны. Среднее мѣсто между виланами и собственно рабами занимали бордаріи, записанные въ количествѣ 82.600 человѣкъ. Этотъ классъ существовалъ только въ Нормандіи и занесенъ былъ въ Англію ея новыми завоевателями. Трудно согласиться съ Лаппенбергомъ, чтобы подъ именемъ бордаріевъ скрывалась норманская дворня, учавствовавшая въ борьбѣ съ англо-саксами и въ выгодахъ завоеванія. Что касается духовенства, то число его не показано, ибо монахи и монастыри были обложены податьми только подъ конецъ царствованія Вильгельма.

Цифры разбираемаго памятника даютъ возможность судить объ ужасахъ опустошенія Англіи. Города и деревни подверглись страшному раззоренію, такъ что первые обезлюдѣли до крайности, а вторыя нерѣдко были совсѣмъ оставляемы жителями. Болѣе всего былъ опустошенъ Іоркширъ, гдѣ изъ 411 человѣкъ всего населенія не ушли только 35 вилановъ и 8 бордаріевъ. Въ городахъ осталось немного домовъ; до завоеванія Іоркъ и Лондонъ насчитывали болѣе 10.000 домовъ. Большое число зданій сильно пострадало частію отъ грабежа и пожаровъ, частію отъ построекъ крѣпостей и замковъ, при сооруженіи которыхъ пользовались старой каменной кладкой и готовымъ матеріаломъ. Мы не знаемъ, сколько осталось домовъ въ Лондонѣ послѣ построенія Тоуэра, но въ Іоркѣ изъ 1800 домовъ осталось только тысяча, а 800 было снесено; въ Рочестерѣ изъ 172 осталась половина; въ богатомъ Норвичѣ. въ которомъ считалось 43 церкви и 1320 домовъ. почти половина зданій погибла. Въ Линкольнѣ для устройства крѣпости потребовалось разломать 166 домовъ, въ Честерѣ изъ 487 домовъ разрушено 205, т. е. почти половина. Но ни одинъ городъ не пострадалъ такъ сильно, какъ Оксфордъ, въ которомъ 300 домовъ было обложено податьми, а остальные 500 или разрушены или разграблены. Только одинъ городъ представляетъ обратное явленіе. Это—Дунвичъ, число жителей котораго возрасло вдвое, что объясняется упадкомъ сосѣдняго ему Норвича. При такомъ раззореніи или, точнѣе, погромѣ, не смотря на всю свою жестокость, Вильгельмъ едва могъ собирать 60.000 марокъ доходовъ. Цифра эта вскорѣ, въ XII вѣкѣ, уменьшилась до 12.000, тогда какъ германскіе императоры, считавшіеся сравнительно менѣе обезпеченными, имѣли доходовъ по 300.000 марокъ. Это уменьшеніе суммы

королевскихъ доходовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ упадкѣ экономическаго состоянія края, о пагубномъ вліяніи на него норманскаго завоеванія.

Смерть Вильгельма Завоевателя.

Вильгельмъ Завоеватель умеръ въ 1087 г. въ Нормандіи, въ разгарѣ войны съ французскимъ королемъ Филиппомъ I и съ своимъ старшимъ сыномъ. Матвѣй Парижскій свидѣтельствуетъ, что онъ пострадалъ на пожарѣ города Нанта; здѣсь, въ церкви св. Маріи, гдѣ онъ сжегъ двухъ монахинь, пламя опалило его. Къ тому же лошадь, перепрыгивая широкій ровъ, ударила короля въ животъ. Болѣзнь такъ развилась, что Вильгельма отвезли въ Руанъ, гдѣ онъ и слегъ въ постель. Послѣднія минуты совѣсть мучила его; онъ старался облегчить ея угрызенія дѣлами милосердія: всѣ плѣнные были отпущены на свободу; изъ сокровищницы онъ приказалъ надѣлить церкви, а большая сумма была отпущена на возстановленіе сожженной церкви св. Маріи. Борьбу съ саксами онъ долженъ былъ оставить въ наслѣдіе своимъ преемникамъ. Не смѣя возстать открыто, покоренные прибѣгали къ тайнымъ убійствамъ, такъ что Вильгельмъ принужденъ былъ подъ конецъ жизни принять суровыя мѣры: онъ приказалъ за каждаго убитаго норманна привлекать къ отвѣтственности 100 саксовъ.

Вильгельмъ II Рыжій (1087-1100 г.).

Онъ завѣщалъ Нормандію старшему сыну своему Роберту, а Англію передалъ Господу Богу, высказавъ только желаніе, чтобы это королевство досталось второму сыну—Вильгельму, котораго прозвали Рыжимъ. У лѣтописца записанъ разговоръ умиравшаго короля по поводу завѣщанія. Слова эти показываютъ, что, при всей своей неразборчивости въ средствахъ, Вильгельмъ не считалъ себя въ правѣ распорядиться престоломъ Англіи.—„Я самъ, говорилъ онъ, добылъ эту страну незаконнымъ образомъ, не по наслѣдству, а силою и человѣческою кровью; ограничиваюсь желаніемъ, чтобы сынъ мой сдѣлался королемъ ея, но, впрочемъ, все въ волѣ Божіей, какъ угодно Господу Богу“. Умершаго бросили сыновья, братья, всѣ близкіе, и придворные изъ страха передъ будущимъ; слѣдомъ за ними бросились бѣжать слуги, предварительно расхитивъ все что было можно. Хоронить брошеннаго Завоевателя было некому; трупъ быстро разлагался. Одинъ бѣдный и сострадательный рыцарь взялъ на себя хлопоты и издержки

погребенія. На суднѣ перевезли тѣло умершаго короля въ Канъ, гдѣ онъ и былъ погребенъ. Не нашлось даже мѣста для праха страшнаго Завоевателя: Меньшему сыну его, Генриху, пришлось заплатить 100 фунтовъ серебра, чтобы удовлетворить притязанія одного вассала, который утверждалъ, что мѣсто, гдѣ погребенъ король, принадлежитъ ему по праву наслѣдства. При самомъ погребеніи случилось несчастіе: когда стали опускать гробъ въ могилу, то оказалось, что она была слишкомъ узка для тучнаго тѣла Вильгельма; когда же стали силою втискивать гробъ, то трупъ короля лопнулъ, и распространилось такое зловоніе, что священники не вынесли запаха и разбѣжались, не окончивъ священныхъ обрядовъ.

Между тѣмъ въ Англіи началась борьба за престолъ. Вильгельмъ Рыжій, захвативъ 60 тысячъ фунтовъ серебра, накопленнаго покойникомъ, не дождавшись погребенія отца, отправился въ Англію и провозгласилъ себя королемъ ея подъ именемъ Вильгельма II. Но значительная часть бароновъ не была довольна новымъ королемъ, совершенно похожимъ характеромъ и склонностями на своего отца. Всѣ надѣялись на лучшее положеніе, если бы удалось возвести на престолъ старшаго сына Вильгельма, Роберта. Поддерживаемый ими, послѣдній сдѣлалъ высадку на островъ; борьба его съ братомъ шла успѣшно; но вдругъ онъ собственнымъ неблагоразуміемъ погубилъ все дѣло. Робертъ помирился съ Вильгельмомъ, предоставивъ ему обладаніе Англіей, а самъ остался герцогомъ Нормандіи, которую, впрочемъ скоро потерялъ. Такимъ образомъ, уже вслѣдъ за смертью Вильгельма Завоевателя, побѣдители начинають ссориться за обладаніе покоренной страной, но для англовъ и саксовъ борьба эта не принесла никакихъ выгодъ; они не могли воспользоваться ею и продолжали страдать по прежнему.

7) Мусульманская и христіанская Испанія.

Въ это время христіанскій міръ былъ увлеченъ борьбой духовной и свѣтской властей,—борьбой, извѣстной подъ названіемъ борьбы за инвеституру. Въ этой борьбѣ подъ внѣшней формой скрывалось великое содержаніе. Духовная власть видимо начала торжествовать съ XI вѣка. Съ ея перевѣсомъ начинаетъ торжествовать все бывшее въ связи съ Цер-

ковью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленіе клерикальнаго направленія въ обществѣ было вызвано военными успѣхами мусульманства, которое къ тому времени сдѣлало громадныя завоеванія. Не только Востокъ былъ подъ пятою халифовъ, но и Западъ съ тревогой ждалъ рѣшенія своей участи. Вотъ почему между прочимъ судьбы мусульманства заслуживаютъ особаго вниманія.

Въ 637 году, съ того дня, какъ Омаръ взялъ Іерусалимъ, когда Европа пребывала еще въ язычествѣ, цѣлыхъ триста лѣтъ владѣли Абассиды Палестиной, пользуясь слабостью Византійскаго императора. Правда, въ 975 г. Іоаннъ Цимисхій, овладѣлъ Сиріей, покорилъ всѣ города Іудеи и освободилъ святой городъ изъ рукъ невѣрныхъ, но, послѣ смерти Цимисхія, Византійская имперія, погрузившись снова въ придворныя дрязги, опять потеряла Іерусалимъ. Европейское человѣчество, тѣмъ временемъ только что вышедшее изъ состоянія язычества, было въ высшей степени склонно обоготворять символы; такъ какъ культъ христіанства представлялся въ тѣсной и неразрывной связи съ жизнію и дѣятельностію Спасителя, то поэтому естественно было сильное влеченіе къ мѣстамъ, ознаменованнымъ событіями Его земной жизни. Эти мѣста навсегда стали священными и великими въ глазахъ каждаго христіанина. Но эти святыя мѣста были уже нѣсколько вѣковъ въ рукахъ невѣрныхъ.

Внутреннее состояніе мусульманскаго міра.

Мы оставили мусульманскій міръ на зарѣ его блеска. Изъ трехъ династій, образовавшихся въ то время въ средѣ мусульманства, каждая имѣла своего собственнаго халифа и каждая изъ нихъ владѣла пространствомъ, несравненно большимъ, чѣмъ всѣ европейскія государства, сложенныя вмѣстѣ. Въ Дамаскѣ была династія Абассидовъ, въ Египтѣ—Фатимидовъ, въ Испаніи, именно въ Кордовѣ — халифатъ Омейдовъ. Просвѣщеніе перешло на Западъ изъ послѣдняго, наименьшаго по численности, но наиболѣе интеллектуальнаго халифата—Кордовскаго. Здѣсь, не только на почвѣ Испаніи, но и Малой Азіи, столкнулись двѣ силы. Мусульманству легко было развивать тутъ свою науку, потому что въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи оно дѣйствовало на той почвѣ, гдѣ прошли двѣ цивилизаціи—римская и греческая; въ Испаніи даже три. Не смотря на погромъ римскаго міра, въ этихъ странахъ все таки остались слѣды просвѣщенія, остались

образовательныя традиціи, которыми не могли не воспользоваться мусульмане. Такимъ образомъ просвѣщеніе не было возбуждено кораномъ, не было развито самостоятельно мусульманами; заслуга мусульманъ въ томъ, что они умѣли воспользоваться цивилизаціей своихъ предшественниковъ — грековъ и римлянъ. Коранъ самъ по себѣ не давалъ этихъ движеній, ибо иначе онъ самостоятельно питалъ европейскую культуру. Такъ какъ просвѣщеніе арабовъ пользовалось памятниками древней литературы и такъ какъ, далѣе, оно могло найти ихъ всего скорѣе на почвѣ Испаніи или въ Александріи, то понятно, что Испанія и Египетъ должны были породить новое направленіе. Коранъ былъ нетерпимъ въ началѣ ко всему чуждому. Когда же онъ столкнулся съ классическими традиціями, то сталъ замѣтно гуманнѣе. Должно замѣтить, что тогда коранъ не обладалъ упругостью послѣдующаго времени; онъ не успѣлъ еще тогда закаменѣть, какъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Напротивъ, мусульманскій міръ той эпохи страдалъ сектаторствомъ несравненно большимъ, чѣмъ христіанство: 73 секты раздирали мусульманство, изъ нихъ главными толками были: шіитскій и суннитскій. Сунниты руководились преданіемъ; среди ихъ многіе занимались разъясненіемъ философскихъ трудностей, рѣшеніемъ догматическихъ вопросовъ, при чемъ мусульманскіе богословы старались разъяснить въ своихъ трактатахъ нѣкоторые весьма интересные религіозные вопросы. Рѣшенія этихъ богословскихъ трудностей не могли не породить различныхъ толкованій, дававшихъ обильную пищу для сектаторскихъ споровъ. Что касается до шіитовъ, которые признавали только коранъ, отвергая преданія, то и они не были изъяты въ свою очередь отъ раздора и раскола. Такъ, иные считали Аллаха воплощеннымъ божествомъ на землѣ, думая, что этотъ Аллахъ существовалъ еще до появленія вещей, что онъ никогда не умиралъ и проч.

Успѣхи мусульманской науки.

Отъ этихъ отвлеченныхъ фантазій отрадно обратиться къ духовной и культурной дѣятельности арабовъ, для которой представлялся большой просторъ въ то время. Арабы занимали все пространство отъ Босфора до Пиринеевъ. Христіане надолго потеряли лучшія провинціи древняго міра, самыя культурныя, самыя плодородныя, самыя богатыя и самыя интеллигентныя. Историческій районъ отъ счастливаго

несторіанъ. Онъ же издалъ повелѣніе, которое къ величайшей чести мусульманъ свято соблюдается ими по сіе время, а именно *чтобы при каждой мечети была открыта школа*. Подъ руководствомъ несторіанъ переводились греческія и латинскія книги на арабскій языкъ и устраивались въ азіатскихъ городахъ библіотеки. Съ своей стороны средневѣковые евреи содѣйствовали успѣху медицины и по преимуществу— точныхъ знаній. Извѣстно, что въ древне-еврейскомъ мірѣ левиты были всегда противъ врачей; но, освободившись отъ ихъ узкаго вліянія, интеллигентные евреи являются сторонниками точныхъ знаній; въ Александріи возрождается центръ ихъ умственной дѣятельности. Евреи были также въ милости у арабскихъ халифовъ; многіе изъ нихъ выдвигались, какъ государственные люди.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе обоюднаго воздѣйствія христіанъ и евреевъ, скоро изсчезла теологическая система ученія на Востокѣ. Въ Багдадѣ, подъ еврейскимъ вліяніемъ и покровительствомъ халифа, основанъ былъ университетъ. Туда, разсказываетъ арабскій лѣтописецъ, почти каждый день ходили караваны верблюдовъ, навьюченныхъ книгами. Тогда же возникли школы въ Бассорѣ, въ Фецѣ, въ Сициліи и Испаніи: въ послѣдней процвѣтали школы въ Севильи и Кордовѣ.

Но и помимо еврейскаго и несторіанскаго вліянія, арабы могли сами по себѣ быть народомъ ученымъ. У мусульманскихъ властителей было много такихъ поговорокъ, которыя полезно бы вспоминать и въ наше время. Напримѣръ, они полагали: „чернила ученаго столько же достойны уваженія, какъ и кровь мученика“.—„Рай столько же существуетъ для того, кто хорошо владѣетъ перомъ, сколько для того, кто палъ отъ меча“.—„Міръ держится четырьмя вещами: знаніемъ мудраго, оружіемъ сильнаго, молитвою добраго и мученичествомъ храбраго“.—Со времени четвертаго халифа вошло въ обычай покровительствовать ученымъ. Наука пользовалась повсемѣстнымъ почетомъ; то, что было прежде не болѣе какъ дѣломъ политики, вошло послѣ во всеобщій обычай, такъ что не только каждый халифъ, но и всякій эмиръ, соотвѣтствующій западному герцогу, строилъ училище или даже академію, чтобы пріобрѣсти независимость. Пропорція между побѣдителями— арабами и побѣжденными христіанами была громадна; это соотношеніе между численностью однихъ и другихъ увеличивалось главнымъ образомъ потому, что арабы допускали

многоженство, строго запрещенное христіанствомъ. Бывали магометанскія семейства въ 150 и 180 душъ однихъ дѣтей. Кромѣ того и христіане въ виду льготъ, предоставленныхъ мусульманамъ, часто обращались въ мусульманство.

Надо замѣтить, что арабы исходили не изъ одного точнаго изслѣдованія. У нихъ не было метода. Анализируя непонятные и темные факты, арабскіе ученые руководились указаніями алхиміи,—тѣмъ, что впослѣдствіи было названо на христіанскомъ западѣ чернокнижіемъ. Непонятные факты принимались лишь къ свѣдѣнію, причины же ихъ приписывались сверхъестественной силѣ. Опыты тоже не объяснялись. Никто, напримѣръ, не могъ сказать, почему происходятъ тѣ или другія простѣйшія химическія явленія, почему изъ безцвѣтныхъ жидкостей получаются при помощи огня цвѣтные осадки и т. п. Эти опыты и изслѣдованія и назывались у арабовъ тайной наукой; у христіанъ—чернокнижнымъ искусствомъ. Поставивъ планеты и звѣзды въ связь съ существованіемъ каждаго индивидуума, арабы каждой звѣздѣ предназначали отдѣльнаго субъекта. Впослѣдствіи изъ алхиміи вышла химія, какъ изъ астрологіи, изучавшей тайны жизни человѣка, образовалась астрономія. Такимъ образомъ вмѣсто этихъ таинственныхъ наукъ, вышли науки точныя, но безъ первыхъ не было-бы и послѣднихъ ([1]). Принявъ алхимію, **Алхимія.**

([1]) Въ русской литературѣ можно отмѣтить любопытную статью казанскаго проф. химіи, И. И. Канонникова: Алхимія и современная наука. Рѣчь на актѣ Каз. Унив. 5 ноября 1886 г. Совершенно справедливо слѣдующее замѣчаніе автора: «Алхимія была всегда строго научной концепціей, задаваясь раціоналистическимъ объясненіемъ превращеній матеріи. Нигдѣ въ ней, ни въ какой изъ ея манипуляцій и операцій, чудо не имѣетъ мѣста. Правда, не всѣ алхимики говорили простымъ и яснымъ языкомъ. Скорѣе это исключеніе; громадное же большинство употребляло въ своихъ сочиненіяхъ чрезвычайно жалкую и трудно понимаемую фразеологію и терминологію, что и было причиною, почему люди, незнакомые съ дѣломъ, бросали ихъ сочиненія, не разобравъ ихъ смысла и клеймили авторовъ именемъ полуумныхъ, а ихъ творенія бреднями. Но если мы дадимъ себѣ трудъ глубже вникнуть въ ихъ сочиненія, а особенно въ тѣ мысли, которыя руководили авторовъ, то мы придемъ къ другому заключенію и должны будемъ признать за ними великія заслуги, а за ихъ работами и идеями строго научный характеръ... Остается только удивляться силѣ ума этихъ алхимиковъ, которые съ такимъ ничтожнымъ запасомъ фактовъ были способны доходить до тѣхъ замѣчательныхъ выводовъ, до которыхъ они достигали и которые иногда являются подстать развѣ только нашему времени, обладающему столь изумительнымъ богатствомъ фактическаго матеріала въ наукѣ» (стр. 10, 11).

арабы сами работали надъ ней и добились экспериментальныхъ способовъ. Арабы всюду старались отыскать, какъ говорили, духъ или, по выраженію римлянъ, spiritus; потомъ это слово spiritus, соотвѣтствовавшее сперва элементу тѣлъ, получило другое значеніе, совершенно противоположное.

Въ древности еще полагали, что земля творитъ золото и серебро изъ болѣе низшихъ веществъ; подобное предположеніе явилось вслѣдствіе того, что земля считалась такимъ же дѣятельнымъ и производительнымъ организмомъ, какъ и человѣкъ. Пытливый умъ наблюдалъ, что подъ вліяніемъ теплоты образовывались растенія, что камни и металлы выростали въ землѣ. Замѣчали далѣе, что огонь очищаетъ предметы. Отсюда явилось мнѣніе, что можно произвести искусственнымъ способомъ изъ низшихъ предметовъ высшіе. Такимъ образомъ задумали добыть золото изъ низшихъ веществъ: тогда явилось ученіе о философскомъ камнѣ. Изъ античнаго міра, чрезъ несторіанъ и евреевъ, этотъ философскій камень перешелъ къ христіанамъ.

Авицена и Аверроэсъ.

Въ арабской медицинѣ, этому таинственному орудію соотвѣтствовалъ жизненный элексиръ, который предполагалось составить изъ золота, обращеннаго въ жидкость посредствомъ раствора въ водѣ. Вообще алхимія съ большимъ правомъ называлась въ то время наукой вѣса, наукой горѣнія. Конечно, ни арабамъ, ни христіанамъ не удалось добыть жизненнаго элексира, но важно то, что первые и вторые создали химію. Добывая жизненный элексиръ, арабы наткнулись на азотную или сѣрную кислоту, фосфоръ и различныя другія вещества. Тогда же появляются арабскіе ученые, изъ которыхъ достаточно указать на Авицену (Абу-Ибнъ-Сина), родившагося въ Персіи около 980 г. и жившаго до 1037 г. Этотъ ученый изслѣдователь изучилъ Аристотеля и, пользуясь имъ, составилъ трактаты о логикѣ и метафизикѣ; онъ же пріобрѣлъ громкую извѣстность какъ медикъ, какъ математикъ, какъ государственный человѣкъ. Его труды по части медицины пользовались большой популярностью даже въ концѣ XV вѣка. Кромѣ того, онъ извѣстенъ и по части другихъ знаній: физики, астрономіи и арабскаго языка; словомъ, это замѣчательнѣйшій энциклопедистъ всѣхъ временъ и народовъ. Первый ученый хирургъ, устроившій нѣкоторые хирургическіе инструменты, кордовскій врачъ Альбуказасъ († 1106 г.)

былъ послѣдователемъ принциповъ Авицены ([1]). Всесторонній геній Аверроэса (по арабски Ибнъ-Рошдъ) развился, благодаря школѣ Авицены. Ибнъ-Рошдъ работалъ въ половинѣ XII вѣка (умеръ въ Марокко въ 1198 г.). Сознавая недостатокъ метода въ научныхъ изслѣдованіяхъ своихъ единовѣрцевъ, онъ перевелъ на арабскій языкъ кодексъ греческой мудрости, т. е. всѣ сочиненія Аристотеля. Это былъ фактъ великой важности въ исторіи мусульманской образованности непосредственно, а косвенно и въ исторіи образованности христіанской, потому что дальнѣйшіе успѣхи точнаго знанія, особенно медицины и математики, въ Европѣ направлялись нѣкоторое время изслѣдованіями арабскихъ ученыхъ ([2]). Аверроэсъ, жившій духовно въ античномъ мірѣ и усвоившій философскія воззрѣнія древнихъ, написалъ комментаріи на творе-

---

([1]) Сочиненія Авицены въ латинскомъ переводѣ были изданы последовательно два раза въ Венеціи въ 1582 г. (2 f. пер. Alpagus et Kinius, по распоряженію Свѣтлѣйшаго Венеціанскаго сената, съ краткою біографіею Ибнъ-Сина, составленною его ученикомъ, арабомъ Сорсоной и перев. на латинскій Н. Массою) и въ 1595 г., (въ 2 f.) подъ заглавіемъ: Avicennae Arabum medicorum principis, Canon Medicinae, quo universa medendi scientia pulcherrima et brevi methodo planissime explicatur; ejusdem — De Viribus cordis, De removendis nocumentis in regimine sanitatis, De Syrupo acetoso. Это изданіе — наиболѣе полная медицинская энциклопедія среднихъ вѣковъ, ибо сочиненія Авицены служили для врачей XIII — XV столѣтія главнымъ источникомъ. Вотъ задача врачебнаго искусства, по понятіямъ того времени: Medicina est conservatio sanitatis et curatio egritudinis, quae accidit ex causa quae in corpore existit. Cujus prima divisio in theoricam et practicam, et theorica ex tribus rebus perficitur et completur. Ex (rebus autem) sunt septem naturales: et ex eis sunt et omnes sunt necessariae. Adhuc sunt alias tres in libris scriptae, scilicet morbi, causae et accidentia. Practica dividitur in duas species: quarum una manibus excercetur; et alia cum medicina, nec non eo quod ex cibis ordinatur (II 337). См. изслѣдованіе Klein. Diss. hictorico-medica de Avicenna. Vrat. 1846.

На французскомъ языкѣ Восточнымъ Muséon недавно изданы слѣдующія извлеченія и статьи подъ редакціею A. von Mehren—изъ Авицены: La philosophie d'Avicenne, exposée d'aprés des documents inédits (изъ Muséon, Louvain 1882); Les rapports de la phil. d'Avicenne avec l'Islam (L. 1883); Vues d'Avicenne sur l'astrologie et sur le rapport de la responsabilité humaine avec le destin (L. 1885). L'Allégorie mystique Hay ben—Yaqzân d'Avicenne, trad. et en partie commentée (L. 1886); Vues théosophiques d'Avicenne, sa doctrine des moyens d'acquisition de la béatitude céleste et de la condition des illuminés (L. 1886); L'oiseau, traité mystique, trad. et expliqué par Mehren (L. 1886). Ранѣе тотъ же ученый Mehren издалъ рефератъ: Correspondance philosophique d'Ibn Sabin avec l'empereur Frédéric II (Florence, 1879). Всѣ эти изданія очень рѣдки и весьма цѣнны.

([2]) Превосходное соч. Renan. Averroës et l'Averroisme, P. 1852.

нія Аристотеля, а также на Авицену. Для средневѣковой образованности въ высшей степени важно также то обстоятельство, что въ христіанскихъ школахъ Испаніи, а потомъ долгое время на всемъ Западѣ, за незнаніемъ греческаго упорно презираемаго языка, изучали Аристотеля по латинскимъ отрывкамъ, переведеннымъ съ арабскаго текста Аверроэса. Благодаря главнымъ образомъ алхиміи и ея дѣятелямъ, арабская наука быстро растетъ. Принимая матеріальное направленіе, она отрѣшается отъ всего спиритуальнаго. Въ этотъ именно моментъ перемѣны въ направленіи арабской науки, арабы сталкиваются съ христіанами и начинаютъ передавать имъ свою культуру. Обѣ стороны стояли на разныхъ точкахъ: христіане оставили античную традицію, арабы слѣдовали ей, но представляли эту античную традицію въ такомъ видѣ, что христіане никакъ не могли ее одобрить. Вліяніе арабовъ на тогдашнюю спиритуальную Европу, взиравшую на нихъ, какъ на учениковъ дьявола, съ которыми ничего не должно быть общаго, начинаетъ проявляться въ медицинѣ, именно въ то самое время, когда Европой овладѣваетъ религіозный экстазъ.

Кордовскій халифатъ.

Наиболѣе высшаго выраженія мусульманскія идеи достигли на почвѣ Испаніи, чрезъ которую уже прошли три цивилизаціи: пуническая, греческая и римская. Мусульманской культурѣ оставалось только протянуть руку послѣдней, чтобы потомъ сообщить свое содержаніе всей остальной Европѣ. Припомнимъ, что въ VIII вѣкѣ арабы проникли даже на почву Франціи и утвердились въ Нарбоннѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи они владѣли почти всѣмъ полуостровомъ, за исключеніемъ сѣверо-западной части. Чрезъ Пиринеи они расширили свою территорію до предѣловъ Франшконте. Арабы преимущественно сосредоточились въ средней и южной Испаніи. Столицею халифата съ 756 года сдѣлалась Кордова до прекращенія династіи Омейядовъ въ 1087 г. Но вестготы уберегли свою независимость въ сѣверо-западной части страны. Абдуррахманъ былъ первымъ халифомъ кордовскимъ (754—787 г.). При его внукѣ того же имени, славномъ Абдуррахманѣ II (822—852 г.), Кордовскій халифатъ достигъ наибольшаго величія въ смыслѣ внѣшнемъ. Этотъ халифъ любилъ пышность и расточительность багдадскихъ властителей. Онъ былъ въ своемъ родѣ Юстиніаномъ для мусульманъ. Онъ

окружилъ себя многочисленной свитой, построилъ дорогія общественныя зданія, мечети, дворцы, развелъ большіе сады, въ которыхъ водопроводы замѣняли горные ручьи. Онъ любилъ поэзію и окружалъ себя учеными. Не менѣе знаменитъ былъ его внукъ Абдуррахманъ III, восьмой халифъ изъ Омейядовъ (911—961 г.), правившій ровно полвѣка и оказавшій великія услуги человѣчеству основаніемъ первой медицинской школы. Современники за мудрость уподобляли его Соломону. При его дворѣ, кромѣ ученыхъ, особымъ уваженіемъ пользовались поэты Ахметъ Абдъ-Реббиги, прославившійся идиллической поэмой Могазератъ, Ибнъ-Дерраджъ и поэтесса Аиша, бывшая одною изъ женъ халифа. Кордова достигла при немъ наибольшаго блеска въ смыслѣ внѣшней культуры, такъ что латинская поэтесса, монахиня Гросвита называетъ Кордову „красою вселенной". Цифры, сообщаемыя по этому поводу, очень интересны, хотя необходимо замѣтить, что арабскіе лѣтописцы любятъ прикрашивать и многое прибавлять.

Покоренные христіане были склонны къ возмущенію и не переставали сноситься съ Франціей. Толедо волновался и наконецъ открыто возсталъ и отложился отъ мусульманъ, но только на 8 лѣтъ. Разъ, даже въ самой Кордовѣ, вспыхнуло возстаніе христіанъ. Въ возстаніи участвовали главнымъ образомъ духовныя лица, а съ ними вся масса народа. Очень многіе христіане изъ высшихъ классовъ тогда совершенно слились съ мусульманами; отказавшись отъ своей вѣры, они занимали даже видныя общественныя должности. Эти люди подражали своимъ властелинамъ, содержали гаремы, забывали родной языкъ, предпочитали арабскій, который скоро и былъ объявленъ обязательнымъ. Имъ вообще жилось хорошо.

Одинъ испанецъ именемъ Алава такъ говоритъ о нихъ: „Эти люди предпочитаютъ поэмы и романы арабовъ, изучаютъ философію и богословіе мусульманъ, не съ цѣлію опровергнуть ихъ, но чтобы пріобрѣсти хорошіе обороты арабской рѣчи. Гдѣ теперь найти мірянина, который бы читалъ латинскія толкованія къ Св. Писанію? Кто читаетъ Евангеліе, пророковъ или Апостоловъ? Увы, всѣ юноши болѣе способные знаютъ только арабскій языкъ, читаютъ только арабскія книги и кричатъ о превосходствѣ арабской литературы. Заговоришь съ ними о христіанскихъ книгахъ, они отзовутся о нихъ съ презрѣніемъ. Христіане забыли свой языкъ и не найдется ни одного, который могъ бы по-латыни переписываться съ сво-

имъ другомъ“. Понятно, эти люди не встали во главѣ возстанія въ Кордовѣ, которое было собственно вызвано духовенствомъ. Извѣстно, что священникъ Евлогій, призывалъ христіанъ къ мученичеству и къ возстанію противъ мусульманъ. Монахи стали даже врываться въ мечети съ проклятіями противъ невѣрныхъ. Ихъ казнили тутъ же, но тѣмъ не менѣе раздраженіе противъ мусульманъ не уменьшилось. Конечно, возстаніе въ Кордовѣ было легко подавлено. Халифы простирали свои замыслы даже на христіанъ, населявшихъ другую часть полуострова.

Интересно прослѣдить, какъ растетъ этотъ сѣверо-западный уголокъ на счетъ остальнаго полуострова и какъ мусульмане мало по малу отодвигаются назадъ за берега Гвадіаны.

Христіанскія государства въ Испаніи.

Эта борьба можетъ быть названа крестовой; она хотя предшествовала крестовымъ походамъ, но имѣла то же содержаніе. Она продолжалась съ X до XIII вѣка. При паденіи Вестготскаго королевства, въ горахъ Астуріи и Бискайи, начали укрываться бѣглецы, которые отстаивали свою независимость, ежедневно сражаясь съ маврами. Петръ и Пелагій были выбраны вождями въ этихъ небольшихъ приморскихъ городахъ съ правомъ наслѣдства. Петръ предводительствовалъ многочисленными толпами бѣглецовъ въ Бискайи. Пелагій жилъ въ Астуріи. Обѣ эти области лежали рядомъ по южному берегу Бискайскаго залива. Петра называли герцогомъ Кантабріи, а Пелагія за его храбрость выбрали королемъ Астуріи. Пелагій, умирая, передалъ Астурію своему сыну, Фавилѣ, какъ видное и независимое государство. Черезъ 2 года по смерти Фавилы, Астурійскіе вельможи избрали королемъ сына Петра, герцога Кантабрскаго, храбраго Альфонса, который, такимъ образомъ, соединилъ въ своихъ рукахъ всю христіанскую часть Испаніи, подъ именемъ Астурійскаго королевства. Изъ этой-то державы и возникли впослѣдствіи государства христіанской Испаніи: Аррагонія, Леонъ, Каталонія, Валенсія и проч. Всѣ эти области лежатъ рядомъ широкими параллельными полосами отъ запада къ востоку. Впослѣдствіи Карлъ Великій присоединилъ къ своей имперіи часть Испаніи до Эбро, но эта часть послѣ его смерти опять отошла къ мусульманамъ, съ тѣмъ, чтобы въ скоромъ времени образовать самостоятельное христіанское государство. Успѣхъ Астуріи въ борьбѣ съ Кордовой былъ мало вѣроятенъ. У мусульманъ былъ сильный флотъ въ Средиземномъ морѣ,ввѣ-

ренный особому начальнику, называвшемуся „Эмир-уль-ма“, (повелитель водъ), откуда происходитъ позднѣйшее итальянское слово—адмиралъ. Въ свою очередь Андалузскіе порты отправляли много пиратовъ въ Средиземное море, которые во имя ислама часто содѣйствовали флоту. Эти-то пираты впослѣдствіи овладѣли Критомъ и на нѣсколько дней Александріей. Они держали въ страхѣ все прибрежье Средиземнаго моря.

Казалось, что нѣтъ никакой надежды небольшой Астуріи или крошечной Барселонѣ одолѣть могущественный халифатъ, который всегда могъ призвать на помощь – милліоны своихъ единовѣрцевъ изъ Азіи и Африки. Но Астурійцы были крѣпки, благодаря энергіи своихъ королей; въ нихъ было много религіознаго экстаза и святаго рвенія.

Альфонсъ III король Астуріи (863—912 г.).

Самымъ талантливымъ королемъ Астуріи въ то время былъ Альфонсъ III, прозванный Великимъ за свои успѣхи и энергію. Онъ расширилъ свои владѣнія, разбивъ Арабовъ при Заморѣ. Это была первая побѣда надъ мусульманами въ предѣлахъ полуострова. Но и Альфонсъ имѣлъ неосторожность раздѣлить свое государство передъ смертью на три части. Если бы короли стремились къ единству, а не къ раздѣленію, то, конечно, мусульманскій халифатъ палъ бы раньше. Въ этомъ постоянномъ дѣленіи на удѣлы и заключалось все несчастіе христіанской Испаніи. Такъ Альфонсъ раздѣлилъ Астурійское королевство на три части: старшему изъ своихъ сыновей—Гарсію далъ Леонъ, Кастилію и Бискайю; второму сыну, Ордоньѣ II далъ Галисію; третьему, Фройлу—Астурію. Гарсія перенесъ тотчасъ послѣ смерти отца свою столицу изъ Овіедо въ Леонъ, а потому все его государство получило названіе Леонскаго. Но онъ вскорѣ умеръ и его королевство перешло къ Ордоньо II. Хотя разрозненныя части соединились, но тогда же на сѣверо-востокѣ Испаніи образовалось два новыхъ христіанскихъ государства: Наварра съ своимъ королемъ Санчо I и Каталонія, къ которой послѣ отошла Аррагонія, образовавшаяся изъ Наварры, а впослѣдствіи совершенно обособившаяся. Эти два новыхъ государства образовались на развалинахъ монархіи Карла Великаго.

Расширеніе христіанской Испаніи.

Абдуррахманъ III, любившій лишь науку, мало обращалъ вниманія на политику. Онъ далъ возможность усилиться христіанамъ, не смотря на ихъ разрозненность и вражду и даже

то въ немъ не было уже воинственности. Сами халифы стали игрушками двора. Талантливые воины приносили побѣды, но тѣмъ не менѣе халифатъ, достигнувъ извѣстной степени силы, былъ лишенъ дальнѣйшаго политическаго развитія. Изъ счастливыхъ мусульманскихъ государственныхъ людей въ X вѣкѣ слѣдуетъ назвать Мухаммеда, славнаго министра халифа Хашама II и Абдуррахмана IV, которыми закончилась династія Омейядовъ въ Испаніи. Этотъ вождь въ послѣдніе годы Омейядовъ употреблялъ самыя героическія усилія, чтобы поддержать славу халифату. Онъ былъ прозванъ Альманзоромъ, т. е. защитникомъ, за свои побѣды надъ христіанами. Онъ прошелъ всю сѣверную часть полуострова, пользуясь разрозненностью христіанскихъ государей. Онъ побѣдилъ, по словамъ арабскихъ лѣтописцевъ, христіанъ въ 50 сраженіяхъ. Но когда въ 1002 г. христіанскіе короли соединились и дали ему въ верховьяхъ Дуэро битву, въ которой мусульманъ пало нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, то онъ былъ разбитъ на голову. Тяжело раненый въ этомъ сраженіи, онъ вскорѣ умеръ. Послѣ его смерти въ халифатѣ начались междоусобія. Эмиры противъ своихъ же государей призывали на помощь дикія арабскія полчища изъ Африки, которыя однажды, въ 1013 г., произвели такой разгромъ въ Кордовѣ, что мусульмане съ этого времени не могутъ поправиться, а городъ начинаетъ уже падать. Трое сутокъ продолжались рѣзня и грабежъ. Всѣ женщины и дѣти въ эти страшные дни были перерѣзаны. Самыя лучшія зданія разрушены. Пользуясь смятеніями въ халифатѣ, мусульманскіе эмиры объявляли себя независимыми, еще прежде чѣмъ—въ 1008 г. прекратилось навсегда господство Омейядовъ. Мусульманскій халифатъ распался на нѣсколько эмирствъ, вся исторія которыхъ состоитъ въ постоянныхъ войнахъ между собою и съ христіанскими государствами полуострова. Когда окончательно пресѣклась династія Омейядовъ, христіанскія государства на нѣкоторое время соединились. Война съ Альманзоромъ совершенно опустошила и безъ того небогатыя христіанскія области и только случайныя обстоятельства—прекращеніе династіи въ Кордовѣ и раздоры въ мусульманскомъ халифатѣ—спасли существованіе этихъ опоръ христіанства на полуостровѣ.

Теперь христіанскіе государи Испаніи стараются распространить свои предѣлы на счетъ тѣхъ же мусульманъ. Это начинается съ XI вѣка. Эмиры сами вмѣшиваютъ христіанъ въ свои ссоры, а тѣ предлагаютъ свои услуги.

казываютъ—какого героя хотѣлъ имѣть испанскій народъ ([1]). Первая извѣстность Рюи Діаса—въ спасеніи короля Кастильскаго Санчо, которому онъ выигралъ битву. Результатомъ битвы былъ плѣнъ Альфонса VI, но плѣнникъ бѣжалъ изъ тюрьмы и призвалъ противъ брата мусульманъ. Въ это время Санчо былъ предательски умерщвленъ. Альфонсъ не только обратно получилъ всѣ свои владѣнія, но и Кастилію; впрочемъ, кортесы заставили его предварительно дать клятву въ томъ, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ брата. Альфонсъ тотчасъ же поспѣшилъ изгнать Сида, отъ котораго потерпѣлъ столько несчастій. Сидъ съ тѣхъ поръ велъ жизнь изгнанника. Онъ не стѣснялся служить мусульманамъ и народное воображеніе нисколько этимъ не возмущалось. Сидъ помогъ эмиру Саррагосы плѣнить графа Барселонскаго. Ему было все равно съ кѣмъ и за что воевать. Ему нужна была война, чтобы прокормить свою громадную дружину въ 3000 рыцарей. Альфонсъ былъ нѣкоторое время счастливъ въ борьбѣ съ мусульманами.

Въ 1085 г. онъ рѣшилъ предпринять серьезный походъ противъ Толедо, въ чемъ ему сочувствовало множество рыцарей изъ Наварры, Аррагоніи, Франціи и Германіи. Этотъ походъ былъ дѣломъ вполнѣ національнымъ и былъ какъ бы началомъ крестовыхъ походовъ. Толедо былъ взятъ, но христіане вскорѣ должны были оставить городъ, такъ какъ кордовскіе мусульмане пригласили Сида на помощь противъ своихъ единовѣрцевъ изъ Африки. Это было полудикое племя, называвшееся Альморавидами (отъ „равиды"—что значитъ пещеры). Кочевало оно на сѣверномъ берегу Африки. Въ 1065 г. этотъ народъ основалъ нынѣшній Марокко, изъ котораго и производилъ удачные набѣги на христіанъ. Альфонсъ VI защищался противъ нихъ безуспѣшно. Въ 1086 г. христіане были

([1]) Древнѣйшую поэму о Сидѣ на латинскомъ языкѣ XII вѣка издалъ du Wèril въ «Poësies populaires latines du moyen-âge»—въ 1847 г. На испанскомъ языкѣ она появилась позднѣе, въ XIII вѣкѣ подъ заглавіемъ «Cronica del famoso cavallero Cid Ruy Campeador»; Poema del Cid и Cronica rimada del Cid. Въ нашей литературѣ—хорошая монографія о Сидѣ О. И. Буслаева (1864); на французскомъ языкѣ—въ соч. Dozy (Recherches sur l'histoire et la litter. de l'Espagne pendant le moyen-âge, t. II). На англійскомъ въ соч. Тикнора (исторія испанской литературы. 1849 г.), изъ которой извлеченіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣстилъ Кулишъ и которая въ 1883—86 г. переведена на русскій языкъ подъ ред. Н. И. Стороженко въ 2 томахъ.

Санчо III король Наварры (1000—35 г.). Для христіанскихъ государствъ было много случаевъ къ соединенію, но они не пользовались ими: послѣ каждаго союза они опять раздѣлялись. Такъ, въ 1033 г. королю Наварры, Санчо Третьему, удалось подчинить себѣ всѣ земли испанскихъ единовѣрцевъ. Онъ, искусно пользуясь обстоятельствами, присвоилъ себѣ Астурію, Галисію, Леонъ, Аррагонію, Кастилію, однимъ словомъ, всю христіанскую Испанію, кромѣ графства Барселонскаго. Казалось, тогда настать моментъ соединенія христіанскихъ государствъ. Но Санчо, не пользуясь благопріятнымъ случаемъ, самъ наносить на себя мечь. Передъ смертью онъ, по дурному обычаю своихъ предковъ, раздѣлилъ свое государство между четырьмя сыновьями. Старшій изъ нихъ, Гарсія, получилъ Наварру и Бискайю; второй, Фердинандъ I, удержалъ за собою Кастилію, а черезъ два года сдѣлался властителемъ Галисіи, Астуріи и Леона, женившись на наслѣдницѣ этихъ земель; двое же остальныхъ наслѣдниковъ, Гонсалесъ и Рамиро, раздѣлили между собой Аррагонію. Теперь наибольшій интересъ въ борьбѣ съ мусульманами сосредоточивается на Кастиліи. Фердинандъ I Кастильскій навелъ на мавровъ такой ужасъ, что заставилъ даже ихъ платить себѣ дань. Казалось, сама судьба опредѣлила уже изгнаніе изъ Испаніи ослабѣвшихъ арабовъ; христіанамъ необходимо было лишь больше единодушія и твердости.

Фердинандъ I, къ [illegible], не [illegible] серьезныхъ политическихъ замысловъ. Онъ [illegible] передъ [illegible] раздѣлить свое и безъ того небольшое государство на 3 частей. Санчо II получилъ Кастилію, Альфонсъ II — Леонъ и Астурію, Гарсія — Галисію; остальныя два государства получили его дочери. Кастильскій король въ [illegible] году напалъ на Леонскаго, но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] только благодаря [illegible] Сида-Кампеадора, прославившагося [illegible] [illegible] [illegible] замѣчательн[illegible].

Эль Кампеадоръ. Настоящее имя его Родригъ Діасъ или Руи Діасъ. Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ героевъ испанскаго народа, который особенно [illegible] Сида въ своихъ поэмахъ XII [illegible] [illegible] Сидѣ, который [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] памятники о Сидѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] народнаго героя, по-

казываютъ—какого героя хотѣлъ имѣть испанскій народъ ([1]). Первая извѣстность Рюи Діаса—въ спасеніи короля Кастильскаго Санчо, которому онъ выигралъ битву. Результатомъ битвы былъ плѣнъ Альфонса VI, но плѣнникъ бѣжалъ изъ тюрьмы и призвалъ противъ брата мусульманъ. Въ это время Санчо былъ предательски умерщвленъ. Альфонсъ не только обратно получилъ всѣ свои владѣнія, но и Кастилію; впрочемъ, кортесы заставили его предварительно дать клятву въ томъ, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ брата. Альфонсъ тотчасъ же поспѣшилъ изгнать Сида, отъ котораго потерпѣлъ столько несчастій. Сидъ съ тѣхъ поръ велъ жизнь изгнанника. Онъ не стѣснялся служить мусульманамъ и народное воображеніе нисколько этимъ не возмущалось. Сидъ помогъ эмиру Саррагосы плѣнить графа Барселонскаго. Ему было все равно съ кѣмъ и за что воевать. Ему нужна была война, чтобы прокормить свою громадную дружину въ 3000 рыцарей. Альфонсъ былъ нѣкоторое время счастливъ въ борьбѣ съ мусульманами.

Въ 1085 г. онъ рѣшилъ предпринять серьезный походъ противъ Толедо, въ чемъ ему сочувствовало множество рыцарей изъ Наварры, Аррагоніи, Франціи и Германіи. Этотъ походъ былъ дѣломъ вполнѣ національнымъ и былъ какъ бы началомъ крестовыхъ походовъ. Толедо былъ взятъ, но христіане вскорѣ должны были оставить городъ, такъ какъ кордовскіе мусульмане пригласили Сида на помощь противъ своихъ единовѣрцевъ изъ Африки. Это было полудикое племя, называвшееся Альморавидами (отъ „равиды"—что значитъ пещеры). Кочевало оно на сѣверномъ берегу Африки. Въ 1065 г. этотъ народъ основалъ нынѣшній Марокко, изъ котораго и производилъ удачные набѣги на христіанъ. Альфонсъ VI защищался противъ нихъ безуспѣшно. Въ 1086 г. христіане были

([1]) Древнѣйшую поэму о Сидѣ на латинскомъ языкѣ XII вѣка издалъ du Wèril въ «Poèsies populaires latines du moyen-âge»—въ 1847 г. На испанскомъ языкѣ она появилась позднѣе, въ XIII вѣкѣ подъ заглавіемъ «Cronica del famoso cavallero Cid Ruy Campeador»; Poema del Cid и Cronica rimada del Cid. Въ нашей литературѣ—хорошая монографія о Сидѣ Ө. И. Буслаева (1864); на французскомъ языкѣ—въ соч. Dozy (Recherches sur l'histoire et la litter. de l'Espagne pendant le moyen-âge, t. II). На англійскомъ въ соч. Тикнора (исторія испанской литературы 1849 г.), изъ которой извлеченіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣстилъ Кулишъ и которая въ 1883—86 г. переведена на русскій языкъ подъ ред. Н. И. Стороженко въ 2 томахъ.

разбиты въ двухъ сраженіяхъ. Но альморавиды послѣ этихъ битвъ не пошли дальше а обратились на своихъ единовѣрцевъ. Подчинивъ многочисленныхъ мусульманскихъ государей Испаніи, Юсуфъ назвался главою правовѣрныхъ и гордился тѣмъ, что за него молятся въ 1700 мечетяхъ. Энергія, овладѣвшая сначала этими дикими племенами, ослабѣла. Тогда Сидъ опять передался христіанамъ, гордясь что его наемничество у мусульманъ было полезно для христіанства, ибо мусульмане должны были содержать на свой счетъ христіанскихъ воиновъ. А когда тотъ же Сидъ сталъ грабить христіанскія поселенія, то говорилъ, что добываетъ пищу для своихъ рыцарей. Затѣмъ, всѣ свои личныя усилія онъ обратилъ противъ Валенсіи. Этотъ пунктъ принадлежалъ арабамъ. Послѣ долгихъ усилій онъ наконецъ взялъ Валенсію и сдѣлался независимымъ ея владѣтелемъ. Владѣя этимъ важнымъ городомъ, онъ совершенно игнорировалъ остальные христіанскіе города. Вскорѣ ему пришлось отбиваться въ одно время отъ мусульманъ и отъ Альфонса Кастильскаго. Альфонсъ разбилъ дружину Сида. Это событіе потрясло героя: онъ умеръ въ 1099 году, не успѣвъ отомстить. Мусульмане осадили Валенсію; вдова Сида защищалась упорно, но наконецъ, взявъ останки героя, оставила городъ и похоронила ихъ въ Бургосѣ. Вотъ дѣйствительные факты изъ исторіи Сида. Изъ нихъ видны тѣ основанія, которыя заставили испанскій народъ считать Кампеадора великимъ борцомъ своимъ и излюбленнымъ героемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вся жизнь его прошла въ борбѣ съ угнетателями родины. Онъ не испыталъ пораженій. Правда, онъ не разъ былъ изгоняемъ; его предавали тѣ христіанскіе государи, интересамъ которыхъ онъ посвящалъ себя. Потому, ему приходилось не разъ вступать въ союзъ съ мусульманами для того, чтобы по господствовавшему и въ то время считавшемуся справедливымъ обычаю отмстить за обиды, нанесенныя ему его же соотечественниками. Каковы бы ни были дѣйствительныя приключенія его жизни, приключенія, теряющіяся въ сумракѣ тѣхъ отдаленныхъ временъ, — Сидъ представляется намъ великимъ защитникомъ своего народа противъ мавританскихъ угнетателей. Также сказоченъ, какъ пѣсня о Сидѣ, — разсказъ объ Альфонсѣ VI. Походъ его въ Толедо воспѣтъ не лѣтописцами, а провансальскими трубадурами. Они заимствовали свои сюжеты у арабовъ, которые имѣли страсть къ преувеличенію

и къ художественности языка, ради котораго иногда искажали факты ([1]). Послѣ смерти Сида, Альфонсъ былъ снова разбитъ мусульманами въ 1108 году, не смотря на помощь многихъ иностранныхъ рыцарей. Между этими рыцарями былъ графъ Генрихъ Бургундскій. Чтобы удержать его многочисленную дружину, Альфонсъ въ 1094 г. женилъ графа на побочной дочери Терезѣ и далъ ему земли между Миньо и Дуэро.

Начало королевства Португальскаго въ 1137 г.

Земля эта назвалась Португаліей отъ города Порто-кале (нынѣшній Опорто). Генрихъ считалъ себя въ вассальной зависимости отъ Альфонса, но, послѣ его смерти, онъ отдѣлился, объявивъ себя независимымъ. Сынъ же его, Альфонсъ I, принялъ даже королевскій титулъ въ 1139 году, завоевалъ Лиссабонъ съ помощью крестоносцевъ и сдѣлалъ его своей резиденціей. Такимъ образомъ образовалось еще седьмое христіанское королевство. Но кастильцы не признавали независимости португальскаго короля. Раздоры усиливались въ испанскомъ христіанскомъ мірѣ. Въ виду такого положенія дѣлъ нельзя было нанести окончательнаго удара мусульманамъ. Наконецъ враги избрали судьею папу Александра III, который рѣшилъ споръ въ пользу Португаліи, но за это поставилъ ее подъ свое особое покровительство, за что она же должна была платить ему ежегодную дань. Между тѣмъ Альфонсъ VI умеръ бездѣтнымъ. Королемъ Кастиліи, Аррагоніи и Наварры былъ провозглашенъ Батальадоръ.

([1]) Для начала христіанскихъ государствъ въ Испаніи: Chronicon Irense (601 — 1020), помѣщ. у Florez'a въ España sagrada въ 20 томѣ. Затѣмъ Pelagius Ovetensis (епископъ въ Овіедо): Breve-Compendium 1020—1109, у Florez'a въ 14 т. Что касается до общей хроники Испаніи (Cronica general de España изд. Ocampo. 1541) то она собрана Альфонсомъ Мудрымъ въ XIII вѣкѣ и издана на испанскомъ языкѣ. Но она не можетъ служить достаточнымъ источникомъ для ранняго времени (о ней Dozy. Recherches sur l'hist. d'Espagne; 1, 384).

V.

КРЕСТОВОЕ И КОММУНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ XII ВѢКѢ.

1) Начало крестоваго движенія и первый крестовый походъ.

Крестовая идея, двигавшая походами западнаго воинства на мусульманскомъ Востокѣ, была порождена столкновеніемъ двухъ направленій: спиритуальнаго христіанскаго и матеріалистическаго арабскаго. Конечно, гоненія на пилигримовъ, совершаемыя мусульманами, не могли быть единственными побудительными причинами крестовыхъ походовъ. Были болѣе существенныя причины — экономическія. Но несомнѣнно и то, что притѣсненія христіанъ, покланявшихся св. Гробу, послужили толчкомъ для крестовыхъ походовъ. Поклоненіе св. мѣстамъ началось съ первыхъ временъ христіанства ([1]).

([1]) Всѣ источники для крестовыхъ походовъ, собраны были впервые въ спеціальномъ сборникѣ Bongars (Gesta Dei per Francos 1611, 2 f.), изд. неудовлетворительно. Въ сороковыхъ годахъ нашего вѣка было предпринято изданіе Парижской Академіею надписей: Recueil des Historiens des croisades. Въ 1876 году та же академія сдѣлала второе изданіе греческихъ источниковъ въ Парижѣ. Дополненія къ нему можно найти въ изданіи французскаго «Société de l'Orient latin» подъ заглавіемъ Archives de l'Orient latin. До сихъ поръ не потеряли цѣны сборники Duschesne: Historiae Francorum scriptores etc., извлеченія у Michaud. Bibl. des croisades. (P. 1829, 4 vls), въ византійскихъ и мусульманскихъ сборникахъ, въ коллекціяхъ Лаббе, Мабильона, Муратори, Пертца, значительныя извлеченія у Стасюлевича въ III т. его Ист. ср. вѣковъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ первый памятникъ о крестовыхъ походахъ принадлежитъ священнику Петру Тудеболу, принимавшему личное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ и находившемуся при осадѣ Іерусалима. Онъ былъ первымъ, который описалъ крестовый походъ. Трудъ его носитъ заглавіе «Historia de Hierosolymitano itinere ab a. 1095—1099. Подъ этимъ заглавіемъ онъ помѣщенъ въ сборникѣ Duschesne въ IV томѣ Hist. Franc. scriptores». Этотъ трудъ копировалъ Робертъ Монахъ въ Historia Hierosolymitana usque ad a. 1099. Онъ особенно важенъ

Нельзя сказать, чтобы древняя христіанская Церковь покровительствовала этому поклоненію. Такъ, Августинъ, авторъ сочиненія „De civitate Dei", говоритъ по поводу пилигримства: „Господь не сказалъ: иди на Востокъ и ищи правды, но -плыви на Западъ и получишь отпущеніе". Григорій Нисскій возстаетъ еще рѣшительнѣе въ своихъ рѣчахъ противъ пилигримства, отъ котораго, по его мнѣнію, больше всего Пилигримы.

для событій предшествовавшихъ крестовымъ походамъ на Клермонскомъ соборѣ, на которомъ онъ самъ присутствовалъ, и для взятія Іерусалима. Робертъ монахъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ, которому можно довѣрять. Также копировалъ трудъ Тудебода Бальдерикъ, епископъ Доля, только исправляя его слогъ. Онъ писалъ со словъ одного аббата, который участвовалъ въ походѣ, а лично на Востокѣ не былъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать Раймунда Ангильскаго, какъ писателя, отправившагося въ походъ въ качествѣ дьякона при епископѣ Адемарѣ. Когда епископъ умеръ, онъ былъ возведенъ въ санъ священника, а потомъ сдѣлался капелланомъ Раймунда, графа Тулузскаго. Его трудъ носитъ заглавіе «Historia Francorum, qui ceperunt Hierusalem» (1095—1099 г.). Онъ рисуетъ эпоху со всей наивностью и слишкомъ бредитъ различнаго рода фантастическими явленіями. Событія часто перемѣшаны и разсказъ непослѣдователенъ. Особенно хорошо изложены послѣднія событія. Онъ кончаетъ фактомъ взятія Іерусалима, но какой-то анонимъ продолжилъ его трудъ еще на одинъ мѣсяцъ до битвы при Асколонѣ (за августъ 1099 г.). Всѣ остальные источники менѣе важны, потому что авторы большею частью не участвовали въ крестовыхъ походахъ, а если и участвовали то только въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Такъ капелланъ Фульконъ Шартрскій предпринялъ крестовый походъ, но на дорогѣ изъ Никеи въ Антіохію оставилъ армію и удалился въ Эдессу, принявъ званіе капеллана при Балдуинѣ, который сдѣлался княземъ Эдесскимъ. Онъ любитъ таинственность, чудеса. Отъ суевѣрія нѣсколько освободился только Гвибертъ, аббатъ въ Ножанѣ, родомъ изъ Клермона. Его «Historia Hierosolymitana» (1095—1100 г.) уже имѣетъ только значеніе мемуара. Онъ по крайней мѣрѣ свободенъ отъ вѣры въ сверхъестественное. Рауль Канскій, какъ поэтъ нормандскій, пишетъ то стихами, то прозой (1096—1110 г.). Его произведеніе не мемуаръ, а поэма. Самъ онъ не участвовалъ въ первомъ крестовомъ походѣ, но тѣмъ не менѣе былъ въ Палестинѣ съ 1107 г. и имѣлъ средства получить всѣ подробныя свѣдѣнія о походѣ изъ разсказовъ соучастниковъ. Изъ способа изложенія уже видно, насколько авторъ заслуживаетъ довѣрія. Монахъ Ордерикъ Виталій написалъ «Historia ecclesiastica», при чемъ указалъ на свои источники, которыми онъ руководствовался при изложеніи крестовыхъ походовъ. Въ 10-ой главѣ X книги у него сдѣланъ перечень крестоносцевъ и переименованы важнѣйшіе вожди. Вслѣдъ за ними идутъ люди только слышавшіе о крестовомъ походѣ и пользовавшіеся прежними источниками. На первомъ планѣ стоитъ Альбертъ Ахенскій въ «de bello sacro historia». Онъ не былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, но излагалъ по показаніямъ участниковъ. Разсказъ его начинается съ 1095 г. и кончается 1121 годомъ. Онъ бесѣдовалъ съ толпами пилигримовъ и воспроизвелъ ихъ похожденія и чувства съ живымъ энтузіазмомъ. Умеръ онъ въ концѣ XII столѣтія. Слѣдовательно, его сочиненія не могутъ строго назваться источниками, такъ какъ авторъ

терпятъ женщины, такъ какъ портится ихъ нравственность. Въ числѣ аргументовъ онъ приводитъ слѣдующее: „развѣ Христосъ и Духъ Святой не обитаютъ повсюду“? Развѣ слѣды и Гробъ Господень дѣлаютъ жителей Палестины менѣе преступными въ сравненіи съ самыми отдаленными европейцами?“ Святой Іеронимъ, хотя и ходилъ въ св. землю, но въ принципѣ не защищалъ пилигримство.

былъ удаленъ отъ мѣста дѣйствій. Вильгельмъ Тирскій написалъ «Belli sacri historia libri XXIII». Это сочиненіе доставило автору титулъ «князя историковъ крестовыхъ походовъ». Онъ обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ одинъ изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ оправдываетъ мусульманъ и не щадитъ своихъ единовѣрцевъ. Его сочиненіе не можетъ назваться источникомъ, а есть ничто иное, какъ пособіе, посвященное идеѣ крестовыхъ походовъ. Оно переведено на французскій языкъ и находится въ «Collection des mémoires» Гизо Трудомъ Вильгельма Тирскаго пользовался Бернардъ, бывшій казначеемъ при Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ. Онъ оставилъ намъ единственную полную исторію всего времени крестовыхъ походовъ и при томъ на старо-французскомъ языкѣ— L'estoire d'Eracle empereur et de la conqueste de la Terre d'Outremer (до 1230). До 1184 года Бернардъ ограничивался переводомъ исторіи Вильгельма Тирскаго. Съ этого же года онъ продолжалъ еще самъ до 1230 г.: анонимъ довелъ его хронику до 1275 г. (у Гизо, т. 19). Такимъ образомъ Бернардъ казначей полагался на Вильгельма Тирскаго, который въ свою очередь, пользовался другими источниками, такъ что иногда фразы Бернарда подъ вліяніемъ позднѣйшихъ наблюденій освѣщаютъ дѣло. Также заимствовано сочиненіе Якова Витрійскаго, епископа Птолемаиды, въ началѣ XIII вѣка, «О странахъ Востока»: «Hist. hieros. abbreviata». Родившись въ Витри, недалеко отъ Парижа, онъ обратилъ на себя вниманіе Иннокентія III и, по его порученію, въ 1230 г. проповѣдывалъ походъ противъ Альбигойцевъ Потомъ, какъ храбрый воинъ католицизма, отправился въ Палестину для просвѣщенія мусульманъ. Жители Акконы выбрали его своимъ епископомъ. Здѣсь, въ Палестинѣ, онъ задумалъ написать все то, что онъ видѣлъ. Когда увлеченіе, овладѣвшее христіанами, охладѣло, онъ сложилъ съ себя званіе епископа и удалился въ Италію, гдѣ и умеръ.

Изъ арабскихъ писателей наиболѣе извѣстенъ Абулъ-Магасенъ, жившій въ XV в. и написавшій сочиненіе: «Книга блестящихъ звѣздъ, султановъ Египта». Это сочиненіе очень важно, потому что оно составлено по современнымъ свидѣтельствамъ, не дошедшимъ до насъ.

Изъ византійскихъ наиболѣе существенны сочиненія Анны Комнены, жившей въ XII столѣтіи и Никиты Хоніата (1155—1216 г.). Сочиненіе послѣдняго начинается 1118 годомъ и кончается 1206 годомъ.

Для перваго крестоваго похода спеціальное и лучшее пособіе: Geschichte des ersten Kreuzzüge—Sybel, 2 изд. 1881; затѣмъ: Peyré (Hist. de la première croisade, 2 vls. 1861) Hagenmeyer (Peter der Eremite, L, 1879). Общія, кромѣ устарѣлой «Histoire des Croisades» Мишо (7 vls. 1817—22), и позднѣйшей капитальной работы Вилькена (G. der Kreuzzüge nach abendländischen und morgenländischen Berichten, 7 B. 1832), Röhricht (Beiträge, 2. B. 1878) Kugler (1882), H. Prutz (Kulturgeschiche der Kreuzzüge 1883).

Когда въ XI столѣтіи сталъ слагаться организмъ католической Церкви, то путешествіе по св. мѣстамъ, по его трудности, стало богоугоднымъ дѣломъ. Часто отецъ предназначалъ своего сына на богомолье для искупленія своихъ грѣховъ, и тогда первою обязанностью сына было исполненіе обѣта. Пилигримство служило въ то же время выраженіемъ благодарности. Пилигримы считались почти святыми людьми. Всякій, пожелавшій совершить это путешествіе, объявлялъ о своемъ желаніи епископу. Епископъ обсуждалъ вопросъ о томъ, насколько искренне желаніе такого лица, не хочетъ ли оно удовлетворить лишь любознательности, потомъ давалъ ему посохъ, котомку и благословеніе ко всѣмъ христіанамъ на пути. Всего труднѣе было получить дозволеніе на пилигримство монахамъ, которые могли обратиться къ свѣтской жизни, заручившись дозволеніемъ путешествія. Въ дорогѣ на пилигрима смотрѣли какъ на священника. Всѣ искали его благословенія и молитвы, хотя онъ и былъ міряниномъ. Странникамъ оказывалось всякаго рода вниманіе. Знатный феодалъ долженъ былъ давать ему мѣсто за своимъ столомъ рядомъ съ собой. Если пилигримъ не сдерживалъ почему либо своего обѣщанія, медлилъ по какой либо причинѣ, то это считалось преступленіемъ.

Такъ, въ IX вѣкѣ герцогъ Бретани, Фротмондъ по имени, убившій своего дядю и брата, былъ наказанъ путешествіемъ въ Іерусалимъ въ видѣ кающагося грѣшника. Изъ Іерусалима осужденный герцогъ направился пѣшкомъ въ Африку; отсюда же переѣхалъ въ Римъ на суднѣ. Но папа не былъ доволенъ этимъ наказаніемъ. Онъ велѣлъ ему еще разъ совершить странствіе. Герцогъ покорился: онъ побывалъ еще разъ въ Іерусалимѣ, пошелъ на Синай, жилъ тамъ 3 года, оттуда отправился въ Арменію и, наконецъ, возвратившись въ отечество, укрылся въ монастырѣ. Затѣмъ, Фульконъ, графъ Анжуйскій, убившій свою жену и много разбойничавшій, былъ три раза въ Палестинѣ, три раза лобызалъ гробъ Господень и все еще чувствовалъ угрызенія совѣсти. Даже женщины предпринимали эти опасныя путешествія.

Умереть возлѣ гроба, гдѣ были слѣды Спасителя, было величайшимъ счастьемъ. Пилигримы даже морили себя постами, подвергались бичеванію, чтобы только пострадать у гробницы Спасителя. Робертъ Дьяволъ, герцогъ нормандскій, предпринялъ путешествіе къ св. Землѣ съ большимъ числомъ

своихъ рыцарей, а на возвратномъ пути, въ Никеѣ, умеръ. Бургундецъ Ліутбальдъ умеръ на Масличной горѣ отъ изнуренія. Мало по малу изъ пилигримовъ стали образовываться цѣлыя толпы, такъ что они удивляли своею многочисленностью тѣ страны, чрезъ которыя проходили. Они ввели обыкновеніе нашивать на одеждахъ крестъ. Въ 1054 г. Ліутбертъ, епископъ Камбрэ, отправился въ св. Землю въ сопровожденіи болѣе чѣмъ 3000 странниковъ. Но эти пилигримы не достигли цѣли. Въ Болгаріи на нихъ напали славяне. Большая часть ихъ была избита, и епископъ вернулся. Въ 1064 году архіепископъ Майнцскій предпринялъ путешествіе съ 7000 человѣкъ. Это былъ уже цѣлый походъ, предпринятый съ цѣлью сопротивляться и даже вести войну въ случаѣ, если обстоятельства это позволятъ.

Тогда и мусульмане стали иначе обращаться съ пилигримами.

Сельджукскіе турки.

Въ это время на Востокѣ власть халифовъ Багдадскихъ пала подъ ударами новаго племени, называвшагося турками и вышедшаго изъ нынѣшняго Туркестана, изъ-за предѣловъ рѣки Аму-Дарьи. Они овладѣли Персіей и приближались къ Палестинѣ. Побѣдивъ халифа Багдадскаго въ 1038 г., они рѣшились выбрать себѣ властителя. Доселѣ они дѣйствовали разсыпными массами. Теперь же они сдѣлали перепись и нашли 100 знаменитыхъ колѣнъ. Потомъ они образовали изъ 100 стрѣлъ пукъ. На каждой изъ этихъ стрѣлъ было написано имя какого нибудь колѣна. Ребенокъ вынулъ въ присутствіи войска стрѣлу. Тогда изъ этого многочисленнаго колѣна было выбрано 100 семействъ; снова образовался пукъ стрѣлъ и ребенокъ опять вынулъ стрѣлу. Выборъ палъ на Тугрулъ-Бека, внука Сельджука. „Былъ же тотъ Сельджукъ, разсказываетъ Вильгельмъ Тирскій, мужъ весьма знатный, благородный и славный въ своемъ колѣнѣ, возрастомъ юнъ, но силами цвѣтущій; онъ былъ весьма опытенъ въ военномъ дѣлѣ и при своей красивой наружности имѣлъ величественный видъ могущественнаго государя. Такимъ образомъ, презрѣнный и ничтожный народъ достигъ быстро такого могущества, что господствовалъ надъ всѣмъ Востокомъ. Чтобы отличать людей того племени, которые избрали короля и тѣмъ снискали себѣ великую славу, отъ тѣхъ, которые, не измѣняя прежняго образа жизни, пребывали въ своей первобытной ди-

кости, первые назвались турками, а послѣдніе сохранили древнее имя Туркомановъ".

Упрочившись въ Персіи, турки разлились по Малой Азіи. Они дошли уже до Черноморскаго прибрежья. Здѣсь они разбили высланныя противъ нихъ византійскія войска. Затѣмъ вторглись въ Египетъ, наконецъ, въ 1076 г. спустились въ Сирію и овладѣли Іерусалимомъ.

Отношеніе мусульманъ къ пилигримамъ. Тогда положеніе христіанъ сдѣлалось еще невыносимѣе. Пилигримовъ обложили поборами, а у нихъ ничего не было, кромѣ посоховъ и котомокъ. Изъ 1000 едва одинъ могъ заплатить положенную дань за поклоненіе гробу Господню. Ихъ били, душили, плевали въ лицо, церкви были опозориваемы, алтари осквернены, роняли священные сосуды, терзали священниковъ. Самого патріарха трепали за волосы и бороду и не разъ свергали съ престола и бросали на землю. Мѣстные христіане терпѣли одинаково. Рыцари и прелаты, считавшіе себя могущественными, имѣли основаніе предполагать, что они силою заставятъ Сельджуковъ уважать христіанъ.

Первые походы были предприняты не королями, а частными лицами. Во главѣ ихъ стояли отважные воители и энтузіасты, но между ними не было единодушія. Для Вильгельма Тирскаго они были ничѣмъ другимъ, какъ выраженіемъ воли Господа, хотѣвшаго избавить свой народъ отъ долговременнаго бѣдствія, бросившаго взглядъ состраданія на угнетенныхъ христіанъ. Постепенно взоры западныхъ христіанъ обращались съ негодованіемъ на мусульманъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ гробъ Господень. Греки же оставались равнодушными, потому что ранѣе испытали силу невѣрныхъ. Они видѣли, какъ черныя и бѣлыя палатки турокъ покрывали долины и горы Виѳиніи и Каппадокіи, какъ стада турокъ паслись среди развалинъ монастырей и церквей. Никея, въ которой былъ первый вселенскій соборъ, сдѣлалась столицей мусульманъ. Стыдливость дѣвъ была оскорбляема варварствомъ побѣдителей. Дѣти христіанскія обрѣзывались тысячами; повсюду коранъ вытѣснялъ Евангеліе.

Легенда о Петрѣ пустынникѣ. Безсиліе грековъ засвидѣтельствовано Вильгельмомъ Тирскимъ (¹). Онъ разсказываетъ о томъ, будто бы Симеонъ, Іерусалимскій патріархъ, уполномочилъ священника Петра

(¹) Guilelmus Tyrius. Belli sacri historia; I, 11.

просить помощи у папы, такъ какъ греки не могутъ подать имъ ни надежды, ни утѣшенія, ибо едва могутъ защищать самихъ себя. Этого въ дѣйствительности не было: вся обстановка сказанія дышетъ религіозной фантазіей. Прежде всего важно то, что ранніе авторы, которые были участниками крестовыхъ походовъ, или вовсе не упоминаютъ о Петрѣ, или упоминаютъ вскользь. Впервые Петра пустынника вывели на историческую сцену Альбертъ Ахенскій и Вильгельмъ Тирскій. Въ этой легендѣ, составленной въ концѣ XII вѣка, высказался взглядъ тогдашнихъ современниковъ на крестовые походы. Все предпріятіе является дѣломъ аскетовъ и монаховъ. Петру Амьенскому приписали рѣчь, о которой никто не говоритъ изъ притутствовавшихъ на Клермонтскомъ соборѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ упоминается объ одномъ священникѣ, двинувшемся въ авангардѣ крестоносцевъ противъ мусульманъ, но имя этого священника не Петръ, а Кукопетръ. Этотъ священникъ прошелъ съ толпами крестоносцевъ Венгрію, привелъ ихъ въ Византію, а отсюда переправился въ Малую Азію. Въ дѣйствительности священникъ Петръ существовалъ, принималъ участіе въ крестовыхъ походахъ, но не въ событіяхъ предшествовавшихъ имъ. Личность Петра была одна изъ такихъ, которыя вліяли на массу. Но такими были и многіе другіе народные агитаторы, вліявшіе на массы въ родѣ священника Готшалка, Фолькмара. Онъ былъ даже менѣе ихъ извѣстенъ. Такъ Рауль Кенскій, норманскій хроникеръ, забылъ его имя. Вообще первый походъ былъ направляемъ не королями и правительствами, а энтузіазмомъ отдѣльныхъ личностей.

Время, знаменующее начало крестовыхъ походовъ, было очень тяжелое для западной Европы. Тогда особенно страдалъ народъ въ экономическомъ отношеніи. Куда ни оглянешься, всюду царилъ деспотизмъ, своеволіе знатныхъ и сильныхъ. Хуже всего было состояніе сельской массы. Городское населеніе только зарождалось. Оно не могло служить достаточной оппозиціей самовластію, не могло создать и защищать порядокъ. Церковная борьба въ Германіи, безначаліе въ Италіи, деспотизмъ въ Англіи, невольно заставляли людей послѣднія надежды низшихъ классовъ думать о Востокѣ. Со второй половины XI в. многіе начали распродавать свои имущества и выходить на дорогу, запасаясь оружіемъ и припасами; всѣ готовились идти въ далекую заморскую страну, гдѣ земли даются даромъ, гдѣ

жизнь ничего не стоитъ, гдѣ, по слухамъ можно грабить мусульманъ, сколько угодно, и гдѣ, что было выше всего сохранились слѣды земной жизни Спасителя. Послѣдніе годы были особенно тягостны народу, вслѣдствіе страшнаго голода, что сильнѣе всего отразилось на экономической жизни низшихъ классовъ. Имущество продавалось за ничто.

Между тѣмъ въ народѣ стали ходить слухи, что на Востокѣ, около святаго города, все пріуготовано для христіанъ, что все отнимется у невѣрныхъ и станетъ достояніемъ пилигримовъ. Когда эти обнищавшія толпы, прежде чѣмъ предпринять путешествіе обращались къ князьямъ, то получали отказъ, ибо у нихъ у самихъ не хватало средствъ прокормить народъ. Не дожидаясь вмѣшательства князей, эти толпы, уповая на милосердіе Божіе, двигались группами. Они думали, что передъ ними разступится все, ручьи потекутъ млекомъ, что счастіе наступитъ скоро, что ихъ печальная участь измѣнится, что самъ Богъ явится ихъ заступникомъ и вождемъ и что тамъ на Востокѣ Онъ предастъ богатства невѣрныхъ и нечестивыхъ въ руки вѣрныхъ. Потому, въ два послѣднія десятилѣтія XI в. составляются большія товарищества, которыя, отыскивая на Востокѣ улучшенія своей жизни, удовлетворяютъ въ то же время своимъ религіознымъ чувствамъ. Это торжественное движеніе началось такимъ образомъ ранѣе, чѣмъ потребность крестовой идеи отразилась въ высшихъ слояхъ общества.

Папы смотрѣли на этотъ вопросъ съ практической стороны. Они были заняты своими интересами и только Урбанъ II поставилъ „крестовый“ вопросъ на обсужденіе рядомъ съ другими въ г. Клермонѣ въ ноябрѣ 1095 г. Тутъ разсуждали о бракахъ и симоніи, воспретили вступать въ союзъ съ родственниками даже въ седьмомъ колѣнѣ, рѣшили опредѣлять въ духовныя должности только лицъ благороднаго происхожденія, запретили поставлять въ епископы безъ прохожденія низшихъ церковныхъ должностей, постановили тѣло и кровь Христову принимать отдѣльно, не брать платы за погребеніе умершихъ. Клермонтскій соборъ. 1095 г.

Только послѣ всего этого, папа, 26 ноября, выйдя на городскую площадь и обращаясь къ народу, указалъ на положеніе грековъ, разсказалъ, какъ Карлъ Великій поражалъ мусульманъ и убѣждалъ подняться противъ ислама „во имя славы Божіей“.

Его прекрасная рѣчь записана у Роберта Монаха. Этой рѣчи можно довѣрять, хотя не дословно. Извѣстно, что Робертъ слышалъ ее самъ, но, записывая рѣчь Урбана, проговорился лѣтописецъ и объ экономическихъ причинахъ крестовыхъ походовъ. „Да не увлекутъ васъ какія либо стяжанія,— говорилъ папа, или заботы о домашнихъ дѣлахъ, потому что земля, которую вы населяете, отовсюду сдавленная моремъ, дѣлается тѣсной, вслѣдствіе вашей многочисленности; богатствами она не обильна, отсюда просиходитъ то, что вы другъ друга терзаете и пожираете... Да прекратится ваша ненависть! Да смолкнутъ междоусобія! Предпримите путь ко Гробу Господню, исторгните эту землю изъ рукъ нечестивыхъ народовъ и подчините ее себѣ. Та земля, предназначенная Богомъ въ руки христіанъ, течетъ медомъ и млекомъ; Іерусалимъ же, плодородный перлъ земли, второй рай земной, находится теперь въ рукахъ невѣрныхъ". Единодушное одобреніе тысячи голосовъ выразилось въ крикѣ: Dieu le veut (Богу такъ угодно)!

Затѣмъ папа, въ виду общаго одушевленія, сталъ взывать къ предстоящимъ и обѣщалъ небесное царство каждому, кто приметъ участіе въ святомъ дѣлѣ. Женщины, больные и неспособные къ войнѣ должны были оставаться дома. Во всякомъ случаѣ для странствія требовалось особенное разрѣшеніе священника. Кто предпринималъ странствіе, долженъ былъ носить изображеніе креста на груди; кто шелъ воевать, долженъ былъ носить такой же крестъ на правой рукѣ.

Вѣсть о походѣ съ необычайною быстротою разнеслась повсюду. „Это было въ то время, говоритъ Ордерикъ Виталій, когда люди другъ другу наносили величайшія бѣдствія разбоями и грабежами. Злоба во всѣхъ видахъ дошла до крайнихъ предѣловъ и причинила тѣмъ, которые были ею исполнены, страшныя бѣдствія. Въ то же время сильная засуха сожгла траву на лугахъ и, зноемъ истребивъ жатву и овощи, причинила голодъ". Тогда, продолжаетъ Ордерикъ, одинъ епископъ, искусный въ медицинѣ, наблюдая теченіе звѣздъ для составленія гороскопа, замѣтилъ великое чудо, о которомъ, передалъ своему сотруднику, а этотъ, много лѣтъ спустя передалъ мнѣ. Я вижу, говорилъ епископъ, что это явленіе знаменуетъ великое переселеніе народовъ изъ одного края въ другой; многіе отправляются, чтобъ никогда не возвращаться". Это мѣсто въ высшей степи важно для выраженія настроенія тогдашняго времени. Изъ него видно, какъ все искало выхода изъ своего невыгоднаго экономическа-

го положенія и въ то же время стремилось къ удовлетворенію своихъ религіозныхъ чувствъ.

Первый походъ предприняли въ 1095 г. вооруженные богомольцы, которые, точно по таинственному сигналу, стекались съ разныхъ сторонъ. Всѣ были одушевлены великимъ подвигомъ, всѣ стремились принять въ немъ участіе. По словамъ лѣтописца 1-го и 2-го крестовыхъ походовъ, остались только вдовы при живыхъ мужьяхъ. Ближайшій свидѣтель, монахъ Робертъ, по этому поводу вскользь замѣчаетъ о дѣятельности Петра, не придавая таковой особеннаго значенія. „Былъ въ тѣ дни Петръ, извѣстный пустынникъ; онъ превосходилъ всѣхъ святостію жизни; не вкушалъ хлѣба и мяса и, довольствуясь виномъ и овощами, воздерживался отъ всѣхъ удовольствій". Лѣтописецъ не упоминаетъ о томъ, чтобы Петръ участвовалъ на соборѣ, и этого уже достаточно для опроверженія мнимаго факта. Онъ говоритъ, что уже послѣ собора, Петръ собралъ около себя не малое число пѣшихъ и конныхъ людей и направился черезъ Венгрію. Всѣ позднѣйшія прибавленія, по соображеніямъ Зибеля, оказываются легендарными.

На Венгрію же шелъ путь и регулярныхъ крестовыхъ ополченій. Изъ числа собравшихся особенно большія надежды подавалъ нѣмецкій герцогъ Готфридъ изъ Лотарингіи. Онъ былъ родомъ изъ Буйльона, но по своимъ владѣніямъ считался вассаломъ императора германскаго Генриха IV. Готфридъ, говоритъ Монахъ Робертъ, былъ красивой наружности, кротокъ нравомъ и до того добръ, что скорѣе походилъ на монаха, чѣмъ на воина; но при встрѣчѣ съ непріятелемъ на полѣ битвы онъ воспламенялся и былъ неудержимъ, „какъ левъ рыкающій". Это свидѣтельство Роберта можно считать заслуживающимъ вѣры. Готфридъ Буйльонскій.

Тотъ же памятникъ рисуетъ намъ соціальное и вообще внутреннее состояніе народной массы и всѣхъ классовъ (¹). „Крестовое движеніе было до того сильно между богатыми и бѣдными, что не спрашивали, какъ идти, а только куда и когда идти. Всѣ спѣшили распродавать имущество". Послѣдній годъ былъ повсюду голодный на Западѣ, вслѣдствіе чего хлѣбъ и съѣстные припасы вздорожали а деньги упали Энтузіазмъ крестоносцевъ.

(¹) Robertus. Hist. Hierosolymitana; II, 5.

въ цѣнѣ. Теперь, въ виду предстоящаго похода на отдаленный Востокъ, происходитъ обратное явленіе. Такъ какъ для похода нужны были деньги, то всѣ предметы упали въ цѣнѣ, а деньги сильно вздорожали; накупленный въ виду голода хлѣбъ продавался за ничто, потому что крестоносецъ торопился распродать все, чтобы только достать денегъ и участвовать въ общемъ святомъ дѣлѣ. Тѣ, которые сегодня смѣялись надъ торопившимися сосѣдями, завтра сами дѣлали то же; такъ сильно было общее увлеченіе. Тутъ и дѣти и старики собирались въ походъ, замѣчаетъ хроникеръ. Всѣ укладывали свои пожитки съ дѣтьми и отправлялись на Востокъ, при чемъ каждый попавшійся городъ принимали за Іерусалимъ.

Эти толпы лишены были всякой организаціи. Первую изъ нихъ повелъ Вальтеръ Голякъ. Съ нимъ тащилось множество пѣшаго народа; еще болѣе было съ обозами. Уже за нимъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пошелъ священникъ Петръ съ безчисленнымъ множествомъ народа. И тѣ и другіе встрѣтили препятствія въ Венгріи, но удачно обошли ихъ и дошли до Константинополя. Императоръ, нисколько не опасаясь этихъ неустроенныхъ массъ и зная, что они скоро погибнутъ въ Анатоліи, съ удовольствіемъ переправилъ ихъ на берегъ Малой Азіи.

Дорогой крестоносцы держали себя несообразно съ своимъ назначеніемъ. Они грабили села, города и все, что ни попадалось имъ на пути. Въ Каппадокіи они встрѣтили регулярный отрядъ турокъ. Конечно, при первомъ столкновеніи съ мусульманами всѣ эти толпы съ дѣтьми и стариками бѣжали; но они были нагнаны и почти всѣ перебиты. Тутъ же погибъ и Вальтеръ. Петръ успѣлъ спастись и вернулся въ Константинополь, гдѣ сталъ ждать арміи. Но еще раньше ея прибытія въ предѣлы нынѣшней Турціи, вступили въ Венгрію два новыхъ ополченія полигримовъ. Одними предводительствовалъ нѣмецкій священникъ Готшалькъ; съ нимъ было 15 тысячъ швабовъ, баварцевъ и лотарингцевъ; съ другимъ шелъ буйный графъ Эспико. Первое ополченіе было все истреблено венграми; второе показало свою храбрость надъ беззащитными евреями въ Майнцѣ. Хотя послѣдніе заручились покровительствомъ епископа, отдавъ ему всѣ свои сокровища, но 700 женъ и дѣтей были крещены насильственно. Затѣмъ Эспикъ (по Альберту Ахенскому) собралъ

до 200 тысячъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Онъ хотѣлъ силою прорваться чрезъ венгерскія укрѣпленія; но это ополченіе было окружено венграми и перерѣзано; волны Дуная, гдѣ происходило побоище, надолго побагровѣли отъ крови. Отдѣльные отряды пилигримовъ продолжали однако со всѣхъ сторонъ двигаться на Венгрію. Не зная дороги, они шли, говоритъ Альбертъ Ахенскій, по слѣдамъ гуся и козы, предполагая въ нихъ присутствіе св. Духа. Даже регулярныя войска, которыя выступили осенью 1096 года, не представляли изъ себя строго организованныхъ силъ. Съ ними тащились монахи, беременныя женщины, дѣти и старики.

Путь крестоносцевъ.

Готфридъ съ регулярными силами поднялся въ 1096 году; у него было только 20 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы. Онъ держалъ путь черезъ нынѣшній Бѣлградъ, а оттуда на Софію и Адріанополь. Съ нимъ были братья Балдуинъ и Евстафій съ множествомъ духовной и свѣтской знати изъ Лотарингіи и Фландріи. Князья же изъ Нормандіи и сѣверной Франціи, Робертъ Нормандскій, Балдуинъ Фландрскій, Гуго Вермандуа и знаменитый своею физической силою Стефанъ Блуа—пошли на Туринъ. Оттуда, соединившись съ Боэмундомъ и съ княземъ Тарентскимъ, пройдя вдоль Италіи до Бари и Брундузія, они переправились въ Дураццо. Графъ Раймундъ и провансальцы избрали другой путь. Пройдя черезъ Ломбардію, они спустились на сѣверный изгибъ Адріатическаго моря у Тріеста, пошли по нынѣшней Далмаціи и Черногоріи до города Скутари и Дураццо. Здѣсь они могли соединиться со вторымъ ополченіемъ, т. е. съ французскимъ, которое какъ было сказано, шло на Италію и потомъ переправилось чрезъ Адріатическое море. Общими силами они устремились къ Константинополю. Такимъ образомъ движеніе было разсчитано обдуманно, при чемъ приняты были въ соображеніе ресурсы земель, черезъ которыя надлежало проходить.

Крестоносцы въ Царьградѣ и Алексѣй I Комненъ (1081-1118 г.).

Въ Константинополѣ должно было собраться болѣе полумилліона западныхъ гостей. Гости эти были очень опасны для трусливаго и безсильнаго императора. Тогда царствовала династія Комненовъ ([1]) Алѣксѣй I Комненъ былъ настолько

([1]) Преемниками Константина VI Багрянороднаго были: не считая его сына Константина VIII, Романъ II (959—963 г.), Никифоръ Фока

расчетливъ и проницателенъ, что потребовалъ отъ вождей крестоносцевъ обѣщанія отдать ему всѣ завоеванныя земли въ Малой Азіи, на томъ основаніи, что онѣ издавна принадлежали Византіи. Онъ очень смущенъ былъ извѣстіемъ изъ Дураццо, какъ одинъ изъ вождей, графъ Гуго, укрылъ въ своей свитѣ двухъ греческихъ чиновниковъ, измѣнившихъ правительству. Поэтому комендантъ Дураццо задержалъ Гуго и отправилъ его плѣнникомъ въ Константинополь. Тамъ былъ уже въ это время Готфридъ, который и выручилъ своего товарища. Готфридъ умѣлъ поладить съ хитрыми греками: онъ отстранилъ враждебное столкновеніе, поводовъ къ которому было достаточно. Князья, наконецъ, по иниціативѣ Готфрида, обѣщали принести императору присягу за будущія завоеванія на Востокѣ. Отказался одинъ только Раймундъ Тулузскій, но и онъ обѣщался не поднимать оружія противъ грековъ.

Крестоносцы въ Малой Азіи. Наконецъ, переправа на греческія средства совершена была уже весною 1097 года. Такимъ образомъ $^{3}/_{4}$ года было употреблено на то только, чтобы достигнуть береговъ Малой Азіи. Прежде всего сдалась Никея послѣ 50-дневной осады. Здѣсь произведенъ былъ смотръ крестоносному воинству; насчитано было 400 тысячъ пѣхоты и 100 тысячъ всадниковъ. При нихъ были тысячи женщинъ и дѣтей, монаховъ, служителей, обозчиковъ. Недоставало только немногаго—вождя. Отсутствіе власти и дисциплины скоро сказались. Быстро вся страна до Тавра была покорена, ибо турки всюду бѣжали; завоеванное было передаваемо Византіи. Всѣ операціи велъ Готфридъ, но и онъ не могъ склонить къ единству разрозненныхъ князей. На небольшомъ пространствѣ западной Анатоліи армія оперировала безъ всякой надобности. Священная цѣль, послѣ того какъ крестоносцы вкусили наслажденій востока, была забыта; во всѣхъ заговорилъ духъ своекорыстія. Мусульмане на это давно расчитывали. Балдуинъ, повернувъ на во-

---

(963—969), Іоаннъ Цимисхій (969—976), Василій II и Константинъ VIII (976—1028), при которыхъ свершилось крещеніе Руси, Романъ III (1028—34), Михаилъ IV Пафлагонецъ (1034—41), Михаилъ V Калафотъ (1041—42), Зоя и Θеодора (1042), Константинъ IX Мономахъ (1042—54), Θеодора снова (1054—56), Михаилъ V (1056—57), Исаакъ Комненъ (1057—59), Константинъ X Дукасъ (1059—67), Евдокія съ сыновьями Михаиломъ VI, Андроникомъ I, Константиномъ IX и Романомъ IV Діогеномъ (1067—78), Никифоръ Ботоніатъ и Никифоръ Бріеннскій (1078—81 г.).

стокъ, отдѣлился отъ крестоносцевъ и взялъ Эдессу на притокѣ Ефрата. Его примѣру послѣдовалъ итальянецъ Боэмундъ.

Онъ намѣтилъ себѣ Антіохію, пунктъ очень важный по богатству, по рессурсамъ и по стратегическому значенію. Городъ былъ сильно укрѣпленъ, по тогдашнимъ условіямъ. Взять Антіохію можно было только при особомъ искусствѣ осаждающихъ. Но Боэмундъ не отличался военными талантами, а его разношерстное воинство чувствовало недостатокъ въ припасахъ. Средства богатой страны были истощены. За недостаткомъ, въ лагерѣ осаждающихъ открылся голодъ, который подъ конецъ принялъ ужасающій характеръ. Люди съѣли большую часть лошадей, такъ что изъ 70 тысячъ коней осталось едва 2 тысячи; прочіе или пали, или были съѣдены. Увѣренность покинула воинство; фанатизмъ видимо ослабѣлъ послѣ первыхъ испытаній. Тяжелая дѣйствительность охлаждала самые великодушные порывы. Главнѣйшій изъ агитаторовъ священникъ Петръ собрался бѣжать вмѣстѣ со всѣми другими. Его удержали и вернули въ лагерь. Къ веснѣ дѣла нѣсколько улучшились. Крестоносцы, несмотря на истощеніе своихъ силъ, разбили приближавшійся турецкій вспомогательный отрядъ; генуэзцы подвезли людей и припасы. Болѣзни уменьшились. Вдругъ въ христіанскій лагерь пришла вѣсть, что Кербога, который получилъ въ даръ отъ султана Баркіорока Моссульское намѣстничество, ведетъ 200 тысячъ войска на выручку Антіохіи. Нѣкоторые изъ вождей крестоносцевъ пустились бѣжать: такъ, между прочими тайкомъ скрылся Стефанъ, графъ Блуа, а съ нимъ 4000 воиновъ. Къ счастію для христіанъ, одинъ ренегатъ, охранявшій главную городскую башню, предложилъ осаждающимъ сдать укрѣпленіе за большую сумму и впустить крестоносцевъ въ городъ. Боэмундъ извѣстилъ объ этомъ вождей, но потребовалъ чтобы въ благодарность князья обѣщали предоставить Антіохію въ его личное и потомственное владѣніе. Князья согласились. Ночью христіане проникли въ городъ и стали безпощадно истреблять населеніе; мужчины, женщины и дѣти погибали тысячами подъ копьями и ножами крестоносцевъ; всего погибло мусульманъ не менѣе 10 тысячъ. Послѣ мѣсячной осады, христіане стали обладателями Антіохіи, хотя самая крѣпость еще держалась. Но этимъ дѣло далеко не кончилось. Кербога подошелъ какъ разъ въ то время, когда христіане вошли въ Антіохію. Изъ осаждающихъ они обрати-

Осада Антіохіи.

лись въ осажденныхъ. Ихъ вожди не приняли никакихъ мѣръ къ снабженію города припасами. Открылся голодъ; къ тому же оказался недостатокъ въ водѣ; ключи, снабжавшіе городъ, были отрѣзаны. Началось бѣгство изъ города; многіе изъ христіанъ до того пали духомъ, что въ турецкомъ лагерѣ принимали мусульманство, чтобы избѣжать мученій. Тогда. по свидѣтельству историка, имѣвшаго всѣ свѣдѣнія отъ очевидцевъ, свершилось чудо. Священникъ Петръ Варѳоломей пришелъ къ графу тулузскому, Раймунду и передалъ, что апостолъ Андрей, 4 раза посѣщавшій его во снѣ указалъ, что въ церкви апостола Петра сокрыто копье, которымъ былъ пронзенъ Спаситель и что это копье принесетъ спасеніе христіанамъ. Священникъ повелъ вождей къ указанному мѣсту, гдѣ копье дѣйствительно было зарыто, хотя очень неглубоко. Это обстоятельство одушевило крестоносцевъ. Самый страстный энтузіазмъ овладѣлъ ими. Они напрягли послѣднія усилія и, увлеченные св. копьемъ, сдѣлали вылазку. Кербога не ожидалъ нападенія; онъ слишкомъ презиралъ христіанъ и жестоко поплатился за свою самонадѣянность. Онъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ берегамъ Ефрата; войско его было разсѣяно; сотни христіанъ гнали тысячи мусульманъ.

Тогда началась распря между христіанскими вождями. Графъ тулузскій, не соглашаясь на заключенное помимо его условіе, хотѣлъ возвратить Антіохію Византійскому императору. Воинство креста справедливо возмущалось этимъ несвоевременнымъ препирательствомъ вождей. — „Если князья еще будутъ продолжать ссориться, говорили въ христіанскомъ станѣ, и станутъ предпочитать свои счеты дѣлу Божію, мы разрушимъ этотъ несчастный городъ, изъ за котораго происходятъ всѣ ссоры. Мы выберемъ себѣ военачальника, который поведетъ насъ въ Іерусалимъ". Князья испугались угрозъ и, предоставивъ Боэмунду его долю, двинулись впередъ къ цѣли предпріятія. Между тѣмъ подъ Антіохіей крестоносцы потеряли цѣлый годъ.

Это было уже въ маѣ 1099 года. Войска шли между горами Ливана и морскимъ берегомъ. Сюда приставали итальянскія суда съ припасами; 6 іюня крестоносцы были въ Эммаусѣ.

Въ это время Іерусалимъ былъ взятъ египетскимъ полководцемъ Афдаломъ, который свергнулъ Сельджуковъ. Сельджукскій султанъ Баркіарокъ удалился за Ефратъ и продолжалъ владѣть этими землями. Крестоносцы предположили, что можно достигнуть обладанія святымъ городомъ путемъ

дипломатическихъ переговоровъ. Но вліятельные монахи и священники, возбудивши фанатизмъ въ войскѣ, настояли на осадѣ святаго города.

Взятіе Іерусалима въ 1099 года и начало Іерусалимскаго королевства.

Велика была радость крестоносцевъ, когда они съ высотъ увидѣли священный городъ. Они осаждали его пять недѣль, думая принудить къ сдачѣ голодомъ, но узнали, что на помощь осажденнымъ идутъ несмѣтныя полчища мусульманъ. Тогда рѣшено было взять городъ приступомъ при помощи машинъ. Крестоносцевъ было отъ 20 до 30 тысячъ, между тѣмъ какъ мусульманъ около 60 тысячъ (по другимъ 40 т.). Ревность къ вѣрѣ дѣлала силы христіанъ неодолимыми и готовыми на всѣ испытанія. Осаждающіе нуждались въ водѣ и въ лѣсѣ, для устройства стѣнобитныхъ машинъ. Ключи были отрѣзаны. Египтяне засѣли у всѣхъ источниковъ и колодцевъ, пуская стрѣлы на выборъ. Вьючные животные отъ жажды при палящемъ зноѣ падали тысячами; ихъ трупы гнили неубранные, заражая воздухъ. Напрасно отряды крестоносцевъ искали строительнаго матеріала въ этой обнаженной, безлѣсной странѣ. Къ счастію, генуэзцы подвезли дерево какъ разъ во время. Дѣятельно крестоносцы принялись за постройку стѣнобитныхъ машинъ. Всѣ съ благоговѣніемъ и молитвой готовились къ штурму. Воины исповѣдались и пріобщались. Послѣ двухдневнаго кровопролитнаго штурма крестоносцы ворвались въ городъ. Это было 15 іюля 1099 году. Мусульмане отступили въ мечеть Омара, выстроенную на мѣстѣ храма Соломона. Здѣсь произошло страшное кровопролитіе. По словамъ лѣтописца, храмъ былъ обагренъ кровью до такой степени, что лошади могли пить эту кровь и плавать въ ней. Въ мечети Омара было перебито по крайней мѣрѣ 10 тысячъ мусульманъ, а въ синагогѣ были сожжены всѣ загнанные туда евреи. Послѣ этого страшнаго избіенія, христіане, омывшись и одѣвшись въ чистыя одежды, босые, отправились на поклоненіе Гробу Господню.

По словамъ лѣтописца, городъ буквально былъ разграбленъ а жители перебиты; погромъ не миновалъ ни одного дома. Эти страшныя сцены произвели отрицательные результаты: онѣ вызвали фанатическое раздраженіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ противъ христіанъ. Королемъ Іерусалима былъ выбранъ Готфридъ Буйльонскій, но онъ не хотѣлъ носить королевскую корону тамъ, гдѣ Спаситель носилъ терновый вѣнецъ. Онъ назвался „Защитникомъ Гроба Господня“.

2) Гогенштауфены на императорскомъ престолѣ въ борьбѣ съ папствомъ въ XII вѣкѣ.

Намъ предстоитъ закончить обзоръ папскихъ и императорскихъ отношеній, обзоръ борьбы обѣихъ властей. Мы разсказали, какъ обѣ стороны сошлись на томъ компромисѣ, который извѣстенъ подъ именемъ Вормскаго конкордата. По этому конкордату существенныя права папской власти не были затронуты. Слѣдующіе папы добиваются расширенія своихъ преимуществъ. Но они встрѣтили противъ себя не менѣе могущественныя стремленія въ преемникахъ франконскаго дома на престолѣ священной имперіи (¹).

(¹) Анализируя источники XII вѣка для исторіи Германіи, мы замѣчаемъ въ нихъ болѣе одушевленное движеніе, болѣе осмысленное направленіе, болѣе широкій и болѣе ясный взглядъ. Хотя число лѣтописей меньше, но онѣ за то болѣе содержательны, болѣе интересны. Довольно указать на епископа Оттона Фрейзингенскаго, чтобы видѣть успѣхи средневѣковой исторіографіи. Оттонъ приходился внукомъ императора Генриха IV. Онъ былъ сыномъ Агнесы отъ ея втораго брака съ герцогомъ австрійскимъ Леопольдомъ. Въ то же время онъ былъ братомъ императора Конрада III и дядей Фридриха I Барбароссы. Уже одни эти родственныя отношенія къ руководителямъ германскихъ дѣлъ показываютъ значеніе его хроники. Оттонъ Фрейзингенскій учился въ Парижѣ и уже въ молодые годы былъ епископомъ. Онъ умеръ въ Палестинѣ въ 1157 году. Его хроника (до 1147 года въ 7 книгахъ) составлена большею частію по другимъ лѣтописямъ, но VII книга есть записка современника. За то его такъ называемая исторія «de rebus gestis», въ двухъ книгахъ, доведенная до 1156 года, отличается замѣчательными литературными достоинствами. Въ ней существенно важно введеніе, представляющее обозрѣніе всемірныхъ историческихъ событій отъ начала папской борьбы до вступленія Фридриха I. Оба труда имѣли продолжателемъ итальянца Оттона, аббата de Sancto Blasio до 1209 г. а исторію Фридриха Барбароссы продолжалъ Радевикъ до 1106 г. затѣмъ анонимъ до 1170 г. Подробный разборъ этой хроники находится у Wiedemann (Otto Fr., sein Leben u. seine Werken, 1849 Pas). Даже современники высоко цѣнили литературный талантъ Оттона. Они находили что онъ былъ почти первый, который внесъ въ литературу тонкости философіи Аристотеля. Конечно, эти средневѣковые критики смотрѣли на Оттона со стороны внѣшней отдѣлки.—По отношенію къ итальянскимъ дѣламъ, какъ на существенно важную, надо указать на исторію города Лоди, соч. Морены и на хронику мессира Рауля Миланскаго и его исторію Фридриха въ Италіи. По отношенію къ славянамъ назовемъ Гельмольда; его знаменитое «Chronicon Slavorum libri duo»,—до 1170 года. Гельмольдъ былъ священникомъ новой Любекской эпархіи, въ нынѣшней южной Гольштиніи. Онъ

Интересъ исторіи Германіи и Священной имперіи въ XII столѣтіи вращается на выдающихся представителяхъ династіи Гогенштауфеновъ. Этотъ домъ возвысился впродолженіи предъидущаго XI вѣка, благодаря Генриху IV, который предоставилъ мужу своей дочери Агнесы, графу Фридриху Бюренскому Швабію; послѣдній назвался съ тѣхъ поръ Гогенштауфеномъ. Его старшій сынъ, Фридрихъ Одноглазый, удержалъ за собой Швабію. Послѣ смерти мужа, Агнеса вышла за австрійскаго герцога Леопольда. Таковы были претенденты на императорскую корону помимо саксонскаго герцога. Они стояли въ одинаковомъ родственномъ отношеніи къ покойному Генриху IV. Но саксонскій герцогъ Лотарь, который считался первымъ кандидатомъ, а также Леопольдъ—рѣшительно отказались отъ престола. Тогда швабскій Гогенштауфенъ Фридрихъ хотѣлъ рѣшительно протянуть руку къ коронѣ. Когда Майнцскій епископъ предложилъ всѣмъ тремъ кандидатамъ вопросъ—охотно-ли они будутъ повиноваться новоизбранному, то Лотарь и Леопольдъ безпрекословно согласились. Фридрихъ молчалъ. Раздраженные этимъ князья, въ виду его назойливости, выбрали Лотаря саксонскаго, противъ воли послѣдняго.

Императоръ Лотарь II (1125-1137 г.).

Сильные Гогенштауфены отказали ему въ повиновеніи, почему все правленіе Лотаря II прошло въ междоусобныхъ

умеръ въ 1175 году. Онъ изображаетъ процессъ окатоличенія и германизаціи съ нѣмецкой точки зрѣнія. Также, по отношенію къ славянамъ, важна лѣтопись Арнольда Любекскаго, до 1209 года. Объ этихъ лѣтописяхъ —латинская монографія Лаппенберга, помѣщенная въ VI томѣ историческаго архива Пертца. Затѣмъ Саксонскій хронографъ даетъ лишь отрывистыя свѣдѣнія, преимущественно по отношенію къ Саксоніи XII в. Также хроника Альберта-фонъ-Стаде,—доведенная до 1256 года. У Мураторн и у Пертца множество хроникъ итальянскихъ городовъ и нѣмецкихъ монастырей того времени. Итальянскія хроники особенно замѣчательны. На классической почвѣ Италіи развился вкусъ къ исторіи, при чемъ событія въ Италіи понимались гораздо шире, чѣмъ въ Германіи. Тамъ смотрѣли на нихъ чрезъ призму міровыхъ отношеній, съ политической точки зрѣнія, тогда какъ въ Германіи они принимали узкій національный характеръ. Въ Италіи проводилось свѣтское направленіе; тамъ боролись столько же противъ свѣтскихъ поползновеній нѣмецкихъ императоровъ, сколько за республиканскій принципъ. Въ особенности этимъ направленіемъ увлечены были лѣтописцы конца XII вѣка. Единственное въ общемъ смыслѣ сочиненіе для XII вѣка это первые два тома Раумера (1823 года),— старое, но весьма богатое фактическимъ содержаніемъ сочиненіе. Позднѣе вышло ни менѣе обширное французское произведеніе—Cherrier. H. de la dynastie des Souabes.

войнахъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ лѣтъ [1]. Только въ 1135 году оба непокорные герцога подчинились императорской власти. Въ видахъ усиленія своего могущества, Лотарь выдалъ дочь свою Гертруду за баварскаго герцога Генриха Гордаго, давъ ей въ приданое свое саксонское герцогство. чѣмъ значительно усилилъ и безъ того могущественный Вельфскій домъ. Кромѣ того Генриху были предоставлены тосканскія владѣнія Матильды, съ тѣмъ чтобы онъ послѣ своей смерти предоставилъ ихъ Церкви. Вслѣдствіе этого Генрихъ сталъ сильнѣе самого императора. Въ виду такого обстоятельства, самъ Гогенштауфенъ видѣлъ въ немъ опаснаго соперника. Теперь вся Германія раздѣлилась на двѣ враждебныхъ въ политическомъ отношеніи партіи,—сторонниковъ вельфовъ и сторонниковъ гогенштауфеновъ. Послѣдніе кромѣ своего родоваго замка Штауфена—имѣли еще замокъ Вейблинъ, отъ имени котораго и получили свое прозвище гибеллиновъ (по итальянскому выговору). Эти слова—вельфы и гибеллины—стали призывнымъ крикомъ для двухъ партій, особенно въ Италіи. Впослѣдствіи. эти частные интересы германскихъ партій были перенесены и на итальянскую почву. Названія вельфовъ и гибеллиновъ стали девизомъ знамени папскаго и имперскаго, хотя вельфы, представлявшіе папскую партію, часто бывали бо́льшими ослушниками папскихъ повелѣній, чѣмъ гибелины. Рядомъ съ этими двумя домами въ сѣверной Германіи возвысился третій,—Ангальтскій домъ, представителемъ котораго былъ Альбрехтъ Беренскій. Онъ получилъ отъ Лотаря сѣверную Саксонскую марку и утвердился окончательно въ Бранденбургскихъ земляхъ, которыя колонизировалъ. Его можно считать истиннымъ основателемъ Бранденбургской марки; при немъ, впервые въ XII столѣтіи, упоминается городъ Берлинъ. Одновременно выдвигаются. соперница Берлину, Вѣна, резиденція Леопольда Австрійскаго. и Мюнхенъ, обязанный своимъ украшеніемъ сыну Генриха Гордаго. При такихъ сильныхъ князьяхъ императоръ едва ли былъ замѣтенъ. При его рыцарствѣ личныя хорошія качества не приносили пользы. Его походы въ Италію не имѣютъ значенія. Онъ умеръ въ Тиролѣ по возвращеніи изъ Италіи 3 декабря 1137 года.

[1] Bernhardy. Jahrbücher der deutschen Geschichte unter Lothar von Sachsen (L. 1879).

Князья выбрали единодушно его противника, гогенштауфена Конрада III. Онъ былъ герцогомъ Франконскимъ; ему уступилъ первенство его неугомонный старшій братъ, Фридрихъ (¹). Конрадъ прежде всего потребовалъ, чтобы Генрихъ отступился отъ нѣкоторыхъ своихъ владѣній. Такъ какъ сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ Баваріи, Саксоніи и итальянскихъ земель было опасно для государства, то за отказомъ послѣдовала война, къ которой Генрихъ совсѣмъ не былъ готовъ. Новый властитель распредѣлилъ владѣнія своихъ соперниковъ такимъ образомъ: Баварія была отдана Леопольду, Саксонія—Альберту, Бранденбургское герцогство потомъ было возвращено сыну умершаго Генриха—Льву.

Конрадъ III (1137-1152 г.).

Его дядя энергично продолжалъ бороться съ королемъ. Подъ Вейсбергомъ онъ былъ разбитъ самимъ Конрадомъ. По хроникѣ монастыря св. Панталеона въ этой битвѣ въ первый разъ раздались крики—hic Welf и hic Weiblingen. Эти крики съ этого дня стали лозунгомъ обѣихъ партій. Послѣ осады сдался и самый городъ. Конрадъ, по той же хроникѣ, будто бы раздраженный сопротивленіемъ, приказалъ перебить всѣхъ мужчинъ, предоставивъ свободный выходъ женщинамъ съ тѣми драгоцѣнностями, какія только тѣ пожелаютъ взять съ собой. Но онѣ очень широко воспользовались даннымъ позволеніемъ. Женщины вышли изъ воротъ, неся на своихъ плечахъ мужей, отцевъ и дѣтей. Очень вѣроятно, что подобное событіе было дѣйствительнымъ фактомъ. Во всякомъ случаѣ такія чувства могли быть проявленіемъ рыцарства, охватившаго со времени крестовой идеи всю Западную Европу.

Крестовая идея имѣла способность пробуждаться по временамъ.... Молодая крестовая колонія у св. Гроба составляла іерусалимское королевство. Это королевство было постигнуто несчастіями. Готфридъ, король іерусалимскій, принявшій титулъ „защитника Гроба Господня“, чрезъ нѣсколько дней по утвержденіи въ Іерусалимѣ обратился на мусульманъ, двигавшихся изъ Египта и поразилъ ихъ при Аскалонѣ въ августѣ 1099 года. Въ слѣдующемъ году Готфридъ умеръ. Уже онъ долженъ былъ допустить рядомъ съ собой вассаль-

Первые іерусалимскіе короли въ борьбѣ съ мусульманами.

(¹) Jaffe. Geschichte des deutschen Reichs unter Konrad III (B. 1845).

ныя владѣнія. Такъ Балдуинъ владѣлъ Эдессой, Боэмундъ—Антіохіей, Раймондъ—Тиромъ, Танкредъ—Галилеей. Эти люди приносили съ собой въ новое королевство европейскія понятія и свою мелкую феодальную вражду, тогда какъ оно нуждалось въ единодушіи. Готфриду наслѣдовалъ его братъ Балдуинъ I (1100—1117), затѣмъ дальній родственникъ его Балдуинъ II Буржскій (1118—1131). Первый изъ нихъ, т. е. Балдуинъ I взялъ Птолемаиду, Бейрутъ, Сидонъ; второй покорилъ Тиръ, такъ что сирійскіе мусульмане сосредоточились только въ Дамаскѣ и Алеппо. Съ Балдуиномъ II кончилась линія іерусалимскихъ королей. Въ 1131 году іерусалимское королевство переходитъ къ Фулькону Анжуйскому (1131—1145), а затѣмъ къ его малолѣтнему сыну Балдуину III (1145—1162).

Тогда-то начались успѣхи мусульманъ, которые видѣли, что малолѣтнему королю іерусалимскому не сдержать въ подчиненіи своихъ владѣній, а тѣмъ болѣе непокорныхъ вассаловъ. Владѣтель Моссула, Нуреддинъ воодушевилъ мусульманъ разсказами о страшныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ и совершаемыхъ крестоносцами; онъ овладѣлъ Алеппо и Дамаскомъ, а въ 1144 году отнялъ у христіанъ важный пунктъ, Эдессу, который лежитъ на востокъ отъ того мѣста, гдѣ береговая линія Малой Азіи круто поворачиваетъ къ Западу.

Св. Бернаръ. Взятіе Эдессы грустно отозвалось въ сердцахъ западныхъ христіанъ, волнуя какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ. Этотъ ударъ возбудилъ прежнія чувства. Монахи распространяли вѣсти о несчастномъ положеніи христіанъ въ Палестинѣ, а короли внимали имъ. Во главѣ этихъ проповѣдниковъ стоялъ знаменитый аббатъ Клервосскаго монастыря св. Бернаръ. Въ немъ религіозный экстазъ достигалъ высшей степени; онъ былъ, какъ говорится, не отъ міра сего ([1]), но для среднихъ вѣковъ онъ представляется цѣлостнымъ типомъ.

Для характеристики св. Бернара лучше всего привести слова лицъ его знавшихъ. Онъ проводилъ дни и ночи въ молитвѣ, пока не подгибались колѣни отъ изнуренія, и пока ноги, отекшія отъ труда, могли поддерживать его тѣло. Долго тайно отъ всѣхъ онъ носилъ на себѣ власяницу. Его

([1]) Всѣ біографіи его весьма интересны; онѣ собраны подъ 20-мъ августа въ католическихъ Четіи-Минеяхъ, называемыхъ—«Acta Sanctorum». Пособіе: Neander. Der heilige Bernard und sein Zeitalter.

пища состояла изъ воды и отвара овощей. Враги удивлялись его жизни, говоря, что онъ напрягаетъ свои силы, какъ ягненокъ, запряженный въ ярмо. Его чувства были извращены такъ, что онъ едва распознавалъ предметы. Такъ, напримѣръ, вмѣсто масла онъ принималъ сырую кровь, которую ему давали намѣренно, а масло пилъ вмѣсто воды и т. п. Въ своей кельѣ, проживъ въ ней долго, онъ не зналъ, гдѣ находится входъ и гдѣ оконныя отверстія. Но онъ былъ не только знаменитый постникъ; онъ славился, какъ богословъ. Онъ поднялъ французскаго короля на крестовый походъ; онъ же явился къ германскому королю Конраду, хотя тотъ избѣгалъ его. Современники замѣчаютъ, что нельзя было устоять противъ убѣжденій этого замѣчательнаго человѣка. — „Самъ Богъ, воскликнулъ императоръ послѣ рѣчи Бернара, призываетъ меня на служеніе и я покоряюсь его волѣ“.

Второй крестовый походъ.

Онъ отправился со своимъ племянникомъ и старымъ Вельфомъ. Собралось на новое предпріятіе до 7 тысячъ рыцарей. Въ Малой Азіи крестоносцы встрѣтились съ нерасположеніемъ грековъ, которые готовы были на предательство и открыто отказывались отъ доставленія провіанта. Голодные воины должны были именемъ Бога нищенствовать и умирали тысячами. Въ 1147 году Конрадъ привелъ подъ Эдессу лишь десятую часть своихъ воиновъ. Здѣсь ждали французы съ королемъ Луи VII, котораго уже успѣли разбить турки. Походъ за малочисленностью воинства былъ отложенъ до слѣдующаго года. Тогда нѣмцы пытались осаждать Дамаскъ, но безъ успѣха; оба короля и остатки ихъ свиты воротились ни съ чѣмъ. Впрочемъ, рыцарская репутація Конрада III осталась безупречной. Онъ сталъ другомъ Византіи. Онъ сбирался въ Италію короноваться императорской короной, но смерть помѣшала ему въ этомъ; Конрадъ умеръ королемъ, а не императоромъ.

Передъ смертью онъ указалъ на своего племянника Фридриха Швабскаго, который и былъ единодушно избранъ императоромъ. Потомство оставило за нимъ прозвище Барбароссы. Это излюбленный изъ государей Германіи послѣ Карла Великаго и излюбленный герой среднихъ вѣковъ вообще.

Императоръ Фридрихъ I (1152-1190 г.).

Ему уже было за 30 лѣтъ, когда онъ надѣлъ корону. Онъ рѣшительной и смѣлой рукой взялъ скипетръ. Итальянцы и славяне нашли въ немъ врага, одинаково страшнаго.

Онъ не боялся могущества вельфовъ, а, напротивъ, предоставилъ въ собственность Генриху Вельфу Баварію и Саксонію. Въ этомъ случаѣ онъ послѣдовалъ совершенно противоположной политикѣ своего предшественника. Впослѣдствіи, Фридрихъ жестоко раскаялся въ своемъ рыцарскомъ, но непрактическомъ великодушіи. Приходилось долго уговаривать Леопольда Австрійскаго, чтобы онъ уступилъ Баварію, которую ему отдалъ Конрадъ III. Наконецъ, Леопольдъ согласился возвратить Баварію подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрійское герцогство было признано независимымъ и не было поставлено въ ленное отношеніе къ Баваріи, какъ было до сихъ поръ.

Вельфъ не могъ быть благодарнымъ герцогу. Оба сильные владѣтеля—Гогенштауфенъ и Вельфъ—дѣйствовали постоянно за одно; они поставили себѣ существенною цѣлью воинственную дѣятельность противъ славянъ и въ этомъ достигли значительныхъ успѣховъ. Болеславъ Польскій долженъ былъ немедленно признать себя вассаломъ императора, а чешскій король, за измѣну своему племени и участіе въ походѣ противъ славянъ, получилъ королевскій титулъ. Славяне были неисправимы и, терзаемые обычными раздорами, они, придерживаясь прежней политики, выдавали другъ друга нѣмецкому императору. Венгерскій король Гейза тоже призналъ себя ленникомъ германскимъ. Верхне-Бургундская наслѣдница. Беатриче, выйдя за мужъ за Фридриха, равнымъ образомъ. связала Бургундію съ родовыми владѣніями императора.

Вельфъ самымъ возмутительнымъ образомъ дѣйствовалъ въ Помераніи, стараясь упрочить нѣмецкое вліяніе на западныхъ границахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ скрывался врагъ феодальныхъ понятій. Сторонникъ унитаризма, онъ болѣе ревновалъ къ единодержавію, чѣмъ самъ императоръ. Своею рѣшительностью Вельфъ возстановилъ противъ себя всѣхъ прелатовъ своихъ земель... Императоръ долго его поддерживалъ въ борьбѣ съ іерархіей, но когда самъ почувствовалъ нужду въ Вельфѣ, то получилъ рѣшительный отказъ. Это случилось въ Италіи ([1]).

([1]) Что касается литературы предмета, то кромѣ классическаго сочиненія Мураторн—Annali d'Italia и старыхъ сочиненій Le-Bret, Denina, надо назвать извѣстнаго Сисмонди, женевца, кальвиниста, сочиненіе котораго отличается систематическимъ изложеніемъ: «His-

Его борьба съ итальянскими городами.

Фридрихъ думалъ, что всѣ итальянскіе города серьезно подчинены ему. Онъ полагалъ, что грамоты имѣютъ рѣшающее значеніе. Онъ очень былъ привязанъ къ этимъ грамотамъ; между тѣмъ миланцы не мирились съ такою зависимостью отъ Фридриха и доказали ему свою силу, когда императору пришлось помѣриться съ ними въ бою. Въ 1157 г. Фридрихъ послалъ грамоты о своемъ избраніи. Въ Миланѣ растоптали ихъ. Оскорбленный императоръ поспѣшилъ въ Италію. Первый походъ его открылся при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Императоръ собралъ сеймъ и сталъ разбирать жалобы городовъ, подчиненныхъ Милану. Фридриху были предложены деньги. Оскорбленный императоръ не взялъ денегъ... Онъ короновался желѣзной короной въ Павіи, а затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ скоро вошелъ въ сферу папской политики.

Первое появленіе Барбароссы въ Италіи должно было вовлечь его въ борьбу съ папствомъ. Враждебныя отношенія той и другой стороны еще не были достаточно разъяснены. Въ мірѣ прошла лишь вторая четверть XII в.; другая половина его была свидѣтелемъ возобновленія вражды. Но теперь борьба освѣщается инымъ свѣтомъ; этотъ второй фазисъ ея мы назвали бы итальянскимъ. Она нѣсколько съуживается въ предѣлахъ; изъ міровой сцены она переходитъ въ мѣстную; она производится изъ за интересовъ Италіи, изъ за вопроса о свободѣ ея общинъ. Странно и внезапно папы изъ европейскихъ теократовъ дѣлаются итальянскими патріотами. Но они защищаютъ полуостровъ отъ того же германскаго императора и, потому, борьба приводитъ снова къ раздору между папствомъ и имперіей. Этотъ второй фазисъ кончается опять побѣдой папы. На этотъ разъ торжество Рима полнѣе, потому что самые вопросы

---

toire des rèpubliques Italiennes au moyen âge». Общія сочиненія для итальянской исторіи на итальянскомъ языкѣ Bossi и Cantu (фр. пер. Lacombe, 12 v. 1859—62) и на нѣм. Leo. Затѣмъ болѣе популярное изложеніе Balbo (1860, 2 v.). Спеціально для Ломбардіи (пер. къ—4 ч. 1849 г.) съ клерикальнымъ направленіемъ соч. Гассе. Послѣдній трудъ: Prutz (Kaiser Fr. I. D. 1874), По отношенію къ папской борьбѣ: Reuter, Papst Alexander III und die Kirche seiner Zeit (L. 313. 1860), — одно изъ капитальныхъ произведеній по средневѣковой исторіи, Scheffer — Boichorst, Kaiser Friedrichs I letzter Streit mit der römischen Curie (B. 1868), Вейландъ (1866) и затѣмъ, спеціальныя монографіи Прутца (1865) и Филиппсона (1868, 2 т.) о Генрихѣ Львѣ.

поставлены иначе (¹). Если первый періодъ былъ связанъ съ именемъ Гильдебранда, то второй съ памятью Александра III. Финаломъ перваго былъ Вормскій конкордатъ; второй періодъ кончился Леньяно и Констансвимъ миромъ (1176 и въ 1183 г.). Папы XII столѣтія играютъ особенную роль въ политической исторіи Италіи; въ силу такого двойственнаго характера борьбы, мы должны останавливаться въ настоящемъ изложеніи какъ на вопросахъ итальянской исторіи, такъ и на вопросахъ исторіи папской.

Тѣсная связь римскихъ папъ съ политическими событіями на полуостровѣ доходитъ до того, что антипапа Анаклетъ поддерживается не императоромъ германскимъ, какъ бывало обыкновенно, а Рожеромъ сицилійскимъ, который и получилъ отъ него всю Апулію и титулъ короля обѣихъ Сицилій въ 1150 году. Иннокентій II (1130—1142) могъ утвердиться только тогда, когда примирился съ новымъ королемъ по смерти антипапы. Скоро папъ начинаетъ тревожить революціонное движеніе, которое не даетъ имъ покоя въ самой столицѣ. Такъ, папствованіе Евгенія III (1145—1153 г.) вовлекаетъ курію въ чисто политическую борьбу; первосвященникъ бѣжалъ не отъ императора, а отъ республиканскаго реформатора Арнольда Брешіанскаго.

Арнольдъ Брешіанскій. Этотъ человѣкъ былъ замѣчательнымъ дополненіемъ Гильдебранда; подобно послѣднему, онъ хотѣлъ преобразовать общество; подобно ему, онъ считалъ церковную власть выше свѣтской, но сознавалъ, что достигнуть этого можно только кореннымъ преобразованіемъ духовной системы (²). „Церковь. говоритъ онъ, ничѣмъ не стала походить на Церковь апостольскую; священники должны бы красоваться особенной святостью, а въ нихъ святости такъ же мало, какъ и въ мірянахъ; они должны бы отказаться отъ удовольствій и міра сего, а между тѣмъ они жили въ изобиліи и почестяхъ. Чтобы стать на свое истинное мѣсто, Церковь должна отказаться отъ всякаго богатства, отъ всякаго обладанія имѣніемъ, отъ всѣхъ правъ державныхъ; ни одинъ епископъ не долженъ владѣть леномъ, ни одинъ священникъ не долженъ

(¹) Viennet. La puissance pontificale, 1867.

(²) Для Арнольда: Guibal. Les Hohenstaufen ou la question du pouvoir temporel (P. 1869) и извѣстное соч. Грегоровіуса.

имѣть собственности; всякое земное имущество принадлежитъ лишь князьямъ и людямъ міра сего". Это было полное осуществленіе идеи Пасхалія. Блестящее ораторское дарованіе Арнольда, высоконравственная жизнь этого монаха внушили къ нему страстныя симпатіи въ Ломбардіи. Арнольдъ изъ области соціальной прешелъ въ чисто политическую. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ отвергалъ всякое право императорское на общины сѣверной Италіи; онъ возбуждалъ гражданское мужество примѣрами древней республики. На латеранскомъ соборѣ 1139 года Арнольдъ былъ осужденъ. Онъ бѣжалъ за Альпы, но его мысли дошли до Рима. Кому, какъ не этому городу, было возможно увлечься идеями монаха, которымъ подсказывало столько великихъ воспоминаній. Римская чернь поднялась; народъ занялъ Капитолій и созвалъ сенатъ.

Папою былъ тогда еще Иннокентій II; ему объявили, что его господство неумѣстно въ городѣ, что оно кончилось; онъ умеръ среди этихъ смутъ. Папы были совершенно безсильны противъ революціи. Лючій II пытался оказать вооруженное сопротивленіе и напрасно. Онъ кинулся на Капитолій съ отрядомъ, но былъ отбитъ и умеръ отъ раны.

Тогда явился въ городъ самъ Арнольдъ, виновникъ движенія. Составлено было правительство изъ двухъ консуловъ и ста сенаторовъ; хотѣли учредить на старый римскій образецъ сословіе всадниковъ. Папа Евгеній III (1145—53 г.) не могъ сносить такого порядка дѣлъ; тіаристы сжились съ свѣтской политической властью. Только что избранный, онъ бѣжалъ, чтобы не быть вынужденнымъ дѣйствительно стать апостольскимъ преемникомъ.

И вотъ папа зоветъ на помощь императорскую власть, согласно условіямъ Вормскаго конкордата. Такъ или иначе, но безъ свѣтской поддержки, папство не могло существовать. Надо замѣтить, что предшественники Фридриха I не держались какой либо опредѣленной политики по отношенію къ Риму и къ куріи. Такъ, преемникъ Генриха V, саксонецъ Лотарь II, предшественникъ гогенштауфеновъ, оставался другомъ Рима. Онъ выручалъ папу изъ бѣды отъ сицилійскаго Рожера; онъ приходилъ въ Италію короноваться и усмирилъ бы не оказавшихъ ему почтенія строптивыхъ ломбардцевъ. Онъ бы теперь былъ очень полезенъ и, конечно, въ силу своего единодержавія, не допустилъ бы республики въ городѣ, который претендовалъ считать столицей имперіи. Но

его уже не было въ живыхъ. Династія Гогенштауфеновъ начала свою и славную и несчастную исторію.

Конрадъ III не внялъ просьбамъ папы; онъ не пришелъ выручить Евгенія. Это былъ единственный изъ средневѣковыхъ императоровъ, не посѣтившихъ Италіи; онъ предпочелъ Палестину этой соблазнительной для нѣмцевъ странѣ. Арнольду былъ просторъ. Его бичевалъ только всесильный голосъ св. Бернара. Оба они были современники съ безусловно-честными намѣреніями, но расходились въ понятіяхъ; оба были фанатиками убѣжденій и дѣла, но одному свѣтила безотчетная вѣра, а другому—свобода. Одинъ погибъ за эту свободу; другой задался цѣлью осуществить на землѣ теократію съ папой во главѣ. Одинъ выражаетъ собою средневѣковой государственный порывъ; другой—средневѣковой духовный аскетизмъ. Нельзя не замѣтить, что воззрѣнія Бернара были односторонни и неосуществимы вполнѣ. Тотъ голосъ, который направилъ всю рыцарскую Европу въ Палестину, обрушился и на республику римскую. Ему вторило проклятіе папы Адріана IV (1154—1159 г.) и, самое главное, оружіе императорской дружины.

Фридрихъ, при первомъ же появленіи въ предѣлахъ Италіи, набросилъ на свое имя дурную тѣнь. Арнольдъ былъ схваченъ, выданъ вѣроломно Фридрихомъ папѣ и сожженъ. Народъ сбѣжался выручать своего вождя, но нашелъ одинъ пепелъ. Арнольдъ палъ мученикомъ свободы и первымъ патріотомъ Италіи; онъ былъ предшественникомъ Данте, Ріенци, Савонаролы, Макіавелли.

Борьба Фридриха I съ папами.

Это было лѣтомъ 1155 г., и тогда же, въ благодарность за услугу, Барбаросса удостоился отъ суроваго Адріана коронаціи. Но императоръ не ограничился однимъ этимъ преслѣдованіемъ свободы; слишкомъ ревностный къ власти, онъ былъ безпощаденъ къ врагамъ вообще и нарушителямъ императорскихъ правъ особенно. Онъ рѣшилъ въ корнѣ извести итальянскую общинность, которую не понималъ и не уважалъ; онъ видѣлъ въ ней лишь одну узурпацію негодной черни; для него борцы и вожди итальянскихъ республикъ были „plebs improba“. Идя въ Италію, онъ думалъ лишь о тріумфахъ Карла и Оттона. Его біографъ Оттонъ Фрейзингенскій даже не можетъ понять той храбрости, какую выказали ломбардскіе го-

рода ([1]). Поставивъ себѣ задачею такую цѣль, Фридрихъ по первому удару надѣялся получить поддержку отъ папы, но тутъ произошелъ неожиданный для него поворотъ въ политикѣ Адріана. Обоюдная натянутость всегда должна была быть въ отношеніяхъ гордаго первосвященника къ сильному императору. Она прорывалась въ мелочахъ, въ требованіяхъ держать публично папское стремя, въ постоянномъ заявленіи папскаго первенства, пріобрѣтеннаго борьбой. Заносчивость папы особенно обнаружилась въ поступкѣ римскаго посольства на сеймѣ въ Безансонѣ, по поводу ограбленія лунденскаго епископа. Тамъ открыто было заявлено это величіе папской идеи. Эта сцена записана Радевикомъ ([2]), сообщающимъ подлинный документъ такого содержанія:

„Ты знаешь, сынъ нашъ, съ какою благостью твоя мать, святая Римская Церковь, приняла тебя, какими великими почестями она наградила тебя, соизволивъ возложить на тебя императорскую корону. Пока мы не раскаиваемся, что исполнили твое желаніе, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы ты получилъ отъ насъ еще большія благодѣянія (et si majora beneficia excellentia tua de manu nostra suscepisset); мы бы могли только радоваться этому, какъ средству оказать съ твоей стороны еще большія услуги Церкви и намъ.“ Здѣсь слово „beneficia“, съ намѣреніемъ употребленное, намекало на вассальность императора къ папству. Такое слово способно было произвести взрывъ негодованія въ князьяхъ; но это негодованіе возросло до высшей степени, когда кардиналъ св. Марка (послѣ папа Александръ III) произнесъ съ полнымъ убѣжденіемъ;—„отъ кого же императоръ получилъ корону, если не отъ папы?“ Смѣлый легатъ едва не поплатился жизнью за свою выходку; послы папскіе торопились уѣхать на другой же день.

Упоминаніе бенефиціи задѣвало и свѣтскихъ и духовныхъ князей; послѣдніе рѣшились даже напомнить всесильному папѣ о снисхожденіи и кроткихъ мѣрахъ; они явно становились на сторону Фридриха. Самъ Барбаросса высказывалъ свой взглядъ на дѣло архіепископу Трирскому такъ: „самъ Апостолъ повелѣваетъ уважать царей. Тотъ, кто считаетъ имперію бенефиціей первосвященника, идетъ противъ Бога; онъ творецъ нечестія.

([1]) Idem; I, 9.

([2]) Otto Fris. Libri II de gestis Friderici; II, 13.

Я не потерплю униженія императорскаго достоинства и лучше умру, чѣмъ подчинюсь насиліямъ папы. Вмѣсто того, чтобы смиренно нести крестъ Іисусовъ, верховный владыка хочетъ играть имперіей и коронами, надъ которыми смѣются въ Италіи; Германія не поникнетъ головою предъ Церковью.“

Въ свою очередь Адріанъ смѣялся надъ Фридрихомъ и и его Ахеномъ, столь жалкимъ передъ Римомъ. „Какъ Римъ превосходитъ Ахенъ, такъ мы выше этого короля, который именуетъ себя властителемъ міра и не можетъ образумить какого-либо князька своего. Императорская корона дается нами и мы можемъ отнять ее по своему усмотрѣнію, если намъ станутъ платить неблагодарностью“.

Императоръ имѣлъ возможность всегда убѣдить силою оружія непризнававшихъ его первенство; Адріанъ умеръ въ борьбѣ съ нимъ. Противъ его преемника, папы Александра III, Фридрихъ выдвинулъ антипапу Виктора. Борьба переходитъ въ область политическую; всякое духовное оружіе становится безсильнымъ. Споръ рѣшился на поляхъ Леньяно ([1]).

Фридрихъ сдѣлалъ пять походовъ въ Италію и съ третьяго начались для него жестокія неудачи. Здѣсь судьба мстила ему за ту свирѣпость, какую онъ оказывалъ въ минуты побѣдъ своихъ, когда становился холоднымъ, какъ камень,—„faciem suam firmavit in petram“, по словамъ очевидца. Въ безпощадности упрекаютъ его даже нѣмецкіе патріоты. Въ немъ не было той человѣчности, какая отличала другого шваба того же имени ([2]).

Папа Александръ III (1159-1181 г.). При такомъ рѣшительномъ и даровитомъ противникѣ. дѣло Гильдебранда пострадало-бы къ закату XII вѣка, если бы не храбрость и стойкость итальянскихъ республикъ. Насталъ бы военный деспотизмъ въ Германіи и Италіи, которая не развилась бы тогда тою богатою жизнью, какая стала ея достояніемъ въ слѣдующіе вѣка. Тутъ одновременно сливались два вопроса: политической свободы и независимости Италіи и самостоятельности духовной власти. Потому-то папа и поддержалъ итальянскіе города, что видѣлъ въ нихъ физическую опору для защиты своей самостоятельности. Мы должны пере-

([1]) Haulleville. Histoire des communes lombardes (2 vls. 1858). Testa. Storia della guerra di Frederigo Primo contro le commune di Lombardia (2 v. 1862). Кромѣ того соч. Раумера и Шерръе.

([2]) Современникъ Otto Morena мѣтко назвалъ его—malis, terribilis et quasi inexorabilis—Muratori, VI, 1227.

нестись теперь во внутренній домашній міръ итальянскихъ городовъ, этихъ коммунъ Ломбардіи, на плодоносныхъ нивахъ которой долженъ былъ рѣшиться великій историческій вопросъ о преобладаніи свѣтской и духовной власти на Западѣ.

Въ сѣверной Италіи независимая городская муниципія сложилась ранѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, на четыре столѣтія; уже въ VIII вѣкѣ счастливая судьба улыбнулась городамъ Италіи. Даже Римъ, Неаполь и Венеція были тогда вполнѣ способны къ демократическому строю; но въ послѣдней вскорѣ восторжествовала аристократическая партія. Но рядомъ съ тѣмъ усиливаются ломбардскіе и тосканскіе города. Оттонъ I особенно способствовалъ ихъ усиленію, предоставивъ имъ право суда; тѣмъ же Оттономъ I были даны городамъ собственные епископы. Но слово „коммуна", т. е. полное право внутренняго распорядка, въ Италіи слышится лишь съ первой четверти XII вѣка; тогда-то сложилось дѣленіе на сословія; тогда образовалась буржуазія, явились корпораціи. Объ образованіи этихъ сословій и корпорацій, похожихъ на касты, впервые читаемъ въ Миланскихъ лѣтописяхъ—при архіепископѣ Гвибертѣ, въ XII вѣкѣ. Ломбардскія коммуны.

Первая заря итальянской политической свободы неразлучна съ именемъ Ломбардіи и неразрывно связана съ борьбою партій. Внутренняя вражда раздирала Италію: народъ то выгонялъ епископовъ и выбиралъ своихъ начальниковъ, то приглашалъ ихъ снова, мѣняя чуть не ежегодно форму правленія. Демократическій строй городовъ, особенно излюбленный народомъ, прикрывали епископы единственно только изъ своихъ личныхъ видовъ; симпатія ихъ въ этомъ отношеніи была призрачна. Въ каждомъ итальянскомъ городѣ, начиная съ IX вѣка, идетъ внутренняя борьба партій; впослѣдствіи, послѣ пріобрѣтенія нѣкоторой устойчивости, города борятся между собою. Общій характеръ внутренней борьбы городовъ былъ таковъ, что обыкновенно торжествовала демократическая партія; тогда мелкіе ленники сливались съ горожанами, купцами, ремесленниками. Буржуазія вообще стала имѣть преобладающее значеніе, такъ что не рыцари, а торговцы стали считаться знатью; только за заслуги возводили въ званіе торговца; за наказаніе низводили въ званіе такъ называемыхъ нобилей. Нѣмецкіе императоры могутъ вмѣшиваться въ судь- Строй ломбардскихъ коммунъ.

бу итальянскихъ городовъ только въ формальномъ смыслѣ; всѣмъ заправляетъ и надъ всѣмъ властвуетъ демократія. Тогда власть епископовъ и крупныхъ рыцарей ослабѣла; тогда прелаты уже не имѣли болѣе права и нравственнаго основанія управлять городами; они уже не пользуются популярностью въ городахъ, да и не могутъ, потому что ведутъ жизнь, нисколько не отвѣчающую ихъ назначенію.

Тосканскій посолъ Андрей, аббатъ Вилламбразо, говоря о миланскомъ духовенствѣ, передаетъ между прочимъ, слѣдующее: „Ни одинъ изъ нихъ не живетъ такъ, какъ требуетъ его званіе: одни съ собаками, съ соколами проводятъ цѣлые дни въ охотѣ; другіе заводятъ гостинницы, таверны и, наконецъ, всѣ явно предаются симоніи. Всякая степень посвященія, всякая церковная должность съ низшей до высшей продаются. Никто не вооружается противъ такихъ пороковъ; нигдѣ не видать истинныхъ пастырей".

Когда папа Григорій VII рѣшился начать борьбу съ симоніей, то онъ оперся на народъ и не ошибся, такъ какъ народъ глубоко сочувствовалъ папѣ и помогалъ ему. Это обстоятельство содѣйствовало уничтоженію симоніи. Судьба преслѣдовала всѣхъ симонистовъ; народъ не признавалъ священниковъ, которые не разводились со своими женами. Тогда духовенство окончательно утратило свои прежнія феодальныя права, дарованныя ему Оттономъ I. Императоръ Генрихъ IV, боровшійся съ Гильдебрандомъ, по неволѣ держался противоположной политики. Онъ всѣми силами защищалъ прелатовъ и женатое духовенство. Отсюда и понятно образованіе въ Италіи двухъ враждебныхъ партій: Вельфовъ и Гибеллиновъ, которыя напрасно мѣстные итальянскіе современные историки выводятъ изъ столкновенія личныхъ интересовъ горожанъ (1)

Такимъ образомъ чисто имперскій вопросъ былъ перенесенъ на итальянскую почву.

Императоръ германскій не могъ допустить развитія демократіи, такъ какъ эта демократія была въ союзѣ съ его врагомъ, папой. Въ 1166 году императоръ торжествовалъ, потому что во всѣхъ городахъ установилась одна форма пра-

(1) Этого не чуждъ даже замѣчательнѣйшій средневѣковой историкъ какъ Dino Compagni. Cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi (Muratori; IX, 464)... le due parti s'appellarono nimiche per due nuovi nomi, cioè Guelfi e Ghibellini. Edi ciò fu cagione in Firenze(!)... О борьбѣ этихъ партій въ итальянскихъ городахъ будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ.

вленія: 3, 6, 12 консуловъ и два совѣта: совѣтъ довѣренныхъ (consiglio di credenza) и совѣтъ общій изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Наименованіе консула было взято изъ прежнихъ римскихъ временъ, но значеніе консула было лишь военное. Консулы не были преемниками фохта; они не были императорскими чиновниками, ибо для суда городскаго существовали другія должностныя лица; они обладали властью прежнихъ городскихъ капитановъ, то есть властью исполнительною. Что касается времени появленія консуловъ, то хотя въ Пизѣ и упоминаются консулы подъ 1017 г., а въ Луккѣ нѣсколько позднѣе, но достовѣрное существованіе консуловъ съ обыкновенною консульскою властью относится къ 1093 году. Тогда уже былъ консулъ въ общинѣ Бландрато, откуда эта должность перенесена была въ Миланъ. Такимъ образомъ можно принять, что консулы появились въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка.

Во всякомъ случаѣ итальянскіе города много были обязаны консуламъ своей независимостью. Каждая община была самостоятельна у себя, но взятая вмѣстѣ вся сѣть итальянскихъ городовъ состояла въ зависимости отъ императора номинально. Въ каждомъ городѣ была своя папская партія, въ которую такъ или иначе входило все враждебное нѣмцамъ и императору. Такъ Генриха V вовсе не пустили въ Миланъ. Номинальными представителями императорской власти въ совѣтѣ были епископы, но чаще консулы,—знавшіе по-латыни и изучившіе римское и германское гражданское право; изъ нихъ же образовались императорскіе подесты (отъ potestas власть).

Значеніе Милана было такъ велико, что въ немъ часто устраивались собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ всей Ломбардіи; туда съѣзжались всѣ епископы, являлись представители всѣхъ итальянскихъ городовъ. Собраніе открывалось такъ: въ виду собора на подмосткахъ помѣщался консулъ, напротивъ его епископы, а кругомъ во множествѣ толпился народъ. Изъ всего этого нельзя однако заключать о серьезной организаціи или о прочной федераціи ломбардскихъ городовъ. Они съ большимъ трудомъ вели тяжелую борьбу съ рыцарями Германіи, предводимыми Барбароссою. Вообще, тогда не существовало федераціи по нашимъ понятіямъ. Даже въ Миланѣ, во время самой войны, проявлялось раздѣленіе жителей по кварталамъ, гдѣ были свои гонфалоньеры. Ремесленники и

купцы должны были служить въ пѣхотѣ, а ленники и вообще мелкіе землевладѣльцы служили въ конницѣ. Землевладѣльцы должны были нѣкоторое время жить въ городѣ и бросать свои дѣла; тамъ они волей или неволей сближались съ купцами и ремесленниками; они сливались съ ними постепенно, образуя одно цѣлое, городскую буржуазію.

Демократическое самоуправленіе нашло себѣ прекрасный пріютъ въ итальянскихъ городахъ, гдѣ образовались цехи, ремесленныя корпораціи. Но была и темная сторона тогдашней итальянской жизни въ Ломбардіи. Партіи были во всемъ и всегда; союзы воевали другъ съ другомъ. Внѣшнія отношенія городовъ между собою опредѣляются политическою окраскою. Съ Миланомъ по средствамъ могла соперничать только Падуя.

Союзы ломбардскихъ городовъ.

По этому-то во главѣ ломбардскихъ городовъ стоятъ по очереди то Падуя, то Миланъ. Это естественно, такъ какъ къ каждому изъ двухъ называемыхъ городовъ, примыкаетъ нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ общинъ, которыя сплачиваются съ ними такъ тѣсно, какъ будто составляютъ одно цѣлое; отсюда происходитъ раздѣленіе, которое съ особенной рѣзкостью бросается въ глаза въ началѣ XII вѣка. Съ Миланомъ были въ союзѣ Брешіа, Крема, Тортона, Парма, Модена. Съ Падуей—сколько можно наблюдать изъ лѣтописей — сплотились слѣд. общины: Комо, Кремона, Лоди, Асти, а потомъ—Реджіо, Туринъ, Пьяченца, Верчелли, Болонья. При такихъ условіяхъ возникла борьба двухъ союзовъ; торговые интересы въ этой борьбѣ, конечно, играли существенную роль. Впослѣдствіи, эти отношенія значительно измѣнились и перетасовались. Вражда городовъ иногда принимала страшныя формы. Каррочіо, громадная красная желѣзная колесница украшенная массивнымъ древкомъ краснаго цвѣта съ изображеніемъ креста и Амвросія Медіоланскаго, патрона города Милана,—стала эмблемою, знаменемъ республики. Въ началѣ борьбы Лоди былъ разрушенъ миланцами, которые потомъ пошли на Комо. Воины Комо въ свою очередь въ одной стычкѣ захватили миланскаго архіепископа. Миланцы поклялись во что бы то ни стало освободить своего пастыря; они заключили союзъ съ другими сосѣдними городами и двинулись противъ врага. Пизанцы и генуэзцы при-

везли свои машины. Комцы бросили свой городъ и признали зависимость отъ Милана. Тогда Комо былъ разрушенъ и миланцы отмстили за свою обиду.

Въ 1128 году, миланцы, не признавая императоромъ Лотаря II, провозгласили королемъ Конрада Гогенштауфена и короновали его. Папа отлучилъ за это миланцевъ и успѣлъ даже вооружить противъ Милана сосѣдніе города. Миланъ долженъ былъ смириться и признать Лотаря; но тогда Падуя изъ ненависти къ соперницѣ стала играть ея роль и тоже не признала Лотаря. До пустыхъ препирательствъ не разъ доходила вражда городовъ между собою. Стоило только одному городу признавать что нибудь, чтобы другой городъ, на перекоръ здравому смыслу, сталъ дѣйствовать иначе, отрицая даже фактъ. Съ чисто мелочнымъ самолюбіемъ шла борьба между Миланомъ и Падуей; въ распрѣ городовъ иногда забывались не только руководящіе принципы но и личные интересы. Конрадъ не успѣлъ короноваться императорскою короною; онъ ограничился только тѣмъ, что пробирался въ Италію Миланцы не воспользовались выгодами своего положенія, а если и воспользовались, то очень мало.

Вмѣшательство Фридриха I въ борьбу общинъ.

Когда Конрада III замѣнилъ Фридрихъ I Барбаросса, то нѣмецкая императорская политика рѣшительно видоизмѣнилась. Новый императоръ сталъ иначе поступать по отношенію къ итальянскимъ городамъ: онъ не вмѣшивался, а повелѣвалъ. Онъ явился въ Италію, приказалъ общинамъ сложить оружіе и дожидаться его суда; затѣмъ отправился въ Новару для разбора жалобъ нѣкоторыхъ городовъ на Миланъ. Вскорѣ Фридрихъ взялъ Нону, преданную миланцамъ, выгналъ жителей и срылъ городъ. Миланцы рѣшились снова выстроить искренне преданный имъ городъ; они сверхъ того взяли себѣ въ союзницы Брешію и Піаченцу. Лодійцы межу тѣмъ пострадали отъ соперниковъ за преданность императору: этотъ городъ былъ сожженъ и разграбленъ миланцами въ короткое время. Пока Фридрихъ былъ безъ средствъ, онъ держался особой политики по отношенію къ союзу; онъ лавировалъ между тѣмъ и другимъ городомъ, но въ 1158 году, усилившись войсками, прибывшими изъ Германіи, онъ произнесъ опалу надъ Миланомъ и немедленно явился туда самъ съ 100,000 пѣхоты и 15,000 конницы. Миланъ, за отказъ повиноваться суду императора, былъ

осажденъ и выморенъ голодомъ. Императору представлено было распоряжаться въ городѣ; послѣдствіемъ борьбы было то, что Миланъ заплатилъ значительную пеню, а граждане присягнули императору, который впредь будетъ утверждать выбранныхъ консуловъ. Верховная власть какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ, должна была перейти къ императору.

Ронкальскій сеймъ. Назначенъ былъ общій съѣздъ депутатовъ на Ронкальскомъ полѣ; тамъ было рѣшено оставить за городами право избранія подесты и консуловъ, но съ утвержденія императора, который удерживаетъ за собою доходы и сборъ пошлинъ, право пользоваться рыбными ловлями, разработкою руды и пр. Самовольная расправа городовъ между собою и внутреннія междоусобія были воспрещены; всякій долженъ былъ искать суда у своего высшаго судьи, у императора.

Конечно, проведеніе подобныхъ принциповъ было-бы благотворно въ интересахъ порядка, но такъ какъ этотъ принципъ проводился процессомъ насилія, то онъ не достигъ цѣли, раздражилъ страсти, вооружилъ массу населенія, которая нарочно старалась нарушить императорскія повелѣнія, чтобы усилить вражду народа противъ нѣмцевъ. Между городами теперь проявились узы трогательной дружбы; раздоры на время были забыты. Одна общая опасность вражескаго насилія соединила всѣхъ.

Общій Ронкальскій съѣздъ былъ причиною возобновленія борьбы Милана съ Гогенштауфеномъ. Императоръ требовалъ повиновенія; городъ отказался подчиниться. Фридрихъ обратился къ болонскимъ юристамъ и тѣ приговорили городъ къ опалѣ. Тогда Крема и Миланъ выгнали императорскихъ чиновниковъ и овладѣли замкомъ Треццо, гдѣ хранились императорскія сокровища.

Осада Милана и Кремы 1159 г. Война возобновилась со всѣми ужасами. Относительно Милана императоръ рѣшилъ дѣйствовать не оружіемъ, а тѣсною блокадою; онъ выжигалъ миланскія окрестности и жатвы, удерживалъ миланцевъ отъ сношенія съ другими городами. Тогда, въ 1159 году, въ Миланѣ открылся голодъ.

Увѣренный вполнѣ въ гибели Милана, на Крему пошелъ самъ императоръ. Но Кремаски не сдавались императору; они вѣшали и пилили на части нѣмецкихъ плѣнниковъ, а императоръ въ свою очередь жегъ ихъ заложниковъ и плѣнниковъ, за-

ставляя гражданъ бить изъ луковъ собственныхъ дѣтей. Осаждающіе приходили въ такую ярость, что играли отрубленными головами плѣнниковъ, какъ шарами. Городская стѣна подъ ударами камней нѣмецкой катапульты разрушилась и съ нею вмѣстѣ погибло множество народа; только чрезъ полгода сдалась Крема (¹).

Императоръ поступилъ съ Кремою жестоко: по его приказанію городъ былъ отданъ на разграбленіе и сожженъ. Та же участь грозила и Милану: сто тысячъ нѣмцевъ подошло къ городу, почти уже вымореннову. Голодные жители были близки къ смерти; но консулы убѣждали гражданъ не сдаваться и лучше умереть, чѣмъ позволить себѣ постыдную капитуляцію. Однако миланцы принуждены были сдаться. Миланскій архіепископъ хотѣлъ выгадать болѣе выгодныя условія, но императоръ требовалъ безусловнаго повиновенія. Миланцы смирились; восемь консуловъ положили къ ногамъ императора обнаженные мечи. Затѣмъ пришли 300 воиновъ и повергли къ ногамъ Фридриха свои доспѣхи: императоръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ остальныхъ гражданъ и знамена. Граждане повиновались; они потянулись рядами, посреди которыхъ уныло двигалось каррочіо; миланцы пришли хоронить свою свободу. Лодійцы, когда-то пострадавшіе отъ миланцевъ пришли любоваться несчастіемъ своихъ враговъ. Граждане съ крестами шли по кварталамъ; красное кароччіо было преклонено предъ императоромъ; весь народъ палъ предъ нимъ на колѣна; даже нѣмцы были тронуты, но Фридрихъ былъ непреклоненъ; онъ взялъ 400 заложниковъ и приказалъ разрушать стѣны.

Прошло 10 дней. Императоръ жилъ въ Павіи. Тамъ нѣмцы постарались окончательно убѣдить Фридриха въ необходимости строгой кары. Имъ подсказывали и вторили итальянцы, враждебные союзу; было рѣшено разрушить городъ, а жителей выслать въ разныя мѣста, запретивъ имъ когда либо возвращаться на старое пепелище. Самая земля, на которой стоялъ городъ, должна быть вспахана и посыпана солью.

Разрушеніе Милана Барбароссой въ 1162 году не окончило борьбы итальянскихъ городовъ за ихъ самостоятельность. Конечно, несправедлива позднѣйшая риторическая фраза о полномъ уничтоженіи города, однако вполнѣ вѣрно то, что пали крѣпостныя стѣны и башни, были засыпаны овра- Разрушеніе Милана.

(¹) Radevicus can. Chronicon. c. 44—48, 57—63.

ги и городъ былъ разграбленъ. Изъ церквей были вывезены священные предметы. Такъ іерусалимскій король взялъ себѣ подсвѣчники изъ іерусалимскаго храма, пріобрѣтенные миланцами. Въ Кёльнъ была отправлена часть мощей; многіе дворцы пострадали отъ рукъ ненавистныхъ нѣмцевъ. Хотя городъ не былъ уничтоженъ, но былъ очищенъ отъ жителей, которые были оттуда прогнаны всѣ и размѣщены по разнымъ мѣстамъ. Кремонцы и Піачентинцы въ дѣлѣ разрушенія Милана служили орудіемъ Фридриха; они сами срыли стѣны, сами засыпали рвы. Миланцы должны были заплатить пеню и подчиниться волѣ императора. Императоръ уничтожилъ выборное начало. Подесты, назначаемые отъ лица императора, замѣнили консуловъ. Въ первое время они были только сатрапами и распоряжались произвольно гражданами: гнали на свои и общественныя работы свободныхъ гражданъ, заставляли ихъ обработывать императорскія земли, сажали въ тюрьмы, предавали пыткамъ, казнили. Миланцы вытерпѣли все, что только могутъ вынести угнетенные отъ своихъ безчеловѣчныхъ притѣснителей. Подесты собирали съ нихъ разные государственные налоги; деньги эти шли, разумѣется, въ пользу правителей. Оружіе было отобрано у миланцевъ; они были поселены на открытой незащищенной мѣстности, да и не имѣли права укрѣпляться. Вообще они были такъ несчастны, что̀ сдѣлались предметомъ сожалѣнія даже прежнихъ своихъ враговъ; ихъ вездѣ встрѣчали радушно и привѣтливо.

Возстаніе ломбардскихъ городовъ въ 1163 г.

Въ 1163 г. Барбаросса прибылъ въ Италію въ третій разъ. Онъ ѣхалъ реставрировать замокъ свой Монцу, который должны были выстроить миланцы изъ развалинъ своихъ домовъ. Несчастные ждали императора на дорогѣ, стоя въ грязи; издали увидѣвъ приближающійся съ императоромъ поѣздъ, они бросились на колѣна, жалуясь на подесту и прося у императора защиты. Отвѣтомъ было распоряженіе о разрушеніи Тортоны. Тогда города возмутились. Верона, Виченца, Павія и Падуя заключили союзъ съ Венеціей, прогнали подестъ и стали воевать съ вассалами, державшими сторону императора. Фридрихъ собралъ итальянскую милицію и повелъ ее противъ возмутившихся городовъ; но они отказались ему повиноваться. Это смутило императора; онъ тайно скрылся изъ лагеря и отправился домой, чтобы собрать нѣмецкое войско, но счастіе теперь стало покидать Барбароссу. Его тиранія и неумѣренная жестокость вызвали отмщеніе. Тогда-то новый папа Алек-

сандръ III соединилъ свое дѣло съ интересами ломбардскихъ коммунъ. На помощь Ломбардіи шли искуснѣйшіе агитаторы— это фанатическіе монахи. Было уже замѣчено о сліяніи судьбы итальянскихъ городовъ съ интересами папъ; но съ этого момента связь эта дѣлается еще тѣснѣе. Монахи несли отъ папы благословеніе бойцамъ за вѣру, за родину, пытались усмирить именемъ Христа закоренѣлую муниципальную вражду; они воспламенили умы ломбардцевъ увлекательными рѣчами и проповѣдями такъ, что скоро поднялось общее возстаніе въ Ломбардіи. Надо отдать честь этимъ агитаторамъ въ рясахъ; они успѣли превосходно объединить Италію. Въ концѣ 1166 года опять появился Фридрихъ въ Италіи съ большой арміей. Пользуясь общимъ движеніемъ въ Ломбардіи, онъ прошелъ въ тылу союзниковъ и устремился прямо на Болонью. Тогда веронцы устроили союзъ крупныхъ городовъ; тутъ не было только Падуи. Это уже была новая перетасовка партій итальянскихъ городовъ. Прежняя муниципальная вражда была забыта. Частные интересы приносились въ жертву болѣе обширнымъ, національнымъ. Первымъ дѣломъ было возстановленіе изъ развалинъ Милана, который погибъ за свободу общинъ. Составлена была форма присяги будущей конфедераціи; каждый городъ въ силу этой присяги долженъ былъ помогать другимъ; убытки и потери, понесенные въ войнѣ членомъ союза, должны были распредѣляться между всѣми союзниками. Миланцы не вѣрили своему счастію; теперь они были спасены; съ криками восторга несчастные изгнанники бросились къ своимъ роднымъ развалинамъ, разрыли рвы и возстановили стѣны. Тѣ самые, которые разрушали эти стѣны въ силу муниципальной борьбы, теперь своими руками возстановляли ихъ въ силу федераціи. Потомъ принялись за исправленіе частныхъ домовъ. Милиція ушла только тогда, когда миланцы сами могли защищаться.

Теперь надо было склонить Лоди на сторону лиги. Эта коммуна отдѣляла Миланъ отъ остальныхъ городовъ лиги; такое обстоятельство было причиною, почему Фридрихъ могъ выморить Миланъ голодомъ, занявъ Лоди. Теперь приходилось просить Лоди войти въ союзъ; два посольства были безуспѣшны. Этотъ городъ за свою вражду къ Милану, облагодѣтельствованный Фридрихомъ, получилъ самоуправленіе. Тамъ консулъ и совѣтникъ въ одинъ голосъ кричали, что готовы умереть за своего императора и не отдадутъ города миланцамъ; тогда рѣшено было употребить противъ Лоди силу. Тѣсно обложен-

ный федеральной милиціей, Лоди сдался и далъ клятву примкнуть къ союзу. Въ 1167 году осенью въ лигѣ считалось 13 большихъ городовъ, а именно: Болонья, Бергамо, Брешія, Венеція, Верона, Виченца, Кремона, Лоди, Миланъ, Модена, Падуя, Пьяченца, Парма. Союзъ не боялся императора, который былъ тѣмъ временемъ въ Римѣ.

Отступленіе Фридриха.

Папа бѣжалъ изъ Рима, но мѣстная лихорадка, такъ называемая марена, которая была особенно страшна лѣтомъ, безпощадно уничтожала армію Фридриха. Болѣзнь эта поражала внезапно. Ей благопріятствовали дожди, въ особенности на тѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, которыми окруженъ Римъ. Бывали случаи, что умирали люди, прибывшіе на похороны своихъ друзей. Императоръ бѣжалъ изъ Рима, пораженный ужасомъ этого бича; онъ прибылъ въ Павію, гдѣ его встрѣтили представители четырехъ городовъ, не приставшихъ къ лигѣ изъ мести къ миланцамъ, которыми они нѣкогда были раззорены. Депутаты четырехъ городовъ должны были изображать ломбардскій сеймъ, а остальные города были объявлены мятежными; но это было не страшно. Усилившись нѣмецкими войсками, Фридрихъ не рѣшился однако на серьезную войну и ограничился тѣмъ, что дѣлалъ небольшія нападенія и мѣшалъ торговлѣ. Нѣмецкіе латники занимались ежедневными грабежами и стягивали то, что лежало плохо; знаменитое рыцарство обратилось въ наглыхъ грабителей; такъ прошла зима 1168 года, а весною Фридрихъ тайно уѣхалъ домой, гонимый стыдомъ за свою неудачу. Въ Сузѣ, по дорогѣ къ Монблану, его узнали, остановили и отобрали заложниковъ.

Ломбардская единая лига.

Теперь примкнули къ лигѣ и другіе города; остались только внѣ союза Павія и маркизъ Монферратскій. Чтобы парализовать вредное вліяніе кичливой Павіи и Монферрата, лига рѣшила выстроить между ними крѣпость, которую въ честь папы, покровительствовавшаго союзу, назвали Александріей; туда согнали жителей восьми мѣстечекъ.

Вообще города Ломбардіи, со времени провозглашенія лиги, богатѣли и процвѣтали. Теперь ломбардскій союзъ способенъ былъ доказать свое могущество Фридриху. Постепенно образовался могущественный союзъ равноправныхъ республикъ. Этотъ примѣръ, конечно, выгодно могъ подѣйствовать на остальную Италію; но для этого слѣдовало

отказаться отъ старой закоренѣлой вражды одного города къ другому.

Все улыбалось лигѣ; Фридрихъ уже шесть лѣтъ жилъ въ Германіи, потому что нѣмцамъ надоѣли опасныя прогулки въ Италію для поддержанія гордаго короля. Казалось бы, надо пользоваться временемъ, но лига оказалась ниже своей задачи; она проявила полную неспособность. Каждый членъ лиги высказывалъ самолюбіе и неумѣстную щепетильность. Пока опасность висѣла надъ головой, являлась отвага, потому что каждый защищалъ свой очагъ и, обороняя себя, приносилъ само собою пользу общему дѣлу. Лига не собирала съ своихъ членовъ никакихъ налоговъ; общихъ рѣшеній никакихъ не предпринималось. Въ городахъ существовали консулы и подесты, но они не совѣщались между собою, хотя Бальбо и увѣренъ, что именно съ тѣхъ поръ появились парламенты (¹). Лига имѣла только одну наблюдательную власть; ея рѣшенія не были окончательны; забавно, что эти рѣшенія обсуждались вновь въ каждомъ городѣ. Это былъ тотъ же хаосъ прежнихъ временъ, очень удобный въ интересахъ нѣмцевъ, императора, но усиливавшій раздоры. Не было опредѣлено, какія силы долженъ былъ выставлять городъ въ случаѣ войны. Кромѣ клятвы не было никакихъ импульсовъ, побуждавшихъ на защиту общаго дѣла.

Походъ Фридриха въ Италію въ 1174 г.

Однимъ словомъ, лига дремала, когда въ 1174 году Фридрихъ въ пятый разъ вступилъ въ Италію и занялъ Сузу. Тогда союзъ встрепенулся, но уже было поздно (²). Ректоры послали въ Асти депутатовъ съ просьбой держаться по возможности противъ нѣмцевъ; они узнали, что астійцы испугались и сдались. Фридрихъ пошелъ на Александрію, противъ которой былъ особенно раздраженъ. Теперь въ арміи Фридриха не было главнаго сподвижника его, именно Генриха Льва. Старикъ отказался идти, ссылаясь на свои 65 лѣтъ, но соб-

(¹) Balbo, H. d' Italie; I, 210.

(²) Для самыхъ важныхъ моментовъ германо-итальянской борьбы въ Ломбардіи, за окончаніемъ записей Радевика и Анонима, пользуемся Otto de S. Blasio, Chronicon (Muratori; VI, 861—913) и Sire Raul (De rebus gestis Fr. I, ib. 1167).

ственно потому, что не хотѣлъ усиленія Гогенштауфеновъ и, можетъ быть, даже желалъ видѣть маленькую неудачу Фридриха. Всѣ просьбы Фридриха остались тщетны; онъ уже хотѣлъ встать на колѣна предъ своимъ вассаломъ, но жена удержала его отъ такого униженія. Между тѣмъ безъ Генриха Фридрихъ былъ слабѣе на половину.

Александрійцы сначала было оробѣли, увидѣвъ армію Фридриха; особенно были страшны имъ фламандцы. Еще не были окончены городскія стѣны. Фридрихъ долго боролся съ естественными препятствіями, выносилъ болѣзни, дожди, наводненія, стоялъ 4 мѣсяца, но Александрія не сдавалась. Между тѣмъ явились войска лиги, нѣмцы хотѣли ворваться, но неудачно. Тогда Фридрихъ, испугавшись близости итальянцевъ, зажегъ свой лагерь и ушелъ къ Павіи. Случайно онъ расположился противъ войскъ лиги, которой стоило только ударить, чтобы уничтожить армію императора, но эти торговцы имѣли болѣе понятія о чести, чѣмъ нѣмецкій императоръ. Они не рѣшились воспользоваться сравнительною слабостью вѣнценоснаго противника.

Сейчасъ же обнаружились несогласія лиги, когда зашла рѣчь о мирѣ. Папская политика не допустила примиренія; монахи заговорили; легаты взяли дѣло въ свои руки. Въ Павіи повелѣніемъ папы было назначено разбирательство. Легатъ сказалъ Фридриху назидательную рѣчь; онъ говорилъ ему о христіанскомъ мірѣ, изнемогающемъ отъ долгихъ войнъ, отвѣтственность за которыя онъ возлагалъ на императора. Фридрихъ на словахъ выражалъ раскаяніе, а самъ поджидалъ войска; онъ хотѣлъ только провести пословъ. Такимъ образомъ легаты вмѣстѣ съ консулами воротились ни съ чѣмъ. Итальянцы дождались того, что императоръ направилъ на нихъ армію; онъ двинулся къ Милану.

Битва при Леньяно 29 мая 1176 г.

Миланъ взялъ клятву съ другихъ городовъ въ содѣйствіи, но отряды лиги подвигались медленно. Въ городѣ образовалось два отряда изъ отборныхъ юношей; оба отряда изъ 300 (кароччіо) и изъ 900 (отрядъ смерти) поклялись умереть, но не отступать и не выдавать кароччіо. 29 мая 1176 года произошло столкновеніе съ нѣмцами при замкѣ Леньяно. Уже отъ напора нѣмцевъ поколебались ряды итальянцевъ, но когорта, охранявшая „caroccio“, выручила. Императоръ упалъ съ коня, ошеломленный; его войско разсѣялось.

Ночью, придя въ себя, Фридрихъ сталъ пробираться окольными путями въ Павію и прибылъ туда на третьи сутки, когда жена его уже надѣла трауръ и всѣ считали его мертвымъ.

Перемиріе въ Венеціи въ 1177 г., и Констанскій миръ 1183 г.

Чрезъ годъ, устроилось личное свиданіе Фридриха I съ съ Александромъ III въ Венеціи, послѣ котораго было условлено примиреніе императора съ папою, перемиріе Фридриха съ ломбардскими городами на 6 лѣтъ, а съ королемъ обѣихъ Сицилій на 15 лѣтъ. Императоръ признавалъ законнымъ первосвященникомъ Александра III и отказывался отъ антипапы. Онъ сознавалъ такимъ образомъ свое пораженіе. Все это было засвидѣтельствовано въ той же Венеціи, въ соборѣ св. Марка, 23 іюля 1177 года. Фридрихъ упалъ въ ноги папѣ въ дверяхъ каѳедрала и тотъ благословилъ его. На другой день императоръ былъ прощенъ. Гордость папы, старая слава итальянскаго оружія были удовлетворены. Не даромъ хроникеры сравнивали Леньяно съ Мараѳономъ. Тогда ликовали всѣ поборники папства на Западѣ. Іоаннъ Салисберійскій съ радостью восклицаетъ, что левъ, гроза міра — qui totius orbis terror fuerat—позорно бѣжалъ изъ Италіи. Барбаросса расчищалъ дорогу для папской процессіи, помѣщаясь вмѣстѣ съ нѣмецкими прелатами. Фридрихъ теперь сосредоточилъ свою злобу на Вельфѣ, который не поддержалъ его. Императоръ четыре раза требовалъ его на сеймъ, но Вельфъ не обращалъ вниманія; тогда онъ предалъ его суду и самъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи. Саксонія была тогда раздѣлена; часть ея отошла къ Ангальтскому дому; изъ прочихъ частей образовалось Вестфальское герцогство и другія мелкія владѣнія. Баварія была предоставлена Оттону Виттельсбаху; Померанія также была освобождена отъ вельфовъ и отдана славянскимъ князьямъ Казиміру и Богуславу, которые непосредственно подчинялись императору. Вельфъ былъ побѣжденъ; униженный, онъ долженъ былъ почтительно просить прощенія у императора. Ему оставлены только Брауншвейгъ и Люнебургъ; на 3 года онъ укрылся въ Англіи, гдѣ у него родился сынъ Вильгельмъ; въ этой странѣ его отдаленное потомство носило впослѣдствіи королевскую корону.

По истеченіи перемирія, императоръ согласился признать совершившійся фактъ, т. е. образованіе итальянской

лиги. Въ 1183 году его послы подписали въ Констансѣ договоръ. Императоръ, стыдясь понесеннаго пораженія, настоялъ на своемъ правѣ отступить съ почетомъ. Онъ могъ бы наказать всѣхъ ослушниковъ, говорится въ договорѣ, но, по милосердію своему, онъ даруетъ мятежнымъ коммунамъ миръ, прощая ихъ.—„Мы даруемъ вамъ, обѣщаетъ Фридрихъ, членамъ союза, тѣ регаліи и кутюмы, коими вы владѣли съ давнихъ поръ, право имѣть коммунальную армію, укрѣпленія, уголовную и гражданскую юрисдикцію въ городахъ и на ихъ территоріяхъ. Пусть мѣстные епископы и уполномоченные императорскіе изслѣдуютъ на мѣстѣ объемъ правъ и регалій, коими издавна владѣли города. Тѣ договоры, кои заключены изъ страха къ намъ или по принужденію нашихъ нунціевъ, не считаются дѣйствительными. Союзъ городовъ можетъ быть возобновленъ, когда города того пожелаютъ. Въ городскіе консулы избираются только тѣ, которые на вѣрность принесутъ намъ присягу. Требуемую инвеституру они получатъ или отъ насъ, т. е. черезъ посредство нунціевъ (т. е. агентовъ) нашихъ, на 5 лѣтъ, или отъ епископа. По истеченіи указаннаго срока, каждый городъ пошлетъ намъ пословъ за новой инвеститурой, которая всегда дается безмездно. Въ дѣлахъ исковыхъ свыше 28 ливровъ—предоставляется апелировать епископу или нунцію нашему, которые будутъ честно рѣшать дѣло, сообразно обычаямъ и законамъ этого города. Императоръ удерживаетъ за собою право на пребываніе въ городахъ, но обязывается оставаться въ каждомъ городѣ или діоцезѣ столько времени, сколько вызывается необходимостью, дабы пребываніе его не было въ тягость". Всѣ граждане отъ 15 до 70 лѣтняго возраста, черезъ каждые 10 лѣтъ, будутъ приносить императору присягу въ вѣрности. Дается всеобщая амнистія. Въ заключеніи была сдѣлана оговорка, что если какой городъ нарушитъ статьи договора, то прочіе города принудятъ его къ исполненію условій, при чемъ общій миръ нарушенъ не будетъ.

Разсматривая эти условія, мы видимъ что въ Констансѣ былъ улаженъ компромиссъ между претензіями повелителя Священной Имперіи и старыми вольностями городовъ Ломбардіи. Коммуны не выходили изъ подчиненности имперіи, но они установляли предѣлъ всякимъ деспотическимъ покушеніямъ германскихъ императоровъ или собственно нѣмцевъ. Папа былъ и остается покровителемъ коммуны, но, какъ са-

мая война имѣла патріотическій характеръ, такъ и договоръ стремится гарантировать политическую и гражданскую свободу Ломбардіи. Самое унизительное условіе для Фридриха I заключалось въ ограниченіи срока пребыванія его въ городахъ, но оно являлось существенно необходимымъ для урегулированія взаимныхъ отношеній. Мирные итальянскіе горожане, побѣдившіе своимъ непоколебимымъ геройствомъ нѣмецкихъ латниковъ, послѣ тяжелыхъ жертвъ принесенныхъ ими отечеству, могли справедливо гордиться минувшей войной и приравнивать Леньяно къ Мараѳону. Эта продолжительная война показала присутствіе великихъ силъ въ народной массѣ, руководимой лозунгомъ—свобода. Когда Фридрихъ въ досадѣ на неудачу подъ Кремою, во время продолжительной осады, приказалъ казнить плѣнныхъ горожанъ, то осужденные, мужественно встрѣчая смерть, воздѣвая руки къ небу, восклицали: „умереть за свободу — это высочайшее счастье послѣ самой свободы (¹)". Эти люди погибали во имя идеи политической свободы, впервые проявившейся на почвѣ сѣверной Италіи. Съ этою идеею сочеталось представленіе о возможности, достигнуть лучшихъ условій гражданской жизни во время общаго безправія. Можно положительно заключить, что именно въ тѣ годы, подъ вліяніемъ жизненныхъ условій и побужденій, сложилось понятіе о политическихъ и гражданскихъ правахъ. Эти права были подсказаны нуждою, потребностью лучшаго существованія; здѣсь же они обратились и развились въ идею политической свободы, которую впослѣдствіи, въ разныхъ мѣстахъ Запада, люди, боясь быть вновь порабощенными, отстаивали цѣною страшныхъ жертвъ, хотя находились въ положеніи болѣе выгодномъ чѣмъ разрозненные ломбардцы XII вѣка.

Вотъ въ чемъ заключается высокое значеніе и всемірно-историческая важность Констанскаго мира.

Послѣ того Фридрихъ былъ привѣтствуемъ ломбардцами не какъ врагъ, а какъ другъ. Пройдя по сѣверной и средней Италіи, какъ покровитель, онъ завязалъ связи съ Неаполемъ, женивъ своего сына Генриха на Констанціи, дочери и наслѣдницѣ короля обѣихъ Сицилій. Императору казалось,

(¹) Radevicus, canonicus Frising. II, 63. Muratori; VI, 850.

что онъ стѣснилъ папу съ двухъ сторонъ, но вышло нѣчто противоположное: неаполитанское наслѣдство, какъ увидимъ впослѣдствіи, было причиной гибели Гогенштауфеновъ.

Послѣдніе годы жизни Фридрихъ посвятилъ святому дѣлу. Онъ принялъ участіе въ третьемъ крестовомъ походѣ. Здѣсь онъ нашелъ свою смерть. Онъ погибъ въ Малой Азіи, въ рѣчкѣ Каликаднѣ, во время переправы во главѣ воиновъ Креста.

Торжество Рима. Съ блескомъ папство вступаетъ въ XIII столѣтіе. Настало время его полнаго могущества, къ которому оно стремилось и котораго, наконецъ, оно достигло, хотя не надолго.

Одному человѣку суждено было олицетворить это могущество. Онъ соединялъ въ себѣ богатыя силы духа, твердую волю и широкіе помыслы; натура этого итальянца отличалась замѣчательной всесторонностью. Подобно Гильдебранду, онъ готовился къ политической и церковной дѣятельности живымъ примѣромъ и долгой практикой; онъ правилъ политикой Европы въ качествѣ архидіакона Римской церкви, при слабыхъ преемникахъ Александра III. При Лучіи III (1181—1185 г.), Урбанѣ III (1185—1187 г.), Григоріи VIII и Климентѣ III (1187—1191 г.) онъ играетъ видную роль въ дѣлахъ куріи. Когда онъ самъ сталъ папою, ему сопутствовало удивительное счастіе. Это былъ римскій графъ—Лотарь Конти, надѣвшій на тридцать седьмомъ году своей жизни папскую тіару подъ именемъ Иннокентія III (1198—1216 г.). Въ немъ идея католическая достигаетъ своего апогея и имъ непосредственно открывается тринадцатый вѣкъ. О немъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ.

3) Развитіе монархической и коммунальной идеи во Франціи въ XII вѣкѣ.

Крестовое движеніе, порожденное извѣстнымъ настроеніемъ общества, само было источникомъ многихъ событій. Походы на Востокъ, направляемые самыми разнообразными общественными элементами, какъ то—рыцарями, горожанами, виланами, невольно сближали въ интересахъ національнаго патріотизма эти несходившіеся доселѣ элементы. Въ далекихъ и опасныхъ странствованіяхъ по неизвѣстнымъ землямъ, въ

пылу битвъ, слагались національныя симпатіи; словомъ, крестовые походы содѣйствовали проведенію въ жизнь національнаго принципа.

Коммуны во Франціи; ихъ происхожденіе и организація.

Прежде всего послѣдствія этого историческаго движенія отразились во Франціи. Съ этого же времени, т. е. съ начала XII вѣка, подъ вліяніемъ крестовой идеи и по указанію прежнихъ, древнеримскихъ традицій, появляется городская организація, связывающая интересы многихъ членовъ общества. Раньше нами было замѣчено, что города въ Италіи, при императорѣ Конрадѣ II, а потомъ при Фридрихѣ II, добыли себѣ самоуправленіе и что въ нихъ послѣ Констанскаго мира утвердилась коммунальная система. Это же названіе „коммуна" перешло и на свободные города Лангедока, а оттуда распространилось дальше на сѣверъ. Самое латинское слово „коммуна" обозначаетъ понятіе, выражающее общность интересовъ. Первое время въ памятникахъ, какъ галльскихъ такъ и итальянскихъ, для выраженія идеи самостоятельности городовъ, встрѣчаемъ терминъ „conjuratio", „communa jurata"—отъ jurare, клясться. Такое названіе общины показываетъ, что ея члены давали клятву защищать общіе интересы и поддерживать другъ друга. Отсюда горожане, соединившіеся между собою такимъ взаимнымъ обязательствомъ, назывались „jurati" (jurés), т. е. „присяжные". Они выбирали надъ собою главныхъ сановниковъ, которые на югѣ Галліи носили громкое имя консуловъ, заимствованное изъ Италіи; въ другихъ же частяхъ Галліи они назывались „мерами" (лат. major, франц. maire). Нѣкоторые изъ „jurati" входили въ составъ городскаго управленія—magistratus. Правда, эти должности мера, консула существовали гораздо раньше, но они не имѣли такого значенія, какое имъ присвоено было какъ сановникамъ городскихъ общинъ. Вообще коммуна во Франціи сложилась подъ вліяніемъ франкскаго этнографическаго элемента; франкамъ, какъ всему германскому племени, былъ свойственъ духъ ассоціаціи. Эта идея еще раньше XII вѣка проявлялась въ Германіи въ такъ называемыхъ цехахъ (нѣм. ghilde). Она же проявилась и на почвѣ Галліи послѣ водворенія франковъ. Обыкновенно въ городахъ ремесленники, занимавшіеся однимъ ремесломъ, съ цѣлью взаимной помощи, для соблюденія своихъ интересовъ и поддержанія своего производства составляли небольшіе кружки—цехи; они давали клятву неуклонно заботиться объ интересахъ всего

цеха и не нарушать цеховыхъ постановленій. Изъ своей среды каждый цехъ выбиралъ начальниковъ, которые назывались мерами (majores), а въ иныхъ городахъ „хранителями ремесла“ (gardes de métier), „мудрыми людьми“. Въ южной Франціи они иногда носили названіе „консуловъ“. Такимъ образомъ, термины—меръ и консулъ—сами по себѣ существовали раньше ихъ политическаго значенія; также существовали и ассоціаціи подъ надзоромъ этихъ выборныхъ начальниковъ, такъ что цеховые меры и консулы были предшественниками коммунальныхъ меровъ и консуловъ, а самый цехъ былъ зародышемъ коммуны [1].

Три полосы самоуправленія. Всю Францію относительно силы коммунальнаго духа можно раздѣлить на три части: сѣверную, среднюю и южную. Нѣкоторые историки двѣ первыя части сливаютъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, сѣверная и средняя полосы, по силѣ и характеру коммуны, не похожи на южную (Лангедокъ, Провансъ). Въ послѣдней, сравнительно съ остальными частями Франціи, сильно было римское вліяніе; здѣсь было много старыхъ рим-

[1] Вопросъ о коммунахъ основательно разработанъ во французской литературѣ послѣ того, какъ онъ былъ возбужденъ Огюстеномъ Тьерри въ его знаменитыхъ письмахъ Lettres sur l'histoire de France (о которыхъ мы говорили въ примѣчаніи на стр. 125), а также въ трудѣ еще болѣе важномъ,—Essai sur la formation et les progrés du tiers état, составляющемъ введеніе къ изданнымъ имъ документамъ для исторіи третьяго сословія (въ 3 квартантахъ 1850—56, I томъ для XI—XV вѣковъ, II для XV—XVII. III—до 1789 г.) въ Collecton de doc. inèdits. Послѣ того въ томъ же направленіи работали: Luchaire. Hist. des institutions monarchiques sous les premiers Capétiens. Clos, Recherches sur le régime municipal dans le Midi de la France (Mém. de l'Acodémie des inscr. t. III). Wauters, Les libertés communales en Belgiques et sur les bords du Rhin. Seimbres, Essai sur les villes fondées dans le Sud-Ouest. Mènault. Les villes neuves, leur origine et leur influence dans le mouvement communal и рядъ спеціальныхъ работъ, помѣщенныхъ въ Bibl. de l' Ecole des Chartes и во множествѣ историческихъ французскихъ провинціальныхъ повременныхъ изданій, въ которыхъ изучено прошлое не только городовъ, но многихъ сельскихъ общинъ, на основаніи мѣстныхъ архивовъ. Нѣмецкое капитальное сочиненіе Warnkönig und Stein, Französische Rechts und Staatsgeschichte, какъ составленное по памятникамъ, до сихъ поръ не устарѣло. Изъ русскихъ изслѣдованій назовемъ трудъ по источникамъ казанскаго проф. Ап. И. Смирнова (Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и средней. К. 1873). Изъ послѣднихъ французскихъ трудовъ весьма содержательное, несмотря на компактность, A. Rambaud. Hist de la civilisation française (2 vls. 1887).

скихъ городовъ, которые ревниво хранили свое муниципальное устройство, а въ народонаселеніи жили еще римскія преданія. Словомъ, здѣсь была почва для коммуны. Но, глубже анализируя фактъ, между городскимъ устройствомъ сѣверной и средней Франціи мы замѣтимъ существенное различіе, которое заключалось въ томъ, что города средней полосы не носили политическаго характера, въ противоположность сѣверу и югу. Къ средней полосѣ принадлежатъ провинціи Орлеанэ, Гатинэ, Мэнъ, Анжу, Турэнь, Берри, Нивернэ и Бургундія. Въ городахъ этихъ провинцій, правда, существовала самостоятельная магистратура, но общины въ нихъ пользовались ограниченными правами политической и гражданской свободы, да и тѣ были добыты съ большими усиліями и медленно. Города этой полосы назывались городами „простой буржуазіи" (villes de simple bourgeoisie). Что касается до сѣверной полосы, то она называлась pays des coutumes (страна кутюмовъ, обычнаго права): затѣмъ южная Франція называлась страной римскаго права (pays du droit Romain). Города центральной полосы были богато населены и отличались промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, но были лишены политическаго значенія; потому политическая власть легко допускала въ нихъ коммуну. Впослѣдствіи, цѣлью политики французскихъ королей было уравнивать въ правахъ коммуну Сѣвера и консульскіе города Юга съ средней Франціей, за которую они совершенно не опасались. По существу политика французскихъ королей являлась революціонною.

По мнѣнію Огюстена Тьерри, коммунальное движеніе среднихъ вѣковъ представляетъ поразительное сходство съ новѣйшими конституціонными революціями ([1]). Стремленіямъ радикаловъ нашего времени въ тѣ вѣка соотвѣтствовали порывы горожанъ, этихъ предковъ позднѣйшей буржуазіи. Буржуазія шла прямо къ республикѣ, но реакція власти возвращала ее часто назадъ. Равновѣсіе этихъ двухъ силъ породило въ городахъ родъ смѣшаннаго управленія, какъ это было особенно на Сѣверѣ. Новая организація, указаконен-

([1]) Постановкой и разъясненіемъ вопроса о коммунѣ, наука обязана Огюстену Тьерри, который своимъ популярнымъ изложеніемъ и рѣдкимъ талантомъ умѣлъ заинтересовать образованное общество отдаленнымъ прошлымъ и сдѣлать изъ этого прошлаго, благодаря удачному сопоставленію, вопросъ настоящаго. Мы пользуемся его «Lettres sur l'histoire de France», откуда заимствуемъ и документы.

ная грамотами, претерпѣвала всѣ превратности новѣйшихъ конституцій: она послѣдовательно измѣнялась, разрушалась и снова возстановлялась; сеньоры и города нарушали содержаніе грамотъ.

Если принципомъ средневѣковой коммуны была свобода, то—свобода, если можно такъ выразиться, матеріальная,—свобода уходить и приходить, продавать и покупать, быть господиномъ себѣ, оставлять свое имущество дѣтямъ.

Во имя этой-то свободы,—другой свободы тогда не знали,—и жертвуетъ буржуазія своимъ имуществомъ и жизнію. Въ этомъ существенное отличіе средневѣковыхъ революцій отъ новыхъ. Кромѣ того, современныя революціи исходятъ изъ распри народовъ съ королевской властью; революціи же двѣнадцатаго вѣка—изъ борьбы съ феодалами.

Въ то время было мало городовъ, принадлежавшихъ непосредственно королю. Большая часть бурговъ были собственностью бароновъ или церквей, а города церковные были подъ властію своихъ епископовъ. Иногда свѣтскій сеньоръ, владѣтель древней крѣпости и сосѣдняго квартала, оспаривалъ у прелата верховную власть и надъ остальною частью города. Иногда король имѣлъ башню, гдѣ его прево укрѣплялся по военному, чтобы собирать съ горожанъ извѣстные поборы, кромѣ тѣхъ, которые они платили епископу и свѣтскому феодалу.

Къ счастію для горожанъ, эти три власти не уживались вмѣстѣ. Возстаніе одного изъ кварталовъ находитъ часто поддержку въ сеньорѣ сосѣдняго и если все населеніе города составляло одну политическую ассоціацію, то рѣдко случалось, чтобы одинъ изъ владѣльцевъ, за деньги, не утверждалъ ее. Въ современной южной Франціи,—значитъ, внѣ тогдашняго французскаго королевства,—епископы были, вообще, друзьями мѣстной буржуазіи и покровителями коммуны. Но непосредственно во Франціи, особенно въ Бургундіи и Фландріи, они постоянно поддерживали противъ коммунъ войну, окончившуюся спустя три вѣка одновременнымъ уничтоженіемъ коммунъ и феодальныхъ привилегій.

Эта разница происходила отъ того, что на Югѣ франкское вліяніе было не такъ глубоко и епископы мало уподоблялись баронамъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ Рейну, слѣды франкскаго вторженія становились ощутительнѣе: господство силы было полное, власть феодаловъ—деспотическая; тамъ, кто не рыцарь—тотъ былъ рабъ. Этимъ унизительнымъ названіемъ

епископы съ высоты своихъ зубчатыхъ стѣнъ величали жителей городовъ записанныхъ за церковью. Но это названіе выражало скорѣе претензію, чѣмъ фактъ. Своими частыми волненіями, оборонительными и наступательными союзами, буржуазія доказала, что рабство не ея доля. Изъ временныхъ, эти ассоціаціи взаимной обороны (communions, communs) сдѣлались съ теченіемъ времени постоянными. Для обезпеченія ихъ была придумана организація административная и судебная, а затѣмъ переворотъ совершился.

Подобно конституціямъ новаго времени, коммуны выдвигались одна за другой, и послѣднія по времени подражали въ организаціи первымъ. Основнымъ источникомъ, если можно выразиться, прототипомъ всѣхъ коммунъ, служитъ коммуна Камбрэ. На ней мы должны остановиться, чтобы показать на примѣрѣ, какъ слагалась „община“ средневѣковой Франціи.

Коммуна Камбрэ.

Ея исторія начинается съ половины X вѣка. Въ 957 году епископъ Камбрэ отправился къ императорскому двору, чтобы просить защиты противъ горожанъ. Пользуясь этимъ, буржуазія образовала противъ него союзъ и поклялась не впускать его въ городъ. Епископъ узналъ объ этомъ. Онъ выпросилъ у императора войска и страшно отомстилъ камбрэйцамъ. Воины убивали всѣхъ, кто попадался; инымъ отрубали руки и ноги или выкалывали глаза; другихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Но эта военная экзекуція только ожесточила враговъ епископа. Борьба скоро возобновилась. Въ 1024 и 1064 годахъ были сильныя возмущенія, для подавленія которыхъ потребовались большія военныя силы. Хотя оба раза епископъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, но граждане не теряли надежды такъ или иначе добиться свободы.

Въ 1076 году епископъ отправился снова ко двору императора, а жители Камбрэ составили союзъ, подъ именемъ коммуны. Они поклялись, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, не впускать епископа въ городъ, если онъ не присягнетъ коммунѣ; но епископъ подошелъ къ городу съ войскомъ и камбрэйцы должны были покориться. Казалось, коммуна Камбрэ была разрушена. Но волненія, происходившія на западѣ, вслѣдствіе отлученія Генриха IV отъ Церкви, дали имъ возможность возстановить ее. Генрихъ V, по смерти отца, явился въ

Камбрэ съ войскомъ; онъ разорвалъ грамоту коммуны и заставилъ жителей поклясться въ вѣрности епископу.

Такимъ образомъ коммуна Камбрэ была уничтожена во второй разъ; но не прошло и 20 лѣтъ, какъ она снова была возстановлена. Давно указывали на нее, какъ на образецъ политической организаціи. „Что скажу я о свободѣ этого города, говоритъ одинъ древній писатель? Ни епископъ, ни императоръ здѣсь не могли налагать податей; никакая дань не собиралась; нельзя было вводить туда войско, если только оно не предназначалось для защиты города"....

Коммуна управлялась избирательнымъ собраніемъ (magistrat), члены котораго назывались jurés и собирались каждый день въ общественномъ домѣ, который назвался maison de jugement (домъ суда); jurés, въ числѣ 80 человѣкъ, раздѣляли между собой административное и судебное управленіе. На нихъ же лежала обязанность защищать городъ. Въ мирное время они должны были отстаивать независимость города отъ притязаній епископа. Благодаря непоколебимой твердости избранныхъ властей коммуна Камбрэ процвѣтала и до половины XIV вѣка выдерживала борьбу съ клерикальной партіей, которая неоднократно принуждена была всей массой выходить изъ города.

Во время борьбы за коммуну въ Камбрэ, тамъ жилъ капелланъ Будри де Саршенвиль, родомъ изъ Артуа. Это былъ человѣкъ характера рѣшительнаго, ума свѣтлаго и пытливаго. Онъ не раздѣлялъ отвращеній духовенства къ коммунѣ. Будри понималъ, что это учрежденіе — потребность времени, а потому находилъ лучшимъ уступить буржуазіи добровольно, чѣмъ проливать кровь ради временной реакціи. Изъ Камбрэ онъ перешелъ въ капитулъ Нойона. Этотъ городъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ Камбрэ: граждане постоянно враждовали съ епископомъ и дрховенствомъ. Въ 1098 году Будри занялъ тамъ епископскую каѳедру. Чтобы предупредить безполезныя кровопролитія, новый епископъ рѣшился примирить противниковъ на извѣстныхъ условіяхъ. На общемъ собраніи гражданъ, духовенства и рыцарей, по предложенію епископа, была принята и утверждена присягой грамота коммуны, похожая на грамоту Камбрэ. По ходатайству епископа она была подтверждена королемъ Луи VI (около 1108 года).

За нѣсколько лѣтъ до этого, путемъ народнаго возстанія, была учреждена коммуна въ городѣ Бовэ. Граждане заставили присягнуть ей епископа (1102 г.). Въ то же время, чтобы предупредить волненія, Рауль, графъ Вермандуа, далъ коммунальную грамоту Санъ-Кантену. Духовенство и рыцари съ охотой присягнули исполнять ее, не нарушая правъ своего сословія. Чтобы понять, какое дѣйствіе произвело на города Пикардіи и Иль-де Франса существованіе этихъ двухъ коммунъ на пространствѣ какихъ нибудь 150 верстъ,—достаточно обратить вниманіе на существенные пункты ихъ грамотъ.

«Всѣ жители города и его округа присягнутъ коммунѣ. Коммуна изберетъ 13 пэровъ; изъ нихъ пэры, съ одобренія коммуны, изберутъ одного или двухъ, въ должность мера. Меръ присягнетъ быть безпристрастнымъ и давать справедливое рѣшеніе во всѣхъ дѣлахъ. Коммуна присягнетъ повиноваться рѣшеніямъ мера и пэровъ. Преступника противъ члена коммуны городское управленіе (меръ и пэры) приговариваетъ къ тѣлесному наказанію или штрафу. Грамота Бовэ.

«Если виновный скроется въ чей либо замокъ и не будетъ выданъ по требованію совѣта, то приговоръ будетъ исполненъ надъ имѣніемъ и людьми владѣтеля замка.

«Если чужеземный купецъ будетъ оскорбленъ въ предѣлахъ коммуны, совѣтъ накажетъ виноватаго, дабы купецъ не сдѣлался врагомъ коммуны.

«Никто изъ горожанъ не можетъ вступать въ переговоры съ врагами коммуны безъ позволенія городскаго совѣта т. е. коммуны.

«Если членъ коммуны, должникъ другаго члена, убѣжитъ въ замокъ, то владѣлецъ послѣдняго долженъ или уплатить долгъ или выдать виновнаго; въ противномъ случаѣ приговоръ будетъ исполненъ надъ людьми его.

«Если кто украдетъ деньги у члена коммуны, убѣжитъ въ замокъ и не будетъ выданъ, — приговоръ будетъ исполненъ надъ людьми и имѣніемъ владѣтеля замка.

«Если случится, что кто нибудь изъ членовъ коммуны купилъ наслѣдство и владѣлъ имъ болѣе года, то оно останется за нимъ, хотя бы наслѣдникъ предъявилъ свои права.

Сопоставимъ съ этимъ документомъ мѣста изъ грамоты коммуны Санъ-Кантена, данной этому городу графомъ Рауломъ, который за деньги счелъ удобнымъ отказаться отъ нѣкоторой доли своихъ феодальныхъ правъ.

Грамота Сан-Кантена. **«Личность и имущество членовъ этой коммуны будутъ неприкосновенны; ни мы, ни кто либо другой не можетъ требовать отъ нихъ ничего.**

«Преступленіе наказывается разрушеніемъ дома, если преступникъ не заплатитъ выкупъ, назначенный меромъ и членами. Выкупъ долженъ употребляться на поправку городскихъ стѣнъ и укрѣпленій. Неявившійся на судъ, по требованію мера, будетъ изгнанъ изъ города. Если преступникъ имѣетъ въ городскомъ округѣ домъ, меръ можетъ разрушить его; въ случаѣ нужды графъ даетъ ему помощь Каждый буржуа можетъ быть позванъ на судъ всюду и во всякое время дня.

«Наслѣдниковъ поземельной собственности меръ немедленно вводитъ во владѣніе.

«Чужеземецъ, вступившій въ коммуну, владѣетъ всѣмъ, что принесъ съ собой; все же, оставшееся во владѣніяхъ бывшаго его сеньора, собственность послѣдняго, кромѣ наслѣдственнаго имѣнія.

«Если мы (т. е. графъ) позовемъ кого либо изъ членовъ коммуны на судъ, то приговоръ будетъ постановленъ особымъ судомъ въ стѣнахъ Санъ Кантена. Укрѣпленіе города вполнѣ подлежитъ вѣдѣнію мера и пэровъ. Мы не можемъ чеканить и перечеканивать монету безъ согласія мера и пэровъ (jurés).

«Граждане могутъ молоть зерно и печь хлѣбы всюду, гдѣ пожелаютъ. Если совѣтъ, нуждаясь въ деньгахъ на городскія потребности, наложитъ пошлину, то можетъ наложить ее и на наслѣдственныя имѣнія и на продаваемыя недвижимыя имущества.

«Мы жалуемъ все это, не нарушая ни собственныхъ правъ и чести, ни правъ Церкви и нашихъ свободныхъ людей.

Изъ самаго способа выраженія этихъ грамотъ видно, что въ XII вѣкѣ существовало различіе между коммуной взятой съ боя и коммуной пожалованной.

Въ первой изъ этихъ грамотъ видно выраженіе народныхъ желаній; вторая не имѣетъ этого оттѣнка. Ея редакція отличается принужденностью: она представляетъ какъ-бы пораженіе власти, уступавшей силѣ обстоятельствъ.

Городъ Лаонъ. Первымъ изъ ближайшихъ городовъ, послѣдовавшихъ примѣру Санъ-Кантена, былъ городъ Лаонъ. Лаонцы хотѣли добиться коммуны мирнымъ путемъ, путемъ взаимнаго соглашенія съ властями, но постепенно были увлечены на совершенно противоположную дорогу. Они начали просьбами о реформѣ, мольбой самой смиренной, а кончили избіеніемъ враговъ, разрушеніемъ и пожаромъ. Подобно новѣйшимъ

революціямъ, исторія Лаонской коммуны представляетъ и крайнюю степень возбужденія народныхъ страстей и реакцію съ ея послѣдствіями.

Городъ Лаонъ, разсказываетъ Огюстенъ Тьерри, въ концѣ XI вѣка, считался второй столицей французскаго королевства. Епископъ былъ въ то же время феодальнымъ сеньоромъ, Жители терпѣли страшныя притѣсненія; открытые грабежи и убійства были обычнымъ явленіемъ. Улицы города были не безопасны даже днемъ. Къ этому нужно присоединить лихоимство епископскаго управленія: произвольные налоги, неправильныя судебныя рѣшенія и т. п.

Притѣсненія гражданъ достигали крайней степени, когда мѣсто епископа получилъ нормандецъ Годри. Это былъ человѣкъ съ воинственными наклонностями, вспыльчивый и надменный; онъ любилъ разсуждать о сраженіяхъ и охотѣ, о лошадяхъ и собакахъ. Годри не останавливался ни передъ какими насиліями. При немъ городская знать и духовенство сдѣлались еще болѣе жадны.

Чрезмѣрныя притѣсненія заставили лаонцевъ искать средства выйти изъ состоянія рабства. Пользуясь отсутствіемъ своего патрона, они составляютъ собраніе и клянутся пожертвовать всѣмъ, лишь бы достигнуть учрежденія городскаго самоуправленія. Они подкупаютъ духовенство и рыцарей признать актъ выборнаго правленія. За большую сумму они покупаютъ согласіе возвратившагося епископа и, наконецъ, подтвержденіе короля Луи VI.

Коммуна Лаонская, относительно организаціи муниципальныхъ властей, взяла за образецъ коммуны Нойона и Санъ-Кантена. Судебная и административная часть правленія были предоставлены избирательнымъ меру и jurés, которыхъ должно быть не менѣе 12. Но лаонцы не долго пользовались купленной свободой.

Епископъ, духовенство и рыцари скоро истратили деньги, полученныя съ гражданъ за коммуну; новаго выкупа граждане не давали, произвольныхъ поборовъ производить было нельзя. Оставалось одно средство,—уничтожить коммуну. Дѣйствительно епископу удалось подкупить короля за 700 ливровъ, которые онъ надѣялся собрать съ гражданъ. Грамота за королевской печатью была объявлена недѣйствительной; меру и jurés приходилось возвратить всѣ аттрибуты власти епископу. Но граждане въ продолженіе двухъ лѣтъ успѣли свыкнуться со

свободой, и трудно было заставить ихъ спокойно воротиться къ прежнему состоянію рабства.

Слухъ о тяжелыхъ налогахъ раздражилъ жителей. Съ крикомъ „коммуна“ бросились они по улицамъ къ епископскому двору. Они взяли дворецъ приступомъ, убили епископа и подвергли его трупъ осмѣянію; много было перебито дворянъ; не щадили даже женщинъ и дѣтей.

Когда мщеніе было удовлетворено и граждане могли спокойно обсудить свое положеніе, они поняли, что зашли слишкомъ далеко, чтобы дѣло окончилось миромъ. Опасаясь наказанія со стороны короля, они просили помощи у Томаса де-Марль, врага короля. Но Томасъ не могъ имъ помочь, потому что вассалы отказали ему въ поддержкѣ; онъ предложилъ имъ покинуть городъ и перейти въ его владѣнія. Лишенные надежды на посторонюю помощь, лаонцы въ отчаяніи бѣжали изъ роднаго города. Жители сосѣднихъ деревень грабили покинутый городъ; противники коммуны начали жестокое мщеніе; оставшихся въ городѣ жителей убивали или вѣшали. Лаонъ былъ разгромленъ; многіе дома разрушены.

Мы узнаемъ послѣ (стр. 568), какъ въ войну вмѣшался король и силой прекратилъ существованіе коммуны. Но населенію трудно было вернуться къ прежнему рабству. Вспыхнуло волненіе; феодалъ - епископъ долженъ былъ бѣжать. Тотъ же король, Луи VI вновь утверждаетъ свободу Лаона, но съ одной странной оговоркой. Король боится называть коммуну ея настоящимъ именемъ; это слово продолжаетъ быть страшнымъ, зловѣщимъ. Она была названа мирнымъ учрежденіемъ, ея члены и присяжные именуются „присягнувшими миру“, а ея предѣлы считаются „границами мира“.

Частная исторія Лаона весьма типична; она болѣе или менѣе повторялась въ исторіи другихъ общинъ. Хартіи то давались, то отнимались. Королевская власть то приходила на помощь городамъ противъ епископовъ и свѣтскихъ сеньоровъ, то вмѣстѣ съ послѣдними держала коммуну въ желѣзныхъ тискахъ. Долго не было ничего установившагося, опредѣленнаго въ политикѣ королей по отношенію къ городамъ.

Только въ началѣ XII столѣтія положеніе дѣлъ выясняется. Число коммунъ растетъ. Всякими способами, то силою и мятежемъ, то покупкою и сдѣлкою, то подкупомъ и хитростью, города добываютъ себѣ самоуправленіе.

Общій характеръ коммунъ во Франціи.

Новая администрація этихъ городскихъ единицъ получаетъ республиканскій характеръ. Въ Италіи терминъ „консулъ“ появился около 1100 г. Около того же времени о консулахъ упоминается во французскихъ лѣтописяхъ. За 20 лѣтъ предъ этимъ начались крестовые походы. Нельзя отрицать, что образованіе мелкихъ республикъ въ Италіи много зависѣло отъ крестовыхъ походовъ; равнымъ образомъ коммунальное движеніе во Франціи въ значительной степени обязано своимъ развитіемъ тому же историческому движенію. Такъ какъ обыкновенно одинаковая историческая причина всегда производитъ и одинаковыя послѣдствія въ разныхъ мѣстностяхъ, то и по времени и по характеру коммунальное движеніе въ Италіи и во Франціи представляетъ большое сходство.

Обыкновенно первыя заботы вновь образовавшейся городской администраціи были посвящены защитѣ города. Съ этой цѣлью учреждалась городская милиція; для нея выбирали начальниковъ изъ храбрѣйшихъ горожанъ; городъ также укрѣпляли извнѣ стѣнами, новыми рвами и насыпями. Эти сооруженія требовали расходовъ и вызывали налоги съ членовъ коммуны. Затѣмъ, въ общемъ собраніи коммуны составлялась хартія (charta communae), въ которой писались условія ассоціаціи и опредѣлялись отношенія къ феодалу. Коммунальная хартія часто составлялась путемъ соглашенія съ сеньоромъ; поэтому она представляла сдѣлку между городской общиной и феодаломъ, сдѣлку, въ силу которой коммуна обязывалась исполнять извѣстныя повинности по отношенію къ своему сеньору, а со стороны этого послѣдняго нѣкоторымъ образомъ гарантировалась свобода городской администраціи. Такъ какъ король продолжалъ считаться верховнымъ главою государства, то коммуны особенно дорожили утвержденіемъ своей хартіи королемъ; за это въ свою очередь коммуны должны были помогать королевской власти. Король, какъ верховный глава государства, имѣлъ юридическое право поддерживать спокойствіе во время тогдашнихъ безпорядковъ, насилій и произвола феодаловъ; но онъ для этого не имѣлъ фактической возможности. Тутъ-то и сходились интересы коммунъ и королевской власти, стремившихся ослабить произволъ феодаловъ и искоренить безпорядокъ. Вслѣдствіе этого устанавливались взаимныя обязательства между коммуной и королев-

на развитіе коммуны и королевской власти было одной изъ причинъ возникновенія союза между этими двумя силами. Примѣръ существованія дружескихъ отношеній между ними можно видѣть изъ свидѣтельства лѣтописца Ордерика Виталія, который говоритъ, что въ его время была устроена „община народная“, при чемъ священники должны были слѣдовать за королемъ съ хоругвями своихъ приходовъ и съ горожанами.

Луи VI (1108—37 г.).

Король Луи VI, въ молодости прозванный Расторопнымъ, а подъ старость Толстымъ, иногда искренне покровительствовалъ коммунальному движенію, иногда сталкивался съ нимъ враждебно. Онъ подъ конецъ оцѣнилъ смыслъ этого движенія, хотя и не безъ помощи знаменитаго аббата Сугерія. Послѣдній, правда, не любилъ общинъ, но, видя въ нихъ организацію порядка, считалъ за лучшее поддерживать ихъ ([1]). Управленія Луи VI и сына его Луи VII, по характеру своему, мало отличаются одно отъ другаго; на обоихъ царствованіяхъ отразилась дѣятельность Сугерія. Характеръ и значеніе этой дѣятельности, а также административныя способности Сугерія раскрываются въ его обширной переепискѣ. Луи VI предпринялъ свой первый походъ для защиты аббата св. Діонисія и епископовъ Орлеанскаго и Реймскаго отъ феодаловъ. Въ этомъ предпріятіи онъ нашелъ поддержку въ коммунѣ. Опасаясь противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ вассаловъ коронованію, онъ рѣшился возложить на себя вѣнецъ въ Орлеанѣ, а не въ Реймсѣ, епископъ котораго пользовался правомъ совершать эту церемонію. Архіепископъ

([1]) Самъ Сугерій оставилъ намъ біографію Луи VI «Vita Ludovici sexti» (у Bouquet въ 12 томѣ). Жизнь Сугерія описана монахомъ Вильгельмомъ, — въ его очеркѣ «Vita Sugerii»; это сочиненіе можетъ служить также и документальнымъ источникомъ для исторіи времени Сугерія († 1152). Но гораздо важнѣе переписка самого Сугерія съ Луи VII, съ папой Пасхаліемъ II и съ др. Переписка Сугерія съ королемъ французскимъ относится къ тому времени, когда послѣдній былъ на Востокѣ. Этотъ крестовый походъ Луи VII на Востокъ описалъ монахъ св. Діонисія, Одонъ Дельскій въ сочиненіи «De profectione Ludov. VII in Orientem». Въ этомъ походѣ авторъ лѣтописи участвовалъ лично. Сугерій послужилъ предметомъ изслѣдованія многихъ французскихъ ученыхъ, какъ то: Baudier (1645), Du-Chesne (1648), Gervais (1721), Carnet (Etudes sur les fondateurs de l' unité nationale en France, 1848, t. I). Въ русской литературѣ извѣстна докторская диссертація Грановскаго (1849. Соч I, 239—328). Главное достоинство ея заключается въ литературной сторонѣ; въ этомъ смыслѣ она долго будетъ цитироваться какъ классическое произведеніе въ своемъ родѣ.

Санса при коронаціи „опоясалъ его мечемъ на защиту храмовъ, бѣдныхъ и на защиту всѣхъ притѣсняемыхъ“. Эта фраза весьма важна: она показываетъ, что духовенство особенно чувствовало необходимость порядка, побуждая короля преслѣдовать мятежниковъ. Луи VI удалось развить въ себѣ высшее чувство справедливости, рѣдкое въ то время произвола; онъ сознавалъ, что феодальный порядокъ болѣе немыслимъ. Лучшую половину своего царствованія этотъ король находился подъ вліяніемъ Сугерія, и всѣ перемѣны, происшедшія въ это царствованіе, нужно приписывать главнымъ образомъ уму аббата. Эти перемѣны послужили къ упроченію королевской власти. Дѣятельность самого короля весьма незначительна: она ограничивается защитою дорогъ и торговцевъ или борьбой съ владѣльцами какихъ-нибудь замковъ. Но въ его царствованіе выработалась важная идея о высшемъ значеніи королевской власти. Даже и въ этихъ мелкихъ предпріятіяхъ короля проглядываетъ одно стремленіе упрочить и поднять монархическую власть. Постепенно сливаясь съ понятіемъ о государствѣ, эта власть считаетъ себя при каждомъ случаѣ призванной для поддержки справедливости и порядка. Хотя король Луи и не достигъ полнаго признанія этихъ притязаній, но въ умахъ современниковъ зародилось сознаніе важности королевской власти.

Луи хотѣлъ даже показать значеніе короны въ Нормандіи, властителемъ которой считался король англійскій Генрихъ, отнявшій ее у законнаго вассала, Роберта и его сына. На зовъ Луи откликнулись всѣ недовольные Генрихомъ ленники. Французскій король, казалось, стоялъ за справедливость и законныя права. Съ нимъ были всѣ сильнѣйшіе графы (анжуйскій, бретанскій, фландрскій и др.). Но вскорѣ обнаружилось, что на вассаловъ полагаться нельзя, потому что они всѣ щадили противниковъ, такихъ же рыцарей, какъ сами, что̀ считалось долгомъ чести. Страдали только поселяне и ихъ жатва: горожане сидѣли за своими стѣнами. Вообще средневѣковая война не была похожа на войны послѣдующихъ временъ; она давала только случай выказать силу и ловкость; воины, закованные въ желѣзо, щадили другъ друга. Такъ было и въ данномъ случаѣ; мы читаемъ только о мелкихъ стычкахъ; казалось, война обратилась въ турниръ. Онако въ 1116 году французы были разбиты Генрихомъ; оказалось убитыхъ 3, а плѣнныхъ 140. Послѣ такой неудачи своего короля, бароны Франціи стали отпадать отъ него и переходить къ побѣдителю.

Графы Анжу и Фландріи заключили миръ съ Генрихомъ. Луи долженъ былъ вернуться въ Парижъ ни съ чѣмъ. Ему было обидно; самолюбіе его страдало. Король обращается за совѣтомъ въ монастырь св. Діонисія. Оттуда отвѣтили: „Если у вассаловъ мало рыцарей, обратитесь къ прелатамъ; пусть они пригласятъ своихъ пасомыхъ противъ общаго врага".

Тогда всѣ поднялись съ разрѣшенія епископовъ. Это было первое народное ополченіе во Франціи. Оно кинулось грабить Нормандію.... Результаты этого событія были незначительны. но важенъ фактъ такого рода, что съ 1120 года во Франціи впервые образовалось національное войско.

Коммунальное движеніе, начавшееся во Франціи въ XI вѣкѣ, въ XII столѣтіи достигаетъ своего полнаго развитія. Въ нормандской войнѣ проявилась его полная сила. Если французскій король не могъ на этотъ разъ достичь успѣха, то все таки коммуны помогли ему даровать Вильгельму Клитону, за котораго онъ воевалъ, графство Фландрское. Затѣмъ коммуны оказали ему болѣе важную услугу въ войнѣ съ германскимъ императоромъ, Генрихомъ V. Въ борьбѣ за инвеституру Луи всегда подчинялся вліянію Сугерія, державшаго сторону папы.

Тогда Геласій смѣнилъ умершаго Пасхалія; императорская партія выгнала его изъ Рима. Онъ укрылся во Франціи, гдѣ и умеръ въ Клюнійскомъ монастырѣ. Преемникомъ ему былъ выбранъ французъ и на французской землѣ; выборъ палъ на архіепископа вьеннскаго Гвидона, друга и близкаго родственника французскаго короля. Онъ принялъ имя Каллиста II. Императоръ не призналъ его, но за то онъ могъ быть увѣренъ въ поддержкѣ французскаго короля. Франціи надлежало теперь сказать рѣшительное слово въ великомъ вопросѣ, раздѣлявшемъ Европу на двѣ половины.

Соборъ въ Реймсѣ въ 1119 г.

Въ Реймсѣ въ 1119 году объявленъ былъ соборъ для рѣшенія дѣла Генриха V подъ предсѣдательствомъ папы; сюда съѣхались 15 архіепископовъ, 200 епископовъ и множество другихъ духовныхъ лицъ. Прибылъ и Сугерій. Король Луи открылъ собраніе краснорѣчивой рѣчью. Онъ жаловался въ ней главнымъ образомъ на англійскаго и германскаго королей и ничего не говорилъ объ инвеститурѣ. Сугерій такъ ловко повелъ дѣло, что соборъ отлучилъ императора отъ Церкви, а дѣло съ англійскимъ королемъ пока отложилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были изданы каноны противъ симоніи и брачной жизни духовныхъ. Извѣстно, что черезъ 3 года намѣреніе Каллиста II

было успѣшно исполнено. Въ 1122 году императоръ и папа заключили въ Вормсѣ договоръ, такъ называемый Вормскій конкордатъ, по которому императоръ отказался отъ симоніи и инвеституры, но удержалъ за собою отчасти право давать духовнымъ земли на ленныхъ условіяхъ (стр. 465). Сугерій же помирилъ англійскаго и французскаго королей въ 1120 году; онъ хорошо сознавалъ, что за королевской властью—будущее.

Увеличеніе коронныхъ доменовъ.

Луи VI, стремясь расширить свои предѣлы на Югѣ, захватилъ нѣсколько земель за Луарой, по поводу чего біографъ его Сугерій замѣчаетъ, „что у королей бываютъ всегда длинныя руки", scitur enim regibus longas esse manus (¹). Онъ скоро долженъ былъ собраться съ силами, чтобы выдержать соединенное нападеніе германскаго императора и англійскаго короля. Императоръ былъ женатъ на дочери англійскаго короля и наслѣдницѣ, Матильдѣ. Такъ какъ сынъ короля, Вильгельмъ, утонулъ въ 1120 г., то, слѣдовательно, Матильда могла считаться единственною наслѣдницей Генриха. Императоръ, заключивъ союзъ съ англійскимъ королемъ, началъ войну съ королемъ французскимъ. Послѣдній обратился за поддержкою къ своему народу, что случилось съ нимъ во второй разъ. Въ нормандскую войну онъ обращался только къ „communitas"; теперь-же онъ взглянулъ на дѣло шире; онъ воззвалъ къ государству, собственно говоря къ виланамъ, къ народу. Такимъ образомъ въ первый разъ въ исторіи возникъ національный вопросъ. Рѣчь тутъ зашла объ отраженіи иноплеменнаго т. е. нормандскаго владычества. На зовъ короля откликнулись рыцари, коммуны, феодалы. Сугерій говоритъ, что подъ французскимъ знаменемъ собралось до 300 т. человѣкъ, но для насъ важенъ лишь національный характеръ движенія въ пользу короля Франціи. Даже Аквитанскіе вассалы явились теперь защищать короля и Францію отъ нѣмцевъ, Францію, дотолѣ имъ невѣдомую и чуждую. Король Луи молился у св. Діонисія, этого патрона Капетинговъ, и, поднявъ мѣстную алую орифламу, съ позолоченнымъ древкомъ, сдѣлалъ ее въ 1124 году національнымъ знаменемъ французовъ. Его окружалъ отборный отрядъ монастырскихъ клириковъ въ качествѣ тѣлохранителей. Всѣ они были друзьями его юности; среди нихъ онъ выросъ. При видѣ ихъ, Луи воскликнулъ: „они не выдадутъ меня ни живаго, ни мертваго". Французское ополченіе собралось у Реймса;

какъ туча саранчи покрывало оно землю. Императоръ испугался этого національнаго движенія и отступилъ. „Mont—Joie Saint—Denis“ восклицали при этомъ побѣдители.

Политика короля и Сугерія по отношенію къ феодализму.

Остальные годы правленія Луи Толстаго прошли въ борьбѣ съ мелкими феодалами, на которыхъ онъ могъ вліять посредствомъ городовъ. Конечно, король поддерживалъ коммунеровъ; не сознавая значенія коммунальной системы, онъ руководился просто матеріальнымъ разсчетомъ, получая съ нихъ деньги. Несмотря на то, коммуны изнемогали отъ произвола своихъ сеньоровъ. Королевская власть не понимала еще хорошо своего призванія. Ей слѣдовало энергичнѣе вступиться за коммуну. Но она во всякомъ случаѣ не повторила ошибокъ германскаго императора Конрада II.

Мы говорили, какъ въ Лаонѣ свирѣпствалъ сеньоръ-епископъ. Онъ тиранилъ даже богатыхъ и знатныхъ, убивалъ ихъ въ церквахъ, выкалывалъ имъ глаза, выпускалъ фальшивую монету. Лаонцы, пользуясь его отсутствіемъ, купили у короля хартію на учрежденіе коммуны (1109 г.), но епископъ далъ больше и перевѣсъ остался за нимъ. Граждане, узнавъ объ этомъ, тоже обѣщали денегъ его величеству, но не могли такъ хорошо заплатить ему. Такимъ образомъ свобода ихъ шла съ аукціона, на которомъ одолѣлъ епископъ. Онъ до тѣхъ поръ свирѣпствовалъ въ Лаонѣ, пока граждане не убили его. О размѣрахъ королевскаго корыстолюбія можно судить по той цѣнѣ, за которую пріобрѣлъ самоуправленіе богатый городъ Амьенъ. Уже послѣ король далъ Лаону хартію, ограждающую отъ произвола, но съ вновь изобрѣтеннымъ терминомъ „мира“, въ который была переименована община,—institutio pacis. Это было въ 1128 году.

Если самъ король въ коммунальномъ движеніи поступалъ необдуманно, то не такъ дѣлалъ Сугерій. Хотя послѣдній какъ уже было замѣчено, высказывался противъ общинъ, но онъ считалъ ихъ лишь на столько опасными и вредными соперниками для королевской власти, на сколько онѣ мѣшали централизаціи. Онъ хорошо понималъ, что коммуны должны будутъ въ концѣ концовъ изъ опасенія феодаловъ обратиться за помощью къ той же королевской власти. Что касается до похода Луи VI на Брюгенъ, гдѣ былъ убитъ изъ личной мести графъ фландрскій, Карлъ добрый, то здѣсь король дѣйствовалъ не противъ коммунальной идеи. Онъ приносилъ съ собою начала порядка и спокойствія. Убійцы были варварски наказаны:

одинъ былъ повѣшенъ рядомъ съ голодной собакой, которая его истерзала, а другой колесованъ. Король отдалъ Фландрію Вильгельму Клитону, этому вѣчному кандидату на всѣ вакансіи, который впослѣдствіи 27 лѣтъ отъ роду погибъ въ борьбѣ съ соперниками.

До самой смерти Луи VI не переставалъ преслѣдовать враговъ своей власти и въ этомъ заключается его заслуга; ту же миссію онъ завѣщалъ и своему преемнику. Его наслѣдникъ и старшій сынъ Филиппъ умеръ; это ускорило и смерть отца. По словамъ Сугерія, Луи будучи уже на смертномъ одрѣ, въ 1137 году узналъ, что могущественный герцогъ Аквитаніи Вильгельмъ умеръ въ Испаніи на богомольи, отдавъ будто-бы по завѣщанію руку своей дочери Елеоноры королевскому сыну, носившему имя отца, со всѣми своими владѣніями. Очень можетъ быть, что никакого завѣщанія не было, а старый король самъ распорядился рукою богатой наслѣдницы, въ чемъ онъ былъ властенъ въ силу феодальнаго права. Бракъ въ Бордо, куда отправился молодой король въ сопровожденіи 500 рыцарей и самого Сугерія, былъ совершенъ тогда-же.

Луи VII (1137—80 г.).

Луи VII предстояло соединить оба населенія—сѣверное и южное, разрозненныя исторіею трехъ столѣтій. Но онъ не былъ въ силахъ осуществить эту задачу. Начало его правленія прошло въ замѣшательствахъ, смутахъ и тяжелыхъ испытаніяхъ, при чемъ молодой король проявилъ мало такта. Онъ встрѣчалъ общее нерасположеніе на Югѣ. Спѣша къ умирающему отцу, онъ долженъ былъ пролагать путь оружіемъ. Одновременно съ тѣмъ произошло отдѣленіе Нормандіи отъ Англіи. Послѣ смерти Генриха I, Нормандія досталась Матильдѣ, его дочери, графинѣ анжуйской, а Англія Стефану, графу Булонскому, сыну сестры Генриха I, Адели.

Отношеніе къ городамъ.

Надо было умѣть пользоваться обстоятельствами. Между тѣмъ молодой король ознаменовалъ свое правленіе гоненіями и безполезной жестокостью—казнью орлеанскихъ гражданъ, которые осмѣлились испрашивать себѣ коммунальную хартію. Надо замѣтить, что Орлеанъ никогда не выходилъ изъ повиновенія короля; это типъ коммуны средней полосы. Орлеанъ не домогался политическихъ правъ. Затѣмъ, Луи VII проявилъ еще большую жестокость въ Шампаньи, гдѣ городъ Витри былъ взятъ штурмомъ и въ одной

церкви было сожжено 1300 человѣкъ. Старымъ сотрудникамъ не было мѣста въ королевскомъ совѣтѣ. Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ о французскихъ дѣлахъ: „Если бы не молитвы и не заслуги благочестивыхъ мужей прежняго времени, Франція погибла бы вслѣдствіе междоусобій, наставшихъ за смертію Луи Толстаго". Впрочемъ Луи VII остановился во время. Война въ Шампаньи была предпринята вопреки волѣ папы; она навлекла на короля отлученіе и папа простилъ его только тогда, когда Луи VII согласился принять участіе во второмъ крестовомъ походѣ.

Участіе короля во второмъ крестовомъ походѣ.

Сугерій, какъ администраторъ, былъ противъ этого новаго крестоваго предпріятія, лишавшаго Францію лучшей части населенія. Ему пришлось быть намѣстникомъ два года, но и это не льстило его самолюбію. Религіозное чувство во Франціи тогда замѣтно остывало. Вильгельмъ, точный біографъ Сугерія, пишетъ: „Король предпринималъ походъ вслѣдствіе собственнаго благочестиваго намѣренія и усердія къ Богу. Сугерій не внушалъ королю ничего подобнаго; онъ не давалъ своего одобренія предпріятію, когда услышалъ о немъ. Послѣ безполезныхъ усилій отвратить замыселъ въ самомъ началѣ, не имѣя возможности умѣрить рвеніе короля, онъ разсудилъ уступить времени (¹)": Походъ былъ холодно встрѣченъ во Франціи въ придворныхъ и правящихъ кружкахъ, но народъ былъ увлеченъ Бернаромъ и посылалъ лучшихъ своихъ сыновъ. Бернаръ справедливо гордился своими успѣхами, видя какъ Франція выслала массы воиновъ въ этотъ крестовый походъ, который, не будучи популяренъ, кончился несчастливо.

Причина непопулярности похода заключалась въ положеніи самого короля, оскорбленнаго до начала экспедиціи. Какъ бы то ни было, Франція прежде другихъ странъ встала на критическую точку зрѣнія. Въ ней крестовая идея была подвергнута оцѣнкѣ при самомъ началѣ. Скоро пришло извѣстіе, что Конрадъ и Людовикъ перессорились подъ Дамаскомъ. Тогда Сугерій рѣшился принять личное участіе въ войнѣ, но 80-лѣтній старецъ умеръ за приготовленіемъ къ походу. Ему исторія отдаетъ справедливость въ томъ, что

(¹) Wilhelmus. Vita Sugerii abbatis S. Dionysii, c. 42, apud Bouquet: XII, 102—115.

онъ первый посѣялъ мысль, осуществленную впослѣдствіи кардиналомъ Ришелье. Единственнымъ практическимъ результатомъ похода былъ разводъ Елеоноры съ королемъ. Чрезъ 3 мѣсяца она вступила въ бракъ съ соперникомъ французскаго короля, герцогомъ Нормандскимъ, Генрихомъ-Плантагенетомъ, который разсчитывалъ не безъ успѣха на корону Англіи, по прекращеніи прямой норманской линіи.

Генрихъ приходился внукомъ Вильгельму Завоевателю. Бракъ съ Элеонорой далъ ему всю западную Францію отъ Нанта до Пиринеевъ. Онъ, не довольствуясь этимъ, сдѣлалъ покушеніе на Тулузское герцогство и взялъ Керси. Онъ овладѣлъ сверхъ того въ средней Франціи Бери, Лемузеномъ, Оверңью и купилъ Ла-Маршъ. Онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ аррагонскимъ домомъ. Въ 1170 г. въ одной Франціи Генрихъ владѣлъ нынѣшними 40 департаментами, тогда какъ у французскаго короля не было и половины того. Между тѣмъ онъ считался вассаломъ французскаго короля, даже когда получилъ англійскую корону. Это неравносильное отношеніе, конечно, вызывало столкновенія. Въ борьбѣ этой прошло почти все правленіе Луи VII.

4) Первые Плантагенеты и третій крестовый походъ.

Генрихъ II король Англіи (1154—1189 г.) и Өома Бекетъ.

Генрихъ Плантагенетъ открываетъ собою самую длинную династію средневѣковой Англіи. Рѣдкая исторія богата столь разнообразнымъ драматическимъ содержаніемъ. На англійскій престолъ этотъ рыцарь приносилъ съ собою такія политическія идеи, съ которыми большинство не могло примириться. Онъ былъ сторонникомъ болонскаго ученія, поддерживавшаго монархическую власть и гражданское равенство. Онъ пригласилъ къ себѣ Өому Бекета, учившагося въ Оксеррѣ, отецъ котораго былъ саксонецъ, а мать сарацинка. Өома, будучи священникомъ, скоро достигъ должности канцлера, сдѣлался воспитателемъ наслѣдника престола, а потомъ сталъ первымъ духовнымъ лицомъ Англіи въ санѣ архіепископа Кентерберійскаго. Онъ внушалъ королю мысль бороться съ прелатами, опираясь на народъ, пока самъ былъ міряниномъ, а потомъ явился поборникомъ клерикализма, когда получилъ соотвѣтственныя его положенію указанія папства.

Борьба между королемъ и архіепископомъ.

Вражда короля Генриха II съ его бывшимъ другомъ Ѳомою Бекетомъ имѣетъ значеніе не для одной исторіи Англіи. Она получила смыслъ крупнаго міроваго историческаго событія. Это была борьба идей, а не лицъ. Столкнулись на почвѣ Англіи двѣ силы, одинаково непреклонныя, одинаково сознававшія свою правоту. Свѣтская власть отстаивала государственный порядокъ, который признавался еще не всѣми; она боролась за начало одинаковаго для всѣхъ суда и одинаковой для всѣхъ ослушниковъ кары. Духовная власть въ лицѣ новаго архіепископа, гордая послѣднимъ торжествомъ теократіи, считая неприкосновеннымъ авторитетъ Церкви, ревниво относилась къ домогательствамъ короля, видя въ нихъ грубое насиліе, нарушеніе церковныхъ прерогативъ. Въ Британіи повторилось такимъ образомъ по существу то, что недавно при послѣднихъ франконцахъ составляло предметъ борьбы въ Германіи.

Архіепископъ Ѳома находился подъ живымъ обаяніемъ побѣдъ и тріумфовъ папства. Александръ III, первосвященникъ столь необычайно счастливый, былъ предметомъ его благоговѣнія. Фанатикъ своей вѣры, человѣкъ искренне убѣжденный, Ѳома ни на минуту не задумался передъ выборомъ, когда ему предстояло пожертвовать или своими прежними дружескими отношеніями къ королю или чувствомъ долга по отношенію къ Церкви. Ѳома Бекетъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Какъ служитель алтаря, онъ былъ безупреченъ; въ противоположность большей части прелатовъ, онъ былъ аскетомъ. Самая грубая и грязная власяница покрывала его тѣло; ежедневно, по три раза, онъ бичевалъ себя и, стоя на колѣняхъ, умывалъ ноги 12 нищимъ, изображавшимъ учениковъ Спасителя.

Когда въ 1163 году онъ окончательно рѣшился принять высшую церковную каѳедру Англіи, Генрихъ II ликовалъ. Издавна домогаясь подчинить духовенство свѣтскому суду и разсчитывая осуществить свой планъ въ скоромъ времени, онъ въ лицѣ Ѳомы полагалъ найти самого преданнаго человѣка. Онъ не имѣлъ никакого основанія думать, что встрѣтитъ въ немъ самаго энергичнаго противника своимъ планамъ, что чувства прежней дружбы, преданности, наконецъ, благодарности, тотчасъ же заглохнутъ, когда рѣчь пойдетъ о долгѣ и служеніи Церкви.

Уже изъ первыхъ распоряженій Бекета король могъ усмотрѣть, что бывшій канцлеръ сталъ другимъ человѣкомъ. Возвративъ королю всѣ замки, которые были ему даны въ ленное владѣніе, онъ считалъ себя освобожденнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Считая себя высшимъ представителемъ церковныхъ интересовъ въ Англіи, Ѳома сталъ относиться къ королю, какъ равный къ равному. Генрихъ II былъ ревнивъ къ своей власти, ревнивъ не безъ основанія, такъ какъ сознавалъ всю пользу для двухъ милліоновъ подданныхъ отъ водворенія одинаковаго суда и равенства передъ закономъ; при этомъ онъ былъ упрямъ, и, какъ большинство рыцарей, неукротимъ въ своихъ порывахъ. Онъ, конечно, не могъ дозволить, чтобы мантія архіепископа прикрывала разбойническіе поступки священниковъ и монаховъ и чтобы ихъ злодѣянія оставались безнаказанными. Между тѣмъ Ѳома завѣдомо скрывалъ преступленія своихъ подчиненныхъ и то, что прежде онъ самъ каралъ со всею присущей ему энергіею, теперь въ его глазахъ не имѣло серьезнаго значенія и заслуживало лишь легкаго взысканія. Митра прелата затмила ясность его взора и пониманія. Дошло до того, что впродолженіе 10 лѣтъ буйные священники, можетъ быть потомки норманскихъ корсаровъ, совершили около сотни убійствъ, которыя большею частію не были раскрыты. Если что либо подобное доходило до свѣдѣнія духовныхъ трибуналовъ, то судьи старались замять дѣло, увѣренные въ поддержкѣ архіепископа, который принципіально былъ противъ всякой огласки и обсужденія дѣйствій служителей Церкви. Въ его глазахъ, они всѣ на своемъ мѣстѣ; они не могутъ порочить своего званія. Наконецъ, всякаго рода поблажки раздражили свѣтскихъ феодаловъ и рыцарей. Онѣ обострили отношенія между свѣтскихъ и церковнымъ обществомъ. Король вышелъ изъ себя между прочимъ по слѣдующему случаю.

Каноникъ, бывшій прежде воиномъ, убилъ рыцаря, воспользовавшись его слабостью. Духовный судъ оправдалъ убійцу, къ общему негодованію. Королевскій судья хотѣлъ вновь возбудить дѣло; ему не позволили. Архіепископъ потребовалъ дѣло къ себѣ и присудилъ убійцу къ лишенію доходовъ на два года.

Такой возмутительный приговоръ вызвалъ взрывъ негодованія въ придворной партіи. Лица, окружающія короля, говорили, что такое самовластіе Бекета внушаетъ презрѣніе

къ королевскому суду, поощряетъ клиръ къ разбоямъ и что вообще образъ дѣйствій гордаго прелата обѣщаетъ сдѣлать изъ Англіи папское государство. Король рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Онъ созвалъ въ октябрѣ 1163 г. въ Вестминтерѣ совѣтъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, потребовавъ ограниченія юрисдикціи духовныхъ судовъ. Онъ предложилъ, чтобы церковники, обвиненные въ тяжкихъ преступленіяхъ, по лишеніи духовнаго сана, были представляемы свѣтскимъ уголовнымъ судамъ. Эту мысль вполнѣ одобрилъ лондонскій епископъ Джильбертъ, который считалъ безусловно необходимымъ жить въ мирѣ съ королевскою властью. Бекетъ противился; онъ обвинялъ умѣренныхъ въ трусости и раболѣпствѣ и настоялъ на принятіи условнаго постановленія, не имѣвшаго никакого значенія. Епископы обѣщали соблюдать старые обычаи, безъ нарушенія правъ Церкви. Король, возмущенный этимъ рѣшеніемъ, пригрозилъ прелатамъ. Стало извѣстно, что самъ папа противъ прелатовъ. Ѳома нѣсколько одумался и въ частной бесѣдѣ съ Генрихомъ II въ Вудстокѣ обѣщалъ добросовѣстно соблюдать старые обычаи. Король воспользовался этимъ и, желая оформить обѣщанія Бекета, назначилъ второй съѣздъ въ мѣстечкѣ Кларендонъ, недалеко отъ города Солисбери, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Здѣсь королевскими совѣтниками были выработаны такъ называемые 16 пунктовъ, основанные будто на старыхъ обычаяхъ, но которые по существу были выраженіемъ новыхъ понятій объ авторитетѣ государства и общественномъ порядкѣ. Въ нихъ нельзя не видѣть проявленій новыхъ отношеній къ правящему духовенству, этому первому сословію средневѣковаго государства.

Кларендонскія постановленія.

По Кларендонскимъ постановленіямъ лица духовныя, совершившія преступленіе, подлежатъ свѣтскимъ судамъ; апеляціи на приговоры послѣднихъ приносятся королю. Назначеніе на духовныя должности обусловлено согласіемъ короля, который даетъ инвеституру на обладаніе имуществомъ, приписаннымъ къ церкви или къ должности. Этимъ самымъ духовный становится ленникомъ и несетъ такія же обязательства, какъ всѣ владѣльцы вообще. Что касается до доходовъ съ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, то они принадлежатъ королю. Далѣе правительство вторгалось въ права Церкви. Такъ, было постановлено, что королевскіе вассалы не могутъ

быть отлучаемы отъ Церкви безъ согласія короля, а сыновья несвободныхъ не должны быть принимаемы въ клиръ безъ согласія ихъ господъ. Казалось также стѣснительнымъ для епископовъ запрещеніе выѣзжать за границу безъ королевскаго позволенія; это было установлено въ виду той агитаціи, которую вели противъ Генриха II сторонники Бекета.

Архіепископъ сперва согласился на Кларендонскія постановленія и приложилъ къ нимъ свою печать. Онъ видѣлъ въ нихъ то самое, что обѣщалъ исполнять еще въ Вудстокѣ. Но узнавъ, что его святѣйшество не одобряетъ его уступчивости, онъ палъ духомъ, сталъ осуждать самого себя за податливость. Онъ думалъ одно время бѣжать изъ Англіи, но несчастная звѣзда удержала его въ отечествѣ. Противный вѣтеръ не дозволилъ судну выйти изъ гавани. Бекетъ остался невольно и, при первомъ объясненіи съ разгнѣваннымъ королемъ, увидѣлъ на сколько стало опасно его положеніе.

Придворная партія возбудила вопросъ о неправильномъ захватѣ куска земли Кентерберійской каѳедры. Архіепископъ былъ вызванъ въ судъ, но отказался явиться. Это послужило поводомъ къ обвиненію въ нарушеніи ленныхъ обязанностей. Бекетъ былъ преданъ королевскому суду, какъ непокорный вассалъ, обвиняемый вмѣстѣ съ тѣмъ въ удержаніи королевскихъ доходовъ. Онъ заявилъ, что аппелируетъ къ папѣ и отдаетъ себя и кентерберійскую епархію подъ охрану Божію. Это возмутило бароновъ, которые публично назвали прелата измѣнникомъ и клятвопреступникомъ. Очевидно, дѣло короля было дѣломъ всей феодальной военной партіи; идеи монархизма вызывали къ себѣ сочувствіе; упорство Бекета возбуждало негодованіе. Общество стремилось впередъ; не довольствуясь настоящимъ, оно искало новыхъ идеаловъ. Но народъ былъ на сторонѣ благочестиваго прелата; толпа при видѣ его падала ницъ въ ожиданіи его благословенія. Тѣмъ не менѣе Бекету пришлось удалиться въ изгнаніе. Онъ съ удовольствіемъ отправился во Францію, въ городъ Сансъ, къ папѣ Александру III, во имя котораго онъ боролся. Папа отвелъ изгнаннику цистераціанскій монастырь въ Понелиньи, гдѣ Ѳома, сложивъ съ себя архіепископскій санъ, сталъ вести отшельническую жизнь. Онъ скоро склонился на убѣжденія папы, снова принялъ палліумъ, а король тѣмъ временемъ преслѣдовалъ его партизановъ. Но число его сторонниковъ росло, такъ какъ въ немъ видѣли мученика; его поклонники

съ молитвой ждали возвращенія на каѳедру любимаго архипастыря. Они дождались.

Прошло шесть лѣтъ. Генрихъ II склонился первый. Послѣ побѣды надъ Барбароссой, папа Александръ III сталъ опаснымъ противникомъ для англійскаго короля. Плантагенетъ боялся дальнѣйшихъ усложненій. Лѣтомъ 1170 г. онъ прибылъ на континентъ въ свои французскія владѣнія. Въ окрестностяхъ Тура произошло свиданіе короля съ непреклоннымъ прелатомъ. Генрихъ вложилъ руку въ стремя архіепископа и первый сказалъ: „забудемъ прошлое, будемъ старыми друзьями". Онъ пригласилъ Ѳому вернуться и послѣ письменно обѣщалъ разрѣшить всѣ недоумѣнія въ пользу Церкви. Съ согласія папы, съ грамотой на званіе папскаго легата, съ обширными полномочіями карать и прощать, прибылъ Ѳома въ Кентербери 1 декабря 1171 г. Здѣсь народъ встрѣтилъ его какъ святаго, но духовные отнеслись съ нѣкоторой недовѣрчивостью. Легатъ прежде всего отлучилъ двухъ епископовъ отъ Церкви. Онъ пришелъ не какъ пастырь, а съ огнемъ и мечемъ, — говорили про Бекета. Эти же люди окончательно вооружили и озлобили противъ него короля, который, находясь тогда въ Нормандіи, имѣлъ неосторожность сказать: — „какихъ жалкихъ трусовъ кормлю я; неужели же нѣтъ между вами ни одного, который бы отмстилъ, наконецъ, за свой позоръ этому наглому монаху".

Охотники услужить скоро отыскались. Четыре атлета рыцаря сочли королевскія слова за приказаніе и выѣхали въ Англію въ одинъ и тотъ же день, стараясь казаться между собою незнакомыми.

Убійство Бекета.

Прошло 4 недѣли со времени возвращенія въ Кентербери архіепископа, какъ 29 декабря 1170 года ему дали знать, что по королевскому приказу знатные рыцари желаютъ видѣть прелата. Они были приняты и грубо потребовали объясненія по поводу совершенныхъ несправедливостей. Разговоръ перешелъ въ брань. Ѳома, сопровождаемый перепуганными монахами, хотѣлъ укрыться въ церкви; убійцы послѣдовали за нимъ. Прелатъ не боялся смерти и когда одинъ изъ рыцарей обнажилъ мечъ, онъ опрокинулъ его. Напрасно злодѣи пытались вытащить свою жертву изъ храма, не желая обагрять кровью святое мѣсто. Когда борьба одного противъ четырехъ стала невозможною, Ѳома склонилъ голову и, при-

нимая сыпавшіеся на него удары, произнесъ: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой“. Обезображенное тѣло было погребено тайно въ склепѣ; народная молва тогда же сочла прахъ мученика святымъ и чудодѣйственнымъ ([1]).

Король испугался, когда узналъ объ убійствѣ. Онъ не сломилъ церковнаго авторитета, онъ только нажилъ себѣ въ папѣ непримиримаго врага. Онъ понялъ что зашелъ слишкомъ далеко. Теперь, чтобы удержаться на престолѣ, ему слѣдовало принести покаяніе, такъ какъ общій голосъ народный именно его считалъ убійцей. Король поспѣшилъ назначить при дворѣ трауръ и трое сутокъ подвергалъ себя эпитиміи, добровольно наложенной; онъ измѣнилъ самый образъ жизни. Но Ѳома преслѣдовалъ его неустанно, какъ бы изъ за могилы. Генрихъ II прежде всего спѣшилъ оправдаться передъ папой; тотъ прислалъ двухъ легатовъ. Они остановились въ Нормандіи и долго бесѣдовали съ королемъ, котораго успѣли тогда же склонить на отмѣну Кларендонскихъ постановленій; была допущена впредь лишь ленная присяга епископовъ. Генрихъ II старался только удержаться на престолѣ. Но легату было мало униженія короля Англіи.

Наконецъ, произошла самая церемонія покаянія. Легаты привели короля къ дверямъ церкви въ г. Канѣ. Здѣсь ждала громадная толпа народа. Король преклонилъ колѣна и клялся торжественно въ томъ, что неповиненъ въ смерти прелата и что впредь будетъ строго исполнять договоръ заключенный съ легатами. Между тѣмъ Ѳома былъ канонизированъ; его могилу посѣщали сотни тысячъ богомольцевъ, главнымъ образомъ саксы, считавшіе его своимъ. Въ числѣ другихъ пилигримовъ черезъ три года явился туда же самъ король. Босой, въ одеждѣ кающагося грѣшника, онъ приблизился къ ракѣ святаго, цѣлые сутки провелъ въ постѣ и въ молитвѣ,

---

([1]) Жизнь Ѳомы Бекета повѣствовали: Benedictus, аббатъ въ Петробургѣ (издалъ Giles. Caxton society), Joannes Saresberiensis (P. 1611), Alanus, ab., Téukesburiensis (P. 1495). Guernes du Pont de S. Maxence на старо-французскомъ языкѣ (Berlin. 1838, франц. пер. Leroux de Lincy), Robert of Glocester (L. 1844).—Кромѣ общихъ соч. по исторіи Англіи (лучшее—Green, Hist. of the English people; t. I L. 1887) и обширной монографіи Reuter о папѣ Александрѣ III (3 т. 1860), спец. изслѣдованія: Ellendorf (T. Beket, Essen. 1839), Gilles (The life and letters etc. L. 1846, 2 vls), James Robertson (Becket, L. 1859).

а потомъ, обнаживъ спину, просилъ монаховъ бичевать себя. Присутствующіе плакали отъ умиленія, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Скоро въ возстаніи обоихъ сыновей противъ Генриха II народное мнѣніе усмотрѣло кару Божію за гибель мученика.

Ѳома Бекетъ очевидно защищалъ притязанія папскаго престола. Но народное преданіе взглянуло на эту борьбу иначе. Въ Бекетѣ оно усмотрѣло мученика за саксонскую національность, борца противъ нормандскаго завоевателя, тѣмъ болѣе, что по своему происхожденію Ѳома былъ саксонецъ. Уже одно это объясняетъ, почему народная поэзія сдѣлала изъ него національнаго героя. По этому преданію, самый замыселъ погубить Бекета созрѣлъ въ той же комнатѣ, въ которой Вильгельмъ задумалъ завоеваніе Англіи.

Въ борьбѣ между Генрихомъ II и Ѳомой Бекетомъ надо видѣть не національный принципъ, а борьбу духовнаго элемента и физическаго,—права и силы. Если англійскій король былъ отлученъ отъ Церкви и долженъ былъ принести унизительное покаяніе надъ гробомъ Ѳомы, то съ этой уступкой восторжествовали клерикальныя претензіи и естественно должны были получить прочность религіозныя идеи. Въ тотъ день, когда въ 1174 г. англійскій король принужденъ былъ у гроба св. Ѳомы обнажить спину и подставить ее для бичеванія, вынести далеко не отеческое наказаніе отъ рукъ епископовъ, въ тотъ день выказался въ Англіи перевѣсъ духовнаго элемента надъ свѣтскимъ.

Вражда короля съ сыновьями.

Этимъ разладомъ короля съ прелатами прежде всего воспользовались его дѣти: старшій сынъ Генрихъ, котораго онъ короновалъ еще при своей жизни, второй—Ричардъ, прозванный впослѣдствіи Львиное Сердце, которому король предоставилъ въ удѣлъ Пуату, затѣмъ Жоффруа Бретанскій и, наконецъ, четвертый Іоаннъ, не получившій удѣла и прозванный поэтому „sans terre“, т. е. Безземельный. Послѣдній былъ слишкомъ молодъ, чтобы участвовать въ ссорѣ и не былъ опасенъ, но два другіе, подстрекаемые своей матерью Элеонорой и вассалами Пуату, приняли сторону старшаго брата, Генриха. Французскій король Луи VII поддерживалъ ихъ. Онъ взялъ съ нихъ клятву, что они никогда не заключатъ съ отцомъ ни мира, ни перемирія безъ участія французскаго короля. Нормандія также взволновалась въ пользу сыновей. Напрасно Генрихъ II выхлопоталъ у папы от-

лученіе возставшимъ. Его враги съ Ричардомъ во главѣ вторглись въ предѣлы Англіи. Напрасно старикъ отдавалъ половину владѣній старшему сыну. Папа Александръ III пока не считалъ успѣховъ королевскихъ сыновей своимъ дѣломъ.

Эта борьба открывала просторъ для рыцарской удали и военнаго искусства. Бертранъ де-Борнъ отличался въ средней Франціи. То была эпоха рыцарства въ его расцвѣтѣ, когда каждый воинъ былъ въ то же время и поэтомъ. Интересно перенестись въ то время и познакомиться со взглядами феодаловъ на политическія событія. **Бертранъ де-Борнъ.**

Цѣлью Бертрана было ссорить все, что было вокругъ него. Его искреннимъ желаніемъ было, чтобы французскій и англійскій короли враждовали между собой, и если между ними устроивался миръ или перемиріе, то онъ всячески старался разстроить соглашеніе. Вслѣдствіе этого Бертранъ употреблялъ всю ловкость, чтобы раздуть ссору между королемъ Англіи и его сыновьями. Это дѣлалъ онъ ради блага своей Аквитаніи. Всякій разъ онъ одерживалъ верхъ надъ Генрихомъ или его сыновьями, смотря потому, чью сторону держалъ и всегда желалъ, чтобъ оба они были въ войнѣ между собою. Сперва онъ поддерживалъ старшаго сына Генриха, расточая ему совѣты противъ его братьевъ. Когда старшій сынъ умеръ, Бертранъ вооружилъ Ричарда противъ отца, когда же не стало Ричарда, онъ вооружилъ его подданныхъ противъ французскаго короля, а послѣдняго противъ Ричарда. Конечно, вся эта вражда не имѣетъ историческаго значенія; все это даже мало вредило странѣ. Развѣ кое-гдѣ страдали незащищенныя деревни. Бертранъ де-Борнъ, этотъ выразитель средневѣковыхъ идеаловъ рыцарства, доживши до глубокой старости, наслаждался тѣмъ, что вокругъ него не было мира. Онъ не допускалъ ни на минуту соглашенія между враждующими. Тогда поэзія начинаетъ пріобрѣтать большое значеніе, соотвѣтствующее нынѣшней періодической литературѣ. Тогда еще не было въ Аквитаніи церковной инквизиціи. Тамъ свободно и открыто разсуждали о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ въ остальной Галліи не смѣли и думать. Противъ самоуправства королевскихъ дѣтей не было другаго средства, какъ сатира и сирвента. Одно время эти сыновья примирились съ отцомъ, выдали ему всѣхъ защитниковъ. Такъ Ричардъ поступилъ въ Аквитаніи. Тамъ на него смотрѣли какъ на чужеземца.

Тамъ говорили другимъ языкомъ, вмѣсто французскаго *oui* произнося *oc*. Однимъ словомъ, государи Аквитаніи не понимали своего народа, какъ народъ ихъ. Со временемъ, говоръ южной Галліи оформился, тогда развился провансальскій языкъ. который имѣетъ свои особенныя формы и грамматику, сходную съ грамматиками другихъ романскихъ языковъ, свою лексикографію и много словъ, заимствованныхъ отъ арабовъ.

Ричардъ Львиное Сердце. (1189—99 г.)

Когда Ричардъ выдалъ раздраженному отцу населеніе Аквитаніи, то такое предательство взорвало страну. Аквитанскіе рыцари возстали отъ Луары до Пиринеевъ. Въ 1183 г. умеръ старшій сынъ Генриха и Ричардъ открыто принялъ сторону французскаго короля, объявивъ себя его ленникомъ. Послѣдніе годы Генриха II прошли во враждѣ съ Ричардомъ. Старикъ заболѣлъ отъ огорченія. Римъ вмѣшался въ дѣло и принялъ сторону отца противъ французскаго короля. Генрихъ согласился уступить свое право Іоанну, но не Ричарду, котораго онъ не любилъ за его крутой характеръ.

Въ Ричардѣ, помимо его склонности къ поэзіи, выразился типъ средневѣковаго воинственнаго рыцаря. Но этотъ герой старой Англіи клалъ на все печать своей собственной индивидуальности. Этотъ человѣкъ не зналъ пощады никому и ничему. Онъ помахивалъ топоромъ на прелатовъ, оскорблялъ на каждомъ шагу французскаго короля, какъ своего отца и братьевъ; однимъ словомъ, это былъ полнѣйшій самодуръ XII вѣка, но вмѣстѣ типъ своего времени. Мы увидимъ (стр. 585), какъ его изумили особенныя условія итальянской жизни и какъ онъ не могъ понять, что кромѣ герцога кто либо смѣетъ имѣть собственность, которую нельзя отнять. Такое пониманіе было недоступно англійскому государю. За то современники дали ему оригинальное прозвище— Львиное Сердце; они прославляли его подвиги, никогда не позволяя себѣ издѣваться надъ нимъ. Этотъ храбрый король, но безтолковый правитель, представляется позднѣйшимъ поколѣніемъ съ отрицательной стороны, а въ то время онъ былъ популярнымъ героемъ ([1]). Когда старикъ отецъ не могъ поладить съ буйнымъ сыномъ, Римъ вмѣшался въ ссору. Папа принялъ даже

([1]) Популярности Ричарда много содѣйствовало художественное творчество Вальтеръ-Скотта. Излишне прибавлять, что герой «Айвенго» слишкомъ мало походилъ на дѣйствительнаго, историческаго Ричарда.

сторону отца противъ французскаго короля, который стоялъ за Ричарда. Папскій легатъ въ виду того, что на французскомъ престолѣ сидѣлъ другой король, Филиппъ II, прозванный послѣ Августомъ, грозилъ отлученіемъ. Но что-то уже произошло въ духѣ среднихъ вѣковъ, ибо эти отлученія перестали производить свое прежнее дѣйствіе.

— „Я не боюсь Рима, говорилъ Филиппъ Августъ въ отвѣтъ на заявленіе легата; папа не имѣетъ права наказывать французскаго короля ни запрещеніемъ, ни какимъ либо другимъ способомъ. Если король нашелъ необходимымъ выступить противъ непокорныхъ вассаловъ, то твоему папѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Да, господинъ легатъ, ты вѣрно уже познакомился съ англійскими стерлингами".

Несмотря на эту поддержку, неудачи преслѣдовали Генриха. Онъ долженъ былъ принять всѣ предложенныя ему условія и признать себя французскимъ вассаломъ. Онъ согласился заплатить контрибуцію. Но, подписавъ свое униженіе, онъ не могъ вынести его. Онъ умеръ отъ огорченія въ 1187 г. Умирая, онъ проклялъ сыновей. „Стыдъ побѣжденному, твердилъ онъ на смертномъ одрѣ: да будетъ проклятъ день моего рожденія и да будутъ прокляты сыновья, которыхъ я оставляю". Напрасно духовенство просило умирающаго снять проклятіе съ дѣтей. Старикъ упорствовалъ до послѣдняго издыханія. Но Ричардъ самъ испыталъ неудобства своей побѣды. Онъ, въ силу прежняго договора, сталъ французскимъ вассаломъ. Онъ не сообразилъ того, что стараясь изъ стараго отца сдѣлать слугу французскаго короля, онъ, по тому же самому договору, дѣлалъ слугой и самого себя. Въ увлеченіи король Ричардъ забылъ и свои личные интересы.

Очутившись въ непріятномъ положеніи французскаго ленника, король Ричардъ не могъ удержаться въ должныхъ предѣлахъ. Надо замѣтить, что во время войны Ричарда съ отцомъ, духовные, окружавшіе его, обѣщали ему поддержку, если онъ приметъ участіе въ крестовомъ походѣ. Ричардъ долженъ былъ это исполнить. Въ Европѣ ему было нечего дѣлать и онъ съ удовольствіемъ устремился на Востокъ. Несомнѣнно, что существенная сторона исторической дѣятельности Ричарда заключается именно въ его крестовомъ походѣ.

Іерусалимское королевство. Мы упоминали о неудачѣ, которая постигла христіанъ подъ Дамаскомъ. Эта неудача подорвала въ конецъ королевство Іерусалимское. Да и помимо того, король іерусалимскій не имѣлъ уже никакого значенія. Онъ былъ предоставленъ самому себѣ и наслѣдіе Готфрида быстро клонилось къ паденію. Сверхъ того, внутреннія междоусобія, вражда за королевскую корону, вражда, очень обычная въ средніе вѣка, подрывала всякую возможность существованія умиравшаго государства Балдуина III, который не могъ сладить съ обстоятельствами. Хотя его братъ Амаларихъ I боролся съ сарацинами, но при несчастныхъ преемникахъ его—Балдуинѣ IV (1173—1185) и Балдуинѣ V (1186),—мусульмане получили перевѣсъ. Отчимъ короля Балдуина, Гвидо Лузиньянъ провозгласилъ себя іерусалимскимъ королемъ на основаніи правъ своей жены; впрочемъ, ему нашелся соперникъ въ лицѣ Раймунда Триполійскаго.

Саладинъ. Въ то время, какъ происходили эти междоусобія, Нурtechнъ покорилъ Мосулъ, Эдессу и Дамаскъ. Нурредину помогалъ полководецъ Ширка, у котораго былъ племянникъ, прозванный Саладиномъ (Салахъ-Эддинъ). Теперь центръ тяжести мусульманства переносится изъ Алеппо и Мосула въ Египетъ. Скоро, еще при жизни дяди, выдвинулся замѣчательный военный талантъ Саладина. Онъ былъ сперва визиремъ, потомъ въ 1171 г. захватилъ власть, устранивъ султана и, опираясь на войско, въ 1175 г. водворился въ Сиріи, воспользовавшись смертью Нурредина. Съ Саладиномъ начинается новый калифатъ Эйюбидовъ. Саладинъ, если вѣрить арабскому историку Боха-эддину, оставаясь истиннымъ мусульманиномъ, былъ идеаломъ человѣка и государя. Христіанскіе историки никогда такъ не прославляли своихъ королей, какъ мусульмане славили Саладина [1]. Это былъ талантливый полководецъ, замѣчательный государственный дѣятель и гуманнѣйшій человѣкъ, какого только знали средніе вѣка. Владѣя неограниченно Египтомъ, Сиріей, Месопатаміей, Палестиной, онъ въ то же время ставилъ выше всего право

[1] Юсуфъ Ибнъ-Шеддадъ или Боха-Эддинъ, лучшій біографъ Саладина, его другъ, кади іерусалимскій († 1235). Его соч. во фр. пер. Renaud y Michaud. Bibl. des croisades, t. IV.

и просвѣщеніе. Онъ самъ, какъ никто, подчинялся закону. Онъ лично судилъ даже самыя мелочныя дѣла, не гнушаясь никакими подсудимыми. Дверь его была открыта для знатныхъ и бѣдныхъ. Самъ онъ являлся по требованію въ судъ, даже иногда былъ обвиняемъ несправедливо, но онъ не оскорблялся этимъ, а въ такомъ случаѣ только награждалъ обидчика за хорошее мнѣніе о его судѣ. Получивъ послѣ Нурредина неограниченную власть, онъ объявилъ полную вѣротерпимость. Онъ не только далъ право христіанамъ занимать мѣста при себѣ, но даже его племянники и дѣти брали христіанъ къ себѣ на службу и дѣлали ихъ своими управителями и секретарями. Мѣстные христіане перестали враждовать съ мусульманами. Мы сказали, что даже христіанскіе лѣтописцы не находятъ похвалъ халифу. „Онъ былъ озаренъ внутреннимъ свѣтомъ христіанства, хотя и не зналъ христіанства“, такъ говоритъ о немъ лѣтописецъ - монахъ. Въ Саладинѣ Ричардъ встрѣтилъ не только достойнаго, но и болѣе умнаго противника. У Ричарда весь законъ заключался въ его страшной физической силѣ; у Саладина на первомъ планѣ стояли право и просвѣщеніе, а потомъ уже тѣ свойства, которыми любили хвастать христіанскіе рыцари.

Сперва Саладинъ поддерживалъ въ Іерусалимѣ Раймонда Триполійскаго, но затѣмъ, въ виду оскорбленій, нанесенныхъ ему христіанами, султанъ, разбивъ христіанскія войска недалеко отъ Іерусалима при Тиверіадѣ, направился прямо на св. городъ и осадилъ его.

Іерусалимъ сдался 2 октября 1187 г. Обложивъ городъ контрибуціей, Саладинъ удовлетворился очень ничтожной суммою, изъ которой на долю его казны досталось мало; значительную часть суммы Саладинъ предназначилъ на пособіе христіанамъ, которые въ числѣ 7000 подъ охраною мусульманскихъ всадниковъ получили право свободнаго выхода изъ города. Такимъ образомъ и ста лѣтъ не просуществовало латинское іерусалимское королевство. Іерусалимскій король Гвидо попалъ въ плѣнъ, но вскорѣ Саладинъ освободилъ его. Все, пріобрѣтенное со временъ первыхъ крестоносцевъ, было потеряно. У христіанъ оставались только: Антіохія, Тиръ и Триполи, но и они ждали своей гибели. Отъ такого удара іерусалимское королевство уже не могло поправиться. Мусульманскій халифатъ раскинулся теперь отъ

Тигра до Нила, а іерусалимскаго королевства болѣе не существовало. Гвидо считался королемъ только въ Птолемаидѣ.

Третій крестовый походъ. 1191—92 г. Вновь началось крестовое движеніе. Оно извнѣ охватывало большее пространство, но въ сущности было слабѣе прежнихъ движеній. Здѣсь участвовали три государя: Фридрихъ Барбаросса съ сыномъ Фридрихомъ швабскимъ, англійскій король Ричардъ и французскій Филиппъ II. Изъ этихъ трехъ вождей, императоръ, вторично прибывшій на Востокъ, не достигнувъ цѣли, утонулъ въ рѣкѣ Каликаднѣ. Чрезъ полгода умеръ сынъ его герцогъ Фридрихъ. Сочувствіе къ этому крестовому походу особенно было сильно въ Англіи. Можно сказать, что первый крестовый походъ увлекъ на Востокъ рыцарство Франціи, второй — Германіи, а третій — Англіи. Ричардъ, собираясь въ походъ, старательно ограбилъ всю отцовскую казну, не оставивъ казначейству никакихъ средствъ для расходовъ; онъ грабилъ и подданныхъ, ссылаясь на войну. Когда истощились другіе способы, онъ заковалъ отцовскаго казначея и выманилъ у него этимъ насиліемъ всѣ деньги. Жажда золота безъ того была свойствомъ Ричарда, но теперь она явилась неутолимой, такъ какъ онъ употреблялъ деньги на священную цѣль. Не разсчитывая вернуться, онъ, увлеченный крестовой идеей, сталъ продавать даже всѣ свои земли, города, замки. Онъ не церемонился и съ чужой собственностью, считая своимъ то, что ему не принадлежало.

Этимъ движеніемъ воспользовались англійскія общины. Саксонцы скупали у норманновъ, отправлявшихся въ походъ, свои прежніе участки и дома, обязавшись сполна уплачивать налоги. Такъ какъ норманны должны были участвовать въ свитѣ короля, то они дешево продавали дома, полагая навсегда остаться въ Палестинѣ. А саксонцы позаботились обставить себя иначе предъ королемъ, опасаясь другаго подобнаго правителя. Король утверждалъ сдѣлки и тѣмъ гарантировалъ силу англійскихъ общинъ. Если въ Италіи и Галліи общины устроились въ началѣ XII вѣка, то здѣсь онѣ появляются значительно позже, въ силу историческихъ обстоятельствъ. Уплативъ впередъ деньги Ричарду, общины выговорили себѣ право выбирать старѣйшинъ и обязались платить за это извѣстную сумму. Ричардъ былъ такъ настроенъ, что готовъ былъ продать не только права синдика и мера, но и весь Лондонъ, еслибы нашлись покупатели, какъ говоритъ Вильгельмъ

Ньюбургемскій: „Londonias quoque venderem, si emptorem idoneum invenirem ([1])“. Предъ отправленіемъ оба короля (англійскій и французскій) поклялись соблюдать между собою миръ. Въ Мессинѣ соединились англійскіе отряды съ французскими. Тутъ Ричарду пришлось испытать маленькую непріятность отъ поселянъ. Равнодушный къ имущественнымъ правамъ, онъ не признавалъ за преступленіе врываться въ дома обывателей въ Сициліи. За это дерзкіе виланы осыпали Ричарда градомъ каменьевъ. Извѣстно, что послѣ того благородные англійскіе и французскіе рыцари должны были бѣжать изъ Мессины. Тогда равноправность считалась чѣмъ-то необычайнымъ.

Оставляя Мессину, оба короля обнародовали рядъ постановленій такого характера: „всякому служащему въ войскѣ, за исключеніемъ духовныхъ и рыцарей, запрещается игра на деньги. Духовные и рыцари могутъ проигрывать не болѣе 20 солидовъ въ день, а герцоги и короли сколько угодно“. Затѣмъ слѣдовало подробное изложеніе наказаній для тѣхъ, кто покусится на королевское право,—наказаній самыхъ варварскихъ. Дорогой начались ссоры между нѣмцами, англичанами и французами, отразившіяся послѣ на судьбахъ крестоваго похода. Ричардъ отсталъ отъ своихъ союзниковъ и утѣшился тѣмъ, что по пути присвоилъ себѣ островъ Кипръ, отнятый имъ у византійскаго императора.

Гордясь этой легкой, почти безкровной побѣдой, англійскій король, полный самыхъ розовыхъ надеждъ, вполнѣ увѣренный въ себѣ, плылъ на Акру. Послѣ паденія іерусалимскаго королевства и погрома христіанъ, этотъ опорный пунктъ владычества надъ Палестиной теперь вновь принадлежалъ мусульманамъ. Саладинъ занималъ его горнизономъ, когда **Осада Акры**

([1]) Guilelmus Neubrigensis (онъ же Parvus). Rerum Anglicarum libri V до 1197 г. (отр. Bouquet; XIII, 92--119, XVIII. 2—58). Одна изъ самыхъ точныхъ хроникъ и лучшая для Ричарда I. Спеціально для крестоваго похода Ричарда служитъ лѣтопись его спутника Галфрида Винодѣла—Galfridus de Vinosalvo. Itin. Richardi in Terram Sanctam 1170—94 (Bongars). Срв. съ Rogerus de Hoveden (Annalium Anglic. libri II ab. a. 731 usque ad a. 1201., (отр. Bouquet, XVII, 546 —615), XVIII, 164—187, продолжавшимъ Бэду и пользовавшимся архивными документами, незамѣнимымъ для позднѣйшихъ годовъ.

французскіе и нѣмецкіе рыцари, высадившіеся въ Палестинѣ ранѣе замедлившихъ англичанъ, обложили городъ. Французами предводительствовалъ молодой король Филиппъ II, нѣмцами австрійскій герцогъ Леопольдъ, принявшій начальство послѣ смерти Фридриха швабскаго. Когда приплылъ Ричардъ, то общій голосъ назвалъ его главнымъ вождемъ соединенныхъ христіанскихъ силъ. Его военная репутація была слишкомъ громкая и Филиппъ II, въ душѣ нелюбившій Ричарда, встрѣтилъ его очень дружественно. Акра не могла долго сопротивляться при всемъ искуствѣ Саладина и мусульманскихъ вождей. Городъ страдалъ отъ голода. Осажденные пытались дѣлать вылазки, но всегда терпѣли пораженіе при стойкости крестоносцевъ, о которой даже враги отзывались съ удивленіемъ. Осыпаемые стрѣлами, воины не отступали передъ непріятелемъ ни на одинъ шагъ; обливаемые со стѣнъ варомъ и нефтью, они горѣли за живо, говоритъ Боха-эддинъ, но не покидали своихъ постовъ. Тогда Саладинъ вошелъ въ соглашеніе съ королемъ французскимъ и сдалъ ему городъ подъ условіемъ предоставленія христіанамъ св. Креста, обмѣна плѣнныхъ въ равномъ числѣ и приличнаго выкупа за эмировъ, сидѣвшихъ въ крѣпости и оставленныхъ заложниками. Французскій гарнизонъ занялъ Акру, при чемъ король Филиппъ какъ бы игнорировалъ Ричарда, что раздражало его и безъ того слишкомъ острое самолюбіе. Когда насталъ день капитуляціи, рыцари бросились на горожанъ и стали отнимать ихъ имущество. Они поступали съ ними хуже, чѣмъ сарацины. Горожане обратились къ Филиппу. Тотъ отвѣтилъ, что войдетъ въ ихъ положеніе, прибавивъ что крестоносцы пришли сюда не для наживы чужимъ добромъ, а для помощи странѣ и утвержденія въ ней христіанской власти. Съ этимъ будто согласился даже Ричардъ. Крестоносцы съ тѣхъ поръ проявляли нѣкоторый порядокъ и рыцари, занявшіе постоемъ дома, не выгоняли владѣльцевъ, а входили съ ними въ соглашеніе,—фактъ весьма характерный и засвидѣтельствованный авторитетомъ Бернара казначея, который не любилъ льстить своимъ единовѣрцамъ. Прежде чѣмъ городъ былъ занятъ христіанами, Ричардъ выместилъ свое недовольство и раздраженіе на нѣмцахъ и австрійскомъ герцогѣ, Леопольдѣ, съ которымъ постоянно ссорился послѣднее время. Увидѣвъ развивавшееся знамя нѣмцевъ, готовыхъ вступить въ городъ, Ричардъ приказалъ сорвать знамя и бросить въ яму, напол-

ненную лагерными нечистотами. Этимъ Ричардъ нажилъ себѣ въ Леопольдѣ непримиримаго врага, который послѣ принесъ ему много несчастій. Оскорбленные нѣмцы бросили лагерь и уплыли въ Европу слѣдомъ за герцогомъ.

Между тѣмъ св. Крестъ не былъ доставленъ въ христіанскій лагерь. Филиппъ II два раза давалъ отсрочку Саладину по его просьбѣ, но, наконецъ, пригрозилъ что отрубитъ головы знатнымъ мусульманамъ, которыхъ держалъ заложниками... Угроза была исполнена. Несчастныхъ эмировъ отвели въ укрѣпленія и тамъ всѣхъ казнили.

Вскорѣ Филиппъ II вернулся во Францію, опасаясь покушеній на свою жизнь, о чемъ будто получилъ предупрежденія. Разсказываютъ, что послѣ французскій король долго опасался допускать къ себѣ незнакомыхъ людей, называя Ричарда повсюду своимъ непримиримымъ врагомъ, хотя всѣ счеты между обоими королями происходили изъ за сестры Филиппа, Алисы, отъ руки которой отказывался этотъ славнѣйшій изъ рыцарей, какъ многіе называли Ричарда. Особенно усилились опасенія Филиппа, когда пришла вѣсть о насильственной смерти іерусалимскаго номинальнаго короля Конрада, маркиза Монфератскаго, убитаго двумя ассассинами мусульманами.

Ассассины.

Надо знать, что тогда одно имя ассассина наводило страхъ на жителей Сиріи, Палестины и Персіи. Передъ самымъ началомъ крестовыхъ походовъ, около 1090 года, въ горахъ Ирана, близь границъ Сиріи, поселились фанатическіе изувѣры, считавшіе въ началѣ своимъ призваніемъ мстить за попощеніе Ислама, а послѣ не брезгавшіе грабить и убивать мусульманъ, также какъ евреевъ и христіанъ. Они избрали своимъ вождемъ старца Хасана бенъ-Сабах-ель-Гомакры; его преемники назывались „старцами горы“. Воля этого атамана была безгранична. Онъ вселялъ къ себѣ безусловное повиновеніе. Говорятъ, что онъ опьянялъ своихъ подданныхъ пріемами хашиша (откуда происходитъ самое названіе общества), лишая ихъ воли и сознанія. Точно гипнотизованные, они шли по его слову на всякія преступленія и убійства. Исповѣдуя мусульманство или, точнѣе, не исповѣдуя никакой вѣры, эти фанатики видѣли свою задачу въ истребленіи человѣчества. Это общество имѣло свои законы, обычаи, организацію, управленіе. Твердыни этихъ разбойни-

ковъ были въ Аламутѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Персіи и въ Малетѣ, въ Ливанскихъ ущельяхъ, между Антіохіей и Дамаскомъ (¹). Окрестное населеніе трепетало ассассиновъ и, какъ всегда бываетъ при подобныхъ условіяхъ видѣло не разъ въ нихъ своихъ защитниковъ отъ хищничества мусульманскихъ эмировъ и христіанскихъ рыцарей. Всѣ знали, какъ незримо рука ассассина поражаетъ намѣченную жертву, которую не защититъ ни власть, ни знатность, ни богатство.

Общая молва въ христіанскомъ станѣ полагала, что король Ричардъ избралъ ассассиновъ для достиженія своихъ цѣлей, такъ какъ погибшій Конрадъ стоялъ на его пути. Дѣйствительно, совпаденіе обстоятельствъ было неблагопріятное для Ричарда. Всѣ знали, что его племяннику Генриху, графу Шампаньи, нравилась жена маркиза и что графъ домогался обладать ею. Король Ричардъ давалъ поводъ своимъ недругамъ къ самымъ серьезнымъ уликамъ. Получивъ въ Акрѣ извѣстіе о смерти Конрада, король сѣлъ на коня и взявъ съ собою племянника, помчался въ Тиръ поздравить молодую вдову, которая согласилась передать титулъ іерусалимскаго короля, принадлежавшій ей по праву наслѣдства отъ отца,—третьему мужу съ такою же легкостью, какъ двумъ первымъ супругамъ. Скоро было отпразднована свадьба. Генрихъ сталъ титуловаться королемъ, но его государство было призрачное.

Долгое время подозрѣніе въ убійствѣ тяготѣло на Ричардѣ. Онъ не могъ хладнокровно относиться къ проявленіямъ той отверженности, которая постигла его. Онъ приказалъ разглашать, что, согласно своему настоянію, получилъ отъ повелителя ассассиновъ оправдательный документъ слѣд. содержанія (¹).

— „Герцогу австрійскому и всѣмъ государямъ и народамъ христіанскаго исповѣданія поклонъ. Такъ какъ многіе короли заморскихъ странъ, приписываютъ Ричарду, королю и властителю Англіи, смерть маркиза, то я клянусь вѣчно царствующимъ Богомъ и соблюдаемымъ нами закономъ, что король Ричардъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ“.

(¹) Hammer. G. der Assassinen. Stu Tüb. 1832; Французское слово assassin, общее другимъ романскимъ языкамъ, а также англійскому, занесено изъ Палестины, отъ имени секты.

(¹) Guilelmus Neubrig. Radulphus de Diceto. Abbreviationes chronicorum (отр. Bouquet; XVII, 648).

Помѣтивъ это подложное письмо написанное еврейскими, латинскими и греческими буквами 1505 годомъ отъ Александра и, распространивъ его черезъ посредство своего канцлера по всей рыцарской Франціи, Ричардъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Этотъ маневръ впослѣдствіи принесъ большую пользу англійскому королю, склонивъ вновь симпатіи рыцарей на его сторону.

Прежде чѣмъ Ричардъ, благодаря такому смѣлому и оригинальному способу оправдываться, успѣлъ примирить съ собою возмущенное рыцарство, онъ убѣдился, какъ вокругъ него таяли силы крестоносцевъ. Воины покидали его одинъ за другимъ и уплывали домой на его глазахъ. Онъ рисковалъ остаться только съ своими приближенными. Ричардъ, скрѣпя сердце, поручилъ тогда Генриху, какъ королю Іерусалима, вступить въ переговоры съ Саладиномъ, заявивъ, что онъ лично съ своими друзьями, дождется прибытія новаго воинства и что скорѣе съѣстъ послѣдняго коня, чѣмъ покинетъ св. землю. Договоръ съ Саладиномъ.

Саладинъ хорошо зналъ, что творится въ христіанскомъ станѣ. Онъ понималъ что имѣетъ дѣло съ храбрымъ до отчаянія, но безсильнымъ противникомъ. Пользуясь выгодами своего положенія, султанъ опасался чрезмѣрно строгими требованіями пробудить остывавшій энтузіазмъ крестоносцевъ. Желая казаться великодушнымъ, онъ самъ предложилъ возвратить бывшимъ христіанскимъ владѣльцамъ ихъ прежніе домены, теряя этимъ весьма немного. Но въ то же время онъ потребовалъ срытія Асколона и Газы.

Даже и такія сравнительно выгодныя условія были отвергнуты. Въ августѣ 1191 г. Ричардъ повелъ крестоносцевъ впередъ; зимою этого года его силы возросли, такъ что онъ считалъ возможнымъ двинуться на Іерусалимъ. Хотя война велась съ перемѣннымъ счастіемъ, но Ричардъ лично проявилъ чудеса геройства. Его подвиги, постоянно сопряженные съ побѣдою, занимали собою молву. Его имя стало популярно на Востокѣ. Матери пугали имъ своихъ дѣтей.—„Не видишь ли ты Ричарда“? говорилъ арабскій всадникъ пугливому и упиравшемуся коню. Въ концѣ іюня 1192 г. Ричардъ подошелъ къ Іерусалиму. Его появленіе, хотя съ незначительнымъ воинствомъ, произвело панику среди мусульманъ, по сознанію ихъ отечественнаго историка. Ждали штурма, кото- Походъ на Іерусалимъ въ 1192 г.

рому теперь всѣ условія болѣе благопріятствовали чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Надежды на помощь не было. Но въ лагерѣ христіанъ произошло нѣчто неожиданное. Можетъ быть Ричардъ чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ, можетъ быть онъ не хотѣлъ дѣлить славу успѣховъ съ французами, ревнуя свою военную репутацію, но извѣстно только то, что онъ почему-то въ виду св. Гроба проявилъ излишнюю осторожность и неувѣренность въ своихъ силахъ. Воины просились идти на штурмъ св. города; они не хотѣли оставить эти стѣны, не поклонившись святынѣ; они были увѣрены въ побѣдѣ. Саладинъ же, по словамъ Боха-эддина, не надѣялся на успѣхъ; онъ со слезами молился въ мечети, не ожидая спасенія. Вдругъ ему сообщили во время молитвы, что крестоносцы отступаютъ. Ричардъ боялся, что источники отравлены и что христіане погибнутъ отъ жажды, прежде чѣмъ выроютъ колодцы въ этой каменистой окрестной пустынѣ. Войско было недовольно, изумляясь осторожности вождя, славившагося своимъ отважнымъ геройствомъ. Чтобы прикрыть отступленіе благовидными формами, Ричардъ предложилъ рѣшить вопросъ рыцарямъ-посредникамъ. Это было нѣчто въ родѣ военнаго совѣта, составленнаго на избирательномъ началѣ. Съ этою цѣлью 300 воиновъ выбрали 12 посредниковъ, а тѣ избрали трехъ, для произнесенія окончательнаго слова. Воинство, не сходя съ коней, ожидало рѣшенія. Оно услышало приказъ объ отступленіи. Теперь уже никто не спорилъ.

Оставленіе Палестины. Отступая отъ стѣнъ Іерусалима, Ричардъ уносилъ съ собою полное разочарованіе въ успѣхѣ крестоваго дѣла. Онъ услышалъ тогда же тревожныя вѣсти изъ Англіи и Франціи. Его братъ Іоаннъ, лишенный удѣла (Sans terre) не сдержалъ обѣщанія—не пріѣзжать на островъ ранѣе трехъ лѣтъ. Поддерживаемый общимъ недовольствомъ бароновъ, онъ лишилъ власти канцлера Вильгельма Лонгшана, назначеннаго королемъ въ качествѣ намѣстника. Впрочемъ, это могло послужить только къ благу населенія. По общему отзыву, этотъ епископъ-канцлеръ грабилъ страну хуже всякаго непріятеля. Знаменитый Матвѣй Парижскій, вспоминая про него, говоритъ, что благодаря ему рыцари не могли сберечь серебряныхъ перевязей, дворяне—своихъ колецъ, женщины—ожерелій,

евреи—своихъ товаровъ ([1]). Онъ ѣздилъ окруженный тысячью всадниковъ и гдѣ, по несчастію, останавливался ночевать, то въ одни сутки истреблялось то, что послѣ приходилось наживать въ три года. Онъ былъ извѣстенъ еще тѣмъ что за большія деньги выписывалъ труверовъ и жонглеровъ изъ Франціи, которые обязаны были воспѣвать его славу и говорить, что въ мірѣ нѣтъ человѣка ему равнаго (quod non erat talis in orbe.).

Въ то же время Ричардъ узналъ, что король французскій, ненавидѣвшій его въ глубинѣ души, также не сдержалъ данной клятвы не поднимать противъ него оружія и не поддерживать мятежа въ Англіи. Чтобы облегчить свою душу, Филиппъ II, на обратномъ пути изъ Палестины, заѣхалъ въ Римъ и испросилъ у папы разрѣшенія отъ клятвы, которое было дано безъ затрудненій.

Волей-неволей приходилось возвращаться домой. Ричардъ заключилъ съ Саладиномъ перемиріе на 3 года, 3 мѣсяца и 3 дня, въ надеждѣ вернуться снова, и не безъ горькаго чувства покинулъ мѣста своихъ героическихъ подвиговъ.

Плѣнъ Ричарда.

Его ожидали въ Европѣ весьма непріятныя приключенія. Онъ сознавалъ общее къ себѣ нерасположеніе на Западѣ въ государяхъ, князьяхъ, духовенствѣ. Онъ никогда не щадилъ чужого самолюбія и не велъ счета обидамъ, которыя наносилъ многочисленнымъ врагамъ. Онъ зналъ, что его не любятъ въ Аквитаніи, гдѣ исторія несчастнаго маркиза Монфератскаго была у всѣхъ на памяти. Потому Ричардъ рѣшился не плыть къ берегамъ южной Италіи или Галліи, ему враждебной; онъ предпочелъ, проплывъ Адріатическое море, высадиться гдѣ нибудь въ Истріи и оттуда пробраться къ Нѣмецкому морю. Но здѣсь-то и ждала его наибольшая опасность. Избѣгнувъ одного недруга, онъ самъ шелъ въ сѣти другого. Судьба привела его во владѣнія того самого Леопольда австрійскаго, встрѣчи съ которымъ онъ такъ тщательно избѣгалъ. Крадучись, пробирался герой Палестины изъ Истріи по незнакомымъ землямъ въ сопровожденіи трехъ лицъ, не подозрѣвая, что идетъ на встрѣчу своему врагу. Онъ былъ узнанъ

([1]) **Matthæus Paris**. Chr. major Angliae, a. 1190. Такой же отзывъ у **Guilelmus Neubr.** и **Rogerus de Hoveden**.

и, окруженный въ своемъ помѣщеніи цѣлымъ строемъ латниковъ, сдался герцогу, который заключилъ Львиное Сердце въ крѣпкую башню въ Вѣнѣ подъ надежную стражу. Императоръ не позволилъ герцогу держать короля и потребовалъ его выдачи, обѣщая уплатить герцогу долю выкупа. Филиппъ II, поздравляя императора съ плѣненіемъ Ричарда, умолялъ его сторожить англійскаго короля, надѣлавшаго столько бѣдъ, крѣпче, ибо „свѣтъ никогда не будетъ имѣть покоя, если подобный крамольникъ успѣетъ убѣжать". Французскій король готовъ былъ бы заплатить самъ весь выкупъ за Ричарда, если бы могъ получить его живымъ. Но имперскій сеймъ, которому было передано дѣло Ричарда, отказалъ въ выдачѣ королю французскому знаменитаго плѣнника.

Въ концѣ концовъ англійскія общины разсчитались за своего короля. Онѣ заплатили за него 100 тысячъ серебряныхъ марокъ, чтобы послѣ онъ взялъ съ нихъ столько же. Ричардъ передъ освобожденіемъ обязывался принести императору ленную присягу въ силу тѣхъ бумажныхъ претензій, которыя предъявляла всемірная священная Имперія на Британію. Лѣтописецъ Рожеръ записалъ фактъ, какъ при торжественной обстановкѣ король Ричардъ отказался отъ королевства и отдалъ его императору, этому всеобщему верховному владѣтелю, сюзерену (sicut universorum domino), и въ ознаменованіе передачи возложилъ на него свою шапку. Тогда императоръ поспѣшилъ возвратить обратно королю въ ленное владѣніе его королевство, но подъ условіемъ уплаты ежегодной дани въ 5000 фунтовъ (1). Такая церемонія не имѣла по существу значенія, но въ идеѣ она имѣла большой смыслъ. Имперія стремилась гласно и торжественно заявить свои претензіи. Ричарду же эта церемонія открывала свободу. Заключеніе казалось ему тяжелымъ. Медленно собирали деньги въ Англіи съ городовъ и виллановъ; вслѣдствіе грабительства правительственныхъ сборщиковъ, въ суммахъ постоянно оказывался недочетъ. Эта операція понравилась настолько сборщикамъ, что они желали тянуть сборы какъ можно долѣе. Тѣмъ временемъ Ричардъ сочинялъ провансальскіе стансы, горько печалясь о холодности своихъ подданныхъ и вассаловъ. „Много у меня друзей, но скудно они платятъ.

(1) **Rogerus de Hoveden**, Annales, a. 1192.

пѣлъ онъ. Пусть знаютъ мои англійскіе, нормандскіе, нуатійскіе и гасконскіе люди и бароны, что изъ за денегъ я не оставилъ бы ни одного изъ своихъ бѣдныхъ спутниковъ въ темницѣ ([1])".

Впрочемъ, прошло еще два года, прежде чѣмъ королю можно было отправиться на родину. Нѣмецкія власти не отличались великодушіемъ. Они не отпустили короля, пока не получили все условленное до послѣдней монеты. Возбужденъ былъ даже вопросъ о томъ, не выгоднѣе ли перепродать плѣнника французскому королю, который не только обѣщалъ платить тысячу серебряныхъ ливровъ за каждый лишній мѣсяцъ плѣна и давалъ впередъ 70 тысячъ за лишній годъ заключенія, но предлагалъ 150 тысячъ серебряныхъ марокъ за выдачу Ричарда. Императоръ уже колебался, но члены сейма воспротивились такому предательству и освободили Ричарда въ январѣ 1174 г.

Финансовыя мѣры.

Несчастіе ни чему не научило короля. Онъ вернулся такимъ же равнодушнымъ къ своему народу государемъ, какимъ былъ раньше, назначивъ еще новые поборы на выкупъ заложниковъ. Онъ прежде всего постарался отплатить за непохвальную медленность сборовъ для его выкупа. Въ этомъ онъ усматривалъ недостаточную преданность подданныхъ къ его особѣ. Не взирая на общее истощеніе страны, онъ создалъ новый экономическій кризисъ. Онъ объявилъ недѣйствительными всѣ сдѣлки и акты по продажѣ крестоносцами ихъ земель и замковъ передъ отправленіемъ въ походъ.

Надо замѣтить, что король, отправляясь на Востокъ, продалъ болѣе другихъ недвижимой собственности изъ коронныхъ имѣній. Теперь, заботясь о собственной выгодѣ, онъ объявилъ всѣ продажи—погашенными займами. Этотъ борецъ безъ страха и упрека проявилъ внезапно финансовыя способности. Его финансовое ухищреніе первое время привело всѣхъ въ недоумѣніе; потомъ, средневѣковые короли, не любившіе стѣсняться, находили примѣръ Ричарда для себя весьма назидательнымъ. Король, руководимый совѣтниками, кромѣ того обнаружилъ не только знакомство съ терминологіей, но

([1]) Стихи Ричарда помѣщены въ сборникѣ Raynouard. Choix des poésies des troubadours; IV, 183.

талантъ тонкаго казуиста. „На какомъ основаніи, возражалъ онъ новымъ собственникамъ, вы хотите присвоить себѣ то, что принадлежитъ намъ? Развѣ вы не вернули вполнѣ данныхъ вами денегъ съ доходовъ нашихъ имѣній (de fructibus rerum nostrarum)? А если такъ, то вы должны знать, что грѣхъ брать излишніе проценты съ короля и что мы имѣемъ отъ папы буллу, запрещающую вамъ это, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви" ([1]). Впрочемъ, Ричардъ могъ быть великодушнымъ. Онъ обѣщалъ добавить по счетамъ то, что не выручено покупщиками изъ имѣній. Однако, охотниковъ предъявлять счеты не оказалось, а между тѣмъ то и дѣло требовались новые поборы.

Вильямъ Длинная борода (1196 г.).

Памятники сохранили намъ по этому поводу подробности о соціальномъ движеніи, которое,—подъ вліяніемъ экономическаго разстройства Англіи и вражды двухъ элементовъ, туземнаго саксонскаго и пришлаго норманскаго, - вырвалось наружу. Обложеніе налогами для уплаты назначенныхъ сборовъ было предоставлено городскимъ властямъ. Злоупотребленія привели населеніе Лондона къ возстанію, во главѣ котораго всталъ энергичный демагогъ, по происхожденію саксонецъ, Вильямъ, прозванный Длинная Борода. Онъ не разъ былъ приглашаемъ въ составъ городскаго совѣта, такъ какъ пользовался огромною популярностью за свое сочувствіе къ нуждамъ бѣдняковъ. Зная хорошо законы и судебную практику, этотъ саксъ явился безмезднымъ ходатаемъ за народъ. владѣя въ одинаковомъ совершенствѣ латинскимъ, нормандскимъ и саксонскимъ языкомъ. Когда зашла рѣчь о распредѣленіи обложенія между обывателями, Вильямъ энергично высказался противъ неравномѣрности взиманія. Его обвиняли въ измѣнѣ королю; онъ отвѣтилъ, что измѣнниками слѣдуетъ считать тѣхъ, которые обкрадываютъ королевскую казну, не уплачивая того, что слѣдуетъ по закону. Ричардъ былъ тогда на материкѣ, въ своихъ аквитанскихъ владѣніяхъ. Къ его ногамъ бросился Вильямъ, принося жалобу на городской совѣтъ. Ричардъ, конечно, не обратилъ серьезнаго вниманія на просьбу, хотя обѣщалъ оказать справедливость.

([1]) Подлинный текстъ записалъ Guilelmus Neubr. Приведено у Ог. Тьерри въ Ист. зав. Англіи норманнами. III, 153.

Вильямъ вернулся и передалъ согражданамъ о неудачѣ миссіи. Начались волненія. Заговорили о необходимости обороны. До 50 тысячъ человѣкъ составило общество взаимной защиты и Вильямъ, увлекаемый потокомъ движенія, всталъ во главѣ возстанія. Горожане и сельчане, непривыкшіе къ употребленію оружія, запаслись дубинами и топорами. Они вѣровали въ силу и непобѣдимость своего Вильяма, который занималъ ихъ увлекательными рѣчами.—„Я спаситель бѣдняковъ, взывалъ онъ на площадяхъ Лондона. Вы, испытавшіе какъ тяжела рука богатыхъ, черпайте теперь изъ моего источника воду спасительнаго ученія; черпайте съ радостью, потому что насталъ часъ вашего облегченія ([1])“. За этими мистическими выраженіями скрывались обѣщанія лучшаго существованія для угнетеннаго народа. Королевскія власти и норманскіе рыцари испугались не на шутку. Они потребовали Вильяма къ отвѣту. Онъ явился во главѣ многотысячной толпы. Когда онъ шелъ по улицѣ, народъ кричалъ ему: да здравствуетъ король и спаситель бѣдняковъ (regem vel salvatorem pauperum). Баронамъ трудно было вести съ нимъ переговоры. Опасались кроваваго столкновенія. Тогда прелаты предложили свой планъ. Они съумѣли отдѣлить толпу отъ ея вождя. Подарками, обѣщаніями и угрозами они посѣяли раздоръ среди вліятельныхъ агитаторовъ. Тогда было легко бороться съ мятежемъ, едва не принявшимъ разрушительный характеръ. Прелаты, вліявшіе на набожную толпу черезъ священниковъ, заручились заложниками; любимыхъ дѣтей отбирали отъ матерей. Теперь дошла очередь Вильяма. Его заманили въ засаду и схватили среди бѣлаго дня; онъ вырвался, защищаясь длиннымъ саксонскимъ ножемъ и заперся въ ближайшую церковную колокольню. Онъ не сдавался; принесли соломы, и дровъ; подожгли костеръ. Задыхаясь отъ дыма, Вильямъ сдался врагамъ; его привязали къ хвосту лошади и избитаго, истерзаннаго привлекли къ лондонской башнѣ, гдѣ уже ждалъ архіепископъ, приказавшій его повѣсить безъ суда съ 9 товарищами, его тѣлохранителями, что и было немедленно исполнено.

([1]) Со словъ Guil. Neubrigensis: Salvator pauperum ego sum; vos pauperes, duras divitum manus experti, haurite de fontibus meis aquas doctrinae salutaris, et hoc cum gaudio, quia venit tempus visitationis vestrae.

Висѣлица, на которой погибъ мученикъ народнаго дѣла, исчезла въ ту же ночь; ее разобрали по щепкамъ, какъ святыню. Со всѣхъ мѣстъ Англіи (ex diversis Angliae provinciis) стекался народъ помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ этотъ первый изъ демагоговъ. Такъ любили Вильяма. Образованнѣйшій изъ историковъ того времени, Матвѣй Парижскій, говоря о гибели Вильяма Бородатаго (Barbatus), внушительно замѣчаетъ: „Онъ погибъ за то, что взялся защищать бѣдныхъ и правду (pro assertione veritatis et pro causa pauperum tuenda)“. Это выраженіе монаха и правдиваго наблюдателя нельзя заподозрить, потому что оффиціальный исторіографъ Англіи былъ чуждъ демократическихъ увлеченій.

Смерть Ричарда. Скоро умеръ и король Ричардъ. Неустрашимый воитель палъ въ Лемузенѣ смерью воина; 6 апрѣля 1099 г. онъ былъ убитъ изъ арбалета, при осадѣ замка Шалю, гдѣ заперся одинъ рыцарь, котораго хотѣлъ ограбить король, требуя отъ него уступки найденныхъ имъ сокровищъ. Онъ погибъ 42 лѣтъ жертвою своихъ хищническихъ инстинктовъ, которые его никогда не покидали. Сердце его не всегда отличалось великодушіемъ, а дѣйствія часто противорѣчили прозвищу, которое дали ему современники.

Ричардъ представлялъ собою отрицаніе всякаго государственнаго порядка. Онъ не понималъ идей двигавшихъ общество и никогда не стремился ихъ усвоить. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже современныхъ ему государей, которые, пользуясь обстоятельствами, старались войти въ союзъ съ благопріятными для королевской власти элементами. На дальнѣйшее теченіе государственной жизни Англіи онъ, оставаясь ей чуждымъ, занятый личными интересами, не оказалъ никакого вліянія. Впрочемъ, требовались большія политическія способности, чтобы высотой пониманія и личной энергіей содѣйствовать ускоренію хода исторической жизни.

Государственные элементы. Въ XII вѣкѣ ни въ одной странѣ не было замѣтно законченнаго историческаго движенія. XIII вѣкъ застаетъ ходъ исторіи въ такомъ видѣ, что нельзя было предсказать окончательнаго результата. Повсюду на Западѣ наблюдаемъ: преобладаніе теократическихъ понятій, торжество духовной власти надъ свѣтской или по крайней мѣрѣ всѣ данныя для такого торжества. Во внутренней жизни народовъ видимъ борьбу

трехъ основныхъ элементовъ: феодальнаго, наиболѣе сильнаго фактически, коммунальнаго, собирающаго свои силы, и монархическаго, мощь котораго въ будущемъ. Въ этомъ соперничествѣ изъ за преобладанія перевѣсъ останется за тѣмъ элементомъ, который проявитъ наибольшую долю политическаго искусства. Казалось, сперва этимъ искусствомъ отличались общины, но, вступивъ въ союзъ съ королевскою властью, онѣ стали играть болѣе или менѣе подчиненную роль. Такъ было во Франціи. Въ этой странѣ потому восторжествовала королевская власть, воспользовавшаяся силами общины въ борьбѣ противъ феодаловъ. Тамъ, гдѣ на оборотъ коммуны подадутъ руку баронамъ съ цѣлью дѣйствовать противъ королевской власти, восторжествуетъ рядомъ съ феодальнымъ началомъ, всегда энергичнымъ, дѣятельное народоправленіе, какъ случилось въ Англіи, гдѣ упрочилась ограниченная монархія. Если же общины не проявляли активной политической роли или если не послѣдовало соединенія съ ними одного изъ элементовъ, — что произошло въ судьбахъ Германіи и Италіи — то историческое движеніе не получаетъ строго опредѣленнаго направленія и обыкновеннымъ результатомъ такого сочетанія является политическая анархія.

Такимъ образомъ, то или другое положеніе, занимаемое коммунами по отношенію къ двумъ прочимъ факторамъ, опредѣляетъ ходъ исторіи въ трехъ главнѣйшихъ странахъ Запада. Намѣченная схема сохраняетъ силу и для прочихъ государствъ.

Но всѣ эти явленія выяснились съ ихъ послѣдствіями лишь въ слѣдующемъ столѣтіи. Въ XII вѣкѣ мы присутствуемъ только при ихъ зарожденіи и сложеніи. Мы наблюдаемъ самые элементы, но процесса взаимнаго химическаго ихъ сочетанія пока не видимъ. Тоже слѣдуетъ сказать и по отношенію къ явленіямъ какъ внутренней такъ и духовной жизни. Рыцарство принесло плоды лишь спустя весьма продолжительное время. Пока мы не имѣли надобности останавливаться ни на его проявленіяхъ, ни на рыцарской поэзіи—эпосѣ и лирикѣ, давшей прекрасные образцы. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ подготовляются идеи для послѣдующаго столѣтія.

Высшій расцвѣтъ средневѣковая жизнь проявляетъ лишь въ XIII вѣкѣ, который послужитъ содержаніемъ слѣдующаго тома.

5) Образованность до XIII столѣтія. Схоластика.

Задачи схоластики.

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы говорили о началѣ средневѣковой образованности и указали на тотъ моментъ ея, когда, на основаніи традиціонныхъ античныхъ наукъ, сложился въ средніе вѣка и особый родъ образованія и то своеобразное мышленіе, которое получило названіе схоластики (стр. 245—253). Задачей схоластики было утвердить въ свѣтѣ разума то, что было усвоено вѣрой. Схоластика среднихъ вѣковъ должна была уяснить св. Писаніе. Такъ какъ для такого труднаго дѣла надо было пріискать соотвѣтственные способы, то обратились къ логикѣ Аристотеля, который послужилъ главнымъ основаніемъ схоластики, хотя изучался въ крайне уродливомъ видѣ и притомъ лишь въ тѣхъ отрывкахъ, которые могли непосредственно послужить орудіемъ для извѣстныхъ логическихъ пріемовъ. Что схоластика была въ связи съ католицизмомъ, видно изъ того, что когда Реформація подорвала папство, то вмѣстѣ съ Римскою Церковью пострадала и схоластика.

Во всякомъ случаѣ въ схоластикѣ по ея вліяніямъ надо отличать двѣ стороны — положительную и отрицательную. Исторически схоластика предшествовала новой европейской философіи. Европейская мысль, построившая такія могущественныя системы, была воспитана продолжительной, хотя мелкой работой схоластики. Надо замѣтить, что и позднѣйшіе философы, какъ Декартъ, Спиноза и др. воспитались на схоластикѣ. Она не можетъ быть потому безусловно порицаема, какъ привыкли относиться къ ней тѣ, которые обыкновенно незнакомы съ нею. Надо замѣтить, что диспуты схоластиковъ происходили въ присутствіи большаго числа слушателей и что они имѣли тоже облагораживающее значеніе, какое нѣкогда имѣли въ Аѳинахъ бесѣды философовъ, хотя въ средніе вѣка эти поученія не проникали въ народъ, оставаясь достояніемъ клириковъ. Надъ этими диспутами стояла Церковь съ огнемъ и мечемъ, не дозволявшая состязающимся выходить изъ указанныхъ границъ. Вообще схоластика представляется достойною полнаго вниманія. Если въ Греціи мы находимъ немногихъ, но великихъ и самостоятельныхъ мыслителей, то здѣсь мы видимъ безчисленныя имена докторовъ и магистровъ, которыхъ даже трудно перечесть. Правда, они не творятъ ничего вѣчнаго, вращаются въ узкомъ кругѣ

мысли, но между ними встрѣчается много самостоятельныхъ дѣятелей. Схоластики писали по-латыни, которую они переработали въ своеобразный органъ, извѣстный подъ именемъ „средневѣковой схоластической латыни“. Напрасно презрительно относятся къ этой латыни; въ схоластическихъ трудахъ этотъ мертвый языкъ дышетъ жизнью и отчетливо развиваетъ каждую мысль.

Если съ одной стороны схоластика является въ такой формѣ, которая связываетъ ее съ новой философіею, то съ другой стороны нельзя не видѣть ея отрицательныхъ свойствъ. Въ схоластикѣ были поставлены границы разуму, а гдѣ разъ намѣчены такія границы, тамъ не можетъ питаться мысль, такъ какъ ей возбраняется идти далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Законченныя формы схоластики, основанныя на Аристотелѣ, пріучили средневѣковаго человѣка мыслить по опредѣленному масштабу. Но тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что эта условная философія, вращавшаяся въ сферѣ религіи, свидѣтельствуетъ о сдержанномъ стремленіи къ свободѣ мысли. „Даже уродливости и темныя стороны схоластиковъ, говоритъ потому Фейербахъ,—множество нелѣпыхъ вопросовъ, которыми они занимались, ихъ безчисленныя случайныя различія, ихъ курьезы и тонкости, должны быть выведены изъ свѣтлаго, разумнаго начала, изъ ихъ жажды свѣта, изъ духа изслѣдованія, которое въ то время, при могучемъ преобладаніи Церкви, могло выражаться только въ такомъ видѣ, а не иначе. Все множество вопросовъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, развитыхъ схоластиками, всѣ ихъ безполезныя логическія тонкости были почтеннымъ усиліемъ мысли пробиться на свѣтъ Божій“ ([1]).

Очеркъ движенія философской мысли въ XII вѣкѣ.

Въ средніе вѣка задачей въ области философскихъ стремленій было примиреніе скудныхъ отрывковъ изъ Органона Аристотеля съ христіанской догматикой. Это содержаніе наполняетъ собою тысячелѣтіе человѣческой мысли. Движеніе было слишкомъ слабое, вялое, даже едва замѣтное, но тѣмъ не менѣе интересное по тѣмъ попыткамъ, которыя духъ че-

([1]) Спеціальное пособіе: этого вопроса Rousselot — «Etudes sur la phil. dans le moyen âge». Кромѣ того извѣстный большой трудъ Риттера (Geschichte der Philosophie, B. VII—IX).—Ebert. Allg. Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendland (2 B. L. 1874, 1880).

ловѣческій проявляетъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Никогда съ большей яркостью не обнаруживалась энергія духа.

Тѣмъ интереснѣе прослѣдить этотъ трудный, весьма медленный процессъ. Мысль вращалась въ заколдованномъ кругу. Она не дерзала переступить завѣтныхъ границъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Самостоятельной мысли, строго говоря, не было, потому что греческая логика съ одной стороны и католическая религія съ другой даютъ уже готовыя формы, кои не разработываются болѣе свободнымъ духомъ; мысль представляется уже опредѣленною; содержаніе и границы ея очерчены. Потому-то, съ извѣстной точки зрѣнія, вѣрно выраженіе ирландскаго монаха Эригена (Іоанна Скотта)—въ его „De praedestinatione“ (о предопредѣленіи), жившаго въ IX вѣкѣ, убитаго своими учениками,—что истинная философія есть истинная откровенная религія, и, на оборотъ, истинная религія есть истинная философія. Для отцовъ Церкви, которые тоже были учеными мыслителями, философія была средствомъ достиженія религіознаго пониманія; для схоластиковъ таковой цѣли служило богословіе. Средневѣковая философія имѣла высшей задачей проникнуть въ тайны откровенія и оправдать разумомъ это откровеніе, или точнѣе, примирить разумъ съ вѣрою. Всѣ схоластики были глубоко вѣрующіе. Такъ, первый изъ нихъ, каковымъ надо считать Эригену, позволилъ себѣ собственныя либеральныя толкованія христіанскихъ догматовъ. На него сослались альбигойцы, ученіе которыхъ было продуктомъ гностической и манихейской философіи; тогда Гонорій III запретилъ его сочиненія, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ свободнаго обращенія. Такъ, Эригенъ отрицалъ предопредѣленіе, училъ объ общемъ правѣ всѣхъ на спасеніе души, отрицалъ вѣчность мукъ, даже адъ, находя ужасы загробнаго наказанія оскорбленіемъ христіанской любви.

Номиналисты и реалисты.

Собственно движеніе мысли начинается съ конца XI вѣка, съ сочиненій Ансельмо Кентерберійскаго и Абеляра. Оба они были представителями различныхъ направленій. Они открываютъ собою борьбу такъ называемаго номинализма и реализма,—что составляетъ жизнь схоластики. До того времени ученые монахи X и XI вѣковъ, которые писали только глоссы, играли пассивную роль. Неоконченное введеніе Порфирія къ категоріямъ Аристотеля, Боэцій, да три отрывочныхъ сочиненія Аристотеля, — вотъ весь философскій запасъ того

времени, ибо прочія изслѣдованія, какъ напримѣръ Эригены, были чисто богословскія. Въ первомъ изъ названныхъ трактатовъ былъ поднятъ вопросъ: признавать ли міръ мысли, міръ отвлеченныхъ общихъ представленій дѣйствительно существующимъ или только воображаемымъ. Въ первомъ случаѣ это были *res*, во второмъ *nomina*. Отсюда реалисты и номиналисты. Исторія этого вопроса стала исторіей средневѣковой мысли. Надъ этими задачами такъ серьезно задумывались средневѣковые мыслители, что готовы были возвести одинъ другаго на костеръ. Почему же такъ важны эти universalia? Теперь подобные вопросы кажутся немыслимы; но всматриваясь въ нихъ глубже, нельзя не признать въ нихъ существенной важности для исторіи духа, для судьбы христіанской религіи и вмѣстѣ для средневѣковой умственной исторіи, въ коей религіозный интересъ былъ на первомъ планѣ. Отъ примѣненія того или другого взгляда зависѣла большая или меньшая крѣпость религіознаго чувства.

Чтобы уяснить себѣ nomina и res, всего удобнѣе перевести ихъ на нашъ современный языкъ. Въ переводѣ на нашъ языкъ номиналисты будутъ матеріалисты, а реалисты — идеалисты. Подъ universalia разумѣются, по Аристотелю, слѣдующія представленія: genus — родъ, differentia — отличительные признаки, species — видъ, proprium и accidens — свойственный и случайный признакъ. Это характеръ пониманія о предметѣ, то что для насъ остается представленіемъ; но иначе на это смотрѣли въ средніе вѣка. Самые сильные умы думали надъ этимъ вопросомъ. Такъ Порфирій, еще въ началѣ IV вѣка, говоритъ: „Существуютъ ли родъ и виды сами по себѣ только въ умѣ, и въ случаѣ, если бы они существовали, тѣлесны они, или безтѣлесны, и притомъ отдѣльны-ли они отъ чувственныхъ вещей, или въ нихъ самихъ находятся и вмѣстѣ съ ними существуютъ,—все это дѣло слишкомъ трудное и требуетъ болѣе обширнаго разслѣдованія“. Но за это тяжелое дѣло взялись мыслители конца XI вѣка. По существу вопроса они имѣли предшественниковъ себѣ въ греческихъ философахъ. Платонъ приписывалъ родамъ и видамъ независимое, отдѣльное существованіе отъ тѣла; Аристотель же полагалъ, что они существуютъ въ тѣлахъ, но представляться могутъ и отдѣльно отъ тѣлъ. Номиналисты шли дальше Аристотеля. Они говорили, что этихъ представленій нѣтъ въ тѣлесномъ видѣ, что они могутъ только быть воображаемыми. Собственно

съ церковно-догматической точки зрѣнія, послѣднее положеніе можетъ быть въ высшей степени опасно.

Архіепископъ Ансельмо (1034-1109 г). Столкновеніе ученій номиналистовъ и реалистовъ произошло по поводу желанія Ансельмо изъ Аосты добиться доказательства реальнаго бытія Божія. Сочиненіе Ансельмо называется Monologium seu exemplum meditandi de ratione fidei (Монологъ или образецъ размышленія для пониманія вѣры). Авторъ предполагаетъ человѣка, ничего не знающаго въ религіи, ищущаго истину только съ помощью собственнаго разума. Такой субъектъ будетъ выводить цѣпь догматическихъ данныхъ, поднимаясь до представленія одного источника, сущности Божества. Чтобы разгадать эту сущность, Ансельмо представляетъ отвлеченный идеалъ красоты, добра, величія—совокупность многоразличныхъ признаковъ, изъ которыхъ каждый въ большей или меньшей мѣрѣ, въ той или другой части присутствуетъ во всѣхъ людяхъ. Этотъ способъ доказательства называется онтологическимъ. Мысль послѣдовательно ищетъ высочайшее существо; оно не можетъ быть представлено, какъ абстрактная идея,—это было бы обезличенное божество; оно есть въ дѣйствительности, а не только въ мысли, въ воображеніи. Слѣдовательно, отвлеченные признаки не абстрактны; они вещественны,—res; отсюда идеальная теорія Ансельмо назвалась реализмомъ. Понятно, представленіе объ идеяхъ, существующихъ, какъ осязаемые предметы, впутывало въ противорѣчія, но оно было удобно для догматическихъ вопросовъ и, благодаря тому, Ансельмо, задавшись раціоналистической задачей, разрѣшилъ ее путемъ ортодоксальнымъ.

Росцелинъ. Ему стало извѣстно, что нѣкто Росцелинъ, родомъ изъ Бретани (о которомъ мы знаемъ лишь со словъ Іоанна Сользсбёрійскаго), тоже тонкій ученый діалектикъ, считаетъ всевозможныя genera et species просто пустыми звуками,—voces, nomina—что для него цвѣтъ не существуетъ отдѣльно, а есть понятіе, связанное съ представленіемъ о какомъ-нибудь тѣлѣ, что мудрость не res, а только синонимъ души, что въ дѣйствительности существуютъ только осязаемыя индивидуальныя тѣла. Даже представленія объ эмпирическихъ признакахъ, которые, будто, неразрывно связаны съ осязаемымъ предметомъ, Росцелинъ отвергаетъ, вопреки Аристотелю. Такъ какъ отвлеченныя представленія для него только имена, *но-*

mina, то и теорію его прозвали номинализмомъ. Церковь не обратила-бы на это ученіе вниманія, если бы Росцелинъ не поспѣшилъ примѣнить свою теорію къ сужденію о важнѣйшемъ христіанскомъ догматѣ. Дѣло въ томъ: если роды и виды только слова, а въ дѣйствительности существуютъ лишь индивидуальныя вещи, то какъ понимать догматъ о св. Троицѣ, догматъ, который для реалистовъ очень ясенъ? Или три лица Божественныхъ суть три индивидуальныя вещи, отдѣльныя и самобытныя, какъ три ангела, три души, кои нельзя сочетать въ одномъ представленіи о божествѣ въ трехъ лицахъ, или же они суть единый Богъ. Въ послѣднемъ случаѣ можетъ явиться еще большая неловкость, ибо является одинъ божественный индивидуумъ и слѣдовательно, если Сынъ воплотился, то надлежитъ подразумѣвать, что и Отецъ и Духъ воплотились. Такъ какъ послѣднее предположеніе нелѣпо, то придется остановиться на первомъ, т. е. впасть въ ересь. И Росцелинъ невольно впалъ въ нее вслѣдствіе своего логическаго процесса. Въ 1092 году на Суассонскомъ соборѣ онъ былъ проклятъ, а съ нимъ наложено проклятіе и на всю теорію, представителемъ которой онъ явился. Реалисты же были взяты подъ покровительство Церкви, который они давали ключъ къ ортодоксальному и научному уясненію догматовъ.

Дальнѣйшая исторія мысли доказала что нельзя задушить церковнымъ проклятіемъ философскаго ученія.

Въ XII вѣкѣ выразителемъ номинализма явился аббатъ Петръ Абеляръ. Этимъ дѣломъ онъ обрекалъ себя на печальную судьбу и страданія. На кладбищѣ Père Lachaise въ Парижѣ, на которомъ покоятся ряды поколѣній 10 вѣковъ, показываютъ до сихъ поръ уцѣлѣвшую старую готическую гробницу. Въ ней лежитъ прахъ этого смѣлаго борца мысли вмѣстѣ съ тѣломъ женщины, любившей его до гроба. На ветхой почернѣвшей мраморной плитѣ, перенесенной изъ одного Бретонскаго аббатства, изображены оба покойника съ руками, сложенными на груди; собака—эмблема привязанности—выбита въ ногахъ. Надпись содержитъ слѣдующее: „Sub eodem marmore hujus monasterii conditor primus Abelardus et abbatissa prima Heloissa, nunc aeterno, olim strictis ingenii amore, instuitis nuptiis et poenitentia, qnod speramus, felicitate conjuncti. Petrus obiit XX prima apr. a. 1142, Heloissa

Абеляръ (1079-1142 г.)

17 maj. 1163". Общее участіе, понятное во всѣхъ образованныхъ людяхъ, окружаетъ эту гробницу. Еще въ прошломъ столѣтіи всегда было можно видѣть въ ней свѣжіе цвѣты; въ наше время такое идеальное поклоненіе встрѣчается рѣже.

Абеляръ былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени; онъ стоялъ выше номиналистовъ и реалистовъ; онъ диспутировалъ и съ тѣми, и съ другими; его не удовлетворялъ ни Росцелинъ, ни Шампо. Зная глубже Аристотеля, чѣмъ кто-нибудь, онъ основательно полагалъ, что на его логикѣ развилась та и другая теорія. Онъ старался примирить обѣ школы. Universalia для него не сущность, какъ для реалистовъ, не слова̀, какъ для номиналистовъ, но—понятія, концепты ума; свою теорію онъ потому называетъ концептализмомъ. Оттого такъ богата событіями его жизнь и перемѣнчива судьба, что для Церкви онъ представлялся безразлично то другомъ, то врагомъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ выше схоластиковъ, потому-что старался объяснить свою вѣру знаніемъ, а не выводить самое знаніе изъ вѣры; схоластика у него была самостоятельной и научной; христіанство онъ старался сблизить съ греческой философіей, находя, что языческіе мыслители знакомы были съ догматомъ о Троицѣ и могли бы уяснить таковой. Его главное сочиненіе было посвящено діалектикѣ, но начало ея утрачено; толкованія на Порфирія дошли вполнѣ [1].

Еще больше прогресса видимъ въ его нравственной теоріи. Онъ рѣшился стать выше ортодоксальныхъ богослововъ, сказавъ, что грѣхъ заключается не въ чувственной наклонности ко злу, не въ дѣйствіи, а только въ намѣреніи. Его смѣлыя думы далеко такимъ образомъ опередили современниковъ. Все окружавшее въ сферѣ мысли было ниже его.

---

(1) Объ Абелярѣ до сихъ поръ сохранили значеніе спеціальныя монографіи: Schlosser. Abälard und Dulcin (G. 1807). Feuerbach. Abälard und Heloise, oder der Schriftsteller und der Mensch (Augs. 1833). Mél. Guizot. Essai sur la vie et les écrits d'Abailard et d'Héloise continué jusqu'à la mort d'Abailard par F. P. Guizot (P. 1839). Remusat Abélard (P. 2 vls. 1845). Tosti. Storia di Abélardo e di suo tempo (Nap. 1845).—О философской дѣятельности Абеляра изслѣдованія на латинскомъ языкѣ: Frerichs (Jéna, 1872) и Goldhorn (L. 1836). Сочиненія: Petri Abælardi et Heloisæ conjugis ejus Opera (P. 1616).—Sic et non (издано Кузеномъ въ 1837 г.).—De theologia et de summo bono (изд. Рейнвольдомъ въ 1843 г.).

Абеляръ родился въ 1079 году въ городѣ Палэ, недалеко отъ Нанта. Рыцарскимъ упражненіямъ онъ предпочелъ науку, который съ дѣтства отдался всей душой. Онъ слушалъ въ одно время и Росцелина и Шампо. Еще въ молодости онъ училъ по разнымъ городамъ; въ 1101 году онъ открываетъ свои публичныя чтенія, а вскорѣ Абеляръ сразился съ самимъ Шампо на публичномъ диспутѣ и побѣдилъ его. Наградой была каѳедра богословіи и философіи въ Парижѣ. Абеляръ имѣлъ громадный, неслыханный успѣхъ; 5000 студентовъ были у его ногъ. Всѣ удивлялись его краснорѣчію, новизнѣ мысли, ясности рѣчи, широтѣ взглядовъ. Многіе изъ его учениковъ прославились впослѣдствіи, какъ папа Целестинъ II и Арнольдъ Брешіанскій, извѣстный еретикъ, что всегда ставили ему въ преступленіе, забывая, что въ то же время онъ далъ Церкви 19 кардиналовъ и 50 епископовъ. Спокойствіе Парижа иногда нарушалось торжественной процессіей схоляровъ, сопровождавшихъ по улицамъ молодаго философа; слышали, какъ его привѣтствовали восторженные крики студентовъ и народа.

Между тѣмъ приближалась страшная драма въ жизни Абеляра. Извѣстна его любовь къ Элоизѣ, бывшая любимою повѣстью среднихъ вѣковъ, знакомая каждому и теперь, такъ какъ она послужила темою для художественнаго творчества. Въ Парижѣ Абеляръ обучалъ, между прочимъ, племянницу одного каноника Фульберта, тринадцатилѣтнюю Элоизу. Молодой магистръ и его ученица полюбили другъ друга тихою, но сильною страстью. Абеляръ вскорѣ тайно женился на Элоизѣ, безъ вѣдома дяди, за что былъ безчестно наказанъ Фулькономъ. Онъ былъ изуродованъ. Пораженный стыдомъ, душевной скорбью и ужасными физическими страданіями, Абеляръ постригся въ монахи и удалился въ монастырь св. Діонисія. Элоиза принуждена была также постричься; она обрекла себя на вѣчную разлуку съ любимымъ человѣкомъ. Но развратная жизнь монаховъ, а можетъ быть и воспоминаніе о прежней любви, вызвали Абеляра изъ монастырскихъ стѣнъ и заставили вступить на профессорское поприще, на которомъ онъ снова встрѣтился со своими многочисленными завистниками и врагами. Послѣдніе отыскали удобный предлогъ погубить Абеляра, обвинивъ его въ ереси. Въ 1121 году по этому поводу былъ созванъ соборъ въ Суассонѣ. Абеляръ былъ осужденъ и приговоренъ

къ заключенію въ томъ же монастырѣ св. Діонисія. Съ этою участію онъ не могъ примириться. Монастырь S. Denis былъ богатѣйшій въ свѣтѣ: но, вѣроятно, душа Абеляра сильно возмущалась безнравственною жизнью людей, которые его окружали и которые на соборахъ казались образцами святости. Онъ рѣшился бѣжать оттуда, рискуя положительно худшей участью. Онъ основалъ собственную обитель, которую назвалъ греческимѣ словомъ παράκλητος (утѣшитель). Лишь только слухъ о новомъ монастырѣ разнесся по окрестностямъ, какъ начали стекаться къ Абеляру иноки и ученики. Скоро около Параклета образовалась школа, даже цѣлый городъ. Новое торжество Абеляра вызвало и новыя козни его враговъ. Въ отчаяніи, гонимый всюду, онъ хочетъ бѣжать къ мусульманамъ. Только любовь къ Элоизѣ удержала его. Вскорѣ находимъ его въ уединенномъ бретонскомъ монастырѣ, на родинѣ, гдѣ онъ пишетъ свою автобіографію, подражая Августину. Это „historia calamitatum“ страдальца. Когда эти воспоминанія дошли до Элоизы, она не выдержала своего обѣта молчанія. Между влюбленными началась знаменитая переписка, полная то взрывовъ несчастной загубленной любви, которой не было возможности проявиться иначе, какъ въ звукахъ, то порывовъ религіознаго чувства, который казался единственно могущимъ утишить эту страсть. Наконецъ, между супругами состоялось свиданіе. Оно дало Церкви поводъ къ новымъ обвиненіямъ. Опять былъ созванъ соборъ съ Сансѣ въ 1140 г.; на этотъ разъ на сторонѣ обвинителей раздался грозный и властный голосъ св. Бернара, этого величайшаго изъ мистиковъ, воспитавшагося на воззрѣніяхъ реалистовъ. Соборъ отлучилъ Абеляра отъ Церкви за несоблюденіе обѣтовъ и за дерзкія проповѣди. Обвиненный аппелировалъ въ Римъ и Инокентій II подтвердилъ рѣшеніе собора. Тогда Абеляръ, покорно склонивъ голову передъ силою, удалился въ Клюньи, бургундскій монастырь клюнійцевъ, славившійся своимъ строгимъ уставомъ и суровою жизнью иноковъ. Тамъ онъ умеръ черезъ два года, успѣвъ примириться со всѣми гонителями, даже съ самимъ Бернаромъ. Черезъ 21 годъ послѣдовала за нимъ Элоиза (1163). Народная поэтическая легенда увѣковѣчила ихъ память, занявъ надолго воображеніе потомства. Она говоритъ о встрѣчѣ Абеляра и Элоизы въ томъ мірѣ, объ ихъ вѣчной загробной любви.

Мы остановимся на этомъ въ очеркѣ борьбы философскихъ школъ, борьбы номиналистовъ съ реалистами въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ. Вліянія на развитіе мысли.

Съ начала XIII вѣка содержаніе философской мысли значительно расширяется. Постепенно она выходитъ изъ заколдованнаго узкаго круга, въ которомъ вращалась прежде. Она проявляется даже въ публицистикѣ. Она задѣваетъ теперь то, чего прежде не касалась. Въ ней замѣтно слышится вѣяніе новыхъ началъ. Вотъ они-то и были посѣяны въ предшествовавшій философскій періодъ. Какъ ни скудно было поле философской мысли, но представители ея все же должны были или договориться до нѣкоторыхъ вещей, несогласныхъ съ существующими понятіями, или остановиться передъ таинственной загадкой. А мысль продолжаетъ развиваться. Причиной такого толчка было появленіе новаго перевода Аристотелевой „Логики", съ греческаго языка. Эти переводы показались еще въ началѣ XII вѣка, но большинству ученыхъ оставались долго неизвѣстными. Въ XIII вѣкѣ выяснилось достоинство новыхъ переводовъ и превосходство ихъ передъ прежними. Тогда логика сдѣлала шагъ впередъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, образовались двѣ партіи: antiqui et moderni, старая и новая. Самъ Абеляръ принадлежалъ къ представителямъ старой партіи, потому что онъ не былъ знакомъ съ новыми переводами Аристотеля. Главными представителями новаторовъ явились два великіе ума среднихъ вѣковъ: Альбертъ изъ Кельна и Ѳома изъ Аквино. Одинъ былъ нѣмецъ, другой итальянецъ. Альбертъ былъ натуралистъ, химикъ, астрологъ, и философъ. Ѳома занимался не только богословскими вопросами, но прославился и государственными: онъ былъ богословъ, публицистъ и философъ. Надо замѣтить, что католическая Церковь до сихъ поръ живетъ тѣми идеями, которыя были развиты Ѳомою. Великій переворотъ, вызванный сочиненіями того и другаго въ тогдашней философіи, особенно твореніями Ѳомы Аквинскаго, конечно, не могъ явиться внезапно. Толчекъ данъ былъ извнѣ, изъ за Пиринеевъ, отъ обитавшихъ тамъ въ то время арабовъ.

Арабы были въ одно время учениками Магомета и Аристотеля. Благодаря тому, что они были знакомы съ греческими оригиналами, они имѣли доступъ къ чистымъ античнымъ источникамъ, тогда какъ европейская мысль привыкла пользоваться только скудными обрывками древности.

Собственно говоря, арабская мудрость была довольно условною и не принесла много новаго въ чисто философскую область, такъ какъ не успѣла развиться самостоятельно. Арабы только компилировали то, что заключалось въ греческомъ матеріалѣ. Дѣйствительно, они заимствовались всѣмъ, что попадалось имъ подъ руку на пути завоевательнаго шествія халифовъ. Они восхищались неоплатониками на африканскомъ берегу Средиземнаго моря и Аристотелемъ при дворѣ византійскихъ императоровъ или, лучше, его толкователями. Такъ какъ съ полнымъ переводомъ Органона Европа познакомилась чрезъ арабовъ, то черезъ нихъ проникли и новые элементы въ схоластическую философію. Когда схоластики проявляли сколько нибудь матеріальный взглядъ на вещи, тогда они шли по стопамъ арабскихъ философовъ.

Хотя европейская схоластика не осталась чуждою вліянію арабовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она совершенно подчинилась арабскимъ философамъ. Такіе люди, какъ Альбертъ и Ѳома Аквинскій, были ортодоксальными представителями номиналистовъ. Ихъ жизнь протекла спокойно, а Ѳома даже былъ причисленъ къ лику святыхъ католической Церковью. Вліяніе арабское должно понимать въ томъ смыслѣ, что оно окрылило полетъ европейской мысли и побудило ее относиться къ богословію и философіи, какъ къ предметамъ самостоятельнымъ.

Кромѣ арабовъ, на историческій ходъ духовной жизни средневѣковаго Запада въ послѣдующее время оказали вліяніе и славяне. Богомилы изъ Болгаріи съ своимъ протестомъ противъ господствующей христіанской догматики, проникли черезъ Ломбардію въ Провансъ и во всѣ предѣлы южной Галліи. Тамъ этотъ протестъ, сперва ограничивавшійся только сферою богословской, принялъ характеръ кровавой борьбы за вѣру, борьбы съ всемірной папской теократіей. Попытки средневѣковой церковной Реформы въ нѣдрахъ католицизма, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ, проявились такимъ образомъ подъ дѣятельнымъ воздѣйствіемъ славянскаго племени, заявившемъ тогда свое участіе въ направленіи исторіи всего человѣчества.

Въ XIII столѣтіи міръ былъ приготовленъ къ дальнѣйшему движенію мысли и во всѣхъ областяхъ исторіи долженъ былъ совершиться высшій расцвѣтъ средневѣковыхъ идей.

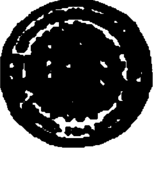
Н. А. Осокинъ.

ОЧЕРКЪ
СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

(Приложеніе къ I т. „Исторіи Среднихъ Вѣковъ“).

1888.

КАЗАНЬ.



Типографія Императорскаго Университета.

Печатается по определенію историко-филологическаго факультета 2 Іюля 1888 года.

(Изъ Ученыхъ Записокъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 1888 г.).

ОЧЕРКЪ
СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ И ПЕРІОДЫ ИСТОРІОГРАФІИ.

Приступая къ классификаціи многочисленныхъ памятниковъ средневѣковой западной исторіографіи, надо оговориться, что они на столько разнообразны у разныхъ народовъ средневѣковаго міра, что трудно установить періоды развитія исторической литературы за десять вѣковъ. Ихъ нѣтъ въ тѣхъ немногихъ нѣмецкихъ устарѣлыхъ руководствахъ по исторіографіи, которыя могутъ служить лишь для справокъ, какъ то Вахлера (¹). Въ итальянскихъ пособіяхъ, напр. у Габріеля Розы, о нихъ нѣсколько страничекъ (²). Несомнѣнно, что средневѣковая исторіографія, какъ проявленіе общественной жизни, имѣетъ постепенное движеніе, хотя не всегда правильное. Духовная жизнь не умерла съ паденіемъ Западной имперіи. Послѣдняя завѣщала т. н. среднимъ вѣкамъ свой государственный строй, литературный, вполнѣ обработанный, хотя уже мертвый языкъ и свое право. Религіозное же содержаніе было дано самими германскими народами, которые проникли собой всѣ области исторіи,

(¹) L. Wachler. Geschichte der historichen Forschung und Kunst. Gött. 1812—20, 5 B.

(²) G. Rosa. Storia generale delle storie. Mil. 1865.—Здѣсь мы не говоримъ о замѣчательныхъ трудахъ собственно по германской исторіографіи Гейссера (1839), Ваттенбаха (до половины XIII вѣка. 1858) съ продолженіемъ О. Лоренца, а также болѣе спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Ведекинда (3 т., 1821—37), Штенцеля (2 т., 1827), Дальмана (1830, 1838). Контцена (1837), Гфререра (1848). Пертца, Вайтца и Мауренбрехера (1861).

принимая христіанство въ той или другой формѣ. Вліяніе латинскаго языка было такъ могущественно, на немъ говорила и писала такая масса покоренныхъ, что необработанные языки германскаго разрозненнаго племени не только не рѣшались вступать въ борьбу съ нимъ, но какъ бы растоплялись подъ его могущественнымъ вліяніемъ. Скоро послѣ сближенія почувствовалась уступка и со стороны латинскаго языка, который стремился получить большую сферу распространенія. Онъ сталъ поддѣлываться подъ мѣстные языки и не только подъ германскіе, но подъ романскіе говоры: итальянскій, галльскій, иберійскій. Это столкновеніе породило національные языки. Но они долго не могли сдѣлаться орудіемъ для выраженія лѣтописнаго сказанія, которое исключительно и всецѣло на 700 почти лѣтъ взялъ латинскій языкъ.

Три періода. Первый періодъ средневѣковой исторіографіи былъ латинскій по языку, но съ участіемъ національнаго элемента въ содержаніи. Историческія произведенія тогда были величайшею рѣдкостью; изложеніе напоминало послѣднее время паденія античной литературы. Образованность ослабѣвала съ годами; духовная жизнь, постепенно замирая, наконецъ изсякла. Не только въ обществѣ грамотные люди были рѣдкостью: правители и короли были безграмотны. Длинноволосые Меровинги едва считали по пальцамъ, а чтеніе для нихъ было недоступною мудростью; вмѣсто подписи они ставили крестъ, палку. Въ это-то время особенно цѣнны сколько нибудь содержательныя лѣтописи, имѣвшія въ виду сохранить для потомства обрывки народныхъ германскихъ преданій и процессъ утвержденія новыхъ народовъ въ предѣлахъ имперіи. Когда на развалинахъ имперіи новыя государства сложились, когда другими словами она раздѣлялась на части, то исторіографія лишилась того интереса, которымъ она нѣкоторое время выдавалась; широкимъ задачамъ уже не было болѣе мѣста. Средневѣковая исторіографія стала расплываться въ массѣ мелкихъ частныхъ интересовъ; лѣтописи стали говорить не объ исторіи страны, а объ одномъ лицѣ, городѣ, церкви, монастырѣ. Мысль скудѣла, интересы болѣе и болѣе съуживались и черезъ 500 лѣтъ послѣ произведеній Іорнанда (500—560), Григорія Турскаго (540—594), Исидора (570—630), Бэды (673 — 731), Павла Варнфрита (740 — 790), исторіографія становится неузнаваемой. Такимъ образомъ первый періодъ исто-

ріографіи не развивается, а постепенно падаетъ; значитъ она жила прежнимъ импульсомъ и была какъ бы продолженіемъ античной исторіографіи, стараясь по мѣрѣ силъ подражать ей.

Когда паденіе ознаменовалось забвеніемъ пріемовъ и пустотою содержанія, лѣтопись на Западѣ начинаетъ возраждаться сама изъ себя. Органомъ ей исподоволь начинаютъ служить народные языки, но большинство хроникъ втораго періода на латинскомъ, варварскомъ языкѣ. По способу изложенія и содержанія, эти произведенія имѣютъ примитивный характеръ. Остались одни жалкіе обломки: здѣсь былъ голодъ, тамъ гроза, здѣсь пожаръ, тутъ моръ, тамъ выстроили церковь, а здѣсь прибыли пилигримы, гдѣ-то нареченъ новый епископъ, а въ другомъ мѣстѣ завелся новый діаконъ. Чѣмъ свободнѣе авторъ владѣетъ языкомъ, тѣмъ конечно изложеніе живѣе и самый матеріалъ какъ бы просится подъ руку. А жизнь между тѣмъ давала много свѣжихъ идеаловъ. Уже занялся разцвѣтъ средневѣковой исторіи, эпоха общинъ, рыцарства, крестовыхъ походовъ, папской теократіи, восторжествовавшей послѣ борьбы съ имперіей. Таланты писателей были слишкомъ мелки для достойнаго воспроизведенія эпохи. Хроникеры не только не доросли до пониманія общаго смысла явленій, что было бы понятно, но они не въ силахъ были доступно и ясно изложить то, что совершалось передъ ихъ глазами. Но были и исключенія. Только авторы - участники событій, много не мудрствовавшіе, а болѣе искренніе, оставили намъ вполнѣ замѣчательныя произведенія. Они всѣ пишутъ на новыхъ языкахъ и много содѣйствуютъ ихъ литературному развитію; казалось бы, постепенно хоръ этихъ новаторовъ долженъ былъ бы заглушить чахлые болѣзненные звуки латинскихъ хроникеровъ, которые сами чужимъ мертвымъ языкомъ заявляли свою отчужденность отъ окружающей жизни. Но случилось нѣчто иное.

Подъ вліяніемъ преданій о славѣ Римской имперіи, развившихся и упрочившихся особенно въ Италіи, явилось стремленіе воскресить обстановку былой блестящей жизни, ея литературу, ея языкъ. Мы чувствуемъ приближеніе Возрожденія классицизма, упроченію котораго содѣйствовало открытіе Петраркой великолѣпныхъ памятниковъ греко-римской литературы въ разныхъ городахъ Италіи и въ Санъ-Галленскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ національному элементу, отъ котораго могла бы развиться исторіографія, былъ нанесенъ ударъ на зарѣ его появленія. Несом-

нѣнно одно: если возрожденіе древняго искусства и литературы есть прогрессивное явленіе, есть само по себѣ прогрессъ для исторіи всеобщей, то собственно для средневѣковой исторіографіи оно имѣло отрицательное значеніе; оно убивало ее, устраняя изъ нея все самостоятельное, оригинальное. Это явственно наблюдаемъ на средневѣковой исторіографіи, которая вступаетъ въ 3-й періодъ—псевдоклассическій. Талантливѣйшіе писатели тратятъ свои усилія на сооруженіе гигантскихъ періодовъ, съ желаніемъ подражать чуть ли не Цицерону; смыслъ и содержаніе ихъ краснорѣчія становится болѣе темнымъ и запутаннымъ; форма ставилась выше содержанія, въ которомъ просвѣчиваютъ атеизмъ съ одной и сочувствіе къ аристократической республикѣ съ другой стороны. Звонкія рѣчи,—но на цѣлыхъ страницахъ онѣ не могутъ передать толково ни одного факта. Обычная надутость и чопорность стиля лишаетъ историка возможности высказаться и только національные мемуаристы и историки, предпочитающіе народные языки, даютъ живой матеріалъ для исторической науки, какъ французъ Коминь и кастилецъ Айала, писавшіе въ концѣ XV вѣка. Таковы судьбы средневѣковой исторіографіи до Реформаціи, когда роли перемѣнились и національный элементъ одержалъ побѣду, опредѣливъ направленіе новой исторіографіи. Подобно тому, какъ въ восточной исторіографіи лучшія произведенія того времени, напр. персидская исторія Мархуда (1435—98) отъ Адама до Тимура, написана на персидскомъ языкѣ, а не на арабскомъ, такъ на Западѣ все живое и думавшее искало новаго слова у новаго языка. Поддѣлка подъ античный складъ во всѣхъ сферахъ средневѣковой жизни не могла быть удачной, ибо слишкомъ слабы были умственныя силы XV вѣка сравнительно съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который давала классическая образованность; это были попытки карлика сравниться съ колоссомъ; оттого лжеантичные историки не выдержали испытанія при свѣтѣ лучей Реформаціи.

Такимъ образомъ точныхъ рубрикъ въ ходѣ средневѣковой исторіографіи положить нельзя. Это видно изъ приведеннаго очерка. Можно только опредѣлить существенное содержаніе выдающихся историческихъ произведеній каждаго періода, а именно:

Въ первомъ національная исторія, какъ непосредственное продолженіе исторіи Римской; во второмъ — частная раздробленная

хроника, но съ допущеніемъ національнаго языка; въ третьемъ лжеклассическая съ возможно широкой задачей.

Вездѣ, гдѣ изложеніе на новыхъ языкахъ,—чуствуется присутствіе жизни; автору становится легче; онъ пытается тогда обрисовать существенное настроеніе эпохи, какъ—у Вильгардуна, Жуанвиля, Фруассара, братьевъ Виллани, Лопеца; всегда извѣстная простота въ произведеніяхъ на родномъ языкѣ по исторіи небольшаго государства: у Спинелли (1260), Малеспини (1281), Д. Компаньи (1312). Исключеніе представляетъ только Матвѣй Парижскій, который хотя писалъ по латыни, но по справедливости считался замѣчательнымъ историкомъ средневѣковаго міра, какъ Ѳома Аквинскій былъ его великимъ философомъ.

Вотъ общій ходъ исторіографіи среднихъ вѣковъ. Мы перечислимъ сколько нибудь выдающихся представителей перваго періода.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

На первыхъ страницахъ средневѣковой исторіографіи встрѣчаемся съ любопытнымъ литературнымъ явленіемъ. Первый изъ памятниковъ исторіографіи по времени отличается такими достоинствами, которыя послѣ долго не проявлялись и которыя имѣютъ серьезный интересъ. Іорнандъ (500—560 г.?)

Особое значеніе Іорнанда или Іордана (Iordanes), придававшее высокую цѣну его «Исторіи готовъ» заключалось въ томъ, что онъ пользовался памятниками народной поэзіи и примѣняя ихъ для своихъ цѣлей, не только сохранилъ для насъ цѣлый родникъ народнаго творчества германскаго племени, но показалъ примѣръ какъ важенъ такого рода источникъ для исторіи народа. Важность такого литературнаго явленія увеличивается еще тѣмъ, что время, въ которое писалъ Іорнандъ, было временемъ забвенія лучшихъ духовныхъ преданій прошлаго, временемъ повальнаго невѣжества, почти общей безграмотности, когда должны были цѣниться всякіе даже слабые обрывки знанія въ наукѣ и всякія скудныя свѣдѣнія о старинѣ.

Мы не знаемъ, кто былъ Іорнандъ, не знаемъ въ точности, когда родился и умеръ историкъ, не знаемъ даже основательно его имени. Извѣстно только что онъ былъ аланъ по происхожденію,

что онъ писалъ около 550 г. и то потому, что говоря о чумѣ, «бывшей 9 лѣтъ назадъ», самъ историкъ наводитъ насъ на довольно основательную дату. Правда, онъ самъ пытается нѣсколько ознакомить съ собою, замѣчая: «Ego item quamvis agrammatus, Iordanis *ante conversionem* meam *notarius* fui». Изъ этого критика выводитъ два факта: 1) Іорнандъ былъ духовнымъ лицомъ, по мнѣнію Муратори (въ предисловіи къ изданію памятника), даже монахомъ и 2) Іорнандъ былъ нотаріемъ Пальманъ (¹) полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о званіи, не о должности, а объ обращеніи въ никейское исповѣданіе изъ аріанства, которому тогда слѣдовало большинство варваровъ. Мнѣніе же тѣхъ, которые изъ этого алана сдѣлали епископа Равеннскаго, не имѣетъ значенія, уже по той простой причинѣ, что въ спискѣ іерарховъ Равенны епископа съ такимъ именемъ не значится. Равнымъ образомъ неизвѣстно, у кого онъ состоялъ нотаріемъ, т. е. секретаремъ; эту подробность историкъ сообщилъ только въ 50 главѣ касательно своего дѣда, который былъ секретаремъ кунинга аланскаго, Кондака. Изъ его собственныхъ словъ видно, что Іорнандъ пользовался какимъ-то національнымъ готскимъ историкомъ Абладіемъ и утеряннымъ теперь сочиненіемъ Кассіодора — Libri XII de rebus gestis Gothorum. Послѣднюю рукопись Іорнандъ получилъ на самое короткое время (triduana lectio), прочелъ бѣгло, но успѣлъ сдѣлать извлеченіе (²). Условность труда Кассіодора, главнаго сотрудника Теодорика I и виднаго государственнаго дѣятеля эпохи, вытекаетъ изъ того, что онъ писалъ по порученію самаго короля остготовъ, хотя несомнѣнно долею народныхъ былинъ и преданій Іорнандъ обязанъ записавшему ихъ римскому историку. По плану, обработкѣ, подробностямъ сочиненіе Кассіодора было гораздо выше труда Іорнанда. Кромѣ своего главнаго сочиненія:—De rebus Geticis или въ другихъ рукописяхъ De Gothorum sive Getarum origine, котораго древнѣйшій. Бамбергскій списокъ относится къ XI столѣтію (³),—Іорнандъ напи-

(¹) Pahlmann. G. d. Völkerwanderung; II. 123, 2 прим.— Dahn. Die Könige der Germanen (1861; 243—260).

(²) Диссертація: Sybel. De fontibus libri Iordanis (B. 1838). Также, общія обозрѣнія источниковъ: Wedekind (Noten, 3 B. 1821—27), Dahlmann (Gött. 1838), Waitz (Schmidt. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft; II, 39—97; IV, 97), Wattenbach (1858, 1861).

(³) Описаніе рукописей сдѣлалъ Pertz. Archiv d. deutschen Gesch Изданія готской исторіи: editio princeps, въ Аугсбургѣ 1551 г общее съ тек-

салъ: De regnorum et temporum successione seu liber de origine mundi et actibus Romanorum ceterarumque gentium. Это компиляція изъ Луція Флора (Epitome rerum romanarum), римскаго историка временъ Траяна и Адріана, продолженная. и доведенная на основаніи другихъ пособій до императора Юстиніана (¹).

Славу Іорнанду создалъ его первый трудъ. Въ немъ имѣемъ дѣло съ горячимъ патріотомъ варваромъ, который, хотя весьма сносно владѣетъ латинскимъ языкомъ, кое какъ знаетъ классиковъ, тѣмъ не менѣе презираетъ все римское. Онъ имѣлъ цѣлью возвеличить готовъ. Нѣтъ людей выше его соплеменниковъ и народа выше готскаго. Всѣ склоняются передъ готами; имъ сопутствуетъ постоянное счастье. Готы всегда побѣждаютъ; иначе быть не можетъ; они герои съ того времени, какъ показались въ Европѣ. Въ самомъ началѣ изложенія Іорнандъ гордо равняетъ свой народъ съ греками, потому что среди готовъ нашлось трое ученыхъ людей. Храбрость готовъ доказывается между прочимъ тѣмъ, что они побѣдили египтянъ и самъ Геркулесъ противъ нихъ безсиленъ, ибо онъ «subegit plus dolo, quam virtute». Самыя воинственныя амазонки вышли изъ среды готскаго народа, а храмъ Діаны въ Ефесѣ сооруженъ ими или въ честь ихъ. Всѣ яркія краски положилъ авторъ на изображеніе царства Германарика. Понятно, что гунны побѣдившіе готовъ, должны быть, наоборотъ, обрисованы самыми темными красками; они дѣти демоновъ и вѣдьмъ. Только тогда, когда гунны рванулись на Западъ, одинъ разъ въ своей исторической жизни, подъ ударами гунновъ, готы запросили у императоровъ земель. Для великаго переселенія Іорнандъ единственный источникъ. Тогда возрождается слава готовъ. Когда взволнованный Западъ нѣсколько успокоился, вестготы дали міру Аларика. Лучшимъ сыномъ ихъ былъ великій Теодорикъ. Это свѣтило готскихъ народовъ. Восторженно говоритъ патріотъ про этого славнаго кунинга, опираясь на книгу Кассіодора; отъ гордости Іорнандъ становится даже нервенъ въ изложеніи, дотолѣ спокойномъ и эпически плав-

стомъ Павла Діакона подъ редакціею Певтингера. Ed. Rhenani общее съ Прокопіемъ въ Базелѣ 1531. Ed. Fornerii съ Кассіодоромъ въ Парижѣ 1579, 1583, 1588. Ed. Grotii въ Ліонѣ 1655 (Coll. hist. Gothorum). Bibl. Patr. въ Ліонѣ 1677. Лучшія у Muratori (Scrp. I, 191—221) и новое Closs въ Штутгартѣ 1866. Отрывки перев. г. Стасюлевичемъ въ I т. Ист. сред. вѣковъ.

(¹) Издана у Мураторн; I, 222—242 и во французскомъ переводѣ Sawagner: — De la succession de royaumes et des temps etc. (P. 1842).

номъ... «И возложилъ Теодорикъ на себя знаки царскаго достоинства, какъ повелитель готовъ и римлянъ». Онъ заставляетъ насъ присутствовать мысленно въ предсмертные дни короля, когда тотъ пишетъ политическое завѣщаніе своему 10-лѣтнему внуку Аталарику о вѣрности Восточному императору (с. 59). Впрочемъ, у Іорнанда нашлось столько историческаго чувства, что онъ склоняется передъ Велизаріемъ, который нанесъ тяжелые удары его соплеменникамъ, уничтоживъ ихъ политическое бытіе. Это «laudabilis princeps et fortior dux, cujus fama, nullis seculis, nullis solebitur aetatibus».... слава Велизарія не прейдетъ во вѣки.

Этимъ кончается исторія Іорнанда.— «Я слѣдовалъ писаніямъ древнихъ, говоритъ онъ въ заключеніи; въ обширныхъ лугахъ я срывалъ немного цвѣтовъ и изъ нихъ для любознательнаго свилъ вѣнокъ по силамъ своего ума, на сколько хватило умѣнья. Да не подумаетъ никто, что я прибавилъ нѣчто отъ себя сверхъ того что я прочиталъ и узналъ,—изъ пристрастія къ готскому народу, какъ бы я самъ принадлежалъ къ нему по происхожденію. Я излагалъ все какъ было, хотя разсказалъ весьма немногое изъ того, что написано и что разсказываютъ о готахъ, не для прославленія ихъ самихъ, а для прославленія того кто побѣждалъ».

Іорнандъ чувствовалъ тенденціозность своего разсказа, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почтенную. Нельзя согласиться съ Пальманомъ, который произноситъ озлобленный приговоръ надъ Іорнандомъ, полагая, что онъ взялся не за свое дѣло, что онъ не болѣе какъ компиляторъ, притомъ компиляторъ дурной пробы, который позволяетъ себѣ плагіатъ, скрывая источники, списывая цѣликомъ чужіе отрывки, заимствуя даже чужія предисловія. Мы не видимъ достаточныхъ основаній для приговора столь рѣзкаго. Что Іорнандъ плохой стилистъ — это очевидно, но когда вдохновеніе посѣщаетъ его, онъ становится неузнаваемъ. Рѣчь Атилы гуннамъ передъ Каталаунскимъ побоищемъ, описаніе битвы, сцена похоронъ Атилы, все это показываетъ способность къ драматическому разсказу. Въ общемъ изложеніе историка недостаточно оживлено. Что же касается до обвиненій по содержанію, то таковыя врядъ ли выдержатъ критику. Іорнандъ слишкомъ полагался на свою память, когда въ 3 дня, прочитавъ 12 большихъ книгъ «сенатора» Кассіодора, безъ выписокъ написалъ извлеченіе въ одной, притомъ не особенно тяжеловѣсной книгѣ. При этихъ условіяхъ нѣтъ мѣста плагіату. Критики

забываютъ, что взглядъ Кассіодора, какъ римлянина, на варваровъ былъ совершенно цѣлостенъ и не могъ имѣть много общаго съ симпатіями Іорнанда къ своимъ соплеменникамъ. Прочими источниками были: Діонъ Кассій, Трогъ Помпей, Орозій, какой-то Іосифъ (annalium relator verissimus), Абладій, пересказчикъ готскихъ преданій, этотъ лучшій писатель изъ готовъ и, наконецъ, самыя саги германцевъ, ихъ древнія пѣсни. Нельзя открыть дословныхъ заимствованій изъ этихъ памятниковъ. Сталкиваясь съ двумя разнообразными мнѣніями, Іорнандъ строго придерживается одного изъ нихъ, правда, безъ критическаго отношенія, къ которому онъ не былъ способенъ, но всегда такого мнѣнія, какое подходило къ его національнымъ взглядамъ. Въ симпатіяхъ Іорнанда поражаетъ преобладаніе родовыхъ хищническихъ инстинктовъ готовъ. Онъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка и своего племени. Для него, въ то тревожное и страшное время, казалось, совершенно естественнымъ разрушать, грабить, жечь. Всѣ побѣдители даютъ волю насилію и это даже заслуживаетъ одобренія историка. Для него пощада явленіе рѣдкое, почти неслыханное: этотъ городъ вѣроятно защитила святыня, скажетъ онъ въ такихъ случаяхъ. Самый Богъ въ его глазахъ является въ роли мстителя. Императоръ Валентъ, обратившій готовъ въ аріанство, во время неудачнаго похода сгорѣлъ въ лачугѣ, зажженной готами.—«Это свершилось конечно не иначе, какъ по Божьему соизволенію, спѣшитъ разъяснить Іорнандъ въ 26 главѣ. Валентъ сгорѣлъ отъ руки тѣхъ, кого самъ онъ завлекъ въ огонь геенны, кому вмѣсто просимой истинной вѣры сообщилъ ересь».

Другая интересная черта заключается въ политическихъ взглядахъ Іорнанда. Выросши въ римской средѣ, онъ усвоилъ себѣ однако оригинальное міровоззрѣніе. Онъ полагаетъ, что «родъ людской живетъ для своихъ владыкъ»; на эту мысль его наводятъ размышленія о Каталаунской бойнѣ. Увлекаясь только звукомъ боеваго рога, онъ совершенно игнорируетъ внутреннюю жизнь, для которой его «Исторія» не имѣетъ никакого значенія. Весь внутренній складъ готской жизни, политическая организація этого народа, его обычаи и нравы все это не заслужило его вниманія.

Но было бы странно ставить эту сторону труда въ вину Іорнанду. Живя въ то время, когда болѣе половины западно-европейскаго населенія вело кочевую жизнь, когда наиболѣе надежные элементы еще продолжали бродить, историкъ, въ жилахъ котораго

текла кровь дикаря, не могъ стать выше своего времени. Всякій пишетъ о томъ, что его интересуетъ. Внутренняя, духовная или правовая жизнь человѣчества есть плодъ научной постановки исторіи въ нашемъ вѣкѣ. Она была не по плечу потомку полудикаго алана VI столѣтія.

Обращаемся къ Григорію, епископу Турскому, жившему нѣсколько позже.

Григорій Турскій (540—594 г.).

Григорій Турскій — бытописатель Меровинговъ. Трагическая исторія этого дома прошла на его глазахъ. У него хорошая школа и умѣнье охватить событія: «Много совершилось дурнаго и худаго, говоритъ онъ; дикія толпы безбожныхъ людей свирѣпствуютъ, озлобленіе королей велико; еретики нападаютъ на церкви, вѣрные защищаютъ ихъ; св. мѣста вѣрными украшены, а людьми безбожными опустошены. Многіе жаловались на это и восклицали: горе нашему времени, наука погибла, а никто между тѣмъ не опишетъ совершающагося. Такъ какъ я слышалъ часто эти сожалѣнія, то, чтобы сохранить воспоминаніе о прошломъ и передать настоящее потомству, я рѣшился изобразить насилія безбожныхъ людей и жизнь праведныхъ, хотя можетъ быть рѣчь моя покажется слишкомъ простой и безъискусственной. Одно меня утѣшаетъ: къ великому удивленію приходится нынче слышать, что теперь весьма немногіе понимаютъ истинно-ученаго и образованнаго писателя; но тотъ, кто пишетъ простымъ языкомъ, доступенъ многимъ».

По происхожденію онъ былъ галлъ; издавна его фамиліи было присвоено сенаторское званіе. При нашествіи франковъ знатные галло-римскіе роды склонялись предъ завоевателемъ. Франковъ было немного; они смотрѣли дикарями; они прикрывались звѣриными шкурами, но были храбры и свирѣпы; передъ ними бѣжали изнѣженные римскіе воины, которые не могли болѣе защищать галловъ. Чтобы укрыться отъ мести варваровъ, знатныя фамиліи старались такъ или иначе примкнуть къ церкви, передъ видомъ которой опускались страшныя копья франковъ; многіе потому за-

(¹) О сочиненіяхъ Григорія: монографіи Гизебрехта (1851). Лёбеля (1859) и des Francs (1861). Ed. pr. 1552 г. въ Парижѣ, въ коллекціи Duchesne (Scrp. I. 1699), Bouquet (t. II). Переводы Guizot (1825, 1860) и Giesebrecht (2 B. 1861); отрывки у Стасюлевича въ I т. Исторіи среднихъ вѣковъ.

нимали церковныя должности. Въ семействѣ Григорія было наслѣдственно епископское званіе въ Турѣ. Мало того; его родственники занимали другія высшія церковныя каѳедры въ южной Галліи. Онъ самъ съ молодыхъ лѣтъ предназначенъ былъ въ монашество. Хлодвигъ прошелъ съ огнемъ и мечемъ всю южную Галлію; вражда въ домѣ Хлодвига привела къ полному раззоренію эту область; только въ стѣнахъ монастыря населеніе могло найти убѣжище. Григорій родился во время междоусобной войны Меровинговъ; онъ видѣлъ своими глазами ея продолженіе, а умирая, не уносилъ въ могилу надежды на лучшее будущее. Прочтите О. Тьерри и будете имѣть точное понятіе объ эпохѣ, но помните, что Тьерри пользуется лишь однимъ Григоріемъ. Свое впечатлѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ окружающаго, при видѣ паденія вѣры, добрыхъ нравовъ онъ высказалъ въ началѣ своей Historia eccl. Francorum libri X — тономъ скорби. Дѣти Хлотара I, Зигбертъ и Хильперикъ вступили въ ужасную борьбу изъ за женъ: Брунгильды и Фредегонды. Епископъ Тура держался Зигберта и Брунгильды. Пламя борьбы охватило Туръ, Пуатье и окрестные города. Григорій поддерживалъ третьяго брата, Гунтрама Бургундскаго, а потомъ сына Зигберта, Хильдеберта Австразійскаго. Онъ вообще былъ доволенъ ходомъ событій. Григорій во введеніи предпосылаетъ очеркъ всемірной исторіи отъ сотворенія міра библейской и свѣтской; но когда касается послѣдней, то путается, напр. въ разсказѣ объ ассиріянахъ и египтянахъ. Свѣдѣнія его очень ограничены. За то исторія христіанства въ Галліи извѣстна ему обстоятельно; сюда въ сокращеніи вошло коечто изъ его церковно-историческаго сочиненія. Во 2-й книгѣ онъ переходитъ къ франкамъ и наполняетъ ее цѣликомъ исторіей Хлодвига, при чемъ національныя преданія изъ исторіи франковъ занимаютъ видное мѣсто. Третья и четвертая книги до Хлотара I. Съ 5-й — Григорій разсказываетъ, какъ очевидецъ; по мѣрѣ движенія событій — изложеніе подробнѣе; послѣднія книги обнимаютъ лишь два года; бóльшей подробности трудно ждать. Критики мало; событія въ сосѣднихъ странахъ игнорированы.

Сочиненіе Григорія считаютъ въ его значительной долѣ легендарнымъ, но эти-то легенды и цѣнны для насъ. Тьерри заявляетъ, что Григорій точенъ даже до педантизма и что рѣчи, которыя онъ влагаетъ героямъ, были доподлинно ими сказаны. Это совершенно несправедливо, потому что произнесеніе такихъ рѣчей

невозможно. Возьмите, напримѣръ, извѣстную рѣчь Хлодвига въ битвѣ при Цюльцихѣ въ 496 г., когда франкамъ грозила гибель и когда кунингъ говорилъ, весь въ страхѣ: «Іисусе, Ты, котораго Кротекильда называетъ сыномъ Бога, Ты, который, сказываютъ, помогаешь находящимся въ опасностяхъ и даешь побѣду надѣющимся на Тебя, взываю благоговѣйно къ Твоей помощи. Если Ты поможешь мнѣ побѣдить враговъ, и, если я испытаю на дѣлѣ могущество Твое, которое испытываютъ народы Тебѣ вѣрные, то я увѣрую въ Тебя и приму крещеніе во имя Твое. Я взывалъ къ моимъ богамъ, но вижу, что они не могутъ помочь мнѣ; я убѣдился теперь, что они не имѣютъ власти, потому что не помогаютъ тѣмъ, кто имъ поклоняется. Теперь я взываю къ Тебѣ и въ Тебя хочу вѣрить; только помоги мнѣ одолѣть моихъ враговъ». При анализѣ первой части рѣчи вы видите повтореніе извѣстной молитвы, которую, конечно, язычникъ не могъ выучить наизусть. Вторая часть естественнѣе, но подобная логичность рѣчи въ данномъ случаѣ положительно неумѣстно. Проще всего, что Хлодвигъ не говорилъ никакой рѣчи, а если сказалъ нѣсколько словъ, то далеко не такихъ, которыя просятся подъ перо классическихъ историковъ. Такъ искуственно было позднѣйшее ораторство. Возьмемъ другую сцену изъ послѣдней книги. Фредегонда въ отчаяніи; она съ мужемъ сидитъ въ скучномъ дворцѣ около больныхъ дѣтей, близящихся къ смерти; тусклый огонь горитъ на очагѣ. Фредегонда, вспоминая свои злодѣянія, кается. На королеву нашелъ по мнѣнію Тьерри, даръ импровизаціи, присущій германскимъ женщинамъ. Григорій будто записалъ въ латинскомъ переводѣ эту поэзію германской героини, только что кипѣвшей гнѣвомъ и злобой. «Давно мы творимъ зло и милосердіе Божіе насъ терпитъ; часто оно карало насъ болѣзнями и другими бѣдствіями, а мы все не исправились. И вотъ теряемъ сыновей нашихъ... слышишь, ихъ изводятъ слезы неимущихъ, жалобы вдовицъ, вопли сиротъ, и нѣтъ намъ надежды сохранить ихъ. Мы стяжаемъ злато, не зная для кого все это копимъ; теперь сокровища наши, полныя мщенія и проклятій, остаются безъ господина. Не полны развѣ были виномъ наши подвалы? Не ломались развѣ подъ пшеномъ наши житницы? Развѣ сундуки наши не были набиты златомъ, серебромъ, каменьями, ожерельями и всякими царскими уборами? И вотъ, что было у насъ лучшаго,—все теряемъ». Затѣмъ Фредегонда, въ порывѣ кающейся

грѣшницы, у одра умершаго сына, замаливаетъ миръ души его уничтоженіемъ тяжелыхъ налоговъ. Предоставляется судить, развѣ этотъ поэтическій стонъ могъ быть кѣмъ нибудь записанъ, когда не было сторонних въ пустомъ дворцѣ? развѣ епископъ могъ подслушать что либо подобное? Но приведенное мѣсто—а таковыхъ много,—въ то же время служитъ доказательствомъ высокаго литературнаго интереса творенія Григорія, которое будучи единственнымъ историческимъ трудомъ въ томъ вѣкѣ, возвышается на многихъ страницахъ до чистой поэзіи. Григорій кончаетъ свою исторію 593 г. Онъ оставилъ свое отечество въ состояніи нѣкотораго покоя подъ властью Хильдеберта. Въ 594 году онъ скончался.

Исидоръ Севильскій. (570—630 г.).

Далеко не такимъ интересомъ отличаются историки вандаловъ, свевовъ и англо-саксовъ Одинъ писалъ въ VII другой, въ VIII вѣкѣ. Isidorus Hispalensis, епископъ, былъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ родился въ Картагенѣ, въ Испаніи около 570 г., когда Григорій былъ въ полной славѣ, а умеръ въ 630 году. По происхожденію онъ былъ грекъ. Какъ богословъ, онъ послѣ смерти св. Леандра былъ избранъ на каѳедру въ Севильѣ. Вандалы разлились по полуострову; ихъ опустошенія вошли въ поговорку. Исидоръ по отношенію къ нимъ находился въ такомъ же положеніи, какъ Григорій къ франкамъ. Онъ также былъ однимъ изъ покоренныхъ, также принадлежалъ къ богатой фамиліи, также явился охранителемъ интересовъ церковныхъ, въ надеждѣ Церковью спасти отъ разгрома національный элементъ. Но онъ для католической Церкви сдѣлалъ больше Григорія. Ему приписываютъ, хотя невѣрно, сводъ декреталій, давшихъ такой авторитетъ папству. Онъ сдѣлалъ еще больше для тогдашней науки своей энциклопедіей, которой Веберъ (Allg. Weltgesch. IV, 712) придаетъ большое значеніе: «ein wichtiges Werk für die Philosophie und Theologie des Abendlandes». ([1]).

Бэда Преподобный. (673—731 г.).

Бэда жилъ ровно столѣтіемъ позже Григорія. Вся его литературная дѣятельность прошла въ томъ приходѣ, гдѣ онъ родился и умеръ. Кровный англосаксонецъ, онъ не покидалъ береговъ Тайна.

(1) Chronicon seu Historia Gothorum (176—628)—Hispania illustr, III. Florez, VI.—Historia Gothorum, Vandalorum, Suevorum (Florez. 38. Schott. III). De script. ecclesiasticis seu de viris illustribus (Schott, I).

Пресвитеръ большаго монастыря на границахъ Шотландіи, онъ написалъ до 50 сочиненій, за что получилъ имя Candela Ecclesiae. Помимо своихъ заслугъ въ качествѣ историка англосаксовъ, онъ занимаетъ извѣстное мѣсто въ исторіи еще потому, что первый внесъ дѣленія въ исторію, исходя изъ основной идеи Евсевія [1]. Такихъ эпохъ шесть: 1) до Ноя съ Адама, 2) до Авраама, 3) до Давида, 4) до ассирійскаго плѣненія, 5) до Августа, 6) до Ираклія. Эта схема стала обязательною; она проведена въ его Chronicon, seu liber de temporibus seu de 6 mundi aetatibus usque ad 726—произведеніе слабое, поверхностное, интересное только своими періодами [2]. Важнѣе другое сочиненіе: Hist. eccl. gentis Anglorum libri V отъ Цезаря до 731 г. Король Альфредъ перевелъ эту обширную исторію на народный языкъ въ X вѣкѣ. Какъ всѣ національные историки того времени, Бэда писалъ въ церковномъ духѣ. Тогда вообще историкомъ могъ быть только образованный монахъ или священникъ. Его интересы дѣлались въ его глазахъ народными. Это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ твореній Бэды.

Павелъ Діаконъ (740—790 г.). Конечно, замѣчательнѣйшимъ изъ историковъ перваго періода среднихъ вѣковъ, сочиненіе котораго продолжало оказывать вліяніе на историческое изложеніе до XV столѣтія, былъ Павелъ-Діаконъ. Онъ не представляетъ собою великаго таланта, дающаго направленіе умамъ; онъ не внесъ новаго какъ мыслитель въ исторію; его пониманіе исторіи не отличалось отъ взглядовъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ писателей, но онъ остается тѣмъ не менѣе самымъ крупнымъ представителемъ перваго періода исторіографіи, предъявляя попытку возобновить античные пріемы, хотя они значительно запоздали и не подходили къ кругу понятій современниковъ. Тѣмъ плодотворнѣе были эти попытки для послѣдующаго времени; потому-то Павелъ былъ всегда любимымъ историкомъ. Не даромъ его главныя произведенія были извѣстны въ 130 рукописяхъ, изъ которыхъ сохранилось 115; не даромъ онъ имѣлъ 10 продолжателей и 15 аббревіаторовъ. О немъ писали менѣе, чѣмъ

(1) Н. Розановъ. Евсевій Памфилъ (М. 1881), стр. 40—48, — разборъ «хроники», послужившей образцомъ для Бэды.

(2) О Бэдѣ у Wright. Biographia Brit. literaria (L. 1842, 2 vls; I. 263—388) и нѣсколько страницъ Ebeling, Englands Geschichtschreiber (B. 1852). Изд. хроники Opera (Bas. 1563, 1688, Col. 1537; Mon. hist. Br. (I. 83—102). Въ послѣднее время всѣ сочиненія Бэды изданы въ Патрологіи Migne (t. 90—95).

онъ заслуживаетъ. Онъ самъ разсказываетъ о своемъ происхожденіи въ IV книгѣ 39 гл. «de gestibus Langobardorum». Это мѣсто собственно интересно со стороны пріемовъ автора. У него склонность къ записыванію легендъ, въ чемъ его хочетъ оправдать Муратори и что въ сущности весьма цѣнно для насъ.

Мы въ мірѣ наивныхъ сказаній. Варвары сами, какъ видно, увлекались красотой и поэзіей своей исторіи.

Прапрадѣдъ историка былъ одинъ изъ первыхъ переселенцевъ въ Италію; его сыновья были плѣнены аварами. Одинъ изъ нихъ Leupichis, того же имени, какъ и отецъ, спасается чудеснымъ образомъ изъ плѣна. Онъ знаетъ, что его земляки въ Италіи и пробирается на Западъ; съ нимъ немного провизіи и лукъ съ колчаномъ. Дорога была ему совсѣмъ незнакома; на встрѣчу попался волкъ; онъ пошелъ за нимъ; волкъ сдѣлался его проводникомъ и спутникомъ. Волкъ все бѣжалъ передъ нимъ, то озираясь назадъ, то останавливаясь, когда Leupichis хотѣлъ отдохнуть, и снова пускался впередъ, когда тотъ вставалъ съ мѣста. Leupichis понялъ, что этотъ волкъ посланъ ему отъ Бога указывать дорогу, которой онъ не знаетъ. Впродолженіи многихъ дней, они шли по дикимъ горамъ; у путника вышелъ весь небольшой запасъ хлѣба, но онъ, не взирая на то, долго продолжалъ свой путь съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ, совершенно истощенный голодомъ, онъ рѣшился натянуть лукъ и убить волка, чтобы его съѣсть. Но звѣрь уклонился отъ стрѣлы и исчезъ изъ глазъ. Теперь Leupichis не зналъ, куда ему идти; голодъ отнялъ у него послѣднія силы, такъ что онъ началъ отчаяваться въ своемъ спасеніи, и упавъ на землю уснулъ. Во снѣ онъ увидѣлъ мужа, который сказалъ ему: „проснись и иди туда, куда обращены ноги; тамъ Италія, къ которой ты стремишься.“ Leupichis тотчасъ всталъ, пошелъ по направленію, которое ему было указано во время сна и скоро достигъ человѣческаго жилья. Въ томъ мѣстѣ жили славяне (?). Его увидѣла одна старуха, которая сейчасъ сообразила, что бѣглецъ голоденъ. Побуждаемая состраданіемъ, она спрятала его въ своемъ домѣ и давала ему пищи по немногу, чтобы онъ, наѣвшись вдругъ, не умеръ. Такъ она поступала до той поры, пока не укрѣпились его прежнія силы. Тогда она дала ему провизіи на дорогу и сказала, въ какую сторону онъ долженъ идти. Спустя нѣсколько дней, онъ прибылъ въ Италію и пришелъ къ тому самому дому, въ которомъ

послѣ родился Павелъ. Домъ стоялъ безъ крыши, заросъ терніемъ и кустарникомъ. Leupichis все привелъ въ порядокъ и на большой дикой ясени, выросшей внутри стѣны, повѣсилъ свой колчанъ. Отъ него велъ свой родъ авторъ національной исторіи лангобардовъ.

Вотъ пріемъ изложенія въ разсказѣ о самой простой вещи. У автора всегда умѣнье сдѣлать повѣствованіе интереснымъ.

Павелъ родился въ Аквилеи, отчего его называютъ Аквилейскимъ. Онъ учился при лангобардскомъ дворѣ въ Павіи, тогдашнее Ticinum. Всѣ біографы съ легкой руки Leoni Marsicani въ его Монтекассинской хроникѣ (1, 15) приводятъ разсказъ объ отношеніяхъ Павла къ королю Дезидерію и императору Карлу. Онъ будто, по взятіи Павіи, сталъ близкимъ лицомъ къ императору, потомъ измѣнилъ ему и вступилъ въ заговоръ, былъ сосланъ на какой-то островъ, бѣжалъ къ герцогу Беневенто, потомъ поступилъ въ монастырь. Изъ этого вѣрно только одно, что Павелъ умеръ монахомъ Монтекассино, не доживъ нѣсколько мѣсяцевъ до 800 года, всегда оставаясь въ лучшихъ отношеніяхъ съ Карломъ Великимъ. Это послѣднее обстоятельство весьма важно при ознакомленіи съ трудами историка. Ихъ много. Онъ началъ свою литературную дѣятельность съ продолженія Евтропія (6 книгъ Hist. romana присоединенныя къ 10 кн. Евтропія, составляютъ 16 книгъ отъ Валента до Юстиніана). Для насъ это ничтожная компиляція, но для среднихъ вѣковъ трудъ, имѣвшій громадную важность (отдѣльнаго изданія нѣтъ, а у Муратори въ hist. miscella отрывки). Затѣмъ онъ написалъ: liber de epis. Mettensibus, жизнь папы Григорія I, бесѣды о св. Бенедиктѣ, Homiliarum для праздничныхъ чтеній, писалъ церковные гимны и между прочимъ въ честь Іоанна Крестителя, послужившій своими иниціалами для Гвидо д'Ареццо и его музыкальной гаммы: Ut queant laxis—Mira gestorum—Solve polluti—Resonare fibris—Famuli tuorum—Labii reatum—Sancte Ioannes. Главный его трудъ—продолженіе римской исторіи: De gestis Langobardorum libri VI (568—741 годы). У итальянцевъ, замѣчаетъ Муратори, безъ него не было бы исторіи. Во многихъ изданіяхъ съ 1611 г., а также у Муратори прилагается въ заключеніи исторія короля Дезидерія, разсказанная очень спѣшно съ ошибками въ годѣ (723 вмѣсто 774) плѣна Дезидерія, который называется Dux Langobardorum. Это сочиненіе не принадлежитъ Павлу, ибо изъ 130 рукописей находится только въ одной. Павелъ

пользовался народными преданіями и сочиненіемъ Секунда Тридентскаго, современника нашествія лангобардовъ на Италію,—теперь несуществующемъ. Критика упрекала Павла за баснословный характеръ его исторіи, но такое отношеніе было не вполнѣ правильно. Дѣло въ томъ, что онъ записывалъ все, что слышалъ по исторіи каждаго народа, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ всему вѣрилъ. Онъ сохранилъ драгоцѣнный для насъ колоритъ времени и мѣста. Онъ не только разсказываетъ, но обобщаетъ; у него вездѣ связь съ мѣстными условіями. «Чѣмъ дальше отъ солнечнаго зноя на Сѣверъ, начинаетъ онъ, находится страна, чѣмъ суровѣе въ ней зима, тѣмъ страна эта здоровѣе для человѣка и тѣмъ болѣе приспособлена къ разростанію въ ней народовъ. Напротивъ, всякая южная страна, чѣмъ она знойнѣе, тѣмъ въ большей степени изобилуетъ болѣзнями и тѣмъ менѣе способствуетъ развитію человѣка. Этимъ объясняется то обстоятельство, что весьма многочисленныя племена появились подъ сѣвернымъ небомъ и что страна, простирающаяся отъ Танаиса до солнечнаго заката, вся въ совокупности называется однимъ именемъ, Германіей; хотя отдѣльныя мѣстности носятъ особое названіе».—Лангобардовъ (Vinilorum) онъ выводитъ изъ Скандинавскаго острова, который «не столько расположенъ на морѣ, сколько омывается морскими волнами по причинѣ отлогости береговъ своихъ». Когда населеніе этого острова разрослось въ такой степени, что жить стало невозможно, то, какъ говорятъ, оно все было раздѣлено на три части и одна изъ нихъ по жребію должна была оставить свое отечество и искать себѣ новой осѣдлости: «sedes statuere». Ихъ вели два брата, Иборъ и Айо, дѣти Гамбары, знаменитой вѣдуньи германскаго народа. На берегу океана, въ Circium, подъ выдающейся скалой есть пещера, гдѣ

(¹) Bethman у Пертца въ 7 и 10 т. Archiv'a; Wattenbach (очень сжато 95—99). Sprunner въ 1838 г. перевелъ Павла и снабдилъ примѣчаніями; предисловіе къ изданію Гизебрехта въ 6 т.; нер. Abel съ предисловіемъ. См. прим. къ итальянскому переводу Domenichi 1548, 1554, 1631 и Viviani 1826 г.—Ed. pr. 1495 г., въ Ліонѣ, теперь исчезло, а изд. 1514 г. въ Парижѣ; также Muratori (I, 405—511 по изд. Линденброга 1595 г.), Migne (Patr. t. XCV). Отрывки въ I т. Ист. ср. вѣковъ г. Стасюлевича. Пользуемся случаемъ замѣтить, что послѣдній трудъ, прекрасно задуманный, столь необходимый при преподаваніи средневѣковой исторіи, нуждается въ продолженіи со второй половины XII вѣка. Въ этомъ направленіи были бы крайне желательны предварительныя работы студентовъ въ историческихъ семинаріяхъ нашихъ университетовъ.

7 человѣкъ давно уже спятъ глубокимъ сномъ. Это римляне: они живы до сихъ поръ. Ихъ никто не смѣетъ тронуть: руки отваливаются у дерзкихъ; это несомнѣнно христіане; тѣ смертные, которые прикоснутся къ нимъ, получаютъ спасеніе. Эта вставка ведетъ за собою много другихъ, но всѣ онѣ удачно между собою связаны. Переходъ сдѣланъ напр. къ странѣ эскимосовъ (Скритовины), черезъ которую проходили лангобарды; говорится о морскихъ пупахъ (водоворотахъ), находящихся по ту и другую сторону Германіи; сообщаются басни о Воданѣ и Фреѣ, объясняющія названіе Лангобардовъ. Гамбара проситъ Фрею о помощи, которая окажется только тѣмъ, у кого длинныя бороды. Но тутъ же оговорка: такъ прозвали ихъ римляне. Затѣмъ слѣдуютъ разнаго рода басни, какъ то объ Ассиспитахъ, разсказъ объ амазонкахъ съ критикой его. Ламуссіонъ, одинъ изъ 7 близнецовъ, спасенный изъ болота, сталъ королемъ лангобардовъ послѣ гибели Агельмунда; онъ побѣдилъ булгаръ. Далѣе Павелъ изображаетъ борьбу Альбоина съ ругами и гепидами, его бракъ съ Розамундой, дочерью короля гепидовъ; этимъ кончается I книга. Во второй проведена связь съ византійской исторіей по поводу приглашенія Нарзесомъ лангобардовъ изъ Панноніи; слѣдомъ за тѣмъ читаемъ описаніе чумы въ Италіи (гл. 4); отъ 14—24 гл. разсказана географія Италіи и нашествіе лангобардовъ. Герои автора: Альбоинъ, Розамунда, Клевъ. Въ III книгѣ передъ нами византійскій дворъ, Автарикъ, сынъ Клефа; Григорій Великій, борьба съ франками, сватовство Теоделинды. Въ IV книгѣ—принятіе католичества лангобардами при Агилульфѣ; Тассильонъ Баварскій въ борьбѣ съ славянами; франки и Византія; Гримоальдъ; борьба съ франками. Знаменательно окончаніе этого историческаго труда. Финаломъ служитъ пророчество о паденіи лангобардовъ. — «Лангобарды погибнутъ, говоритъ авторъ, когда падетъ церковь въ честь Іоанна Крестителя, когда въ ней заведутся порочные люди».

Мы видимъ такимъ образомъ, что исторія Павла составлена по частямъ. Ея характеръ эпизодическій; народныя сказанія чередуются съ погодной записью, которая во второмъ періодѣ средневѣковой исторіографіи составляетъ вообще характерное явленіе.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ЛАТИНСКІЯ ЛѢТОПИСИ И НАЧАЛО НАЦІОНАЛЬНОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Эгингардъ († 844 г.).

Имперія Карла Великаго была первой попыткой воскресить недавнее блестящее прошлое. Воспоминаніе о павшей Римской имперіи было такъ обаятельно, что не прошло и $3^1/_2$ вѣковъ, какъ силами варваровъ эта имперія была возстановлена. Идея шла изъ Рима, направляемая римскими епископами, которыхъ варвары называли на испорченной латыни папами (т. е. отцами). Эти отцы нуждались въ защитникѣ. Орудіемъ явился Карлъ, кунингъ франковъ. Изъ Павла діакона мы видѣли, въ какихъ неустановившихся отношеніяхъ находились франки къ лангобардамъ. Первые сокрушили послѣднихъ, руководимые геніемъ Карла. Этотъ человѣкъ по справедливости получилъ имя Великаго. Онъ принесъ съ собою спокойствіе измученному долгими терзаніями Западу. Этотъ воинъ, неумѣвшій писать, обладалъ великимъ административнымъ талантомъ и имѣлъ инстинктивную склонность ко всему духовному. Онъ устроилъ Палатинскую школу, разсадникъ ученыхъ. Онъ былъ счастливъ имѣть талантливаго историка, который сталъ его другомъ. Ваттенбахъ говоритъ о немъ слѣдующее, приближая его къ классическимъ образцамъ: «Kein mittelalterlicher Schriftsteller ist den classichen Vorbildern, welchen sie nacheiferten, so nahe gekommen; er erfreut sich deshalb eines guten Namens und findet selbst vor philologischen Augen Gnade».

Настоящее франкское имя его было Heingard. Онъ былъ родомъ изъ Гессенской земли; родился около 770 г, когда Карлъ, правившій вмѣстѣ съ Карломаномъ съ 768 года, уже имѣлъ извѣстность, какъ воинъ и дипломатъ. Одинъ изъ его друзей, аббатъ въ Гайхенау на Констанскомъ озерѣ, такъ записалъ главныя событія его жизни. Эгингардъ родился въ Остъ-Франконіи, въ Майнцскомъ округѣ и получилъ первое образованіе въ знаменитомъ Фульдскомъ монастырѣ. Когда Карлъ сталъ розыскивать во всѣхъ земляхъ способныхъ къ ученью мальчиковъ, то фульдскій аббатъ прислалъ ко двору Эгингарда. «Здѣсь, по словамъ лѣтописца, Эгингардъ, не смотря на свою невзрачность, за свой умъ и правдолюбіе получилъ такую извѣстность, что между всѣми служителями короля не было ни одного, съ кѣмъ этотъ могущественный государь былъ бы въ болѣе близкихъ отношеніяхъ.» Алкуинъ въ 782 году осно-

валъ палатинскую школу. Въ нее вступилъ мальчикъ на 13 году. Онъ принялся за латынь, а равно и за другія необходимыя науки. Здѣсь надо вспомнить существенныя основы средневѣковой образованности. Тогдашнее обученіе заключалось въ trivium и quadrivium. Оно продолжалось долго. Извѣстно что Боэцій, этотъ посредникъ между древнимъ и новымъ образованіемъ, гдѣ-то у Соломона вычиталъ, что мудрость выстроила себѣ домъ на 7 столбахъ; отсюда, по его мнѣнію, и sapientia liberalium litterarum должна имѣть ту же основу: 1) грамматика, 2) риторика, 3) діалектика, 4) ариѳметика, 5) геометрія, 6) астрономія и 7) музыка. «Надъ ними, говоритъ Алкуинъ потрудились всѣ философы; ими они просвѣтились, превзошли извѣстностью царей и прославились на вѣки».—Какой практической цѣли служило тогдашнее знаніе? «Оно нужно, говоритъ Алкуинъ, какъ опора вѣры для борьбы съ ересями. Этими же науками защитники нашей католической вѣры одержали верхъ надъ всѣми ересіархами. На вершинѣ этого зданія находится Священное Писаніе; вооружившись всѣми знаніями, вы выступите послѣ неодолимыми защитниками и утвердителями вѣры». Съ тѣхъ поръ характеръ образованности сталъ безусловно клерикальный. Всѣ ученые этой школы назывались схоластиками. Подъ такимъ взглядомъ образовался Эгингардъ; онъ остался при особѣ Карла. Онъ получилъ при дворѣ прозвище Веселіила, того библейскаго художника, о которомъ упоминаетъ Моисей въ 25 главѣ Исхода. Онъ руководилъ, кажется, общественными сооруженіями и исполнялъ дипломатическія порученія къ папскому двору. Онъ близко сошелся съ Людовикомъ и женился на дочери императора, Эммѣ. Тогда передъ нимъ открылась блестящая политическая карьера. Но онъ, вмѣсто того, занялся исторіей своего времени. Онъ продолжалъ Annales Lauresshamenses (Лорхскія лѣтописи), отъ 788 до 829 г. и велъ ихъ постепенно; періодъ же съ 741 по 788 г. онъ списалъ съ прежней рукописи (¹), какъ дѣлали многіе. Здѣсь нѣтъ замѣтнаго совершенствованія въ изложеніи и содержаніи лѣтописей. Это погодныя записи съ хорошимъ языкомъ. Славою Эгингарда былъ его трудъ о Карлѣ Великомъ, къ которому онъ приступилъ вскорѣ послѣ смерти своего благодѣтеля. Онъ остался вѣренъ его памяти, привязавшись къ своему молодому государю родственными узами, будучи женатъ на его сестрѣ. Онъ получилъ большія помѣстья

(¹) Pertz, I, 22—39 и Эгингардово продолженіе, I, 135—218.

въ Германіи,—въ Гессенѣ и Майнцскомъ округѣ. Мы не видимъ, что было причиной отвращенія Эгингарда отъ свѣтской жизни; это началось съ 820 г. Есть указанія, что его посѣщали видѣнія. Онъ сталъ строить церкви, монастыри и въ томъ числѣ аббатство на Майнѣ, куда перенесъ мощи изъ Мюльгейма, назвавъ новое мѣсто Seligensstadt (недалеко отъ Дармштадта). Онъ здѣсь поселился навсегда съ тѣмъ, чтобы стать монахомъ (въ 830 г.). Очень можетъ быть, что ссора въ семействѣ Людовика Благочестиваго, возстаніе дѣтей противъ отца, все это навело историка на грустныя размышленія. Онъ не развелся съ женою, которая поселилась по сосѣдству и относилась къ мужу какъ сестра. Черезъ 6 лѣтъ она умерла, а спустя 8 лѣтъ (844 г.) скончался и историкъ, не принимая въ послѣднее время участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ проявилъ попытку, и притомъ съ блестящимъ успѣхомъ, вернуться къ античнымъ пріемамъ исторіографіи въ своей исторіи Карла, которая дошла въ 60 рукописяхъ, а древнѣйшее указаніе отъ 821 г. имѣется въ каталогѣ аббатства Рейхенау. Онъ написалъ ее въ 820 г. по образцу Светонія и по языку эта біографія дѣйствительно напоминаетъ римскаго историка.

Эгингардъ начинаетъ съ горделиво высказаннаго убѣжденія, что никто кромѣ его не могъ бы описать съ такой достовѣрностью все пережитое имъ и познанное. Дѣянія Карла онъ считаетъ великими и едва возможными для своего времени. Но онъ разъясняетъ свое пристрастіе. «Карлъ такъ привязалъ меня къ себѣ и сдѣлалъ такимъ должникомъ и при жизни и за могилой, что я справедливо былъ бы обвиненъ въ неблагодарности и осужденъ, если бы позабылъ всѣ благодѣянія, прошелъ молчаніемъ всѣ блестящіе и знаменитые подвиги человѣка, сдѣлавшаго мнѣ столько добра, какъ будто бы онъ никогда не существовалъ, какъ будто бы его жизнь не заслуживаетъ ни литературныхъ воспоминаній, ни похвальнаго должнаго слова». Онъ сознается, что варвару, недостаточно владѣющему латинской рѣчью, слишкомъ труд-

(¹) Изданія въ Кёльнѣ 1521, Базелѣ 1532. Freher (Corpus hist. Franc. II). Duchesne II. Bouquet V. Pertz II. Біографія Abel'я при нѣск. перев. Giesebrecht'а 1850; въ Hist. littér. de la France; IV, 550; Ranke—Zur Kritik fränk. deutscher Reichsannalisten, помѣщ. въ Abh. d. Akad. d. Wissensch von Berlin, 1854; Waitz, Nachricht von d. Gött. Univ., 1857.

но браться за такую работу. Самъ Цицеронъ затруднился бы. Казалось, слѣдуетъ ждать восхваленій, но съ 4-ой главы мы убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ спокойнымъ, безпристрастнымъ писателемъ, чуждымъ увлеченій даже при воспоминаніи о легендарныхъ подвигахъ великаго императора. Онъ не рѣшается говорить ни о рожденіи, ни о дѣтствѣ и отрочествѣ Карла, потому что для этого нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Обратимъ вниманіе на это обстоятельство: такое отношеніе поучительно и для современнаго историка. Потому онъ начинаетъ прямо съ указанія на войны, которыя не описываетъ подробно, а только отмѣчаетъ, заявляя, что онъ будетъ избѣгать обозрѣнія внѣшнихъ событій и остановится на внутреннихъ фактахъ исторіи Карла по слѣдующему плану: «Я начну съ его внутренней и внѣшней дѣятельности, скажу о характерѣ и наклонностяхъ, объ управленіи и смерти, не опуская въ своемъ повѣствованіи ничего, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ и что необходимо знать». У Эгингарда есть въ 12 гл. упоминаніе о славянахъ. «Славяне по нашему называются вильцы, по своему welatabi. Въ этомъ походѣ, въ числѣ прочихъ народовъ, слѣдовавшихъ по приказу за королевскими знаменами, участвовали и саксы въ качествѣ союзниковъ, хотя и съ притворной, мало искренней покорностью. Причина войны заключалась въ томъ, что адобриты, нѣкогда союзники франковъ, оскорбляли ихъ безпрерывными набѣгами, которые не могли быть прекращены одними приказаніями. Отъ Западнаго океана протягивается на Востокъ заливъ, длина котораго неизвѣстна, а ширина нигдѣ не превышаетъ 100 т. шаговъ, а во многихъ мѣстахъ еще уже. По берегамъ этого залива живетъ множество народцевъ, а именно даны, свеоны, которыхъ мы называемъ норманны. Они занимаютъ сѣверный берегъ и всѣ земли по его протяженію. Восточный берегъ населяютъ славяне, эсты (1) и другіе различные народы. Между ними первое мѣсто занимаютъ велатабы, которымъ въ то время король объявилъ войну. Въ одинъ походъ, предводительстуя лично войскомъ, Карлъ такъ поразилъ и укротилъ ихъ, что они перестали отказываться отъ повиновенія». Еще разъ упоминается въ 15 главѣ о славянскихъ племенахъ въ Германіи между Рейномъ и Вислою, Океаномъ и Дунаемъ:—велетабы, сорабы, богемцы, абодриты. У Эгингарда есть

(1) У Тацита, (Germ. c. 45).... Aestiorum gentes (Aestuorum).

несообразности: такъ, по гл. 25, Карлъ не умѣлъ писать, а по гл. 29 онъ участвуетъ въ составленіи грамматики родного языка. Въ 33 главахъ «біографіи», личность Карла выступаетъ такъ же рельефно, какъ въ эпосѣ о Роландѣ. Въ этомъ художественномъ историкѣ вездѣ выдается чувство мѣры, какъ выдается и его критика извѣстій или, точнѣе, посильное стремленіе къ ней.

Тотъ же интересъ, но съ перевѣсомъ фантазіи наблюдаемъ у Сенъ-Галленскаго лѣтописца. Авторъ неизвѣстенъ; онъ жилъ при дворѣ Карла Толстаго (около 880 г.) и изобразилъ дѣянія Великаго Карла въ трехъ книгахъ: въ 1)—предисловіе, церковныя дѣла, образованіе; во 2)—войны. Третья же, едва ли не самая интересная книга, гдѣ была изображена частная жизнь Карла, потеряна, какъ и предисловіе

Король Альфредъ (849-900 г.).

Въ XI вѣкѣ образъ Карла принимаетъ уже фантастическій характеръ; тогдашніе историки Карла были вмѣстѣ и поэтами. Въ Эгингардѣ мы видимъ весьма интересную, единичную, но удавшуюся попытку вернуться къ классическимъ образцамъ. Этотъ счастливый починъ, къ сожалѣнію, не повторялся при несоотвѣтственномъ положеніи современныхъ условій. А эти условія были въ высшей степени неблагопріятны для развитія литературы и образованности. Настало торжество одной грубой силы съ распаденіемъ имперіи Карла В. на части, которыя дробились въ свою очередь. Тутъ было не до литературныхъ занятій. Къ нимъ не могли питать никакого инсереса люди, думавшіе только о военныхъ подвигахъ. Монахи, которые только одни могли, казалось, записывать дѣла прошлаго, стали воинами. Тѣмъ цѣннѣе исключенія, особенно если таковыя относятся къ тѣмъ властителямъ, которые среди правительственныхъ занятій находили время въ ту смутную пору заниматься литературой и исторіей. Такимъ историкомъ-правителемъ былъ король Альфредъ (849—900), какъ послѣ императоръ Константинъ VII (905—959) Альфонсъ III Аррагонскій (+1291) и дожъ Андрей Дандоло (+1350). Такимъ образомъ изъ 4 историковъ государей двое принадлежали темнымъ вѣкамъ, тогда какъ всего въ IX—X вѣкахъ на Западѣ едва можно насчитать 20 лѣтописцевъ. Заслуга Альфреда тѣмъ болѣе велика, что онъ первый обратился къ народному языку, пробовавъ перевести по англо-саксонски Орозія и Бэду и на родномъ же языкѣ описавъ свои путешествія. Онъ заслужилъ въ глазахъ современниковъ титулъ Великаго за энергичную борьбу съ язычниками, за мудрость управленія.

Ассерій († 910 г.). Его историкомъ былъ епископъ шербурнскій Ассерій (Menevensis), который описалъ похвальнымъ тономъ его жизнь и подвиги (до 887 г.). Это описаніе могутъ заподозрить, но надо помнить, что Ассерій былъ изъ бритовъ.—Альфредъ родился спустя 15 лѣтъ послѣ смерти Эгингарда. Онъ былъ сынъ Этельвульда и Осбурги. Онъ учился съ замѣчательной охотой; матери онъ обязанъ лучшими сторонами своей литературной дѣятельности. Его біографъ жалѣетъ о недостаткѣ учителей. Свидѣтельство драгоцѣнное: это сознаніе цѣлей и потребности въ литературѣ. «Къ числу главныхъ препятствій и неудачъ въ своей жизни, на которыя король жаловался весьма часто, вздыхая изъ глубины сердца, онъ относитъ именно то обстоятельство, что въ то время, когда онъ имѣлъ и надлежащій возрастъ, и досугъ, и свѣжія способности, у него не было учителей. Послѣ же, придя въ возрастъ, онъ не могъ опять заниматься и по причинѣ болѣзней, противъ которыхъ не знали средствъ врачи цѣлаго острова и по внутреннимъ и внѣшнимъ заботамъ, сопряженнымъ съ верховной властью, а ровно, вслѣдствіе вторженія язычниковъ съ суши и съ моря, что заставляло отчасти разсѣяться его учителей и учениковъ. Но при всемъ томъ, не смотря на различныя препятствія, съ дѣтства и до настоящаго дня, даже, думаю, въ концѣ своей жизни, онъ сохранилъ ту ненасытную жажду къ наукѣ, которую не оставлялъ прежде и которую не переставалъ обнаруживать по сіи дни». Его борьба съ норманнами должна бы сдѣлать его популярнымъ, особенно послѣ побѣды при Сванвичѣ (въ Девонширѣ). Но случилось не то; мѣры короля по отношенію къ народу не только лишили его желательной поддержки, но даже вызвали волненіе среди подданныхъ. Альфредъ бѣжалъ и скрывался въ пастушескихъ хижинахъ. Но потомъ счастье вновь повернулось къ нему; онъ измѣнился въ отношеніи къ подданнымъ и пріобрѣлъ широкую популярность. Его историко-литературное значеніе заключается въ переводахъ. Къ сожалѣнію, его пріемы не вызвали подражанія. Онѣ имѣли нѣкоторый смыслъ, такъ какъ популизировали исторію.

Анастасій († 880 г.?) Латинскій языкъ во второмъ періодѣ одолѣвалъ національныя попытки. Это мы видимъ въ папскихъ біографіяхъ библіотекаря Анастасія въ стилѣ Светонія. Онъ имѣлъ обширный

матеріалъ въ папскомъ архивѣ для: Liber pontificalis seu liber pontificum romanorum a Petro usque ad Stephanum VI или Vitae pontificum Romanorum usque ad Stephanum VI. Этотъ трудъ продолжалъ библіотекарь ватиканскій Вильгельмъ съ «жизни» папы Николая I до Стефана VI, Пандольфо Пизанскій отъ Григорія VII до Гонорія II. Обыкновенно всѣ эти своды цитуютъ подъ именемъ Анастасія; даже Бароній въ своей знаменитой церковной исторіи приписывалъ ему одному всѣ позднѣйшія біографіи([1]). Роза въ своемъ сочиненіи по исторіографіи высоко ставитъ Анастасія, считая его компиляцію во главѣ трудовъ по церковной исторіи и лучшимъ (?!) подаркомъ исторіи цивилизаціи послѣ А. Марцелина ([2]).

Затѣмъ исторіографія начинаетъ мало по малу удаляться отъ образцовъ, завѣщанныхъ древностью и Эгингардомъ. Это отчетливо наблюдается на графѣ Нитгардѣ, Регино и Флодоардѣ. Нитгардъ († 858 г.). Регино († 916 г.).

Первый былъ авторомъ 4 книгъ своего времени ([3]). Внукъ Карла Великаго, сынъ его дочери Берты, онъ былъ близокъ къ королевскому дому и подъ конецъ жизни пошелъ въ монахи подобно Эгингарду. Онъ умеръ отъ раны полученной въ сраженіи съ норманнами. Будучи міряниномъ, онъ, по счастливому, но рѣдкому исключенію, описалъ время отъ 814 до 843 г. Исторія, имъ написанная по приказанію Карла Лысаго, его двоюроднаго брата, носитъ пристрастный характеръ; она посвящена описанію раздоровъ въ семьѣ Людовика Благочестиваго. Наука много обязана ему за помѣщеніе подлинной клятвы братьевъ въ Страсбургѣ (см. у насъ; I, 265).

Что касается до Регино, то у него явно отпечатлѣлось клерикальное направленіе: онъ безъ надобности сыплетъ библейскими текстами. Родомъ изъ Мангейма, онъ былъ аббатомъ Прюма близь Трира. Оставивъ монастырь, онъ умеръ въ Трирѣ въ 915 г. Это первый лѣтописецъ въ предѣлахъ нынѣшней Германіи. Его «Дѣянія франкскихъ королей» доведены до 907 года, а хроника

([1]) Mog. 1602. Par. 1718—35; Muratori, III съ продолженіемъ до Іоанна XXII. Par. 1649, Ven. 1729, Migne-Patrologia (t. 127—129).

([2]) L'opere d'Anastasio è il primo e principale caposoldo, non solo della storia ecclesiastica, ma—della civiltá europea dopo Ammiano Marcellino, p. 180.

([3]) Nithardus, Hist. libri IV; Pertz, II, 649—672, Bouquet (VII, 359—381) и Migne, Patr. t. 96. Нѣм. пер. Jasmund (B. 1851); Фр. Guizot (Collection III, 423—497). Статья въ Hist. littér. de la France (V, 204) и въ изслѣдованіи: Wenck. Das fränkische Reich in 841—861 (L. 1851). Wattenbach (115—118). Мы не останавливаемся на Нитгардѣ въ виду спеціальнаго характера его труда.

до 855 до 870 г. Послѣдній трудъ—компиляція (¹). Регино близко зналъ Лотаря II и сына послѣдняго Гуго, который умеръ въ его монастырѣ. Онъ пользуется документами, что очень важно, но пестритъ ихъ отступленіями, манера, которой послѣ слѣдовали очень усердно. Между тѣмъ въ хронологическихъ данныхъ частыя ошибки Это первая лѣтопись, написанная на нѣмецкой почвѣ. Авторъ говоритъ между прочимъ такъ о папѣ Николаѣ I: «со времени блаженнаго Григорія I и до настоящаго дня не было ни одного епископа изъ всѣхъ возводимыхъ въ Римѣ въ это достоинство, который могъ бы сравниться съ нимъ. Онъ держалъ въ рукахъ королей и тирановъ, тяготѣя надъ ними своей властью, такъ что казался владыкой вселенной. Съ кроткими и богобоязненными епископами онъ былъ привѣтливъ, ласковъ и мягокъ, а съ нечестивыми и сбившимися съ истиннаго пути грозенъ и строгъ, такъ что можно было справедливо подумать, что въ немъ воскреснулъ второй Илія нашего времени, если не по плоти, то по его духу и добродѣтели».

Флодоардъ (894—966 г.). Флодоардъ, реймскій священникъ, продолжатель Григорія, наоборотъ, отличается талантливостью изложенія, ибо у другихъ литературные пріемы отходили тогда на заднiй планъ. Флодоардъ пишетъ латинскую поэму въ стихахъ. Его «Исторія Реймской церкви, ея пастырей и мучениковъ»—въ 9 книгахъ отъ 593 до 948 г. (²). Основная мысль—показать возрастающее торжество христіанства. Всѣ факты подводятся къ тому. Не слѣдуетъ думать чтобы его сочиненіе было поэтическимъ твореніемъ. Надо помнить то, что у автора было сильное желаніе изукрасить событія и живописать ихъ. При пользованіи требуется осторожность; сцена крещенія Хлодвига украшена фантазіей.—Теперь исторія на Западѣ становится лѣтописью въ ея узкомъ смыслѣ. Будетъ важенъ матеріалъ, а не внѣшняя сторона, не поучительный духъ произведенія.

Ліутпрандъ (929—972 г.). Первое мѣсто между историками второй половины X в. принадлежитъ Ліутпранду. Его оффиціальное положеніе обезпечивало

(¹) Chr. sive Annales non tam de Augustorum vitis quam aliorum Germanorum gestis et docte et copiose disserentes a Christo nato usque ad a. 905. Pertz. Mon. I, 537—639. Migne. Patr. t. 132.
(²) Bouquet III, фр. переводъ Lejeune (? т. 1854 и въ т. V сборника Гизо). Подробности у Contzen (77—83).

матеріалы, которыми онъ располагалъ. Ліутпрандъ, епископъ Кремоны, писалъ въ 959 г. свое Antapodosis въ 6 книгахъ. Это именно «Воздаяніе» направленное противъ Беренгарія I, короля Италіи, который прогналъ его отъ себя. Онъ же началъ писать, но не кончилъ «Дѣянія Оттона Великаго» (1), что имѣетъ связь съ его главнымъ произведеніемъ и что составило бы его VII книгу. Самое Воздаяніе есть обширное, чопорное, холодное, съ претензіей написанное, но тщательно отдѣланное «обличеніе». На сколько пристрастенъ авторъ, видно изъ его предисловія къ Antopodosis'у: «Цѣль моего труда состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить, назвать и доказать дѣла, совершенныя Беренгаріемъ I, который не правитъ, а тиранствуетъ въ Италіи Я, мой домъ, родные и семейство были незаслуженно поражены имъ—и копьемъ клеветы и разграбленіемъ и поруганіемъ въ такой степени, что не можетъ ни языкъ выразить, ни перо описать. Да послужатъ такимъ образомъ настоящія страницы antopodosis'омъ. За свои страданія я обнажу и передъ современниками и передъ грядущимъ потомствомъ безбожіе этихъ ассевіанъ. Но мой трудъ будетъ въ то же время воздаяніемъ людямъ блаженнымъ и благоговѣйнымъ за оказанныя ими мнѣ (!) услуги». Предоставляется судить объ исторической правдѣ такого произведенія. Во всякомъ случаѣ оно важно для характеристики нравовъ и, несмотря на лѣтописный характеръ, выдается въ литературномъ отношеніи. Видно всюду подражаніе комментаріямъ Цезаря.

Видукиндъ одновременно сдѣлалъ попытку написать исторію саксовъ въ 3 книгахъ (919—973 г.), посвященную дочери Оттона I Матильдѣ, аббатиссѣ Кведлинбургской. Онъ былъ однимъ изъ побѣжденныхъ, на которомъ лежала обязанность сохранить въ памяти подвиги своего народа (2). Это небольшое произведеніе, цѣнное I-ою книгою, въ которую вошли безъ разбора легенды, иногда затемняющія смыслъ. Такое объективное отношеніе автора къ прошлому очень рѣдко. Онъ сознается, что имѣетъ въ виду прославленіе своего племени и народа, хотя многое приводитъ только

Видукиндъ (973 г.).

(1) Изд. Duchesne, III; Pertz, III; Muratori, t. II, p. 1.

(2) Res gestae Saxonicae sive Annalium libri tres ab a. 919 usque ad 973. Pertz. Mon. III 416—461. Въ предисловіи къ этому изданію хороша статья Waitz (408—416). Также Sybel. Die sächsische Sage bei Widukind (Schmidt. Zeitschrift für Gesch. II, 577).

для одного интереса.—«Мнѣнія о происхожденіи саксовъ различны: одни думаютъ, что саксы происходятъ отъ датчанъ и норманновъ, другіе производятъ ихъ родъ отъ грековъ. Предо мною кто-то на этотъ счетъ въ молодости хвасталъ, что сами греки будто предполагаютъ въ саксахъ остатки македонскаго войска, слѣдовавшаго за Александромъ Великимъ, а послѣ его смерти разсѣявшагося по всему лицу земному. Несомнѣнно лишь то, что это было древнее благородное племя, о которомъ упоминается въ рѣчи Агриппы у Іосифа со ссылкою на поэта Лукана». У автора пристрастіе къ саксонской династіи. Онъ сожалѣетъ, что не можетъ изложить всѣ подвиги Генриха I и Оттона I и потому старается дѣлать выборъ, соблюдая только связь, чтобы представить читателю разсказъ легкій и отчетливый.

Титмаръ (976—1018 г.).

Для насъ имѣетъ особенное значеніе хроника Титмара, епископа Мерзебургскаго. Нельзя изучать исторію славянства безъ его труда. Нѣмецъ по происхожденію, изъ графскаго рода Вальдековъ, родственнаго Саксонской династіи, онъ въ прошломъ своего дома находилъ преданія объ упорной борьбѣ со славянами. Отецъ, напуганный видѣніемъ, предназначилъ сына на службу Церкви съ 17-лѣтняго возраста. Въ 1009 году онъ былъ назначенъ съ согласія Генриха II—епископомъ Мерзебурга и продолжалъ все время поддерживать съ императоромъ дружественныя отношенія. Это и понятно, если припомнить, что будущій историкъ приходился двоюроднымъ племянникомъ какъ Оттону I, такъ и Генриху II. Но этотъ чужеземецъ, представитель враждебнаго племени, оказалъ великія услуги славянской исторіографіи; безъ него мы знали бы слишкомъ немного [1]. Онъ переживалъ самъ интересные моменты борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость и изложилъ намъ ее, пользуясь выгодами своего положенія общественнаго и мѣстнаго. Въ Мерзебургѣ жило много участниковъ похода, отъ которыхъ и было возможно узнать всякія подробности занесенныя авторомъ въ разсказъ о походахъ въ славянскія земли. Титмаръ былъ 9 лѣтъ епископомъ и умеръ на каѳедрѣ, имѣя только 42 года отъ роду. Онъ можетъ считаться продолжателемъ Видукинда, который остановился

[1] Лучшія изд. «Chronici libri VIII» Лаппенберга въ 3 т. Пертца и Бѣловскаго (Львовъ, 1864). Критика Контцена (46—64), Лаппенберга (Pertz, Archiv; IX, 430), Фортинскаго (Титмаръ и его хроника, Пет. 1872).

на 977 году, начавъ изложеніе съ 908 года. За 20 лѣтъ Титмаръ пользуется разсказами, но весь интересъ того времени сосредоточивается на славянскихъ войнахъ, а въ этомъ отношеніи Титмаръ можетъ быть авторитетомъ. Конечно, онъ и тутъ говоритъ со слуховъ, но сообщенія его тѣмъ не менѣе имѣютъ весьма солидный авторитетъ.

Самъ Титмаръ не былъ въ славянскихъ земляхъ, потому не чуждъ промаховъ. Вотъ примѣръ: «Въ Польшѣ, говоритъ онъ, много разныхъ обычаевъ; хотя они и суровы, но иногда заслуживаютъ одобренія. Этимъ народомъ безъ суровыхъ наказаній нельзя управлять. Поляковъ слѣдуетъ пасти, какъ быковъ, и исправлять какъ лѣнивыхъословъ. Если кто развратитъ тамъ чужую жену или будетъ жить развратно, то подвергается слѣдующему наказанію: его ведутъ на рынокъ къ лобному мѣсту, кладутъ подлѣ него ножъ и предлагаютъ на выборъ: оскопиться или умереть. Если кого нибудь обличатъ въ употребленіи мяса во время великаго поста, того наказываютъ вырываніемъ зубовъ. Христіанство, недавно проникшее въ эти страны, лучше укрѣпляется такимъ закономъ, чѣмъ наложеннымъ Церковью постомъ. Во времена язычества каждая жена, во время сожженія праха умершаго мужа, подвергалась смерти». Если послѣднее сообщеніе вѣрно, то достовѣрность двухъ первыхъ подлежитъ большому сомнѣнію. Мы говорили, что Титмаръ сокращаетъ Видукинда, хотя не называетъ своего первоисточника; сокращеніе это не совсѣмъ удачно.—Обстоятельный анализъ проф. Фортинскаго таковъ. Титмаръ взялъ: II, 1—2 изъ II кн. Видукинда; II, 3 изъ II, 9—43; III, 4 изъ II, 44—49; III, 6 изъ 50—58; III, 9 изъ 66—72. Вмѣстѣ съ вѣрными фактами Видукинда, Титмаръ безъ всякаго стѣсненія беретъ его ошибочныя сообщенія. Лучшее доказательство—буквальный перечень покоренныхъ Генрихомъ племенъ, сообщаемый Видукиндомъ и Титмаромъ. Съ III книги идутъ Кведлинбургскіе анналы Въ IV—время Оттона III. Въ III и IV кн. лѣтописные пріемы, допускающіе погодное изложеніе не только того, что дѣйствительно важно, а всего того, что кажется таковымъ. Съ V книги самостоятельный разсказъ Титмара о времени Генриха II до 1002 года, VI—до 1014 года, VII—до 1017, въ VIII кн. 1017 и 1018 годы. Титмаръ типъ хорошаго средневѣковаго лѣтописца со всѣми его оригинальностями: онъ прежде всего суевѣренъ. Сновидѣнія, пророчества, чудеса всякаго рода—все это перемѣшано въ пестрой амальгамѣ. Его, невѣдомо кто, укоряетъ во

снѣ за всякую ошибку; его судьбу опредѣляютъ сны; трескъ дерева заставляетъ его ждать чьей либо смерти. «Такъ какъ всемогущій Богъ часто удостоиваетъ посѣщать и утѣшать слабыхъ людей, то слѣдуетъ устами и перомъ возвѣщать объ этомъ потомкамъ, дабы прославилось имя Божіе». Такова же обычная черта—иноческое самоуниженіе, напр. въ такихъ словахъ: «Я человѣкъ грѣшный; будучи небреженъ во всемъ, я чуждъ былъ добра и преуспѣвалъ во злѣ; позднѣе увидѣлъ я, что есть нѣчто лучшее». Это общее свойство средневѣковыхъ лѣтописцевъ. Особенное же значеніе Титмаръ имѣетъ для славянскаго міра. Онъ знаетъ всѣхъ славянъ: полабовъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ, т. е.—народы за Лабой. Титмаръ—одинъ изъ немногихъ западныхъ хроникеровъ, упоминающій о русскихъ. Онъ замѣчаетъ между прочимъ, что Болеславъ король польскій боролся съ русскими, потому что они помогали нѣмцамъ. Russi живутъ на границѣ Пруссіи и Польши; Кіевъ ихъ главный городъ; въ Кіевѣ насчитывается 400 церквей и 8 рынковъ. Титмаръ путается въ именахъ: жену Владиміра называетъ Еленой вмѣсто Анны. Болеславъ Храбрый, тесть Святополка, поссорившись съ Ярославомъ изъ за зятя, штурмуетъ и беретъ Кіевъ, добывая себѣ невѣсту, сестру Ярослава; Титмаръ не упоминаетъ, что послѣ всѣ поляки были перерѣзаны въ Кіевѣ. О братоубійствѣ Святополка Титмаръ ничего не знаетъ; онъ указываетъ, что всѣ три брата раздѣлили между собою владѣнія отца.

Гельмольдъ († 1176 г)

Послѣдователемъ Титмара былъ Гельмольдъ, жившій въ концѣ слѣдующаго столѣтія. Онъ былъ священникомъ въ Бозовѣ, на славянской почвѣ и видѣлъ распространеніе католичества въ славянскомъ мірѣ послѣ долгой борьбы (¹).

Тогда уже перестали бояться славянъ: они сами были предметомъ нападеній и терпѣли пораженія. Гельмольдъ выше Титмара, какъ писатель. Его языкъ чистый, изложеніе занимательное. Двѣ книги Chronicon Slavorum доведены до 1171 г. съ обращенія славянъ въ христіанство. Авторъ немецъ, но онъ непосредственно сосредоточился на славянскомъ мірѣ и изучаетъ его съ любовью. Онъ смотритъ на свой трудъ, какъ на дань Любекской церкви за ея благодѣянія, потому и описываетъ обращеніе славянскаго народа, «дабы изобразить, трудами какихъ государей и какихъ ревностныхъ проповѣдниковъ была первоначально насаждена христіанская вѣра и

(¹) Изд. Leibnitz (Scrp. II). Критика Lappenberg'a (Arch. VI, 544).

потомъ снова возстановлена». Онъ сознаетъ важность умственныхъ занятій. «*Если бы среди мрака этого міра не блисталъ лучъ науки, то все покрылось бы ночью.* Достойны порицанія тѣ, которые замкнули свои уста и предались скользкой суетѣ міра сего. При помощи Божіей я рѣшился описать вѣрно все, что случилось въ наше время или что я слышалъ отъ старожиловъ, или самъ видѣлъ, при чемъ поздніе годы должны быть описаны подробнѣе».

Козьма имѣетъ значеніе не столько въ исторіографіи германской, сколько въ исторіографіи славянской. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно сосредоточивается на чехахъ. Его сочиненіе, называемое «Три книги Богемской хроники», излагаетъ судьбы Чехіи и Моравіи за 1039—1092 г. Въ I книгѣ—общее обозрѣніе до времени старшаго Бретислава; во II—о замыслахъ старшаго Бретислава отмстить полякамъ за обиды, нанесенныя ими чехамъ, приведеніе ихъ замысловъ въ исполненіе, разрушеніе чехами Кракова и другихъ польскихъ городовъ и крѣпостей, эмиграція въ Чехію, вмѣшательство германскаго императора, который потребовалъ возвращенія полякамъ похищенныхъ сокровищъ, походы его на чеховъ въ союзѣ съ саксонскимъ герцогомъ, при чемъ сказалась тевтонская гордость въ слѣдующихъ словахъ императора:—«хотя бы чехи построили стѣны выше лѣса, хотя бы подняли башни до небесъ,—не спасутся; какъ напрасно бросается сѣть передъ глазами пернатыхъ, такъ нисколько не опасны для тевтоновъ засады чеховъ. Даже если бы они поднялись выше облаковъ и заключились между свѣтилами небесными, все это нисколько бы не помогло погибшему и несчастному народу». Такъ сказалъ цѣзарь и велѣлъ всѣмъ вмѣстѣ напасть на лѣсъ, а самъ, предшествуя имъ, взошелъ на высокую гору, находившуюся среди лѣса, и сидя тамъ на треножникѣ, говорилъ стоящимъ предъ нимъ вельможамъ всего государства: «въ этой долинѣ скрывается робкая толпа богемцевъ, какъ полевая мышь въ своей норѣ. Сраженіе не трудно будетъ для васъ... Спуститесь внизъ и враги сами разбѣгутся отъ страха, такъ какъ не могутъ вынести вашего нападенія. Идите, соколы, ловите боязливыхъ голубей; идите, какъ свирѣпые львы, какъ волки, которые, въ то время какъ вторгаются въ стада овецъ, не заботятся о числѣ, и если не всѣмъ стадомъ овецъ овладѣваютъ, то по крайней мѣрѣ умерщвленною добычею». Затѣмъ (I, 10) картинно слѣдующее

Козьма Пражскій (1045-1126 г.).

описаніе сраженія, напоминающее поэтическія мѣста нашего слова о полку Игоревѣ. «Блещутъ копья высокія какъ прозрачный лѣсъ, солнце сіяетъ на оружіи, отражаясь на зеленыхъ вѣтвяхъ лѣса и горныхъ вершинахъ. Войско сходитъ съ горы, но никого не находитъ,—здѣсь и тамъ стоятъ густые и непроницаемые лѣса, и, какъ обыкновенно бываетъ во всякомъ сраженіи,—задніе ряды невольно вгоняютъ передніе въ сраженіе,—такъ и теперь утомленные предводители по причинѣ напора заднихъ рядовъ принуждены перейти другую гору. По причинѣ нестерпимаго зноя и невыносимой жажды, языкъ прилипаетъ къ гортани, силы истощаются, самыя руки слабѣютъ, вырываются болѣзненные вздохи изъ груди; однако воины не смѣютъ остановиться. Иные бросили на щиты свои панцыри, другіе стоятъ, прислонившись къ деревьямъ, тщетно домогаясь призрачныхъ сокровищъ, иные занемогли, какъ бы обезглавленные, особенно тучные и непривычные къ пути въ пѣшемъ вооруженіи. Когда приблизились къ укрѣпленію, оттуда раздался крикъ; надъ лѣсомъ разстилался, подобно облакамъ, паръ, вышедшій изъ утомленныхъ тѣлъ тевтонскихъ воиновъ. Видя это, богемцы на короткое время замедлили, но тотчасъ, какъ только поняли, что у тѣхъ недостаетъ силъ, смѣло выскочили изъ укрѣпленія. Непобѣдимая сестра фортуны Беллона дала имъ смѣлость. О, счастливая фортуна! ты не всегда добрая, и теперь на нетвердой колесницѣ низвергаешь тевтоновъ въ преисподнюю. Вотъ желѣзныя копыта скачущихъ коней обезображиваютъ лица счастливыхъ мужей; конь своею ногою яростно сокрушаетъ животы и чресла, украшенные червлеными поясами, и растаскиваетъ внутренности, какъ и внѣшнюю перевязь голени. Такого пораженія не было ни отъ моровой язвы, ни отъ меча непріятельскаго. Между тѣмъ Цезарь сидитъ на вершинѣ горы, обманутый своими пророчествами и ожиданіемъ» (¹).

Несмотря на эту побѣду, дѣла чеховъ не поправились. Страна заплатила контрибуцію—прежнюю дань съ недоимками. Бретиславъ возвращаетъ Польшѣ отнятые у нея города съ обязательствомъ уплаты ему 500 марокъ серебромъ и 30 золотыхъ. Ему наслѣдуетъ Спитигнѣвъ, при которомъ были изгнаны всѣ

(¹) Изд. Pelzel et Dobrowsky (Serp. I, 1—282), Pertz (IX. 1—209). Критика у Палацкаго; Dümge и Mone (Pertz, Arch. I, 392).

иностранцы, а въ томъ числѣ его мать, аббатисса. Походъ въ Моравію, изгнаніе брата Бретислава, который послѣ сталъ его преемникомъ, правленіе Бретислава, борьба его съ княземъ и епископомъ Яроміромъ, стремленіе послѣдняго подчинить моравскую Церковь,—занимаетъ много мѣста. Свекровь примиряетъ братьевъ Бретислава и Конрада, который дѣлается королемъ, но править недолго; ему наслѣдуетъ Бретиславъ младшій. О самихъ чехахъ онъ говоритъ мало. На событія проведенъ клерикальный взглядъ во всѣхъ трехъ книгахъ; чудодѣйствія—любимый пріемъ толкованія. Темницы отмыкаются и узники освобождаются, благодаря заступничеству патроновъ Адальберта и Вячеслава, а раздоры членовъ горцогской фамиліи объясняются кознями діавола. Въ III книгѣ говорится о Бретиславѣ II младшемъ, какъ онъ выгналъ всѣхъ маговъ, гадателей и прорицателей, какъ во многихъ мѣстахъ срубилъ и сжегъ деревья и рощи, почитаемыя невѣжественнымъ народомъ. Поселяне, доселѣ полуязычники, на 3-й или 4-й день Троицыной недѣли, отправляли нѣкоторые суевѣрные обряды: совершали возліяніе надъ источниками, закалали животныхъ и приносили ихъ въ жертву демонамъ, «своихъ покойниковъ хоронили въ лѣсу и на полѣ по языческому обычаю, на перекресткѣ двухъ или трехъ дорогъ ставили пищу будто для подкрѣпленія душъ усопшихъ, въ честь своихъ умершихъ также упражнялись въ мірскихъ играхъ, при чемъ призывали тѣни покойниковъ и, надѣвши на себя маски, бражничали» (¹). Все это будто Бретиславъ прекратилъ навсегда (!).

Участіе чеховъ въ судьбахъ Священной Римской Имперіи, какъ составной части ея, видно изъ этой же главы подъ 1094 г. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе борьбы съ моравами. Прекрасно описана смерть Бретислава на охотѣ, борьба изъ за престола. Затѣмъ выведены Боривой польскій и Владиславъ чешскій, смертью котораго (1125 г.) кончается исторія Козьмы.

Мы наблюдали въ средневѣковой лѣтописи стремленіе сосредоточиться на исторіи какого либо одного народа и страны, но это стремленіе не носило въ себѣ еще національнаго смысла,—пока выражалось на латинскомъ языкѣ. Мы видѣли, какъ Гельмольдъ писалъ о славянахъ по-латыни съ нѣмецкой враждебной точки зрѣнія; затѣмъ Козьма, будучи славяниномъ, по-латыни же писалъ **Національная лѣтопись.**

(¹) Cosmas Pragensis. Chr. Boh. III, 1.

исторію чеховъ. Но могла ли послѣдняя пробудить патріотическія стремленія, если не была понятна читателю, не знавшему по-латыни? Замѣчательно, что съ упроченіемъ произведеній распространяется гражданское чувство и обратно; такимъ образомъ историческія творенія служатъ отраженіемъ политическаго и гражданскаго состоянія народа. Потому въ странахъ, гдѣ рано проявилась цивилизація съ извѣстной степенью государственнаго развитія, скорѣе возникаютъ попытки лѣтописи на родномъ языкѣ, въ свою очередь упрочивающія національное чувство. Такою страною была Италія. Но и здѣсь, до появленія итальянской лѣтописи, исторіографія является въ латинской формѣ, притомъ непремѣнно съ гражданскимъ характеромъ.

Каффаро (1030-1164 г.). Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ была лѣтопись Каффаро Генуэзскаго, современника нашего Нестора. Онъ былъ консуломъ въ своемъ родномъ городѣ около 1122 г. Еще юношей въ 1100 году онъ участвовалъ на генуэзскомъ кораблѣ въ крестовомъ походѣ и былъ при взятіи Кесаріи въ Палестинѣ. Если генуэзцы давали свои корабли крестоносцамъ, то съ прямымъ разсчетомъ получить непосредственныя выгоды отъ перевозки, а вмѣстѣ съ тѣмъ завести прямыя торговыя сношенія. Тогда ихъ флотъ плавалъ до Чернаго и Азовскаго моря, гдѣ издавна были генуэзскія колоніи, послужившія предметомъ весьма важныхъ изслѣдованій позднѣйшаго времени. Послѣ перваго крестоваго похода генуэзское правительство поручило Каффаро изобразить его путешествіе на латинскомъ языкѣ, который былъ оффиціальнымъ въ сенатѣ и на которомъ велись тогда протоколы и составлялись акты. Каффаро описалъ событія 1100—1163 г. въ Annales Genuenses. Это и есть первая книга этихъ лѣтописей, — произведенія весьма важнаго и содержательнаго ([1]). Слѣдующія книги отвѣтственно продолжали: Obertus, Ottobanus Ogerius, Marchisius, Bartholomeus, Pignolus, Guercius, Jacobus de Auria и другіе, всего 10 книгъ до 1293 г. Это типъ государственной лѣтописи. Авторъ, написавши ее, сознаетъ высокое значеніе своего города, видитъ патріотическій завѣтъ и призваніе Генуи въ защитѣ всего моря между устьемъ Роны и Барцелоной, которая принадлежала также генуэзцамъ. Вездѣ слышенъ гордый римскій тонъ; горделивое сознаніе превосходства,

([1]) Muratori; VI, 247—610; Pertz. Mon XVIII. Отдѣльное изданіе Canale въ Миланѣ 1862 года.

здравый смыслъ и практическій взглядъ на вещи, качества вообще свойственныя итальянскимъ историческимъ произведеніямъ,—присущи и труду Каффаро. Каждый городъ имѣлъ свою лѣтопись, потому что имѣлъ особую политическую жизнь, но видная роль Генуи требовала соотвѣтственнаго подъема таланта у историка.

Эти оффиціальныя исторіи городовъ писаны по латыни. Первая вполнѣ національная попытка сказалась на Югѣ, въ тогдашнемъ королевствѣ обѣихъ Сицилій, въ хроникѣ Spinelli, относящейся ко 2-й половинѣ XIII вѣка и о которой будемъ говорить послѣ. Еще ранѣе того опытъ національной исторіи наблюдаемъ въ хроникѣ Geoffroy de Villehardouin: Histoire de Constantinople sous les empereurs français ([1]). Это произведеніе большой исторической важности. Вильгардуэнъ былъ участникомъ VI крестоваго похода, который такъ горько обманулъ ожиданія благочестивыхъ людей въ Европѣ, ознаменовавъ собою подрывъ вѣрованій и ослабленіе энтузіазма крестоносцевъ. Собравъ сколько можно было крестоносцевъ, французскихъ и итальянскихъ, ихъ вожди, направляемые частью дожемъ Венеціи Дандоло, заставили воиновъ дѣйствовать во имя совсѣмъ другихъ интересовъ, чуждыхъ прямой цѣли похода. Ихъ обратили «въ ребятъ, надъ которыми посмѣялись», но которые однако продолжали наивно думать, что они служатъ святому дѣлу. Совершился дерзкій обманъ; грековъ съ ихъ православіемъ выдаютъ за болѣе нечестивыхъ, чѣмъ были сами мусульмане. Когда требовалось взять Византію, какъ легкую добычу, раздираемую междоусобіями ея властителей, дожъ и само котолическое духовенство выставляли византійцевъ не врагами Венеціи, а еретиками и врагами всего Запада. Этимъ прониклись даже такіе сравнительно культурные люди, къ числу которыхъ принадлежалъ Вильгардуэнъ. Своей французской лѣтописью,—древнѣйшимъ памятникомъ романской письменности валлонскаго языка,—на которомъ лишь незадолго ранѣе появились стихотворныя произведенія, Вильгардуэнъ и его продолжатель Henry de Valenciennes, вѣрно изображаютъ картину феодальныхъ отношеній вообще за 1198—1205 годы и попытки водворить западныя военныя формы

Вильгардуэнъ (1203 г.).

([1]) Poujoulat, Par. 1585, Lyon 1601, Par. 1657. Bouquet, XVIII; лучшее изданіе съ обширными примѣчаніями, переводомъ—Natalis de Wailly (P. 2 éd. 1874).—А. И. Кирпичниковъ. Ист. Ср. лит. 901.

на Востокѣ. Вильгардуэнъ весьма одностороненъ; онъ не смотрѣлъ дальше своего времени, ничего новаго онъ не вноситъ, но его наивность имѣетъ особую цѣну. Онъ не скрываетъ венеціанскихъ хитростей, видитъ интригу насквозь, но изъ сильнаго недовѣрія къ грекамъ относится къ нимъ ничѣмъ не лучше какъ къ мусульманамъ, до которыхъ ему не удалось добраться. По завоеваніи Восточной Имперіи, Вильгардуэнъ получилъ себѣ удѣлъ, какъ и всѣ другіе въ Мореѣ. Имъ начинается національная исторіографія. Его примѣръ нашелъ живую поддержку черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Неаполѣ и во Франціи; затѣмъ эти примѣры станутъ повторяться чаще.

Спинелли (1230—70 г.). Матвѣй Спинелли — Diurnali di messer Matteo Spinello di Giovenazzo dell'anno 1247—1268 (1) —написалъ замѣтки о послѣднихъ Гогенштауфенахъ въ Италіи, о борьбѣ Фридриха II съ папою Иннокентіемъ IV, о несчастномъ Манфредѣ, объ его борьбѣ съ Карломъ Анжуйскимъ, о побѣдѣ послѣдняго при Беневенто.

Неаполитанскія событія были важны по своему европейскому значенію. Онѣ сказались въ исторіи Европы. Необходимо помнить, какую роль вообще играло королевство Обѣихъ Сицилій своимъ государственнымъ строемъ. Здѣсь рано водворилась монархія; Фридрихъ II развилъ ея силы, и его вліяніе въ Европѣ было несомнѣнно обширно, такъ что строго абсолютныя формы неограниченнаго короля могли быть водворенными въ имперіи. На родномъ языкѣ Спинелли свободнѣе высказываетъ свои взгляды, чѣмъ другой на латинскомъ; но это даже не итальянскій языкъ, а неаполитанское старое нарѣчіе. Потому сочиненіе имѣло популярность въ народѣ.

Жуанвилль (1224-1319 г). Тогда же сражался въ Египтѣ вмѣстѣ съ Луи IX его другъ и рыцарь Жуанвилль, описавшій жизнь святаго короля въ Histoire de S. Louys IX du nom, roy de France (2). Это капитальное произведеніе среднихъ вѣковъ. Здѣсь исторія двухъ походовъ Луи IX на Востокъ; въ одномъ былъ плѣненъ несчастный король, въ другомъ умеръ. Но важно не описаніе, хотя оно отли-

(1) Muratori; VII, 1055—1108.

(2) Perre de Rieux, Poictiers. 1546—1561. Bouquet, XX; всего 23 изданія; лучшее Natalis de Wailly, (P. 1874 2 éd.) съ рисунками, словаремъ, примѣчаніями, картами, объяснительными статьями. Критика: Sepet. Analyse de Joinville. P. 1874, 2 éd.

чается даже поэтическими достоинствами. Жуанвилль типъ своего времени. Вся эпоха, въ которую завершился расцвѣтъ среднихъ вѣковъ, возстаетъ передъ нами. Жуанвилль, происходившій изъ одной знатной фамиліи въ Шампаньи, относился къ современному клерикальному міру съ несочувствіемъ, которое мало по малу перешло въ апатію, насмѣшку, даже издѣвательство надъ церковными идеалами. Надо замѣтить, что Жуанвилль получилъ воспитаніе при дворѣ Тибо, графа Шампанскаго, котораго часто навѣщали провансальскіе трубадуры, пѣвшіе канцоны и сирвенты, направленныя противъ католическаго духовенства. Это одно должно было поколебать Жуанвилля. Здѣсь онъ заразился скептицизмомъ, который видѣнъ въ его исторіи и знаменуетъ настававшую тогда перемѣну въ міровоззрѣніи. Жуанвилль не разъ препирался съ докторами Сорбонны и смущалъ своимъ легкомысліемъ благочестиваго короля. Разъ шелъ разговоръ между королемъ и Жуанвиллемъ на тему о томъ, что ужаснѣе: совершить ли смертный грѣхъ или перенести проказу... «Я, иронизируетъ Жуанвилль, сказалъ, что готовъ бы совершить десятокъ смертныхъ грѣховъ, чѣмъ заболѣть проказой».—«Нѣтъ такой проказы, обиженно замѣтилъ король, которая бы сравнялась съ однимъ смертнымъ грѣхомъ».

Въ 1245 году заговорили о крестовомъ походѣ, Жуанвилль былъ уже женатъ, хотя еще очень молодъ. Онъ сталъ собирать своихъ слугъ и вассаловъ въ помощь королю, замѣчая, что дѣлаетъ это не изъ желанія помогать пилигримамъ, а по долгу вѣрности королю. «Не благородно сидѣть рыцарю дома, когда король собирается на войну за общее дѣло». И онъ собрался, заказавъ аббату отслужить за него панихиду на всякій случай. Жуанвилль остритъ надъ своимъ положеніемъ и улыбка не покидаетъ этого веселаго рыцаря при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли высшей степени и христіане готовились къ смерти, Жуанвилль простодушно сознается, что не могъ вспомнить ни одного грѣха, когда хотѣлъ принести покаяніе. Напуганный неудачей перваго похода, Жуанвилль не пошелъ во второй. Въ 1315 году, незадолго до своей смерти, уже написавъ свои записки, онъ поднялъ оружіе противъ правительства за налоги, назначенные на рыцарей. Онъ не примирялся къ требованіями государственнаго порядка, отличался свободнымъ взглядомъ на вопросы вѣры и на идеи морали. Его исторію сравниваютъ съ

Музами Геродота. На это есть основанія. Спокойный, наивный стиль напоминаетъ античные пріемы, а поэтическое оду-шевленіе придаетъ занимательность этому несомнѣнно блестящему произведенію средневѣковой исторіографіи.

Матвѣй Парижскій († 1259 г.).

Если съ развитіемъ средневѣковой исторіографіи являлись произведенія, имѣвшія цѣлью сосредоточиться на изученіи одной страны и одного племени съ исключительнымъ характеромъ, то были въ числѣ ихъ такіе весьма важные историческіе труды, которые, подъ предлогомъ исторіи одной страны, обозрѣвали историческую жизнь всей западной и даже восточной Европы. Это обусловливалось положеніемъ тогдашняго политическаго міра. Съ закрѣпленіемъ папской власти образовался центръ, вокругъ котораго стала вращаться средневѣковая исторія, что давало ей особый, весьма оригинальный характеръ и содержаніе. Теократія и корпоративность — двѣ характерныя черты ея. Въ половинѣ XIII ст. совершилось въ высшей степени важное явленіе въ исторіи среднихъ вѣковъ. Рѣшительная побѣда теократическаго начала надъ свѣтской властью была вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіемъ нарушенія правильнаго равновѣсія средневѣковой жизни. Послѣ гегемоніи Иннокентія III, еще могла развиваться папская сила, питаясь борьбой съ имперіей, но когда Иннокентій IV сокрушилъ домъ Гогенштауфеновъ, когда Фридрихъ II призналъ себя побѣжденнымъ, а Манфредъ и Конрадинъ погибли въ безплодной борьбѣ,—папское могущество, дойдя до апогея, стало злоупотреблять своимъ блестящимъ положеніемъ, потеряло авторитетъ, придававшій ему обаяніе и стало клониться къ паденію. Оно не могло удержаться на своей высшей точкѣ; оно могло рости или падать. Такъ какъ дальше идти было нельзя, то оно пало—и это паденіе совершалось съ страшной быстротой. Сила, которую, казалось, ничто не могло сокрушить, послѣ прежняго обаянія, даже была опозорена, унижена въ глазахъ толпы и общественнаго мнѣнія Запада, когда разыгралась трагическая исторія Бонифація VIII.

1250 годъ высшая точка папскаго могущества.

Вся исторія второй половины XIII в. есть эпоха постепеннаго, хотя мало замѣтнаго паденія папства. Но до 1250 г. папство жило богатою историческою жизнью. Ее могъ близко наблюдать историкъ, на которомъ мы должны остановить наше вниманіе. Это былъ монахъ

Матвѣй Парижскій, по имени университета, въ которомъ онъ учился. Онъ былъ родомъ изъ Англіи, но духовное образованіе сдѣлало его космополитомъ Сами современники затрудняются опредѣлить, былъ ли онъ по происхожденію изъ англичанъ, французовъ или ирландцевъ; это и не важно. Въ 1217 г. онъ, послѣ пребыванія въ Парижѣ, еще будучи студентомъ, былъ посвященъ въ иночество въ монастырѣ Сантъ-Альбано, гдѣ продолжалъ заниматься наукой, обращая на себя вниманіе ученостью, искусствомъ каллиграфіи и рисованія, что тогда имѣло особое значеніе и безъ чего нельзя было приступить къ письменной работѣ. Въ 1235 году скончался исторіографъ монастыря, Рожеръ Вендоверъ. Обязанность исторіографа была почетною и ввѣрялась съ строгимъ разборомъ. Не смотря на молодые годы, Матвѣй получилъ приказаніе продолжать Рожера. Такимъ образомъ его трудъ есть часть общей хроники, которая составлялась въ Сантъ-Альбанскомъ монастырѣ, взявшемъ на себя роль исторіографа Англіи ([1]).

Первымъ началъ ее Рожеръ Вендоверъ изъ Нормандіи (изъ мѣстечка Vandoeuvre), по мнѣнію Ватса, прозванный такъ отъ англійскаго произношенія города того же имени близь Оксфорда. Онъ исполнялъ весьма важныя обязанности по управленію окрестными монастырями и за взяточничество былъ удаленъ въ 1216 г., хотя считался историкомъ монастыря. Прежде думали, что онъ довелъ свой трудъ до 1234 г., начавъ съ сотворенія міра. Но по рукописи С. Альбанскаго монастыря заключаютъ, что онъ писалъ только до 1186 г., ибо съ 1190 г. идетъ другая рука. Вѣроятно, впавъ въ немилость, Рожеръ не успѣлъ и не хотѣлъ докончить своего труда, такъ что работа его преемника началась съ 1216 г., хотя Рожеръ значительную часть своего труда составилъ компилятивно изъ Маріана Скота, Сигиберта, Гемблаха, Гуго, С. Виктора. Онъ передаетъ событія послѣ смерти Эдуарда Исповѣдника, норманское завоеваніе, время Вильгельма I и II. Говоря о крестовомъ походѣ Вильгельма Рыжаго, авторъ даетъ интересные факты для времени крестовыхъ походовъ. Вездѣ сообщаются подробности изъ исторіи Европы и съ особеннымъ вниманіемъ о папствѣ и Церкви. Рожеръ

([1]) Hist. major Angliae, seu chronicon ab anno 1066—1259, cum continuatione W. Rishangeri usque ad a. 1273, Parker. Lond. 1571, Wats. L. 1640, P. 1644; фр. пер. и критика: Huillard-Bréholles, (Par. 1840, 9 томовъ).

ратуетъ противъ Генриха II за Ѳому Бекета. Для Іоанна Безземельнаго его хроника существенно важна. Матвѣй Парижскій, вновь переписывая и продолжая Вендовера, съ 1066 или вѣрнѣе съ 1216 г. вносить въ нихъ повѣствовательный элементъ, исполненный интереса. Литературная отдѣлка имѣла для него большое значеніе, но кромѣ того онъ хотѣлъ установить самое понятіе и значеніе исторіи. Только у него во всей средневѣковой исторіографіи находимъ настоящія опредѣленныя цѣли изученія исторіи. «Въ началѣ этой хронографіи или описанія времени, я считалъ долгомъ сначала отвѣтить тѣмъ завистливымъ порицателямъ, которые смотрятъ на мой трудъ, какъ на безполезный; затѣмъ для тѣхъ, которые вниманіемъ своимъ почтятъ эту исторію, я изъяснюсь въ немногихъ словахъ. Безсмысленные (mali) люди любятъ толковать: какая надобность предавать письму жизнь и смерть людей, а равно различныя происшествія, которыя происходятъ на свѣтѣ? Какая надобность описывать и предавать памяти потомства такое множество разнообразныхъ дѣяній? Такъ пусть они выслушаютъ, что имъ отвѣтитъ философъ. Природа вложила въ сердце каждаго человѣка желаніе знанія. Человѣкъ безъ образованія, безъ воспоминанія о совершившихся событіяхъ, впадаетъ въ ту тупость, какая свойственна животнымъ. Его прозябаніе можно уподобить положенію человѣка за живо погребеннаго. Если вы забудете и презрите тѣхъ, которые умерли давно и оставили васъ, то кто вспомнитъ о васъ самихъ? Развѣ не къ тѣмъ относится проклятіе въ Писаніи? Память о справедливомъ не погибнетъ; его имя вѣчно будетъ воздыматься къ небу, напутствуемое общими благословеніями; имя же несправедливаго, безчестнаго, напротивъ, будетъ сопряжено съ проклятіемъ и порицаніями. Жить, избѣгая примѣра злыхъ, слѣдуя шагъ за шагомъ примѣру добрыхъ, о которыхъ я хочу писать свою исторію,—вотъ истинный результатъ книгъ, вотъ вѣрное изображеніе обязанностей человѣка».—Ветхій завѣтъ, по мнѣнію хроникера, имѣетъ цѣлью внушать отвращеніе къ злымъ и побудить слѣдовать примѣру добрыхъ. Тоже дѣлаетъ Іосифъ Киприанъ, Евсевій Кессарійскій, Бэда, Просперъ Аквитанскій, Маріанъ Скотъ, Сигизбертъ Гемблахскій. Свой разсказъ Матвѣй начинаетъ съ Вильгельма Завоевателя, но это цѣликомъ переписано изъ Вендовера. Такъ идетъ до 1217 года; здѣсь съ каждымъ годомъ разсказъ пространнѣе. Совершаются событія огромной важности и въ Англіи и

въ Европѣ. Хартія, исторгнутая баронами изъ рукъ Іоанна Безземельнаго, повела къ основанію конституціоннаго строя Англіи, къ возстанію бароновъ подъ предводительствомъ Симона Монфора, графа Лейстера, къ союзу ихъ съ горожанами, которыхъ они пригласили въ свой совѣтъ, къ побѣдѣ надъ королемъ. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ ростетъ обаяніе папской силы. Римскій первосвященникъ—царь надъ царями. Это было время Фридриха II, которое основательно изучается по хроникѣ Матвѣя. Сверхъ того англійскій историкъ дополняетъ другихъ хроникеровъ для исторіи шестаго крестоваго похода. Исторія всѣхъ народовъ на Западѣ была тогда взаимно связана подъ папской эгидой; потому Матвѣй переходитъ изъ одной страны въ другую. Напъ авторъ,—поборникъ теократіи, но отъ него не ускользнуло извращеніе принциповъ Западной Церкви. Онъ близко можетъ наблюдать положеніе куріи, потому что бывалъ въ посольствахъ. Свои взгляды онъ выразилъ въ рядѣ легендъ. Еще по поводу правленія Стефана Блоа онъ записалъ сказаніе о колодезѣ св. Патрика, изъ котораго одинъ ирландскій витязь проникнулъ въ чистилище и рай. Это также вошло въ провансальскіе романы: Гринъ Несчастный, Сновидѣніе Рауля Гудана и въ Сокровищницу Брунето Латини, откуда Данте, какъ полагаютъ нѣкоторые критики, взялъ свой сюжетъ. Особенно характерна слѣдующая легенда, которой кончаетъ Матвѣй свой трудъ и которая рисуетъ его время. «На небѣ, на великолѣпномъ тронѣ, во всемъ своемъ величіи, сидитъ Господь; вправо отъ Него стоитъ Пресвятая Дѣва, его мать. Влѣво прекрасная женщина, тѣло ея роскошно, строгое лицо внушаетъ уваженіе. Руки Господа простерты впередъ; въ лѣвой онъ держитъ нѣчто въ родѣ храма и на лицевой его сторонѣ золотыми буквами написано: ecclesia. На судъ божественнаго величія предсталъ папа Иннокентій IV. На колѣняхъ со сложенными руками распростерся папа и проситъ милости, а не суда. Благородная дама, стоявшая по лѣвую сторону отъ Господа, выступаетъ и говоритъ: Всеправедный Судья! учини судъ праведный. Я обвиняю раба Твоего въ трехъ преступленіяхъ: во первыхъ, когда Ты учредилъ на землѣ Церковь, Ты даровалъ ей особыя вольности; онъ же сдѣлалъ изъ Церкви позорную рабу. Во вторыхъ, Церковь основана ради спасенія грѣшныхъ, т. е. ради спасенія души несчастнаго, онъ же обратилъ церковь въ мѣняльную лавку. Въ третьихъ, Церковь основана на прочной вѣрѣ,

справедливости, истинѣ, онъ же поколебалъ нравы и вѣру, уничтожилъ справедливость, затемнилъ истину. Учини же судъ праведный на мои обвиненія». Тогда сказалъ Господь: «Ступай и по заслугамъ твоимъ получи воздаяніе». И папа получилъ ([1]).

Такъ хроникеръ С. Альбанскаго монастыря кончаетъ свое обширное и замѣчательное произведеніе.

Лѣтописцы крестовыхъ походовъ.

Великія событія, совершившіяся въ средніе вѣка, охватывающія своимъ содержаніемъ весь Западъ, близко касавшіяся всякой національности, одинаково увлекавшія всѣхъ, безъ различія сословій, должны были имѣть своихъ историковъ. То были крестовые походы. Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда на Западѣ былъ чуждъ этого рыцарскаго благороднаго движенія, этого святаго чувства, которое рѣдко проявляется въ исторіи, освѣжая жизнь, дѣлая ее болѣе возвышенной, заставляя всѣхъ служить идеаламъ? Этотъ проблескъ духа особенно важенъ былъ тогда, когда все опустилось нравственно, все шло къ разложенію, когда всякій сильный считалъ себя господиномъ, когда кромѣ Церкви некому и негдѣ было искать защиты. И вотъ, вмѣсто культа силы, вмѣсто поклоненія ей, къ чему общество давно привыкло и въ чемъ оно было воспитано, ему выставляютъ на видъ служеніе имени Христа, его призываютъ къ самопожертвованію за Христа, при чемъ сеньоръ приравнивается къ вассалу, герцогъ къ пилигриму. Передъ однимъ изъ пилигримовъ склонился папа. Прежде рыцарь, сражаясь за женщину, поступалъ такъ не ради личныхъ соображеній; теперь онъ хочетъ освободить гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ также не для себя, не для своего короля, а только ради Христова имени. И тутъ и тамъ идеалъ отвлеченный, во имя котораго люди добровольно идутъ на смерть. И всѣ шли поголовно: remanent nunc solae viduae vivis viris, говоритъ лѣтописецъ объ этихъ годахъ энтузіазма. Современникамъ казалось, что Западъ пошелъ на Востокъ; это было валовое движеніе, направляемое тѣмъ стадообразнымъ инстинктомъ, который иногда даетъ себя чувствовать въ исторіи, создавая цѣлыя историческія эпохи. Что такое энтузіазмъ, какъ не увлеченіе примѣромъ другихъ, дѣйствующихъ впереди, подвиги которыхъ увлекаютъ и заставляютъ подражать?

([1]) Приведено у В. А. Бильбасова. Крестовый походъ императора Фридриха II (Пет. 1863, стр. 168).

Такое грандіозное движеніе должно было создать достойныхъ себя историковъ. Они появились тогда, когда крестовое движеніе стало особенно энергичнымъ, когда съ нимъ освоились, когда было достаточно времени его осмыслить. Первый походъ былъ записанъ лѣтописцами лишь оффиціально, какъ фактъ войны, смыслъ которой было трудно опредѣлить, ибо явленіе еще не обозначилось.

Вильгельмъ Тирскій († 1188).

Первый трудъ непосредственно о крестовыхъ походахъ принадлежитъ Вильгельму Тирскому—Belli sacri historia, l. XXIII [1]. Онъ говоритъ о времени между 1100 и 1184 годами. Вильгельмъ писалъ свою исторію еще въ концѣ XII вѣка. Мы не знаемъ съ точностью года его рожденія и смерти; намъ неизвѣстно даже къ какой націи онъ принадлежалъ: и нѣмцы и французы считали его одинаково своимъ. Онъ родился въ Палестинѣ, слѣдовательно, принадлежалъ вполнѣ къ тому поколѣнію, которое считало Св. Землю также своею, какъ у себя дома каждый французъ, англичанинъ, или нѣмецъ—свою родину. Въ молодости Вильгельмъ ѣздилъ учиться на Западъ. Вернувшись, онъ пріобрѣлъ расположеніе короля Амальрика, а вмѣстѣ съ тѣмъ званіе архидіакона въ г. Тирѣ. Онъ получилъ даже миссію въ Константинополь. Онъ былъ воспитателемъ наслѣдника престола, Балдуина, при которомъ сдѣлался первымъ лицомъ и канцлеромъ, а съ 1174 г. архіепископомъ Тирскимъ. Онъ засѣдалъ на Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ въ 1177 г., потомъ велъ переговоры съ Византійскимъ правительствомъ. Онъ былъ близокъ къ государственнымъ дѣламъ, много зналъ и видѣлъ, слѣдовательно, стоялъ вполнѣ на высотѣ положенія. Когда въ 1188 году Саладинъ взялъ Іерусалимъ, христіанство пришло въ смятеніе не только въ Палестинѣ, но вездѣ на Западѣ. Надо было готовиться отстаивать то, что было взято съ такимъ трудомъ Стали дѣйствовать на короля; Вильгельмъ тогда поѣхалъ проповѣдывать крестовый походъ Филиппу Августу и Ричарду Львиному Сердцу (1188). Неизвѣстно, гдѣ онъ умеръ,—въ Европѣ или Палестинѣ; онъ жилъ до 1193 года. Положеніе въ качествѣ приближеннаго

---

(1) Изд. Poyssenot въ Базелѣ 1549. Bongars—Gesta Dei per Francos; 625—1044 и новѣйшее въ Recueil des hist. des Croisades 2 v., 1841 44. Старый фр. переводъ носитъ заглавіе: L'Estoire de Eracles Empereur et la conquest de la terre d'Outremer, c'est la translation de l'Estoire de Guillaume arcevesque de Sur..

лица къ королю Амальрику налагало на него извѣстныя обязательства. Онъ долженъ былъ, по его порученію, изобразить мѣстную исторію—Historia rerum in partibus transmarimis gestarum a tempore successorum Mahometi usque ad 1184. Послѣ она стала называться въ рукописи: Belli sacri historia. Такимъ образомъ, Вильгельмъ впервые далъ крестовой войнѣ именованіе: «священной». Этотъ громадный трудъ составилъ его славу; другое сочиненіе, касавшееся мусульманской исторіи до 1184 года, до насъ не дошло. Это былъ добросовѣстный историкъ, хорошо писавшій, владѣвшій свободно латынью. Только съ XVI книги онъ пишетъ, какъ очевидецъ; ранѣе онъ собираетъ письменныя свѣдѣнія, историческіе источники, сказанія. Ему-то мы и обязаны сохраненіемъ свѣдѣній объ этомъ безпримѣрномъ движеніи. Онъ рисуетъ положеніе Палестины до появленія крестоносцевъ, приготовленіе къ войнѣ и подробно излагаетъ обстоятельства перваго крестоваго похода Вотъ что онъ самъ говоритъ объ обязанностяхъ историка:—«Любовь къ отечеству, за которое каждый человѣкъ долженъ жертвовать жизнью, эта любовь требуетъ отъ насъ, что бы мы не допустили предать забвенію то, что у насъ совершилось въ послѣдніе 100 лѣтъ». Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышаясь надъ тогдашними хроникерами, придаетъ особое значеніе изложенію. «Не надо скрывать дурнаго, не надо льстить, но есть еще одна и даже болѣе ужасная опасность, которой должно избѣгать всѣми силами всѣмъ пишущимъ исторію, а именно: они обязаны не допускать, чтобы сухость рѣчи и бѣдность содержанія унизили достоинство дѣяній. Слово должно соотвѣтствовать дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, а языкъ писателя не долженъ отставать отъ возвышеннаго предмета. Потому слѣдуетъ сильно опасаться, чтобы богатство содержанія не утратило чего отъ скудости изложенія, и чтобы неумѣнье разсказчика не сдѣлало ничтожнымъ и вялымъ того, что само по себѣ было важно и полновѣсно». Вильгельмъ говоритъ, что писалъ по однимъ преданіямъ, за исключеніемъ немногаго видѣннаго имъ самимъ. Сначала читаемъ объясненіе, какъ эти страны подпали рабству и по какому случаю западные князья возложили на себя бремя пилигримства. Исторія мусульманъ довольно подробно была изложена въ особомъ сочиненіи. Здѣсь же только рефератъ изъ него въ первыхъ 10 главахъ, гдѣ говорится и о Гарунѣ ар-Рашилѣ. «400 лѣтъ оставаясь подъ игомъ мусульманъ, Іерусалимъ походилъ на больнаго, который то задыхался, то вады-

халъ свободно, смотря по состоянію погоды». Таково же было бѣдственное состояніе всего Запада, гдѣ царили насилія и убійства. «Небесныя и земныя знаменія раздраженнаго божества не могли остановить людей, устремленныхъ ко злу; повсюду царили чума и горесть; небо грозило, потрясалась земля». Время Амальрика описано особенно подробно. У него видимъ уже поворотъ къ иному взгляду на мусульманъ, которыхъ онъ считаетъ честными, рыцарствующими, великодушными.

Съ 1184 года продолжалъ Вильгельма Тирскаго другой писатель, Бернаръ, состоявшій казначеемъ (thesaurarius) Фридриха II. Онъ переписалъ или точнѣе перевелъ періодъ 1096—1184 г. «L'estoire de la conqueste de la terre d'Outremer». Эта хроника написана на старо-французскомъ языкѣ. Онъ довелъ ее до 1250 г.; продолжатели довели до 1275 года ([1]). Авторъ разсказываетъ о III крестовомъ походѣ, о попыткѣ крестоносцевъ овладѣть Египтомъ, о походѣ Фридриха II. Въ XIV вѣкѣ болонскій монахъ Франческо Пипино перевелъ Бернара. Этотъ переводъ считался долго за подлинникъ и Муратори издалъ его въ VII томѣ своего сборника лѣтописей. Въ 1729 году отецъ Мартэнъ нашелъ старо-французскій оригиналъ и, отбросивъ введеніе, издалъ въ трехъ книгахъ. Цѣль Бернара дать трудъ, который послужилъ бы примѣромъ для того, кто сражается подъ знаменемъ Христа, былъ полезенъ для утвержденія вѣры, преобразованія нравовъ, опроверженія невѣрныхъ, замѣшательства нечестивыхъ; воздать хвалу добрымъ и побудить другихъ слѣдовать по его стопамъ. Затѣмъ, у Бернара есть взгляды на причины событій. Паденіе нравовъ палестинскихъ побѣдителей ведетъ ихъ къ политичекой гибели, совершившійся въ 1187 году. Здѣсь Бернаръ не щадитъ красокъ, которыя потому имѣютъ мало значенія. «Адъ распахнулся широко. Помыслы этихъ нечестивыхъ злобны во всякое время; они извратили всѣ пути на землѣ. Всякая добродѣтель и всякое благочестіе исчезли. Всѣ были увлечены въ пропасть и хаосъ; въ нихъ не было ничего святаго, отъ головы до ногъ. Каковъ былъ народъ, таковы были священники». Онъ невольно поддается обаянію мусульманской цивилизаціи; онъ сочувствуетъ Саладину,

Бернаръ казначей († 1240 г?).

([1]) Изданіе Martène et Durand. Recueil des historiens des Croisades. P. 1859. пер. Guizot. XVI—XIX. 1824.

говоритъ о его гуманности послѣ взятія Іерусалима 2 октября 1187 года. «Никто не слыхалъ, увѣряетъ онъ, чтобы христіанамъ было сдѣлано насиліе. Всѣхъ бѣдныхъ онъ отпустилъ безъ выкупа, осмотрѣвъ предварительно, нѣтъ ли между ними зажиточныхъ». Изъ его изложенія между прочимъ оказывается, что христіане были болѣе жестоки, что въ нихъ было менѣе рыцарскаго духа. Бернаръ высказалъ это противъ своей воли; живой языкъ давалъ бóльшій просторъ изложенію и не сдерживалъ порывовъ автора. Между тѣмъ это заявленіе для насъ болѣе цѣнно, чѣмъ цѣлые дневники и лѣтописи. Въ этой исторіи видимъ, какъ національная исторіографія занимаетъ принадлежащее ей мѣсто. Она стремится вытѣснить латинскую лѣтопись; но это окончательно совершится еще не такъ скоро.

Яковъ Витрійскій (1182-1244 г.).

Если у Вильгельма Тирскаго и Бернара Казначея наблюдаемъ стремленіе средневѣковаго общества къ критическимъ пріемамъ, осужденіе дѣйствій и системы христіанъ, сравненіе съ мусульманами, для нихъ столь не выгодное,—то въ этомъ нельзя не видѣть благопріятнаго поворота въ развитіи средневѣковой исторіографіи. Этотъ успѣхъ въ критикѣ вызванъ скептицизмомъ. Общество въ лицѣ своихъ историковъ произноситъ себѣ судъ, добровольно идетъ на невыгодное сравненіе. Таковъ былъ Яковъ, родомъ изъ Витріи (около Парижа), писавшій по латыни. Онъ былъ извѣстенъ, какъ энергичный проповѣдникъ противъ альбигойской ереси. Это обратило на него вниманіе Иннокентія III, который назначилъ его епископомъ въ Аккону. На новомъ посту, онъ проявилъ ту же дѣятельность: онъ былъ и воиномъ, и пастыремъ, и проповѣдникомъ, онъ рѣшился описать все имъ видѣнное въ сочиненіи «Три книги восточной исторіи» съ 622 г. до взятія Даміетты въ 1219 г. вмѣстѣ съ исторіею V крестоваго похода. Но главное содержаніе этого труда касается нравственнаго состоянія западнаго общества и положенія дѣлъ на Востокѣ, преимущественно въ Палестинѣ. Онъ пользовался восточными историками. Любимый конекъ его, о чемъ онъ самъ говоритъ, порицаніе пороковъ. Цѣль, которой онъ задался, излагается въ прологѣ:—«Въ наше время не нашлось никого, или, напротивъ, нашлось очень мало людей, которые предприняли бы разсказать и описать битвы, славныя побѣды и дивныя дѣла Царя Небеснаго во славу и хвалу Его. Въ наши дни Господь совер-

шилъ великія дѣянія, достойныя прославленія и памяти людей, въ Испаніи противъ мавровъ, въ Провансѣ противъ альбигойцевъ, въ Греціи противъ отщепенцевъ, въ Египтѣ противъ сарацинъ, въ отдаленныхъ странахъ Востока противъ персовъ, ассиріянъ, халдеевъ, турокъ. Въ I книгѣ, очертивъ вкратцѣ судьбы Іерусалима, я излагаю подробно дѣла Господа, которыя онъ сподобилъ совершить въ своемъ милосердіи къ намъ. Я описалъ жизнь жителей города и тѣхъ мѣстностей, о которыхъ чаще всего упоминается. Мнѣ казалось это необходимымъ для бóльшаго разумѣнія обстоятельствъ, которыя въ нихъ излагаются; а чтобы еще болѣе расширить мой трудъ, я присоединилъ подробности о многочисленныхъ и различныхъ особенностяхъ этой земли. Во II книгѣ, обозрѣвъ бѣгло исторію новѣйшихъ обитателей Востока, я перешелъ къ разсказу о дѣлахъ, которыя совершилъ Господь въ наши дни въ странахъ западныхъ; я описалъ главнымъ образомъ различныя ордена какъ свѣтскія такъ и духовныя, а въ концѣ книги изложилъ подробное разсужденіе о порядкѣ и обязанностяхъ крестоносцевъ и пользѣ ихъ пилигримства. Въ III книгѣ изложены событія, которыя Богъ сподобилъ совершить въ своемъ народѣ и въ войскѣ христіанъ, послѣ Латеранскаго собора и до взятія Даміетты».—Авторъ полагаетъ, что его трудъ будетъ полезенъ для утвержденія вѣры, преобразованія нравовъ, обращенія невѣрныхъ, замѣшательства нечестивыхъ, наконецъ для того, чтобы воздать хвалу доблести. Въ этомъ онъ повторяетъ буквально Бернара Казначея.

Яковъ Витрійскій прежде всего историкъ моралистъ. Въ первой же книгѣ онъ сгущаетъ краски для изображенія нравовъ палестинскихъ христіанъ (¹). Первоначально дьяволъ не могъ найти себѣ помѣщенія въ мѣстахъ сухихъ и безводныхъ, т. е. среди тѣхъ первыхъ пилигримовъ, еще бѣдныхъ, истощенныхъ продолжительными трудами; но, наконецъ, онъ увидѣлъ домъ въ полномъ спокойствіи и свободный отъ всякой опасности, а людей предававшихся праздности, живущими въ ихъ новомъ обиталищѣ, посреди увеличенія сборовъ хлѣба и масла. Взявъ съ собою 7 духовъ, болѣе развращенныхъ, чѣмъ онъ самъ, онъ вступилъ въ этотъ домъ съ семью смертными грѣхами. Господь насытилъ людей и они сдѣлались прелюбодѣями; они пустились въ погоню за своими

(¹) Изд. Bongars (Gesta Dei; I) книги 1 и 3, а вторую Moschus, 1597. Пер. Guizot. Coll. XXII. Отрывокъ у Стасюлевича: III, 651—663.

пожеланіями. Они также разлеглись въ своей грязи, какъ вьючное животное ложится въ нечистотѣ; они ржали какъ лошади и каждый на своего ближняго. Огонь ниспалъ на нихъ и они болѣе не видали солнца, ибо обратили глаза къ землѣ, сдѣлавшись гордыми, заносчивыми, наглыми, недужными, мятежными. Раздраженные лѣностью и малодушіемъ, ненасытные въ своемъ корыстолюбіи, согбенные отъ пьянства, отвратительные отъ разврата и мерзости, воры, похитители, убійцы, люди крови, предатели....» Такъ и сыплетъ, точно изъ браннаго спеціальнаго лексикона, епископъ въ современное ему общество. «Адъ распахнулся широко; онъ приготовилъ помѣщеніе для всѣхъ пресыщеній и пророковъ. Всякая добродѣтель и благочестіе исчезли въ такой степени, что трудно было найти кого нибудь, кто отличалъ бы священное отъ мірскаго и чистое отъ нечистаго. Всѣ были увлечены въ пропасть. Какова паства, таковы были священники въ св. землѣ». Историкъ дѣлаетъ исключеніе для немногихъ справедливыхъ и богобоязненныхъ, подобно зерну въ кучѣ плевелъ. Нечестіе злыхъ одерживало верхъ и ихъ неправда была обильна до того, что часто они совершали симонію, вѣнчали противозаконно, хоронили безразлично всѣхъ. Мы узнаемъ между прочимъ, что «монахи и монахини бродили и шатались изъ мѣста въ мѣсто, посѣщая вмѣстѣ съ мірянами публичныя бани». Все это авторъ приводитъ не съ тѣмъ, чтобы упрекать потомство, но для того, «чтобы оно, омывъ ноги въ крови нечестія, научалось подражать добрымъ, проклинать и осуждать злыхъ». Это относится и къ тогдашнимъ французамъ. Авторъ хорошо зналъ Парижъ и на немъ останавливается въ III книгѣ. Тамошнее духовенство онъ сравниваетъ съ паршивой козой и больной овцой, а клириковъ называетъ содомитянами. Французскихъ священниковъ онъ презираетъ, именуя ихъ скупцами и ханжами. Общество свѣтское должно было пасть ниже. Но у Якова слишкомъ строгій критеріумъ. На него врядъ ли кто угодитъ. Учащіеся студенты во всякомъ случаѣ поступаютъ дурно, если учатся. «Одни занимаются единственно для того, чтобы знать, — это одно любопытство; другіе, чтобы прославиться, — но это тщеславіе; иные, чтобы пріобрѣсти выгоду,—но это корыстолюбіе и симонія; весьма немногіе изъ нихъ занимались, чтобы получить назиданіе и назидать другихъ». Парижскіе студенты, на бытѣ которыхъ нѣсколько останавливается Яковъ, дѣлились на враждебныя національныя кор-

порацін. Онъ называетъ англичанъ пьяницами и шутами, нѣмцевъ скотами, бургундцевъ глупыми и грубыми, пуатійцевъ льстецами, бретонцевъ легкомысленными и непостоянными, ломбардцевъ скупыми, римлянъ злословными, сицилійцевъ жестокими тиранами, брабантцевъ поджигателями и хищниками. Далѣе этихъ обидныхъ прозвищъ историку некуда было идти. Вообще для внутренней жизни эти двѣ книги представляютъ много интересныхъ данныхъ. Онѣ служатъ введеніемъ къ третьей, которая представляетъ исторію пятаго крестоваго похода, предпринятаго на Даміетту іерусалимскимъ королемъ Іоанномъ Бріенемъ и Андреемъ венгерскимъ въ 1217 году, при содѣйствіи нѣмецкаго флота. Въ походѣ участвовалъ самъ авторъ. Нѣкоторые, въ виду несообразно длиннаго введенія къ небольшой книгѣ, касающейся одной небольшой экспедиціи, полагали, что III книга принадлежитъ Оливеру схоластику, или кому нибудь изъ кельнцевъ; но это невѣрно. Сохранились письма Якова въ Лотарингію; они буквально сходны съ его хроникой.

Оттонъ Фрейзингенскій († 1158).

Въ циклъ историковъ крестовыхъ походовъ слѣдуетъ занести бытописателя и родственника Фридриха I Барбароссы, епископа Оттона Фрейзингенскаго. Онъ принадлежалъ по происхожденію къ двумъ императорскимъ династіямъ. Лично знавшій его каноникъ Радевикъ, восхваляя его ученыя личныя достоинства, придаетъ особенное значеніе его связямъ и высокому происхожденію. Оттонъ былъ внукъ императора Генриха IV, племянникъ Генриха V по матери, единоутробный братъ короля Конрада III и дядя императора Фридриха I. Онъ родился отъ втораго брака дочери Генриха VI, Агнесы съ австрійскимъ маркграфомъ Леопольдомъ. Герцоги Баваріи и Австріи были его братьями, а сестры сидѣли на престолахъ Чехіи и Польши. Все это благопріятно вліяло на качество матеріаловъ, коими располагалъ историкъ. Онъ получилъ въ Парижѣ превосходное философское образованіе и съ младенческихъ годовъ предназначался къ занятію высокаго духовнаго поста. Въ молодые годы (съ 1137) онъ былъ уже епископомъ Фрейзингена, въ Баваріи. Эту должность онъ несъ 20 лѣтъ до самой смерти. Его образованіе сказывается на его сочиненіяхъ. Онъ былъ первымъ, по словамъ Радевика, который занесъ въ Германію «тонкость философскихъ книгъ Аристотеля относительно топикъ, аналитики и эленховъ». Полагаютъ, что онъ былъ самъ профессоромъ философіи и толкова-

теленъ Аристотеля въ Фрейзингенѣ. Извѣстно, что съ того времени въ Германіи на схоластическихъ диспутахъ состязались ученики нѣмецкихъ школъ. Дѣйствительно, епископъ цѣнилъ всѣ эти ухищренія. Онъ болѣе чѣмъ кто либо въ средніе вѣка не любилъ говорить просто. Но эти украшенія дѣлаютъ его книги иногда красивыми. Болѣе неудобной стороной изложенія Оттона является его манера пестрить изложеніе хроники обиліемъ текстовъ св. Писанія, безъ всякой видимой надобности. Сопутствуя императору Фридриху I во второмъ крестовомъ походѣ, онъ изобразилъ этотъ походъ въ 2 книгахъ: De rebus gestis Friderici I. Въ первой излагается предварительный очеркъ исторіи имперіи, начиная съ борьбы Генриха IV съ Гильдебрандомъ, «который рѣшилъ побить мечемъ анаѳемы императора». Съ первыхъ же строкъ епископъ оказывается въ затруднительномъ положеніи. Онъ видимо не знаетъ—какой сторонѣ будетъ удобнѣе засвидѣтельствовать свое сочувствіе. Родственныя отношенія влекутъ его къ «нашему» императору, а долгъ и служебное положеніе къ папѣ. Потому, у него Григорій VII то «досточтимѣйшій», то «pseudomonachus» или «necromanticus», прозвища, которыя давали Гильдебранду его враги и противъ которыхъ не возстаетъ епископъ. Онъ не скрываетъ, что причиной вражды къ папѣ былъ вопросъ о запрещеніи браковъ. Первая книга въ 63 главахъ доходитъ до вступленія на императорскій престолъ Фридриха I и представляетъ особенный интересъ по связности изложенія и по обобщеніямъ. Для насъ это лучшее изъ всего написаннаго Оттономъ. Во второй книгѣ изложены первые 4 года правленія Фридриха I и крестовый походъ съ постоянными ссылками на документы оффиціальнаго характера.

Самое замѣчательное мѣсто въ этомъ трудѣ, конечно, попытка объяснить причину неудачи втораго крестоваго похода. Авторъ пытается отнестись съ философской, весьма оригинальной точки къ этому скорбному для него вопросу. Онъ блеститъ всѣмъ аппаратомъ своей учености. Передъ нимъ роковая дилемма; великое, благое дѣло поднятое во славу Господа, и неудача, отсутствіе покровительства неба.—«Ничто не можетъ быть названо добрымъ, кромѣ того, что изъ себя, а не извнѣ имѣетъ начало, что дѣйствительно существуетъ и по истинѣ называется благимъ. По правиламъ Аристотеля методъ отъ родоваго понятія ведетъ ad destruendam, къ анализу, а отъ видоваго ad construendam, къ синтезу. Потому, если я что либо

называю безусловно добрымъ, то при этомъ, разумѣя его сущность, то же самое отношу къ ея видамъ; если же считаю что либо хорошимъ только условно, то въ такомъ случаѣ имѣю въ виду болѣе полезность этого предмета нежели его сущность. Даже одна и та же вещь бываетъ хороша и нехороша для одного и того же вида, смотря по обстоятельствамъ. Изъ того что у эѳіопа бѣлые зубы, не слѣдуетъ, что онъ весь бѣлъ, ни на оборотъ,—что у него зубы черны, потому что онъ самъ весь черенъ. Это же самое усматривается и изъ Священнаго Писанія; когда мы говоримъ, что нехорошо было іудеямъ или Іудѣ предать Христа на распятіе,—мы сознаемъ, что это было благомъ для насъ всѣхъ. Итакъ, въ человѣческой философіи бѣлые зубы не мѣшаютъ эѳіопу быть чернымъ, а въ Писаніи злоба іудеевъ не препятствуетъ страстямъ Христа быть спасительными для насъ.. Подобное мы можемъ сказать и о вышеупомянутомъ походѣ нашемъ. Если его нельзя считать хорошимъ по концу или съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ,—то онъ оказался дѣйствительно хорошимъ для спасенія многихъ душъ; при этомъ мы будемъ руководствоваться сужденіемъ о дѣлѣ не по сущности онаго, но по пользѣ, которую оно принесло» (1). Такъ Аристотель являлся на помощь для оправданія путемъ отвлеченныхъ логическихъ построеній неудачъ крестоносцевъ.

Это сочиненіе было составлено вскорѣ по возвращеніи изъ похода. Тогда же Оттонъ нѣсколько подробнѣе развилъ первую главу первой книги и въ интересахъ императорства, вѣроятно, по настоянію своихъ близкихъ, составилъ небольшой трактатъ о Гильдебрандѣ, который принялъ форму апологіи Генриха IV.

Гораздо ранѣе, еще до поѣздки въ Палестину, Оттонъ принялся за всемірную исторію, которую назвалъ «Хроникою отъ сотворенія міра». Онъ довелъ ее до 1146 г. въ 7 книгахъ; первыя 6 изложены по эпохамъ Бэды, а 7-ая касается ближайшихъ событій. Въ этомъ сочиненіи характерно собственно заключеніе хроники, составляющее VIII книгу. Это исторія будущаго, которую никто еще не пытался составить. Она изложена съ пріемами Апокалипсиса, толкуетъ объ Антихристѣ, страшномъ судѣ, воздаяніи. Авторъ, при всемъ своемъ высокомъ образованіи, отразилъ въ себѣ типичныя

(1) De rebus gestis Frid. I; I, 60. Приведены большіе отрывки у Стасюлевича, Ист. средн. вѣковъ, III, 404.

черты средневѣковаго міросозерцанія ([1]). Аббатъ Sancto-Blasio того же имени продолжалъ Хронику, а каноникъ Радевикъ «Дѣянія», по личному завѣщанію епископа, который еще при жизни снабдилъ его документами.

Ваттенбахъ въ своей извѣстной руководящей монографіи, обыкновенно сдержанный и осторожный, не находитъ словъ для опредѣленія значенія Оттона. «Мы, говоритъ онъ, должны считать за особенное счастіе, что такой человѣкъ, при такомъ положеніи, вооруженный всѣмъ образованіемъ, какое только можно было тогда получить, взялъ на себя трудъ писать исторію» ([2]). А между тѣмъ самъ Оттонъ очень условно, чтобы не сказать хуже, смотритъ на обязанности историка:—«Цѣлью моего труда, пишетъ онъ въ прологѣ, было возвѣстить людямъ о славныхъ дѣлахъ храбрыхъ мужей, дабы этимъ возбудить ихъ къ доблести, а о темныхъ же дѣлахъ мужей лживыхъ или умолчать или, если ихъ надо вывести на свѣтъ, то говорить лишь для устрашенія ихъ».

Нѣмецкіе критики вообще слишкомъ преувеличиваютъ значеніе Оттона Фрейзингенскаго и плетутъ ему вѣнки не по заслугамъ. Они придаютъ его запискамъ и даже хроникѣ міровой интересъ, хотя, по литературнымъ достоинствамъ и по пріемамъ, Оттонъ стоитъ гораздо ниже Матвѣя Парижскаго, а тѣмъ болѣе итальянскихъ или византійскихъ историковъ ему современныхъ. Въ отношеніи богатства фактическаго содержанія онъ уступаетъ весьма многимъ, а его общественное положеніе часто заставляетъ его колебаться между Сциллой и Харибдой.

Серія католическихъ историковъ крестовой эпохи продолжается Готфридомъ Булье, духовникомъ Луи IX ([3]). Онъ въ концѣ XIII вѣка написалъ біографію «святаго» короля: Vita Ludovici Novi. Она составлена очень сжато, но полна фактовъ и интереса. Все

([1]) Cronicon дошла въ древнѣйшемъ, можетъ быть подлинномъ манускриптѣ XII вѣка въ Грецѣ; Gesta, также въ рукописи XII стол., въ Vorau. Ed. pr.—Cuspinian въ Страсбургѣ, 1515.—De reb. Gest. съ прод. Радевика у Muratori (VI, 635—858). Критика: Hoheneicher (Pertz, Arch. I, 169), Wilmans (ib. X, 131; XI, 65). Wiedemann. Otto, sein Leben und sein Werken (Pas. 1849). Huber (Münch. 1847). В. И. Герье. Очеркъ ист. науки, 12.

([2]) Wattenbach. Deutschland's Geschichtsquellen, 421 (2 Ausg.).

([3]) Galfridus de Bello-Loco изд. Duschesne. t. V; Bouquet t. XX. Статья Natalis de Wailly. Examen critique de la vie etc. (Bibl. de l' Ecole des Chartes, 1843; V, p. 205).

втиснуто въ 47 главъ, которыя могутъ быть отмѣчены только въ стилистическомъ отношеніи.

При изученіи крестовыхъ походовъ необходимо справляться съ мусульманскими источниками, изъ нихъ назовемъ двухъ. Ибнъ-эль-Атиръ изъ Месопотаміи (1160—1233 г.) былъ современникомъ Вильгардуэна; въ его «Kamil el Tewarikh» — что значитъ «полный историческій трудъ» — говорится сперва о достоинствѣ исторіи, хронографіи, потомъ объ исторіи евреевъ, персовъ, арабовъ, римлянъ, христіанъ, мусульманъ. Амари въ своей „Storia dei musulmani di Sicilia" замѣчаетъ, что въ средніе вѣка нельзя указать на другаго равнаго ему историка. Онъ начинаетъ съ 722 г. и кончаетъ 1230 г. (1). Нѣсколько позже писалъ Абуль-Фераджъ (1226—1286 г.). Онъ былъ сынъ еврея. Уроженецъ Месопотаміи, онъ знаетъ хорошо какъ мусульманскій такъ и еврейскій міръ, что видно изъ его хронографіи отъ Адама, доведенной до 1284 г. (2). Въ ней говорится о халдеяхъ, мидянахъ, персахъ, грекахъ, римлянахъ, арабахъ, туркахъ, которые появились тогда на исторической аренѣ Востока. Онъ писалъ и на арабскомъ и на еврейскомъ языкѣ, ибо еврейское образованіе продолжало процвѣтать въ Сиріи рядомъ съ мусульманскимъ. Арабскіе источники.

Приведенными писателями не исчерпывается исторіографія крестовыхъ походовъ.

Въ первомъ фазисѣ эти лѣтописцы отразили восторженное настроеніе современниковъ, когда горячее чувство самоотверженія управляло умами, когда всѣ готовы были принести себя въ жертву ради избавленія Гроба Господня отъ власти невѣрныхъ. Таковы были Вильгельмъ Тирскій и Бернаръ Казначей. Уже и они, ознакомившись съ восточной цивилизаціей, не были фанатиками; отъ нихъ можно было услышать слово правды по отношенію къ мусульманамъ; но общій фонъ ихъ произведеній отражаетъ всю искренность современнаго общества, сочувствіе послѣдняго къ крестовымъ походамъ. По мѣрѣ охлажденія этого энтузіазма ослабѣваетъ самое настроеніе историковъ. Они не только становятся равнодушными, но даже измѣняютъ основной взглядъ на значеніе и смыслъ крестоваго предпріятія. Санудо († 1340 г.).

(1) Въ перев. у Michaud. Recueil des historiens des croisades t. IV.
(2) Пер. Pococke въ Оксфордѣ въ 1663 г.

Отраженіемъ такой перемѣны въ воззрѣніяхъ служитъ соч. Марино Санудо, подъ заглавіемъ: Historia Hierosolymitana seu secreta fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione seu de expeditione in Terram Sanctam libri III ([1]). Авторъ жилъ въ концѣ XIII и въ первой половинѣ XIV столѣтія; онъ принадлежалъ къ старой венеціанской аристократіи. Вообще венеціанцы относились и раньше къ крестовому дѣлу съ спекулятивной, коммерческой точки зрѣнія, но Санудо не стѣснился высказаться откровенно и даже предложить новую систему эксплуатаціи крестовой идеи въ этихъ чисто практическихъ расчетахъ. Онъ указывалъ на болѣе вѣрный способъ завоеванія Святой Земли. Онъ часто бывалъ на Востокѣ и на островахъ Эгейскихъ, которые послѣ 1204 г. принадлежали республикѣ. Онъ заглядывалъ даже въ славянскія земли и въ Скандинавію, какъ видно изъ его исторіи. Онъ былъ извѣстный музыкантъ, и по его имени инструментъ, который онъ изобрѣлъ, наз. torsellus. Въ бытность свою въ Арменіи онъ окончилъ свои 3 книги, которыя писалъ 15 лѣтъ (1306 — 1321 г.), предназначая ихъ папѣ и французскому королю Филиппу IV Красивому. Интересно посвященіе послѣднему, написанное по-французски. Въ немъ заключается планъ завоеванія. — «В. В. ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлаться властелиномъ вселенной, попавъ при этомъ въ рай. Александръ Македонскій достигъ обладанія всѣмъ міромъ, но не достигъ рая. Для этого необходимо исполнить нижеслѣдующія указанія: во 1) пусть Ваше Высокое Величество озаботится прежде всего приготовленіемъ къ заморскому походу десяти галеръ съ 250 человѣкъ на каждой, а 300 всадниковъ и 1000 отборной пѣхоты отправить для обороны Арменіи; во 2) озаботиться при содѣйствіи папы пропагандою и сборами; въ 3) заключить союзъ съ дожемъ и Венеціанской республикой; въ 4) назначить капитаномъ того, кто окажется къ тому способнымъ съ тѣмъ, чтобы онъ слѣдовалъ указаніямъ этой книги» ([2]). Въ такомъ случаѣ Са-

([1]) Изд.. у Bongars (Gesta Dei per Fr. II, 1—281). Большое извлеченіе переведено у Стасюлевича (Ист. Ср. вѣковъ; III, 763 — 880). Критическое изслѣдованіе и анализъ: Kunstmann. Studien über M. Sanudo (Abh. der Bayerl. Akad. der Wissenschaften; hist. 1855; VII, 697—819).

([2]) При рукописи Санудо были приложены географическія карты, которыя явились совершенной новостью. Одна изъ нихъ «карта земнаго круга» особенно интересна; она подробно разобрана у Santarem (Essai sur l'histoire de cosm. et cartographie pendant le moyen-âge, P. 1849). Центромъ земли представляется Іерусалимъ. Вверхъ отъ него Востокъ,

нудо, будто вполнѣ посвященный въ тайны дипломатіи, обѣщаетъ поддержку короля Сициліи и императора Византіи, которые помогутъ подчинить Святую Землю. Въ 1 кн. авторъ развиваетъ планъ предпріятія и сообщенія съ Индіей чрезъ татарскія земли, откуда можно добывать богатства и развести какъ тутовыя деревья, такъ и сахарный тростникъ. Въ то же время онъ совѣтуетъ запретить вывозъ изъ Европы на Востокъ металловъ, хлѣба и строеваго лѣса. Египетъ долженъ служить операціоннымъ базисомъ. Онъ тщательно разсчитываетъ, сколько провіанта потребуется на армію въ составѣ 15000 пѣхоты и 300 конницы на 3 года, и выводитъ 2,100,000 флориновъ (каждый фл. вѣсилъ 3 унціи золота). Онъ предостерегаетъ отъ сухопутной экспедиціи, представляя много практическихъ указаній. Онъ доказываетъ, что христіане должны устроить военное поселеніе въ устьяхъ Нила, коему предстоитъ важное будущее. Въ доказательство авторъ указываетъ на могущество Венеціанской республики, обусловленное ея территоріальнымъ положеніемъ. Непосредственный разсказъ въ послѣдней книгѣ — исторія Палестины съ библейскихъ временъ до 1219 г. Только въ концѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія объ обычаяхъ и исторіи тогдашнихъ татаръ. Въ заключеніе авторъ вновь преподаетъ указанія для обладанія святою землею, заимствуясь уроками исторіи. Здѣсь видимъ практическую постановку исторіи, которая учитъ — чему слѣдовать, чего избѣгать. Вотъ его практическая мудрость: военная дисциплина и тайна, избраніе по завоеваніи энергичнаго короля въ избѣжаніе могущихъ быть раздоровъ. «Какой то вавилонскій султанъ сравнивалъ себя со змѣемъ, у котораго много хвостовъ и одна голова, почему онъ легко можетъ тащить за собою хвосты; христіанъ же онъ называлъ змѣемъ съ однимъ хвостомъ и многими головами, почему хвостъ не знаетъ, кого слушать. Христосъ же сказалъ: «никто не можетъ служить двумъ господамъ». Государь долженъ быть образцомъ и примѣромъ порядка». Санудо убѣждаетъ государей быть

внизъ Западъ; Гогъ и Магогъ съ границами Индіи замыкаютъ Восточный горизонтъ, Кадиксъ Западный. Крайніе пункты Сѣвера (который приходится слѣва отъ Іерусалима) необитаемы по причинѣ холода; крайнія страны Юга необитаемы по причинѣ жара; южно-европейскіе полуострова показаны довольно вѣрно, противъ береговъ Африки. За Польшею страны язычниковъ и рутеновъ-схизматиковъ. Санудо знаетъ даже невѣрныхъ кореловъ, эстонцевъ, Финляндію помѣщенную на одномъ полуостровѣ съ Швеціею и Норвегіею. Мы надѣемся приложить эту карту ко второму тому нашей «Исторіи среднихъ вѣковъ».

воздержнѣе. Правители должны воздерживаться отъ игръ и всякихъ пустыхъ увеселеній, чтобы кто не подумалъ, что само государство пустилось въ игру. Затѣмъ авторъ говоритъ о необходимости воздержанія, правосудія, щедрости, уваженія къ закону и милосердія. Такимъ образомъ произведеніе Санудо имѣетъ дидактическій интересъ. Исторія у него является орудіемъ для достиженія государственныхъ и общественныхъ цѣлей.

Санудо является связующимъ звѣномъ, соединяющимъ исторіографію крестовыхъ походовъ съ итальянскою, на которой мы теперь остановимся.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Рикордано Малеспини († 1281 г.).

Въ Италіи вообще средневѣковая исторіографія имѣла практическій характеръ. Каждый городъ гордился своимъ историкомъ, потому что дорожилъ своимъ прошлымъ. Повѣствуя на родномъ языкѣ, они пріобрѣтаютъ большую популярность. Ихъ серію началъ Рикордано Малеспини. Онъ смотритъ на Флоренцію, какъ на второй Римъ, а на Fiesole, какъ на городъ, освященный памятью Аполлона и Адама, съ котораго и начинаетъ, предупреждая, что будетъ кратокъ (гл. 1).

«Мы поговоримъ сперва,—таковъ планъ труда Малеспини, о первобытныхъ временахъ и трехъ частяхъ свѣта; затѣмъ будемъ описывать только то, что найдемъ въ сочиненіяхъ нашихъ предшественниковъ, заимствуя оттуда только вполнѣ достовѣрное и, наконецъ, сообщимъ то, что извѣстно намъ лично. Такъ какъ всякому нравится краткость разсказа, то мы будемъ говорить о нашемъ предметѣ по возможности сжато».

Однако всѣ классическія легенды вошли въ его разсказъ, правда не витіеватый, сжатый по возможности, но весьма обстоятельный. Такъ онъ доходитъ до Цезаря, съ котораго непосредственно начинается исторія съ 21 главы до 84. Его произведеніе интересно по умѣнью автора довольно разнообразный историческій матеріалъ свести въ исторію одного города.

Приведемъ образчикъ его сжатаго, но сильнаго разсказа. Возьмемъ напр. 22 главу о нашествіи Атилы. «Долго думалъ Атила о томъ, какъ бы ему разрушить Флоренцію. Онъ зналъ, что флорентійцы очень сильны и что не иначе какъ хитростью онъ можетъ овладѣть ими и привести въ исполненіе свой злокозненный замыселъ.

И никто бы не узналъ о дѣяніяхъ Атилы во Флоренціи, если бы отъ потоковъ крови убитыхъ рукава Арно не приняли бы краснаго цвѣта. Послѣ того Атила со всѣмъ войскомъ вышелъ изъ Флоренціи, убивая по пути всѣхъ кого встрѣчалъ, мужчинъ и женщинъ, большихъ и малыхъ. Затѣмъ Атила велѣлъ зажечь городъ со всѣхъ сторонъ, желая совершенно уничтожить Флоренцію. Отсюда онъ отправился на то мѣсто, гдѣ находилось Фіезоле; тамъ онъ поставилъ свои знамена и объявилъ, что всякій желающій можетъ здѣсь строить дома и башни, чтобы селиться. Атила весьма заботился о заселеніи Фіезоле, такъ какъ полагалъ, утвердившись здѣсь, вести отсюда войну съ римлянами; потому-то онъ препятствовалъ возстановленію и благосостоянію Флоренціи. Этотъ Атила, бичъ Божій, имѣлъ плѣшивую голову и собачьи уши. Онъ разрушилъ много городовъ и замковъ въ Тосканѣ, Ломбардіи, Романьи и Марціи. Когда Фіезоле былъ возстановленъ, Атила направился въ Маремму (болота средней Италіи) и тамъ умеръ» [1].

О такихъ отдаленныхъ эпохахъ Малеспини не могъ имѣть точныхъ свѣдѣній; онъ записывалъ, что слышалъ. Онъ не считалъ за необходимое даже справляться съ источниками; онъ не читалъ не только Іорнанда, но даже позднѣйшихъ историческихъ сочиненій. Но онъ цѣненъ тамъ, гдѣ говоритъ о позднѣйшемъ времени. Въ такихъ главахъ проявляется вся сила его повѣствовательнаго таланта, особенность котораго въ умѣньи сказать многое въ немногихъ словахъ. Къ сожалѣнію, при этихъ достоинствахъ, изложеніе страдаетъ разбросанностью; отдѣльныя главы не связаны между собою внутренней связью.

Более важное значеніе сравнительно съ Малеспини имѣетъ его продолжатель, Дино Компаньи. Между этими двумя лѣтописцами огромная разница; у одного только факты, у другаго освѣщеніе современности, горькое сознаніе недовольства, желаніе исправить соотечественниковъ. За это его любилъ Шлоссеръ, который написалъ ему панегирикъ, сравнивая съ классиками и съ Данте: «Онъ справедливъ, серьезенъ и глубокъ, какъ Ѳукидидъ, а его исторія строга какъ приговоръ свѣта. Не всѣ въ состояніи оцѣнить блескъ наивныхъ выраженій, силу рѣчи, изящество не украшеннаго, простаго и вполнѣ соотвѣтствующаго содержанію слога. Упреки, дѣлаемые

Дино Компаньи († 1324 г.).

[1] Изд. Muratori, VIII. Критика у Гервинуса въ Hist. Schr.

Дино въ излишней рѣзкости порицанія, въ высшей степени несправедливы. Вѣдь изъ того, въ чемъ Данте упрекаетъ своихъ соотечественниковъ, справедливо только очень немногое. Напротивъ, Дино, подобно Данте, выказываетъ себя стоящимъ выше своего времени и истиннымъ республиканцемъ, который, въ уклоненіи отъ законовъ религіи и нравственности, видитъ паденіе свободы. Онъ достойный представитель энергичнаго, религіознаго, образованнаго и полнаго жизни времени; онъ олицетворяетъ собою духъ истинной и отдѣльной народности».—Дино ничего не ищетъ. Его девизъ въ слѣдующихъ словахъ: «Proposi di scrivere, a utilità di coloro che saranno credi de' prosperevoli anni, acciò che riconoscano i beneficii di Dio, il quale per tutti i tempi regge e governa»; онъ пишетъ на пользу потомковъ и для прославленія имени Божія. Онъ очевидецъ и участникъ событій. Его исторія—мемуары государственнаго человѣка за самый интересный періодъ борьбы Черныхъ и Бѣлыхъ, Гвельфовъ и Гибеллиновъ отъ 1280 до 1312 г., которую разсказываетъ въ 3 книгахъ. Какъ всемірно-историческіе, эти годы весьма важны. Но Дино занимается только своимъ роднымъ городомъ. Онъ проповѣдникъ высокихъ нравственныхъ началъ въ исторіи. Ею онъ думаетъ дать примѣръ бодрости современникамъ. Для историка сентенція, конечно, не есть достоинство, но въ то время она было иногда полезна; общество только что начинало выходить изъ состоянія грубости. Дино Компаньи имѣетъ въ виду описать совершающіяся передъ глазами гнусныя дѣянія, которыя слишкомъ явны, чтобы о нихъ можно было умолчать, ибо опасность для общества ростетъ, по его мнѣнію (tanto che multiplicati i pericoli e gli aspetti notevoli). Это необходимо для пользы тѣхъ, которые уже будутъ наслѣдниками минувшаго. «Они познаютъ такимъ образомъ благодѣянія Господа, который царствуетъ и управляетъ во всѣ времена. Когда я предпринялъ свой трудъ, то я имѣлъ въ виду изложить письменно нѣкоторыя достовѣрныя событія, которыя я видѣлъ и слышалъ, потому что между ними были и такіе замѣчательные факты, сущности которыхъ никто не зналъ, кромѣ меня. Тѣ же событія, которыхъ я свидѣтелемъ не былъ, я рѣшился разсказать по слухамъ. А такъ какъ многіе по своему произволу переходятъ всякую мѣру въ рѣчахъ и извращаютъ истину, то въ этомъ случаѣ я рѣшился придерживаться наиболѣе распространеннаго мнѣнія (scrivere se-

(¹) Изд. Murat. IX. Лучшее Benzi (Liv. 1830). Критика у Гервинуса.

condo la maggior fama)». Какъ всякій частный хроникеръ, Дино объясняетъ происхожденіе великихъ политическихъ партій мелкими партикулярными интересами. Такъ, гвельфы и гибеллины пріурочены къ счетамъ фамилій Бонддельмонте и Уберти изъ за отвергнутой невѣсты. Одинъ изъ Бонддельмонте женился на дѣвицѣ Донати, а не на Уберти и вотъ для Дино—происхожденіе будущихъ несчастныхъ партій въ Флоренціи, гвельфовъ и гибеллиновъ.

«Пусть граждане нашего города, восклицаетъ Дино, восплачутъ надъ собою (piangano adunque) и надъ своими дѣтьми, ибо они, по своей гордости, благодаря своимъ дурнымъ свойствамъ и распрямъ изъ-за должностей, погубили столь славный городъ, опозорили законы и потеряли въ короткое время то почетное положеніе (gli onori), которое ихъ предки пріобрѣтали въ продолженіи очень долгаго времени тяжелымъ трудомъ. Пусть же они ожидаютъ правосудія Божія, которое многими знаменіями обѣщало уже имъ несчастія, какъ виновнымъ въ томъ, что они, будучи свободными, сами склонили выю свою подъ ярмо».

Вотъ проявленіе духа гражданской свободы, который былъ присущъ всѣмъ хроникерамъ итальянскихъ свободныхъ городовъ и который былъ воспитанъ воспоминаніями античнаго времени, пропитавшими собою историческую почву Италіи.

Характеръ итальянской національной исторіографіи въ XIV в.

XIII вѣкъ былъ развитіемъ политической и общественной жизни среднихъ вѣковъ, а Италія всегда была центромъ этой жизни, потому что въ ней была столица католическаго міра, которая служила предметомъ историческихъ бореній. Со второй его половины начинается паденіе средневѣковыхъ идеаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе новыхъ началъ. Слѣдующее, XIV столѣтіе по справедливости можетъ считаться для Италіи блестящей эпохой политическаго и духовнаго развитія. Въ это время коммунальная жизнь достигла блеска; города стали небольшими государствами, управляемыми выборными сановниками изъ лицъ, выдающихся подвигами или богатствомъ или иногда приглашаемыми правителями изъ другихъ мѣстъ по народному же выбору. Эти города славились богатствомъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершались крупные банкирскіе обороты. Они гордились памятниками искуства; публичная жизнь воспитывала государственныхъ дѣятелей; грамотность и образованіе распространились быстро, да и неграмотнымъ, подобно древнимъ греческимъ

гражданамъ, являлась возможность знакомиться съ общественными и государственными дѣлами, благодаря публичной жизни этихъ государствъ и доступности контроля со стороны гражданъ, что развивало невольное знакомство съ дѣлами всѣхъ интересующихся лицъ. Потому, нигдѣ политическія обстоятельства не благопріятствовали въ такой степени развитію историографіи, какъ въ Италіи. Нигдѣ историографія не выразила въ такой степени народной жизни, какъ на полуостровѣ; рѣдко когда въ такой степени она обиловала содержаніемъ, какъ въ Италіи послѣдняго періода среднихъ вѣковъ. Муниципальная вражда общинъ образовала обширную городскую историческую литературу, страстный характеръ которой будто въ наслѣдство завѣщалъ междоусобную вражду. Каждый городъ имѣлъ своихъ хронистовъ; появленіе историческаго сочиненія было торжествомъ для области. Въ городахъ хроникеры были гордостью общества: въ нихъ воплощали республиканцы свои симпатіи, свои завѣтныя преданія, свои особенности. Общество сердечно дорожило ими и всегда предоставляло себѣ контроль и судъ надъ новыми произведеніями. Авторъ являлся на площадь или въ залу народнаго собранія и здѣсь публично читалъ свою хронику. Въ университетскихъ городахъ слушали и редактировали профессоры со студентами. Этотъ классическій обычай переносилъ мысли гражданъ въ далекія времена, всегда ихъ увлекавшія своимъ обаяніемъ, на старый римскій форумъ, кипѣвшій жизнью, покрытый свободнымъ народомъ. Почетную награду получалъ авторъ, если общественный голосъ одобрялъ его трудъ. Въ иныхъ городахъ было нѣсколько лѣтописцевъ, обязанныхъ оффиціально записывать событія сперва по-латыни, потомъ по-итальянски. Національные хроникеры пользовались большею популярностью и оставили по себѣ большую литературную славу. Они были гораздо даровитѣе латинистовъ и остались съ неоспоримо болѣе важнымъ значеніемъ, какъ основатели итальянской прозы. Но и на историкахъ, писавшихъ по-итальянски, сказалось вліяніе классической древности, выразившееся въ идеалахъ эпохи Возрожденія. Такое движеніе въ духѣ Возрожденія наблюдаемъ съ XIV вѣка, когда были открыты многіе дотолѣ неизвѣстныя произведенія классической древности, когда историки кинулись подражать Ливію въ разныхъ «commentaria suorum temporum», историческихъ жизнеописаніяхъ знаменитыхъ мужей и т. п. твореніяхъ.

Таким образомъ въ итальянскую внѣшность проникли одинаково классическій духъ и классическіе пріемы. Никто не приблизился въ такой степени къ Ливію, какъ Джіованни Виллани. Это былъ видный государственный человѣкъ флорентійской республики; одно время онъ былъ даже гонфалоньеромъ. Никогда не была флорентійская республика такъ свободна, такъ могуча, полна веселья, довольства и счастія, какъ въ его время, что и отразилось въ изложеніи ея лучшаго историка. Виллани вводитъ свое отечество въ связь не только съ исторіей Рима, что дѣлали даже его предшественники, но начинаетъ съ Немврода, кончая 1348 годомъ, когда смерть отъ чумы остановила его перо. Онъ очень похожъ на Ливія по тону и пріему изложенія Онъ сознается, что хочетъ примѣромъ римлянъ возбудить новыхъ итальянцевъ на геройскіе подвиги и; увлекательно повѣствуя о славномъ прошломъ, онъ доставляетъ много удовольствія тѣмъ, кто ищетъ въ исторіи жизни и занимательности, а главное государственныхъ цѣлей. До 1284 года онъ пользуется Малеспини, перефразируя его, но не называя по имени. Онъ гвельфъ; это видно повсюду, потому его считаютъ пристрастнымъ. Онъ широко понимаетъ задачу историка; онъ не ограничивается одною передачею политическихъ и военныхъ фактовъ. Онъ касается духовной жизни своего города, который служилъ для него предметомъ культа. Такъ, напримѣръ, онъ отводитъ цѣлую главу (IX, 134) памяти Данте, котораго могъ знать въ молодые годы.

Джіованни Виллани (1275-1348 г).

Тамъ читаемъ слѣдующую характеристику:—«Это былъ великій и славный гражданинъ флорентійской республики. Онъ былъ знатокъ во всѣхъ наукахъ и искуствахъ — tutto fosse laico, хотя оставался міряниномъ (что особенно удивляло современниковъ); онъ былъ великій поэтъ, философъ, ораторъ; онъ также хорошо владѣлъ словами, какъ перомъ, съ нѣжнымъ и гладкимъ стилемъ, какой еще не встрѣчался въ нашемъ языкѣ и не встрѣтится. Еще въ молодости онъ написалъ книгу «Vita nuova», въ которой говорилъ о любви; находясь въ изгнаніи, онъ написалъ до 20 канцонъ нравственныхъ и любовныхъ. Всѣ письма его писаны по-латыни; въ нихъ возвышеннымъ слогомъ выражаются возвышенныя и благородныя сужденія. Эти письма были восхваляемы самыми лучшими знатоками. Кромѣ того онъ написалъ «комедію», гдѣ въ нѣж-

Виллани о Данте.

ныхъ стихахъ изложилъ сужденія моральныя, натуральныя, астрологическія, философскія и богословскія. Сочиненіе раздѣлено на 100 главъ, или пѣсенъ, въ которыхъ говорится о существованіи и положеніи ада, чистилища и рая такъ возвышенно, что нельзя даже выразить впечатлѣнія; читая, какъ бы видишь и чувствуешь то, что онъ написалъ. Можетъ быть въ изгнаніи онъ составилъ трактатъ о монархіи на латинскомъ языкѣ, гдѣ говоритъ о предѣлахъ власти папы и императора. Данте началъ было переложеніе 14 канцонъ нравственнаго содержанія, но не могъ довести до конца по причинѣ внезапной смерти. Онъ успѣлъ переложить только три, которыя представляютъ величественныя, прекрасныя творенія, потому что изложены возвышеннымъ слогомъ съ философскими и астрологическими сужденіями. Еще онъ написалъ маленькое сочиненіе подъ заглавіемъ «О народномъ краснорѣчіи»; въ немъ онъ обѣщаетъ 4 книги, но оставилъ только 2; прочія помѣшала написать его ранняя смерть; здѣсь онъ витіеватой латынью разсуждаетъ объ Италіи. Данте изъ сознанія своего превосходства былъ иногда гордъ, тяжелъ и, по обыкновенію философовъ, необходителенъ; онъ не умѣлъ держать себя со свѣтскими людьми; но своими познаніями, величіемъ духа онъ, намъ кажется, имѣетъ право, какъ гражданинъ, занять мѣсто въ этой хроникѣ, не говоря о томъ, что творенія его, намъ оставленныя, дѣлаютъ его по истинѣ великимъ гражданиномъ нашего города». Это точная, весьма вѣрная и теплая характеристика. Мы перевели ее, чтобы показать стиль автора и вмѣстѣ опредѣлить то мѣсто, какое занимаетъ въ глазахъ современниковъ Данте. Здѣсь мы видимъ извѣстную широту историческаго изложенія подъ перомъ Виллани. По выраженію нѣмецкаго критика, онъ напоминаетъ Геродота простотой, многообразіемъ, силою и ненавистью, но есть существенная разница. У него наивность не примитивная, не та, которую можетъ проявить всякій сказочникъ. Виллани не такой художникъ, какъ Геродотъ, но несомнѣнно писатель болѣе зрѣлый; его сужденія строго обдуманы, взглядъ выдержанъ.

Джіованни Виллани—человѣкъ глубоко религіозный. До него не успѣлъ еще коснуться индифферентизмъ, который скоро водворился въ Италіи. Онъ увѣренъ, что объ его родинѣ заботится небо и что Богъ покровительствуетъ Флоренціи и любитъ ее. Если городъ постигаютъ несчастія, то это Богъ прогнѣвался за

грѣхи гражданъ. Такъ случилось, напримѣръ, по поводу притязанія неаполитанскаго короля Роберта, который считался покровителемъ города,—это было въ 1326 году,—а теперь, угрожая войной, потребовалъ отъ Флоренціи, Пистойи и Сіены огромныхъ суммъ на уплату жалованья войску, которое онъ набиралъ въ Провансѣ и во Франціи. Но предоставимъ Виллани говорить самому:—«Флорентійцы были увѣрены, что, исполнивъ требованіе Роберта, они сильно разорятся, но въ то же время, зная способность короля нарушать договоры, они боялись за отъѣздъ депутаціи (которой было приказано оставить городъ въ случаѣ отказа), что было также очень нежелательно. Сосѣдніе города не хотѣли уплачивать этихъ издержекъ, такъ что вся тяжесть поборовъ падала на флорентійцевъ. Наконецъ флорентійцы порѣшили дать герцогу 30 тысячъ флориновъ. Часть этой суммы уплатили Сіена и другіе мелкіе города, но Перуджія отказалась участвовать въ издержкахъ. Когда сведены были всѣ расходы, то оказалось, что впродолженіи одного года флорентійцы израсходовали на него 450 тысячь золотыхъ флориновъ, исключая разныхъ налоговъ, податей и другихъ суммъ, вслѣдствіе чего флорентійскіе граждане сильно опечалились. Кромѣ того, герцогъ (какъ титуловали во Флоренціи короля), по совѣту своихъ апулійскихъ вельможъ и юристовъ захватилъ всю синьорію въ свои руки и вѣдалъ дѣла какъ большія такъ и малыя, не обращая вниманія на пріоровъ. Послѣдніе же не имѣли права сдѣлать ни малѣйшаго распоряженія; имъ давалась свобода развѣ только въ совершеніи богослуженія. На этихъ засѣданіяхъ всегда присутствовалъ одинъ изъ совѣтниковъ герцога. Вслѣдствіе чего граждане, управлявшіе городомъ, были сильно недовольны. Но видно уже такъ было Богу угодно наказать флорентійцевъ за ихъ раздоры и предать правосудіе и синьорію въ руки людей недостойныхъ и не особенно умныхъ» (1).

Этотъ спокойный, выдержанный тонъ въ разсказѣ о томъ, что такъ близко касалось историка, бывшаго въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ гражданъ, высоко ставитъ Виллани какъ повѣствователя. Онъ возвышался надъ многими современниками своимъ міровоззрѣніемъ. Онъ не былъ суевѣромъ или тѣмъ менѣе изувѣромъ, и, говоря (X, 39) о казни астролога д'Асколи, который былъ сож-

(1) Storie fiorentine; X, 9.

женъ во Флоренціи на кострѣ въ 1327 году, Виллани замѣчаетъ: «Хотя д'Асколи и былъ великій астрологъ, но въ то же время человѣкъ суетной жизни и чрезмѣрно гордый знаніемъ астрологіи, науки, по существу своему невѣрной, потому что судьба человѣка зависитъ не отъ теченія звѣздъ, а отъ свободной воли души его, и еще болѣе отъ предопредѣленія Божія, которое всѣмъ управляетъ, располагаетъ и за всѣмъ надзираетъ».

Занимая по выборамъ разныя правительственныя должности, участвуя не разъ въ посольствахъ, между прочимъ во Франціи, защищая свою родину на полѣ битвы, какъ простой воинъ въ войнѣ съ Каструччіо Кастракани, Виллани, подарившій Италію и весь образованный міръ такимъ замѣчательнымъ историческимъ произведеніемъ, кончилъ жизнь въ горѣ и несчастіи. Сограждане не были къ нему достаточно внимательны и съ кичливостью, наслѣдственно свойственною флорентійцамъ, всегда мало цѣнили его гражданскія и литературныя заслуги. Войдя въ торговую компанію съ домомъ Буонакорси, Виллани запутался въ дѣлахъ, обанкротился и попалъ въ тюрьму, изъ которой вышелъ незадолго до смерти, постигшей его въ 1348 году (¹).

Его продолжалъ братъ его Матвѣй до 1363 года, а съ XI кн. 61 гл., сынъ послѣдняго, Филиппъ до 1364 года въ полутора книгахъ. Популярность Дж. Виллани видна изъ того, что его хронику переложилъ въ стихи Antonio Pucci (Centiloquio in terza rima) (²).

Ихъ современникъ былъ Донато Веллути тоже гонфалоньеръ; онъ разсказываетъ исторію родной Флоренціи съ 1300—70 года исключительно съ дипломатической стороны. Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе представляетъ первый образецъ дипломатической исторіи, притомъ выдержанной въ строго объективномъ тонѣ. Онъ умеръ въ 1370 году.

Дандоло и венеціанцы. Наивность, общая средневѣковымъ лѣтописцамъ, въ дисгармоніи съ сухостью дипломатическихъ нотъ. Если демократическій

(¹) Объ этомъ: Sismondi «Hist. des républiques italiennes au moyen-âge; III; 187, на основаніи свидѣтельствъ Tiraboschi въ его Storia della litt. italiana.

(²) Изданія Виллани всегда сводныя съ продолженіемъ братьевъ: Istorie florentine seu cronica universale l. XII, Fir, 1554, 1562; Mil. 1729. Muratori, t. XIV; лучшее въ Тріестѣ 1857. Критика: Dönniger и у Гизебрехта въ его соч. объ исторіи императорства; у Гервинуса въ Hist. Schriften I, 24.

строй способствовалъ успѣхамъ народной исторіографіи, то аристократы республикъ Венеціи и Генуи трудились для исторіографіи латинской; венеціанскіе хроникеры пишутъ по-латыни. Такъ, дожъ Андрей Дандоло († 1254) изложилъ Chronicon Venetum a pontificatu S. Marci usque ad 1339 въ 10 книгахъ (съ прод. до 1388 года). Первыя книги потеряны; иногда оно называется Mare magnum historiarum. Хроника Дандоло дѣйствительно нѣсколько суха, за то богата содержаніемъ и документами. Она въ высокой степени безпристрастна, хотя исполнена патріотизма ([1]). Въ ней уже замѣтенъ стиль писателей Возрожденія, какъ у Andrea Navagero (до 1487); Pietro Bembi (до 1513); Paolo Paruto (до 1551); Morosini (до 1615); Nani (до 1671) и Michele Foscarini (до 1670 года).

Какъ богата итальянская исторіографія, видно изъ сборника Муратори ([2]) и многотомнаго въ нѣсколько серій изданія «Итальянскаго историческаго Архива», въ которомъ продолжаетъ печататься по сіе время масса неизданныхъ средневѣковыхъ хроникъ.

ВИЗАНТІЙСКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Византійская лѣтопись.

Изслѣдуя національную исторіографію въ средніе вѣка, мы должны отвести самое видное мѣсто византійскимъ историкамъ. Они вели непосредственно греко-римскую традицію, когда исторіографія интересовала народъ, была вопросомъ существенной для него важности, воспитательнымъ орудіемъ. Здѣсь литературный языкъ былъ всегда языкомъ народа. Эта исторія была часто искусственна, чопорна, оффиціальна, но она упрочилась гораздо ранѣе, чѣмъ на Западѣ появились первыя слабыя попытки національной исторіографіи. Въ Византіи не только лица духовныя, военныя и гражданскія, оставили историческія сочиненія, но также императоры, императрицы и члены царствующаго дома. Назовемъ трудолюбиваго императора Константина Порфиророднаго, Евдокію,

([1]) Она была продолжена еще на 50 лѣтъ, до 1388 года—Rafaello Caresini († 1499). Изд. у Muratori въ XII т. безъ первыхъ трехъ книгъ. Критика въ Archivio storico italiano; V, 283 etc.

([2]) Въ приложеніи къ первому тому нашей «Исторіи Среднихъ вѣковъ», мы помѣстили оглавленіе всѣхъ 25 томовъ этого сборника, сдѣлавшагося теперь рѣдкостью.

супругу двухъ императоровъ. Анну Комнену (*Πορφυρογεννήτης καισάρισσα*) и, наконецъ, Іоанна Кантакузина.

Приступая къ очерку византійской исторіографіи съ начала среднихъ вѣковъ до XIV столѣтія мы должны предупредить, что по многимъ причинамъ не будемъ говорить собственно о церковныхъ историкахъ, какъ-то Евсевіи Кесарійскомъ ([1]), который, всегда оставаясь придворнымъ іерархомъ, довелъ изложеніе судебъ христіанства до 324 г., объ Эрміи Созоменѣ, продолжавшемъ его до 423 г., Θеодоритѣ—до 427 г, Сократѣ Схоластикѣ—до 439 г., Никифорѣ Каллистѣ, закончившемъ 610 г. Всѣ эти историки, по спеціальному характеру своихъ довольно цѣнныхъ трудовъ, не входятъ въ планъ нашего обозрѣнія. Мы имѣемъ въ виду непосредственно свѣтскихъ историковъ, ограничиваясь въ обзорѣ византійскихъ памятниковъ XIV столѣтіемъ. Необходимо замѣтить, что въ Россіи, съ конца 50-хъ годовъ проявилось стремленіе къ изученію византійскаго міра ([2]). Отраженіемъ этого движенія послужило появленіе нѣсколькихъ томовъ «византійскихъ историковъ» въ русскомъ переводѣ при Петербургской Духовной Академіи. Какъ многія благія начинанія, изданіе, начатое въ 1858 г., прекратилось въ 1862 г. Между тѣмъ на Западѣ тщательно были собраны византійскіе историки въ подлинникахъ съ латинскимъ переводомъ въ двухъ громадныхъ изданіяхъ сперва въ Парижѣ въ XVII вѣкѣ, потомъ въ Боннѣ, благодаря Нибуру, во второй четверти нашего вѣка ([3]).

Несомнѣнно, что византійцы имѣли лучшія преданія въ историческомъ искусствѣ, лучшую школу чѣмъ западные, которыхъ они потому во многомъ превосходятъ. Въ отношеніи хронологическомъ древнихъ византійцевъ до X вѣка слѣдуетъ отнести къ первому періоду исторіографіи, но, не разбивая нашъ очеркъ, мы будемъ говорить о нихъ въ общей связи.

([1]) Въ нашей литературѣ обстоятельная монографія Н. Розанова. Евсевій Памфилъ (М. 1881, 2 изд.), сочиненіе для всѣхъ доступное.

([2]) См. статью академика Куника въ Уч. Зап. Академіи Наукъ. В. 1854 т. II —, «Почему Византія донынѣ остается загадкою?»

([3]) Byzantinae historiae scriptores. P. 39 f. 1645—1711. сюда вошли и латинскіе и французскіе источники напр. Анастасій и Жуанвилль. Перепечатка въ Венеціи въ 25 f. 1722—33 неудовлетворительна —Corpus scriptorum hist. Byzantinae; ed. consilio Niebuhrii instituta, opera Niebuhri. Imm. Bekkeri Tchopeni, G. et L. Dindorfiorum aliorumque philologum parata. B. 48 v. 1822—55. Образцовое ученое изданіе. Для критики замѣчательныя работы: Muralto. Essai de chronographie Byzantine (Pét. 1855) и Hirsch (L. 1876)—Byzantinische Studien.

Древніе историки византійскіе въ періодъ III—VII вѣковъ были: **Отрывки древнихъ византійскихъ историковъ.**

1) Дексиппъ (во второй половинѣ III в.) изложилъ за 200 лѣтъ до Іорнанда исторію Македоніи послѣ Александра, Скиѳскую войну и *Χρονικὴ ἱστορία*, т. е. Лѣтопись въ 12 книгахъ, гдѣ событія разсказывались по олимпіадамъ, до императора Клавдія II. Оба первыя сочиненія дошли въ 31 неравныхъ между собою отрывкахъ; отъ «Лѣтописи» не дошло ничего, но изъ нея своевременно сдѣлалъ извлеченія Синкеллъ. Фотій называлъ Дексиппа Ѳукидидомъ, выражающимся ясно; Евнапій называлъ его человѣкомъ большаго ума; Нибуръ считаетъ его пустымъ риторомъ. По отрывкамъ, конечно, трудно судить о цѣломъ. Но несомнѣнно, что въ стилистическомъ отношеніи труды Дексиппа были хорошо обработаны. Онъ самъ, будучи язычникомъ, принималъ участіе въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ своей родины. Онъ защищалъ Аѳины отъ готовъ, когда тѣ разлились по Элладѣ; онъ въ самые тяжелые дни не растерялся и, собравъ невольниковъ, даровавъ имъ свободу, оказалъ геройское сопротивленіе варварамъ. Историкъ гражданинъ во главѣ войска, спасающій страну для цивилизаціи, все это занимало воображеніе позднѣйшихъ писателей. Какъ практическій дѣятель, онъ оживляетъ свое повѣствованіе совѣтами житейской мудрости: „Усердіе людей, избравшихъ лучшую часть, заслуживаетъ похвалу, хотя бы послѣдствія не соотвѣтствовали ихъ ожиданіямъ. Для лица начальствующаго всякая неудача въ государственныхъ дѣлахъ горестнѣе, нежели для частнаго лица его собственное несчастіе. Несчастіе частнаго человѣка ограничивается имъ однимъ, а на начальствующемъ отзывается всякое несчастіе“ ([1]).

2) Евнапій Сардіецъ, риторъ, ревностный приверженецъ императора Юліана, родился въ 347 и жилъ до 415 г. Онъ, по настоянію знаменитаго врача Оривасія, продолжалъ Дексиппа, а въ сущности написалъ исторію императора Юліана, котораго христіане именовали Отступникомъ, но передъ геніемъ котораго преклоняется этотъ ученѣйшій (*λογιώτατος*) историкъ. Это «продолженіе Дексипповой исторіи» было въ 14 книгахъ и обнимало время отъ 270—404 г. Всѣ знали — и это было видно съ перваго взгляда — что Эвнапій въ сущности хотѣлъ превознести Юліана. Историкъ самъ не отрицалъ этого. «Мы сочли нужнымъ, говоритъ онъ, все отнести

([1]) Визант. историки, пер. С. Дестунисомъ (Пет. 1860); I, 42.

къ Юліану, который царствовалъ въ наше время и которому родъ человѣческій покланялся какъ нѣкоему богу» ([1]). Можно представить себѣ достовѣрность свидѣтельствъ Эвнапія, на котораго безусловно въ свое время ссылалась языческая партія въ послѣдней борьбѣ съ христіанствомъ. Всѣхъ отрывковъ дошло 109, изъ коихъ нѣкоторые въ 2—3 строчки; какъ нарочно въ нихъ меньше всего говорится объ Юліанѣ, за исключеніемъ общихъ мѣстъ. Въ источники для Юліана въ силу изложенныхъ соображеній Евнапій не годится.

3) Олимпіодоръ Өивянинъ въ первой половинѣ V вѣка написалъ 22 книги «Исторіи» (λόγυς ἱστορικοὺς) съ 407 до 425 года, посвятивъ ихъ Өеодосію Младшему. Зосимъ очень усердно пользовался ими или, просто говоря, переписалъ ихъ. Извлеченіе сдѣлалъ изъ него Фотій, этотъ неутомимый патріархъ, которому такъ много обязана византологія.

4) Прискъ оставилъ драгоцѣнное описаніе посольства къ Атилѣ, которое не совсѣмъ вѣрно цитировали Гиббонъ и Гизо ([2]). Онъ родился въ началѣ V вѣка и умеръ въ 471 г. Обстоятельства выдвинули его впередъ, сдѣлали дипломатомъ, а литературный талантъ давалъ возможность составлять описанія посольствъ такъ интересно, что они обращали на себя вниманіе императоровъ. Марціанъ давалъ ему кромѣ того порученія въ Аравію и Египетъ. Онъ продолжалъ Олимпіадора до 474 г.; въ его исторіи главный интересъ представлялъ описаніе обычаевъ и нравовъ гунновъ и изложеніе посольства къ Атилѣ, въ которомъ онъ игралъ большую роль.

5) Малхъ Филадельфіецъ, родомъ изъ Палестины продолжалъ Приска отъ 474 до 480 г. въ 7 книгахъ. По словамъ Фотія, въ его «Библіотекѣ» ([3]), историческое изложеніе Малха

([1]) Виз. историки. Отрывки изъ Эвнапіевой исторіи. I, 83.

([2]) Въ русскомъ переводѣ издано два раза С. Дестунисомъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1842, № 2) въ извлеченіи и Г. Дестунисомъ, его сыномъ:— Сказанія Приска Панійскаго въ Уч. Зап. II Отд. Акад. Наукъ въ 1860 г.; у Нибура во II томѣ.

([3]) Фотій—большею частью до своего патріаршества—перечиталъ до 280 книгъ и сдѣлалъ изъ нихъ оглавленіе или извлеченія, чѣмъ оказалъ безцѣнную заслугу наукѣ, сохранивъ память о массѣ литературныхъ произведеній, которыя иначе не дошли бы до насъ даже по имени. Изъ этихъ книгъ 200 богословскихъ, а около 80 свѣтскихъ. Сводъ называется

превосходно; слогъ его чистъ, непринужденъ, ясенъ, цвѣтущъ. Онъ не презиралъ новыхъ словъ, въ которыхъ есть выразительность, звучность и величіе. Однимъ словомъ, по Фотію, трудъ Малха образецъ историческаго сочиненія, хотя историкъ не могъ перестать быть софистомъ и риторомъ, что обусловливалось его образованіемъ. Отъ Малха мы имѣемъ гораздо болѣе значительные отрывки, чѣмъ отъ предшествовавшихъ хронистовъ. Это цѣлыя мѣста, иногда даже законченныя, напр. событія подъ 479 г.

6) Петръ Илліріецъ, былъ не разъ назначаемъ императоромъ Юстиніаномъ въ посольства въ Италію, къ готамъ, въ Персію, къ папѣ. Разъ остготы удержали его заложникомъ въ плѣну. Онъ тщательно заносилъ въ дневникъ все, что его интересовало и собралъ весьма цѣнные документы, которыми снабдилъ книгу «О гражданскомъ устройствѣ» (¹). Кромѣ того онъ писалъ ἱστορίαι о Римской имперіи, которое до насъ въ самыхъ ничтожныхъ отрывкахъ «Эти Историческія событія», видимо въ прагматической формѣ, обнимали время отъ Августа до Юліана.

7) Менандръ Византіецъ важенъ по отношенію къ исторіи славянскихъ народовъ. Его сочиненіе называется продолженіемъ «Исторіи Агафія». Отъ него сохранились цѣлые отдѣлы; число отрывковъ доходитъ до 67 за время 568—581 г., при чемъ для славянъ интересны отрывки 48, 49, 65 и 66, касающіеся также борьбы съ аварами.

8) Для булгаръ и Аспаруха имѣетъ значеніе Кандидъ Исавранинъ. Онъ былъ пришлецъ въ Византіи и внесъ провинціализмъ въ свое изложеніе, какъ свидѣтельствуетъ Фотій. «Онъ хотѣлъ казаться труднымъ и не заботящимся о пріятности языка». Къ сожалѣнію, отъ него не сохранилось даже отрывковъ и все, что мы знаемъ изъ Кандида, ограничивается сжатымъ пересказомъ Фотія, изъ котораго видно, что книга Кандида была полна интереса. Византійцы той отдаленной поры умѣли иногда облекать исторію въ занимательный романъ. Въ то время какъ на

обыкновенно *Библіотека или Десятитысячекнижіе* (*Μυριοβίβλον*), но полное переводное заглавіе его: «Описаніе и перечисленіе прочтенныхъ нами книгъ, числомъ 279, обозрѣніе коихъ желалъ имѣть возлюбленный братъ нашъ Тарасій».

(¹) Анджело Маи нашелъ въ Ватиканѣ палимпсестъ подъ другимъ заглавіемъ — *περὶ πολιτικῆς επιστήμης*.

Западѣ, классическія преданія исчезли и исторія обращалась въ скучную погодную запись, на Востокѣ стремились къ прагматизму и даже къ художественности. Онъ излагалъ время 457—491 гг.

9) Ноннось, современникъ Кандида, въ послѣдніе годы правленія Юстиніана, описалъ свое посольство къ эфіоплянамъ и и другимъ восточнымъ народамъ. Конспектъ, къ сожалѣнію, слишкомъ краткій, сдѣлалъ тотъ же Фотій. Трудъ Нонноса, въ которомъ онъ описываетъ между прочимъ и посольство своего отца Авраама, весьма интересенъ для географіи Востока. Египетъ былъ описанъ подробно, а также Эѳіопія; кажется, византійцы проникли въ Абиссинію и были на островахъ Индѣйскаго океана. На одномъ изъ нихъ путешественники видѣли, разсказываетъ Фотій, слѣдующее диво. «Нонносу попались существа, имѣющія видъ человѣческій, малорослыя, чернаго цвѣта, по всѣму тѣлу мохнатыя. За мущинами слѣдовали женщины, похожія на мущинъ и дѣти, еще менѣе ихъ. Всѣ были нагіе; только старѣйшіе, мущины и женщины, прикрывались небольшою кожѣю. Они не имѣли въ себѣ ничего дикаго и свирѣпаго; голосъ у нихъ человѣческій, но языкъ ихъ неизвѣстенъ никому изъ окрестныхъ народовъ, тѣмъ менѣе спутникамъ Нонноса. Эти люди питались морскими устрицами и рыбами, выбрасываемыми моремъ на островъ. Они были робки и при видѣ людей боялись ихъ, какъ мы боимся большихъ звѣрей». Это мѣсто, конечно, сильно сокращено аббревіаторомъ. Тѣмъ внушительнѣе повѣствовательныя достоинства византійскихъ путешественниковъ и мемуаристовъ, воспитавшихся на образцахъ.

10) Ѳеофанъ Византіецъ въ послѣдніе годы императора Маврикія (583—602 г.) писалъ исторію Юстиніана, Юстина и Тиверія (до 581 г.), обращая особое вниманіе на отношенія къ Востоку и къ Персіи въ частности. Отъ этого большаго труда не дошло ничего. Фотій приводитъ два мѣста и между прочимъ цитату о шелковичныхъ червяхъ, которыхъ доставилъ при Юстиніанѣ одинъ персъ въ Византію въ простой трости, научивъ грековъ искусству шелководства. „Въ началѣ весны этотъ персъ выпустилъ сѣмена на листья шелковичнаго дерева; вскормленныя листьями сѣмена окрылились и произвели шелкъ“ (¹). Какъ всѣ византійцы, Ѳеофанъ считаетъ римлянъ, т. е. своихъ соотечественниковъ, героями. Они

(¹) Византійскіе историки; I; 493.

убиваютъ 1200 непріятелей въ сраженіи, теряя только 70 убитыхъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ писателями несомнѣнно знающими, но о сочиненіяхъ коихъ можно судить лишь по отрывкамъ, болѣе или менѣе значительнымъ. Слѣдующій историкъ VI вѣка дошедъ до насъ вполнѣ. Безъ него мы не знали бы исторіи Юстиніана, этого Луи XIV Византіи.

11) Прокопій Кесарійскій, палестинскій уроженецъ, жилъ въ эпоху полнаго блеска Восточной имперіи, когда ея повелители по справедливости считали себя властителями всего историческаго міра. Прокопія называютъ риторомъ и софистомъ, но тогда съ этими словами не сочеталось обиднаго представленія, унижающаго авторитетъ писателя. Прокопій былъ учителемъ и, можетъ быть, адвокатомъ. Онъ сталъ извѣстенъ Велизарію, который взялъ его съ собою въ персидскій походъ въ качествѣ секретаря и съ званіемъ «совѣтника». Прокопій долго оставался при особѣ знаменитаго полководца и, видимо, пользуясь его довѣренностью, воспользовался богатымъ матеріаломъ для исторіи войны 532 г. Началась борьба съ вандалами. Велизарій опять пригласилъ своего ὑπογραφεύς, довѣряя ему даже военныя, довольно щекотливыя порученія. Въ Сиракузахъ, подъ видомъ закупки пшеницы, Прокопій шпіонитъ и изучаетъ силы и средства вандаловъ. Въ войнѣ съ готами, наставшей послѣ погрома африканскаго царства, Прокопій не оставляетъ своего начальника. Онъ сопровождаетъ греческую армію въ продолженіи всей итальянской компаніи. Когда въ 541 г. Велизарій, несправедливо заподозрѣнный въ измѣнѣ, былъ отозванъ въ Византію, Прокопій оставался въ Италіи. Судьба снова сблизила Прокопія съ знаменитымъ полководцемъ. По намеку Өеофана можно заключить, что тотъ же Прокопій, уже будучи эпархомъ, былъ назначенъ слѣдователемъ и судьею въ процессѣ Велизарія. Прокопій Кесарійскій.

Такое выгодное оффиціальное положеніе дало Прокопію возможность описать то, что онъ видѣлъ. „Война римлянъ съ персами, вандалами и готами“,—такъ называется капитальное сочиненіе историка. Онъ самъ сознаетъ это въ предисловіи. Двѣ книги посвящены персидской войнѣ, двѣ вандальской и четыре готской съ дополненіями и поправками, для коихъ предназначена собственно VIII книга ([1]), явившаяся позднѣе, а именно въ 555 г, тогда какъ

([1]) «Въ ней будетъ изложено то, что произошло въ этихъ войнахъ

первыя 7 вышли въ 551 г. Прокопій смотритъ на свой трудъ съ утилитарной точки зрѣнія. «Память о тѣхъ дѣяніяхъ будетъ знаменательна и полезна, говоритъ онъ, какъ для современниковъ, такъ и для потомковъ, если время когда нибудь приведетъ ихъ къ подобной необходимости. Для тѣхъ, кто порывается на войны и на прочіе подвиги, такая исторія можетъ быть полезна, раскрывая имъ, какимъ образомъ совершались подобныя предпріятія прежними людьми, и знаменуя какой, по всей вѣроятности, будетъ исходъ настоящихъ дѣлъ, для принимающихся за нихъ благоразумно... Сочинитель убѣжденъ, что рѣчи ораторской подобаетъ сила, поэзіи—вымыселъ, исторіи — истина, а потому и не скрываетъ дурныхъ поступковъ даже и хорошихъ друзей своихъ, а со всею точностью описываетъ дѣла ихъ, хороши-ли они или дурны» ([1]).

Прокопій обманывалъ самого себя, когда писалъ эти послѣднія строки. Онъ скоро убѣдился, что при византійскихъ порядкахъ вообще, а особенно при такомъ самовластномъ и прихотливомъ императорѣ, какимъ былъ Юстиніанъ, не все можно писать, что думаешь. Всѣ писатели должны были изощряться такъ чтобы ихъ можно было понимать между строкъ. Слѣдовало или все хвалить или молчать. Прокопій поступалъ именно такъ; онъ дерзалъ обсуждать только дѣйствія непріятелей, такъ какъ въ греческомъ станѣ все должно было обстоять благополучно. Онъ въ этихъ видахъ въ 6 книгахъ въ тонѣ панегирика описалъ постройки Юстиніана, къ которымъ знаменитый императоръ чувствовалъ слабость. Но историкъ pro domo sua изготовилъ небольшое дополненіе, въ 30 главахъ, весьма остроумно назвавъ эти очерки: «Тайной исторіей» или Анекдотами (Ἀνέκδοτα, Historia arcana). Онъ, конечно, не дождался благопріятнаго времени для обнародованія этой болѣе истинной, а не оффиціально хвастливой «Войны». Рукопись Прокопія въ одномъ изъ ватиканскихъ списковъ нашелъ въ XVII вѣкѣ

по изданіи мною первыхъ книгъ этой исторіи, а равно и то что сдѣлано противъ персовъ. Оттого въ этомъ сочиненіи по необходимости повѣствованіе должно быть разнообразное» (De bello Goth. IV, I). Это замѣчаніе показываетъ, какъ серьезно смотрѣли вообще въ Византіи историки на свои обязанности.

([1]) Отдѣльныя лучшія изданія «Анекдотовъ»: Ed. pr.—Arcana historia Procopii—ex Bibl. Vat. N. Alemannus protulit; Lugd. 1623. До сихъ поръ никто не пошелъ далѣе комментаріевъ издателя—Orelli (L. 1827). Съ фр. переводомъ—Isambert (P. 2 vls. 1856). съ цѣлымъ рядомъ новыхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ и толкованію текста.

ученый Алеманни и напечаталъ ее, смутивъ ученый міръ неожиданнымъ открытіемъ памятника, который хотя принадлежалъ тому же Прокопію, но совершенно въ иномъ видѣ изображалъ помпозное царствованіе Юстиніана. Очень многіе, и тогда и послѣ, возстали противъ подлинной принадлежности анекдотовъ Прокопію. Между тѣмъ собственныя слова историка уничтожали возможность скептическаго отношенія къ вновь открытому произведенію. «Мнѣ невозможно было укрываться отъ множества соглядатаевъ, объясняетъ Прокопій въ Анекдотахъ, и, въ случаѣ если бы меня уличили, избѣгнуть ужасной смерти. Я не могъ положиться даже и на ближайшихъ родственниковъ; потому-то я и былъ вынужденъ скрывать причины событій, разсказанныхъ въ предъидущихъ сочиненіяхъ (*λόγοις εἰρημένων*)» ([1]). Въ виду того, что Прокопій въ послѣднемъ трудѣ совершенно иначе представляетъ время и личность Юстиніана, называя его алчнымъ, порочнымъ, грабителемъ, критики старались въ самой исторіи отыскать нерасположеніе Прокопія къ императору. Изъ того что историкъ былъ скупъ на похвалы Юстиніану, заключали что нѣтъ противорѣчія между тѣмъ и другимъ произведеніемъ Такъ объясняли Алеманни и Гиббонъ. Теперь, послѣ доказательствъ Тейфеля и Изамбера, колебаніямъ и сомнѣніямъ уже нѣтъ болѣе мѣста. «Въ обоихъ произведеніяхъ одинаковое міросозерцаніе, тотъ же фатализмъ, та же связь вины и кары, тѣ же суевѣрія, то же изложеніе, тѣ же обороты, та же погоня за общими мѣстами, тотъ же слогъ, только нѣсколько небрежнѣе въ Анекдотахъ. Въ наше время только тотъ можетъ отвергать подлинность Войнъ или Анекдотовъ,—кто ихъ не читалъ» ([1]) Прокопій ученый историкъ. Онъ тщательно собираетъ и анализируетъ свои источники. Онъ обращается къ персамъ, армянамъ, евреямъ; онъ изучаетъ финикійскія древности; говоря о письмѣ Спасителя къ Авгару, онъ замѣчаетъ что въ такомъ видѣ оно «не было извѣстно сочинителямъ исторіи того времени» ([2]), обнаруживая знакомство съ этими теперь не существующими памятниками, современными началу христіанства.

([1]) Критическія изсл. Teuffel. Procopius (Allg. Zeitschrift für Gesch. von Schmidt, B. 1847).—Dahn. Procopius von Caesarea.—Макушевъ— Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ (II. 1861).—Г. Дестунисъ. Пред. къ изд. Войнъ Прокопія (II. 1862).

([2]) Procopius. De bello Persico. II. 12.

Въ періодѣ отъ VII до X вѣка послѣдовала реакція въ ходѣ византійской исторіографіи. Она объясняется тогдашними бурными церковными и политическими событіями, частою смѣною императоровъ, сценами насилія, которыя поселяли опасенія въ рядахъ тѣхъ, кои одни имѣли возможность взяться за перо. Наконецъ, самъ императоръ сталъ историкомъ.

Константинъ Багрянородный (912—959 г.).

Это былъ Константинъ VI Багрянородный, выдающійся писатель и ученый. Его прозвище объясняютъ то рожденіемъ въ «порфирѣ», т. е. въ томъ зданіи изъ багрянаго мрамора, которое предназначалось для беременныхъ императрицъ, то отъ происхожденія императорскаго. Принимая въ соображеніе, что Константинъ родился до брака его отца Льва съ Зоею, таковыя объясненія не могутъ имѣть мѣста. Согласно догадкѣ Зернина, это прозвище дано было сыну отцомъ, чтобы тѣмъ самымъ узаконить за мальчикомъ права на престолъ, которыхъ онъ не имѣлъ по рожденію (¹). Константину не было 7 лѣтъ, когда онъ остался послѣ смерти отца. Фактически онъ былъ обреченъ на безсиліе; за него управлялъ дядя, который черезъ годъ скончался отъ разгульной жизни. Послѣ него вернулась изъ изгнанія мать, окружившая себя фаворитами. Одинъ изъ нихъ, Романъ Лакапинъ долго располагалъ судьбой имперіи, сперва получивъ титулъ кесаря единолично, потомъ съ двумя сыновьями. Послѣдніе постарались черезъ 20 лѣтъ избавиться отъ родителя, сославъ его. Стефанъ и Константинъ, дѣти Романа, вызвали противъ себя крупныя мѣры со стороны всегда тихаго и податливаго Константина VI; они были разосланы по монастырямъ, гдѣ пострижены, и, наконецъ, послѣ пяти кесарей, правившихъ одновременно, настало съ января 945 г. единовластіе. Константинъ VI былъ слабымъ государемъ; приближенные по прежнему дѣлали изъ него, что̀ хотѣли. Нелюбимая жена замѣнила распутную мать. Но слабый правитель, какъ бы отвращаясь отъ міра, не надѣвая рясы монаха, сосредоточился на ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ и, обложенный манускриптами самаго разнообразнаго содержанія, не покидалъ своего помѣщенія, весьма удобно приспособленнаго для литературныхъ трудовъ. Отвращаясь отъ настоящаго, онъ

(¹) А. Зернинъ, Жизнь и литер. труды имп. Константина Багр. (Харьк. 1658, стр. 112). К. Гротъ, Изв. Конст. Багр. о сербахъ и хорватахъ (П. 1880). Hirsch. Kaiser Constantinus VI (B. 1873). Rambaud L'Empire grec au X siècle (P. 1876).

весь жилъ въ прошломъ. Онъ допускалъ въ свое общество ученыхъ, художниковъ, но не благоволилъ къ сановникамъ и государственнымъ людямъ. Книгу онъ считалъ своего рода палладіумомъ. Онъ составилъ списокъ рукописей, которыя обязательно долженъ имѣть при себѣ императоръ въ походахъ. Прежде всего надо взять церковный служебникъ, затѣмъ сочиненія классическія по военной исторіи и военному искусству. Между прочимъ Константинъ составилъ съ этою же цѣлью трактатъ о метеорелогическихъ явленіяхъ; слѣдуетъ захватить также для справокъ «Сонникъ» Артемидоровъ и его же сочиненіе о примѣтахъ. Въ наукѣ Константинъ нашелъ себѣ достойное мѣсто; наука создала ему славу въ потомствѣ; она дала то, чего не нашелъ онъ въ семьѣ, въ нѣдрахъ которой, среди порочной атмосферы, выросъ преступный сынъ, рѣшившійся погубить родного отца. Хотя біографъ императора, анонимный «продолженный» Ѳеофанъ, выгораживаетъ много постыдныхъ поступковъ наслѣдника престола, но Кедринъ приписываетъ смерть Константина VI, медленно дѣйствующему яду, который на Олимпѣ въ Виѳиніи Романъ преподнесъ своему отцу и отъ котораго будто умеръ Багрянородный въ ноябрѣ 959 года.

Между тѣмъ именно въ руководство своему преемнику и сыну Константинъ составлялъ свое сочиненіе «Объ управленіи имперіей». Это плодъ кропотливой разносторонней учености вѣнценосца, несомнѣнно благонамѣреннаго, проводившаго лучшіе часы въ духовной сферѣ, который хотѣлъ научить сына той политической мудрости, которая не давалась ему самому.

— «Раздумывай о настоящемъ, сынъ мой, пишетъ Константинъ въ приступѣ къ своему трактату, познавай будущее, чтобы имѣть и разумный совѣтъ и опытность и чтобы быть въ силахъ достойнымъ образомъ приняться за важныя дѣла. Прежде всего я передамъ тебѣ о томъ, какой народъ въ чемъ можетъ быть полезенъ римлянамъ и въ чемъ можетъ причинять имъ вредъ. Далѣе, какъ живутъ разные народы и съ помощію какого народа можно угрожать войною другому или покорить его. Далѣе, о ненасытности и алчности ихъ, а также о безстыдныхъ ихъ требованіяхъ. Я буду говорить о различіи между народами, объ ихъ происхожденіи, образѣ жизни, о положеніи и условіяхъ земли, ими населенной, объ обширности и разстояніяхъ земли, равно и о томъ, что происходило въ разныя времена между римлянами и различными народами; да-

лѣе о томъ, что въ извѣстныя эпохи сдѣлано новаго у самихъ насъ, римлянъ». По этому плану, въ формѣ поученія (постоянныя ἰστέον ἔτι, «надо вспомнить»), Константинъ составилъ въ послѣдніе годы своей жизни, отъ 948 по 952 г., обширный историко-политическій трактатъ, заглавіе котораго не сохранилось, но которое теперь называютъ: «Объ управленіи имперіей». Онъ ссылается на Θеофана, Аполлодора, Артемидора и другихъ географовъ. Его цѣлью было обрисовать положеніе западныхъ славянскихъ и восточныхъ провинцій, историческая жизнь которыхъ была безусловно связана съ Византіей. Критика дѣлитъ весь трудъ на слѣд. части: 1) политическую, первыя 13 главъ, гдѣ говорится объ отношеніяхъ имперіи къ варварскимъ народамъ; 2) историко-географическую, въ которой излагается образъ жизни, обычаи, происхожденіе и нравы варваровъ до 46 гл.; 3) византійскую до 53 гл. ([1]). Изложеніе сбивчивое и вялое, но этому труду мы обязаны массой свѣдѣній о славянахъ русскихъ, особенно юговосточныхъ, какъ то: болгарахъ, сербахъ и хорватахъ. Изъ 53 главъ трактата посвящены славянамъ 1 (IX) русскимъ, 1 (XLI) моравскимъ, 2 пелопонесскимъ (XLIX, L), 1 (XXXII) болгарамъ, 8 (XXIX—XXXVII) сербамъ и хорватамъ. Еще болѣе мѣста отводитъ Константинъ другимъ народамъ, а именно 3 главы (въ концѣ) Кавказу и армянамъ, 6—сѣвернымъ народамъ, 6—германскимъ и романскимъ и болѣе всего, въ 8 главахъ, трактуетъ объ арабахъ. Все это помѣщено отъ 14 до 46 главы. Этнографія сосѣдей такимъ образомъ занимаетъ гораздо болѣе половины всего сочиненія. Заслуга Константина въ томъ, что онъ собиралъ и компилировалъ цѣнные оффиціальные документы. Внутренней жизни онъ касается мало, но бытовая сторона оцѣнена, не смотря на спутанность изложенія, довольно обстоятельно.

Его наставленія имѣютъ характеръ политическаго завѣщанія. Напримѣръ, онъ совѣтуетъ сыну Роману вступить въ бракъ съ гречанкой. «Какъ въ животномъ мірѣ общеніе существуетъ только между тѣми, кои принадлежатъ къ одному и тому же роду, такъ приличествуетъ и людямъ заключать браки не съ иноплеменными и разноязычными, но съ принадлежащими къ одному и тому же племени и языку. При такомъ условіи обыкновенно бываютъ постоянное согласіе и дружественное общеніе или сожительство; разные

([1]) Гротъ. Изв. Константина Багр. стр. 17.

же нравы и различіе въ законахъ скорѣе порождаютъ непріязнь и разводы, вмѣсто дружбы и общенія. И государи, которые желаютъ царствовать законно, должны слѣдовать примѣру не тѣхъ, которые, по своей заносчивости. въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживаютъ недостатокъ такта и знанія, но тѣхъ, которые царствовали, соблюдая законы и правду, совершили похвальныя дѣянія, давъ собою прекрасный образецъ для подражанія».

Чисто-историческій трудъ Константина посвященъ жизнеописанію и правленія императора Василія Македонянина (867—886 г.) *Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ πράξεων τοῦ Βασιλείου*. Неизвѣстный авторъ продолжалъ изложеніе Багрянороднаго и описалъ его собственное правленіе—до 963 г. Здѣсь Константинъ сильно украшаетъ разсказъ риторикой. Но по общему, прекрасно выдержанному плану, по тщательной отдѣлкѣ, это выдающееся историческое произведеніе обнаруживаетъ въ авторѣ сильный талантъ. Ни одно историческое сочиненіе X вѣка не можетъ быть поставлено съ нимъ въ сравненіе. Въ I кн. разсказана жизнь Василія до его воцаренія; во II — изображено управленіе, администрація; въ III —борьба на Востокѣ и на Западѣ; въ IV— общественныя и публичныя сооруженія; въ V—придворная, частная исторія. Большой талантъ, къ сожалѣнію, направленъ на дурную цѣль. Константинъ хочетъ оправдать Василія въ тѣхъ убійствахъ, предательствахъ и политическихъ преступленіяхъ, въ коихъ обѣлить нельзя; вотъ почему на помощь призваны софистика и риторика. Въ концѣ концовъ Василій является героемъ.

Извѣстныя *Σύνταγμα* или «Церемоніалъ Византійскаго двора» также предназначались въ руководство наслѣднику престола, ибо безъ церемоній Константинъ не понималъ управленія и прочности престола. Особа императора должна быть недосягаема и отстранена отъ подданныхъ цѣлою стѣною разныхъ посредствующихъ лицъ, исполняющихъ придворный этикетъ. Чтобы быть государемъ, надо свято хранить отцовскія преданія, а прежде всего придворные обряды и церемоніи.

Константинъ не окончилъ этого труда. Кто продолжалъ его— осталось неизвѣстнымъ. Такъ называемые *περὶ θεμάτων*, «о провинціяхъ», въ 2 книгахъ, служатъ дополненіемъ къ «управленію имперіей» какъ бы составляя ея неотъемлемую часть ([1]).

([1]) Рачкій, хорватскій ученый, въ изсл. о Константинѣ VI (Кпі-

Десятый вѣкъ былъ счастливъ для византійской исторіографіи. Вскорѣ послѣ Багрянороднаго пишетъ обширный трудъ Левъ діаконъ. Цѣлыхъ десять книгъ онъ посвящаетъ царствованію Никифора Фоки и побѣдамъ Іоанна Цимисхія, т. е. времени отъ 963 до 976 г. Въ распредѣленіи частей видно вліяніе исторіи Константина, который явился учителемъ позднѣйшихъ историковъ.

Послѣ X вѣка византійская исторіографія получаетъ еще болѣе широкое развитіе. Съ X по XIV вѣкъ можно установить группы византійскихъ историковъ. Представители первой группы: Никифоръ Вріенній, Анна Комненъ, Іоаннъ Киннамъ, Никита Акоминатъ, Никифоръ Григорасъ, Георгій Пахимеръ, Халкондилосъ, Іоаннъ Канатакузинъ — излагаютъ цѣлые періоды; во 2-й хронографы разсказываютъ съ сотворенія міра, подобно лѣтописцамъ (Кедринъ въ XI, Манассія въ XII в.); въ 3-ей—мемуаристы и монографы; къ 4-ой относятся сочиненія по администраціи, древностямъ и государственному управленію. Изъ названныхъ писателей первой группы выдаются: Никифоръ Вріенній, его супруга Анна Комненъ и Никита Акоминатъ. Первые двое относятся къ первой половинѣ XII вѣка; Никита къ началу XIII столѣтія. Никифоръ и Анна писали о слишкомъ близкихъ къ нимъ событіяхъ, въ которыхъ были заинтересованы; потому ихъ труды столько же относятся къ первой изъ перечисленныхъ группъ, какъ и къ третьей. Никифоръ и Анна былъ и историками и мемуаристами, при чемъ Анна продолжала записки своего мужа. Они подражали Константину, который въ жизни Василія Македонянина далъ своего рода образецъ для составленія монографій.

Никифоръ Вріенній. Никифоръ Вріенній принадлежалъ къ адріанопольской аристократіи; его дѣдъ и отецъ принимали участіе въ мятяжѣ, за что были ослѣплены послѣ неудачной для нихъ битвы съ правительственными войсками. Но иная судьба ожидала Никифора. Родоначальникъ новой династіи, Алексѣй Комненъ, обратилъ вниманіе на молодаго Вріеннія, взялъ его ко двору, гдѣ Никифоръ скоро выдвинулся, достигъ высшихъ должностей при покровительствѣ императора, который сдѣлалъ его самымъ довѣреннымъ лицомъ и, на-

ževnik. Zagr. 1864) упоминаетъ о неизданномъ юридическомъ трактатѣ Багрянороднаго — Ἐκλογή νόμων, имѣющемся въ папской библіотекѣ манускриптовъ, въ Ватиканѣ.

конецъ, возведя въ санъ соправителя, наименовалъ Кесаремъ и выдалъ за него дочь свою, Анну. Удивительное счастье, сопутствовавшее Никифору, не сдѣлало его неблагодарнымъ. Раздѣляя съ своимъ вѣнценоснымъ покровителемъ труды управленія, онъ, послѣ его смерти, по предложенію вдовы-императрицы, пользуясь оффиціальными матеріалами и собственными воспоминаніями юныхъ годовъ, изложилъ исторію или, точнѣе, записки о времени императора Василія II и Константина VIII и ихъ преемниковъ до утвержденія въ императорскомъ санѣ Алексѣя I Комнена, т. е. отъ 976 до 1087 г. По мѣрѣ приближенія къ позднѣйшему времени, изложеніе становится подробнѣе. Авторъ не скрываетъ, что онъ своимъ трудомъ хочетъ воздать долгъ благодарности «великому» царю Алексѣю I (1081—1118 г.), хотя успѣлъ разсказать только первые 6 лѣтъ его правленія. Его цѣль доказать что Алексѣй Комненъ справедливо поступилъ, отнявъ власть у Никифора Вотоніата. Тенденціозность, больное мѣсто у всѣхъ византійцевъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что Никифоръ и супруга его Анна, какъ ихъ предшественники, въ родѣ Константина Багрянороднаго, такъ и послѣдователи въ родѣ Никиты Акомината, всѣ обладали выдающимися талантами, проявили дѣйствительное призваніе къ историческимъ трудамъ и могутъ читаться всякимъ образованнымъ человѣкомъ съ удовольствіемъ даже въ наше время, богатое произведеніями исторіографіи. Между тѣмъ вотъ къ какимъ отзывамъ долгъ благодарности обязываетъ Никифора.

Бѣда въ томъ что Никифоръ почувствовалъ въ себѣ совершенно не во время силы Геркулеса.

«Описаніе дѣяній Алексѣя было бы трудно и превышало бы мои силы, и я отказался бы отъ такой работы, если бы не побуждала меня къ тому геркулесовская сила, заставляющая меня этимъ кратковременнымъ трудомъ возблагодарить за полученныя мною величайшія блага. Да и чѣмъ другимъ могъ бы я достойно воздать ему за все, что онъ мнѣ содѣлалъ, если бы прошелъ молчаніемъ его дѣянія и попустилъ ихъ покрыться глубокимъ мракомъ забвенія. Если же мое слово не въ состояніи будетъ высказать все, то да не подвергнется оно за это ни отъ кого порицанію. Не исторію писать и не похвалы сплетать ему я намѣренъ. Это не безъ труда могло бы быть исполнено даже со способностями Ѳукидида и съ краснорѣчіемъ Демосѳена. Приступая къ сему дѣлу, имѣю въ виду

дать нѣкоторый поводъ другимъ, которые захотѣли бы описывать его дѣянія. Моему слову да будетъ имя лишь историческаго матеріала».

Такъ развилась исторіографія въ Византіи, что уже въ XII вѣкѣ установилось самое широкое представленіе объ ея цѣляхъ. Современникъ понималъ, что онъ не можетъ и не долженъ быть историкомъ, что онъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ является такъ или иначе заинтересованнымъ въ событіяхъ. Его задача ограничивается только приготовленіемъ матеріала, въ лучшемъ случаѣ, записью о томъ что видѣло то или другое лицо,—достаточно обработанной и освѣщенной. Но Никифоръ не исполнилъ своего намѣренія. Время не позволило ему изложить правленіе царя Алексѣя I. Эту задачу исполнило другое, самое близкое къ нему лицо.

Анна Комненъ (1083-1148 г.). Съ такой же точки зрѣнія, какъ Никифоръ, смотритъ на свой трудъ даровитая продолжательница, его супруга Анна, дочь императора Алексѣя, исполнившая завѣтъ мужа и отца. Она часто называетъ себя порфирородною, такъ какъ родилась, когда ея отецъ уже носилъ царскій вѣнецъ. Современники единогласно считаютъ ее замѣчательнѣйшей женщиной по обширному образованію. Она превосходила въ этомъ отношеніи другую писательницу, дочь полководца Константина, Евдокію, супругу императоровъ Константина Дуки и Романа Діогена, прославившуюся на литературномъ поприщѣ своимъ «Фіалковымъ садомъ», полувѣкомъ раньше Анны Комненъ. Евдокія проявила основательное знакомство съ древней миѳологіей. Анна, погруженная въ историческіе и политическіе матеріалы, по опыту знавшая тайны государственнаго управленія во всѣхъ его отрасляхъ, производитъ впечатлѣніе весьма серьезной и умной писательницы. Она знала составъ армій и флотовъ, организацію судовъ, боренія внутри Церкви и въ то же время наизусть цитировала Платона, Аристотеля, классиковъ, позднѣйшихъ риторовъ и богослововъ. Она говорила на чистѣйшемъ аттическомъ нарѣчіи замѣчательно краснорѣчиво и вообще производила сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто имѣлъ возможность вступить съ ней въ бесѣду. Западные гости, крестоносцы подпадали ея обаятельному вліянію, равно какъ ученые монахи и государственные люди Византіи. Эта умнѣйшая изъ всѣхъ средневѣковыхъ женщинъ не знала высшаго удовольствія, какъ разсуждать съ учеными, обогащая умъ

этой бесѣдой, чтобы потомъ сосредоточиться на предпринятой исторической работѣ въ честь своего отца, оклеветаннаго западными историками. Естественно, благодарная дочь, благоговѣвшая передъ памятью императора, не могла остаться хладнокровною и равнодушною къ государю, «который умѣлъ и управлять и повиноваться». Она написала «Алексіаду», въ которой слишкомъ превозноситъ своего родителя, хотя вначалѣ обѣщаетъ быть безпристрастной въ сознаніи своей высокой задачи.

«Кто вступаетъ на поприще историка, пишетъ Анна, тотъ долженъ забыть и о благорасположеніи, и о ненависти и часто превозносить величайшими похвалами враговъ, когда того потребуютъ дѣла, часто также обличать и людей приближеннѣйшихъ, когда указываются ихъ ошибки въ исполненіи дѣлъ. Посему историку не надо затрудняться ни въ порицаніи друзей, ни въ одобреніи враговъ» (¹). Это обѣщаніе, къ сожалѣнію, осталось неисполненнымъ. Западная критика произнесла слишкомъ строгій приговоръ надъ Анной, но слѣдуетъ замѣтить что безпристрастіе—особенно при данныхъ условіяхъ—не есть качество, которымъ могли бы гордиться лѣтописи латинскія, французскія и даже итальянскія. Въ сочиненіи Анны, помимо ея личныхъ взглядовъ и сужденій, важны источники, коими она располагала. Для науки на первомъ планѣ долженъ стоять этотъ матеріалъ, которымъ пользуются историки.

Анна приступила къ своей исторіи потому, что ея мужъ, Никифоръ Вріенній, не исполнилъ своего намѣренія и, распространившись о событіяхъ первой половины XI вѣка, не успѣлъ изложить все правленіе Алексѣя. Сама Анна смотритъ на свой трудъ лишь какъ на матеріалъ для періода отъ 1086 до 1118 г., называя его «Сокращеннымъ сказаніемъ», хотя Алексіада разрослась на 10 книгъ. Увлеченіе Анны своимъ родителемъ высказалось въ самомъ началѣ, въ 4 главѣ I книги, которая документально обличаетъ автора и впечатлѣніе которой не могутъ сгладить всѣ попытки Анны встать въ дальнѣйшемъ изложеніи на критическую почву.

Въ ряду писателей позднѣйшаго времени Никита Акоминатъ занимаетъ первое мѣсто (²). Онъ жилъ во 2-й половинѣ XII и въ **Никита Акоминатъ (1155-1216 г.).**

(¹) Византійск. историки. Трудъ Анны Комненой, пер. Карпова (1859), стр. 3. Первое изданіе 1590 г. Лучшее Л. Шопена, 1839. въ Боннскомъ. Критика: Wilmans. A. Comnen (Pertz. Archiv. X. 93 etc.).

(²) Первое изданіе Вольфа съ лат. пер. въ Базелѣ 1557 года.—

кита ради назиданія располагаетъ въ извѣстныхъ цѣляхъ историческимъ матеріаломъ. «Моя исторія. говоритъ онъ, не должна быть хвалебной пѣснью дѣлъ варварскихъ». Говоря объ Алексѣѣ III, онъ заявляетъ, что многое опускаетъ, чтобы не дѣлать изъ исторіи пасквиль. Онъ предназначаетъ исторію для всѣхъ современниковъ и потомства. «Исторію должны читать всѣ—и высшіе и низшіе, образованные и невѣжественные; всѣхъ она должна поучать своимъ простымъ и яснымъ словомъ».

Онъ не былъ очевидцемъ событій, описываемыхъ въ началѣ его труда; онъ началъ съ 1118 года со смерти Алексѣя I Комнена, когда сталъ править Калоіоаннъ. Въ I книгѣ изложены войны царя Іоанна и придворныя извѣстія по хроникѣ Киннама. О Мануилѣ 7 книгъ, въ коихъ не совсѣмъ точно говорится объ обстоятельствахъ 2-го крестоваго похода и о славянахъ. Съ Алексѣя II (1180) онъ болѣе самостоятеленъ, а особенно съ Андроника (1183), къ которому пристрастенъ, хотя не скрываетъ, что никогда государство не пользовалось такимъ спокойствіемъ, развитіемъ промышленности и богатствомъ. Лучше изложено въ трехъ книгахъ время Исаака Ангела, который былъ два раза императоромъ, сперва отъ 1185 до 95, потомъ въ 1203—1204 г., посаженный крестоносцами. Его сынъ, Алексѣй IV взялъ на себя непосильную обязанность, которую тщетно пытался исполнить его отецъ. Для Алексѣя V—особая книга. О событіяхъ послѣ завоеванія столицы также отдѣльная книга. Водвореніемъ Ласкариса въ Никеѣ и коронаціей императора Генриха I въ Царьградѣ—Никита кончаетъ свою исторію.

Въ трудахъ Никиты византійская исторіографія достигаетъ высшаго развитія. Георгій Пахимеръ, будучи духовнымъ лицомъ, описалъ время съ 1285 до 1308 года, т. е. царствованіе Михаила и Андроника Палеологовъ, когда вполнѣ обозначилось паденіе византійскаго общества и государства. Онъ много говоритъ о положеніи Церкви и тѣмъ восполняетъ пробѣлы, оставленные другими источниками.

Никифоръ Григорасъ (1295-1359 г.)

Самый выдающійся историкъ XIV вѣка, Никифоръ Григорасъ изобразилъ время еще болѣе печальное,—до второй половины XIV столѣтія. На немъ видимъ, какъ измѣняются цѣли историографіи. Она вмѣстѣ со всѣми факторами общественной жизни принизилась въ своихъ стремленіяхъ. Она пишется риторически и

постепенно обращается въ панегирикъ. Нѣтъ необходимости останавливаться въ подробностяхъ на этихъ явленіяхъ упадка историческаго искусства. Римская исторія Григораса, начинающаяся со взятія Царьграда латинами, т. е. съ 1204 до 1359 года, служитъ тому подтвержденіемъ. Въ добавокъ, она испорчена намѣренно монахами въ интересахъ императора Андроника Кантакузина. Трудъ Григораса слѣдуетъ читать, сравнивая съ сочиненіемъ сына названнаго Андроника, императора **Іоанна Кантакузина** (1341—1410 г.), считавшаго своимъ долгомъ защитить оклеветаннаго отца. Съ этою цѣлью онъ написалъ исторію Восточной Имперіи отъ 1320 до 1355 года. Будучи тенденціознымъ, это сочиненіе не можетъ имѣть значенія серьезнаго историческаго памятника. Довольно того, что вѣнценосный авторъ скрываетъ самые существенные факты. Онъ молчитъ, напримѣръ, о взятіи Никеи мусульманами, чтобы не помрачить славу своей династіи.

Такъ постепенно хирѣла византійская исторіографія, когда-то проявившая столь замѣчательныя литературныя и научныя произведенія.

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

1) Западная.

Лѣтопись у славянъ польскихъ, чешскихъ и русскихъ народилась одновременно съ упроченіемъ христіанства и съ появленіемъ идеи самопознанія у этихъ народовъ. У поляковъ средневѣковая хроника и исторія излагается исключительно на латинскомъ языкѣ, вслѣдствіе рѣшительнаго торжества католицизма, у чеховъ видимъ попытку національной хроники, а на Руси лѣтопись вполнѣ народная и народу доступная. При этомъ бытописаніе вездѣ продолжаетъ находиться до самого XV вѣка въ рукахъ духовенства и преимущественно монаховъ. Это относится столько же къ католическимъ, сколько православнымъ славянамъ. Образованіе у славянъ было долго привилегіею духовнаго сословія. Общество было почти лишено школьной образованности; представители его—и то въ очень небольшомъ количествѣ — едва умѣли читать и писать;

свѣтскіе люди не могли потому проявлять какого либо авторитета. Но эти монахи у поляковъ, напримѣръ, принимали живое участіе въ государственныхъ дѣлахъ; при случаѣ они являются въ военныхъ доспѣхахъ и въ тогѣ судьи [1].

Хроника у поляковъ. **Мартинъ Галлъ** († 1113 г.).

Таковымъ былъ монахъ Галлъ, сотрудникъ короля Болеслава Кривоустаго, по всему вѣроятію, родомъ итальянецъ. Онъ съ молодыхъ лѣтъ поселился въ Польшѣ и совершенно освоился съ новымъ отечествомъ. Онъ былъ современникомъ нашего Нестора, который пережилъ польскаго лѣтописца тремя годами. Въ его латинской хроникѣ—«Chronicae Polonorum usque ad 1113 libri III»—видны полонизмы [2]. Авторъ видимо думалъ по-польски, когда писалъ свою исторію и только традиціонная обязанность излагать непремѣнно по-латыни заставила его прибѣгнуть къ мертвому литературному языку. Онъ начинаетъ прямо съ легендарнаго Попела, во 2 главѣ говоритъ о Пястѣ, затѣмъ о Земовитѣ, Домбровкѣ, Болеславѣ Храбромъ, «который своею честностью позолотилъ всю Польшу» (I, 6) и останавливается на его походѣ въ Россію или «на царство Рутеновъ». Этотъ разсказъ весьма любопытенъ для насъ.

— «Надо на первомъ мѣстѣ изложить повѣствованіе о томъ, говоритъ Галлъ, какъ славно и великолѣпно отмстилъ Болеславъ королю Рутеновъ за свою обиду, когда тотъ (Ярославъ) не захотѣлъ выдать за него свою сестру. Получивъ такую незаслуженную обиду, Болеславъ вступилъ въ царство Рутеновъ съ большимъ войскомъ. Тѣ сначала пытались отразить его натискъ, но не осмѣливались сражаться; онъ гналъ ихъ предъ собою, какъ вѣтеръ прогоняетъ пыль. Онъ предпринялъ свой путь не только для занятія государства, какъ это было въ обычаѣ враговъ, или для собиранія контрибуціи, но приближался къ Кіеву, столицѣ Рутеновъ, чтобы захватить крѣпость государства а вмѣстѣ съ ней и самого властителя. Король Рутеновъ, по простотѣ своего рода, въ то время случайно на лодкѣ ловилъ рыбу удочкой, когда ему возвѣстили, что Болеславъ неожиданно появился въ государствѣ. Онъ едва могъ

(1) Zeissberg. Die polnische Geschichtsschreiber des Mittelalters (L. 1873)—строго научная монографія, увѣнчанная преміею.—Первый томъ (пер. Н. И. Карѣева) соч. М. Бобржинскаго. Очеркъ ист. Польши (П. 1888).

(2) Издана вмѣстѣ съ Кадлубкомъ, жившимъ столѣтіемъ позже, въ 1749 и 1769. Отдѣльно: Bandtkie (Vars. 1824) и Pertz (IX, 423—478). Критика: Kownatski. Vaterland der M. Gallus (1819). Wiszniewski. Hist. lit. polskiéj (II, 46). Zeissberg. Die poln. Gesch. des Mittelalters.

этому повѣрить, но наконецъ, испугавшись, тогда только повѣрилъ, когда ему передали объ этомъ другіе. Тогда онъ, возведя очи, смочивъ слюною крючекъ, сказалъ, къ безславію своего народа, слѣдующую рѣчь: — Такъ какъ Болеславъ опытенъ въ военномъ искусствѣ и привыченъ носить бранное оружіе, поэтому Богъ опредѣлилъ передать въ его руки это царство Рутеновъ и ихъ богатства». Сказавъ это и не говоря ничего болѣе, онъ обратился въ бѣгство. Болеславъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, входя въ большое и богатое государство, вынулъ изъ ноженъ мечъ, воткнулъ его въ золотыя ворота, и объяснилъ съ шутливымъ смѣхомъ своимъ, когда они удивлялись, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. «Какъ эти золотыя ворота, сказалъ онъ, проникаются въ этотъ часъ моимъ мечемъ, такъ на слѣдующую ночь обезчещена будетъ сестра этого невѣжественнаго государя, обѣщанная мнѣ въ жены; и не только мною, но каждымъ, такъ какъ этимъ поступкомъ омоется обида нашего рода; это будетъ позоромъ и безславіемъ Рутенскому народу». Такъ онъ сказалъ и подтвердилъ сказанное дѣломъ... Такимъ образомъ король Болеславъ, владѣвъ десять мѣсяцевъ самымъ богатымъ городомъ и самымъ могущественнымъ царствомъ Рутеновъ, отправивъ оттуда богатства въ Польшу, никогда не оставался въ бездѣйствіи, на одинадцатый же мѣсяцъ, такъ какъ онъ обладалъ самымъ обширнымъ государствомъ и видя, что юноша Мѣшко не способенъ управлять, назначивъ это мѣсто Рутеніи своей резиденціей, возвратился съ остальными сокровищами въ Польшу. Когда онъ возвращался съ великой радостью и богатствомъ, и когда уже приближался къ границамъ Польши, бѣглый король Рутеновъ преслѣдовалъ его; собравъ силы Рутенскихъ вождей, вмѣстѣ съ половцами и печенѣгами, онъ при рѣкѣ Бугѣ далъ битву, будучи увѣренъ въ своей побѣдѣ. Онъ думалъ, что поляки, по обыкновенію всѣхъ народовъ, возвратятся домой по одиночкѣ, хвалясь добычею отъ своихъ побѣдъ, и тріумфаторски поспѣшатъ къ границамъ своей земли, такъ долго находясь внѣ отечества безъ дѣтей и женъ. Онъ думалъ такъ не безъ основанія, потому что большая часть польскаго войска разошлась безъ вѣдома короля по своимъ домамъ. Но Болеславъ, видя, что у него немного воиновъ, враговъ же болѣе во сто разъ, обратился къ своимъ сподвижникамъ, не отъ трусости или боязни, но какъ смѣлый и увѣренный въ будущемъ. «Не слѣдуетъ, сказалъ онъ, долго увѣщевать честныхъ и опытныхъ во-

иновъ, не слѣдуетъ намъ замедлять грядущій тріумфъ, но надлежитъ теперь возстановить и силы тѣлесныя и доблесть души. Если же вы будете побѣждены, чему я не вѣрю, то будете рабами Рутеновъ, и вы и ваши дѣти, да сверхъ того получите наказаніе, притомъ самомъ постыдное, за нанесенныя обиды». Когда это сказалъ Болеславъ и многое другое, подобное этому, всѣ его воины единодушно подняли копья и отвѣчали, что они лучше желаютъ придти домой съ тріумфомъ, чѣмъ съ добычею. Тогда-то король Болеславъ, увѣщевая лично каждаго изъ своихъ воиновъ, бросился какъ левъ на густо сплотившихся враговъ. Не наше дѣло разсказывать, какое было въ этомъ сраженіи кровопролитіе; никто не въ состояніи сказать вѣрно, сколько было тысячъ погибшихъ враговъ, которыхъ, какъ извѣстно, пришло на сраженіе множество, а только немногіе изъ оставшихся въ живыхъ избѣжали плѣна бѣгствомъ. Весьма многіе изъ тѣхъ,—которые приходили спустя нѣсколько дней изъ далекихъ странъ на мѣсто битвы, чтобы отыскать или друзей или родныхъ,—передавали, что такое тамъ было кровопролитіе, что никто не могъ ходить по всей площади иначе, какъ въ крови или черезъ трупы, прибавляя, что рѣка Бугъ имѣла видъ болѣе рѣки крови, чѣмъ воды. Съ этого времени Рутанія была подвластна Польшѣ» (?!).

«И такъ много подвиговъ совершилъ Болеславъ и такъ велики они, что намъ невозможно описать ихъ всѣ или даже пересказать о нихъ въ сжатой формѣ. Ибо какой математикъ можетъ вѣрно сосчитать его закаленный въ бояхъ строй, а тѣмъ менѣе возвѣстить о побѣдахъ и тріумфахъ такого множества людей, описывая ихъ? У него было: изъ Познани 1300 панцырныхъ воиновъ и 4000 щитоносцевъ, изъ Гнѣзно 1500 панцырныхъ и 5000 щитоносныхъ, отъ Владислава 800 панцырныхъ и 2000 щитоносныхъ, да еще 300 панцырныхъ и 2000 щитоносныхъ: всѣ они были самыми храбрыми и весьма опытными въ войнѣ».

Изъ приведенныхъ мѣстъ по отношенію къ первому русскому походу виденъ патріотизмъ Галла, который заставляетъ его забывать и связь фактовъ и историческую истину. Черезъ 3 главы хроникеру приходится себѣ противорѣчить. Царство Рутеновъ оказывается вовсе неподчиненнымъ. Война возобновляется. Изъ дальнѣйшихъ происшествій мы усматриваемъ униженіе польской гордости. Случилось, что въ одно и тоже время Болеславъ вторгся враждебно

въ Россію, «король» же Рутеновъ вторгся въ Польшу. Не зная о намѣреніи другъ друга, оба они остановились лагеремъ при рѣкѣ (Бугѣ) каждый на вражеской полосѣ, на своемъ берегу рѣки.—«Когда королю Рутеновъ возвѣщено было, что Болеславъ уже перешелъ рѣку и засѣлъ съ войскомъ на рубежѣ его государства, думая окружить короля, какъ звѣря, тенетами, онъ, говорятъ, приказалъ передать ему такія горделивыя слова: «Болеславъ не хотѣлъ быть окруженнымъ, какъ свинья въ болотѣ, моими собаками и охотниками». На это король Польши отвѣтилъ: «Хорошо, сказалъ онъ, ты назвалъ меня свиньей въ болотѣ; потому я омочу ноги моихъ лошадей въ крови твоихъ охотниковъ и собакъ, все равно вождей и воиновъ, и опустошу землю твою и города, какъ дикій кабанъ». Когда противники обмѣнялись этими словами, то на слѣдующій день всѣ ждали битвы. Вдругъ прославленный Болеславъ откладываетъ сраженіе до назначеннаго другаго дня, а въ этотъ день приноситъ въ жертву безчисленное множество животныхъ, которыя приготовляются по обычаю къ столу слѣдующаго дня. Когда всѣ повара, служители и войсковые гости собрались на берегу рѣки для очищенія мяса и внутренностей животныхъ, они насмѣхались съ другаго берега надъ Рутенами и оруженосцами ихъ, и возбуждали ихъ къ гнѣву постыдными словами. Тѣ же ничего не отвѣчали на обиды. Тогда стали бросать предъ ихъ глазами внутренности отъ животныхъ. Когда же Рутены, все болѣе и болѣе подстрекаемые оскорбленіями, стали тревожить стрѣлами, — воины Болеслава, отпустивъ всѣхъ животныхъ, которыхъ они имѣли, переправились чрезъ рѣку въ самую полночь и восторжествовали надъ всемъ множествомъ Рутеновъ. Болеславъ и прочее воинство, смущенное крикомъ и шумомъ оружія, разузнавали, что случилось. Узнавъ причину этого переполоха, не понимая, сдѣлано ли это изъ усердія или случайно, они, выстроившись, бросились со всѣхъ сторонъ на враговъ; но не имѣли ни славы побѣды, ни потери крови. Такъ велико было число воиновъ переходящихъ рѣку, что снизу представлялась не вода, а сухое пространство. Говорятъ, что это составляетъ бездѣлицу изъ его войнъ».

Даже и тутъ патріотизмъ заставляетъ Галла извратить фактъ. О послѣдствіяхъ войны приходится догадываться и читать между строками.

Викентій Кадлубекъ († 1222 г.) и его продолжатели.

Краковскій епископъ, Викентій Кадлубекъ (Kadlubko) какъ называютъ его отъ испорченнаго онѣмеченнаго отчества (Богуславъ, по-нѣмецки Gottlob), столѣтіе спустя, сократилъ и продолжалъ Галла до 1203 г., придерживаясь того же хвалебнаго направленія въ оцѣнкѣ событій. Онъ придалъ повѣствованію о героическомъ періодѣ польской исторіи такую законченность, что легенды поэтическаго характера слились съ дѣйствительной исторіей. Въ стилистическомъ отношеніи латинскій разсказъ Кадлубка превосходитъ Галла (¹). Не безъ основанія, его хроника стала школьной книгою, по которой польское молодое поколѣніе XIV—XVI вѣка—эпохи могущества Польши—училось латыни и исторіи. По выраженію лучшаго знатока этого вопроса, Цейсберга, Кадлубекъ былъ основою обученія и предметомъ комментаріевъ.

Разсказъ Викентія послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ польскихъ хроникеровъ до новаго времени, какъ-то епископа Позванскаго Богухвала († 1265 г.), составившаго польскую хронику до 1253 года (²), его казначея Годислава Башко († 1272) (³), продолжавшаго послѣдняго до 1571 года въ томъ же духѣ, а также Дзежвы, отъ котораго дошли только отрывки.

Длугошъ (1415—80 г.).

Самъ Лонгинъ или Янъ Длугошъ, который стоитъ на рубежѣ средневѣковой и новой исторіографіи, писалъ по-латыни. Это понятно, потому что онъ жилъ въ эпоху Возрожденія, къ которой по времени, собственно, и долженъ быть отнесенъ. Мы упоминаемъ здѣсь о немъ потому что по духу своего обширнаго историческаго труда онъ не подходитъ къ представителямъ лживаго классицизма. Въ немъ было слишкомъ много національнаго теплаго чувства, чтобы не подражать древнимъ. Онъ не становился на трибуну римскаго форума, не питалъ слѣпого поклоненія къ

(¹) Historia Polonica seu de gestis Polonorum libri IV; лучшее изд. Przezdziecki съ обширными примѣчаніями въ Краковѣ 1862 года. Критика: Graf Ossolinski. V. Kadl.. ein hist. krit. Beitrag zur slav. Litt. пер. Linde. W. 1822).—Lelewel. Polska wieków srednich (P. 1846. разборъ источниковъ въ началѣ I т.).—Wiszneweki (цит. II, 60—93).—Zeissberg—спеціальная моногр. о Калубкѣ въ Вѣнѣ, 1869 и Die polnische Gesch. im Mittelalter, 48—78.

(²) Chronicon Poloniae. Критика: Ledebur. Ueber des Bischofs Boguphal II von Posen. Märkische Forschungen (B. 1843); II, 120—130.

(³) Вторая книга Богухвала приписываеся ему. Wiszniewski. Hist. lit. polsk. II, 120—130.

древности и не окружалъ себя ея деталями. Онъ слишкомъ любилъ свою Польшу, ея легенды, ея славное прошлое. Онъ мастерски передалъ былины ея старины въ своемъ громадномъ трудѣ—Historia polonica, состоящемъ изъ 13 книгъ (¹). Четверть вѣка каноникъ Длугошъ работалъ надъ своей исторіей. Критическій анализъ онъ приложилъ къ послѣднимъ книгамъ, а ранній періодъ передалъ на вѣру, съ Кадлубки, болѣе или менѣе занимательно. Мы привели изъ Длугоша легенды объ эпохѣ Пястовъ въ своемъ мѣстѣ и не будемъ повторять выписокъ (I, 361—369). Будучи священникомъ въ Краковѣ, избѣгая высшаго духовнаго поста, человѣкъ не честолюбивый, жившей внутренней жизнью, превыше всего любившій свое отечество, не покидавшій по долгу своего кабинета, онъ пользовался любовью всѣхъ лучшихъ и честныхъ людей въ своемъ отечествѣ. Кардиналъ Олесницкій открылъ ему доступъ ко двору, гдѣ принимали радушно ученаго каноника. Король Казиміръ Ягеллонъ пригласилъ его быть воспитателемъ наслѣдника престола и пользовался его услугами для дипломатической службы. Какъ историкъ, онъ остался вполнѣ на католической точкѣ зрѣнія и, исходя изъ нее, онъ осуждаетъ гусситовъ и схизматиковъ. Какъ гражданинъ, онъ былъ любимымъ писателемъ для цѣлыхъ поколѣній, оставилъ честное имя и репутацію человѣка съ непреклоннымъ и ничѣмъ не запятнаннымъ характеромъ (²). Отличительная черта его писательской дѣятельности — онъ писалъ также исторію познанскихъ епископовъ — проявилась въ трудолюбіи и тщательномъ собираніи матеріала. Чтобы ознакомиться по источникамъ съ русской исторіей, Длугошъ нарочно выучился русскому языку и прочелъ Нестора въ подлинникѣ.

Хроника у чеховъ: **а) Латинская.**

Если польская средневѣковая исторіографія безусловно латинская, вслѣдствіе органической исторической причины, то у чеховъ она пытается вырваться изъ тѣхъ тисковъ, которые наложены были на нее католическимъ духовенствомъ. Продолжатели Козьмы Пражскаго, который имѣлъ значеніе не только для чеховъ, но и

(¹) Изд. Libri XII — Henricus ab Huyssen (воспитатель царевича Алексѣя Петровича) Lips. 1711, l. XIII. ibid. 1712. Нов. изд. Przezdziecki въ Краковѣ. Польскій пер. въ Гнѣзнѣ 1841 года и Мехерджинскаго въ 6 т. 1870. Критика: Zeissberg, 197—343.

(²) Таковъ отзывъ г. Спасовича. Исторія слав лит. II, 469.

для другихъ странъ Запада, въ теченіи XII и XIII вѣковъ были монахи, писавшіе по-латыни, какъ напр. **Винценцій**, каноникъ Пражскій († 1174), излагавшій время отъ 1140 — 1167 г. (1), **Герлахъ** (Ярославъ или Ярлохъ), аббатъ Милевскій († 1228), продолжавшій Винценція до 1198 г. (2), **Петръ Житевскій** († 1339), разсказавшій витіевато время отъ 1253 до 1338 г. (3), сохранившій множество документовъ **Францискъ Пражскій**, пробстъ капитула († 1362), который связалъ свою лѣтопись съ именемъ Козьмы, непосредственно продолжая ее съ 1125 г. по 1353 г. (4). Всѣ они въ разсказѣ не выходятъ изъ предѣловъ своей родины, смотрятъ на все глазами монаховъ, но у Петра и Франциска (по чешски Франтишкъ) пробивается національный колоритъ.

Чешская, прилис. Далимилу (1282—1314). Просторъ народному духу могъ быть только при условіи изложенія лѣтописи на родномъ языкѣ. И дѣйствительно, подъ перомъ рыцаря-мірянина, чешскій духъ сказался во всей своей силѣ. Прежде всего хроникеръ высказалъ нерасположеніе къ нѣмецкому племени и къ чужеземному вліянію. Такія чувства не могли заявлять не только иноземные духовные, но даже чешскіе священники, вслѣдствіе безусловнаго подчиненія Риму. Полагаютъ что каноникъ пражской церкви св. Болеслава, Далимилъ (5) написалъ это замѣчательное произведеніе, но характеръ и духъ хроники не согласовался съ церковничествомъ автора. Хроника риѳмованная и въ ней чешскимъ живымъ и пріятнымъ для народа стихомъ разсказано время отъ 1282 до 1315 г., т. е. до короля Яна Люксембургскаго. Потомъ возникло предположеніе, что бо̀льшее право на авторство имѣетъ Смиль, рыцарь изъ Пардубицъ, ученый и патріотъ. Это чисто народное произведеніе исполнено ненависти къ нѣмцамъ, что̀ сказывается при каждомъ случаѣ. Ревность къ сво-

(1) Annales seu chronicon ap. Pertz, XVII, 657.

(2) Chronicon sive Annales Boh. Pertz, XVII, 683.

(3) Cronica Aula Regiae. Dobner. Mon. V.

(4) Continuatio chronici Boemici. Dobner. Mon. VII. Критика для всѣхъ вышеназванныхъ четырехъ хроникеровъ — Palacky. Würdigung d. alt. böhmischen Geschichtschreiber. (1830).

(5) Первое изд. P. Gessin. (Pr. 1660) было сожжено. Dalimilova chronika ceská — V. Hanka (1849, 51, 53). Лучшее и послѣднее изд. L. Irecek (Pr. 1878). Критика: Palacky (Würdigung, 102) и въ предисловіи Иречка къ его изданію.

ему народу, говоритъ авторъ, побудила его къ повѣствованію о событіяхъ древнихъ и о происшествіяхъ, современнымъ ему. Какъ горячій патріотъ, авторъ (будетъ ли то Далимилъ или Смилъ) заботился о сохраненіи національной чести и роднаго языка; его подозрѣваютъ впрочемъ въ томъ, что въ его нелюбви къ нѣмцамъ участвовала антипатія шляхтича къ мѣщанству. Но и тѣ, которые высказываютъ это мнѣніе, не отрицаютъ, что авторъ хорошо знаетъ свою страну, дорожитъ преданіями чешской шляхты и что онъ несомнѣнно очень образованный человѣкъ своего времени ([1]). Не безъ основанія эта стихотворная хроника была напечатана впервые въ моментъ высшаго національнаго возбужденія послѣ изгнанія габебургскаго короля и не безъ основанія, послѣ битвы при Бѣлой горѣ, восторжествовавшіе іезуиты и нѣмцы стали истреблять книгу, обреченную на сожженіе.

Спустя полвѣка послѣ появленія т. н. Далимиловой хроники священникъ Пжибиславъ изъ Раденина (или Пулкава) сперва полатыни, а потомъ по-чешски составилъ общую исторію Чехіи, по приказанію императора и короля Карла IV. Онъ описалъ обширный періодъ 6 вѣковъ (700—1330 г.) и далъ своему народу книгу, которая, не отличаясь легкостью изложенія, послужила источникомъ для другихъ чешскихъ историковъ по связности разсказа и выбору фактовъ. Онъ же перевелъ на чешскій языкъ автобіографію короля Карла IV, своего покровителя. **Пулкава. († 1380).**

Такъ хроника у чеховъ съ трудомъ вышла на родную дорогу.

Тогда лѣтопись у восточныхъ славянъ, принявшихъ православіе, была давно народною, ибо греки не навязывали новопросвѣщаемымъ своего языка.

Это относится къ сербамъ и русскимъ. Впрочемъ, была разница въ качествѣ бытописанія въ той и въ другой странѣ и въ степени вліянія его на общество.

(1) Пыпинъ. Исторія слав. лит. (1879); II. 831.
(2) Cronica Boemorum—Dobner. Mon. III.

2) Восточная.

Сербскія житія.

У сербовъ исторіографія имѣла слишкомъ односторонній тенденціозный характеръ и мало вліяла на народъ. Она ограничивалась только житіями царей, написанными съ церковной точки зрѣнія, но всегда на народномъ языкѣ. Примѣръ подалъ въ началѣ XIII вѣка сербскій краль Стефанъ Первовѣнчанный († 1228 г.), описавшій жизнь своего отца Стефана Нѣмани (въ иночествѣ Симеона). Его примѣру подражалъ съ большимъ успѣхомъ св. Сава, первый архіепископъ сербскій (1168 — 1237), второй сынъ Немани, основавшій знаменитый Хиландарскій монастырь на Аѳонѣ, который сталъ центромъ сербской книжной дѣятельности, впрочемъ не обширной по качеству и значенію произведеній. Архіепископъ Даніилъ въ первой половинѣ XIV вѣка, при помощи другихъ монаховъ, писалъ невозможно льстивые панегирики въ своемъ «Родославѣ» кралей; Родослова, Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанскаго, царя Стефана, сына третьяго Уроша, архіепископа Арсенія, Іоанникія, Евстаѳія, Якова, Данила II, патріарховъ Савы и Ефрема (1). Григоровичъ порицаетъ въ этихъ надгробныхъ словахъ напыщенность похвалъ и утомительность изложенія (2) и гораздо выше ставитъ житія святыхъ, названныя выше, а особенно Дометіана (жизнь св. Савы), котораго очень хвалитъ также Янко Шафарикъ, называя образцовымъ произведеніемъ старо-славянской литературы, признавая за Дометіаномъ ученость, вкусъ, оригинальность. Ягичъ и Гильфердингъ считаютъ этого историка фразистымъ и пустымъ риторомъ, бѣднымъ фактами, намѣренно растягивающимъ матеріалъ. Гильфердингъ вообще низкаго мнѣнія о достоинствахъ сербскихъ историковъ. Ихъ лесть кралямъ превосходитъ всякую мѣру; самые преступные изъ «кралей», напримѣръ Урошъ, обагрившіе руки злодѣяніемъ и кровью, суть «возлюбленные и благочестивые». Даже «ненависть они «воздвигаютъ на сына возлюбленнаго». Ихъ набожность, говоритъ Гильфердингъ, всегда условная, доходитъ до настоящаго фарисейства. Дѣйствительно, эти историки, упиваясь лестью, въ

---

(1) Даничiћ. — Животи краљева и архиепископа Српских написао арх. Данило и други. Загр. 1866.

(2) Григоровичъ. Опытъ изл. лит. Славянъ (Каз. 1842); I, 103.

самыхъ преступныхъ царей дѣлали святыхъ; другаго эпитета къ «кралямъ» не прилагается, за то о народѣ нѣтъ и помина; его нужды и интересы совершенно чужды этимъ черствымъ монахамъ, писавшимъ риторическія упражненія на историческія темы.

Безсиліе этихъ авторовъ сказалось въ дѣлѣ составленіе лѣтописи. Она не могла являться до конца XIV вѣка, когда на всемъ Западѣ, у русскихъ славянъ, не говоря про Византію, исторіографія дала прекрасные образцы. Правда, въ XIII вѣкѣ въ Сербію проникли переводныя лѣтописи съ греческаго, но онѣ были болгарской редакціи. Такъ, лѣтопись патріарха Никифора извѣстна была въ переводѣ 1274 г.; другіе византійскіе хронистеры переводились въ слѣдующемъ столѣтіи и позднѣе, какъ Манассія (1348 г.), Георгій Амартола (1388 г.), Зонара (1409 г.). Для ознакомленія съ прочими народами служили у сербовъ палеи и хронографы, тоже болгарской редакціи ([1]). Палея—эта книга строго историческая, «бытійская», книга «бытія небеси и земли», это всемірная исторія, изложенная съ условной точки. Древнѣйшая палея относится къ концу XIII вѣка. Послѣ, съ тою же цѣлью, стали переводить хроники латинскія, напр. Исидора Севильскаго съ его эпохами. Исидоръ послужилъ образцомъ сербскимъ хронографамъ, значительно дополненнымъ свѣдѣніями о южныхъ славянахъ. Но вообще западное вліяніе, какъ иновѣрное, съ трудомъ проникало въ средневѣковую Сербію.

Сербская лѣтопись родившаяся въ то же время, составлялась изъ тѣхъ же житій. Самыя названія могутъ служить доказательствомъ, какъ то: «житіе и жительство краль и царей србскихъ» (до 1453 г.), «исторія въ кратцѣ о србкскыих царей» (до 1503 г.) и т. п. Эти скудные источники кончаются XVI столѣтіемъ.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться подробно на сводахъ русской лѣтописи. Послѣдняя въ настоящемъ очеркѣ имѣетъ для насъ только сравнительный интересъ. Инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, преподобный Несторъ, современникъ Мартина Галла, жилъ и писалъ въ началѣ XII вѣка ([2]). Неизвѣстно съ точностью, въ чемъ

Лѣтопись, приписываемая Нестору (1056—1116).

([1]) Григоровичъ, 102—103.—Калайдовичъ. Іоаннъ экзархъ болгарскій; 216.

([2]) Изъ обширной литературы о Несторѣ, отмѣтимъ только главнѣйшія критическія работы: Шлецеръ. Nestor (1802—9, 5 т. русскій пер. Язы-

проявилось его участіе въ составленіи славянской: «Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть». Извѣстно, что монахъ Несторъ, на обязанность котораго возложено было веденіе лѣтописной записи Печерскаго монастыря, списывалъ житія святыхъ, изъ коихъ нѣкоторыя вошли послѣ въ общій лѣтописный сводъ для всей русской земли. Онъ же написалъ: «Чтеніе о житіи и о погубленіи Бориса и Глѣба». Сопоставленіе этого подлиннаго труда Нестора (¹) съ тѣмъ, что говорится о томъ же предметѣ въ начальной лѣтописи, приводитъ къ заключенію, что авторами житія и лѣтописей были разныя лица. Сверхъ того въ самой лѣтописи встрѣчаемъ не одно противорѣчіе, что̀ подтверждаетъ мысль о разныхъ составителяхъ, при чемъ участіе въ рукописи принимали и свѣтскія лица, какъ напр., въ изложеніи языческаго періода, герои котораго, въ родѣ князя Святослава, не могли бы вызвать сочувствіе въ монахѣ.

Важную роль играла личность редактора или вѣрнѣе редакторовъ разныхъ сводовъ. Приписка подъ **1110** годомъ называетъ (6624 индикта 9 лѣта) игумена Михайловскаго Кіевскаго монастыря Сильвестра, которому принадлежатъ и нѣкоторыя мѣста лѣтописи. Его участіе было настолько сильно и на столько доказательнѣе Нестора, что покойный Костомаровъ полагалъ назвать начальную лѣтопись не Несторовой, а Сильвестровой. Текстъ въ филологическомъ отношеніи представляетъ небольшія различія по спискамъ, отъ XIV до XVIII вѣковъ, число которыхъ доходитъ до **168**. Эти списки группируются по мѣстностямъ и тогда называются разрядами. а также по редакціямъ—изводы. Древнѣйшіе своды относятся

кова въ 3 т.). Строевъ. О мнимой др. р. лѣт.; О недост. русской ист. (1835). Перевощиковъ. О русскихъ лѣтописцахъ (1836). Погодинъ. Несторъ (1839). Бутковъ. Оборона р. лѣт. (1840). Кубаревъ. Несторъ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1842). Сухомлиновъ. О др. р. лит. (Зап. II Отд. Акад. Наукъ. ч. III). О пред. въ др. р. лѣт. (Основа, 1861, № 4). Срезневскій. Чт. о др. лѣт. (З. А. Н. II). Изсл. о лѣт. (Изв. А. Н. III). Костомаровъ. О преданіяхъ нач. русской лѣтоп. и Лекціи (1861). Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ р. лѣт. до конца XIV вѣка (1868). Русская Ист. (1872) I, 18 и слѣд.—Лашнюковъ. Очеркъ русской исторіографіи (Кіевскія Ун. Изв. 1869). Сениговъ. Ист.-крит. изсл. о Новгор. лѣт. (1888). Аристовъ. Первыя врем. христ. по лѣтописямъ (1888).—Памятники изданы въ Полн. Собр. Р. Лѣтописей Археограф. Коммис.

(¹) Древнѣйшая рукопись этого житія, принадлежащая Имп. Публ. Библіотекѣ (въ отрывкѣ), относится къ XII вѣку.

къ XIV вѣку, какъ Лаврентьевскій, который переписалъ монахъ Лаврентій въ 1377 году вмѣстѣ съ обширнымъ продолженіемъ событій въ придпѣпровской Руси, Суздалѣ и Новгородѣ и Ипатскій списокъ (по мѣстонахожденію въ Ипатьевскомъ костромскомъ монастырѣ), въ началѣ XV вѣка. Имя же Нестора значится только въ заголовкѣ одного позднѣйшаго списка. Однимъ изъ письменныхъ источниковъ служитъ византійскій хроникеръ въ болгарскомъ переводѣ, Амартолъ, который далъ м. п. свѣдѣнія о начальной жизни славянъ на Дунаѣ и о нашествіи волоховъ. Изъ мѣстныхъ преданій нашъ лѣтописецъ воспользовался тѣми, которые относятся ко времени до Олега.

Онъ включилъ въ свою повѣсть обще-славянскую начальную исторію, что приноситъ честь его пониманію племеннаго единства. Онъ останавливается на выдѣленія русскихъ славянъ. Лѣтописецъ, затѣмъ, говоритъ о прибытіи варяговъ и, пользуясь этимъ случаемъ, по Амартолу разсказываетъ древнѣйшій періодъ Библейской исторіи, дополняя разсказъ о распредѣленіи народовъ на сѣверѣ своими свѣдѣніями. По поводу вавилонскаго столпотворенія, лѣтописецъ говоритъ о разселеніи славянъ и о пути «изъ Варягъ въ Греки». Онъ вноситъ легенду объ апостолѣ Андреѣ, конечно, не мѣстнаго происхожденія, а занесенную съ Юга, говоритъ о судьбѣ полянъ, славянъ дунайскихъ и дулебовъ, о разселеніи славянъ въ восточной Европѣ, нынѣшней Россіи, заимствуетъ изъ Амартола характеристики разныхъ народовъ, между прочимъ половцевъ. Здѣсь слишкомъ прозрачны вставки и противорѣчія, такъ какъ самые источники были разнообразны и между собою несогласны. Затѣмъ слѣдуетъ погодная лѣтопись Печерскаго монастыря, при чемъ нѣкоторые годы пустуютъ, а иногда подъ однимъ годомъ изложено нѣсколько событій. Часто къ извѣстному году событіе отнесено случайно. Интересъ и характеръ изложенія не одинаковы; подробности чередуются съ краткостью.

Это обусловливалось источниками. Въ сводъ занесены цѣликомъ матеріалы разнаго качества, фактическая сторона которыхъ не всегда была согласована. Кромѣ цѣлыхъ лѣтописей вошли разсказы изъ старыхъ переводовъ или мѣстнаго происхожденія, документы, договоры Олега, Игоря и Святослава, въ переводѣ съ греческаго, духовная Владиміра Мономаха, житія, именно св. Владиміра, св. Кирилла и Меѳодія, принадлежащее монаху Іакову, св. Бориса и Глѣба того же автора въ сокращеніи, извлеченія изъ Палеи, изъ византійскихъ авторовъ и проч.

Высокое достоинство Нестора—его любовь къ просвѣщенію. Онъ понимаетъ послѣднее исключительно въ церковномъ смыслѣ, но другимъ оно и не могло быть. Превыше всего онъ цѣнитъ книгу. Онъ внимательно остановился на вопросѣ о славянскихъ письменахъ. Въ распоряженіи св. Владиміра о распространеніи грамотности онъ видитъ исполненіе пророчества: «во оны дніи услышатъ глусіи словеса книжная и ясно будетъ языкъ гугнивыхъ». Любовь къ просвѣщенію заставляетъ его вдаваться въ такого рода соображенія, которыя будучи старыми, обладаютъ всею прелестью новизны: «Велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки напаяющи вселенную, се бо суть исходища мудрости; книгамъ бо есть не исчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей; иже бо книги часто чтетъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужы». Все это не заученныя возвышенныя рѣчи; въ нихъ слышится убѣжденность; онѣ чужды риторики. Несторъ избѣгаетъ холодныхъ поученій. Всѣ его нравоученія—а ихъ много—вытекаютъ изъ фактовъ и служатъ ихъ развитіемъ. Пользу монастырей для тогдашнаго общества, ихъ просвѣтительную роль онъ выводитъ изъ условій и обстановки обителей ему современныхъ, говоря о Ѳеодосіи Печерскомъ; вредъ волхвованія, подъ которымъ лѣтописецъ разумѣетъ суевѣріе, вытекаетъ изъ разсказа о волхвахъ, чѣмъ выясняется безсиліе бѣсовъ. По характеру всѣ поученія Нестора исполнены искренности и теплаго чувства.

Его добросовѣстность и безпристрастіе внѣ всякаго сомнѣнія. Рѣдкій изъ расмотрѣнныхъ нами лѣтописцевъ былъ чуждъ въ такой степени тенденціозности, какъ составитель начальной лѣтописи. Въ этомъ отношеніи онъ безупреченъ, не старался рисовать однѣ свѣтлыя стороны событій и людей; онъ, какъ выражались его продолжатели, не всегда удачно подражавшіе ему, «в с ѣ б ы т с т в а з е м с к а я н е о б и н у я с я п о к а з у е т ь». Книга, изъ которой исходилъ онъ и на которую постоянно ссылался, была Библія. Онъ до того въ совершенствѣ владѣетъ ею, до того усвоилъ обороты св. Писанія, что иногда его изложеніе, какъ было неоднократно замѣчено критикою, отличается совершенно библейскимъ характеромъ. Тексты, обильно приводимые, не дѣлаютъ

утомительнымъ или манернымъ разсказъ лѣтописца, обладавшаго замѣчательной способностью всегда поддерживать вниманіе, а иногда достигать драматичности въ передачѣ событій.

Заслуга преподобнаго Нестора, а равно составителей и редакторовъ русской лѣтописи, какъ бы они не назывались, неизмѣрима. Они были истинными дѣтьми своей земли; они носили въ себѣ сознаніе не только кровнаго единства всѣхъ славянскихъ народовъ, разбросанныхъ по пространству нынѣшней Россіи, но и общаго племеннаго ихъ единства съ славянами западными и юго-восточными. Тѣхъ и другихъ они не исключаютъ изъ своей исторіи, хотя глубоко скорбятъ объ ихъ иновѣріи. Они живутъ общею жизнію со всѣми славянскими племенами. Великимъ счастіемъ для будущаго было появленіе такой основной лѣтописи именно на живомъ языкѣ, доступномъ другимъ славянскимъ народамъ. Никто не послужилъ въ такой степени упроченію племеннаго единства славянъ, какъ составители нашей лѣтописи, церковная профессія которыхъ не только не устраняла ихъ отъ народа, какъ это было на Западѣ съ монахами анналистами, а, напротивъ, еще болѣе сближала съ нимъ.

Продолжатели начальной лѣтописи.

Въ этомъ же направленіи продолжалась древне-русская лѣтопись въ разныхъ краяхъ Руси. Казалось, она развѣтляется, но въ сущности она разросталась, проникая въ разные города, всегда свято и бережно храня свою основу, свою начальную повѣсть до 1110 года. Такъ, Кіевская лѣтопись оканчивается 1199 годомъ. Излагая событія южной Руси въ XII столѣтіи, она переходитъ въ Галицко-Волынскую, которая продолжается до 1305 года. Съ половины XII вѣка отъ кіевской отдѣляются вѣтви: Суздальская и Переяславльская. Еще съ XII вѣка развертываются послѣдовательно 4 Новгородскихъ лѣтописи, а за первой изъ нихъ въ началѣ XIII вѣка двѣ Псковскія; въ XIV столѣтіи появляется лѣтопись въ Твери. Подобно итальянскимъ общинамъ, каждый край, или точнѣе, каждый городъ, сколько нибудь значительный, имѣетъ свою лѣтопись, надъ которой работаетъ благочестивый и трудолюбивый монахъ мѣстнаго монастыря, переписывая «правдивыя сказанія» и дополняя ихъ тѣмъ, что кажется ему достойнымъ вниманія. Такъ мы знаемъ лѣтописи нижегородскую, вятскую (повѣсть о градѣ Вяткѣ, можетъ быть, новгородскаго происхожденія), владимірскую, переяславльскую. Болѣе всего на Руси работали въ этомъ направленіи въ Ростовѣ.

По мѣрѣ упроченія единства русской земли, разрозненной случайно, лѣтописи сводятся въ большіе своды, которые называются временниками: Софійскій (новгородскія), Воскресенскій (московскія, новгородскія и тверскія) и Никоновскій (московскія, тверскія, рязанскія). Вмѣстѣ съ тѣмъ съ половины XIV вѣка, по ходу историческаго движенія, московскія записи начинаютъ получать преобладаніе, а потомъ и сборники редактируются большею частію въ Москвѣ. Нѣсколько позднѣе наблюдаемъ заимствованія отъ западныхъ, преимущественно польскихъ историковъ напр. Длугоша. Это отразилось въ т. н. Густинской лѣтописи, которая считается обыкновенно прибавленіемъ къ Ипатьевской. Въ ней помѣщенъ сперва передѣланный текстъ Нестора, потомъ Ипатьевская лѣтопись въ сокращеніи, а затѣмъ идутъ выписки изъ иностранныхъ источниковъ. Ею русская лѣтопись входитъ въ связь съ Западомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ нашу лѣтопись проникло западное вліяніе. Вѣковая враждебность къ Римской Церкви, перенесенная изъ Византіи и еще болѣе упрочившаяся подъ вліяніемъ покоренія латинянами Царьграда, уничтожала возможность всякаго сближенія съ Западомъ и даже сколько нибудь спокойнаго къ нему отношенію. Католики представлялись еретиками а иногда даже невѣрными; ихъ обряды и обычаи встрѣчали пронію и самое глубокое презрѣніе московскихъ лѣтописцевъ XIV—XVI вѣковъ. Отъ этого явленія западной жизни были всегда освѣщаемы одностороние, крайне тенденціозно и невѣжественно. Замѣчательно, что часто самые греки не казались достаточно православными. Покореніе латинянами, въ глазахъ русской лѣтописи, было несчастіемъ, а паденіе Царьграда передъ турками наказаніемъ Божіимъ за измѣну православію, за покушеніе на унію, которую не безъ основаній старые русскіе бытописатели не могли простить Византіи. Родство московскаго великаго князя съ Палеологами нисколько не породнило духовно русскихъ съ греками; напротивъ, оно уменьшило симпатіи, тѣмъ болѣе что Софья, невѣста Іоанна III, прибывъ отъ «великаго Рима и нѣмецъ», имѣла несчастіе быть «по отцѣ христіанска, а по матери латынска». Потому-то современники замѣтили, что когда на Москву пришла «великая княгиня Софья съ греки, такъ наша земля замѣшалася» (¹).

(¹) Сборникъ князя Оболенскаго (М. 1828), 3.

Переходъ хроники въ исторію на Западѣ

Великіе моменты народной исторіи, когда всѣ силы какого либо народа напрягаются до высшей степени, когда энергія его крайне возбуждается, а тѣмъ болѣе, когда идетъ борьба изъ за его политическаго существованія,—порождаютъ талантливыхъ бытописателей. Счастливъ или нѣтъ былъ въ этой борьбѣ народъ, дѣло не въ томъ; важность самой борьбы обусловливаетъ появленіе ея историковъ. Таковою была великая 100-лѣтняя борьба Франціи и Англіи, французскаго и англійскаго рыцарства, дающая интересъ исторіи второй половины XIV и первой XV вѣковъ. Былъ полный расцвѣтъ рыцарства; идеализмъ двигалъ людьми; католицизмъ находился въ полномъ блескѣ; авторитетъ папъ ослабъ, хотя духовенство продолжало давать тонъ. Въ 1328 г. вступаетъ на французскій престолъ домъ Валуа въ лицѣ Филиппа IV. Эдуардъ III, англійскій король, объявляетъ претензію на тронъ, обходя салическій законъ, указывая на то, что онъ сынъ одной изъ дочерей Филиппа IV Красиваго. Филиппъ IV былъ послѣ разбитъ (1634 г.) при Креси, потерявъ Калэ и передавъ престолъ сыну, Іоанну Доброму (1347—64). Его борьба съ Чернымъ Принцемъ, пораженіе при Пуатьѣ въ 1356 г., англійскій плѣнъ — все это событія, требующія сильнаго таланта для достойнаго повѣствованія ихъ и возбуждающія особый интересъ. Осиротѣлыя французскія сословія волновались; грозило разложеніе только что сложившагося государства; дофинъ былъ безсиленъ. Миръ 1360 г. былъ унизителенъ для Франціи; значительная часть Юга и городъ Калэ были уступлены Англіи, за что Эдуардъ III отказался отъ претензій на французскій престолъ. Карлъ V Мудрый (1364—80 г.) далъ успокоеніе изнуренной Франціи, искусной политикой вернулъ юго-западныя области, но несчастія Франціи только что начинались. Его жалкій сынъ Карлъ VI помѣшался и 42 года, считаясь королемъ, былъ игралищемъ партій бургундской и орлеанской, вожди которыхъ, дядя и братъ короля, спорятъ о регентствѣ въ то время, какъ городское сословіе приходитъ въ движеніе и въ Парижѣ требуетъ уменьшенія налоговъ и политическихъ правъ, предводимое своимъ отважнымъ городскимъ головой. Это демократическое движеніе было общее съ

возстаніемъ въ Англіи Уайта Тайлара, направленномъ противъ рыцарства, съ союзами баварскихъ, швабскихъ, франконскихъ, рейнскихъ и швейцарскихъ городовъ противъ нѣмецкихъ феодаловъ въ эпоху слабаго императора Венцеля (по чешски Вацлавъ), когда не разъ, какъ при Земпахѣ, въ 1386 г., рыцари терпятъ жестокія пораженія отъ поселянъ и горожанъ. Раздираемая такимъ образомъ внутри и внѣ, Франція не могла оказать сопротивленіе англійскому королю Генриху V, когда тотъ, требуя назадъ пріобрѣтенныя по прежнему договору земли, вторгнулся въ сѣверную Францію. Подъ Азинкуромъ послѣдовалъ погромъ (1415 г.), хотя французы были вчетверо сильнѣе англичанъ. Дорога къ Парижу была открыта. Бургундская партія, предводимая королевой Изабеллой, чувствуя, что все потеряно, покоряется Генриху V и признаетъ его королемъ, а послѣ его кончины провозглашаетъ Генриха VI. Карлъ VI умираетъ въ сумасшествіи. Національная партія выдвигаетъ его сына Карла VII, взываетъ къ непочатымъ силамъ самаго народа, который спасаетъ Францію, погубленную блестящимъ, но продажнымъ рыцарствомъ. Орлеанская дѣва своимъ подвигомъ оканчиваетъ эту эпопею въ 1431 г. При Карлѣ VII заключенъ былъ договоръ съ Англіей, которая была крайне обезсилена войной Розъ при слабомъ Генрихѣ VI, современникѣ Карла VII; она потому не могла теперь мечтать о славѣ. За Англіей остался только Калэ—это единственный плодъ войны; 100 лѣтняя борьба прошла какъ тяжелый кошмаръ безслѣдно, но дворянство той и другой стороны было потрясено. Во Франціи усилилось третье сословіе; въ Англіи упрочилась конституціонная система.

Фруассаръ (1333—1400 г.)

Первую половину этой великой борьбы изобразилъ Фруассаръ (съ 1326—1400 г.), въ своей Croniques de France, d'Angleterre, d'Ecosse, d'Espagne, de Bretagne. Какъ видно изъ его заглавія, онъ имѣетъ цѣлью исторію общую, не касаясь лишь Германіи и славянскихъ народовъ. Онъ историкъ рыцарства, Геродотъ среднихъ вѣковъ [1].

(1) Первое изданіе было въ Парижѣ въ 4 f въ 1495—1518 г.; въ Ліонѣ въ 2 f. 1559—61,—лучшее и самое рѣдкое; повторено въ 1574; втечен 25 лѣтъ вышло 9 изданій. Въ XVII в. не было изданій. Фруассара великолѣпно издалъ членъ Бельгійской королевской академіи, баронъ Kervyn de Lettenhove (Brux. 1870—77) въ 25 томахъ, изъ которыхъ 1 томъ въ 2 частяхъ посвященъ біографіи и критикѣ, 16 томовъ текста съ примѣчаніями; XVII томъ piéces justificatives; 7 томовъ—историческій, геогра-

Фруассаръ, сынъ мѣнялы или торговца въ Валансьенѣ, родился въ концѣ 1333 г. Случайныя обстоятельства вывели его изъ буржуазнаго міра въ рыцари. Онъ, рано осиротѣвъ, жилъ у своего родственника и учился въ молодости разрисовывать стекла, потомъ пергаменты, гербы; эти занятія заставили его полюбить рыцарство. Въ немъ съ юношескихъ лѣтъ развился лирическій талантъ; на его пѣсни обратили вниманіе; въ нихъ было много чувства, вызваннаго искреннею страстью. Въ качествѣ оруженосца, онъ, 23 лѣтъ, въ свитѣ рыцаря Бомона (графа Рено), совершаетъ свое первое путешествіе. Оба они ѣздили по зимамъ ко дворамъ герцоговъ и князей, были въ Парижѣ, при чемъ Фруассаръ, надо полагать, въ качествѣ трувера, распѣвалъ свои пѣсни. Въ этомъ году началась война и послѣдовалъ разгромъ французовъ при Пуатьѣ. Явился богатый матеріалъ для наблюденія и для исторіи. Муза Фруассара мѣняетъ свой характеръ; связи, совершенно случайныя, сблизили его съ англійскимъ дворомъ. Племянница его патрона стала королевой Англіи и Фруассаръ переселился къ ея двору. Тогда же онъ подноситъ ей книгу, свои первыя стихотворенія, историко-поэтическій опытъ; теперь они потеряны. Затѣмъ ему легко было выйти въ вліятельные люди и стать лицомъ довѣреннымъ разныхъ дворовъ. Онъ путешествуетъ по Англіи, Шотландіи, Валлису, Бретани, Брабанту, Фландріи, Беарну, Артуа, по всей Франціи; онъ былъ въ Италіи и Римѣ. Это дало ему большой житейскій опытъ, знаніе людей, подготовку къ историческому труду, имъ предпринятому. Онъ подчиняется тому требованію, какое нѣкогда предъявлялъ къ историку Лукіанъ. «Надо, чтобы подобно Гомеровскому Зевсу, онъ устремлялъ глаза во всѣ стороны, на Ѳракію и Мизію безразлично, чтобъ онъ видѣлъ все, совершавшееся въ разныхъ мѣстахъ, чтобы онъ вмѣшивался и тутъ и тамъ, чтобы онъ бѣжалъ съ побѣжденными и торжествовалъ съ побѣдителями. Его духъ долженъ быть зеркаломъ безъ пятенъ; онъ долженъ отражать предметы такими, какими они есть, не прибавляя ничего своего, кромѣ наивнаго выраженія». И все это есть у Фруассара, часто въ такой же степени, какъ у

фическій, алфавитный указатель съ картами. Это обширнѣйшее произведеніе средневѣковой исторіографіи имѣетъ большую критическую литературу въ трудахъ Lacurne de S. Palaye (Mem. de l'Academie des inscr. t. X); Lettenhove, (2 vls. 1857); Lelong, Rigollot et Cayrol etc., разборъ въ Hist. Zeitsch. XII, 179.

Геродота. Вотъ его общій взглядъ: «il veut traiter et recorder histoire afin que honorables emprises et nobles aventures d'armes, lesquelles son avenues par les guerres de France et d'Engleterre— soient mises en mémoire perpetuelle». Онъ хочетъ разсуждать и писать исторію такъ, чтобы прекрасныя предпріятія и доблестные подвиги, совершаемые въ Англіи и Франціи, были преданы постоянной памяти. Какъ пчела собираетъ медъ повсюду, такъ онъ (tant travellai et chevauchai en quérant de tous costes nouvelles) работаетъ надъ матеріаломъ. Онъ вездѣ распрашиваетъ, передаетъ то что слышалъ, хотя не всему вѣритъ. Онъ не былъ подражателемъ ни прежнихъ, ни современныхъ ему лѣтописцевъ, ни латинскихъ, ни національныхъ, какъ доказываетъ Леттенхофъ (I, 470—479). Онъ руководится собственнымъ геніемъ, своеобразнымъ, истиннымъ отраженіемъ французскаго духа (je fus en mon temps moult per le monde, tant pour me plaisance accomplir et voir les merveilles de ce monde comme pour enquérir les aventures et les faits d'armes, lesquels sont escrits en ce livre). «Въ свое время я пожилъ на свѣтѣ, пишетъ онъ, чтобъ изобразить настоящія и по собственному желанію видѣнныя чудеса сего міра, такъ и для того, чтобъ изслѣдовать происшествія и военные подвиги, которые описаны въ этой книгѣ». Достовѣрность своихъ свѣдѣній онъ объясняетъ тѣмъ сочувствіемъ, которое внушали ему его искренніе и заслуживающіе уваженія собесѣдники. «Je veux bien, que ceux qui viendront après moy, sachent que pour enquerre justement en mon temps congnus moult de vaillants hommes tant de France, comme d'Engleterre, d'Ecosse, de Castille et de Portugal et autres terres, par lesquels je m'informai volontiers». —Я хочу, чтобы тѣ, которые будутъ писать послѣ меня, знали, что я собиралъ свѣдѣнія отъ важныхъ лицъ Франціи, Англіи, Шотландіи, Кастиліи и Португаліи и другихъ странъ, оговаривается историкъ.—Разсказывать—ему доставляетъ удовольствіе. Будучи скорѣе фламандцемъ, чѣмъ французомъ, онъ симпатизируетъ болѣе всего англійскимъ рыцарямъ, которые «sont surtous courtois, traitables et accointabls, faisant bien leur devoir partout, où ils se sont trovés en armes, et ayant trop plus cher à èstre morts que dont que on leur reprochast fuite (по преимуществу вѣжливы, любезны, тверды, исполняя свой долгъ, гдѣ только появятся вооруженными; они скорѣе предпочтутъ умереть, чѣмъ заслужить упрекъ въ трусости). Но и Франція для него мила,—страна пріятная и вѣжливая, съ

чудными лугами, прекрасными деревнями,—beaux logis, l'air est si bon, ou les vins sont si doux; ce royaume si grand et si noble, où tant a de bonne et de noble chevalerie, noble royaume; это королевство славное и благородное, гдѣ столько благороднаго и честнаго рыцарства. Ни одна страна не сравнится съ Франціей по умѣнью оказывать чествованія. Французы—контрастъ нѣмцамъ, которые, по отзыву Фруассара, продажны, грубы и жестоки. Итальянцевъ Калабріи и Апуліи онъ обвиняетъ въ лѣности, которая привела къ безплодію богатую страну. Онъ не сочувствуетъ и ломбардскимъ коммунамъ, которыя послѣ расхваливала Христина Пизанская; онъ обвиняетъ итальянцевъ въ кичливости, гордости, непостоянствѣ.

Изъ всего приведеннаго видно, что трудъ Фруассара стоитъ на рубежѣ поэзіи. Ему много помогало художественное стремленіе, поэтическое настроеніе, которое вообще его не покидало. «Благодаря фантазіи, которой я владѣю, я легко переносилъ тяжелую работу, ибо тотъ, кто *охотно* берется за какой нибудь трудъ, всегда исполняетъ его легко, ибо онъ не кажется тяжелымъ».

Наступалъ XV вѣкъ, а съ нимъ возродилась любовь къ классическимъ древностямъ. Вмѣстѣ съ Возрожденіемъ знаній совершилась перемѣна въ ходѣ исторіографіи.

Типъ средневѣковаго лѣтописца.

Послѣ Фруассара начинается третій періодъ, къ которому должны быть отнесены произведенія XV столѣтія. Тѣ лѣтописцы, которые трудились по внутреннему влеченію, по искренней любви къ дѣлу, дорогому для нихъ, къ дѣлу, которое было задачею ихъ жизни, даже самою жизнью, эти трудолюбивые монахи, которые писали «не мудрствуя лукаво», уступаютъ мѣсто философамъ и моралистамъ Возрожденія, людямъ, стремившимся къ особымъ цѣлямъ, болѣе или менѣе искуственнымъ, эгоистическимъ карьеристамъ, политическимъ дѣятелямъ или фантазерамъ. Лѣтописецъ-монахъ, всецѣло, всѣмъ существомъ своимъ служившій бытописанію, цѣнившій превыше всего —блага другого міра, болѣе всего на свѣтѣ дорожившій рукописями, дававшими ему матеріалъ—представляетъ въ высокой степени отрадное явленіе въ средневѣковой жизни. Большею частію это были замѣчательные и цѣлостные типы. Трудъ они цѣнили превыше всего въ земной жизни и, желая увѣковѣчить прошлое, очень часто не считали необходимымъ и умѣстнымъ отмѣчать на лѣтописи свое имя. Собственная личность для нихъ не существовала. Анонимъ, на которомъ зиждется весьма часто историческая наука, это по

истинѣ высокое явленіе. Лѣтописецъ-монахъ старается записать какъ можно больше и какъ можно скорѣе, пока не угасла эта земная жизнь, которую онъ такъ мало цѣнитъ. Онъ хочетъ этимъ послужить слѣдующимъ поколѣніямъ и замолить литературнымъ трудомъ свои грѣхи.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести для характеристики этихъ тружениковъ перваго и втораго періода разсказъ изъ отдаленныхъ вѣковъ, записанный однимъ изъ учениковъ Бэды Преподобнаго, умершаго въ 735 г. Съ благоговѣніемъ вспоминая своего учителя, дававшаго примѣръ исполненія долга и неустаннаго труда, онъ такъ описываетъ его кончину, эти предсмертные часы, въ которые историкъ не позволялъ себѣ отдыха, посвящая ихъ литературной работѣ, составлявшей завѣтную цѣль его уже угасавшей жизни [1].

Въ послѣдніе дни учитель, разсказываетъ Годбертъ, былъ занятъ переводомъ на англо-саксонскій языкъ Евангелія отъ Іоанна и лѣтописи Исидора Севильскаго. На Вознесеніе ему стало трудно дышать; ноги его начали пухнуть.

— Пишите скорѣе, говорилъ онъ ученикамъ; я не знаю, долго-ли проживу еще.

Всю ночь онъ провелъ въ молитвѣ. На слѣдующій день онъ диктовалъ до трехъ часовъ. Ученики ушли къ божественной службѣ; только одинъ изъ нихъ остался при немъ.

— Теперь остается только одна глава, дорогой учитель, сказалъ ученикъ. Тебѣ не тяжело-ли продолжать?

— «Ничего, бери перо и пиши поскорѣе.

Ученикъ дописалъ послѣднюю строку.

— Теперь конецъ, радостно воскликнулъ онъ.

— «Да, конецъ, consummatum est», согласился Бэда, велѣлъ перенести себя на кресло и запѣлъ, восхваляя Отца, Сына и Духа Святаго. И только что онъ успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ испустилъ духъ.

Историкъ умеръ на своемъ посту.—И свершилось такъ потому, назидательно замѣчаетъ ученикъ, что «преподобный трудился всегда во славу Господню, почему и отошелъ къ сопричастію небесныхъ радостей».

[1] Epistola Cuthberti ad Cuthvinum condiscipulum. De Sancto Beda. Acta Sanctorum; Bollandus (1866); maji; VI, 714.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРІОГРАФІЯ ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Переходя къ XV вѣку, мы вступаемъ какъ бы въ новый міръ, полный своеобразныхъ красокъ, научныхъ интересовъ, духовной жажды, благоговѣнія къ искусству, къ пластичной формѣ, къ чувственности. «Всему, что ни есть въ мірѣ, высшимъ убранствомъ служитъ красота, скажемъ словами друга Рафаэля, графа Кастильоне, это побѣдное знамя души, когда, причастная божественному, она небесной своей силою покоряетъ земную природу и пронизываетъ насквозь тьму тѣлеснаго міра лучами своего свѣта». Вмѣсто аскетическихъ церковныхъ идеаловъ торжествуетъ поклоненіе античной жизни, дошедшее до формализма съ одной и до чувственной распущенности съ другой стороны. Люди отринули всякіе идеалы, кромѣ чувственныхъ. Съ легкой руки Данте, Петрарки, Боккачіо— этихъ носителей высокихъ идей, выросшихъ на почвѣ Италіи, — общество дѣятельно принялось за изученіе классиковъ, за разборку древнихъ рукописей; изобрѣтеніе книгопечатанія въ 1455 г. быстро двинуло работу. Отъ 1470 до 1500 г. въ одной Италіи напечатано 5400 сочиненій. Это обновительное движеніе замѣтно проявилось и въ исторіографіи. Великія произведенія историческаго искусства обаятельно дѣйствовали на воображеніе современниковъ XV вѣка. Въ Италіи не прерывалась связь съ древнимъ Римомъ. Эта связь обусловливалась и историческими традиціями и языкомъ, который царилъ на этой почвѣ 8 столѣтій и который оставался тамъ долго и впослѣдствіи языкомъ образованныхъ людей. Къ нему легко было вернуться литературѣ, а исторіографія и прежде велась большею частію на этомъ языкѣ. Произведенія XV вѣка въ Италіи отличаются отъ предшествовавшихъ собственно стремленіемъ приблизиться къ великимъ подлинникамъ, которые никогда не теряли обаянія.

Въ концѣ концовъ это не удалось, породивъ чопорную, дутую историческую литературу, чтеніе которой можетъ быть дѣломъ лишь спеціалистовъ. Особый характеръ этихъ произведеній проявляется и въ направленіи религіозныхъ вѣрованій. Въ средніе вѣка памятники античной литературы не шли въ разладъ съ вѣрою. Въ бенедиктинскихъ монастыряхъ (Monte-Cassino, Clugny, S. Gallen, Fulda), рядомъ со служебниками и молитвами, списывались и классическія

сочиненія. Это дѣлалось по волѣ аббата или по благочестивому настроенію монаха. Тогда тѣ же античныя произведенія уживались мирно съ искреннимъ благочестіемъ; они не производили на вѣру разлагающаго вліянія. Теперь же они обусловили атеизмъ, потому что религіозный авторитетъ католицизма былъ уже подорванъ, благодаря постыдному поведенію папъ. Потому съ понятіемъ о дѣятеляхъ Возрожденія обыкновенно соединяется протестъ противъ христіанства.

Этотъ протестъ растетъ все сильнѣе; центръ движенія сосредоточивается во Флоренціи. Чѣмъ были Римъ для Церкви, Венеція для торговли, тѣмъ стала Флоренція для литературной и художественной жизни. Феррари приводитъ въ этомъ отношеніи интересныя числовыя данныя касательно политическихъ писателей въ средніе вѣка до XVI ст. включительно. За этотъ періодъ во всей Европѣ было 494 публициста, а въ Италіи 424, причемъ въ одной Флоренціи болѣе 20, притомъ первоклассныхъ публицистовъ, какъ напримѣръ, Данте и Петрарка. Во Флоренціи дѣятели Возрожденія въ XV столѣтіи выдавались энциклопедическимъ характеромъ своихъ трудовъ, какъ: Leonardo Bruni (1369—1444), Poggio Bracciolini (1380—1459), Marsilio Ficino (1433—99), Angelo Poliziano (1454—95).

Леонардо Бруни (1369-1444 г.). Первый и второй были историками по профессіи. Бруни былъ родомъ изъ Ареццо и разсчитывалъ посвятить себя адвокатурѣ. Случай столкнулъ его съ грекомъ Хризоларосомъ, который тогда проповѣдывалъ во Флоренціи классическую мудрость. Онъ увлекъ молодаго Аретинца, который такъ полюбилъ греческую науку, что занимался «днемъ, ночью и во снѣ». Черезъ Поджіо онъ получилъ мѣсто при римскомъ дворѣ и былъ секретаремъ Бонифація IX, папъ Іоанна XXIII и Мартина IV. Но сердце не участвовало въ его служеніи римскому дѣлу, хотя съ Бонифаціемъ IX онъ оставался въ прекрасныхъ отношеніяхъ и, когда многіе возстали противъ него, Бруни не покинулъ папу, какъ послѣ не покидалъ Іоанна XXIII. Въ своихъ письмахъ онъ очень остороженъ и, видимо, смягчаетъ темныя краски, которыми не любилъ злоупотреблять. Это цѣнно въ гуманистѣ Возрожденія. Въ 1427 году онъ былъ приглашенъ государственнымъ секретаремъ во Флоренцію. Занимаясь государственными дѣлами, онъ посвятилъ много времени ученымъ историческимъ и юридическимъ трудамъ. Всегда скром-

ный, онъ горделиво замѣчаетъ, что былъ реформаторомъ латинскаго языка и что въ этомъ отношеніи никто не можетъ стать рядомъ съ нимъ. Говорятъ, что его «Флорентійская исторія» дала ему такую славу, что иностранцы нарочно ѣздили во Флоренцію, дабы хотя издали взглянуть на знаменитаго человѣка. Его значеніе, какъ гуманиста и патріота, обрисовалъ Монетти въ надгробной рѣчи, возлагая на его останки золотую медаль и лавровый вѣнокъ; онъ называетъ его звѣздой гуманизма, мудрецомъ и великолѣпнымъ ораторомъ. Его исторія цѣнна своимъ безпристрастіемъ. По политическимъ стремленіямъ онъ былъ гвельфъ, но это не видно въ его спокойномъ изложеніи, обнаруживающемъ опытнаго государственнаго человѣка. Онъ ищетъ причинъ событій; у него много философскаго изслѣдованія; онъ не довольствуется, подобно Виллани, одними письменными сообщеніями источниковъ. Для него исторія призвана оживить прошлое, т. е. представить людей со всѣми чувствами и страстями. Переводчикъ довольно вѣрно характеризуетъ трудъ Бруни. «Исторія весьма полезна для управленія, ибо, разсматривая минувшія дѣла, можно лучше судить о настоящемъ и будущемъ и такимъ образомъ въ дѣлахъ города давать болѣе мудрые совѣты. Въ исторіи можно видѣть причины счастливыхъ и несчастныхъ дѣлъ, совершившихся въ разное время, все великое и поучительное въ жизни человѣка». Тоже почти выражаетъ Бруни въ своемъ предисловіи, обѣщая откинуть все баснословное, дабы изложенные факты сдѣлались болѣе ясными и очевидными. Онъ начинаетъ съ отдаленной поры, повторяя прежнія свѣдѣнія, сокращая легенды. Въ немъ видимъ красиваго стилиста-писателя, хорошо знакомаго съ классическими пріемами. Тусковъ (этрусковъ) онъ выводитъ изъ Малой Азіи; римляне заимствовали отъ нихъ науки и искусство; они подчинились Риму отъ внутреннихъ раздоровъ. Въ исторіи императорской эпохи говоритъ республиканецъ, изучавшій Тацита. «Паденіе Римской имперіи началось съ тѣхъ поръ, какъ Римъ, лишившись политической свободы, началъ служить императорамъ. Если вспомнимъ жестокости Тиберія, свирѣпость Калигулы, слабость Клавдія, звѣрство Нерона, Вителія. Каракаллы, Геліогобала, Максимина и другихъ подобныхъ чудовищъ, то невольно признаемъ, что величіе римлянъ стало падать съ тѣхъ поръ, какъ имя Цезарей, подобно чумѣ, появилось въ городѣ; послѣ уничтоженія свободы исчезла добродѣтель. Все правленіе перешло въ руки порочныхъ, что и послужило при-

чиной паденія имперіи». Это даетъ возможность сдѣлать переходъ къ варварамъ. Также своеобразно объясненіе борьбы папъ съ германскими императорами, которые, живя вдали отъ Рима, преслѣдовали первосвященниковъ за то, что тѣ не давали имъ церковной юрисдикціи; гвельфы считали унизительнымъ подчиненіе итальянцевъ нѣмцамъ; гибеллины мечтали возстановить древнюю могущественную имперію. Первая книга до 1260 г.; во 2-ой много говорится о Манфредѣ и Карлѣ Анжуйскомъ и ихъ борьбѣ, въ которой рѣшалась судьба Флоренціи и Милана. Кромѣ исторіи Флоренціи, Бруни писалъ трактатъ о ближайшихъ событіяхъ въ Италіи. Оба сочиненія Бруни важны какъ мемуары государственнаго человѣка, безъ которыхъ нельзя изучать современную ему эпоху. Бруни пытается разрѣшить общія проблемы, напримѣръ о причинахъ возвышенія Рима и Флоренціи, какъ большихъ городовъ. «Какъ большое дерево мѣшаетъ рости маленькому, такъ могущество Рима не только помѣшало возрости другимъ городамъ, но даже и тѣ, которые когда либо были могущественны, стали падать» (1).

Поджіо (1380-1459г.). Поджіо перевелъ Киропедію и написалъ флорентійскую исторію, переведенную на итальянскій языкъ его племянникомъ (2). Поджіо былъ вліятельнымъ лицомъ въ римской куріи впродолженіи 40 лѣтъ. Онъ былъ между прочимъ на Констанскомъ соборѣ въ качествѣ папскаго секретаря и тамъ тщательно розыскивалъ рукописи, возбуждая о нихъ бесѣды. Онъ сдѣлалъ ученую экскурсію въ Санъ-Галленскій монастырь, гдѣ въ старой башнѣ, среди всякаго хлама, нашелъ богатую добычу, между прочимъ Квинтиліана, 8 рѣчей Цицерона, а въ 1415 г. въ Монтекассинскомъ монастырѣ открылъ и Амміана Марцеллина. Уже подъ старость лѣтъ, имѣя 72 года, онъ сталъ оффиціальнымъ историкомъ Флоренціи, наслѣдовавъ эту обязанность отъ Бруни, бывшаго въ тоже время канцлеромъ. Самъ Поджіо былъ выбранъ членомъ синьоріи. Таковъ былъ почетъ исторіографу въ тогдашней Италіи.

(1) Изданія: единственное латинское Hist. Florentinarum; l. XII, 1610. Мы имѣемъ весьма рѣдкій инкунабулъ — итальянскій переводъ Acciajoli, сдѣланный съ рукописи, напечатан. во Флор. въ 1492 г.—Müldener въ Bibl. hist. medii aevi (175) упоминаетъ еще о венец. изд. 1476 г. вмѣстѣ съ соч. Поджіо. Затѣмъ,—съ продолженіемъ Sansovino до 1560, въ Ven. 1561 году. Его же: Rerum in Italia suo tempore gestarum commentarius. 1378—1440, libri II (Mur. XIX, въ итальянскомъ переводѣ Ven. 1476; 1485).

(2) Его Historia Florentina ab origine urbis usque ad 1455 l. VII—важна для періода войнъ съ 1350 г. Изд. въ итал. переводѣ Fir. 1476, 1492, въ подлин. Muratori, XX; Ven. 1715.

Латинская историографія не составляетъ исключительнаго и обязательнаго явленія въ XV вѣкѣ. По-латыни пишутъ преимущественно въ Италіи, гдѣ Возрожденіе древности пустило наиболѣе крѣпкіе корни. Въ другихъ странахъ Запада рядомъ съ латинской продолжала процвѣтать національная историографія. Во Франціи, напримѣръ, Фруассаръ былъ на столько крупнымъ литературнымъ явленіемъ, что проложилъ путь народному направленію въ историографіи не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ сосѣднихъ странахъ. Мы въ предѣлахъ общаго очерка познакомимся съ любопытными образцами собственно національной историографіи въ Испаніи и во Франціи въ XV вѣкѣ, чѣмъ и закончимъ наши замѣтки.

Фруассаръ ознаменовалъ собою цѣлую стадію развитія историографіи. То стремленіе къ литературному изложенію на языкахъ народныхъ, которое проявилось, было на столько велико, на столько цѣлесообразно, что задержать его было нельзя. даже для классицизма. Въ Аррагоніи, Кастиліи, Португаліи, имѣя то же содержаніе, историографія подаетъ руку эпическимъ сказаніямъ и сама принимаетъ поэтическій колоритъ въ стилѣ, въ пріемахъ изложенія.

Раймондъ Мунтанеръ.

Раймондъ Мунтанеръ былъ историкомъ Іакова I аррагонскаго, прозваннаго Завоевателемъ (1273—75) побѣдителя мавровъ, современника Фридриха II, одного изъ лучшихъ представителей второй половины XIII вѣка [1]. Мунтанеръ смотритъ на Іакова I, какъ на средневѣковаго рыцаря, борца за христіанскую идею, героя борьбы съ маврами. Онъ передаетъ событія какъ участникъ съ фактической стороны. У него, какъ у художника, Іаковъ весь на лицо: онъ храбръ, суевѣренъ, хитеръ, благочестивъ. Въ началѣ хроники Мунтанеръ говоритъ, что сталъ записывать дѣянія короля, потому что видѣлъ видѣніе, которое повелѣвало ему составить книгу о великихъ происшествіяхъ, случившихся въ то время. «Возстань, говорилъ ему какой то старецъ, и принимайся сочинять книгу о великихъ чудесахъ, которыхъ мы были свидѣтелями, и которыя творилъ Богъ въ тѣхъ войнахъ, въ которыхъ ты участвовалъ».

(1) Chronica ó descriptio dels fets, hazanayes del inclyt rey don Jaume, I. rey Daragò e de molts de sos descendents (Val. 1558, позд. лат. изд. Bibl. des liter. Vereins. Stuttg. 1844, нѣм. пер. Lanz 1842, L.). Критика: лат. дисс. Frenzel. Muntaner und Malespini (Ber. 1852) и ст. Droysen въ Hist. pol. Zeitsch. B. I.

Когда онъ не рѣшился послѣдовать этому приказанію, то старецъ явился вторично и почти силою заставилъ его исполнить указанный трудъ, за который онъ принимается въ надеждѣ Божія благословенія. Онъ много говоритъ о Провансѣ въ томъ же эпическомъ стилѣ. Жизнь Прованса была тѣсно связана съ судьбами Аррагоніи. Государи послѣдней были родственны провансальскимъ владѣтелямъ, которые имъ приносили феодальную присягу, пока сюзеренство не перешло въ Парижъ. Въ томъ же XIV вѣкѣ, въ сосѣдней Кастиліи, хроника принимаетъ также эпическій характеръ, а именно въ анонимной исторіи Альфонса X и въ поэтической хроникѣ Айалы. Авторомъ первой считаютъ Fernando Sanchez de Tonor ([1]). Извѣстно, что ученость, поэтическій талантъ и труды по части астрономіи, исторіи, вообще занятія науками дали Альфонсу X, королю Кастиліи, прозваніе Мудраго. Онъ распорядился писать впредь всѣ оффиціальные государственные акты, а равно и юридическіе документы на вполнѣ выработавшемся тогда испанскомъ языкѣ и сдѣлалъ первый испанскій переводъ Библіи; онъ расширилъ Саламанкскій университетъ, устроилъ обсерваторіи, покровительствовалъ наукѣ, издалъ сводъ законовъ, хотя ученыя и государственныя занятія не помѣшали ему рѣзать своихъ братьевъ и всячески притѣснять подданныхъ. Также интересна хроника объ Альфонсѣ XI.

Педро де Айала († 1401 г.).

Самое замѣчательное произведеніе испанской исторической литературы въ средніе вѣка хроника Pedro Lopez de Ayala за время отъ 1350 до 1396 г. ([2]). Она занимаетъ первоклассное мѣсто во всей средневѣковой исторіографіи. Айала былъ почти современникомъ Петра Жестокаго. Онъ писалъ подъ живымъ вліяніемъ событій и, благодаря поэтическому складу своей натуры, выводитъ рельефно образъ тирана, который во снѣ и на яву страдалъ маніей убійства, который былъ поставленъ въ положеніе Макбета. Онъ боится соперника, побочнаго брата, рожденнаго отъ женщины, «которая была гонительницею его матери». Вся эта драма изложена съ удивительнымъ спокойствіемъ, котораго трудно достигнуть повѣствователю. Въ изложеніи замѣтно драматическое расположеніе ча-

---

([1]) Chronica del muy esclavecido principe y rey D. Alfonso X 1252—1312, Valladolida, 1554.

([2]) Изд. въ Севильѣ въ 1495 съ прим. Zurita, потомъ въ Мадритѣ въ 2 т. въ 1779. Критика Merimée. Don Pedro I. P. 1848.

стей, теплота и наивность стиля. Ненасытная подозрительность ведетъ Петра отъ одного убійства къ другому: онъ убиваетъ пятерыхъ дѣтей фаворитки, вмѣстѣ съ ихъ матерью, затѣмъ свою жену въ припадкѣ злобы и женится на своей любовницѣ Маріи де Падильо. Но старшій сынъ Элеоноры, Генрихъ успѣлъ скрыться. Въ немъ тиранъ нашелъ мстителя, который во Франціи набралъ рыцарей и, пригласивъ Дюгеклена, вошелъ въ предѣлы Кастиліи, провозгласивъ себя королемъ. Петръ III бѣжалъ въ страхѣ, укрываясь то въ Португаліи, то въ Галисіи, то въ Гіени, находя временную поддержку въ Черномъ Принцѣ. Когда послѣдній оставилъ короля, то Петръ сталъ беззащитенъ Генрихъ занялъ Толедо въ 1369 г.. Дюгекленъ разбилъ Петра и взялъ его въ плѣнъ. Французы пригласили Генриха. — «Когда король донъ Педро туда пришелъ и когда онъ вошелъ въ жилище мессира Бертрана, тотчасъ объ этомъ узналъ донъ Генрихъ, такъ какъ онъ уже былъ тамъ, вооруженный и облеченный во всѣ свои доспѣхи съ забраломъ на головѣ, ожидая только этого донесенія. И онъ пришелъ туда вооруженный и вошелъ въ помѣщеніе мессира Бертрана. Донъ Генрихъ пошелъ на встрѣчу донъ-Педро; онъ его не узналъ, потому что давно не видѣлъ его. И разсказываютъ, что одинъ изъ оруженосцевъ Генриха сказалъ донъ-Генриху: будьте осторожны, вотъ вашъ врагъ. А донъ-Генрихъ еще сомнѣвался: онъ ли это. И разсказываютъ, что донъ-Педро сказалъ Генриху: да, это я, это я. И тогда только донъ-Генрихъ его призналъ и поразилъ его дротикомъ въ лицо. Говорятъ, что оба короля упали на землю и что донъ Генрихъ будто на землѣ нанесъ донъ Педро много ранъ. И такъ умеръ донъ-Педро 23 марта того же года». Затѣмъ авторъ изображаетъ совершенно равнодушно его портретъ и кончаетъ: «онъ убилъ много людей въ своемъ королевствѣ, почему и приключились съ нимъ всѣ несчастія».

Подобные же эпическіе пріемы, напоминающіе арабскихъ историковъ, встрѣчаемъ у національныхъ португальскихъ хроникеровъ въ XV вѣкѣ. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ считается Фернандо Лопесъ, жившій въ XV вѣкѣ, историкъ Петра I Жестокаго, короля Португальскаго (1357—1368) и предмета его любви, несчастной и поэтической Инесы де Кастро (¹). То былъ трогательный историческій **Фернандо Лопесъ.**

(¹) Fernão Lopes. Cronicas del Rey Don Ioam de gloriosa memoria o I deste nome e as dos Reys Don Duarte e Don Alfonso o V. Изд. въ Лисс.

романъ: развитіе страсти, затѣмъ самоотверженіе и ужасы мести.

Недалеко отъ загороднаго дома португальскихъ королей (Монделы) еще и теперь показываютъ ручеекъ, по теченію котораго были отправляемы письма любовниковъ въ заклеенныхъ коробочкахъ. Отецъ принца, Альфонсъ IV не соглашался на бракъ и женилъ сына на кастильской принцессѣ, но Петръ тайно обвѣнчался съ Инесой и имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей. Отецъ приказалъ ихъ убить. Петръ укрылъ Инесу и дѣтей въ монастырѣ. Король самъ явился, окруженный свитой въ ихъ убѣжище; онъ вырвалъ дѣтей изъ рукъ матери и велѣлъ умертвить. Инеса умерла отъ горести. Петръ впалъ въ сумасшествіе, а потомъ рѣшился на страшную месть, мысль о которой питала его жизнь. И онъ отмстилъ ужасно при содѣйствіи Петра III Кастильскаго. Палачи не были такъ изобрѣтательны и жестоки, какъ желалъ король, разсказываетъ Лопесъ. Наконецъ онъ вырвалъ у мертвыхъ сердце. Въ этомъ правдивомъ разсказѣ, переданномъ библейскимъ тономъ, можно наблюдать звѣрство средневѣковаго человѣка, произволъ дикихъ страстей и кровожадность краснокожихъ. Такую фазу развитія переживало тогдашнее человѣчество. Король велѣлъ возстановить честь Инесы черезъ 5 лѣтъ послѣ смерти; ее вырыли изъ могилы; придворные цѣловали ея одежды и руки. Трупъ вновь похоронили въ королевской усыпальницѣ. Все это пластично разсказано талантливымъ хроникеромъ. Такихъ образцовъ нѣтъ въ другихъ средневѣковыхъ литературахъ.

Филиппъ Коминъ (1445-1509г.). Мы закончимъ нашъ очеркъ замѣчаніемъ о главнѣйшемъ представителѣ исторіографіи во Франціи, въ XV вѣкѣ, слѣдовавшемъ по пути Фруассара и державшемся того же плана. Филиппъ Коминъ гораздо болѣе приближается къ мемуаристу, притомъ къ знающему государственному человѣку ([1]). Его Mémoires въ 8 книгахъ излагаютъ событія 1460—1498 гг. Онъ принадлежалъ къ аристократиче-

---

1643, 1774, 1780. Его же Исторія Фердинанда I и Педро I, восьмаго и девятаго королей Португаліи. Его продолжалъ Цурара въ концѣ XV вѣка.

([1]) Cronique et hystoire contenant les choses advenues durant le regne du Roy Loys XI tant en France, Bourgogne, Flandres, Arthois, Angleterre que Espaigne et lieux circonuoisins. Изд. Par. 1525, Ельзевира въ 1648, Lenglet Du Fresnoy 1747, лучшее Buchon, Par. 1876 вмѣстѣ съ записками Villeneuve объ итальянскомъ походѣ и Olivier de la Marche о бургундскихъ дѣлахъ. Критика: F. van Hulst (Phil. de Comines, Liége, 1845). Weber (1871, Heid.).

ской фамиліи, былъ на службѣ герцога Бургундскаго Карла, графа Charolois, затѣмъ его переманилъ Луи XI, который сдѣлалъ его сенешаломъ Пуату, приблизилъ къ себѣ, а потомъ отправилъ посломъ къ Лаврентію Медичи. Это ознакомило его съ Италіей и дало матеріалъ при описаніи итальянскаго похода Карла VIII, которому онъ сопутствовалъ въ 1793 году. При Луи XII онъ пользовался тѣмъ же расположеніемъ двора, породнившись черезъ бракъ дочерей съ королевскими династіями въ Испаніи, Неаполѣ, Португаліи, Сардиніи, а домъ графовъ Бретани (Penthièvre) ранѣе состоялъ въ родствѣ съ нимъ. Его мемуары отличаются прекраснымъ языкомъ, но въ нихъ не замѣтно наивности испанскихъ хроникеровъ. Вездѣ видѣнъ холодный наблюдатель, строгій судья. Онъ не имѣетъ ни ненависти, ни любви къ своимъ героямъ; у него вездѣ спокойствіе тона въ сужденіяхъ о лицахъ, доходящее до фатализма:—«la Providence le voulait ainsi». Напр. о Карлѣ VIII: «je crois que j'ai été l'homme du monde, à qui il a fait le plus de rudesse, mais connaissant que c'estoit en sa jeunesse et qu'il ne venoit pas de lui ne lui en sçus jamais mauvais gré». Правда, онъ безпристрастенъ. Онъ былъ слишкомъ осыпанъ благодѣяніями суроваго Луи XI, но это не побудило его къ уступкамъ. Коминь обличаетъ его новизны, его деспотизмъ, жестокости, коварство. Поэтому онъ такъ расположенъ къ Англіи, гдѣ учрежденія обыкновенно сдерживали произволъ. По мнѣнію Баранта въ его «Исторіи Бургундскихъ герцоговъ»—нѣтъ книги болѣе полезной для политическаго назиданія, ибо «она исполнена положительнаго содержанія и носитъ на себѣ слѣды опытности автора, оставаясь чуждою всякихъ теоретическихъ вліяній». Коминь начинаетъ съ бургундской войны, посвящаетъ книгу бургундскимъ дѣламъ, Перонскому свиданію, продолженію борьбы съ Карломъ Смѣлымъ; 7 и 8-ая книги посвящены Карлу VIII и непосредственно итальянскому походу, которому покровительствовалъ только Богъ— туда и оттуда, car le sens des conducteurs n'y servit de guère. Здѣсь внесены очерки итальянской исторіи. Коминь кончаетъ 1498 г.,—годомъ сожженія Савонаролы и смертью Карла VIII.

Подобно тому, какъ итальянскіе походы представляютъ связь между Средней и Новой исторіей, такъ мемуарами Коминя кончается средневѣковая исторіографія.

истинѣ высокое явленіе. Лѣтописецъ-монахъ старается записать какъ можно больше и какъ можно скорѣе, пока не угасла эта земная жизнь, которую онъ такъ мало цѣнитъ. Онъ хочетъ этимъ послужить слѣдующимъ поколѣніямъ и замолить литературнымъ трудомъ свои грѣхи.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести для характеристики этихъ тружениковъ перваго и втораго періода разсказъ изъ отдаленныхъ вѣковъ, записанный однимъ изъ учениковъ Бэды Преподобнаго, умершаго въ 735 г. Съ благоговѣніемъ вспоминая своего учителя, дававшаго примѣръ исполненія долга и неустаннаго труда, онъ такъ описываетъ его кончину, эти предсмертные часы, въ которые историкъ не позволялъ себѣ отдыха, посвящая ихъ литературной работѣ, составлявшей завѣтную цѣль его уже угасавшей жизни (1).

Въ послѣдніе дни учитель, разсказываетъ Годбертъ, былъ занятъ переводомъ на англо-саксонскій языкъ Евангелія отъ Іоанна и лѣтописи Исидора Севильскаго. На Вознесеніе ему стало трудно дышать; ноги его начали пухнуть.

— Пишите скорѣе, говорилъ онъ ученикамъ; я не знаю, долго-ли проживу еще.

Всю ночь онъ провелъ въ молитвѣ. На слѣдующій день онъ диктовалъ до трехъ часовъ. Ученики ушли къ божественной службѣ; только одинъ изъ нихъ остался при немъ.

— Теперь остается только одна глава, дорогой учитель, сказалъ ученикъ. Тебѣ не тяжело-ли продолжать?

— «Ничего, бери перо и пиши поскорѣе.

Ученикъ дописалъ послѣднюю строку.

— Теперь конецъ, радостно воскликнулъ онъ.

— «Да, конецъ, consummatum est», согласился Бэда, велѣлъ перенести себя на кресло и запѣлъ, восхваляя Отца, Сына и Духа Святаго. И только что онъ успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ испустилъ духъ.

Историкъ умеръ на своемъ посту.—И свершилось такъ потому, назидательно замѣчаетъ ученикъ, что «преподобный трудился всегда во славу Господню, почему и отошелъ къ сопричастію небесныхъ радостей».

(1) Epistola Cuthberti ad Cuthvinum condiscipulum. De Sancto Beda. Acta Sanctorum; Bollandus (1866); maji; VI, 714.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРІОГРАФІЯ ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Переходя къ XV вѣку, мы вступаемъ какъ бы въ новый міръ, полный своеобразныхъ красокъ, научныхъ интересовъ, духовной жажды, благоговѣнія къ искусству, къ пластичной формѣ, къ чувственности. «Всему, что ни есть въ мірѣ, высшимъ убранствомъ служитъ красота, скажемъ словами друга Рафаэля, графа Кастильоне, это побѣдное знамя души, когда, причастная божественному, она небесной своей силою покоряетъ земную природу и пронизываетъ насквозь тьму тѣлеснаго міра лучами своего свѣта». Вмѣсто аскетическихъ церковныхъ идеаловъ торжествуетъ поклоненіе античной жизни, дошедшее до формализма съ одной и до чувственной распущенности съ другой стороны. Люди отринули всякіе идеалы, кромѣ чувственныхъ. Съ легкой руки Данте, Петрарки, Боккачіо— этихъ носителей высокихъ идей, выросшихъ на почвѣ Италіи, — общество дѣятельно принялось за изученіе классиковъ, за разборку древнихъ рукописей; изобрѣтеніе книгопечатанія въ 1455 г. быстро двинуло работу. Отъ 1470 до 1500 г. въ одной Италіи напечатано 5400 сочиненій. Это обновительное движеніе замѣтно проявилось и въ исторіографіи. Великія произведенія историческаго искусства обаятельно дѣйствовали на воображеніе современниковъ XV вѣка. Въ Италіи не прерывалась связь съ древнимъ Римомъ. Эта связь обусловливалась и историческими традиціями и языкомъ, который царилъ на этой почвѣ 8 столѣтій и который оставался тамъ долго и впослѣдствіи языкомъ образованныхъ людей. Къ нему легко было вернуться литературѣ, а исторіографія и прежде велась большею частію на этомъ языкѣ. Произведенія XV вѣка въ Италіи отличаются отъ предшествовавшихъ собственно стремленіемъ приблизиться къ великимъ подлинникамъ, которые никогда не теряли обаянія.

Въ концѣ концовъ это не удалось, породивъ чопорную, дутую историческую литературу, чтеніе которой можетъ быть дѣломъ лишь спеціалистовъ. Особый характеръ этихъ произведеній проявляется и въ направленіи религіозныхъ вѣрованій. Въ средніе вѣка памятники античной литературы не шли въ разладъ съ вѣрою. Въ бенедиктинскихъ монастыряхъ (Monte-Cassino, Clugny, S. Gallen, Fulda), рядомъ со служебниками и молитвами, списывались и классическія

Полный списокъ памятниковъ по средневѣковой исторіи Италіи, помѣщенныхъ въ изданіи:

L. A. MURATORI. RERUM ITALICARUM SCRIPTORES. (Mediolani, 1723 — 1751).

Historia Miscella ab incerto Auctore consarcinata, complectens *Eutropii* Historiam Romanam, quam *Paulus Diaconus* rogatu Adelbergæ Beneventanæ Ducis, à Valentiniani Imperio, usque ad tempora Justiniani, deduxit, & *Landulphus Sagax*, seu quisquam alius continuavit usque ad annum Christi DCCCVI, nunc primùm exacta, & castigata. ad MSS. Codices Ambrosianæ Bibliothecæ; additis Notis, & variis Lectionibus *Henrici Canisii* pag. 1 I, 1.

antea edita in *Appendice Marcæ Hispanicæ* cura & studio Clarissimi Viri *Stephani Baluzii.* pag. 913.

Anonymi Ticinensis Commentarius de laudibus Papiæ elucubratus circiter annum MCCCXXX., & nunc primùm editus ex MSto Codice *Ticinensi.* pag. 1. XI.

Annales veteres Mutinensium ab anno MCXXXI. usque ad MCCCXXXVI cum additamentis, Auctore *Anonymo,* nunc primùm prodeunt ex MSto Codice *Bibliothecæ Estensis.* pag. 49.

Chronicon Mutinense ab anno MCCCVI. ad MCCCXLII. Auctore *Bonifacio de Morano,* nunc primùm editum ex Manuscripto Codice *Bibliothecæ Estensis.* pag. 89.

Chronica Astensia ab origine Urbis, seu potiùs ab anno MLXX. usque ad annum circiter MCCCXXV Auctoribus *Ogerio Alferio,* & *Guillielmo Ventura.* Accedunt Historica quædam ab anno MCDXIX. usque ad annum MCDLVII. Auctore *Secundino Ventura.* Omnia nunc primùm in lucem emergunt ex MSto Codice *Malaspineo,* additis Notis Marchionis Abbatis *Ioseph Malaspinæ.* pag. 133.

De Proeliis Tusciæ caliginosum Poema *Fratris Raynerii de Grancis* Pisani, Ordinis Prædicatorum. nunc primùm ex MSto Codice *Classensi* vulgatum. pag. 283.

Annales Pistorienses, sive Commentarii rerum gestarum in Tuscia, Italicè scripti ab anno MCCC. usque ad annum MCCCXLVIII. Auctore *Anonymo* Synchrono, antea editi, rursus verò in Literatorum commodum typis traditi. pag. 359.

Gualvanei Flammæ *Manipulus Florum*, sive Historia Mediolanensis ab origine Urbis ad annum circiter MCCCXXXVI. ab alio Continuatore producta ad annum usque MCCCLXXI. nunc primùm edita ex MSto Codice pergameno *Mediolanensi,* & cum altero *Bibliothecæ Ambrosianæ* collata. pag. 531.

Ptolomæi Lucensis Ordinis Prædicatorum, Episcopi postea Torcellani *Historia Ecclesiastica* a Nativitate Christi usque ad annum circiter MCCCXII. nunc primùm edita e duobus MStis Codicibus *Ambrosiano.* & *Patavino.* Accedunt diversa duorum Continuatorum Additamenta ex iisdem Codicibus depromta. pag. 741.

Ejusdem P t o l o m æ i L u c e n s i s, Episcopi Torcellani. *Breves Annales* ab anno MLXI. ad annum MCCCIII. antea editi; nunc verò diligentiùs recusi, suppletis ut plurimùm lacunis ex ejusdem Historia Ecclesiastica nunc primùm vulgata. pag. 1245.

V i t a. *Castruccii Anteminelli* Lucensis Ducis ab anno MCCCI. usque ad annum MCCCXXVIII. Auctore *Nicolao Tegrimo* Jurisconsulto Lucense, antea edita; nunc verò in commune commodum accuratiore studio recusa. pag. 1307.

XII. A n d r e æ D a n d u l i Venetorum Ducis *Chronicon Venetum*, a Pontificatu S. Marci ad Annum usque MCCCXXXIX. Succedit *Raphaini Caresini* continuatio usque ad Annum MCCCLXXXVIII. nunc primùm evulgata ex MStis Codicibus *Bibliothecæ Estensis*, ac cum altero *Bibliothecæ Ambrosianæ* collata, & aucta. pag. 1.

F r a g m e n t a *Annalium Romanorum* Italicè scripta ab anno MCCCXXVIII. usque ad annum MCCCXL. Auctore *Ludovico Bonconte Monaldesco*, nunc primùm in lucem efferuntur ex Manuscripto Codice *Bibliothecæ Cæsareæ Vindobonensis*. pag. 525.

D o m i n i c i de G r a v i n a *Chronicon* de rebus in Apulia gestis ab anno MCCCXXXIII. usque ad annum MCCCL. nunc primùm in lucem educitur ex MSto Codice *Bibliothecæ Cæsareæ Vindobonensis*. pag. 545.

H i s t o r i æ P a r m e n s i s *Fragmenta* ab anno MCCCI. usque ad annum MCCCLV. Auctore *Fratre Ioanne de Cornazanis* Ordinis Prædicatorum, Latinè primùm, sed heic tantùm Italicè scripta, cum Additamentis usque ad annum MCDLXXIX. nunc primùm prodeunt ex Manuscripto Codice *Torelliano*. pag. 725.

C o r t u s i i P a t a v i n i duo, sive *Gullielmi* & *Albrigeti* Cortusiorum *Historia* de Novitatibus Paduæ, & Lombardiæ ab anno MCCLVI. usque ad MCCCLXIV. solerti *Felicis Osii* calamo seriò castigata, beneficio MSStorum exemplarium IV. quorum primùm sumministravit Illustrissimus Serenissimæ Reipublicæ Venetæ Senator, & obliteratæ Veterum Scriptorum memoriæ restitutor *Dominicus Molinus*. Secundum, exaratum Viri docti *Francisci Mussati* manu, consanguineus ejus, & J. U. C. *Marcus Antoniys Mussatus*, Tertium *Bartholomæus Petardus*, Veronensis J. C. &c. Postremum *Iacobus*

Philippus Thomasinus Canonicus Secularis Sancti Georgii ab Alga Venetiarum, & Sanctæ Mariæ ab Avantio Patavii Prior. Omnia nunc prodeunt castigatiora ac ampliora ope quinque MSStorum Codicum. Primum suppeditavit *Bibliotheca Estensis.* Secundum Nobilis Vir *Antonius Rambaldus Comes Collolti,* intimus Augustissimi C æ s a r i s Consiliarius. Tertium Clar. V. *Apostolus Zenus* ejusdem Augusti Historiographus & Paëta. Geminos verò *Bibliotheca Ambrosiana.* pag. 757.

A d d i t a m e n t a duo ad *Chronicon Cortusiorum*, unum ab anno MCCCLIX usque ad annum circiter MCCCLV. Alterum afi anno MCCCLIV usque ad MCCCXCI. Patavina dialecto scripta ab Auctoribus *Anonymis*, & nunc primùm evulgata e MSto Codice *Bibliothecæ Estensis.* pag. 955.

G u a l v a n e i de la F l a m m a Ordinis Prædicatorum *Opusculum* de rebus gestis ab Azone, Luchino, & Joanne Vicecomitibus ab anno MCCCXXVIII. usque ad annum MCCCXLII. nunc primùm in lucem editum e MSto Codice *Bibliothecæ Ambrosianæ;* adjectis aliquot Adnotationibus Clarissimi Viri *Ioseph Antonii Saxii* eidem Bibliothecæ Præfecti. pag. 991.

C h r o n i c o n M o d o e t i e n s e ab origine Modoëtiæ usque ad annum MCCCXLIX. ubi potissimùm agitur de gestis priorum Vicecomitum Principum, Auctore *Bonincontro Morigia* Synchrono, nunc primùm prodit e MSto Codice *Bibliothecæ Ambrosianæ.* pag. 1053.

J o a n n i s V i l l a n i Florentini *Historia Universalis* à condita Florentia usque ad annnm MCCCXLVIII. Italicè scripta; in nova hac aditione ab innumeris mendis expurgata, & plurimis variantibus lectionibus, ac Supplementis aucta ope MSti Codicis Clarissimi Viri *Ioannis Baptistæ Recanati* Patritii Veneti. pag. 1. **XIII.**

H i s t o r i a S i c u l a a morte Friderici II. Imperatoris, &. Siciliæ Regis; hoc est ab Anno MCCL. ad MCCXCIV. deducta, Auctore *Bartholomæo de Neocastro* J. C. Messanensi, olim Fisci Patrono in Regno Siciliæ. & pro Jacobo Aragoniæ & Siciliæ Rege apud Honorium IV. Pont. Max. Oratore, nunc primùm e MStis Codicibus *Messanensibus* in lucem prodit. pag. 1005.

M a t t h æ i P a l m e r i i Florentini de vita, & rebus gestis *Nicolai Acciajoli* Florentini, Magni Apuliæ Senescalli,

Appendix.

129